

THE MEDICAL CASE

U.S. V. KARL BRANDT ET AL.

“МЕДИЦИНСКОЕ ДЕЛО”

ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ НЮРНБЕРГА

МИЛИТЕРА
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

Москва 2025

ББК 67.408.212

С67

ВОЗМЕЗДИЕ

ВНИЦ «Милитера» благодарен редакции портала «Возмездие» за участие в подготовке издания.

С67 «Медицинское дело»: сб. материалов / пер., сост. С.А. Мирошниченко. – 2-е изд., доп.
– М. : Милитера, 2025. – 1424 с. – (Нюрнберг : материалы).

Хотя данная книга может шокировать неподготовленного читателя, её цель не заключается в этом. Это сборник материалов судебного процесса, однако за документами, показаниями свидетелей, выводами суда мы не должны забывать, что всё это были живые люди со своими стремлениями и чувствами; отцы, матери, дети которые столкнулись с холодным и расчётливым разумом целью которого было мировое господство. Стремление к мировой гегемонии нацистских вождей не останавливалось перед отдельной человеческой жизнью, которая должна была стать «удобрением» для будущих побед Рейха. На страницах этой книги вы увидите врачей и жертв стоящих лицом к лицу, врачей, которые вместо того, чтобы протянуть руку помощи беспомощным людям, безжалостно обрывали их жизнь в угоду, зачастую псевдонаучных опытов. Однако этот процесс и практически аналогичное разбирательство которое проводилось на другом конце Земли, Хабаровский процесс 1949 в Советском Союзе над японскими врачами-преступниками совершавшими схожие преступления во время оккупации Китая в печально известном «отряде 731» должны служить грозным напоминанием всем тем, кто готов поставить высокую профессию врача на службу преступным целям.

Содержание

От автора перевода	6
Введение	10
Список участников трибунала.....	12
I. Обвинительное заключение	14
II. Предварительное заседание	25
III. Заявление трибунала о порядке процесса и правилах процедур, 9 декабря 1946	31
IV. Вступительная речь бригадного генерала Телфорда Тейлора от обвинения, 9 декабря 1946	34
V. Вводная речь о представлении доказательств обвинением, 10 декабря 1946.....	92
VI. Организация германских медицинских служб	99
VII. Фрагменты из аргументации и доказательств обвинения и защиты.....	111
1. Эксперименты с большой высотой	111
2. Эксперименты по обморожению.....	224
3. Эксперименты с малярией	310
4. Эксперименты с ипритом (горчичный газ)	348
5. Эксперименты с сульфаниламидом	391
6. Эксперименты с костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией	428
7. Эксперименты с морской водой.....	456
8. Эксперименты с вирусным гепатитом.....	536
9. Эксперименты с тифозными и другими вакцинами	551
10. Эксперименты с ядом.....	686
11. Эксперименты с зажигательными бомбами	694
12. Эксперименты с флегмоной	708
13. Эксперименты с полигелем	724
14. Эксперименты с газовым отёком (фенол)	740
15. Эксперименты для массовой стерилизации	752
16. Коллекция еврейских скелетов.....	800
17. Планы по убийству туберкулёзных польских граждан.....	821

18. Эвтаназия.....	858
VIII. Доказательства и аргументы по важным аспектам дела.....	970
А. Применимость закона № 10 Контрольного совета к правонарушениям против немцев во время войны	970
Б. Ответственность вышестоящих лиц за действия подчинённых лиц.....	989
В. Ответственность подчинённых за осуществление деяний по приказам вышестоящих лиц	1024
Г. Статус оккупированной Польши согласно международному праву.....	1043
Д. Добровольное участие подопытных	1050
Е. Необходимость	1077
Ё. Проведение медицинских экспериментов в качестве замены наказаний.....	1121
Ж. Польза экспериментов	1138
З. Медицинская этика.....	1147
IX. Решение трибунала по пункту один обвинительного заключения.....	1200
X. Заключительная речь в защиту подсудимого Карла Брандта доктора Серватиуса.....	1202
XI. Последние слова подсудимых, 19 июля 1947	1219
XII. Приговор	1252
XIII. Обжалование	1392
XIV. Утверждение приговоров военным губернатором оккупационной зоны Соединённых Штатов.....	1419
XV. Определение Верховного суда Соединённых Штатов об отказе в отмене меры пресечения	1422
Сравнительная таблица офицерских, военных и специальных званий Германского Рейха	1423

От автора перевода

После поражения Германии во Второй мировой войне державы-победительницы, взяв на себя верховную власть, предали суду главных военных преступников в Международном Военном Трибунале.

Однако масштаб преступлений Третьего Рейха был настолько огромным, что необходимость дальнейшего уголовного преследования лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности была абсолютно очевидной.

Руководствуясь своими полномочиями в оккупационных зонах Германии, все страны-союзники осуществляли самостоятельное уголовное преследование военных преступников. Массовый характер носили суды над сотрудниками концентрационных лагерей, участниками программы «эвтаназии» и иными лицами причастными к масштабному уничтожению людей.

В ряду данных судебных разбирательств, следует особо выделить так называемые последующие нюрнбергские процессы, которые проводились США в отношении высокопоставленных лиц нацистской Германии «второго эшелона» включая медиков, юристов, промышленников, сотрудников СС и генералитета германской армии.

Первым среди процессов такого рода было «Медицинское дело» в 1946-1947, на котором, суду были преданы руководители медицины Германии и лица проводившие преступные эксперименты на людях.

На скамье подсудимых находились главы медицинских служб Вермахта, Люфтваффе, Ваффен-СС и гражданской медицины.

Среди них был личный друг Гимmlера, хирург Карл Гебхардт, безжалостный в своём «медицинском искусстве» по пересадке костей и мышц и заражению людей, оккультист Вольфрам Зиверс, партийный чиновник Виктор Брак лично наблюдавший за казнями душевнобольных, Йоахим Мруговски – эсэсовец с интересом к ядам, медики-экспериментаторы – представители различных уровней медицины Германии.

Все эти люди считали себя носителями высоких идеалов, на деле оказавшихся идеологией убийц.

Безумные концепции нацизма нашли своё абсолютное воплощение пренебрегая человеческим достоинством в целях проведения медицинских экспериментов в интересах вооруженных сил Германии. В таких условиях даже представители самой гуманной профессии врача, превращались в убийц и садистов, отнимая жизни, калеча, издеваясь, унижая, проводя бесчеловечные опыты.

Для нацистов представители «низших рас» не имели никакой ценности, в результате чего военнопленных, заключенных концентрационных лагерей, мирных жителей превращали в подопытных животных в целях победы «высшей расы».

Невозможно без содрогания смотреть на то как наших соотечественников подвергали пыткам:

«Макхэни: Вы помните случай, когда двух русских офицеров испытывали в экспериментах по обморожению?

Нефф: Да. Это был худший эксперимент который, когда-либо проводился. Двух русских офицеров доставили из бункера. Нам запрещали говорить с ними. Они прибыли приблизительно в 4 часа вечера. Рашер раздел их и они вошли в бассейн обнажёнными. Час за часом шли и в то время как после короткого времени в 60 минут, начиналось замерзание, эти двое русских всё ещё были в сознании после 2 часов. Все наши призывы к Рашеру о том, чтобы дать им инъекцию были безуспешными. Приблизительно во время третьего часа один русский сказал другому: «Товарищ, скажи офицеру застрелить нас». Другой ответил: «Не жди милости от этой фашисткой собаки». Затем они пожалы руки и сказали: «Прощай, товарищ».

«После перевода этих слов Рашеру в немного другой форме молодым поляком, Рашер ушёл в свой кабинет. Молодой поляк сразу попытался дать им анестезию хлороформом, но Рашер немедленно вернулся и пригрозил застрелить нас из своего пистолета если мы снова подойдём к жертвам. Эксперимент длился не менее 5 часов до смерти».

Только победа в Великой Отечественной войне, позволила наказать преступников и предотвратить уничтожение целых народов, которые, в противном случае были бы поставлены в рабское положение подопытных животных, пригодных либо к работе до смерти или для безумных экспериментов врачей-нацистов.

Хотя данная книга может шокировать неподготовленного читателя, её цель не заключается в этом. Это сборник материалов судебного процесса, однако за документами, показаниями свидетелей, выводами суда мы не должны забывать, что

всё это были живые люди со своими стремлениями и чувствами; отцы, матери, дети которые столкнулись с холодным и расчётливым разумом целью которого было мировое господство. Стремление к мировой гегемонии нацистских вождей не останавливалось перед отдельной человеческой жизнью, которая должна была стать «удобрением» для будущих побед Рейха.

На страницах этой книги вы увидите врачей и жертв стоящих лицом к лицу, врачей, которые вместо того, чтобы протянуть руку помощи беспомощным людям, безжалостно обрывали их жизнь в угоду, зачастую псевдонаучных опытов.

Однако этот процесс и практически аналогичное разбирательство которое проводилось на другом конце Земли, Хабаровский процесс 1949 в Советском Союзе над японскими врачами-преступниками совершавшими схожие преступления во время оккупации Китая в печально известном «отряде 731» должны служить грозным напоминанием всем тем, кто готов поставить высокую профессию врача на службу преступным целям.

Автор надеется, что настоящая работа, которая является первым переводом на русский язык материалов данного процесса, привлечёт внимание широких кругов общества к безусловной необходимости опубликования на русском языке всех материалов Международного Военного Трибунала над главными военными преступниками, как и наиболее важных судебных разбирательств над военными преступниками.

Сергей Мирошниченко

«Медицинское дело»**Военный трибунал № I**

Соединенные Штаты Америки

против

Карла Брандта, Зигфрида Хандлозера, Пауля Ростока, Оскара Шрёдера, Карла Генцкена, Карла Гебхардта, Курта Бломе, Рудольфа Брандта, Йоахима Мруговски, Гельмута Поппендика, Вольфрама Зиверса, Герхарда Розе, Зигфрида Руффа, Ганса Вольфганга Ромберга, Виктора Брака, Германа Бекера-Фрейзинга, Георга Августа Вельца, Конрада Шефера, Вальдемара Ховена, Вильгельма Бейгельбека, Адольфа Покорни, Герты Оберхойзер и Фрица Фишера – подсудимых.

Введение

«Процесс докторов» или «медицинское дело» - официально именуемый «Соединённые Штаты Америки против Карла Брандта и других» (дело № 1) – проводился в Дворце правосудия в Нюрнберге военным трибуналом I. Трибунал заседал 139 раз, продолжительность процесса демонстрирует следующая схема:

Составление обвинительного заключения – 25 октября 1946

Предъявление обвинительного заключения – 5 ноября 1946

Предварительное заседание – 21 ноября 1946

Вступительная речь обвинения – 9 декабря 1946

Вступительная речь защиты – 29 января 1947

Заключительная речь обвинения – 14 июля 1947

Заключительные речи защиты – 14-18 июля 1947

Оглашение приговора – 19 августа 1947

Оглашение наказаний – 20 августа 1947

Утверждение приговоров военным командующим оккупационной зоны Соединенных Штатов - 25 ноября 1947

Определение Верховного суда

Соединенных Штатов об отклонении жалоб – 16 февраля 1948

Английская расшифровка судебных слушаний составляет 11538 mimeографированных страниц. Обвинение представило в качестве доказательств 570 письменных экземпляров (некоторые содержали по несколько документов), а защита 901 письменный экземпляр. Трибунал заслушал устные показания 32 свидетелей вызванных обвинением и 30 свидетелей, за исключением самих подсудимых вызванных защитой. Каждый из 23 подсудимых дал показания о своём деле, и каждого допрашивали по делу других подсудимых. Экземпляры представленные защитой и обвинением содержали документы, фотографии, письменные показания, допросы, письма, графики, таблицы и иные письменные доказательства. Обвинение представило 49 письменных показаний; защита представила 535 письменных показаний. Обвинение вызвало 3 свидетелей защиты для перекрёстного допроса; защита вызвала 13 свидетелей обвинения для перекрёстного допроса. Представление доказательств обвинения заняло 25 судебных дней, а представление доказательств защиты 23 подсудимых заняло 107 судебных дней. Трибунал объявлял перерыв между 18 и 27 января 1947, для того, чтобы предоставить защите дополнительное время для подготовки к делу.

Следующий перерыв был с 3 по 14 июля 1947, для того, чтобы обвинение и защита имели время для подготовки заключительных речей.

Члены трибунала, обвинение и защита приводятся на последующих страницах. Обвинению оказывали содействие в подготовке дела Вальтер Рапп (начальник отдела доказательств), Фред Роделл, Норберт Барр и Герберт Майер, дознаватели и Генри Сахс, Элеанор Аншпахер, Нэнси Фенстермахер и Ольга Ланг, аналитики документов.

Отбор и подготовка материалов «Медицинского дела» для публикации в основном были выполнены Арностом Хорлик-Хохвальдом, работавшим под общим руководством Дрекслея А. Шпрехера, заместителя и директора по публикациям главного юриста США по военным преступлениям. Кэтрин Бедфорд, Генри Бэксбаум, Эмили Эванд, Гертруда Ференц, Пол Гэнт, Констанс Гаварес, Ольга Ланг, Хельга Лунд, Гвендолин Нибегалл, Джоанна Рейхер, Ганс Сахс и Энид Стандринг помогали в отборе, составлении, редактировании и сведению множества бумаг.

Джон Фрид, специальный юридический консультант трибуналов, провёл обзор и одобрил отбор и подготовку материалов в качестве представителя нюрнбергских трибуналов.

Окончательное составление и редактирование рукописи для печати проводилось управлением военных преступлений главного военного прокурора, под руководством Ричарда Олбетера, начальника отдела особых проектов, совместно с Альмой Соллер в качестве редактора и Джоном В. Мозенталем в качестве аналитика.

Список участников трибунала

Трибунал

Судья Уолтер Б. Билс, председательствующий.

Председатель Верховного суда штата Вашингтон

Судья Гарольд Л. Себринг, член трибунала

Судья Верховного суда Флориды

Судья Джонсон Т. Кроуфорд, член трибунала

Судья в отставке окружного суда штата Оклахома

Судья Виктор С. Швиринген, запасной член трибунала

Специальный помощник генерального прокурора Соединённых Штатов в отставке

Помощники генерального секретаря

Дегулл Н. Трэвис.....с 21 ноября 1946 по 6 июня 1947

майор Миллс С. Хэтфилд.....с 17 июня 1947 по 14 августа 1947

М.А. Ройс.....с 15 июля 1947 по 20 августа 1947

Обвинение

Главный юрист:

бригадный генерал Телфорд Тейлор

Главный обвинитель:

Джеймс М. Макхэни

Ведущий юрист:

Александр Дж. Харди

Арност Хорлик-Хохвальд

Помощники:

Глен Г. Браун

Эстер Г. Джонсон

Джек В. Роббинс

Дэниель Г. Шиллер

Защита

<i>Подсудимые</i>	<i>Защитники</i>	<i>Помощники</i>
Брандт, Карл	д-р Роберт Серватиус	д-р Рудольф Шмидт
Хандлозер, Зигфрид	д-р Отто Нельте	
Росток, Пауль	д-р Ганс Прибилла	
Шрёдер, Оскар	д-р Ганс Маркс	д-р Вальтер Денер
Генцкен, Карл	д-р Рудольф Меркель	д-р Альфред Бреннер
Геххардт, Карл	д-р Альфред Зейдль	д-р Георг Гирль
Бломе, Курт	д-р Фриц Заутер	
Брандт, Рудольф	д-р Курт Кауфман	
Мруговски, Йоахим	д-р Фриц Флемминг	
Поппендик, Гельмут	д-р Георг Бём	д-р Гельмут Дюр
Зиверс, Вольфрам	д-р Йозеф Вайсгербер	д-р Эрих Берглер
Розе, Герхард	д-р Ганс Фриц	
Руфф, Зигфрид	д-р Фриц Заутер	
Ромберг, Ганс Вольганг	д-р Бернд Форверк	
Брак, Виктор	д-р Георг Фрёшман	
Бекер-Фрейзинг, Герман	д-р Ганс Маркс	д-р Вальтер Денер
Вельц, Георг Август	д-р Зигфрид Вилле	
Шефер, Конрад	д-р Хорст Пекльман	
Ховен, Вальдемар	д-р Ганс Гавлик	д-р Герхард Клинерт
Бейгельбек, Вильгельм	д-р Густав Штейнбауэр	
Покорни, Адольф	д-р Карл Гофман	д-р Ганс-Гюнтер Серафим
Оберхойзер, Герта	д-р Альфред Зейдль	д-р Георг Гирль
Фишер, Фриц	д-р Альфред Зейдль	д-р Георг Гирль

I. Обвинительное заключение

Соединенные Штаты Америки в лице Телфорда Тейлора, главного юриста по военным преступлениям, уполномоченного правительством для обвинения военных преступников, обвиняют в том, что данные подсудимые участвовали в общем умысле или заговоре для совершения и совершили военные преступления и преступления против человечности, определенные в законе № 10 Контрольного совета¹, введенного в действие Союзным контрольным советом 20 декабря 1945. Данные преступления включали убийства, жестокости, пытки, и иные бесчеловечные акты, изложенные в пунктах один, два и три настоящего обвинительного заключения. Отдельные подсудимые обвиняются в членстве в преступных организациях, как изложено в пункте четыре настоящего обвинительного заключения.

Лица, обвиняемые в виновности в данных преступлениях соответственно именуемые подсудимыми в настоящем деле – это:

Карл Брандт – личный врач Адольфа Гитлера²; группенфюрер СС³ и генерал-лейтенант Ваффен-СС⁴; рейхскомиссар по здравоохранению и санитарии; член совета исследований Рейха;

Зигфрид Хандлозер – генералоберштабсарт (генерал войск медицинской службы); медицинский инспектор армии; начальник медицинской службы вооруженных сил.

Пауль Росток – главный хирург хирургической клиники в Берлине; хирургический советник армии; начальник управления медицинской науки и исследований под руководством подсудимого Карла Брандта, рейхскомиссара по здравоохранению и санитарии.

---

¹ Союзный Контрольный совет — орган верховной власти в оккупированной Германии, образованный после Второй мировой войны державами-победительницами. В подчинении Контрольного совета находилась Межсоюзническая комендатура, осуществлявшая властные полномочия в разделённом на оккупационные секторы Берлине. Формально существовал с 1945 по 1990 гг.

² Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

³ СС (нем. SS, сокр. от нем. Schutzstaffel — «отряд охраны», в 1933—1945 гг. — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

⁴ Войска отрядов защиты или Войска СС (нем. die Waffen-SS — ваффен-СС) — военные формирования отрядов охраны (СС).

Оскар Шрёдер – генералоберштабсарт (генерал войск медицинской службы); начальник штаба инспекции медицинской службы Люфтваффе; начальник медицинской службы Люфтваффе.

Карл Генцкен – группенфюрер СС и генерал-лейтенант Ваффен-СС; начальник медицинской службы Ваффен-СС.

Карл Гебхардт – группенфюрер СС и генерал-лейтенант Ваффен-СС; личный врач рейхсфюрера СС Гимmlера; главный хирург штаба главного врача СС и полиции; президент германского Красного креста.

Курт Бломе – заместитель рейхсгесундхайтсфюрера⁵; уполномоченный по онкологическим исследованиям совета исследований Рейха.

Рудольф Брандт – штандартенфюрер (полковник) в общих СС; личный административный адъютант рейхсфюрера СС Гимmlера⁶; министралират и начальник управления делами министерства внутренних дел Рейха.

Йоахим Мруговски – оберфюрер Ваффен-СС; главный гигиенист СС и полиции; начальник института гигиены Ваффен-СС.

Гельмут Поппендик – оберфюрер СС; начальник личного штаба главного врача СС и полиции.

Вольфрам Зиверс – штандартенфюрер СС; управляющий делами общества «Аненербе⁷» и директор его института военно-научных исследований; заместитель председателя управляющего совета директоров совета исследований Рейха.

Герхард Розе – генералцарт Люфтваффе (генерал-майор медицинской службы воздушных сил; вице-президент, начальник отделения тропической медицины и профессор института Роберта Коха⁸; гигиенический советник по тропической медицине начальника медицинской службы Люфтваффе.

Зигфрид Руфф – директор отделения авиационной медицины в Германском институте экспериментальной авиации.

Ганс Вольфганг Ромберг – доктор в штате отделения авиационной медицины Германского института экспериментальной авиации.

⁵ Рейхсгесундхайтсфюрер – руководитель Палаты врачей Рейха и медицинского управления нацистской партии.

⁶ Генрих Гимmlер (1900 – 1945) – один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929–1945), министр внутренних дел Германии (1943–1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942–1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

⁷ Аненербе (нем. Ahnenerbe – «Наследие предков», полное название – «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков») – организация, существовавшая в Германии в 1935–1945 годах, созданная для изучения традиций, истории и наследия германской расы с целью оккультно-идеологического обеспечения функционирования государственного аппарата Третьего рейха.

⁸ Институт имени Роберта Коха – федеральный институт Германии по изучению инфекционных заболеваний и непереносимых болезней, расположенный в Берлине. Институт был основан в 1891 году как научный отдел Прусского королевского института инфекционных заболеваний. С момента его основания и до 1904 года институтом руководил известный микробиолог Роберт Кох.

Виктор Брак – оберфюрер СС и штурмбаннфюрер Ваффен-СС; главный адъютант канцелярии фюрера НСДАП⁹.

Герман Бекер-Фрейзинг – штабсарцт Люфтваффе (капитан медицинской службы воздушных сил); начальник отдела авиационной медицины начальника медицинской службы Люфтваффе.

Георг Август Вельц – оберфельдцарт Люфтваффе (подполковник медицинской службы воздушных сил); начальник института авиационной медицины в Мюнхене.

Конрад Шефер – доктор в штате института авиационной медицины в Берлине.

Вальдемар Ховен – гауптштурмфюрер (капитан) Ваффен-СС; главный врач концентрационного лагеря Бухенвальд¹⁰.

Вильгельм Бейгельбек – консультирующий врач Люфтваффе.

Адольф Покорни – врач, специалист по кожным и венерическим болезням.

Герта Оберхойзер – врач в концентрационном лагере Равенсбрюк¹¹; ассистент врача подсудимого Гебхардта в госпитале Хохенлихена.

Фриц Фишер – штурмбаннфюрер (майор) Ваффен-СС; ассистент врача подсудимого Гебхардта в госпитале Хохенлихена.

Пункт один – общий умысел или заговор

1. Между сентябрём 1939 и апрелем 1945 все подсудимые, следуя общему умыслу, незаконно, умышленно и осознанно составили заговор и согласовали друг с другом и вовлекли иных лиц, в совершение военных преступлений и преступлений против человечности, определённых в статье II закона № 10 Контрольного совета.

2. В период охваченный обвинительным заключением все подсудимые, действуя по согласованию друг с другом и иными лицами, незаконно, умышленно, и осознанно являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись,

⁹ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP); сокр. НСДАП) — политическая партия в Германии, существовавшая с 1920 по 1945 год, с июля 1933 до мая 1945 — правящая и единственная законная партия в Германии.

¹⁰ Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

¹¹ Равенсбрюк — концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина около одноимённой деревни, сейчас ставшей частью города Фюрстенберг. Существовал с мая 1939 до конца апреля 1945 года. Был определён как «охраняемый лагерь заключения для женщин». Крупнейший женский концентрационный лагерь нацистов. Количество зарегистрированных заключённых за всё время его существования составило более 130 тысяч человек.

принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включавшими совершение военных преступлений и преступлений против человечности.

3. Все подсудимые, действуя по согласованию с иными лицами за чьи действия подсудимые являются ответственными, незаконно, умышленно и осознанно принимали участие в качестве руководителей, организаторов, планировщиков и пособников в формулировании и исполнении указанного общего умысла, заговора, планов и мероприятий и включающих военные преступления и преступления против человечности.

4. Частью общего умысла, заговора, планов и мероприятий являлось проведение медицинских экспериментов над заключенными концентрационных лагерей и иных людях, без их согласия, в ходе которых подсудимые совершали убийства, жестокости, мучительства, издевательства, пытки и иные бесчеловечные акты.

5. Указанный общий умысел, заговор, планы и мероприятия охватывали совершение военных преступлений и преступлений против человечности, изложенные в пунктах два и три обвинительного заключения, тем что подсудимые незаконно, умышленно и осознанно поощряли, помогали, подчинялись и принимали участие в убийствах, жестокостях, пытках и иных бесчеловечных актах причиненных тысячам лиц, включая гражданских лиц, и военнослужащих наций находившихся в состоянии войны с Германским Рейхом.

Пункт два – военные преступления

6. Между сентябрём 1939 и апрелем 1945 все подсудимые незаконно, умышленно и осознанно совершили военные преступления определенные статьей II № 10 закона Контрольного совета, тем что они являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включающими медицинские эксперименты без согласия пациентов, на гражданских лицах и военнослужащих наций находившихся в состоянии войны с Германским Рейхом которые находились в заключении, в ходе данных экспериментов подсудимые совершили убийства, жестокости, мучительства, издевательства, пытки и иные бесчеловечные акты. Такие эксперименты включали, но не ограничивались следующими:

А) **Эксперименты с большой высотой.** С начала марта 1942 по начало августа 1942 в концентрационном лагере Дахау¹² проводились эксперименты, в интересах германских воздушных сил, для исследования пределов человеческой выносливости и пребывания на крайне большой высоте. Эксперименты проводились в барокамере в которой могли воспроизводиться атмосферные условия, существующие на большой высоте (до 20500 м). Подопытных лиц помещали в барокамеру и испытывали рост высоты. Многие жертвы умерли в результате данных экспериментов, остальные пострадали от тяжких увечий, пыток и плохого обращения. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Руфф, Ромберг, Бекер-Фрейзенг и Вельц обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Б) **Эксперименты по обморожению.** С начала августа 1942 до начала мая 1943 в концентрационном лагере Дахау проводились эксперименты, в основном в интересах германских воздушных сил, для исследования наиболее эффективных средств по уходу за лицами пострадавшими от переохлаждения или обморожения. В одной из серий экспериментов подопытных лиц принуждали оставаться в ёмкости с ледяной водой на периоды до 3 часов. Острое замерзание развивалось за короткое время. Множество жертв погибло в ходе данных экспериментов. После сильного переохлаждения выживших пытались разогреть различными средствами. В иной серии экспериментов, подопытных держали обнажёнными на улице многие часы при температуре ниже замерзания. Жертвы кричали от боли, так как части их тел были отморожены. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Шрёдер, Гебхардт, Рудольф Бранд, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Бекер-Фрейзинг и Вельц обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

В) **Эксперименты с малярией.** С начала февраля 1942 до начала апреля 1945 в концентрационном лагере Дахау проводились эксперименты по исследованию иммунизации и лечения малярии. Здоровых заключённых концентрационных лагерей заражали комарами или инъекциями из экстракта слюнных желез комаров. После заражения малярией на подопытных испытывали различные лекарства для проверки их относительной эффективности. Более 1000 принудительных подопытных были использованы в таких экспериментах. Многие из жертв погибли, а другие пострадали от болей и стойкой утраты трудоспособности. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Гебхардт, Бломе,

---

¹² Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.

Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик и Зиверс обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Г) **Эксперименты с ипритом (горчичный газ).** В разные периоды сентября 1939 и апреля 1945 в концентрационных лагерях Заксенхаузен¹³, Нацвейлер¹⁴ и иных лагерях в интересах германских вооруженных сил изучалось наиболее эффективное лечение ранений нанесённых ипритом. Иприт это отравляющий газ, который общеизвестен как горчичный газ. Ранения умышленно причинялись подопытным путем отравления ипритом. Некоторые из подопытных погибли в результате данных экспериментов, другие пострадали от серьёзной боли и увечий. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Бломе, Росток, Гебхардт, Рудольф Брандт и Зиверс особо ответственны за участие в данных преступлениях.

Д) **Эксперименты с сульфаниламидом.** С начала июля 1942 по начало сентября 1943 в концентрационном лагере Равенсбрюк в интересах германских вооруженных сил проводились эксперименты по исследованию эффективности сульфаниламида. Подопытные умышленно инфицировались бактериями, такими как стрептококк, газовая гангрена и столбняк. Кровообращение нарушалось затягиванием кровеносных сосудов на обеих концах раны для создания условий похожих на рану при боевых действиях. Заражение развивалось внедрением деревянных опилок и измельчённого стекла в раны. Заражение лечилось сульфаниламидом и иными лекарствами для определения их эффективности. Некоторые подопытные умерли в результате данных экспериментов, а другие пострадали от серьёзных увечий и сильной агонии. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Шрёдер, Генцкен, Гебхардт, Бломе, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Бекер-Фрейзенг, Оберхойзер и Фишер обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Е) **Костная, мышечная и нервная регенерация и трансплантации костей.** С начала сентября 1942 до декабря 1943 в концентрационном лагере Равенсбрюк в интересах германских вооруженных сил проводились эксперименты, по изучению костной, мышечной и нервной регенерации и трансплантации костей от одного лица другому. Фрагменты костей, мышц и нервов удалялись у

¹³ Заксенхаузен — нацистский концентрационный лагерь, расположенный в городе Ораниенбург в Германии. Создан в июле 1936 года. Число узников в разные годы доходило до 60000 человек. На территории Заксенхаузена погибло различным образом свыше 100000 узников.

¹⁴ Нацвейлер-Штрутоф — нацистский концентрационный лагерь. Расположен в Вогезах поблизости от эльзасской деревни Нацвейлер (фр. Natzwiller, нем. Natzweiler), Франция, в 50 километрах к юго-востоку от Страсбурга. Представлял собой целую систему из более чем 50 лагерей, расположенных на границе между Францией и Германией (на территории Франции — Эльзас и Лотарингия, на территории Германии — Баден и Вюртемберг) и подчинённых главному лагерю. К концу 1944 года в главном лагере находилось около 7000 заключённых, в подчинённых лагерях — более 20000.

подопытных. В результате данных операций, многие жертвы пострадали от агонии, увечий и стойкой нетрудоспособности. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Гебхардт, Рудольф Брандт, Оберхойзер и Фишер обвиняются в особой ответственности и участии в данных преступлениях.

Ё) **Эксперименты с морской водой.** С начала июля 1944 по сентябрь 1944 в концентрационном лагере Дахау в интересах германских военно-воздушных сил и флота проводились эксперименты по изучению различных способов пригодности для потребления морской воды. Подопытные лишались всякой пищи и получали только химически обработанную морскую воду. Такие эксперименты вызывали сильную боль и страдания и приводили к серьезному вреду организма. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Шрёдер, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Бекер-Фрейзинг, Шефер и Бейгельбек обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Ж) **Эксперименты по вирусной желтухе.** С начала июня 1943 по январь 1945 в концентрационных лагерях Заксенхаузен и Нацвейлер в интересах германских вооруженных сил, проводились эксперименты для изучения заражения и вакцинации против желтухи. Подопытных умышленно инфицировали вирусной желтухой, некоторые из них в результате погибли, а остальные испытывали сильную боль и страдания. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Шрёдер, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Розе и Бекер-Фрейзинг особо ответственны за участие в данных преступлениях.

З) **Эксперименты по стерилизации.** С начала марта 1941 по начало января 1945 в концентрационных лагерях Аушвиц¹⁵ и Равенсбрюк и иных местах проводились эксперименты по стерилизации. Целью данных экспериментов была разработка метода стерилизации, который был бы подходящим для стерилизации миллионов человек при минимальном времени и затратах. Данные эксперименты проводились посредством рентгеновского излучения, хирургии и различных веществ. Тысячи жертв были стерилизованы и испытали сильное душевное и физическое потрясение. Подсудимые Карл Брандт, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Брак, Покорни и Оберхойзер обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

И) **Эксперименты с тифом.** С начала декабря 1941 по начало февраля 1945 в концентрационных лагерях Бухенвальд и Нацвейлер проводились

---

¹⁵ Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц; Концентрационный лагерь и лагерь смерти Биркенау; Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц-Биркенау) — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

эксперименты в интересах германских вооруженных сил, для установления эффективности тифозной и иных вакцин. В Бухенвальде множество здоровых заключенных были умышленно заражены вирусом тифа с целью поддержания вируса живым; в результате более 90 процентов жертв погибли. Остальные здоровые заключенные использовались для определения эффективности различных вакцин от тифа и иных химических веществ. В ходе данных экспериментов 75 процентов отобранных заключенных были вакцинированы одной из вакцин или получали одно из химических веществ и спустя промежуток от 3 до 4 недель, инфицировались бактериями тифа. Остальные 25 процентов инфицировались без предшествующей защиты с целью сравнить эффективность вакцин и химических веществ. В результате сотни подопытных умерли. Эксперименты с жёлтой лихорадкой, оспой, тифом, паратифом А и Б, холерой, с похожими результатами проводились в концентрационном лагере Нацвейлер. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Шрёдер, Генцкен, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Розе, Бекер-Фрейзинг и Ховен обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

К) **Эксперименты с ядом.** Приблизительно в декабре 1943 или приблизительно в октябре 1944, в концентрационном лагере Бухенвальд проводились эксперименты для установления эффекта различных ядов на людях. Яды тайно вводились подопытным в еду. Жертвы умирали в результате отравления или немедленно убивались для проведения вскрытия. Приблизительно в сентябре 1944 в подопытных стреляли отравленными пулями, подвергая пыткам и смерти. Подсудимые Генцкен, Гебхардт, Мруговски и Поппендик обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Л) **Эксперименты с зажигательными бомбами.** С начала ноября 1943 по начало января 1944 в концентрационном лагере Бухенвальд проводились эксперименты для испытания эффекта различных фармацевтических препаратов на горение фосфора. Такое горение создавалось на подопытных фосфорным содержимым зажигательных бомб, и причиняло сильную боль, страдания и тяжкие телесные повреждения. Подсудимые Генцкен, Гебхардт, Мруговски и Поппендик особо обвиняются за участие в данных преступлениях.

7. Между июнем 1943 и сентябрём 1944 подсудимые Рудольф Брандт и Зиверс незаконно, умышленно и осознанно совершили военные преступления, определенные в статье II закона № 10 Контрольного совета, тем что являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включающими убийство гражданских лиц и военнослужащих наций находящихся в состоянии

войны с Германским Рейхом и находящихся в заключении в Германском Рейхе. Сто двенадцать евреев были отобраны для цели составления коллекции скелетов в университете Страсбурга. Были сняты их фотографии и антропологические характеристики. Затем они были убиты. Впоследствии проводились, сравнительные тесты, анатомические исследования, расовые исследования, особенностей тел, формы и размера мозга, и иные тесты. Тела были отправлены в Страсбург и с них был снята кожа.

8. Между маем 1942 и январём 1944 подсудимые Бломе и Рудольф Брандт незаконно, умышленно и осознанно, совершили военные преступления, определенные в статье II закона № 10 Контрольного совета, тем, что они являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включающими убийство и плохое обращение с десятками тысяч польских лиц, которые являлись гражданскими лицами и военнослужащими нации находящейся в состоянии войны с Германским Рейхом и находящиеся в заключении в Германском Рейхе. Данные лица предположительно были инфицированы неизлечимым туберкулёзом. Исходя из обеспечения здоровья и благополучия немцев в Польше, многие туберкулёзные поляки безжалостно уничтожались в то время как остальные изолировались в лагерях смерти с недостаточным медицинским обеспечением.

9. Между сентябрём 1939 и апрелем 1945, подсудимые Карл Брандт, Бломе, Брак и Ховен незаконно, умышленно и осознанно совершили военные преступления определенные статьей II закона № 10 Контрольного совета, тем что они являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включавшими исполнение так называемой программы «эвтаназии» Германского Рейха в ходе которой подсудимые убили сотни тысяч человек, включая граждан оккупированных Германией стран. Данная программа включала систематические и секретные казни престарелых, психических больных, неизлечимо больных, детей с уродствами и иных лиц, газом, смертельными инъекциями, и применяя иные средства в домах престарелых, госпиталях и психиатрических больницах. Такие лица считались «бессмысленными едоками» и бременем для германской военной машины. Родственникам данных жертв сообщалось о том, что они умерли от естественных причин, таких как сердечная недостаточность. Германские доктора участвовавшие в программе «эвтаназии» также направлялись на восточные оккупированные территории для содействия в массовом уничтожении евреев.

10. Указанные военные преступления включают нарушения международных соглашений, в частности статей 4, 5, 6, 7 и 46 Гаагских правил 1907

г¹⁶., и статей 2, 3 и 4 конвенции о военнопленных (Женева, 1929¹⁷), законов и обычаев войны, общих принципов уголовного права предусмотренных в уголовных законах всех цивилизованных наций, внутренних законов о наказаниях стран в которых данные преступления совершались, и статьи II закона № 10 Контрольного совета.

Пункт три – преступления против человечности

11. Между сентябрём 1939 и апрелем 1945 все подсудимые незаконно, умышленно и осознанно совершили преступления против человечности определенные в статье II закона № 10 Контрольного совета, тем, что являлись исполнителями, пособниками, приказывали, принимали согласованное участие, и были связаны с планами и мероприятиями, включающими медицинские эксперименты, без согласия пациентов, в отношении немецких гражданских лиц и граждан иных стран, в ходе которых подсудимые совершали убийства, жестокости, мучительства, издевательства, пытки и иные бесчеловечные акты. Подробности данных экспериментов приводятся в параграфе 6 пункта два обвинительного заключения и на них содержится настоящая ссылка.

12. Между июнем 1943 и сентябрём 1944 подсудимые Рудольф Брандт и Зиверс незаконно, добровольно и осознанно совершали преступления против человечности, определенные в статье II закона № 10 Контрольного совета, тем, что являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включавшими убийство немецких гражданских лиц и граждан иных стран. Подробности данных убийств приводятся в параграфе 7 пункта два обвинительного заключения и на них содержится настоящая ссылка.

13. Между маем 1942 и январём 1944 подсудимые Бломе и Рудольф Брандт незаконно, умышленно и осознанно совершили преступления против человечности, определенные в статье II закона № 10 Контрольного совета, тем, что являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включающими убийство и плохое обращение с десятками тысяч польских лиц. Подробности таких

---

¹⁶ Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны – международно-правовое соглашение определяющее поведение воюющих сторон при ведении войны на суше. Принята в Гааге 18 октября 1907 г.

¹⁷ Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

убийств и плохого обращения приводятся в параграфе 8 пункта два обвинительного заключения и на них содержится настоящая ссылка.

14. Между сентябрём 1939 и апрелем 1945 подсудимые Карл Брандт, Бломе, Брак и Ховен, незаконно, умышленно и осознанно совершили преступления против человечности, определенные в статье II закона № 10 Контрольного совета, тем, что являлись исполнителями, пособниками, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включающими исполнение так называемой программы «эвтаназии» Германского Рейха в ходе которых подсудимые убили сотни тысяч человек, включая немецких гражданских лиц, также как и гражданских лиц иных наций. Подробности таких убийств приводятся в параграфе 9 пункта два обвинительного заключения и на них содержится данная ссылка.

15. Указанные преступления против человечности включают нарушения международных соглашений, включая статью 46 Гаагских правил 1907 г., законов и обычаев войны, общих принципов уголовного права установленных уголовными законами всех цивилизованных наций, внутренними законами о наказаниях стран в которых были совершены данные преступления и статьи II закона № 10 Контрольного совета.

Пункт четыре – членство в преступной организации

16. Подсудимые Карл Брандт, Генцкен, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Брак, Ховен и Фишер являются виновными в членстве в организации объявленной преступной Международным Военным Трибуналом в деле № 1, тем что каждый из данных подсудимых являлся членом Schutzstaffeln der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei¹⁸ (общеизвестной как СС) после 1 сентября 1939. Такое членство является нарушением параграфа I (д), статьи II закона № 10 Контрольного совета.

С учётом вышеизложенного данное обвинительное заключение вручено генеральному секретарю военных трибуналов и обвинения в отношении вышеуказанных подсудимых представлены военному трибуналу № I.

Нюрнберг, 25 октября 1946

Телфорд Тейлор
 Бригадный генерал , США
 главный юрист по военным преступлениям
 от имени Соединенных Штатов Америки

¹⁸ Отрядов охраны Немецкой национал-социалистической рабочей партии (нем.)

II. Предварительное заседание

(Отрывок из официальной расшифровки военного трибунала I по делу Соединенные Штаты Америки против Карла Брандта и других, заседавшего в Нюрнберге, Германия, 21 ноября 1946, председательствующий судья Билс)

Председательствующий: Мы приступаем к подготовке судебного разбирательства по делу рассматриваемому трибуналом. При названии имени подсудимого он встаёт и остается стоять до указания сесть. Господин генеральный секретарь вызовите подсудимых.

Генеральный секретарь: Карл Брандт, Зигфрид Хандлозер, Пауль Росток, Оскар Шрёдер, Карл Генцкен, Карл Гебхардт, Курт Бломе, Рудольф Брандт, Йоахим Мруговски, Гельмут Поппендик, Вольфрам Зиверс, Герхард Розе, Зигфрид Руфф, Ганс Вольфганг Ромберг, Виктор Брак, Герман Бекер-Фрейзинг, Георг Август Вельц, Конрад Шефер, Вальдемар Ховен, Вильгельм Бейгельбек, Адольф Покорни, Герта Обехаузер, Фриц Фишер.

(В перечисленном порядке подсудимые встали)

С позволения почтенного трибунала, все подсудимые находятся на скамье подсудимых.

Председательствующий: Подсудимые садитесь.

Представитель обвинения сейчас начинает подготовку с подсудимыми.

(Бригадный генерал Тейлор зачитал обвинительное заключение)

Председательствующий: Сейчас я вызываю подсудимых для заявления о виновности или невиновности по предъявленным им обвинениям. Каждый подсудимый, при указании его имени встаёт и говорит в микрофон. Сейчас не будет споров, речей или каких-либо дискуссий. Каждый подсудимый просто заявляет о виновности или невиновности по предъявленным обвинениям.

Карл Брандт.

Пекльман: Господин председатель, прежде чем подсудимый заявит о виновности или невиновности, могу я сказать слово? Я защитник подсудимого Шефера, номер 18.

Председательствующий: От какого подсудимого?

Пекльман: Шефер, номер 18.

Председательствующий: Мы не услышали заявления о виновности подсудимого Карла Брандта. Вы не представляет его как защитник, не так ли?

Пекльман: Нет.

Председательствующий: Тогда я не вижу причины, чтобы защитник другого подсудимого делал сейчас какие-нибудь замечания.

Пекльман: Могу я высказаться перед тем как скажет подсудимый Шефер? Формальное возражение?

Председательствующий: Когда будет названо имя подсудимого Шефера вы сможете обратиться к суду.

Карл Брандт вас представляет защитник?

Брандт: Да.

Председательствующий: Вы заявляете о виновности или невиновности в отношении перечисленного в обвинительном заключении предъявленном вам?

Брандт: Да.

Председательствующий: Садитесь.

Зигфрид Хандлозер, в данном деле вас представляет защитник?

Хандлозер: Нет, у меня пока нет защитника.

Председательствующий: Вы желаете, чтобы трибунал назначил вам защитника?

Хандлозер: Да.

Председательствующий: Вы заявляете о виновности или невиновности в отношении перечисленного в обвинительном заключении предъявленном вам?

Хандлозер: Не виновен.

Председательствующий: Садитесь.

(Затем прошла подготовка в отношении подсудимых Пауля Ростока, Оскара Шрёдера, Карла Генцкена, Карла Гебхардта, Курта Бломе, Рудольфа Брандта, Йоахима Мруговски, Гельмута Поппендика, Вольфрама Зиверса, Герхарда Розе, Зигфрида Руффа, Ганса Вольфганга Ромберга, Виктора Брака, Германа Бекер-Фрейзинга и Георга Августа Вельца)

Пекльман: Ваша честь, могу я говорить?

Председательствующий: В чем причина ваших замечаний?

Пекльман: Я хочу возразить обвинительному заключению. Я хочу сказать, что по моему мнению, что касается Шефера, обвинительное заключение не соответствует указу номер 7. Я могу это объяснить.

Председательствующий: Сколько времени вы желаете представлять ваши аргументы?

Пекльман: Три минуты.

Председательствующий: Вы можете продолжать. Первое, вы приобщали какое-нибудь письменное уведомление о возражении обвинительному заключению и вручали его обвинителю?

Пекльман: У меня не было достаточного времени на обвинительное заключение. Письменные материалы имеются у меня только 2 дня. То, что я скажу я могу приобщить в письменном виде позднее. Из-за того, что времени мало, я прошу позволить сделать сейчас краткое заявление.

Председательствующий: Вы можете сделать короткое заявление и представить аргументы в поддержку своего возражения в течение 5 дней.

Пекльман: Очень хорошо. Могу я, что-нибудь сказать?

Председательствующий: Вы сможете продолжать 3 минуты.

Пекльман: Указ номер 7, в статье IV (а), устанавливает следующее согласно английскому тексту: «Обвинительное заключение излагает обвинения ясно, понятно и с достаточными подробностями для информирования подсудимого о предъявленных обвинениях». Шефер обвиняется только по одному пункту, пункту два (Ж). Эксперименты с морской водой в Дахау вменяются 12 подсудимым. В двух предложениях обвинительное заключение говорит о том, что 12 перечисленных лиц обвиняются в особой ответственности за эти преступления и участие в них. По моему мнению, в этом не содержится достаточных подробностей. «Ответственность» и «участие» это правовые концепции. Отсутствуют доказательства «достаточных подробностей», которые включают детали.

Обвинительное заключение, по моему мнению, должно приводить факты о том как и почему каждый из этих 12 подсудимых, которые видимо, участвовали в данных экспериментах являются ответственными и участвовали. Мой клиент не может рассказать о предположительном характере своего участия.

Обвинительное заключение говорит, в пункте один, номер 2, о том, что все подсудимые являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включавшими совершение военных преступлений и преступлений против человечности. Это также правовые концепции.

Председательствующий: Вы можете вручить письменное мнение в поддержку вашей позиции.

Пекльман: Я хочу добавить, что не зная обвинительного заключения, мой клиент не готов ответить на вопрос о том виновен он или нет.

Председательствующий: Вручите копию вашего мнения обвинению и генеральному секретарю.

Пекльман: Очень хорошо, ваша честь.

Председательствующий: В связи с данным вопросом, генерал Тейлор, вы желаете сделать какие-либо замечания или предложения?

Тейлор: Ваша честь, не нужно говорить о том, что у нас нет возражения заявлению такого ходатайства или вручению такого мнения. Не требуется говорить о том, что также, мы думаем, о том, что обвинительное заключение достаточно адекватно определяет дату, место и тип проводимых экспериментов. Связь подсудимых с ними лучше известна подсудимому чем кому-либо. Нет причины, почему он сейчас не должен заявлять о виновности или невиновности.

Себринг: Это не входит в юрисдикционный аспект обвинительного заключения, а в вопрос подробностей. Рассматривается то, следует или нет, как видно из ходатайства, определить больше подробностей обвинений. Вам понятна моя мысль?

Тейлор: Да, ваша честь. Так я это и понял. Обвинение рассмотрит ходатайство, и если необходимо представит подробности, хотя мы и думаем, что обвинительное заключение достаточно адекватно. Мы думаем, что это не оспаривание юрисдикции.

Подсудимому следует заявить о виновности или невиновности.

Кроуфорд: Вы признаёте себя виновным или невиновным?

Шефер: Не виновен.

Председательствующий: Садитесь.

(Продолжился опрос подсудимых: Вальдемара Ховена, Вильгельма Бейгельбека, Адольфа Покорни, Герты Оберхойзер и Фрица Фишера. Всех представляли защитники. Все заявили о невиновности)

Серватиус: Серватиус от подсудимого Карла Брандта. Ваша честь, могу я заявить ходатайство относительно представления документов обвинения?

Председательствующий: Огласите своё ходатайство.

Серватиус: Ваша честь, я прошу трибунал проинструктировать обвинение о том, чтобы документы представлялись защите вовремя, документы на которых основаны обвинения. Это упростит слушания и даст защите возможность вовремя проверять документы и получать опровержение.

На первом процессе Международного Военного Трибунала, нам вручали список документов по обвинительному заключению; хотя эти документы и не прилагались, мы могли видеть их и работать по ним. До сих пор у нас нет ничего на чём мы можем построить свою защиту. Другими словами, к 9 декабря, мы не продвинемся дальше чем сегодня, и не сможем консультировать своих клиентов.

Председательствующий: Вы можете сесть и мы послушаем обвинение, бригадного генерала Телфорда Тейлора.

Тейлор: Ваша честь, защитник, который только что выступал полностью знаком с процедурами использованными в предшествующем деле. Обвинение в данном деле планирует следовать той же процедуре и предоставлять защите такие же возможности, если нужно большие. Информационный центр защиты, в котором были доступны документы, будет заранее обеспечен копиями документов на которых основываются доказательства. Ваша честь, я предлагаю, чтобы, в конце концов, защитники находятся здесь и будет наиболее полезно если будет встреча между представителями обвинения и защиты для того, чтобы слушания продвигались. Но лишь половина защитников здесь и было бы экономичней если бы данные вопросы были разрешены после их сбора.

Серватиус: Ваша честь, могу я задать один вопрос? Могу я добавить одну вещь, о том, чтобы документы давали нам на немецком. На предыдущем суде, было поначалу сложно, потому что мы их получали на английском.

Председательствующий: Мне кажется если защитник обратиться к правилам провозглашённым настоящим трибуналом 2 ноября 1946, вы поймете, что такое требование предъявлено по всем таким вопросам по которым представляется язык понятный каждому из подсудимых.

Серватиус: Да, но по техническим причинам это не всегда делалось. Есть большие сложности. Совецание с обвинением позволит устранить такие сложности. Если это невозможно, я снова обращаюсь к суду.

Председательствующий: Генерал Тейлор, у вас есть, что-нибудь ещё?

Тейлор: Ваша честь, обвинение просто желает заметить, что оно вручило генеральному секретарю ходатайство об уточнении обвинительного заключения в параграфе 8 пункта два и параграфе 13 пункта три, заменяя 1943 на 1944. Ходатайство было вручено генеральному секретарю и копии ходатайства есть на немецком и находятся в руках защиты.

Председательствующий: Скольких подсудимых касается уточнение обвинительного заключения?

Макхэни: С позволения Трибунала, уточнение касается сначала параграфа 2 на странице 14 обвинительного заключения и касается только двух подсудимых; а именно, Бломе и Рудольфа Брандта. Уточнение также сделано в параграфе 13, потому что такие же факты вменяются как преступление против человечности. В параграфе 13 также упоминаются эти же двое подсудимых; то есть, подсудимые Бломе и Рудольф Брандт.

Председательствующий: Каковы подробности уточнения?

Макхэни: Единственное уточнение говорит о дате января 1944 вместо даты января 1943; другими словами, оно расширяет период охваченный преступлением на 1 год. Дата 1943 была ошибочно включена в обвинительное заключение при вручении трибуналу.

Председательствующий: Эти двое подсудимых представлены защитником эти утром?

Макхэни: Я думаю, что Рудольф Брандт ответил: «Да».

Бломе: Да, ваша честь.

Председательствующий: Ходатайство было вручено через защитников этим двум подсудимым?

Макхэни: Ваша честь, я понял, что данное ходатайство об уточнении было вручено генеральному секретарю. Если мы правильно понимаем правила, затем генеральный секретарь вручает его подсудимым.

Председательствующий: Я спросил об информации о том получили ли они копии ходатайства.

Макхэни: Это мне неизвестно. Да, защитники этих подсудимых говорят: «Да»

Председательствующий: Защитник подсудимого Бломе заявляет какое-либо возражение уточнению обвинительного заключения?

Заутер: Нет.

Кауфман: Кауфман от Рудольфа Брандта. У меня нет возражений изменению.

Председательствующий: Вы представляете Рудольфа Брандта?

Кауфман: Да.

Председательствующий: Что же, другой заинтересованный подсудимый Бломе, как я понял. Он здесь представлен?

Заутер: Доктор Заутер от подсудимого Бломе. У нас нет каких-либо возражений.

Председательствующий: Обвинительное заключение будет уточнено согласно ходатайству.

Для представителей двух подсудимых приемлемо, что подготовка по данному пункту, который был уточнен, учтена судом как непризнание виновности?

Заутер: Да.

Кауфман: Да.

Председательствующий: Данный вопрос будет отражён в протоколе трибунала. Заявления подсудимых будут включены в стенограмму трибунала.

III. Заявление трибунала о порядке процесса и правилах процедур, 9 декабря 1946

Председательствующий: У меня есть заявление, которое я желаю сделать в интересах обвинения, подсудимых и всех заинтересованных лиц: перед открытием процесса по делу № 1 «Соединенные Штаты Америки против Карла Брандта и других», есть некоторые вопросы на которые трибунал желает обратить внимание представителей обвинения и представителей защиты.

1. Обвинению разрешается, для цели вступительной речи в настоящем деле, не ограничиваться одним заседанием. Время может быть распределено главным обвинителем между собой и любым его помощником, как он пожелает.

2. Когда обвинение закончит своё дело, у защиты будет два заседания для своих вступительных речей, которые раскроют теорию их защиты. Распределение времени будет разделено между различными защитниками, по согласованию друг с другом. В случае несогласия защиты, время распределит трибунал, не превышая 30 минут для каждого подсудимого.

3. Обвинение, не менее чем за 24 часа до того как оно желает приобщить какой-либо протокол или документ или письменное доказательство в качестве части своего дела, представляет информационному центру защиты не менее чем одну копию такого протокола, документа или письменного доказательства для каждого защитника подсудимого, такие должны быть на немецком языке. Обвинение также предоставит в информационный центр защиты по крайней мере четыре копии таких документов на английском языке.

4. Когда обвинение или какой-либо подсудимый приобщает протокол, документ, или иное письменное доказательство, в качестве доказательства, следует предоставлять генеральному секретарю дополнительно оригинал документа или иные материалы в письменном виде для допуска в качестве доказательства, шесть копий документа. Если документ написан или напечатан на языке ином чем английский следует приобщать копии вышеуказанного документа в количестве шести экземпляров английского перевода документа. Если такие документы приобщаются каким-либо подсудимым, соответствующие возможности по английскому переводу следует предоставлять.

5. По крайней мере за 24 часа до вызова свидетеля для дачи показаний, обвинением или защитой, сторона которая желает допросить свидетеля предоставляет генеральному секретарю оригинал и шесть копий меморандума к которому прилагаются: (1) имя свидетеля; (2) его гражданство; его место

жительства или место нахождения; (4) его официальную должность или положение; (5) вызван ли он в качестве эксперта или свидетеля для показаний о фактах, подготавливается заявление о предмете о котором будет допрошен свидетель. Когда обвинение готовит такое заявление в связи со свидетелем которого оно желает вызвать, ко времени приобщения такого заявления, две дополнительные копии предоставляются информационному центру защиты. Когда подсудимый готовит такое заявление относительно свидетеля которого он желает вызвать, подсудимый в то же время представляет копии генеральному секретарю предоставляя дополнительные копии обвинению.

6. Также, когда обвинение или защита желает, чтобы трибунал принял юридическое уведомление о каких-либо правительственных документах или докладах Объединённых наций, включая какие-либо акты, процедуры или правила какого-либо комитета, или совета, созданного какой-либо из союзных наций, или выводы, какого-либо военного или иного трибунала, данный трибунал может отказать в принятии юридического уведомления о таких документах, процедурах или правилах, до тех пор пока сторона обратившаяся к трибуналу о принятии таких документов, процедур или правил, не представит трибуналу их копии в письменном виде.

Настоящий трибунал удовлетворён процедурой принятой обвинением с намерением подготовки для защиты информации относительно доказательств или документов, которые обвинение планирует приобщить в качестве доказательств для цели обеспечения защиты информацией в целях её своевременной подготовки. Трибунал желает, чтобы это было доступно для помощи подсудимым при предоставлении соответствующей защиты.

Соединенные Штаты Америки создали военный трибунал I, следуя закону, введённому в действие военными властями, и подсудимые предстали перед военным трибуналом I согласно обвинительному заключению врученному 25 октября 1946 генеральному секретарю военного трибунала в Нюрнберге, Германия, офицером армии Соединенных Штатов, назначенным главным юристом по военным преступлениям, действующим от имени Соединенных Штатов Америки руководствуясь соответствующими военными полномочиями, и обвинительное заключение было предъявлено каждому подсудимому за более чем 30 дней до настоящей даты и копия обвинительного заключения на немецком языке была подготовлена для каждого подсудимого и находилась у них более 30 дней и у каждого подсудимого имелась возможность прочесть обвинительное заключение и заявить о своей невинности по обвинительному заключению, трибунал приступает к процессу.

Трибунал проведёт процесс в соответствии с законами, правилами и порядком и с учётом прецедентов, с искренним стремлением гарантировать обвинению и каждому подсудимому возможность предоставить все доказательства соответствующей ценности для предоставления трибуналу; исходя из этого, согласно закону и соответствующим процедурам может быть достигнуто беспристрастное правосудие.

Конечно, процесс, будет публичным процессом, без закрытых дверей; но, в силу ограниченных возможностей, трибунал настаивает на том, чтобы количество зрителей было ограничено количеством мест в зале суда. Поэтому пропуска будут подготовлены соответствующими властями для тех кто может входит в зал суда. Трибунал настаивает на том, чтобы всё время поддерживался порядок, и соответствующие меры будет предприняты для того, чтобы данное правило строго соблюдалось.

Для сведения всех заинтересованных лиц, трибунал объявляет о том, что слушания будут проводиться каждый день на этой неделе с 9 часов 30 минут утра до пятницы. Трибунал соберется в 9 часов 30 минут, понедельника, 16 декабря 1946 и будет заседать каждый день этой недели включая субботу, однако в этот день трибунал прервётся до 9 часов 30 минут, среды, 2 января 1947, когда трибунал соберётся в обычное время.

IV. Вступительная речь бригадного генерала Телфорда Тейлора от обвинения, 9 декабря 1946

Подсудимые в настоящем деле обвиняются в убийствах, пытках и иных жестокостях совершённых во имя медицинской науки. Жертвы этих преступников насчитывают сотни тысяч. Лишь немногие остались в живых; несколько выживших появятся в зале суда. Но большинство из этих несчастных жертв были убиты или умерли в ходе пыток, которым они подверглись.

По большей части это были безмянные смерти. Для своих убийц, эти несчастные люди вообще не являлись личностями. Они массово поступали и с ними обращались хуже чем с животными. Ими были 200 евреев в хорошем физическом состоянии, 50 цыган, 500 туберкулёзных поляков или 1000 русских. Жертвы этих преступлений в числе анонимных миллионов, которые нашли смерть в руках нацистов и чья судьба это страшное пятно на странице мировой истории.

Обвинения против данных подсудимых предъявлены от имени Соединенных Штатов Америки. Их судят американские судьи. Ответственность возложенная на представителей Соединенных Штатов, как обвинителей так и судей, тяжкая и необычайная. Долгом перед жертвами и родителями и детьми жертв является не только то, чтобы виновные понесли справедливое наказание, но также чтобы для подсудимых были честный процесс и приговор. Такая ответственность это обычное бремя любого трибунала. Гораздо шире обязанности, которые лежат на нас в этом деле.

Эти огромные обязанности лежат перед народами и расами по которым бичом прошли эти преступления. Простое наказание подсудимых или даже тысяч одинаково виновных, никогда не залечит ужасающие травмы, которые нацисты нанесли этим несчастным народам. Для них более важно, чтобы эти невероятные события были чётко и публично установлены, для того, чтобы никто и никогда не сомневался в том, что эти факты не выдумка; и чтобы данный суд, как представитель Соединенных Штатов и голоса гуманизма, заклеил эти акты и идеи порождённые ими, как варварские и преступные.

У нас есть и иная ответственность. Подсудимые на скамье подсудимых обвиняются в убийствах, но это не просто процесс об убийстве. Мы не можем оставаться безучастными, показав, что преступления совершались и определенные лица их совершили. Убивать, калечить и пытаться это преступно во всех современных правовых системах. Подсудимые не убивали ни в горячке, ни для личного обогащения. Некоторые из них могут быть садистами, которые убивали и пытали ради спорта, но они вовсе не извращенцы. Они не безграмотные люди. Большинство

из них это подготовленные врачи и некоторые из них видные учёные. Тем не менее, эти подсудимые, все из которых полностью способны осознавать характер своих действий, и большинство которых были исключительно квалифицированы для формирования морального и профессионального суждения в данном отношении, ответственны за полномасштабное убийство и неопишимо жестокие пытки.

Наше глубочайшее обязательство перед всеми народами мира, показать, почему и как случились такие вещи. На нас лежит бремя изложить с осознаваемой ясностью идеи и мотивы, которые двигали подсудимыми для обращения со своими согражданами хуже чем с дикими зверями. Извращённые мысли и ложные концепции, которые привели к этим зверствам, не мертвы. Их не убить силой оружия. Они не должны стать распространяющейся опухолью в груди человечества. Их следует вырвать и раскрыть, по причине о которой хорошо сказал господин судья Джексон¹⁹ в этом зале суда год назад.

«Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся²⁰»

В данном процессе мы несём особую ответственность перед немецким народом. Под руководством нацистов и их главарей, немецкая нация распространяла смерть и опустошение по всей Европе. Теперь это известно немцам. И теперь и они познали последствия для Германии: поражение, руины, прострация и полная деморализация. Большинство немецких детей никогда, покуда они живы не увидят неразрушенного немецкого города.

Какой причине эти дети припишут поражение немецкой нации и опустошение вокруг себя? Припишут ли они это превосходящей массе количества и ресурсов, которые объединились против них? Укажут ли они на гениальность вражеских учёных? Осудят ли они стратегические и военные промахи своих генералов?

Если немцы воспримут такие причины в качестве правдивой причины своей катастрофы, это будет печальной и роковой вещью для Германии и всего мира. Люди, которые никогда не видели немецкий город нетронутым будут чёрствы к сравнению с землёй английского или американского или русского города. Они даже могут не осознавать, что они уничтожили нечто ценное, из-за отсутствия нормального чувства ценностей. Возрождая величие Германии они

¹⁹ Роберт Хьюаут Джексон (1892 — 1954) — Генеральный прокурор (1940—1941) и судья Верховного суда США (1941—1954), главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе.

²⁰ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 1. М., 1987. С. 391.

связывали свою веру с улучшением военных техник. Такие взгляды привели немцев прямо в руки прусских милитаристов для которых поражение это выдающаяся возможность начать новую войну. «В следующий раз будет по-другому» - нам всем известно, что это значит.

Данное дело и иные, которые будут рассматривать в это здании, дают знаменательную возможность представить немецкому народу истинную причину их нынешней нищеты. Стены и башни и церкви Нюрнберга, снесены до основания союзными бомбами, но в подлинном смысле Нюрнберг разрушен десятилетие назад, когда он стал местом ежегодных нацистских партийных съездов, отправной точкой морального распада Германии и личной вотчиной Юлиуса Штрейхера²¹. Безумные и отвратительные доктрины того Нюрнберга извергнутые вовне привели к преступлениям данных подсудимых и к ужасной судьбе Германии при Третьем Рейхе.

Нация, которая умышленно отравляет себя ядом заболит и погибнет. Эти подсудимые и другие превратили Германию в адское подобие психиатрической больницы и морга. Ни наука, ни промышленность, ни искусства не могут расти в такой грязной среде. Страна не смогла жить в мире и фатально готовилась к войне. Я не думаю о том, что у немецкого народа уже есть какая-либо концепция о том насколько глубоким было преступное вклинение нацизма во все сферы немецкой жизни, или насколько глубоки опустошительные последствия. Нашей задачей будет выяснить это.

Есть высокие цели, которые оправдывают создание чрезвычайных судов для рассмотрения данного дела и иных похожего значения. То, что убийство должно быть наказано, само собой разумеется, но полное выполнение нашей задачи требует более чем просто приговора для подсудимых. Их преступления являлись неизбежным результатом зловещих доктрин, которые они взращивали, и эти же самые доктрины омрачили судьбу Германии, раскололи Европу и оставили потрясённым мир. Повсюду где такие доктрины могут воспрянуть и победить последуют такие же ужасающие последствия. Вот почему отчётливое и исчерпывающее доведение до конца данного процесса является жизненной необходимостью для всех наций. Вот почему Соединенные Штаты сформировали данный трибунал.

Государственные медицинские службы Третьего Рейха

---

²¹ Юлиус Штрейхер (1885 — 1946), гауляйтер Франконии, главный редактор антисемитской и антикоммунистической газеты «Штурмовик», идеолог расизма. Казнён по приговору Нюрнбергского трибунала.

Теперь я перехожу к фактам самого дела. Здесь на скамье 23 подсудимых. Все кроме троих – Рудольфа Брандта, Зиверса и Брака – являются докторами. Из 20 докторов, все кроме одного – Покорни – занимали должности в медицинских службах Третьего Рейха. Для понимания данного дела, необходимо понять общую структуру этих медицинских служб, и то как эти службы встраивались во всеохватывающую организацию нацистского государства.

Для содействия суду в данном отношении обвинение подготовило короткий поясняющий обзор, который уже в руках суда и который был предоставлен защите на английском и немецком. Обзор содержит глоссарий наиболее частых немецких слов и выражений, которые появятся на этом процессе – большинство из них из словаря военных, медицинских или правительственных вопросов. Он также включает таблицу сравнения званий между американской армией и германской армией и СС и медицинские звания используемые в германских вооруженных силах и СС. Наконец он включает таблицу, показывающую подчинение немецких медицинских служб общей системе германского государства. Эта таблица была увеличена и находится в зале суда.

Предваряя вступительную речь господина Макхэни, открывающую представление доказательств обвинения, приобщаются в качестве доказательств подробные таблицы различных германских медицинских служб, которые были удостоверены как точные подсудимыми Хандлозером, Шрёдером, Карлом Брандтом, Мруговски и Браком. Таблица, на которую я сейчас обращаю внимание трибунала это составная таблица основываясь на которой господин Макхэни представит доказательства. Таблица в зале суда на которую я ссылаюсь сейчас не приобщается в качестве доказательства; она здесь как пояснительная информация для суда и защиты для того, чтобы они могли следить за вступительной речью и охватить всю структуру германских медицинских служб.

Вся власть в Третьем Рейхе исходила от Адольфа Гитлера, который был единственным как глава правительства, руководитель нацистской партии и главнокомандующий вооруженными силами. Его титулом в качестве главы правительства был рейхсканцлер. Он был «фюрером» нацистской партии, и «верховным главнокомандующим» Вермахта. Непосредственно подчинёнными Гитлеру были командующие вооруженными силами, ответственные министры кабинета в правительстве, и ведущие чиновники нацистской партии. Единственный подсудимый на скамье, кто был непосредственно подчинен самому Гитлеру это подсудимый Карл Брандт.

Суд увидит, что подсудимые подразделяются на три основные группы. Восемь из них являлись военнослужащими медицинской службы германских

воздушных сил. Семеро из них являлись сотрудниками медицинской службы СС. Остальные восемь включают подсудимых Карла Брандта и Хандлозера которые занимали высшие должности в медицинской иерархии; также включены трое подсудимых которые не являются докторами; подсудимый Росток, который являлся непосредственным подчиненным Карла Брандта; подсудимый Бломе, медицинский чиновник нацистской партии; и подсудимый Покорни, которого мы отнесли к СС по причинам, которые будут изложены позже.

Сначала я разберусь с военной стороной дела. Гитлер, в качестве верховного главнокомандующего германских вооруженных сил, осуществлял свои полномочия посредством штаба называемого верховное главнокомандование вооруженных сил, лучше известное по своей немецкой аббревиатуре, ОКВ²². Начальником данного штаба, весь период охваченный данным делом, являлся фельдмаршал Кейтель²³.

За ОКВ идут высшие командования трёх родов войск Вермахта: флот (ОКМ²⁴), армия (ОКХ²⁵) и воздушные силы (ОКЛ²⁶). Гросс-адмирал Рёдер²⁷ являлся главнокомандующим германским флотом до 1943, когда его заменил гросс-адмирал Карл Дёниц²⁸. До начала войны, главнокомандующим германской армией был фельдмаршал фон Браухич²⁹. В декабре 1941 Браухич был освобождён от должности

²² ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. OKW) — Верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

²³ Вильгельм Кейтель (1882 — 1946) — немецкий военный деятель, начальник Верховного командования Вермахта (Вооружённых сил Германии) - ОКВ (1938—1945), генерал-фельдмаршал (1940). Международным военным трибуналом в Нюрнберге обвинён в преступлениях против человечества и, как один из главных военных преступников вермахта, казнён через повешение.

²⁴ ОКМ (нем. Oberkommando der Marine; нем. ОКМ) — верховное командование кригсмарине, высший орган управления ВМФ Германии до и во время Второй мировой войны.

²⁵ ОКХ от нем. ОКН (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год. Находилось в Вюнсдорфе под Цоссеном.

²⁶ ОКЛ (нем. Oberkommando der Luftwaffe, нем. ОКЛ) — Верховное командование люфтваффе, верховный орган управления ВВС Германии до и во время Второй мировой войны.

²⁷ Эрих Редер (1876 — 1960) — немецкий гросс-адмирал, главнокомандующий Кригсмарине с 1935 по 30 января 1943 года. Международным военным трибуналом приговорён к пожизненному заключению. В 1955 освобождён из заключения по состоянию здоровья.

²⁸ Карл Дёниц (1891 — 1980) — немецкий военный и государственный деятель, гросс-адмирал (1943). Командующий подводным флотом (1939—1943), главнокомандующий военно-морским флотом нацистской Германии (1943—1945), глава государства и главнокомандующий вооружёнными силами нацистской Германии с 30 апреля по 23 мая 1945 года. Приговорён к 10 годам тюремного заключения Международным военным трибуналом. Отбыл наказание и вышел из тюрьмы в 1956.

²⁹ Вальтер фон Браухич (1881 - 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940).

и сам Гитлер занял его должность. Герман Геринг³⁰ являлся главнокомандующим германскими воздушными силами в звании рейхсмаршала, до самого последнего месяца войны.

Каждый из трёх родов войск Вермахта имел свою собственную медицинскую службу. Для целей настоящего дела, медицинская служба флота не имеет значения. Во время большей части войны подсудимый Хандлозер являлся начальником медицинской службы германской армии; в 1944 его заменил в данном качестве доктор Вальтер. Начальником медицинской службы германских воздушных сил до 1943 был доктор Эрих Гиппке³¹; с января 1944 до конца войны, им являлся подсудимый Шрёдер. Подчинёнными подсудимому Шрёдеру были семь других подсудимых из медицинской службы воздушных сил, чьи функции я кратко опишу позднее.

Теперь я перехожу ко второй принципиальной группе подсудимых – связанных с СС. СС номинально являлась частью нацистской партии и подчинялась Гитлеру в его качестве фюрера НСДАП. Фактически, за годы нацистского режима, СС превратилась в обширный комплекс, военных, полицейских и разведывательных организаций. Главой чрезвычайного конгломерата был Генрих Гиммлер, со званием рейхсфюрера СС. СС имело свою собственную медицинскую службу, возглавляемую Гравицем³², у которого была должность главного врача СС.

СС подразделялись на многие ведомства, одним из наиболее важных являлись Ваффен-СС. Военнослужащие Ваффен-СС подготовленные и укомплектованные как регулярные войска, были сформированы в регулярные военные подразделения, и сражались на фронте плечом к плечу с войсками Вермахта. К концу войны на фронте было почти 30 дивизий СС. Главой медицинской службы СС являлся подсудимый Генцкен.

Шесть других подсудимых являлись членами медицинской службы СС и соответственно подчинялись Гравицу.

Германские гражданские медицинские службы руководствовались полномочиями как от германского правительства так и от партии. Медицинским

---

³⁰ Герман Вильгельм Геринг (1893 — 1946) — политический, государственный и военный деятель нацистской Германии, министр авиации Рейха, рейхсмаршал великогерманского Рейха (19 июня 1940). Сыграл важную роль в организации люфтваффе, военно-воздушных сил Германии, верховное командование которыми Геринг осуществлял практически весь период Второй мировой войны в Европе (1939—1945). Приговорён Международным военным трибуналом к смертной казни через повешение. Покончил жизнь самоубийством в ночь перед исполнением приговора.

³¹ Эрих Гиппке (1888 - 1969) – офицер германской армии в звании генералоберштабсарцта. Начальник медицинской службы Люфтваффе в 1937-1943.

³² Эрнст-Роберт Гравиц (1899 — 1945) — немецкий врач, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1944), начальник медицинской службы СС, профессор. Покончил жизнь самоубийством.

начальником гражданской стороны был доктор Леонардо Конти³³, который совершил самоубийство в октябре 1945. Доктор Конти занимал должность государственного секретаря по здравоохранению в министерстве внутренних дел Рейха. В этом качестве Конти был подчинён до 1943 министру внутренних дел, доктору Вильгельму Фрику³⁴, и впоследствии Генриху Гиммлеру, который принял дополнительные обязанности министра внутренних дел в том же году.

Конти также занимал должность в нацистской партии как рейхсгесундхайтфюрер. Его заместителем в этом качестве был подсудимый Бломе. В качестве рейхсгесундхайтфюрера, Конти подчинялся канцелярии нацистской партии, начальником которой был Мартин Борман³⁵.

Как суд увидит из таблицы, трое важнейших людей в иерархии германской государственной медицины это подсудимые Карл Брандт и Хандлозер и покойный доктор Конти. В июле 1942, Гитлер принял распоряжение, копия которого позднее будет зачитана суду, которое вводило подсудимого Хандлозера в качестве начальника медицинских служб Вермахта. На таблице имя Хандлозера появляется в таком качестве. Хандлозеру был передан надзор и профессиональные полномочия над медицинскими службами всех трёх родов войск Вермахта. Постольку поскольку Ваффен-СС стали составлять важную часть вооруженных сил, надзорные полномочия Хандлозера также распространялись на подсудимого Генцкена, начальника медицинской службы Ваффен-СС. В этой должности Хандлозеру была поручена координация всех общих задач медицинских служб Вермахта и Ваффен-СС. Таким образом, он стал принципиальной фигурой в германской военной медицине, также как и доктор Конти был центральной фигурой в сфере гражданской медицины.

Хандлозер и Конти, как видно из таблицы, не являлись непосредственно подчиненными Гитлеру. Ответственность Хандлозера шла к Гитлеру через ОКВ, а

³³ Леонардо Конти (1900 — 1945) — партийный и государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь министерства внутренних дел Рейха по здравоохранению, рейхсгесундхайтсфюрер, начальник Главного управления здравоохранения НСДАП, руководитель Национал-социалистического союза врачей, обергруппенфюрер СС. Покончил жизнь самоубийством.

³⁴ Вильгельм Фрик (1877 — 1946) — государственный и политический деятель Германии, один из руководителей Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), почетный обергруппенфюрер СС, юрист, доктор права, кадровый полицейский, министр внутренних дел Германии в 1933—1943 годах, протектор Рейха Богемии и Моравии в 1943—1945 годах. Казнён по приговору Нюрнбергского трибунала.

³⁵ Мартин Борман (1900 — 1945) — немецкий государственный и политический деятель, начальник Партийной канцелярии НСДАП (1941—1945), личный секретарь фюрера (1943—1945), рейхсминистр по делам партии (30 апреля — 2 мая 1945), начальник Штаба заместителя фюрера (1933—1941), рейхсляйтер (1933—1945). Был заочно осуждён на Нюрнбергском процессе. Предположительно был убит при попытке выйти из Берлина.

Конти через министерство внутренних дел и начальника нацистской партийной канцелярии.

В 1942 Гитлер впервые ввёл медицинского чиновника непосредственно подчинённого ему. Этим чиновником был подсудимый Карл Брандт. Распоряжением от июля 1942 (НО-080) Гитлер передал Брандту должность уполномоченного по здравоохранению и медицинским службам и уполномочил его для осуществления особых задач и переговоров относительно требований к докторам, госпиталям, медицинским поставкам и.т.д., между военными и гражданскими секторами систем здравоохранения и санитарии. Поэтому, ролью Брандта было координировать запросы военных и гражданских служб в сфере медицины и общественного здравоохранения.

Доктор Карл Брандт являлся личным врачом Гитлера с 1934. Ему было лишь 38 лет, во время принятия важных обязанностей возложенных распоряжением 1942. Его восхождение продолжалось.

В сентябре 1943 Гитлер принял ещё одно распоряжение, которым Брандт наделялся должностью генерального комиссара по санитарии и здравоохранению и уполномочил его координировать и руководить проблемами и деятельностью всей администрации по санитарии и здравоохранению. (НО-081). Данные полномочия открыто распространялись на сферу медицинской науки и исследований.

Наконец, в августе 1944, Гитлер назначил доктора Брандта рейхскомиссаром по санитарии и здравоохранению и заявил, что в данном качестве должность Брандта является «высшим органом Рейха» (НО-082). Брандт был уполномочен принимать инструкции для медицинских ведомств и организаций правительства, партии и вооруженных сил, в сфере санитарии и здравоохранения.

Карл Брандт, в качестве верховной медицинской власти в Рейхе, назначил подсудимого Пауля Ростока в качестве своего непосредственного подчинённого главой управления научных и медицинских исследований. Положение Ростока затрагивало деятельность медицинских обществ, медицинских училищ, и совета исследований Рейха. Брандт также назначил адмирала Фикентшера³⁶, который соответственно был главным медицинским офицером флота германского флота, в качестве своего подчиненного главой управления планирования и производства. В данной сфере, Фикентшер занимался основными трудовыми властями, министерством экономики и министерством вооружений и военной промышленности.

---

³⁶ Альфред Фикентшер (1888-1979) – офицер германского военного флота в звании адмиралоберштабсарцта. В 1939-1943 начальник медицинской службы ОКМ – высшего командования флота Германии.

В качестве начальника медицинской службы германских воздушных сил, подсудимый Шрёдер также занимал одну из наиболее важных позиций в германской медицинской иерархии. Он и подсудимый Хандлозер имели звание генералоберштабсарцта, высшее звание в германской медицинской службе и эквивалент генерал-лейтенанта в американской армии. Я не предлагаю вдаваться в подробности относительно должностей занимаемых семью подсудимыми, которые подчинялись Шрёдеру, постольку поскольку господин Макхэни представит таблицы, которые показывают в больших подробностях структуру германской медицинской службы воздушных сил которая была удостоверена самим подсудимым Шрёдером. Подсудимый Розе имел звание в медицинской службе воздушных сил равное званию бригадного генерала в американской армии и был назначен особым советником Шрёдера по вопросам касающимся тропической медицины, занимал кресло в одном из наиболее важных германских медицинских институтов, и является одним из наиболее видных учёных на скамье подсудимых. Подсудимый Бекер-Фрейзинг возглавлял отдел Шрёдера по авиационной медицине. Подсудимый Вельц являлся начальником института авиационной медицины в Мюнхене. Отдельные функции подсудимых Руффа, Ромберга, Шефера и Бейгельбека отразятся в продолжении представления доказательств.

Я также кратко перейду к подробным функциям шести врачей СС, которые показаны на таблице как подчиненные Гравица. Подробные таблицы медицинской службы СС, удостоверенные подсудимым Мруговски, вскоре будут предоставлены в качестве доказательства. Подсудимый Гебхардт являлся личным врачом Гиммлера и имел звание в СС равное генерал-майору в американской армии. Он стал президентом германского Красного креста. Он являлся главным хирургом в штате Гравица и также возглавлял госпиталь Хохенлихена, в этом качестве его помощниками были подсудимые Фишер и Оберхойзер. Подсудимый Поппендик являлся членом личного штаба Гравица. Подсудимый Мруговски являлся главным гигиенистом у Гравица и также возглавлял институт гигиены Ваффен-СС. Подсудимый Ховен являлся главным доктором концентрационного лагеря Бухенвальд.

Подсудимый Покорни это частный врач, у которого не было официальной связи с государственной медицинской службой. Мы показываем его в таблице ниже группы врачей СС по причинам, которые отразятся в ходе представления доказательств относительно экспериментов по стерилизации (параграф 6 (I) обвинительного заключения).

Трое подсудимых, которые не являются докторами показаны в верхнем правом углу таблицы. Двое из них – Рудольф Брандт имел звание полковника в СС,

будучи своего рода личным адъютантом, и занимал административные должности как в СС так и в министерстве внутренних дел. Виктор Брак являлся главным административным офицером в личной канцелярии Гитлера, главой которой был Филипп Боулер³⁷.

Подсудимый Зиверс, который имел звание полковника в СС, это особый случай. Он являлся непосредственным подчиненным Генриха Гиммлера в качестве последнего как президента так называемого общества «Аненербе». Название общества дословно означает «наследие предков», и оно изначально занималось научными и псевдо-научными исследованиями относительно антропологической и культурной истории немецкой расы. Позднее институт военно-научных исследований был создан в обществе «Аненербе». Зиверс являлся управляющим делами общества и директором института военно-научных исследований.

На этом завершается общее описание германских государственных медицинских служб при нацистском режиме, и должностей, которые подсудимые занимали в схеме вещей. На этом месте удобно сослаться на пункт четыре обвинительного заключения, который вменяет, что 10 из подсудимых являлись членами организации объявленной преступной Международным Военным Трибуналом, и что такое членство является нарушением параграфа 1 (д) статьи II закона № 10 Контрольного совета. Данная организация это СС.

Данный пункт касается подсудимого Карла Брандта, шести подсудимых, которые принадлежали к медицинской службе СС и трём подсудимым, которые не были докторами. Он не касается никого из девяти подсудимых с военной стороны, ни подсудимых Ростока, Бломе, Оберхойзер или Покорни.

Декларация Международного Военного Трибунала о преступности применяется ко всем лицам, которые были официально приняты в члены любого подразделения СС и которые оставались членами после 1 сентября 1939. Обвинение демонстрирует, что все 10 подсудимых обвиненных в пункте четыре были официально приняты в члены СС и оставались там после этой даты. Подсудимые Карл Брандт, Генцкен и Гебхардт занимали должности как в общих СС и Ваффен-СС равные генерал-майору в американской армии. Подсудимые Мруговски, Ховен, Поппендик и Фишер все имели офицерское звание в СС или Ваффен-СС, и все четверо, совместно с подсудимыми Генцкен и Гебхардтом, занимали должности в медицинской службе СС. Подсудимый Рудольф Брандт имел звание полковника в общих СС, и являлся личным помощником Гиммлера в качестве Гиммлера как

---

³⁷ Филипп Боулер (1899 — 1945). Партийный деятель НСДАП, начальник канцелярии руководителя партии (17 ноября 1934 года — 23 апреля 1945 года), рейхсляйтер (2 июня 1933 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года). Покончил жизнь самоубийством.

рейхсфюрера СС. Подсудимый Брак имел звание как в СС так и в Ваффен-СС. Подсудимый Зиверс имел звание полковника СС и являлся управляющим общества «Аненербе», которое входило в главное управление СС.

Декларация о преступности Международного Военного Трибунала не относится, к тому, когда член СС был призван к членству таким образом, который не давал ему выбора в данном вопросе. Она также не относится к тому члену у которого не было сведений о том, что организация использовалась для преступных актов. Для целей настоящего дела, эти вопросы, как кажется обвинению, являются академическими. Все подсудимые обвиняемые в пункте четыре имели офицерское звание в СС и большинство из них имели старшее звание. Они являлись вдохновителями и непосредственными участниками в убийствах и пытках в большом масштабе, и наборе других преступлений. В данной связи мы обращаем внимание трибунала на два заявления Международного Военного Трибунала, которые согласно статье X указа № 7, устанавливают преюдициальный факт. В изложении преступных актов совершенных СС, Международный Военный Трибунал заявил:

«К главным управлениям СС были также присоединены исследовательские институты, известные под названием институтов по вопросам наследственности (аненэрбе). Утверждалось, что ученые этой организации в основном были почетными членами СС. Во время войны к институтам по вопросам наследственности был присоединен институт военных научных изысканий, который проводил опыты в широких масштабах, используя в качестве объектов живых людей³⁸».

И снова заявлялось:

«В связи с тем, что концентрационные лагеря находились в ведении СС, она начала целую серию экспериментов над людьми, используя для этого военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Эти эксперименты включали замораживание до смерти и убийства отравленными пулями. СС сумела получить правительственные фонды для исследований подобного рода на том основании, что члены этой организации имели доступ к человеческому материалу, который не был доступен другим организациям³⁹».

---

³⁸ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 651.

³⁹ Там же, С. 653.

Преступления совершенные под прикрытием научных исследований
(Пункты два и три, параграфы 6, 7, 11 и 12)

Теперь я перехожу к основной части обвинительного заключения и сейчас очерчу дело обвинения относительно преступлений предположительно совершенных во имя медицинских или научных исследований. Обвинения в отношении «эвтаназии» и резни туберкулёзных поляков очевидно не имеющие отношения к исследованиям или экспериментам будут разобраны позднее. То, что я хочу осветить, это эксперименты предъявленные в качестве обвинений в военных преступлениях в параграфе 6 и преступлениях против человечности в параграфе 11 обвинительного заключения, и убийства совершенные для так называемых антропологических целей, которые вменяются как военные преступления в параграфе 7 и преступления против человечности в параграфе 12 обвинительного заключения.

Перед тем как разобрать эти эксперименты друг за другом, посмотрим на них в целом. Они являются разнородным списком ужасов, или есть общее для всей группы?

Своего рода схема видна в обвинительном заключении. Эксперименты относящиеся к большой высоте, эффекту холода и пригодности для питья морской воды имеют очевидное отношение к воздушной и морской борьбе и проблемам

спасения. Горчичный газ и горение фосфора, также как оценку лечебного воздействия сульфаниламида на раны, можно отнести к медицинским проблемам воздушных налётов и боёв. Хорошо известно, что малярия, эпидемическая желтуха и тиф были среди основных болезней с которыми боролись германские вооруженные силы и германские власти на оккупированных территориях.

В некоторой степени, терапевтическая логика обрисованная выше несомненно верна, и объясняет, почему Вермахт и в особенности германские воздушные силы участвовали в данных экспериментах. Фанатично направленные на завоевание, безгранично жестокие в качестве средства или инструмента используемого для достижения победы, и бездушные к страданиям народа к которому они относились как к враждебному, германские милитаристы намеревались получить какие угодно способные помочь научные результаты данных экспериментов.

Но наши доказательства продемонстрируют, что совсем иные и даже более зловещие цели красной нитью проходят сквозь эти тайные исследования. Мы покажем, что в некоторых случаях подлинной целью данных экспериментов было не спасать или лечить, а уничтожать и убивать. Ясно, что эксперименты по стерилизации, были чисто разрушительными. Заключенные в Бухенвальде которых убивали отравленными пулями не были подопытными кроликами для тестирования антидота для яда; их убийцы в действительности хотели знать как быстро убивает яд.

Эта разрушительная цель не видна на поверхности в иных экспериментах, но мы продемонстрируем, что часто так и было.

Человечеству не требуется слова, чтобы называть наукой то как убивать заключённых наиболее быстро и поработать массы людей. Данное дело и подсудимые поставили такой отвратительный вопрос составителям словарей. Сейчас мы назовём такую мрачную науку «танатологией», наукой о воспроизводстве смерти. Танатологические знания, исходящие отчасти от экспериментов, обеспечивающих технику геноцида, политики Третьего Рейха, приводятся в качестве примера программы «эвтаназии» и широкомасштабного уничтожения евреев, цыган, поляков и русских. Эта политика массового уничтожения не могла быть настолько эффективной без активного участия немецких медицинских учёных.

Теперь я разберу сами эксперименты. Два или три из них я опишу более подробно но большинство из них предстанут как обзор, так как господин Макхэни представит подробные доказательства каждого из них.

Эксперименты с большой высотой

Эксперименты известные как эксперименты с «большой высотой» или «барокамерой» проводились в концентрационном лагере Дахау в 1942. Согласно доказательствам, изначальное предложение о том, чтобы такие эксперименты проводились на людях возникло весной 1941 у доктора Зигмунда Рашера⁴⁰. Рашер в то время был капитаном медицинской службе германских воздушных сил и также имел офицерское звание в СС. Сейчас предполагается, что он мёртв.

Мотив данной идеи раскрывается в письме, которое Рашер написал Гиммлеру в мае 1941, когда Рашер проходил курсы по авиационной медицине в штаб-квартире германских воздушных сил в Мюнхене. Согласно письму, данные курсы включали исследования по большой высоте и

«Выражалось большое сожаление тому факту, что для нас пока невозможны никакие тесты на людях, так как такие эксперименты являются очень опасными и для них нет ни одного добровольца (1602-ПС)».

Рашер в этом письме, продолжил, запрашивая Гиммлера о предоставлении людей в его распоряжение и прямо заявил о том, что эксперименты могут привести к смерти подопытных, но при этом тесты на обезьянах оказались неудовлетворительными.

На письмо Рашера ответил адъютант Гиммлера, подсудимый Рудольф Брандт, который проинформировал Рашера о том, что:

«...конечно, заключенные будут предоставлены для исследований больших высот». (1582-ПС)

Впоследствии Рашер написал напрямую Рудольфу Брандту прося разрешения на проведение экспериментов в концентрационном лагере Дахау и он упоминал о том, что германские воздушные силы предоставили «передвижную барокамеру» в которой можно проводить эксперименты. Планы о проведении экспериментов получили развитие на совещании в конце 1941 или начале 1942, с присутствием доктора Рашера и подсудимых Вельца, Ромберга и Руффа, все из которых являлись военнослужащими медицинской службы германских воздушных сил. Сами тесты проводились весной и летом 1942, используя барокамеру предоставленную германскими воздушными силами. Жертвы закрывались в барокамере, которая была воздухонепроницаемым, шарообразным отсеком и затем давление в камере изменялось для симулирования атмосферных условий

---

⁴⁰ Зигмунд Рашер (1909 — 1945) — немецкий медик, сотрудник «Аненербе», гауптштурмфюрер СС. Планировал и организовал в концентрационном лагере Дахау ряд медицинских экспериментов над людьми. Был казнён по приказу Г. Гиммлера.

преобладающих на чрезвычайно больших высотах. Давление в камере могло варьироваться очень быстро, что позволяло подсудимым воспроизводить атмосферные условия, с которыми лётчик мог столкнуться падая с большой высоты без парашюта и без кислорода.

Доклады, выводы и комментарии по данным экспериментам, которые были представлены здесь и аккуратно запротоколированы, демонстрируют полное пренебрежение человеческой жизнью и бездушием к страданиям и боли. Эти документы в то же время раскрывают медицинские результаты экспериментов и деградацию врачей, которые их проводили. Первый доклад Рашера был составлен в апреле 1942 и содержит описание эффекта барокамеры на 37-летнего еврея. (1971-ПС) я цитирую:

«Третий эксперимент такого типа прошёл настолько экстраординарно, что я вызвал лагерного врача СС в качестве свидетеля, поскольку я работал со всеми экспериментами сам. Это был продолжительный эксперимент без кислорода на высоте 12 километров проводимый над 37-летним евреем в хорошем общем состоянии. Дыхание продолжалось 30 минут. После 4 минут подопытный начал потеть и трясти головой, через 5 минут начались судороги, между 6 и 10 минутами дыхание ускорилося и подопытный потерял сознание; с 11 по 30 минуту дыхание замедлилось до трёх вдохов в минуту, полностью прекратившись.

Сильнейший цианоз развился в процессе и пена появилась у рта.

С 5 минутными интервалами записывались электрокардиограммы с трёх точек. После остановки дыхания ЭКГ (электрокардиограмма) продолжала запись до того как сердце полностью не остановилось. Через ½ часа после остановки дыхания, началось вскрытие».

Доклад Рашера также содержит следующий протокол «вскрытия»:

«Когда грудная полость была вскрыта, перикард был сильно заполнен (сердечная тампонада). При вскрытии перикарда вытекло 80 мл чистой желтоватой жидкости. В момент прекращения тампонады, правое предсердие начало сильно биться, сначала с 60 ударами в минуту, затем замедлившись. Через двадцать минут после вскрытия перикарда, прокалыванием было раскрыто правое предсердие. Около 15 минут тонкая струя крови вытекала наружу. Впоследствии, прокол в предсердии был

заполнен свернувшейся кровью и произошло возобновление работы правого предсердия.

«Час спустя после остановки дыхания, спинной мозг был полностью удалён и мозг был извлечен. Соответственно, работа предсердия остановилась на 40 секунд. Затем оно возобновило работу, полностью остановившись 8 минут спустя. В мозге был обнаружен большой внутренний отёк. В венах и артериях мозга, было обнаружено значительное количество воздуха. Более того кровеносные сосуды в сердце и печени были сильно повреждены эмболией». (1971-ПС)

После просмотра данного доклада Гиммлер иронично приказал о том, что если подопытный вернётся к жизни после проведения такого эксперимента, его следует «помиловать» пожизненным заключением в концентрационном лагере. Рашер ответил на это письмо, датированное 20 октября 1942 открыв, что до сих пор все жертвы этих экспериментов были поляками и русскими некоторые из которых были приговорены к смерти и Рашер запросил Гиммлера о том распространяется ли его великодушная милость на поляков и русских. (1971-ПС). Ответ по телетайпу от подсудимого Рудольфа Брандта, подтвердил убеждённость Рашера о том, что поляки и русские за гранью и им не следует предоставлять никакой амнистии. (1971-ПС).

Крайняя жестокость преступлений совершённых серией экспериментов отражается во всех документах. Доклад записанный в мае 1942 отражает, что некоторые из этих тестов проводились на лицах описываемых как «профессиональные еврейские преступники». Фактически эти евреи были осуждены за то, что нацисты называли «Rassenschande», которое дословно означает «расовый позор». Преступление включало брак или смешение между арийцами и неарийцами. Убийство и пытки этих несчастных евреев красноречиво отразились в следующем докладе:

«Для следующих экспериментов использовались еврейские профессиональные преступники совершившие расовое смешение. Вопрос формирования эмболии исследовался в 10 случаях. Некоторые из ПО умерли во время высотных экспериментов; например, после полутора часов на высоте 12 километров. После вскрытия черепа под водой, обильное количество воздуха было обнаружено в сосудах мозга и отчасти, воздух в желудочках мозга.

«С целью установить имелись ли тяжкие психические и физические эффекты, как упоминалось у номера 3, при

формировании эмболии, было проделано следующее: после относительного восстановления от такого парашютного падения, однако до прихода в сознание, некоторых подопытных, помещали под воду до смерти. Когда вскрывались череп и грудная полость и желудок под водой, огромное количество воздушной эмболии было обнаружено в сосудах мозга, коронарных сосудах и сосудах печени и кишечника и. т. д». (НО-220).

Жертвы которые не погибли в ходе таких экспериментов, определенно пожелали бы смерти. Длинный доклад написанный в июле 1942 Рашером и подсудимыми Руффом и Ромбергом, описывает эксперимент на бывшем магазинном клерке, которому дали кислородную маску и подняли в камере уровень атмосферы до 14000 метров, на которых маска снималась и симулировалось падение с парашютом. Доклад описывает реакции жертвы – «спазмические конвульсии», «агональное конвульсивное дыхание», «эпилептические конвульсии, стоны», «громкий крик», «конвульсии рук и ног», «гримасы, прикусывание языка», «отсутствие реакции на речь», «производит впечатление полностью потерявшего рассудок» (НО-402).

Доказательства которые мы представим, установят, что подсудимые Руфф и Ромберг лично участвовали с Рашером в экспериментах приводящих к смерти и пыткам; то, что подсудимый Зиверс следил за экспериментами весь день и сделал устный доклад Гиммлеру о своих наблюдениях; то, что подсудимый Рудольф Брандт являлся агентом Гиммлера в предоставлении людей для данных экспериментов и создавал многие иные возможности для Рашера и оказывал ему общее содействие; и то, что подсудимый Вельц, в своём официальном качестве непрерывно настаивал на надзоре и полной ответственности и доверии к данным экспериментам. Высшие власти как германских воздушных сил так и СС были полностью информированы относительно происходящего. Обширная переписка будет представлена, например относительно доступности барокамеры, которую германские воздушные силы подготовили в Дахау и относительно доступности Рашеру, который являлся сотрудником медицинской службы воздушных сил проведения экспериментов. Сведения, участие и ответственность за эти жестокие преступления со стороны подсудимых обвиняемых здесь будет чётко показан доказательствами.

Эксперименты по обморожению

Глубоким интересом германских воздушных сил в капитализации доступности заключенных концентрационных лагерей для экспериментальных целей даже более показателен в случае с экспериментами по обморожению. Они также проводились в Дахау. Они начались немедленно после завершения экспериментов с большой высотой и продолжались до весны 1943. Здесь вновь, подсудимый Вельц являлся непосредственно ответственным за эксперименты, с Рашером в качестве своего помощника, как это показано в письме написанном в мае 1942 фельдмаршалом Эрхардом Мильхом⁴¹ генеральным инспектором германских воздушных сил обергруппенфюреру СС Вольфу⁴² одному из главных подчиненных Генриха Гиммлера и это письмо особо просило, чтобы эксперименты по обморожению проводились в Дахау под надзором Вельца. (343-А-ПС).

Целью данных экспериментов было определение наиболее эффективного способа разогрева немецких лётчиков, которые парашютировались в Северное море. Доказательства покажут, что в ходе данных экспериментов, жертв принуждали оставаться на улице без одежды в морозную погоду от 9 до 14 часов. В иных случаях, их принуждали оставаться в резервуаре с ледяной водой 3 часа. Водные эксперименты описывались в докладе Рашера написанном в августе 1942. (1618-ПС) Я цитирую:

«Электрические измерения показали низкие температурные значения 26.4 С° в желудке и 26.5 С° в анальном отверстии. Смертельные случаи случались только, когда мозговой ствол и затылок также охлаждались. Вскрытия таких смертельных случаев всегда обнаруживали большое количество излившейся крови, до ½ литра, в черепной полости. Сердце неизменно показывало крайнее расширение правой камеры. Как только температура таких экспериментов достигала 28 С°, подопытные умирали, несмотря на все попытки реанимации».

Иные документы излагают, что время от времени температура воды снижалась на 10 С° и четверть крови забиралась из шейной артерии подопытного для анализа. Органы жертв, которые умерли извлекались и направлялись в патологический институт в Мюнхене.

Отогревание подопытных предпринималось различными средствами, наиболее общим и успешным была очень горячая ванна. В сентябре Гиммлер лично

⁴¹ Эрхард Мильх (1892 — 1972) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (19 июля 1940). Заместитель Германа Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению, был досрочно освобождён в 1955 году.

⁴² Карл Вольф (1900 — 1984) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Главный адъютант Г. Гиммлера.

приказал о том, чтобы предпринималось отогревание теплом человеческих тел, и бесчеловечные преступники, которые проводили эти эксперименты отобрали четырёх цыганских женщин из концентрационного лагеря Равенсбрюк. Когда женщины прибыли, отогревание предпринималось путём помещения замерзшего человека между двумя обнаженными женщинами.

Объёмный доклад об экспериментах по замораживанию проведённых в резервуарах ледяной воды, написанный в октябре 1942, содержит следующее (НО-428):

«Если подопытный помещался в воду под наркозом, наблюдался определенный возбуждающий эффект. Подопытный начинал стонать и совершал некоторые защитные движения. В нескольких случаях, развивалось возбужденное состояние. Оно было особо острым при охлаждении головы и шеи. Но никогда не наблюдалось полного снятия наркоза. Защитные движения уменьшались после приблизительно 5 минут. Следовал прогрессирующий озноб, который развивался в особенности в мускулатуре рук; руки были сильно напряжены и прижимались к телу. Озноб возрастал при продолжении охлаждения, прерываясь нарастающим и гаснущим тремором. При более выраженном погружении тела он внезапно исчезал. Данные случаи завершились смертельно и без каких-либо успешных результатов реанимационных мероприятий».

.....

«Эксперименты без наркоза не показали существенных отличий в ходе охлаждения. Со входом в воду появлялся сильный холодный тремор. Охлаждение шеи и затылка ощущалось особо болезненным, но уже после 5-10 минут, было заметно значительное снижение ощущения боли. Озноб развивался со временем таким же образом как при наркозе, также с кататоническими подергиваниями. В этот момент, речь затруднялась, потому что озноб также влиял на речевую мускулатуру.

«Одновременно с ознобом, большая сложность в дыхании создавалась как с наркозом так и без. Сообщалось о том, так сказать, что стальной обруч сжал грудь. Объективно, уже в начале этого затруднения дыхания, отмечалось расширение ноздрей. Вдыхание было продолжительным и заметно

затруднённым. Такое затруднение переходило в шумное и сиплое дыхание...» (Курсив не приводится)

Зимой 1942 и 1943 проводились эксперименты с «сухим» холодом. И Рашер докладывал о них в ещё одном письме Гиммлеру (1616-ПС):

«До сих пор я охладил около 30 раздетых людей на открытом воздухе в течение 9-14 часов при 27 С°-29 С°. Спустя время соответствующее перевозке 1 часа, я помещал этих подопытных в горячую ванну. До сих пор каждый пациент полностью отогревался за 1 час как наибольшее, хотя у некоторых из них руки и ступни замёрзли добела».

Ответственность среди подсудимых за эксперименты по заморозке по составу похожи на тесты с большой высотой. Результаты были, в том числе, даже более широко известны в немецких медицинских кругах. В октябре 1942 медицинское совещание проходило здесь в Нюрнберге в отеле «Deutscher Hof⁴³» на котором один из авторов доклада из которого я цитировал о предмете «Предотвращение и лечение при переохлаждении» и подсудимый Вельц выступал по предмету «Отогревание после переохлаждения до опасного уровня». Множественные документы, которые мы представим, показывают широкую ответственность среди подсудимых и в высших квартирах германских воздушных сил, за эти презренные преступления.

Эксперименты с малярией

Ещё одна серия экспериментов проводилась в концентрационном лагере Дахау относительно иммунизации и лечения малярии. Более 1200 заключённых любой национальности подверглись экспериментам. Много лиц, которые участвовали в этих экспериментах уже предстали перед военным трибуналом в Дахау, и выводы данного суда будут представлены трибуналу. Эксперименты по малярии проводились под общим надзором доктора Шиллинга⁴⁴, с которым сотрудничали подсудимый Зиверс и остальные на скамье. Доказательства покажут, что здоровых лиц инфицировали комарами или инъекциями из желез москитов. Католические священники находились среди подопытных. Подсудимый Гебхардт информировал Гиммлера о прогрессе в данных экспериментах. Розе готовил для

⁴³ «Немецкий двор» - отель в Нюрнберге, резиденция НСДАП в 1925-1933.

⁴⁴ Клаус Карл Шиллинг (1871 — 1946) — немецкий медик, участник медицинских экспериментов, проводившихся над заключёнными концлагеря Дахау. После поражения гитлеровской Германии был приговорён к смертной казни через повешение, казнён в 1946 году.

Шилинга личинки, а остальные подсудимые участвовали различными способами которые будут продемонстрированы.

После инфицирования жертв, им применяли хинин, неосальварсан, пирамидон, антипирин и несколько комбинаций данных лекарств. Много смертей произошло от передозировок неосальварсана и пирамидона. Согласно выводам суда в Дахау, непосредственно малярия привела к 30 смертям и от 300 до 400 других погибли в результате последующих осложнений.

Эксперименты с горчичным газом

Эксперименты касавшиеся горчичного газа проводились в концентрационных лагерях Заксенхаузен, Нацвейлер и других концентрационных лагерях и распространялись на весь период войны. Раны умышленно наносились жертвам и затем раны инфицировались горчичным газом. Других подопытных принуждали вдыхать горчичный газ, или принимать его внутрь в жидкой форме, другим вводились инъекции газа. Доклад, об этих экспериментах написанный в конце 1939 описывал определенные случаи, в которых раны причинялись на обеих руках подопытных кроликов и затем инфицировались и доклад заявляет: «В большинстве случаев руки сильно опухли и боли были сильнейшими».

Предполагаемой целью данных экспериментов было установление эффективного способа лечения ожогов причинённых горчичным газом. В 1944 эксперименты координировались с общей программой исследований газового оружия. Распоряжением, принятым Гитлером в марте 1944 было приказано, чтобы подсудимый Карл Брандт усилил медицинские исследования в связи с газовым вооружением. Подсудимый Карл Брандт направил копии данного распоряжения подсудимому Зиверсу, Гравицу и остальным и передал просьбу Гитлера о том, чтобы они вскоре провели совещание с подсудимым Карлом Брандтом «в связи с чрезвычайностью приказа отданного ему фюрером». Впоследствии Зиверс, который был полностью знаком с экспериментами по горчичному газу проводимыми в концентрационных лагерях, докладывал о подробностях данных экспериментов подсудимому Карлу Брандту.

Эксперименты в Равенсбрюке относительно сульфаниламида и других лекарств;
костная, мышечная и нервная регенерация и костная трансплантация

Эксперименты, проводимые в основном на заключенных женщинах концентрационного лагеря Равенсбрюк вероятно являются наиболее варварскими из всех. Они касались костной, мышечной и нервной регенерации и костной

трансплантации и экспериментов с сульфаниламидом и другими лекарствами. Они проводились подсудимыми Фишером и Оберхойзер под руководством подсудимого Гебхардта.

В одной группе экспериментов, инородные тела вводились в ноги нескольких лагерных заключенных для цели симулирования инфекций на поле боя. Бактериальная культура или фрагменты опилок или небольшие кусочки стекла вводились в рану. Через несколько дней раны обрабатывались сульфаниламидом. Гравиц, глава медицинской службы СС, посетил Равенсбрюк и получил доклад об этих экспериментах напрямую от подсудимого Фишера. Гравиц соответственно распорядился о том, чтобы раны причиняемые подопытным должны были быть ещё более жестокими для того, чтобы условия были такими которые преобладают на фронте.

Пулевые ранения симулировались на подопытных пережатием кровеносных сосудов с обеих концов раны. Затем в рану помещалась гангренообразующая культура. Сильная инфекция возникла за 24 часа. Затем проводились операции на инфицированных местах и раны обрабатывались сульфаниламидом. В каждом из многих экспериментов с сульфаниламидом, некоторые подопытные были ранены и инфицированы без лечения сульфаниламидом, для того, чтобы сравнить их реакцию с теми кто его получал.

Костная трансплантация от одного лица другому и регенерация нервов, мышц и костей также испытывалась на женщинах в Равенсбрюке. Подсудимый Гебхардт лично приказал о том, чтобы проводились эксперименты по костной трансплантации, и в одном случае лопатка заключенной Равенсбрюка была удалена и вывезена в госпиталь Хохенлихена и там пересажена. Мы покажем, что подсудимый даже не имел какой-либо научной задачи. Эти эксперименты были бесчувственными, садистскими и совершенно дикими.

Обязанностями подсудимой Оберхойзер в Равенсбрюке в связи с экспериментами был отбор молодых и здоровых заключенных для экспериментов, присутствие на хирургических операциях, и предоставление подопытным постоперационного ухода. Мы покажем, что данный уход включал в основном полное пренебрежение сестринскими требованиями и жестокое и оскорбительное обращение с беззащитными жертвами.

Другие эксперименты такой же категории проводились в Дахау для обнаружения метода достижения свёртываемости крови. В заключенных концентрационного лагеря стреляли или ранили иным образом с целью вызвать нечто похожее на ранение поля боя. Эти ранения затем обрабатывались веществом известным как полигель с целью испытать его качества на свёртываемость крови.

Несколько заключенных были убиты. Сульфаниламид также назначался некоторым и отнимался у других заключенных, которых инфицировали гноем у лиц больных флегмоной. Возникало заражение крови. После инфицирования за жертвами не ухаживали от 3 до 4 дней, после чего приписывались различные экспериментальные вещества или проводились экспериментальные хирургические операции. Польские католические священники использовались для этих тестов. Многие погибли, а остальные стали инвалидами.

Как результат всех этих бесчувственных и варварских экспериментов, подсудимые являются ответственными за бесчисленные убийства и неслыханную жестокость и пытки.

Эксперименты с морской водой

Для экспериментов с морской водой мы возвращаемся в Дахау. Они проводились в 1944 в интересах германских воздушных сил и германского флота с целью разработать метод пригодности для потребления морской воды. Заседания по обсуждению данной проблемы проводились в мае 1944, в присутствии представителей Люфтваффе, флота и И. Г. «Фарбен⁴⁵». Подсудимые Бекер-Фрейзинг и Шефер присутствовали в качестве участников. Была согласована серия экспериментов, в которых подопытных, кормили только чрезвычайными рационами для кораблекрушений разделенными на четыре группы. Одна группа вообще не получала воды; вторая пила обычную морскую воду; третья пила морскую воду обработанную по так называемому методу «Берка», который смягчал вкус, но изменял солевое содержание; четвёртая пила морскую воду обработанную для удаления соли.

Поскольку ожидалось, что подопытные умрут, или по крайней мере пострадают от тяжкого вреда здоровью, на встрече в мае 1944 было решено, что только лица подготовленные Гиммлером могут быть использованы. Впоследствии в июне 1944 подсудимый Шрёдер изложил программу написав Гиммлеру и я цитирую из его письма (НО-185):

«Ранее вы уже позволили Люфтваффе разрешить неотложные медицинские вопросы посредством экспериментов на людях. Сегодня я вновь стою перед вопросом, который после множественных экспериментов на животных и добровольных

⁴⁵ И. Г. Фарбен, также И. Г. Фарбениндусти (нем. Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie AG — объединение капиталов красильных материалов) — конгломерат германских концернов, созданных в 1925 году и ранее во время Первой мировой войны.

подопытных, требует окончательного решения. Люфтваффе одновременно разработало два метода пригодности для питья морской воды. Один метод, разработанный медицинским офицером, устраняет соль из морской воды и превращает её в настоящую пресную воду; второй метод, предложенный инженером, оставляет содержание соли неизменным, но лишь устраняет неприятный вкус морской воды. Последний метод, в отличие от первого, не требует критического сырья. С медицинской точки зрения данный метод следует критически изучить, так как применение концентрированных солевых растворов может привести к сильным симптомам отравления.

«Так как эксперименты на людях до сих пор проводились лишь в периоде 4 дней, а практические требования для лечения пострадавших в море установлены в 12 дней, требуются необходимые эксперименты.

«Требуются 40 здоровых подопытных, которые должны быть доступны на 4 полных недели. Так как по предыдущим экспериментам известно, что необходимые лаборатории существуют в концентрационном лагере Дахау, данный лагерь будет крайне удобным».

.....

«В силу огромной важности, которую имеет решение данной проблемы для потерпевших крушение военнослужащих Люфтваффе и флота, я был бы вам чрезвычайно обязан, мой дорогой министр Рейха, если вы согласитесь на мою просьбу».

Гиммлер спустил это письмо Гравицу, который проконсультировался с Гебхардтом и иными сотрудниками СС. Типичная и отвратительная нацистская дискуссия последовала за этим. Один эсэсовец предложил использовать заключенных на карантине и евреев; другой предложил цыган. Гравиц сомневался в том, что эксперименты на цыганах, дадут результаты, которые будут научно применимы к немцам. Наконец Гиммлер распорядился о том, чтобы цыгане использовались вместе с тремя другими для проверки.

Сами тесты начались в июле 1944. Подсудимый Бейгельбек надзирал за экспериментами, в ходе которых подопытные цыгане испытывали ужасные страдания, потеряв рассудок или испытывая конвульсии, а некоторые погибли.

Эксперименты по эпидемической желтухе, которые проходили в концентрационных лагерях Нацвейлер и Заксенхаузен, были организованы подсудимым Карлом Брандтом. Письмо написанное Гравицем придавало огромное военное значение развитию вакцинации против эпидемической желтухи, которая быстро распространялась в Ваффен-СС и германской армии, в частности в южной России. В некоторых ротах до 60 процентов потерь приходилось на эпидемическую желтуху. Гравиц далее информировал Гиммлера о том, что, и я цитирую:

«Генеральный комиссар фюрера, бригадефюрер СС, профессор, доктор Брандт, обратился ко мне с просьбой помочь ему в получении заключенных для использования в связи с его исследованиями причин эпидемической желтухи, которые сильно продвинулись благодаря его усилиям... С целью расширения наших сведений, до сих пор основанных только на вакцинации животных микробами взятыми у людей, не потребуется обратной процедуры и вакцинации людей микробами выращенными в животных. Предполагаются жертвы»

Гравиц также проводил исследования по данной проблеме при содействии доктора Домена⁴⁶, медицинского офицера приданного медицинской инспекции армии. Гиммлер ответил следующее на письмо Гравица (НО-011):

«Я одобряю, что восемь преступников приговорённых в Аушвице (восемь евреев из польского движения сопротивления приговорённых к смерти) следует использовать для экспериментов».

Другие доказательства укажут на то, что сфера данных экспериментов впоследствии расширялась, что они привели к убийствам, пыткам и смерти.

Эксперименты по стерилизации

В экспериментах по стерилизации проводимых подсудимыми в Аушвице, Равенсбрюке и других концентрационных лагерях, разрушительный характер нацистской медицинской программы выступил наиболее ярко. Нацисты искали методы уничтожения, как убийством так и стерилизацией, больших групп населения, наиболее научными и наименее подозрительными методами. Они развили новую отрасль медицинской науки, которая бы предоставила им научные средства для планирования и практики геноцида. Основной задачей было

⁴⁶ Арнольд Домен (1906 - 1980) – немецкий терапевт, бактериолог, штабсаргт медицинской инспекции армии. Проводил эксперименты с эпидемической желтухой в концентрационном лагере Заксенхаузен.

обнаружение дешёвого, необременительного и быстрого метода стерилизации, который мог использоваться для истребления русских, поляков, евреев и иных народов. Хирургическая стерилизация мыслилась как слишком медленная и дорогая для масштабного использования. Желательным считался метод незаметной стерилизации.

Проводились медицинские стерилизации. Доктор Мадаус⁴⁷ заявлял о том, что диффенбахия сегвина, вещество получаемое из северо-американского растения, принятое орально или инъекцией, приводит к стерилизации. В 1941 подсудимый Покорни обратил на это внимание Гиммлера и предложил, чтобы это разработали и применяли против русских военнопленных. Я процитирую один абзац из письма Покорни написанного тогда (НО-035):

«Если, с учётом данного исследования, будет возможно производить вещество, которое за сравнительно короткое время вызовет незаметную стерилизацию у человека, тогда мы получим в своё распоряжение новое мощное оружие. Лишь одна мысль о том, что 3 миллиона большевиков, нынешних пленников Германии, можно будет стерилизовать для того, чтобы можно было использовать их в качестве рабочих, предотвратив их размножение, открывает далеко идущие перспективы».

В результате предложения Покорни, проводились эксперименты на заключённых концентрационных лагерей для тестирования эффективности этого вещества. В то же время предпринимались усилия по крупномасштабному выращиванию растения в теплицах.

В концентрационном лагере Аушвиц эксперименты по стерилизации также проводились в большом масштабе доктором Карлом Клаубергом⁴⁸, которые разработал метод стерилизации женщин, основанный на инъекции раздражающего раствора. Несколько тысяч евреек и цыганок были стерилизованы в Аушвице таким способом.

Помимо этого, хирургические операции проводились в Бухенвальде над сексуально извращёнными заключёнными с целью определить возможно ли увеличить их либидо трансплантацией желез. Из 14 подопытных, по крайней мере 2 погибли.

---

⁴⁷ Герхард Мадаус (1890 - 1942) – немецкий медик и промышленник. Вместе с братьями основал компанию «Мадаус и Ко».

⁴⁸ Карл Клауберг (1898 - 1957) — немецкий врач, проводивший медицинские эксперименты над людьми в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны. Он работал с Хорстом Шуманом и проводил эксперименты рентгеновской и медикаментозной стерилизации в Освенциме. Был осуждён в 1948 году в СССР. В 1955 передан ФРГ, вновь арестован, умер в ожидании суда.

Подсудимый Гебхардт также лично проводил стерилизации в Равенсбрюке путём хирургических операций. Подсудимый Виктор Брак, в марте 1941, представил Гиммлеру доклад о прогрессе и состоянии экспериментов со стерилизацией рентгеновским излучением. Брак пояснял, что было установлено, что стерилизация мощным рентгеновским излучением может приводить к кастрации. Опасность метода рентгеновского излучения заключалась в том, факте, что другие части тела, если они не были защищены от излучения, также серьезно страдали. С целью предотвратить осознание жертвами своей кастрации, Брак внёс следующее фантастическое предложение в письме написанном в 1941 Гиммлеру, из которого я процитирую (НО-203):

«Одним из практических способов, была бы обработка людей подходящих к перегородке, за которой их бы просили ответить на некоторые вопросы или заполнить формы, что занимало бы 2 или 3 минуты. Сотрудник сидящий за перегородкой сможет управлять установкой таким образом, что переключателем сможет включать две трубки одновременно (так как облучение должно воздействовать с обеих сторон). С двухтрубной установкой можно стерилизовать приблизительно 150-200 лиц в день, и поэтому, при 20 таких установках уже 3000-4000 лиц в день. По моей оценке большее число в любом случае не может быть направлено для этой задачи»

В том же самом докладе подсудимый Брак отметил, что, и я цитирую (НО-203):

«...с учётом нынешнего состояния радиологической техники и исследований, массовая стерилизация путём рентгеновского излучения может быть проведена безо всяких затруднений. Однако, кажется невозможным проводить её таким образом, чтобы лица на которых оказывается воздействие рано или поздно не узнали о том, что они были стерилизованы или кастрированы рентгеновским излучением».

Ещё одно письмо от Брака Гиммлеру в июне 1942 излагало основу для экспериментов с рентгеновским излучением, которые впоследствии проводились в Аушвице. Второй параграф данного письма даёт чёткий вывод насчёт деградации нацистов, и я цитирую: (НО-205):

«Среди 10 миллионов евреев в Европе, я насчитываю, по крайней мере от 2 до 3 миллионов мужчин и женщин, пригодных для работы. Учитывая чрезвычайные трудности с проблемой рабочих имеющиеся у нас, я разделяю взгляд на то,

что эти от 2 до 3 миллионов следует особо отбирать и сохранять. Однако, это возможно сделать лишь если в то же самое время сделать их неспособными к размножаться. Приблизительно год назад я докладывал вам о том, что мои агенты завершили необходимые эксперименты необходимые для данной задачи. Я вновь хочу напомнить данные факты. Стерилизация, обычно проводимая на лицах имеющих наследственные болезни, не обсуждается, потому что они слишком долгая и слишком дорогая. Кастрация рентгеновским излучением, однако, не только относительно дешёва, но также может проводиться на многих тысячах за кратчайшее время. Я думаю, что сейчас уже не имеет значимости, узнают ли люди о кастрации спустя несколько недель или месяцев, раз уж они почувствовали эффекты».

Тиф и похожие эксперименты

С декабря 1941, до конца войны, широкая программа медицинских экспериментов проводилась на заключенных концентрационных лагерей Бухенвальд и Нацвейлер для установления ценности различных вакцин. Данное исследование включало различные заболевания – тиф, жёлтая лихорадка, натуральная оспа, паратиф А и Б, холера и дифтерия. Дюжина или более подсудимых были вовлечены в эти эксперименты, которые характеризовались как наиболее циничное пренебрежение человеческой жизнью. Сотни людей погибли. Эксперименты относительно тифа – известного в Германии как Fleckfieber или «точечная лихорадка», не следует путать с американским цереброспинальным менингитом – в особенности ужасающие.

Эксперименты с тифом в Нацвейлере проводились доктором Ойгеном Хаагеном⁴⁹, офицером медицинской службы воздушных сил и профессором университета Страсбурга. Осенью 1943, посредством подсудимого Зиверса, Хааген получил 100 заключенных концентрационных лагерей для экспериментов с вакцинами тифа. Еще две сотни заключенных были готовы летом 1944. Данные эксперименты вызывали много жертв среди заключенных.

Общий ход данных экспериментов по тифу был следующим. Группе заключенных концентрационных лагерей, отобранной из наиболее здоровых, которые имели определенное сопротивление к болезни, вводилась антитифозная

---

⁴⁹ Ойген Хааген (1898 - 1972) – немецкий бактериолог и вирусолог, профессор университета Страсбурга. Оберштабсарцт Люфтваффе. Проводил эксперименты с вирусом тифа на заключенных в концентрационном лагере Нацвейлер. В 1952 приговорён французским судом к тюремному заключению. Амнистирован в 1955.

вакцина, эффективность которой следовало протестировать. Впоследствии, все лица в группе инфицировались тифом. В то же время, других заключенных, которых не вакцинировали, также инфицировали для целей сравнения – эти не вакцинированные жертвы назывались «контрольной группой». Но вероятно наиболее мерзким и убийственным обстоятельством всего дела было то, что других заключенных умышленно инфицировали тифом с единственной целью сохранения тифа живым и в целом доступным в крови заключенных.

Убийства тифом в Бухенвальде проводились в 1942 и 1943 под руководством Генцкена и Мруговски. Запросы на подопытных кроликов направлялись и выполнялись подсудимым Ховеном. Основная часть действительной работы проводилась печально знаменитым врачом известным как доктор Динг⁵⁰, который совершил самоубийство после войны. Но сохранился личный дневник доктора Динга.

Первая запись в дневнике Динга, от 29 декабря 1941, открывает, что здесь снова, толчок для этих убийственных исследований исходил от Вермахта. Данная запись описывает совещание организованное подсудимым Хандлозером и доктором Конти, соответственно главами военной и гражданской медицинской служб Рейха, на котором также присутствовал подсудимый Мруговски. Тиф создавал серьезные трудности германским войскам сражавшимся в России. Отчёт об этих совещаниях относится, к тому, что я процитирую (НО-265):

«Поскольку тесты на животных не представляют достаточной ценности, необходимо провести тесты на людях».

Другие записи в дневнике Динга цитируемые ниже являются типичными за период 3 лет и дают определенную идею о смертности жертв (НО-265).

«Предварительный тест Б:

«Предварительный тест для установления средств гарантированного заражения: Как и при вакцинации натуральной оспой, 5 лиц были заражены вирусной культурой мембранной оболочки (штамм риккетсия Провачека, институт Роберта Коха) путём 2 поверхностных и 2 глубоких порезов на предплечье.

«Все подопытные использованные для этого теста заболели настоящим тифом. Инкубационный период от 2 до 6 дней.

«20 фев 42: Истории болезни и таблицы о предварительных тестах для установления гарантированных средств инфицирования направлены в Берлин.

⁵⁰ Эрвин Динг-Шулер (1912 — 1945) — немецкий врач и штурмбаннфюрер СС, проводивший эксперименты с тифом над людьми в концентрационном лагере Бухенвальд. Покончил жизнь самоубийством после ареста.

«1 смерть из 5 заболевших.

«17 мар 42: Визит профессора Гильдмайстера⁵¹ и профессора Розе (глава отделения тропической медицины в институте Роберта Коха) на экспериментальную станцию. Все подопытные заболели тифом за исключением двух, которые как было установлено позже, уже болели тифом во время эпидемии в полицейской тюрьме в Берлине.

«9 янв 43: По приказу начальника медицинской службы Ваффен-СС, группенфюрера СС и генерал-майора Ваффен-СС доктора Генцкена, тифозная исследовательская станция в концентрационном лагере Бухенвальд стала «отделением исследований тифа и вирусов». Начальником отделения будет штурмбаннфюрер СС, доктор Динг. В его отсутствие, медицинский офицер Ваффен-СС, Веймар, гауптштурмфюрер СС Ховен, надзирает за производством вакцин».

«13 и 14 апр 43: Подразделению штурмбаннфюрера СС доктора Динга приказано явиться в И.Г. Фарбениндуэстри, Хёст. Совещание с профессором Лаутеншлегером⁵², доктором Вебером и доктором Фюсгангером об экспериментальных сериях «гранулат акридина и рутенол» в концентрационном лагере Бухенвальд. Визит к гехаймрату Отто и профессору Пригге в институте экспериментальной терапии во Франкфурте-на-Майне.

«24 апр 43: Терапевтические эксперименты гранулата акридина (А-ГР2) и рутенола (Р-2) Для проведения терапевтических экспериментов гранулата акридина и рутенола, 30 лиц (по 15 каждый) и 9 лиц в качестве контрольных были инфицированы внутривенной инъекцией по 2 мл свежей тифозной крови. Все подопытные заразились очень сильным тифом.

«1 июн 43: Таблицы и истории болезни составлены. Экспериментальные серии завершены. 21 смерть (8 гранулат акридина, 9 у рутенола, 5 контрольных).

«7 сен 43: Таблица и истории болезни завершены. Экспериментальные серии завершены – 53 смерти.

⁵¹ Ойген Гильдмайстер (1878 – 1945) – немецкий бактериолог и президент института Роберт Коха в 1942-1945. Покончил жизнь самоубийством после битвы за Берлин.

⁵² Карл-Людвиг Лаутеншлегер (1888-1962) – член правления И.Г. Фарбен. Директор предприятия Хёст. В 1948 был оправдан американским трибуналом в Нюрнберге.

«8 мар 44 - 18 мар 44: Предложенная полковником мед. службы воздушных сил, оберстарцтом, профессором Розе вакцина «Копенгаген» (вакцина Ипсен-Мурена), изготовленная из печени мыши национальным институтом сыворотки в Копенгагене, была протестирована на совместимость с людьми. 20 лиц были вакцинированы для иммунизации...10 лиц были отобраны для контроля и сравнения.

«Остальные подопытные были инфицированы 16 апр 44 подкожной инъекцией 1/20 мл свежей тифозной крови. Заболели следующие: а. 17 лиц иммунизированных; 9 средне, 8 серьёзно. б. 9 контрольных лиц; 2 средне, 7 серьёзно.

«13 июн 44: Таблица и истории болезней составлены и направлены в Берлин. 6 смертей (3 Копенгаген, 3 контроль).

«4 ноя 44: Таблица и истории болезни завершены.
24 смерти

Копии каждого из официальных докладов доктора Динга направлялась подсудимыми Мруговски и Поппендик также как и лабораториям И.Г. Фарбениндустри в Хёсте. Нигде доказательства в настоящем деле не раскрывают наиболее мерзко и убийственно курс поведения людей, которые практиковали лечение нежели в записях дневника доктора Динга относительно экспериментам по тифу.

Эксперименты с ядом

И снова подсудимые изучали, как убивать и сцена это Бухенвальд. Яды добавлялись русским военнопленным в еду и германские доктора за ширмой следили за реакциями пленных. Некоторые из русских погибли немедленно, а выживших убили с целью проведения вскрытий.

Подсудимый Мруговски, в письме написанном в сентябре 1944, подготовил нам протокол о другом эксперименте в котором в жертв стреляли отравленными пулями, и я цитирую (НО-201):

«В присутствии штурмбаннфюрера СС доктора Динга, доктора Видманна, и нижеподписавшегося, 11 сентября 1944, на 5 лицах приговоренных к смерти были проведены эксперименты с боеприпасами нитрата аконитина. Исследуемые боеприпасы имели калибр 7.65 мм, и были заполнены кристаллическим ядом. Подопытным, каждому в положении лёжа, был произведён выстрел в верхнюю часть бедра. Бёдра двух из них были

прострелены насквозь. Даже потом, не наблюдалось никакого отравляющего эффекта. Соответственно эти двое подопытных были освобождены».

.....

«В течение первого часа эксперимента зрачки не показывали никаких изменений. Спустя 78 минут зрачки у всех троих показали среднее сужение с замедленной реакцией на свет. Одновременно, возникло усиленное дыхание с тяжкими вздохами. Оно уменьшилось спустя несколько минут. Зрачки вновь расширились и их реакция улучшилась. Спустя 65 минут коленные и пяточные рефлексы отравленных были отрицательными. Брюшные рефлексы у двоих были также отрицательными. Верхние брюшные рефлексы у третьего были пока положительными, при том, что нижние были отрицательными. Спустя приблизительно 90 минут, один из подопытных вновь начал тяжело дышать. Это сопровождалось возрастанием двигательного беспокойства. Затем тяжёлое дыхание перешло в ровное, ускоренное дыхание, сопровождающееся сильным насморком. Один из отравленных попытался вызвать рвоту. Для этого он поместил четыре пальца в глотку, но не смог вырвать. Его лицо покраснело.

«Двое других подопытных уже вначале продемонстрировали бледность. Другие симптомы были аналогичными. Двигательное беспокойство возросло настолько, что лица брыкались, закатывали глаза и совершали бессмысленные движения руками и ладонями. Наконец возбуждение уменьшилось, зрачки сузились до максимума и осуждённые остались лежать неподвижно...

«Смерть наступила на 121, 123 и 129 минутах после введения боеприпаса».

Эксперименты с зажигательными бомбами

Данные эксперименты также проводились в Бухенвальде и дневник Динга приводит факты. В ноябре 1943 пяти лицам были умышленно подожжены

фосфорным материалом взятым из английской зажигательной бомбы. Жертвы были длительно и серьезно травмированы.

Коллекция еврейских скелетов

Сейчас я перехожу к обвинениям предъявленным в параграфах с 7 по 11 обвинительного заключения. Данные параграфы вероятно являются наиболее омерзительными обвинениями во всём обвинительном заключении. Они касаются подсудимых Рудольфа Брандта и Зиверса. Зиверс и его соратники по обществу «Аненербе» были полностью ослеплены зловещими и отвратительными нацистскими расовыми теориями. Они перенесли применение этих мерзких теорий в сферу антропологии. То к чему это привело было убийственным безумством.

В феврале 1942 Зиверс представил Гиммлеру через Рудольфа Брандта доклад из которого следующее является отрывком (НО-085):

Здесь имеются обширные коллекции черепов почти всех рас и народов. Однако, от еврейской расы, имеется в распоряжении весьма мало образцов черепов, что не позволяет изучить их и сделать точные выводы. Война на Востоке предоставляет нам возможность ликвидировать этот недостаток. Получив черепа иудо-большевистских комиссаров, которые персонифицируют отвратительную, но при этом характерную недочеловечность, у нас будет возможность получить осязаемое научное доказательство.

«Получение и сбор этих черепов без затруднений могут быть в будущем завершены путём директивы принятой для Вермахта о немедленной передаче всех живых иудо-большевистских комиссаров полевой полиции. Полевая полиция должна принять особые директивы о постоянном информировании определённого ведомства о количестве и месте содержания таких захваченных евреев и хорошо охранять их до прибытия особого уполномоченного. Этот особоуполномоченный, с поручением сбора материала (младший врач приданный Люфтваффе или даже полевой полиции, или медицинский студент обеспеченный автомобилем и водителем), должен сделать серию фотографий и антропологических измерений, и установить, насколько возможно, происхождение, дату рождения, и другие личные данные пленного. После наступления смерти еврея, чья голова не должна быть повреждена, он отделит голову

от туловища и направит её в точку назначения в консервирующей жидкости в герметичном контейнере специально предназначенном для этой цели. На основе фотографий, измерений и других данных о голове и наконец, самом черепе, начинаются сравнительно-анатомические исследования, исследования расовой принадлежности, патологические характеристики формы черепа, форма и размер мозга, и многие другие вещи».

После обширной переписки между Гиммлером и подсудимыми Зиверсом и Рудольфом Брандтом было решено получить черепа заключенных из концентрационного лагеря Аушвиц вместо фронта. Тайная программа осуществлялась как показано в письме от Зиверса написанном в июне 1943, говоря (НО-087):

«Вы проинформировали о том, что сотрудник данного отдела, ответственный за исполнение вышеуказанной специальной задачи, гауптштурмфюрер СС, доктор Бруно Бегер, завершил свою работу в концентрационном лагере Аушвиц 15 июня 1943, в связи с наличием опасности заразных заболеваний.

Работа была проведена со 115 лицами, 79 из которых евреи, 2 поляки, 4 азиаты и 30 еврейки. Сейчас, данные заключенные разделены по полу и каждая группа размещена в госпитальном здании концентрационного лагеря Аушвиц и находится на карантине».

После умерщвления этих евреев их тела были направлены в Страсбург. Год спустя союзные армии прошли Францию и оказались рядом со Страсбургом где выставлялась омерзительная выставка культуры высшей расы. Взволнованный Зиверс направил Рудольфу Брандту в сентябре 1944 телеграмму, из которой я цитирую:

«В соответствии с предложением от 9 февраля 1942 и вашим одобрением от 23 февраля 1942, штурмбаннфюрер, профессор Хирт⁵³ запланировал настоящую отсутствующую коллекцию скелетов. Ввиду большой степени научных исследований в связи с ней, подготовка скелетов ещё не завершилась. Хирт попросил соответствующее время необходимое для 80 образцов и решение об обращении с коллекцией находящейся в прозекторской анатомического института, в случае угрозы Страсбургу. Он

⁵³ Август Хирт (1898 — 1945) — немецкий антрополог и анатом, гауптштурмфюрер СС, глава анатомического института СС в Страсбурге, руководящий сотрудник «Аненербе», военный преступник. Покончил жизнь самоубийством.

сможет провести их обескоживание и таким образом неопознаваемость. Однако, это не означает, что вся работа была проделана впустую – даже в части – и что эта единственная коллекция будет потеряна для науки, поскольку было бы невозможно сделать гипсовые слепки впоследствии. Скелетная коллекция, как таковая неподозрительна. Фрагменты кожи можно объявить как оставленные французами ко времени, когда мы приняли анатомический морг и подлежащие кремации. Запрашивается решение о следующих предложениях:

- (1) Коллекция может быть сохранена.
- (2) Коллекция частично ликвидируется.
- (3) Коллекция полностью ликвидируется».

Финальная глава этого варварского предприятия находится в записке в делах Гиммлера адресованной Рудольфу Брандту:

«Во время визита в оперативную штаб-квартиру 21 ноября 1944, Зиверс рассказал мне о том, что коллекция в Страсбурге была полностью ликвидирована в соответствии с директивой полученной им. По его мнению, такое мероприятие являлось лучшим в виду общей ситуации.

Однако эти люди, столкнулись с рукой судьбы. Тела этих несчастных людей не были полностью ликвидированы, и данный трибунал услышит показания свидетелей и увидит фотографические доказательства отвратительного морга, которым являлся анатомический институт университета Страсбурга.

Я завершаю обзор некоторых из зловещих преступлений, которые данные подсудимые совершили от имени науки. Ужасный протокол их деградации не требует подчёркивания. Но германская медицинская наука в прошлые годы уважалась во всём мире и многие выдающиеся имена в медицинских исследованиях являются немецкими. Как получилось так, что случилось такое? Я кратко обрисую исторические свидетельства, которые мы представим и которые, как мне кажется, покажут, что данные преступления являлись логическим и неизбежным итогом падения германской медицины при нацистах.

Организация германской медицины до 1933

Спустя два года после восстановления Германского Рейха в 1871, была создана Германская медицинская ассоциация (Deutscher Arztevereinsbund), которая объединила старые медицинские ассоциации. Это общество существовало до упразднения нацистским правительством. Её структура была демократической, и её

интересы включали проблемы гигиены и общественного здравоохранения и в возраставшей степени, медико-социальные проблемы в особенности в сфере страхования по болезни и нетрудоспособности.

Законодательство Бисмарка⁵⁴ 1881 ввело для рабочих обязательное страхование по болезни. В ходе последовавших лет, большая часть рабочих была застрахована, и соответственно большинством пациентов обычных врачей становились застрахованные. Существовали списки врачей допущенных для лечения застрахованных пациентов, и жизненно важным для любого практикующего врача было попасть в список. Для защиты своих интересов при отборе, взносах и иных проблемах, немецкие доктора основали добровольную ассоциацию по защите своих экономических интересов известную как Союз Хартманна⁵⁵.

Вопросы профессиональной этики, медицинских ошибок, и т.д., передавались в Германии двум разным медицинским комиссиям или «судам». Полностью неофициальная и добровольная система была создана германской медицинской ассоциацией. Другая, которая была наделена полуофициальным статусом называлась палата врачей Рейха. Эти палаты избирались голосованием членов и поддерживались членскими взносами.

В дополнение к этим организациям в Германии существовали чисто профессиональные общества докторов, в которых обсуждались научные и практические проблемы, и которые создавали связи с похожими обществами за рубежом. Германскими правительственными службами, которые надзирали за сертификацией и лицензированием врачей также как и за их профессиональной деятельностью являлись министерства образования и управления здравоохранения Рейха (Reichsgesundheitsamt) министерства внутренних дел различных германских государств, хотя лицензирование являлось федеральной функцией нежели функцией государств.

Медицинское образование и подготовка были достаточно стандартизированными, но хорошими. Студенты проводили от 5 до 6 лет в одном из нескольких медицинских университетов; они сдавали окончательный экзамен включающий клинические занятия и затем проводили год в уполномоченном госпитале под надзором. Впоследствии интерны лицензировались и им позволялось создать практику. Ещё через два года они становились вправе обслуживать

---

⁵⁴ Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен (1815 — 1898) — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути.

⁵⁵ Союз Хартмана — ассоциация немецких врачей (Hartmannbund – Verband der Ärzte Deutschlands e. V.) — объединение врачей Германии созданное в 1900 врачом Германом Хартманом.

застрахованных пациентов, и после представления диссертации, могли получить степень доктора в университете.

Немедленное столкновение нацизма и германской медицины

За годы непосредственно предшествовавшие Третьему Рейху, расцвели врачебные организации вовлечённые в партийную политику. Одной из них было Общество национал-социалистических врачей, основанное в 1929, в котором Конти играл ведущую роль. Существовала враждебная Ассоциация социал-демократических врачей и Социалистическая ассоциация врачей. Эти общества предлагали кандидатов на выборы в палаты врачей и таким образом национал-социалистическая ассоциация, и социалистические ассоциации дошли до соревнований друг с другом.

Печальный «день бойкота»⁵⁶ в Берлине, 1 апреля 1933, был днём позора для германской медицины. Члены национал-социалистического общества врачей, которым были известны списки членов социалистических обществ и списки еврейских врачей, врываются в кабинеты своих социалистических и еврейских коллег в ранние часы утра, выбрасывали их из своих кроватей, избивали их и тащили их к выставочному району возле станции Берлин-Лертер. Там, все они, включая людей 70 лет, принуждались к пробежкам вокруг сада, как на ипподроме, в них стреляли из пистолетов или избивали дубинками. Там они оставались несколько дней без достаточной еды, и затем передавались СА⁵⁷, которые доставляли их в подвалы тюрьмы Гедеманштрассе для дальнейших пыток.

Впоследствии, члены социалистического общества врачей были исключены из всей страховой практики из-за «коммунистической и подрывной деятельности». В дальнейших списках врачей принимаемыми страховыми компаниями еврейские врачи включались в отдельный список озаглавленный «Враги государства или евреи». Вскоре, страховым компаниям даже частным, больше не позволяли выплачивать доходы еврейским врачам. Непосредственно после, еврейские врачи были исключены из всех профессиональных и научных обществ. Поначалу, тем кто являлся ветеранами войны номинально позволяли проводить свою страховую практику, но пациентам, которые ходили к ним

---

⁵⁶ Бойкот еврейских организаций в Германии 1 апреля 1933 года был организован национал-социалистами в ответ на бойкот Германии зарубежными еврейскими организациями.

⁵⁷ Штурмовые отряды (нем. Sturmabteilung), сокращённо СА, штурмовики; также известны как «коричневорубашечники» (по аналогии с итальянскими «чёрнорубашечниками») — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

угрожали и подвергали разного рода неприятностям со стороны страховых сотрудников.

После начала войны, сертификаты и лицензии были отозваны у всех еврейских врачей и они дошли до статуса фельдшеров. Таких врачей принуждали носить голубой знак со звездой Давида и иметь имя «Сара» или «Израиль». Их назначения также должны были иметь звезду Давида, которая подвергала их пациентов разного рода неприятностям, при предъявлении в аптеках, большинство из которых имели на своей витрине объявление «Евреи не требуются»

Поначалу, арийским врачам было разрешено лечить еврейских пациентов, но в конце концов им это запретили. Госпиталя отказывали принимать еврейских пациентов, помимо нескольких отважных, которые принимали их в нарушение закона. Евреи принимались в учреждения для душевно больных находясь за оградой, но обычно их быстро вывозили для уничтожения.

Ранним летом 1943 Конти организовал и возглавил преследование докторов, которые являлись либо иностранцами, либо лицами так называемой смешанной крови и тех которое по браку относились к евреям. Сначала, у них отняли практику и направили на посты подчиненные враждебным партии докторам. В 1944 Конти сделал следующий шаг и запретил таким врачам практику. Они были призваны в организацию Шпеера⁵⁸, в которой они трудоустроивались исключительно для ручного труда, их жилищные условия были ненамного лучше чем у заключенных концентрационных лагерей.

Деграция германской медицины при национал-социализме

Тоталитарная структура нацистского государства требовала фундаментального подчинения всех руководителей медицины концепциям национал-социалистической политики народонаселения и расы. Наиболее категорично и отвратительно выразился об этих новых целях и задачах нацистский руководитель общественного здравоохранения министерства внутренних дел доктор Артур Гютт⁵⁹, который занял должность в 1933. В книге, опубликованной в 1935 и озаглавленной «Структура общественного здравоохранения в Третьем Рейхе» Гютт объявил о том, что «непродуманная «любовь к ближнему» должна исчезнуть, в

⁵⁸ Альберт Шпеер (1905 — 1981) — государственный деятель Германии, личный архитектор Гитлера, министр вооружений и боеприпасов (с 2 сентября 1943 года — министр вооружений и военного производства) (1942—1945). Осужден на Нюрнбергском процессе к 20 годам заключения, отбыл наказание и вышел на свободу в 1966.

⁵⁹ Артур Гютт (1891 — 1949) — немецкий государственный деятель, доктор медицины, евгенист, бригадефюрер СС (9 ноября 1938). 1935-1939 руководитель управления здравоохранения министерства внутренних дел Рейха.

особенности в отношении враждебных или асоциальных типов. Высшим долгом национального государства является обеспечение жизни и средствами к существованию только здоровой и наследственно устойчивой части населения с целью обеспечения поддержания навечно наследственной устойчивости и расовой чистоты народа. Жизнь отдельного человека имеет значимость только в виду этой важнейшей цели, то есть, в виду его значимости для его семьи и национального государства».

Вся политика общественного здравоохранения Третьего Рейха приводилась в соответствие с такими провозглашёнными принципами. Министр внутренних дел Фрик, реорганизовал управление здравоохранения своего министерства таким образом, что полиция, общественное здравоохранение, социальное администрирование и социальные службы, все координировались для таких задач. Истоки этой реорганизации возникли уже летом 1933 и по сути завершились в 1936. Вся эта деятельность концентрировалась подчиняясь доктору Гютту, который таким образом был вправе координировать практическое применение своей политики с теоретическими принципами. Даже социально-психиатрические службы, которые существовали и вели хорошо организованную работу до 1933, были сокращены до простых отборочных станций по наследственному и расовому отбору.

Все правительственные врачи должны были пройти специальные новые курсы длившиеся 18 месяцев и должны были стать членами партии. Германский Красный крест также был втянут в орбиту нацистской партии и СС в связи с назначением доктора Гравица председателем Красного креста. В 1945, после самоубийства Гравица, подсудимый Гебхардт занял его место.

Третий Рейх также полностью реорганизовал профессиональные медицинские общества. Германская медицинская ассоциация и Союз Хартманна были распущены. Все немецкие врачи были реорганизованы посредством организации правопреемника палаты врачей Рейха. Эта палата национальных врачей была подчинена непосредственно медицинскому «фюреру» со званием «рейхсарцтфюрер» Эту должность также занимал Конти. Все доктора за исключением находящихся на действительной военной службе подчинялись ему. Его региональные заместители отбирались из рядов активных национал-социалистов, которые терроризировали окружные отделения обществ. Эти заместители, которые обыкновенно ходили в форме СА или СС, в основном призывались из ранних членов Национал-социалистической медицинской ассоциации. Их работой было оказывать давление на врачей для присоединения и участия в различных партийных организациях, таких как СА и СС.

Обязательным мероприятием в особенности для молодых врачей, было посещение так называемой фюрер-школы немецких врачей Альтрезе в Мекленбурге, которая была организована подсудимым Бломе. Этим врачам внедряли национал-социалистический взгляд и жизненный путь. Так называемое товарищеское собрание и спортивная деятельность являлись лишь занавесом для политического шпионажа. Эти курсы в конце концов стали обязательными и должны были посещаться несколько месяцев ежегодно.

Общее уважение, которое имели доктора, потонуло в виду снижающегося уровня общего образования и способностей докторов. Это отчасти было из-за постоянного занятия врачебного времени партийными функциями, в особенности партийными построениями и маршами, которые не позволяли молодым врачам развивать научные интересы, а значит недавние выпускники сильно теряли в понимании и вовлечённости в серьёзную научное обучение и долгосрочные исследования.

Медицинская школа и медицинская подготовка при нацистах

На бумаге медицинская подготовка при нацистах мало отличалась от того, что было в донацистском периоде. Однако, её фундаментальный дух был разрушительно нарушен и медицинские стандарты пострадали от печального падения.

Медицинские студенты должны были быть «арийцами» и требовалась принадлежность Национал-социалистическому студенческому союзу. Весь студенческий курс постоянно прерывался требованиями различных партийных организаций на которых их вынуждали присутствовать. Студенты чьи сведения о расовых теориях и Нюрнбергских законах⁶⁰ не были достаточными не сдавали свои медицинские экзамены.

Места в университетах заполнялись во многих случаях так называемыми нацистскими «профессорами», которые могли и не иметь научной карьеры. Подлинно научных обществ при нацистском режиме становилось меньше и меньше, и нацистские профессора в университетах посвящали всё больше и больше времени и интереса своим организациям СА или СС нежели преподаванию и медицине. Эти нацистские профессора носили свою коричневую форму СА или чёрную форму СС

---

⁶⁰ Нюрнбергские расовые законы — два расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта («основные законы») — «Закон о гражданине Рейха» (нем. Reichsbürgergesetz) и «Закон об охране германской крови и германской чести» (нем. Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre), провозглашённые по инициативе Адольфа Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии.

по любым возможным поводам, с гордостью променяв на них академические одежды на всех академических празднествах и собраниях.

Наихудшим нацистским политикам, таким как Штрейхер, давали волю в университетских клиниках таких как в Эрлангене. Эта подчиненность привела к общему падению уважения к германской академической медицине не только со стороны своего собственного общества и зарубежной общественности, но даже со стороны тех же самых политиков перед которыми она преклонялась. Это зашло настолько далеко, что Штрейхер, обращаясь к общему собранию факультета в университете Эрлангена в 1936, в лицо назвал собравшихся профессоров «полными идиотами». И это никоим образом не являлось отдельным случаем.

Особо заметно деградировала психиатрия. Психиатрическое университетское преподавание упало до уровня простого пересказа Нюрнбергских и стерилизационных законов. Современные техники психотерапии запрещались, лечение скатилось к болтовне полной нацистской пропаганды с упрёками и угрозами. Неудивительно, что эти методы вредили интересам германских военных усилий, которым они по глупости предназначались служить. Нехватка подлинного понимания и ухода за немецкими солдатами, которые приобретали боевую усталость или неврозы, со стороны своих же медиков, заставляла многих из них сдаваться врагу; усилия по их реабилитации и возвращению на службу сводились на нет разрушительным влиянием нацистской доктрины.

Итог

Общее падение германского медицинского поведения и отравление германской медицинской этики, которые вызвали нацисты это основа для жестоких экспериментов в которых обвиняются подсудимые.

Многие из этих экспериментов таковы лишь по названию; мы покажем их как бездушные и тупые и не имеющие ценности для медицины как искусства врачевания. Нацистский медицинский мир затопленный абсурдными и отвратительными нотациями о высших и низших расах превратился в извращенный образ мира в котором жестокость к подчиненным расам и народам была похвальной. Подготовка в подразделениях СА и СС вряд ли рассчитывала на воспитание врачей, которые могли учитывать хотя бы простейшие элементы отношений доктор-пациент. В ядовитом саду лжи, были посеяны семена этих экспериментов. В климате нацистской Германии, они взошли с ужасающей быстротой.

Преступления массового уничтожения; убийство польских граждан

От пророчеств Гютта и других возникли понятия, которые легли в основу преступлений, к которым мы сейчас переходим. Однако, здесь мы оставим позади всю видимость, туманную науку и исследования. Согласно этим учениям, жизнь и выживание не являлись правом рождения каждого. Слабые и физически ограниченные стоят на пути и должны быть сброшены в сторону. Низшие народы рождены для уничтожения высшей расой.

Обвинения в параграфах 8 и 13 обвинительного заключения касаются подсудимых Бломе и Рудольфа Брандта. Изначальная мысль об этом ужасном массовом убийстве исходила от чудовища по имени Грейзер⁶¹, который являлся германским губернатором северо-западных частей Польши, которые были поглощены Рейхом под названием «Вартенланд». Уже в 1942, Грейзер находился в процессе уничтожения тысяч евреев на своей территории, и он решил перевести своё внимание на поляков зараженных туберкулёзом. Я обращаю особое внимание трибунала на немецкое слово «Sonderbehandlung⁶²». В следующем документе, как будет показано, оно часто появляется в нацистской переписке и использовалось ими для обозначения уничтожения. В мае 1942 Грейзер написал Гиммлеру следующее (НО-246):

«Особое обращение с приблизительно 100000 евреев на территории моего округа, одобренное вами по согласованию с начальником главного управления безопасности Рейха, обергруппенфюрером СС Гейдрихом, может быть завершено в течение следующих 2-3 месяцев. После мер предпринятых против евреев, я прошу вашего разрешения на немедленное спасение округа от угрозы, которая растёт от недели к недели, и использования существующих и эффективных особых групп для данной задачи.

«В моём гау имеется около 230000 людей польской национальности, которым был диагностирован туберкулёз. Число лиц инфицированных открытым туберкулёзом оценивается в 35000. Данный факт ведёт к ужасающей вещи – заражению немцев, прибывающих в Вартегау совершенно здоровыми. В

---

⁶¹ Артур Грейзер (1897 — 1946) — немецкий партийный деятель НСДАП, Президент Сената Свободного города Данциг и глава правительства Данцига (28 ноября 1934 года — осень 1939 года), один из руководителей оккупационного режима в Польше, гауляйтер и рейхштатгальтер Вартеганда (21 октября 1939 года — январь 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1942 года), член Штаба рейхсфюрера СС. Судом в Польше приговорён к смертной казни.

⁶² «Особое обращение» (нем.)

частности, получены доклады о всё возрастающем эффекте опасности инфицирования на немецких детей. Значительное количество известных, видных людей, в особенности в полиции, были недавно инфицированы и более не доступны для военных усилий, из-за необходимости медицинского лечения. Всё возрастающие риски также признаются и учитываются заместителем рейхсгесундхайтсфюрера, товарищем, профессором, доктором Бломе, также как и руководителем вашего рентген-батальона СС штандартенфюрером, профессором доктором Хольфельдером.

«Хотя в Германии возможно не является подходящим предпринимать соответствующие драконовские шаги против этой общественной напасти, я думаю, что смогу взять ответственность за своё предложение ликвидации случаев открытого туберкулёза среди польской расы в Вартегау. Конечно только поляков следует передавать для такой акции, но тех чья неизлечимость подтверждается и удостоверяется сотрудником общественного здравоохранения.

«Учитывая неотложность данного проекта, я как можно быстрее прошу вашего принципиального одобрения. Это позволит нам провести приготовления со всей необходимой предосторожностью, приступив к акции против поляков болеющих открытым туберкулёзом, в то же время как акция против евреев находится на своей завершающей стадии».

Предложение Грейзера было поддержано письмом от некого, Коппе⁶³, руководителя СС и полиции этого региона, подсудимому Рудольфу Брандту, на которое Брандт ответил заявив о том, что вопрос находится на рассмотрении и о том, что окончательное решение остаётся за Гитлером. Позднее в июне, Гиммлер направил «благоприятный» ответ Грейзеру, однако предупреждающий его о том, что уничтожение следует проводить не вызывая подозрений. Соответственно, о том как проводить эти меры прошли консультации между Грейзером, доктором Хольфельдером и подсудимым Бломе. Взгляды Бломе излагались в письме от него Грейзеру написанном в ноябре 1942. Это письмо содержит неописуемо жестокий анализ ситуации, в котором Бломе выражает согласие с взглядом на то, что уничтожение туберкулёзных поляков является простейшим и наиболее логичным

⁶³ Вильгельм Коппе (1896 — 1975), один из руководителей оккупационного режима в Польше, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (30 января 1942 года), генерал войск СС (1 июля 1944 года). Скрывался от правосудия до 1960, когда был арестован. По состоянию здоровья освобождён от уголовного преследования.

решением, и выражает сомнения в его желательности только в связи с тем, что будет сложно сохранить такую широкую резню в секрете, и о том, что Гитлер может подумать о том, что программа политически неуместна, если факты выйдут наружу.

Я цитирую из письма подсудимого Бломе (НО-250):

«Было рассчитано, что в 1939 среди поляков приблизительно 35000 болели открытым туберкулёзом, и кроме этого числа около 120000 других заболевших требовали лечения...

«При расселении немцев во всех частях гау для них возникает огромная опасность. Многочисленные случаи заражения расселённых детей и взрослых происходит ежедневно...

.....

«Следовательно, требуется сделать нечто определенное. Следует решить о наиболее эффективном способе того как это сделать. Существует три способа принимаемых во внимание:

1. Особое обращение с тяжело больными лицами.
2. Наиболее строгая изоляция тяжело больных лиц.
3. Создание резервации для всех ТБ больных.

«Для планирования, следует уделить внимание различным точкам зрения практического, политического и психологического характера. Рассматривая их наиболее трезво, наиболее простым путём будет следующий: с помощью рентгеновского батальона мы сможем охватить всё население гау, немецкое и польское за время первой половины 1943. Что касается немцев, обращение и изоляция подготавливаются и проводятся согласно правилам лечения туберкулёза. Приблизительно 35 000 поляков, являющихся неизлечимыми и распространяющими инфекцию подлежат особому обращению. Все иные польские больные подлежат соответствующему лечению с целью сохранить их для работы и избежать заражения.

«По вашей просьбе я провел приготовления с заинтересованными ведомствами, с целью начать и провести эту расовую процедуру за полгода. Вы говорили мне о том, что компетентные ведомства согласились с вами в «особом обращении» и обещали поддержку. Перед тем как мы точно начнём данную программу, я думаю было бы правильным если

бы вы еще раз удостоверились в том, что фюрер действительно согласен на такое решение.

.....

«Нет сомнения в том, что запланированная программа является наиболее простым и наиболее радикальным решением. Если абсолютная секретность может быть гарантирована, все подозрения – независимо от характера – можно будет опровергнуть. Но я считаю сохранение секретности невозможным. Опыт показал нам, что такое предположение правдиво. При том, что этих больных лиц, доставят как запланировано в старый Рейх, под предлогом лечения или ухода, и они в действительности никогда не вернуться, родственники таких лиц несмотря на самую высокую секретность однажды заметят «что здесь, что-то не так».

.....

«Поэтому я думаю необходимо прояснить все эти точки зрения фюреру до того, как начинать программу, так как, по моему мнению, только он способен видеть ситуацию в целом и придти к решению»

Обвинение представит доказательства показывающие, что программа фактически осуществлялась в конце 1942 и начале 1943, и как результат предложений сделанных Бломе и Грейзером, многие поляки были безжалостно уничтожены и, что остальных поместили в изолированные лагеря, с полностью отсутствующими медицинскими средствами.

Эвтаназия

1 сентября 1939 в тот самый день немецкого нападения на Польшу и после большой дискуссии между доктором Карлом Брандтом, доктором Леонардо Конти, Филлипом Боулером, начальником канцелярии фюрера и другими, Гитлер наделил следующими полномочиями подсудимого Карла Брандта (630-ПС):

«Рейхсляйтер⁶⁴ Боулер и доктор Брандт, д.м.н, наделяются ответственностью за расширение полномочий установленных врачей, указанных поименно, таким образом, чтобы лица, которые согласно гуманному суждению, являющиеся неизлечимыми, при наиболее внимательном диагнозе их состоянии здоровья, получали милосердную смерть.

[Подписано] Адольф Гитлер»

После получения данного приказа, для исполнения данной программы Карл Брандт возглавил медицинскую сферу, а Филипп Боулер административную сферу. Подсудимый Ховен, как главный хирург концентрационного лагеря Бухенвальд, принимал участие в программе и лично приказал о переводе как минимум от 300 до 400 еврейских заключенных различных национальностей, в основном не-немецких, для смерти на станции эвтаназии в Бернбурге. Подсудимые Брак и Бломе участвовали в своих должностях как помощники Боулера и Конти.

Анкеты перенаправлялись министерству внутренних дел от различных учреждений и затем представлялись Карлу Брандту и его штабу для экспертного мнения с целью определения статуса каждого пациента; то есть, о том следовало или нет переводить пациента на станцию умерщвления. Анкеты предположительно возвращались в министерство внутренних дел, которое, в ответ, направляло списки обречённых пациентов в различные психиатрические больницы, приказывая директорам психиатрических больниц передавать этих пациентов органу названному «Главной компанией по перевозке пациентов» для перевозки на отдельные станции в которых происходили убийства. Данная транспортная компания не была реальной организацией, а одним из кодовых имён используемых для маскировки подлинного характера деятельности. Затем пациентов перевозили на станцию где их немедленно убивали. Вся процедура проходила без согласия родственников, но родственники получали свидетельство о смерти в которой фальсифицировалась причина смерти.

Программа эвтаназии была секретом Полишинеля⁶⁵ в высших нацистских кругах. Однако, любые возможные усилия предпринимались для того, чтобы избежать вмешательства церковей. Несмотря на всю эту предосторожность, в Германии стало известно уже летом 1940, что происходят убийства и церковные

⁶⁴ Рейхсляйтер (нем. Reichsleiter; Имперский руководитель) — высший партийный функционер, руководивший одной из главных сфер деятельности НСДАП.

⁶⁵ Полишинель — персонаж французского народного театра: горбун, весёлый задира и насмешник. Популярный в народе, стал одним из любимых героев театра кукол. Появился на сцене ярмарочного театра в конце XVI века. «Родственник» русского Петрушки, английского Панча и Пульчинеллы из итальянской комедии дель арте. Неисправимый болтун, он сообщал под видом секретов известные всем вещи; отсюда происходит выражение «секрет Полишинеля».

служащие, также как и различные юридические сотрудники, безуспешно пытались остановить убийства.

Типичные письма направляемые к министру юстиции и министру внутренних дел являлись следующими:

Адресовано министру юстиции Рейха.

«Мой сын с шизофренией находится в психиатрическом учреждении Вюртемберга. Я шокирована абсолютно достоверной информацией.

«Несколько недель психически больные лица забирались из учреждения, предположительно по военным причинам. Директора учреждений использовали абсолютную секретность. Вскоре родственников проинформировали о том, что больные умерли от энцефалита. Если было желание, были доступны прахи. Это просто убийство, такое же, как в концентрационных лагерях. Эта мера единообразно исходит от СС в Берлине. Учреждения не информируют власти. Запросите Роттенмюнстер, Шассенфрид, Винцерталь и Вюртемберг. Имея списки, сверенные 2 месяца назад, проверьте заключенных, которые находятся на месте и запросите о пропавших лицах. 7 лет эта банда убийц выступает от имени немцев. Горе мне, если мой сын убит! Я позабочусь о том, чтобы эти преступления были опубликованы во всех зарубежных газетах. СС может отрицать это, как они всегда делают. Я требую расследования прокуратуры.

«Я не могу привести своё имя, ни имя учреждения в котором находится мой сын, иначе я тоже долго не проживу.

Хайль Гитлер
Оберрегинрунгсрат Н.»

Если бы данная программа оставалась в рамках границ изложенных в письме Гитлера Карлу Брандту, это уже было бы достаточно печальным. Мы можем уйти к вопросу совершенно не относящимся к данному делу о том является ли желательным милосердная смерть при определенных обстоятельствах, и является ли правильным закон разрешающий милосердную смерть при надлежащих мерах.

Такие вопросы могут быть спорными, но они не стоят здесь перед нами. Ни один германский закон разрешающий убийства из милосердия никогда не принимался. Меморандум Гитлера Брандту и Боулеру не являлся ни законом, ни даже нацистским законом. Он не планировался как закон и не считался как таковой

даже высшими нацистскими чиновниками. Вот почему программа проводилась с наивысшей секретностью. Программа была известна как полностью незаконная теми, кто был ответственным за неё; они знали о том, что это ничего более чем убийство.

Это очень ясно приводится в письме от Гиммлера подсудимому Браку в декабре 1940 (НО-018):

«Дорогой Брак,

Я слышу о том, что существует большое волнение в Альбе, из-за учреждения Графенек.

Население узнаёт серые автомобили СС и думает, что ему известно, о том, что происходит в постоянно дымящем крематории. То, что происходит там ни для кого больше не секрет. Таким образом, там возникают наихудшие чувства, и, по моему мнению, остаётся только одна вещь, прекратить использование учреждения в данном месте и в любом случае распространить информацию разумным и чувствительным образом показав фильмы о предмете наследственных и психических заболеваний в этой местности.

Могу я попросить отчёта о том, как решена эта сложная проблема?»

Но здесь есть ещё более фундаментальные вопросы. Программа даже на находилась в рамках секретных полномочий Гитлера. Эвтаназия стала просто вежливым словом для систематического уничтожения евреев и многих других категорий лиц бесполезных или недружественных нацистскому режиму. Доказательства Международному Военному Трибуналу чётко это подтвердили и приговор заявляет, и я цитирую:

«Следует также остановиться на политике, которая проводилась в Германии уже в 1940 году, согласно которой все престарелые, душевнобольные и неизлечимо больные — «лишние рты» — переводились в особые учреждения, где их убивали, а их родственникам сообщали, что они умерли естественной смертью. Жертвами были не только немецкие граждане, но также и иностранные рабочие, потерявшие трудоспособность и ставшие поэтому бесполезными для военной машины Германии. Согласно подсчетам в больницах, госпиталях и домах для душевнобольных, находившихся под юрисдикцией Фрика как министра внутренних дел, было убито около 270 000

человек. Невозможно определить, сколько именно иностранных рабочих входило в это число⁶⁶».

Я процитирую ещё один параграф приговора:

«Во время войны в его юрисдикцию также входили санатории, больницы и психиатрические лечебницы, в которых практиковалась система предания «легкой смерти», уже описанная в этом приговоре. Ему было известно, что душевнобольные, больные и старики — «лишние рты» — систематически подвергались насильственному умерщвлению. Жалобы на эти убийства доходили до него, но он ничего не сделал, чтобы прекратить эти убийства. Согласно отчету чехословацкой Комиссии по расследованию военных преступлений, 275 000 душевнобольных и стариков, за благополучие которых он отвечал, стали его жертвами⁶⁷».

Как заявляется в обвинительном заключении подсудимые участвовавшие в программе эвтаназии направляли своих подчиненных на восточные оккупированные территории для содействия массовому уничтожению евреев. Это будет показано с исчерпывающими доказательствами, включая следующий отрывок из письма подсудимого Брака Гиммлеру в 1942, из которого я цитирую параграф:

«По инструкциям рейхсляйтера Боулера я передал некоторых из своих людей в распоряжение бригаефюрера Глобочника⁶⁸ для выполнения его особой миссии. По его обновленной просьбе у меня теперь есть дополнительный персонал. По поводу озвучивания бригаефюрером Глобочником его мнения о том, что всю еврейскую акцию следует завершить настолько быстро насколько возможно для того, чтобы однажды не попасть впросак если определенные трудности приведут к остановки акции. Рейхсфюрер, вы сами, уже выразили свой взгляд, о том, что работа следует продолжаться быстро хотя бы для прикрытия»

⁶⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 630.

⁶⁷ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 682.

⁶⁸ Одило Глобочник (1904 — 1945) — государственный и политический деятель нацистской Германии австрийского происхождения, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1942). Гауляйтер Вены (1938—1939). Уполномоченный рейхсфюрера СС по созданию структуры СС и концлагерей на территории Генерал-губернаторства (оккупированной Польши) (17 июля 1941 года — 31 января 1942 года). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

Протестуя незаконной резне, которую даже Гиммлер считал «прикрытием», епископ Лимбурга в 1941 предвидел, что такая бойня предрекает падение Третьего Рейха (615-ПС). Он писал:

«И если кто-нибудь говорит, что Германия не сможет победить в войне, пока есть Бог, эти выражения не являются результатом отсутствия любви к отечеству, но глубокого волнения за наш народ... Высшая власть в качестве морального авторитета пострадает от сильного шока в результате таких событий».

Итог

Я обрисовал отдельные обвинения против подсудимых по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения; и я отразил общий характер доказательств которые будут представлены. Но мы не должны упускать из виду того, что медицинские эксперименты не являлись разрозненным набором преступлений. Напротив, они составляли хорошо проработанную преступную программу в которой подсудимые планировали и сотрудничали друг с другом и остальными.

Другими словами, в наличии есть заговор или общий умысел, как вменяется в пункте один обвинительного заключения, по совершению преступных экспериментов изложенных в параграфах с 6 по 11 соответственно. Существовал общий умысел для обнаружения или улучшения различных медицинских техник. Существовал общий умысел для использования для данной задачи необычных ресурсов, которые подсудимые имели в своём распоряжении, включая бесчисленных несчастных жертв нацистских завоеваний и нацистской идеологии. Подсудимые составили заговор и совместно согласовали использование этих человеческих ресурсов для гнусных и убийственных задач, и приступили к воплощению своего преступного умысла на практике. Насчитывались среди бесчисленных жертв заговора и преступлений и немцы, и граждане стран захваченных Германией, и цыгане и военнопленные и евреи разных национальностей. Все элементы заговора по совершению преступлений предъявленных в параграфах с 6 по 11 есть в наличии и все будут чётко установлены доказательствами.

Есть много со-заговорщиков не находящихся на скамье подсудимых. Среди них организаторы и руководители данного плана Конти и Гравиц, и Гиппке, чье местонахождение неизвестно. Среди самих палачей доктор Динг мёртв и Рашер предположительно мёртв. Были и многие другие.

Окончательный приговор относительно степени вины находящихся на скамье подсудимых должен дожидаться представления подробного подтверждения. Вместе с тем, до представления доказательств, полезно будет взглянуть на подсудимых с учётом их участия в заговоре. Какого рода людьми они являются, и какова их главная роль?

20 врачей на скамье подсудимых в ранге от руководителей немецкой научной медицины, с превосходной международной репутацией, скатившихся до подонков немецкой медицинской профессии. Все из них имеют общее в бездушности к человеку и беспринципной готовности угнетать своей властью бедных, несчастных, незащищенных существ, которых лишило своих прав беспощадное и преступное правительство. Все из них нарушили клятву Гиппократова, которую они торжественно клялись блюсти, включая фундаментальные принципы не навреди – «*primum non nocere*».

Видными мужами науки, выдающимися своими научными способностями в Германии и за рубежом, были подсудимые Росток и Розе. Оба служат примером, как в своей подготовке так и в практике, высочайших традиций германской медицины. Росток возглавлял отделение хирургии университета Берлина и служил деканом в его медицинской школе. Розе учился у известного хирурга Эндерлена⁶⁹ в Гейдельберге и потом стал выдающимся специалистом в сферах общественного здравоохранения и тропических заболеваний. Хандлозер и Шрёдер являлись видными медицинскими управленцами. Оба из них сделали свои карьеры в военной медицине и достигли пика в своей карьере. Еще пятеро подсудимых являются достаточно молодыми людьми, которые вместе с тем уже известны как профессора со значительными научными способностями, или качествами в медицинском управлении. Это подсудимые Карл Брандт, Руфф, Бейгельбек, Шефер и Бекер-Фрейзинг.

Ряд других, таких как Ромберг и Фишер хорошо подготовлены и несколько из них принадлежали к высокому профессиональному положению. Но и среди остальных были видные учёные мужи. Внизу списка Бломе, который опубликовал свою автобиографию под названием «Военный доктор» в которой он излагает, что он в итоге решил стать доктором, потому что медицинская карьера позволила ему стать «хозяином жизни и смерти».

Часть каждого из этих 20 врачей и их 3 пособников играла в заговоре и его осуществлении роль близко соответствующую его профессиональным интересам и его месту в иерархии Третьего Рейха как показано на схеме. Мотивирующая сила

⁶⁹ Ойген Эндерлен (1863-1940) – немецкий врач и хирург, профессор университета Гейдельберга.

данного заговора шла от двух главных источников. Гиммлер, как глава СС, наиболее мощной машины подавления с широчайшими ресурсами, мог предоставлять бесчисленные жертвы для экспериментов. Делая так, он укреплял престиж своей организации и давал ход нацистским расовым теориям, ярким последователем которых он был. Германские военные руководители, в качестве другой движущей силы, воспользовались случаем, который Гиммлер предоставил им и безжалостно наживались на тайных делах Гиммлера стремясь укрепить свою военную машину.

И таким образом адская драма разыгрывалась так как задумывалось в уме своих авторов. Особые проблемы с которыми столкнулись немецкие военные или гражданские власти, по приказам медицинских руководителей передавались для решения концентрационным лагерям. Таким образом, мы находим Карла Брандта симулирующего эксперименты с вирусной желтухой, Шрёдера требующего «40 здоровых подопытных» для экспериментов с морской водой, Хандлозера давшего толчок ужасающим экспериментам Динга по тифу и Мильх и Гиппке - истоки экспериментов по обморожению. Под руководством Гиммлера, медицинские руководители СС – Гравиц, Генцкен, Гебхардт и другие – приводили колёса в движение. Они подготовили предоставление жертв посредством других органов СС и давали указания своим низшим чиновникам в медицинской службе СС таким как Ховен и Фишер. Административные помощники Гиммлера Зиверс и Рудольф Брандт, передавали приказы Гиммлера, подталкивая там и тут, и смазывая маслом механизм. Бломе и Брак помогали с точки зрения гражданских и партийных властей.

Вермахт предоставлял надзор и техническое содействие для наиболее интересовавших его экспериментов. Барокамера была подготовлена для тестов большой высоты, службы Вельца, Руффа, Ромберга и Рашера для экспериментов по большой высоте и обморожению, и Бекер-Фрезинг, Шефер и Бейгельбек по морской воде. В важных, но зловещих исследованиях тифа, видный доктор Розе предстал перед Люфтваффе для экспертного наставничества Дингу.

Надлежащие шаги предпринимались, для того, чтобы удостовериться в том, чтобы результаты были доступными для тех, кому они требовались. Ежегодные собрания консультирующих врачей Вермахта проводимые под руководством Хандлозера использовали лекции о некоторых экспериментах. Доклад об экспериментах был направлен фельдмаршалу Мильху и фильм о них был показан в министерстве авиации в Берлине. Вельц говорил об эффекте обморожения на конференции в Нюрнберге, похожей на симпозиум на котором Рашер и другие делились своими дьявольскими знаниями.

Не может быть, более ясного подтверждения заговора. Так работала медицинская служба Третьего Рейха. Среди подсудимых на скамье находятся выжившие руководители данной службы. Мы просим трибунал определить, что ни научное положение ни внешняя респектабельность ни защитят их от ужасающих последствий отданных ими приказов.

Я намерен очень кратко пройти вопросы медицинской этики, такие как условия при которых врач может законно проводить медицинский эксперимент на лице, которое добровольно себя предоставило для этого, или о том могут ли законно проводиться эксперименты на лицах приговорённых к смерти. Данное дело не касается таких вопросов. Перед нами в этом нет неясного.

Никто из жертв жестокостей совершенных данными подсудимыми не был добровольцем, и это правда независимо от того, что могли сказать или подписать люди под пыткой. Большинство жертв не были приговорены к смерти, а те кто был не являлись преступниками, если не является преступлением быть евреем или поляком или цыганом или русским военнопленным.

Какие бы мы не изучали книги или трактаты по медицинской этике, и какого бы эксперта по судебной медицине не спрашивали, будет сказано о том, что фундаментальное и неизбежное обязательство любого врача в любой известной правовой системе не проводить опасные эксперименты без согласия испытуемого. В тирании, которая была в нацистской Германии, никто не мог дать такое согласие медицинским агентам государства; все жили в страхе и действовали под принуждением. Я горячо надеюсь на то, что никто здесь в зале суда не останется равнодушным к тому, что со стороны подсудимых будет сказано, что сломанные и беспомощные люди, которых они замораживали и топили и сжигали и травили являлись добровольцами. Если такую бесстыдную ложь говорят здесь, нам лишь требуется напомнить о пяти девушках взятых из концентрационного лагеря Равенсбрюк, которых заставили обнажёнными лежать с замёрзшим и полумёртвым евреем, который выжил в резервуаре с ледяной водой доктора Рашера. Одна из этих женщин, чьи волосы, глаза и фигура понравились доктору Рашеру, когда он спросил её, почему она согласилась на такую задачу, ответила: «Лучше полгода в борделе чем полгода в концентрационном лагере».

Там где необходимо, можно составить длинный список пунктов в которых эксперименты, которые данные подсудимые проводили, нарушали все известные стандарты медицинской этики. Но бездна между этими жестокостями и серьезным исследованием во врачевании настолько очевидна, что такой список был бы циничным.

Нам не требуется большего, чем закон, который сами нацисты приняли 24 ноября 1933 по охране животных. Этот закон прямо заявляет о том, что он разработан для предотвращения жестокости и безразличия человека к животным и пробуждения и развития симпатии и понимания животных в качестве высшей моральной ценности человека. Душа немецкого народа презирает принцип простой утилитарности без учёта моральных аспектов. Закон далее заявляет о том, что все операции или действия, которые сочетаются с болью или травмированием, в особенности эксперименты включающие использование холода, жары или инфекции запрещаются и могут разрешаться лишь в исключительных случаях. Особое письменное разрешение главы управления требовалось в каждом случае, и запрещались эксперименты основанные на личном суждении. Эксперименты для цели обучения следовало свести до минимума. Медико-правовые тесты, вакцинации, забор крови для диагностических целей и испытание готовых допускались согласно хорошо известным научным принципам, но животных следовало убивать немедленно и безболезненно после таких экспериментов. Отдельным врачам не разрешалось использовать собак для тренировки своих хирургических навыков. Национал-социализм относил к свящённому долгу немецкой науки снижать количество болезненных экспериментов с животными к минимуму.

Если бы принципы объявленные данным законом также применялись к людям, нынешнего обвинительного заключения никогда бы не было. Вероятно огромный позор на подсудимых заключается в том, им не доводилось обращаться с людьми по крайней мере как с заслуживающими равной гуманности.

Это дело является простейшим и яснейшим из всех, что будут слушать в этом здании. Оно также одно из наиболее важных. Это правда, что подсудимые на скамье не находились среди высших руководителей Третьего Рейха. Они не являлись военачальниками, которые собирали и двигали германскую военную машину, ни промышленными баронами, которые производили запчасти, ни нацистскими политиками, которые разлагали и ожесточали умы немецкого народа. Но данное дело, вероятно более чем любое другое, подлежащее суду, воплощает в себе нацистскую мысль и нацистский образ жизни, потому что эти подсудимые следовали нацистскому образу мысли до сих пор. Те вещи, которые совершили подсудимые, как и многие другие вещи, которые случались в Третьем Рейхе, являлись результатом пагубного возрождения германского милитаризма и нацистских расовых задач. Мы увидим результаты этого возрождения во многих других сферах немецкой жизни; мы видим это здесь, в сфере медицины.

Германия сама вручила себя этому глупому сочетанию зловещих сил. Нация пала жертвой нацистского куража, потому что её лидерам не хватило мудрости предвидеть последствия и твёрдо выстоять перед лицом угрозы. Их неудача являлась неизбежным итогом этой зловещей тенденции немецкой философии, которая провозглашает высшее значение государства и полное подчинение личности. Нация в которой личность не значит ничего найдёт несколько отважных и пригодных к службе лидеров для служения её лучшим интересам.

Отдельные немцы предупреждали о том, что таится в коробке, и немецкие доктора и ученые находились среди немногих отважных. На конференции баварских психиатров проводившейся в Мюнхене в 1931, когда пагубные доктрины нацистов уже охватывали Германию, была дискуссия о милосердных убийствах и стерилизации, и продвигались нацистские взгляды на эти вопросы, которые нам теперь знакомы. Немецкий профессор Освальд Бумке⁷⁰ встал и ответил наиболее красноречиво и пророчески чем кто-либо другой. Он сказал:

«Я хочу сделать два дополняющих замечания. Одно из них такое. Пожалуйста, ради бога не приводите наши нынешние финансовые нужды. Эта проблема касается всего будущего нашего народа, можно сказать не преувеличивая, будущего всего человечества. Следует подходить к данной проблеме ни с точки зрения нашего нынешнего научного мнения, ни с точки зрения ещё более эфемерных экономических кризисов. Если бы стерилизацией мы могли предотвратить возникновение психических заболеваний, тогда бы мы точно это сделали, не с целью сэкономить деньги для правительства, но потому что любой случай психического заболевания означает бесконечное страдание для пациента и его родственников. Но выдвигать экономические точки зрения не только неподобающе, но и совершенно опасно, из-за логической последовательности мысли о том, что по финансовым причинам, всех этих людей, которые не исчезнут сразу же, следует уничтожать, и это совершенно ужасающий логический вывод; тогда мы обречём на смерть не только душевнобольных и психопатических лиц, но и всех калек включая ветеранов, всю пожилую обслугу, которая не работает, всех вдов, чьи дети завершили обучение, и всех иждивенцев и

---

⁷⁰ Освальд Бумке (1877-1950) – немецкий психиатр и невролог. Один из лечащих врачей В.И. Ленина.

пенсионеров. Это бы точно сэкономило много денег, но вероятно мы это не сделаем.

«Вторая мысль заключается в том, чтобы использовать наивысшие ограничения, хотя бы пока политическая атмосфера, здесь в этой стране не улучшится и научные теории о наследственности и расе больше не будут склоняться для политических целей. Дело в том, что если бы дискуссия о стерилизации сегодня проводилась на арене политической схватки, тогда вскоре мы не услышали бы о душевнобольных, но вместо этого, об арийцах и неарийцах, о белой немецкой расе и низших народах с круглыми черепами. То, что, что-нибудь полезное возникло бы из этого, совершенно невероятно; но наука в целом и генеалогия и евгеника в частности получают увечье, которое не просто будет снова исправить».

В начале речи я говорил о том, что Третий Рейх захлебнулся своим ядом. Это дело является наглядной демонстрацией не только огромной деградации немецкой медицинской этики, которую вызвала нацистская доктрина, но и подрыва медицинского искусства и удара по техникам, которым подсудимые обязались сделать. Нацисты в некоторой степени, добились успеха в убеждении людей в том, что мир нацистской системы хотя и беспощадный, абсолютно эффективный; хотя и дикий, но полностью научный; хотя и полностью презирающий гуманность, это было систематическим – но «дела идут». Доказательства, которые заслушает трибунал развеют этот миф. Нацистские методы изучения были неэффективными и ненаучными и их техники исследования были хаотичными.

Эти эксперименты не открыли ничего, чтобы могла использовать цивилизованная медицина. Наоборот, подтвердилось то, что фенол или бензин введённые внутривенно убьют человека недорого и за 60 секунд. Это и все остальные «достижения» находятся в сфере танатологии. Нет сомнения в том, что количество этих новых методов повсюду может быть полезным для преступников и нет сомнения, что они могут быть полезными для преступного государства. Некоторое достижение в разрушительной методологии нельзя отрицать, и именно с точки зрения Гиммлера это являлось ясной, принципиальной задачей.

Помимо таких смертельных плодов, эксперименты являются не только преступлениями, но и научными провалами. Это именно так, как если бы божество скрывало решения, которых оно пытается достичь убийственными средствами. Моральный дефицит подсудимых и святая простота с которой они решали совершать убийство в поисках «научных результатов», притупили также их научную нерешительность, которая заключается в том, что лишь продумывание,

оценка ответственности за каждый шаг, могут обеспечить верные научные результаты. Даже если бы им просто приходилось платить хотя бы два доллара подопытным, сколько американские исследователи платят за кота, они бы могли подумать дважды, прежде чем тратить ненужные суммы, и думать о более простых и лучших способах решить свои проблемы. Факт того, что эти исследователи имели свободный и неограниченный доступ к подопытным привёл их к опасному и ложному заключению о том, что результаты таким образом будут лучше и доступнее чем если бы они проходили через подготовительный труд, обдумывание и тщательное исследование.

Особо яркий пример это эксперимент с морской водой. Мне кажется, что трое обвиняемых – Шефер, Бекер-Фрейзинг и Бейгельбек – сегодня признают, что данная проблема может быть решена просто и определенно за один вечер. 20 мая 1944, когда обвиняемые собрались для обсуждения проблемы, мыслящий химик смог бы правильно её решить в присутствии собрания за несколько часов используя не более чем кусочек желе, полупроницаемую мембрану и солевой раствор, и германские вооруженные силы имели бы ответ к 21 мая 1944. Но, что случилось вместо этого? Огромные армии бесправных рабов махнули рукой и создали эту зловещую ассамблею; и вместо обдумывания, они просто положились на свою власть над людьми объявленными бесправными преступным государством и правительством. Сколько времени, усилий, и сотрудников потребовалось, чтобы привести этот механизм в движение! Нужно было написать письма врачам, чей дефицит существовал в германских вооруженных силах, чьи солдаты и так получали плохой уход, снять их с должностей в госпиталях и направить за сотни миль оттуда для получения ответа, который был бы известен за несколько часов, но который из-за этого не стал доступен для германских вооруженных сил пока не закончилось отвратительное шоу, и пока 42 человека не подверглись пыткам проклятых, тем самым пыткам, которые греческая мифология оставила для Тантала.

Вкратце, этот заговор явился ужасной неудачей, также как и сокрытие преступления. Пугающий паралич нацистских предрассудков распространился по всей немецкой медицинской профессии и также уничтожил характер и мораль, притупив разум.

Вина в подавлениях и преступлениях Третьего Рейха обширна, но виновность руководителей наиболее глубокая и наиболее наказуемая. Кто мог показать немецкой медицине профессиональную правду и защитить её от разрушающих вкраплений нацистской псевдонауки? Это была ответственность руководителей немецкой медицины – таких людей как Росток и Розе, и Шрёдер, и Хандлозер. Вот почему их вина больше чем чья-либо иная из других подсудимых

на скамье. Они являются людьми, которые потеряли свою страну и свою профессию, кто не показал ни отваги ни мудрости ни остатков морали. Это их вина, совместно с виной руководителей Германии в иных сферах жизни, что Германия пала и пришла к своему поражению. Это из-за них и похожих на них, мы все живём в потрясённом мире.

V. Вводная речь о представлении доказательств обвинением, 10 декабря 1946

Макхэни: С позволения Трибунала:

Перед представлением доказательств моей задачей является показать процесс того как были получены и обработаны документы с целью представления доказательств Соединённых Штатов. Я также опишу и проиллюстрирую план представления доказательств, которому последует обвинение в настоящем деле.

Когда армия Соединённых Штатов вошла на территорию Германии она располагала специальным военным персоналом в чьи обязанности входило захватывать и сохранять документы, материалы и архивы противника.

Такие документы собирались во временных документальных центрах. Позже каждая армия создала постоянные документальные центры в оккупационной зоне Соединённых Штатов в которых документы собирались и начался медленный процесс их индексации и каталогизации. Некоторые из этих документальных центров в оккупационной зоне Соединённых Штатов уже закрылись и собранные документы направлены в другие документальные центры.

Когда был создан Международный Военный Трибунал, под руководством майора Уильяма Х. Кугана были организованы полевые группы и направлены в различные документальные центры. Большие массы немецких документов и материалов были изучены и проверены. Отобранные были направлены в Нюрнберг и обработаны. Этим оригинальным документам были присвоены идентификационные номера процесса согласно одной из пяти серий обозначенных буквами: «ПС», «Л», «Р», «С» и «ЕС», обозначающие средства получения документов. В рамках каждой серии, документы были пронумерованы.

Обвинение в настоящем деле имеет возможность представить доказательства обработанные под руководством майора Кугана. Некоторые из этих документов приобщались в качестве доказательства МВТ, а некоторые нет. Относительно тех, которые приобщались, данный трибунал соответственно принял юридическое уведомление согласно статье 20 указа № 7. Однако, с целью упрощения процедур, мы представим фотокопии документов использованных в деле № 1 МВТ которые удостоверены господином Фредом Нибергаллом, начальником нашего отдела контроля документации, как представленные в качестве доказательств МВТ и о том, что фотокопии являются подлинными и верными копиями. Такие документы доступны и станут доступны для подсудимых в настоящем деле как и в случае любого другого документа.

Что касается документов обработанных под руководством майора Кугана, которые не использовались в МВТ, они удостоверены письменными показаниями майора Кугана датированными 19 ноября 1945. Данные письменные показания служат основой для удостоверения по сути всех документов использованных главным юристом в МВТ. Они были представлены на этом процессе как экземпляр США 1. Поскольку мы используем документы обработанные для процесса МВТ, сейчас я хочу представить в качестве доказательства обвинения 1 письменные показания Кугана, с целью удостоверения таких документов. Данные письменные показания поясняют способ и средства которыми обрабатывались захваченные немецкие документы для использования на процессах по военным преступлениям. Я не обременяю суд зачитыванием его содержания, так как по сути они такие же как письменные показания господина Нибергалла, к которым я сейчас перехожу.

Таким образом я пояснил способ удостоверения документов предназначенных для использования в настоящем деле под руководством майора Кугана. Теперь я перехожу к удостоверению документов обработанных не для процесса МВТ, а для последующих процессов таких как этот. Эти документы удостоверены письменными показаниями господина Нибергалла, которые я приобщаю в качестве доказательства как экземпляр обвинения 2. Поскольку письменные показания поясняют процедуру обработки документов службой главного юриста по военным преступлениям, я зачитаю их полностью:

«Я, Фред Нибергалл, AGO, D-150636, служба главного юриста по военным преступлениям, настоящим удостоверяю следующее:

1. Я был назначен начальником отдела контроля документов управления доказательств службы главного юриста по военным преступлениям (далее именуемой СВП) 2 октября 1946.

2. Я служил в армии США более 5 лет, уволившись первым лейтенантом пехоты, 29 октября 1946. Я являюсь офицером запаса в звании первого лейтенанта армии Соединенных Штатов Америки. Исходя из своего опыта в качестве офицера армии Соединенных Штатов Америки, я знаком с операциями армии Соединенных Штатов по получению и обработке захваченных вражеских документов. Я служил начальником переводов для СВП с 29 июля 1945 по декабрь 1945, когда я был назначен посредником между защитой и отделом переводов СВП в качестве помощника руководителя отдела переводов. В качестве начальника отдела контроля документов

управления доказательств СВП, я знаком с обработкой, делопроизводством, переводом, фотокопированием документальных доказательств для главного юриста по военным преступлениям Соединенных Штатов.

3. При занятии армией оккупированной немцами территории и самой Германии, специализированный личный состав изымал вражеские документы, материалы и архивы. Такие документы собирались во временных центрах. Позднее были созданы постоянные документальные центры в Германии и Австрии, в которых данные документы собирались и начался медленный процесс индексации и каталогизации. Некоторые из собранных документов были направлены в иные документальные центры.

4. При подготовке процесса Международного Военного Трибунала (далее именуемого МВТ) большое количество оригиналов документов, фотокопий и микрофильмов были собраны в Нюрнберге, Германия. Письменные показания майора Кугана от 19 ноября 1945 описывают последовавшие процедуры. До своего назначения в качестве начальника отдела документального контроля управления доказательств, СВП, я занимался, исполняя должностные обязанности, всеми данными документами за исключением тех, что были представлены в качестве доказательств МВТ, и теперь находятся в документальной комнате МВТ в Нюрнберге. Они были изучены, обработаны и зарегистрированы согласно письменным показаниям майора Кугана. Незарегистрированные документы были изучены, обработаны и зарегистрированы для использования на процессах военных трибуналов таким образом как будет описано ниже.

5. При подготовке процессов последующих за МВТ, личному составу знакомому с немецким языком была поручена задача поиска и отбора захваченных вражеских документов, которые раскрывают информацию относящуюся к преследованию военных преступников Оси. Юристы и исследователи были направлены в различные документальные центры, также им были поручены отдельные миссии по получению оригиналов документов или их удостоверенных фотокопий. Документы изучались немецкоговорящими аналитиками для определения того являются ли они ценными

доказательствами. С оригиналов документов делались фотокопии и оригинальные документы возвращались в дела документальных центров. Эти фотокопии удостоверялись аналитиками как подлинные и правильные копии оригинальных документов. Также немецкоговорящие аналитики в документальном центре в Нюрнберге готовили сводку о документе с соответствующими ссылками на участвующих лиц, проводили индексацию, приводили информацию об источниках документа, и важные из документов направлялись в отдельные управления СВП.

6. Далее оригинал документа или удостоверенная фотокопия направлялась в отдел контроля документов управления доказательств СВП. При получении данных документов они соответственно регистрировались и индексировались с присвоением идентификационных номеров одной из шести серий обозначаемых буквами: «НО», «НИ», «НМ», «НОКВ», «НГ» и «НП», соответствующими отдельному управлению СВП, которое могло быть наиболее заинтересовано в отдельных документах. В рамках каждой серии документы пронумеровывались.

7. В случае получения оригиналов документов, изготавливались фотокопии. При возвращении из комнаты фотокопирования, оригиналы документов собирались в папках в пожаропрочных сейфах в документальной комнате. В случае получения заверенных фотокопий документов, с заверенными фотокопиями обращались также как с оригиналами документов.

8. Все оригинальные документы или заверенные фотокопии сейчас находятся в сейфах документальной комнаты, в которой они будут храниться до представления обвинением суду по ходу проведения процесса.

9. Таким образом, я удостоверяю в своей вышеуказанной должности, то, что все документальные доказательства СВП находятся в таком же состоянии как и при их захвате военными силами под командованием верховного главнокомандующего союзными экспедиционными войсками; что они были переведены компетентными квалифицированными переводчиками; что все фотокопии являются подлинными и правильными копиями оригиналов и что они были правильно сшиты, пронумерованы и обработаны как указано выше.

[Подпись] Фред Нибергалл»

Письменные показания Нибергалла по сути такие же как и письменные показания Кугана, которые были признаны Международным Военным Трибуналом как достаточное удостоверение документов использованных в деле № 1. Однако, дополнительно к этим письменным показаниям, обвинение в данном деле прилагает к каждому документу представляемому в качестве доказательства, иное подтверждение в виде таких письменных показаний подписанных подсудимыми, сертификат подписан сотрудником управления доказательств службы главного юриста по военным преступлениям, зачитаю в качестве примера:

«Я, Дональд Спенсер, из управления доказательств службы главного юриста по военным преступлениям настоящим удостоверяю, что прилагаемый документ, включает одну фотокопию страницы и озаглавленный: «Письмо от Джона Доу⁷¹ Ричарду Роду, датированное 19 июня 1943» является подлинным документом, который был доставлен мне при исполнении служебных обязанностей, как подлинную копию документа обнаруженного в немецких архивах, материалах и делах захваченных военными силами под командованием верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами.

«По моим сведениям, информации и убеждению, оригинальный документ находится в документальном центре Берлина».

Большинство удостоверенных документов представлено настоящему процессу таким образом. Сейчас я кратко перейду к представлению документов, которые мы используем. Обвинение предоставило приблизительно неделю назад информационному центру защиты по три фотокопии большей части документов, которые будут использованы в нашем деле. Эти документы конечно на немецком. Дополнительно, обвинение подготовило документальные книги как на немецком так и на английском, которые содержат, по большей части, мимеографированные копии документов, подготовленных по сути с целью представления в суде. Каждая документальная книга содержит индекс приводящий документальный номер, описание и номер страницы. Пространство также предоставлено для написания номера индекса.

---

⁷¹ Джон Доу — экземплификант, обозначение мужской стороны в судебном процессе (англосаксонское право). John Doe — устаревший юридический термин, использовавшийся в ситуации, когда настоящий истец неизвестен или анонимен (неизвестного ответчика называли Ричард Роу).

Двенадцать официальных копий немецких документальных книг будут сдаваться в информационный центр защиты как минимум за 24 часа до времени представления соответствующего материала в суд. Дополнительно, защита получит семь так называемых неофициальных немецких документальных книг, которые содержат мимеографированные копии подготовленные в основном для немецкой прессы. Шесть официальных копий немецких документальных книг будут представлены трибуналу – одна для каждого судьи и одна для генерального секретаря. Две таких документальных книги содержат фотокопии для цели того, чтобы трибунал мог время от времени обращаться к оригиналу. Документальные книги также будут доступны для немецких переводчиков и судебных стенографистов.

Английские документальные книги содержат заверенные переводы документов из немецких документальных книг. Документы пронумерованы и проиндексированы равнозначно как в английской так и в немецкой версии. Информационный центр подсудимых получит четыре копии английских документальных книг одновременно с доставкой немецких документальных книг. Группа представителей защиты согласилась с тем, что четыре английских документальных книги будут достаточными для удовлетворения их нужд.

Трибунал получит шесть английских документальных книг и соответствующие копии также будут доступны для переводчиков и секретарей судебного заседания. Копии всех документов представляемых в качестве доказательства соответственно будут доступны для прессы.

Обвинение иногда будет пользоваться документами обнаруженными только, что и не находящимися в документальных книгах. В таких случаях мы попытаемся получать копии для информационного центра защиты в разумное время, заблаговременно до заседания суда. Сейчас, я должен отметить перед вашими честями, и я делаю так без какого-либо конфуза, что конечно в суде определено будут некоторые примеры, когда обвинению не удастся выполнять те или иные правила суда в виду того факта, что некоторые наши сотрудники смогли получить опыт и подготовку в технических деталях во время дела № 1 Международного Военного Трибунала, но при этом, мы постоянно стремимся представить наше дело настолько честно, настолько ясно, и настолько быстро, насколько по-человечески возможно.

Обвинение, представляя документ в суде, вручает физический оригинал или удостоверенную фотокопию служащую в качестве оригинала, сотруднику трибунала и присваивает документу обвинения номер экземпляра.

На процессе МВТ, обычной практикой, со многими исключениями было то, что те документы или части документов, которые зачитываются вслух в суде считаются доказательством и частью протокола. Это было в силу факта, того, что процесс МВТ вёлся на четырёх языках и только таким образом можно было получить перевод на четыре языка. Однако, МВТ несколько раз распорядился, например 17 декабря 1945, о том, чтобы документы которые были переведены на все четыре языка и предоставлены защите в информационном центре защиты допускались в качестве доказательства без их полного зачитывания.

Обвинение считает, что с учётом обстоятельств настоящего процесса, который проводится только на немецком и английском, и все документы обвинения переведены на немецкий, будет более удобно и честно опустить полное зачитывание всех документов или фрагментов документов. Обвинение зачитает некоторые документы полностью, в частности на начальных стадиях процесса, но стремясь ускорить вопросы, подытожит документы, когда возможно или обращая внимание трибунала на такие отрывки которые кажутся важными и относящимися к делу.

В отношении порядка процесса обвинение намерено следовать в большей степени, порядку в котором различные эксперименты изложены в обвинительном заключении. Этому есть несколько исключений; например, мы представим эксперименты с морской водой, доказательства экспериментов с морской водой последуют за экспериментами с малярией, которые будут третьими, и затем перейдут к экспериментам с ипритом, из-за взаимосвязи с показаниями некоторых свидетелей. Насколько возможно, мы постараемся представлять все доказательства, относящиеся к отдельному эксперименту сразу же. Конечно, это будет невозможно, в случае если показания свидетеля охватывают несколько экспериментов.

VI. Организация германских медицинских служб

а. Документы и показания

Перевод документа НО-080
Экземпляр обвинения 5.

Распоряжение фюрера от 28 июля 1942 о службах медицины и здравоохранения

1942 «REICHSGESETZBLATT⁷²», часть 1, страница 515

Распоряжение фюрера от 28 июля 1942 о службах медицины и здравоохранения

Использование личного состава и материала в сфере вопросов медицины и здравоохранения требуют единообразного и планируемого руководства. Следовательно, я приказываю следующее:

1. В Вермахте я поручаю медицинскому инспектору армии, в дополнение к имеющимся у него обязанностям, координацию всех задач общих для медицинских служб Вермахта, Ваффен-СС и организаций и подразделений подчинённых или приданных Вермахту, в качестве начальника медицинских служб Вермахта.

Начальник медицинских служб Вермахта представляет Вермахт перед гражданскими властями по общим медицинским вопросам возникающим у различных родов войск Вермахта, Ваффен-СС и организаций и подразделений подчинённых или приданных Вермахту и охраняет интересы Вермахта во всех медицинских мерах предпринимаемых гражданскими властями.

Для цели координации урегулирования данных проблем, ему подчиняются медицинский офицер флота и медицинский офицер Люфтваффе, последний в качестве начальника его штаба. Основополагающие проблемы стоящие перед медицинской службой Ваффен-СС разрешаются по согласованию с медицинской инспекцией Ваффен-СС.

2. В сфере гражданской службы здравоохранения, государственный секретарь министерства внутренних дел и рейхсгесундхайтсфюрер, доктор Конти,

---

⁷² «Правительственная газета» — газета правительства Германии издававшаяся с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.

является ответственным за меры координации. Для данной цели у него имеется в распоряжении соответствующие департаменты высших властей Рейха и их подчинённые ведомства.

3. Я уполномочил профессора, доктора Карла Брандта, подчиняется исключительно мне лично и получать свои инструкции напрямую от меня, для осуществления особых задач и переговоров по изменению требований к докторам, госпиталям, медицинским средствам и т. д., между военным и гражданским секторами службы здравоохранения и медицины.

4. Мой уполномоченный по службам медицины и здравоохранения информируется об основополагающих событиях в медицинской службе Вермахта и гражданской службы здравоохранения. Он уполномочен принимать решения установленным образом.

Штаб-квартира фюрера 28 июля 1942

Фюрер
Адольф Гитлер

Начальник ОКВ
Кейтель

Министр Рейха и начальник рейхсканцелярии
Доктор Ламмерс⁷³

Перевод документа НО-081
Экземпляр обвинения 6

Второе распоряжение фюрера от 5 сентября 1943 о службах медицины и здравоохранения

1943 «REICHSGESETZBLATT», часть 1, страница 533

---

⁷³ Ганс Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), министр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года).

Второе распоряжение фюрера от 5 сентября 1943 о службах медицины и здравоохранения.

В целях усиления моего распоряжения о службах медицины и здравоохранения от 28 июля 1942 ((RGLB, I, стр. 515). Я приказываю:

Уполномоченный по службам медицины и здравоохранения, генеральный комиссар, профессор, д.м.н. Брандт является ответственным за централизованное взаимодействие и руководство проблемами и деятельностью всех служб медицины и здравоохранения согласно своим инструкциям. В данном смысле приказ также применяется в сфере медицинской науки и исследований, также как и организационных учреждениях занятых производством и распространением медицинских материалов.

Уполномоченный по службам здравоохранения и медицины вправе назначать и направлять особых заместителей в рамках своей сферы деятельности.

Штаб-квартира фюрера, 5 сентября 1943

Фюрер
Адольф Гитлер

Министр Рейха и начальник рейхсканцелярии
Доктор Ламмерс

Перевод документа НО-082
Экземпляр обвинения 7

Распоряжение фюрера от 25 августа 1944 о назначении рейхскомиссара по медицине и здравоохранению.

1943 «REICHSGESETZBLATT», часть 1, страница 185

Распоряжение фюрера от 25 августа 1944 о назначении рейхскомиссара по медицине и здравоохранению.

Настоящим, я назначаю генерального комиссара по вопросам медицины и здравоохранения, профессора доктора Брандта, рейхскомиссаром по санитарии и здравоохранению на период ведения войны. В данной сфере он является высшим должностным лицом Рейха.

Рейхскомиссар по службам медицины и здравоохранения уполномочен принимать инструкции ведомствам и организациям государства, партии и Вермахта, которые затрагивают проблемы служб здравоохранения и медицины.

Штаб-квартира фюрера, 25 августа 1944

Фюрер
Адольф Гитлер
Министр Рейха и начальник рейхсканцелярии
Доктор Ламмерс

Глава партийной канцелярии
М. Борман

Начальник ОКВ
Кейтель

Перевод документа НО-227
Экземпляр обвинения II

**Распоряжение фюрера от 7 августа 1944 о реорганизации медицинских служб
Вермахта.**

Копия

Фюрер

и

верховный главнокомандующий Вермахта

Штаб-квартира фюрера, 7 августа 1944

Начальник верховного главнокомандования Вермахта (начальник ОКВ)

Оперативный штаб Вермахта (WFSt)

Орг. (I) № 5008/44g

Для достижения наилучшей концентрации полномочий в сфере медицинской службы Вермахта, я приказываю расширить моё распоряжение от 28 июля 1942:

1. Начальник медицинской службы Вермахта возглавит, в части относящейся к особой сфере, медицинские службы Вермахта и организации и службы организованные в структуре Вермахта. Он уполномочен отдавать приказы в рамках своей особой сферы полномочий.

2. Я утверждаю должностной регламент начальника медицинских служб Вермахта принятый начальником верховного главнокомандования Вермахта. Он заменяет регламент от 28 июля 1942, который действовал до настоящего времени.

3. Единоличие начальника медицинских служб Вермахта и начальника медицинской службы армии/ главного врача армии, настоящим отменяется с сентября 1944.

[Подписано] Адольф Гитлер

Начальник верховного главнокомандования Вермахта
Ссылка № 5008/44 секретно

Штаб-квартира фюрера, 7 августа 1944.

Должностной регламент Начальника медицинских служб Вермахта

I

Подчинённость и полномочия

1. Начальник медицинских служб Вермахта подчиняется непосредственно начальнику верховного главнокомандования Вермахта. Он приравнивается к должности начальника управления и имеет дисциплинарные полномочия согласно параграфу 18 дисциплинарных правил Вермахта и иные полномочия как у командующего.

2. В соответствии с пунктом 1 распоряжения фюрера он имеет следующие полномочия над:

а. начальником медицинской службы армии, начальником медицинской службы флота, начальником медицинской службы Люфтваффе, начальником медицинской службы Ваффен-СС и медицинскими начальниками организаций и

служб работающих в структуре Вермахта по вопросам находящимся сфере командования Вермахта.

б. всеми научно-медицинскими институтами, академиями и иными медицинскими учреждениями служб Вермахта и Ваффен-СС.

II

Обязанности

1. Начальник медицинских служб Вермахта является советником начальника верховного главнокомандования Вермахта по всем вопросам затрагивающим медицинские службы Вермахта и его руководство здравоохранением.

2. Начальник медицинских служб Вермахта руководит всеми медицинскими службами Вермахта⁷⁴ затрагивающие особые сферы, относительно военных инструкций начальника верховного главнокомандования вооруженных сил и общих правил генерального комиссара фюрера по службам медицины и здравоохранения.

3. Начальник медицинских служб Вермахта информирует генерального комиссара фюрера об основных событиях в сфере медицинских служб Вермахта.

Он представляет Вермахт перед гражданскими властями по всем общим вопросам и защищает свои интересы в связи с мероприятиями по здравоохранению гражданских административных властей.

Он представляет медицинские службы Вермахта перед медицинскими службами зарубежных стран.

4. Иные обязанности начальника медицинских служб Вермахта являются следующими:

А. В медико-научной сфере:

Единообразные мероприятия в сфере руководства здравоохранением, исследования и борьба с эпидемиями, а также все медицинские мероприятия требующие единообразного руководства в рамках Вермахта. Оценка медицинского опыта.

Медицинские вопросы призывной системы, уход и обеспечение и военнопленные.

Председательство в научном сенате медицинских служб Вермахта.

Б. В организационной и учебной системе:

⁷⁴ В данном случае к Вермахту отнесены: части армии, флота, Люфтваффе, Ваффен-СС подчинённые Вермахту и организациям и службам в структуре Вермахта. [Сноска в оригинале].

Единообразное и плановое руководство распределением лиц и материала.

Унификация организационных схем и схем снабжения медицинских подразделений и обеспечение сил медицинским персоналом⁷⁵.

Руководство единообразным развитием медицинского снабжения.

Унификация в сфере госпитальных вопросов, планирования и размещения госпиталей.

Руководство распределением раненых и больных солдат в госпитальные учреждения Вермахта.

Руководство добровольным уходом за больными в Вермахте.

Сращивание организации и подготовки нового поколения медицинских офицеров. Обеспечение баланса согласно требованиям служб. Надзор за идеологической и политической подготовкой нового поколения медицинских офицеров в период их обучения в сотрудничестве с рейхсстудентфюрером. Подготовка и дальнейшее обучение медицинских офицеров.

Руководство единообразной подготовкой подчинённого личного состава.

В. В материальной сфере:

Централизованное предоставление и руководство новыми поставками медицинского материала всех видов для Вермахта.

Г. Общие и основополагающие вопросы фармацевтики.

III.

Особые полномочия

1. Начальник медицинских служб Вермахта вправе запрашивать от служб все материалы необходимые для исполнения своих обязанностей.

2. Он вправе выражать своё мнение при назначении медицинских офицеров и медицинских руководителей в Вермахте, а также в подразделениях Ваффен-СС, которые подчиняются Вермахту – в случае звания генераларцта или выше. Для назначения на данные должности, требуется его мнение.

3. Он вправе инспектировать медицинскую службу, медицинские подразделения, медицинские войска и учреждения Вермахта после информирования вышестоящего командования заинтересованной службы или штаба соответствующего подразделения. В сфере медицинской службы он вправе отдавать приказы на месте, если того требуют чрезвычайные обстоятельства и они не противоречат основополагающим приказам служб. Он информирует высшие

⁷⁵ Для флота данные правила не применяются или применяются с ограничением только к личному составу на борту.
[Сноска в оригинальном документе].

командования заинтересованных служб о результатах инспекций и о принятых приказах.

4. Основополагающие изменения организации медицинской службы, подчинённость медицинских офицеров, унтер-офицеров и призывников и чиновников или сотрудников медицинской службы требует согласия начальника медицинских служб Вермахта.

5. Заместителем начальника медицинских служб Вермахта является старший медицинский инспектор или главный врач одной из служб. Начальник штаба действует в качестве его заместителя в повседневных обязанностях.

6. Начальник медицинских служб Вермахта, отдаёт приказы необходимые для выполнения своих обязанностей от имени:

«Верховное главнокомандование Вермахта, начальник медицинских служб Вермахта»

При необходимости службы исполняют его приказы и запросы по каналам армии.

7. Вступает в силу штатное расписание начальника медицинских служб Вермахта от 1 апреля 1944.

Необходимый личный состав набирается из служб, прежде всего медицинских инспекций или ведомств.

[Подпись] Кейтель

Перевод документа НО-303
Экземпляр обвинения 32

Организационная таблица «Аненербе» из материалов общества «Аненербе».

Президент
Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер

Попечитель
Штурмбаннфюрер СС доктор Вальтер Вюст⁷⁶

Управляющий делами
Гауптштурмфюрер СС Вольфрам Зиверс

⁷⁶ Вальтер Вюст (1901—1993) — немецкий востоковед, индолог, штандартенфюрер СС, директор Аненербе.

Управляющий совет

Заместитель управляющего делами
Оберштурмфюрер СС Герберт Менц

Консультант
Доктор Гизела Шмиц-Кальман

Уполномоченный рейхсфюрера СС
Штурмбаннфюрер СС Бруно Галке

Администрация

Унтерштурмфюрер СС Ганс-Ульрих Хене
аспирант торгового училища Альфонса Эбена

Задачей исследовательской и инструкторской группы «Аненербе» является изучение пространства, духа, достижений и наследия индо-германских народов нордической расы, внедрение результатов своих исследований и передача их народу.

Достижение

Создание инструкторских и исследовательских центров.

Назначение исследовательской работы и проведение исследовательских экспедиций

Публикация научных работ

Организация научных конгрессов

Фонд «Аненербе»

Задачей фонда является развитие целей зарегистрированного общества «Аненербе», посредством поступлений процентов от капитала фонда и от самого капитала. С доходов лиц, которые заявляют о желании предоставить определенные взносы суммы перечисляются в фонд как единовременно, так и периодически.

Перевод документа НО-442
Экземпляр обвинения 33

Письмо от Гиммлера Зиверсу от 7 июля 1942 о создании Института военно-медицинских исследований в обществе «Аненербе».

Рейхсфюрер СС
AR 48/6/42

Штаб-квартира фюрера, 7 июля 1942

[Штамп]

Личный штаб рейхсфюрера СС
Архив, дело № AR/22/21

Секретно!

1. Управляющему делами «Аненербе»
оберштурмбаннфюреру СС Зиверсу
Берлин-Далем

Я прошу «Аненербе»

1. Создать институт военно-медицинских исследований.
2. Поддержать всеми возможными способами исследования проводимые гаупштурмфюрером СС, профессором, доктором Хиртом и поощрять все соответствующие исследования и мероприятия.
3. Предоставить необходимую аппаратуру, снаряжение, приборы и помощников, или получить их.
4. Использовать сооружения доступные в Дахау.
5. Связаться с начальником главного-административно хозяйственного управления СС в отношении затрат, которые понесёт Ваффен-СС.

[Подпись] Г.Г. [Генрих Гиммлер]

2. Копия направлена начальнику главного административно-хозяйственного управления⁷⁷,
обергруппенфюреру СС Полю⁷⁸

⁷⁷ Главное административно-хозяйственное управление СС (нем. SS-Wirtschafts- und Verwaltungshauptamt; SS-WVHA), одно из ведущих подразделений СС, руководившее всей хозяйственной деятельностью СС, в том числе эксплуатацией труда заключенных концентрационных лагерей.

Берлин-Лихтерфельде-Запад
с просьбой принять к сведению.

По приказу,

[Подпись] Брандт
оберштурмбаннфюрер СС
М. 7.7.

Копия верна:
Подписано М.
оберштурмфюрер СС
7.7.

Перевод документа НО-894
Экземпляр обвинения 38

Распоряжение фюрера от 9 июня 1942 о совете исследований Рейха

1943 «REICHSGESETZBLATT», часть 1, страница 389

Распоряжение фюрера от 9 июня 1942 о совете исследований Рейха.

Необходимо направление всех доступных сил с наивысшей эффективностью в интересах потребностей государства, не только в мирное время, а в особенности, в военное время, концентрация усилий научных исследований и их направление на поставленную цель.

Поэтому, я поручаю рейхсмаршалу Герману Герингу создать в качестве независимого ведомства совет исследований Рейха, который послужит данной задаче, лично приняв председательство в нём и разработав его устав.

Ведущие люди науки прежде всего должны проводить исследования полезные для войны работая совместно в своих особых сферах. Существующий в настоящее время совет исследований Рейха подчинённый министру науки и образования Рейха входит в состав новой организации.

---

⁷⁸ Освальд Поль (1892 — 1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945). Казнён по приговору американского военного трибунала в Нюрнберге.

Средства необходимые для исследовательских задач включаются в бюджет Рейха, в случае если они не могут быть получены от взносов (на исследования) кругов заинтересованных в исследованиях.

Штаб-квартира фюрера, 9 июня 1942

Фюрер
Адольф Гитлер

Министр Рейха и начальник рейхсканцелярии
Доктор Ламмерс

VII. Фрагменты из аргументации и доказательств обвинения и защиты

A. Медицинские эксперименты

1. Эксперименты с большой высотой

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Шрёдеру, Гебхардту, Рудольф Брандту, Мруговски, Поппендику, Зиверсу, Руффу, Ромбергу, Бекер-Фрейзингу и Вельцу вменялась особая ответственность и соучастие в преступных деяниях включающих эксперименты с большой высотой (пар. 6 (а) обвинительного заключения). Во время процесса обвинение отозвало данный эпизод по делам Карла Брандта, Хандлозера, Поппендика и Мруговски. Только подсудимые Рудольф Брандт и Зиверс были признаны виновными по данному обвинению.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительных обзоров против подсудимых Руффа, Ромберга и Вельца.

В начале войны оказалось необходимым провести исследования в сфере больших высот, из-за высокого потолка достигаемого союзными истребителями. Это создало проблему доступности человеческих подопытных, постольку поскольку эксперименты с животными считались неадекватными. Высоты включали от 12000 метров до 20000 метров, поэтому само собой разумеется, что такие эксперименты являлись очень опасными и как указано в доказательствах, добровольцев было не найти. Эта сложность была преодолена использованием заключенных концентрационных лагерей без их согласия. Первое указание на преступный план появилось в письме от доктора Зигмунда Рашера, врача Люфтваффе, в письме рейхсфюреру СС датированному 15 мая 1941:

«В настоящее время я командирован командованием воздушного округа VII, Мюнхен, на курсы по медицинскому отбору. Во время этих курсов, на которых полёты на больших высотах играют видную часть, и был установлен в некотором роде большой потолок английских истребителей, выразалось

большое сожаление тому факту, что для нас пока невозможны никакие тесты на людях, так как такие эксперименты являются очень опасными и для них *нет ни одного добровольца*. Поэтому я поднимаю серьезный вопрос: есть ли возможность того, чтобы двух или трёх профессиональных преступников можно было предоставить для таких экспериментов?» (1602-ПС, экз. обв. 44)

В письме Рашера от 15 мая 1941 далее следует, что Рашер посоветовался с другим врачом Люфтваффе и что предварительное согласие было достигнуто для того, чтобы проводить эксперименты на которых ожидалась их смерть на заключенных концентрационных лагерей, на «наземной станции Люфтваффе по экспериментам с большой высотой» в Мюнхене:

«Эксперименты следует проводить на наземной станции Люфтваффе по экспериментам с большой высотой в Мюнхене. Эксперименты, в ходе которых подопытный может умереть, пройдут при моём содействии. Они являются абсолютно необходимыми для исследования полёта на большой высоте и не могут, как делалось до сих пор, проводиться на обезьянах, потому что обезьяны показывают совершенно иные условия испытаний. У меня был совершенно конфиденциальный разговор с представителем врача Люфтваффе, который проводил такие эксперименты. У него также мнение о том, что спорные проблемы можно разрешить экспериментами на людях» (1602-ПС, экз. обв. 44)

.....

Вельц свидетельствовал о том, что встреча проходила летом 1941 по случаю визита генералоберштабсарцта Гиппке в воздушный округ VII. В обсуждении между Вельцем, Коттенхофом и Гиппке, Гиппке дал принципиальное одобрение экспериментам которые казались необходимыми. В течении лета 1941, Рашер поехал к Вельцу и предложил эксперименты с медленным подъёмом, но Вельц отверг их как ненужные. Эти показания подсудимого Вельца ясно указывают на то, что юрисдикция Вельца охватывала деятельность Рашера. Этот отказ проводить испытания по экспериментам медленного подъёма подтверждает предположение обвинения о том, что подсудимый Вельц имел в любое время полномочия и власть для вмешательства. Действия Вельца в течение всего периода разработки планов этих экспериментов не являлись просто негативными. Он был полностью согласен со всём предприятием и он осознавал, что Рашер не владеет

необходимой квалификацией для проведения экспериментов без содействия специалиста в данной сфере авиационной медицины. Более того, хотя Рашер принадлежал к институту Вельца у него не было иной определенной работы. Поиск специалиста для сотрудничества с Вельцем и Рашером оказался трудной задачей. Сначала Вельц обратился к членам своего института, а именно Лютцу и Вендту, людям со значительной репутацией в данной сфере, но не добился своего. Вольфганг Лютц появился в данном трибунале и свидетельствовал о том, что Вельц просил его содействия, также как и содействия Вендта, но оба они отказались по моральным соображениям. Вельц не отрицает этого, но утверждает, что его вопросы Лютцу были риторического характера.

Неспособность заинтересовать специалиста в сфере исследований большой высоты для сотрудничества с Рашером объясняет причину разрыва между датой разрешения Гимmlера и действительной датой проведения экспериментов, то есть, с июля 1941 по февраль 1942. Вельц не являлся специалистом в исследованиях большой высоты. Коттенхоф был переведён в Румынию, а Рашер был относительным новичком в данной сфере.

Следующим шагом предпринятым Вельцем, который привёл к завершению планов по проведению экспериментов с большой высотой на людях в концентрационном лагере Дахау, было его приглашение подсудимым Руффу и Ромбергу для сотрудничества с Рашером. Эти двое являлись экспертами в данной сфере и были заинтересованы в дальнейших исследованиях высот превышающих 12000 метров. Вельц свидетельствовал о том, что он совершил поездку в Берлин и о том, что Руфф принял его приглашение для сотрудничества с Рашером. Доказательства показывают, что Вельц обратился к Руффу и Ромбергу, так как ему требовалось экспертное содействие. (НО-437, экз. обв 42; НО-263, экз.обв. 47; НО-191, экз. обв. 43). Подсудимый Руфф заявил о том, что он впервые услышал о плане проведения исследований на заключенных концентрационного лагеря Дахау от подсудимого Вельца и о том, что Вельц желал сотрудничества между Ромбергом и Рашером и между институтом Вельца и институтом Руффа. Более того Руфф свидетельствовал о том, что Вельц заявил:

«Конечно, лучше если бы вы или Ромберг приняли участие в этих экспериментах, потому что Ромберг уже проводил такие эксперименты по парашютному снижению и поэтому является человеком, который в целом знает о проблеме спасения с большой высоты. Руфф далее свидетельствовал о том, что Вельц предложил, чтобы новая серия экспериментов по парашютному снижению с больших высот была проведена в Дахау на заключенных».

С этого момента, как взаимное предприятие пришла в движение экспериментальная программа. Об этом лучше всего сказано подсудимым Вельцем:

«Это было взаимное предприятие, во время которого Руфф должен был проинструктировать Ромберга, а я проинструктировать Рашера. Руфф естественно должен был быть начальником Ромберга, а я, само собой разумеется должен был быть начальником Рашера. Руфф не мог давать никаких приказов Рашеру. Рашер являлся капитаном медицинского корпуса, а Руфф являлся гражданским. Я не мог давать каких-либо приказов Ромбергу, потому что Ромберг был гражданским, а я солдатом. Естественно, так должно было быть. Это должно было так быть. Более того, мне было ясно, что я никак не могу уйти в отставку. Я не мог оставить Рашера на Руффа. Совершенно ясно, что я должен был участвовать в этих экспериментах осуществляя надзор, но участвовать неактивно».

Данные доказательства определенно опровергают расплывчатое утверждение Вельца о том, что он не искал специалистов по исследованиям больших высот для сотрудничества с ним и с Рашером. Без усилий Вельца эксперименты никогда не бы случились. Короче, для проведения этих экспериментов на высотах превышающих 12000 метров Вельц посчитал нужным обеспечить содействие экспертов в данной сфере, также как и барокамеру, которая удовлетворяла его нуждам. Имея Руффа и Ромберга, вышеуказанным способом Вельц умело проработал весь план.

Непосредственно после завершения Вельцем своих переговоров с Руффом, он созвал встречу в своём институте в Мюнхене, на которой прошло обсуждение технического характера экспериментов. На этой встрече присутствовали, Руфф, Ромберг, Рашер и Вельц. Эта встреча была в институте Вельца и Вельц председательствовал на встрече. Далее было решено, что вторая встреча должна быть проведена в Дахау несколькими днями спустя с целью проведения необходимых приготовлений с комендантом лагеря. Эта поездка была предпринята с целью обсудить технические приготовления с комендантом лагеря и подготовить вопросы относительно отбора подопытных. Вновь присутствовали Вельц, Руфф, Ромберг и Рашер, в дополнение к Пиорковски⁷⁹, коменданту лагеря, и Шницлеру от штаба рейхсфюрера СС (НО-476, экз. обв. 40; НО-437, экз. обв 42; НО-263, экз. обв. 47;)

⁷⁹ Александр Пиорковски (1904-1948) – штурмбаннфюрер СС. Комендант концентрационного лагеря Дахау в 1940-1942. Казнён по приговору суда.

После завершения приготовлений с лагерными властями Дахау, следующей проблемой стала доставка барокамеры из Берлина. Как отмечалось ранее Вельц желал её для использования в экспериментах Дахау. Интересно отметить, что Вельц имел барокамеру в своём институте с 1938, и то, что Вельц свидетельствовал о наличии добровольцев из своих студентов или из Люфтваффе. Несмотря на это, было необходимо обратиться к заключённым концентрационных лагерей и с целью проведения экспериментов передвижная барокамера должна была быть доставлена из института Руффа в Берлине так как барокамера в институте Вельца не была передвижной. Мобильная барокамера из института Руффа в Берлине была перевезена в институт Вельца в Мюнхене и прибыла поздно вечером. Эта барокамера была перевезена в Мюнхен сотрудниками ДВЛ и передана Вельцу. На следующий день водители СС из Дахау, получили ключи от барокамеры и отвезли её в концентрационный лагерь. Целью маскировки этой деятельности был обман сотрудников ДВЛ, потому что Вельц и Руфф не хотели, чтобы они знали о том, что барокамера будет использована для экспериментальной программы в концентрационном лагере. Этим объясняется факт, того, что совершенно новый отряд водителей прибыл из концентрационного лагеря для вывоза камеры в Дахау. Эта особая акция секретности заметна, если учитывать, что Дахау лишь в 12 километрах от Мюнхена и в действительности водителям ДВЛ пришлось делать крюк для доставки камеры в институт Вельца. Руфф свидетельствовал о том, что секретность по вопросам перевода камеры в Дахау была из-за вопросов безопасности.

Из доказательств подытоженных таким образом, и собственного признания Вельца, ясно, что он должен быть признан виновным в преступлениях с большой высотой совершённых в Дахау. Это было преступное мероприятие со своего зарождения. Всем заинтересованным лицам было известно, что предполагаемые эксперименты определено приведут к смертям и то что они проводятся на недобровольцах. Это подтверждалось самым первым письмом Гиммлеру. Вельц поддержал эту амбицию своего подчинённого, Рашера, о выполнении экспериментов от имени института Вельца. Он обеспечил сотрудничество Руффа и Ромберга. Он получил согласие Гиппке и научную задачу от отдела авиационной медицины под руководством Антони и Бекера-Фрейзинга. Он позаботился о технических приготовлениях и участвовал в совещаниях с Руффом, Ромбергом и Рашером, на которых решили о проведении экспериментов. Вельц сделал для проведения экспериментов больше чем кто-либо ещё. Его вина ясно установлена даже этими доказательствами. Не оспаривается, что Рашер являлся его подчинённым до февраля 1942. Основная защита Вельца заключается в том, что

Рашер был переведён из его института уже в феврале 1942 и поэтому, он не может нести ответственность за случившееся позже. Даже если это правда, это не защита. Он не может сказать: «Да, я всё это сделал, но я не ответственный за последствия к которым привели мои действия». Смерти которые случались в этих экспериментах предсказывались с самого начала. Вельц не избежал бы ответственности за эти смерти, даже если бы было правдой то, что Рашер не подчинялся ему, когда они случились. Но это неправда, как подтверждается доказательствами.

Действительной датой начала экспериментов в Дахау было 22 февраля 1942, которую вспомнил свидетель Нефф⁸⁰, потому что это его день рождения. С этой точки, подсудимый Вельц занимает позицию о том, что он не имел никаких сведений о работе и что, фактически Рашера освободили от его командования. Вельц признал, что его обязанностью было надзирать за Рашером и что существовало соглашение между Руффом и Вельцем о том, что это будет совместное мероприятие. Руфф осуществлял надзор за Ромбергом, а Вельц должен был осуществлять надзор за Рашером. Вельц согласился с тем, что являлся дисциплинарным вышестоящим начальником Рашера и был ответственным за научные программы которые он поручал Рашеру. Несмотря на цепочку командования и рабочее соглашение, Вельц занимает позицию о том, что Рашер стремился работать независимо и что он не желал докладывать Вельцу. Вельцу было необходимо приказать Рашеру докладывать ему дважды в неделю и Вельц предполагает, что в результате данного приказа, Рашер прибыл к нему в середине февраля и что это был их первый разговор после встречи в Дахау и по этому случаю, Рашер проинформировал Вельца о том, что эксперименты даже ещё не начались и что ему нечего доложить.

Вельц свидетельствовал о том, что Антони, подчинённый которого Бекер-Фрейзинг работал в медицинской инспекции Люфтваффе в Берлине, позвонил ему для запроса о том, как продвигаются эксперименты в Дахау и что он смог лишь ответить о том, что доложить нечего. Рашер докладывал ему второй раз, соответственно Вельц проинформировал Рашера о том, что из Берлина поступил телефонный звонок и что он хотел пояснений о том, как идут дела в Дахау. Рашер не захотел ничего сообщить Вельцу во втором разговоре, и Вельц утверждает, что он сказал Рашеру о том, что собирается поехать в Берлин для выяснения ситуации и получения ясного решения о том должен или нет Рашер докладывать ему. Затем, по случаю третьего визита Рашера, Вельц ожидая острого спора, попросил Вендта из своего учреждения зайти в комнату, и по этому поводу поставил Рашера перед

---

⁸⁰ Вальтер Нефф (1909-1960) – заключенный лагеря Дахау. Являлся капо и в лагере и ассистентом в экспериментах З. Рашера.

альтернативой либо докладывать ему либо уйти из института. Вельц утверждает, что тогда Рашер показал ему телеграмму от Гиммлера, которая гласила: «Эксперименты следует сохранять в секрете». Соответственно Вельц утверждает, что он перевёл Рашера из своего института и что затем он составил совместно с Вендтом письмо в воздушный округ и попросил немедленного перевода Рашера и что спустя несколько дней командировка Рашера закончилась.

Записка Нини Рашер Гиммлеру от 24 февраля 1942 показывает, что тогда Рашер ещё подчинялся Вельцу. (НО-263, экз. обв. 47). Она обозревала историю экспериментов и указала на то, что 24 июля 1941 Рашер, Коттенхоф и Вельц до являлись ответственными. Коттенхоф был переведён в Румынию в августе и соответственно был исключён из данной группы. Она заявила о том, что задачей Вельца являлось начать техническое исполнение экспериментов. Видимо из-за опасений моральных возражений со стороны Гиппке, Вельц откладывал начало экспериментов, но наконец получил Руффа и Ромберга для сотрудничества с Рашером. В Дахау прошло совещание между Пиорковски, Шницлером, Вельцем, Рашером, Ромбергом и Руффом. Вельц дал гарантию того, что он получит разрешение для Рашера. Госпожа Рашер пожаловалась на это 18 февраля, после проведения Рашером всей подготовительной работы, Вельц заявил: «Теперь с устранением вами всех препятствий с пути Ромберга и СС, разрешение следует получать по-другому». Госпожа Рашер заявила о том, что и Ромберг и Рашер согласились с тем, что Вельц больше не нужен и что оба возражали его попыткам заменить Рашера собой.

Вельц утверждает, что правда заключается в том, что он желал устранить Рашера, и что госпожа Рашер неправильно сообщила о нём Гиммлеру, из чего кажется, что он пытался устранить Рашера с целью сохранить работу исключительно за собой. Не может быть вопроса в том, что госпожа Рашер была совершенно верна в своём анализе ситуации. Какую возможную причину мог иметь Вельц, прямо перед началом экспериментов устранив Рашера если он не желал лично участвовать и таким образом обеспечить большую часть научного доверия? Разумеется он поддерживал Рашера с самого начала и предложения о проведении экспериментов. Как бы то не было, доказательства показывают, что Рашер продолжал участвовать в экспериментах как подчиненный Вельца. Это ясно подтверждается служебной запиской Шницлера от ведомства СС в Мюнхене датированной 28 апреля 1942 (НО-264, экз. обв. 60). Эта записка показывает, что Рашер всё ещё подчинялся Вельцу, и что Вельц настаивал на активном участии в экспериментах и являлся полностью ответственным. РЛМ (министерство авиации) запросило Вельца о том, как долго делятся эксперименты, и оправдана ли столь

длительная командировка медицинского офицера. Рашер, которого раздражало его подчинение Вельцу, попросил, чтобы его командировали в отделение ДВЛ Дахау.

Единственной реакцией Вельца на этот документ было то, что дата ошибочная и следует читать 28 февраля вместо 28 апреля 1942. Вельц в перекрёстном допросе согласился с этим, предположив, что дата 28 апреля 1942 правильная, тогда конечно Рашер всё ещё являлся его подчиненным. Записка от Зиверса датированная 3 мая 1942 разрешает этот вопрос без соменения. Эта записка гласит следующее:

«Унтерштурмфюрер СС, штабсарцт, доктор Рашер 29 апреля 1942 доложил в Мюнхен о результатах совещания с оберштабсарттом доктором Вельцем. Вельц запросил, чтобы доктор Рашер был отозван, если в пятницу, 1 мая 1942 его (Вельца) не возьмут для консультирования относительно экспериментов. Рейхсфюрер СС соответственно проинформирован. Он приказал обергруппенфюреру СС Вольфу 30 апреля 1942 направить фельдмаршалу Мильху телеграмму с запросом о переводе доктора Рашера в отделение Дахау Германского института авиационных исследований, и пребывания там в распоряжении рейхсфюрера СС». (НО-1359, экз. обв. 493).

После предъявления этого документа Вельц сконцентрировался на том, что его предыдущие показания о переводе Рашера, как минимум неправильные. Он заявил:

«Да, теперь дело выглядит по-другому. Если бы я имел эту записку от Зиверса в дополнение к другим документам, я бы знал о том, что записка Шницлера была правильной, и что была другая возможность объяснить письмо госпожи Нини Рашер. Теперь, с другой стороны, можно объяснить это письмо. Я могу лишь попытаться восстановить даты по документам, которые доступны здесь, так как я больше не знаю их сегодня.

На повторном допросе своим защитником, Вельца снова попросили разъяснить ситуацию относительно подчиненности Рашера и он ответил:

«Поскольку моя первая попытка разъяснить это противоречие сошла на нет, я не хочу пытаться снова. Я просто не вижу способа прояснить это на основе материала передо мной».

В письме от 20 мая 1942 от Мильха Вольфу снова без сомнения становится очевидным, что Рашер являлся подчиненным Вельца:

«Ссылаясь на твою телеграмму от 12 мая наш медицинский инспектор доложил мне о том, что высотные эксперименты проводимые СС и воздушными силами в Дахау были завершены. Какое-либо продолжение данных экспериментов выглядит довольно излишним. Однако было бы важным проведение экспериментов иного рода, относительно угроз открытого моря. Это подготовлено непосредственным соглашением соответствующих ведомств; майор (м[едицинской с[лужбы]) Вельц будет ответственным за исполнение, а капитан (м[едицинской с[лужбы]) Рашер будет доступен до поступления дальнейших приказов о его обязанностях в рамках медицинского корпуса воздушных сил». (343-А-ПС, экз. обв. 62).

Таким образом, ясно, что Вельц нёс ответственность за множественные убийства, которые были вызваны экспериментами с большой высотой в Дахау. Он не только участвовал в планах и мероприятиях включая поручение этих экспериментов, но также являлся непосредственным начальником Рашера, который совместно с Руффом и Ромбергом действительно проводили эксперименты.

Статус заключенных использованных в экспериментах

После успешного обеспечения Вельцем сотрудничества Руффа и Ромберга, в конце декабря 1941 или начале 1942 он провёл встречу в своём институте в Мюнхене. Руфф, Ромберг, Вельц и Рашер присутствовали на данной встрече в основном для изложения базы для технических приготовлений необходимых для проведения в Дахау. Всеми подсудимыми предполагается, что обсуждался вопрос относительно статуса заключенных предназначенных для использования и что Рашер заверил их, что подопытные будут исключительно добровольцами. Фактически, подсудимые заявляют о том, что Рашер представил сообщение от Гимmlера, которое предусматривало, что подопытные должны быть при любых обстоятельствах добровольцами. К сожалению, письмо не было представлено защитой. Излишне говорить о том, что подсудимые занимают позицию о том, что такие эксперименты следовало проводить на рецидивистах и осуждённых преступниках и что представлялись соображения о «добровольцах» в случае их выживания в экспериментах. Фактически, Ромберг прямо заявляет о том, что он видел «письмо Гимmlера» и он смог заметить слова «преступник» и «доброволец».

Утверждение подсудимых о том, что Гимmlер приказал об использовании преступников в качестве добровольцев смехотворное и недостоверное, если учесть, что Гимmlер проинструктировал Рашера помирить тех несчастных заключённых

только если они смогут вернуться к жизни после проведения эксперимента такого типа как описывалось Рашером в первом промежуточном докладе, в котором показано, что подопытные прекращали дышать и их грудная клетка вскрывалась, т. е. на них проводилось вскрытие. (1971-А-ПС, экз. обв. 49).

В этом примере Гиммлер любезно заявил:

«3. Учитывая длительную работу сердца, следует особо направлять эксперименты таким образом, чтобы определить, возможно, ли вернуть к жизни этих людей. Конечно в случае успеха такого эксперимента, лицо приговорённое к смерти получает помилование на пожизненное заключение в концентрационном лагере» (1971-Б-ПС, экз. обв. 51).

Абсурдно придавать какой-либо вес тому предположению, что Гиммлер предусматривал то, чтобы подопытные должны быть добровольцами. Эти люди знали о том, что добровольцев не получить и что это та самая причина похода к Гиммлеру. Это показано в письме от Рашера Гиммлеру просившему предоставить преступников из-за того факта, что «никто не хочет быть добровольцем».

Подсудимый Руфф, давая показания признал, что эксперименты проводились на них самих и коллегах в Берлине по высотам до 12000 метров и что вопрос о том, что произойдёт между 12000 и 20000 метров впоследствии исследовался в Дахау. Поэтому очевидно, что Руфф, Ромберг, Вельц и Рашер не желали проводить такие исследования на себе.

Доказательства подтвердили, что подопытные использовавшиеся в экспериментах с большой высотой не являлись, за немногими исключениями, добровольцами. Заключение просто случайно отбирали в лагере и принуждали проходить эксперименты. Использовались русские, поляки, евреи различных национальностей и немцы. Включались русские военнопленные, как и многие политические заключённые. Приблизительно от 180 до 200 заключённых подверглись опытам, от 70 до 80 в результате было убито. Не более чем 40 из них были приговорены к смерти. Среди убитых были политические заключённые. Показания Неффа, который был помощником из заключённых в экспериментах и который опознал Руффа, Ромберга и Вельца согласуются с телеграммой Рашера запрашивающей Гиммлера о применимости правила амнистии к русским и полякам, которых обширно использовали в экспериментах. (1971-Д-ПС, экз. обв. 52). Национальность и статус заключённых легко заметны из нашивок на их форме. Руфф и Ромберг смогли пояснить об использовании иностранных граждан и политических заключённых.

Показания свидетеля Неффа открывают, что приблизительно 10 военнопленных были отобраны в качестве постоянных подопытных, но они не

являлись добровольцами. Однако, согласно Неффу было несколько добровольцев. Он заявил: «Было несколько добровольцев для экспериментов, потому что Рашер обещал некоторым лицам освобождение из лагеря если они пройдут эксперименты». Нефф чётко указал на то, что в виду способа отбора подопытных заключенных и их использования невозможно было узнать, кто является добровольцем, если такие и были, а кто не доброволецем. Их не доставляли и не использовали как разные группы. Единственное доказательство освобождения это случай Сабота, описанный Неффом, и в этом случае он был направлен в зондеркомманду СС. Смертные приговоры не смягчались.

Защита Руффа и Ромберга заявляет, что эксперименты в Дахау подразделялись на две группы. Первая группа, так называемые эксперименты Руффа-Ромберга-Рашера, являлась непреступной, в то время как вторая, эксперименты Рашера, охватывала все преступления. Она утверждает, что эксперименты Руффа-Ромберга-Рашера проводились независимо от экспериментов Рашера и что 10 изначальных подопытных упоминавшихся Неффом и Вивигом использовались исключительно для экспериментов Руффа-Ромберга-Рашера. Несмотря на показания свидетелей и вес документальных доказательств, они хотят, чтобы трибунал поверил в то, что по чудесному стечению обстоятельств все они были добровольцами и преступлений не совершалось. Такая защита неприменима к Вельцу. Рашер являлся его подчинённым.

Следует отметить, что Ромберг и Рашер, которые испытывали себя в барокамере в Дахау при давлении воздуха эквивалентном от 12500 до 13500 метров соответственно, на 30-40 минут, прекратили эти эксперименты на себе из-за сильной боли. (НО-402, экз.обв. 66). И эти люди продолжали, как подтверждается их совместным докладом, проводить эксперименты на заключенных, которые они не хотели проводить на себе.

Экспериментаторы не озаботились и даже не проявляли интереса к тому, чтобы проследить за тем, чтобы сдерживались предполагаемые обещания сделанные «добровольцам». Хотя Ромберг сказал, что у него не было канала к Гиммлеру, он также признал посещение Гиммлера с Рашером в июле 1942.

В данной связи, нам следует рассмотреть удобную линию защиты. Ограничиваясь экспериментами Руффа-Ромберга-Рашера на 10 подопытных, мы находим, что она далее предполагает, что в этих экспериментах не случалось смертей в отличие от значительного количества смертей в работе Рашера. Но свидетель Нефф, описывая первый день экспериментов, категорически заявил о том, что первая серия экспериментов не проводилась на добровольцах. Более того, подсудимый Руфф, также присутствовал на этих экспериментах. Утверждение

подсудимых о том, что эксперименты разделялись на две группы прямо опровергнуто Неффом. Он свидетельствовал о том, что Ромберг не только экспериментировал с Рашером на изначальных 10 подопытных, но также на большом количестве других заключенных. Разграничение выдуманное подсудимыми не выдерживает критики в виду показаний Неффа. На вопрос о том экспериментировал ли Ромберг только на 10 изначальных подопытных, Нефф ответил:

«Эксперименты проводились не только на этих десяти лицах, но например, в серии экспериментов, которую Ромберг также проводил на большой группе других заключенных. Разграничение, которое защитники пытаются сделать между экспериментами в докладе воздушному округу или о смерти – для меня невозможно такое разграничение и различие между теми, кто попадал в ту или иную категорию».

Чему же верить, показаниям Неффа, плюс здравому смыслу или обеляющим заявлениям подсудимых? Это тот вопрос на который ответит трибунал. Нет такого понятия как полуубийца. Эти подсудимые являются ответственными за убийства или не являются. Нет ни грана доказательств в поддержку смехотворного утверждения о том, что группа добровольцев, отобранная для использования Ромбергом, носила майки другого цвета, а значит он мог разделять их и обращаться по-другому. Но это именно то, что Руфф и Ромберг просят установить трибунал. Это абсолютно невозможно перед лицом материалов дела.

Это предполагаемое дистанцирование Руффа и Ромберга от «преступлений совершённых исключительно Рашером» полностью противоречит действиям данных подсудимых во время экспериментов, которые в конце концов говорят громче чем их нынешние показания. Нефф свидетельствовал о том, что как минимум пять смертей случились во время экспериментов и что он не предпринимал усилий остановить их и даже не протестовал после. Ромберг признал, что видел три смерти и что он знал о том, что пять из десяти других убийств произошли в его отсутствие (НО-476, экз. обв. 40) Первую смерть Ромберг увидел, как он сказал, в апреле. Он доложил об этом Руффу. И эксперименты не прекратились. Они шли до конца июня и случились смерти, которые Ромберг видел. Как минимум, подсудимые сделали себя убийцами продолжая эксперименты. Это правда независимо от того насколько они могли быть виновными в первой смерти. Их долгом было немедленно остановить эксперименты, вывезти барокамеру, и требовать военно-полевого суда для Рашера. Они не сделали ни одной из этих простых и очевидных вещей. Они не сделали этого по той причине, что смерти ожидалась с самого начала являлись частью плана эксперимента. Ромберг видел

смерти этих людей и не сделал абсолютно ничего. Тогда в его власти было спасти их. Он сказал, что он работал с электрокардиографом. Он точно знал, их пульс, когда возникала опасность смерти. Он также знал это по своим сведениям о реакциях на большие высоты. Он мог видеть и знать о показаниях давления. Он мог опустить давление и спасти их жизни просто повернув рычаг, который был под рукой. Он был большим человеком чем Рашер. Требуется использовать силу при необходимости. Он не только ничего делал наблюдая за тем как на его глазах умирали беспомощные жертвы, но и помогал при вскрытии.

После всех этих убийств, что случились и были известны им, Руфф и Ромберг всё ещё продолжали. Они подготовили совместный доклад об экспериментах от имени Руффа, Ромберга и Рашера в июле 1942. (НО-402, экз. обв. 66). Они всё ещё сотрудничали с этим признанным убийцей и прикрывали его своей научной репутацией. Ромберг по рекомендации Рашера получил медаль за свою работу в экспериментах. (1607-А-ПС, экз. обв. 65). Ромберг всё еще поддерживал Рашера в сентябре 1942 и должен был сделать устный доклад Мильху об экспериментах Рашера. Он написал меморандум от имени Рашера поясняющий, что доклад не был представлен, потому что Мильх не смог принять их в назначенное время. Этот же самый меморандум подписанный Ромбергом, подтверждает, что он был настроен продолжать эксперименты с большой высотой с Рашером и просил разрешения Мильха.

Он писал:

«Оберстарцт Кальк заявил о том, что хочет доложить государственному секретарю наши пожелания относительно рассылки отчёта и продолжения экспериментов... оберстарцт Кальк ещё 11 сентября передал наши пожелания относительно рассылки и подтверждения экспериментов государственному секретарю. Государственный секретарь одобрил план рассылки и сказал, что продолжение экспериментов не является срочным». (НО-224, экз. обв. 76)

Между тем, убийственные эксперименты по заморозке начались командой Люфтваффе Хольцлохнера⁸¹, Финке⁸² и Рашера. Руфф, Ромберг и Вельц все слышали доклад об этих экспериментах в Нюрнберге в октябре 1942. (НО-401, экз. обв. 93). Гиппке сам написал о своей особой благодарности Гиммлеру 8 октября 1942 и сказал: «Когда работа потребует ещё раз вашего положительного содействия,

⁸¹ Эрнст Хольцлохнер (1899-1945) – немецкий физиолог. Штурмбаннфюрер СС. После ареста покончил жизнь самоубийством.

⁸² Эрих Финке (1905-1945) – немецкий терапевт. Умер в военном госпитале.

могу я снова связаться с вами через штабсарцта доктора Рашера? (НО-289, экз. обв. 72)

.....

Анализ экспериментов

Эксперименты в Дахау в сфере исследований большой высоты проводились для определения человеческих реакций на высоты свыше 12000 метров. Подсудимый Ромберг заявил о том, что были проведены четыре серии экспериментов (а) медленное снижение без кислорода, (б) медленное снижение с кислородом, (в) падение без кислорода и (г) падение с кислородом. (НО-476, экз. обв. 40). Первые два теста были разработаны для симулирования снижения с открытым парашютом в то время как последние два это свободное падение с самолёта перед открытием парашюта. Как было указано в первом промежуточном докладе доктора Рашера, следовало решить дополнительную проблему, а именно установить соответствуют ли теоретически установленные нормы поддержания жизни людей путем кислородного дыхания небольшим объёмом кислорода и сопоставить их с низким давлением соответствующим результатам полученным в практическом опыте. Промежуточный доклад Рашера говорит о следующем:

«2. Эксперименты, тестировавшие продолжительность жизни человека вне обычных границ дыхания (4, 5, 6 км) не проводились вовсе, в силу известного вывода о том, что подопытный погибнет».

«Эксперименты проведённые мной и доктором Ромбергом подтвердили следующее:

«Эксперименты с парашютными прыжками подтвердили недостаток кислорода и низкое атмосферное давление от 12 до 13 км. Высота не вызвала смерть. Всего 15 последних экспериментов такого типа были проведены и не один ПО не умер. Происходили очень сильная кессонная болезнь совместно с потерей сознания, но полностью нормальные функции чувств возвращались на высоте 7 км, достигнутой при снижении. Электрокардиограммы ведущиеся во время экспериментов показали некоторые сбои, но к окончанию эксперимента показатели возвращались к норме и они не указывали на какие-либо ненормальные изменения в последующие дни. Степень в которой может возникнуть вред

организму из-за постоянно проводимых экспериментов можно установить только в конце серии экспериментов. *Крайние смертельные эксперименты будут проводиться на особо отобранных ПО иначе не будет возможно осуществлять строгий контроль настолько важный для практических целей.* [Курсив добавлен]. (1971-А-ПС, экз. обв 49).

Таким образом, ясно, что эксперименты планировались и проводились с намерением того, чтобы некоторые были умерщвлены. Данный доклад охватывает период до первой недели апреля и упоминает смерти и вскрытия. Довольно очевидным это было в примере, когда Ромберг говорил о том, что увидел первую смерть и вскрытие, хотя он указывает дату в последней части апреля. (НО-476, экз.обв. 40). Если бы эксперименты были остановлены, жизни многих подопытных были бы спасены.

Подсудимые оспаривают, что, в то время как эксперименты могли убивать людей, они не включали пытки и боль. Это основано на теории о том, что подопытные теряли сознание перед каким-либо ощущением смерти. Такая аномальная защита полностью опровергается фотоматериалами показывающими боль подопытных (НО-610, экз. обв. 41) также как и собственным докладом подсудимых об экспериментах. (НО-402, экз. обв. 66). Реакция одного подопытного была описана в таких терминах как «тяжёлая высотная болезнь, спазмические конвульсии». В эксперименте на себе Ромберга и Рашера, реакции последнего описаны как следующие:

«Спустя 10 минут нахождения на такой высоте, началась боль в правой стороне с спазмическим паралитическим состоянием правой ноги, которое постепенно возрастало как будто вся правая сторона Ра[шера] сжималась между двух прессов. В то же время были сильнейшие головные боли, как будто череп разрывали на части. Боли постепенно усилились настолько, что потребовалось прекращение эксперимента. Боли исчезли, когда был достигнут уровень земли, в то же время расстройство правой ноги продолжались около 5 минут». (НО-402, экз. обв. 66).

Не было случая, чтобы эксперимент был прекращён из-за более заключенного.

Руфф и Ромберг заняли позицию о том, что они как могли не хотели убивать заключенных в ходе эксперимента. Они настаивают на том, что их эксперименты с Рашером касались проблемы взрывной декомпрессии и парашютного снижения с большой высоты, в то время как Рашер в одиночку

работал над временным пребыванием или более длительным нахождением на больших высотах, и что в экспериментах Рашера убивались заключенные. Здесь снова искусственное разделение экспериментов на преступные и не преступные, которое уже подтвердилось как ложное. Но тут снова, два эксперимента на себе, которые Руфф, Ромберг и Рашер включили в свой совместный окончательный доклад как упоминалось выше являлись экспериментами продолжительного пребывания на большой высоте, предмет который они приписывают исключительно Рашеру. Единственной причиной почему этот эксперимент не закончился смертельно было то, что его прервали из-за сильной боли. Более того, на странице 11 окончательного доклада Руффа, Ромберга и Вельца говорится следующее: «Это заслуживает особого внимания, потому что в данном случае лицо полностью умственно восстановилось к высоте 8.3 км, после 3 минут наиболее жёсткой нехватки кислорода, *в то время как в экспериментах на выносливость высоты*, на данной высоте кислородная болезнь длилась приблизительно 3 минуты. [Курсив добавлен] (НО-402, экз. обв. 66). Здесь опять, подтверждается из их собственного доклада, что Руфф и Ромберг, также как и Рашер, занимались временным пребыванием на больших высотах.

Об экспериментах в которых заключенные были убиты, сообщалось в докладе Рашера Гиммлеру от 11 мая 1942 (НО-220, экз. обв. 61). Некоторых заключенных убили держа на 12000 метрах без кислорода 30 минут; один был убит на 20000 метров, когда был лишён на 6 минут кислорода. Этих заключенных вскрыли для обнаружения пузырьков газа, указанная воздушная эмболия в докладе Рашера от 11 мая 1942, находиась в кровяных тельцах мозга и других органах при вскрытии под водой. Некоторые «еврейские профессиональные преступники» которые совершили (расовое смешивание) были убиты по иной причине:

«С целью установить имелись ли тяжкие психические и физические эффекты, как упоминалось у номера 3, при формировании эмболии, было проделано следующее: после относительного восстановления от *такого парашютного падения*, однако до прихода в сознание, некоторых подопытных, помещали под воду до смерти. Когда вскрывались череп и грудная полость и желудок под водой, огромное количество воздушной эмболии было обнаружено в сосудах мозга, коронарных сосудах и сосудах печени и кишечника и. т. д».[Курсив добавлен] (НО-220 экз. обв 61).

Следует заметить, что эти убийства совершались в связи с тестами по парашютному падению, а не продолжительному нахождению на большой высоте, и это был тот самый предмет изучаемый Руффом и Ромбергом. Ромберг

свидетельствовал о том, что он присутствовал при смерти трёх из этих заключенных, одного в апреле и двух в мае 1942 и был очевидцем вскрытия одного, на котором пузырьки газа присутствовали в кровяных сосудах мозга. Он докладывал об этих смертях Руффу. (НО-476, экз. обв. 40). Нефф свидетельствовал о том, что Ромберг присутствовал при пяти смертельных случаях и Ромберг признал, что он знал о пяти-десяти других убитых подопытных где он не присутствовал. (НО-476, экз. обв. 40). Нефф заявил о том, что Ромберг активно участвовал в большинстве экспериментов. Он наблюдал за экспериментами, делал записи, и изучал электрокардиограмму и таким образом он мог определить, когда подопытный находится при смерти.

Невероятно, чтобы доктор Руфф не был информирован относительно обнаружения пузырьков в кровяных сосудах мозга, поскольку такие наблюдения у людей которые умерли после слишком быстрой атмосферной декомпрессии - очень, очень особое событие, хотя пузырьки наблюдались много раз до 1942 в сосудах лабораторных животных. Непостижимо, чтобы доктор Руфф или кто-либо ещё в сфере авиационной медицины, не слышал о теории пузырьков вызывающих общую боль, кашель, слепоту или паралич или симптомы высотной болезни, которые могут случаться на большой высоте, поскольку теория была хорошо известна в литературе и учебниках по авиационной медицине доступных с 1938. Как ещё Рашер имел возможность посмотреть на эти пузырьки? Он тоже изучал теорию во время курса авиационной медицины или ему говорил об этом Руфф или Ромберг, которые знали гораздо больше Рашера про авиационную медицину.

Фантастикой является то, что Руфф, Ромберг и Рашер не думали про наблюдения пузырьков в сосудах убитых заключенных, когда в окончательном совместном докладе от 28 июля 1942 писали:

«Несмотря на относительно большое количество экспериментов, подлинная причина тяжёлых психических нарушений и реакций тела (паралич, слепота) приписываемых сумрачному постгипоксичному состоянию остаётся загадкой. Часто казалось, как будто феномен высотной болезни сочетался с результатами сильной нехватки кислорода». (НО-402, экз. обв. 66)

Существует теория о том, что симптомы связываемые с декомпрессией или высотной болезнью могут быть из-за формирования газовых пузырьков (воздушной эмболии) в сосудах мозга или областях суставов или сосудах лёгких. Когда пузырьки накапливаются в сосудах мозга, они вызывают физическое или психическое расстройство или паралич. Когда пузырьки газа накапливаются в областях суставов они предположительно вызывают боль в области суставов. Когда

пузырьки накапливаются в сосудах лёгких они предположительно вызывают удушье или приступы кашля. Такая теория существует 15 или 20 лет, и эксперт в сфере авиационной медицины не мог об этом не знать. Поскольку Рашер наблюдал пузырьки как описывалось в его докладе от 11 мая 1942 и поскольку Руфф и Ромберг имели полные сведения о смертях, очевидно, эти важные находки Рашера о воздушной эмболии не избежали внимания Руффа и Ромберга. Можно заключить, что эти выводы, которые вытекали из намеренных смертей, сформировали основу для параграфа процитированного выше из окончательного доклада. В силу характера предмета, и предшествующих сведений на вскрытиях при экспериментах, идеи выраженные в параграфе цитированном выше не могут быть отделены от аналогичных в докладе Рашера от 11 мая. Об этом свидетельствовал эксперт, доктор А.С. Айви⁸³. Все это вновь подтверждает, что показания Руффа и Ромберга в отношении того, что они не имели отношения к так называемым «экспериментам Рашера» совершенная ложь. Даже если смерти особо не упоминались в совместном докладе от 28 июля, из показаний доктора Айви ясно, что выводы в смертельных случаях сформировали основу для части данного доклада.

Руфф и Ромберг убеждают трибунал, в том что эксперименты были завершены и камера была вывезена из Дахау 20 мая 1942. Поскольку Ромберг знал и докладывал о смертях Руффу в апреле, вообще не было оправдания тому, чтобы камера оставалась в Дахау хотя бы на один день больше. Но согласно своей истории, она оставалась до 20 мая и Ромберг видел убийства ещё двух людей. Они пытались заретушировать своё преступное участие, в этих последних убийствах сказав, что камера не могла быть вывезена без приказа медицинского инспектора Люфтваффе. Как бы то ни было, такое техническое нарушение вывозом камеры без приказов, вряд ли сравнимо с преступлением оставления камеры для дальнейших экспериментов человеку, о котором они признали, что он был убийцей. На самом деле, любой достойный вышестоящий начальник, который сам не являлся частью преступления, какими были являлись, несомненно предал бы Руффа и Ромберга военно-полевому суду за оставление там камеры, не говоря о Рашере.

Но это неправда, что камера оставалась в Дахау до 20 мая 1942 как лживо говорится. Они взяли эту дату из письма Мильха Вольфу заявляющему о том, что камера нужна где-то ещё. (343-А-ПС, экз. обв. 62). Явным было намерение перевезти камеру, но фактически она не перевозилась и это несомненно было из-за совместных усилий Руффа, Ромберга и Рашера. Ромберг стремился продолжать свою преступную работу с Рашером в сентябре 1942 как указывалось выше. В

---

⁸³ Эндрю Конвей Айви (1893 — 1978) — американский врач и физиолог.

любом случае Мильх разрешил пребывание камеры в Дахау ещё на два месяца. (НО-261, экз. обв 63). К 25 июня данный приказ был передан Рашеру Гекеншталлером, адъютантом Вольфа, ссылаясь на письмо от 5 июня от Рашера. (НО-284, экз. обв.). Эти документы, несомненно, подтверждают, что камера оставалась в Дахау до июля 1942.

Показания Неффа не только подтверждают то, что эксперименты продолжались до июля 1942, но также то, что Ромбергу предоставилась замечательная возможность вообще без затруднений прекратить эксперименты. Нефф заявил о том, что Ромберг сказал ему в последней части мая о том, что камеру следует перевезти (несомненно в результате письма Мильха от 20 мая, которое было позднее изменено) и под впечатлением этого Ромберг, который мог быть не расположен продолжать эти эксперименты, мог саботировать камеру сломав стеклянный барометр с целью убедиться, в том, что камеру отправят обратно. Вместо использования этой возможности для остановки экспериментов вывозом повреждённой камеры, Ромберг рванул в Берлин, для получения запчастей, и в течении 2 недель камера снова функционировала для убийственных экспериментов. Камера использовалась ещё 3 недели после ремонта и пять человек были убиты в последний день эксперимента. Хотя защита атаковала Неффа в перекрёстном допросе относительно саботажа камеры, ко времени дачи показаний Ромбергом она признала, что камера была повреждена, но перенесла весь инцидент на май вместо июня. Это очевидно было сделано исходя из теории того, чтобы трибунал можно было обмануть поверив в то, что самая малость экспериментов могла быть проведена в мае поскольку она утверждает, что камера была вывезена 20 мая. Но документы и показания Неффа чётко установили, что камера была там до июля. Более того, мало значит то была ли камера повреждена в мае или июне. Ромберг никак не воспользовался возможностью остановить эксперименты в связи с нехваткой запчастей, хотя эта возможность могла понадобиться если бы он действительно хотел их прекратить. Ему не требовалось делать ничего более сложного чем вывезти камеру или уйти самому.

Вина Руффа и Ромберга несомненна, если мы учтём, что они не воспользовались возможностью уйти после первой смерти подопытного в апреле 1942. Ромберг признал своё присутствие при смерти первого подопытного. Он изучал электрокардиограмму во время экспериментов (НО-476, экз. обв. 40), но он хочет, чтобы трибунал признал его невиновным посторонним чьей привилегией было ничего не делать. По Ромбергу это просто еще один «эксперимент СС». Но Ромберг признал, что он работал с электрокардиограммой и следил за точкой света следующей за сердцем. Когда он увидел, что критическая точка достигнута, он

сказал об этом Рашеру, но безрезультатно, так как Рашер продолжил эксперимент до смерти подсудимого. Такие показания о предполагаемой импотенции, когда человека медленно убивают на его глазах являются оскорблением для человеческого достоинства. Ромберг был старшим учёным и полностью осознавал факт, что опасная зона достигнута, так как он был полностью знаком с работой аппаратуры. Он очертил Трибуналу близость электрокардиограммы к контролю камерой, и непостижимо, что Ромберг не мог предпринять необходимые действия для спасения жизни подопытного, если бы он этого пожелал. Неизбежный факт заключается в том, что эти смерти являлись частью плана и Ромберг не только не желал вмешиваться, но был наиболее заинтересован в причинении смерти путём воздушной эмболии.

Предположив, что Ромберг возражал такому смертельному эксперименту, невозможно понять, почему он не предпринял соответствующих действий для наказания Рашера за преднамеренное убийство. Факт таков, что Ромберг просто доложил о смерти Руффу и Руфф тоже не предпринял соответствующих действий. Хотя и предполагая возражения этой смерти, Ромберг признал участие во вскрытии несчастной жертвы. Это вскрытие чётко приводит к факту, что воздушная эмболия привела к смерти. Когда его спросили участвовал ли он во вскрытии, Ромберг ответил: «Да, я наблюдал за одним вскрытием. Это было моей обязанностью». Ромберг свидетельствовал о том, что он видел две другие смерти и что их тоже вызвала воздушная эмболия.

Руфф и Ромберг сильно упирают на то, что смерти не упоминались в совместном докладе Ромберга, Руффа и Рашера от 28 июля 1942. Это конечно, самое понятное опущение, но никоим образом не подтверждающее, что они не ответственны за эти убийства. На самом деле, совместный доклад от 28 июля 1942 (НО-402, экз. обв. 66) идентичен докладу Рашера от 11 мая 1942 (НО-220, экз. обв. 61) за исключением упоминания смертей. Например, параграф 3 доклада Рашера является итогом части III-1, страниц с 3 по 18, и части III-2, страниц с 18 по 19 совместного доклада. Параграф 4 из доклада Рашера содержит результаты, изложенные в части III-4, страницы с 21 по 22 совместного заключительного доклада. Параграф 5 доклада Рашера идентичен с частью III-3, страницам с 19 по 21 совместного заключительного доклада. Параграф 6 доклада Рашера в котором упоминаются эксперименты с первитином связан с данными по первитину в совместном заключительном докладе на странице 18. Параграф 7 доклада Рашера содержит выводы включенные в совместный доклад и приводит подробности данных о газовых пузырьках относящиеся к страницам с 16 по 18 совместного заключительного доклада, но из которого опущена ссылка на результаты вскрытия

убитых заключенных. Эти различные отрывки сравнил свидетель Айви и сделал вывод о том, что они относятся к одному и тому же предмету.

Попытки Руффа объяснить опущение упоминания смертей в заключительном докладе на основании того, что смерти не происходили в результате их экспериментов по спасению на больших высотах (т. е. тесты снижения на парашюте), но скорее собственных экспериментов Рашера к которым они не имели отношения (т.е. продолжительному пребыванию на больших высотах). Уже было подтверждено, что общая предпосылка к этому лживому аргументу совершенно ложная, поскольку Руфф и Ромберг сами не были заинтересованы во временном пребывании на больших высотах. Эксперименты на себе Ромберга и Рашера являлись одинаковыми тестами и они особо упоминались в заключительном докладе. Они включали нахождение от 30 до 40 минут на высотах между 12 и 13,5 километрах. Но таким образом также небольшая предпосылка ошибочна. Смерти умышленно достигались в ходе тестов по парашютному снижению. В этих тестах было замечено, что подопытные испытывают спазмические и клонические конвульсии вместе с параличом. Об этом докладывалось в параграфе 3 меморандума Рашера от 11 мая 1942 об экспериментах и также на страницах с 13 по 18 заключительного доклада. В своём меморандуме Рашер заявлял:

«С целью установить имелись ли тяжкие психические и физические эффекты, как упоминалось у номера 3, при формировании эмболии, было проделано следующее: после относительного восстановления от такого парашютного падения, однако до прихода в сознание, некоторых подопытных, помещали под воду до смерти. Когда вскрывались череп и грудная полость и желудок под водой, огромное количество воздушной эмболии было обнаружено в сосудах мозга, коронарных сосудах и сосудах печени и кишечника и. т. д.» (НО-220 экз. обв 61).

Этим без сомнения подтверждается, что убийства совершались Руффом, Ромбергом и Рашером при тестах по парашютному снижению. Руфф снова попытался обмануть трибунал свидетельствуя о том, что было по сути невозможно сформировать воздушную эмболию на тестах по парашютному снижению. Это очевидно опровергается заявлением Рашера цитированным выше и ссылкой на заключительный отчёт, уже упоминавшийся выше, который затрагивает ту же самую проблему. Но ложь также была изобличена экспертом Айви, который свидетельствовал о том, что воздушная эмболия может сформироваться на подопытных находившихся на высотах выше 12000 метров лишь за 3 минуты, то есть, у подопытных падавших с 15000 метров. Пузырьки могут сформироваться уже

на 9000 метров. Таким образом защита о том, что смертей не случилось во время экспериментов по спасению с больших высот совершенно ложная.

Более того, следует заметить, что в то время как совместный заключительный доклад никак не описывает смертельные случаи, также не отрицается то, что случались смерти. На странице 25 оригинала говорится: «В заключение, мы должны особо прояснить, что в виду чрезвычайных экспериментальных условий всей серии экспериментов, ни одной смерти или стойкого увечья не было причинено из-за нехватки кислорода (НО-402, экз.обв. 66). Смерти описанные в докладе Рашера цитированном выше были не из-за нехватки кислорода, а были умышленными убийствами для изучения воздушной эмболии.

Но даже эксперименты которые Руфф, Ромберг и Вельц признают как запланированные и проведённые под свою ответственность, были очень опасными для жизни и здоровья подопытных. И Руфф и Ромберг согласились с тем, что 12000 метров были верхней границей безопасности и что эксперименты такие как проводимые ими выше этой высоты опасны. Описание реакции подопытных изложенные в окончательном докладе подтверждают, что подопытный испытывал сильные конвульсии и дезориентацию. Эксперт Айви указывал на то, что эксперименты описанные в окончательном докладе Руффа, Ромберга и Вельца были очень опасными по следующим причинам:

«Я считаю их опасными, из-за продолжительного периода бессознательности которому подвергаются подопытные. Например, они находятся без сознания на время до двадцати минут, и они дезориентированы на периоды от тридцати до девяноста минут. Это опасный период нехватки кислорода, который влияет на мозг. Я согласен с тем, что.....электрокардиограмма демонстрирует, что сердце этих подопытных не моментально и сильно реагирует на длительную нехватку кислорода. Но эти эксперименты не показывают, или результаты не показывают, что клетки мозга не пострадали. Одна из высших деятельностей мозга это обучение, и нам известно, что процесс обучения достаточно чувствителен к нехватке кислорода, и единственный способ контроля над возможным повреждением механизма обучения при длительной нехватке кислорода это определение коэффициента интеллекта этих подопытных или способность подопытных к обучению до или после такой продолжительной нехватки кислорода».

Доктор Айви свидетельствовал о том, что эксперименты описанные в заключительном отчёте дошли до физиологической границы и что проводимая

работа была очень опасной и тревожной зоной, что касалось ухода за подопытными. Он сказал, о том, что воздержался бы проводить такие эксперименты даже на себе и что он бы предпочёл опираться на сведения полученные вычислениями результатов полученных в экспериментах с животными.

Наконец следует заметить, что эксперименты были не необходимыми ни научно успешными. «Государственная необходимость» часто использовалась подсудимыми для своей защиты. Это совершенно необоснованно, если бы предполагалась военная необходимость. Предполагается, что каждый подсудимый думал о том, что есть необходимость тому, что он делает. Это не защита. Рашер думал также. Казалось необходимым сжигать сотни тысяч лиц в концентрационных лагерях. Казалось необходимым убить миллионы евреев. Политика рабского труда была вершиной необходимости. Если это защита, тогда у этих процессов нет смысла. Но, с другой стороны если подтверждается то, что эти эксперименты не требовались, ни имеют научной ценности, тогда виновные становятся ещё виновнее. Жестокая жертва человеческой жизнью не бессмысленна. И суть нашего дела в этом. Гиппке, начальник медицинской службы Люфтваффе, когда писал свою благодарность Гиммлеру 8 октября 1942 сказал следующее:

«Правда заключается в том, что в настоящее время никаких выводов по практике парашютирования сделать нельзя, так как очень важный фактор, а именно холод, до сих пор не был рассмотрен; он оказывает чрезвычайную нагрузку на всё тело и его жизнеспособность, а значит, результаты на практике будут более неблагоприятными чем в настоящих экспериментах» (НО-289, экз. обв. 72).

На вопрос о мнении относительно необходимости типичного эксперимента описанного на странице 13 заключительного доклада Руффа, Ромберга и Рашера, свидетель Айви показал:

«Мне не кажется, что было необходимо проводить такой эксперимент с целью установить снаряжение лётчиков, которые выбросились из самолёта на большой высоте».

Далее свидетель Айви заявил о том, что информация, полученная из этих экспериментов на заключенных концентрационных лагерей могла быть получена от животных как отмечалось в результатах Лютца и Вендта на которые ссылается заключительный отчёт. Разница в реакции людей и животных, как сообщал Лютц и Вендт, не является достаточным основанием для проведения этих опасных экспериментов на людях.

.....

В. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Руффа

.....

Разумеется доктор Руфф дал своё согласие и одобрил тесты с большой высотой в барокамере министерства авиации Рейха проводившиеся многие годы его сотрудником, доктором Ромбергом, совместно с штабсарцтом доктором Рашером, в концентрационном лагере , используя заключенных лагеря в качестве подопытных. Затем он согласился на проведение срочных экспериментов в концентрационном лагере Дахау уже принципиально согласованных и одобренных профессором, доктором Гиппке и профессором, доктором Вельцем.

Следовательно, возникает вопрос о том являлись ли эти эксперименты с большой высотой уже незаконными по причине того, что они проводились на заключенных концентрационных лагерей.

Данный вопрос отрицается только для таких заключенных, которые добровольно использовались в них, или к которым Руфф по крайней мере относился как к добровольцам и придерживался такого взгляда ввиду ситуации в целом, и никто не может упрекнуть его в этой ошибке, потому что другие лица вероятно обманывали его об этих фактах.

Однако, есть некоторые свидетели, которые, видимо, утверждают, что заключенные использованные в экспериментах Руффа-Ромберга не являлись добровольцами. Прежде всего это свидетели Вивег и Нефф.

Во время своего прямого допроса 13 декабря 1946 свидетель Вивег упоминал серию экспериментов, которые проводились в концентрационном лагере Дахау. Ссылаясь на отдельные эксперименты с большой высотой, которые единственно вменяются в обвинительном заключении доктору Руффу, он заявил о том, что сначала эксперименты с большой высотой в барокамере проводились на 10 пациентах; «для этих экспериментов часто использовались пациенты и также медбратья, которых во время экспериментов видели в коридоре прилегающего лазарета».

Этим Вивег видимо хотел указать на то, что эти «пациенты», а также «медбратья» не являлись добровольцами. Эти 10 «официальных подопытных» хорошо питались и снабжались сигаретами, но в дополнение к этим 10 так называемым «показательным пациентам», отбиралось большое количество людей в

лагере, которых снова и снова направляли для эксперимента с большой высотой. Это случилось с блоковым у которого вероятно была пневмония несколько часов спустя и он закончил морге для больных. Тоже самое случилось в отделении малярии свидетеля Вивега. Однажды пациент имевший разногласия с Зиллом⁸⁴, руководителем лагеря, относительно превентивного заключения, был отправлен в экспериментальный институт и он (Вивег) обнаружил его в морге на следующий день. Он (Вивег) по слухам знал, что «большое количество пациентов, которые приняли участие в этих экспериментах умерли и закончили в морге для больных».

Между строк этого достаточно смутного и расплывчатого заявления можно прочесть, что, согласно заявлению Вивега, эти дальнейшие подопытные, и в особенности те кто умер во время экспериментов, не относились к 10 «официальным подопытным» и не являлись добровольцами. Однако в допросе обвинением свидетель Вивег прямо не высказался о предполагаемом принуждении так называемых подопытных.

Во время перекрёстного допроса защитником доктора Ромберга, свидетель Вивег объяснил своё выражение «10 показательных пациентов». 10 отобранных пациентов, которые использовались для тестов с большой высотой были собраны в особой комнате и получали хороший уход; их показывали и представляли Гиммлеру во время одного из его визитов. Гиммлер давал им большие обещания; если они выживут, их освободят... эти 10 пациентов вовлекались в эксперименты...они говорили ему (Вивегу), что они сильно истощены делом, но насколько он смог вспомнить «все они выжили». При опросе, свидетель Вивег непрерывно заявлял о том, что насколько он мог вспомнить доктор Рашер проводил эксперименты сам. Единственную вещь Вивег заявил об участии «офицеров Люфтваффе» в этих экспериментах с большой высотой, как означающую, что некоторые офицеры Люфтваффе «также находились там». Но он не смог ничего сказать о действительном участии офицеров Люфтваффе. Из описания на странице 501 (немецкой расшифровки) эти два господина из Люфтваффе разумеется не тождественны Руффу и Ромбергу. Он сам (Вивег) говорил лишь о 10 официальных подопытных, так называемых «показательных пациентах», но не о любых других подопытных. Он сам никогда не наблюдал, чтобы другие заключенные использовались для тестов с большой высотой, но ему об этом часто говорили. Вивег непрерывно заявлял о том, что 10 официальных подопытных всё ещё были живы к концу экспериментов, и что среди них не было смертей.

---

⁸⁴ Эгон Зилл (1906-1974) – штурмбаннфюрер СС. Был приговорён немецким судом к 15 годам заключения. Отбыл срок и вышел на свободу.

Таково заявление свидетеля Вивега. Оно конечно, ненадёжно, потому что не создаёт ясного разграничения между экспериментами с большой высотой разрешёнными Руффом и проводившимися при содействии доктора Ромберга и другими экспериментами в барокамере, которые Рашер предпринимал по приказу Гиммлера, без разрешения и уведомления доктора Руффа и без сотрудничества доктора Ромберга. Это разграничение, которое имеет решающую важность в суждении о данном деле, появляется лишь в заявлении Вивега постольку поскольку 10 официальных подопытных (так называемых «показательных пациентов») использовались исключительно для первых экспериментов (Руфф-Ромберг-Рашер), в то время как другие заключенные использовались для других экспериментов (только Рашер). Конечно, тогда важность такого разграничения не была ясна для Вивега и не могла наблюдаться им, потому что Вивег вообще ничего не знал о деятельности доктора Руффа и поскольку он вообще ничего не знал о соглашениях, которые существовали между доктором Руффом и доктором Рашером.

Помимо этих неясностей следует относиться к заявлению свидетеля Вивега с большой натяжкой по другой причине. Вивег является свидетелем который, с необычайной беспринципностью, совершил лжесвидетельство на заседаниях 13 и 16 декабря 1946. Он сначала попытался создать впечатление того, что он был отправлен в концентрационный лагерь безо всякой причины, что его привлекали для «полцейской превентивного заключения». Представление свидетеля Вивега полностью соответствовало его предыдущему поведению, потому что ранее он в целом претендовал на политически преследуемого – невинного человека, которого беспричинно бросили в концентрационный лагерь. Под этим ложным предлогом он представил себя свидетелем на процессе, и из-за этого ложного представления он был доставлен как свидетель обвинения, которое он обманул. Однако, во время перекрёстного допроса, Вивег признал, что в 1934 он был приговорён к 4 и 6 годам срока за подделку документов и мошенничество, то есть за общие преступления, которые как правило не имеют никакого отношения к политике. На повторяющиеся вопросы свидетель Вивег снова и снова заявлял о том, что не может вспомнить о получении какого-либо предыдущего осуждения в дополнение к тем 4 и 6 годам срока. Он настаивал на таком заявлении, хотя ему и напоминали, что он находится под присягой. Его стереотипной фразой было то, что он не может вспомнить; он даже подчёркивал, что он находится под присягой, и он продолжал настаивать на своём заявлении, хотя ему говорили о том, что его предыдущие осуждения можно установить без особой сложности, поскольку его дело было запрошено.

Теперь, давайте сравним показания данные под присягой со списком судимостей свидетеля Вивега, который был представлен как документ Руфф 24.

Кроме 4 и 6 лет срока, которые он признал, свидетель Вивег получил в действительности не менее чем 6 сроков до 1934, среди них 5 лет срока и 5 лет лишения гражданских прав за крупные кражи.

Эта выдержка из регистра наказаний показывает почему свидетель Вивег имел такую «плохую память». Он никогда политически не преследовался, на что он претендовал, но он является типом неисправимого профессионального преступника, которого нельзя ни изменить ни перевоспитать даже самым суровым наказанием. Если кто-нибудь и заслуживал направления в концентрационный лагерь, это был бы Вивег. Но даже 5 лет проведенные в концентрационном лагере не помогли. Теперь он снова в тюрьме, в Бамберге, где 5 марта 1947 в окружном суде ему предъявлены обвинения за подделку документов и мошенничество, также как и пять случаев воровства, за попытку аборта, за активное взяточничество и операции на чёрном рынке.

Этот неисправимый профессиональный преступник позволил себе предстать здесь в качестве знакового свидетеля обвинения против почтенного, честного гражданина, каким оказался во время процесса доктор Руфф. Как может суд основывать свой вердикт на заявлениях такого лица как Вивег, который находится на вершине бесстыдного вранья трибуналу и совершившего худшее из лжесвидетельств.

Ещё один свидетель представленный обвинением по экспериментам в Дахау это Вальтер Нефф. Он находится в лагере Дахау как военный преступник и вскоре сам предстанет перед американским трибуналом, за эксперименты в которых он принимал активное участие. Свидетель Нефф, который не только постоянно участвовал в успешных экспериментах доктора Ромберга, но также и в бесчеловечных экспериментах по обморожению, в смертельно «тяжёлых экспериментах» Рашера, и кто сотрудничал во многих других жестокостях, это, я думаю последний кто может выступать в качестве свидетеля против такого человека как доктор Руфф или осуждать его.

Давайте вспомним, что этот свидетель говорил о себе в показаниях. Согласно своему собственному признанию, он подготовил трёх заключенных (некого Роберта Вагнера, заключенного Хюттерера и человека по имени Заммендингер) для смертельных экспериментов, по собственной инициативе без приказа сделать это. По его собственным показаниям, он предоставил этих троих людей для жестокой смерти; он убил их. Это характеризует его этику, что он даже похвастался этим в зале суда! Это не обременяло его совесть, как он сам заявил под

присягой; он всего лишь такой тип заключенных, которые цитируя его собственные слова «были часто хуже чем эсэсовцы в жестокости». Это второй свидетель, который был представлен против доктора Руффа обвинением. Один, безответственный мошенник и неисправимый рецидивист, старая тюремная пташка; и другой, многократный убийца чьи руки залиты кровью – убийца, который кичится тем, что у него нет совести. И суд доверяет таким людям? Эти свидетели совершенно очевидно верили в то, что смогут избежать петли поливая подсудимых лживыми, выдуманными обвинениями.

Все эти факты являются предупреждением о том, что показания Неффа также, следует воспринимать со значительной осторожностью. В любом случае, его показания имеют некоторую важность для доктора Руффа постольку, поскольку Нефф подтверждает, что доктор Руфф находился в Дахау только по одному единственному случаю во время экспериментов с большой высотой. Таким образом правдивость показаний доктора Руффа установлена. Более того, свидетель Нефф, заявил в своих показаниях от 17 декабря 1946, что «10 заключенных выбранных в качестве подопытных, были взяты на станцию и им сказали, что с ними ничего не случится; их особо в этом заверили». Свидетель Нефф затем сказал об убийстве 16 русских, которых приговорили к смерти и которых убил доктор Рашер. Однако, согласно доктору Неффу, этот акт был осуществлен доктором Рашером совместно с двумя сотрудниками СС, в то время как доктор Ромберг даже не присутствовал в тот день. Особую важность следует придать дальнейшему утверждению Неффа относительно еврейского портного работавшего в лазарете. Нефф обратил внимание доктора Ромберга на тот факт, что этот человек не был приговорён к смерти и Ромберг соответственно немедленно пошёл к Рашеру с Неффом с целью «выяснить вопрос». При вмешательстве доктора Ромберга, Рашер действительно отправил портного обратно; когда сопровождающие эсэсовцы снова угрожали еврею, Ромберг снова вмешался и «немедленно поместил человека (портного) в безопасность». Вновь, в случае со вторым заключенным чехом, которого ошибочно и без его согласия доставили на эксперименты, доктор Ромберг согласно сообщению Неффа, вмешался от имени заключенного и в результате доктор Рашер пожаловался на преступника эсэсовца коменданту лагеря Пиорковски. Таким образом жизнь чеха была точно спасена доктором Ромбергом.

Эти показания свидетеля Неффа играют важную роль в ответе на вопрос о том являлись ли или нет подопытные добровольцами, и также, о том, что доктор Ромберг и следовательно доктор Руфф знали о них и каким было отношение доктора Ромберга к данному вопросу. В этой связи Нефф сказал: «Ромберг, заместитель

Руффа, не хотел никаких опасных экспериментов. Он не допускал убийств и рассматривал эксперименты только на добровольцах».

Однако, дальнейшие утверждения свидетеля Неффа страдают от недосказанностей таких же как и у свидетеля Вивега; так, Нефф также не знал о том, что только часть экспериментов с большой высотой в Дахау проводилась с одобрения доктора Руффа и доктора Ромберга; у Неффа нет никаких сведений о договорённостях между участвующими врачами и поэтому он одинаково относился ко всем экспериментам с большой высотой, не разграничивая соглашался ли доктор Руфф с тем, что есть «от 180 до 200 заключенных, которые участвовали в экспериментах с большой высотой» и что «во время экспериментов с полётами на высоте, от 70 до 80 человек лишились жизни». Эти цифры могут быть верны, но они относятся в целом к экспериментам с барокамерой Дахау; то есть, они также включают эксперименты, которые доктор Рашер проводил от своего имени, без предшествующих сведений доктора Руффа и в которых случились все смерти; в то время как легитимные эксперименты – то есть, одобренные доктором Руффом – вообще не привели к смертям. Конечно, Нефф вообще ничего не мог знать об этом. Как он сказал ему было невозможно разграничить «от кого пришёл приказ на отдельный эксперимент и в чьих интересах проводится эксперимент».

Такая же недоговорённость продемонстрирована в показаниях Неффа относительно национальности подопытных и способа «отбора». Однако, показания Неффа показывают, что отбор подопытных проводился двумя разными способами: для «опасных экспериментов» Рашер подбирал подопытных через местную штаб-квартиру и они предоставлялись СС; поэтому это были люди приговорённые к смерти, для «серийных экспериментов». С другой стороны и «в большинстве других экспериментов, которые проводились, людей доставляли на экспериментальную станцию из блоков, то есть из лагеря», блоковыми. Эти «серийные эксперименты» очевидно являлись экспериментами одобренными Руффом, и Нефф прямо установил что «добровольцы вызывались для этих экспериментов»! Он даже приводил причины для добровольчества заключенных: так как Рашер и Гиммлер тоже, обещали этим различным заключенным, что если они примут участие в экспериментах им будет предоставлена лучшая работа» и Гиммлер пообещал, что они даже могут быть освобождены, добровольцы являлись к Рашеру по своей собственной инициативе пока он ходил по лагерю, без каких-либо особых мер для поиска добровольцев.

Нет сомнения в том, что эти добровольцы оцениваемые Неффом в 10, идентичны 10 «официальным подопытным» или «показательным пациентам» упомянутым свидетелем Вивегом и примечательно то, что доктор Руфф с самого

начала в своих показаниях всегда говорил о 10 или 12 или как наибольшее 15 лицах (конечно он не мог сам их посчитать), которых обыкновенно вызывали для экспериментов с большой высотой, и которых он видел сам, когда однажды присутствовал для наблюдения и контроля за экспериментами в Дахау. Это количество доктор Руфф упоминал во время, когда показания Неффа и Вивега ещё не были доступны. Поэтому он не мог ожидать, что эти свидетели подтвердят его цифры как правильные.

Для точности, свидетель Нефф показал в другом месте, что первые 10 подопытных не являлись добровольцами. Но данное заявление очевидно прямо противоречит его другим показаниям, которые в окончательном анализе – и не они могут быть интерпретированы иначе – о том, что так называемые «10 официальных подопытных» были теми заключёнными, которые добровольно себя предоставили, которым были даны всевозможные привилегии после возвращения, которым Рашер и Гиммлер обещали награды за службу, и которых постоянно заверяли о том, что с ними ничего не случится во время экспериментов. Всё представление было бы несовместимым с тем, что эти 10 лиц также являлись добровольными подопытными, что им просто приказали принять участие в экспериментах, принудили участвовать, для них всего этого бы не потребовалось, поскольку тогда никто в концентрационном лагере не подумал бы затруднять себя этими людьми, если бы они были принуждены вопреки своей воле участвовать в экспериментах.

В концентрационном лагере, по мнению Гиммлера и его людей, для 1000 человек не было последствий. Поэтому, если бы предпринимались усилия для получения заключённых для экспериментов, и получения их добровольно, даже если бы Гиммлер нашёл щёдрые слова для них и пообещал бы им награды, тогда как мы знаем сегодня, это можно было объяснить предположением о том, что даже в концентрационных лагерях, по некой причине, было желательно найти добровольных подопытных для экспериментов и убедить их к прохождению экспериментов добровольно. Это предположение не опровергнуто противоположным утверждением Неффа. За 1 ½ дня своего допроса, 17 и 18 декабря 1947, Нефф не знал о том, что эти первые 10 подопытных не были добровольцами. За 1 ½ дня он не удосужился сделать такое утверждение здесь на месте свидетеля и только в перекрёстном допросе он наконец зашёл настолько далеко в своём утверждении, соответственно полностью опрокидывая своё предыдущее заявление.

Это предположение от серийного убийцы Неффа теперь оказывается, однако, полностью изолированным. Нет сомнения в том, что если бы эти заявления Неффа были правдой, было бы проще для обвинителя представить множество других свидетелей, которые также были заключёнными концентрационного лагеря в

Дахау, кто вероятно испытал эти эксперименты на себе, или с кем говорили подопытные, или даже наблюдавшие эти эксперименты. Однако, ни одного постороннего, ни одного неопровержимого свидетеля не было представлено, хотя полгода прошло с дней, с того как здесь в зале суда, трудно было не понять, какой недостоверный и неправдивый класс представляют лица калибра Вивега и Неффа. Этот факт сам указывает на то, что очевидно нет других свидетелей, или они не могут быть доступны, кто бы подтвердил, что подопытные, которых использовали в тестах Руффа-Ромберга не являлись добровольцами. Допустим, факт упомянутый здесь, ради сравнения, о том, что в деле по операциям с сульфаниламидом Гебхардта например, была представлена дюжина свидетелей из Польши и России и они допрашивались в качестве свидетелей. Почему не единого достоверного свидетеля не было представлено среди подопытных Дахау и не доставлено для дачи показаний? Потому что нельзя найти никого, кто бы подтвердил неправдивые предположения Вивега и Неффа. С другой стороны во время процесса, вся серия лиц заслуживающих большей веры, чем Вивег и Нефф точно подтвердили, что все подопытные в экспериментах Руффа-Ромберга являлись добровольцами и что с самого начала неременным условием, которое требовалось и гарантировалось было то, что подопытные должны быть добровольцами.

Свидетель, доктор Лютц например, который был представлен обвинителем и поэтому признаётся надёжным свидетелем, подтвердил под присягой «молчаливо подразумевалось, что преступники будут добровольцами»; и он добавил, что он почти мог сказать, что, кстати, это было на пользу преступникам, потому что «им давали шанс на помилование участием в этих экспериментах» и существенно то, что данный свидетель далее показал: «впоследствии, мы были очень удивлены, вероятно в течение последних этапов экспериментов, насколько я помню, об этом не упоминалось», а именно о факте того, что только добровольцев следовало использовать для высотных экспериментов.

Эти показания свидетеля доктора Лютца подтверждают во всех отношениях общие впечатления полученные от всех описаний. Сначала, доктором Руффом одобрялись только высотные эксперименты относительно проблем проведения «спасения с больших высот». Эти эксперименты не являлись опасными, что подтвердилось их успешным итогом; заключенные шли на них добровольно. Однако, постепенно, Рашер всё более неправильно использовал и более наличие камеры с целью проведения произвольных экспериментов по приказам Гимmlера по совершенно другим проблемам, а именно проведение своих зловещих «сложных экспериментов», которые имели множественные смертельные результаты. Это были более жестокие, болезненные эксперименты Рашера; естественно, не о многих

добровольцах докладывалось, потому что слово быстро распространилось по лагерю о том, что эксперименты проводимые самим Рашером проводились опаснее, в то время как простое присутствие и содействие доктора Ромберга давало гарантию заключенным, что его эксперименты проводились сознательно и не являлись опасными.

Другие свидетели, также не называли доктора Руффа, и подтверждали, что подопытные для экспериментов на больших высотах Руффа-Ромберга являлись добровольными, а именно, свидетель доктор Хильшер. Показания в похожих чертах приводились со-подсудимым Зиверсом; и доктором Гиппке «заключенные, которые могут быть добровольцами», «эти лица должны быть добровольцами для экспериментов». Также свидетель Карл Вольф «добровольцы концентрационных лагерей, которым следует предоставлять компенсационные привилегии... заключенные, приблизительно числом 10, казались достаточно расслабленными и наоборот, добровольно входили в барокамеру, которую привезли... заключенные докладывали Гиммлеру в моём присутствии, что они по крайней добровольцы... приводя подтверждением свою добрую волю... я никогда не узнавал от Гиммлера, ни насколько помню, каким-либо другим образом, что эксперименты с барокамерой... проходят на недобровольной основе... Я знал только о добровольных экспериментах с барокамерой и они без сомнения проводились на добровольной основе». Наконец свидетель Герберт Вильчевский (Руфф 11, экз. Руфф 9).

В то время как предыдущий свидетель Вольф присутствовал только 1 день экспериментов, свидетель Вильчевский, в течении 2 дней проведённых в концентрационном лагере, постоянно говорил о заключенных, которые «добровольно шли на медицинские эксперименты», и который по причинам постоянных разговоров с заключенными, смог привести следующую причину готовности добровольцев для экспериментов, «они могли соответственно рассчитывать на свободу и реабилитацию, также как привилегии для своей семьи». Свидетель Вильчевский определенно абсолютно достоверный свидетель относительно его заявлений. Он является польским коммунистом, отбывшим до этого 2 года в концентрационном лагере Дахау за это, и этим подтверждается, что он единственный политический заключенный.

Если учесть все эти заявления свидетелей, которые удостоверяют, что подопытные в Дахау при экспериментах с большой высотой докторов Руффа и Ромберга являлись добровольцами, нельзя усомниться в том, что согласующиеся заявления доктора Руффа, доктора Ромберга и доктора Вельца являются абсолютной правдой. Они являются подсудимыми, это правда, но со всех сторон показания,

которые были даны ими исходят из профессиональной подготовки. Хотя они сейчас находятся на скамье подсудимых, их точные и ясные заявления заслуживают большей веры чем изменчивые и противоречивые заявления рецидивиста, который совершил низкое лжесвидетельство в суде, или убийце более заслуживающему места на скамье подсудимых чем эти подсудимые.

Верность такой концепции снова подтверждается лишь одним фактом, лишь таким фактом – уже упомянутым в иной связи – что доктор Ромберг, как непрерывно подтверждалось, активно вмешивался для предотвращения использования подопытных для экспериментов Рашера, когда он мог видеть, что используются недобровольные подопытные, и с другой стороны, было известно, что при экспериментах с большой высотой, которые проводил доктор Руфф совместно с доктором Ромбергом использовались только добровольные подопытные. Вся идея такого типа об экспериментах с большой высотой (метод Руффа-Ромберга) основывалась на теории о том, что подопытный, непосредственно после возвращения к сознанию – «высотная болезнь» - достанет своей рукой и дёрнет кольцо парашюта, что на практике снижает скорость падения, обеспечивая лётчику мягкую посадку на землю. Все это требовало активного содействия со стороны подопытного; следовало полностью опираться на его содействие, иначе каждый из таких экспериментов был бы бесполезен с самого начала. Естественно, доктор Руфф это знал, также как и доктор Ромберг, и поэтому для них первым и наиболее важным условием для каждого эксперимента такого типа было то, чтобы подопытный был добровольцем. Есть также важные неотъемлемые причины почему заявления Руффа и Ромберга верны.

В действительности эксперименты, с большой высотой проводимые в Дахау были успешными. Они были значительной помощью в разьяснении проблемы «спасения с больших высот», и это было единственно возможно, когда подопытные сами содействовали, когда принимали участие в экспериментах добровольно и проявляли к ним интерес. Кстати, это также было, причиной, почему такой тип экспериментов с большой высотой не мог проводиться на животных, факт на который, например Руфф и Ромберг указывали в своём итоговом отчёте от 28 июля 1942 (НО-402, экз. обв. 66).

Поэтому я прихожу к следующему выводу: не может быть сомнения в том, что подопытные в экспериментах с большой высотой Дахау являлись добровольцами, по крайней мере в экспериментах разрешённых Руффом. Появлялись ли добровольцы для особых экспериментов продолжаемых доктором Рашером или заключенные принуждались к экспериментам доктора Рашера, не требуется исследовать, потому что Руфф и Ромберг никоим образом не участвовали в этих

экспериментах. Но даже если есть какие-либо сомнения об участии добровольцев, нельзя отрицать, что Руфф и Ромберг были твёрдо убеждены в том, что все их подопытные являлись добровольцами. Это отмечалось с самого начала, и во всех обсуждениях доктора Руффа с Гиппке, Вельцем и представителями СС, Руффа сознательно убеждали в том, что задействованы только добровольцы.

Убеждение доктора Руффа усиливалось посредством личных разговоров с различными заключёнными в тот день, когда он сам приехал в Дахау для контроля за проведением экспериментов и установления того, что всё в полном порядке. И наконец в этой связи нельзя упускать из вида, что доктор Руфф, как он заявил под присягой и что подтвердилось множественными письменными показаниями, никогда в своей жизни не работал с принудительными подопытными. Лишь потому, что он считал неизменным для успеха экспериментов то, чтобы подопытные являлись добровольцами, чтобы они сами сотрудничали, доктор Руфф никогда не думал о том, что заключённые Дахау не полностью и осознанно соглашались с экспериментами.

.....

Очевидно, что добровольный характер этих подопытных, был ли это действительный факт или доктор Руфф убедил себя в том, что так обстоит дело, сам по себе не снимает с него всей ответственности. Напротив, у самого доктора Руффа есть мнение о том, что помимо добровольчества, несколько других условий следовало выполнить перед экспериментами и путь согласно которому они проводились нельзя считать законными:

1. Эксперимент должен был быть необходим, в частности необходим в интересах авиации и таким образом для военных усилий отечества. Это условие, очевидно, было выполнено. Это прежде всего подтверждается заявлением свидетеля, доктора Гиппке, который заявил о том, что обязанностью доктора Руффа была работа по исследовательским задачам поставленным ему медицинской инспекцией Люфтваффе и предоставление отчётов о них медицинской инспекции.

Эксперименты проводимые Руффом были необходимы, так как «эксперименты с большой высотой в частности также предпринимались в Америке, из-за вопроса падения давления и разработки кабин у них была особая важность» (Руфф 23, экз. Руфф 22). Доктор Гиппке развивал данную точку зрения не только во время процесса, но и очень чётко заявил об этом в своём письме Гиммлеру, датированному уже 8 октября 1942 (НО-289, экз. обв. 72), где он пишет: «Эти эксперименты представляют особую ценность и важную поддержку. Факт, что такая

крайняя нехватка кислорода может преодолеваться определенное время очень ценен, что вдохновляет на дальнейшие исследования». Мнение доктора Гиппке о необходимости экспериментов с большой высотой поэтому чрезвычайно важно, потому что Гиппке являлся высшим официальным экспертом Германии в данной сфере.

Но наибольшая, абсолютная необходимость экспериментов Руффа признана всеми экспертами, которые свидетельствовали на данном процессе в связи с данными проблемами. Я напоминаю, например, заявления свидетеля доктора Швейбера о том, что «последнее суждение о научной работе доктора Руффа, его имя будут помнить совместно с именами всех известных научных исследователей, которые, лично, преданно, и героически, оказывали неоценимую услугу продвижению науки и благу человечества». Профессор, доктор Стругхольд⁸⁵ выразил себя похожим образом в письменных показаниях. Он несколько лет являлся начальником германского института по авиационной медицине и написал о докторе Руффе, что: «Он, (Руфф) может считаться человеком, который опережает многих академически видных и признанных учёных, что касается научного опыта и научного успеха». Однако, особо важным кажется мнение доктора Грауера, который сейчас в Америке в качестве исследователя и экспериментатора в вопросах авиационной медицины.

.....

По мнению генерала воздушных сил Адольфа Галланда⁸⁶, и заявлениям всех других экспертов, является установленным факт того, что эксперименты Дахау доктора Руффа и доктора Ромберга являлись абсолютно необходимыми.

Эта необходимость не перестала существовать, потому что заинтересованные люди осознавали, что эта первая серия экспериментов, проведённых в Дахау весной 1942, не решила спорный вопрос (спасение с больших высот). Руфф и Ромберг указывали в своём заключительном отчёте от 28 июля 1942, на то, что «следует учитывать опасность о обморожения». На основании этого заключительного отчёта, медицинский инспектор доктор Гиппке, позднее указал в своём письме Гиммлеру от 10 октября 1942 (НО-289, экз.обв. 72), что в экспериментах Руффа и Ромберга с большой высотой в Дахау весной 1942 «не принимался во внимание очень важный фактор, а именно обморожение». Однако, он

⁸⁵ Хубертус Стругхольд (1898-1986) – немецкий физиолог. В 1935-1939 директор института экспериментальной авиации.

⁸⁶ Адольф Галланд (1912 — 1996) — немецкий пилот истребительных частей Люфтваффе Второй мировой войны, лётчик-ас, один из организаторов и руководителей люфтваффе, генерал-лейтенант авиации.

заметил, что в тоже время «необходимая дополнительная работа между тем началась». Гиппке не оставил никакого сомнения о том, что данный факт никоим образом не уменьшил ценность и важность экспериментов Дахау с большой высотой, которые он подчёркивал; так как характер таких экспериментов несёт в себе обе части проблемы, большую высоту и обморожение, с которыми нельзя было разобраться одновременно, но, что сначала следовало рассмотреть одну часть, а потом другую. Это являлось планом Руффа с самого начала и специальные эксперименты, в отношении влияния холодной температуры на снижение с большой высоты следовало проводить по плану в берлинском институте доктора Руффа летом и осенью 1942. (Сравните это с письменными показаниями доктора Грауера 23 января 1947).

Другая предпосылка для оправдания экспериментов с большой высотой предпринятых Руффом и Ромбергом лежит в требовании того, чтобы эксперименты не выходили за рамки того, что необходимо для решения поставленных проблем. Это требование также, было выполнено доктором Руффом. Это подтверждается его собственными показаниями, также как и показаниями доктора Ромберга о том, что доктор Ромберг был направлен доктором Руффом в Дахау с чёткой программой, которая аккуратно описывала в какой степени следует проводить эксперименты. Должна была быть исследована проблема «спасения с большой высоты». Только эксперименты для данной задачи были приказаны доктором Руффом. Доктору Ромбергу не было позволено предпринимать эксперименты для каких-либо иных задач, и эксперименты следовало проводить только до решения проблемы либо невозможности её решения. Если доктор Ромберг не придерживался данной программы, которая была строго очерчена, проводя эти эксперименты за спиной доктора Руффа, последний ни в коем случае не был бы ответственным за них. Поскольку доктор Ромберг ему не говорил о таких дальнейших экспериментах, он не мог их остановить. Однако, следует прямо сказать, что доктор Ромберг придерживался приказов доктора Руффа; он не проводил более широких экспериментов чем ему было позволено; это делал в одиночку исключительно доктор Рашер. Однако последний, никоим образом не подчинялся ни доктору Руффу, ни доктору Ромбергу; более того, он точно не получал таких приказов от кого-либо из них. Заключительный отчёт Руффа-Ромберга-Рашера от 28 июля 1942 (НО-402, экз. обв. 66) представляет чёткое подтверждение тому факту, что доктор Руфф и доктор Ромберг сознательно следуя своему долгу ограничивали эксперименты в той степени, которая казалась абсолютно необходимой с целью раскрыть проблему, которая была тогда важнейшей и не проводили эксперименты, которые не могли считаться особо важными и имеющими большие последствия.

Даже введение к этому докладу от 28 июля 1942 является важным для разграничения задач поставленных для этих экспериментов. Оно гласит: «Учитывая неотложность поиска практического решения этой важной проблемы (спасения экипажей самолётов с большой высоты), в частности в виду преобладающих экспериментальных условий, необходимо предварительно детально выяснить чисто научные проблемы». Здесь основная тенденция всех экспериментов находит своё ясное выражение. Только такие практические требования авиации, которые нельзя откладывать во время войны следовало решить, в то время как изучение чисто научного характера, не имеющие большого практического значения, следовало исключать. Это ограничение решений демонстрирует, что эти ученые не являлись субъектами непреодолимого желания экспериментирования, которое можно найти в людях типа Рашера.

.....

Являлись ли эксперименты с большой высотой в Дахау опасными для жизни? Если бы требовалось, чтобы эксперименты на людях проводились настолько гуманно насколько возможно, избегая боль везде где возможно, и устраняя угрозу здоровью, очевидно, что смерть предотвращалась везде где возможно. Сознательный исследователь всегда начинает с точки на которой эксперименты можно проводить, когда по человеческой оценке и научному опыту, никоим образом не ожидается смерть. Согласно германскому закону (статьи 216 Уголовного кодекса Германии) умышленное убийство лица не допускается при его согласии, даже при выраженном желании.

Об этом вопросе представленные доказательства показали следующее:

1. В итоговом докладе Руффа-Ромберга-Рашера от 28 июля 1942, «прямо говорится о том, что вся серия экспериментов не привела к смерти и также не происходило постоянной нехватки кислорода» (НО-402, экз. обв. 66). В прямом противоречии этому как будто, по крайней мере на первый взгляд, находится промежуточный доклад, который доктор Рашер в одиночку подготовил о своих экспериментах с 5 апреля рейхсфюреру СС Гиммлеру (1971-А-ПС, экз. обв. 49) и также следующий секретный доклад, который доктор Рашер в одиночку направил Гиммлеру 11 мая 1942 (НО-220, экз. обв. 61). Эти два специальных доклада доктора Рашера подтверждают, что в экспериментах описанных Рашером в одиночку случилось несколько смертей.

Объяснение видимого противоречия чётко показано при представлении доказательств: в экспериментах разрешённых доктором Руффом и проводимых с его

одобрения не случилось ни одной смерти. Только произвольные эксперименты, которые Рашер проводил без одобрения доктора Руффа и вопреки его воли, и которые приказывались Гиммлером, были смертельными.

Это можно увидеть из промежуточного отчёта Рашера от 5 апреля 1942. (1971-А-ПС, экз. обв. 49). Он разделён на две части.

В первой части доктор Рашер описывает эксперименты проведенные с одобрения доктора Руффа. Он прямо заявляет: «Эксперименты проводились мной и доктором Ромбергом» и он подтверждает, что даже «в 15 крайних экспериментах, никто из подопытных не погиб. Тяжёлая высотная болезнь с потерей сознания случались; однако, подопытный всегда приходил в себя при достижении приблизительно 7 км при снижении».

Во второй части, Рашер описывает свои произвольные эксперименты о которых Руфф ничего не знал, и которому не позволялось знать. Вторая часть доклада более обширна и подробна чем первая. Это может быть без труда объяснено, потому что эксперименты упоминаемые во второй части проводились Рашером самим; здесь он смог описать «пользу» результатов, видимо полученных им самим. Из второй части доклада он очевидно также надеялся на достижение новых результатов в науке, что он подчёркивал в сопроводительном письме Гиммлеру от 5 апреля 1942, и он был очевидно очень горд своим следующим предложением (как он подчеркнул) проведения таких «интересных стандартных экспериментов». Все это относится исключительно к произвольным экспериментам упоминаемым во второй части отчёта, который Рашер составил в одиночку без содействия доктора Ромберга и без разрешения и предыдущих сведений доктора Руффа. (1971-А-ПС, экз. обв. 49).

Рашер сам провёл разграничение в своём докладе (1971-А-ПС, экз. обв. 49): он отличает во второй части своего отчёта «чрезвычайно опасные эксперименты» с «экспериментами проводимыми мной (Рашером) и Ромбергом», в то время как он особо просил «доктора СС из лагеря в качестве свидетеля», так как произвольные эксперименты второй части его отчёта, «проводились мной лично». Но определенно доктор Рашер имел свои причины, чтобы особо попросить «доктора из лагеря в качестве свидетеля» для этих экспериментов (которые описывались во второй части его отчёта), но намеренно утаивал это от доктора Ромберга. Доктор Рашер указывает на эти причины в сопроводительном письме говоря о сложностях, которые Люфтваффе создавало ему до сих пор, устранить которые он надеялся вмешательством фюрера СС Зиверса. Эти сложности, которые мешали исследовательской работе Рашера обсуждались в разных других документах,

которые касались использования барокамеры и её возвращения в Дахау, что СС пыталось сделать, но безуспешно.

Если бы доктор Рашер в своём промежуточном отчёте (1971-А-ПС, экз. обв. 49) подчёркивал, что «только продолжительные эксперименты являются смертельными на высотах свыше 10.5 км» это просто подтверждается, собственными словами доктора Рашера, о чём Руфф и Ромберг заявляли с самого начала, тем, что два вида экспериментов с большой высотой проводились в Дахау в барокамере. Один вид, в котором участвовал доктор Ромберг и доктор Руфф знал об этом, проводился совершенно гуманно и без какой-либо боли, и ничего не случалось; в другом виде, который Рашер проводил в одиночку по приказу Гиммлера, без уведомления Ромберга и доктора Руффа, для которого однажды просили доктора СС в качестве свидетеля и который вызывал смерти.

Этот результат подтверждается во втором отчёте, который Рашер вновь, в одиночку (без участия доктора Руффа и доктора Ромберга) представил Гиммлеру 11 мая 1942 как секретный доклад (НО-220, экз. обв 61). Он описал там эксперименты, которые он проводил совместно с доктором Ромбергом и снова заявил: «В среднем, подопытные полностью руководили своими действиями на высоте 12-13 км; никаких расстройств какого-либо рода в общем состоянии не случалось в данных экспериментах» и даже более того, конечно смертей. Только среди экспериментов описанных под цифрами 6 и 7 данного секретного отчёта Рашера случались смерти и что во время «продолжительного эксперимента с большой высотой, например после полутора часов на высоте 12 км». Но эти эксперименты (согласно цифрам 6 и 7) являлись произвольными экспериментами в которых Рашер имел иные цели на уме, которые не имели никакого отношения к проблеме Руффа по «спасению на большой высоте» и которые проводились Рашером в одиночку.

Также интересно то, что Рашер всё ещё упоминает частичное содействие доктора Ромберга в своём первом отчёте (от 5 апреля 1942) (1971-А-ПС, экз. обв. 49), но более ничего не говорит в заключительном втором отчёте (от 11 мая 1942), (НО-220, экз.обв. 61) где он описывал дело как если бы он в одиночку проводил эти эксперименты. Сравним страницу 81, строку 21: «Эксперименты проводились мною»; или страницу 79, строки 15-16: «Мои эксперименты с сердцем...это самая большая сфера работы открываемая мне» и т.д. Этим Рашер чётко выразил, что он не имел никакого содействия от доктора Ромберга в экспериментах о которых он думал как особо ценных, когда он объяснял в качестве особой ценности его эксперименты с сердцем и его наблюдения воздушной эмболии. Всё это были экспериментами в которых Руфф и Ромберг никак не были заинтересованы, в

которых они никогда не участвовали, и ради которых они никогда бы не рискнули здоровьем и жизнью подопытных.

Даже такие специалисты как доктор Руфф и доктор Ромберг никогда не могли понять научную или другую цель, которую Рашер имел на уме в случае с этими произвольными экспериментами с фатальным концом. Даже дилетант сможет легко распознать основное различие между двумя категориями экспериментов. Законные эксперименты, которые были разрешены доктором Руффом всегда ограничивались очень коротким периодом нескольких секунд; но фатальные эксперименты доктора Рашера являлись, как он сам подчёркивал, продолжительными экспериментами без кислорода, поэтому эксперименты длились более 30 минут. Легко понять, что эксперименты такой продолжительности без предоставления кислорода могут быть фатальными. Для подтверждения этого не требовалось жертвовать ни единым человеком в этих экспериментах. Серьезные исследователи, такие как доктор Руфф и доктор Ромберг поэтому никогда не проводили и не разрешали такие эксперименты. Это также было известно Рашеру и это объясняет факт о котором заявил Нефф о том, что Рашер держал доктора Ромберга в стороне от своих произвольных экспериментов; более того, он даже проводил свои эксперименты ночью для сохранения их в секрете от доктора Ромберга, и что он также не просил Ромберга подписывать свой промежуточный отчёт от 5 апреля 1942, ни итоговый секретный доклад от 11 мая 1942, в чём Ромберг точно бы отказал.

.....

Поэтому будет ошибочным приписывать доктору Руффу и доктору Ромбергу намерение желать скрыть что-либо в своём заключительном отчёте от 28 июля 1942. (НО-402, экз.обв. 66). Так как является подтвержденным фактом, что не только Гиммлер был проинформирован Рашером о смертельных случаях, которые случались, но и доктор Руфф сообщил о смертельных случаях за которые был виновен доктор Рашер, своему высшему начальнику инспектору медицинской службы (воздушных сил), доктору Гиппке. По этой самой причине он, добился вывозу барокамеры из Дахау и попросил свидетеля, доктора Гиппке согласиться с этим. Это подтвердилось фактами, показывающими, что доктор Руфф ничего не скрыл и не имел отношения к утаиванию. Поэтому факт того, что смертельные случаи не упоминались в заключительном докладе от 28 июля 1942 не имеет никакого отношения к какому-либо сокрытию, а только к факту, что эти

эксперименты, которые имели смертельные результаты вообще не имели отношения к экспериментам доктора Руффа и доктора Ромберга и их проблеме.

По этим самым причинам вообще неудивительно, что доктор Руфф не информировал доктора Вельца о смертельных случаях во время особых экспериментов Рашера. Вельц не был ни начальником, ни подчиненным Руффа, и тогда, когда доктор Руфф узнал о смертях, которые случались во время экспериментов Рашера, доктор Рашер уже был переведён из института Вельца.

.....

Поэтому защита, приходит к следующим выводам:

Доктор Руфф делал лишь то, что его начальники приказывали делать. Если бы у них не получилось, их бы не брали в расчёт.

Доктор Руфф не имел сомнений относительно приказов своих начальников о своей задаче, неотложно необходимой в интересах своей страны, участвующей в труднейшей войне, и её авиации. Если бы доктор Руфф тогда смог прочесть всю международную литературу о медицинских экспериментах на людях он бы узнал о том, что эксперименты гораздо более точные и гораздо более опасные чем те с которыми мы познакомились – о которых он знал и планировал – проводятся повсюду, также на заключенных; и вероятно они бы всё ещё проводились без объявления их компетентными властями или медицинским сообществом недопустимыми или выступления против них. Спустя многие годы доктор Руфф зарекомендовал себя особо сознательным и внимательным исследователем, который посвящал всю свою основную деятельность спасению человеческих жизней. Нельзя винить его за короткий период сотрудничества с доктором Рашером. Он (Рашер) был придан ему как помощник своими начальниками; он исходил из этого. Если они приказали ему работать совместно с человеком, который позднее, превратился в преступника, нельзя в этом винить доктора Руффа. Когда доктор Руфф разглядел своего коллегу, который был ему навязан и осознал его преступную деятельность, он немедленно прервал все отношения с ним по своей собственной инициативе, избегая любого дальнейшего сотрудничества с ним, и таким образом предотвратил гораздо большую катастрофу.

Фельдмаршал Мильх был оправдан, что касалось высотных тестов в Дахау. Медицинский инспектор доктор Гипке вообще не был обвинён. В таких обстоятельствах правосудие требует оправдания доктора Руффа.

.....

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Зиверса

.....

Эксперименты с низким давлением

Эксперименты низкого давления (эксперименты с большой высотой) проводились в концентрационном лагере Дахау с 22 февраля по конец мая 1942.

Первые планы по проведению экспериментов «для спасения с больших высот» обсуждались уже в 1941. Эксперименты являлись вопросом Люфтваффе. (1581-А-ПС, экз.обв. 48).

Осуществление экспериментов по «спасению с больших высот» было согласовано, что касалось концентрационного лагеря Дахау, министерством авиации Рейха (представляемом государственным секретарём и фельдмаршалом Мильхом) и рейхсфюрером СС Гиммлером. Свидетель Нефф привёл точную дату начала этих экспериментов. Эксперименты начались 22 февраля 1942. Свидетель смог запомнить эту дату из-за даты своего рождения. После нескольких перерывов эксперименты завершились во второй половине мая.

Отвечая на вопрос о том, могли ли эксперименты причинять пытки и смерть подопытных, следует различать эксперименты, которые согласно подробным инструкциям доктора Руффа проводились доктором Рашером и доктором Ромбергом в концентрационном лагере Дахау, и эксперименты которые Рашер проводил либо при сведениях и разрешения Гиммлера или без его разрешения под свою ответственность.

Относительно первых экспериментов следует сказать, что они причиняли подопытным некоторый дискомфорт из-за высотной болезни, но это ни в коем случае не являлось пыткой или смертельным для подопытных. (Доказательства в допросе доктора Руффа защитой).

С другой стороны об экспериментах, которые Рашер проводил под свою ответственность, согласно документу обвинения 1971-А-ПС (экз.обв. 49), видимо следует судить по-иному.

Зиверс вошёл в контакт с экспериментами по низкому давлению лишь во второй половине мая 1942. В письме от 21 марта 1942 Рудольф Брандт ответил на запрос управляющего делами «Аненербе» от 9 марта 1942 относительно Рашера, и проинформировал его о том, что эксперименты с низким давлением проводятся в

лагере Дахау: «Рейхсфюрер СС дал своё разрешение при условии того, что доктор Рашер будет участвовать». (1581-А-ПС, экз.обв. 48).

Причиной письма Зиверса от 9 марта 1942 было заявление доктора Рашера попечителю Вюсту, согласно которому определенную исследовательскую работу, которую он проводил для Люфтваффе в Дахау, подробности которой он не мог привести, следовало поддержать администрации «Аненербе». После этого Зиверс поехал в Дахау в конце марта или 1 апреля 1942.

Таким образом, эта дата наиболее ранняя, когда Зиверс мог узнать о проведении экспериментов с большой высотой в Дахау. Важно, что тогда эксперименты уже продолжались более месяца.

Ловкий Рашер воспользовался первым визитом Зиверса в качестве возможности пригласить Зиверса посмотреть на эксперименты проводимые им, несмотря на тот факт, что Зиверс вообще не имел отношения к проведению этих экспериментов. Зиверс наблюдал за двумя экспериментами. Он воспользовался возможностью поговорить с двумя лицами, которых подвергли экспериментам в тот день. Оба сказали Зиверсу о том, что являются добровольцами. Несколько минут спустя после эксперимента оба подопытных не показывали каких-либо остаточных эффектов и завершили эксперимент без телесных или психических увечий.

Данные мероприятия показали особую заботу при проведении этих экспериментов: с подопытными было согласовано, что в случае ушной боли им нужно показать рукой на ухо. Когда один из подопытных так сделал, доктор Ромберг немедленно изменил условия давления, и поведение подопытного показало, что у него больше нет дискомфорта.

Поскольку вопрос добровольного статуса людей-подопытных может иметь значение в случае экспериментов, обширное здесь приводилось представление наиболее важных показаний по данному предмету.

Гиммлер заявил на восточной конференции в 1942 в ответ на подозрения Зиверса, о том, что только добровольцев отбирают для этих экспериментов, и если эксперименты чреватые угрозой жизни, тогда берут только серьезных преступников приговоренных к смерти и политических заключенных. Свидетель Нефф показал о том, что добровольцы сами предоставляли себя для экспериментов.

Доктор Кремер из института горной психологии медицинской школы горноегерских войск, в письменных показаниях, сообщил о разговоре с доктором Рашером в ходе которого последний сказал:

«Люди-подопытные. Это вопрос серьезных преступников с соответствующим приговором, которые добровольно вызвались на эксперименты в Дахау с целью иметь

жизнь и свободу данную им в случае выживания в таком эксперименте».

Свидетель Мейне заявил:

«...поскольку, более того, я знал из серии экспериментов в Ораниенбурге о том, что заключенные вызывались добровольно толпами... моё подозрение не возникало эти годы».

Доктор Мруговски показал следующее в своём допросе защитой относительно экспериментов с жёлтой лихорадкой:

«Использовались только добровольцы, и доктор Динг заявил в своём заявлении (НО-257, экз.обв. 283), что он знал о списке, и что для такого рода случаев, всегда сотни добровольцев предлагали себя, потому что им не надо было работать 4 недели и их бы лучше кормили».

Далее, я ссылаюсь на письменные показания доктора Моргена⁸⁷, которые представил защитник доктора Мруговски, Мруговски 32 (экземпляр Мруговски 26):

«На совещании с доктором Дингом, я узнал о том, что люди-подопытные добровольно вызываются на эти эксперименты....В случае с заключенным обращение с которыми я имел возможность видеть, у меня было определенное впечатление о том, что он являлся добровольцем»

В связи с экспериментами с большой высотой в Дахау, я цитирую следующее из показаний доктора Руффа:

«Профессор, доктор Вельц сказал мне о том, что эти люди-подопытные являлись профессиональными преступниками, которым позволили быть добровольцами для экспериментов»

«Гиппке также говорил мне в разговоре о том, что это был вопрос серьезных преступников, которые могли добровольно предоставить себя для экспериментов и которые, проходя эксперименты, затем получали некоторую форму смягчения за свои наказания, либо снижением срока, либо послаблениями.

Начальник личного штаба Гиммлера, генерал СС Карл Вольф дал в Лондоне письменные показания 21 ноября 1946, которые особо важны, потому что Вольф сам наблюдал за экспериментами в Дахау вместе с Гиммлером и также докладывал Гитлеру об экспериментах:

---

⁸⁷ Георг Морген (1909 — 1982) — известный германский юрист, оберштурмбанфюрер и судья СС. В 1943-1944 расследовал случаи коррупции в концентрационных лагерях Бухенвальд, Освенцим и Дахау.

«Они (а именно, люди-подопытные) протестовали Гиммлеру в моём присутствии о том, что – после отказа в их просьбе быть направленными на фронт – они хотели смягчения, умеренной добровольной службой Германии и соответственно предоставили подтверждение своей доброй воли.....То, что эксперименты с низким давлением, как говорится, проходили на недобровольной основе – об этом у меня нет сведений ни от Гиммлера ни иным образом».

Доктор Ромберг заявил в допросе защитой:

«По ходу времени, не точно в первый день, но по прошествии времени, я конечно говорил со всеми ими более чаще и подробнее; тогда они постепенно говорили о том, какие приговоры имели, в каких тюрьмах или исправительных учреждениях они уже побывали до лагеря. Они также говорили мне о причинах, почему они вызвались и добровольно предоставить себя для экспериментов».

На вопрос: «Вы имеете этим в виду, что все люди-подопытные, которых использовали для высотных экспериментов были добровольными подопытными?» Доктор Ромберг ответил чёткое «да».

Следующее цитируется из показаний Вельца:

«Когда я впервые услышал, что-либо от Коттенхофа относительно предложений Рашера, Коттенхоф уже говорил про добровольцев. Позднее, после этого разговора с Гиппке, я снова говорил с Рашером. Рашер также говорил о добровольцах. Затем мы с Рашером провели совместную консультацию с Руффом и Ромбергом в моём институте. Там тоже, он говорил о добровольцах. В наблюдениях, которые он делал на конференции в Нюрнберге в связи с лекцией Хольцлохнера, он говорил о добровольцах. Далее он говорил о добровольцах, по возвращению из поездки на конференцию в Нюрнберг, с доктором Кремером из Санкт-Иоганна... Таким образом, я никогда не слышал от Рашера чего-либо кроме добровольцев и как я уже сказал, это была причина почему мы вообще не говорили долгое время о принудительных экспериментах с Гиппке».

Письменные показания польского коммуниста Вильчевского, заключенного концентрационного лагеря Дахау, которые зачитывались 28 апреля 1947, говорят о добровольном статусе людей-подопытных:

«Заклученные, которые вызывались для этих экспериментов делали так, насколько мне известно, добровольно, потому что так они могли получить себе свободу и восстановление, а также благоприятное обращение с родственниками».

Доктор Бекер-Фрейзинг показал следующее в своём прямом допросе:

«Рашер однозначно говорил о заключенных или преступниках, которые были доступны из-за особых санкций...Гитлера и Гиммлера, и посредством добровольчества».

Свидетель Дорн, бывший заключенный Бухенвальда, дал ответ на следующий вопрос: «Принуждались ли люди к этим экспериментам или существовала возможность добровольчества?»

«Я хочу дать на это ответ. Представьте положение заключенного, который вероятно годами не ел досыта, и который возможно узнал из разговоров в лагере, что если он предоставит себя для того или иного эксперимента он получит двойную или тройную порцию еды. Вы можете представить, что сотни или больше сами предоставляли себя просто из чисто человеческой нужды снова поесть досыта».

Доктор Бейгельбек также сделал утверждение в своём прямом допросе относительно добровольного статуса людей-подопытных, и заявил в заключении:

«Тогда у меня абсолютно не было причины сомневаться в том, что информация была верной. Начальники, офицеры СС и люди-подопытные сами признавали это мне. И я не знаю, что ещё я мог сделать с целью убедить себя в этом».

Добровольный статус заключенных также подтвердил в своих письменных показаниях свидетель доктор Лессе, который работал с доктором Бейгельбеком в Дахау.

Свидетель Меттбах также подтвердил добровольный статус людей-подопытных в связи с экспериментами с морской водой.

Наконец была сделана ссылка на показания свидетеля Нальса, которого допрашивало обвинение 30 июня 1947 во второй половине утреннего заседания, и который свидетельствовал о добровольном статусе людей-подопытных используемых в экспериментах с ипритом.

Представленные доказательства не дали ни малейшей основы для убеждения в том, что Зиверс вообще имел какие-либо сведения о том, что недобровольные люди-подопытные принуждались проходить эксперименты или о том, что эксперименты были болезненными или чреватые угрозой для жизни.

В качестве предосторожности давайте изучим вопрос о том, какая дальнейшая деятельность Зиверса развивалась в связи с экспериментами с низким давлением. Из документальной книги представленной обвинением кажется, что Зиверс передавал письма, которые приходили к нему. Зиверс упоминается в некоторых документах. Следующие отдельные письма есть на руках:

В связи с высотными экспериментами документальная книга обвинения содержит следующие документы в которых управляющий делами «Аненербе» упоминается тем или иным образом. (НО-263, экз.обв. 47). Письмо от госпожи Рашер рейхсфюреру СС датированное 24 февраля 1942:

«Рашер просит оберштурмбаннфюрера СС Шницлера ознакомить рейхсфюрера с событиями и в то же время говорит, что Рашер, в качестве члена «Аненербе», определенно желает научно участвовать в экспериментах».

Из этого видно насколько госпожа Рашер стремилась к тому, чтобы её муж участвовал в экспериментах в Дахау. Это было во время, когда у Зиверса вообще не было сведений о высотных экспериментах.

Письмо от управляющего делами «Аненербе» доктору Брандту, датированное 26 апреля 1942 (НО-221, экз.обв. 68). Это письмо содержит копию письма от Рашера, предмет которого доклад Рашера и Ромберга фельдмаршалу Мильху. Вторая часть письма содержит доклад и согласие на публикацию научных результатов. Здесь следует отметить дату письма 26 августа 1942, которая была многими неделями спустя, после завершения высотных экспериментов в мае 1942.

Ответ доктора Брандта Зиверсу датирован 29 августа 1942 (НО-222, экз.обв. 69):

«Письмо от рейхсфюрера СС, с которым он переслал отчёт фельдмаршалу Мильху, подписано только, что и направлено несколько дней назад. Копия письма от рейхсфюрера СС датирована 25 августа 1942 прилагается для вашего сведения».

Здесь следует заметить, что это письмо также было написано задолго до вывода о высотных экспериментах и как и предшествующее, вообще ничего не содержит об экспериментах. Из письма датированного 29 августа 1942 не вытекает, что копия отчёта направленного фельдмаршалу Мильху также была направлена в «Аненербе».

Письмо Рашера Гиммлеру датированное 9 октября 1942 (1610-ПС, экз. обв. 73). Зиверс упоминался в связи с безуспешным докладом Мильху. Интересно заметить, что Рашер просил, чтобы барокамера всё ещё оставалась в его распоряжении для дальнейших экспериментов.

Письмо управляющего делами «Аненербе» в личный штаб, для сведения доктора Брандта, датированное 21 октября 1942 (НО-226, экз.обв. 75). Данное письмо содержит информацию о том, что эксперименты по охлаждению завершены и что высотные эксперименты желаемые рейхсфюрером СС теперь можно продолжать. Для этой цели снова требовалась барокамера, и рейхсфюрер СС лично написал фельдмаршалу Мильху. Черновик письма рейхсфюрера СС фельдмаршалу Мильху прилагался к этому письму. Этот черновик представлен обвинением как НО-226, экземпляр обвинения 75. Этот проект был представлен Зиверсу, потому что Гиммлер поставил ему задачу. Черновик был подготовлен согласно предложениям Рашера.

Это письмо, датированное 13 декабря 1942, содержит несколько исследовательских поручений лично от Гиммлера Рашеру (16120-ПС, экз. обв. 79). Пункт 5 гласит:

«Предоставление аппаратуры необходимой для всех экспериментов обсуждается отдельно с ведомствами главного врача СС и главным административно-хозяйственным управлением и с «Аненербе»

Копия направлена «Аненербе»

Это письмо от совета директоров Siemens-Schuckert-Werke⁸⁸, Берлин и касается заказа электрокардиографа (НО-3675, экз.обв. 548). Данный аппарат никогда не доставлялся, потому что «приоритетный заказ СС» не был удостоверен. Отметим здесь, ради понимания, что обозначение «приоритетный заказ СС» использовался повсеместно и не имел никакого отношения с «СС» так называемых «Schutzstaffeln» НСДАП.

Письмо Зиверса ректору университета Мюнхена касалось займа различных запчастей (НО-3674, экз.обв. 549). Доктор Вюст являлся, как непрерывно отмечалось, начальником «Аненербе». Как таковой он имел точную информацию относительно исследовательских поручений института военно-научных исследований. Простым путём для получения аппаратуры было бы соглашение по телефону. Если Зиверс и выбрал сделать это письмом, то только, потому что им практиковалась тактика затягивания. Это чётко видно из приписки намеченной для Рашера, говорящей ему о неучастии. Также важно отметить, что аппарат следовало использовать в Мюнхене, а не в Дахау.

⁸⁸ Siemens-Schuckertwerke (рус. Сименс-Шуккертверке) — дочерняя компания концерна Сименс, занимавшаяся авиастроением, автомобилестроением, производством электротехнического оборудования и бытовой техники. В 1927 был создана как официальное подразделение.

Зиверс не имел прав принимать приказы или инструкции в связи с экспериментами по низкому давлению, как видно из части III завершающего обзора. Зиверс не имел ни малейшего влияния на проведение экспериментов.

Зиверс не мог иметь сведений о том, что эксперименты могут быть негуманными, потому что он, или «Аненербе» столкнулись с экспериментами, которые шли уже более месяца.

Всё еще должен быть исследован вопрос о том, получал ли и когда Зиверс сведения об отчётах Рашера относительно его экспериментов. На это указывают следующие подробности: 5 апреля 1942 Рашер направил промежуточный отчёт о своих экспериментах с низким давлением напрямую Гиммлеру. Он просил, чтобы его отчёт считался секретным. (1971-А-ПС, экз.обв.)

Уведомление о получении не проходило через «Аненербе», а напрямую от Рудольфа Брандта Рашеру. (1971-С-ПС, экз. обв. 50). Нигде не упоминается, что копия пошла в «Аненербе». Из рассылки приказа отданного Гиммлером впоследствии (1971-Б-ПС, экз.обв. 51), чётко видно, что «Аненербе» не получало копии приказа.

11 мая 1942 Рашер направил дальнейший секретный доклад напрямую Гиммлеру, а значит также и здесь у Зиверса не было возможности ознакомиться с отчётом (НО-220, экз. обв. 61).

22 сентября 1942 германская авиационная экспериментальная станция направила копии № 2, 3 и 4 отчёта «Эксперименты по спасению на большой высоте» как «совершенно секретный» вопрос рейхсфюреру СС «для сведения». (НО-402, экз.обв. 66). Даже если бы первая страница отчёта содержала пометку «исследования проводились совместно с «Исследовательской и инструкторской ассоциацией Аненербе», нет никакого подтверждения, что копия отчёта доходила до «Аненербе». Правда заключается в том, что Зиверс не исключал возможности того, что такой доклад приходил в «Аненербе», но он отрицает, что он читал такой отчёт, потому что он им не занимался, и также его не интересовал, так как касался медицинских вопросов. Если он и прочёл что-либо из него, это был наиболее короткий вывод в конце.

Также следует указать на то, что в отчёте нет ничего, что может привести к выводам о том, что эксперименты имели фатальные результаты. Эксперт обвинения профессор Айви также подтвердил это в ответ на вопрос суда: «О чём-либо упоминаемом в отчёте Руффа-Ромберга-Рашера об интересующих экспериментах можно утверждать с абсолютной точностью как о смертях, стойких увечьях или сильной боли причинённой людям-подопытным? Эксперт ответил: «Нет». Кроме того, данный отчёт был направлен Гиммлеру 22 сентября 1942, таким образом,

задолго после прекращения экспериментов. Зиверс не мог получить никакого намека на преступную деятельность Рашера из отчётов Рашера.

Зиверс не имел власти или возможности предотвратить преступные эксперименты Рашера или остановить их. Это правда, что на восточной конференции в 1942 он пытался заставить Гиммлера прекратить все эксперименты в концентрационных лагерях или хотя бы достичь прекращения исследований Рашера и профессора, доктора Хирта, которые не согласовывались с характером «Аненербе». Оба его предложения были отвергнуты Гиммлером со словами, что «всё это» не касается Зиверса и что он (Гиммлер) несёт всю ответственность.

Несмотря на заявление Гиммлера, Зиверс стремился остановить дальнейшие эксперименты с низким давлением, когда барокамеру вывезли из Дахау в начале июня 1942.

Уже 27 ноября 1942 начальник личного штаба рейхсфюрера СС, генерал Вольф, обратился к фельдмаршалу Мильху с целью продолжить эксперименты Рашера в Дахау. В заключительном предложении письма снова запрашивалась барокамера.

То, что генерал Вольф по приказам Гиммлера придавал большое значение проведению дальнейших экспериментов можно увидеть из того факта, что копия письма также была направлена оберфюреру СС Вюсту, который являлся начальником «Аненербе». Соответственно особая важность вопроса была также показана «Аненербе», в чьих обязательствах оставалось приобретение аппаратуры согласно пункта три приказа Гиммлера от 7 июля 1942 (НО-422, экз. обв. 33) и повторялось в пункте пять приказа Гиммлера от 13 декабря 1942 (1612-ПС, экз. обв. 79)

Когда Люфтваффе не предоставило барокамеру, Зиверсу было поручено приобрести особую передвижную барокамеру для СС. И тогда Зиверс сделал нечто неслыханное и позвонил доктору Ромбергу из германской экспериментальной авиационной станции. Ромберг был сильно удивлён этим звонком.

Этим сообщением он передал поручение Гиммлера о получении барокамеры для Рашера, который тогда ещё являлся военнослужащим Люфтваффе. Так, доктор Ромберг сообщил эти новости своему начальнику доктору Руффу, который со своей стороны проинформировал доктора Бекера-Фрейзинга из медицинской инспекции Люфтваффе. На это рассчитывал Зиверс. Согласие Люфтваффе было необходимо для цели разрешения приоритетной поставки барокамеры. Люфтваффе отказало в этом и таким образом барокамера не была предоставлена Рашеру.

Когда Гиммлер в 1943 – вероятно по просьбе Рашера – приказал Зиверсу снова получить барокамеру, Зиверс смог ещё раз предотвратить её получение. На этот раз он указал на то, что управляющие исследованиями Люфтваффе не посчитали нужными высотные эксперименты. Зиверс поддержал своё заявление, воспользовавшись фактом, что Рашер, вероятно известный медицинской инспекции Люфтваффе, не был известен исследовательскому руководству Люфтваффе.

Итог

Преступные действия Зиверса не могут быть подтверждены в связи с экспериментами с низким давлением. Проведение этих экспериментов ни приказывалось ни готовилось им. Он не вступал в контакт с экспериментами до того как они шли уже более месяца. То, что Зиверс видел, слышал и читал об экспериментах никоим образом не могло дать ему сведения о недопустимости проводимых экспериментов. Зиверс не имел сведений о преступных экспериментах Рашера, потому что Рашер держал эти эксперименты в тайне. Деятельность Зиверса носила полностью подчинённый характер. Однако, помимо этого, Зиверс помог предотвратить (при том, что Рашер не подчинялся Зиверсу, так как он был видным другом и протеже Гиммлера) повторное проведение Рашером экспериментов с низким давлением.

Преступная вина Зиверса в том, что касается экспериментов с низким давлением отсутствует.

Г. Документы и показания

Перевод документа 1602-ПС
Экземпляр обвинения 44

Письмо Рашера Гиммлеру от 15 мая 1941 относительно экспериментов с большой высотой на людях

Зигмунд Рашер д.м.н.

[Штамп]
Личный штаб
рейхсфюрера СС
архивное дело № секретно/58

Мюнхен, Трогерштрассе, 56, 15 мая 1941

Глубокоуважаемый рейхсфюрер,

Мои самые искренние благодарности за ваши сердечные пожелания и цветы к рождению моего второго сына. На этот раз, такой же сильный мальчик, хотя и на 3 недели раньше. Я возьму смелость и направлю вам небольшую фотографию обеих детей.

Поскольку я вскоре хочу третьего ребёнка, я крайне благодарен вам за вашу помощь, глубокоуважаемый рейхсфюрер, за возможность свадьбы. Сегодня меня по телефону проинформировал штандартенфюрер СС Зольман⁸⁹ о том, что 165 марок требуемых на свадьбу будут зачислены на счёт «Р» и будут переданы «Аненербе». Сердечно вас благодарю! Мне требуется лишь небольшое удостоверение об арийском происхождении для Люфтваффе, так как разрешение уже получено. Завтра, перед отъездом, я продиктую черновик Нини Д; затем она перешлёт вам записку, глубокоуважаемый рейхсфюрер.

Я также сердечно благодарю вас за щедрое регулярное жалование фруктов; этот подарок чрезвычайно важен для матери и дитя.

В настоящее время я командирован командованием воздушного округа VII, Мюнхен, на курсы по медицинскому отбору. Во время этих курсов, на которых полёты на больших высотах играют видную часть, и был установлен в некотором роде большой потолок английских истребителей, выразилось большое сожаление тому факту, что для нас пока невозможны никакие тесты на людях, так как такие эксперименты являются очень опасными и для них нет ни одного добровольца. Поэтому я поднимаю серьёзный вопрос: есть ли возможность того, чтобы двух или трёх профессиональных преступников можно было предоставить для таких экспериментов? «Эксперименты следует проводить на наземной станции Люфтваффе по экспериментам с большой высотой в Мюнхене. Эксперименты, в ходе которых подопытный может умереть, пройдут при моём содействии. Они являются абсолютно необходимыми для исследования полёта на большой высоте и не могут, как делалось до сих пор, проводиться на обезьянах, потому что обезьяны показывают совершенно иные условия испытаний. У меня был совершенно конфиденциальный разговор с представителем врача Люфтваффе, который проводил такие эксперименты. У него также мнение о том, что спорные проблемы

---

⁸⁹ Макс Зольман (1904 — около 1970), функционер СС, руководитель организации «Источник жизни» (Лебенсборн) Это управление занималось подготовкой молодых расово чистых матерей и воспитанием младенцев — детей членов СС. (апрель 1942 — май 1945), штандартенфюрер СС (1 октября 1940 года).

можно разрешить экспериментами на людях (Слабоумные лица также могут быть использованы в качестве экспериментального материала).

В настоящее время, члены СС и некоторые офицеры СС также проходят подготовку в противовоздушном училище IV, изучая технику стрельбы. Материал превосходен. Вместе с тем, я предлагаю, чтобы отбор стрелков из войск СС следовало проводить согласно методам проверки Люфтваффе. В результате отбор будет ещё лучше. Я могу судить об этом, потому что я являюсь специалистом по медицинскому отбору для зенитных подразделений Люфтваффе, и все эти инструкторские курсы проходят мою проверку. Поэтому я воспользуюсь смелостью направить вам из Шёнгау метод отбора подготовленный мною. За это я получил Крест военных заслуг 2-го класса, с мечами. Это не заметка к инструкции, а проект лекции. Я предпочитаю направить её напрямую, нежели чем какой-либо офицер СС запишет её во время моих лекций. Похожая служебная записка должнв быть представлена министерству авиации Рейха.

Благодаря вашей щедрости, несмотря на войну хорошо продвигаются исследования рака.

Глубокоуважаемый рейхсфюрер, я надеюсь, что у вас прекрасное здоровье, несмотря на огромный объём работы.

С самыми сердечными пожеланиями, к вам

Хайль Гитлер!

[рукописно] Ваш, с благодарностью

[Подпись] З. Рашер

[рукописно] RUSH

Перевод документа 1582-ПС

Экземпляр обвинения 45

Письмо Рудольфа Брандта Рашеру, без даты, сообщающее ему о том, что заключенных предоставят для экспериментов с большой высотой

AK/104a/LO Bra/V

[Штамп неразборчив май 2(?) 1941]

Унтерштурмфюрер СС Зигмунд Рашер д.м.н.

Мюнхен

Трогерштр. 56

Дорогой доктор Рашер:

Незадолго перед полётом в Осло, рейхсфюрер СС вручил мне ваше письмо от 15 мая 1941, для частичного ответа.

Я могу проинформировать вас о том, что, конечно, заключенные будут предоставлены для исследований больших высот. Я проинформировал начальника полиции безопасности об этом согласии рейхсфюрера СС и запросил о том, чтобы соответствующий сотрудник связался с вами.

Пользуясь возможностью, выражаю вам свои сердечные пожелания в связи с рождением сына.

Вскоре я сошлюсь на вторую часть вашего письма.

По приказу

Хайль Гитлер
[инициалы] Р Бр [Рудольф Брандт]
штурмбаннфюрер СС

[неразборчивые пометки]

Перевод документа 1581-А-ПС
Экземпляр обвинения 48

**Письмо Рудольфа Брандта Зиверсу от 21 марта 1942, относительно участия
Рашера в экспериментах с большой высотой**

Личный штаб рейхсфюрера СС
Журнал № AR 704/2 A/Vn.

[Штамп]
Личный штаб рейхсфюрера СС
отдел документации
номер материала AR/704/ 2 A/ Vn. 58
Штаб-квартира фюрера, 21 марта 1942

Дорогой товарищ Зиверс,

Я ссылаюсь на ваш запрос от 9 марта 1942 В/151/r1 S/Wo – относительно доктора Рашера.

Упоминались атмосферные эксперименты с давлением, которые проводятся воздушными силами на заключенных концентрационного лагеря в лагере Дахау. Рейхсфюрер СС одобрил эти эксперименты при условии, что унтерштурмфюрер СС доктор Рашер, который является оберштурмфюрером воздушных сил, примет в них участие. Уверен, что доктор Рашер даст вам дальнейшие подробности.

Хайль Гитлер!
[Подписано] Брандт
штурмбаннфюрер СС

Перевод документа 1971-А-ПС
Экземпляр обвинения 49

Письмо Рашера Гиммлеру от 5 апреля 1942 и отчёт, без даты, об экспериментах с большой высотой

Зигмунд Рашер, д.м.н.

5 апреля 1942
[Пометка] Очень интересно. 8-4-42
[вероятно Гиммлера]

Глубокоуважаемый рейхсфюрер:

Настоящим прилагаю промежуточный отчёт об экспериментах с низким давлением проводимых в концентрационном лагере Дахау. Могу я просить вас считать данный отчёт секретным?

Несколько дней назад главный врач СС, профессор, доктор Гравиц провёл краткую инспекцию на экспериментальной установке. Поскольку его время было сильно ограничено, ему не могли быть продемонстрированы никакие эксперименты. Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс провёл весь день, наблюдая за некоторыми интересными стандартными экспериментами и сможет представить вам короткий отчёт. Глубокоуважаемый рейхсфюрер, мне кажется, что вы будете чрезвычайно заинтересованы в этих экспериментах. Возможно ли, чтобы при поездке по южной Германии можно было продемонстрировать вам некоторые эксперименты? Если

результаты полученные таким образом, подтвердятся дальнейшими экспериментами, абсолютно новые данные будут предоставлены для науки; одновременно, всё новые аспекты откроются для Люфтваффе.

Я надеюсь, что благодаря запланированным мерам оберштурмбаннфюрера СС Зиверса, у Люфтваффе теперь не будет сложностей. Я крайне обязан оберштурмбаннфюреру Зиверсу, так как он во всех отношениях проявил самый живой интерес к моей работе.

Глубокоуважаемый рейхсфюрер, крайне благодарен вам за щедрую реализацию моего предложения о проведении экспериментов в концентрационном лагере.

С наилучшими пожеланиями вашего благополучия,

Хайль Гитлер,
Ваш благодарный
[Подпись] З. Рашер

Первый промежуточный отчёт об экспериментах с барокамерой в концентрационном лагере Дахау

1. Задача заключается в решении проблемы о том соответствуют ли теоретически установленные нормы продолжительности жизни человека вдыхающего воздух с небольшой частью кислорода и подверженного низкому давлению, результатам полученным в практических экспериментах. Утверждалось, что парашютист, который выпрыгнул с высоты 12 км получит тяжкие травмы, вероятно погибнув, из-за нехватки кислорода. Практические эксперименты по данному предмету всегда прекращались после как максимум 53 секунд, поскольку развивалась кессонная болезнь.

2. Эксперименты, тестирующие продолжительность жизни человека вне обычных границ дыхания (4, 5, 6 км) не проводились вовсе, в силу известного вывода о том, что «подопытный погибнет».

Эксперименты проведенные мной лично и доктором Ромбергом подтвердили следующее:

«Эксперименты с парашютными прыжками подтвердили недостаток кислорода и низкое атмосферное давление от 12 до 13 км. Высота не вызвала смерть. Всего 15 последних экспериментов такого типа были проведены и не один ПО не умер. Происходили очень сильная кессонная болезнь совместно с потерей сознания, но полностью нормальные функции чувств возвращались на высоте 7 км,

достигнутой при снижении. Электрокардиограммы ведущиеся во время экспериментов показали некоторые сбои, но к окончанию эксперимента показатели возвращались к норме и они не указывали на какие-либо ненормальные изменения в последующие дни. Степень в которой может возникнуть вред организму из-за постоянно проводимых экспериментов можно установить только в конце серии экспериментов. Крайние смертельные эксперименты будут проводиться на особо отобранных ПО иначе не будет возможно осуществлять строгий контроль настолько важный для практических целей.

ПО выводили на высоту 8 км с кислородом и затем совершали 5 снижений с кислородом и без. Спустя некоторый промежуток времени, случались от умеренной до сильной кессонной болезни и ПО теряли сознание. Однако, спустя определенный период пребывания на высоте 8 км, все ПО восстановились и вернулись к сознанию и нормальным функциям своих чувств.

Только продолжительные эксперименты на высотах свыше 10.5 км приводили к смерти. Эти эксперименты показали, что дыхание прекращалось спустя приблизительно 30 минут, в то время как электрокардиограммы показывали работу сердца в течение ещё 20 минут.

Третий эксперимент такого типа прошёл настолько экстраординарно, что я вызвал лагерного врача СС в качестве свидетеля, поскольку я работал со всеми экспериментами сам. Это был продолжительный эксперимент без кислорода на высоте 12 километров проводимый над 37-летним евреем в хорошем общем состоянии. Дыхание продолжалось 30 минут. После 4 минут подопытный начал потеть и трясти головой, через 5 минут начались судороги, между 6 и 10 минутами дыхание ускорилося и подопытный потерял сознание; с 11 по 30 минуту дыхание замедлилося до трёх вдохов в минуту, полностью прекратившись.

Сильнейший цианоз развился в процессе и пена появилась у рта.

С 5 минутными интервалами записывались электрокардиограммы с трёх точек. После остановки дыхания ЭКГ (электрокардиограмма) продолжала запись до того как сердце полностью не остановилось. Через ½ часа после остановки дыхания, началось вскрытие.

Отчёт о вскрытии

Когда грудная полость была вскрыта, перикард был сильно заполнен (сердечная тампонада). При вскрытии перикарда вытекло 80 мл чистой желтоватой жидкости. В момент прекращения тампонады, правое предсердие начало сильно биться, сначала с 60 ударами в минуту, затем замедлившись. Через двадцать минут

после вскрытия перикарда, прокалыванием было раскрыто правое предсердие. Около 15 минут тонкая струя крови вытекала наружу. Впоследствии, прокол в предсердии был заполнен свернувшейся кровью и произошло возобновление работы правого предсердия.

Час спустя после остановки дыхания, спинной мозг был полностью удалён и мозг был извлечен. Соответственно, работа предсердия остановилась на 40 секунд. Затем оно возобновило работу, полностью остановившись 8 минут спустя. В мозге был обнаружен большой внутренний отёк. В венах и артериях мозга, было обнаружено значительное количество воздуха. Более того кровеносные сосуды в сердце и печени были сильно повреждены эмболией.

Анатомические препараты будут сохранены и я смогу оценить их позднее.

Последний случай, по моим сведениям является первым случаем такого типа, когда-либо наблюдавшимся человеком. Вышеописанная работа сердца представляет особый научный интерес, поскольку её кардиограмма записывалась до самого конца.

Эксперименты будут продолжены и расширены. Следующий промежуточный доклад последует после получения новых результатов.

[Подписано] доктор Рашер

Перевод документа 1971-С-ПС
Экземпляр обвинения 50

Письмо Рудольфа Брандта Рашеру от 13 апреля 1942, относительно его успеха в экспериментах с большой высотой

1174/42 Bra/V

Штаб-квартира фюрера, 13 апреля 1942

Совершенно секретно

Унтерштурмфюрер СС Рашер, д.м.н.
Мюнхен, Трогерштрассе, 56

Дорогой товарищ, доктор Рашер,

Ваш отчёт от 5.4.1942 сегодня был просмотрен рейхсфюрером СС. Тесты, о которых обурштурмбаннфюрер СС Зиверс представил короткий доклад сильно его заинтересовали.

В дальнейших тестах я желаю вам последующего успеха.

С наилучшими пожеланиями вашей супруге.

Хайль Гитлер!

Ваш,

[Подписано] Б. [Р.] Брандт
штурмбаннфюрер СС

Перевод документа 1971-Б-ПС

Экземпляр обвинения 51

Письмо Гимmlера Рашеру от 13 апреля, с запросом повторения экспериментов с большой высотой на заключенных, приговорённых к смерти

Рейхсфюрер СС

Штаб-квартира фюрера, 13 апреля 1942

Унтерштурмфюрер СС доктор Рашер
Мюнхен 27, Трогерштрассе, 56

Дорогой доктор Рашер:

Я хочу ответить на ваше письмо, которым вы направили мне свои отчёты. В частности меня особо заинтересовали последние открытия, сделанные в ваших экспериментах. Могу я теперь попросить вас о следующем:

1. Данный эксперимент следует повторить на других лицах приговорённых к смерти.

2. Я хочу, чтобы доктор Фаренкамп был взят для консультирования в этих экспериментах.

3. Учитывая длительную работу сердца, следует особо направлять эксперименты таким образом, чтобы определить, возможно, ли вернуть к жизни этих людей. Конечно в случае успеха такого эксперимента, лицо приговорённое к смерти получает помилование на пожизненное заключение в концентрационном лагере.

Пожалуйста, держите меня в курсе экспериментов.

С уважением и

Хайль Гитлер!

Ваш

[Подписано] Г. Гиммлер

2. Начальник полиции безопасности и СД.

3. Бригадефюрер СС Глюкс⁹⁰

копии для сведения

по приказу

[инициалы] БР [Рудольф Брандт]

штурмбанфюрер СС

Перевод документа 1971-Д-ПС

Экземпляр обвинения 52

**Сообщение Рашера Рудольфу Брандту от 20 октября 1942 с запросом
разъяснения о помиловании предоставляемом Гиммлером**

Главное управление безопасности Рейха

⁹⁰ Рихард Глюкс (1889 — 1945), руководитель системы нацистских концентрационных лагерей (3 марта 1943 года — 8 мая 1945 года), группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС (9 ноября 1943 года). Покончил жизнь самоубийством.

Сообщение

Сообщение № 11194

Срочно

РФСС Мюнхен – телетайп № 2020, 20 октября 1942, 17:25

Оберштурмбаннфюреру СС доктору Брандту

Полевой командный пункт Хегевальд

Глубокуважаемый обештурмбаннфюрер:

Пожалуйста вы разъясните, как можно быстрее у рейхсфюрера СС следующий вопрос?

В сообщении РФСС от 13-4-42 в параграфе 3 приказано о том, что если заключенные в Дахау, приговорённые к смерти выживут в экспериментах, которые угрожали их жизни, их следует помиловать. До сих пор были доступны только поляки и русские, некоторые из них были приговорены к смерти, мне не полностью ясно то, как вышеуказанный параграф также применяется к ним, и могут ли они быть помилованы на пожизненное заключение в концентрационном лагере выжив в нескольких очень тяжёлых экспериментах.

Пожалуйста, ответьте по телетайпу через адъютантский отдел РФСС, Мюнхен.

С низжайшим приветом,

Хайль Гитлер!

Ваш

[Подписано] З. Рашер

Перевод документа 1971-Е-ПС

Экземпляр обвинения 53

Телетайп Рудольфа Брандта Шницлеру от 21 октября 1942, относительно помилования Гиммлером

Телетайп

Оберштурмфюреру СС Шницлеру

Мюнхен

Пожалуйста, проинформируйте унтерштурмфюрера СС доктора Рашера относительно его запроса по телетайпу о том, что инструкция данная недавно рейхсфюрером СС относительно амнистии подопытных лиц не применяется к полякам и русским.

[Подписано] Брандт
Оберштурмбаннфюрер СС

21 октября 1942
Bra/dr.

Перевод документа НО-218
Экземпляр обвинения 56

**Письмо Рашера Гиммлеру от 16 апреля 1942, докладывающее об
экспериментах с большой высотой со смертельными результатами и об
экспериментах проведённых совместно с Ромбергом**

Мюнхен, Трогерштрассе, 56, 16 апреля 1942

Глубокоуважаемый рейхсфюрер:

Могу я поблагодарить вас за письмо от 13 апреля. Я польщен большим интересом с которым вы, глубокоуважаемый рейхсфюрер, восприняли эксперименты и их результаты.

Эксперимент, описанный в докладе от 4 апреля повторялся 4 раза, каждый раз с аналогичными результатами. Когда Вагнер, последний подопытный прекратил дышать, я позволил ему вернуться к жизни повысив давление. Поскольку подопытный «В...» предназначался для терминального эксперимента, так как повторение эксперимента не сулило новых результатов, и поскольку я ещё не располагал вашим письмом, я соответственно начал другой эксперимент, в котором подопытный Вагнер не выжил. Также и в данном случае результаты полученные электрокардиографией являлись экстраординарными.

Согласно вашим приказам, я незамедлительно попытался связаться с доктором Фаренкампом при получении вашего письма. Однако, я не смог поговорить с ним, поскольку он заболел ангиной. В следующие дни я снова спрошу о том доступен ли доктор Фаренкамп.

Между тем, за время совместное с доктором Ромбергом, я провёл эксперименты по падению с высот от 16 до 20 километров. Здесь, вопреки теоретическим предположениям, подтвердилось то, что падение в пространстве после прыжка из самолёта в стратосфере (давление кабины) совершенно возможно, так как после сильной потери сознания подопытный полностью возвращался к сознанию в каждом случае, между 7 и 8 километрами, когда парашютный рычаг, установленный в камере переключался.

В течение нескольких следующих дней, я подробно доложу об этих экспериментах также как и вышеупомянутом лице Вагнере.

У меня также есть просьба: могу я сделать фотографии разных препаратов вскрытия в прозекторской концентрационной лагеря для составления протокола о странных формированиях воздушной эмболии? В данной связи, моя жена уже написала штурмбанфюреру СС доктору Брандту.

Высокочтимый рейхсфюрер, позвольте мне завершить, заверив вас в том, что ваш активный интерес к этим экспериментам имеет огромное влияние на качество работы и инициативу.

С преданным приветствием и

Хайль Гитлер!
Ваш благодарный
[Подпись] З. Рашер

Перевод документа НО-264
Экземпляр обвинения 60

Докладная записка оберштурмбанфюрера СС Шницлера от 28 апреля 1942

Госпожа Рашер сегодня была здесь в управлении и заявила мне следующее в нескольких словах:

Оберштабсарцт, доктор Вельц всё ещё настаивает на участии в экспериментах и полной ответственности. Если нет, то принадлежность доктора Рашера к институту Вельца должна быть изменена. Вельц лично не заинтересован в этих экспериментах. Министерство авиации Рейха запросило оберштабсарцта, доктора Вельца о том сколько продлятся эти эксперименты и является ли оправданной командировка медицинского офицера столь длительное время. Министерство авиации Рейха затребовало от Вельца мнения об экспериментах, которое он, однако не смог привести, до тех пор пока он не проинформирован о них.

Вельц будет в Берлине с генералоберштабсарцтом Гиппке в пятницу. Вельц потребовал заявления к пятнице о том следует ли ему считать себя участником экспериментов, или просьбы о том, что ему не следует участвовать в экспериментах.

Командирование доктора Рашера должно быть немедленно изменено на «Командировку к институту авиационного тестирования – Адлерсхоф, отделение Дахау (не институт Вельца), потому что Вельц – как он заявил – намерен незамедлительно прекратить командировку, если он не должен в ней участвовать.

Для личной конфиденциальной информации

Доктор Вельц конфиденциально проинформировал доктора Рашера о том, что в министерстве авиации Рейха есть большое недоверие к нему из-за экспериментов (членство в СС); также есть враждебность в административном командовании (воздушного округа) Мюнхена по этой же причине.

Мюнхен, 28 апреля 1942

Gr.

Перевод документа НО-220

Экземпляр обвинения 61

Письмо от Рашера Гиммлеру от 11 мая 1942 и секретный отчёт об экспериментах с большой высотой

Зигмунд Рашер д.м.н.

Мюнхен, Трогерштрассе, 56, 11 мая 1942

Глубокоуважаемый рейхсфюрер:

Прилагаю короткую сводку о принципиальных экспериментах проведённых до настоящей даты. Подробный отчёт о практических также как и теоретических результатах займёт некоторое время. Я тороплюсь. Поскольку материал следует обработать использование патологических препаратов займёт ½ года, как я надеюсь при помощи нам исследований мозга института кайзера Вильгельма.

Сегодня ночью я встретил доктора Фаренкампа, который относительно выздоровел. Он выказал большую заинтересованность и я думаю это будет хорошее и продуктивное сотрудничество. Доктор Фаренкамп у которого есть огромные

знания наиболее дружески пообещал мне помощь во всём. Он доведёт до вас своё мнение о моих экспериментах с сердцем. Из нашего разговора у меня сложилось впечатление о том, что мне открывается обширная сфера работы. Я благодарю вас, глубокоуважаемый рейхсфюрер за предоставление этих возможностей в такой степени.

К сожалению, продление моей командировки пока не урегулировано; согласно настоящим правилам, моя командировка завершается 15 мая.

Вновь благодарю вас, с наиболее преданным приветствием и

Хайль Гитлер!

Ваш благодарный

[Подписано] З. Рашер

Мюнхен, 11 мая 1942

Секретный отчёт

Основываясь на экспериментах, которые до сих пор разные учёные проводили только на животных, эксперименты в Дахау должны подтвердить, сохраняют ли эти выводы свою правильность применительно к людям.

1. Первые эксперименты должны были показать могут ли люди постепенно адаптировать себя к большим высотам. 10 тестов показали, что медленный подъем, без кислорода занимающий от 6 до 8 часов сохранял функции чувств различных ПО в норме до высоты 8000 метров. За 8 часов у нескольких ПО при достижении высоты 9.5 километров, без кислорода внезапно развилась кессонная болезнь.

2. В нормальных условиях невозможно оставаться без кислорода на высотах больше чем 6 километров. Однако, эксперименты показывали, что после подъёма до 8000 метров без кислорода, кессонная болезнь в сочетании с потерей сознания длилась лишь приблизительно 25 минут. После этого времени ПО в большей части приспособлялись к этой высоте; сознание возвращалось, они могли совершать сгибы в коленях, показывали нормальную электрокардиографию и могли работать (от 60 до 70 процентов случаев проверки).

3. Тесты снижения на парашюте (раскрытом) без кислорода.

Эти эксперименты подтвердили, то, что с 14 километров и ниже происходила тяжелейшая кессонная болезнь, которая сохранялась до падения на землю. Отрицательные эффекты вызванные этими экспериментами выражали себя в начале потерей сознания, и впоследствии спастическим и вялым параличом, кататонией, стереотипией, и ретроградной амнезией длившейся несколько часов.

Приблизительно 1 час после завершения эксперимента ПО в большей части были дезориентированными как о времени так и местонахождении. Картина крови часто показывала лейкоцитоз; альбумин, красные и белые кровяные тельца постоянно обнаруживались в моче после эксперимента; иногда обнаруживались сгустки. Через несколько часов или дней кровь и моча возвращались в норму. Изменения электрокардиографии были обратимыми.

Вопреки тестам на снижение без кислорода, тесты снижения с кислородом проводились на высотах с 18 километров. Было подтверждено, что в среднем ПО сохраняли нормальные функции своих чувств на 12 и 13 километрах. Никаких расстройств общего состояния не случилось во время этих экспериментах. Короткая потеря сознания в начале эксперимента не вызывала длительных расстройств. Кровь и моча показали лишь небольшое изменение.

4. В силу длительного снижения на парашютах, в реальных условиях, возникнет сильное охлаждение даже если отрицательных эффектов не будет вызвано нехваткой кислорода. ПО подвергали внезапным падениям давлениям на кривой с 8 до 20 километров, симулируя повреждение аппарата давления на высотном самолёте. После периода ожидания в 10 секунд, соответствующему остановке машины, ПО падал с этой высоты с кислородом до высоты пригодной для дыхания. ПО приходил в себя между 10 и 12 километрами и приблизительно на 8 километрах дёргал парашютный рычаг.

5. В экспериментах падения с такой же высоты без кислорода, ПО восстанавливали нормальные функции чувств только между 2 и 5 километрами.

6. Эксперименты с испытанием эффекта первитина на организм во время парашютных прыжков, подтвердили, что тяжёлые последующие эффекты, как упоминались в № 3, были значительно мягче. Способность выдержать условия на больших высотах была подтверждена лишь отчасти, до тех пор пока не случалась внезапная кессонная болезнь (снимая эффекты первитина).

7. Доктор Клиш из университета Шарля в Праге, сообщает в публикации совета исследований Рейха: «При вдыхании кислорода, люди теоретически смогут сохранять функции до 13 километров. На практике эта граница приблизительно в районе 11 километров. Эксперименты, которые я проводил в данной связи подтвердили, что с чистым кислородом снижения ощутимой энергичности (эргометр) не замечалось до 13.3 километров. ПО просто становились неспособны к этому из-за слишком сильной боли в полостях тела, из-за разницы давления между телом и воздухом. Когда, вдыхался чистый кислород, кессонная болезнь случилась во всех 25 случаях только на высотах выше 14.2 километров».

В качестве практического результата более чем 200 экспериментов проведённых в Дахау, можно полагать следующее:

Полёты на высотах больше 12 километров без герметичной кабины или герметичного костюма невозможны даже при вдыхании чистого кислорода. Если аппарат давления самолёта повреждён на высотах от 13 километров и выше, экипаж не сможет выбраться из повреждённого самолета, поскольку на этой высоте кессонная болезнь случается совершенно внезапно. Следует предусмотреть, чтобы экипаж автоматически извлекался из самолёта, например катапультированием сидений с помощью пневматики. Снижение с открытым парашютом без кислорода вызывает тяжкие увечья из-за нехватки кислорода, помимо сильного охлаждения; сознание не восстанавливается до падения на землю. Поэтому следует просить о следующем: 1. Парашют с барометрическим раскрытием. 2. Портативный кислородный аппарат для прыжка.

Для следующих экспериментов использовались еврейские профессиональные преступники совершившие расовое смешение. Вопрос формирования эмболии исследовался в 10 случаях. Некоторые из ПО умерли во время высотных экспериментов; например, после полутора часов на высоте 12 километров. После вскрытия черепа под водой, обильное количество воздуха было обнаружено в сосудах мозга и отчасти, воздух в желудочках мозга.

С целью установить имелись ли тяжкие психические и физические эффекты, как упоминалось у номера 3, при формировании эмболии, было проделано следующее: после относительного восстановления от такого парашютного падения, однако до прихода в сознание, некоторых подопытных, помещали под воду до смерти. Когда вскрывались череп и грудная полость и желудок под водой, огромное количество воздушной эмболии было обнаружено в сосудах мозга, коронарных сосудах и сосудах печени и кишечника и. т. д.

Этим подтверждается, что воздушная эмболия, считавшаяся до сих пор абсолютно смертельной, вообще не смертельна, но её обратимость показана возвращением к нормальным условиям всех остальных ПО.

Эксперименты также подтвердили, что воздушная эмболия случилась практически во всех сосудах даже при вдыхании чистого кислорода. Один ПО вдыхал чистый кислород 2 ½ часа перед началом эксперимента. После 6 минут на высоте 20 километров, он умер и вскрытие также показало сильную воздушную эмболию, как было и в случае всех остальных экспериментов.

Внезапные падения давления и последующие падения до высот на которых возможно дыхание, не привели к сильным повреждениям из-за воздушной эмболии. Формирование воздушной эмболии всегда требует определенного периода времени.

[Подписано] Доктор Рашер

Частичный перевод документа НО-402

Экземпляр обвинения 66

**Письмо от 29 сентября 1942 и отчёт от 28 июля 1942 от Ромберга и Руффа
Гиммлеру об экспериментах по спасению с больших высот**

Германский институт авиационных исследований
Берлин-Адлерсхоф, Рудовер Шт. 16-25

[Штамп] Секретно

Рейхсфюреру СС
Берлин ЮЗ 11
Принц-Альбрехтштр. 8
На:

Ваше сообщение от ДВЛ-на R/Ru/Ко 2098, 22 сентября 1942
Военная тайна

Тема: Отчёт «Эксперименты по спасению с больших высот».

[рукописно] в дело

Б [инициал]

Прилагаем копии № 2, 4 и 5 отчёта «Эксперименты по спасению с больших
высот» для ваших дел.

Германский институт авиационных исследований

[Подписано] Доктор Ромберг
Л. Руфф

[рукописно]

Отчёт -3 – получен 2 ноября

[Подписано] оберфюрер СС Зиверс

3 приложения

Личный штаб рейхсфюрера СС 29 сентября 1942
Дневник № 1348/42 РФ

[рукописно] 1943

Совершенно секретно [штамп]

Эксперименты по спасению с больших высот

Тема: Подготовлен отчёт об экспериментах о возможности спасения с больших высот проведённых в барокамере. Эксперименты производились на скоростях падения с парашютом до 15 км без кислорода, и до 18 км с вдыханием кислорода, также как и эксперименты с падением на скоростях до 21 км с и без кислорода. Результаты практического значения будут обсуждены ниже.

Содержание: I. Введение и описание проблемы.
II. Процедура эксперимента.
III. Результаты эксперимента.
1. Эксперименты снижения без вдыхания O₂.
2. Эксперименты снижения с вдыханием O₂.
3. Эксперименты падения без вдыхания O₂.
4. Эксперименты падения с вдыханием O₂.
IV. Обсуждение результатов.
V. Выводы из результатов.
VI. Итоги
Библиография.

Отчёт включает 28 страниц с 3 графиками и 6 таблицами.

Германский институт авиационной медицины.

От института

[Подписано]: Л. Руфф

Авторы:
[черновая копия подписана] Доктор Рашер
штабсарцт ЛФ

[подписано] доктор Ромберг

Берлин, Адлерсхоф, 28 июля 1942.

Рф 401/20

[страница 2 оригинала]

I. Введение и описание проблемы

Человеку теоретически возможно достигнуть настолько большой высоты, какая требуется на самолёте с герметичной кабиной. Однако следует разрешить вопрос о том какие результаты или эффекты будет иметь разрушение герметичной кабины на человека, который в таком случае за несколько секунд подвергается низкому давлению и соответственно нехватке кислорода, которые характерны для большой высоты. Особый практический интерес представляет вопрос о том, с какой высоты и какими средствами может быть обеспечено безопасное спасение экипажа. В настоящей работе, отчёт представляет эксперименты, в которых изучались различные возможности спасения, с учётом особых экспериментальных условий. Поскольку срочность решения данной проблемы очевидна, потребовалось, в особенности с учётом данных условий эксперимента, в настоящее время воздержаться от разъяснения чисто научных вопросов.

II. Процедуры эксперимента

Эксперименты проводились на передвижной барокамере с оборудованием для взрывной декомпрессии. Работа данного аппарата ограничивалась наивысшей достижимой высотой приблизительно 21000 метров.

В этой серии экспериментов, которая должна была разъяснить возможности спасения с больших высот, проводились эксперименты симулирующие действительные условия, таким образом, что спасение с раскрытым парашютом (обозначенные как эксперименты по снижению) и с нераскрытым парашютом (обозначенные как эксперименты по падению) изучались как с кислородом так и без. Поскольку высота или положение тела имеют существенное значение для требований нехватки кислорода, эксперименты проводились в позициях сидя и лёжа; и, при экспериментах со снижением,

[страница 3 оригинала]

в подвешенном положении с парашютным обмундированием соответствующим действительному положению. Для задачи демонстрации

определенные эксперименты записывались на плёнку. Электрокардиограммы записывались в нескольких экспериментах в сериях экспериментов. Кислородное дыхание обеспечивалось обычным аппаратом низкого давления для продолжительных полётов на высотах свыше 10 км. Была выбрана экспериментальная последовательность:

1. Эксперименты снижения без дыхания O_2 .
2. Эксперименты снижения с дыханием O_2 .
3. Эксперименты падения без дыхания O_2 .
4. Эксперименты падения с дыханием O_2 .

Время падения и снижения, которые использовались в экспериментах приводятся в графиках 1 и 2. [График 2 не приводится].

III. Результаты экспериментов

1. Эксперименты снижения без дыхания кислородом.

Поскольку полностью надежный парашютный кислородный аппарат пока в целом недоступен, экспериментальные тесты проводились для определения высот, на которых возможно спасение с раскрытым парашютом без кислорода. Поэтому, проводились эксперименты в которых маску снимали после подъема с O_2 (скорость подъема см. в графике 1), и после периода ожидания в 10 секунд начиналось снижение.

В эксперименте высотной болезни не случилась на 9 км, как ожидалось.

На экспериментах по снижению, с высоты 10 км, высотная болезнь случалась после приблизительно 2 минут, т.е. на высоте приблизительно 8.6 км, на что указало сильно выраженное нарушение в письменном тесте. Однако, не случилось потери сознания. (Письменный тест Клооса).

Эксперименты на высоте с 12 до 15 км проводились отчасти во время подвешивания на парашютных стропах, отчасти в положении сидя, и отчасти в положении лёжа. Эти эксперименты показывают, что положение тела имеет особо важное влияние на перенесение высокой степени нехватки кислорода. Поскольку, кроме этого, любое физическое усилие имеет огромную важность, в одной части экспериментов подопытный делал шесть сгибаний в коленях в период ожидания снижения. Эти шесть сгибаний в коленях включали три сгибания при глубоком вдыхании кислорода и задерживании дыхания, и затем ещё три сгибания без вдыхания кислорода. Данная процедура была выбрана с целью не игнорировать

работу тела используемую в настоящем парашютном прыжке. Эксперименты по снижению с высоты 12 км выразились в следующем:

Таблица 1

Эксперимент по снижению с 12 км	Потеря сознания	Возвращение сознания
Сидя без приседаний	1 м 39 с = 10.85 км	6 м 38 с = 7.45 км
Сидя после 6 приседаний	55 с = 11.4 км	6 м 55 с = 7.25 км
Натянутый на парашютных стропах	37 с = 11.65 км	7 м 40 с = 6.77 км

Следует заметить в связи с заявленным временем и значениями высоты то, что начало потери сознания или восстановления, отсчитывались после перекрытия кислорода, в то время как большинство экспериментов снижения или свободного падения начинались при выдержке 10-ти секундного периода ожидания. Поскольку в дополнение к этим этапам высоты записанных в момент потери сознания, небольшие отклонения от времени приводимые в графиках 2 и 3 [не приводятся] являются возможными,
[страница 8 оригинала]

Поскольку в особенности при экспериментах с падением, случались отклонения из определённого грубого контроля за клапаном. Однако эти отклонения, являются небольшими и могут в любом случае не приниматься во внимание и время снижения и падения в практических условиях зависело от положения полёта в момент выброса из катапультируемого кресла. В дополнение к этому, на расчёт падения и снижения в большой степени влияют действительное состояние воздуха и сопротивление воздуха.

Следует держать в уме по отношению к экспериментам, проведённым в положении сидя, что подопытные падали при начале потери сознания и таким образом в положении лёжа, проходило критическое время наибольшей нагрузки на систему кровообращения, в то время как при подвешивании на парашютных стропах всё время оставались в вертикальном положении, наиболее неблагоприятном для системы кровообращения.

В письменном тесте, показанном выше [не приводятся] высотная болезнь произошла при эксперименте на 12 км, высота показана таким образом: Например, после 1 минуты и 20 секунд на 11 км высоты, письмо прервалось из-за внезапной высотной болезни с потерей сознания и возобновилось после 4 ½ минут на высоте 8.8 км, с ошибочным написанием. На высоте 8.3 км ошибки прекратились. Это заслуживает особого внимания, потому что в данном случае лицо полностью

восстановилось психически на высоте 8.3 км, через 3 минуты наиболее сильной нехватки кислорода, в то время как в экспериментах по высотной выносливости на этой высоте высотная болезнь развивается спустя 3 минуты. Здесь мы затрагиваем процесс, который в любом случае наиболее благоприятный, но который ещё не полностью ясен и который уже наблюдался в ранних экспериментах с парашютными прыжками с больших высот. Из этого всё ещё кажется, что достаточно долгая нехватка кислорода на высотах до 13 км не представляет какого-либо ограничения

[страница 12 оригинала]

в смысле использования последних резервов, но напротив, человеческий организм реагирует на такую нагрузку определенным ростом сопротивления высоте.

В экспериментах по снижению с высоты 13 км время ожидания 10 секунд сохранялось, но с другой стороны усилия в виде приседаний не использовались в силу технических сложностей связанных с данной процедурой.

Эксперименты, включающие подвешивание могут быть проведены только в большой барокамере, поскольку подвешивание невозможно в небольшой барокамере по причине пространства. Поэтому, подъём до высоты 13 км проводился медленно в главной камере (без взрывной декомпрессии), таким образом, когда 13 км было достигнуто возникла определенная нехватка кислорода. С такой нехваткой кислорода приседания представляли бы тяжкое бремя, которое могло слишком сильно исказить результаты эксперимента. Такие же условия также приводились в дальнейших экспериментах на больших высотах в главной камере. По этой причине, эксперименты со снижением с высоты 13 км проводились отчасти в положении сидя, отчасти в положении сидя с ремнями, и отчасти в подвешенном положении. Это предоставило следующие средние данные:

Таблица 2

Эксперименты по снижению с 13 км	Потеря сознания	Возвращение сознания
Сидя (лёжа без сознания)	50 с = 12.4 км	8 м 12 с = 7.2 км
Сидя с ремнями	35 с = 12.6 км	10 м 30 с = 5.85 км
Подвешенный	20 с = 12.8 км	19 с = 1.6 км

[страница 13 оригинала]

Поскольку в неблагоприятных случаях этих экспериментов, а именно при подвешивании, восстановления сознания не случилось до высоты 1.6 км, следует заключить, что при прыжках с высот выше 13 км, восстановление сознания

произойдёт только после 0 км, что означает то, что в действительной ситуации приземление произойдёт в бессознательном состоянии.

Эксперименты по снижению проводились в большом количестве с высоты 15 км, поскольку стало очевидным, что эта высота является приблизительной границей, на которой возможны чрезвычайные ситуации, которая была достигнута или значительно превышалась. После подъёма настолько быстрого насколько возможно, используя прямоточный кислородный аппарат, маска была снята непосредственно по достижении высоты 15 км и началось снижение. Поскольку результаты этих экспериментов по снижению являлись наиболее типичными и в особенности впечатляющими, необходимо представить один из таких экспериментов в подробностях. Протокол эксперимента представляет следующее:

15 км.....Маска снята, тяжёлая высотная болезнь, клонические конвульсии.

14.5 км.....Опистотонус⁹¹

14.3 км.....Руки вытянуты вперёд; сидит как собака, ноги разведены в стороны.

13.7 км.....Замер в опистотонусе.

13.2 км.....Агональное конвульсивное дыхание

12.2 км.....Одышка, вялость.

7.2 км.....Нескоординированные движения рывками.

6 км.....Клонические конвульсии, стоны.

5.5 км.....Громкие крики.

[страница 14 оригинала]

2.9 км.....Спазмический крик, гримасы, прикусывает язык.

⁹¹ Опистотонус — судорожная поза с резким выгибанием спины, запрокидыванием головы назад (поза дуги с опорой лишь на затылок и пятки), вытягиванием ног, сгибанием рук, кистей, стоп и пальцев вследствие тонического сокращения мышц конечностей, спины и шеи.

0 км.....Не реагирует на речь, производит впечатление лишившегося рассудка.

5 мин (после достижения уровня земли).....Первая реакция на звуковое раздражение.

7 мин.....Попытки встать по команде, стереотипный ответ: «Пожалуйста, нет».

9 мин.....Встаёт по команде; сильная атаксия; ответы на все вопросы: «Подождите». Пытается спорадически вспомнить дату рождения.

10 мин.....Типичное стереотипное поведение и отношение (кататония); шепчет для себя цифры.

11 мин.....Голова конвульсивно поворачивается направо; постоянно пытается ответить на первый вопрос о своей дате рождения.

12 мин.....Вопрос о предмете: «Можно мне кусочек?» (Заметка: В гражданской работе он работал продавцом деликатесов) «Могу я дышать, будет правильно если будут вдыхать? Глубоко дышит, затем говорит: «Хорошо, большое спасибо».

15 мин.....При приказе идти, шагает вперёд, говорит: «Хорошо, большое спасибо».

17 мин.....Называет своё имя; говорит, что родился в 1928 (родился 1 ноября 1908). Экспериментатор спрашивает: «Где?» «Вроде 1928», «Профессия?» - «28-1928».

18 мин..... «Могу я вдыхать?» «Да» «Я согласен с этим».

25 мин.....Продолжает спрашивать: «Дышать?»

28 мин.....Ничего не видит; подходит к оконному проёму через который светит солнце, прижимается лбом; говорит: «Пожалуйста, простите». Не выражает боль.
[страница 15 оригинала]

30 мин.....Знает имя и место рождения. При вопросе о дате: «1 ноября 1928». Ноги дрожат; ступор продолжается; не пугается от звука хлопка. Тёмные предметы всё ещё не различаются; подопытный сталкивается с ними. Оpoznаёт яркий свет; знает свою профессию; пространственная дезориентация.

37 мин.....Реагирует на болевое стимулирование

40 мин.....Начал различать разницу. Постоянно впадает в свои предыдущие речевые стереотипы.

50 мин.....Пространственная ориентация.

75 мин.....Всё ещё дезориентирован во времени; ретроагрессивная амнезия на 3 дня.

24 часа.....Восстановилось нормальное состояние; не помнит о самом эксперименте.

События в экспериментах по снижению с 15 км, как показано в данном примере, повторяли себя похожим образом во всех остальных экспериментах. Средние сведения из 20 экспериментов с 15 другими подопытными следующие:

Таблица 3

15 км	Потеря сознания	Проявления сознания	Ясное сознание на 0 км
Подвешенный	16 с = 14.7 км	20 ½ мин = 1.8 км	18 мин – 90 мин
Лёжа	20 с = 14.6 км	14 мин = 5 км	15 мин – 80 мин

Потеря сознания после прекращения кислорода случалась после короткой активности моторики с тяжёлой высотной болезнью, в то время как лёгкие спазмические и затем очень сильные тонические конвульсии следовали в состоянии

полной бессознательности. Эти тонические конвульсии длились почти минуту с следующей затем достаточно внезапной фазой полного расслабления
[страница 16 оригинала]

с падением темпа дыхания и переходом к конвульсивному дыханию с 3 и 4 дыханиями в минуту при полном прекращении дыхания до 45 секунд (постгипоксичная псевдосмерть Лютца). Затем следовал период улучшения дыхания, до первых подсознательных движений отражающих постепенное восстановление сознания, во время которых вместе с тем, высшая нервная деятельность временно полностью отсутствовала. Далее восстановление шло медленно в ходе последующих от ½ до 1 ½ часов как можно увидеть из протокола. За время полной потери сознания, в случае большинства подопытных произошли дефекация и мочеиспускание, повышенное слюноотделение и в некоторых случаях рвота.

Очевидно здесь мы получили условия, которые Лютц и Вендт имели в своих экспериментах на животных, которые относились к подробностям в экспериментах падения с дыханием O_2 и обозначались ими как «постгипоксичное сумрачное состояние», поскольку мы разбирались с медленным восстановлением сознания, в особенности в виду психического поведения подопытных. Постгипоксичная псевдосмерть наблюдавшаяся Вендтом и Лютцем не обнаруживалась в каких-либо иных экспериментах в форме наблюдавшейся ими. Тяжёлое состояние описанное выше мы смогли обозначить как гипоксичная псевдосмерть лишь потому, что она была ограничена периодом наиболее сильной нехватки O_2 (в среднем, между 13.3 и 12.3 км).

Несмотря на относительно большое количество экспериментов, подлинная причина тяжёлых психических нарушений и реакций тела (паралич, слепота) приписываемых сумрачному постгипоксичному состоянию остаётся загадкой. Часто казалось, как будто феномен высотной болезни сочетался с результатами сильной нехватки кислорода. В данной связи представляют интерес субъективные сведения подготовленные авторами двух экспериментов. В случае с Ро[мберг] за время получаса пребывания на 12 км с кислородом,
[страница 17 оригинала]

случились только обычные боли вызванные кессонной болезнью. В дальнейшем эксперименте с нахождением длительностью 40 минут на высоте между 13 и 13.5 км очень постепенно развивалось состояние слабости, в сочетании с заметной головной болью, которое вело к значительному снижению силы в руках и предлечьях. В результате этого, Ро[мберг] больше не смог держать мундштук (по специальным причинам в этих экспериментах, Ро[мберг] должен был дышать с мундштуком и зажимом для носа) в результате чего он выпал у него изо рта. Все эти

феномены ясно наблюдались Ро[мбергом] Ра[шер] вернул мундштук Ро[мберг] Однако в этот момент Ро[мберг] внезапно побледнел, цианоз возник у губ и потерял сознание. После прихода Ро[мберга] в ясное сознание с помощью снижения и достаточного дыхания O_2 , он определил у себя полный паралич ног, слабость рук и сильное нарушение зрения. Эти серьезные расстройства возникли, хотя время нехватки кислорода и потери сознания длилось около 5 секунд. Далее последовало снижение до 0 км, паралич ног сохранялся приблизительно 5 минут и очень сильные зрительные нарушения прошли спустя 2 часа.

В то время как, эпизод с Ро[мбергом] случился в эксперименте с особой высотой, расстройства возникли у Ра[шера] на высоте между 12 и 13 км, при том, что он вдыхал достаточно кислорода с маской постоянного потока. Спустя 10 минут нахождения на такой высоте, началась боль в правой стороне с спазмическим паралитическим состоянием правой ноги, которое постепенно возрастало как-будто вся правая сторона Ра[шера] сжималась между двух прессов. В то же время были сильнейшие головные боли, как-будто череп разрывали на части. Боли постепенно усилились настолько, что потребовалось прекращение эксперимента. Боли исчезли, когда был достигнут уровень земли, в то же время расстройство правой ноги продолжались около 5 минут.

[страница 18 оригинала]

Незадолго до второго эксперимента, Ра[шер] принял две таблетки «Антинеуралгика» (производное угольной смолы) и две таблетки первитина. В ходе эксперимента случились только слабые боли в правой руке и ноге, умеренные головные боли, но очень сильные неконтролируемые позывы к кашлю, в действительности меньшие чем в предыдущем эксперименте, хотя данный проходил на 1000 метров выше.

Ро[мберг] ощутил расстройства, которые качественно соответствовали расстройствам эксперимента падения на 15 км, хотя степень нехватки кислорода в данном эксперименте была незначительной в сравнении с экспериментом с 15 км, а значит идея комбинации феномена падения давления с феноменом нехватки кислорода определенно подтвердилась.

2. Эксперименты снижения с дыханием O_2

Поскольку высшие границы этих экспериментов, очевидно, были достигнуты при экспериментах по снижению с 15 км без дыхания кислородом, эксперименты по снижению с кислородом проводились на больших высотах.

В экспериментах, была выбрана следующая экспериментальная процедура: подъём до 8 км, нахождение там от 5 до 10 минут с дыханием кислородом; затем перевод кислородного режима на взрывную декомпрессию с заранее установленной

высотой; 10 секунд ожидания (эксперименты на высоте 17 и 18 км без ожидания) и скоростное снижение. С целью имитации перпендикулярности положения тела как происходит при натяжении парашютных строп, подопытные должны были стоять во время экспериментов, поскольку натяжение было невозможно в малой декомпрессионной камере.

В экспериментах по снижению с высоты 15 км не было высотной болезни или же временная небольшого характера. В дальнейших экспериментах по снижению, были получены следующие результаты (таблица 4):

[страница 19 оригинала]

Таблица 4 – Эксперименты по снижению с дыханием кислородом

Потеря сознания	От -	Восстановление сознания
23 с = 15.7 км	16 км	2 м 35 с = 13.35 км
10 с = 16.8 км	17 км	3 м 50 с = 13 км
7 с = 17.9 км	18 км	10 м 35 с = 8.5 км

Таким образом этим показано, что потеря сознания развивалась сравнительно рано несмотря на дыхание кислородом, в то время как последующий конвульсивный этап проходил в менее тяжёлой форме чем при экспериментах без дыхания кислородом. Развивались первичные спазмические конвульсии с лёгкими тоническими конвульсиями. Паралич дыхания никогда не возникал и при восстановлении сознания подопытные снова полностью себя контролировали. Заметно быстрое развитие потери сознания было вызвано фактом того, что подопытные стояли во время экспериментов (следует учитывать сравнение с соответствующими экспериментами падения с дыханием кислородом). Эксперименты по снижению с ещё больших высот не предпринимались, поскольку на практике не было необходимости спасения на таких высотах с открытым парашютом таким образом подвергая кого-либо опасности сильного замерзания.

3. Эксперименты с падением без кислорода.

Поскольку результаты экспериментов с падением с высоты 12 км были известны по предшествующим экспериментам, а именно экспериментам со снижением до 15 км без кислорода проведённым в рамках настоящей работы, эксперименты с падением начались на высоте 14 км с целью не увеличивать количество необходимых экспериментов.

[страница 20 оригинала]

Подъём предшествовал взрывной декомпрессии с высоты 8 до 14 и 15 км, там где подъём был до 8 км присутствовали кислород и взрывная декомпрессия с

постоянной подачей, следовала спустя 5-10 минут ожидания. После снятия кислородной маски непосредственно в связи со взрывной декомпрессией, совершались пять приседаний во время периода ожидания в 10 секунд, затем шло снижение на скорости свободного падения. Во время взрывной декомпрессии подача кислорода извне прекращалась. Результаты данных экспериментов следующие:

Таблица 5 – Эксперименты с падением без дыхания кислородом

Потеря сознания	От -	Возвращение сознания
30 с = 13.2 км	14 км	65 сек = 9.7 км
28 с = 14.3 км	15 км	96 сек = 7.6 км

Дальнейшие эксперименты до высоты 20 км проводились по такой же процедуре как и на 15 км, хотя и без приседаний во время периода ожидания 10 секунд, поскольку потеря сознания случалась настолько скоро в результате приседаний и эксперименты подтвердили, что спасения с таких высот можно достичь покиданием самолёта без телесных усилий (катапультируемое сиденье)

[Таблица 5 – продолжение]

Потеря сознания	От -	Возвращение сознания
32 сек = 14.7 км	16 км	118 сек = 6.6 км
27 сек = 15.9 км	17 км	126 сек = 6.3 км
23 сек = 17 км	18 км	156 сек = 4.6 км
20 сек = 18.5 км	19 км	173 сек = 3.7 км
17 сек = 19.75 км	20 км	178 сек = 3.2 км
15 сек = 20.875 км	21 км	1 мин, 10 сек после достижения 0 м

С высоты 21 км только один эксперимент был проведён в данной серии, также как и в экспериментах падения с дыханием кислородом, поскольку помпы обеспечили выкачку главной камеры необходимую для падения давления до 21 км только спустя часы перезагрузки и того факта, что ртутный барометр использованный в этих экспериментах имел свою границу измерений на данной высоте. Два эксперимента рассматривались только лишь как ориентировочное поведение человеческого организма на данной высоте на которой проходит точка закипания крови. Систематическая работа с такими высотами должна проводиться с

улучшенными измерительными экспериментами и двухэтапным агрегатом в новой экспериментальной серии.

Результат данного эксперимента по падению с высоты 21 км был признан недостоверным, в силу того факта, что подопытный испытал паралич дыхания с 11 до 7 км, из-за чего восстановление несомненно сильно затянулось. Однако, стойкого увечья не случилось.

4. Эксперименты падения с дыханием кислорода.

Эксперименты падения с дыханием кислорода предпринимались в небольшом количестве для грубого ориентирования по следующим причинам:

[страница 22 оригинала]

Высота ограничивалась максимумом 21 км доступным оборудованию, но именно с этой высоты эксперименты с падением без дыхания с кислородом были успешно проведены. Очевидно, что дыхание кислородом во время парашютных прыжков с такой крайней высоты в любом случае повышает шансы на успех прыжка и поэтому, безусловно требуется. По этой причине экспериментаторам оставалось лишь определить в какой степени на результаты экспериментов влияло кислородное дыхание, в особенности относительно восстановления сознания, которое конечно следовало без кислорода только на относительно низких высотах. Как и следовало ожидать, эти эксперименты показали благоприятный эффект кислородного дыхания. (Таблица б) :

Таблица б – Эксперименты по падению с дыханием кислородом

Потеря сознания	От -	Восстановление сознания
21 сек = 19.5 км	20 км	87 сек = 10.55 км
15 сек = 20.875 км	21 км	60 сек = 12.9 км

Неожиданное значение 60 секунд = 12.9 км для восстановления сознания на эксперименте с 21 км объясняется в основном тем, что данное значение было получено в единственном эксперименте с одним подопытным, который показал себя особо устойчивым к высоте в других экспериментах. С другой стороны значения 20 км являются средними для серии экспериментов.

III. Обсуждение и результаты

Эксперименты по снижению без кислорода показали, что граница для безопасного спасения с открытым парашютом находится приблизительно при

прыжке с высоты на 13 км, поскольку при прыжке с 13 км возвращение сознания происходило только на высоте 1.6 км, и таким образом следует учитывать возможности приземления в бессознательном состоянии со всеми сопутствующими опасностями. Это всё ещё не включает серьезные требования предъявляемые телом к холоду и сопутствующему риску. Сильный эффект положения тела во время эксперимента показал очевидность того, насколько серьезны эффекты любого дополнительного требования. Например, в то время как на 13 км, в эксперименте с сидящим подопытным, возвращение сознания имело место спустя 8 минут 12 секунд на высоте 7.2 км, подвешенные подопытные восстанавливали сознание лишь спустя 19 минут на высоте 1.6 км. Также сопутствующая потеря сознания, происходила у подвешенных подопытных быстрее чем у тех кто сидел. Такое же наблюдение было сделано на экспериментах 15 км, а именно те, кто прошёл этот эксперимент лёжа уже могли назвать имя и дату рождения непосредственно при достижении уровня поверхности хотя они были парализованы, в то время как те кто был подвешен вообще не отвечали на речь в это же время. За исключением одного нервно заторможенного подопытного, возвращение к нормальному состоянию случалось гораздо раньше у тех кто лежал, а именно за 15 минут. Эксперименты по снижению доходившие до высоты 18 км с кислородным дыханием, показали, что за исключением опасности холода, спасение с открытыми парашютом являлось возможным с этих высот при том, что такой практической необходимости не имелось.

Перед тем как перейти к обсуждению экспериментов падения нам кажется важным процитировать работу Лютца и Вендта «Эксперименты с животными при парашютных прыжках из кабин с высоким давлением». К сожалению эта работа не была доступна во время этих экспериментов, а значит мы не могли опираться на ценные результаты содержащиеся в ней и вытекающие из множественных экспериментов с животными или опыта авторов. Хотя оба автора упрекали с необходимым скептицизмом проблему «принятия решений посредством экспериментирования с животными по вопросам,

[страница 24 оригинала]

в которых, в окончательном анализе, поведение человека в идентичных ситуациях представляет исключительный интерес» они смогли, и полагаясь на ранее подтвержденный опыт о том, что не существует фундаментальных квалифицирующих отличий в способе реакции на нехватку кислорода животных и людей, хотя и есть значительные количественные отличия, которые в данном случае, означают временные различия. Однако, результаты наших экспериментов показали, что в некоторой степени количественные также как и качественные

различия присутствуют в той степени, что вышеуказанные эксперименты с животными должны привести к большим заблуждениям, которые важны для дальнейших исследований. Это особо проявляется в сравнении результатов полученных с животными с коллективными результатами экспериментирования на людях при спасении с больших высот посредством свободного падения без кислорода. На основе экспериментов с животными, Лютц и Вендт пришли к выводу о том, что если бы кислород вдыхался перед падением давления «прыжки с высоты 14 км теоретически можно будет пережить – в любом случае, это максимальная высота..., в то время как мы смогли провести эксперименты на людях при высоте до 21 км вообще без какого-либо вреда. Во всех экспериментах на 20 км подопытные приходили в ясное сознание со спонтанным контролем выше 3 км и таким образом в границах достаточной высоты для настоящего прыжка с парашютом. Проинструктированные перед экспериментом, подопытные звонили в колокольчик в камере дергая рычаг (эквивалент вытяжного троса) без нового приказа так сделать, а значит в настоящих условиях они точно бы вытянули трос в нужное время.

Эксперименты с падением давления с 4 км без предыдущего вдыхания кислорода не проводились нами, потому что мы придерживаемся точки зрения о том, что когда возможен контакт с противником, герметичные кабины машин летят при давлении соответствующем высоте 8 км и поэтому экипажи уже вдыхают кислород на случай возможного падения давления в результате повреждения кабины.

[страница 25 оригинала]

Поскольку эксперименты падения без кислорода уже дали хорошие результаты, эксперименты с падением начались только с высоты 20 км и из-за ограничений описанных выше, могли проводиться только на 21 км. В этом, результаты полученные Лютцем и Вендтом полностью соответствуют в этом отношении, тому, что прыжки свыше 21 км вероятно могут выполняться безопасно, и что закипания крови не происходит до высоты 21 км. С другой стороны при эксперименте падения с людьми, ни постгипоксичная псевдосмерть ни постгипоксичный сумеречный сон никогда не наблюдались (Лютц).

В заключение, мы должны особо прояснить, что в виду чрезвычайных экспериментальных условий серии экспериментов в целом, не случилось ни одной смерти и стойкого увечья из-за нехватки кислорода.

IV. Выводы из результатов

Для практического спасения при парашютном прыжке с высочайших и больших высот эксперименты показали следующее:

Парашютный прыжок без кислорода с немедленным раскрытием парашюта возможен при высоте прыжка 13 км; прыжок с кислородным оборудованием может быть совершён на высотах прыжков до 18 км. Следует дать рекомендацию против прыжка и немедленного раскрытия парашюта поскольку есть значительная опасность замерзания и нет необходимости дёргать трос на больших высотах. Однако экспериментальные данные дали определенные указания на шансы парашютиста чей парашют раскрылся по какой-либо причине.

Прыжок свободного падения и раскрытие парашюта на низких высотах могут быть совершены без кислородного оборудования до высот 20 км, с кислородом до 21 км, и вероятно значительно выше.

Во всех экспериментах на большой высоте, даже в экспериментах с дыханием кислородом, потеря сознания случалась чрезвычайно быстро и естественно этому предшествовала потеря контроля. В одном неблагоприятном случае подопытный в положении стоя во время эксперимента снижения с кислородом, прыгнул с высоты 18 км, и потеря сознания произошла спустя 7 секунд. Не следует рассчитывать более чем на 10 секунд до потери контроля на большой высоте даже при подготовке тела. За это время самолет должен быть покинут или по крайней мере следует задействовать извлекаемое сиденье. Техническое решение данной проблемы должно быть найдено иным образом. Определённым является только то, что будет невозможным встать усилием собственного тела, что следует полностью избегать любого воздействия тела, и что время должно быть настолько коротким насколько возможно. Спасение всё ещё возможно с очень больших высот; критическая часть это покидание самолёта.

Кислородное оборудование абсолютно необходимо на таких высотах, поскольку оно гарантирует наиболее благоприятные условия для прыжка. В случае поломки оборудования, потери мундштука или других неполадок, можно не учитывать серьезные расстройства или травмы до 20 км. Даже прыжки с 21 км пройдут хорошо если имеется автоматическое раскрытие парашюта при барометрическом контроле от 7 до 4 км.

Автоматическое раскрытие также важно по нескольким другим причинам:

1. В отдельных случаях парашютист не сможет восстановить сознание на достаточной высоте над поверхностью из-за удара или травмы.

2. В результате холода прыгнувший может пострадать из-за неподвижности своих рук, и таким образом будет затруднено выдёргивание троса.

3. В результате потери сознания вызванной гипоксией, парашютист теряет чувство времени, прошедшего после прыжка, как показали все эксперименты, а значит для него невозможно, на глаз оценить свою высоту.

С другой стороны желательно, на основе причины обоснованной в пункте 3, чтобы раскрытие парашюта на высотах до 7 км, предотвращалось, поскольку очень часто парашютист вырывает трос немедленно после восстановления от высотной болезни, что также может произойти на слишком большой высоте.

Наилучшие условия для взрывной декомпрессии и для секунд истекающих при появлении высотной болезни предусматриваются если полёт происходит в герметичной кабине соответствующей 8 км при кислородном дыхании.

Поскольку может быть необходимо покинуть самолёт по причинам иным чем повреждение герметичной кабины, выравнивание давления на заранее определенном уровне следует сделать возможным посредством клапана.

В случае покидания самолёта при необходимости, несмотря на падение давления в кабине, опасность нехватки кислорода ещё меньше с механизмом автоматического контроля пикирования нежели чем при прыжке с парашютом, поскольку пикирование может иметь значительно больший уровень снижения.

V. Итог

Эксперименты изучали возможность спасения с высот до 21 км.

Без парашютного кислородного оборудования, спасение в экспериментах со снижением возможно на 13 км, с оборудованием, с 18 км. Следует учитывать опасность от холода.

В экспериментах падения, спасение с высоты 21 км с кислородом и без подтвердилось возможным. Требуется автоматическое открытие парашюта. Закипания крови не происходило до высоты 21 км.

Кислород следует вдыхать до взрывной декомпрессии. Покидание должно быть посредством извлекаемого кресла. Пикирование до безопасной высоты даёт хорошие возможности спасения если покидание самолёта не требуется после потери давления в кабине.

Библиография

Лютц и Вендт – «Эксперименты на животных при парашютных прыжках из герметичных кабин» Сообщения в области авиационной медицины, исследовательский доклад 5/42

Ромберг – «Парашютный прыжок с больших высот». Германские авиационные исследования, исследовательский доклад № 1416.

Перевод документа 343-А-ПС
Экземпляр обвинения 62

Письмо Мильха Вольфу от 20 мая 1942 относительно продолжения экспериментов

Фельдмаршал Мильх

Секретно

Берлин 3 8, 20 мая 1942, Лейпцигштрассе 7

Дорогой Вольфи!

Ссылаясь на твою телеграмму от 12 мая наш медицинский инспектор доложил мне о том, что высотные эксперименты проводимые СС и воздушными силами в Дахау были завершены. Какое-либо продолжение данных экспериментов выглядит довольно излишним. Однако было бы важным проведение экспериментов иного рода, относительно угроз открытого моря. Это подготовлено непосредственным соглашением соответствующих ведомств; майор (м[едицинской с[лужбы]) Вельц будет ответственным за исполнение, а капитан (м[едицинской с[лужбы]) Рашер будет доступен до поступления дальнейших приказов о его обязанностях в рамках медицинского корпуса воздушных сил. Изменение данных мероприятий не видится срочным, и расширение задачи не является неотложным в настоящее время.

Барокамера не требуется для данных низкотемпературных экспериментов. Она срочно требуется в ином месте и поэтому больше не может оставаться в Дахау.

Я направляю СС особую благодарность от верховного главнокомандующего воздушными силами за их широкое сотрудничество.

С наилучшими пожеланиями к тебе, в хорошем товариществе и с

Хайль Гитлер!

Всегда твой
[Подписано] Э. Мильх

Обергруппенфюрер СС Вольф
Берлин ЮЗ 11.

Перевод документа 343-Б-ПС
Экземпляр обвинения 70

**Письмо Мильха Гиммлеру от 31 августа 1942, уведомляющее о получении
отчётов Рашера и Ромберга об экспериментах с большой высотой**

Фельдмаршал Мильх

Берлин, 3 8, 31 авг. 1942, Лейпцигштрассе 7

Дорогой господин Гиммлер!

Крайне благодарен вам за ваше письмо от 25 августа. Я с большим интересом прочёл отчёты доктора Рашера и доктора Ромберга. Я проинформирован о текущих экспериментах. Я попрошу двух господ провести лекцию совмещённую с показом фильма моим людям в ближайшем будущем.

Надеюсь, мне будет возможно увидеть вас по случаю моего следующего визита в штаб-квартиры, с наилучшими пожеланиями и

Хайль Гитлер!

Ваш

[Подписано] Э. Мильх

Рейхсфюрер СС и глава германской полиции Гиммлер
Берлин ЮЗ 11

Перевод документа НО-289
Экземпляр обвинения 72

**Письмо Гипке Гиммлеру от 8 октября 1942 с благодарностью последнему за
его содействие в экспериментах с большой высотой в Дахау**

Берлин 3 8, 8 октября 1942 Лейпцигер штр. 7

Телефон 52 00 24

Главе германской полиции, рейхсфюреру СС Гиммлеру
Берлин ЮЗ. 11, Принц Альбрехтштр. 8

Предмет: Письмо 1309/42 от 25 августа 1942, государственному секретарю
Мильху об экспериментах с большой высотой.

Глубокоуважаемый рейхсфюрер СС,

От имени немецких исследований проблем авиационной медицины, я крайне признательно выражаю вам благодарность за огромную помощь и широкий интерес проявленный в экспериментах Дахау; эти эксперименты представляют для нас огромную ценность и важность.

Факт того, что в атмосфере со столь низким содержанием кислорода вообще можно находиться определенное время является наиболее вдохновляющим на дальнейшие исследования.

Правда заключается в том, что в настоящее время никаких выводов по практике парашютирования сделать нельзя, так как очень важный фактор, а именно холод, до сих пор не был рассмотрен; он оказывает чрезвычайную нагрузку на всё тело и его жизнеспособность, а значит, результаты на практике будут более неблагоприятными чем в настоящих экспериментах.

Между тем, поставлены дополнительные задачи. Отчасти они смогут быть завершены после постройки нового исследовательского института авиационной медицины министерства авиации Рейха в Темпельхофе, чья барокамера включает охлаждающую аппаратуру, а также сооружение для воспроизводства условий на высотах 30 километров.

Эксперименты по охлаждению в ином направлении, отчасти, ещё проводятся в Дахау.

Когда работа вновь потребует вашего положительного содействия, могу я снова связаться с вами через штабсарцта доктора Рашера?

Хайль Гитлер
[Подписано] Профессор, доктор Гиппке

Перевод документа НО-224
Экземпляр обвинения 76

Докладная записка Ромберга о показе фильма в ведомстве государственного секретаря Мильха с предложением отчёта Мильху от 11 сентября 1942

11 сентября 1942 в 9 ч 45 мин, штабсарцт доктор Рашер и доктор Ромберг, согласно телефонным и устным договорённостям встретились с полковником Пенделе в приёмной государственного секретаря. Нас проинформировали о том, что государственный секретарь приказал о данном совещании, в ходе которого следует сделать доклад об экспериментах по «спасению с больших высот», и показать фильм об этих экспериментах. Господа ожидающие в приёмной государственного секретаря и в коридоре (большинство из них были испытателями) были проинформированы о том, что перед совещанием будет показан фильм, для чего все прошли в кинозал на пятом этаже. Там уже присутствовало большое количество людей, таким образом всего было 30-40 человек. Среди них были офицеры, медицинские и технические офицеры – некоторых мы знаем лично – некоторые чьё присутствие нас удивило, в виду совершенно секретного характера фильма и экспериментов. Не было ни сверки лиц, ни списка присутствующих. Поскольку, после недолгого ожидания, государственный секретарь не пришёл, был показан фильм, не дав нам возможности для предварительных или пояснительных замечаний. Во время перерыва между двумя частями фильма, доктор Рашер ещё раз сослался на строжайшее обязательство секретности приказанное рейхсфюрером СС. После завершения показа фильма – государственный секретарь не пришёл, так как он был вызван рейхсмаршалом – присутствующие лица мало говорили о фильме, в связи с которым самому предмету фильма было выказано мало интереса, нежели месту экспериментов и лицам, которые были подопытными. После этого промежутка времени, во время которого вообще никто не вызвался сделать какие-либо заявления, ни мы, учитывая обширность собравшихся и отсутствие государственного секретаря не планировали представлять какие-либо доклады, большая часть присутствовавших пошла на подготовку совещания, в тоже время оберстарцт Вюрфлер⁹², оберстарцт профессор Кальк, штабсарцт Брюль и регинругсрат Бенцингер попросили нас сделать доклад в узком медицинском кругу. Однако, так как государственный секретарь запретил какой-либо доклад до решения о рассылке, мы отказались раскрыть результаты экспериментов. Оберстарцт Кальк заявил о том, что хочет доложить государственному секретарю наши пожелания

---

⁹² Пауль Вюрфлер (1895-1985) – немецкий медик. Генераларцт Люфтваффе. Начальник медицинской инспекции Люфтваффе в 1941-1942.

относительно рассылки отчёта и продолжения экспериментов. Фильм был вручён полковнику Форвальду⁹³.

Согласно совещанию с оберштурмбаннфюрером Зиверсом, я попытался получить фильм обратно в тот же день, но полковник Форвальд всё ещё находился на подготовительном совещании. Когда я позвонил на следующий день и попросил вернуть фильм, полковник Форвальд заявил о том, что он оставит фильм до воскресенья, 13 сентября, поскольку в этот день прибудет рейхсмаршал и вероятно захочет посмотреть фильм. Соответственно, я позволил полковнику Форвальду оставить фильм до этого дня. 14 сентября я пошёл забирать фильм у полковника Форвальда и был проинформирован о том, что его не показали. В тот же день я поговорил со штабсарцтом Брюлем, который проинформировал меня о том, что оберстарцт Кальк ещё 11 сентября передал наши пожелания относительно рассылки и подтверждения экспериментов государственному секретарю. Государственный секретарь одобрил план рассылки и сказал, что продолжение экспериментов не является срочным. Несколько дней спустя план рассылки утверждённый государственным секретарём, должен был быть направлен в Германский институт авиационных исследований полковником Пенделе и соответственно доклад был передан институтом в заинтересованные ведомства. С тех пор я не получал никаких новостей ни о фильме ни об отчёте.

[Подписано] доктор Ромберг

Перевод документа 1612-ПС
Экземпляр обвинения 79

Письмо Рудольфа Брандта Рашеру от 13 декабря 1942 и приказ Гиммлера поручающий Рашеру эксперименты с большой высотой

Рейхсфюрер СС

Полевой командный пункт
[Штамп]: Личный штаб рейхсфюрера СС
отдел документации
№ дела: конфиденциально
Полевой командный пункт, 13 декабря 1942

⁹³ Вольфганг Форвальд (1899-1977) – генерал-лейтенант Люфтваффе. В 1939-1944 начальник технического управления министерства авиации Рейха.

Рейхсфюрер СС

Личный штаб

Журнал № 19/10/43 g, Вга/Секретно

1. Гауптштурмфюрер д.м.н Рашер
[неразборчиво] ... СС
2. Рейхсфюрер СС Берлин
3. Медицинский отдел главного управления СС
4. Обергруппенфюрер СС Поль, Берлин
5. «Аненербе» Берлин-Далем

Настоящим прилагаю письмо рейхсфюрера СС с приказом для гауптштурмфюрера СС доктора Рашера.

Просьба отметить и оказать необходимое содействие гауптштурмфюреру доктору Рашеру в проведении его экспериментов.

По приказу

[Инициал] Б.
оберштурмбаннфюрер СС

Принц Альбрехтштрассе
[Штамп] Личный штаб рейхсфюрера СС
Отдел документации
Журнал №: конфиденциально

Гауптштурмфюреру СС доктор Рашеру мной поручено проведение следующих экспериментов:

1. Эксперименты с барокамерой – проводятся при условиях соответствующих в действительности превосходящим нормальные операционные условия – для спасения с больших и крайне больших высот. Определение изменений химического равновесия, также как и газового равновесия человеческого тела. Эксперименты следует повторять до установления научно бесспорной основы. Тестирование герметичных костюмов для наибольших высот следует проводить при содействии производителей таких защитных костюмов.

2. Тесты по передаче тепла после полного охлаждения человеческого тела, фиксирующие все изменения химических и газовых характеристик, следует продолжать до полного снятия спорных вопросов. Я придаю особую значимость условиям экспериментов максимально приближенным реальным условиям, в

частности по теплоотдаче. Оборудование сауны в Дахау следует использовать для экспериментов по теплоотдаче.

3. Эксперименты по снятию эффектов охлаждения частей человеческой системы, в особенности конечностей, проводимые в подходящей форме (в т.ч. применение воды Гаштейн)

4. Эксперименты относительно адаптации к холоду в снежных избах (иглу) проводятся с различными диетами с целью установить является ли возможной адаптация к холоду и сопротивление замерзанию. Эти эксперименты следует проводить на месте горного курорта СС Зюдельфельд.

5. Получение аппаратуры необходимой для всех экспериментов следует подробно обсудить с ведомствами главного врача СС, главным административно-хозяйственным управлением СС и «Аненербе». Необходимые химические продукты, медицинские средства и стеклотару предоставит медицинское управление СС, Берлин.

6. Опубликование результатов полученных в таких тестах допускается исключительно с моего разрешения.

[Подписано] Г. Гиммлер

Фрагменты допроса свидетеля Вальтера Неффа обвинением

.....

Макхэни: ....Когда в Дахау начались эксперименты с большой высотой?

Нефф: Первые эксперименты с большой высотой были 22 февраля 1942. Так называемая барокамера была доставлена и смонтирована раньше. Точное время прибытия камеры мне неизвестно.

Макхэни: Почему вы настолько точно помните дату, когда начались первые эксперименты?

Нефф: 22 февраля мой день рождения и туберкулёзные пациенты устроили мне праздник. Это была дата начала экспериментов, и вот почему я помню дату.

Макхэни: Вы расскажите Трибуналу о том, кто работал с этими экспериментами?

Нефф: Эксперименты проводились доктором Рашером и доктором Ромбергом. Заключение отбирали и забирали на станцию в качестве постоянных подопытных; и им говорили, что с ними ничего не случится. В начале, 3 недели, эксперименты

шли без инцидентов. Однако, однажды, Рашер сказал мне о том, что на следующий день он собирается провести серьезный эксперимент и что ему нужны 16 русских которые приговорены к смерти и он получил этих русских. Тогда я сказал Рашеру о том, что я не помогу, и я действительно добился от Рашера направления меня в туберкулёзный лазарет. В тот день я точно узнал, что эсэсовец Рашера, Эндрес или другие эсэсовцы проводили эти эксперименты. Доктора Ромберга в тот день не было. Эсэсовец Эндрес привёл русских военнопленных к Рашеру и вечером их забрали. На следующий день, когда я вернулся на станцию, Эндрес уже был там и он сказал, что ещё двое евреев, будут убиты. Я цитирую то, что он сказал. Я увидел первого в машине. Я смог увидеть только профиль. Он показался мне знакомым. Я знал, что человек работал портным в госпитале. Я пытался понять тот ли он человек. Я пошёл туда где он работал и мне сказали, что Эндрес только что забрал его. Первое лицо которому я сообщил был доктор Ромберг, которого я встретил в коридоре. Я сказал Ромбергу о том, что это не человек который приговорён к смерти, мне было ясно, что было просто убийство Эндресом. Ромберг пошёл со мной к Рашеру для выяснения вопроса, но было обнаружено, что Эндрес посадил этого человека в экспериментальную тележку, потому что он отказался сшить ему гражданский костюм. Рашер отправил этого человека обратно; Эндрес пошёл к нему и заметил: «Ну, тогда тебя ждёт инъекция». Я должен сказать, что Рашер снова вмешался и перевёл человека. Между тем Эндрес привёл второго человека, чеха, которого я знал очень хорошо. Вновь Ромберг вместе со мной поговорили с Рашером для остановки этого эксперимента или спросив почему Эндрес просто приводит людей, которых никогда не приговаривали к смерти. Рашер пошёл к коменданту лагеря Пиорковски, который лично пришёл на станцию и Эндрес был немедленно переведён в Люблин.

И теперь я перехожу к сути: именно в тот день я и мой товарищ решили, что при любых обстоятельствах, независимо от происходящего, я не останусь...
Макхэни: Итак, свидетель, позвольте мне вас ненадолго прервать. Мы вернёмся и вы сможете рассказать мне всю историю.

.....

Председательствующий: Я прошу генерального секретаря передать эту книгу представителю обвинения и защита может изучить книгу.

Макхэни: Итак, свидетель, перед перерывом, вы рассказывали трибуналу об экспериментах с большой высотой, которые как вы заявили начались 22 февраля 1942, и вы сослались на то, что уже в марте Рашер экспериментировал на 15

русских, которых убили и вы заявили, что ни вы, ни подсудимый Ромберг не присутствовали по этому поводу и затем вы сослались на то, что эсэсовец в Дахау по имени Эндрес доставил лагерного портного и хотел, чтобы с ним экспериментировали и о том как вы узнали портного и вмешались с Ромбергом и человека вернули. Итак, перед тем как вы продолжите свою историю, я хочу задать вам несколько отдельных вопросов. Это правда, не так ли, что на заключенных концентрационных лагерей проводили эти эксперименты с большой высотой?

Нефф: Да.

Макхэни: Приблизительно сколько заключенных концентрационного лагеря подверглось этим экспериментам с большой высотой?

Нефф: Было от 180 до 200 заключенных, которых подвергли экспериментам с большой высотой.

Макхэни: Когда, по наилучшим воспоминаниям, завершились эксперименты с большой высотой?

Нефф: Смертельный случай – боюсь я не совсем понял вопрос. Вы повторите его?

Макхэни: Свидетель, я спросил вас, когда завершились эксперименты с большой высотой, когда они закончились.

Нефф: В июне – может быть в начале июля, барокамеру вывезли. Однако я не помню точную дату.

Макхэни: И вы говорите, о том, что между 22 февраля 1942 и концом июня или началом июля 1942, приблизительно от 180 до 200 заключенных концентрационного лагеря подверглись экспериментам?

Нефф: Да.

Макхэни: Какие национальности были подопытными?

Нефф: Я не могу сказать точно, но я думаю, что приблизительно были представлены все нации; то есть, все нации бывшие в лагере, в большинстве русские, поляки, немцы и евреи относящиеся ко всем нациям. Я не помню каких-либо других национальностей представленных там.

Макхэни: Военнопленные были подопытными?

Нефф: Да.

Макхэни: Какой национальности они были? Вы помните?

Нефф: Они были русскими.

Макхэни: Итак, вы расскажите трибуналу о том как отбирались эти подопытные?

Нефф: Подопытные которых должны были подвергнуть тяжёлым экспериментам, экспериментам со смертельным исходом, запрашивались Рашером у администрации лагеря и затем предоставлялись СС; однако, эта процедура отличалась от так

называемой серии экспериментов и ряда других экспериментов. Для этих экспериментов, людей направляли напрямую из лагеря, то есть из блоков.

Макхэни: Итак, они по вашему сведению, предпринимали какие-либо усилия для обеспечения добровольцев для этих экспериментов?

Нефф: Для экспериментов были некоторые добровольцы. Это было из-за того, что Рашер пообещал некоторым лицам то, что их освободят из лагеря если они пройдут эксперименты. Он иногда обещал им, что им назначат более благоприятную работу.

Макхэни: Итак, сколько таких добровольцев было для экспериментов с большой высотой?

Нефф: Я не знаю точного числа. Оно было большим; приблизительно 10 заключенных вызвались для этой цели.

Макхэни: Эти добровольцы прибывали по одному или прибыли группой, или как они предоставляли себя для экспериментальной станции?

Нефф: Рашер долго ходил по лагерю и так заключенные говорили с ним.

Макхэни: Другими словами, сотрудники лагеря и Рашер с Ромбергом не предпринимали усилий по поиску добровольцев, не так ли?

Нефф: Я не знаю, но не думаю. Я не думаю, что они сильно искали добровольцев.

Макхэни: Итак, помимо этих, приблизительно 10 лиц, которых вы сами назвали добровольцами, остальных подопытных просто забирали и экспериментировали?

Нефф: Да.

Макхэни: Кого-либо из этих заключенных освободили из лагеря, потому что они прошли эксперименты?

Нефф: Был только один человек, освобожденный после экспериментов с большой высотой.

Макхэни: Кто это был?

Нефф: Заключенный по имени Собота.

Макхэни: И Собота помогал Рашеру в его экспериментальной работе иначе чем просто проходил эксперименты? Он был кем-то вроде помощника Рашера?

Нефф: Нет. Собота был одним из тех лиц, который должен был пройти большинство экспериментов и также использовался в одном из экспериментов в присутствии рейхсфюрера СС. По этому поводу рейхсфюрер спросил его о том сколько он находится в лагере, и пообещал освободить его. Он позднее был направлен в группу Дирлевангера⁹⁴.

Макхэни: Считалось привилегией попасть в группу Дирлевангера?

---

⁹⁴ Зондеркоманда СС под командованием Дирлевангера (нем. SS-Sonderkommando Dirlwanger) — карательное подразделение СС под командованием О. Дирлевангера, комплектовалось из заключённых немецких тюрем, концлагерей и военных тюрем СС.

Нефф: Нет. Заключенные которых позднее переводили в группу Дирлевангера думали, что это худшее, что может случиться.

Макхэни: Вы расскажите трибуналу о том, чем была группа Дирлевангера?

Нефф: Группа Дирлевангера являлась дивизией СС, которая готовилась в Ораниенбурге и которую использовали для специальных задач. Однажды 200 немецких политических заключенных в этой группе перевели в Россию. Все лица, которых заставляли вступать в эту группу испытывали сильное отвращение принуждением присоединяться к СС и бороться за них. Они считали отбор в СС наихудшим позором.

Макхэни: Дирлевангер это группа специальных командос?

Нефф: Да, это была группа специальных командос и она направлялась в наиболее опасные точки. Однако, мне это известно от товарищей с которыми я говорил об этом вопросе после освобождения.

Макхэни: Кроме заключенного Собота, были другие заключенные освобождённые при проведении экспериментов с большой высотой?

Нефф: Я не знал никого кроме Собота.

Макхэни: Вам известны какие-либо случаи в которых заключенные приговорённые к смерти получали пожизненное заключение из-за проведения экспериментов?

Нефф: Нет.

Макхэни: Свидетель, каких-либо политических заключенных, использовали в этих экспериментах с большой высотой?

Нефф: Да, были политические заключенные, которых использовали в этих экспериментах. Все иностранцы считались политическими заключенными.

Макхэни: Свидетель, расскажите трибуналу о том как можно было разграничить между политическим и уголовным преступником в концентрационном лагере?

Нефф: Все заключенные имели определенные квадраты с буквами; политические; политические заключенные имели красные квадраты; немецкие политические заключенные имели просто красный квадрат; поляки имели красный квадрат с «Р» на нём; русские «R»; все национальности можно было идентифицировать по первой букве страны. Красный квадрат с жёлтой звездой был евреем. Зелёный квадрат, с другой стороны были знаком так называемых профессиональных преступников. Тут нужно сказать, что было достаточно много людей с зелёными квадратами, которые не попадали под классификацию профессиональных преступников, но которых направляли в лагерь с этим квадратом, поскольку Гестапо⁹⁵ не могло найти причины отправлять их в лагерь как политических заключенных.

---

⁹⁵ Гестапо (нем. Gestapo; сокращение от нем. Geheime Staatspolizei, «секретная государственная полиция») — политическая полиция Третьего рейха в 1933—1945 годах. Организационно входило в состав Министерства

Макхэни: Итак, этот квадрат был действительно квадратом или треугольником?

Нефф: В действительности это был треугольник с вершиной треугольника направленной к земле. Если она была направлена вверх это указывало на военнослужащего Вермахта, которого направили в лагерь для наказания.

.....

Макхэни: Свидетель, с какими-либо евреями экспериментировали в этих экспериментах с большой высотой?

Нефф: Да.

Макхэни: Итак, скажите трибуналу о том приблизительно сколько заключенных убили во время экспериментов с большой высотой?

Нефф: Во время экспериментов с большой высотой 70 или 80 лиц.

Макхэни: Эксперименты проводились на иных заключённых нежели приговоренных к смерти?

Нефф: Да.

Макхэни: Заключенных которых не приговорили к смерти убивали во время экспериментов с большой высотой?

Нефф: Да.

Макхэни: Вам известно о том сколько было убито?

Нефф: Было приблизительно 40 лиц.

Макхэни: То есть, 40 лиц было убито, которых не приговорили к смерти, из 70, это так?

Нефф: Да.

Макхэни: Итак, некоторые из них были политическими заключенными?

Нефф: Да.

Макхэни: Существовал ли какой-либо способ сказать о том являлся ли заключенный приговорённым к смерти – то есть, когда подопытный прибывал в камеру, можно было знать о том, приговорён ли он к смерти?

Нефф: Если подопытный поступал из бункера, то есть, если СС доставляло их, мы всегда могли сказать, что это заключенные приговорённые к смерти. Когда заключенных направляли блокковые, и приводились им, тогда мы также могли сказать, что это были лица из лагеря, и что они не являются лицами приговорёнными к смерти.

Макхэни: Ромберг мог знать это также как и вы?

Нефф: Он мог узнать это, если бы попытался разобраться, потому что ему было крайне трудно различать лиц поступивших из бункера или из лагерей.

Макхэни: Но вы сами могли это сказать?

Нефф: Да.

Макхэни: Ромберг когда-либо спрашивал вас о том, приговорены ли подопытные к смерти?

Нефф: Я не помню, чтобы Ромберг об этом спрашивал.

Макхэни: Существовали дела концентрационного лагеря, которые показывали приговорён ли человек к смерти?

Нефф: Да.

Макхэни: Вам известно, чтобы Ромберг, когда-либо проверял эти дела?

Нефф: Мне это неизвестно.

Макхэни: Вам неизвестно, чтобы он проверял их, правильно?

Нефф: Нет.

Макхэни: Вы можете вспомнить, приблизительно, сколько смертей Ромберг застал во время этих экспериментов с большой высотой.

Нефф: Я помню пять случаев, на которых Ромберг присутствовал при смерти; присутствовал ли он при других случаях, не знаю. Возможно, но я не уверен.

Макхэни: Вы уверены в пяти случаях?

Нефф: Да.

Макхэни: Ромберг когда-либо заявлял возражения относительно этих смертей?

Нефф: Мне неизвестно о каких-либо протестах против этого.

Макхэни: Он не заявлял протестов в вашем присутствии?

Нефф: Только во время, когда мы касались инцидента о котором я говорил раньше. Мне больше ничего неизвестно.

.....

Фрагменты допроса подсудимого Рудольфа Брандта защитой

.....

Кауфман: Теперь, я хочу поговорить с вами о документальной книге № 2, относительно экспериментов с большой высотой доктора Рашера. Вы сказали этим утром, что знали Рашера?

Брандт: Да.

Кауфман: Вы часто его видели?

Брандт: Очень мало за 4 или 5 лет.

Кауфман: Он приходил в ваше ведомство и говорил с вами?

Брандт: Дважды, когда я почти уезжал из Мюнхена на поезде, он и его жена принесли письмо для Гимmlера на станцию и вручили мне.

Кауфман: И что он хотел, когда приходил в главное ведомство Гимmlера и видел вас?

Брандт: Либо он приносил отчёт либо письмо; как я сказал, этого не случилось более чем 4 или 5 раз.

Кауфман: Вы когда-либо присутствовали при разговоре Гимmlера с Рашером?

Брандт: Нет. Я никогда не присутствовал на таких совещаниях.

Кауфман: Рашер когда-либо лично говорил вам, либо до либо после совещания с Гимmlером, почему он пришёл?

Брандт: Нет. После, он никогда не говорил об этих визитах, потому что у меня не было на это времени.

Кауфман: Но вы не отрицаете, что вы знали о том, что Рашер проводит эксперименты на людях в Дахау?

Брандт: Да, это я знал.

Кауфман: Вы сами, когда-либо посещали Дахау?

Брандт: Нет. Я никогда не был ни в Дахау ни в концентрационных лагерях.

Кауфман: Вы сами, когда-либо принимали участие в экспериментах на людях?

Брандт: Нет.

Кауфман: Вы видели фотографии из документальных книг?

Брандт: Я не помню, чтобы их видел.

Кауфман: Итак, пожалуйста, переверните на страницу 53. Это письмо от Рашера Гимmlеру в котором он впервые предлагает Гимmlеру, о том, чтобы эксперименты с людьми проводились в Дахау. В этом письме он говорит, что в этих экспериментах он точно учитывает смертельные последствия для некоторых подопытных. Вы помните получение данного письма? Если нет, скажите как бы вероятно обращались с письмом, когда оно поступило?

Брандт: Я не помню письма. Как и во всех случаях я точно бы положил это письмо среди почты Гимmlера для личного прочтения Гимmlером, с первого взгляда на него мне должно было быть ясно, что это был медицинский вопрос которым Гимmlер интересовался в целом.

Кауфман: Ваша честь, мы сейчас говорим, о 1602-ПС, экземпляре обвинения 44.

Итак, пожалуйста посмотрите на страницу 57 немецкой документальной книги. Это 1582-ПС, экземпляр обвинения 45, письмо от вас Рашеру в котором вы говорите ему, что, конечно, заключенные любезно будут предоставлены для

экспериментирования с большой высотой. Это письмо было написано по вашей собственной инициативе или это случай похожий на все остальные, которые вы приводили, а именно, письмо написано по приказу Гиммлера?

Брандт: Письмо не исходит от меня. Оно содержит прямые приказы Гиммлера.

Кауфман: Теперь, пожалуйста, посмотрите на 1581-А-ПС, экземпляр обвинения 48, письмо которое содержит вашу подпись, адресовано Зиверсу. Там вы пишете о том, что эксперименты с низким давлением проводятся Люфтваффе на заключенных Дахау. Затем посмотрите на документ 1971-А-ПС, экземпляр обвинения 49, письмо Рашера Гиммлеру. В первом предложении данного письма есть упоминание прилагаемого промежуточного доклада. Итак, вы читали этот промежуточный доклад?

Брандт: Я полагаю, что не читал, потому что во-первых, такие медицинские отчёты были совершенно мне непонятны как дилетанту; и во-вторых, потому что из-за всей работы, что я должен был делать, у меня не было достаточно времени заниматься отчётами, которые прежде всего, я не понимал, и во-вторых, меня не интересовали. Таким образом, я положил отчёт в почту Гиммлера, которую Гиммлер должен был прочесть, не читая его сам.

Кауфман: Итак, пожалуйста посмотрите на 1971-Д-ПС, экземпляр обвинения 52, видимо сообщение телетайпом от Рашера вам. В нём Рашер спрашивает, следует ли миловать поляков и русских если они выжили в нескольких экспериментах. В 1971-Е-ПС, экземпляре обвинения 53, находится ваш ответ, сообщение телетайпом оберштурмфюреру Шницлеру в Мюнхен. В данном письме вы говорите, что подопытных не следует миловать если они являются русскими или поляками. Данный документ особо отмечается обвинением, и подчеркивается его жестокий характер. Вы помните этот документ или можете привести объяснение о том как получилось, что вы подписали этот телетайп?

Брандт: Я не помню сообщения. Конечно, я не могу под присягой заявить о том, был ли это один из тех случаев в которых сообщение по телетайпу было направлено по приказу Гиммлера с моей подписью на нём. Также возможно, что я видел это сообщение и знал о его содержании и направил его, после получения инструкций от Гиммлера.

Кауфман: Но я думаю, что вы ещё помните документ с таким содержанием сегодня; и вы говорите, что не помните его?

Брандт: Нет. В виду огромного количества приказов получаемых мной от Гиммлера, я не мог занимать себя подробностями каждого вопроса, для того, чтобы запоминать их надолго.

Кауфман: Вероятно, вам известно, обсуждали ли вы данный вопрос с Гиммлером и затем ожидали его приказов?

Брандт: Я не могу сказать. Я полагаю, что я положил сообщение телетайпом среди его почты и затем получил его инструкции вместе с остальными приказами.

Кауфман: Итак, я хочу обсудить НО-402, экземпляр обвинения 66. Это письмо в Германский институт авиационных исследований. Это письмо сопровождает длинный доклад, предмет которого спасение пилотов с больших высот. У вас есть этот отчёт?

Брандт: Да.

Кауфман: Вы работали с данным отчётом или хотя бы взглянули на него?

Брандт: Я с ним точно не работал, и даже не просматривал, прежде всего из-за того, что это был медицинский отчёт, а во-вторых, потому что он слишком длинный.

.....

Фрагменты допроса подсудимого Ромберга защитой

Форверк: Итак, вернёмся к положению Рашера в эксперименте.

Ромберг: Я сказал, что без Рашера никогда не было бы никакого намерения проводить эти эксперименты и они были бы невозможны. Это видно из изначальной задачи Гиммлера. Практическое подтверждение этого факта заключается в том, что эксперименты прекратились немедленно, когда возникли сложности с командировкой Рашера. Это подтверждается письмом госпожи Рашер рейхсфюреру СС, датированном 24 февраля 1942 (НО-263, экз.обв. 47). В данном письме госпожа Рашер пишет, что есть сложности в командовании и что эксперименты остановлены; то, что Рашер должён ехать обратно в Шёнгау. Это было время, когда я поехал обратно в Берлин. Позднее, когда эксперименты действительно проводились, Рашер прямо запретил мне проводить эксперименты в Дахау без его разрешения или его присутствия, для того, чтобы я никогда не проводил эксперименты без Рашера. Я всегда ждал его. В дни, когда он находился в Шёнгау никаких экспериментов не проводилось. В целом, я даже не ходил на экспериментальную станцию. Иногда я ходил писать – но точно, никогда не проводил эксперименты. Хотя, это правило, конечно, часто затягивающее работу, казалось мне оправданным, потому что Рашер имел разрешение от Гиммлера на проведение экспериментов и был ответственным перед ним за подопытных. Также, я сам подчинялся властям лагеря Дахау, которые серьезно ограничивали мою независимость, например, мою свободу перемещения или общения с заключенными и похожие вещи. Рашер сам, с другой стороны имел

очень свободное положение на основе той власти, которую он получил от Гиммлера и из-за особого пропуска. Лагерь Дахау находился под властью Гиммлера. Это показано письмом Гиммлера Мильху от ноября 1942. (1617-ПС, экз. обв. 77). В данном письме Гиммлер говорил о поведении Хольцлохнера и добавлял, что лагерь Дахау подчинялся его приказам, и Хольцлохнер должен был подчиняться. На таких условиях Рашер получил барокамеру от СС в Мюнхене и разместил её там.

Форверк: Кто занимался поддержанием работы камеры во время экспериментов?

Ромберг: Она не требовала многого для поддержания работы; зарядка батареи или обеспечение кислородом для экспериментов были делом Рашера и вероятно оплачивались лагерем.

Форверк: Рашер был ответственным за это перед вами?

Ромберг: Нет, Рашер вообще не был ответственным передо мной. Он был ответственным перед медицинской инспекцией, потому что камера принадлежала ей.

Форверк: Вы имели какую-либо возможность отдавать Рашеру приказы или инструкции, или что-либо запрещать?

Ромберг: Нет, это без сомнения видно из того, что я уже сказал. Я не мог отдавать ему никаких приказов. Я точно не мог запрещать ему делать, что-либо. Относительно проведения этих экспериментов по спасению с больших высот, я просто имел определенные консультационные права как заведено у двух учёных, которые работают совместно над одной задачей, когда у одного есть больше знаний о конкретной задаче.

Форверк: Вы сказали о начале экспериментов 22 или 23 февраля; это было, когда вы видели подопытных впервые?

Ромберг: Да. В тот день, я поехал в Дахау с Рашером впервые и впервые увидел подопытных.

Форверк: Приблизительно сколько их было?

Ромберг: Было 10 или 12.

Форверк: Их могло быть 5?

Ромберг: Пять? Нет, их точно было больше.

Форверк: Их могло быть 15?

Ромберг: Да, возможно.

Форверк: Вы говорили с подопытными в день начала экспериментов?

Ромберг: Мне кажется, в тот день мы в основном говорили. Проводились ли вообще какие-нибудь эксперименты я не помню. В любом случае я говорил с подопытными и узнал о них немного в первый день.

Форверк: О чём вы говорили с подопытными?

Ромберг: Они, конечно, были для меня совершенно новым окружением. Все они являлись профессиональными преступниками в заключении.

Форверк: Как вы это узнали?

Ромберг: Они постепенно говорили мне во время разговора. Они, конечно, не имели полного доверия в первый день и не рассказали мне всё о своих предыдущих осуждениях. Но после подробных вопросов один как оказалось был осуждён за некие, постоянно повторявшиеся преступления, и наконец был приговорён к превентивному заключению.

Форверк: Почему вы говорили в тот день с подопытными?

Ромберг: Совершенно естественно, когда кто-то начинает работу с такой группой, чтобы был необходим некий личный контакт. Мы должны были узнать друг друга. Я поговорил с ними об их профессии, если это можно так назвать, и конечно я рассказал им кое-что об экспериментах, о чём это всё, что им следует делать, чтобы помогать мне таким же образом как и в обычных экспериментах.

Форверк: Существовала причина по исследованию готовности подопытных к их деятельности или проверке того являются ли они действительно добровольцами?

Ромберг: Нет. Это было больше чем знать лично подопытных. Ситуация была такой: в обсуждении с комендантом лагеря на основе соглашения с Рашером и его разрешением от Гиммлера, было достигнуто очень чёткое соглашение о том, чтобы эти люди были добровольцами. Поэтому, чёткое соглашение было достигнуто об условиях, в которых не было сомнений. Когда я впервые встретил подопытных лично и поговорил с ними о принципе экспериментов и их обязанностях, и так далее, конечно, я также спросил почему они вызвались – не из-за недоверия коменданту лагеря, а по этой же самой причине.

Форверк: Соответственно, вы думали о том, что они были добровольцами?

Ромберг: Я не только так думал. Они мне сами сказали.

Форверк: Как вы это точно узнавали в каждом случае?

Ромберг: С течением времени – не в первый день, а с течением времени – я говорил со всеми чаще и подробнее, и постепенно они говорили мне о своих предыдущих осуждениях и том в каких тюрьмах и исправительных учреждениях побывали до лагеря, и также они говорили мне о причинах почему вызвались.

Форверк: Вы хотите сказать, что все подопытные использованные для экспериментов с большой высотой являлись добровольцами?

Ромберг: Да.

Форверк: Итак, перед входом подопытных в камеру вы готовили их к тому, что им надо делать и говорили о значимости происходящего?

Ромберг: Да, конечно. Сначала, я объяснял им весь вопрос в общих чертах, для того, чтобы они могли знать о том, что это и какова цель эксперимента. В подробностях, я особо рассказывал им, что им нужно делать в экспериментах. Был письменный тест, во время которого они должны были писать числа от 1000 к уменьшению; затем важнейшей мыслью было то, чтобы после высотной болезни во время экспериментов, они как можно быстрее, дёрнули вытяжной трос. У нас был трос привязанный к колокольчику. Под этим представлялся вытяжной трос для парашюта. Им нужно было это аккуратно объяснить, иначе они бы не поняли, и не смогли правильно среагировать.

Форверк: Итак, перед началом экспериментов, вы снимали электрокардиограммы каждого лица?

Ромберг: Да и потом снова.

Форверк: Пожалуйста поясните это.

Ромберг: Рашер сначала проверял этих людей на пригодность к экспериментам, для чего у них не должно было быть пороков сердца или чего-либо такого. Затем с целью точного контроля, до начала эксперимента, мы снимали электрокардиограмму всех подопытных. Электрокардиограммы почти всех экспериментов регистрировались и в конце, когда эксперимент завершался, мы снимали ещё одну электрокардиограмму всех подопытных с целью получить материал, потому что вероятно даже при отсутствии видимых травм, могли быть некоторые эффекты, которые можно было определить такими тестами.

Форверк: Итак, сколько приблизительно длились эти эксперименты по спасению с больших высот?

Ромберг: Что же, они действительно начались 10 или 11 марта и они длились до 19 или 20 мая.

Форверк: С учётом этого, вы подготовили доклад, который был представлен обвинением?

Ромберг: Да.

Форверк: В данном докладе есть предложение говорящее, о том что во время экспериментов по спасению с больших высот не было смертей и не было вреда здоровью; это верно?

Ромберг: Да, это верно, что такое предложение есть в отчёте, и правда то, что не было смертей или других травм.

Форверк: Но в показаниях Неффа вы слышали о том, что были смерти?

Ромберг: Да.

Форверк: Что вы на это скажете?

Ромберг: Помимо наших совместных экспериментов по спасению с больших высот, Рашер проводил собственные эксперименты. Он не говорил мне точно о проблеме; он просто говорил, что он проводит эксперименты для Гиммлера и что они имеют отношение к болезни взрывной декомпрессии и электрокардиограммам. Он видимо проводил секретные эксперименты по данной проблеме, но тогда в моём присутствии он продолжал их с особыми подопытными. В ходе этих экспериментов первая смерть случилась в конце апреля в моём присутствии. Он сказал мне в ходе разговоров, что он хотел стать доцентом на основании этих экспериментов, которые приказал Гиммлер. Он хотел получить доктора Фаренкампа, но этого не произошло, так как эксперименты прекратились.

До этой смерти у меня не было причины возражать экспериментам, поскольку Рашер использовал других подопытных и имел особую задачу от Гиммлера. Моей задачей было проводить эксперименты по спасению с большой высоты и я проводил их вместе с Рашером.

Форверк: Сколько смертей произошло в вашем присутствии?

Ромберг: Три.

Форверк: Но Нефф говорил о пяти смертях в вашем присутствии.

Ромберг: Могло быть только три.

Форверк: Почему могло быть только три?

Ромберг: Потому что я помню. В конце концов эти смерти произвели на меня впечатление; я это знаю.

Форверк: Почему смерть в барокамере произвела на вас такое впечатление?

Ромберг: В бесчисленных экспериментах с барокамерой проводимых не только нами, но повсюду в Германии в других институтах, у нас вообще никогда не было смертей, и тогда существовало мнение о том, что любую необходимую проблему авиационной медицины следует решать без смертей.

Форверк: Итак, как получилось, что вы присутствовали при трёх смертях, поскольку вы говорите, что эти эксперименты не относились к вашей серии экспериментов?

Ромберг: В начале апреля или середине апреля, Рашер впервые сказал мне, что он проводил эксперименты с медленным подъёмом и что он попытался работать с Фаренкампом, но работа прервалась, когда последний был командирован. Я сказал, что это не имело никакого отношения к нашим экспериментам и было совершенно неважно и неинтересно с нашей точки зрения. Он это признал, но сказал, что это был особый вопрос, который особо лично его интересовал и с которым он должен был работать. Я не видел этих экспериментов, которые согласно протоколам длились от 8 до 10 часов. Возможно он всегда проводил их в те дни, когда я отсутствовал, из-за этих 8, 10 часов значительно пересекавшимися с нашими

экспериментами. Он распространил эти эксперименты и проводил эксперименты с резервом времени на некоторых высотах для тестирования адаптации, которую он тестировал ранее при экспериментах медленного подъёма. Это был эксперимент в котором подопытный оставался на одной высоте, в отличие от экспериментов по падению или снижению в которых давление постоянно росло, то есть, когда снижалась высота. Как показывает его промежуточный отчёт, он распространил эти эксперименты до больших высот и запас времени изучался как с кислородом так и без. Предложение для этого отчасти очевидно шло из другой работы, такой как у доктора Клифиша.

Я иногда наблюдал данные эксперименты. Он проводил их правильно; он следил за подопытными, а значит не было возражения этим экспериментам. Единственной вещью которая вмешивалась в наши эксперименты с точки зрения времени была нехватка пунктуальности у Рашера создававшая большое раздражение. Согласно документам, также как и свидетелю Неффу, у Рашера видимо были смерти в экспериментах. Первые смерти очевидно были неожиданными. В этих неожиданных смертях, электрокардиограмма и выводы вскрытия, совместно с его отчётами, видимо породили у Гиммлера идею, что следует далее проводить эти эксперименты и следовало вызвать Фаренкампа для научного разъяснения. Факт, что Гиммлер прикрывал их, видимо заставлял его проводить в моём присутствии эксперименты, которые были опасными и в которых случились смерти. Факт того, что я присутствовал несколько раз на предыдущих экспериментах привёл к тому, что я оказался и на смертельном.

Форверк: Вы не думаете, что необычно, чтобы во время экспериментальной серии, которую вы и Рашер проводили совместно, Гиммлер внезапно приказал Рашеру о специальных экспериментах?

Ромберг: Да. У меня нет особых сведений в этом направлении, но в принципе нет ничего необычного, когда два человека работают совместно над некой работой, и один из них получает дополнительное задание от своего начальника для проведения собственной работы. Далее, Рашер также работал в Шёнгау в то же время от имени воздушного округа VII. Я сам, имел собственную работу в ДВЛ, которую проводили мои сотрудники и о которой я спрашивал находясь в Берлине. Никто не может оспорить факт, что Гиммлер, как рейсхфюрер СС и глава германской полиции и как босс Рашера постольку поскольку он являлся членом СС, имел право давать задания своим подчиненным и приказывать им проводить эксперименты на подопытных в концентрационном лагере.

.....

Форверк: Итак, по вашему мнению, в чём различие между вашим присутствием на экспериментах по спасению с больших высот и вашим случайным присутствием во время экспериментов Рашера?

Ромберг: В экспериментах по спасению с больших высот я не просто присутствовал. Я сам проводил эксперименты. То есть, я сам вызывал подопытных, или иногда Рашер их вызывал. Конечно, тогда я объяснял людям, что надо делать, что им писать, чему уделять особое внимание, и чтобы они при записи электрокардиограммы, с целью не мешать ей, не двигались; и затем, когда начинался эксперимент я сам руководил экспериментом. Я следил за высотой ртутного датчика, и рассчитывал скорость подъёма и снижения, которую я засекал по секундомеру. Конечно, в то же время я наблюдал за подопытным, другими словами, лицами в экспериментах. В экспериментах Рашера, которые были на определенной высоте – то есть, подопытные поднимались на определенную высоту и затем оставались на этой высоте – я иногда наблюдал если находился в барокамере, но иначе он проводил такие эксперименты в одиночку также как он делал, когда я не присутствовал. Он даже сильно настаивал на проведении их в одиночку. Теперь мне ясно, что он не хотел, чтобы я наблюдал особые результаты; вот видимо, почему он проводил другие эксперименты вечером, когда я уезжал.

Форверк: После первой смерти было вскрытие?

Ромберг: Да, было вскрытие.

Форверк: Вы в нём участвовали?

Ромберг: Нет я не участвовал. Я присутствовал и наблюдал за вскрытием.

Форверк: Почему вы наблюдали за вскрытием, если это был не ваш эксперимент?

Ромберг: Конечно, сегодня это выглядит по другому чем тогда. Для меня это было само собой разумеющееся. Рашер был моим коллегой. У него случился фатальный случай в эксперименте. Он попросил меня посмотреть на вскрытие и конечно я пошёл. Я также имел вполне естественный научный интерес к причине смерти, и выводах, и я признаю это откровенно, хотя я в курсе, что любой может сказать, что я тоже был заинтересован в смерти человека, но это случается в каждом госпитале; все доктора наблюдают за вскрытиями. Если, например, в хирургическом отделении, пациент умер после операции, тогда главный врач или если у него не было времени старший врач, и другие доктора, которые не имели особого отношения к пациенту, наблюдают вскрытие, и в целом даже рентгенологи приходят, у которых вообще нет пациентов. Помимо этого если бы я не присутствовал, это бы сегодня посчитали недопустимой нехваткой интереса к смерти – если бы я не принял приглашение Рашера. Если бы такая смерть случилась

во время эксперимента с центрифугой в нашем институте, если бы такой несчастный случай случился не находясь в сфере моей работы, я бы точно пошёл посмотреть на вскрытие. Следует учиться на результатах; это обязанность доктора. Следует смотреть на такие вещи для того, чтобы можно было сделать свои собственные выводы и избегать последующих инцидентов.

Форверк: Вы видели какие-либо последующие вскрытия Рашера?

Ромберг: Нет.

Форверк: Почему нет?

Ромберг: После этой смерти произошло полное изменение моего отношения к Рашеру и план нарушить эксперименты, таким образом в случае последующих смертей я не присутствовал из-за такого отношения. Мне не кажется, что он также приглашал меня на вскрытия, и в условиях Дахау я не мог пойти на них по своей инициативе.

Форверк: Вы спрашивали Рашера о том почему случилась смерть, или предупреждали его перед смертью?

Ромберг: Да, я уже сказал, что я присутствовал при экспериментах также как я иногда присутствовал на другой серии экспериментов, чисто из любопытства, я иногда следил и за ними. Тогда не было причины не доверять, но я смотрел за ними из любопытства. Так случилось, что я присутствовал при несчастном случае при эксперименте и смотрел на электрокардиограмму подопытного. На экране электрокардиографа можно видеть маленькую точку, которая движется, и она показывает работу сердца. Когда мне показалось, что она стала опасной, что работа сердца замедлилась, я сказал Рашеру: «Тебе лучше остановиться».

Форверк: И что сделал Рашер?

Ромберг: Ничего. Он сохранял высоту и внезапно случилась смерть.

Форверк: Когда вы наблюдали электрокардиограмму было достаточно ясно, что лицо умрёт за несколько секунд?

Бромберг: Нет, конечно нет. Прежде всего я никогда не видел смерть на большой высоте. Это была первая, что я увидел. Я не мог этого знать, во вторых, эта смерть случилась из-за воздушной эмболии и поэтому внезапно. В-третьих, изменение электрокардиограммы было сомнительным. Я сам бы остановил эксперимент на этой стадии, но он нет. Я только высказался, потому что я бы остановил эксперимент в тот момент.

Форверк: Вы говорили с Рашером об этом после эксперимента?

Ромберг: Мне было невозможно возразить позиции Рашера, но я говорил ему о том, что такое не должно случаться.

Форверк: И, что ещё вы сделали?

Ромберг: После той смерти я поехал в Берлин и рассказал об этом Руффу. Руфф согласился со мной в том, что нельзя допускать смерть при экспериментах с большой высотой и их никогда не случалось раньше. Однако поскольку Рашер, проводил эти эксперименты для Гимmlера с людьми которых приговорили к смерти, мы не видели способа препятствовать Рашеру после подготовки официального отчёта. В целом, когда делались возражения, Рашер просто ссылался на приказы от Гимmlера и тот факт, что он его прикрывал. Совершенно невозможно было вывезти камеру из Дахау вопреки воле Гимmlера и Рашера. И приводить смерть в качестве причины для вывоза камеры было ещё более невозможно. В первую очередь Гимmlер бы не отреагировал. Он точно бы не отдал камеру. Он мог начать разбирательство за измену или саботаж военных экспериментов. Фактически, я доложил об этом Руффу, вопреки своей подписки о неразглашении в концентрационном лагере. Как и любой другой посетитель концентрационного лагеря я должен был подписать подписку о неразглашении того, что я видел в лагере. Кроме того, в начале экспериментов Рашер получил специальную телеграмму от Гимmlера приказывающую молчать об этих экспериментах. Особое обязательство о секретности подкреплялось этим приказом Гимmlера. Поскольку я доложил о вопросе Руффу вопреки секретному обязательству, мне также следовало получить прикрытие в этом вопросе, и по этой причине мы не могли приводить смерть в качестве причины вывоза камеры из Дахау, помимо факта, что у этого не будет успеха.

Поэтому, после некоторых раздумий мы решили, что единственной возможностью для Руффа было добиться от Мильха или Гиппке просьбы о вывозе камеры, приводя предлог, что она требуется на фронте. С другой стороны, я должен был завершить эксперименты настолько быстро насколько возможно для того, чтобы Гимmlеру можно было сказать, что эксперименты завершены и что мы смогли подтвердить это, а значит мы можем попросить вывоза камеры из Дахау. Иначе бы Гимmlер несомненно приказал продолжать эксперименты пока не будет достигнута изначальная цель, то есть, выяснение вопроса о спасении с больших высот, и он бы несомненно добился у Геринга или даже Гитлера продления нахождения камеры. Он бы сказал, что использование этой камеры на фронте было неважным в сравнении с экспериментами в Дахау, и он бы не отдал эту камеру.

Если бы я сам не вернулся в Дахау, тогда Рашер проводил бы эксперименты по спасению с больших высот в одиночку; он бы несомненно продолжил свою эксперименты. По этой причине я неохотно вернулся в Дахау.

Форверк: Итак, какой была цель вашей поездки в Берлин?

Ромберг: Целью было доложить Руффу.

Форверк: Это было единственной целью.

Ромберг: Да.

Форверк: Как вы объяснили эту поездку Рашеру?

Ромберг: Я сказал Рашеру, что я поеду из-за состояния жены. Моя жена родила в марте, это было хорошим предлогом для моей поездки в Берлин.

Форверк: Сколько вы были в Берлине?

Ромберг: Только 1 или 2 дня; потом я поехал в Дахау.

Форверк: Итак, перед тем как вы уехали вы убедились в том, что Руфф, сделает, что-нибудь в ответ на ваш доклад, он сделал, что-либо для вывоза камеры из Дахау?

Ромберг: Да. Руфф попытался связаться с Гиппке, но не смог тогда, а значит я не знаю, что происходило и что было сделано.

Форверк: Вы заметили, что-либо особое в камере, когда вы вернулись в Дахау?

Ромберг: Да. Когда я вернулся, барометр был сломан, как уже говорил Нефф; и я должен был поехать в Берлин для ремонта барометра.

Форверк: Сколько на этот раз вы оставались в Берлине?

Ромберг: Сколько требовалось для ремонта; около 2 недель.

Форверк: Значит в это время не было экспериментов?

Ромберг: Нет.

Форверк: Когда эксперименты возобновились?

Ромберг: В начале мая или середине мая я вернулся с отремонтированным аппаратом; затем мы завершили эксперименты настолько быстро насколько возможно.

Форверк: Вы сократили программу, которую запланировали или изменили её как-либо, или следовали тому же пути?

Ромберг: Нет. Мы сократили её. У нас были спешные эксперименты на разных высотах с целью завершить всё насколько возможно быстро, но таким образом, чтобы это было действительно завершено с адекватными результатами.

Форверк: Когда случилась вторая смерть при которой вы присутствовали?

Ромберг: Это было спустя несколько дней после моего возвращения в Дахау.

Форверк: Смерть подопытного случилась похожим образом как и первая?

Ромберг: В целом, да. Я точно не знаю, что произошло. Насколько помню, это был эксперимент на достаточно большой высоте, и смерть случилась быстрее, более внезапно.

Форверк: И когда случилась третья смерть в вашем присутствии?

Ромберг: Это было сразу после этого, на следующий день или второй день.

Форверк: После этих смертей, у вас, когда-либо были споры с Рашером об этих экспериментах и способе их проведения?

Ромберг: Да, у нас были небольшие споры возникшие из-за моих возражений, которые он всегда отказывался принимать; но после третьей смерти, когда я снова стал возражать, он сначала сказал, что Гиммлер приказал и чтобы я не вмешивался. Когда я позднее снова поднял тему, он потерял терпение и вышел из себя. Я спросил его почему он проводит эти эксперименты; чего он хотел добиться. Он сказал, что хотел выяснить проблему кессонных болезней, то есть воздушной эмболии, потому что так приказал Гиммлер. Он был первым человеком подтвердившем эти воздушные пузырьки в крови во время вскрытия под водой. Также следовало прояснить вопрос электрокардиографии кессонной болезни и высотной болезни, так как Гиммлер поставил ему особую задачу, и Фаренкамп должен был делать эту работу вместе с ним. Более того он хотел квалификации профессора за свою работу.

Затем он показал мне письмо и прочёл мне о том, что эксперименты следует продолжать; что профессор Фаренкамп был вызван; и что люди выжившие в экспериментах, конечно будут помилованы. Затем он забрал у меня письмо и спросил могу ли я прочесть подпись Гиммлера и удовлетворён ли я этим.

Форверк: Это письмо было 1971-Б-ПС, экземпляром обвинения 51?

Ромберг: Да, 1971-Б-ПС, экземпляр обвинения 51.

Форверк: И на что указывало это письмо?

Ромберг: Что же оно показывало, что Гиммлер действительно приказал эти эксперименты и что, следовательно он, имел полное официальное прикрытие, что подопытных следовало миловать. В письме говорится: «Конечно, лиц приговорённых к смерти следует помиловать пожизненным заключением в концентрационном лагере». Затем оно говорит, что с Фаренкампом проконсультировались. На следующей странице говорится, что этот приказ Гиммлера пошёл начальнику полиции безопасности и СД и бригадефюреру Глюксу, с копией для их сведения.

Форверк: Рашер предоставил вам какую-либо дальнейшую информацию из письма?

Ромберг: Поскольку письмо заставило меня ничего не делать, я спокойно спросил его, в чём заключается идея этих экспериментов, что он хотел сделать, чего хотел добиться. Он сказал, что доктор Фаренкамп поможет ему и что у него будут электрокардиограммы сбоя сердца по самым разным поводам и что он сравнит их с электрокардиограммой в случае смерти на большой высоте при изменении с тяжёлой высотной болезни на последующее восстановление. Далее, в госпитале Мюнхена у него были электрокардиограммы в случае нарушений работы сердца. В Дахау, он сказал, что он также зарегистрировал электрокардиограммы, когда были расстрелы. Если он сможет собрать воедино весь материал с кардиологом, тогда у этого, конечно будет достаточная ценность.

.....

Форверк: Итак, вы, что-либо делали, и что, с целью остановить эксперименты Рашера и вы подвергались опасности из-за этого, и если так, то как?

Ромберг: То, что я делал было вопреки приказам Гиммлера и вопреки подписки о неразглашении, тот факт, что я сообщил об инцидентах своему боссу, который передал информацию – всё это было опасно. Следует понимать условия, если бы Гиммлер узнал это. Свидетель Нефф описывал моё отношение к экспериментам. Он подтвердил, что я вмешивался в одном случае в его присутствии. Вероятно он ничего не знал о других моих возражениях. В целом, дискуссии между Рашером и мной не проходили в присутствии заключенных. Барокамера была вывезена из Дахау раньше запланированного по нашей инициативе. Вопреки желаниям Рашера и Гиммлера, она никогда не возвращалась в Дахау. Степень обвинений предъявленных СС в данном направлении видна из документа. Эти усилия начались с телеграммы Вольфа Мильху 12 мая, на что был отрицательный ответ Мильха от 20 мая. (343-А-ПС, экз. обв. 62). В ответ на дальнейшие усилия Гиммлера, Мильх приказал, чтобы камера оставалась в Дахау на 2 месяца дольше. Документ НО-284, экземпляр обвинения 64 это ответ на письмо от 5 июня. Само письмо к сожалению не доступно. Это письмо, без сомнения, говорит, что камера была вывезена из Дахау в мае, в то время как обвинение предполагает, что эксперименты продолжались до августа. Тогда была определенная пауза в усилиях Рашера и Гиммлера, потому что Рашер был занят в экспериментах с холодом. Когда фильм показывали в министерстве авиации в Берлине, Рашер снова не забыл сказать Мильху о своих видах на барокамеру. Но вряд ли имея первую фазу экспериментов с холодом – серию с Хольцлохнером – завершённой, когда он писал Гиммлериу 9 октября (1610-ПС, экз. обв. 73). Он просит Гиммлера получить для него барокамеру, для того, чтобы он мог экспериментировать и квалифицироваться как профессор. В письме от 21 октября 1942 (НО-226, экз. обв. 75), Зиверс пишет Брандту о продолжении экспериментов с большой высотой, которых хочет Гиммлер, но зная о существующих сложностях, или по другим причинам, он добавляет, что Гиммлер не сомневается, в том, чтобы написать Мильху для получения камеры. Это случилось 27 ноября 1942 (НО-269, экз. обв. 78) – письмо от Вольфа Мильху от имени Гиммлера. Явная просьба барокамеры, которая выражена в письме даёт точное подчеркивание упоминание оппозиции докторов Люфтваффе. Я узнал из телефонного звонка от Зиверса, который он упоминал в своих показаниях, что он должен был купить барокамеру для Рашера от имени Гиммлера. Я был сильно потрясён этим телефонным звонком, потому что я очень хорошо знал, что Рашер точно не хочет делать это публичным. Итак, этот телефонный звонок всё прояснил.

Тогда я проинформировал Руффа об этом звонке и он заставил Бекер-Фрейзинга предпринять последующие шаги, как он говорил вчера. В официальном письме в различные службы СС, датированном 13 декабря 1942 (1612-ПС, экз. обв 79), Рашер приводил личную задачу Гиммлера о проведении экспериментов с большой высотой. 14 марта 1943 (НО-270, экз. обв. 110), Рашер рассказал о своих дискуссиях с Гиппке и снова сказал, что хочет проводить эксперименты с барокамерой, совместно со мной; посредством соглашения совета исследований Рейха с Гиммлером, получив передвижную барокамеру с целью проведения экспериментов. Вместе с тем, несмотря на усилия Рашера и Гиммлера, Рашер никогда вновь не получал в своё распоряжение барокамеру для экспериментов.

Форверк: Что же, что вы хотите подтвердить этими заявлениями?

Ромберг: Это без сомнения подтверждает, насколько велики были усилия Рашера и Гиммлера и что моё поведение в таких обстоятельствах было не только не трусливым, но что даже более грамотным и более успешным. Даже если бы у меня были какие-либо юридические обязательства помешать ему силой, если бы у меня были какие-либо обязательства напасть на Рашера и если бы я попытался и не смог, тогда меня бы посадили или убили и Рашер смог бы продолжать свои эксперименты длительное время без ограничения.

Форверк: Тогда, в Германии существовала возможность сопротивляться, и что вы видели под такой возможностью?

Ромберг: Было возможно только три типа сопротивления. Прежде всего, эмиграция для лица, которое могло; второе, открытое сопротивление, что означало концентрационный лагерь или смертную казнь, и по моим сведениям никогда не имело никакого успеха; третье, пассивное сопротивление видимым выполнением, переключением и затягиванием приказов, критикой среди своих друзей, короче, то что писатели сегодня называют «внутренней эмиграцией». Но у этого мало общего с вопросом. Что касается непосредственно вопроса предотвращения, я хочу сказать, нечто большее. Приводя пример из медицинской сферы, мне неизвестно и я не могу представить, например, чтобы ассистент научного работника, который делает инъекции смертельной болезни, например, лепры, заключенному, чтобы этот ассистент помешал вводить учёному эту инфекцию силой – вероятно выбив у него из рук шприц и закричав: «Не делай этого, человек умрёт!». Я могу представить, что некий ассистент, по личным причинам, откажется участвовать в таких экспериментах, но я не могу представить, что если будет процесс против такого доктора обвинение потребует, чтобы ассистент мешал учёному таким образом.

Форверк: Значит вы убеждены, что помешать силой было невозможно?

Ромберг: Да.

Форверк: Но вы могли предъявить обвинения, например в полиции или прокуратуре против Рашера?

Ромберг: Да, конечно, я мог бы, но если бы я пошёл и сказал: «Рашер проводит эксперименты, приказанные Гиммлером – главой германской полиции и кем он там ещё был – рейхсфюрером СС, государственным секретарём министерства внутренних дел», они бы вероятно сказали: «Ну, нам с этим ничего не поделать. Если это его приказ ничего не поделаешь».

2. Эксперименты по обморожению

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Шрёдеру, Гебхардту, Рудольфу Брандту, Мруговски, Поппендику, Зиверсу, Бекер-Фрейзингу и Вельцу вменялась особая ответственность за участие в преступных деяниях включающих эксперименты по обморожению (пар. 6 (Б) обвинительного заключения). По данному обвинению подсудимые Хандлозер, Шрёдер, Рудольф Брандт и Зиверс были признаны виновными. Подсудимые Карл Брандт, Гебхардт, Мруговски, Поппендик, Бекер-Фрейзинг и Вельц были оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительного обзора против подсудимого Зиверса

Эксперименты по обморожению

До завершения экспериментов с большой высотой, подсудимым Вельцем и его подчинённым Рашером были приказаны эксперименты по заморозке. Это можно видеть из письма от 20 мая 1942 Мильха Карлу Вольфу (343-А-ПС, экз. обв. 62). Спустя недолгое время, Рашер провёл совещание с Гиппке и экспериментальной командой включающей Яриша, Хольцлохнера и Зингера. Рашер явился к Гиммлеру 15 июня 1942 и передал просьбу Гиппке проводить эти эксперименты в Дахау. Он заявил: «Также было решено, чтобы инспектор отдавал мне приказы всё время экспериментов» (НО-283, экз. обв. 82). Исследовательская задача была поставлена отделом авиационной медицины (2 II В) подчинённом Антони, с подсудимым Бекер-Фрейзингом в качестве его заместителя.

Эксперименты с обморожением холодной водой начались 15 августа 1942 и продолжались до начала 1943. Они проводились Хольцлохнером, Финке и

Рашером, все из них были офицерами медицинской службы Люфтваффе. Хольцлохнер и Финке сотрудничали с Рашером до декабря 1942. Как сказал Рашер в своей бумаге о своей медицинской подготовке: «По приказу рейхсфюрера СС и генералоберштабсарцта, профессора, доктора Гиппке, я проводил «Эксперименты по спасению замёрзших лиц» (начались 15 августа 1942), в сотрудничестве – 4 месяца – с профессором доктором Хольцлохнером и доктором Финке обеими из университета Киля» (НО-230, экз. обв. 115) Рашер также говорил, что: «С мая 1939 до сих пор я находился на военной службе воздушных сил». Меморандум был датирован 17 мая 1943. Из этого следует, что во время всех экспериментов с большой высотой и по сути всех экспериментов с обморожением, Рашер находился на действительной службе в Люфтваффе, а не в СС. До мая 1943 он не переходил на действительную службу в Ваффен-СС. В его экспериментах конечно поддерживали и Люфтваффе и СС.

Свидетель Нефф, который был заключенным, помощником в экспериментах свидетельствовал о том, что эксперименты с обморожением в концентрационном лагере Дахау начались в конце июля или в августе 1942. Они проводились Рашером, Хольцлохнером и Финке. В октябре, Хольцлохнер и Финке уехали и Рашер продолжал в одиночку проводить эксперименты по заморозке до мая 1943. Рашер, Хольцлохнер и Финке использовали ледяную воду для своих экспериментов с обморожением. На экспериментальной станции Рашера блоке 5, был построен экспериментальный бассейн длиной в 2 метра и высотой в 2 метра. Эксперименты проводились следующим образом: бассейн наполнялся водой и затем добавлялся лёд пока вода не достигала 3 С°. Подопытные одетые либо в лётный костюм, либо обнажёнными, помещались в холодную воду. Наркотики использовались не часто. Всегда требовалось время для так называемого «замораживающего наркоза» заставляющего подопытных терять сознание, и подопытные ужасно страдали. Температура жертв измерялась ректально и через желудок с помощью гальванометра. Они теряли сознание при температуре тела 33 С°. Эксперименты действительно продолжались до охлаждения подопытных лиц до 25 С° температуры тела. Эксперимент с двумя русскими офицерами, которых поместили в ледяную воду в бассейне был особенно жестоким. Эти двое русских всё ещё находились в сознании спустя 2 часа. Рашер отказался вводить инъекцию. Когда один из заключенных присутствовавших при эксперименте попытался ввести двум жертвам анестезию, Рашер пригрозил ему пистолетом. Оба подопытных умерли после нахождения по крайней мере 5 часов в ужасном холоде. Приблизительно от 280 до 300 подопытных были использованы для такого типа экспериментов по обморожению, но в действительности было проведено от 360 до

400 экспериментов, поскольку многих подопытных использовали в экспериментах по два или три раза. Приблизительно от 80 до 90 подопытных умерло. От 50 до 60 заключенных использовались в экспериментах Хольцлохнера-Финке-Рашера и приблизительно от 15 до 18 из них умерло. Политические заключенные, немемецкие граждане и военнопленные использовались для этих экспериментов. Много использованных заключенных не были «приговорены к смерти». Подопытные не являлись добровольцами для экспериментов.

Хотя есть предположение о том, что заключенные приговорённые к смерти использовались во всех экспериментах, что неправда, «защита» о том, что они вызывались добровольно соглашаясь с тем, что их смертные приговоры заменялись бы пожизненным заключением неверна. Во время экспериментов с большой высотой Гиммлер распорядился о том, чтобы в дальнейших экспериментах с наблюдением длительной работы сердца убитых подопытных следовало использовать приговорённых к смерти и если бы они оживали, их следовало «миловать» пожизненным заключением в концентрационном лагере. (1971-Б-ПС, экз. обв. 51). Рашер видимо заключил, что данный приказ также применим к экспериментам по обморожению. 20 октября 1942, Рашер уведомил Рудольфа Брандта о том, что только поляки и русские использовались для таких экспериментов и что только некоторые из этих лиц были приговорены к смерти. Он запросил применима ли «амнистия» Гиммлера к русским и полякам. (1971-Д-ПС, экз. обв. 52). Брандт сказал ему, что она не применима. (1971-Е-РС, экз. обв. 52).

Эксперименты с сухой заморозкой проводились Рашером в январе, феврале и марте 1943. Одного подопытного поместили ночью на носилки и вынесли на улицу. Его укрыли льняным покрывалом, но обливали его ведром холодной воды каждый час. Он оставался на улице до утра и затем его температуру измеряли. В следующей серии экспериментальный план был изменён и подопытных лиц оставляли обнажёнными на улице много часов вообще не укрывая. Одна серия проводилась на 10 заключенных, которые оставались обнажёнными на улице ночью. Сам Рашер присутствовал приблизительно на 18-20 экспериментах такого типа. Приблизительно трое подопытных умерло в результате экспериментов с сухой заморозкой.

По приказу Гравица и Рашера, был проведён массовый эксперимент с 100 подопытными. Так как Рашер не присутствовал, Нефф смог прервать эксперимент заводя подопытных внутрь, и поэтому смертей не случилось во время этой экспериментальной серии. В самом долгом эксперименте подопытные оставались на улице на холоде с 6 вечера до 9 утра, следующего утра. Самая низкая температура, которую Нефф смог вспомнить во время экспериментов с сухой заморозкой была

температурой тела 25 С°. Так как Рашер запретил, чтобы эксперименты проводились с анестезией, подопытные испытывали сильную боль и кричали в такой степени, что невозможно было проводить дальнейшие эксперименты. Поэтому Рашер попросил Гиммлера проводить такие эксперименты в будущем в концентрационном лагере Аушвиц. Немецкие граждане и политические заключенные находились среди подопытных. Никто из них не был приговорён к смерти. Они добровольно не вызывались на эксперименты.

В связи с экспериментами по обморожению, Нефф далее свидетельствовал о том, что в сентябре 1942 он получил приказы от Зиверса отдать сердца и лёгкие пяти подопытных, которых убили в экспериментах, профессору Хирту в Страсбурге. Путевой лист для Неффа была подготовлен Зиверсом и общество «Аненербе» оплатило расходы по перевозке тел. Один из пяти убитых подопытных был голландским гражданином. Зиверс посещал экспериментальную станцию довольно часто во время экспериментов по обморожению.

Показания Неффа согласуются с письменными показаниями подсудимых Рудольфа Брандта и Бекер-Фрейзинга (НО-242, экз. обв. 80; НО-448, экз. обв. 81) и показаниями свидетеля Лютца, и документальными доказательствами в материалах дела.

15 июня 1942 Рашер проинформировал Гиммлера о том, что инспектор медицинской службы Люфтваффе Гиппке, получил разрешение на проведение экспериментов с холодом в Дахау проводимых Рашером и Хольцлохнером в концентрационном лагере Дахау (НО-283, экз. обв. 82). 10 сентября 1942, Рашер представил свой первый промежуточный отчёт об экспериментах с заморозкой Гиммлеру. В сопроводительном письме Рашер заявил о том, что Хольцлохнер, который участвовал в проведении экспериментов от имени Люфтваффе, запланировал лекцию о предмете обморожения на «совещании по холоду» Люфтваффе 26-27 октября в Нюрнберге. Рашер проинформировал Гиммлера о том, что «Зиверс который сопровождал эксперименты в Дахау прошлую неделю, убеждён в том, что если какой-либо доклад будет сделан на встрече, я буду вызван для представления отчёта» (НО-234, экз. обв. 83). Сам промежуточный отчёт показывал, что случались смертельные случаи как результат экспериментов Рашера-Хольцлохнера-Финке и выступал за ускоренный разогрев сильно обмороженных лиц. Рашер, считал, что разогрев животным теплом будет слишком медленным и что эксперименты в таком отношении излишне. Он озвучивал похожее мнение об использовании наркотиков для цели разогрева (1618-ПС, экз. обв.). Гиммлер, уведомляя о получении отчёта Рашера от 22 сентября, вместе с тем распорядился, чтобы были проведены эксперименты с разогревом посредством наркотиков и тепла

тела. Копия данного приказа Гиммлера была переслана Зиверсу 25 сентября (1611-ПС, экз. обв. 85).

На основании приказа Рашер обратился к Зиверсу о предоставлении четырёх цыганок для цели разогрева подопытных. (НО-285, экз. обв. 86). Видимо усилия Зиверса в данном отношении, привели к серии телеграмм для перевода этих женщин из концентрационного лагеря Равенсбрюк в Дахау. Рудольф Брандт действительно руководил переводом. (1619-ПС, экз. обв. 87). Четыре женщины прибыли в ноябре 1942 в Дахау. Трех из них использовали для разогрева замёрзших подопытных, одну исключили из-за того, что она относилась к «нордическому» типу. То, что эти подопытные не являлись добровольцами видно из замечания одной из этих женщин. «Лучше полгода в борделе чем полгода в концентрационном лагере» (НО-323, экз. обв. 94). Данная серия экспериментов, которая была не только убийственной, но и грязной, проводилась Рашером между ноябрём 1942 и февралём 1943. Его отчёт Гиммлеру раскрывает, что один из подопытных умер в результате серии экспериментов (1616-ПС, экз. обв. 105).

8 октября 1942, штабсаржт профессор Антони из медицинской инспекции Люфтваффе обратился к Гиммлеру с информацией о том, что о результатах экспериментов с водным обморожением проводимых Рашером при содействии Хольцлохнера и Финке следовало прочесть Хольцлохнеру во время «совещания по холоду» 26-27 октября в Нюрнберге. (НО-286, экз. обв. 88, сравните НО-234, экз. обв. 83). 16 октября Рашер также попросил разрешения Гиммлера раскрыть результаты экспериментов по обморожению во время «совещаний по холоду» (НО-225, экз. обв. 89). В тот же день Рашер представил Гиммлеру свой заключительный отчёт об экспериментах с обморожением, проведённых в сотрудничестве с Хольцлохнером и Финке. Данный отчёт не включал эксперименты по разогреву посредством наркотиков и тепла животного тела, которые тогда ещё продолжались. (1613-ПС, экз. обв. 90).

Данный отчёт «Эксперименты по охлаждению на людях» Хольцлохнера, Рашера и Финке, полностью согласуется с показаниями свидетеля Неффа относительно серии экспериментов с сухим обморожением и подтверждает, что случилось много смертельных случаев. Он показывает, что некоторые подопытные подверглись такому ужасному типу экспериментирования без получения анестезии, которая бы значительно снизила их боль. Страдания подопытных живо описывались. Пена шла изо рта подопытных, в результате затруднялось дыхание и возникал отёк лёгких. Охлаждение шеи и затылка подопытных вызывало особо болезненные ощущения. Прогрессирующий озноб, который очень сильно развивался в конечностях мышц рук, цианоз и общее нарушение работы сердца

наблюдались экспериментаторами. Горячие ванны оправдывались как лучший уход за сильно замёрзшими лицами. Смертельные случаи происходили из-за сердечных приступов и отёка мозга, и длительно обсуждались меры предотвращения таких исходов. (НО-428, экз. обв. 91).

Зиверс отрицал, что Рашер докладывал ему об экспериментах с обморожением, но признал, что он периодически получал отчёты Рашера от Гиммлера. Но показания свидетеля Неффа не только подтвердили, что Рашер представлял «Аненербе» ежемесячно, кварталом, раз в полгода отчёты, подробно описывающие характер и статус своих экспериментальных исследований, но также и то, что заключительный отчёт Рашера, Хольцлохнера и Финке (НО-1428, экз. обв. 91) пересылался ему.

24 октября 1942 Гиммлер уведомил о получении данного отчёта, который он прочёл «с большим интересом» и поручил Зиверсу «возможность оценки институтами связанными с нами». (1609-ПС, экз. обв. 92).

26 и 27 октября, конференция о «медицинских проблемах возникающих из угроз моря и зимних опасностях» подготовленная инспектором медицинской службы Люфтваффе Гиппке, под председательством Антони и при содействии Бекер-Фрейзинга прошла в Нюрнберге. На этой конференции Хольцлохнер прочёл свою лекцию об экспериментах с обморожением под названием «Профилактика и лечение замёрзших в воде». Наиболее подробные клинические наблюдения описывали исключительно возможности наблюдений на людях, которых спасли, и ясно указывая на то, что проводились эксперименты по людям (НО-401, экз. обв. 93). Более того, Рашер сделал после лекции Хольцлохера заявление, которое ясно раскрывало, что эксперименты проводились на заключённых концентрационных лагерей. Ясно давалось понять, что случались смерти. Зиверс отрицал получение отчёта об этой конференции, но запись от 12 января в его дневнике от 1943 показывает, что он обсуждал с Рашером «получение меморандума о конференции относительно эффектов холода в Нюрнберге» (НО-538, экз. обв. 122).

6 ноября 1942 Рашер переслал меморандум в личный штаб Гиммлера, ведомство подсудимого Рудольфа Брандта, относительно содействия доктора Кремера из медицинской исследовательской станции горноегерских медицинских подразделений Санкт-Иоганна. Это была школа подчинённая Хандлозеру как медицинскому инспектору армии. В данном меморандуме Рашер выступал за эксперименты с сухим обморожением на заключённых концентрационных лагерей в горном регионе Байришцелле. Целью было исследовать наличие лучшего прогноза при травмах конечностей из-за обморожения на лицах привыкших к холоду чем у лиц к нему не привыкших. Рашер сказал, о том что Кремер слышал его отчёт в

Нюрнберге и был крайне заинтересован в экспериментах. Он просил посмотреть на некоторые в процессе. (НО-319, экз. обв. 96; 1579-ПС, экз. обв. 97). Гиммлер дал своё разрешение на такого типа эксперимент с сухим обморожением в приказе датированном 13 декабря 1942, в котором он приказал Рашеру проведение экспериментов с большой высотой и трёх различных типов экспериментов с охлаждением. Копии данного приказа были переданы в различные службы СС и общество «Аненербе» (1612-ПС, экз. обв. 79) письмо Гиммлера содержало следующую директиву:

«5. Предоставление аппаратуры необходимой для всех экспериментов следует подробно обсудить с ведомствами главного врача СС, главным административно-хозяйственным управлением и с «Аненербе»....

Доказательства подтверждают, что до 21 октября 1943, Рашер получил задачу от Бломе из совета исследований Рейха о проведении экспериментов по обморожению на открытом воздухе. (НО-432, экз. обв. 119). Зиверс помогал Рашеру в вопросе получения места и личного состава для данных экспериментов. (3456-ПС, экз. обв. 123).

13 января 1943, Рашер провел с Гравицем и подсудимым Поппендиком совещание относительно экспериментов по обморожению. На этом совещании подробно обсуждались эксперименты Рашера по обморожению. Он отмечал положение о том, что работал с «Аненербе» и что он докладывал «Аненербе». Запись Рашера об этом совещании налицо показывает, что эксперименты по сухому обморожению проводились им и что Гравиц просил его проводить дальнейшие эксперименты с сухим обморожением до наличия «нескольких сотен образцов». Эта запись была направлена Зиверсом подсудимому Брандту 28 января. (НО-320, экз. обв. 103). В своём сопроводительном письме Зиверс просил мнения Брандта о своём и Рашера отношении в отношении позиции Гравица, с просьбой о том, чтобы Брандт усилил своё положение перед Гравицем, который считал «невыносимой ситуацией о предоставлении не врачу информации о медицинских вопросах». То чего хотел добиться Зиверс было вмешательством Брандта с Гиммлером от своего имени, и поэтому он подчёркивал свою личную важность говоря:

«Моя обязанность лишь включает облегчение пути для исследователей и надзор за тем, чтобы задачи рейхсфюрера СС выполнялись наиболее быстрым путём. Об одной вещи я точно могу сформировать мнение – то есть, о том кто делал работу быстрее.

Если вещи в будущем будут следовать пожеланиям группенфюрера СС Гравица, боюсь, что работа доктора Рашера

не будет продвигаться настолько же быстро и беспрепятственно как сейчас». (НО-320, экз. обв. 103).

17 февраля, Рашер переслал свой отчёт о результатах эксперимента в котором животное тепло использовалось для разогрева сильно замёрзших лиц. (1616-ПС, экз. обв. 105). В своём сопроводительном письме Гиммлеру, он проинформировал его о том, что он проводил эксперименты с сухим холодом в Дахау. Тридцать подопытных подверглись экспериментам и были помещены на уличный холод на 9-14 часов, соответственно снизив температуру тела до 27-29 С°. Конечности подопытных побелели. Рашер предложил большие серии экспериментов в концентрационном лагере Аушвиц. Это место было бы подходящим для такого экспериментирования, потому что там было холоднее, и открытое пространство лагеря «сделало бы эксперименты менее подозрительными», так как подопытные *кричат* [курсив составителей], при сильном охлаждении». (1616-ПС, экз. обв. 105). Гиммлер дал Рашеру разрешение проводить дополнительные эксперименты по заморозке в концентрационных лагерях Аушвиц и Люблин. (1615-ПС, экз. обв. 109).

Письмо Рашера подсудимому Рудольфу Брандту, датированное 4 апреля 1943, раскрывает ещё одну серию экспериментов с сухим обморожением проводимых на заключенных концентрационного лагеря Дахау в период морозной погоды. Некоторые из подопытных подверглись холоду – 6 С° на открытом воздухе на 14 часов и дошли до внутренней температуры 25 С°. (НО-292, экз. обв. 111). Три смертельных случая, согласно показаниям Неффа возникших из экспериментов с сухим обморожением видимо случились во время этой серии экспериментов.

11 апреля 1943 Рашер представил Гиммлеру короткий отчёт об «экспериментах на людях находящихся на открытом воздухе» (НО-240, экз. обв. 112). Сам отчёт не доступен, но письмо подсудимого Рудольфа Брандта от 16 апреля Рашеру подтверждает, что подсудимый Гебхардт получал его от Гиммлера для изучения (НО-241, экз. обв. 113). Совещание между Рашером и подсудимым Гебхардтом прошло в Хохенлихене 14 мая в присутствии подсудимого Фишера. Гебхардт обсуждал с Рашером эксперименты по обморожению и другие эксперименты проводимые в концентрационном лагере Дахау и пригласил Рашера для сотрудничества с собой. Рашер опасался утратить свою независимость и обратился к Зиверсу для урегулирования вопроса тактичным образом, так как Гебхардт был очень близким другом Гиммлера, и поэтому Рашер опасался его враждебности. (НО-231, экз. обв. 116). Зиверс в ответ, обратился по данному вопросу к Брандту 22 мая и запросил информацию о том отдавал ли Гиммлер какую-

либо директиву Гебхардту в отношении сферы действий и работы Рашера. Далее он попросил вмешательства Брандта от имени Рашера сказав:

«Я доверяю вам это дело и прошу вас в особенности использовать это строго для вашего личного сведения для того, чтобы доктор Рашер не столкнулся с какими либо сложностями группенфюрера СС, профессора, доктора Гебхардта» (НО-267, экз. обв. 117).

Когда Рашер посетил Гебхардта в Хохенлихене, последний обнадёжил его повышением до карьеры доцента университета. (НО-231, экз. обв. 116). Рашер последовал этому предложению и Зиверс абсолютно поддержал его и сотрудничал с подсудимыми Брандтом и Бломе для назначения Рашера доцентом университета. (НО-229, экз. обв. 118; НО-290, экз. обв. 121). То, что диссертация Рашера основывалась на экспериментах по охлаждению и экспериментах с большой высотой подтверждается меморандумом Рашера о своей медицинской подготовке, который он написал для целей диссертации (НО-230, экз. обв. 115) и иных доказательствах в материалах дела. (НО-240, экз. обв. 112).

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Зиверса

Эксперименты по охлаждению

Эксперименты по обморожению людей проводились в концентрационном лагере Дахау до конца 1942.

Нельзя отрицать, что жестокость проведения этих экспериментов приводила к причинению пыток и смерти подопытных лиц. Также, кажется необходимым различать между двумя группами экспериментов. Одна группа экспериментов проводилась профессором Хольцлохнером, доктором Рашером и доктором Финке, а другие проводились в одиночку Рашером. Первая группа экспериментов легко позволяет предположить, что возможные эффекты экспериментов на подопытных лиц принимались во внимание. В конце концов, имея сейчас сведения о Рашере, оправданным является утверждение, о том что во время экспериментов проводимых Рашером в одиночку, соображения об эффекте на жизнь и смерть используемых лиц не имели первостепенного значения. Единственные исключения, это вероятно эксперименты Рашера проводимые в присутствии третьих лиц, которые не участвовали.

По случаю административных совещаний в Дахау, обязательных для присутствия, Зиверс встретил профессора Хольцлохнера, доктора Финке и Рашера, которые только, что завершили эксперимент с замораживанием. Подопытное лицо находилось под лучом фонаря. Вот всё, что видел Зиверс на этом эксперименте.

Затем Зиверс наблюдал второй эксперимент по обморожению. Гиммлер проинструктировал профессора Хирта из Страсбурга посмотреть на работу Рашера по обморожению, поскольку он (Гиммлер) очевидно пришёл к выводу о том, что Рашер в одиночку не способен разъяснить научные и сложные вопросы. Для этого эксперимента был представлен профессиональный преступник которого обычный суд приговорил к смерти за кражу и убийство. Зиверс и доктор Хирт удостоверились в этом проверив материалы отдела криминальной полиции концентрационного лагеря Дахау. Затем доктор Хирт спросил подопытное лицо, осознаёт ли он, что эксперимент может закончиться для него смертью. Подопытное лицо ответило утвердительно.

Лично опросив подопытное лицо, Зиверс затем удостоверился в том, что тот согласился на эксперимент. Лицо ответило утвердительно и добавило: «Если не будет больно». Эту гарантию дали, потому что эксперимент проводился под общим наркозом. Зиверс не принимал участия во всём эксперименте, но он видел, что его проводили под общим наркозом.

Свидетель доктор Панценгрубер, в то время заключенный концентрационного лагеря Дахау и с 1942-1943 приданный станции доктора Рашера как химик, подтверждает, что использовалось лицо приговорённое к смерти.

Тот же свидетель подтвердил, что Зиверс не присутствовал во время других экспериментов с заморозкой. Доктор Панценгрубер смог установить это, из-за того, что его лаборатория находилась рядом с комнатой в которой доктор Рашер проводил свои эксперименты (Письменные показания доктора Панценгрубера, 14 марта 1947).

Дальнейшего присутствия Зиверса на экспериментах по обморожению не случилось и о нём никто больше не просил.

С целью подтвердить участие Зиверса в экспериментах по обморожению, обвинение указало на следующие документы:

Письмо Рашера Гиммлеру от 10 сентября 1942. «Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс, который наблюдал эксперименты в Дахау на прошлой неделе, если в ходе собрания вообще будет доклад, меня тоже следует вызвать для отчёта». (НО-234, экз. обв.).

Письмо Гиммлера Рашеру от 22 сентября 1942 в котором последний инструктирует Рашера о проведении экспериментов с быстрым ростом температуры

тела и ростом температуры тела посредством медикаментов и животного тепла. Зиверс получил копию данного письма для сведения 25 сентября 1942. (1611-ПС, экз. обв. 85).

Письмо Рашера доктору Р. Брандту от 3 октября 1942, которое содержит информацию о том, что он (Рашер) сразу же попросил Зиверса передать сообщение телетайпом коменданту лагерю заявляющее о том, чтобы четыре цыганки из другого лагеря были немедленно получены; что более того он попросил Зиверса предпринять шаги по предоставлении ему барокамеры; он наконец упоминал, что он проинформировал Зиверса о неудачном докладе фельдмаршалу Мильху. (НО-285, экз. обв. 85)

Записка Зиверса от 6 ноября 1942 относительно перевода Рашера в СС (НО-288, экз. обв. 95).

Письмо, датированное 12 января 1943 управляющего делами «Аненербе» обергруппенфюреру СС Вольфу, о переводе Рашера в Ваффен-СС. (НО-236, экз. обв. 101).

Письмо, датированное 28 января 1943 управляющего делами «Аненербе» в личный штаб рейхсфюрера СС относительно принятия работ доктора Рашера под защиту «Аненербе» согласно разговору от 14 января 1943 с главным врачом СС, доктором Гравицем. (НО-320, экз. обв. 103).

Записка, датированная 4 февраля 1943, управляющего делами «Аненербе» относительно отчёта доктора Рашера медицинской инспекции Люфтваффе о своей деятельности, поскольку он был объявлен находящимся в распоряжении. Далее Рашеру следовало перейти к оберштурмбаннфюреру СС профессору, доктору Пфанненштелю⁹⁶ 7 февраля 1943. (НО-238, экз. обв. 104).

Письмо, датированное 17 мая 1943, от доктора Рашера управляющему делами «Аненербе» относительно заявления Рашера о своём отчёте группенфюреру СС, профессору, доктору Гебхардту 14 мая 1943. (НО-231, экз. обв. 116).

Письмо, датированное 22 мая 1943 управляющего делами «Аненербе» доктору Р. Брандту относительно заявления Рашера о своём докладе группенфюреру СС, профессору, доктору Гебхарду. (НО-267, экз. обв. 117).

Письмо, датированное 27 сентября 1943 управляющего делами «Аненербе» доктору Брандту относительно присвоения доктору Рашеру звания профессора. (НО-229, экз. обв. 118).

---

⁹⁶ Вильгельм Пфанненштель (1890-1982) – немецкий врач. Штандартенфюрер СС (1944). Сотрудник расовых организаций СС.

Письмо, датированное 21 марта 1944 управляющего делами «Аненербе» доктору Р. Брандту о присвоении доктору Рашеру звания профессора. (НО-290, экз. обв. 121).

Далее обвинение, ссылается на показания данные 17 и 18 декабря 1946 свидетелем Неффом. Нефф свидетельствовал о том, что Зиверс часто бывал на экспериментальной станции; что во время экспериментов он присутствовал несколько раз; однако, что он может вспомнить присутствовал ли Зиверс во время экспериментов завершившихся смертельно.

Далее обвинение вменяет Зиверсу получение женщин-заключенных концентрационного лагеря для экспериментов по отогреванию. В данной связи было представлено следующее:

Письмо датированное 3 октября 1942, доктора Рашера доктору Брандту:

«...Сегодня я попросил оберштурмбаннфюрера Зиверса направить телеграмму непосредственно коменданту лагеря, в отношении того, чтобы четыре цыганки были получены из другого лагеря» (НО-285, экз. обв. 86).

Телефонный звонок от 7 октября 1942 от коменданта лагеря Вайса доктору Брандту, относительно предоставления в распоряжение доктора Рашера «четырёх цыганок для особых экспериментальных задач приказанных рейсхфюрером СС». (1619-ПС, экз. обв. 87).

Сообщение по телетайпу, датированное 8 октября 1942, бригадефюреру Глюксу относительно изменения пребывания «четырёх женщин требуемых рейсхфюрером СС».

Отчёт доктора Рашера от 5 ноября 1942 о проститутках концентрационного лагеря. Отказ, из-за её нордических расовых характеристик, в использовании одной из таких женщин, и соответствующий доклад коменданту лагеря и адъютанту рейсхфюрера СС (НО-323, экз. обв. 94).

Свидетель Нефф оценил, что 10 женщин из концентрационного лагеря Равенсбрюк были предоставлены в распоряжение для экспериментов с теплом тела.

Следует сказать следующее про обвинения в том, что Зиверс играл важную роль в получении женщин-заключенных концентрационного лагеря для использования в обогреве лиц использованных в экспериментах:

Нигде, кроме письма датированного 3 октября 1942, доктора Рашера доктору Брандту нет никакого указания на то, что такое предположение является оправданным. Но это письмо лишь говорит, о том, что доктор Рашер попросил оберштурмбаннфюрера Зиверса незамедлительно передать коменданту лагеря сообщение по телетайпу о том, чтобы были предоставлены четыре цыганки. (НО-285, экз. обв. 86).

Факт, что приказ проводить эксперименты касавшиеся роста температуры с помощью медикаментов и тепла тела был отдан Гиммлером без сомнения подтверждается 1611-ПС, экземпляром обвинения 85.

Более того, я укажу на допрос доктора Ромберга.

Зиверс заявляет, что он не имел никакого отношения к этому, поскольку приказы исходили от самого Гиммлера. Соответственно ничего не предпринималось по его инициативе.

Тогда Рашер большую часть времени находился в концентрационном лагере Дахау, в то время как Зиверс бывал там очень редко. Поэтому Рашеру было гораздо проще чем Зиверсу информировать коменданта лагеря о своих пожеланиях.

Рашер отказался использовать одну женщину для экспериментов по обогреву теплом тела, потому что без сомнения женщина имела характеристики нордической расы. Рашер доложил об этом коменданту лагеря и адъютанту рейхсфюрера СС (НО-323, экз. обв. 94). Зиверс и в этой связи не играл никакой роли.

Далее обвинение вменяет Зиверсу участие в экспериментах доктора Рашера по сухому обморожению.

Зиверс не упоминался в следующих документах представленных обвинением в данной связи: НО-319, экз. обв. 96; 1579-ПС, экз. обв. 97; НО-431, экз. обв. 99; 1580-ПС, экз. обв. 107; 1615-ПС, экз. обв. 109; НО-292, экз. обв. 111; НО-240, экз. обв. 112; НО-241, экз. обв. 113; НО-432, экз. обв. 119.

Эти письма ни адресованы ему, ни подписаны им. Копии не доходили до него, ни проходили через его руки.

Письмо датированное 12 января 1943, управляющего делами «Аненербе» обергруппенфюреру СС Вольфу, содержит следующий отрывок: «Поскольку эксперименты по обморожению зависят от времени года, ценное время теряется пока доктор Рашер не доступен». (НО-236, экз. обв. 101).

Свидетель Нефф не свидетельствовал о том, что Зиверс знал об экспериментах с сухим обморожением.

Зиверс знал из приказа Гиммлера от 13 декабря 1942, о том, что Рашер предположительно проводит эксперименты по сухому обморожению. (1612-ПС, экз. обв. 79). Только во время данного процесса Зиверс узнал о том, что Рашер проводил такие эксперименты в Дахау. Гиммлер приказал о проведении этих экспериментов в районе Бергхауз Судельфельд. Они планировались на зиму 1943-44. Зиверс подменил запросы, в результате чего территория Судельфельда была признана неподходящей для проведения экспериментов с сухим обморожением зимой 1943-

44. Эксперименты которые затем приказал Гиммлер для зимы 1944-45 не проводились, потому что Рашер был арестован весной 1944.

Поскольку эксперименты по сухому обморожению в горах, приказанные Гиммлером, вообще не проводились, Зиверс правомерно заявляет, что помог предотвратить их.

Эксперименты по обморожению начавшиеся в конце августа 1942, проводившиеся в концентрационном лагере Дахау, вытекали из научно-исследовательского приказа медицинского инспектора Люфтваффе штабсарцту, профессору, доктору Хольцлохнеру 24 февраля 1942. Предложение штабсарцта, доктора Рашера, соответствовало экспериментам проводимым на людях. Для этой исследовательской работы была организована экспериментальная группа «Опасности моря», включающая профессора, доктора Хольцлохнера в качестве начальника и штабсарцтов доктора Рашера и доктора Финке. (НО-286, экз. обв. 88; НО-268, экз. обв. 106; НО-230, экз. обв. 115). Эксперименты по обморожению проводились по согласованию с рейхсфюрером СС. (НО-286, экз. обв. 88). В своём письме, датированном 19 февраля 1943, медицинский инспектор Люфтваффе благодарит рейхсфюрера СС за большую помощь, которую оказало СС при проведении исследовательской работы. (НО-268, экз. обв. 106). 6 марта 1943 медицинский инспектор Люфтваффе подтвердил в письме обергруппенфюреру Вольфу, что он согласился с экспериментами по обморожению на людях. (НО-262, экз. обв. 108).

Обвинение оспаривает, что Зиверс оказывал особую поддержку Рашеру как человеку и таким образом он скрывал, что также хотел поддерживать эксперименты Рашера. Следовательно существуют причины для комментария о личности Рашера и отношении к ней Зиверса.

Доктор Рашер был штабсарцтом запаса Люфтваффе и в то же время членом общих СС, имея звание гауптштурмфюрера СС. По запланированной схеме он всегда выдвигал эту последнюю должность и свою прямую связь с Гиммлером на показ. Устно или письменно он представлял все свои пожелания Гиммлеру; ему напрямую он направлял отчёты о своей работе. Он ссылался на Гиммлера всегда, когда хотел утвердить себя и свою работу в других официальных службах, таких как например Люфтваффе. Он обратился к Гиммлеру, когда главный врач СС, доктор Гравиц и профессор Гебхардт не признали его и верил в его поддержку. Посредством Гиммлера он пытался повлиять на присвоение себе профессуры. (НО-283, экз. обв. 82; НО-234, экз. обв. 83; НО-320, экз. обв. 103; 1616-ПС, экз. обв. 105; 1580-ПС, экз. обв. 107; НО-270, экз. обв. 110; НО-240, экз. обв. 112).

Не может быть сомнения в том, что из-за своей протекции Гиммлером он показывал автократический ум своему окружению и также своим военным начальникам, жестокость к своим подчинённым, отвратительную сервильность к своему протектору Гиммлеру.

В концентрационном лагере Дахау он мог передвигаться без ограничений и без контроля сопровождающей охраны. Это было невозможно для случайных визитёров таких как Зиверс.

Имея командную должность, медицинский инспектор Люфтваффе посчитал уместным заверить обергруппенфюрера СС Вольфа в своём письме от 6 марта 1943, что он «обсудит всю проблему как старый товарищ с Рашером лично» (НО-262, экз. обв. 108).

Командующий посчитал уместным занять такое отношение, вопреки всем военным обычаям, к штабсарцту, такое соглашательское отношение, неуместное в других обстоятельствах, чем он хотел избежать прений с последним из-за его связей с Гиммлером.

То, что Рашер думал об отношении медицинского инспектора Гиппке раскрыто в письме от 14 марта 1943 доктору Рудольфу Брандту, в котором он говорит:

«Я хочу указать на чрезвычайную враждебность инспектора и его неосторожность во всех замечаниях о СС». (НО-270, экз. обв. 110)

Для убеждения в том, что Гиммлер в любых обстоятельствах будет проинформирован о совещании Рашера с медицинским инспектором Гиппке, он продолжает:

«Могу я просить, информировать вас, рейхсфюрера СС всегда, когда окажется необходимым о моём докладе» (НО-270, экз. обв. 110)

Заявление свидетеля доктора Панценгрубера о Рашере очень характерное:

«Его (Рашера) связи были столь сильными, что практически любой важный вышестоящий начальник трепетал опасаясь интриг Рашера, который соответственно имел положение с огромной властью».

Сервильность Рашера к Гиммлеру уже раскрылась напыщенными фразами, которыми он завершал свои письма к Гиммлеру. Приведу немного примеров:

Письмо датированное 17 февраля 1943 от Рашера Гиммлеру: «С наиболее покорной благодарностью остаюсь крайне признательным с хайль Гитлер ваш преданный З. Рашер» (1616-ПС, экз. обв. 105).

Письмо датированное 11 апреля 1943 от Рашера Гиммлеру: «С наиболее покорной благодарностью и хайль Гитлер всегда ваш, признательно преданный вам, ваш З. Рашер». (НО-240, экз. обв. 112).

Письмо датированное 10 сентября 1942 от Рашера Гиммлеру: «В благодарном восхищении с хайль Гитлер ваш наиболее преданный З. Рашер». (НО-234, экз. обв. 83).

Картина Рашера завершается показаниями о том, что он лично ходил только к высшим властям.

Зиверс также оказался втянут в попытку доктора Рашера стать профессором.

В своей «образовательной справке» Рашер упоминает, что рейхсфюрер СС (Гиммлер) приказал ему претендовать на присвоение профессорства за одну из своих работ: «Попытки спасения на большой высоте» и «Попытки спасения замёрзших людей». (НО-230, экз. обв. 115).

В письме датированном 12 августа 1943, Рудольфа Брандта из личного штаба рейхсфюрера СС, Зиверсу доверялось это дело. Письма нет в нашем распоряжении. 27 сентября 1943 то есть почти спустя более чем 6 недель, Зиверс ответил, что он представил Рашера профессору, доктору Бломе и бригадефюреру СС Менцлю⁹⁷. Последний поговорил с профессором, доктором Пфанненштелем из Марбурга. 21 марта 1944, то есть почти 6 месяцев спустя после упоминавшегося письма, Зиверс докладывает доктору Брандту о дальнейшем развитии присвоения доктору Рашеру звания профессора. Попытка в Марбурге не удалась и соответственно они попытались дать Рашеру профессора в университете Страсбурга. (НО-290, экз. обв. 121).

Арест Рашера освободил Зиверса от необходимости предпринимать какие-либо дальнейшие действия. Факт, что Зиверс участвовал, что касается профессуры, не только в деле Рашера, раскрывает, например, дневник Зиверса 1943, запись от 9 февраля относительно присвоения профессора доктору Шутрамфу (НО-538, экз. обв. 122); далее, запись от 22 февраля 1943 относительно профессорства доктора Рудольфа; далее, дневник Зиверса 1944, запись от 22 февраля 1944, относительно профессорства доктора Шмидта-Рора. (3546-ПС, экз. обв. 123).

Если в случае присвоения профессорства Рашера, Зиверс и действовал только как и в других похожих случаях с членами «Аненербе», тогда это была его задача как управляющего делами «Аненербе» и ему не могли поручать особую деятельность от имени Рашера.

⁹⁷ Рудольф Менцль (1900-1987) – немецкий химик и научный функционер НСДАП. Один из руководителей атомного проекта Германии.

.....

Нет указания на то, что Зиверс должен был знать, до начала экспериментов, что они станут неумеренными или бесчеловечными. Ни планированием ни тем, что касалось руководства ни каким-либо иным образом, Зиверс не имел никакого отношения к проведению этих экспериментов.

Далее следует ответить на вопрос о том, получал ли Зиверс сведения из отчётов Рашера, которые он получал пока эксперименты проводились, о преступном характере экспериментов Рашера.

Обвинение представило следующие отчеты доктора Рашера: окончательный отчёт, датированный 10 октября 1942, профессора, доктора Хольцлохнера, доктора Финке, доктора Рашера (НО-428, экз. обв. 91). Промежуточный отчёт датированный 15 августа 1942 доктора Рашера (1618-ПС, экз. обв. 84). Отчёт датированный 17 февраля 1943, доктора Рашера. (1616-ПС, экз. обв. 105). Эти отчёты направлялись Рашером напрямую Гиммлеру как можно установить самими документами или из сопроводительных писем. Ни один из этих документов не указывает, что копия отчётов шла в «Аненербе» или что они доходили до сведения Зиверса иным образом. Зиверс отрицает, что знал об этих отчётах.

Зиверс не принимал участия в конференции 26-27 октября 1942 как можно видеть из списка присутствовавших. (НО-401, экз. обв. 93). Зиверс, также никогда не получал письменного отчёта о конференции. Также секретарь многие годы находившаяся в «Аненербе» свидетель, доктор Гизела Шмиц, заявила, что она никогда не видела отчёты об экспериментах Рашера. Поскольку вся поступающая почта сначала доставлялась ей, она бы точно видела подобные отчёты. Даже если бы Зиверс – хотя он не знал – получал сведения о том или ином отчёте, от него нельзя было ожидать формирования независимого мнения о допустимости экспериментов с точки зрения профессиональной медицинской этики.

Зиверс не имел ни власти ни возможности вмешаться в охлаждающие эксперименты или предотвратить их или заставить прекратить их. Вновь следует указать на то, что Зиверс был компетентен только в административных делах.

Всё, что Зиверс мог сделать для предотвращения экспериментов было сделано. В случаях экспериментов в Дахау, влияние Зиверса было нулевым. С другой стороны он смог предотвратить определенную экспериментальную деятельность Рашера путём проволочек экспериментов с сухим обморожением, которые должны были проводиться в горах.

.....

Фрагмент из заключительного обзора в защиту подсудимого Вельца

Документ 343-А-ПС, экземпляр обвинения 62, является единственным документом, представленным в данной связи и упоминающим имя профессора Вельца. Это письмо фельдмаршала Мильха, датированное 20 мая 1942, обергруппенфюреру СС Вольфу, начальнику личного штаба рейхсфюрера СС. В этом письме фельдмаршал Мильх говорит, о том, что эксперименты с большой высотой завершены и что нет реальной причины их продолжать. Письмо продолжает: «Проведение экспериментов относительно проблем опасностей моря, с другой стороны является важным; они подготовлены по прямой договоренности властей. Оберштабсарцт Вельц проинструктирован о них и штабсарцт Рашер также будет доступен для них до дальнейшего уведомления».

Очевидно, обвинение намерено взять это письмо за основу утверждения, о том, что профессор Вельц участвовал в планировании и проведении этих экспериментов. На заседании 8 мая 1947, обвинитель сослался на это письмо и сделал отсюда вывод о том, что фельдмаршал Мильх, следуя информации полученной от профессора Гиппке 20 мая, подумал, что Рашер всё ещё относился к ведомству Вельца в Мюнхене и что профессору Вельцу с этой целью доверено проведение экспериментов по обморожению. Был ли и в какой степени фельдмаршал Мильх проинформирован о действительных событиях остаётся неопределенным. Просто установлено, что профессор Гиппке уже тогда знал о том, что штабсарцт Рашер более не принадлежал к ведомству Вельца. Это точно видно из НО-296, экземпляра обвинения 58, который является письмом медицинского инспектора Люфтваффе от 27 апреля 1942 начальнику личного штаба рейхсфюрера СС, из ответа Вольфа на ходатайство Гиппке от 16 апреля 1942, в котором Вольф просит изменения командирования штабсарцта Рашера в отделение Дахау ДВЛ. Поэтому, нет сомнения в том, что 20 мая Гиппке знал о том, что Рашер больше не относится к ведомству Вельца. Как получилось, что имя профессора Вельца упоминалось в этом документе было установлено показаниями профессора Гиппке в качестве свидетеля на процессе против Эрхарда Мильха. Профессор Гиппке свидетельствовал в этой связи, что в обсуждении в начале июня 1942 он был проинформирован Рашером о том, что последний получил приказы от рейхсфюрера СС на проведение экспериментов. Отчёт о данном совещании содержится в НО-283, экземпляре обвинения 82. Дополняя этот отчёт, отчёт Рашера о своём совещании с профессором Гиппке, Гиппке сам свидетельствовал о том, что он думал о профессоре Вельце, потому что он знал, что профессор Вельц - в своём институте в

Мюнхене – работал над проблемами обморожения в экспериментах с животными. Позднее, он забросил план просить профессора Вельца о сотрудничестве, потому что убедился в том, речь не шла о теоретическом, а практическом опыте по проблеме обморожения и что не профессор Вельц, а профессор Хольцлохнер имел больший практический опыт.

Однако, установлено, что профессор Вельц никогда не получал такого приказа и также, что он никоим образом не касался экспериментов по заморозке. Это подтверждается показаниями подсудимого Вельца о своём деле, и письменными показаниями сотрудника профессора Вельца доктора Вендта.

В остальном имя Вельца не появляется ни в какой связи с множественными документами относящимися к экспериментам по обморожению представленным обвинением. Напротив, эти документы чётко показывают, кто от Люфтваффе действительно проводил эти эксперименты и кто проводил их в Дахау.

Факт, того что профессор Вельц дажен не просил участия в планировании экспериментов по обморожению, ясно виден из документа НО-283, экземпляра обвинения 82, уже обсуждался, и в конце концов без возражений.

.....

То, что профессор Вельц отказался участвовать в экспериментах, после того как узнал о них, твёрдо установлено с другой стороны доказательствами представленными защитой, которые в свою очередь, поддерживаются документами представленными обвинением. Документ 1610-ПС, экземпляр обвинения 73, представленный обвинением кажется имеет особый вес в данной связи. Это письмо Рашера Гиммлеру от 9 октября 1942. В этом письме Рашер просит Гиммлера отметить, что аппаратура необходимая для химического анализа предоставленная в его распоряжение не работает как надо. Он указывает на тот факт, что институт Вельца не предоставил ему аппаратуру, которая предположительно использовалась в экспериментах с обморожением голых кошек, и институту требовалось это оборудование для собственных нужд. Более того, письменные показания свидетеля фон Верца согласно которым профессор Вельц отказался готовить аппаратуру для экспериментов с заморозкой в Дахау, подтверждают неодобрение со стороны доктора Вельца экспериментов с обморожением проводимых в Дахау. Более того, также кажется из НО-3674, экземпляр обвинения 549. Здесь, попытка получить аппарат (калориметр) который не достался от Вельца, от кого-либо другого. Из 1609-ПС, экземпляра обвинения 92, становится видна опасность которой подверг себя Вельц своим отношением к Рашеру. Это письмо рейхсфюрера СС от 24 октября

1942 Рашеру. В нём Гиммлер подтверждает получение письма Рашера датированного 9 октября 1942 (1610-ПС, экз. обв. 73) упоминавшегося выше, в котором Рашер жалуется на отношение профессора Вельца. В ответ на эту жалобу Гиммлер пишет:

«Людей, которые до сих пор не одобряют эксперименты на людях и позволяют немецким солдатам умирать от последствий переохлаждения я считаю виновными в измене, и я без сожаления сообщу имена этих господ соответствующим властям. Вы уполномочены мной по сообщению данного мнения заинтересованным ведомствам».

Из показаний Зиверса в допросе защитой, однозначно видно, что это относилось к профессору Вельцу. В данном отношении Зиверс заявил следующее: «Я могу лишь сказать, это в отношении самого Вельца, так как господин Рашер, как я уже отвечал в ответ на ваш вопрос, упоминал в данной связи Вельца».

В ходе перекрёстного допроса Вельца обвинением завуалированным образом намекалось на то, что профессор Вельц мог вывезти предметы и дела или мог предоставлять аппаратуру в распоряжение экспериментов в Дахау.

Поскольку обвинение не может представить каких-либо весомых доказательств в данном отношении, не требуется вдаваться в это. В перекрёстном допросе стало видно, что все дела и аппаратура были в наличии в конце войны и что Вельц сам предложил передать свой институт упорядоченным образом американцам.

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-234
Экземпляр обвинения 83

Письмо от Рашера Гиммлеру от 10 сентября 1942, направляющее промежуточный отчёт об экспериментах с обморожением (1618-ПС)

Д.м.н. Зигмунд Рашер

Мюнхен, Трогерштр. 56
Сейчас в Берлине, 10 сент 1942

Мой дорогой рейхсфюрер,

Могу я представить в качестве приложения промежуточный отчёт об экспериментах с обморожением?

В начале октября, прошла встреча о предмете экспериментов по обморожению. Профессор, доктор Хольцлохнер, участвовавший в наших экспериментах в Дахау от имени Люфтваффе, хочет в связи с этим подготовить отчёт о наших экспериментах. Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс, который сопровождал эксперименты в Дахау на прошлой неделе, считает, что если и следует сделать какой-либо отчёт, меня следует вызвать для представления отчёта. Обсуждение с другими экспертами по обморожению было бы крайне ценным. Поэтому я прошу вашего решения.

1. Могу я везде представлять отчёт до того как устный отчёт будет представлен вам, мой рейхсфюрер?

2. Моё участие на конференции по предмету экспериментов Люфтваффе с обморожением приказано вами, мой рейхсфюрер?

Я позабочусь, о том, чтобы отчёт был представлен таким же образом как совершенно секретный вопрос.

Ваш благодарный и почтительный
Хайль Гитлер!

[Подписано] Ваш наиболее преданный, З. Рашер

1 приложение

Перевод документа 1618-ПС
Экземпляр обвинения 84

Промежуточный отчёт от 10 сентября 1942 об экспериментах по интенсивному охлаждению в концентрационном лагере Дахау

3. Рашер

Промежуточный отчёт об экспериментах по интенсивному охлаждению в лагере
Дахау начатых 15 августа 1942

Процедура эксперимента

Подопытные (ПО) помещались в воду, одетые в полную лётную форму, зимний или летний комбинезон с шлемом лётчика. Спасательный жилет из резины или хлопкового дерева предотвращал погружение. Эксперименты проводились при температуре воды варьирующейся от 2.5 С° до 12 С°. В одной экспериментальной серии, начало спинного мозга поддерживалось над водой, в то время как в другой серии экспериментов начало спинного мозга и затылок погружались в воду.

Электрические измерения показали низкие температурные значения 26.4 С° в желудке и 26.5 С° в анальном отверстии. Смертельные случаи случались только, когда мозговой ствол и затылок также охлаждались. Вскрытия таких смертельных случаев всегда обнаруживали большое количество излившейся крови, до ½ литра, в черепной полости. Сердце неизменно показывало крайнее расширение правой камеры. Как только температура таких экспериментов достигала 28 С°, подопытные умирали, несмотря на все попытки реанимации. Вышеуказанные результаты вскрытий решительно подтвердили важность согревающего предмета одежды для головы и начала спинного мозга при разработке и планировании защитной одежды пенистого типа.

Следует упомянуть, другие важные результаты, общие во всех экспериментах, заметный рост вязкости крови, заметный рост гемоглобина, приблизительно пятикратный рост лейкоцитов, постоянный рост сахара в крови, двукратно от обычного значения. Фибрилляция предсердий регулярно проявлялась при 30 С°.

Во время попыток спасения сильно замёрзших лиц, было показано, что быстрое разогревание во всех случаях предпочтительнее медленного разогревания, потому что после выхода из холодной воды, температура тела продолжала быстро снижаться. Я думаю, что по этой причине мы можем избежать попыток спасения интенсивно охлаждённых подопытных посредством животного тепла.

Разогрев животным теплом – телами животных или женскими телами – будет слишком медленным. В качестве вспомогательных мер по предотвращению интенсивного охлаждения, следует принимать только улучшения одежды лётчиков. Пенный костюм с соответствующей защитой шеи, который разрабатывается Германским институтом текстильных исследований Мюнхен-Гладбаха, в данной связи заслуживает приоритета. Эксперименты показали, что фармацевтические меры вероятно не требуются если лётчик ещё жив в момент спасения.

[Подписано] доктор З. Рашер

Мюнхен–Дахау, 10 сентября 1942.

Перевод документа 1611-ПС
Экземпляр обвинения 85

Письмо Гимmlера Рашеру и Зиверсу от 22 сентября 1942, приказывающие о разогреве в экспериментах по заморозке посредством физического разогрева

Секрет

Рейхсфюрер СС
Rf/Dr. Ag/19/30/42

Личная штаб-квартира рейхсфюрера СС
22 сентября 1942

1. Доктор Рашер
Мюнхен-Дахау

Я получил промежуточный отчёт об экспериментах по охлаждению в лагере Дахау.

Несмотря ни на что, я организую эксперименты для того, чтобы все возможности, быстрый разогрев, медикаменты, тепло тела, были проведены в положительном экспериментальном порядке.

[Подписано] Г. Гимmlер

2. Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс
Берлин
Копия с просьбой уведомления о получении

Оберштурмбаннфюрер СС
25 сент 42

Частичный перевод документа НО-285
Экземпляр обвинения 86

**Письмо Рашера Рудольфу Брандту от 3 октября 1942, заявляющее, о том, чтобы
Зиверс достал четырёх цыганок для разогрева посредством тепла тела.**

Д.м.н. Зигмунд Рашер Мюнхен, Трогерштр. 56, 3 октября 42
Глубокоуважаемый оберштурмбаннфюрер!

Прежде всего я хочу крайне поблагодарить вас за «Das glaeserne Meer⁹⁸». Моя супруга и я сам были очень рады обладать полным комплектом данных книг. Я уже прочёл книгу с большим интересом.

Рейхсфюрер СС хотел быть проинформирован о ходе экспериментов. Я могу объявить, что эксперименты завершены за исключением экспериментов с теплом тела. Заключительный отчёт будет готов за 5 дней. Профессор Холццлохнер по причинам, которые я не смог понять не хочет сам делать доклад рейхсфюреру Гиммлеру и попросил меня присутствовать. Это доклад должен быть сделан до 20 октября, потому что большая конференция Люфтваффе по обморожениям пройдёт в Нюрнберге 25 октября. Доклад о результатах наших исследований должен быть сделан там, для гарантирования того, что он будет использован войсками. Могу я попросить вас получить решение рейхсфюрера относительно заключительного доклада для него и представления ему соответствующего материала?

Сегодня я получил ваше письмо от от 22 сентября 1942 в котором рейхсфюрер приказывает о том, чтобы безусловно были проведены эксперименты с помощью тепла тела. Из-за неполного адреса оно задержалось. Сегодня я попросил оберштурмбаннфюрера Зиверса направить телеграмму непосредственно коменданту лагеря, в отношении того, чтобы четыре цыганки были получены из другого лагеря. Более того, я попросил оберштурмбаннфюрера СС Зиверса предпринять шаги для получения барокамеры.

Доклад фельдмаршалу Мильху запланированный на 11 сентября не был сделан, как вы обнаружили, потому что он не смог присутствовать и не направил никакого представителя для его получения. Так как рейхсфюрер не уполномочил меня докладывать кому-либо в министерстве авиации Рейха, я воздержался от

---

⁹⁸ «Стеклянный океан» (нем.)

представления доклада, что достаточно уязвило господ из медицинской инспекции. Я немедленно проинформировал оберштурбаннфюрера Зиверса. В настоящее время доклад находится как военная тайна в Германском авиационно-исследовательском институте (ДВЛ) совместно со списком рассылки подготовленным министерством авиации Рейха. Однако, рассылка копий, ещё не производилась, потому, что как я сказал доклад ещё не был сделан Мильху. Я полагаю, что вас давно проинформировали о всём деле. Что нам делать теперь?

Я желаю приложить благодарственное письмо рейхсфюреру от бывшего заключенного Неффа. В то же время я хочу крайне вас поблагодарить за ваши усилия; и позвольте попросить вас, пользуясь возможностью, передать рейхсфюреру мои самые искренние благодарности за его одобрение этой просьбы. Я не написал рейхсфюреру лично, чтобы не занимать его ценное время лишними просьбами.

С наилучшими пожеланиями и

Хайль Гитлер!
Искренне ваш
[Подписано] З. Рашер

Частичный перевод документа 1619-ПС
Экземпляр обвинения 87

Телетайп коменданта концентрационного лагеря Дахау Рудольфу Брандту от 7 октября 1942, заявляющий о том, чтобы четыре женщины были доступны из концентрационного лагеря Равенсбрюк для экспериментов Рашера

Центр связи главного управления безопасности Рейха

.....

Концентрационный лагерь Дахау 9793 7 октября 1942 1630-ФР-
Оберштурмбаннфюреру СС доктору Брандту Берлин Принц Альберхт штр. 8. Штаб-квартира концентрационного лагеря Дахау запрашивает начальника управления бригадефюрера СС Глюкса о предоставлении четырёх женщин приказанных рейхсфюрером СС для штабсарцта доктора Рашера для цели немедленного направления на эксперименты из Равенсбрюка в Дахау.
Подписано Вайсс, штурмбаннфюрер СС и комендант лагеря.

Частичный перевод документа НО-286
Экземпляр обвинения 88

**Письмо из ведомства Геринга Гиммлеру от 8 октября 1942, с обращением
внимания на конференцию о « Медицинских проблемах возникающих из
опасностей моря и зимы»**

Министр авиации Рейха и
главнокомандующий Люфтваффе
Az: 55 № 5 340/секретно/ 42 (Инс. Л. 14, 2ПВ)

Берлин 3 8, 8 октября 1942
Лейпцигерштрассе 7

Курьером!

Предмет: Исследовательский приказ по обморожению.

На: 1. ДРЛ и ГКЛ нач. И.Л. 14 Az:
55 № 20058/41 (2ПВ) дата 24/2/42
2. ДРЛ и ГКЛ нач. И.Л 14 Az: 21
пр-аз № 10909/42 (1ПА) дата: 6/8/42

Рейхсфюреру СС

Инспекция медицинской службы Люфтваффе приказала об исследованиях штабсарцту, профессору, доктору Хольцлохнеру, согласно вышеизложенному, датированному 24 февраля 1942, разработку следующей проблемы:

«Влияние обморожения на теплокровных подопытных»

По предложению штабсарцта доктора Рашера были проведены соответствующие исследования на людях и по согласованию с рейхсфюрером СС пригодные возможности СС использовались для исследований.

С целью проведения этих исследований была создана исследовательская группа «Опасности моря», включающая профессора, доктора Хольцлохнера в качестве руководителя и штабсарцтов доктора Рашера и доктора Финке.

Руководитель исследовательской группы сообщил о том, что исследования завершены.

Запланирован роспуск исследовательской группы как позднейшее до 15 октября 1942.

Исследовательские документы и обширный отчёт будет представлен рейхсфюреру СС штабсарцтом доктором Рашером. Запрашивается, чтобы оригиналы или копии отчёта и документов были предоставлены в распоряжение инспекции медицинской службы Люфтваффе.

Планируется подготовить результаты в форме выборки, доступной для экспертов на конференции, которая пройдёт в Нюрнберге 26 и 27 октября 1942. Повестка конференции является закрытой.

Медицинское управление главного управления СС было приглашено на дискуссию письмо от 30 сентября 1942.

Далее запрашивается, воздерживаться от пересылки документов и отчёта в иные немедицинские ведомства.

Проект подписан

По приказу

Вюллен

Копия верна

[Подпись] Антони

1 приложение

[Приложение]

Инспектор медицинской службы Люфтваффе

Конференция о «Медицинских проблемах вытекающих из трудностей моря и зимы» 26 и 27 октября в Нюрнберге, отель «Der Deutsche Hof», 29-35 Фрауенторграбен. Председатель конференции: Штабсарцт, профессор, доктор Антони, Ин. Л. 14.

Примерный график:

26 октября 1942

.....

15:35 – оберштабсарцт доктор Вельц:

«Отогревание после замерзания до опасной точки»

15:55 – штабсарцт, профессор Хольцлохнер:

«Предотвращение и лечение обморожения»

16:40 – обсуждение.

Перевод документа 1613-ПС
Экземпляр обвинения 90

**Письмо Рашера Гиммлеру от 16 октября 1942, сопровождающее доклад об
экспериментах об охлаждении на людях (НО-428)**

Доктор Зигмунд Рашер

Мюнхен 16 октября 42
Трогерштр 56

Глубокоуважаемый рейхсфюрер!

Позвольте, настоящим представить заключительный отчёт об экспериментах по сверхохлаждению проведенных в Дахау. Данный отчёт не содержит хода и результатов серии экспериментов с наркотиками также как и экспериментов с теплом животного тела, которые проводятся в настоящее время. Также данный отчёт не содержит микроскопных патологических исследований тканей мозга погибших. Я был удивлён чрезвычайными микроскопными находками в данной сфере. Я проведу эксперименты до начала конференции, на которой будет обсуждаться охлаждение и я надеюсь, что смогу представить вам дальнейшие результаты. Мои двое коллег покинули Дахау 8 дней назад.

С надеждой на то, что вы, глубокоуважаемый рейхсфюрер сможете выделить четверть часа на заслушивание устного доклада, остаюсь наиболее преданным и

Хайль Гитлер!
С уважением ваш.
[Подписано] З. Рашер

Частичный перевод документа НО-428
Экземпляр обвинения 91

Отчет от 10 октября 1942 об охлаждающих экспериментах на людях

Штабсарцт, профессор, доктор Э. Хольцлохнер
Штабсарцт, доктор З. Рашер
Штабсарцт, доктор Э. Финке

I. Проблематика эксперимента

До настоящего времени не существовало базы по уходу за лицами потерпевшими крушение, которые длительное время подвергались низким температурам. Эти неясности расширяли возможности физических и фармакологических методов лечения. Например, было неясно, следует ли отогревать спасённого быстро или медленно. Согласно действующим инструкциям по уходу за замёрзшими людьми, предпочтительнее казалось медленное разогревание. Определенные теоретические соображения можно было бы добавить медленному согреванию. Хорошо обоснованные соображения упускались для обещающей медицинской терапии.

Все эти неясности сохранялись в окончательном анализе при отсутствии хорошо обоснованных концепций относительно причины смерти людей от холода. В то же время, с целью разъяснения данных вопросов, началась серия экспериментов с животными. И именно, на тех сотрудниках, которые пожелали внести точные предложения докторам службы морского спасения, лежит большая ответственность за то получатся ли из экспериментов с животными убедительные и содержательные результаты. Именно в данной сфере в особенности сложно внедрять выводы с животными в человеческую сферу. У теплокровных, можно

обнаружить различную степень развития механизма терморегуляции. Кроме этого, процессы в коже пушных животных нельзя распространять на человека.

II. Общая процедура эксперимента

Исследовался эффект воды с температурой от 2 С°, 3 С°, до 12 С°. Резервуар 2*2*2 м служил в качестве экспериментального бассейна. Температура воды достигалась добавлением льда и оставалась постоянной в течении эксперимента. Подопытных в целом одевали в снаряжение носимое лётчиками, включая нижнее белье, форму, летний или зимний защитный костюм, шлем и меховые ботинки лётчики. Дополнительно им надевали спасательный жилет из резины или хлопкового дерева. Изучались эффекты дополнительной защитной одежды против водяного холода тестировался в специальных экспериментах, и в ещё одной серии экспериментов охлаждение неодетого человека.

Тепло тела измерялось термоэлектрическим образом. В соответствии предварительным экспериментам в которых желудочная температура измерялась тепловым шумом, мы следовали процедуре постоянной ректальной регистрации температуры тела. Параллельно с этим предпринималось фиксирование температуры кожи. Точкой измерения была кожа спины на уровне у пятого позвонка. Термоэлектрические измерения проводились до, во время и после экспериментов путём термометрических тестов щёк и ректальной температуры.

При сильном охлаждении, проверка пульса затруднялась. Пульс становился слабее, мускулатура напрягалась и возникало дрожание. Прослушивание во время эксперимента посредством трубки стетоскопа закреплённого над сердцем оказалась эффективной. Трубки выходили из формы и позволяли продолжительно прослушивать сердце во время нахождения в воде.

Контроль электрокардиографией в воде был невозможен. После извлечения из воды она была возможна только в случаях, когда слишком сильное дрожание не влияло на запись электрокардиограммы.

Проводились следующие химические исследования: общая картина сахара в крови (постоянно); солевая картина в сыворотке; небелковый азот (Рест-Н); остаток щёлочи; остаток щёлочи из венозной и артериальной крови и скорость осадконакопления (до и после эксперимента). Кроме этого измерялись общее состояние крови и свёртываемость во время эксперимента, и до и после эксперимента сопротивление красных кровяных телец и содержание белка в плазме крови (без сравнения).

Регулярно проводились анализы мочи: осадок, альбумин, сахар, соль, ацетон, уксусная кислота, также как и квалифицирующее определение альбумина.

В части экспериментов брались пункции с поясницы и спинного мозга также для соответствующих исследований спинномозговой жидкости.

Среди физических и терапевтических мер тестировались следующие:

- а. Быстрое согревание посредством горячей ванны.
- б. Согревание посредством инкубатора.
- в. Согревание в нагретом спальном мешке.
- г. Сильный массаж всего тела.
- д. Завёртывание в ковёры.
- е. Диатермия сердца.

Дополнительно вводились следующие препараты: Строфантин вв.; кардиаз 1 вв и вм.; лобелин и корамин вв. и вм. В других экспериментах давался алкоголь или виноградный сахар.

Часть экспериментов начиналась под наркозом (8 мл эвипана вв.)

III. Клиническая картина охлаждения

Клиническая картина охлаждения также как и поведение температуры тела в целом показали определенные закономерности; однако, время появления отдельных признаков, сильно индивидуально варьировалось. Как и следовало ожидать, хорошее общее физическое состояние затягивало охлаждение и сопутствующие признаки. Дальнейшие различия зависели от положения подопытного в воде и способа одежды. Далее, различия показали эксперименты в которых подопытный лежал горизонтально в воде так, что затылок и темя находились в воде, и другие в которых затылок и голова находились вне воды.

Довольно заметно, что действительная температура воды от 2 С° до 12 С° не демонстрировали эффекта на степень охлаждения. Естественно такой эффект должен существовать. Но поскольку кроме уже упоминавшихся индивидуальных различий и экспериментальных условий, различные подопытные охлаждались в разное время на разной скорости, эффект действительной температуры между 2 С° и 12 С° нивелировался в таких вариациях.

Если подопытный помещался в воду под наркозом, наблюдался определенный возбуждающий эффект. Подопытный начинал стонать и совершал некоторые защитные движения. В нескольких случаях, развивалось возбужденное состояние. Оно было особо острым при охлаждении головы и шеи. Но никогда не наблюдалось полного снятия наркоза. Защитные движения уменьшались после

приблизительно 5 минут. Следовал прогрессирующий озноб, который развивался в особенности в мускулатуре рук; руки были сильно напряжены и прижимались к телу. Озноб возрастал при продолжении охлаждения, прерываясь нарастающим и гаснущим тремором. При более выраженном погружении тела он внезапно исчезал. Данные случаи завершились смертельно и без каких-либо успешных результатов реанимационных мероприятий.

В ходе экспериментов с наркозом, эффекты эвипана непосредственно переходили в холодный наркоз; в других случаях можно было установить переходный возврат к сознанию, эффект немедленного пробуждения уже описывался; в любом случае, подопытные были ошеломлены.

Эксперименты без наркоза не показали существенных отличий в ходе охлаждения. Со входом в воду появлялся сильный холодный тремор. Охлаждение шеи и затылка ощущалось особо болезненным, но уже после 5-10 минут, было заметно значительное снижение ощущения боли. Озноб развивался со временем таким же образом как при наркозе, также с кататоническими подергиваниями. В этот момент, речь затруднялась, потому что озноб также влиял на речевую мускулатуру.

Одновременно с ознобом, большая сложность в дыхании создавалась как с наркозом так и без. Сообщалось о том, так сказать, что стальной обруч сжал грудь. Объективно, уже в начале этого затруднения дыхания, отмечалось расширение ноздрей. Вдыхание было продолжительным и заметно затруднённым. Такое затруднение переходило в шумное и сиплое дыхание. Однако дыхание в этот момент не было особо глубоким как при дыхании Куссмауля⁹⁹, ни как при дыхании Чейна-Стокса¹⁰⁰ или дыхании Биота¹⁰¹. Не у всех подопытных, но у большого количества, было установлено одновременное затруднение дыхания очень обильным выделением секрета слизистой. В таких условиях иногда, белая, мелкопузырящаяся пена появлялась у рта, которая напоминала симптом отёка лёгких, хотя и невозможно было установить данный симптом точно путём

⁹⁹ Дыхание Куссмауля — глубокое, редкое, шумное дыхание, является одной из форм проявления гипервентиляции, часто ассоциируется с тяжёлым метаболическим ацидозом, в частности, диабетическим кетоацидозом, ацетонемическим синдромом (недиабетическим кетоацидозом) и терминальной стадией почечной недостаточности.

¹⁰⁰ Дыхание Чейна — Стокса, периодическое дыхание — дыхание, при котором поверхностные и редкие дыхательные движения постепенно учащаются и углубляются и, достигнув максимума на пятый — седьмой вдох, вновь ослабляются и урежаются, после чего наступает пауза. Затем цикл дыхания повторяется в той же последовательности и переходит в очередную дыхательную паузу. Название дано по именам медиков Джона Чейна и Уильяма Стокса, в чьих работах начала XIX века этот симптом был впервые описан.

¹⁰¹ Дыхание Биота — патологический тип дыхания, характеризующийся чередованием равномерных ритмических дыхательных движений и длительных (до полуминуты и более) пауз. Наблюдается при органических поражениях мозга, расстройствах кровообращения, интоксикации, шоке и других тяжёлых состояниях организма, сопровождающейся глубокой гипоксией головного мозга.

клинического прослушивания; слышно было только резкое хриплое дыхание. Эта пена могла появляться рано, то есть, при ректальной температуре от 32 С° до 35 С°; Особого влияния на исход экспериментов это не оказывало при описанном снижении озноба. Темп дыхания возрастал в начале эксперимента, но спустя 20 минут он снижался почти до 24 в минуту при слабых различиях.

В целом чёткое притупление сознания происходило при падении температуры тела до 31 С° ректальной температуры. Более того, все подопытные реагировали на речь, но в конце отвечали очень сонно. Зрачки заметно расширялись. Реакция на свет нарастающе слабела. Взгляд был направлен вверх с фиксацией. После извлечения из воды был очевиден рост рефлексов, несмотря на озноб, и регулярно сильно замечалось скукоживание яичек, которые практически исчезали в паху. В начале эксперимента лицо было бледным. Спустя 40-50 минут появлялся цианоз. Вместе с покраснением лица, слизистая оболочка становилась сине-красной. Подкожные вены не исчезали и всегда просматривались.

Сердечная деятельность показывала постоянное изменение независимо от всех остальных индивидуальных вариаций, что было заметно у всех подопытных. До помещения в воду подопытных как с наркозом так и без, сердечный ритм внезапно повышался до 120 в минуту. При ректальной температуре тела около 34 С°, нарастало замедление и он постепенно падал до 50 в минуту.

Брадикардия при температуре тела от 29 С° до 30 С° внезапно изменялась на постоянную аритмию или, как могло быть, общую нерегулярность, и это начиналось в слабой форме при 50 ударах в минуту; эта слабая форма нерегулярности могла переходить в ускоренную. Переход к быстрой форме являлся неблагоприятным признаком жизнедеятельности.

Когда был возможен электрокардиографический контроль после эксперимента, он регулярно показывал трепетание Ворхофа. Предполагается, что данная нерегулярность может продолжаться после прекращения охлаждения и восстановления температуры тела от 33 С° до 34 С° 1 ½ -2 часа после извлечения из воды, но затем самопроизвольно изменялась и без терапевтических средств восстанавливался ритм. Таким же образом предполагается, что во всех случаях со смертельным исходом, внезапному прекращению сердцебиения предшествовала нерегулярность медленного типа.

Предпринималась попытка измерения кровяного давления, но ни в одном случае не была удовлетворительной, поскольку точное измерение было невозможно на решающей стадии эксперимента, из-за сильного озноба и дрожания мускул.

Уже упоминались индивидуальные различия в поведении ректальной температуры. Пункт 4 приводит пример, который включает четыре эксперимента, в

которых разных подопытных охлаждали при идентичной температуре воды и в идентичной одежде. Было показано, что в воде с температурой 4.5 C° , время необходимое для достижения ректальной температуры до 29.5 C° варьировалось между 70 и 80 минутами. Но вместе с тем диаграмма показывает, что, несмотря на эти индивидуальные различия, заметно, что прогресс ректальной температуры проходит согласно правилу. Температура тела начинает стремительно падать приблизительно с 35 C° .

Очень большое практическое значение этого положения заключается в том, что температура тела падает фактически линейно значительное время после извлечения из воды. Падение может продолжаться 20 минут или более. Можно наблюдать падение при этом постпадении на 4 C° , и не только при температуре ниже 30 C° . В одном случае наблюдалось, что при прерывании эксперимента на 35 C° , после дальнейшего истечения 20 минут ректальная температура упала от 4 C° до 5 C° . Мы позднее обсудим «фиксацию» этого физическими измерениями.

В нашей экспериментальной серии, наиболее низкие ректальные температуры, при которых выживали, варьировались индивидуально также как при прогрессе падения температуры. В целом (в шести случаях) смерть случалась при падении температуры до значений между 24.2 C° и 25.7 C° . Однако в одном случае падения до 25.2 C° был выживший. Данный эксперимент выпадал из типичной картины постольку поскольку спустя 90 минут при 26.6 C° фактически стационарное состояние ректальной температуры установилось на 85 минут. Мы вернёмся к этому особому эксперименту.

Температура кожи падала или снижалась гораздо быстрее, чем ректальная температура. За одну минуту происходило намочение одежды. Соответственно температура кожи уже за 5 минут падала до значений между 24 C° и 19 C° . Спустя 10 минут она уже могла упасть до 12 C° . В течение ещё 10-20 минут после начала эксперимента ход падения значительно изменялся. Кривая температуры кожи шла некоторое время, то есть, 15 или 30 минут фактически горизонтально. Спустя это время следовало дальнейшее, но теперь медленное падение до самых малых цифр, которые могли быть ниже 15 C° при завершении эксперимента.

Параллельные эксперименты, которые сравнивали курс ректальной температуры и охлаждение тела с погружением или без шеи и затылка, показали большую разницу в падении температуры. Кривые относятся к соответствующим подопытным. Одна с глубоким падением до 26 C° за 70 минут была достигнута при температуре воды 12 C° , другая упала до 32.5 C° , за аналогичное время при температуре воды 5.5 C° . Наиболее заметное различие нельзя объяснить сопротивлением конкретного лица, но следует приписать положению подопытного в

воде и укрытия его головы. В эксперименте с водой при 12 С° подопытный в спасательном жилете из хлопкового дерева, лежал ровно в воде для того, чтобы его шея и затылок находились погруженными; помимо этого он не надел лётный шлем. В другом эксперименте с водой 5.5 С° голова была укрыта лётным шлемом лётчика без наушников. Подопытный надел резиновый спасательный жилет открытый за спиной; таким образом, голова находилась над водой.

С целью проследить эффект изолированного охлаждения шеи и затылка на сознание, температуру тела и кровообращение, было предпринято три специальных эксперимента. Подопытный лежал горизонтально; затылок и шея были погружены в сосуд через который постоянно текла вода соответствующей температуры. В эксперименте длительностью 3 часа произошло небольшое падение температуры не более чем 0.8 С°. Температура воды была от 1 до 2 С°. В одном случае после 50 минут возникла заметная сонливость, которая сменилась глубоким наркозом. Работа сердца различалась и очевидной брадикардии не наблюдалось. Нерегулярности никогда не происходило. Изменения не были видны на электрокардиографе. С другой стороны у всех трёх подопытных давление спинномозговой жидкости заметно выросло после завершения эксперимента до максимального значения 300 мм. После эксперимента наблюдались атаксия и чёткий феномен Ромберга, также как и преувеличение обычных рефлексов; патологические рефлексы отсутствовали.

IV. Кровь, Спинномозговая жидкость и моча во время охлаждения

Разные мазки крови не показали особо примечательного во время охлаждения. С другой стороны количество белых и красных кровяных телец показало постоянное изменение. Количество лейкоцитов быстро возросло, почти с начала постепенного падения температуры с 35 С° ректальной температуры до значений от 25000 до 27000 на мл. После одного часа достигнутого максимума, начиналось падение количества лейкоцитов, в то время как температура тела продолжала снижаться. Количество красных кровяных телец продолжало расти, хотя и в относительно небольшой степени, что согласовалось с изменением количества лейкоцитов. Мы наблюдали рост до 20 процентов. Данный рост прервался даже раньше, чем рост количества лейкоцитов, таким образом обе кривые не показали отражения температурной кривой. Рост эритроцитов соответствовал росту гемоглобина от 10 до 20 процентов. Снижение хрупкости красных кровяных телец не могло быть продемонстрировано с точностью, с другой стороны, хотя в трёх экспериментах случился распад кровяных телец.

Свертываемость постоянно возрастала с началом падения температуры. Рост мог достигать значения 7.8. Данный рост проявлялся очень рано, а именно, уже при температуре тела 35 С°. После этого значение оставалось относительно постоянным при дальнейшем падении температуры. Содержание альбумина в плазме также возрастало после эксперимента, в среднем на 1 процент в абсолютном выражении. Поскольку эти измерения не могли проводиться настолько часто как со свёртываемостью по техническим причинам, связь прогресса свёртываемости остаётся неясной. Такая связь не может признаваться из полученных абсолютных значений.

При нарастании падения температуры, всегда происходил более выраженный рост сахара в крови до максимальных значений, которые могут достигать в среднем роста 80 процентов и в нескольких случаях могли достигать 100 процентов. Согласно этому, максимальное значение 27.5 С° достигалось и поддерживалось некоторое время. Наблюдалось, что до тех пор пока падение температуры продолжалось, никаким экспериментальным путём невозможно было наблюдать снижение высоких показателей сахара в крови. Обычно наблюдалось сравнительно быстрое падение сахара в крови, возникающее после извлечения из воды. Мы считаем эти результаты имеющими теоретическое значение. Во время изолированного охлаждения шеи и затылка, которые описывались в разделе III, сахар в крови оставался неизменным.

Разительным контрастом росту сахара в крови, была ни разу не установленная соответственная глюкозурия¹⁰² в моче собиравшейся после эксперимента или собранная катетером, хотя значительные количества мочи, в среднем 500 мл находились в мочевом пузыре; только в двух случаях демонстрировалось присутствие сахара (0.5 процента). Вероятно это парадоксальное поведение может быть объяснено таким образом: во время сильного роста сахара в крови, происходила блокада почек, и соответственное количество мочи накопилось до или после данной блокады под рефлексом полиурии¹⁰³. Ацетон и уксусная кислота, также не были продемонстрированы в моче.

Осадок щёлочи в артериальной и венозной крови обычно сильно снижался к концу экспериментов. Эксперименты относительно насыщения кислородом не могли быть проведены. Согласно цвету венозной крови взятой из артерий рук; кровь фактически была черной попадая в шприц. Примечательными в данной связи являются результаты вскрытий, которые проводились сразу после смерти. В них,

¹⁰² Гликозурия, или глюкозурия, — наличие глюкозы в моче. В норме моча не содержит глюкозы, поскольку почки способны реабсорбировать (возвращать в кровоток) весь объём глюкозы, прошедший через почечный клубочек в просвет канальцев нефрона.

¹⁰³ Полиурия — увеличенное образование мочи.

кровь в правом предсердии появлялась очень чёрной, а в левом предсердии очень ярко красной. Согласно этому, следует рассчитывать на рост дифференциального насыщения между артериями и венами.

Соли и небелковый азот в крови не были чёткими в крови к концу экспериментов или возрастали в рамках ошибочных границ. Соли в моче было в целом меньше, соответствуя снижению специфического равновесия. С другой стороны в конце экспериментов следы альбумина регулярно демонстрировались в моче и умеренно возрастали лейкоциты, изредка эритроциты, и эпителиальные клетки в осадке. В отдельных случаях, также наблюдались следы альбумина. Реакция мочи фактически без исключения оставалась идентичной до и после экспериментов. Изучение желчи не принесло результатов.

Поясничные и позвоночные пункции непосредственно после экспериментов показывали значительный рост давления жидкости. В среднем он насчитывал 50-60 мм. В одном случае, наблюдалось до 420 мм. Значения белка всегда являлись нормальными. Клеточного роста не возникало, также никакого аномального отклонения коллоидальной золотой кривой не наблюдалось. Значение этих выводов для терапии будет обсуждаться далее.

V. Восстановление после охлаждения и его зависимость от физиотерапевтических мероприятий.

Важным фактом, который упоминался является то, что после спасения из холодной воды, температура тела падает далее и таким образом может иметь место дальнейшее падение температуры на 4 C° . Как подчёркивалось, это может случиться как постфеномен не только, когда низкие температуры были достигнуты во время экспериментов, но это также заметно при окончательной температуре 35 C° . Зависимость этого постпадения от длительности эксперимента нельзя установить; так как результат сложно просчитать заранее. У данного факта появляется большая важность для практических мер; с другой стороны он усложняет понимание способа влияния различных физиотерапевтических мероприятий на купирование этого постпадения и восстановления температуры тела. Только из-за большого количества экспериментов стало возможным получить хорошо обоснованную концепцию этого.

Быстрейший рост температуры тела наблюдался, когда подопытного высушивали, заворачивали в тёплый ковёр и оставляли после извлечения из воды. Восстановление быстро нарастало если подопытный помещался в горячую ванну как можно быстрее после снятия мокрых вещей. Согревание в инкубаторе содействовало росту температуры. Сильный массаж имел благоприятный эффект,

однако только если ему предшествовало обращение с горячей ванной или инкубатором. Ни в одном случае не было признаков отрицательных эффектов горячей воды или инкубатора, или того, чтобы подопытному каким-либо образом был причинен вред. С другой стороны, в трёх случаях наблюдался сомнительный эффект горячей ванны на спасение жизни. В двух из этих случаев произошло полное прекращение работы сердца и дыхания, и в одном случае сердце останавливалось несколько раз после выраженной нерегулярности перед тем как подопытного помещали в воду не более 50 С°. В результате мы можем опровергнуть все традиционные возражения немедленному разогреванию.

Благоприятный эффект горячей ванны ещё яснее в наблюдении общего состояния подопытного нежели в температурных кривых, хотя это и нельзя представить объективно. Дыхание очень часто становилось «свободнее» непосредственно после помещения в горячую воду. Горячая вода стимулировала сильные стимулы; бессознательный подопытный часто реагировал вскриком. Вскоре происходило заметное уменьшение сильного озноба. Возвращение сознания происходило быстрее, и именно при температурах при которых обычно это не происходило при иных методах ухода.

В первых экспериментах с уходом горячей водой, это продолжалось только 10 минут; после чего подопытный извлекался и сильно массажировался. В таких обстоятельствах было установлено, что рост температуры продолжался во время массажа, в одном эксперименте будучи постепенным. Как уже отмечалось, этот благоприятный эффект сухого трения не являлся настолько выраженным без предварительной обработки теплом. Также важным является, что трение производилось, когда сильный спазм периферических сосудов уже прошёл.

В виду этого, горячая ванна является наилучшим методом ухода за сильно замёрзшими лицами. Однако, на практике, в практике морской спасательной службы невозможно реализовывать данный метод, поскольку требуемые средства недоступны на самолётах и лодках. В таких обстоятельствах нам следует учитывать только быстрый разогрев инкубатором или электронагреваемым спальным мешком. Поэтому также тестировался используемый сейчас морской спасательной службой спальный мешок. Было очевидно, что температуры, которые могут быть достигнуты этим средством недостаточны для терапии теплом. С помощью него была достигнута температура лишь 32 С° на коже, на максимальном обогреве. Кроме этого, стенка для ног кровати обогревается лишь частично; с внешней стороны она остаётся совершенно холодной. До тех пор пока не проведено улучшение и усиление нагревательного оснащения, спальный мешок следует рассматривать лишь в качестве замены заворачивания в тёплые ковры.

Обогрев посредством инкубатора ещё более не пригоден чем горячая ванна. При обогреве светом следует ожидать сильного местного расширения сосудов с опасностью разрыва. В действительности подопытные часто жаловались на головокружение и морскую болезнь после прихода в сознание если уход длился дольше 15 минут. Внезапно случалась рвота. В таких случаях инкубатор отключался и подопытного заворачивали в ковры. Помимо этого следует помнить о том, что в состоянии бессознательности подопытного следовало защищать от прямого контакта с лампами с помощью укрывания, иначе во время кататонических конвульсий могут случиться ожоги.

Предложение того, чтобы «короткие волны» были задействованы для поддержания тепла, поскольку при экспериментах на животных было показано, что таким средством возможно достичь глубокого нагревания всего животного, что вело к восстановлению животного с поразительной быстротой. Мы не располагали соответствующим оборудованием для глубокого нагревания человека такими средствами. По этой причине испытывалась коротковолновая терапия сердца. Она не произвела какого-либо демонстративного эффекта. Прежде всего, необходимо рекомендовать против практического применения данного метода, поскольку существует опасность глубокого ожога даже при полном сознании в результате холодной анестезии, даже при аккуратной попытке врача избежать этого.

Сильное затруднение дыхания также как и формирование пены у рта, которые напомнили у одного из пациентов симптомы отёка лёгких, казалось указали на кислородную терапию. Поэтому такая терапия применялась в четырёх экспериментах. Она не показала никакого эффекта ни на дыхание ни на работу сердца. Отмечалось, что артериальная кровь стала в особенности светло-красной.

VI. Смерть после охлаждения в воде

Практические и теоретические соображения

Вызывают особое внимание отчёты в отношении того, что спасённые в море подвергаются опасности значительное время после спасения. Сообщалось о том, что внезапные смерти случались от 20 до 90 минут после спасения, и что при массовых катастрофах эти внезапные смерти могли доходить до массовых смертей (удар при спасении). Данные наблюдения вызвали далекоидущие дискуссии. Кровопотеря при разогревании перефирии, разрыв нервных и гуморальных корелляций и похожие идеи озвучивались.

В отличие от этого наши эксперименты дали сравнительно простое объяснение холодной смерти в таких условиях. За исключением одного случая, общая нерегулярность сердца была определенно продемонстрирована во всех случаях охлаждения ниже 30 C° , (50 экспериментов), когда ректальная температура достигала 29 C° и обычно при охлаждении до 31 C° . Исключением был эксперимент с отравленным подопытным, который будет изложен более подробно ниже (см. разд. VII).

Дальнейшая смерть сердца клинически устанавливались во всех случаях смерти наблюдаемой нами. В двух случаях дыхание прекращалось одновременно с сердечной деятельностью. Это были случаи в которых особо отмечалось расположение шеи и затылка глубоко под водой. Во всех остальных случаях дыхание длилось до 20 минут. Отчасти, это было «нормальное замедленное дыхание», отчасти ангиновая форма хрипения. Как уже отмечалось, сбой ритма мог демонстрироваться кардиографически во время нерегулярности.

В случаях, в которых отдельное охлаждение шеи и затылка присутствовало перед смертью, вскрытие показало заметный отёк мозга, с плотным заполнением главной черепной полости кровью в спинномозговой жидкости также как кровью в ромбе Михаэли.

Результаты сердечных исследований заслуживают определенного внимания к вопросу удара при спасении. Смерть случалась сравнительно быстро после извлечения из воды, что сравнимо со спасением. Самый длинный интервал включал 14 минут. Однако, следует заметить, в первую очередь, что почти наверняка гораздо большее количество смертей наблюдалось бы если бы активная тепловая терапия почти не сочеталась напрямую с завершением эксперимента; во-вторых, что в таких случаях должны были быть гораздо большие интервалы. Мы уже непрерывно обращали внимание на постохлаждение следующее за экспериментом. Во всех случаях в которых оно достигало некоторой точки, предпринимались контрмеры, поскольку эксперименты никогда не планировали завершение смертью. Однако, можно представить, что при массовых катастрофах, в которых почти исключается удар при спасении описанный до сих пор, терапевтические меры ограничивались раздеванием и высушиванием спасённых совместно с последующим заворачиванием в ковёр. В таких обстоятельствах ожидалось постпадение большой амплитуды и сильной длительности. В ходе этого замедления падения температуры, смерть сердца могла случаться также как и в наших экспериментах.

Мы хотим подчеркнуть, что нерегулярность в целом не являлась в наших экспериментах в качестве симптома опасного для жизни более чем в клинике, но

скорее как признак прямого ущерба сердцу, который постоянно повышает риск падения температуры, до окончательной остановки сердца. Если падение температуры купировалось, медленная форма нерегулярности проходила в быстрой форме. Этот переход являлся благоприятным признаком для выжившего; так как эта нерегулярность фактически всегда проходила сама собой спустя время в среднем 90 минут до нормальной сердечной деятельности. Следовательно она продолжалась длительное время после того как температура тела заметно возросла. Опасность системе кровообращения не демонстрировалась на данной стадии. В трёх случаях возвращение к нормальной сердечной деятельности, происходило несмотря на одновременную энергичную физическую работу.

С демонстрацией того, что холодная смерть человека в основном является смертью сердца, также разясняются достаточные мысли для терапии. Причина сильного повреждения сердца является другим вопросом. Поскольку наши исследования в основном направлялись на развитие практических методов ухода, мы сильно не вдаёмся в подробности теоретических концепций, которые могут развиваться в данной связи. Следует дать несколько советов вытекающих из исследований крови:

1. Сильный рост свёртываемости крови вызывал сильную нагрузку на сердце.

2. Закупорка районов периферических сосудов из-за сильного сосудистого сжатия вело к переполнению центральных районов. Это выявилось не только в наших вскрытиях. Во всех доступных протоколах вскрытий, которые имели отношение к случаям смерти от холода в воде после морского кораблекрушения, мы одинаково обнаруживали сильное переполнение правого предсердия.

3. Следует учитывать, что под воздействием низкой температуры крови, само сердце становится гиподинамичным. Это было давно подтверждено на животном экспериментировании, что нарушение ритма Вурхофа развивалось при переполнении и охлаждении сердца.

Кроме физического ущерба сердечной мускулатуре от холода, нам следует учитывать повреждение патологическими продуктами метаболизма. Далее, острый рост сахара в крови может быть связан с ростом выброса адреналина. Однако, постоянство такого роста сахара в крови во время падения температуры, являлось заметным. Следует предполагать, что данный выброс адреналина исчерпывался сам при продолжении падения температуры. При этом должно было быть быстрое падение сахара в крови если процессы окисления оставались неизменными. Снижение осадка щёлочи или развитие ацидоза сильно характерно для травмы.

Эксперименты с животными, с общим охлаждением, дали основу для уверенности в том, что промежуточный метаболизм повреждается во время падений температуры; но данное изменение также обсуждалось в связи с общим охлаждением человека и подтвердилось в определенной степени. Далее, не только расстройство показало переход от общего и местного повреждения холодом. В обоих случаях случался рост свёртываемости, который указывает на изменения в стенках капилляров и указывает на вывод о том, что существует изменение в проницаемости таких стенок для белка и воды.

Смерть сердца остаётся заметной, регулярный рост давления спинномозговой жидкости при сильном охлаждении шеи и затылка остаётся неразрешённым, имеет ли оно патогномическое значение для итога. При давлении жидкости в 420 мм фактически предполагается, что оно участвует в развитии брадикардии.

Обнаружение роста давления жидкости также имеет некоторое значение для терапии. Можно думать о поясничной или позвоночной пункции в качестве назначаемой меры. После поясничной пункции происходит трансформация из медленной формы аритмии в ускоренную форму. Остаётся неопределённым следует ли рекомендовать такие меры которые затягивают быстрый, активный разогрев к практическому применению в работе службы морского спасения.

Идея о том, что холодная смерть в воде зависит от сердечного сбоя, сопровождаемого или несопровождаемого дыханием, подлежит ограничению. Один эксперимент из 57 был типичным. Он включал выживание при охлаждении 25.2 C° во время нахождения на 3 часа в воде 5.5 C° . Ректальная температура в таких условиях оставалась постоянной со слабыми отклонениями от 27 до 25 C° в последние полтора часа. Также, достаточно нерегулярно, не случался рост сахара в крови. Но наиболее удивительным был факт, что до конца эксперимента и после его завершения сознание оставалось в норме. Ход эксперимента напомнил поведение некоторых экспериментальных животных, которые могли выдерживать чрезвычайно низкие температуры тела длительные периоды времени. Низшие теплокровные животные (например крысы) могут выдерживать ректальную температуру 20 C° несколько часов. Убедительно, что данный атипичный эксперимент, будь он продолжен, показал бы атипичную причину смерти. Вопреки этому мы увидели нерегулярность возникавшую не ранее температуры 30.1 C° .

Также, помимо роста давления жидкости, роль которую играет центральная нервная система показалась для экспериментов вторичной. Эксперименты с одновременным охлаждением шеи показали как охлаждение шеи и затылка ускоряло снижение температуры. Это объясняется фактом, что контр-

контроль, который шёл от температурного центра к периферии, не мог больше существовать из-за дисфункции центров (эффект отёка и охлаждения), или больше не передавался из-за блокирования холодом путей. Но также центральный контроль для районов периферийных капилляров может падать; таким образом откладывается перегрузка сердца расширением периферийной васкулярной фрикции.

VII. Влияние фармакологии и вопрос алкоголя

Сейчас эксперименты Яриша показали, что сердечные лекарства такие как строфантин и стимуляторы такие как кардиозол и корамин в терапевтических дозах могут токсично реагировать на охлаждённых животных. Эти выводы предупреждают о необходимости наиболее внимательного медицинского обращения с сильно охлаждёнными лицами, хотя строфантин и кардиозол поэтому прямо рекомендовались в таких случаях.

В экспериментах с фатальным исходом, остановка сердца случалась как в воде так и спустя интервал не более чем 14 минут после извлечения из воды. При таком быстром курсе событий непохоже, что возможно благоприятное влияние на сердечную деятельность внутривенных инъекций строфантина, в особенности, потому что кровообращение являлось очень слабым перед смертью сердца. По этой причине, в таких случаях, когда состояние уже являлось очень опасным, строфантин был введён внутрисердечно в дозе 0.25 мг. Соответственно состояние сердца лишь ухудшилось и спустя 5 минут сердце остановилось. Сложилось впечатление, что сердечная деятельность ухудшилась внутрисердечной инъекцией строфантина. Однако, несомненно, это единственный случай возможности вредного влияния строфантина. Никакого вреда никогда не устанавливалось при внутривенной инъекции строфантина. С другой стороны не обнаруживалось никакого терапевтического эффекта, даже при максимальной дозе в 0.5 мг. График 11 [не приводится], последний раздел, показывает, что общая длительность нерегулярности в 10 случаях наблюдалась без дозировки строфантином. Разница заключалась в 25 и 200 минутах. С другой стороны график 13 в последнем разделе, первые пять поперечных рядов соответствуют временным значениям от 175 до 360 минут. В различные временные точки во время этих экспериментов давалось от 0.25 до 0.5 строфантина. Соответственно сокращения нерегулярности не наблюдалось. Никогда не замечалось дальнейшего улучшения пульса. Очевидно этих экспериментов слишком мало для определения возможного благоприятного эффекта во всех случаях. Несколько сотен экспериментов требуются для получения

статистически достоверных данных по данному положению. И таким образом, вопреки экспериментам на животных мы не смогли безусловно установить вред от внутривенной дозировки строфантина, в связи с чем оставляем на лечащего врача вопрос о том следует или нет проводить эксперименты с строфантином. Наверняка это не следует рекомендовать в случае сильно замедленной нерегулярности. Такое будет наблюдаться, когда существует большая опасность; при таких обстоятельствах никогда нельзя терять время экспериментируя с лекарствами, но следует предпринимать все усилия в направлении интенсивной терапии теплом.

Также в экспериментах с кардиозолом, корамином и лобелином мы ограничились в основном определением того произойдут ли вредные эффекты в случае сравнительно крупных доз. Четыре мл 10 процентного кораминна также как и 2 мл 1 процентного лобелина внутривенно вводились на различных стадиях восстановления в отсутствие каких-либо ярко выраженных объективных или субъективных отклонений в состоянии сердца, дыхания и общего состояния. Но также как при строфантине, невозможно установить возможный благоприятный терапевтический эффект из-за малого количества экспериментов. Мы никогда не наблюдали такого эффекта. В особенности выраженное глубокое дыхание и раздражение тройничного нерва, которое обычно возникало совершенно внезапно после кораминна (например, чихание непосредственно после инъекции) полностью исчезало. В отличие от строфантина, в случае с которым мы не можем рекомендовать эксперименты с внутривенной инъекцией в определенных условиях, мы верим в теоретические основы того, что такие эксперименты со средствами периферического кровообращения, которые могут повышать сосудистый тонус сердца приводят, помимо прочего, к нагрузке, которая вызывается блокированием увеличенных сосудистых районов, помимо роста свёртываемости. Если сосудистый тонус далее возрастает в районах которые оставались незатронутыми, условия для сердца становятся хуже.

Скептическое отношение к эффекту лекарств усиливается прежде всего наблюдением того, что в большинстве экспериментов в которых давались лекарства, даже наиболее сильные расстройства периферического кровообращения снижались заметно быстрее при интенсивном тепловом обращении. В данной связи следует подчеркнуть, что кроме восстановления температуры тела посредством тепловой терапии ослабление нагрузки на сердце происходило, потому что заблокированные зоны открывались. Вопреки предыдущим концепциям, согласно которым существует опасность кровоизлияния в периферию во время быстрого разогревания, и согласно которой следует избегать такого кровоизлияния оборачивая конечности также как и медленно согревая, «венозное кровотечение в периферию» может быть

спасительным в некоторых обстоятельствах. Как исключение, например, пиперцимия после значительного роста температуры и соответствующее восстановление кровообращения уже описывалось ссылаясь на опасность в некоторых случаях длительного ухода в инкубаторе.

Похожий рост объема перифирийной крови в результате алкоголя приводил к ожиданию того, что сильно интоксцированные лица замерзнут быстрее. График 14¹⁰⁴ показывает эксперимент, из которого мы смогли заключить, что действительное ускорение охлаждения возникало после добровольного приёма алкоголя до эксперимента. Особо заметно, что в таком эксперименте, единственном исключении среди остальных экспериментов по охлаждению, нерегулярность отсутствовала до охлаждения до 28.1 С°. Даже если и невозможно воспроизвести эту видимую защиту против нерегулярности вызванную приёмом алкоголя в контролируемом эксперименте на других подопытных, остаётся возможность, такого расширения перифирических сосудов ослабляющее перегрузку сердца, также как и с другой стороны ускоряющего скорость охлаждения.

Наши наблюдения противоречат старому морскому обычаю вливания алкоголя в уже замёрзшего человека, поскольку согласно этим наблюдениям температурная кривая, даже при небольшой степени охлаждения, падает дальше спустя долгое время после спасения. До тех пор пока не имеется активного воздействия тепла извне, недостаток возросшей потери тепла снизится способностью прекращения перифирийной сосудистой блокады. Также на поздних стадиях восстановления следует очевидно быть крайне осторожным давая алкоголь; прежде всего, данное предупреждение подчеркивается возможностью того, что следует осознавать общую нерегулярность после более чем часа, что может быть незамечено неопытным экспериментатором.

.....

VII. Превентивные меры

.....

---

¹⁰⁴ График 14 озаглавленный «Значения из группы четырёх экспериментов при температуре воды от 4 С до 4.5 С каждый», является таблицей показывающей температуру кожи и ректальную температуру четырёх подопытных каждому из которых соответственно в плачевном состоянии, давали 100 грамм чистой декстрозы спустя один час после начала эксперимента. Три кривых показывают на падение температуры до 16 С° и ниже после 60-80 минут; три кривых показывают ректальную температуру ниже 22.3 С° и 21.3, после 70, 100 и 110 минут и затем рост до 31.3 С° после 130, 20 и 230 минут соответственно.

IX. О спасательных жилетах

.....

Х. Итог

1. Кривая ректальной температуры людей замёрзших в воде от 2 С° до 12 С° показывает постепенное падение до 35 С°, после чего падение ускоряется. Смерть может случиться при ректальной температуре ниже 30 С°.

2. Смерть происходит из-за нарушения работы сердца. Прямое повреждение сердца становится очевидным из общей нерегулярности наблюдаемой во всех случаях, установившейся приблизительно при 30 С°. Это кардиологическое повреждение возникает из-за перегрузки сердца, вызванного заметным и постоянным ростом свёртываемости крови, также как и заметным сужением крупных периферийных васкулярных районов; кроме того, прямое травмирование сердца холодом также вероятно.

3. Если шея также охлаждается, снижение температуры быстрее. Это происходит из-за влияния температурных и васкулярных центров; также проявляется отёк мозга.

4. Сахар в крови растёт при падении температуры, и сахар в крови не падает снова до тех пор пока температура тела продолжает падать. Данный факт предполагает промежуточное расстройство метаболизма.

5. Дыхание охлаждённого подопытного выражается сложно из-за озноба дыхательной мускулатуры.

6. После извлечения из холодной воды, температура тела может продолжать падать 15 минут или дольше. Этим могут быть объяснены смерти которые случились после успешного спасения в море.

7. Интенсивное разогревание никогда не травмирует сильно охлаждённых лиц.

8. Применение строфантина не наблюдалось как успешное. Однако, вопрос использования строфантина остаётся открытым.

9. Наиболее эффективной терапевтической мерой является быстрый и интенсивный тепловой уход, наиболее выраженный в горячей ванне.

10. Посредством специальной защитной одежды, время выживания после погружения в воду может быть увеличено вдвое к выживанию подопытных, которые погрузились без защитной одежды.

11. Были сделаны определенные предложения по улучшению спасательных жилетов.

Подготовлен 10 октября 1942.

[Подписано] Доктор Хольцлохнер
Доктор Рашер
Доктор Финке

.....

Поведение сердечной деятельности под влиянием медикаментов

Подопытный	Температура воды	Случаи нерегулярности		Терапия		Восстановление пульса		Общая длительность недостаточности	Замечания
		После времени эксперимента	Температура тела	Мг. строф.	В минуту	После времени эксперимента	После применения строфантина	.....	
..... Б. Л.	 4	 55	 30	..... 0.25 мг, 4 мл, корамин	 65	.....	.....	.....	Смерть на семнадцатой минуте после извлечения из воды
Л. Х.	4	30	31.5	0.25 мг, внутрисерд.	60	.....	.....	.....	Смерть (остановка сердца) пять минут спустя после приёма строфантина, десять после извлечения из воды
В.Е.	5.2	60	30.3	0.25 мг, сердце, массаж,	68	.....	.....	.....	Смерть (остановка сердца) за

				корамин, кадиозол, искусствен ное дыхание					шестьдесят шесть минут после извлечения из воды
С.М.	6	75	31.4	Искусстве нное дыхание кардиозол	82	.....	.....	.....	Смерть (остановка сердца) за восемьдесят семь минут после извлечения из воды
Л.О.	4.5	30	31.2	Аналогич но	57	.....	.....	.....	Смерть (остановка сердца) за шестьдесят пять минут после извлечения из воды

График 13

Перевод документа 1609-ПС
Экземпляр обвинения 92

Письмо Гимmlера Рашеру от 24 октября 1942 и записка Рудольфа Брандта

Рейхсфюрер СС
Н-р 1397/42

Полевой командный пункт, 24 окт 1942

Доктор Зигмунд Рашер
Мюнхен, Трогерштр. 56

Совершенно секретно

3 копии
2-я копия

Дорогой Рашер!

Я подтверждаю получение твоего письма от 9-го и 10-го и записок от 16 октября 1942.

Я прочёл ваш отчёт относительно экспериментов по охлаждению на людях с большим интересом. Штурмбаннфюрер СС Зиверс организует возможность привлечения институтов, которые были связаны с нами.

Людей, которые до сих пор не одобряют эксперименты на людях и позволяют немецким солдатам умирать от последствий переохлаждения я считаю виновными в измене, и я без сожаления сообщу имена этих господ соответствующим властям. Вы уполномочены мной по сообщению данного мнения заинтересованным ведомствам.

Я приглашаю тебя на личную встречу в ноябре, так как я не смогу её ускорить несмотря на мой большой интерес.

Обергруппенфюрер СС Вольф вновь свяжется с фельдмаршалом Мильхом. Вы уполномочены сделать доклад фельдмаршалу Мильху – и конечно, рейхсмаршалу, если у него будет время – что касается тех кто не является докторами.

Я думаю, что покрывала, которые имеют нагревательные пакеты или нечто похожее вшитое в подкладку являются лучшими для обогрева тех кто пострадал в

море и был подобран на лодки или небольшие суда, на которых нет возможности помещать замёрзших людей в горячую ванну. Я полагаю вам известно, что такие нагревательные пакеты, мы также имеем в СС и их также широко применяют русские. Они включают массу которая даёт нагрев от 70 С° до 80 С° при добавлении воды и сохраняют её часами.

Я наиболее любопытен к экспериментам с обогревом телом. Я лично понимаю, что такие эксперименты, вероятно, принесут лучшие и длительные результаты. Естественно, я могу ошибаться.

Информируйте меня о дальнейших выводах. Конечно, мы увидимся в ноябре.

Хайль Гитлер!

Ваш

[Подписано] Г. Гиммлер

2. Обергруппенфюрер СС Вольф

Направить с просьбой о подтверждении. Я представляю отчёт с просьбой о подтверждении и возвращении, поскольку рейхсфюрер СС в Мюнхене вновь хочет данные копии.

[Подписано] Брандт

Штурмбаннфюрер СС

Перевод документа НО-323

Экземпляр обвинения 94

Докладная записка Рашера о женщине использованной для разогревания при экспериментах по обморожению от 5 ноября 1942

Зигмунд Рашер, д.м.н.

Мюнхен, Трогерштрассе 56, 5 ноября 1942

Предмет: Запрос отчёта о проститутках из концентрационного лагеря

Для возобновления экспериментов с животным теплом после обморожения по приказу рейхсфюрера СС мне было предоставлено четыре женщины из женского концентрационного лагеря Равенсбрюк.

Одна из предоставленных женщин показала неоспоримые нордические расовые характеристики: светлые волосы, голубые глаза, соответствующая структура головы и тела, возраст 21 ³/₄. Я спросил девушку, почему она вызвалась в бордель. Я получил ответ: «Чтобы выбраться из концентрационного лагеря, нам пообещали, что все кто вызовутся в бордель на полгода будут освобождены из концентрационного лагеря». На моё возражение о том, что это огромный позор вызываться проституткой, мне было сказано: «Лучше полгода в борделе чем полгода в концентрационном лагере». Затем последовал отчёт о наиболее прискорбных условиях в лагере Равенсбрюк. Большинство условий были подтверждены тремя другими проститутками и женщиной надзирателем, которая сопровождала их из Равенсбрюка.

Предоставление расово низшим элементам концентрационного лагеря в качестве проститутки девушку которая является чисто нордической и которая вероятно назначением подходящей работы сможет стать на правильную дорогу это ранило мои расовые чувства.

Поэтому, я отказался использовать эту девушку для моих экспериментальных задач и направил соответствующие рапорты коменданту лагеря и адъютанту рейхсфюрера СС.

[Подпись] доктор З. Рашер

Перевод документа НО-320
Экземпляр обвинения 103

**Письмо Зиверса Брандту от 28 января 1943 и отчёт Рашера о своих
дискуссиях с Гравицем и Поппендиком.**

«Аненербе»
Управляющий делами

Рейхсфюреру СС
Личный штаб

Берлин, 28 января 1943
G/R/8 S 1/Sb
[неразборчивые пометки]

Для сведения: оберштурмбаннфюрер СС доктор Р. Брандт
Берлин Ю. 3. 11, принц Альбрехт штр. 8

Секретно!

Предмет: Исследования доктора Рашера.

Дорогой товарищ Брандт!

Настоящим представляю протокольную запись доктора Рашера о его дискуссии с главным врачом СС от 13 января 1943. Я буду очень обязан если вы сможете рекомендовать нам о том, какое отношение следует занимать нам или доктору Рашеру в дальнейшем. Я немного удивлён ходом дискуссии, так как приказы рейхсфюрера СС особо указали на то, что мы – то есть «Аненербе» - должны были позаботиться о работе доктора Рашера. Аргумент группенфюрера СС Гравица, заключается в том, что это приводит к невыносимой ситуации, когда неврачам предоставляют информацию по медицинским вопросам. Я никогда не просил того, чтобы быть судьей в медицинских вопросах, как и не считал это своей обязанностью. Моя обязанность лишь включает облегчение пути для исследователей и надзор за тем, чтобы задачи рейхсфюрера СС выполнялись наиболее быстрым путём. Об одной вещи я точно могу сформировать мнение – то есть, о том кто делал работу быстрее.

Если вещи в будущем будут следовать пожеланиям группенфюрера СС Гравица, боюсь, что работа доктора Рашера не будет продвигаться настолько же быстро и беспрепятственно как сейчас.

С товарищеским приветом,

Хайль Гитлер!

Ваш

[Подпись] Зиверс

[Штамп]

Личный штаб РФ СС/Приложение

Получено: 4-го фев. 1943 1

Журнал №: 1786/43

Кому: РБ

Пожалуйста верните!

КОПИЯ

Протокольная запись о дискуссии главного врача СС доктора Гравица – оберштурмбаннфюрера СС доктора Поппендика – гауптштурмфюрера СС доктора Рашера, 13 января 1943.

Рашер: Сообщает об экспериментах по обморожению с водой и подчёркивает, что они завершены практически, но не теоретически.

Гравиц: Вопрос про меморандум. Рашер уверен, что это также абсолютно установлено для сухого обморожения?

Рашер: Нет, большая работа всё ещё продельвается, в целом всё ещё проводится много практических экспериментов.

Гравиц: Это и моё мнение тоже. Мы не можем рассылать меморандум войскам, отменяющий все прежние взгляды, если он не достаточно обоснован, так как иначе в войсках возникнет неясность. Я напишу оберштурмбаннфюреру доктору Брандту о том, что я попрошу рейхсфюрера СС не распространять меморандум до установления хорошо обоснованного метода ухода за лицами замёрзшими на воздухе.

Рашер: Очень хорошо, вот поэтому рейхсфюрер СС отдал мне приказ от 13 декабря 1942. Но я решительно хочу подчеркнуть, что результаты экспериментов по обморожению с водой установлены и хорошо обоснованы.

Гравиц: Что же, теперь, это упоминалось в письме Брандту, а значит вас не в чем упрекнуть! Поймите, из своей предыдущей работы (упоминался некий госпиталь) я много знаю о метаболизме, так что я почти являюсь специалистом в данной сфере и сильно могу вам помочь.

Рашер: Группенфюрер, как я понял, поэтому я обратился в ваше ведомство за стеклянными материалами, химикатами, и т.д.

Гравиц: Нет. Не только поэтому. Вы должны обращаться ко мне по всем медицинским вопросам, поскольку в конце концов я главный врач СС и все медицинские вопросы подчинены мне. Абсолютно необходимо, чтобы все медицинские вопросы направлялись рейхсфюреру СС через моё ведомство.

Рашер: Группенфюрер, я не знаю, существует ли такое намерение. Я подчиняюсь прямым приказам рейхсфюрера СС и всегда докладывал ему напрямую. Я никогда не получал приказов в другом отношении.

Гравиц: Вас точно переведут в Ваффен-СС?

Рашер: Да, я надеюсь. Перевод в процессе.

Гравиц: Вот что нужно. Тогда вы будете подчиняться моим приказам как врач в любом случае и все вопросы должны будут проходить через моё ведомство, иначе ситуация будет невыносимой.

Рашер: Но я подчиняюсь приказам «Аненербе»! Я должен докладывать тоже и вам, что я должен докладывать «Аненербе»?

Гравиц: Разумеется! По крайней мере копии всех медицинских вопросов следует направлять для моего сведения. Такая ситуация невыносима, чтобы неврач, такой как штандартенфюрер Зиверс, информировал меня о медицинских вопросах если у него нет адекватного специального медицинского образования. У меня нет ничего против Зиверса. Что же, да, я знаю об «Аненербе», но я хочу, чтобы вы работали в «Аненербе» для главного врача. Я напишу об этом Брандту.

Поппендик: Что же, я уже просил несколько раз штандартенфюрера Зиверса о прибытии ко мне для доклада. В дальнейшем все медицинские вопросы придут к нам в любом случае.

Гравиц: Поймите в этом смысл! Когда рейхсфюрер СС чётко не понимает в медицинском вопросе он в любом случае передает его мне.

Рашер: Конечно, я благодарен за любого рода помощь, но мне кажется, что я в основном подчиняюсь «Аненербе».

Гравиц: Конечно, но не когда вы являетесь военным служащим Ваффен-СС. Я смогу лучше использовать вас с учётом моих знаний и я проинформирую Брандта в этом отношении. Дело не в том, что я имею, что-то против вас и вашей работы, но дела должны идти, так как они должны. Не бойтесь, у нас нет плагиаторов. Насколько мне известно, вы должны ознакомиться с правом читать лекции в университетах как такие же квалифицированные академические преподаватели подчинённые Пфанненштелю. И вам потребуется поддержка. Вы хотите моей поддержки?

Рашер: Конечно, я вас признательно благодарю. Там где требуется поддержка, я с радостью её приму.

Гравиц: Что же, мы подождём с меморандумом до тех пор, пока у вас будет ещё сотня примеров, затем мы продолжим. Конечно, я не хочу, чтобы рейхсфюреру СС казалось, что я давлу на вас. Но если, что-то ещё не подтверждено в большей степени, мы не можем рассылать что-либо в войска, что может вызвать неопределенность среди ответственных властей!

Всё это может быть правдой для обморожения водой, но у нас нет этого в Ваффен-СС. То есть вы можете подождать с рассылкой этого меморандума.

Рашер: Группенфюрер, в любом случае это полностью ваш вопрос, рассылать ли меморандум сейчас, так как вы ответственны за него. Я составил меморандум на основе нескольких случаев сухого обморожения, потому что рейхсфюрер СС настаивал на этой публикации. При составлении меморандума, я был полностью осведомлён о том, что много экспериментов всё ещё требуется провести, и я также представлял такой взгляд в виду дискуссии с рейхсфюрером СС в Дахау. Но рейхсфюрер увидев результаты в Дахау и желая помочь войскам, приказал подготовить меморандум.

Гравиц: При составлении меморандума или любой другой научной работы нельзя, чтобы кто-нибудь давил на вас, даже рейхсфюрер СС, кто бы то ни было! А сейчас, вы направите мне копии всей вашей медицинской переписки с «Аненербе», и вы больше не напишите напрямую рейхсфюреру СС по медицинским вопросам, а напишите мне, так как они всё равно придут ко мне. Вы это сделаете?

Рашер: Я сначала обсужу вопрос со штандартенфюрером Зиверсом, так как это слишком неожиданно.

Гравиц: Что же, я направлю вам копию моего письма доктору Брандту, для того, чтобы у вас была ясная картина. Я удовлетворён установлением с вами такого близкого контакта.

Настоящее является подлинной копией

[Подпись] Вольфф
унтерштурмфюрер СС

Перевод документа 1616-ПС
Экземпляр обвинения 105

Письмо Рашера Гиммлеру от 17 февраля 1943 и сводка об экспериментах по обогреванию охлаждённых людей животным теплом от 12 февраля 1943

Доктор З. Рашер
Гауптштурмфюрер СС

Мюнхен, 17 февраля 1943

Рейхсфюреру СС и главе германской полиции Генриху Гиммлеру
Берлин ЮЗ 11, принц Альбрехтштр. 8

Дорогой рейхсфюрер,

Настоящим прилагаю вам краткую сводку о результатах экспериментов по обогреванию охлажденных людей с использованием животного тепла.

Прямо сейчас я попытался подтвердить экспериментами на людях, что возможно обогреть человека охлажденного сухим холодом настолько же быстро как и тех кто охлаждался в холодной воде. Главный врач СС, группенфюрер СС, доктор Гравиц сильно сомневался в том, что это будет возможно и сказал, чтобы я сначала подтвердил это 100 экспериментов. До сих пор я охладил около 30 раздетых людей на открытом воздухе в течение 9-14 часов при 27 С°-29 С°. Спустя время соответствующее перевозке 1 часа, я помещал этих подопытных в горячую ванну.

До сих пор каждый пациент полностью отогревался за 1 час как наибольшее, хотя у некоторых из них руки и ступни замёрзли добела. В некоторых случаях небольшая слабость с небольшим ростом температуры наблюдалась на день, следующий за экспериментами. Я не наблюдал никаких смертельных результатов при таком чрезвычайно быстром отогревании. Я до сих пор не смог провести отогревания сауной как вы приказали, мой дорогой рейхсфюрер, так как погода в декабре и январе была слишком тёплой для каких-либо экспериментов на открытом воздухе, а сейчас лагерь закрыт из-за тифа и мне не позволяют доставлять подопытных для экспериментов с сауной.

.....
С наиболее признательным приветствием и искренней благодарностью и

Хайль Гитлер!

Ваш наиболее преданный

Рашер

(приложение)

Секретно

Эксперименты по отогреванию интенсивно охлажденных людей посредством
животного тепла

А. Цель экспериментов

Для установления того, будет ли отогревание интенсивно охлажденных людей животным теплом, т. е. отогревание животными или людьми хорошим или лучшим чем отогревание физическими или медицинскими средствами.

Б. Метод экспериментов

Подопытных охлаждали обычным образом – одетыми и раздетыми – в холодной воде с температурой варьирующейся между 4 С° и 9 С°. Ректальная температура каждого подопытного фиксировалась термоэлектрически. Снижение температуры за обычный промежуток времени варьировалось согласно общим условиям тела подопытного и температуры воды. Подопытные извлекались из воды при достижении ректальной температуры 30 С°. В это время все подопытные теряли сознание. В восьми случаях подопытные затем помещались между двух обнажённых женщин на широкой кровати. Женщинам предлагали пристроиться как можно ближе к замёрзшему лицу. Затем всех троих накрывали покрывалами. Скорость разогревания инкубатором или препаратами не рассматривалась.

1. Когда фиксировалась температура подопытных было неожиданным, то, что происходило постпадение температуры на 3 C° , что было больше постпадения наблюдаемого при любом другом методе разогревания. Однако, наблюдалось, что сознание возвращалось раньше, то есть, при температуре тела ниже чем при других методах отогревания. Как только подопытные приходили в сознание они не теряли его снова, а очень быстро понимали ситуацию и прижимались к обнажённым женским телам. Рост температуры тела затем происходил приблизительно на такой же скорости как у подопытных которых разогревали заворачивая в покрывала. Исключением были четверо подопытных, которые, при температуре тела 30 C° и 32 C° совершили половой акт. У данных подопытных температура выросла очень быстро после полового акта, что можно сравнить со скоростью роста температуры в горячей ванне.

2. Другая серия экспериментов касалась разогревания интенсивно охлаждённых лиц одной женщиной. Во всех этих случаях разогревание было значительно быстрее чем могло бы быть у двух женщин. Причиной этого мне кажется то, что при отогревании только одной женщиной, личные ограничения снимались, и женщина прижималась к замёрзшему лицу более интимно. Также в этих случаях, возвращение сознания было поразительно быстрым. Только один подопытный не пришёл в сознание и эффект отогревания был слабым. Это лицо умерло с симптомами мозгового кровоизлияния, что подтвердилось последовавшим вскрытием.

В. Итог.

Эксперименты по отогреванию интенсивно охлажденных подопытных продемонстрировали то, что отогревание животным теплом является очень медленным. Только те подопытные, чьё физическое состояние позволило совершить половой акт разогрелись заметно быстрее и показали одинаково поразительно быстрое возвращение в нормальную физическую форму. Поскольку длительное воздействие на тело низких температур влечёт опасность внутреннего повреждения, данный метод следует выбирать для отогревания, которое гарантирует быструю помощь при опасно низких температурах. Данным методом согласно нашему опыту, является обширное и быстрое предоставление горячей ванны.

Следовательно, отогревание интенсивно охлажденных людей человеческим или животным теплом можно рекомендовать только в таких случаях в которых иные возможности отогревания отсутствуют, или в случаях слабых лиц, которые возможно не смогут выдержать обильное и быстрое поступление тепла. Например, я думаю об интенсивно охлаждённых младенцах, которых лучше всего отогревать телом своих матерей, с помощью бутылок с горячей водой.

Дахау, 12 сентября 1943.

[Подпись] Доктор З. Рашер
Гауптштурмфюрер СС

Перевод документа НО-268
Экземпляр обвинения 106

**Письмо Гиппке Гиммлеру от 19 февраля 1943 об экспериментах по
охлаждению в Дахау**

Инспектор медицинской службы Люфтваффе

Берлин 38, 19 февраля 1943
Лейцигерштрассе

Телефонные номера: [неразличимы]
Телеграфный адрес: Минавиации Берлин

Дело № 55 № 81038/43 (2 ПВ)

Рейхсфюрер,

Эксперименты, проводимые в Дахау относительно защитных мер против эффектов охлаждения человеческого тела при погружении в холодную воду дали результаты практической значимости. Они проводились штабсарцтами Люфтваффе, профессором, доктором Хольцлохнером, доктором Финке и доктором Рашером при содействии СС и в настоящее время завершены. О результатах было доложено теми кто с ними работал на конференции по медицинским проблемам вытекающим из опасностей моря и зимы, 26 и 27 октября 1942 в Нюрнберге. Подробный отчет о конференции в настоящее время готовится.

Чрезвычайно благодарю вас за огромное содействие, которое означало для нас сотрудничество с СС при проведении этих экспериментов и я также прошу вас выразить нашу благодарность, коменданту лагеря Дахау.

Хайль Гитлер!
[Подпись] Профессор, доктор Гиппке

2 [?] фев 1943

1509/43

РФ

[неразборчивый штамп]

[цифры 1509/43 рукописные]

Перевод документа 1580-ПС

Экземпляр обвинения 107

**Письмо Гиммлера Рашеру от 26 февраля 1943 об экспериментах по
обморожению в концентрационных лагерях Аушвиц и Люблин**

Рейхсфюрер СС

1516/43

26 февраля 1943

Секретно

Дорогой Рашер,

Премного благодарен за твоё письмо от 17 февраля с отчётом об экспериментах по отогреванию. Я согласен на проведение экспериментов в Аушвице или Люблине, хотя мне кажется, что время для проведения тестов по охлаждению и отогреванию в естественных условиях почти прошло этой зимой.

Одновременно я направил письмо обергруппенфюреру СС, которого я попросил приказать о проведении твоих экспериментов в Люблине и Аушвице.

С любезным приветом и

Хайль Гитлер!

Твой

[Подписано] Г. Гиммлер

2. Обергруппенфюрер СС Поль

Передано с просьбой принять к сведению и предпринять необходимые шаги.

По приказу,

[Подпись неразборчива]

Оберштурмбаннфюрер СС

Частичный перевод документа НО-292
Экземпляр обвинения 111**Письмо Рашера Рудольфу Брандту от 4 апреля 1943 докладывающие об
экспериментах с сухим обморожением в Дахау**

Д.м.н. Зигмунд Рашер

Господину оберрегинрунгсрату, оберштурмбаннфюреру СС, доктору Р.Брандту
Берлин ЮЗ 11, принц Альбрехтштрассе 8

Многоуважаемый оберштурмбаннфюрер!

.....

Вопрос спасения людей замёрзших на открытом воздухе между тем был выяснен, поскольку, слава богам, в Дахау снова был период морозной погоды. Некоторые люди находились на открытом воздухе 14 часов при -6 C° , достигая внутренней температуры 25 C° , с обморожениями периферии, и все они были спасены горячей ванной. Как я сказал: это легко опровергнуть! Но перед тем как кто-нибудь это сделает, пусть он придёт и увидит сам. Более того, отчёт об охлаждении на открытом воздухе будет направлен рейхсфюреру в следующие несколько дней.

С наилучшими пожеланиями,

Хайль Гитлер!
Ваш благодарный,
[Подпись] З. РашерПеревод документа НО-322
Экземпляр обвинения 114**Письмо Рашера Кайндлю¹⁰⁵ от 28 апреля 1943, о предыдущих экспериментах по
обморожению проводимых в Дахау**

¹⁰⁵ Антон Кайндль (1902 — 1948) — нацистский военный преступник, последний комендант концлагеря Заксенхаузен. Штандартенфюрер СС. Судом СССР был приговорён к пожизненному заключению. Умер в лагере под Воркутой.

Д.м.н. З. Рашер, гауптштурмфюрер СС
Личный штаб фюрера СС
Отдел начальника института военно-научных исследований
Отдел А

Дахау 3К, 28 апреля 1943

Коменданту концентрационного лагеря Заксенхаузен
Оберштурмбаннфюреру СС Кайндлю
Заксенхаузен, близ Ораниенбурга

Оберштурмбаннфюрер!

По приказу рейхсфюрера СС, я более года проводил эксперименты по охлаждению людей в концентрационном лагере Дахау. Сегодня я узнал от подопытного, что не только я проводил такие эксперименты, но, что, напротив, уже в октябре и ноябре 1938, похожие эксперименты проводились в концентрационном лагере Заксенхаузен. Было сказано, что гауптштурмфюрер СС доктор Заменштранг имел обмороженных подопытных – то есть заключенных – в холодной воде и впоследствии восстанавливал их посредством тёплой воды и горячих компрессов. Так как я работал и работаю по поручению Ваффен-СС с реанимированием замёрзших лиц (для кампании на Востоке), сведения о всех предварительных экспериментах в моей сфере работы являются важными для меня.

Поэтому я прошу, чтобы если возможно вы дали мне знать, какого рода эксперименты проводились в вашем лагере, и если возможно, какие результаты были получены в связи с данными экспериментами.

Так как вы можете ничего не знать обо мне, пожалуйста запросите обо мне, если необходимо, либо личный штаб рейхсфюрера СС (оберштурмбаннфюрер Баумерт¹⁰⁶) или коменданта концентрационного лагеря Дахау, штурмбаннфюрера СС Вайсса.

Искренне ваш
Хайль Гитлер!

Перевод документа НО-231
Экземпляр обвинения 116

---

¹⁰⁶ Пауль Баумерт (1904-1961) – Штандартенфюрер СС. В 1943 начальник личного штаба рейхсфюрера СС.

**Письмо Рашера Зиверсу от 17 мая 1943 относительно совещания с Гебхардтом
по экспериментам с обморожением**

Копия
Курьером!

Д.м.н. Рашер, гауптштурмфюрер СС

Дахау 3К, 17 мая 1943

Управляющему делами общества «Аненербе»

Свдн: штандартенфюрер СС Зиверс

Берлин-Далем, 16 Пеклерштрассе

Дорогой штандартенфюрер!

Следующее содержит короткий отчёт о моём докладе группенфюреру СС доктору Гебхардту.

14 мая 1943, я явился к группенфюреру СС, профессору, доктору Гебхардту в Хохенлихен. Я с трудом добрался, когда группенфюрер СС, доктор Гебхардт попросил меня повышенным тоном объяснить как я допустил представлять специальные медицинские отчёты напрямую рейхсфюреру СС, (он сослался на трактат «Охлаждение людей на улице»). Мне действительно даже не дали шанса сказать и ответить, что-либо. Затем, когда я попытался ответить, профессор, доктор Гебхардт сказал, что если я хотел проигнорировать его, то мой поезд на Берлин отходит в 3 часа. Когда мне наконец представилась возможность сказать, я смог указать профессору, доктору Гебхардту, на то, что спорный отчёт не означал строго научную работу, а просто являлся короткой информацией для рейхсфюрера СС о результатах экспериментов проводимых до сих пор. Доктор Гебхардт принял точку зрения на то, что отчёт был ненаучным, и если бы студент второго курса представил такой трактат, он бы вышвырнул его. Позднее я смог сказать ему о том, что конечно в Дахау смогли пройти все психолого-химические эксперименты при доступных инструментах. Соответственно доктор Гебхардт ответил: «Я могу представить, что вы проделали большую работу; это видно из работы. Если бы я не верил, что вы проделали большую работу, я бы вообще не просил вашего приезда».

Дополнительно доктор Гебхардт сказал, что он намерен объединить все группы врачей работающих независимо в СС, поскольку это лучше подойдёт рейхсфюреру СС чем отдельные люди работающие сами по себе. Кроме этого, он

сказал о том, что вообще-то мне следует поучиться университетским методам работы, поскольку очень похоже, что у меня нет соответствующей подготовки. Он предположил, что мне необходимо уехать из Дахау, поскольку там я был предоставлен сам себе и вообще не имел руководства; что поскольку я намеревался начать университетскую карьеру, мне в любом случае требуется завершить обучение помощником в университете. Далее он сказал, что все те врачи СС, которые являются квалифицированными для перехода на университетскую карьеру, должны так делать. При моём ответе о том, что по этой причине я уже связался с профессором Пффаненштелем, профессор Гебхардт ответил о том, что эти вопросы следует проводить через централизованную службу. В будущем не будет такого, чтобы я направлял отчёт напрямую рейхсфюреру СС, но, что дальнейшие отчёты служащие своей задаче будут передаваться через него рейхсфюреру. Если отчёт находится на подходящем уровне он сначала проинформирует рейхсфюрера, и затем пойдёт вместе со мной к рейхсфюреру. Наконец доктор Гебхардт попросил меня предоставить сведения о моём персонале и научной карьере, чтобы позволить ему провести дальнейшие приготовления. Он попросил меня позвонить снова вечером.

Когда я позвонил вечером, как и утром, меня сопровождал гауптштурмфюрер СС доктор Фишер. В этот раз доктор Гебхардт был чрезвычайно дружелюбен. Он спросил меня согласен ли я с его приготовлениями; было бы лучшим, что я могу сделать, если бы я присоединился к нему. Мне не следует волноваться, но просто продолжать свою работу в Дахау, пока я не закончу свои труды. Позднее, посмотрим на то, что будет сделано в будущем. При моём вопросе, к чему всё это, и кто является моим начальником, главный врач СС, группенфюрер СС, доктор Гравиц, который приезжал с инспекцией несколько дней назад, рейхсфюрер СС, как он лично обещал мне, или «Аненербе», членом которой я являюсь годы, доктор Гебхардт предположил, что всё утрясётся. Поверьте мне. Но мне нужна ваша биография, поскольку я должен доложить рейхсфюреру СС к 23 мая.

Могу я спросить вас, штандартенфюрер, на кого я действительно работаю? На рейхсфюрера СС, «Аненербе», главного врача СС или доктора Гебхардта? Доктор Гебхардт уже спросил меня почему я не являюсь военнослужащим Ваффен-СС. При моём ответе о том, что доктор Гипшке не хочет, чтобы я уходил, он заявил о том, я могу позволить вам уйти. Штандартенфюрер! Если такие же дразги начнутся в Ваффен-СС как те, что идут между Люфтваффе и СС, я скорее обойдусь без перевода в Ваффен-СС. Мне обещали, что я продолжу свою работу подчиняясь рейхсфюреру СС или «Аненербе». Но я не могу одновременно служить нескольким

господам. Конечно я убеждён в том, что группенфюрер СС, профессор, доктор Гебхардт имеет лучшие намерения. Его помощники вдохновлены им. Если бы мне требовалось запрашивать совета профессора, доктора Гебхардта каждый раз начиная новый эксперимент, я бы сильно втягивался в академическую рутину, которая бы даже не позволила эксперимент с таким методом как быстрая реанимация, которая опрокидывает весь клинически установленный опыт, потому что результаты противоречат методам профессора, доктора Гебхардта, которые основаны на многовековых клинических практиках. Также и содействие профессора фон Лютцельбурга¹⁰⁷ таким образом подойдёт к концу, так как эти эксперименты с самого начала противоречили общепризнанным клиническим практикам. Я думаю, такие мероприятия остановят всё, с чём следует экспериментировать.

Я молюсь за вас всем сердцем, штандартенфюрер, чтобы это дело разрешилось таким образом, чтобы профессор, доктор Гебхардт, который является очень близким другом рейхсфюрера СС не стал моим врагом. Я думаю, что профессор, доктор Гебхардт может быть и будет чрезвычайно несогласным советником. Перед тем как я столкнусь с трудностями в его лице, я лучше оставлю свою работу и попрошу немедленного перевода в Люфтваффе в действующую армию. Поэтому я снова прошу вас разобраться с данным делом с наибольшей осмотрительностью которой оно действительно требует, потому что дополнительно, я убеждён в том, что профессор, доктор Гебхардт (помимо своих личных амбиций) действительно имеет благие намерения.

.....
С большим уважением ваш и

Хайль Гитлер!
Ваш признательный
[Подпись] З. Рашер

Удостоверяется как подлинная копия:

[Подпись] Зиверс
штандартенфюрер СС

Перевод документа НО-432
Экземпляр обвинения 119

¹⁰⁷ Филипп фон Лютцельбург (1880—1948) — немецкий ботаник и генетик, руководящий сотрудник Аненербе, оберштурмбаннфюрер СС.

**Письмо Рашера Неффу от 21 октября 1943 относительно экспериментов по
сыхому обморожению**

Доктор Рашер

Дахау, 21 октября 1943

Полицай-ротвахмистру Вальтеру Неффу
Учебный полицейский батальон I
Дрезден-Геллерау

Твоё письмо, датированное 11.10 дошло до меня 15.10. Прежде всего большое спасибо за твоё решение написать такое подробное письмо. Я действительно очень благодарен за него. Что касается дела: с сожалением услышал, что тебя притесняют, при том, что к этому нет причин. Пожалуйста, дай мне знать имя, звание и адрес твоего командира, потому что я точно возьмусь за этот вопрос. Вообще нет причины тебе быть там. В конце концов, мне было известно общее состояние твоего здоровья, когда ты был здесь, и я могу судить о том, что ты не сможешь пройти сложную пехотную подготовку. Я рад, что ты не прирос к этому месту и с радостью идешь на фронт. Но с другой стороны, мне кажется, что ты нужен мне даже более срочно, чем на фронте. Фактически, мне нужно от тебя следующее: из совета исследований Рейха я получил приказ о проведении экспериментов на открытой местности и я думаю, что они пройдут в Судельфельде. Теперь мне срочно требуется наиболее надёжный человек, знакомый с материалом, и в этом случае это ты. В течение нескольких следующих дней я поеду с Зиверсом в штаб-квартиру фюрера и последует отчёт в этом смысле, и я дам тебе незамедлительно знать.

.....

Я вскоре ожидаю твоего подтверждения и остаюсь с искренним товарищеским приветом,

Твой старый шеф
[Инициал] Р.

Перевод документа НО-690
Экземпляр обвинения 120

Список исследовательских проектов из материалов совета исследований Рейха

Онкологические исследования – 70 копий [карандашная пометка]
25-я копия.

Разработка: профессор, доктор К. Бломе

Берлин ЮЗ 68

Линденштр. 42 77 [карандашная пометка]

Телефон: 174871 929 [карандашная пометка]

Приоритет: «СС»

СС №	Запрошено	Тема	Регистрационный номер	Гриф секретности
0453	Шварц, Круфт	Борьба с колорадским жуком	2058/15	
0496	Зеель, Познань	Исследование средств борьбы с сельскохозяйственными паразитами и для дезинфекции почвы	2118/15	
0328	Рашер, Мюнхен	Разогревание после общего охлаждения человеческого тела; лечение после частичного обморожения; привыкание человеческого тела к низким температурам.	1879/15	
0329	Хирт, Страсбург	Изменения в живом организме под влиянием отравляющих газов	1881/15	
0415	Фон Борштель, полковник, Веймар-Нора	Развитие авиационной аппаратуры для распыления инсектицидов и фунгицидов.	1975/15	Секретно

Онкологические исследования

Разработка: профессор, доктор К. Бломе

Берлин ЮЗ 68

Линденштр. 42

Телефон: 174871

Заместитель: доктор Бройер
 Берлин-Штеглиц
 Грюневальдштр. 35
 Телефон: 726071

№	Запрошено	Тема
0454/1857/15	Зипф, Кёнигсберг	Тесты продуктовых маркеров для их эффекта на онкообразование у животных
0473/1838/15	Шпек, Гейдельберг	Физико-химические исследования живых клеток

[Штамп] Совершенно секретно

Совет исследований Рейха
 Управляющий директор
 Комитет по онкологическим исследованиям

22 [карандашная пометка]

3-я копия

Уполномоченное лицо:

Профессор, доктор Курт Бломе
 Берлин ЮЗ 68, Линденштр. 42

«Нессельштадт»

Профессор, доктор Бломе, комиссар по онкологическим исследованиям, Берлин ЮЗ 68, Линденштр. 42

DE 1413-RPS-VLI/44
 SS 4891-0242 (1739/15) 44

Фрагменты допроса свидетеля Вальтера Неффа обвинением

.....

Макхэни: Когда начались эксперименты с обморожением?

Нефф: Первые эксперименты с обморожением начались в августе или конце июля. Они проводились профессором Хольцлохнером, доктором Финке и доктором Рашером. Эксперименты по обморожению можно разделять на два отдельных класса, серию Хольцлохнера-Финке, которая позже завершилась и серии, которые доктор Рашер проводил сам.

Макхэни: Хорошо. Предложите своё описание экспериментального бассейна.

Нефф: Экспериментальный бассейн был построен из дерева. Он был 2 метра длинной и 2 метра высотой. Он возвышался на 50 сантиметров выше пола и находился в блоке № 5. В экспериментальной камере и бассейне было много осветительных инструментов и другой аппаратуры, которую использовали для измерений.

Макхэни: Итак, вы заявили о том, что можно разделить эксперименты с обморожением на две группы, одна в которой Хольцлохнер и Финке работали с Рашером и затем период после ухода Хольцлохнера и Финке?

Нефф: Да.

Макхэни: Теперь расскажите трибуналу о том, приблизительно скольких лиц использовали за весь период? То есть, включая обе группы которые вы упоминали.

Нефф: От двухсот восьмидесяти до трёхсот подопытных использовались для экспериментов по обморожению. В действительности было проведено от 360 до 400 экспериментов, поскольку многих подопытных использовали более чем в одном эксперименте – иногда даже в трёх.

Макхэни: Итак, из всего 280-300 заключенных, приблизительно сколько умерло?

Нефф: Приблизительно от 80 до 90 подопытных погибло при этих экспериментах по заморозке.

Макхэни: Итак, сколько подопытных вы помните как использованных в экспериментах Хольцлохнера-Финке-Рашера?

Нефф: За этот период приблизительно от 50 до 60 подопытных использовали для экспериментальных целей.

Макхэни: Какие-либо из этих подопытных умерли?

Нефф: Да. За время этого периода времени было 15, может быть даже 18 случаев смерти.

Макхэни: Когда эта серия экспериментов завершилась?

Нефф: Она завершилась в октябре. Я думаю это было в конце октября. Тогда Хольцлохнер и Финке прекратили эти эксперименты, назвав причиной то, что они завершили свою задачу и что бесполезно проводить дальнейшие эксперименты такого рода.

Макхэни: И затем Рашер продолжил эксперименты сам?

Нефф: Да. Рашер проводил эти эксперименты, говоря, что он должен выстроить научную основу для них и подготовить лекцию для университета Марбурга о данном предмете.

Макхэни: Сколько Рашер проводил эксперименты по обморожению холодной водой?

Нефф: До мая 1943.

Макхэни: Итак, подопытные для экспериментов по обморожению отбирались таким же образом, как и для экспериментов с большой высотой?

Нефф: Нет. Здесь Рашер обращался к администрации лагеря и говорил ей, что ему требуется столько-то и столько-то подопытных. Затем политический отдел лагеря отбирал 10 заключенных по имени. Этот список направлялся коменданту лагеря и подписывался комендантом и затем их направляли на станцию Рашера и над подопытными из списка экспериментировали. Я использовал оригинальный список в качестве доказательства на первом процессе в Дахау.

Макхэни: Я правильно понимаю, что подопытные использованные в экспериментах по заморозке являлись политическими заключенными?

Нефф: Был ряд политических заключенных и был ряд иностранцев, но были и военнопленные и заключенные которых приговорили к смерти.

Макхэни: Эти лица не являлись добровольцами, не так ли?

Нефф: Нет.

Макхэни: Предложите трибуналу своё описание того как проводились эксперименты по обморожению, то есть как проводились тесты, как измерялась температура и как понижалась температура воды в бассейне и тому подобное?

Нефф: Эти бассейны наполнялись водой и лёд добавлялся до значений воды 3 С° и подопытных либо одетых в лётный костюм либо обнажённых помещали в ледяную воду. Во время периода Хольцлохнера и Финке, большинство экспериментов проводились под наркозом, потому что он утверждал, что вы не сможете установить точное состояние крови, и что вы исключаете силу воли подопытного если он находится под анестезией. Всегда, когда подопытные находились в сознании, некоторое время занимал так называемый холодный наркоз. Температура измерялась ректально и через желудок с помощью гальванометра. Понижение температуры до 32 С° было ужасным для подопытного. При 32 С° подопытный терял сознание. Эти лица замерзали до 25 С° температуры тела, и теперь, чтобы вы могли понять эту проблему, я хочу кое-что сказать о Хольцлохнере и Финке. Во время периода Хольцлохнера и Финке ни один подопытный не был убит в воде. Смерти случались после извлечения из-за дальнейшего падения температуры, из-за сбоя в сердце. Это также вызывалось ошибочно применяемой терапией, таким образом в отличие от экспериментов с низким давлением, смерти не причиняли умышленно. С другой стороны, в барокамере, все смерти нельзя было описывать как случайные, но как умышленное убийство. Однако, было по-другому, когда Рашер лично занялся этими экспериментами. Тогда большое количество лиц держались в воде пока не умирали.

Макхэни: Итак, свидетель, вы опознали подсудимого Вельца на скамье подсудимых. По какому поводу вы встречали Вельца?

Нефф: Я встречал Вельца в Мюнхене. Я видел его там однажды. По моим воспоминаниям он находился в командовании воздушного округа VII, Принцрегентенштрассе № 2, и я видел как он там говорил с Рашером, и позднее Рашер говорил мне о том, что он видел профессора Вельца. Я помню этот случай особенно, поскольку Рашер часто обсуждал с Вельцем его эксперименты на животных, которые он проводил в отношении обморожения. Я никогда не видел профессора Вельца в Дахау или где-либо в лагере.

Макхэни: Свидетель, вам известно, обменивались ли Рашер и Вельц информацией о проблемах с обморожением?

Нефф: Я не знаю этого. Я полагаю, что так, поскольку Рашер обсуждал эксперименты профессора Вельца и у него точно должны были быть какие-нибудь дискуссии с Вельцом о предмете. Однако, я не знаю о переписке с Вельцем.

Макхэни: Вы помните случай, когда двух русских офицеров испытывали в экспериментах по обморожению?

Нефф: Да.

Макхэни: Вы опишите инцидент трибуналу?

Нефф: Да. Это был худший эксперимент который, когда-либо проводился. Двух русских офицеров доставили из бункера. Нам запрещали говорить с ними. Они прибыли приблизительно в 4 часа вечера. Рашер раздел их и они вошли в бассейн обнажёнными. Час за часом шли и в то время как после короткого времени в 60 минут, начиналось замерзание, эти двое русских всё ещё были в сознании после 2 часов. Все наши призывы к Рашеру о том, чтобы дать им инъекцию были безуспешными. Приблизительно во время третьего часа один русский сказал другому: «Товарищ, скажи офицеру застрелить нас». Другой ответил: «Не жди милости от этой фашисткой собаки». Затем они пожали руки и сказали: «Прощай, товарищ». Если бы вы могли представить, что мы заключенные должны были быть свидетелями такой смерти, и ничего не могли сделать, тогда вы можете судить о том, насколько ужасным был приговор к работе на такой экспериментальной станции.

После перевода этих слов Рашеру в немного другой форме молодым поляком, Рашер ушёл в свой кабинет. Молодой поляк сразу попытался дать им анестезию хлороформом, но Рашер немедленно вернулся и пригрозил застрелить нас из своего пистолета если мы снова подойдём к жертвам. Эксперимент длился не менее 5 часов до смерти. Оба тела были направлены в Мюнхен для вскрытия в госпитале Швабинга.

Макхэни: Свидетель, сколько обычно уходило на убийство лица в этих экспериментах по обморожению?

Нефф: Длительность эксперимента варьировалась, согласно отдельным случаям. Был подопытный одет или нет, также давало разницу. Если он был слабого телосложения и если к тому же он был обнажённым, смерть часто случалась спустя лишь 80 минут. Но был ряд случаев в которых подопытный жил до 3 часов, и оставался в воде до смерти.

.....

Макхэни: Вы опишите трибуналу метод использовавшийся для отогревания жертв экспериментов по обморожению?

Нефф: За время периода Рашера, Хольцлохнера и Финке, отогревание в начале проводилось массажем и отчасти посредством инъекций лекарств влиявших на сердце, и также посредством обогревания электронагревателями и иногда посредством тёплой ванны. В конце периода Хольцлохнера, был введён метод с горячей водой, и он применялся до конца экспериментов по отогреванию за исключением нескольких специальных экспериментов с животным теплом. Приблизительно 10 женщин из концентрационного лагеря Равенсбрюк было приказано доставить в Дахау для обеспечения тепла и принуждали прижиматься к телу замёрзшего лица с целью отогревания его таким образом. Это были методы, которые использовались для разогреть замёрзшего тела.

Макхэни: Итак, свидетель, я понял, что вы сказали о том, что горячая вода была методом принятым до ухода Хольцлохнера и Финке?

Нефф: После ухода со станции Хольцлохнера и Финке, также проводилось отогревание горячей водой.

Макхэни: Вы помните получение приказов в сентябре 1942 от Зиверса о том, чтобы забрать сердца и лёгкие пяти заключенных, которых убили, для профессора Хирта в Страсбурге для дальнейших научных исследований?

Нефф: Это правильно, что я должен был взять образцы принадлежащие пяти лицам, которые умерли во время экспериментов из морга, для Хирта в Страсбурге. Конечно, я сам, никогда не проводил никакого вскрытия и поэтому не готовил эти образцы. Зиверс приказал мне поехать в Страсбург и там передать колбы профессору Хирту, вместе с сопроводительным письмом. Это был конец сентября или начало октября. Путевой лист был выдан Зиверсом и расходы на дорогу оплачивались «Аненербе».

Макхэни: Пятерых подопытных убили незадолго до вашего отъезда в Страсбург?

Нефф: Я не могу вспомнить абсолютно точно, были ли образцы свежими или их взяли их старых тел. Я знаю, что среди образцов были одни от голландца. Я не могу вспомнить точно национальность других.

Макхэни: Вы доставили эти сердца и лёгкие профессору Хирту в Страсбург?

Нефф: Я доставил их в Страсбург, не самому профессору Хирту, а в лабораторию университета. Письмо профессору Хирту я вручил лично, и он хотел, чтобы я вернулся и увидел его вечером, поскольку он должен был кое-что передать в Дахау. Он дал мне запечатанное письмо доктору Рашеру и пакет для сестры Пии, которые я передал Рашеру.

Макхэни: Итак, профессор Хирт также являлся членом, фактически главой отделения общества «Аненербе», не так ли?

Нефф: Мы знали о том, что профессор Хирт также проводил эксперименты и принадлежал к обществу «Аненербе»

.....

Фрагмент допроса подсудимого Хандлозера обвинением

Макхэни: Генерал, приступим. Ваш защитник спрашивал вас о том, получали вы или нет какую-либо информацию относительно экспериментов по обморожению проводимых Рашером, Хольцлохнером и Финке. Вы отрицаете, что когда-либо получали сведения о данном вопросе?

Хандлозер: Я сказал, нет.

Макхэни: В результате восточной кампании вы не были очень сильно заинтересованы в проблемах «холода»?

Хандлозер: Да.

Макхэни: Не по этой причине вы, направили офицеров армии на конференцию Люфтваффе в октябре 1942?

Хандлозер: Конечно интерес к проблемам холода имел важный характер. Я не знаю кто их приказал. С мая до конца октября я находился в штаб-квартирах в Украине и мне кажется, что начальник позвонил мне о том скольких людей нам надо отправить, и он может быть что-то предложил и я думаю я сказал ему по этому поводу: «Да, я полностью согласен. Направьте кого-нибудь». Само собой разумеется, что мы взяли людей, которые что-то знали о холоде, потому что они были людьми, которые были бы в этом заинтересованы.

Макхэни: Что же, направив их, вы сразу же утратили интерес к данной проблеме?

Хандлозер: Нет, я не утратил интерес. В определенный период времени кто-то, возможно, докладывал мне о том, что происходило или были какие-нибудь определенные результаты или нет, и что могло нам пригодиться. Но, тогда не упоминалось ничего особого о происходящем, и не о каких особо революционных результатах. В любом случае, я не могу вспомнить, чтобы нечто такое случилось. Я просто хочу указать на то, что мой интерес к холодным проблемам находился в нашей особой сфере данных проблем, то есть так называемого наземного холода, при обычной высоте или в горах в которых он касался солдат горных частей. Это было нечто, что мы обсуждали во время различных встреч, первой в 1942; это обширно обсуждалось, и самые точные директивы содержались в отчётах об этих встречах. Вы найдёте их в 1942, и вы найдёте их в 1943. Естественно мы интересовались проблемами холода и само собой разумеется, что нас всегда приглашало Люфтваффе. Тоже самое делалось повсеместно, не только в армии и сфере медицины, но также и технической сфере.

Макхэни: Что же, генерал, я думал это вероятно правильно; теперь я хочу представить вам то, что Хольцлохнер сделал очень заметное открытие и именно такое, что точно бы привлекло ваше внимание. Хольцлохнер и Рашер обнаружили, что полная тёплая ванна являлась чрезвычайно эффективным способом восстановления лиц от шока из-за долгой подверженности холодом, уход который впервые открыли русские в 19-м веке, но забытый на некоторое время. Это не являлось достаточно заметным вопросом, для того, чтобы Шрайбер¹⁰⁸, который был на той встрече, или один из многих армейских докторов которые были там, не обратил на него ваше внимание, после сильных холодов случившихся в России предыдущей зимой?

Хандлозер: Я уже говорил ранее, что мы всегда интересовались проблемами холода и как вы сказали, очень правильно, в основном из-за ужасной зимы 1941-42. Я ранее знал, что наши правила, которые действовали в войне и вероятно во время первого года войны, говорили о том, что людей которые замёрзли следовало разогревать очень медленно. Всё население было информировано о том, что замёрзших людей не следует разогревать слишком быстро. Даже до этого мы включали в свои правила то, что следует концентрироваться на разогревании, и описывались определенные формы разогревания. Если мы, люди армии знали, что русский фронт не впечатлят эти тёплые ванны, как думаете вы, это было из-за того, что вдоль всего восточного фронта не было никаких тёплых ванн, и это играло довольно большую роль в впечатлении которое могло произвести новое изобретение.

---

¹⁰⁸ Вальтер Шрайбер (1893-1970) – генераларцт Вермахта. Руководитель программы бактериологического вооружения.

Макхэни: А теперь, генерал, давайте пойдём по вашему пути. Вы вносили какие-либо изменения в основные директивы относительно разогревания после шока от подверженности холоду после этой конференции Люфтваффе или после конференции в декабре 1942?

Хандлозер: Если вы просмотрите отчёты о совещаниях и директивы, вполне возможно, что где-нибудь это есть, я не могу сказать точно где, хотя, нечто и говорилось о тёплых или горячих ваннах при замерзании. Вы сами представляли нашему сведения документ, о том что в декабре 1942, то есть, после Нюрнберга, Хольцлохнер говорил о своих вопросах по разогреванию во время конференции в академии. Это сообщалось 300-400 людям которые доносили эту информацию фронту и я уверен, что позднее новые директивы также, содержали информацию о тёплых ваннах.

Макхэни: Генерал, в этом я тоже уверен. Это та причина по которой я спросил вас, потому что нет сомнения тому, что большое значение придавалось результатам экспериментов в Дахау Рашера, Хольцлохнера и Финке. А теперь я хочу спросить вас, вы действительно слышали Хольцлохнера в декабре 1942 на конференции с консультирующими врачами в военно-медицинской академии?

Хандлозер: Я не могу вспомнить этого, и я должен сказать, что это то, что делалось различными экспертными органами. Я уверен вы понимаете, что эти экспертные органы занимались с предложениями самостоятельно. Однако, при всём желании, нельзя участвовать в нескольких экспертных органах одновременно.

Макхэни: Что же, тогда, генерал, эта речь Хольцлохнера приводилась в нашем документе НО-922, экземпляр обвинения 435 и он продолжает – у вас есть короткий обзор о его отчёте, но он не приводит клинических наблюдений в случаях смерти от холода, и я нахожу, что вы сделали некоторые комментарии об этом совещании по холоду на странице 51 оригинального отчёта. Он гласит:

«Хандлозер подчёркнул чрезвычайную важность образования также и в борьбе с холодом и обратился ко всем медицинским офицерам, в их качестве руководителей медицинской службы, чтобы они следили за тем, чтобы путём постоянно повторяемых объяснений каждого по отдельности учили соблюдать необходимые предохранительные меры».

Хандлозер: Могу я спросить где это? Это ссылка на лекцию Хольцлохнера? В любом случае, кажется, что это могло быть в рамках проблемы холода.

Макхэни: Генерал, я представляю вам немецкий, чтобы вы могли сами увидеть. Генерал, давайте прочтём короткий итог речи Хольцлохнера, потому что у трибунала нет перед собой документа. Он гласит:

«Штабсарцт, профессор Хольцлохнер:

«Предотвращение и лечение обморожения»

«В случае обморожения в воде температурой ниже 15 С° биологические контрмеры являются практически неэффективными, как в случае животных так и людей. Люди подвергаются рефлекторному ступору, росту сахара в крови, ацидозу, на более ранней стадии и в большей степени чем животные. При ректальной температуре ниже 30 С° в таких условиях воздействия моря регулярно возникает нарушение ритма сердца; при 28 С° у людей часто случается сердечный приступ. (Чрезмерная нагрузка из-за неравномерного распределения крови, рост сопротивления, и рост вязкости). Применение лекарств бессмысленно и не имеет эффекта. В случае людей, наилучшие результаты достигались горячими ваннами. Был разработан пенистый костюм в качестве профилактики замерзания в воде ниже 15 С°».

Итак, генерал, после небольшой сводки о сказанном Хольцлохнером, есть несколько других лекций о проблемах замерзания и затем в конце у нас есть господа, которые комментировали эти лекции; среди них мы находим, Бремера, доктора Гиппке, человека который поручил это эксперименты, и Яриша и Бюхера. Теперь я хочу спросить вас, освежил ли данный документ вашу память для того, чтобы вы смогли рассказать нам слышали вы или нет об этом отчёте Хольцлохнера.

Хандлозер: Да, после чтения того, что у меня сейчас в руках, совершенно возможно, что я слушал лекцию. В то же время, это подтверждает то, что у меня не настолько хорошая память как вы полагаете, потому что я уже держал данный документ в руках здесь в Нюрнберге; вы давали его мне и я забыл об этом.

Макхэни: Итак, Хольцлохнер описывал клинические наблюдения за смертями происходящими из холода на той лекции, это вы слышали?

Хандлозер: Не могу сказать.

Макхэни: Об этом не говорить в докладе?

Хандлозер: Здесь говорится, что Хольцлохнер принадлежал к Люфтваффе и насколько я был информирован позже, Хольцлохнер имел большой опыт из своей службы на Атлантическом побережье. Я уверен, что было нечто, что он упоминал в лекции. У него была станции спасения на Атлантическом побережье и рядом был госпиталь в котором он ухаживал за замёрзшими лицами, которых спасали из моря. Не было причины подозревать что-то особое за этим.

Макхэни: Было видно то, что он проводил эксперименты на людях?

Хандлозер: Нет.

Макхэни: Что же, генерал, мы слышали некоторые показания о речи Хольцлохнера в Нюрнберге за 2 месяца до этого, насколько я помню, там было определенное негодование на той встрече в октябре 1942, потому что все эти господа осознавали, что случилось; вы говорите мне, что никаких слухов не дошло из Нюрнберга до Берлина за 2 месяца, когда тот же человек рассказывал о том же самом, вы господа, полностью не ведали о том, факте, что эти эксперименты проводились на людях в концентрационном лагере?

Хандлозер: Я не могу сказать о каких-либо дискуссиях или возмущениях замеченных в Нюрнберге. В любом случае, я никогда ничего не слышал об отказе или каком-либо возмущении. Я хорошо могу представить, что если бы я провёл лекцию где-то и после, возникло впечатление некой недосказанности, или некой особой сенсации и если 2 месяца спустя, я бы делал такую же лекцию в другом месте, я бы естественно изменил свою лекцию и сделал бы выводы из произошедшего ранее. Я уверен, что дело в этом. В любом случае, после прочтения этого отрывка, если несколько страниц здесь пропущено и если не смотреть внимательно на страницы, можно полагать, что человек указанный здесь как Хандлозер говорил непосредственно после лекции Хольцлохнера. Мне кажется, что сам отчёт о встрече показывает, что было ещё несколько других лекций между лекцией Хольцлохнера и дискуссией. Вы также должны признать, что учитывая факт, что мы снова собирались зимой (эта встреча проходила в декабре 1942) мои замечания не сильно ссылались на лекцию профессора Хольцлохнера, но просто напоминали о том, что мы хотели сделать всё и о способе концентрации всего нашего интереса к фронту на котором были обморожения с целью помогать нашим солдатам. Об этом была дискуссия.

.....

Фрагменты допроса подсудимого Шрёдера обвинением

.....

Макхэни: Мне не кажется, что вы уже рассказывали трибуналу о разговоре с Хольцлохнером о его экспериментах по охлаждению.

Шрёдер: О каких экспериментах вы говорите? Каком разговоре? Вы говорите о 1940?

Макхэни: Генерал, вам известен факт о некоем споре между обвинением и вами о точной дате, но вы знали о том, что в ходе войны Хольцлохнер, Финке и Рашер проводили эксперименты на заключенных концентрационного лагеря в Дахау?

Шрёдер: Да, я узнал это в моём ведомстве в 1944, как я говорил ранее.

Макхэни: И, я предложу вам, что после того как узнали, что Хольцлохнер был вовлечен в эти эксперименты вы вызвали его и поговорили с ним?

Шрёдер: Да, о, да. Я знаю, о чём вы говорите, да. Было две вещи в которых я участвовал. Я вчера говорил, что в 1940 Хольцлохнер готовил людей, которые спасали в море на спасательной станции в Вице, где он получил первый опыт. Затем я потерял Хольцлохнера из виду, поскольку я оставил запад в 1941 и я увидел его снова впервые осенью 1944, когда по некоторой причине которую я не знал, он посетил одного из людей в моём ведомстве. Тогда я коротко с ним поговорил, и поскольку я между тем узнал, что он проводил эксперименты в Дахау, я спросил его о том было ли это правильным и как он это делал. Я помню, что тогда он сказал, что проводил эксперименты, основываясь на том, что он проводил эксперименты основываясь на опыте, который он получил на побережье, и он добавил, что эти эксперименты в Дахау проводились на людях. Тогда он говорил о приблизительно шести или семи преступниках которых приговорили к смерти предоставленных в его распоряжение для этих целей. Тогда, он ничего не сказал о смертельных случаях. У меня сложилось впечатление о том, что весь ход экспериментов духовно его впечатлил. У меня было чувство, что он не хочет говорить о них; его последующее самоубийство это подтвердило.

Макхэни: Что же, генерал, я думаю это всё достаточно показательно. Есть две вещи, которые играют здесь роль. Я думаю вы вероятно упоминали об этом до этой даты. Когда была эта встреча с Хольцлохнером?

Шрёдер: Как я говорил во время своего допроса; я думаю это было в конце 1944. Я не могу вспомнить точную дату. Это мог быть ноябрь 1944. Я не совсем уверен.

Макхэни: Что же, это было после вашей инициативы по экспериментам с морской водой; правильно?

Шрёдер: Значительно позднее, да.

Макхэни: И насколько я помню, вы также говорили в допросе, что вы видели этот доклад Хольцлохнера, который как я понял вы отрицали ранее; итак, вы видели отчёт Хольцлохнера?

Шрёдер: Нет, я никогда не говорил о том, что у меня он был. Он докладывал мне об этом, но не представлял мне отчёт.

Макхэни: Итак, генерал, я читаю из сводки о допросе проведенном 21 октября 1946, и один параграф гласит следующее: «Шрёдер также знал об отчётах группы

«Опасности моря» и «Опасности зимы» из которых он мог заключить об использовании людей для экспериментов. Это также можно было заключить из отчёта Хольцлохнера об экспериментах по обморожению. Это также можно было заключить из отчёта Хольцлохнера об экспериментах по обморожению и это далее видно из комментариев, которые Рашер написал о данном предмете. Шрёдер узнал об этих делах в 1944». Итак, этот итог неточный?

Шрёдер: Очень неточный.

Макхэни: Хорошо, давайте выясним. В первой части 1943 вы получили отчёт о встрече в Нюрнберге, не так ли?

Шрёдер: Да.

Макхэни: В мае 1944, Бекер-Фрейзинг сказал вам, что Хольцлохнер, Финке и Рашер проводили эксперименты на заключенных концентрационного лагеря Дахау, не так ли?

Шрёдер: Так не правильно это представлять. Он сказал, что Хольцлохнер проводил эксперименты; не говоря мне ничего о Рашере и Финке. Я их тогда не знал. Я узнал эти имена только после задержания.

Макхэни: Вы имеете в виду, что до этого не слышали о том, что Рашер работал с Хольцлохнером в этих экспериментах; это правильно?

Шрёдер: Нет, я так не говорю. Я услышал имя Рашера впервые в этом отчёте в 1945, когда меня задержали.

Макхэни: Что же, я не знаю, генерал, но я собираюсь сейчас посмотреть – я думаю имена Рашера и Финке упоминались в этом отчёте, первую часть которого вы получили в 1943 на встрече в Нюрнберге. Вы это вспоминаете?

Шрёдер: Нет.

Макхэни: И я очень хорошо помню, что Рашер прокомментировал эту достаточно длинную лекцию Хольцлохнера, из чего можно было ясно понять, что Рашер сам экспериментировал с Хольцлохнером; вы не помните это?

Шрёдер: Я могу это сейчас сказать, потому что между тем я видел отчёты «Опасности моря» и «Опасности зимы», и внимательно их читал и познакомился с разными именами, и я знаю, что в этом отчёте был обширный отчёт Хольцлохнера и потом короткое замечание Рашера. Я не обратил никакого внимания на это тогда, потому что у меня не было связей с Рашером, как и не видел причины для этого; но меня заинтересовал отчёт Хольцлохнера, потому что я знал его по работе на побережье Франции.

Макхэни: Что же, мы вернёмся к отчёту прямо сейчас, но теперь я хочу продолжить с вашей дискуссией с Хольцлохнером. Вы можете рассказать нам, более или менее точно, о чём точно он говорил?

Шрёдер: Это чересчур для меня, просить вспомнить короткое замечание сделанное мною в 1944 по поводу очень короткого визита. Я вспоминаю, что я встретил Хольцлохнера вне своей комнаты, и я попросил его зайти на секунду; затем я спросил его об экспериментах. Он коротко ответил и на этом разговор закончился. Единственной вещью которая меня потрясла, было то, что Хольцлохнер, который ранее был очень живым и шустрым человеком, показался мрачным и озабоченным. Я приписал это тому, что прошло 5 лет войны. Вероятно были и другие причины, что я смог понять из его трагического решения. Могло быть, что я прокомментировал этот предмет своему адъютанту. Я сейчас не уверен, но я думаю, что это совершенно возможно, потому что Августинич очень хорошо знал Хольцлохнера и он ему нравился. Вероятно можно об этом спросить Августинича позднее.

Макхэни: Вы только, что сказали, что у вас сложилось впечатление о том, что Хольцлохнер не хотел говорить об этих экспериментах, и вас также лишь запятывают эксперименты в Дахау. Я думаю в таких обстоятельствах можно ожидать, что вы должны были расспросить Хольцлохнера более подробнее о том как проходили его эксперименты? Вы этого не сделали?

Шрёдер: Он коротко мне сказал о своих наблюдениях с побережья английского канала которые можно было проверить в экспериментах проведенных в Дахау на преступниках приговорённых к смерти, и то, что эти эксперименты описывались в отчёте, который он представил. Было совершенно ясно, что происходило, таким образом почему я должен был спрашивать о чём-то ещё? Меня не особо они интересовали.

Макхэни: Что же, эксперименты с морской водой тогда проводились?

Шрёдер: Да, незадолго до этого, и из-за этого Хольцлохнер пришёл ко мне, потому что эти эксперименты были давно завершены.

Макхэни: У вас был какой-либо представитель на совещании в Нюрнберге в октябре 1942.

Шрёдер: Нет.

Макхэни: Итак, вы упоминали этот отчёт, который вы получили об этом совещании; это документ НО-401, экземпляр обвинения 93. Вы заявили о том, что вы не знали Рашера и Финке, которые работали с Хольцлохнером. Я нашёл заявление на странице 11 данного отчёта, которое гласит следующее: «Следуя фактам, мы благодарим за сотрудничество штабсарцта доктора Рашера и штабсарцта доктора Финке; они ссылались на пребывание в воде при 2-12 градусах». Данное заявление очень чётко указывает на то, что Рашер и Финке работали с Хольцлохнером, не так ли?

Шрёдер: Да.

Макхэни: Итак, я думаю, вы заявили своему защитнику, что для вас было невозможно заключить из этого отчёта то, что эксперименты проводились, но скорее, вы думали о том, что проводились клинические наблюдения на людях, выловленных в Северном море, правильно?

Шрёдер: Да, я основывал свои показания на отчёте Хольцлохнера, который был единственной вещью заинтересовавшей меня. Были отчёты Розе и других, но я не читал их. Я коротко их просмотрел, но не придал им дальнейшего внимания, потому что, я не знал людей, которые их готовили.

Макхэни: Давайте коротко взглянём на один или два пункта и посмотрим, не могут ли они указать вам, если бы вы подумали о них немного больше, что это были действительно эксперименты, а не клинические наблюдения на людях, которые попали в море. Например, на странице 11 перевода говорится следующее:

«Заметна скорость, с которой происходит онемение. Это определялось тем, что уже от 5 до 10 минут падения, возникал развивающийся озноб скелетных мускулов, который особенно сильно приводил к затруднению движения рук. Он также влияет на дыхание. Дыхание и выдыхание затруднялось затруднялось. Кроме этого, происходит сильное выделение слизи».

Итак, когда вы прочли этот небольшой параграф про человека, который находился в воде от 5 до 10 минут, где говорится, что у него был озноб скелетных мышц, где его дыхание затруднялось и его дыхание прерывалось и где была сильная секреция слизи, вы представляете, что они с доктором Хольцлохнером в спасательной лодке в Северном море проводили эти наблюдения на некоем лётчике, который упал? Генерал, вы так думаете?

Шрёдер: Да, так я и думал. Вы не знаете это место расположенное в Виссоне. Там есть пляжи и дюны, и охрана со спасательных станций всегда находились на дюнах для того, чтобы следить за водой и окружающей местностью, в частности, когда проходили полёты в Англию, таким образом, действительно получалось, что лётчики выбрасывались в воду прямо возле берега. Спасательные лодки были наготове и немедленно выходили в море, так что было возможным, чтобы лётчиков упавших в море близко к берегу можно было быстро заметить и спасти. Таковы факты, которые действительно происходили на спасательной станции.

Макхэни: На той же самой странице есть замечание: «При падении ректальной температуры до 31 C° возникало спутанное сознание, которые переходило в глубокую, холодную анестезию если снижение шло ниже 30 C°».

Итак, вы предполагали, что они вылавливали этого лётчика и вставляли ему ректальный градусник и обнаруживали температуру в 31 С° и затем вынимали его и позволяли упасть ей ещё, наблюдая спутанное сознание, и затем вставляли его снова, когда она была 30 С°, и замечали глубокую, холодную анестезию?

Шрёдер: Нет, так это тоже нельзя представить. Это было одним из наблюдений, которые были новыми для нас и которым мы придавали большую долю внимания с целью объяснения этих непонятных смертей, а именно, факта, что, когда людей доставали из воды их температура всё еще падала и одновременно с падением температуры происходил сердечный приступ. Это было одним из наших фундаментальных и новых наблюдений. И я должен снова и снова сообщать о том, что, этот спасательный дом был небольшим местом, но имел аппаратуру для наблюдения за этими людьми. В этом был смысл вещи.

Макхэни: Генерал, вы уже немного прикрыли себя, сказав, что не читали об этих дискуссиях после лекции Хольцлохнера; но я хочу, чтобы вы в любом случае прочли Рашера, и посмотрели, признаёте ли вы, что если бы вы прочли этот небольшой комментарий Рашера, то вообще бы не усомнились в том, что проводились эксперименты, а не наблюдения на лётчиках в Северном море. Это на странице 15 перевода, и Рашер сказал:

«Дополняя выступление Хольцлохнера, есть отчёт о наблюдениях согласно которым охлаждение только шеи, даже если оно длилось несколько часов, вызывало простое снижение температуры тела на 1 С°, без изменения уровня сахара в крови или функции сердца. Проверка ректальной температуры проводилась измерением температуры в желудке и показывала полное соответствие. После принятия алкоголя, температура тела падала быстрее. После принятия декстрозы, падение замедлялось в экспериментах как в состоянии опьянении, так и трезвом. Горячие растворы (10 процентный раствор декстрозы, раствор столовой соли, тутофозин, раствор столовой соли с панкортексом) были успешными только временно».

Генерал, итак, если бы вы прочли это, не стало бы ясно, что это были эксперименты?

Шрёдер: Конечно, сегодня после того, как весь вопрос раскрыт я бы понял; но тогда, я никогда не подозревал о возможности того, что отчёт готовился особой группой по человеческим экспериментам. Я могу сказать это под присягой, и я хочу это повторить. Это было моим отношением тогда, и оно изменилось обнаруженным здесь.

Макхэни: Я могу также указать вам на комментарий Бенцингера прямо постоянно говоривший об экспериментах Хольцлохнера; но я полагаю, что это также не произвело на вас впечатления?

Шрёдер: Я могу сказать на это одну вещь. Мои товарищи, медицинские офицеры моего ведомства в Италии, не заметили того, что эксперименты на людях являлись основой для данных отчётов. Никогда не единого слова не говорилось о такой вещи по случаю моих инспекционных визитов. Конечно, во время моих визитов на Средиземноморье такие вопросы поднимались; но я никогда не слышал ни о каком указании на то, что эти отчёты являлись результатом долгой серии экспериментов на людях. Другими словами, другие тоже не видели того, чтобы указывало на серию экспериментов с людьми.

Макхэни: И вы не слышали слухи в воздушных силах о всех этих экспериментах, хотя было большое собрание в Нюрнберге в октябре, со значительным комментированием этих экспериментов? Хольцлохнер позднее прочёл лекцию всем консультирующим врачам, по крайней мере тому кто присутствовал на встрече по терапевтической медицине на которой он выступал. Он давал ещё один отчёт об этих экспериментах. Вы никогда не слышали никаких слухов в воздушных силах об этих вещах; это правильно?

Шрёдер: Нет.

Макхэни: Вы никогда не говорили с Финке об этих вещах?

Шрёдер: Я постоянно заявлял, что даже не знал Финке.

.....

Фрагмент допроса подсудимого Зиверса защитой

Вайсгербер: Во время последующего периода вы вступали в контакт с доктором Рашером?

Зиверс: Я однажды ездил в Дахау с целью участия в административном совещании во время, когда доктор Рашер, профессор Хольцлохнер и доктор Финке завершали эксперимент с холодом. То есть, подопытный просто лежал в комнате, но я не видел ничего другого из этого эксперимента.

Вайсгербер: По поводу этого эксперимента или по случаю последовавшего обсуждения, вы, что-либо слышали более подробно от Рашера об экспериментах?

Зиверс: Эти три человека были очень заняты с аппаратурой используемой в эксперименте. Мне было сказано, что требуется как можно быстрее завернуть в тёплое покрывало. Профессор Хольцлохнер заявил о том, что они почти завершили

свои эксперименты и что вряд ли необходимы дальнейшие эксперименты. Никаких научных вопросов не обсуждалось.

Вайсгербер: Вы видели какой-либо отчёт или получали от Рашера отчёты об этих экспериментах с холодом?

Зиверс: Нет. Эти отчёты также напрямую шли к Гиммлеру от Рашера, как видно из документов представленных здесь.

Вайсгербер: В документе 1611-ПС (экз. обв. 85), вы находите письмо направленное рейхсфюрером СС доктору Рашеру, датированное 22 сентября 1942. Во втором параграфе оно говорит о том, что оно было направлено оберштурмбаннфюреру СС Зиверсу для сведения. Параграф 1 упоминает промежуточный отчёт об экспериментах с холодом доктора Рашера в концентрационном лагере Дахау. Из чего можно заключить, что вы получали промежуточный отчёт.

Зиверс: Этот промежуточный отчёт шёл напрямую от Рашера Гиммлеру, иначе бы Гиммлер не ответил напрямую Рашеру. Однако, я не думаю, что само собой разумеется, что Рашер рассказывал Гиммлеру в этом промежуточном отчёте, или неким иным образом, о том, что, когда я услышал об этих экспериментах с холодом я посчитал их извращением. Я полагаю, что направляя мне этот отчёт, мне следовало передать мнение Гиммлера, и вот почему я получил копию этого письма для моего сведения.

Вайсгербер: Итак, вы будете достаточно любезны, чтобы перевернуть одну страницу, и вы найдёте там письмо доктора Рашера датированное 3 октября 1942. (НО-285, экз. обв. 86). Это письмо, очевидно, направлялось доктору Рудольфу Брандту. Из данного письма становится очевидным, что Рашер обращался к вам по ряду вопросов, это верно.

Зиверс: Да, я коротко к этому вернусь, прежде всего относительно барокамеры. Он говорил здесь о том, что он обратился ко мне с целью предпринять шаги относительно барокамеры. Я не ничего с этим не делал, по крайней мере не на основе просьбы Рашера, только позднее, когда Гиммлер прибыл в Мюнхен и когда он сам приказал мне направить ему проект письма, которое обсуждалось ранее. Он далее сказал, что он обратился ко мне относительно телетайпа, который запросил просьбу о подготовке женщин для данных экспериментов. Поскольку Гиммлер уже отдал приказы относительно подготовки подопытных, мне с этим ничего не оставалось делать.

Вайсгербер: Вы не участвовали во втором эксперименте?

Вайсгербер: Да, совместно с доктором Хиртом, которого я сопровождал по приказу Гиммлера, так как он был включён в эксперименты Рашера с одобрения Гиммлера. Гиммлер вероятно осознавал между тем, что Рашера в одиночку не хватило бы для

научного разъяснения этих очень обширных и сложных вопросов. Хирт смог прибыть в Мюнхен на один день, из-за своего состояния здоровья и по этой причине попросил подготовить всё заранее, для того, чтобы он мог вникнуть во все рабочие результаты, которые были получены до сих пор. Я сказал Рашеру подготовить всё согласно пожеланиям Хирта. Профессиональный преступник был представлен для цели этого эксперимента.

Вайсгербер: Это был профессиональный преступник уже приговорённый к смерти и как вы узнали о том, что это был преступник?

Зиверс: До начала эксперимента Хирт хотел посмотреть на материалы, потому что была возможность того, что этот эксперимент завершится смертельно. Приговор был вынесен отделом криминальной полиции администрации лагеря. Мы видели этот приговор, который был вынесен обычным судом, и стало очевидно, что этот человек имел за спиной более 10 лет исправительного учреждения и недавно был приговорён к смерти за убийство и воровство. Хирт далее спросил человека о том знает ли он о том, что эксперимент может завершиться смертельно, человек ответил о том, что хорошо об этом осведомлён. Он сказал о том, он все равно умрёт, так как он был законченным преступником, и он просто не мог прекратить свою преступную деятельность; поэтому он заслужил смерти.

Вайсгербер: Вы себя убедили в этом спросив подопытного о том, являлся ли он добровольцем?

Зиверс: После вопроса Хирта я лично спросил человека о том согласен ли он на эксперимент. Он соответственно ответил, что он полностью согласен, если не будет боли. Эту гарантию ему дали, потому что эксперимент проводился под общим наркозом. Я не участвовал во всём эксперименте, но я видел, что этому человеку дали анестезию.

Вайсгербер: Вы сами видели материалы криминальной полиции?

Зиверс: Да, я их прочёл, вместе с Хиртом.

Вайсгербер: Что же, я полагаю не было сомнения в том, что это был профессиональный преступник приговорённый к смерти обычным судом?

Зиверс: Это был самый обычный приговор. Все предыдущие приговоры приводились в деле, и я помню, что со смертным приговором, у него уже было 10 лет исправительного учреждения.

.....

Вайсгербер: Итак, будьте любезны перевернуть на страницу 86 документальной книги перед вами? Это отчёт о так называемой «конференции по холоду» датированной 26 и 27 октября 1942. Вы получали данный отчёт в «Аненербе»?

Зиверс: Я точно не получал его и не помню, чтобы где-то его видел.

Вайсгербер: Попечитель Вюст получил этот отчёт?

Зиверс: Мне так не кажется. Научная работа в связи с Рашером, которая касалась Гиммлера лично, всегда шла напрямую между Рашером и Гиммлером. Эти вопросы направлялись Вюсту только если Гиммлер действительно сам направлял их ему. Я не думаю, что в этом случае произошло именно это. В любом случае, Вюст никогда не говорил мне об этом. Эти отчёты и исследовательские задачи обсуждались полностью вне интересов и сферы Вюста.

Вайсгербер: Что вам известно о так называемых экспериментах с сухим холодом доктора Рашера?

Зиверс: Я знаю об этих экспериментах лишь из приказа Гиммлера, который он направил Полю и Гравицу о подготовке оборудования. Я не знаю проводились ли эти эксперименты. В любом случае, я понял об этом лишь здесь. В качестве предпосылки для дела Рашера говорилось, что требовалось проводить их на горной вилле в Судельфельде. Я должен был осмотреть сооружения там. Однако, исследования подтвердили, что почва в Судельфельде не подходит для таких задач. В то же время я услышал о том, что есть достаточное количество случаев обморожения в госпиталях на фронте. Поэтому я попросил Рашера, почему ему необходимо проводить дальнейшие эксперименты. Он избежал этого вопроса и просто категорически заявил о том, он исполняет приказ Гиммлера.

Вайсгербер: Какой это был год?

Зиверс: Это был конец 1942.

Вайсгербер: Приказ был в конце 1942?

Зиверс: Конец 1942. Разговор с Рашером о проживании проходил после.

Вайсгербер: И это планировалось на зиму 1943-44?

Зиверс: Нет, на 1942-43. Поскольку территория в Судельфельде не подходила, следовало найти другое место и я делал это очень медленно. Рашер давил на меня и Гиммлер был очень недоволен, но в конце концов я не смог создать себе дом. Гиммлер впоследствии приказал о том, чтобы приготовления были сделаны для проведения этих экспериментов следующей зимой. Я думаю я ошибся, я думаю это должна была быть зима 1943-44. Я уверен это был 1943-44 и я думаю, что после Гиммлер сказал о том, чтобы приготовления были сделаны в 1944-45. Однако эти эксперименты, никогда не начались потому что Рашер уже был арестован весной 1944.

Вайсгербер: В таком случае вы говорите о том, что эти эксперименты по сухому обморожению не проводились в горах зимой 1943-44. Вы помогли предотвратить эти эксперименты путём затягивания поиска подходящего места?

Зиверс: Да.

Вайсгербер: Теперь я коротко подытожи ваши показания относительно экспериментов по обморожению.

Харди: С позволения вашей чести, защитник ставит вопросы свидетелю и свидетель даёт показания по вопросам. Я думаю, что подытоживание после каждого эксперимента не требуется. Это можно оставить для заключительной речи.

Председательствующий: Короткий итог со стороны защиты может иметь место если он не будет повторением.

Вайсгербер: Да, ваша честь. Вы между тем затронули завершение эксперимента с холодом доктора Рашера в Дахау. Вы не видели отчётов об экспериментах доктора Рашера и не получали сведений о них иным образом. Подготовка подопытных по отогреванию не являлась вашим делом, и вы действительно не имели к этому никакого отношения. Вы присутствовали на дальнейшем эксперименте при обстоятельствах которые описывали. Вам ничего не известно об экспериментах с сухим холодом проводимых в Дахау. Вы добились затягивания и наконец полностью прервали эксперименты с сухим холодом в горах. Это верно?

Зиверс: Да, это правильно.

Вайсгербер: После раздумий, вы делали всё о чём приказывал Гиммлер?

Зиверс: Нет, вовсе нет.

.....

3. Эксперименты с малярией

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Ростоку, Гебхардту, Бломе, Рудольфу Брандту, Мруговски, Поппендику и Зиверсу вменялась особая ответственность и соучастие в преступных деяниях включающих эксперименты с малярией (пар. 6 (В) обвинительного заключения). Только подсудимый Зиверс был признан виновным по данному обвинению. По делу подсудимого Мруговски приговор трибунала не содержит отношения к данному обвинению.

Хотя подсудимому Розе не вменялась особая ответственность за участие в экспериментах с малярией, обвинение представило доказательства показывающие

определенное соучастие в данных экспериментах. Однако, трибунал в приговоре воздержался от вывода о виновности или невиновности в отношении Розе, поскольку эксперименты с малярией приводились в параграфе 6 (С) обвинительного заключения и поскольку Розе не находился среди тех подсудимых которым вменяли особую ответственность. Трибунал сказал о том, что заявление обвинения «список эпизодов и по сути, заявление для подсудимых о том, что им следует учитывать в своей защите, таким образом, чтобы только такие лица были вызваны для защиты самих себя по отдельным эпизодам. Включая список имён тех подсудимых которым вменялась особая ответственность за эксперименты с малярией имя Розе отсутствует. Мы думаем, что было бы совершенно несправедливо для подсудимого признавать его виновным за правонарушение по которому обвинительное заключение утвердительно указывало его невиновность.

Это не означает, что доказательства представленные обвинением являлись недопустимыми против обвинений действительно предъявленных Розе. Мы думаем, что они имеют доказательственную ценность в качестве подтверждения факта о сведениях Розе об экспериментах на людях в концентрационных лагерях».

Трибунал сделал выводы о виновности или невиновности в некоторых экспериментах, которые подробно не приводились в обвинительном заключении и относительно которых обвинительное заключение не называло отдельных подсудимых имеющими особую ответственность. Например, обвинение представило доказательства относительно флегмоны, полигеля и экспериментов по газовому отёку в составе общего обвинения в параграфе 6 обвинительного заключения, которое предполагает, что преступные эксперименты «включали, но не ограничивались следующими» экспериментами.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Розе

.....

В отношении экспериментов с малярией, на рассмотрение представлены два вопроса: первый, проводились ли эксперименты преступным способом, и второй, был ли связан подсудимый Розе с такими экспериментами.

То, что проведение экспериментов с малярией концентрационном лагере Дахау с февраля 1942 до конца войны являлось преступным, серьёзно не оспаривается никем из подсудимых. В декабре 1941, работая в Италии, доктор

Клаус Шиллинг встретил Конти, который был заинтересован в поддержке работы Шиллинга по проблемам малярии. Была организована встреча с Гиммлером, который дал своё разрешение на проведение экспериментов в концентрационном лагере Дахау. Шиллинг начал свою работу в Дахау в феврале 1942 и продолжал свои эксперименты до конца войны. Он в основном занимался обнаружением способа иммунизации людей от малярии. Во-время экспериментов, приблизительно 1200 заключенных концентрационных лагерей были заражены малярией как укусами заражённых комаров, так и инъекциями зараженной малярией крови. После заражения, к заключенным применяли различные вещества, включая хинин, неосальварсан и пирамидон. Большинство подопытных являлись не-немецкими гражданами. При заражении подопытных, приблизительно 30 умерло от прямого воздействия экспериментов и дополнительно от 300 до 400 умерло в результате осложнений.

Вышеуказанные факты были установлены определением главной военной комиссии по делу США против Вайсса и других, заседавшей в Дахау, Германия. (НО-856, экз. обв. 125). Клаус Шиллинг являлся подсудимым в том деле, был осуждён и приговорён к смерти. В письменных показаниях представленных в качестве доказательства данному трибуналу, датированных 30 октября 1945, Шиллинг признал, что подопытные не являлись добровольцами.

Одним из помощников Шиллинга в его экспериментах в Дахау был доктор Плётнер¹⁰⁹, который был сотрудником института военно-медицинских исследований «Аненербе» под руководством подсудимого Зиверса. Зиверс совещался с Плётнером относительно экспериментов с малярией и получал от него доклады. (3456-ПС, экз. обв. 123; записи от 30 января, 22 февраля, 23 мая, 31 мая, 1 июня, 24 августа). Розе заявил о том, что он узнал о том, что Плётнер являлся сотрудником Шиллинга при запросе в журнал тропической медицины в 1944 году. Плётнер опубликовал статью в данном журнале и она привлекла внимание Розе.

Свидетель Август Вивег свидетельствовал обвинению и подтвердил выводы военной комиссии в Дахау, Вивег был первым, кто подвергся экспериментам с малярией и впоследствии служил заключенным-помощником в палате малярии. Вивег свидетельствовал о том, что Шиллинг экспериментировал приблизительно на 1100 заключенных, включая немцев, поляков, русских и югославов. Среди русских заключенных использовались военнопленные. Семь или восемь подопытных умерли на малярийной станции, в основном в результате отравления пирамидоном. Он также свидетельствовал о том, что по его сведениям

---

¹⁰⁹ Курт Плётнер (1905—1984) — немецкий медик, сотрудник Аненербе, штурмбаннфюрер СС. После войны сотрудничал с разведкой США.

дополнительно 60 заключенных умерли после перевода из экспериментальной станции. Он далее заявил о том, что никто из заключенных не вызывался добровольцем, что он лично им не был, и что подопытных не освобождали по результатам эксперимента. Оригинал карты заражения из материалов Шиллинга в Дахау, показали дату заражения свидетеля Вивега «культурой Розе» (НО-983, экз. обв. 128).

Подсудимый Розе участвовал в преступных экспериментах Шиллинга готовя ему материал для проведения экспериментов. Данный материал готовился Розе при наличии сведений о фактах, которые могли привести любого разумного человека в выводу о том, что Шиллинг проводил преступные эксперименты. Розе знал Шиллинга многие годы и являлся его преемником в отделении тропической медицины института Роберта Коха. Более того, Розе, по своему собственному признанию, являлся советником доктора Конти, который организовал Шиллингу проведение его экспериментов в Дахау. Совершенно непохоже, чтобы такое приготовление проводилось без консультации Розе.

Розе готовил Шиллингу возбудителей малярии для его экспериментов в Италии во время 1941 года, факт, который Розе отрицал давая показания противоречит его письму Шиллингу, датированному 3 февраля 1941. (НО-1756, экз. обв. 486). Розе продолжал готовить инфицированный материал для Шиллинга после создания им экспериментальной станции в Дахау. Розе и его свидетели признали, что яйца малярийных комаров направлялись Шиллингу в 1942, но Розе, после этого случая, принял инструкции о том, чтобы Шиллингу больше не направлялся материал, потому что он не согласен с его исследовательскими целями. 4 апреля 1942 Шиллинг написал Розе с просьбой о «культуре Розе» для продолжения своих экспериментов. Это письмо содержит адрес «Дахау, 3К, госпиталь для заключенных» и на нём были инициалы Розе от 17 апреля 1942. Шиллинг заявил о том, что он будет «очень благодарен...за эту *новую* (курсив добавлен) поддержку моей работы». То, что Розе выполнил эту просьбу Шиллинга установлено, тем что Вивег сам был заражён «культурой Розе».

5 июля 1943, в письме, также с пометкой «Дахау, К3, малярийная станция» Шиллинг благодарил Розе за поставку яиц малярийных комаров и принял предложение Розе об отправке ему излишка яиц. Это письмо упоминает «заключенного Августа», который очевидно являлся свидетелем, Августом Вивегом. Это письмо содержит инициал Розе от 27 июля. (НО-1753, экз. обв. 488). В ту же самую дату Розе ответил на письмо Шиллинга, уведомив его о том, что при следующей благоприятной возможности, направит яйца малярийных комаров.

.....

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Зиверса

.....

Зиверс имел сведения и поддерживал преступные эксперименты с малярией в Дахау. Он свидетельствовал о том, что уже в 1942 он узнал от Гимmlера о том, что Шиллинг проводил эксперименты с малярией в Дахау. В меморандуме датированном 3 апреля 1942 относительно консультаций между Зиверсом и доктором Маем в месте размещения экспериментальной станции «Аненербе», Зиверс упоминал в качестве убедительной причины размещения в Дахау, тот факт, что Шиллинг проводил там свои эксперименты с малярией. (НО-721, экз. обв. 126). Хотя этот меморандум приводит имя «Шиллинг» Зиверс свидетельствовал о том, что имя Шиллинга планировалось.

Свидетель Вивег дал показания о том, что в конце 1943 или начале 1944 Зиверс совершил несколько визитов на малярийную станцию Шиллинга, на которой он консультировался с Плётнером, который являлся сотрудником Шиллинга. Он заявил о том, что Зиверс проконсультировался с Шиллингом и также инспектировал лабораторию. Зиверс свидетельствовал о том, что целью этих визитов и консультаций была подготовка перевода Плётнера в институт военно-медицинских исследований «Аненербе».

Ряд записей в дневнике Зиверса за 1944 подтверждает, что Зиверс был связан и поддерживал эксперименты с малярией. 30 января он получил меморандум Плётнера о малярии. Запись от 22 февраля говорит о «дальнейшей работе по вопросу гауптштурмфюрера СС доктора Плётнера через РГФ», Плётнер, кроме своей работы с Шиллингом, также сотрудничал с Рашером в экспериментах по свёртываемости крови. (Смотрите записи от 29 января и 14 апреля). 10 мая 1944 запись указывает на то, что исследовательская работа Рашера была передана Плётнеру. Это было видимо результатом сложностей в связи похищением им и его женой детей. 23 мая 1944 Плётнеру поручили управление отделом «Аненербе» в Дахау. Запись от 31 мая указывает на то, что Зиверс и Гравиц достигли взаимопонимания относительно сотрудничества Плётнера с Шиллингом. 21 июня, Зиверс совещался с Шиллингом об ограничении деятельности Плётнера с ним после его перевода в «Аненербе». Плётнер действительно был назначен главой отдела в институте военно-медицинских исследований «Аненербе» 27 июня. Запись от 24

августа 1944 отмечает, что было согласовано сотрудничество между Шиллингом и Плётнером.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительного обзора в защиту подсудимого Зиверса

.....

Эксперименты с малярией

1. Под руководством профессора, доктора Шиллинга, эксперименты с малярией проводились в концентрационном лагере в 1941-1944.

2. Согласно заявлениям вердикта военного суда Соединенных Штатов в Дахау 26 января 1946 (НО-856, экз. обв. 125) большое количество людей убили в этих экспериментах.

3. Зиверс не имел ни малейшей связи как с экспериментами по малярии профессора Шиллинга так и другими экспериментами с малярией.

Обвинение вменяет Зиверсу участие в экспериментах с малярией.

«Как можно видеть во всех сферах этой дьявольской программы экспериментов в нацистской Германии, подсудимые обвиняемые в экспериментах с малярией имели обширные сведения о деятельности Шиллинга. В некоторых случаях они активно работали с покойным доктором Шиллингом».

Для подтверждения, обвинение ссылается на НО-721, экземпляр обвинения 126.

Относительно 3456-ПС, экземпляр обвинения 123, дневник Зиверса 1944, записи от 22 февраля 1944 и 31 мая 1944, обвинение говорит:

«Из этого документа можно увидеть, что приблизительно 1 апреля 1942 Вольфрам Зиверс имел сведения о деятельности доктора Шиллинга в Дахау. Это письмо представляет предложение о дальнейших экспериментах и чётко показывает на то, что видный Вольфрам Зиверс в качестве управляющего делами «Аненербе» держал руку на пульсе этих вопросов».

Защита подтверждает:

Зиверс заявил своём перекрёстном допросе, что дела, которые он обсуждал с доктором Маем 1 апреля 1942 в Мюнхене вообще не имели никакого отношения к экспериментам с малярией. Зиверс нанёс обычный визит доктору Шиллингу в Дахау в середине 1944 года с целью добиться освобождения доктора Плётнера от производства пектина. Ни Зиверс, ни «Аненербе», ни институт военно-научных исследований не имели никакого отношения к этим экспериментам. Не подтверждается пункт четыре меморандума от 1 апреля 1942 (НО-721, экз. обв. 126) в какой-либо связи с экспериментами по малярии.

Письменные показания Хильдегард Вольфф относятся к меморандуму от 1 апреля 1942 и возникновению пункта четыре. Она взяла и напечатала меморандум под диктовку Зиверса. (Зиверс 11, экз. Зиверс. 8). Согласно этому, Зиверс диктовал очень быстро, сказав госпоже Вольфф записать пункт четыре таким как Гиммлер сказал в своём телефонном разговоре о строительстве института в Дахау. Поэтому, там не приводится мнение Зиверса, а Гиммлера.

Из дискуссии от 1 апреля 1942 между Зиверсом и доктором Маем было совершенно ясно, что эксперименты на людях в рамках работы по исследовательскому приказу доктора Маю абсолютно не обсуждались, не только по причине того, что эти эксперименты следовало принципиально отвергать, но также, потому что эксперименты на людях вообще не имели никакого отношения к задаче развития инсектицидов для насекомых опасных для людей. Более того, никакого рода эксперименты на людях не проводились в связи с работой доктора Мая. Свидетель, доктор Май, свидетельствовал о дневниковой записи Зиверса от 22 февраля 1944 о том, что никогда не существовало никакого сотрудничества между доктором Маем, доктором Плётнером и доктором Шиллинг.

Однако, это было бы необходимым условием с целью классифицировать административную деятельность Зиверса в такой связи как участие.

Что касается пунктов четыре, пять, шесть, семь, нет оснований для заявления об этих пунктах.

Итог

Поскольку Зиверс не принимал участия в экспериментах с малярией профессора Шиллинга в Дахау или других экспериментах с малярией, он является невиновным в преступлении. Таким образом, любая особая ответственность и соучастие в экспериментах с малярией исключены.

.....

Фрагмент из заключительного обзора в защиту подсудимого Розе

.....

Заявления по вопросу ответственности подсудимого Розе в экспериментах с малярией проводимых профессором Клаусом Шиллингом в концентрационном лагере Дахау и по вопросу участия Розе в таких экспериментах

В обвинительном заключении, профессор Розе не обвинен в особой ответственности за эксперименты с малярией проводимые профессором Шиллингом в концентрационном лагере Дахау или в соучастии. Подсудимый Розе также не упоминался обвинением в документальной книге № 4, что касалось экспериментов с малярией. В ходе устных слушаний в суде, обвинение, однако, предпочло вменить профессору Розе данные пункты и добавило несколько новых документов на процессе во время перекрёстного допроса подсудимого Розе (НО-1752, экз. обв. 487; НО-1753, экз. обв. 488; НО-1755, экз. обв. 489; НО-1756, экз. обв. 486) и также заслушало свидетеля Вивега по данному вопросу.

Данные доказательства показывают, что среди прочего также отделение тропических заболеваний института Роберта Коха в Берлине, под руководством подсудимого Розе, направляло яйца малярийных комаров и малярийные культуры по нескольким поводам профессору Шиллингу в Дахау во время 1942-1943. При этом следует упомянуть, что полностью нематериально для приговора по данному делу каким было название культуры малярии и изменялось ли имя Шиллинга на «культуру Розе». Вышеуказанные доказательства также показывают, что профессор Шиллинг говорил профессору Розе в двух из своих писем о разведении комаров; наконец также видно, что профессор Шиллинг просил подсудимого Розе предоставить ему из Италии селезёнки лиц умерших от малярии. Это было в 1941, время, когда Шиллинг ещё не работал в Дахау. Согласно показаниям данным подсудимым Розе во время перекрёстного допроса, он очевидно выполнил просьбу Шиллинга.

Трибуналу решать о том являлась ли вышеуказанная деятельность отделения тропических заболеваний института Роберта Коха под руководством подсудимого Розе или его собственные действия, наказуемым в рамках уголовного кодекса, соучастием со стороны подсудимого Розе в деяниях профессора Шиллинга. По моему мнению это решение может быть только отрицательным, по следующим причинам.

Доставка материала необходимого для исследований малярии, такого как яйца малярийных комаров и малярийные культуры являлась одной из официальных обязанностей отделения тропических заболеваний института Роберта Коха (Розе 11, экз. Розе 27). Данное отделение являлось подразделением, которое исключительно занималось такими вопросами. Это можно видеть как из ежегодных отчётов института Роберта Коха так и отчёта охватывающего третью конференцию восточных консультирующих специалистов обсуждавшую рабочие проекты. (Розе 38, экз. Розе 10; Розе 10, экз. Розе 26; Розе 12, экз. Розе 28). Поставки такого рода являются общей международной практикой и никогда не отрицались подсудимым Розе. Также является общей практикой использование человеческих органов для проведения научной работы.

Предпосылками для таких поставок являлось то, что они запрашивались либо известными институтами или видными научными исследователями. Нельзя отрицать, того, что Шиллинг, соратник Роберта Коха¹¹⁰ и член комиссии по малярии Лиги наций, являлся известным исследователем малярии. В случае такого рода, непоставка такого материала являлась бы выразительным нарушением традиционной практики и официального долга. Также международно не принято для заказчика опрашивать о планах использования материала до его поставки. Даже если бы профессор Розе заявил, давая показания, что он признаёт полную ответственность за это, следует упомянуть, что эти поставки осуществлялись настолько рутинным образом, что начальник института часто ничего не знал о таких вопросах, поскольку эти вопросы передавались независимо от личного состава его лаборатории. Такой же была процедура в настоящем деле на, что однозначно указывают доказательства. (Розе 35, экз. Розе 32;) Таким образом, никоим образом не удивительно, что подсудимый Розе уже не помнит переписку с профессором Шиллингом представленную ему обвинением в перекрёстном допросе в особенности, поскольку, несомненно часто случается так, как и спорном деле, хотя письма и направлялись заказчиком главе такого института лично, передача заказа вместе с тем проводилась независимо сотрудниками института.

Кроме того, поставки этих материалов отделением тропических заболеваний института Роберта Коха профессору Шиллинга никоим образом не являлись предпосылкой к проведению его экспериментов в Дахау, поскольку уже было установлено, что Шиллинг получил не менее чем 12 других культур малярии от других институтов (НО-1752, экз. обв. 487). Профессор Шиллинг также получал

---

¹¹⁰ Роберт Кох (1843 — 1910) — немецкий микробиолог. Открыл бациллу сибирской язвы, холерный вибрион и туберкулёзную палочку. За исследования туберкулёза награждён Нобелевской премией по физиологии и медицине в 1905 году.

комаров из других институтов. Естественно эти институты также не имели никаких подозрений об отправке материала профессору Шиллингу. В дополнение к этому, профессор Шиллинг лично, поддерживал группу людей для ловли комаров. Если профессор Шиллинг вообще и обращался в институт Роберта Коха в этом вопросе, основной причиной делать это, было то, что десятилетиями он сам являлся главой отделения тропических заболеваний института и что там всё еще работали сотрудники, которые ранее работали под его руководством.

Подсудимый Розе, фактически, противостоял научному подходу Шиллинга к данной проблеме, как можно ясно видеть из его мнения о Шиллинге министерству внутренних дел Рейха и из его лекции в Базеле. Однако, судя по личности и прошлому профессора Шиллинга, вместе с тем, он согласен с идеей о том, что работа профессора Шиллинга в Дахау может быть полностью безупречной. Эксперименты на людях по исследованию малярии, прежде всего и само собой разумеется являются общей практикой. Даже если бы подсудимый Розе всегда ограничивал свою работу традиционной оценкой терапии малярийной инфекции, эксперименты на заключенных в данной сфере должны были быть допустимыми с этической точки зрения, что подтверждается экспериментами с малярией на многих сотнях заключенных американских тюрем. (Карл Брандт 1, Карл Брандт экз. 1; Карл Брандт 117, Карл Брандт экз. 103; Мруговски 80, Мруговски экз. 76; Розе 50, Розе экз. 49). Помимо того факта, что поставка материала Шиллингу никоим образом не обязывала его вникать в исследования последнего и его способы и средства, Розе действительно вообще не имел сведений об объекте исследований проводимых Шиллингом и не знал о сотрудниках последнего (Розе 29, Розе экз. 34; Розе 30, Розе 33). Еще меньше он был информирован об условиях в которых Шиллинг работал в Дахау.

Подсудимый Розе сам является хорошо известным исследователем малярии. Исследования малярии являлись основной темой его отделения в институте Роберта Коха в Берлине и также позднее в Пфаненффриде. Профессор Шиллинг работал в Дахау лишь с бенинской малярией. Профессор Розе, как опытный исследователь малярии, знал о том, что течение этой формы малярии не являлось опасным и что у неё не ожидалось осложнений. (Розе 50, Розе экз. 49). Свидетель Вивег также прямо заявил о том, что никто из заключенных не умер от малярии, но что причина смерти могла возникать из-за технических ошибок или осложнений, как, например, ошибочный прокол печени приводивший к кровоизлиянию, из-за ошибок в операции и передозировке пирамидона в терапии, распространении тифа среди подопытных и наконец, ошибочных дозировок при лечении сальварсаном. Кроме того, следует также отметить, что подсудимый Розе

также возражал такому методу лечения. Данный метод по его предложению был запрещён в германских Люфттваффе. (НО-922, экз. обв. 435).

Не требуется никаких дальнейших пояснений, чтобы показать, что только лицо проводящее эксперименты является ответственным за технические ошибки и небрежности в работе. Мне кажется, что даже его начальники, которые приказали о его работе, а именно Гиммлер и Гравиц, не являются ответственными за них. Однако, лицо которому поручили эти эксперименты было обязано предпринимать действия при информации о таких технических ошибках или небрежности. Однако, подсудимому Розе ни поручалось надзирать, и он не был информирован об этих вопросах. Также нечестно полагать, что он знал об этих вопросах, потому что он принимал участие в конференции по экспериментам с обморожением, которая проходила в Нюрнберге в октябре 1942. Во-первых, эксперименты по обморожению проводимые профессором Хольцлохнером, хотя также проходили в Дахау, никоим образом не были связаны с экспериментами по малярии проводимыми профессором Шиллингом. Далее, участники этого совещания были дезинформированы о методе использовавшемся в этих экспериментах и о статусе подопытных. (Хандлозер 37, экз. Хандлозер 18).

Итак, уверен, известно, что эксперименты Хольцлохнера, Рашера и Финке проводились в Дахау. Однако, это точно не доносилось до публики на вышеуказанной конференции в Нюрнберге. Даже если бы один из участников подозревал, что эксперименты проводились в концентрационном лагере, он бы не имел ни малейшей причины предполагать, что речь идёт о концентрационном лагере Дахау.

Отчёты Шиллинга о его работе всегда направлялись Гиммлеру или Гравицу, но никогда не заходили дальше. Это также объясняет, почему никакие отчёты об экспериментах Шиллинга не находились в конфискованных материалах подсудимого Розе.

Розе лично является безупречным типом работника в сфере исследования малярии и относительно его заботы о здоровье своих пациентов с малярией (Розе 47, Розе экз. 35), как показано исследованием предпринятым компетентными американскими властями. Он рисковал своей жизнью (Розе 8, экз. Розе 29) с целью передать свой институт исследований малярии в Пфаффенроде американцам – в отличие от Дахау, без сожженных дел и похожего, и также гарантировал продолжение ухода и медицинского лечения своим пациентам (Розе 31, экз. Розе 36; Розе 32, экз. Розе 37; Розе 33, экз. Розе 38; Розе 34, экз. Розе 39). Было бы совершенно непостижимо, чтобы такой человека стал ответственным за технические ошибки и небрежность другого человека на которого он даже не мог повлиять.

г. Документы и показания

Частичный перевод документа НО-856

Экземпляр обвинения 125

Фрагменты обзора слушаний главного военного суда по делу «Соединенные Штаты против Вайсса, Рупперта» и других, проведённого в Дахау, Германия.

.....

Серия экспериментов по лечению малярии проводилась под надзором обвиняемого доктора Шиллинга. От трёх до четырёх сотен лиц скончались в результате. Установленные факты в отношении этих экспериментов подробно излагаются ниже в связи с доктором Шиллингом.

.....

Б. Общий умысел руководящего состава Дахау

.....

В. Отдельные подсудимые

.....

15. Доктор Клаус Шиллинг. Особая экспериментальная станция была создана в стороне от госпиталя для проведения экспериментов с малярией под надзором обвиняемого, доктора Шиллинга. Шиллинг проводил свои исследования для цели определения иммунизации и лечения малярии. Запросы о заключенных делались Шиллингом. Один такой запрос, который был признан доказательством, заявляет о том, что требовались польские заключенные. Список заключенных готовился у главного врача лагеря, заключенные были всех национальностей, которые присутствовали в лагере, и направлялся в трудовой отдел, который готовил копию списка. Этот список подтверждался шутсшафтслагерфюрером с внесением некоторых изменений. Эти списки появлялись почти каждый месяц с 1943. Никто из 1200 отобранных никогда не соглашались и не вызывались добровольцами.

Священники часто отбирались для этих экспериментов, заключенный, священник отец Кох, сослался на свой опыт в данной связи. Его сначала облучили рентгеном и затем направили на малярийную станцию. Его поместили в маленькую комнату в которой ему дали коробку с комарами, которую он должен был держать в руках около получаса. Это случалось каждый день недели. Каждый вечер ещё одну коробку с москитами помещали ему между ног, пока он находился в кровати. Каждое утро делался мазок крови из уха и его температура измерялась каждый день и ночь. Ему давали хинин. Приблизительно 17 дней он оставался в госпитале. После освобождения из госпиталя он должен был являться каждую субботу. Восемь месяцев спустя у него случился приступ малярии, которые повторялись каждые 3 недели за 6 месяцев. Симптомами которые он чувствовал, были высокая температура, озноб и боли в суставах. Кох не являлся добровольцем для экспериментов как и другие заключенные, в большинстве поляки и русские, которых подвергали лечению с ним.

Заключенных инфицировали малярией путём инъекций из самих комаров или инъекций экстракта слизистых желез комаров. После заражения малярией заключенных лечили разными способами. Некоторым, таким как отец Кох давали хинин. Другим давали неосальварсан, пирамидон, антипирин, вещество под номером 92516 и несколько этих комбинаций. Некоторые люди умерли в результате этих экспериментов. Шиллинг присутствовал, при проведении вскрытий этих лиц. Всегда в случае смерти, от инъекции малярии, отчёт об этой смерти составлялся обвиняемым Шиллингом и главным врачом. Некоторые из жертв умирали от интоксикации неосальварсаном и пирамидоном, так как многие лица не могли выдержать большую дозировку этих веществ. Из вскрытий нельзя было определить, что пациент умер от неосальварсана, поскольку реакции были схожи с мышьяком. В начале 1944 три смерти случились из-за пирамидона. Этих людей доставили напрямую из малярийного отделения в прозекторскую. Двое молодых русских мальчиков, которых перевели из отделения малярии в общее медицинское отделение умерли в день прибытия из-за передозировок пирамидона. Их отправили в общее отделение, для того, чтобы официальной причиной смерти не являлась малярия. Пирамидон токсичен для красных кровяных телец вызывая их разрушение. Малярия являлась прямой причиной 30 смертей и в результате осложнений умерли ещё от 300 до 400. Люди которые умерли непосредственно от малярии прибывали прямо из отделения малярии, в то время как от 300 до 400 проходили эксперимент с малярией. Эти люди, которых подвергали малярии могли позднее умереть от туберкулёза, пневмонии или дизентерии. Некоторые из пациентов, которых доктор Шиллинг использовал для экспериментов имели туберкулёз до прохождения

экспериментов. Заболевания лихорадочного типа влияли на туберкулёз. Список людей заболевших малярией хранился в кабинете госпиталя.

Шиллинг принимал различных посетителей, таких как доктор Раббит, который являлся главным врачом в Ораниенбурге.

Досудебные письменные показания Шиллинга данные им самим собственноручно 30 октября второму лейтенанту Вернеру Конну были допущены в качестве доказательства. Данное заявление гласит в важной части согласно переводу, следующее:

«Меня зовут профессор, доктор Клаус Шиллинг. Я работаю с тропическими заболеваниями уже 45 лет. Я прибыл на экспериментальную станцию в Дахау в феврале 1942. Я сужу о том, что я вакцинировал от 900 до 1000 заключенных. Это были вакцинации для защиты. Однако, эти люди не являлись добровольцами. Заключенные, которым я вводил защитные вакцины не осматривались мной, а нынешним лагерным доктором. Перед вакцинацией обычно было наблюдение в течение нескольких дней. Последним лагерным доктором был доктор Хинтермайер. Насколько я могу вспомнить, за 3 года было 49 пациентов, которые умерли вне малярийной станции. Пациенты всегда освобождались мной при лечении 1 год».

«В качестве реабилитации я использовал хинин, атабрин и неосальварсан. Я точно знаю о шести случаях в которых пирамидон прекратил лихорадку».

.....

V. Доказательства защиты

.....

15. Доктор Клаус Шиллинг

Обвиняемый доктор Шиллинг вызванный для дачи показаний, без присяги сделал следующее заявление: ему 74 года, женат, имеет одного сына, и является врачом. Он специализировался на тропических заболеваниях, в частности малярии, поскольку с 1898 доктор Шиллинг учился у профессора Роберта Коха в Берлине и выпустился в Мюнхене как врач в 1894. Он проводил исследования малярии, сонной болезни, и болезней мухи це-це в Африке. Доктор Шиллинг работал в фонде

Рокфеллера¹¹¹ в Берлине, получив грант в 1911 за изучение различных заболеваний и за поездку в Рим. В декабре 1941, в Италии доктор Шиллинг встретил доктора Конти, рейхсгесундхайтсфюрера, который пригласил его к Гиммлеру. Шиллинг поехал к Гиммлеру, который отдал ему приказ о продолжении своих исследований в Дахау. Шиллинг выбрал Дахау, потому что он находился рядом со своим местом рождения. Вопрос использования заключенных для экспериментов не обсуждался. В январе 1942 Шиллинг поехал в Дахау. Шиллинг принял это поручение лишь потому, что Лига наций, сотрудником которой он являлся, говорила ему о важности лечения семнадцати миллионов случаев малярии. Он верил, что это был его долг перед человечеством. Он никогда не становился членом СС или нацистской партии. Он являлся «свободным, независимым исследователем»

Доктор Шиллинг инфицировал тысячи заключенных малярией «бенинская малярия» которая не являлась смертельной. Целью этого было обнаружение вакцины против малярии и сегодня не существует вакцинации против малярии кроме открытой Шиллингом. Доктор Шиллинг использовал комаров и переливания крови к инфицированным пациентам и получал уже заражённых пациентов. Пациенты разделялись на две группы и постоянно наблюдались, одна группа для сохранения штамма и другая для иммунизации. Последних непрерывно инфицировали для укрепления их иммунитета. Шиллинг реинфицировал приблизительно 400-500 пациентов и использовал хинин, атбабрин и неосальварсан и маркер № 2516, который создавал иммунитет у пациентов; для подтверждения этого он должен был снова протестировать их инфицированием.

Доктор Шиллинг не мог работать с животными, потому что они не восприимчивы к малярии и людей использовали во всём мире. Он полагает, что адмирал Стрипп и Марк Бойд, два авторитета по малярии использовали людей для своих экспериментов. Инфицирование малярией применяли для лечения паралича.

Только приблизительно четыре или пять пациентов отказались от иммунизации, но они согласились после объяснения Шиллингом важности работы. Выбор пациентов был следующим: Берлин допускал тридцать пациентов в месяц и он запрашивал их через лагерного врача у коменданта, который связывался с трудовым руководителем. Последний отбирал здоровых заключенных, и помощники Шиллинга окончательно выбирая имена направляли их в Берлин, где одобрялся выбор. Этих пациентов должны были внимательно осматривать и Шиллинг не мог от них отказаться из-за приказа Гиммлера.

---

¹¹¹ Фонд Рокфеллера — американский благотворительный фонд. Фонд Рокфеллера основан Джоном Д. Рокфеллером вместе с его сыном Джоном Д. Рокфеллером-младшим и Фредериком Т. Гейтсом (консультант Рокфеллера-старшего по основному бизнесу и благотворительности) в штате Нью-Йорк в 1913 году.

Дозы неосальварсана были по 1.54 грамма и ни в какое время не приводили к смерти. Он использовал пирамидон для понижения температуры тела, хотя лекарство имеет плохой эффект на красные кровяные тельца. Он использовал это лекарство только в 15 случаях и обнаружил, что два грамма являются безопасными. Это было важным для реакции организма без лихорадки. Никто не умер от пирамидона. Малярия использовалась для лечения сифилиса и неосальварсан мог уничтожать паразитов при лихорадке.

Доктор Шиллинг никогда не имел дел с доктором Блахой при каких-либо вскрытиях, при отравлении неосальварсаном. Выписанные пациенты должны были сообщать если чувствовали заболевание. Их периодически проверяли и любой пациент получал помощь если имелись симптомы рецидива. Если Шиллинг просили возобновить свою работу, он делал так только с добровольцами.

Доктор Шиллинг на этом завершил показания, но вернулся позднее и показал следующее: при смерти от неосальварсана затрагивались все органы. Клетки крови могли погибать, но в его случаях ничего такого не происходило. Невозможно определить смерть от малярии простым вскрытием без микроскопа, в особенности при наличии других осложнений. Пирамидон сравнительно редко является причиной смерти.

Из 100 людей инфицированных доктором Шиллингом малярией, не один не умер от осложнений малярии.

Вес пациентов во время экспериментов рос. Предоставлялась дополнительная пища и людей страдающих от заразных болезней изолировали. Доктор Шиллинг никогда не заявлял о ложной причине смерти.

Доктор Шиллинг заявил, что не мог проводить эксперименты на себе, потому что у него была малярия в 1933 и таким людям трудно было повторить инфицирование, хотя малярия является рецидивным заболеванием. Если есть хроническая малярия, мышцы сердца страдают от всех хронических заболеваний. Малярия повышает содержание воды в крови и мозг страдает от хронической малярии. Хроническая малярия ослабляет организм делая его восприимчивым к другим болезням и можно умереть от другого заболевания при наличии малярии. Шиллинг и доктора СС помогали и обследовали всех пациентов лично и следили за историями болезни. Шиллинг признал экземпляр обвинения 131, который говорит о 19 случаях применения пирамидона, в трёх из которых случилась смерть. Он заявил о том, что эти пациенты страдали от тифа и удалялись из отделения.

Хотя в ноябре 1944 была эпидемия и он знал о том, что люди умирали, он продолжал эксперименты. Каждый кто был вакцинирован оставался на станции. Одного пациента прививали три раза и позднее он умер от тифа. Ему давали

неосальварсан, атабрин и хинин. Дозировка пирамидона из трёх грамм в день давалась пять успешных дней. Доктор Блаха не сообщал Шиллингу о смертях из-за отравления пирамидоном. Если бы Шиллинг уведомлялся, он бы остановил эксперимент. Итальянец по имени Кальверони был инфицирован кровью и мог иметь тиф.

Если человек страдает от недоедания, большая дозировка неосальварсана не рекомендуется. Если бы она спасала жизнь, Шиллинг бы давал его. Это зависело от физического состояния человека от того чем он страдал; Шиллинг дал лекарство отцу Вики, который весил только 50 килограмм, но Шиллинг сказал о том, что у Вики не было тяжёлого случая. Шиллинг дал 3 грамма неосальварсана за 5 дней, что было наибольшей дозой когда-либо данной за период времени. Он не помнит, чтобы давал лекарства страдающим от дизентерии.

Шиллинг не помнит отдельных случаев в которых он действовал неосторожно. Он вспоминает священника Стаховски, который умер, но не помнит, чтобы он умер от неосальварсана.

Доктор Шиллинг не находился под контролем СС. Он слышал слухи об избиениях, но сам не занимался делами «вне своего дела». Все его истории болезни сгорели. Шиллинг отрицает все обвинения против него нежели признаёт как часть своего долга. Он заявил о том, что его работа незавершена и что суд должен помочь ему завершить эксперименты на благо науки и собственной реабилитации.

Госпожа Хюбнер знающая профессора Шиллинга 30 лет, заявила о том, что она часто видела его в Италии и в Германии и знает о его хорошей репутации и правдивости. Он говорил ей о том, что его единственная цель помощь в лечении малярии. Она верит в то, что его намерения в Дахау были добрыми.

Госпожа Дюрк, жена университетского профессора паталогической анатомии, который был заинтересован в исследованиях малярии, знает профессора Шиллинга с 1924. Шиллинг всегда относился к своей сфере как серьёзный учёный. Она знала, что он делает в Дахау, но её муж не знал.

Доктор Айзенбергер, адвокат 52 лет, знает доктора Шиллинга 30 лет. Он считает Шиллинга высокореспектабельным и надёжным, и говорит, что Шиллинг искал блага для науки и никогда бы не сделал ничего плохого.

Хейнрих Штор, медбрат в Дахау, показал о том, что знал, что Шиллинг работает по приказам Гимmlера. Лагерный врач и помощники Шиллинга осматривали пациентов перед экспериментом. Доктор Брахтель¹¹², доктор СС и помощник Шиллинга, также проводил эксперименты с атабрином. Если пациент

---

¹¹² Рудольф Брахтель (1909-1988) – немецкий терапевт. Врач в концентрационном лагере Дахау в 1941-1943, возглавлял рентгеновский отдел. Немецким судом был оправдан.

имел рецидив малярии, за ним следил доктор Шиллинг. Остальным давали хинин другие сотрудники госпиталя.

Макс Кроненфельдер работал на малярийной станции под руководством Шиллинга с февраля 1941 по июнь 1943. Он знал о том, что доктор Брахтель проводил частные эксперименты с малярией не уведомляя доктора Шиллинга. Кроненфельдер брал мазки крови и проводил мелкие действия, такие как уборку. Брахтель экспериментировал с пациентами имевшими туберкулёз, при помощи человека по имени Адам. Адам часто находился в морге с доктором Блахой.

Отец Рупьер подвергался эксперименту с малярией в августе 1942. Другие священники которые подвергались это Петер Боуэр, Густав Шпитцик, Амон Буркхардт, Фриц Келлер и Казимир Газимир Рыковский.

.....

VI. Доказательства обвинения в опровержение.

Общий умысел

.....

15. Доктор Клаус Карл Шиллинг. Когда один из пациентов доктора Шиллинга умирал был приказ о том, чтобы на малярийную станцию сообщали даже при том, что человек умер в другом отделении госпиталя. В конце 1942 профессор Шиллинг лично присутствовал при вскрытии человека который умер от неосальварсана и попросил мозг, печень, почки, селезёнку и часть желудка. В этом случае доктор Шиллинг продиктовал часть выводов о причине смерти. Когда первые три пациента умерли от пирамидона в феврале 1945, присутствовали сотрудник малярийной станции и доктор Хинтермайер¹¹³. Доктор Блаха заявил о том, что в его эксперименте в среднем пациент мог получать 3.3 пирамидона в день, и что наибольшей дозой было 2 грамма в день, но что конечно предполагалось, что лица были здоровые и сильные. По суждению доктора Блаха, заключенным тюрьмы нельзя было давать более чем 1 ½ - 2 грамм за несколько дней. Если эти люди получали 3 грамма в день в три последующих дня, обнаруживались признаки отравления.

¹¹³ Фриц Хинтермайер (1911-1946) – немецкий медик и оберштурмбаннфюрер СС. В 1944-45 гг. главный врач концентрационного лагеря Дахау. Казнён по приговору американского трибунала в Дахау.

Доктор Блаха заявил о том, что вскрытие показывало, что смерть от пирамидона вызывалась внезапным удушьем, что не являлось симптомом тифа. Смерть от тифа можно определить с определенной достоверностью без микроскопа.

Доктор Блаха пояснил, что обычная таблетка содержала 3 пирамидона и что он свободно продвигался. Если принимать его в умеренных дозах у него не будет никаких побочных эффектов.

Инструкция от И. Г. Фарбен, которая прилагается к неосальварсану содержит следующее: «При инфекции допускается перерыв от 3 до 7 дней». Это были инструкции для сифилиса. В параграфе пять инструкции говорится: «такая предосторожность при использовании неосальварсана рекомендуется при недоедании и сильной анемии пациентов, туберкулезе, болезнях лёгких, сердца, почек, печени и кишечника».

.....

X. Заслуги и защита

15. Доктор Клаус Карл Шиллинг. Доктор Шиллинг, по вызову Гимmlера начал проводить свои эксперименты с малярией в Дахау в феврале 1942. Он продолжал эти эксперименты до освобождения лагеря. Не оспаривается то, что заключенные которых доктор Шиллинг использовал для этой работы не являлись добровольцами. Исследования доктора Шиллинга проводились для цели определения иммунизации и лечения малярии. Его просьбы о заключенных делались каждый месяц. Эти списки готовились у лагерного врача и затем направлялись коменданту лагеря и в трудовой отдел. Приблизительно 1200 были отобраны для экспериментов. Многие из них являлись священниками. Количество людей умерших от малярии или от лекарств таких как пирамидон или неосальварсан неизвестно. Совершенно точно, что некоторые умерли. Понятно, что смерти многих заключенных туберкулеза, дизентерии, тифа и других заболеваний были вызваны заражением малярией. Хотя мотив доктора Шиллинга мог быть простым и чисто научным, его действия давали пример нацистскому режиму существовавшему в Дахау. Роль, которую он играл в схеме ясна.

.....

XIV. Приговоры

.....

Во многих отношениях обвиняемый Шиллинг достоин осуждения. Он добровольно прибыл в Дахау, полностью осознавая характер работы которую запланировал. Будучи образованным и учёным лицом, Шиллинг несомненно должен был осознавать то, что метод его работы направлен на нужды нацистов. Хотя его личные мотивы происходили из его желания помочь человечеству, он допускал для себя использование нацистских методов в отличие от других видных немецких художников и учёных, которые эмигрировали или отказались стать частью нацистской системы. Из этого следует, что приговор суда, который учитывал положение Шиллинга в научном мире следует оставить в силе.

.....

XVI. Действия

Форма действий предпринимаемым для вступления вышеуказанных рекомендаций в силу, представляется для вашего одобрения.

[Подпись] Чарльз Е. Чивер

[Напечатано] Чарльз Е. Чивер

Полковник, ГВП

Штаб главного военного прокурора

Приказ военного правительства по пересмотру дела

Приказ № 3

Учитывая, что Мартин Готтфрид Вайсс, Фридрих Вильгельм Рупперт и другие, были осуждены за нарушения законов и обычаев войны тем, что они следуя общему умыслу, поощряли, помогали, соблюдали и участвовали в подвержению союзных граждан и военнопленных жестокостям и плохому обращению в концентрационном лагере Дахау и его подлагерях, главным военным судом назначенным согласно параграфу 3, SO 304, Штб., 2 ноября 1945 в Дахау, Германия и каждый обвиняемый был приговорён к смерти через повешение за исключением четырёх: Петера Беца, которого приговорили к пожизненному заключению, Хуго Альфреда Эрвина Лаустерера, которого приговорили к тяжёлому труду на 10 лет,

Альбина Греча, которого приговорили к тяжёлому труду на 10 лет, и Йоханна Шеппа, которого приговорили к тяжёлому труду на 10 лет, приговором от 14 декабря 1945 и

Учитывая, что дело в настоящее время представлено мне для пересмотра и после соответствующего рассмотрения и согласно возложенным на меня полномочиям, настоящим приказываю:

Выводы и приговор в делах Вайсса, Рупперта, Яролина, Тренкле, Нидермайера, Зойсса, Эйхбергера, Вагнера, Кика, Хинтермайера, Виттелера, Эйхельсдорфера, Фёршнера, Шиллинга, Кнолля, Бёттегера, Бетца, Эндреса, Кирна, Ревнца, Вельтера, Зуттропа, Темпеля, Лаустерера, Бехера, Крамера, Филлебока, Шоттля, Греча, Кирша, Ланглейста, Липпмана, Дегелова, Молля, Шульца и Ветцля остаются в силе.

Приговор в отношении Эйзеле будет снижен до пожизненного тяжёлого труда.

Приговор в отношении Пура снижен до тяжёлого труда на 20 лет.

Приговор в отношении Маля снижен до тяжёлого труда на 10 лет.

Приговор в отношении Шеппа снижен до тяжёлого труда на 5 лет.

Настоящий приказ является достаточным для исполнения.

Дата 24 января 1946

[Подписано] Л.К. Трэскотт¹¹⁴, мл.
Генерал-лейтенант США
Командующий.

Частичный перевод документа Розе 11

Экземпляр защиты Розе 27

**Фрагменты отчёта профессора, доктора О. Гильдмайстера о деятельности
института Роберта Коха по борьбе против инфекционных заболеваний**

.....

¹¹⁴ Люсиан Трэскотт (1895-1965) – американский генерал. Командующий западным округом оккупационной зоны США в Германии.

2. Эксперименты по малярии

а. Культуры штаммов. Штамм «Греция» из плазмодий был выведен в отделении госпожи Ланге 31 декабря 1942, на 30-ой стадии перехода человек-комар-человек. Количество инфицированных пациентов до настоящей даты было 379. Основная работа касалась лечения малярией паралича и шизофрении. Однако, дополнительно было несколько терапевтических экспериментов с другими заболеваниями, в случаях в которых клиника занималась инфекциями от укусов комаров с целью получения стабильной малярии свободной от сифилиса. Количество клиник и госпиталей удовлетворяющим часть или все потребности в инфекции терапевтической малярии от отделения возросло до 11. В дополнение к этому штамм «Греция», разные штаммы малярии собирались из комаров для сравнительных экспериментов; однако, они не постоянно поддерживались. Это значительное количество поступающего клинического материала постоянно собиралось и сортировалось, хотя до настоящего времени не использовалось.

В ходе исследований ещё в двух лабораториях случились укусы комаров.

Следующие обследования доктора Херинга, профессора Розе и доктора Эммеля позволили поддерживать колонию малярийных комаров и развитие малярии.

б. Паразитарные штаммы. Доктор Херинг продолжила свою работу по улучшению микроскопного рассмотрения паразитов малярии. Несмотря на некоторые улучшения в микроскопной картины не возможно внедрить процедуру легко применимую на практике и превосходящую созданные методы.

в. Искусственное кормление и искусственное инфицирование малярийными комарами. Доктор Херинг продолжает развивать методы кормления искусственной кровью малярийных комаров, внедрённую доктором Ольш. При таком искусственном кормлении малярийным комарам не дают цитратную кровь даже при добавлении сахара. Давалась кровь разбавленная водой и смешанная с сахаром, также как и жидкая кровь, хотя добавка сахара является предпочтительной. Искусственное кормление кровью биологически не одинаково естественному кормлению. Продолжительность жизни являлась почти такой же как и обычным кормлением животным. Однако самки которых кормили искусственно, откладывали яйца только в исключительных случаях.

Известно, что у малярийных комаров, которые сосут кровь из животного, кровь поступает без предварительного попадания в сосательный желудок, в то время как питательные вещества сначала идут в сосательный и резервный желудок. Ранее предполагалось, что природа пищи, в особенности количество клеток, действовала как показатель раздражения. Эксперименты доктора Херинг с питанием

искусственной кровью показали, что данное предположение является ошибочным. Засахаренная также как и незасахаренная кровь, которые используют для искусственного кормления, сначала поступает в резервный желудок таким же образом как и сахарный раствор. Дальнейшие эксперименты подтвердили, что прокалывание мембраны также не вызвало никакого заметного раздражения.

После разработки метода кормления искусственной кровью, доктор Херинг провела эксперименты с кормлением инфицированной кровью заражённой малярией. Наконец, было возможно инфицировать малярийных комаров путём кормления искусственной кровью, таким образом выращивая в них спорозитов. Это является первым случаем, когда такой эксперимент был успешно проведён.

г. Консервация малярийных паразитов. Профессор Розе провёл эксперименты относительно консервации малярийных паразитов в жидкостях подходящих для консервации крови. Даже после 150 дней малярийных паразитов можно продемонстрировать морфологически. Однако, попытка инфицирования такой кровью не удалась. Запланировано продолжение и повторение этих экспериментов.

Так как пока неизвестна возможность сохранения живых малярийных паразитов на такие длительные периоды, возникает проблема о том могут ли паразиты поселяться в людях. Факт, что инфекцию можно получить в людях с 90-то дневными паразитами подтверждает, что эти сохранённые паразиты не утратят своего развития и свойств деления. Предположение о таких внутренних формах для людей предоставит новые объяснения для рецидивов после длительных интервалов ремиссии. Отделение намерено морфологически охарактеризовать внутренние формы наблюдаемые в тестовой трубке и выявить существование таких форм в клинических случаях малярии.

д. Появление малярийных комаров в Вартегау. Доктор Ольш исследовал появление малярийных комаров в 221 посёлках, деревнях и хуторах в Вартегау. Малярийные комары были обнаружены практически повсеместно. Исследование 600 отдельных точек, без сомнения подтвердили, что за исключением нескольких случаев точное установление невозможно, они относились к роду *anopheles maculipennis*.

.....

ж. Лечение малярии. Профессор Розе в сотрудничестве с обермедициальратом доктором Загелем, директором окружного психиатрического учреждения в Арнсдорф-Саксонии, и доктор Мертенс, доктор Кёниг и доктор

Петерс, Леверкузен, тестировали эффективность новых синтетических средств против паразитарной малярии. Разрабатывается наилучший метод применения нового и подтвержденного препарата.

.....

Частичный перевод из документа Розе 47
Экземпляр защиты Розе 35

Письменные показания профессора, доктора Ганса Люксенбургера¹¹⁵ от 24 марта 1947 об интересе Розе к терапевтическому лечению малярии

Я, профессор, д.м.н. Ганс Отто Люксенбургер, родившийся 12 июня 1894 в Швайнфюрте, проживающий в Мюнхене, 22 Либегштрассе 35/II, проинформирован о том, что подвергнусь наказанию если дам ложные письменные показания. Я заявляю под присягой, что моё заявление является правдивым и было сделано для представления в качестве доказательства военному трибуналу № 1 в Дворце правосудия, Нюрнберг, Германия.

Являясь психиатром, я проявлял интерес к исследованиям малярии Розе, постольку, поскольку мы снова и снова разговаривали о прогрессе Розе и результатах его исследований. Для меня как психиатра всегда было ценно, что Розе относился к сотрудничеству с психиатрами госпиталей для душевнобольных никоим образом только с точки зрения его исследований малярии. Напротив, он всегда проявлял чёткий интерес к вопросам психиатрической терапии. Вопреки мнению ранее оправдываемому Вагнером-Яурегом¹¹⁶, он надеялся достичь более полного и постоянного успеха при лечении инфекцией комарами, что оправдывалось им (Розе) вместо ранее обыкновенного переливания крови, потому что по его мнению эндоинфекция также присутствовала.

Он также был особо заинтересован в вопросе поиска мягкого штамма и применения его в лечении, с целью длительного лечения лихорадкой рецидива паралича; в целом было неуспешно, когда использовались обычные третичные штаммы в случаях рецидива.

¹¹⁵ Ганс Люксенбургер (1894-1976) – немецкий психиатр, невролог.

¹¹⁶ Юлиус Вагнер фон Яурегг (1857 — 1940) — австрийский психиатр, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1917 году.

Он особо интересовался возможностью терапевтического влияния на шизофрению. В хорошо известном психиатре, докторе Загеле, он имел соратника, который выступал с мнением о том, что шизофрения, помимо её наследственной основы, должна иметь дополнительное внешнее воздействие, в особенности ревматические инфекции. Работая с таким предположением, он надеялся на успех с этой болезнью, схожий с параличом. Эта идея не являлась новой. Похожие эксперименты проводились ранее. Розе в особенности поощрял данную работу некоторым изолированным впечатляющим успехом в совершенно безнадежных случаях шизофрении. Я могу вспомнить его радость, когда он говорил мне, помимо других случаев, о женщине, которая почти развелась, после того как глава учреждения заявил о том, что её состояние, которое длилось более 3 лет, было неизлечимым. В этом случае лечения Розе, согласно его отчёта, не только было полностью восстановлено здоровье женщины, но также и сохранилась её семья и брак.

Мюнхен, 24 марта 1947

[Подписано] Профессор, доктор Ганс Люксенбургер

Вышеуказанная подпись профессора, д.м.н. Ганса Отто Люксенбургера проживающего в Мюнхене, 22 Либегштрассе 35/II, сделанная при мне, управляющем нотариусе Теобальде Петри, настоящим образом подтверждается и удостоверяется.

Мюнхен, 24 марта 1947

Печать

[Подписано] Петри, нотариус
Управляющий нотариус нотариальной конторы,
Мюнхен, XVII

Я удостоверяю, что вышеуказанный документ является подлинной и правильной копией.

Нюрнберг, 10 апреля 1947

[Подпись] Доктор Ганс Фриц
Защитник

Частичный перевод документа Розе 50

Экземпляр защиты Розе 49

**Фрагмент из письменных показаний профессора, доктора Эрнста Георга
Наука¹¹⁷, д.м.н., Гамбург, институт морских и тропических заболеваний
Бернарда Нохта**

.....

Экспериментальные инфекции на людях с третичной малярией (малярией средней третичности) подтвердились безопасными и очень часто испытывались на добровольных подопытных. Хорошо известно, что искусственная инфекция тройчатки также являлась лечением против некоторых заболеваний (параличи, бешенство). Если искусственное инфицирование проводилось аккуратно и под медицинским наблюдением, смерть или постоянный вред здоровью не происходили. Если бы эксперименты с третичной малярией, проводимые Клаусом Шиллингом, проводились при должной заботе, не могло возникнуть опасности подопытным. Поскольку Клаус Шиллинг являлся видным учёным с международным признанием, следует предполагать, что он проводил свои исследования с намерением не вредить человеческой жизни. Это подтверждается следующим:

1. «Stitt's diagnosis, Prevention and Treatment of Tropical Diseases, by Richard P. Strong, 7th edition, London, H. K. Lewis & co., Ltd., 1945¹¹⁸, страница 59:

«Вопрос возникновения иммунитета при малярии широко изучался в недавние годы, не только с эпидемиологической точки зрения, но и экспериментальными вакцинациями, которые проводились как на людях так и на животных. Однако, при интерпретации результатов вакцинаций на человеке, которые проводились прямыми инъекциями крови содержащей шизонты или инъекцией спорозитов от комаров или укусами инфицированных комаров, многие факторы вирулентности или количества вакцинированных паразитов, особей и условий инфекционности комаров, температура при

¹¹⁷ Эрнст Георг Наука (1897 — 1967) — немецкий учёный, специалист в области патологии, дерматологии и тропической медицины.

¹¹⁸ «Предотвращение и лечение тропических заболеваний, Ричард П. Стронг, 7-е издание, 1945 (англ.)

которой они содержатся и иные факторы, следует принимать во внимание делая выводы о восприимчивости отдельных лиц к инфекции. Большинство работы находится на экспериментальной стадии, хотя недавно был сделан определенный прогресс»

.....

Фрагменты допроса свидетеля Августа Вивега обвинением

.....

Харди: Пока вы являлись заключенным концентрационного лагеря, вы когда-либо подвергались, каким-либо медицинским экспериментам?

Вивег: Меня использовали для экспериментов с малярией профессора Дохфинни в концентрационном лагере Дахау.

Харди: Сколько раз вы подвергались экспериментам с малярией доктора Шиллинга?

Вивег: По пяти случаям я получал инъекции по 5 кубических сантиметров сильно инфицированной малярийной крови.

Харди: Будьте любезны рассказать трибуналу о том, какие эффекты оказали на вас эксперименты; то есть, у вас была сильная лихорадка, серьезное заболевание и тому подобное?

Вивег: Достаточно часто у меня была высокая температура. Я впадал в очень возбужденное состояние, и после инъекции я получал большие дозы медицинских веществ, хинин, эфедрин и многие другие. Я лежал неделями в кровати и после лечения было от 20 до 26 случаев в течение 1943, 1944, 1945 и 1946, когда у меня были приступы малярии, и поэтому долгое время я не мог работать.

Харди: В настоящее время, вы имеете рецидивы малярийной лихорадки?

Вивег: В прошедшем году я находился в госпитале с 1-го августа по 15-е, с приступами малярии.

Харди: Сколько рецидивов малярии вы перенесли после экспериментов доктора Шиллинга?

Вивег: После завершения моего лечения на экспериментальной станции я оставался с доктором Шиллингом, и были 20 случаев, когда меня лечили от рецидивов.

Харди: Свидетель, вы полностью вылечились?

Вивег: Нет.

Харди: После прохождения вами различных экспериментов в руках доктора Шиллинга, затем вы стали сотрудником лаборатории доктора Шиллинга?

Вивег: После моей первой иммунизации. лечение завершилось, главный медик отделения направил меня в отделение доктора Шиллинга для лабораторных исследований.

Харди: С какой даты вы приняли эти обязанности?

Вивег: Я боюсь, не могу сказать вам точно, но это должен был быть август 1942.

Харди: Какими были ваши обязанности на экспериментальной станции доктора Шиллинга?

Вивег: В отделении доктора Шиллинга я был ответственным за животных. Другими словами, я выращивал животных, белых мышей и канареек; фактически, я был ответственным за отделение.

Харди: Вы имели какие-либо дополнительные обязанности, такие как делопроизводитель или машинист, свидетель?

Вивег: Определенный период, я замещал клерка и я находился в непосредственном контакте с доктором Шиллингом по разным поводам. У меня было определенное количество дел с химическим отделением, закупками из Дахау и я также был ответственным за подразделение, которое должно было искать воду возле Дахау для малярийных комаров.

Харди: При докторе Шиллинге, вы имели возможность читать, что-либо из переписки доктора Шиллинга?

Вивег: У меня были частые поводы видеть отчёты доктора Шиллинга направляемые каждые три месяца и иногда я видел ответы, которые доктор Шиллинг получал из Берлина, также как и от других производителей химии.

Харди: Свидетель, вы можете вспомнить кому направлялись эти отчёты в Берлин?

Вивег: Эти квартальные отчёты, которые готовил доктор Шиллинг шли к обергруппенфюреру СС доктору Гравицу, главному врачу.

Харди: Ссылаясь на данный факт, что вы видели некоторые ответы доктора Шиллинга получаемые из Берлина; от кого исходили эти письма получаемые доктором Шиллингом из Берлина?

Вивег: Насколько помню, эти ответы направлялись профессору Шиллингу доктором Гравицем.

Харди: Вам известно, откуда доктор Шиллинг получал материал для использования в исследованиях, то есть, инфицированную кровь для экспериментов с малярией, яйца, и тому подобное?

Вивег: Я могу вспомнить, что доктор Шиллинг получал личинки малярии, так называемые яйца, из которых выводились другие комары, из Дюссельдорфа; они приходили из психиатрической больницы, но я не могу вспомнить имя, и некоторые из медицинского института в Риме. Фактически его материал поступал из Берлина.

Согласно моей памяти, они шли от профессора Розе, а также из Афин; но я боюсь, не могу вспомнить имя там.

Харди: Вам известно о какой-либо переписке профессора Розе с доктором Шиллингом?

Вивег: Я помню, её в связи с предыдущими попытками разведения которые были не слишком успешными и соответственно я видел ряд писем переданных стенографисту доктором Шиллингом. Они адресовались профессору Розе. Он делал какие-то объяснения относительно определенных типов насекомых, в связи с чем использовалось моё имя. Я уверен они шли в Берлин и я уверен, что ответы получались по ряду случаев.

Харди: Доктор Шиллинг, по вашим сведениям когда-либо направлял какие-либо отчёты об этих экспериментах профессору Розе?

Вивег: Отправлял ли он отчёты мне неизвестно. В любом случае, что касалось экспериментов с разведением комаров, он отправлял отчёты. Я точно это знаю.

.....

Харди: Свидетель, мы вернёмся к экспериментам с малярией. Люди, какой национальности использовались для экспериментов с малярией, что это были за люди?

Вивег: Наибольшей пропорцией, приблизительно двумястами пациентами, использованными в экспериментах с малярией были немцы, большой пропорцией были польские священники, и остальные отчасти были русские, отчасти югославы, и немного поляков.

Харди: Военнопленных использовали для экспериментов?

Вивег: Из русских, было много военнопленных.

Харди: Каким было общее число людей использованных в экспериментах с малярией?

Вивег: По моим сведениям, 1084 подопытных использовались для экспериментов с малярией.

Харди: Свидетель, будьте любезны рассказать нам, о том сколько подопытных использованных в экспериментах с малярией умерло в результате экспериментов?

Вивег: По моим сведениям семь или восемь умерло на малярийной станции, как непосредственно, так и из-за лечения лекарствами. Я могу описать вам подробности если хотите. Первым случаем был австриец, который потом заболел из-за экспериментов с малярией. Помощник в то время, доктор Брахтель, который в то же

время был заместителем врача в госпитале, делал проколы печени и пациент истекал кровью до смерти.

Харди: Свидетель, тогда вы говорите о своих сведениях о семи или восьми умерших от экспериментов. Из того числа кто умер, смерти случались на самой малярийной станции?

Вивег: Это было число умерших, которых не переводили в другое отделение, но которые умерли на нашей станции или несколько часов спустя после их перевода в другое отделение.

Харди: У вас есть какие-либо сведения о том, что случилось с некоторыми пациентами, которых переводили на другую станцию после экспериментов с ними? То есть, некоторые умирали после экспериментов?

Вивег: Из наших пациентов, за время лет после их поступления к нам для наблюдения, я могу вспомнить, что ещё 60 пациентов умерли. Я не могу сказать точно, что они умерли от малярии или в результате экспериментов.

.....

Фрагмент допроса свидетеля Августа Вивега защитой

Фриц: У меня есть несколько вопросов к свидетелю. Свидетель, в пятницу вы показались достаточно хорошо знакомым с отдельными вопросами малярии, очевидно на основе сведений полученных у профессора Шиллинга. Теперь я хочу задать следующие вопросы о наиболее важных подробностях: во время вашего допроса представителем обвинения вы говорили о неких печальных инцидентах. Ряд смертей случились во время экспериментов с малярией проведённых профессором Шиллингом. Во время, которые вы упоминали было семь случаев, но вы описали один в подробностях. У пациента была жёлтая лихорадка в дополнение к малярии и затем кровотечение привело к смерти, потому что была проколота печень. Теперь я прошу вас рассказать мне о причинах других шести смертей.

Вивег: Другие шесть пациентов назывались так называемой «медикаментозной смертью». Один пациент умер в результате лекарства сальварсан. Другой умер в результате так называемого «перифирийного» эксперимента, и последние четверо умерли в результате эксперимента с пирамидоном.

Фриц: Они были пациентами, которые после освобождения со станции Шиллинга, страдали от рецидивов и вернулись на станцию профессора Шиллинга?

Вивег: Если он являлись к нам, их возвращали на станцию.

Фриц: В таком случае какие-либо пациенты умерли в отделении профессора Шиллинга, у которых позднее была малярия или рецидивы?

Вивег: Пациенты которые находились в опасном состоянии переводились на другую станцию.

Фриц: Вы помните, является ли третичная малярия смертельным заболеванием?

Вивег: Насколько я помню никто не умер от третичной малярии. Смерти являлись результатом вторичных заболеваний, которые появлялись из-за лекарств используемых в экспериментах с малярией.

Фриц: Профессор Шиллинг, что-то говорил вам про эти смертельные случаи, которые находились в его ответственности и наблюдении, и если так, то что.

Вивег: О первых двух случаях, пациенте который умер в результате прокола печени и о том кто умер из-за инъекции сальварсана, доктор Шиллинг глубоко сожалел. Он насколько возможно пытался предотвратить такие случаи. В последних четырёх случаях, в эксперименте с пирамидоном, ему говорили о том, что пациенты находятся в очень плохом состоянии. Несмотря на это, он настаивал на том, чтобы они продолжали принимать лекарство пирамидон – я думаю это было 3 грамма в день – и когда эти пациенты оказывались в состоянии забытья, их переводили из нашего отделения незадолго до смерти.

Фриц: Теперь кое-что ещё. В пятницу вы свидетельствовали о том, что Дахау получал малярийных комаров из института доктора Розе и что был обмен перепиской о сложностях в разведении этих яиц. Вам известно где работал доктор Розе, в каком институте?

Вивег: Я думаю эти письма были адресованы в институт Роберта Коха в Берлине.

Фриц: Вам известно из этой корреспонденции, поступали эти ответы от доктора Розе лично или от его помощника?

Вивег: Этого я не могу сказать по памяти. Я вспоминаю только один ответ от госпожи, которая была ответственной за разведение яиц в Берлине.

Фриц: Это вероятно была помощница которая работала с Розе в Берлине, многие годы?

Вивег: Да, но я думаю, профессор Шиллинг сначала обращался к профессору Розе, и вероятно ответы в основном приходили от профессора Розе.

Фриц: Вы можете вспомнить имя госпожи?

Вивег: Нет.

Фриц: Вам известно с кем доктор Шиллинг имел дела и переписку помимо доктора Гравица и доктора Розе?

Вивег: Я не помню. Я знаю, что он переписывался с учреждением в Дюссельдорфе называемым Графенрад или нечто такое, и он просил о разведении там яиц, и они направляли комаров, живых комаров.

Фриц: Вы думали об имени «Розе» или вы вспомнили имя, когда вас впервые допрашивали?

Вивег: Нет. Имя «Розе» осталось в моей памяти, потому что я сам, был инфицирован малярией по названию «Розе». У него были различные иммунизационные группы, так называемый малярийный материал, который имел разные названия, и я был в группе, которую инфицировали так называемой культурой Розе.

Фриц: Вы ранее показали, что вы получали яйца из Рима. Однако не смогли вспомнить имя. Вероятно это был профессор Визирелли, доктор Росни и доктор Рафаэли?

Вивег: Я думаю это был Визирелли.

Фриц: Вы также получали эти яйца из Гамбурга?

Вивег: Мы не получали яйца из тропического института в Гамбурге, но профессор Шиллинг переписывался с этим институтом.

Фриц: Вы помните в каком году вы получили эти яйца из института Роберта Коха или даже от профессора Розе?

Вивег: Это было летом 1942.

Фриц: Вы говорили нам о ряде этих комаров, которых вы должны были разводить в окрестностях Дахау. Вы присутствовали?

Вивег: Там было особое отделение для данной задачи, включая эсэсовца и одного или двух заключенных. Вокруг Дахау были болота в летние месяцы. Различные тесты воды проводились и согласно степени теплоты болот, доктор Шиллинг приказал инфицировать воду смесью свиной еды. Это особое подразделение ходило вокруг подвалов лагеря Дахау во время зимних месяцев и работало над этим. Наши лаборатории затем изучали малярийных комаров, и использовали их для цели разведения.

Фриц: Вы можете, что-нибудь сказать о пойманных количествах?

Вивег: Это различалось, зимой – иногда она приносила 10, иногда 30-50, и иногда 60.

Фриц: Ваше отделение в Дахау доставляло какие-либо яйца в другие отделения?

Вивег: Мы доставляли яйца по одному поводу, но я не могу вспомнить куда.

Фриц: Теперь я перехожу к вопросу о малярийной культуре. Откуда профессор Шиллинг получал малярийные культуры?

Вивег: Я не могу сказать точно. Я знаю, что он получал малярийные культуры из Эссена и из Берлина. Но это было в феврале 1942, когда я ещё не прибыл в отделение. Я помню, у нас было 12 разных малярийных культур. Я знаю, что профессор Шиллинг использовал одну, а другой другую – я думаю, его имя было Флюгг – приказом был присвоено название культуре «Флюгг».

Фрагмент допроса подсудимого Розе обвинением

.....

Макхэни: Вернёмся к экспериментам с малярией. Какой контакт с Шиллингом у вас был в 1941?

Розе: Во время допроса защитником я сказал о том, что в 1941 я видел отчёты о работе Шиллинга с малярией в Италии от имени итальянского правительства и при поддержке министерства внутренних дел Рейха; затем, либо в конце 1941 или начале 1942, я выдвинул мнение, письменное мнение, о применении, которое профессор Шиллинг направил государственному секретарю Конти, или даже в министерство внутренних дел. Затем я лично увидел профессора Шиллинга в 1941. Я не уверен был ли он тогда в Германии, но я не могу отрицать этого под присягой, потому что это было 6 лет назад.

Макхэни: Вы снабжали его каким-либо материалом пока он работал в Италии?

Розе: Нет, ничем.

Макхэни: Кем была госпожа фон Фалькенберг?

Розе: Вы имеете в виду госпожу фон Фалькенхайн?

Макхэни: Нет, я говорю о госпоже Фалькенберг.

Розе: Я не знаю никакой госпожи фон Фалькенберг.

Макхэни: Вы уверены в том, что не снабжали Шиллинга материалом в 1941.

Розе: Я не могу вспомнить. Это могло делаться моим отделением без моего уведомления. Тогда, конечно, я принимаю за это ответственность, но я не знал об этом до сих пор. Мои помощники ничего мне не говорили об этом, если это случалось. Если вы можете подтвердить, что это случалось, я конечно, признаю за это ответственность, даже если это делалось без моего ведома.

Макхэни: Что же, это не ужасно важно, но давайте посмотрим на документ НО-1756. Между прочим, когда был случай предоставления материала Шиллинга, после создания его института в Дахау?

Розе: Прощу прощения, я не понял вопроса.

Макхэни: Когда вы передавали Шиллингу материал, после его отъезда в Дахау?

Розе: Я не могу дать вам никакой информации об этом. Я должен опираться на показания моей помощницы, фон Фалькенхайн, и моя секретарша Блок, показала здесь, что это было в конце 1941, но я полагаю, что она ошиблась в этом, поскольку госпожа фон Фалькенхайн свидетельствовала о том, что данный материал передавался в 1942. Я думаю более вероятно последнее.

Макхэни: Документ НО-1756 будет отмечен для идентификации как экземпляр обвинения 486.

Разве госпожа фон Фалькенберг не упоминала ваше письмо Шиллингу датированное 3 февраля 1941?

Розе: Нет. В немецкой копии документа, который вы мне показали, говорится о госпоже фон Фалькенхайн.

Макхэни: Это ошибка в английском переводе.

Розе: Госпожа фон Фалькенхайн являлась помощницей в моём отделении. Она ранее работала с профессором Шиллингом. Она дала письменные показания. Поскольку у меня есть письмо я могу дать вам некоторую информацию о предмете. Профессор Шиллинг хотел иметь серологическую реакцию в малярии, так называемую реакцию Анри; то есть реакцию проводимую для диагностики малярии. Также как и в реакции антигена, в этой реакции использовалась селезёнка умерших лиц. Профессор Шиллинг видимо написал мне, для того, чтобы узнать могу ли я, как глава тропического медицинского отделения найти селезёнку из тела умершего от малярии. Я ответил, сказав, что такой материал вряд ли будет доступен в Берлине. Малярия была очень редка в Берлине и соответственно смерти от малярии были очень редкими. Единственные случаи такого типа происходили в психиатрических больницах при лечении паралича. Известно, что первая работа Вагнера-Яуррега показала, что при лечении малярией паралича случается смерть, также как и смерть от последующей операции, и такие смерти от малярии, конечно, случались в берлинских психиатрических больницах. Насколько я помню этот вопрос, мои помощники связывались с различными патологическими институтами в Берлине и просили, чтобы при вскрытии, селезёнка сохранялась, для того, чтобы направлять её профессору Шиллингу. Об этом было письмо.

Макхэни: Вы, когда-либо снабжали его?

Розе: Насколько помню, в течение нескольких месяцев, один или два таких случая было и материал направлялся Шиллингу, но я точно не могу сегодня сказать.

Макхэни: Что же, теперь вы в состоянии ответить на мой вопрос заданный ранее о том предоставляли ли вы ему материал в 1941; это правильно?

Розе: Прошу прощения. Я не понял вопроса.

Макхэни: Я сказал, что теперь вы желаете уточнить ответ данный мне несколько минут назад, перед тем как вы посмотрели на письмо, о том, что вы не предоставляли материал в 1941. Теперь, посмотрев письмо, вы скажете о факте, что предоставляли.

Розе: Да. Извиняюсь. Моё внимание целиком было занято вопросом штаммов малярийных паразитов и комаров. Я не думал о переговорах между Шиллингом и патологическим институтом в Берлине.

Макхэни: Вернёмся к тому, что мы обсуждали. Вы говорили о том, что хотя госпожа Блок сказала о том, что малярийные яйца поставлялись Шиллингу в последней части 1941, вы думаете, что вероятно это было в 1942?

Розе: Да. Я так сказал. Вероятно я могу себя поправить. Когда вы говорите о малярийных яйцах вы имеете в виду яйца малярийных комаров. Не существует малярийных яиц.

Макхэни: Да, правильно.

Розе: Я готов согласиться с тем, что фон Фалькенхайн и Блок думали по-разному. Я думаю, что фон Фалькенхайн была права и это было в 1942.

Макхэни: Вы знали об этом перед отправкой?

Розе: Я не помню. Я так не думаю. Насколько помню, меня проинформировала об этом госпожа фон Фалькенхайн, после того как мне дали письмо от профессора Шиллинга о том, чтобы комаров доставили в Дахау.

Макхэни: Вы потом отдали приказ о том, чтобы больше материал не отправлялся Шиллингу; правильно?

Розе: Я не принимал точного приказа. Я сказал, что поскольку мы сами используем настолько много комаров, я не хочу отправки другого материала господину Шиллингу, потому что я не был убеждён в научной ценности его работы. Но госпожа фон Фалькенхайн в своих показаниях говорит, что была дальнейшая переписка с госпожой Ланге. Я не смог найти этой переписки и не смог полностью выяснить вопрос. Я должен полностью полагаться на свою помощницу в данном отношении и я не могу ответить согласно моим сведениям. В нашем первом разговоре о предмете, когда я рассказал вам о том, что Шиллинг получал от нас яйца малярийных комаров, о чём вы сейчас не знали, я не сказал вам о том, что у него были штаммы малярии от другого отделения. Я не знал этого тогда. Я узнал об этом недавно от госпожи фон Фалькенхайн. Этого не было в письменных показаниях. Видимо она опасалась определенных возражений и направила письмо об этом моему защитнику. Я не настолько боязлив. Я не боюсь говорить вам об этом.

Макхэни: Другими словами вы снабжали Шиллинга штаммом Розе?

Розе: Нет. Как я сказал в допросе защитой, штамм Розе не мог поступать из моего отделения, потому что у нас не было штамма Розе. Откуда этот штамм Розе пришёл, для меня загадка. Я не знаю никакого штамма Розе в литературе о малярии. Но я не думаю, что есть какой-то смысл спорить об этом названии. Информация которую дала госпожа фон Фалькенхайн, которой я полностью верю, в том что штамм малярии направлялся – этого совершенно достаточно – неважно, назывался он Розе или по-другому.

Макхэни: Ваша свидетельница, госпожа Блок, насколько я помню свидетельствовала о том, что у вас не было переписки с Шиллингом в 1942 и 1943. Это верно?

Розе: Так сказала госпожа Блок. Я сам не буду настолько уверен в своих показаниях если вы зададите такой же вопрос. Я скажу, что не смогу чётко ответить на этот вопрос. Я знаю лишь одно, что я никогда не переписывался с профессором Шиллингом по предмету его работы. Обменивались ли Шиллинг и я письмами за эти годы мне неизвестно, поскольку у меня нет материалов. Относительно какой-либо информации о такой нечастой переписке и о том писал ли он некие письма 5 или 6 лет назад, он говорил: «Мне лучше посмотреть это в своих материалах». К сожалению, я так не могу сделать, вероятно вы будете любезны, если копии такого письма будут мне предоставлены. У вас есть мои материалы и вам они доступны гораздо проще чем мне. Например, я пытался найти моё мнение по вопросу малярии 1941 года. Оно было в том же архиве из которого вы взяли протокол заседания по тифу 29 декабря 1941 в министерстве внутренних дел.

Макхэни: Господин профессор, вы переоцениваете обвинение, но мы не будем на этом задерживаться. Итак, ваша память достаточно хороша, чтобы рассказать нам о том сколько вы продолжали готовить Шиллингу материал для экспериментов в Дахау? Вы говорите, что в течение 1942 сказали больше не посылать. Вам это ясно?

Розе: Да, я думаю я могу достоверно помнить.

Макхэни: Что же, когда штамм малярии был передан?

.....

Розе: Я не знаю. Госпожа фон Фалькенхайн просто сказала мне о том, что штамм малярии был передан Шиллингу. Я не знаю, когда. Она не упоминала это в своём письме доктору Фрицу.

Макхэни: Посмотрим на документ НО-1752. Он будет помечен как экземпляра обвинения 487. Профессор, предлагаю прочитать вслух?

Розе:

«Профессор Клаус Шиллинг

Дахау, 4 апреля 1942
3 К, госпиталь для заключенных

Профессору, доктору Розе
Берлин, Форерштрассе 2
Институт Роберта Коха

Дорогой коллега:

«Я подкожно вакцинировал лицо спороцидами из слюнных желез самок малярийных комаров направленных мне вами. Для второй вакцинации у меня не было материала спороцидов, потому что я ещё не располагаю штаммом Розе в малярийных комарах. Если бы вы могли направить мне немного малярийных комаров инфицированных штаммом Розе в течении нескольких дней (в последней поставке 2 из 10 комаров были инфицированы), я бы смог продолжить данный эксперимент и естественно был бы крайне благодарен вам за эту новую поддержку моей работы.

«Разведение комаров и эксперименты проходят удовлетворительно; сейчас я работаю с третичным штаммами. Остаюсь с сердчеными приветствиями и

Хайль Гитлер!

Ваш преданный

[Подписано] Клаус Шиллинг»

Макхэни: Шиллинг видимо думал о том, что есть «штамм Розе»

Розе: Да. На это указано в письме. Это проясняет вопрос. Он должно быть переименовал этот штамм, который прибыл из моего отделения и назвал его Розе. Это очень необычно. Обычно маляриолог не делает такого.

Макхэни: Это ваши инициалы внизу письма «L. g. PO 17/4»?

Розе: Да, это указывает на то, что 13 днями после отправления письма, 12 дней после его поступления в институт Роберта Коха, я его видел. Есть также пометка «Урегулировать ЭФФ». То есть Эрне фон Фалькенхайн 17 апреля 1942. Я узнал, что несмотря на мои инструкции отделению, госпожа фон Фалькенхайн всё ещё направляла комаров своему старому шефу хотя она и отрицает это теперь; но я хочу подчеркнуть, что я являюсь ответственным за то, что делала госпожа фон Фалькенхайн даже если она мне не говорила об этом.

Макхэни: Что же, вы видели письмо от 17 апреля 1942. Вы подтверждали свои инструкции о том, чтобы материал больше не отправлялся Шиллингу?

Розе: Сейчас я этого не могу сказать. Это совершенно возможно. Даже не точно, что я находился в институте Роберта Коха, когда увидел это письмо. Более похоже, что госпожа Блок принесла это письмо мне домой где в целом такие вещи и решались. И, из факта того, что с ним разбирались 10 дней спустя, вы можете увидеть, что такие письма раскрывались моей секретаршей.

Макхэни: Я думал нам следует быть более великодушными к госпоже Блок и предположить, что она не видела письма, поскольку она так уверенно сказала о том, что у вас не было переписки с Шиллингом за эти годы.

Вы, когда-либо направляли Шиллингу яйца *atroparvus*?

Розе: Да. Такого типа яйца малярийных комаров он получал от нас. В качестве типа малярийных комаров у меня в лаборатории были яйца *maculipenis atroparvus*.

Макхэни: Предположим, я представлю вам документ НО-1753. Он будет отмечен как экземпляр обвинения 488. Это ещё одно письмо от Шиллинга. Оно датировано годом позже – 5 июля 1943, уведомляющее «с удовлетворением получил ваше письмо от 30 июня и партию яиц *atroparvus*».

Профессор, я также хочу обратить ваше внимание, на последний параграф письма где говорится: «Пожалуйста передайте госпоже Ланге, которая видимо обращается со своим потомством очень умело и с большим успехом чем заключенный Август, мою лучшую благодарность за её затруднения».

Вы помните христианское имя свидетеля Вивега?

Розе: Нет, извиняюсь, я не помню имени этого человека.

Макхэни: Если вы посмотрите в протоколе то найдете его имя Август.

Итак, доктор, видимо они полностью игнорировали ваши приказы предыдущего года о неотправке материала Шиллингу. Видимо ветер подул в другую сторону. Это так?

Розе: Я уже прямо заявлял, что моим приказом было не отправлять материал Шиллингу, так как у нас самих было немного материала. Это не означает, что у меня есть какие-либо сомнения в способе которым Шиллинг проводил свою работу. Совершенно возможно, что когда мы снова имели достаточно яиц комаров, мы снова давали их Шиллингу. У меня очень сложное положение. Мне сложно давать показания по памяти. Вы снова видите, что здесь снова вопросом, видимо занималась госпожа Ланге и сам Шиллинг написал мне снова.

Макхэни: Что же, профессор, я не так это прочёл. Первая строка говорит о вашем письме от 30-го июня.

Розе: Что же, возможно я написал Шиллингу.

Макхэни: Госпожа Блок страдает плохой памятью о вашей переписке с Шиллингом в 1943, также как и в 1942, не так ли?

Розе: Да, я достаточно удивлён, потому что следует полагать, что секретарша помнит такие вещи лучше, но, конечно, возможно сделать ошибки если нет доступа к материалам. Я сказал вам, что я не могу давать показания с уверенностью о подробностях, потому что у меня была слишком большая переписка.

Макхэни: Что же, невозможно, чтобы вы поставляли ему материал в 1944?

Розе: Я считаю это совершенно невозможным. У нас есть показания госпожи фон Фалькенхайн о том, что отделение терапии лихорадки никогда не давало ему никакого материала и о том, что тогда, у меня больше не было кабинета в Берлине. Однако, я снова должен положиться на госпожу фон Фалькенхайн. Я сам находился в Пфаффенроде с месяц как наибольшее, и вызывался раз или два на длинные расстояния.

Макхэни: Я приобщаю документ НО-1755. Он будет помечен как экземпляр обвинения 489» Это ответ от Шиллинга, датированный 27 июля 1943. Это письмо говорит о поставках яиц Шиллингу, не так ли?

Розе: Видимо, да. Должно быть было достаточно яиц комаров, и мы смогли дать ему их.

Макхэни: Сейчас небольшой перерыв; правильно?

Фриц: Господин председательствующий, я прошу, чтобы фотокопию показали свидетелю Розе. Не невозможно, чтобы это было написано помощником с инициалом «Р». Я знаю подпись профессора Розе, и я думаю «Р» выглядит по-другому. Вероятно, ему следует показать фотокопию.

Председательствующий: Покажите фотокопию свидетелю.

Розе: Я должен сказать, что я вообще не понимаю эту подпись. Когда я подписывал письмо я подписывался своим именем, но я не думаю, что это очень важно.

.....

4. Эксперименты с ипритом (горчичный газ)

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Ростоку, Гебхардту, Бломе, Рудольфу Брандту и Зиверсу вменялась особая ответственность и соучастие в преступных деяниях включающих эксперименты с горчичным газом, пар. 6 (Г). По данному обвинению подсудимые Карл Брандт, Рудольф Брандт и Зиверс были

признаны виновными, а подсудимые Хандлозер, Росток, Гебхардт и Бломе были оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Карла Брандта

.....

Газовые эксперименты

Лечение ран вызываемых агентами химического оружия представляло значительный интерес для военно-медицинских кругов Германии. 1 марта 1944 фюрер наделил Карла Брандта широкими полномочиями в сфере химического оружия. (НО-012, экз. обв. 270). Само распоряжение не доступно, но не оспаривается то, что юрисдикция Брандта охватывала фармацевтические средства для лечения газовых ранений. Им это также признаётся. Это необходимо включало определение наиболее эффективного метода лечения. То, что степень включала исследование газовых ранений можно видеть из того факта, что копии распоряжения которые Брандт направил Гиммлеру (НО-012, экз. обв. 270) были перенаправлены Гравицу и Зиверсу, которые ранее работали над этой проблемой. (НО-013а, экз. обв. 271; НО-013б, экз. обв. 272).

В любом случае 31 марта 1944, Зиверс доложил Брандту об исследовательской деятельности Хирта. (НО-015, экз. обв. 275). Хирт экспериментировал на заключенных концентрационного лагеря Нацвейлер с ноября 1942. (НО-098, экз. обв. 263). Для подробного описания экспериментов Хирта смотрите обзор против Зиверса. Брандт признал, что Зиверс представил ему письменный отчёт Хирта, который был представлен как экземпляр обвинения 268 (НО-099) и что данный отчёт показывает собой то, что им проводились эксперименты на людях. Важно отметить, что отчёт говорит о тяжёлых, средних и легких ранениях вызванных ипритом. Более того, Брандт признал свой разговор с Хиртом в Страсбурге в апреле после встречи с Зиверсом. Приблизительно 220 заключенных русской, польской, чешской и немецкой национальности подверглись экспериментам с газом из которых умерло 50. Они не являлись добровольцами. Хирт продолжал свои эксперименты с газом в Нацвейлере до лета 1944. Его газовые исследования оценивались как «срочные» Росток в августе 1944. (НО-602, экз. обв. 457).

В дополнение к своему участию в газовых экспериментах Хирта, Карл Брандт лично потворствовал преступным экспериментам Отто Бикенбаха¹¹⁹. Брандт свидетельствовал о том, что газовые эксперименты Бикенбаха привлекли его внимание осенью 1943 по случаю визита в Страсбург для оценки циклотрона; что позднее он помогал ему организовать лабораторию; что он помогал ему в получении экспериментальных животных; что Бикенбах не проводил эксперименты на людях; что он помогал ему в 1944 после создания лаборатории.

Дневник Зиверса за 1944 содержит следующую запись от 2 февраля:

«Встречался с профессором Бикенбахом в Карлсруэ и он уведомил, что предоставил свою работу под контроль генерального комиссара, профессора, доктора Брандта.

«Дискуссия с гауптштурмфюрером СС Хиртом: 1. Профессор, доктор Бикенбах, без инструкций от Хирта и профессора Штейна, связывался с генеральным комиссаром, профессором, доктором Брандтом по экспериментам с фосгеном, проводившемся им в Нацвейлере. Поручение следует отозвать; наше участие в Нацвейлере прекращается» (3456-ПС, экз. обв. 123).

Фосген является агентом химического оружия. Брандт признаёт, что он был в Нацвейлере, но настаивает на том, что проводились лишь эксперименты с животными. Это прямо противоречит заявлениям содержащимся в официальном отчёте о военных преступлениях правительства Нидерландов. (НО-1063, экз. обв. 328). Йозеф Крамер¹²⁰, бывший комендант лагеря Нацвейлер, также заявил о том, что Бикенбах экспериментировал на заключенных. (НО-807, экз. обв. 185).

Брандт свидетельствовал о том, что позднее помогал Бикенбаху в создании лаборатории в форте Франчески, который недалеко от Страсбурга и что он видел там эксперименты с животными. Бикенбах являлся профессором в университете Страсбурга с Хиртом и Хаагеном.

Отчёты Бикенбаха направленные Карлу Брандту, не только подтверждают, что Бикенбах и его сотрудники Гельмут Руль¹²¹ и Фриц Лец провели эксперименты с фосгеном на 40 русских военнопленных, но и то, что четыре

¹¹⁹ Отто Бикенбах (1901-1971) – немецкий терапевт. Проводил эксперименты с фосгеном на заключенных концентрационного лагеря Нацвейлер. Был осуждён французским судом в 1952 г., в 1955 освобождён досрочно.

¹²⁰ Йозеф Крамер (1906 — 1945) — комендант нацистского концентрационного лагеря Берген-Бельзен в 1944-45 г. В апреле 1941 комендант концентрационного лагеря Нацвейлер. Казнён по приговору британского военного трибунала.

¹²¹ Гельмут Руль (1918 - ?) – немецкий медик и унтерарцт Лютфваффе. Ассистент О. Бикенбаха в экспериментах с отравляющим газом в концентрационном лагере Нацвейлер.

подопытных были убиты в результате. (НО-1852, экз. обв. 456) Данный документ полностью разрушает достоверность подсудимого Брандта.

Эти отчёты об экспериментах с фосгеном являлись совершенно секретной тайной и нумеровались 2,3,4,5,6 и 7. Они все адресовывались генеральному уполномоченному Брандту. Эти отчёты, очевидно охватывают ту же серию экспериментов, которая проявилась в экспериментах на 40 пленных приводимую в 7-м отчёте. Они были обнаружены в квартире профессора Бикенбаха французскими властями. Целью этих экспериментов было определение эффективности вещества называемого гексаметилентетрамин против отравления фосгеном. Некоторые предварительные исследования приводились в 4-м отчёте, датированном 11 августа 1944 и упоминались тесты на «нервном русском военнопленном, который не мог успокоиться из-за трудностей языка...»

Седьмой отчёт, без даты, касается экспериментов проведённых вскоре после 11 августа 1944 (дата четвёртого отчёта), так как Страсбург был занят союзниками несколькими месяцами позже. Эти эксперименты проводились на «40 пленных для профилактического эффекта гексаметилентетрамина в случаях отравления фосгеном. Двенадцать были защищены орально, двадцать внутривенно и восемь являлись контрольными» На основании четвёртого отчёта, можно заключить, что 40 пленных являлись русскими военнопленными. Подопытные далее описывались как «лица средних лет, почти все в слабом и дистрофичном состоянии. Принципиально, самые здоровые использовались как контрольная группа, только контрольный номер 39 и орально защищенный подопытный № 37 имели локализованный циррозный туберкулёз в лёгких. У остальных, пульмонологических заболеваний не обнаружено» (1852-ПС, экз. обв. 456).

Подопытные подвергались отравлению фосгеном вызвавшему смерть не менее четырёх подопытных. Остальные подопытные пострадали от сильного отёка лёгких.

Защитник Карла Брандта настаивал на возможности того, что данный отчёт им не получался. В рамках аргументации предполагалось, что данный отчёт не направлялся Брандту, и если и получался, то не был им прочитан, факт остаётся фактом, что эксперименты проводились Биркенбахом и его сотрудниками, чью работу напрямую контролировал Брандт. Не будь иных доказательств, то обстоятельство, что отчёт был адресован Карлу Брандту являются достаточным подтверждением его ответственности. Более того, исследования и Бикенбаха и Хирта квалифицировались как неотложные отделом Брандта по науке и исследованиям под руководством Ростока. (НО-692, экз. 457).

Постоянный интерес Брандта к исследованиям агентов химического оружия и его сведения об экспериментах на заключенных концентрационных лагерей показаны в отчёте датированном 31 марта 1945 об экспериментах в концентрационном лагере Нойенгемм. (НО-154, экз. обв. 446). Там проводились эксперименты с дезактивацией воды на заключенных. Отчёт говорит о том, что «третья серия экспериментов проводилась с агентами группы иприта, удушающего иприта; согласно предложению оберстарцта доктора Вирта на совещании 4 декабря 1944 с рейхскомиссаром Брандтом».

Фрагменты из заключительного обзора против подсудимого Зиверса

.....

Эксперименты с ипритом (горчичный газ)

С зимы 1942 до лета 1944, в концентрационном лагере Нацвейлер под надзором профессора Хирта из университета Страсбурга проводились эксперименты с целью определения наиболее эффективного лечения ранений вызванных ипритом (горчичным газом). Эксперименты были приказаны Гиммлером и Люфтваффе и финасировались советом исследований Рейха. Общество «Аненербе» и подсудимый Зиверс поддерживали эти исследования от имени СС. (492-ПС, экз. обв. 267). Организация оплаты исследований субсидируемых «Аненербе» проводилась Зиверсом (НО-3819, экз. обв. 550).

Подсудимый Зиверс участвовал в этих экспериментах, активно сотрудничая с подсудимыми Карлом Брандтом и Рудольфом Брандтом, с Хиртом и его принципиальным помощником доктором Виммером¹²².

Материалы дела показывают, что Зиверс находился в переписке с Хиртом по крайней мере уже с 1942, и что он создал контакт между Гиммлером и Хиртом. (НО-791, экз. обв. 256; НО-792, экз. обв. 257).

9 апреля 1942 Зиверс написал Хирту о том, что Гиммлер хотел от Хирта подробной информации о его экспериментах с ипритом. Зиверс говорил:

«Мы точно в состоянии предоставить в ваше распоряжение для продвижения этих экспериментов уникальные сооружения в связи с особо секретными экспериментами, которые мы в настоящее время проводим в Дахау. Не могли бы

¹²² Карл Виммер (1910-1946) – немецкий медик. Ассистент Августа Хирта в экспериментах с ипритом. В 1946 покончил жизнь самоубийством.

вы на днях написать короткий секретный отчёт для рейхсфюрера СС о ваших экспериментах с ипритом?

«Но никоим образом вам не требуется ехать в Берлин в настоящее время, в особенности, поскольку рейхсфюрер СС постоянно остаётся в штаб-квартире фюрера. Поэтому, я намерен, как можно скорее нанести вам визит в Страсбурге. Но вероятно вам будет проще прибыть в Мюнхен, где у меня будет возможность представить вам начальника нашего института энтомологии и можно будет посвятить вас в наши секретные эксперименты в Дахау». (НО-793, экз. обв. 258).

Формулировка письма даёт понять, что сам Зиверс довёл до внимания Гиммлера исследования Хирта с ипритом. Это также подтверждается фактом, что 9 февраля 1942, он уже представил подсудимому Рудольфу Брандту, отчёт Хирта о создании коллекции скелетов и исследованиях в сфере интравитальной микроскопии. Последние эксперименты включали эффект иприта на живую ткань. (НО-085, экз. обв. 175). Брандт информировал Зиверса об отчёте Хирта от 27 февраля и приказал Зиверсу снова доложить о работе Хирта (НО-090, экз. обв. 176). Таким образом, отчёт Зиверса об исследованиях Хирта заставил Гиммлера проявить интерес к исследованиям Хирта с ипритом.

27 июня 1942 Зиверс переслал подсудимому Рудольфу Брандту информацию о Хирте относительно использования горчичного газа в борьбе с крысами. В этом письме он упоминал, что у него будет ещё одно совещание с Хиртом о данном предмете. Согласно Зиверсу, Хирт озвучил своё экспертное мнение о том, что иприт даже «в концентрации 1-100 опасен для человека если он попадёт на тело в достаточном количестве» (НО-794, экз. обв. 259). Зиверс был тем, кто передал 2 июня 1942 отчёт Хирта о его экспериментах при лечении газовых ранений витаминами. В своём сопроводительном письме к данному отчёту, Зиверс проинформировал подсудимого Рудольфа Брандта о том, что он встретился с Хиртом «с целью обсудить с ним более обширное применение, продолжение и развитие его исследовательской работы». В самом отчёте, Хирт заявил о том, что он не может проводить эксперименты с ипритом на людях из-за наступления во Франции, но особо настаивал на том, чтобы такие эксперименты проводились с целью установления защитного эффекта лечения витаминами. (НО-097, экз. обв. 260).

В меморандуме от 26 июня 1942 о поддержке «Аненербе» исследовательской работы Хирта с горчичным газом, Зиверс предложил, чтобы в «Аненербе» был создан институт военно-научных исследований для объединения исследований Хирта и подобных ему, таким образом помогая организационному и

техническому проведению экспериментов. Он предложил назначить Хирта в качестве активного сотрудника нового института начальником отдела Х (Хирт). Он также заявил о том, что Рашера, который тогда проводил эксперименты с большой высотой в сотрудничестве с Руффом и Ромбергом, следовало назначить начальником отдела Р (Рашер). Он заявил о том, что необходимые средства для нового института будет проще и разумнее объяснить, чем если применять их только от имени «Аненербе». (НО-2210, экз. обв. 483).

В результате данного предложения подсудимого Зиверса, в июле 1942 Гиммлер приказал создать институт военно-научных исследований в рамках «Аненербе». В своём письме Зиверсу, Гиммлер запросил о том, чтобы новый институт «поддерживал всеми возможными способами исследования, проводимые гаупштурмфюрером СС, профессором, доктором Хиртом и поощрял все соответствующие исследования и мероприятия; предоставлял необходимую аппаратуру, снаряжение, приборы и помощников, или получал их...» (НО-422, экз. обв. 33).

Зиверс провёл все необходимые приготовления для проведения экспериментов с ипритом в концентрационном лагере Нацвейлер. 27 августа 1942 в письме Глюксу из ВФХА, он заявил о том, что в связи с визитом Хирта в Страсбург он хочет взять Хирта с собой в Нацвейлер 31 августа 1942 и он попросил Глюкса сделать необходимые приготовления с комендантом лагеря. (НО-935, экз. обв. 481). В служебной записке датированной 17 сентября 1942 Зиверс заявил о том, что совещание упомянутое в его письме Глюксу прошло в Нацвейлере 31 августа 1942, и что рабочие условия там благоприятствовали там проведению экспериментов. Профессор Хирт, штабсарцт, доктор Виммер и доктор Кисельбах¹²³ просили автомобиль для поездки из Страсбурга в Нацвейлер с целью проведения там работы, и соответственно 20 литров бензина должно было предоставляться властями лагеря ежемесячно. (НО-977, экз. обв. 482). В письме от 11 сентября 1942 Глюксу, Зиверс заявил о том, что в Нацвейлере существуют необходимые условия «для проведения нашей военно-научной исследовательской работы...». Он просил о том, чтобы Глюкс дал необходимый допуск для Хирта, Виммера и Кисельбаха для входа в Нацвейлер и чтобы предусматривалось их проживание и питание. Он также заявил о том, что:

«Эксперименты, которые будут проводиться на заключенных должны проводиться в четырёх комнатах уже существующего медицинского барака. Потребуется лишь небольшие изменения в конструкции здания, в частности установка чехла, что можно сделать малым количеством

¹²³ Антон Кисельбах (1918-1984) – немецкий анатом.

материала. Согласно прилагаемому плану строительства в Нацвейлере, я прошу, чтобы были приняты необходимые приказы о проведении реконструкции. Все расходы, вытекающие из нашей деятельности в Нацвейлере будут покрыты данным ведомством...» (НО-978, экз. обв. 480).

В меморандуме от 3 ноября 1942 подсудимому Рудольфу Брандту, Зиверс жаловался на некоторые сложности, которые возникли в Нацвейлере из-за нехватки содействия от сотрудников лагеря. Зиверс был особо возмущен тем фактом, что сотрудники лагеря просили оплату за заключённых. Он сказал, что:

«Когда я думаю о нашей военно-исследовательской работе проводимой в концентрационном лагере Дахау, я должен похвалить и обратить особое внимание на великодушие и понимание с которыми развивается наша работа там и то сотрудничество, которое предоставляется. Никогда не обсуждалась оплата заключенных. Кажется, что Нацвейлер пытается, получить с данного вопроса как можно больше денег. Мы не проводим эти эксперименты, фактически, ради некой научной идеи-фикс, а ради практической помощи вооруженным силам и немецкому народу на крайний случай» (НО-98, экз. обв. 263).

Брандта просили о предоставлении товарищеской помощи для создания необходимых условий в Нацвейлере. Подсудимый Рудольф Брандт ответил на меморандум от 3 декабря 1942 и сказал Зиверсу о том, что у него была возможность поговорить с Полем об этих сложностях, и что он ответил о том, что это будет исправлено. (НО-092, экз. обв. 180).

Свидетель Голль дал в своих показаниях точное и подробное описание способа которым проводились эксперименты с ипритом. За проведением экспериментов надзирал Хирт на экспериментальной станции «Аненербе» в концентрационном лагере Нацвейлер. В середине октября 1942 подготовка к этим экспериментам была завершена и сами эксперименты начались где-то в октябре или ноябре, после предоставления подопытным такой же еды как и охранникам СС приблизительно 14 дней. Первая серия экспериментов проводилась Хиртом на 30 подопытных с субстанцией жидкого газа. Несмотря на факт, что Хирт, ранее отбирал подопытных, пообещав им, что он обратится к Гиммлеру для того, чтобы их освободили в качестве награды если они вызовутся для экспериментов, никто из подопытных во всех экспериментах проводимых Хиртом не вызвался добровольцем. Политические заключенные, русские, поляки, чехи и также некоторые немецкие граждане были среди подопытных.

Первая серия экспериментов проводилась Хиртом и офицером Люфтваффе следующим образом: жидкость капали на руку подопытного. Приблизительно 10 часов спустя появлялся ожог и распространялся на всё тело где капли жидкости соприкасались с кожей. Некоторые из подопытных частично ослепли. Жертвы этих экспериментов страдали от ужасной боли. Фотографии ожогов делались ежедневно. После пяти или шести дней эксперимента, случилась первая смерть. Тело жертвы было вскрыто и вскрытие показало, что была поражена большая часть лёгких и других органов. На следующий день, то есть, на седьмой день эксперимента, ещё семь подопытных умерло. Оставшиеся 22 были направлены в другой концентрационный лагерь, как только достаточно восстановились для перевозки. Другие эксперименты на заключенных концентрационного лагеря Нацвейлер проводились в газовой камере приблизительно в 500 метрах от лагеря. Подопытных вводили в газовую камеру по двое. Они должны были разбить две маленькие ампулы с жидкостью. Эта жидкость испарялась и подопытные затем вдыхали возникший пар. Обычно подопытные теряли сознание и возвращались на экспериментальную станцию «Аненербе» для дальнейшего наблюдения за результатами экспериментов. Эти результаты приблизительно были такими же как наблюдались в первых сериях. Органы дыхания подопытных также разрушались. Их лёгкие разъедались газом. Около 150 заключенных концентрационных лагерей подверглись таким опытам. Приблизительно такой же процент как и в первой серии умер в результате такого типа экспериментов.

Ещё одни эксперименты с ипритом проводились посредством инъекции. Эти эксперименты проводились в специальной комнате примыкающей к крематорию. Все без исключения жертвы этих экспериментов умерли. Другого типа эксперименты проводились на подопытных, которые должны были принимать жидкость орально. Так как Голль был переведён до рождества 1943 во внешний лагерь, он не смог дать информацию о такого типа экспериментах. Однако, однажды он, вернулся на месяц в концентрационный лагерь Нацвейлер и поэтому мог наблюдать, что эксперименты с ипритом продолжались до осени 1944, когда концентрационный лагерь Нацвейлер не был освобождён союзниками.

Показаниями Голля подтверждается, что приблизительно 220 заключенных русской, польской, чешской и немецкой национальностей подверглись экспериментам с газом Хирта и его сотрудников. Около 50 из них умерли. Никто из подопытных не являлся добровольцем.

7 апреля 1943, когда проводились эксперименты с ипритом, Гиммлер приказал об интенсификации исследований иприта. В это время прогрессу исследований Хирта угрожал перевод его помощника, Виммера, медицинского

офицера Люфтваффе. Поскольку личные вопросы находились в сфере обязанностей Зиверса, он написал Рудольфу Брандту протест предлагаемому переводу Виммера и заявил, что если Виммер покинет институт военно-медицинских исследований, эксперименты с ипритом прекратятся. Затем Зиверс очертил подходящую процедуру для обеспечения будущих служб Виммера и института «Аненербе» (НО-193, экз. обв. 264).

Вновь 3 ноября 1943 Зиверс с целью развития экспериментов с ипритом и гарантий их продолжения, подготовил сертификат, который позволял двум помощникам в исследованиях Хирта получать повышенный продуктовый паёк. Зиверс заявил о том, что в исследовательской деятельности этих лиц был заинтересован отдел X (Хирт), Страсбург, института военно-медицинских исследований «Аненербе» включая отравляющие яды, которые причиняли вред здоровью. (492-ПС, экз. обв. 267).

Доказательства чётко указывают, что за весь период охватывающий эксперименты с ипритом, Хирт был связан с обществом «Аненербе». В начале 1944 Хирт и Виммер подытожили свои выводы по экспериментам с ипритом в отчёте «Предполагаемое лечение отравления ипритом». Отчёт описывался как исходящий из института военно-научных исследований, отдела X «Аненербе», располагавшегося в анатомическом институте Страсбурга. Упоминались лёгкие, средние и тяжёлые травмы причинённые ипритом. Зиверс получил несколько копий данного отчёта. (НО-099, экз. обв. 268). 31 марта 1944, после получения Карлом Брандтом распоряжения фюрера наделявшего его широкими полномочиями в сфере химического оружия (НО-012, экз. обв. 270), Зиверс проинформировал Брандта о работе Хирта и передал ему копию отчёта. Это подтверждается письмом Зиверса Рудольфу Брандту 11 апреля 1944. (НО-015, экз. обв. 275). Карл Брандт признал, что формулировка отчёта даёт понять, что эксперименты проводились на людях.

Также показано подтверждение тому, что в октябре 1943 подсудимый Бломе, в качестве уполномоченного совета исследований Рейха, принял исследовательское задание для Хирта в поддержку его газовых экспериментов. Это подтверждается картотекой исследовательских заданий Бломе в совете исследований Рейха, в которой задание Бломе Хирту приводится с приоритетом СС номер 0329. (НО-690, экз. обв. 120). Зиверс признал, что Хирту было дано задание по исследованию «поведения иприта в живых организмах». Он далее признал, то на совещании в апреле 1942, Гиммлер сказал ему о том, что Хирту следует провести эксперименты с ипритом на людях, иных нежели военные курсанты.

Зиверс свидетельствовал о том, что 25 января 1943 он поехал в концентрационный лагерь Нацвейлер и проконсультировался с властями лагеря об

организации проведения экспериментов Хирта с ипритом. Эти приготовления включали получения лабораторий и подопытных. Зиверс свидетельствовал о том, что эксперименты с ипритом были вредными. При визите 25 января 1943, Зиверс видел десять лиц, которые подверглись экспериментам с ипритом и видел как Хирт менял людям повязки. Зиверс сказал о том, что говорил с подопытными и они сказали, что они добровольцы и Хирт подтвердил это Зиверсу. Показания Зиверса противоречат его сведениям о том, что эксперименты вызвали смерти. Зиверс свидетельствовал о том, что в марте 1943 он спросил Хирта о том пострадали ли какие-либо подопытные от экспериментов, на что Хирт ответил о том, что двое подопытных умерли от других причин. С другой стороны Зиверс, казалось ссылался на эксперименты с ипритом, когда он заявлял о том, что он знал об одном приговорённом преступнике, который умер от экспериментов. Что касается национальности подопытных, у Зиверса было мнение, в виду их манеры речи, что подопытные лица были немцами. Однако, доказательства чётко показывают, что Зиверс уже в начале января 1942 имел сведения о том, что Хирт использовал недобровольцев в январе 1942. В своём письме от 3 января 1942, Зиверс просил Хирта представить ему исчерпывающие отчёты с целью того, чтобы он мог передать их Гиммлеру. Зиверс заверил Хирта в том, что Гиммлер позволит Хирту проводить эксперименты любого рода «на преступниках и настоящих уголовниках, которых вообще никогда не освободят и на лицах подготовленных к казни» (НО-3629, экз. обв. 547).

Записи в дневнике Зиверса указывают, на то, что его первостепенной заботой было сделать необходимые приготовления к проведению экспериментов с ипритом. 25 января 1943 Зиверс посетил Нацвейлер и проконсультировался с Полем о продолжении экспериментов с ипритом и несомненно подготовил предоставление подопытных, хотя он свидетельствовал о том, что его разговор относился к получению пространства для животных. 24 и 25 января Зиверс получил отчёты Хирта об экспериментах с ипритом и 17 марта 1943 Зиверс присутствовал на совещании в институте военно-медицинских исследований на котором докладывалось об экспериментах с ипритом. (НО-538, экз. обв. 122).

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительного обзора в защиту подсудимого Карла Брандта

.....

I. Проведение экспериментов. Защита не желает делать заявление в данной связи.

II. Приказ о проведении экспериментов. Подсудимый Карл Брандт не упоминается в связи с приказом о проведении данных экспериментов.

1. Вещество Ф 1001. НО-199, экземпляр обвинения 253, и НО-198, экземпляр обвинения 254, показывают, что приказ о проведении этих экспериментов в концентрационном лагере Заксенхаузен был отдан Гиммлером или главным врачом СС Гравицем в 1939. Это подтверждается тем, фактом, что отчёты о завершении экспериментов представлялись Гравицу или Гиммлеру.

2. «Эксперименты с ипритом». Согласно НО-098, экземпляру обвинения 263, приказ Хирту был отдан 13 июля 1942 как показывает письмо, датированное 3 ноября 1942, которое содержит поручение по исследованиям института СС по применению военно-медицинских исследований «Аненербе». Согласно 492-ПС, экземпляру обвинения 267, приказ о проведении экспериментов был отдан Гиммлером или Герингом.

Согласно показаниям Зиверса, Гиммлер, 8 марта 1944 приказал о том, чтобы проводились эксперименты на людях, несмотря на аргументы последнего о том, что можно получить дальнейшие результаты только проводя эксперименты на животных. Отдача данного приказа подтверждается фактом, что отчёты направляемые главному врачу СС Гравицу передавались рейхсфюреру СС Гиммлеру. НО-085, экземпляр обвинения 269, содержит промежуточный заключительный отчёт сделанный Хиртом в 1941; НО-097, экземпляр обвинения 260, заключительный отчёт Хирта от 1941 года представленный рейхсфюреру СС; также НО-099, экземпляр обвинения 268, предложения Хирта по лечению. Это также подтверждается перепиской между Зиверсом и Хиртом. НО-793, экземпляр обвинения 258, отчёт о совещании с Гиммлером.

3. Н-вещество¹²⁴. Приказ о проведении экспериментов был отдан главным врачом СС Гравицем в связи со Швабом и после заслушивания Гебхардта, Глюкса и Панцингера. Делалась ссылка на инструкцию от Гитлера и приказ Гиммлера от 15 мая.

III. Причины для экспериментов. Заявление подсудимого Карла Брандта.

1. Иприт и вещество Ф 1001. Исследовательская работа по лекарственным средствам при ранениях, а не отравлениях, вызываемых ипритом. Эксперименты такого рода проводились всеми нациями с первой мировой войны, Англия занимает

¹²⁴ Фторид хлора(III) (трифторид хлора, трёхфтористый хлор) — ClF₃, соединение хлора с фтором, представляющее собой при комнатной температуре бесцветный ядовитый тяжёлый газ с сильным раздражающим запахом. Тестировался как ракетный окислитель.

ведущее положение в опытах на людях. Общая необходимость экспериментов на людях и только таких, которые относятся сюда, признавалась всеми нациями как военная необходимость. (Карл Брандт 106, экз. Карл Брандт 49; Карл Брандт 107, экз. Карл Брандт 50).

Необходимость проведения экспериментов возросла в Германии, в частности во время второй мировой войны, так как все нации производили иприт. Необходимость стали императивом в 1944, когда достоверные источники сообщали о том, что противник держит наготове агенты химического оружия. (Карл Брандт 103, экз. Карл Брандт 42; Карл Брандт 101, экз. Карл Брандт 41; Карл Брандт 11, экз. Карл Брандт 10; Карл Брандт 12, экз. Карл Брандт 11).

2. Н-вещество. Причины и цель экспериментов неизвестны. Н-вещество это название «обычного» вещества. Это не агент химического оружия, а топливная субстанция, необходимая для горения. Это вещество не следует смешивать с «Н-ипритом», то есть, азотным ипритом. (Карл Брандт 88, экз. Карл Брандт 36; Карл Брандт 103, экз. Карл Брандт 42).

IV. Участие в проведении экспериментов.

1. Вещество Ф 1001. Эксперименты проводились исключительно ведомствами СС по приказам рейхсфюрера СС. Они проводились до получения подсудимым Карлом Брандтом своего официального назначения.

2. Иприт. Эксперименты проводились Хиртом и Виммером в институте СС по военно-научным исследованиям в Страсбурге. Согласно показаниям Зиверса, подсудимый Карл Брандт не имел влияния в этих учреждениях. Агенты химического оружия иприт не действуют как газ, но в сухой форме травмируют кожу. Обычно, эксперименты проводились всеми нациями применяя небольшие капли иприта на кожу. Они вызывали поражение тканей, которые излечивались лекарствами. Данная процедура была продемонстрирована в показаниях Голля.

3. Н-вещество. Показания Зиверса показывают, что эксперименты не проводились из-за лабораторного эксперимента доктора Тиссена¹²⁵ и экспертного мнения направленного Гиммлеру.

V. Подопытные.

A. Количество подопытных.

1. Вещество Ф 1001. Нет заявления.

2. Иприт. Заявления свидетеля Голля о количестве подопытных следует воспринимать с осторожностью, поскольку они не исходят от Голля, а заявлялись

¹²⁵ Петер Адольф Тиссен (1899 — 1990) — немецкий химик, активный участник программы по созданию первой советской атомной бомбы.

обвинением и просто подтверждались Голлем. Показания Нальса об экспериментах нельзя отнести к иприту.

3. Н-вещество. Поскольку таких экспериментов не было, заявления не будет.

Б. Согласие подопытных.

1. Вещество Ф 1001. Нет заявления.

2. Иприт. Показания Зиверса показывают, что Хирт сказал о том, что подопытные вызвались добровольно, после лекции Хирта. Данные показания выглядят достаточно достоверными, так как обычным было проведение таких экспериментов на курсантах академии военной медицины в Берлине. Показания Бекер-Фрейзинга также как и показания Зиверса; также показания свидетеля Нальса.

3. Н-вещество. Нет заявления.

В. Тип подопытных.

1. Ф 1001. Представленные документы не раскрывают характер подопытных, хотя 1939 год указывает на то, что иностранцев не могли использовать.

2. Иприт. Согласно показаниям Зиверса, лица использованные в экспериментах в концентрационном лагере Нацвейлер вызвались добровольно, таким образом характер подопытных не имеет значения для приговора. Показания подсудимого Рудольфа Брандта (НО-372, экз. обв. 252) не являются основой подлинного положения вещей, так как показания Рудольфа Брандта показывают, что он сам никогда не присутствовал при эксперименте и его заявления являются выводами из документов и заявлений дознавателей.

3. Н-вещество. Нет экспериментов, нет заявления.

Г. Опасность для подопытных.

1. Вещество Ф 1001 и иприт. Обычные формы экспериментов с ипритом, с использованием капли на кожу, как описывалось Голлем не представляют никакой опасности для жизни, потому что целью является установить наиболее подробную реакцию кожи на попадание маленьких капель иприта. Эксперименты со смертельными количествами предотвращались. Соответствующие заявления Голля должно быть были из-за непонимания эксперимента. Заявление Голля, и письменные показания Вагнера (НО-881, экз. обв. 280), также в некоторой степени, противоречат друг другу. Голль, шахтёр по профессии, который являлся капо госпиталя в Нацвейлере, сделал научные заявления с иллюстрациями, которым вряд ли стоит придавать большое значение. Письменные показания Вагнера, который является учёным, занимавшим при экспериментах высокое положение в работе, являются более достоверными. Он ничего не знал о смертях из-за экспериментов с

ипритом. Его выводы о том насколько опасны эксперименты с ипритом основаны на таблице которая готовилась для комитета. Заявление Зиверса сообщает о визите к Виммеру в Страсбург во время которого последний не упоминал никакие смерти. Хирт также подтверждает это в марте 1943; хотя он говорит о двух смертях, они не произошли от экспериментов с ипритом. Эксперименты с веществом Ф 1001, также являлись экспериментами с ипритом. Опасность вызываемая такими экспериментами была точно описана. Не было смертей и не было стойкого вреда здоровью. В 23 случаях общее состояние не ухудшилось. (НО-199, экз. обв. 253). В отличие от этого, НО-198, экземпляр обвинения 254, упоминает серьезные расстройства в общем состоянии в восьми случаях. Следует полагать, что эти расстройства имели временный характер и случались только на пике травмирования. Они не длились весь эксперимент.

2. Н-вещество. Эксперименты не проводились. Помимо этого, НО-005, экземпляр обвинения 279, раскрывает, что наиболее вероятно, эксперименты не привели ни к каким телесным повреждениям.

VI. Особая ответственность и соучастие подсудимого Карла Брандта.

1. Подсудимый Карл Брандт не отдавал никакого приказа о проведении экспериментов. Карл Брандт не имел полномочий отдавать такие приказы.

2. Распоряжение от 1 марта 1944 о защитном снаряжении при химической войне было воссоздано посредством следующих письменных показаний: (Карл Брандт 103, экз. Карл Брандт 42; Карл Брандт 5, экз. Карл Брандт 6; Карл Брандт 11, экз. Карл Брандт 10; Карл Брандт 4, экз. Карл Брандт 5; Карл Брандт 101, экз. Карл Брандт 41; Карл Брандт 89, экз. Карл Брандт 37). Они показывают, что данное распоряжение не ссылается на разрешение отдавать приказы относительно агентов химического оружия и их исследований, но что оно представляет производственный приказ о защитном снаряжении в химической войне. Документ НО-015, экземпляр обвинения 275, подтверждает, что эксперименты Хирта были завершены, когда подсудимый Карл Брандт получил, через Зиверса инструкции Хирта по лечению ранений вызванных ипритом, после 1 марта 1944. Сам факт, что таким образом, впервые, он узнал о результатах экспериментов подтверждает, что это было дело СС и Гимmlера и Хирта и что это относилось к сфере которая не касалась Карла Брандта согласно строгим приказам. (смотрите заявления об участии в экспериментах в силу контактов с Гимmlером). (Также Карл Брандт 120, экз. Карл Брандт 35). Письменные показания Рудольфа Брандта (НО-372, экз. обв. 252) опровергаются Карлом Брандтом 13, экземпляром Карла Брандта 12, также как и заявлениями сделанными Рудольфом Брандтом. Фактически имя подсудимого Карла Брандта никогда не упоминалось во множественных документах

охватывающих период нескольких лет. Особая секретность окружающая первое распоряжение и его содержание относительно защиты от отравляющих газов достаточно понятны необходимостью сокрытия недостатка в газовой защите на какое-то время. (Карл Брандт 103, экз. Карл Брандт 42; Карл Брандт 101, экз. Карл Брандт 41; Карл Брандт 11, экз. Карл Брандт 10).

3. Усилия Карла Брандта, чтобы не экспериментировать на людях подтверждаются фактом, что у него был животный материал, т. е. человекообразные обезьяны, доставленные из Испании и Африки Люфтваффе за большую цену. Имей он настрой на бесплатные эксперименты на людях, он вряд ли бы пошёл на такие расходы. (Карл Брандт 12, экз. Карл Брандт 11). Исчерпывающие перечисление участников работы с Н-газом (НО-005, экз. обв. 279) подтверждает, что подсудимый Карл Брандт не участвовал. Н-газ вероятно относился к другой сфере, как показывают документы Карл Брандт 88, экземпляр Карл Брандт 36 и Карл Брандт 103, экземпляр Карл Брандт 42. Это далее подтверждается письмом Зиверса Хирту от 9 апреля 1942. (НО-793, экз. обв. 258). В нём, сделана ссылка на возможность развития экспериментов «единичными возможностями».

НО-422, экземпляр обвинения 33, содержит приказ Гиммлера от 7 июля 1942 Зиверсу и институту «Аненербе» СС о поддержке исследований Хирта всеми доступными способами.

4. Со-подсудимый Рудольф Брандт не знал о содержании распоряжения от 1 марта 1944, хотя он отчётливо указывал на него в своих письменных показаниях. (НО-372, экз. обв. 252).

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Зиверса

.....

1. Эксперименты с ипритом проводились с ноября 1942 в концентрационном лагере Нацвейлер профессором Хиртом.

2. Согласно заявлению свидетеля Нальса на заседании 30 апреля 1947, умерло трое подопытных. Другие подопытные предположительно пострадали от сильных ожогов.

3. Зиверс лично не участвовал в этих экспериментах, обвинение представило следующие доказательства подтверждающие участие Зиверса в экспериментах с ипритом:

Письмо Зиверса доктору Хирту от 17 января 1942 (НО-791, экз. обв. 256) относительно экспериментов с инсектицидами.

Письмо доктора Хирта в «Аненербе» от 20 января 1942 (НО-792, экз. обв. 257) с ответом на письмо Зиверса.

Письмо доктору Хирту от 9 апреля 1942 (НО-793, экз. обв. 258) об исследованиях доктора Хирта об интравитальной микроскопии и экспериментах с ипритом.

Письмо Зиверса доктору Брандту от 27 августа 1942 (НО-794, экз. обв. 259) об передаче сообщения доктора Хирта о результатах экспериментов с ипритом.

Письмо «Аненербе» доктору Брандту от 2 июня 1942 (НО-097, экз. обв. 260) об отчёте доктора Хирта о ранениях ипритом. Эксперименты на людях нельзя было проводить так как Хирт находился на фронте.

Записка управляющего делами от 3 ноября 1942 (НО-098, экз. обв. 263).

Письмо управляющего делами «Аненербе» доктору Р. Брандту от 22 апреля 1943 – об освобождении врача, доктора Виммера из воздушных сил, для того, чтобы он мог продолжать работу с Хиртом в экспериментах с ипритом. (НО-193, экз. обв. 264).

Письмо из личного штаба рейхсфюрера СС министеральрату доктору Гернерту от 9 июня 1943 – о переводе доктора Виммера. (НО-195, экз. обв. 266).

Сертификат института военно-медицинских исследований от 3 ноября 1943 – о предоставлении специальных продуктовых пайков доктору Виммеру и госпоже Шмитт. (492-ПС, экз. обв. 267).

Предложения о лечении газовых ранений ипритом. (НО-099, экз. обв. 268).

Письмо управляющего делами «Аненербе» доктору Брандту 9 февраля 1942 – о передаче доктором Хиртом отчёта о своих медицинских экспериментах и микроскопе, которые позволял наблюдать живую ткань. (НО-085, экз. обв. 269).

Письмо личного штаба рейхсфюрера СС в «Аненербе» 10 марта 1944 – о передаче распоряжения фюрера от 1 марта 1944. (НО-013, экз. обв. 272). Упомянутое распоряжение фюрера – от 1 марта 1944 – не было представлено.

Письмо из отдела «А» доктору Р. Брандту от 11 апреля 1944 об отчёте Зиверса бригадефюреру СС, профессору, доктору Брандту об исследовательской работе доктора Хирта (НО-015, экз. обв. 275).

Письмо Зиверса бригадефюреру СС Глюксу от 11 сентября 1942 (НО-978, экз. обв. 480) о военно-научных исследованиях в связи с концентрационным лагерем Нацвейлер.

Письмо Зиверса бригадефюреру СС Глюксу от 27 августа 1942 о военно-научных исследованиях в связи с концентрационным лагерем Нацвейлер. (НО-935, экз. обв. 481).

Меморандум Зиверса о проведении военно-научных исследований в концентрационном лагере Нацвейлер от 17 сентября 1942. (НО-977, экз. обв. 482).

Защита ссылается на следующие доказательства:

Эксперименты с ипритом проводились в военно-медицинской академии в Берлине. Подопытные являлись курсантами обучающимися в академии. (НО-097, экз. обв. 260). Профессор, доктор Хирт, позднее директор анатомического института в Страсбурге, принимал участие в проведении этих экспериментов. Профессор Хирт также проводил эти эксперименты на себе. Гитлер распорядился о том, чтобы эксперименты больше не проводили на курсантах, так как они были важнее как солдаты. Гиммлер отдал доктору Хирту приказы о проведении нескольких практических экспериментов на людях в дополнение к своим экспериментам с животными. Затем 9 апреля 1942 Гиммлер спросил Зиверса, который в дискуссии с ним на пасху 1942 также упоминал исследования проводимые профессором Хиртом, попросив у последнего письменно представить секретный отчёт о его экспериментах с ипритом. (НО-793, экз. обв. 258). Хирт затем представил данный отчёт «Аненербе», который был представлен с письмом от 2 июня 1942 в личный штаб рейхсфюрера СС. (НО-097, экз. обв. 260). Заголовок данного письма примечателен: «Отчёт об экспериментах с ипритом проводимых по приказу Вермахта». Далее доктор Хирт упоминал на странице четыре отчёта, что он представил письменный отчёт о результатах своих экспериментах с ипритом главному хирургу, который являлся тогда его начальником. Из данного отчёта, совершенно ясно, что эксперименты на людях за исключением кадетов, ещё не проводились Хиртом. Однако, доктор Хирт затем сделал короткий отчёт, который управляющий делами «Аненербе» передал в личный штаб рейхсфюрера СС 27 августа 1942. (НО-794, экз. обв. 259).

В письме от 13 июля 1942 рейхсфюрер СС приказал о том, чтобы доктор Хирт проводил исследовательскую работу приказанную ему в концентрационном лагере Нацвейлер. (НО-098, экз. обв. 263). Зиверс отправился в Нацвейлер с доктором Хиртом в конце августа 1942, чтобы убедиться в наличии необходимых предпосылок. Как показано в отчёте доктора Хирта от 19 октября 1942, ещё ничего не происходило, кроме привлечения обершарфюрера Вальберта, кинолога. Расширение лабораторий и конюшен ещё начиналось. И теперь доктор Хирт продолжил отчёт:

«Далее нас проинформировали о том, что заключенных которых позднее следовало использовать для экспериментов следует оплачивать на время проведения экспериментов. Мы попросили о том, чтобы заключенные с ипритом получали полные пайки (еду для охраны), чтобы позволить проводить

эксперименты в таких же условиях какие будут у войск в чрезвычайной ситуации. В настоящее время мы запланировали 10 заключенных для экспериментов». (НО-098, экз. обв. 263).

Так как Хирт доложил о том, что придание второго врача в концентрационном лагере Нацвейлер будет сложным, Зиверс попросил участия в мероприятиях путём освобождения доктора Виммера, капитана из воздушных сил, с целью предоставить помощника доктору Хирту, в особенности так как рейхсфюрер СС прямо желал, того, чтобы перевод доктора Виммера прошёл как можно скорее. (НО-194, экз. обв. 265).

Обязанностью Зиверса было заниматься проживанием, финансированием лаборатории и похожими вопросами. Поэтому, в августе и сентябре 1942 он написал бригадефюреру СС Глюксу, который был ответственным за управление концентрационными лагерями. (НО-935, экз. обв. 481; НО-977, экз. обв. 482; НО-978, экз. обв. 480). Они содержат только административные вопросы.

Как мало знал Зиверс о концентрационных лагерях видно из документа НО-935. Зиверс просил отправки точных адресов лагеря и коменданта. Письмо особо характерно.

О том, что и в какой степени знал Зиверс по вопросу о проведении экспериментов с ипритом в концентрационном лагере Нацвейлер, можно заявить следующее:

Фердинанд Голль, свидетель обвинения, давая показания 3 января 1947, ничего не говорил об участии Зиверса в проведении экспериментов с ипритом в концентрационном лагере Нацвейлер. Экспериментаторами были доктор Хирт и офицеры Люфтваффе. Свидетель Голль вообще не упоминал Зиверса. Если бы Зиверс, носивший форму СС, стал бы известен в связи с экспериментами с ипритом, данный свидетель точно бы об этом заявил, в особенности, потому что он был госпитальным помощником и охранником заключенных в так называемом блоке «Аненербе» концентрационного лагеря Нацвейлер.

Свидетель Грандижан, который находился в госпитале концентрационного лагеря Нацвейлер как медбрат с апреля 1944, ничего не знал о присутствии Зиверса в концентрационном лагере Нацвейлер или какой-либо связи между Зиверсом и экспериментами с ипритом.

Зиверс находился в концентрационном лагере Нацвейлер 25 января 1943 и также посещал бараки, в которых размещали подопытных в экспериментах с ипритом. Доктор Виммер показывал Зиверсу некоторых подопытных с руками в повязках. Всего было около 10 лиц, которые производили впечатление довольно живых. У одного из подопытных проводилась замена повязки, и Зиверс видел, что

место на руке было покрыто коркой. Доктор Виммер ничего не сообщал о смертельных случаях. С другой стороны, опросом самих подопытных, Зиверс выяснил, что они вызвались добровольцами для этих экспериментов после лекции профессора Хирта. Зиверс также узнал это от самого доктора Хирта, который в конце эксперимента подтвердил, что он направил коменданту лагеря отчёт о хорошем поведении заключенных с рекомендацией об их освобождении. Лекция, которую Хирт ранее прочёл подопытным также подтверждалась свидетелем Голлем. Это был единственный визит Зиверса к подопытным в экспериментах с ипритом. После 25 января 1943 Зиверс никогда не ездил в Нацвейлер. Это уже известно из его дневниковых записей.

Зиверс придавал некоторую опасность экспериментам, но, не будучи врачом, он не мог точно судить по экспериментам и по способу которым они проводились, что есть определенная причина быть готовым к смертельным случаям. В марте 1943 Зиверс спросил доктора Хирта о том умирали ли подопытные. Хирт признал две смерти которые, как он заметил не имели связи с экспериментами с ипритом.

Заявление свидетеля Нальса, заслушанное на заседании 30 апреля 1947 заслуживает особого внимания. Данный свидетель подтвердил, что подопытные о которых сообщалось в «экспериментах с ожогами» являлись добровольцами. Свидетель соответственно подтвердил заявление Зиверса от 10 апреля 1947. Свидетель признал в перекрёстном допросе, что профессор, доктор Хирт, также как и лагерный врач СС, объяснил подопытным характер запланированных экспериментов. Могло быть, что лагерный врач СС неопределённо не говорил об опасности экспериментов. Но можно точно предположить, что доктор Хирт описывал характер запланированных экспериментов более подробно в своих инструкциях, которые также подтверждались свидетелем Голлем. Зиверс имел мало отношения к отбору подопытных также как и во всех других случаях. Он не присутствовал ни на лекции лагерного врача, ни на лекции доктора Хирта. Он полагался и должен был полагаться на то, что доктор Хирт говорил ему о вопросе добровольчества.

4. В спорном вопросе, Зиверс снова не находился в состоянии принимать инструкции или отдавать приказы о проведении экспериментов с ипритом. И он этого не делал. Он оказался в контакте с экспериментами с ипритом, лишь передавая переписку и проводя подчиненную административную работу, которая не имела никакого решающего или важного влияния на эксперименты проводимые доктором Хиртом.

5. Сведений о том, что эксперименты могли переходить некие рамки или становились бесчеловечными ни до не после не возникало в ходе экспериментов.

Мы исследуем, не получал ли Зиверс из некого отчёта или иначе, более точные сведения о ходе экспериментов. В результате экспериментов проводимых доктором Хиртом и доктором Виммером, появилось «Предполагаемое лечение ранений вызванных ипритом». Из отчёта вообще ничего не ясно о проведении экспериментов и его эффекте на подопытных. Поскольку никакого другого отчёта не существует, верность заявления Зиверса следует принять, согласно чему он не знал об экспериментах с ипритом более, чем мы видели и сами слышали в Нацвейлере. В этом нет ничего, чтобы заставило его поверить в преступность экспериментов.

Это также следует сформировать исходя из суждения о документах НО-195 и НО-015, экземпляры обвинения 266 и 275. Зиверс мог лишь дать информацию которую он знал. Но в силу своих собственных наблюдений и информации полученной от доктора Хирта и переписки представленной здесь, Зиверс мог давать информацию о предмете экспериментов проводимых доктором Хиртом и обстоятельствах, в которых они проводились. Также совершенно абсурдно предполагать, что любой кто имел подробные сведения о ходе экспериментов использовался бы для передачи информации. В своём письме доктору Рудольфу Брандту от 11 апреля 1944, Зиверс далее заявил о том, что 31 марта он предоставил отчёт бригадефюреру, профессору, доктору Брандту об исследовательской работе гаупштурмфюрера СС, профессора, доктора Хирта. Содержание так называемого отчёта было воспроизведено доктором Карлом Брандтом в своём допросе 4 ноября 1947. Согласно нему, Зиверс лишь заявлял о том, что он выполнял приказ Гимmlера о передаче ему заключительного отчёта об иприте доктора Хирта. Но Зиверс ничего не говорил о поручении обсуждать содержание с доктором Карлом Брандтом. Никакой дискуссии не проходило между доктором Карлом Брандтом и Зиверсом о проведении экспериментов. Это был «отчёт» из которого обвинение кажется сделало вывод о том, что Зиверс имел подробные сведения об экспериментах с ипритом.

Всё ещё стоит вопрос, был ли осведомлён Зиверс в результате отчёта Хирта от 8 марта 1944 рейхсфюреру СС о смертях в связи с экспериментами с ипритом. Отчёт Хирта не раскрыл ничего из чего можно сделать вывод о том, что проводились особо опасные эксперименты. Более того Хирт заявил о том, что он сможет достичь дальнейших результатов только посредством экспериментов на животных.

Наконец, выразалось мнение в отношении возможного утверждения обвинения о том, что применение интравитальной микроскопии составляло преступление против человечности. Интравитальная микроскопия использованная доктором Хиртом могла использоваться только на животных. Письмо от фирмы Цейсса от 13 января 1947. (Зиверс 9, экз. Зиверс 10; Зиверс 55, экз. Зиверс 51). Об этих экспериментах с интравитальной микроскопией проводимых на людях доктором Хиртом не свидетельствовал ни один свидетель и также этого не видно не из одного документа. Если бы в этом было дело, об этом точно не стало бы известно от подопытных или медицинских карт.

6. Зиверс не имел ни власти ни возможности предотвратить эксперименты с ипритом, ни остановить их. Зиверс никоим образом не мог помешать проведению экспериментов вопреки приказу Гиммлера.

7. В таких обстоятельствах Зиверс не может являться виновным также и в преступной халатности.

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-794
Экземпляр обвинения 259

Письмо Зиверса Рудольфу Брандту от 27 июня 1942 о горчичном газе и его эффектах на людей

«Аненербе»

Управляющий делами

Берлин-Далем, 27 июня 1942
G/H/6, g/Sch/4, A/1/101 S/wo

Оберштурмбаннфюреру СС доктору Р. Брандту
Личный штаб рейхсфюрера СС
Берлин

Предмет: Использование горчичного газа для уничтожения крыс.

На: Ваше письмо от 13 июля 1942 – А/19/95/1942

Дорогой товарищ Брандт!

На запрос, гауптштурмфюрер СС, профессор, доктор Хирт, Страсбург, сообщил мне:

«Горчичный газ в концентрации 1:100 опасен для людей при контакте тела с соответствующим количеством. Прежде, всего, горчичный газ опасно действует на одежду, как известно, даже, при сильной разбавленности, в особенности в связи с влажностью. Горчичный газ, соприкасающийся с кожей даже при концентрации 1:100 вызывает покраснение, возможно, он вызывает небольшие кисты без эффекта некроза. То есть, эффект гораздо слабее чем от чистого горчичного газа. Несмотря на это, при контакте с одеждой в достаточных количествах, в особенности в областях потения, или паховой области, у него может быть точно такой же эффект как у концентрированного горчичного газа. Из-за этого часто достаточно лишь капли. Это я понял по лабораторному инциденту со студентом-химиком, который задел своей подмышкой одного из кроликов лишь на секунду и возникшее покраснение распространилось по всему телу на следующий день, однако, без дальнейших последствий. По моему мнению, только место, которое можно временно эвакуировать от людей, можно использовать для газации. Использование горчичного газа в окрестностях продуктовых магазинов, в особенности зерновых складов, следует абсолютно исключить, потому что неизвестно в какой степени крысы распространяют там горчичный газ. Лишь газация крысиных нор будет возможна при полном применении мер предосторожности. Как это работает технически, я конечно не могу определить. Об этом следует судить подходящим экспертам. Вероятно случай может быть таким же как и с остальными ядами используемыми для уничтожения крыс (фосфор-мышьяк, стрихнин и т. д.) – это означает, что использование любого типа яда имеет две стороны. Несмотря на это, ваша идея о попытке уничтожения вредителей посредством отравляющих газов вовсе не кажется странной, но эксперт по отравляющему газу должен определять это если отсутствуют другие средства убийства крыс которые менее вредны для людей».

С лучшими пожеланиями

Хайль Гитлер!

[Подписано] Зиверс

P. S. Я на днях подробно обсужу вопрос с профессором Хиртом, и поищу эксперта по отравляющим газам, с которым мы сможем проконсультироваться для решения проблемы.

**Меморандум Зиверса Рудольфу Брандту от 3 ноября 1942 об исследованиях в
концентрационном лагере Нацвейлер**

«Аненербе»

Управляющий делами

Берлин-Далем, 3 ноября 1942

S/Wo G/H/6

Личный штаб рейхсфюрера СС [Регистрационный штамп]

Документальная комната № Секретно/51/16 [рукописная пометка]

Записка

На: Исследовательский приказ гауптштурмфюрера СС, профессора, доктора Августа Хирта, в институте военно-научных исследований «Аненербе».

Рейхсфюрер СС приказал в своём письме от 13 июля 1942 – регистрационный номер AR/48/7/42 – о том, чтобы гауптштурмфюрер СС, профессор, доктор Хирт проводил исследовательские задачи, поставленные ему, при содействии концентрационного лагеря Нацвейлер. На совещании после поездки в Нацвейлер совместно с гауптштурмфюрером СС, профессором, доктором Хиртом 31 августа 1942, было решено, что в Нацвейлере имеются необходимые условия. Я доложил об этом устно 9 сентября 1942 и потом в письменном виде 11 сентября 1942 бригадефюреру СС Глюксу, который согласился и пообещал свою полную поддержку. В виду неотложности этих исследовательских задач, я попросил гауптштурмфюрера СС, профессора, доктора Хирта снова поехать в Нацвейлер, потому что до тех пор не поступало никакого доклада о начале работ. Гауптштурмфюрер СС, профессор, доктор Хирт доложил следующее:

«Совещание проходило из-за того факта, что до сих пор ничего не было сделано кроме придания обершарфюрера Вальберта. Также не началось сооружение лабораторий.

«Сейчас решено начать с лабораториями на этой неделе.

«Далее было установлено, что лагерь для подозреваемых, Ширмек, построит сарай. Его комендант, к счастью готов, как он сразу сказал, передать необходимых людей в наше распоряжение бесплатно; в то время как Нацвейлер не был в состоянии сделать это из-за несоответствующих требованиям в рабочих.

«Далее нас проинформировали о том, что заключенных которых позднее следовало использовать для экспериментов следует оплачивать на время проведения экспериментов».

«Мы попросили о том, чтобы заключенные с ипритом получали полные пайки (еду для охраны), чтобы позволить проводить эксперименты в таких же условиях какие будут у войск в чрезвычайной ситуации. В настоящее время мы запланировали 10 заключенных для экспериментов».

«Гауптштурмфюрер, доктор Бланке сказал о том, что ему было отказано в содействии второго врача за надзором в экспериментах на пациентах, таким образом у него вероятно не будет достаточно времени для занятий экспериментами».

«Рентген-аппарат, который я могу получить здесь ещё не выделен Берлином. Мы немедленно должны его получить, иначе мы его потеряем».

«Подключение постоянного тока вызывает сложности. Однако, складывается впечатление о том, что строители вообще не решают проблемы. По их мнению, нужен трансформатор способный преобразовывать 220 вольт переменного тока в постоянный ток. Это довольно странно в таком месте».

«Для оснащения лаборатории, я закажу необходимые вещи (резак охладитель, инкубаторы, и т. д.) из хранилищ анатомического института в Нацвейлер на следующей неделе. Они, конечно, останутся имуществом анатомического института. Двух заключенных подготовили к работе с резаком. Согласно гауптштурмфюреру, доктору Бланке, их будет достаточно для него».

На основании данного отчёта, у меня сложилось впечатление о том, в Нацвейлере проявляется не слишком много интереса сотрудничеству. Так как о таком сотрудничестве приказано рейхсфюрером СС и так как бригадефюрер СС Глюкс принимает участие, мне непонятно происходящее. Я был очень сильно удивлён фактом, что заключенных необходимых для экспериментов следует оплачивать. Если мы используем только 10 заключенных для одного эксперимента, который может в определенных обстоятельствах длиться 10 месяцев, лишь цена заключенных составит приблизительно 4000 РМ.

Когда я думаю о нашей военно-исследовательской работе проводимой в концентрационном лагере Дахау, я должен похвалить и обратить особое внимание на великодушие и понимание с которыми развивается наша работа там и сотрудничество, которое предоставляется. Никогда не обсуждалась оплата заключенных. Кажется, что Нацвейлер пытается, получить с данного вопроса как можно больше денег. Мы не проводим эти эксперименты, фактически, ради некой научной идеи-фикс, а ради практической помощи вооруженным силам и немецкому народу на крайний случай. Бюджет института будет покрыт, согласно

приказа рейхсфюрера СС и как уже мной подробно обсуждалось со штандартенфюрером СС Лернером, не из фондов Ваффен-СС.

Предполагая, что заключенные необходимые для экспериментов должны находиться в установленном состоянии относительно питания в данное время, эксперименты могут начаться приблизительно 10 ноября 1942.

Особое обращение в Дахау никогда не являлось предметом особых инструкций, но понималось как необходимое и происходило без дальнейших затруднений. По случаю личной инспекции экспериментов в Дахау, рейхсфюрер СС также приказал об особом продовольствии в качестве дополнительной меры. То, что рейхсфюрер появился в Дахау для наблюдения за экспериментами, возможно также и в Нацвейлере.

[Подпись] Зиверс
оберштурмбаннфюрер СС

1. Оберштурмбаннфюреру СС, доктору Р. Брандту прочесть с учётом нашей сегодняшней дискуссии и просьбы о товарищеской помощи для создания необходимых условий в Нацвейлере.
2. Документы.

[Инициалы] ЗИ

Перевод документа НО-193
Экземпляр обвинения 264

Письмо Зиверса Рудольфу Брандту от 22 апреля 1943 о предотвращении перевода доктора Виммера на действительную службу в воздушные силы

Копия

«Аненербе»
Управляющий делами

Берлин-Далем
G/H/6 S/No

Заметка [Рукописно]

Некоторая информация о В. также находится в материалах профессора Хирта
дневник № 41/8/43
Г. Мю.

Оберштурмбаннфюреру СС, доктору Р. Брандту
Личный штаб рейхсфюрера СС
Берлин ЮЗ 11, принц Альбрехт штр. 8.

Предмет: Д.м.н. (почётный) Карл Виммер, родившийся 24 октября 1910, штабсарцт Люфтваффе, командированный медицинским воздушным округом 7, Мюнхен на службу в анатомический институт университета Страсбурга. Сотрудник института военно-медицинских исследований общества «Аненербе», отделение гауптштурмфюрера СС, доктора Хирта, Страсбург.

На: Ваше письмо от 10.42. № AR/48/7/42
Наше письмо от 25.7.42.

Дорогой товарищ Брандт!

Доктор Виммер немедленно был переведён в XI авиакорпус и согласно информации предоставленной управлением медицинского воздушного округа 7 должен был доложить сегодня оберштабсарцту, доктору Егеру, Берлин-Темпельхоф, Манфре Рихтхофенштр. 6/II. Так как Егер отсутствует до 27 апреля, доктор Виммер должен ожидать решения до этой даты. Перевод доктора Виммера означает прекращение газовых экспериментов в Нацвейлере и Страсбурге, так как –

1. Замена не может быть обеспечена из-за необходимости специальных знаний.
2. Практические знания, полученные доктором Виммером посредством обширной серии экспериментов могут быть использованы только им.
3. С уходом доктора Виммера, гауптштурмфюрер СС, профессор, доктор Хирт должен будет прекратить свои лекции и с учётом его состояния здоровья, уже более чем перегруженный, он больше не сможет проводить исследовательскую работу.

Промежуточный отчёт о результатах экспериментов будет подготовлен на следующей неделе для представления рейхсфюреру СС. Интенсификация экспериментов и исследований, также как и вообще продолжение работы, о которой приказано рейхсфюрером СС на основе нашей дискуссии 7 апреля, не обсуждается,

если маленький штат сотрудников находящихся в распоряжении профессора, доктора Хирта, а в особенности доктор Виммер, будет уменьшен. Проблемы, требующие решения, постоянно требуют учёных с многолетним опытом и специальными знаниями. Использование доктора Виммера в качестве армейского доктора, является полностью нецелесообразным при его знаниях и способностях, так как его служба в качестве армейского доктора никогда не будет иметь жизненной важности относительно войны, в то время как это можно сказать о его научной работе. Очевидно, что призывной отдел Ваффен-СС в тоже время удовлетворился информацией от министерства авиации Рейха и верховного главнокомандующего германскими Люфтваффе не заключив определенное соглашение. Я прошу немедленных шагов для отмены этого; лучшим будет приказ о переводе доктора Виммера в Ваффен-СС хотя бы до 31.12.43 и при необходимости главный врач СС отправит армейского доктора на его место в Люфтваффе на время командировки доктора Виммера в Ваффен-СС.

С наилучшими пожеланиями

Хайль Гитлер!

Ваш

[Подписано] Зиверс [машинописно]

Перевод документа НО-099

Экземпляр обвинения 268

Отчёт Хирта и Виммера о предполагаемом лечении отравлений вызванных ипритом

Совершенно секретно

[Рукописно] Совершенно секретное приложение Z.I.A.N. № 36

G. Tbg. S. 19, № 170

От института военно-научных исследований, отделение Х исследовательского и инструкторского общества «Аненербе» (личный штаб рейхсфюрера СС, отдел «А») Страсбург, анатомический институт.

Предполагаемое лечение отравлений вызванных ипритом

(профессор, доктор А. Хирт, и штабсарцт Люфтваффе, профессор, доктор Виммер, Страсбург, 1944)

Общие наблюдения

Эффект отравления ипритом является немедленным и вызывает различные реакции в клетках и органах, он в целом вредит эффективности отдельной клетки также как органам. Организм сохраняет наилучшие шансы на снижение ущерба вызванного ипритом, если в организме есть резерв витаминов. При назначении лечения витаминами после повреждения ипритом, следует внимательно следить за тем, чтобы медикаменты не назначились без разбора. Комбинации витаминов (А, комплекс В, С) принимаемые орально или витамин В₁ назначенный внутривенно в растворе глюкозы подтвердили наилучшую эффективность. Цель обеих методов заключается в повышении сопротивляемости ретикуло-эндотелиальной системы, одновременно с применением терапевтических мер для защиты печени, которую можно усилить едой с высоким содержанием углеводов и витаминов. При явном поражении органов (печени, сердечных мышц, почек), лечение витаминами следует прекращать и заменять инъекциями глюкозы с В₁, так как выделение излишнего количества витаминов вызывает временную гиперстимуляцию клеток выделительных органов.

Дополнительно следует отметить пересечение между эффектом сульфаниламида и витаминного комплекса В. В случае пульмонологических осложнений (бронхиальная пневмония, пульмонологический абсцесс) которые лечатся сульфаниламидами, назначение возбудителей определено не требуется.

Общее лечение, как изложено ниже, в особенности назначение витамина В₁ глюкозы, также оказывает благоприятный эффект на лечение некроза кожи. В средних и тяжёлых случаях, скорость процесса лечения соответственно значительно снижалась. Поддерживающие меры должны включать перевязывание поражённой конечности с шинами до появления чистой грануляции или помещение пациента в подходящее лежачее положение также как и сильную, систематическую физиотерапию.

Описание лечения

1. Все назначения для ликвидации отравления ипритом следует применять крайне осторожно. Только после ликвидации последствий отравления ипритом,

пациентов следует размещать совместно в изолированных помещениях. (Вдыхание паров иприта!)

2. Влажные повязки с риванолом (0.1 – 0.05 процента) и трипафлавином (0.1 процент) подтвердили успешность лечения кожных симптомов (покраснение, припухлость, водянка) с первого до четвёртого дня. При необходимости, можно применять повязки с мазями (10 процентов масла печени трески, мази борной кислоты, и т.д.). При раскрытии водянок, открытая поверхность кожи становится чрезвычайно чувствительной к высыханию. Предварительное лечение; ежедневные купания с раствором марганца, постоянные давящие повязки раствора риванола-трипафлавина; позднее повязки с мазями (5 процентов масла печени трески, мази борной кислоты). С развитием кожного некроза, и возрастанием дезинфекции пораженных частей кожи, следует заменять давящие повязки – лишь только по причинам ухода – на повязки с мазями, после купания в марганце температуры тела, которые будут ежедневно меняться. Обычно на 17-й день, очаги некроза на коже могут быть удалены их высушиванием или лучше стиранием (если необходимо под наркозом) с раствором марганца. Таким образом местный эффект заживления значительно сокращается.

С началом заживления кожи, повязки с мазями стимулирующими грануляцию (либо повязка с маслом печени трески, мазью борной кислоты, унгентином, и т.д.) являются достаточными. Мазь печени трески (только 2 часа, болезненно!) может дать сильный стимул замедлению формирования грануляции.

3. Общее лечение средних и серьезных повреждений ипритом начинается с назначения витаминной смеси включающей следующее:

Витамин А (в форме воганского масла) увеличивая с 4 до 10 капель ежедневно.

Витамин С (таблетки кантан-цебион) 2 таблетки 3 раза ежедневно.

Дрожжевой порошок, 3 чайных ложки ежедневно.

Следует рассмотреть, является ли витаминная смесь похожего состава – если необходимо с добавлением глюкозы – необходимой для боевых подразделений. Такую порошковую смесь также следует назначать в возрастающих количествах. Во всех случаях всасывания иприта (повреждение печени указывает на возрастание выделения уробилиногена в моче, позднее жёлтое окрашивание кожи, повреждение сердечной мышцы тахикардией, повреждение почек с выделением альбумина в моче) лечение витаминными смесями следует прекращать и замещать инъекциями глюкозы витамина В₁. (бетаксин-бетабион 2 мл – также в больших дозировках – внутривенно с 10 мл 20 процентного раствора глюкозы). Инъекции следует вводить медленно, поскольку на пике отравления иприт повреждает вены рук приводя к

тромбозу! В последнем случае следует назначать глюкозу орально, а витамин В₁ внутримышечно. В любом случае существует возможность, значительного повреждения и притом внезапно нарушающего кровообращение (часто между 7-м и 17-м днём) указывающая на слабый ответ сердца и стимуляцию кровообращения. Поэтому сердечные стимуляторы (строфантин, кофеин, подорожник) и стимуляторы кровообращения (симпатол, прискол, камфора, кардиазол) следует назначать с осторожностью в серьезных случаях. Стандартная терапия верная для всякого клинического лечения в особенности верна для случаев органического поражения.

Перевод документа НО-005
Экземпляр обвинения 279

**Письмо Гравица Гиммлеру от 22 ноября 1944, запрашивающее заключенных
для экспериментов**

Рейхсфюрер СС
Главный врач СС и полиции
Дневник № 39/44 Совершенно секретно

Берлин З. 15, 22 ноября 1944
Кнезбекштрассе 50/51
Телефон: 924249.924351.924406

Совершенно секретно

Предмет: Эксперимент с Н-веществом
На: приказ рейхсфюрера СС от 15 мая 1944

2 копии, 1-я копия

Рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру
Полевая Ш.К.

Рейхсфюрер:

Начальник технического управления главного административно-хозяйственного управления СС, группенфюрер СС Шваб¹²⁶, связался со мной в

¹²⁶ Отто Шваб (1889-1959) – немецкий инженер. С 1942 возглавлял техническое управление главного административно-хозяйственного управления СС.

сентябре настоящего года с просьбой предоставить ему двух докторов, которые в качестве медицинских экспертов являлись очевидцами экспериментов с Н-веществом, которые проводились по приказу фюрера. Прежде всего это являлось вопросом о том, можно ли считать Н-вещество химическим оружием или нет.

Для данной цели я подготовил моего ведущего патолога, гауптштурмфюрера СС, доцента, доктора Закса, также как и доктора работающего в «Аненербе», гауптштурмфюрера СС, доцента, доктора Плетнера.

В соответствии с экспериментами проведёнными 25 сентября 1944, возникла необходимость проведения нескольких экспериментов на людях для окончательного разъяснения физиологического эффекта Н-вещества посредством человеческой кожи. Пять заключенных необходимы для проведения этих экспериментов. Весьма возможно, что эксперименты вызовут какое-либо стойкое повреждение.

В соответствии с вашим приказом от 15 мая 1945, рейхсфюрер, я получил мнение группенфюрера СС, профессора Гебхарда, группенфюрера СС Глюкса и оберфюрера СС Панцингера. Они являются следующими:

1. Группенфюрер СС, профессор, доктор Гебхардт

«Я совершенно согласен с предложением и прошу о том, чтобы указания по надзору за экспериментами были приняты напрямую главным врачом СС и полиции».

2. Группенфюрер СС Глюкс

«Я получил ваше письмо от 7 ноября относительно предоставления пяти заключенных для экспериментов, которые должны проводиться с Н-веществом.

«Для данной задачи у меня находятся в готовности пять заключенных в концентрационном лагере Заксенхаузен, которых приговорили к смерти и с которыми возможно проведение экспериментов».

3. Оберфюрер СС Панцингер

«С точки зрения криминальной полиции необходимые эксперименты следует приветствовать. Поэтому, нет никаких сомнений против передачи заключенных для вакцинации.

«Если потребуются политические заключенные, необходимо будет проконсультироваться с начальником управления IV, группенфюрером СС Мюллером¹²⁷, но он точно даст разрешение».

С уважением прошу разрешения для начала экспериментов.

¹²⁷ Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945, Берлин) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Покончил жизнь самоубийством.

Хайль Гитлер!
[Подписано] Гравиц

[штамп]
Личный штаб рейхсфюрера СС
Получено: 26 ноября 1944
№ 1991/44

Перевод документа НО-1852
Экземпляр обвинения 456

Фрагмент отчёта о медицинских экспериментах направленного Карлу Брандту

Содержание

Отчёт. (2-я копия)
2 и 3 эксперименты с фосгеном Руля
4 и 5 Т-эксперименты Леца
6 эксперименты с аэрозолями Леца
7 Нацвейлер (3-я копия)
6. 1-я копия
7. 1-я копия

.....

Совершенно секретно

3 копии – 3-я копия

Генеральному уполномоченному фюрера
по службам здравоохранения и медицины
Главному хирургу, профессору, доктору Брандту
Берлин, Цигельштрассе 5/9
Хирургическая клиника университета

7-й отчёт

О защитном эффекте гексаметилентетрамина при отравлении фосгеном.

Эксперименты проводились на 40 заключенных с профилактическим эффектом гексаметилентетрамина в случаях отравления фосгеном. Двенадцать из тех, кто был защищен орально, двенадцать внутривенно и восемь использовались в качестве контрольных.

Метод

Камера имела объём 20 м^3 . В экспериментах с I по XIV камера была покрыта слоем краски, который имел сильный ослабляющий эффект на фосген. Это снижение концентрации было измерено после эксперимента XI; кривые показаны на таблице I [не приводится]

Сильнейшее снижение было измерено на основе расчётов средней концентрации для экспериментов с I по XI. В экспериментах с XII по XV, изначальная концентрация и её падение измерялись отдельно в каждом случае. В таблицах II и III, c_0 выражает количество фосгена закаченного в камеру в $\text{мг}/\text{м}^3$ для расчёта средней концентрации, c_m для рассчитанной средней концентрации, t время реакции. C_m измерялась как среднее арифметическое от 5 и 7 и рассчитанное на кривой значений полученной путём интерполяции.

Б. Все подопытные были лицами средних лет, почти все в слабом и дистрофичном состоянии. Принципиально, самые здоровые использовались как контрольная группа, только контрольный номер 39 и орально защищенный подопытный № 37 имели локализованный циррозный туберкулёз в лёгких. У остальных, пульмонологических заболеваний не обнаружено. В первом эксперименте до бг гексаметилентетрамина давались орально, позднее, несмотря на гораздо большие концентрации, 0.06 г/кг веса, орально и внутривенно.

Результаты

Внутривенно защищенные подопытные, без исключения, все пережили отравление фосгеном при концентрации от 247 до 5400. Не было симптомов пульмонологического отёка лёгких после внутривенной защиты даже при концентрации в 2970. Только эксперимент №10 с концентрацией 3960 вызвал пульмонологический отёк первой степени, который был преодолен без терапии и в эксперименте № XVI была введена внутривенная защита в степени вызвавшей пульмонологический отёк 3-й степени, который однако был преодолен вдыханием кислорода. Подопытный был реанимирован.

Вся контрольная группа заболела. При концентрации от 768 до 1180 возник отёк первой степени, который был преодолен. При концентрации 2275, один контрольный подопытный умер, второй подвергся пульмонологическому отёку второй степени, но был реанимирован. Концентрация в 5400 убила одного контрольного подопытного спустя 4 часа и другого спустя 14 часов.

После оральной защиты, при концентрации от 247 до 768 не возникло никакого отёка, даже, когда защитный раствор был выпит лишь за 2-3 минуты до вдыхания фосгена. Два контрольных подопытных показали выраженный отёк при концентрации 768. При концентрации 1485 один подопытный почувствовал сильную болезнь с отёком второй степени, но второй подопытный вдыхавший такой же воздух с фосгеном, оказался нетронутым. Причина этого разительного различия находится в различном всасывании гексаметилентетрамина с одной стороны и в разной реакции и различном объёме вдыхания подопытных с другой.

Даже при концентрации 2275 возник лишь слабый пульмонологический отёк орально защищённого подопытного, в то время как один контрольный подопытный умер спустя 4 часа, а второй получил пульмонологический отёк второй степени. При оральной защите введенной при концентрации 5400 подопытный умер, также как и два контрольных подопытных.

Эксперимент XV является характерным в графике испытаний и его результатах и поэтому снова будет подробно описано. Из четырёх подопытных, первый был защищён орально, второй внутривенно, третий получил внутривенную инъекцию гексаметилентетрамина после отравления, с целью ещё раз удостовериться в эффекте терапевтического лечения, четвёртого вообще не обрабатывали. Четыре подопытных были помещены в камеру в которой была разбита ампула содержащая 2.7 грамма фосгена. Подопытные оставались с такой концентрацией 25 минут. Содержание фосгена измерялось три раза во время вдыхания. Замеры показали среднюю концентрацию 91 мг на м³. Подопытный защищённый внутривенно остался здоровым и не показал никаких признаков осложнений или симптомов, орально защищённый подопытный получил лёгкий пульмонологический отёк, впоследствии бронхопневмонию и плеврит, от которых он был вылечен. Один контрольный подопытный выжил при пульмонологическом отёке; второй умер несколько часов спустя, и вскрытие показало характерный, очень сильный пульмонологический отёк.

Итог

Выводы из эксперимента были затруднены различным сложением и общим слабым состоянием питания и физики подопытных также как и различным поведением и различным объемом вдыхания подопытными газа, который был продемонстрирован впервые:

1. Предшествующая внутривенная инъекция 3 грамм гексаметилентетрамина полностью предотвратила сильное токсическое и смертельное отравление фосгеном при концентрации 2275.

2. Принятое профилактически количество гексаметилентетрамина ослабляет смертельное отравление в такой степени, что оно может быть преодолено без лечения. Концентрация = 2275.

3. Несмертельное но вместе с тем, отёкообразующее отравление полностью нейтрализовалось внутривенным применением, и ослаблялось оральным применением. Концентрация от 250 до 1980.

4. Оральное применение гексаметилентетрамина более не является эффективным против отравления фосгеном в концентрации = 5400, однако, внутривенная инъекция ослабила эффект в такой степени, что подопытный смог перенести отёк лёгких.

5. Минимальная смертельная доза основанная на этих экспериментах пока с точностью не установлена. Одна концентрация 2275 привела к смерти одного подопытного, и у второго развилась отёк лёгких второй степени, который был вылечен.

6. Некоторые из защищенных подопытных, у которых не развился отёк лёгких остались совершенно здоровыми, остальные пострадали от легких бронхитов с короткой лихорадкой. В каждом случае ремиссия наступила без лечения.

.....

Перевод документа НО-978
Экземпляр обвинения 480

**Письмо Зиверса Глюксу от 11 сентября 1942 о военно-научной
исследовательской работе проводимой в концентрационном лагере Нацвейлер**

Рейхсфюрер СС
Личный штаб
Начальник отдела «Аненербе»

Берлин-Далем, 11 сентября 42
Пеклерштр. 16
[рукописно] секретно
G/W/12

Бригадефюреру СС Глюксу
Берлин-Ораниенбург

Предмет: Военно-научные исследования в связи с концентрационным лагерем
Нацвейлер.

На: Личная дискуссия от 9-го сего месяца.

Бригадефюрер,

Основываясь на моём отчёте, как предложено рейхсфюрером СС, существует хорошая возможность по проведению нашей военно-научной исследовательской работы в концентрационном лагере Нацвейлер, я соответственно подытоживаю то, что ожидает вашего одобрения:

1. Информация коменданту концентрационного лагеря Нацвейлер: гауптштурмфюрер СС, профессор, доктор Хирт, штабсарцт, доктор Виммер и доктор Кисельбах уполномочены входить в концентрационный лагерь Нацвейлер. Во время своей деятельности в концентрационном лагере Нацвейлер, им предоставляется проживание и питание.

2. Обершарфюрер СС Вальберт, из администрации концентрационного лагеря Нацвейлер, должен быть придан для службы в институте военно-научных исследований, личный штаб рейхсфюрера СС, секция Страсбург-Нацвейлер. Вальберт занимается животными под надзором гауптштурмфюрера СС, профессора, доктора Хирта. Он просит того, чтобы ещё один человек был придан администрацией концентрационного лагеря Нацвейлер для замены обершарфюрера СС Вальберта.

3. Просьба о переводе двух заключенных из группы, которую подготовили для резака для патологических исследований в концентрационном лагере Бухенвальд.

4. Далее запрашивается то, чтобы молодой врач был придан для помощи лагерному врачу, гауптштурмфюреру СС, доктору Бланке, в концентрационном лагере Нацвейлер.

5. Эксперименты, которые будут проводиться на заключенных должны проводиться в четырёх комнатах уже существующего медицинского барака. Потребуются только небольшие изменения в конструкции здания, в частности установка чехла, что можно сделать малым количеством материала. Согласно прилагаемому плану строительства в Нацвейлере, я прошу, чтобы были приняты необходимые приказы о проведении реконструкции.

6. Все расходы, вытекающие из нашей деятельности в Нацвейлере будут покрыты данным ведомством. Я уже обсудил процедуру расчёта с административным руководителем, оберштурмфюрером СС Фашинбауэром.

В заключение я был бы очень благодарен вам, мой дорогой бригадефюрер, если вы проинформируете коменданта концентрационного лагеря Нацвейлер, о том, что вы одобрили проведение работы в Нацвейлере, как обсуждалось со мной там, и о чём я вам подробно сообщил, и что вы желаете, чтобы нам оказывалось содействие в выполнении обязанностей возложенных на нас рейхсфюрером СС.

Хайль Гитлер!

[Подписано] Зиверс
оберштурмбаннфюрер СС

2. Гаупштурмфюреру СС, профессору, доктору Хирту.

Перевод документа Карл Брандт 12
Экземпляр защиты Карла Брандта 111

Письменные показания доктора Вальтера Шибера¹²⁸ о его усилиях в получении экспериментальных животных в Испании и доставке их в Германию

Письменные показания III

¹²⁸ Вальтер Шибер (1896-1960) – немецкий химик. Заместитель министра вооружений Рейха в 1942-1944.

Я, доктор Вальтер Шибер, находящийся в Нюрнберге, тюрьме дворца правосудия, надлежащим образом уведомленный о том, что я подлежу наказанию если дам ложные показания. Я подтверждаю под присягой то, что мои показания соответствуют правде и даны для предъявления в качестве доказательства военному трибуналу № I в дворце правосудия Нюрнберга, Германия. В течение лета 1944, профессор Карл Брандт проинформировал меня во время дискуссий об исполнении особо неотложных дел Брандта – и оборонной – программы против агентов химического оружия, что у него имелись значительные трудности в получении животных, которые требовались для тестовых задач об эффекте сильнодействующих агентов химического оружия, которых он просил из экспериментального отдела.

Тогда проблемой было как провести конверсию агентов химического оружия из-за нехватки сырья для производства сильнодействующего агента химического оружия зарина, эффект которого ещё не был окончательно установлен.

Для проведения этих тестов, по инициативе профессора Карла Брандта мной началась операция в Испании; из-за того, что биологические реакции параллельны людям, предполагалось, что требовались человекоподобные обезьяны. Для этой цели был направлен помощник. Для этого, отдел вооружений предоставил приблизительно 200000 швейцарских франков, и после моей отставки с начальника отдела обеспечения боеприпасами в октябре 1944 из министерства Шпеера я предпринимал напряжённые усилия, совместно с профессором Карлом Брандтом, чтобы получить большое количество животных доставляемых с чрезвычайными трудностями по воздуху из Испании в Германию. Они были предоставлены в распоряжение профессора Карла Брандта для экспериментальных отделов.

[Подписано] Вальтер Шибер

Перевод документа Карл Брандт 101
Экземпляр защиты Карла Брандта 41

Письменные показания доктора Отто Амброса¹²⁹ от 21 апреля 1947 о неотложных экспериментах в сфере агентов химического оружия и противодействию им

Я, доктор Отто Аброз, находящийся в Нюрнберге, тюрьме Дворца правосудия, уведомленный о том, что я подвергнусь наказанию если я дам ложные письменные показания, заявляю под присягой о том, что моё заявление является правдой и было сделано для представления в качестве доказательств военному трибуналу № I в дворце правосудия, Нюрнберг, Германия.

Во время войны я был директором И. Г. Фарбен и должен был работать над агентами химического оружия и антидотами, и поэтому могу заявить следующее:

Я вступил в контакт с профессором, доктором Карлом Брандтом в течение 1944. По этому поводу профессор Брандт сказал мне о том, что у него есть интерес к агентам химического оружия и антидотам. В то же время он показал мне письмо от Адольфа Гитлера относительно данного предмета. Далее, он заявил, что он немного понимает в химическом оружии, так как он не являлся аналитическим химиком. Его первостепенной задачей в данной сфере был вопрос обеспечения материалов для противогазов, т. е. активированный древесный уголь и синтетические материалы и текстиль необходимый для этого.

Профессор Брандт посетил два завода отравляющих газов в Дигернфюрте и Гендорфе, чтобы познакомиться с самим характером отравляющих газов.

Тогда существовало сильнейшее беспокойство относительно защиты против химического оружия, так как были мысли о том, что союзники используют отравляющие газы. Говорилось о том, что они доставили отравляющий газ при высадке в Тунисе.

Также говорилось о том, что у русских есть новые противогазы, которые фактически говорили о возможности использования нового вида отравляющего газа.

С немецкой стороны, была существенная нехватка снаряжения для защиты от химического оружия, так как даже наиболее необходимые противогазы отсутствовали, как и было невозможно произвести необходимое число.

Нюрнберг, 21 апреля 1947

---

¹²⁹ Отто Амброс (1901 — 1990) — баварский немец, член нацистской партии. Один из фюреров военной экономики в германской промышленности времен Третьего рейха. Был ответственен за разработку и внедрение боевых химических веществ. Член правления концерна «IG Farben». Американским трибуналом в Нюрнберге приговорён к 8 годам заключению. Был освобождён в 1952.

[Подписано] Доктор Отто Амброс

Перевод документа Карл Брандт 103
Экземпляр защиты Карла Брандта 42

Письменные показания доктора Вальтера Миленца от 21 апреля 1947 о назначении Карла Брандта в связи с химическим оружием

Я, доктор Вальтер Миленц, родившийся 20 ноября 1888 в Берлине, проживающий в Берлин-Фриденау, Цецилиенгартен 45 (рабочий адрес: Берлин-Лихтерфельде 3, Кадеттенвег 67, телефон 245218), уведомленный о том, что я подвергну себя наказанию если я дам ложные письменные показания. Я заявляю под присягой о том, что моё заявление является правдой и было сделано для представления в качестве доказательств военному трибуналу № I, в Дворце правосудия, Нюрнберг, Германия.

С 1933 по 1945 я работал в министерстве авиации Рейха в качестве аналитического химика, технического советника по вопросу защиты гражданского населения от газа.

Я знаком с распоряжением от 1 марта 1944 в котором особые задачи поручались профессору, доктору Карлу Брандту в связи с химическим оружием. Насколько я помню, распоряжение гласило приблизительно следующее:

«Я приказал своему генеральному комиссару по службам здравоохранения и медицины (профессору, доктору Брандту) принять основное участие во всех вопросах относительно защиты от химического оружия (армии и гражданского населения) и принимать приказы станциям (военным и гражданским) созданным для данных задач. В вопросах защиты гражданского населения от химического оружия, он должен заранее получать одобрение министерства авиации Рейха и главнокомандующего Люфтваффе».

Распоряжение точно не содержало никакого приказа об исследованиях в связи с агентами химического оружия.

Причиной назначения профессора Карла Брандта было предположение о том, что вскоре последует химическая война со стороны противника. Это предположение основывалось на фактах собранных разведкой, согласно которым противник подготовил большие количества газа. Таким образом, конфиденциальные

агенты сообщали о том, что газовые боеприпасы хранились в Тунисе и Дакаре и эти отчёты постоянно подтверждались.

Сильнейшая опасность была вызвана захваченными русскими противогазами, которые показали, что они предоставляли защиту от самых сильных концентраций отравляющих газов чем до сих пор считалось возможным для получения на фронте. Их защитные качества превосходили такие же у германской армии и гражданские противогазы. Из данного факта, можно было сделать вывод, что ученые и инженеры Красной армии добились новых и особо эффективных методов нападения химическим оружием как известными так новыми агентами химического оружия.

Германские меры по газовой защите были также полностью неадекватными. Гражданское население в частности оставалось почти беззащитным перед газовыми атаками, потому что подготовка гражданских и детских противогазов во многих городах и сельских округах сильно отставала от графика. Соответствующие цифры для гражданских противогазов в различных районах снабжения находились между 10 и 70 процентами населения подлежащего обеспечению, средней цифрой было около 32 процентов, и для детских противогазов около 7 процентов. Эти оценки основаны на общем количестве гражданских и детских противогазов произведенных до сих пор, в соотношении к общему количеству лиц подлежащих обеспечению. Эта оценка не принимает во внимание тот факт, что без сомнения большая часть снаряжения, которая, в некоторых случаях находилась в руках населения годами, больше не годилась для использования из-за ненадлежащего хранения, или утрачивались из-за воздушных налётов, эвакуации собственников, и по другим причинам, или полностью утрачиваясь. Потери в гражданских противогазах оценивались приблизительно в 15000000 (почти 50 процентов общего производства до этой даты) для того, чтобы завершить изначальное оснащение (без резервов) следовало запланировать 45000000 противогазов.

В виду данных фактов, профессору, доктору, Карлу Брандту была поставлена задача с наивысшей скоростью улучшить газовую оборону для предотвращения нависшей угрозы.

Путём инициативы профессора Брандта, программе газовой обороны наконец был дан высочайший приоритет и равное положение с программой строительства истребителей и танков.

Я знаю, что профессор, доктор Брандт наиболее сильно возражал пропагандистским требованиям крайних партийных кругов о начале Германией химической войны.

Я должен был постоянно работать с профессором Карлом Брандтом над газовой обороной и я знаю, что в виду важности и неотложности, он занимался всеми вопросам сам. Управление науки и исследований и его начальник, профессор Росток, не занимался этими вопросами.

Н-агент не был одним из химических агентов. Этот зажигательный агент включал хлор и фтор (ClF_3); этот Н-агент никогда не упоминался в связи с газовой защитой.

Я знаю, что в министерстве вооружений существовала особая комиссия по обеззараживанию питьевой воды; она также не создавалась профессором Брандтом и не находилась под его командованием. Задачей данной комиссии было производство снаряжения для обеззараживания, но не разработка такого оборудования, и в особенности не разработка новых процессов по обеззараживанию воды. Повторяющиеся предложения профессора Хаазе¹³⁰ в данном контексте находились вне сферы деятельности комиссии. Однако, они обсуждались, на встрече в декабре 1944, на которой я присутствовал.

На той встрече представители армии и службы противовоздушной обороны заявили о том, что в их сфере, т. е. в газовой защите войск и гражданского населения, не было необходимости продолжать работу. Профессор Брандт, который присутствовал на встрече уже заранее согласился с общим мнением о том, что усилия Хаазе не признают никакого улучшения в опыте представленном для рассмотрения, и что поэтому их следует отвергнуть. Поэтому он попросил меня работать на этом до конца.

Насколько мне известно, комиссия никогда не занималась экспериментами с морской водой. В частности, по моим сведениям, комиссия не имела сведений об экспериментах на людях, для тестирования агентов разработанных для пригодности потребления морской воды.

Я могу заявить точно, что проведение газовых экспериментов на людях никогда не обсуждалось ни профессором Брандтом ни мной. Более того, во время дискуссий с экспертами армии о газовой защите и химической войне, я никогда не слышал о том, чтобы профессор Брандт каким-либо образом предлагал эксперименты на людях или иначе говорил о таких экспериментах.

Нюрнберг, 21 апреля 1947

[Подпись] Доктор Вальтер Миленц

---

¹³⁰ Вернер Хаазе (1900 — 1950) — оберштурмбаннфюрер СС, один из личных врачей Адольфа Гитлера. Умер в тюрьме в Москве.

5. Эксперименты с сульфаниламидом

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Ростоку, Шрёдеру, Генцкену, Гебхардту, Бломе, Рудольфу Брандту, Мруговски, Поппендику, Бекер-Фрейзингу, Оберхойзер и Фишеру вменялась особая ответственность и соучастие в преступных деяниях включающих эксперименты с сульфаниламидом (пар. 6 (Д) обвинительного заключения). В ходе процесса обвинение отозвало данное обвинение по делам Шрёдера, Бломе и Бекер-Фрейзинга. По данному обвинению были признаны виновными подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Гебхардт, Мруговски, Оберхойзер и Фишер и подсудимые Росток, Генцкен и Поппендик были оправданы. Относительно подсудимого Рудольфа Брандта приговор не содержит ссылки на данное обвинение.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Гебхардта

.....

А. Эксперименты с сульфаниламидом.

Эксперименты по тестированию эффективности сульфаниламида при инфекциях проводились в концентрационном лагере Равенсбрюк с 20 июля 1942 по август 1943. Эти эксперименты проводились подсудимыми Гебхардтом, Фишером и Оберхойзер. (НО-228, экз. обв. 206).

Гебхардт лично просил разрешения Гимmlера на проведение экспериментов с сульфаниламидом и их проведение являлось его ответственностью. Он сам проводил изначальные операции.

Подопытные включали 15 мужчин-заключенных концентрационного лагеря, которых использовали во время предварительных экспериментов в июле 1942, и 60 польских женщин, на которых экспериментировали в 5 группах по 12 подопытных каждая.

О цели экспериментов говорилось в предварительном отчёте Гебхардта датированном 29 августа 1942, в котором говорилось:

«По приказу рейхсфюрера СС, 20 июля 1942 я начал в женском концентрационном лагере Равенсбрюк серию клинических экспериментов с целью проанализировать заболевание известное как газовая гангрена, которое не имеет единообразного течения, и тестирования эффективности известных терапевтических медикаментов.

«Кроме того, простые инфекции от травм, которые случаются в военной хирургии также должны быть протестированы, и должно быть испытано новое химиотерапевтическое лечение помимо известных хирургических средств». (НО-2734, экз. обв. 473).

Эксперименты с сульфаниламидом, как и по сути все эксперименты проводимые в данном деле, прямо относились к германским военным усилиям. Союзная пропаганда о «чудо-лекарстве» сульфаниламиде имела значительный эффект на доверие немецких солдат к своим медицинским офицерам. Тяжёлые потери возникли из-за газовой гангрены на русском фронте зимой 1941-42. Теоретическим вопросом, на который должны были ответить эксперименты было то, можно ли хирургически лечить раненых в прифронтовых госпиталях или их следует лечить полевым офицерам с сульфаниламидом и затем переправлять на удалённые позиции в стационарные госпитали для дальнейшего лечения.

Тот же отчёт цитированный выше говорит о том, что подсудимый Фишер был назначен Гебхардтом в качестве своего ассистента; доктор Блюменройтер¹³¹, подчинённый подсудимого Генцкена, предоставлял хирургические инструменты и медикаменты; подсудимый Мруговски предоставил свою лабораторию и сотрудников в распоряжение Гебхардта; доктор Лоллинг¹³², главный медик всех концентрационных лагерей, командировал в качестве сотрудников доктор Шидловски¹³³ и подсудимую Оберхойзер.

Данный предварительный отчёт сам касался ранних экспериментов на 15 мужчинах подопытных для установления степени инфицирования гангреной. Гебхарду помогал институт гигиены Ваффен-СС, который предоставил бактерии и консультировал о методе искусственного возбуждения гангрены. Экспериментальная техника описывалась в отчёте как следующая:

¹³¹ Карл Блюменройтер (1881-1969) – немецкий химик. В 1937-1943 главный фармаколог СС.

¹³² Энно Лоллинг (1888-1945) – немецкий врач. В 1942-1945 начальник медицинского управления в главном административно-хозяйственном управлении СС. Покончил жизнь самоубийством.

¹³³ Герхард Шидловски (1906-1947) – немецкий врач. В 1941-1943 врач концентрационного лагеря Равенсбрюк. В 1947 году казнён по приговору британского военного трибунала.

«Целью было внедрить лимфозные культуры в повреждённую мышечную ткань, для её изоляции от атмосферного и гуморального снабжения кислородом и подвергнуть ткань внутреннему давлению. Процедура инфицирования была следующей: продольный разрез в 10 сантиметров над длинной малоберцовой мышцей; после насечки в связке, мышца была завязана на участке размером с монету в пять марок; анемичная перефирирная зона была создана путём инъекции 3 мл адреналина и на участке повреждённой мышцы под связку был внедрён инфекционный материал (марлевая ткань насыщенная бактериями), подкожная жировая ткань и кожа были сшиты» (НО-2734, экз. обв. 473).

В первой серии экспериментов подопытных инфицировали стафилококком, стрептококком, газовым отёком, бактерией Френкеля и почвой. Результаты инфицирований не посчитали достаточно серьезными и на совещании проведённом в институте гигиены Ваффен-СС изменили бактерию используемую для инфекций. Затем инфицировали шесть дополнительных мужчин-подопытных, но вновь результаты не посчитали достаточно серьезными. После дальнейших консультаций с сотрудниками института гигиены Ваффен-СС, инфицированный материал заменили на древесные опилки. В ходе этих экспериментов подопытных лечили разными типами сульфаниламидов, включая катоксин и марфанил-пробантин, последний сильно рекомендовался медицинской инспекцией армии. Продолжались усилия по увеличению тяжести инфекции гангрены, и отчёт завершался следующим параграфом:

«В настоящее время мы изучаем проблему, почему гангрена в данном случае не развилась полностью. Поэтому, повреждение ткани и исключение мышцы из циркуляции крови должно быть проведено в отдельной операции, и *возникший обширный некроз следует инфицировать бактериальным штаммом, который уже прошёл одного человека.* Так как это является единственным способом появления чёткой клинической картины гангрены, выводы о химиотерапии могут быть сделаны в связи с хирургическими операциями» [Курсив добавлен] (НО-2734, экз. обв. 473)

Данный отчёт удостоверен как правильная копия подсудимым Поппендиком.

В ревностной защите своих знакомых подсудимых, Гебхардт свидетельствовал о том, что ни институт гигиены Ваффен-СС, ни подсудимый

Мруговски не играли никакой роли в этих экспериментах и что инфицированный материал направлялся им Гравицу. Это ясно противоречит его же отчёту цитированному выше.

После завершения предварительных экспериментов на мужчинах-заключенных, эксперименты продолжились на польских женщинах-заключенных. Письменные показания подсудимого Фишера говорят о том, что были проведены три серии экспериментов, каждый включающий 10 лиц, одна с использованием бактериальной культуры и фрагментов древесины, вторая с использованием бактериальной культуры и фрагментов стекла и третья с использованием культуры плюс стекло и дерево. (НО-228, экз. обв. 206). Эти эксперименты проводились в августе месяце 1942. В то время как Фишер говорил об экспериментальных группах по 10 лиц каждая, подсудимый Гебхардт свидетельствовал о том, чтобы группы составлялись по 12 подопытных.

3 сентября 1942, после экспериментов на 36 женщинах, главный врач СС Гравиц посетил Равенсбрюк и проинспектировал подопытных. Он спросил Гебхардта о том сколько смертей случились, и когда было доложено о том, что ни одной, он заявил о том, что эксперименты не соответствуют условиям поля боя. (НО-228, экз. обв. 206). С целью сделать инфекцию тяжелее, была проведена новая серия экспериментов включающая 24 польских женщины-заключенных. В данной серии кровообращение в мышцах нарушалось в районе инфекции перевязыванием мышц. Данная серия привела к очень серьезным инфекциям и случился ряд смертей. (НО-228, экз. обв. 206).

Гебхардт, Фишер и Оберхойзер, все признают, что трое подопытных умерли в результате экспериментов. (НО-228, экз. обв. 206). Однако, другие доказательства подтверждают, что умерли пятеро в качестве прямого результата экспериментов и шесть были казнены путём расстрела позднее.

Четверо польских женщин, которые подверглись этим экспериментам давали показания трибуналу. Большинство из женщин, которых использовали в качестве подопытных участвовали в движении сопротивления. Использовали только здоровых заключенных. Никто из них не являлся добровольцем. Напротив, они протестовали против экспериментов как устно так и письменно. Они заявили о том, что они предпочитают смерть продолжению экспериментов, поскольку они в любом случае умрут. Они свидетельствовали о том, что 74 польских женщины, 1 немка и 1 украинка подверглись экспериментам. Поскольку Гебхардт указал общее количество польских женщин подопытных в экспериментах с сульфаниламидом как 60, дополнительные 16 женщин упомянутые свидетелями могли быть подопытными в экспериментах с костной, мышечной и нервной регенерацией.

Свидетель Кучьмерчук была одной из подопытных в экспериментах с сульфаниламидом. Она является польской гражданкой и поступила в концентрационный лагерь Равенсбрюк осенью 1941. Она была прооперирована в октябре 1942 и в её случае развилась сильная инфекция. Она оставалась в госпитале с октября 1942 до апреля 1943, но её раны ещё не излечились. Её состояние ухудшалось и она была положена в госпиталь 1 сентября 1943. Она покинула госпиталь второй раз в феврале 1944, но её раны не залечились до июня 1944. Она опознала подсудимых Гебхардта, Фишера и Оберхойзера как экспериментировавших на ней. Кучьмерчук пострадала от стойких увечий в результате данного эксперименты и её состояние было описано экспертом доктором Лео Александером¹³⁴. Постоперационный уход за данной женщиной не проводился Гебхардтом и Фишером, а лагерными докторами. По случаю своего второго возвращения в госпиталь в сентябре 1943, Кучьмерчук была прооперирована доктором Трейте¹³⁵ в попытке излечить глубокую инфекцию.

Эксперт Мачка, которая работала рентгенологом в концентрационном лагере Равенсбрюк во время экспериментов, дала показания о смертях пяти польских подопытных вызванных экспериментами с сульфаниламидом. Вероника Краская приобрела типичный столбняк спустя несколько дней после проведения на ней экспериментальной операции. После короткой болезни она умерла в судорогах вызванных столбняком. Казимира Куровская была искусственно инфицирована бациллами гангрены. Она была здоровой польской девушкой 23 лет. День за днём её нога чернела и гноилась. За ней ухаживали только первые несколько дней. После этого её забрали в команту 4 госпиталя, в которой она лежала с невыносимой болью и в конце концов умерла. Мачка могла наблюдать данный случай лично и по её мнению немедленная ампутация могла спасти жизнь. Совершенно ясно, что если бы жизни немецкого солдата угрожала инфекция гангрены, немедленно была бы проведена ампутация. В этом эксперименте, в котором предпринималась попытка создать серьёзную инфекцию гангрены и проверить эффекты препаратов сульфаниламида, совершенно ясно, почему ногу Куровской не ампутировали. Анила Лефанович была инфицирована газовым отёком. Её нога всё более и более распухала, кровеносные сосуды деформировались, и она умерла от кровотечения. Мачка свидетельствовала о том, что кровеносные сосуды следовало пережать и провести ампутацию для спасения её жизни. Ею полностью пренебрегали первые 2 или 3 дня, София Кичол умерла в похожих обстоятельствах.

¹³⁴ Лео Александер (1905-1985) – американский психиатр, невролог и писатель.

¹³⁵ Персиваль Трейте (1911-1947) – немецкий гинеколог и оберштурмфюрер СС. В 1943-1945 являлся врачом концентрационного лагеря Равенсбрюк. Покончил жизнь самоубийством перед исполнением смертного приговора британского военного трибунала.

Альфреда Прус была инфицирована газовым отёком в тот же день, что и свидетель Кучьмерчук, Кичол и Лефанович. Она была красивой, молодой 21 летней девушкой, студенткой университета. Она оказалась сильнее чем Кичол и Лефанович и по этой причине она прожила на несколько дней дольше. Она страдала от ужасной боли и наконец умерла от кровоизлияния. Кучьмерчук была единственной подопытной выжившей в этой серии экспериментов.

Вряд ли требуется отмечать, что все подопытные страдали от сильной боли и пыток.(НО-876, экз. обв. 225; НО-871, экз. обв. 227; НО-877, экз. обв. 228). Трибунал сам может осмотреть увечья которым подверглись польские свидетели, и фотографии их шрамов представлены в качестве неотъемлемой части протокола. (НО-1079а, б и в, экз. обв. 209; НО-1081а и б, экз. обв. 211; НО-1082а, б и в, экз. обв. 214; НО-1080а-и, экз. обв. 219).

Постоперационный уход за подопытными был полностью неадекватным. (НО-873, экз. обв. 226). Многим из подопытных ни давали не медикаментов ни морфина по приказу подсудимой Оберхойзер. (НО-877, экз. обв. 228). Время от времени им делали перевязки, когда доктора этого хотели. Иногда они ждали 3 дня, иногда 4 дня. Там был ужасный запах гноя. Девушки были вынуждены ухаживать друг за другом. Постоперационный уход, какой и был, осуществлялся лагерными докторами. Свидетель Бруль-Платер свидетельствовала о том, что:

«Моя нога болела; я чувствовала сильную боль, и кровь сочилась из моей ноги. На ночь мы оставались одни без всякого ухода. Я слышала лишь крики знакомых заключенных, и также слышала, что они просили воды. Никто не давал нам ни воды ни постельного белья».

Свидетель Каролевская дала показания о том, что:

«Я находилась в своей палате и заметила знакомым заключенным, что нас прооперировали в очень плохих условиях и оставили в этой палате, и что нам даже не дали возможности восстановиться. Это замечание услышала немецкая медсестра, которая сидела в коридоре, потому что дверь, ведущая из нашей палаты в коридор была открыта. Немецкая медсестра вошла в палату и сказала, чтобы мы встали и оделись. Мы ответили, что не можем выполнить приказ, потому что у нас сильные боли в ногах, и мы не можем идти. Потом немецкая медсестра вошла в нашу палату с доктором Оберхойзер. Доктор Оберхойзер, сказала нам одеться и идти в раздевалку. Мы оделись; и, не в силах идти, мы шли вприпрыжку на одной ноге. После одного прыжка нам приходилось отдыхать. Доктор Оберхойзер не позволяла

помогать друг другу. Когда мы вошли вымотанные в операционную, доктор Оберхойзер встала перед нами и сказала нам вернуться, потому что сегодня не будет перевязки. Я не могла идти, но некто, заключенная, которую я не помню, помогла мне вернуться в команту».

Как минимум пять человеческих жизней были принесены в жертву экспериментов с сульфаниламидом, в то время как дополнительные шесть были расстреляны после того как выжили в операции. Все выжившие жертвы страдали от ужасных болей и боролись за жизнь. Несмотря на это, эксперименты даже не были научно успешными. Результаты, о которых докладывалось Гебхардтом и Фишером на третьей конференции консультирующих врачей Вермахта в военно-медицинской академии в Берлине в мае 1943 не были приняты, и медицинские директивы потребовали продолжения использования сульфаниламида. (Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 3, экз. Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 10). Эксперименты с сульфаниламидом являлись совершенно ненужными, поскольку похожие результаты могли быть достигнуты при лечении раневых инфекций немецких солдат обыкновенно возникающих в ходе войны.

Гебхардт серьезно не утверждал, что подопытные являлись добровольцами. Он признал, что он не знал, спрашивали ли женщин. Он свидетельствовал о том, что не интересовался этим. Он оставил это «законным властям». Он не обсуждал вопрос с Гиммлером. Под законными властями, Гебхардт подразумевал Гиммлера, который как он сказал: «имел власть казнить тысячи людей росчерком пера». Однако, Гебхардт, вообще не выказал интереса к моральному или законному характеру такой власти. В одном месте своих показаний, он заявил о том, что подопытные были недобровольцами принужденными к экспериментам государствам. В другом месте, они были «более или менее добровольцами, осужденными лицами».

Защита Гебхардта, если её можно назвать таким словом, заключается в том, что польские женщины были приговорены к смерти за участие в движении сопротивления и, что проходя эксперименты, добровольно или иначе, они могли смягчить свои смертные приговоры на наказание меньшей степени, и соответственно хотя бы не казнились. У подопытных здесь не было сделки; их желаниями не интересовались. Гебхардт, опираясь на чистую совесть неназванного человека, сказал о том, что в отношении выживших в экспериментах не приводились в исполнение смертные приговоры. Разумеется, Гебхардт не признал ни ответственности, ни интереса к данному вопросу.

Обвинение указывает на то, что в связи с такой предполагаемой защитой, доказательства в показаниях подопытных трибуналу никогда настолько не

соответствовали процессу; они вообще не имели возможности защитить себя от каких бы то ни было преступлений. Их просто арестовывало и допрашивало Гестапо в Польше и направляло в концентрационный лагерь. Их никогда не информировали о том, что их приготовили, или приговорили к смерти. Статья 30 правил и обычаев сухопутной войны, включённых в Гаагскую конвенцию прямо предусматривает, что даже шпиона «нельзя наказывать без предшествующего суда». Предполагаемая защита Гебхардта полностью бесчестна.

Гебхардт, хочет, чтобы трибунал поверил в то, что не будь экспериментов все эти польские девушки погибли бы; этим он представляет доказательства против себя. Нельзя сказать большей правды. Нет никакого запротоколированного подтверждения тому, что этих женщин казнили, если бы они не прошли эксперименты. Свидетель Мачка это живое доказательство обратного. Она была арестована за действия сопротивления 11 сентября 1941, и доставлена в Равенсбрюк 13 сентября. Она бы не была жива сегодня если бы не являлась подопытной. По сути, все польские подопытные прибыли в Равенсбрюк в сентябре 1941. Этих девушек не казнили до августа 1942, когда начались эксперименты. Именно, это удивительно для Гебхардта, согласно его показаниям, что их вообще использовали в течение июля 1942 при экспериментах проводимых на мужчинах. В транспорте было почти 700 польских женщин. (НО-877, экз. обв. 228). Не имеется никаких доказательств достаточного количества о том, что кого-либо казнили, хотя большинство из них не являлись подопытными.

Нет, доказательства показывают без противоречия, что эти польские женщины не могли быть казнены законно. Право на помилование в случаях смертных приговоров возлагалось исключительно на Гитлера распоряжением от 1 февраля 1935, «Reichgezetsblatt», I, страница 74. (НО-3070, экз. обв. 531). 2 мая 1935, Гитлер делегировал право принимать отрицательные решения о помилованиях министру юстиции Рейха. (НО-3071, экз. обв. 532). 30 января 1940, Гитлер делегировал генерал-губернатору оккупированных польских территорий полномочия давать помилование и принимать отрицательные решения по вопросам помилования на оккупированных польских территориях. (НО-3072, экз. обв. 533). По эдикту, датированному 8 марта 1940, «Вестник генерал-губернаторства» I, стр. 99, генерал-губернатор оккупированной Польши приказал относительно применения права на помилование в случае смертных приговоров:

«Применение смертного приговора провозглашается обычным судом, специальный суд или полицейский военно-полевой суд могут проводиться только, при *наличии моего решения не использовать право на помилование*» [Курсив добавлен] (НО-3073, экз. обв. 534).

Абстрактно предполагая, что все подопытные совершили значительные преступления, при том, что их всех надлежащим образом осудили надлежащим судом, что их законно приговорили к смерти, из вышеизложенных распоряжений явно следует, что эти женщины не могли быть законно казнены до тех пор пока генерал-губернатор оккупированной Польши не решил в каждом случае не использовать право помилования. Нет подтверждения тому, что генерал-губернатор, когда-либо действовал в отношении помилования польских женщин использованных в этих экспериментах или, по этой причине, значительное количество не использовали в экспериментах.

Единственная причина, почему 700 польских женщин были перевезены из Варшавы и Люблина в Равенсбрюк была той, что генерал-губернатор не одобрил казнь. Иначе бы их бы немедленно казнили в Польше. В конце концов, эти женщины, могли оставаться нетронутыми до тех пор пока генерал-губернатор не принял решения. Он никогда этого не делал или сделав это, он мог предоставить помилование.

Письменные показания Шидловски, лагерного врача в Равенсбрюке, показывают, что генерал-губернатор не отказывал в помиловании до начала экспериментов. Он сказал на второй странице оригинала:

«Польские женщины, приговорённые к смерти военно-полевым судом и ожидающие казни, после одобрения генерал-губернатором отбирались для опытов». (НО-508, экз. обв. 224)

Далее, на странице 15 оригинала, он говорил:

«Во время моей служебной поездки в Равенсбрюк, я оценил, что приблизительно 25 женщин были казнены расстрелом. Они были исключительно польскими женщинами, которые уже являлись заключенными, чьи приговоры были одобрены спустя долгое время генерал-губернатором». [Курсив добавлен].

Шидловски находился в Равенсбрюке с декабря 1941 до середины августа 1943. За время долгого периода времени только 25 из более чем 700 польских заключенных были казнены по распоряжению генерал-губернатора. Кто скажет, что большинство из этих 700 польских женщин не выжили бы в войне при том, что они не проходили эксперименты? Разумеется, намерением защиты было подтвердить противоположное весомыми доказательствами. Этого не получилось никакими доказательствами.

Подсудимые Гебхардт, Фишер и Оберхойзер не могут опираться на чистую совесть в том, что польских женщин могли казнить. Даже лагерный доктор Шидловски знал, что генерал-губернатор должен был одобрить казнь. Более того,

большое количество из 700 женщин приговорённых к смерти уже на той стадии войны было достаточно для того, любое разумное лицо заметило, что-то неладное.

Более того, неопровержимые доказательства подтверждают, что эксперименты вообще не гарантировали отмену казни. По крайней мере шесть подопытных были казнены после того как выжили в экспериментах. Имена расстрелянных польских девушек это Паяцковская, Ганс, Зелёнка, Раковская, Соболевская и Гутек. (НО-873, экз. обв. 226; НО-861, экз. обв. 232). Это не являлось вопросом эксперимента или казни, а эксперимента и казни.

Вот почему в феврале 1945 была сделана попытка казнить всех подопытных. Им приказали явиться в один блок и оставаться там. Им сообщили, что их переведут в концентрационный лагерь Гросс-Розен¹³⁶ уже находившийся в руках союзников. Поэтому, они знали, что их собираются казнить и они взяли другие идентификационные номера и спрятались. Это стало возможным из-за дезорганизации в лагере.

Если рассмотреть позицию защиты лицом к лицу, трибунал может задать вопрос о том, законно ли для военных медиков нации ведущей войну экспериментировать на политических заключенных оккупированной страны приговоренных к смерти, экспериментируя на них таким образом, чтобы они погибли, страдали от мучительной боли, издевательств и постоянной инвалидности – все это без их согласия и при прямой помощи военному потенциалу их противника. Нет верной причины для ограничения такого решения для гражданских заключенных; эксперименты не стали бы хуже если бы проводились на польских или американских военнопленных. Невозможно, серьезно рассматривать правило защиты.

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительного обзора от имени подсудимого Гебхардта

.....

Эксперименты с сульфаниламидом

Из всех медицинских экспериментов формирующих предмет обвинительного заключения, эксперименты по тестированию сульфаниламидов

¹³⁶ Гросс-Розен — нацистский концентрационный лагерь, существовавший в 1940—1945 годах в районе села Гросс-Розен в Нижней Силезии (ныне — Рогозница, Польша).

несомненно наиболее непосредственно связаны с войной. Проблема раневой инфекции является той, которой, в особенности любая нация ведущая войну должна заниматься в современной войне. Данная проблема является не только одной из важнейших для жизни и здоровья отдельного раненого солдата, но и может иметь решающий эффект на стратегическое положение и исход войны ввиду значительных брешей в рядах. Уже первая мировая война показала, что большинство солдат не умирали на самом поле боя и что в большинстве случаев смерть не являлась непосредственным результатом раны, и тяжёлые потери приписывались инфекции полученной при ранении. Этот опыт подтвердился во второй мировой войне и особые условия преобладавшие в России и климатические условия зимы показали даже более наглядно чем в первую мировую войну, что раневая инфекция являлась медицинской и тактической проблемой наивысшего значения для войск и их здоровья. Что касается подробностей, я сошлюсь на заявления данные в показаниях нескольких подсудимых на слушаниях.

Соответственно, также не может быть удивительным, что и в этой войне, предпринимались усилия по лечению раневой инфекции не только хирургическими мерами, но и таким способом который предназначался для предотвращения формирования и распространения бактериальных инфекций или по крайней мере ограничения их в разумных рамках путём использования химических препаратов.

Такие усилия казались наиболее обоснованными, так как война на Востоке не только означала постоянные затраты ресурсов в материалах и личном составе в целом, но также в виду факта, что в особенности снабжение армии и Ваффен-СС медицинскими офицерами и кроме того, подготовленными полевыми хирургами становилось всё сложнее и сложнее. Будь возможно помогать полевым медицинским офицерам на фронте и главным перевязочным станциям надёжными химиотерапевтическими препаратами против бактериальной раневой инфекции, был бы достигнут прогресс огромного значения.

Однако, с другой стороны, невозможно упускать факт, что введение химиотерапевтических препаратов, которые не действовали безопасно, включало определенную опасность для эффективного медицинского ухода за ранеными и соответственно военному потенциалу раненых и соответственно военному потенциалу германского Вермахта и его ударной силы. В своей лекции о химиотерапии произнесённой на первой конференции восточных консультирующих специалистов 18 мая 1943, которую я приобщил в качестве части отчёта о данной конференции. (Геххардт, Фишер, Оберхойзер 1, экз. Геххардт, Фишер, Оберхойзер 6). Профессор, доктор Росток ссылаясь на огромную опасность химиотерапии, т. е.

возможность «воспитания небрежных врачей, невнимательных к хирургическому аспекту перевязки ранения, поскольку они могут положиться на химиотерапию».

Данное предупреждение являлось своевременным, так как тогда существовала не только совершенная неопределенность относительно эффектов сульфаниламидов, но также, потому что существовало расхождение во мнениях об эффективности данных препаратов. Доказательствами было ясно показано, что несмотря на подробное наблюдение эффектов сульфаниламидов в мирное и военное время, невозможно было ответить на данный вопрос. Мнения очень сильно разделились. В то время как некоторые были убеждены в эффективности этих препаратов в связи с раневыми инфекциями, и приписывали им чрезвычайно хорошие результаты, у других были мнения о том, что эти химические препараты могли быть дополнением и при их использовании в одиночку, у них не имелось качеств для предотвращения бактериальной инфекции вызванной боевыми ранениями. Относительно подробностей, я сошлюсь на заявления подсудимых Карла Брандта, Хандлозера, Ростока, экземпляры Гебхардта и Фишера 6,7 и 10 представленные мной во время заслушивания доказательств.

В данном отношении, сильно интересуют обзор научных дискуссий консультирующих специалистов содержащийся в отчёте о первой конференции Востока 18 и 19 мая 1942. (Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 1, экз. Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 6). Эти дискуссии, которые проходили до экспериментов включающих предмет обвинительного заключения дают правдивую картину ситуации такой, какой она была тогда в отношении эффективности сульфаниламидов.

В данном отношении мы сможем разграничить между тремя резко определенными группами. В группе, которая отвергала химиотерапевтическое лечение раневой инфекции являлся лидером, гехаймрат, профессор Зауэрбрух¹³⁷. Он категорически озвучивал мнение о том, что эти химические препараты уведут в тень хирургическую работу и приведут к небрежному лечению. Он просил о том, чтобы препараты были критически протестированы, то есть, хирургам опытным в общей хирургии следовало провести тесты.

В другом лагере находились хирурги, которые заявляли о получении чрезвычайно благоприятных результатов в химиотерапевтическом лечении бактериально инфицированных ран. Среди них был доктор Крюгер, берлинский профессор хирургии, который заявлял о том, что он наблюдал благоприятный эффект сульфаниламида в 5000 случаях.

---

¹³⁷ Зауэрбрух, Фердинанд (1875— 1951) — немецкий хирург, один из основоположников грудной хирургии. Основные труды посвящены хирургическому лечению туберкулёза, рака лёгких, болезней пищевода и средостения.

К третьей группе относились хирурги, бактериологи и патологи, которые придерживались взгляда о том, что нельзя сказать ничего определенного пока эффекты и эффективность сульфаниламидов как агентов в борьбе против бактериально инфицированных ранений и дальнейшие тесты в таких чертах не проведены.

Таким образом, можно сказать о том, что после опыта русской зимней кампании 1941-1942, борьба против бактериальных раневых инфекций и вопрос эффективности сульфаниламидов стала военно-медицинской и медико-тактической проблемой первой важности, о которой сильно расходились мнения. Решение данной проблемы было наиболее срочным, так как ответ следовало найти быстро, и с другой стороны, не следует сбрасывать факт о том, что опыты полученные за почти 10 лет войны и мира в клиниках, также как и в лабораториях являлись недостаточными для ответа на данный вопрос.

Приказ о проведении данных экспериментов

Доказательствами показано, что приказ об установлении эффективности сульфаниламидов путём экспериментов на людях был отдан напрямую главой государства и верховным главнокомандующим Вермахта. Приказ Гитлера сначала не передавался Гиммлером Гебхардту, а доктору Гравицу, главному врачу СС и полиции.

Однако, доказательства далее показывают, что возникло другое обстоятельство, которое с точки зрения времени по крайней мере вызвало приказ о проведении экспериментов, а именно, смерть начальника главного управления безопасности Рейха, генерала Ваффен-СС Рейнхарда Гейдриха, который в мае 1942 был убит в Праге. В подробностях я сошлюсь на показания Гебхардта по данному вопросу. Смерть Гейдриха была связана с самими экспериментами, постольку поскольку, тогда, предъявляли обвинения в том, что жизнь Гейдриха можно было спасти, если бы сульфаниламиды, и в особенности определённый препарат сульфаниламида, необходимо было назначать раненому человеку в достаточных количествах. Вся проблема терапии сульфаниламидом снова раскрылась в данном деле, и затем таким же обычным образом глава государства сам отдал приказ о разъяснении путём экспериментов вопроса, который долгое время имел важнейшее значение для сражающихся войск на фронте.

С учётом оценки данных доказательств, не относятся к делу, подробности которые возникли в экспериментах проведённых самим подсудимым Гебхардтом. Вопреки строгому приказу главного врача СС и полиции Гравица, Гебхардт

проводил эксперименты не причиняя умышленно пулевые ранения, а вызывая инфекцию при соблюдении всех возможных мер предосторожности.

Далее доказательствами будет показано, что эксперименты начались на 15 рецидивистах, которых приговорили к смерти и которых перевели из концентрационного лагеря Заксенхаузен в Равенсбрюк. В виду факта, что данная часть эксперимента не является предметом обвинительного заключения, нет необходимости вдаваться в этот предмет. Однако, следует иметь в виду, что на конференции 1 июня 1942, на которой условия экспериментов были детально проработаны – подсудимый Гебхардт подробно описал данную конференцию и я сошлюсь на это – было понятно, что эксперименты следовало проводить на мужчинах-рецидивистах, которых приговорили к смерти и которых должны были помиловать в случае выживания.

Подготовка экспериментов с сульфаниламидом

Доказательствами было показано, что эксперименты по тестированию эффективности сульфаниламидов проводились на трёх группах. Первая группа включала 15 мужчин (рецидивистов). Данная группа не имеет никакого отношения к обвинениям обвинительного заключения и поэтому является излишним более подробно вникать в данный вопрос.

Вторая группа включала 36 женщин заключенных, которые являлись членами польского движения сопротивления, и которые, по этой причине были приговорены к смерти германским военно-полевым судом в Генерал-губернаторстве. Эта вторая группа подразделялась на 3 подгруппы по 12 подопытных лиц каждая. Что касается частностей в проведении экспериментов, я сошлюсь на показания подсудимых Гебхардта и Фишера. В отличие от первой группы, контактные субстанции использовались для ускорения процесса инфекции. Контактные субстанции помещались в открытые раны вместе с микробами. Стерильное и толчёное стекло и стерильные опилки использовались в качестве контактной субстанции. Эти контактные субстанции смешивались с землей и однородными частицами и должны были воспроизводить для ран условия поля боя, однако, без подверженности в то же время опасностям создаваемым раневой инфекцией от земли и частей одежды.

Таким образом в случае первой группы, в качестве агентов использовались стафилококк, стрептококк и бациллы газовой гангрены. Но утверждение обвинительного заключения о том, что также использовались микробы столбняка не является правильным. Напротив, доказательства подтверждают, что лечение

столбняка не находилось в сфере данных экспериментов. Для этого существовала хотя бы такая причина как осознание задолго до этого немецкой военной хирургией, что препараты сульфаниламида не подходят для эффективного предотвращения травматического столбняка. Здесь я сошлюсь на директивы о химиотерапевтическом лечении раневых инфекций, которые были приняты на первой рабочей конференции Востока консультирующими специалистами в мае 1943 (Геххардт, Фишер, Оберхойзер 1, экз. Геххардт, Фишер, Оберхойзер 6) – то есть проведение экспериментов с сульфаниламидом вменённых в обвинительном заключении. В данных директивах прямо указывалось на то, что начало травматического столбняка нельзя было предотвратить посредством сульфаниламидов и что обычно назначался антидот столбняка.

Во время представления доказательств, только свидетель, доктор Мачка утверждала, что столбняк действительно использовался в одном единственном случае. Данный свидетель не делала своих собственных наблюдений о болезни, а сделала выводы, основываясь исключительно на патологической картине представленной одной из подопытных согласно своим заявлениям. В виду факта о том, что даже согласно показаниям данного свидетеля бактерии столбняка задействовались только в одном случае, утверждение свидетеля вряд ли следует принимать как подлинное представление фактов, так как если бы это являлось подлинным намерением подсудимого Геххардта для определения эффекта сульфаниламида на столбняк, одного подопытного точно было бы недостаточно, и потребовалось бы больше экспериментов, перед принятием окончательного решения.

Третья группа включала 24 подопытных, к которым не применяли никакого рода инфекции – в отличие от процедуры, применяемой ко второй группе – но только участвовали в мышечной перевязке. Подсудимые Геххардт и Фишер дали подробные показания относительно этих новых экспериментальных приготовлений, о том как они происходили, какие соображения следовало учитывать, какую часть играл главный врач СС, доктор Гравиц. В отношении этих подробностей я ссылаюсь на показания подсудимых.

Подопытных лечили сульфаниламидами как описывали подсудимые давая показания. К нескольким лицам не применяли сульфаниламидов, а использовали как контрольных подопытных. Но это не означало, что этих лиц вообще не лечили. Как подтвердили показания, всех подопытных лечили, а именно хирургическими мерами, если сульфаниламиды не подтверждали эффективность против воспаления. По этой причине также и подопытным к которым применялся сульфаниламид, и у которых воспаление не проходило само по себе, предоставлялось непосредственное

хирургическое лечение с соблюдением общепризнанных принципов хирургического лечения, в частности разработанных в Германии учителем Гебхардта, профессором, доктором Лексером¹³⁸. Данное прямое хирургическое лечение приводило к шрамам, которые суд увидел на подопытных, допрошенных в качестве свидетелей. Как объяснил профессор, доктор Александер, эксперт представленный обвинением, эти шрамы не являлись результатом бактериологической инфекции, а операций проведённых для устранения данной инфекции. В деле обвинения, четверо подопытных были вызваны для дачи показаний. Дополнительно, обвинение представило серию письменных показаний данных лицами использованными в качестве подопытных. Заявления четырёх свидетелей допрошенных в суде сильно совпали с показаниями данными подсудимыми Гебхардтом, Оберхойзер и Фишером. Лишь по этой причине кажется уместным и достаточным для провозглашения справедливого приговора и установления подлинных фактов, чтобы основывать приговор исключительно на показаниях этих четырёх свидетелей совместно с заявлениями самих подсудимых. Это не только соответствует принципу непосредственных и устных слушаний в суде, преобладающих в современной уголовной процедуре, от которых не следует отходить по причине срочности, но такое руководство делом выглядит подходящим, потому что заявления четырёх свидетелей, совместно с заявлениями подсудимых, можно считать стабильной основой для выводов – помимо, одного пункта, который я разьясню позднее. Кроме того, письменные показания представленные обвинением не только отличаются в важных пунктах от заявлений свидетелей в суде, но являются непоследовательными и противоречащими также и самим себе. Это показано, прежде всего, фактом, что в нескольких письменных показаниях есть утверждения, совершенно очевидно сделанные не под влиянием личных и фактических наблюдений, а ставшие известными этим свидетелям по слухам. Более того, письменные показания, не смогли представить обстоятельств в чётком хронологическом порядке, что породило сомнения во всём деле, так как доказательствами подтверждено, что в концентрационном лагере Равенсбрюк эксперименты очевидно проводились также другими врачами с которыми подсудимые в настоящем деле не имели связи.

Значительные сомнения также существуют относительно заявлений сделанных свидетелем, доктором Мачкой. Обвинение представило два письменных показания данных свидетельницей. При опросе в суде, эта свидетельница не смогла поддержать наиболее инкриминирующие утверждения, которые были в двух письменных показаниях. В таких обстоятельствах, суд должен рассмотреть

---

¹³⁸ Эрих Лексер (1867-1937) – немецкий хирург. Известен введением хирургических техник эстетической и пластической хирургии.

достаточно ли достоверны такие заявления, чтобы включать их в приговор. Я отвечаю на этот вопрос отрицательно, не только, потому что они опровергают наиболее значимые положения её предыдущих письменных показаний, но и потому, что большая часть её показаний основывалась не на её собственных наблюдениях, но либо на информации полученной от других заключенных или из выводов сделанных ей.

.....

г. Документы и показания

Частичный перевод документа НО-228
Экземпляр обвинения 206

Письменные показания подсудимого Фишера от 19 ноября 1946 об экспериментах с сульфаниламидом проведенных в концентрационном лагере Равенсбрюк

Письменные показания

Я, Фриц Эрнст Фишер, приведённый к присяге, заявляю:

Я являюсь доктором медицины, получившим степень в университете Гамбурга. Я прошёл свой государственный экзамен в 1936. 13 ноября 1939 я был призван в Ваффен-СС и после службы в боевой дивизии в качестве медицинского офицера, я был госпитализирован и затем командирован в госпиталь СС в Хохенлихене, в качестве ассистента хирурга.

Дополнительно к моим обязанностям как хирурга в госпитале СС Хохенлихена, профессором Гебхардтом мне было приказано начать медицинские эксперименты в качестве ассистирующего хирурга профессора Гебхардта приблизительно 12 июля 1942. Целью предполагаемых экспериментов было определить эффективность сульфаниламида, о чём меня проинформировали как о вопросе значительной важности для военно-медицинских кругов.

Согласно информации, которую я получил от профессора Гебхардта, эти эксперименты были изначально приказаны рейхсфюрером СС и главным врачом доктором Гравицем.

Профессор Гебхардт проинструктировал меня, перед проведением операций, о технике и используемой процедуре. Лица которые являлись

подопытными в этих экспериментах являлись заключенными концентрационного лагеря Равенсбрюк, которых приговорили к смерти.

Последовала административная процедура в получении подопытных для экспериментов проведенная профессором Гебхардтом с комендантом лагеря Равенсбрюк. После начальных приготовлений, общей практикой было информировать медицинского офицера в Равенсбрюке, как о дате начала экспериментов так и количестве пациентов, которые требовались, и затем решать вопрос с комендантом лагеря, который проводил отбор подопытных. Перед проведением операции, отобранные лица осматривались лагерным врачом для установления их соответствия экспериментам с медицинской точки зрения.

Первая серия экспериментов включала пять лиц. Гангренозные бактериальные культуры использованные для экспериментов были получены из института гигиены Ваффен-СС. Процедура операции была следующей: подопытный получал обычную дозу анестезии морфина-атропина, затем также эвипан. Делался разрез от 5 до 8 сантиметров длиной и от 1 до 1 ½ сантиметров глубиной, над нижней частью ноги в районе длинной малоберцовой мышцы.

Бактериальные культуры помещались в декстрозу, и получившаяся смесь размазывалась по ране. Затем рана закрывалась и конечность помещалась в гипс, который был готов, который выравнивался внутри хлопком для того, чтобы в случае опухания прооперированной конечности на результат эксперимента не повлияли никакие факторы кроме самой инфекции.

Бактериальные культуры использованные на каждом из пяти лиц различались как по типу используемых бактерий, так и по количеству используемых культур.

После проведения начальной операции, я возвращался в Равенсбрюк каждый вечер для наблюдения прогресса у лиц которых прооперировали. Никаких серьезных заболеваний не возникло от первоначальных операций. Я сообщал о прогрессе с пациентами профессору Гебхардту каждый вечер.

Когда первые пять прооперированных пациентов были вылечены, началась ещё одна серия экспериментов. Хирургическая процедура и постоперационная процедура была такой же как в первоначальных экспериментах, но бактериальные культуры были более вирулентными. Результаты этой серии по сути были такими же как в первой и не возникло серьезных заболеваний.

Поскольку не возникло никакого воспаления от бактериальных культур использованных в первых двух сериях операций, было установлено, в результате переписки с доктором Мруговски, начальником института гигиены Ваффен-СС, и разговоров с его помощником, изменение типа бактериальных культур в

последующих операциях. Используя новую культуру, были проведены ещё две серии операций, каждая включала пять лиц.

Разница между третьей и четвёртой сериями заключалась в используемых бактериальных культурах. Институт гигиены Ваффен-СС подготовил отдельные комбинации из трёх или четырёх культур которые были доступны. В третьей и четвёртой серии, наблюдались более заметные инфекции и воспаление на месте заражения. Их характеристики были похожие на обычную, нормальную инфекцию с покраснением, отёком и болью. Перефирия инфекции была сравнима с размером каштана. По завершении четырёх серий, лагерный врач проинформировал меня о том, что комендант лагеря проинструктировал его о том, что мужчины-пациенты больше не доступны для дальнейших экспериментов, и что требуется использовать женщин-заключенных.

Соответственно, пять женщин были подготовлены к операции, но я не оперировал их. Я сообщил об изменении ситуации профессору Гебхардту и предложил о том, что в виду этих обстоятельств, было бы желательно остановить эксперименты. Однако, он не принял данное предложение, и указал на то, что мне как офицеру необходимо выполнять долг возложенный на меня.

Однако, эксперименты были прерваны на период 2 недель, во время которых профессор Гебхардт рассказал мне о том о том, что обсудил вопрос в Берлине и был проинструктирован проводить эксперименты, используя польских женщин-заключенных, которых приговорили к смерти. Дополнительно он проинструктировал меня ускорить эксперименты поскольку главный врач, доктор Гравиц, планировал поехать в Равенсбрюк для тестирования результатов экспериментов. Соответственно, я поехал в Равенсбрюк и оперировал женщин-заключенных.

Поскольку инфекции которые возникали в первых четырёх сериях экспериментов не являлись типичными гангренозными инфекциями поля боя, мы связались с институтом гигиены Ваффен-СС для установления того, какие шаги можно предпринять для более точной симуляции инфекций вызванных на поле боя. В результате этой переписки и конференции в Хохенлихене под председательством профессора Гебхардта, было решено добавлять маленькие фрагменты опилок к бактериальным культурам, которые должны были симулировать слой земли обычно возникающей при ранениях на поле боя.

В результате данной конференции, были проведены три серии экспериментов, каждый по 10 лиц, одна с использованием бактериальной культуры и опилок, вторая с использованием бактериальной культуры и фрагментов стекла, и третья с использованием культуры плюс стекло и дерево.

Приблизительно спустя две недели после начала новой серии, доктор Гравиц посетил Равенсбрюк. Профессор Гебхардт представил мне его и объяснил ему общий характер работы. Профессор Гебхардт затем ушёл, и объяснил доктору Гравицу подробности операций и их результаты. Доктор Гравиц, до завершения моего отчёта об использованных процедурах и полученных результатах, беспардонно прервал меня и заметил, что условия в которых проводились эксперименты не достаточно соответствовали условиям преобладающим на фронте. Он буквально спросил меня: «Сколько было смертей?» и когда я доложил о том, что не было ни одной, он заявил о том, что подтвердилось то, что эксперименты не проводятся согласно его указаниям.

Он сказал о том, что операции были просто блошиными укусами и что раз уж целью работы является установление эффективности сульфаниламида на пулевые ранения, пациентам следует причинять пулевые ранения. Он приказал о том, чтобы следующая серия проводимых экспериментов соответствовала данным указаниям. В тот же самый вечер, я обсудил эти приказы доктора Гравица с профессором Гебхардтом, и мы оба согласились в том, что было невозможно проводить их, но что следовало проводить процедуру более точно воспроизводящую условия поля боя без самой стрельбы по пациентам.

Обычным результатом всех пулевых ран является разрыв ткани, которого не было в первоначальных экспериментах. Так в результате травмы нормальный кровоток в мышце прерывался. Когда это кровообращение прерывалось, повреждённый участок становился фертильной зоной для роста бактерий; нормальная реакция ткани против бактерии невозможна без циркуляции.

Такое прерывание кровообращения обычное при боевых ранах можно было воспроизвести пережиманием кровеносных сосудов на конце мышц.

Две серии операций, каждая включавшая по 10 лиц, начались согласно данной процедуре. В первой из них, использовались такие же бактериальные культуры которые развивались в третьей и четвёртой сериях, но устранялось стекло и дерево. В других сериях, использовались культуры стафилококка и стрептококка. В серии с использованием гангренозной культуры сильная инфекция возникала в районе вживления в рамках 24 часов.

Восемь пациентов из десяти пациентов заболели гангренозной инфекцией. Случаи, показавшие симптомы неспецифического или специфического воспаления оперировались согласно доктрине и способу септической хирургии. Доктрина Лексера формировала основу процедуры. Техника заключается в том, что вживление в район гангрены производилось, от здоровой ткани на здоровую ткань с каждой стороны. Рана и рваные края раскрывались, промокались гангренозные

волдыри, и они орошались раствором H_2O_2 (пероксид водорода). Воспалённая конечность иммобилизовывалась гипсом. У большинства пациентов таким образом было возможно улучшить гангренозное состояние всего инфицированного района.

В серии, в которой использовались обычные культуры стрептококка и стафилококка, сильного возникновения инфекции сопровождавшегося ростом температуры и припухлостью не возникало до 72 часов. Четыре пациента показали более серьёзную картину заболевания. В случае этих пациентов, обычная профессиональная техника консервативной медицины следовала как описывалось выше, и воспалённая припухлость раскрывалась. Из-за слабой вирулентности бактерий во всех случаях за исключением одного удалось предотвратить у пациентов смертельно опасное развитие заболевания.

Вживления в нижней части ноги, сделанные во всех сериях позволяли провести ампутации. Они не делались выше колена, потому что, тогда бы не оставалось зоны ампутации. Однако, в данной серии воспаление было настолько быстрым, что не было ни восстановления, ни ампутаций.

Поскольку после зажимания кровообращения в мышцах, ожидалось очень тяжёлое протекание инфекции, внутривенно вводилось 5 грамм сульфаниламида в количестве по 1 грамму, начиная с 1 часа после операции. После раскрытия краёв раны, сульфаниламид засыпался по всей области и с помощью резиновых трубок проводился дренаж.

Инфекции обычно достигали острой стадии в период до 3 недель, во время которых я ежедневно делал перевязки. После периода 3 недель, условия были нормальными, для того, чтобы простая рана перевязывалась не мной, а лагерными врачами.

Процедура предназначенная для постоперационного ухода предусматривала инъекции им по три раза в день 1 мл морфина, и при смене повязок, анестезия эвипаном.

Во всех сериях экспериментов за исключением первой, сульфаниламид использовался после появления гангренозной инфекции. В каждой серии двум лицам не давали сульфаниламид для контроля эффективности. Когда сульфаниламид и бактериальные культуры совместно вводились в разрез, никакого воспаления не возникало.

.....

Моё отношение ко всем пациентам было очень сдержанным, и я был очень осторожен в операциях, следуя стандартной профессиональной процедуре.

В мае 1943, по случаю четвёртой конференции консультирующих врачей Вермахта, профессором Гебхардтом и мной был сделан доклад об этих операциях. Данный медицинский конгресс был созван профессором Хандлозером, который занимал должность главного хирурга вооружённых сил, и собрал большое количество врачей, как военных так и гражданских.

В своей лекции на встрече я докладывал об операциях откровенно, используя таблицы которые демонстрировали технику, количество назначенного сульфаниламида, и состояние пациентов. Эта лекция была центральной точкой конференции. Профессор Гебхардт говорил о фундаментальных вопросах экспериментов, их проведении и результатах, и затем попросил меня описать технику. Он начал свою лекция со следующих слов: «Я несу всю человеческую, хирургическую и политическую ответственность за эксперименты».

После этой лекции последовала дискуссия. Никакой критики не заявлялось. Я убеждён, что все присутствующие врачи действовали бы также как и я.

После моих постоянных запросов, непосредственно после этой конференции я пошёл на фронт. Только после моего ранения я вернулся пациентом в Хохенлихен. Я никогда снова не входил лагерь Равенсбрюк. Я сильно возражал против этих экспериментов на людях, стремился предотвратить их, и ограничить их распространение после приказа о них. Для того, чтобы меня не принуждали участвовать в этих экспериментах, я постоянно вызывался добровольцем на фронт. Постольку поскольку это было в моей власти, я пытался разубедить доктора Коллера и доктора Рейсмайера от проведения данных экспериментов. Я отказался от присвоения степени в университете Берлина, потому что я чувствовал, что буду обязан проводить дополнительные эксперименты в Равенсбрюке. Потом у меня были научные открытия высочайшего практического значения, то есть, решение проблемы рака и его терапия. Я не сообщал о данном факте профессору Гебхардту и не публиковал эту работу, для того, чтобы мне снова не приказали проводить эксперименты.

Фриц Эрнст Фишер

Перевод документа НО-472
Экземпляр обвинения 234

Письменные показания подсудимого Фишера от 21 октября 1946, дополняющие его письменные показания об экспериментах с сульфаниламидом

.....

3. На конференции в мае 1943, которую я описал на странице 12 моих письменных показаний (последний абзац) присутствовали следующие сотрудники: доктор Пауль Росток как председатель конференции; доктор Зигрфид Хандлозер, который был тогда начальником медицинской службы германских вооруженных сил, который направил приглашения на встречу; профессор Карл Брандт, который сидел в центре первого ряда; доктор Леонардо Конти, рейхсгесундхайтсфюрер; профессор, доктор Зауэрбрух; доктор Фрей; профессор Хюбнер. Медицинскую службу Люфтваффе представлял доктор Гиппке, который являлся начальником медицинской службы Люфтваффе; и доктор Оскар Шрёдер. Медицинскую службу Ваффен-СС представлял её начальник, доктор Карл Генцкен. Доктор Гельмут Поппендик, который являлся начальником штаба главного врача СС и полиции, и доктор Гравиц также присутствовали.

.....

5. Во время моей и доктора Гебхардта речи было совершенно ясно, что эксперименты проводились на заключенных концентрационных лагерей.

6. Шесть месяцев спустя, отмечалась 10-я годовщина госпиталя в Хохенлихене. На празднование были приглашены доктор Карл Брандт, доктор Зифрид Хандлозер, доктор Леонардо Конти, и профессор, доктор Зауэрбрух.

7. Когда начались эксперименты с сульфаниламидом, мне было сказано профессором Гебхардтом, моим военным и медицинским начальником, что эти эксперименты должны проводиться по приказу начальника медицинской службы Вермахта и начальника государственного медицинского управления, по первоначальному приказу Гитлера, и поэтому я должен исполнять эти приказы.

8. Доктор Герта Оберхойзер и доктор Шидловски помогали мне в экспериментах с сульфаниламидах.

9. В результате экспериментов погибли трое человек.

[Подписано] Фриц Эрнст Фишер

Фрагмент письменных показаний доктора Карла Фридриха Брюннера¹³⁹ от 14 марта 1947

Я услышал об экспериментах с сульфаниламидом на людях в Равенсбрюке только после их завершения из публичного отчёта сделанного профессором Гебхардтом и доктором Фишером на третьей конференции консультирующих специалистов Востока 24 и 26 мая 1943 в военно-медицинской академии в Берлине. Я присутствовал на данной конференции в качестве штабсарцта армии из резервного военного госпиталя в Берлине. Позднее я прочёл отчёт в директивах. Профессор, доктор Гебхардт не говорил нам о нём впоследствии. С другой стороны, существование экспериментов с сульфаниламидом было известно и не держалось в секрете, хотя даже иностранцы постоянно находились среди ассистентов, как например, швейцарский хирург, доктор Майер, в моё время.

Перевод документа Гебхардта, Фишера, Оберхойзер 1
Экземпляр защиты Гебхардта, Фишера, Оберхойзер 6

Фрагмент отчёта о первой конференции консультирующих специалистов Востока 18 и 19 мая 1942 в военно-медицинской академии в Берлине

.....

Директивы по химиотерапии раневых инфекций

Лечение военных ранений препаратами сульфаниламида с целью борьбы с раневыми инфекциями являются многообещающим. На складах медицинских магазинов имеются: порошок пронтальбина-марфанила, таблетки пронтосила, нео-улерон-альбуцида, эвбазина, сулфапиридин-цибазола и эледрона.

Травматический столбняк нельзя предотвратить этими препаратами; поэтому следует давать антидот столбняка.

Химиотерапия не является безопасной предосторожностью от газового отёка. Последующий опыт в данной сфере особенно желателен.

При лечении военных ран, оперативная подготовка раны должна сначала включать удаление омертвевшей ткани и открытие всех полостей раны. Затем

¹³⁹ Карл Брюннер (1908-1985) – немецкий хирург и врач СС. В 1937-1945 хирург госпиталя СС в Хохенлихене.

применяется средство с порошковым дозатором или с ситом, в дозах 5-20 грамм в соответствии с размером раны. Это следует повторять при всякой необходимости смены повязки. Независимо от смены повязки, и распыления даже весь день, пациенту дают 8 грамм в первый день, 6 грамм на второй, 5 грамм на третий и каждый четвёртый, пятый и шестой дни, 4 грамма препарата сульфаниламида внутрь (при необходимости, ректальные или внутривенные инъекции). Затем лекарственное лечение прекращается и возобновляется снова при необходимости. При раннем начале лечения шансы улучшаются.

Местное лечение при доступных порошках сульфаниламида совместно с внутренним лечением альбуцидом, цибазолом, эледроном, эвбасином, глобуцидом (в частности газовый отёк), марфанил-пронтальбин, протозил предлагается.

Если в редких случаях, есть побочные эффекты такие как тошнота, рвота, понос, шум в ушах, головные боли, кожный зуд или желтуха, эти средства следует сразу отменять.

.....

Частичный перевод документа Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 3
Экземпляр защиты Гебхардта, Фишера и Оберхойзер 10

**Фрагменты из отчёта о третьей конференции консультирующих специалистов
Востока 24 и 26 мая 1943 в военно-медицинской академии, Берлин**

.....

5. Группенфюрер СС и генерал-майор, профессор Гебхардт и Ф. Фишер

Специальные эксперименты с лечением сульфаниламидом

Выводы

1. Развитие нагноения в мягких тканях вызываемое бактериями нельзя предотвратить, даже при немедленном применении сульфаниламида, местно или внутренне.

2. Не подтверждается, что на течение воспалительного заболевания вызванного аэробными организмами при абсцессах и флегмонах сосудов можно повлиять сульфаниламидами. У нас сложилось впечатление, что при

комбинированной терапии газовой гангрены она проходит мягче под влиянием сульфаниламидов.

3. Хирургические меры являются необходимыми для успешного лечения воспалений».

Дополнительные замечания

Распыление порошка сульфаниламида на раны может быть травматичным, если, проводя это, нарушаются основы хирургии, если, например, порошковая основа не растворилась в тканевых жидкостях, и если секреция подавлена коагуляцией. Раны обрабатываемые порошком сульфаниламида показывают слабую тенденцию к выделению.

Гипотеза о функциях

Воспаление мезодермальных мягких тканей показывает тенденцию к некрозу на ранней стадии. Некроз это гнездо бактериальной культуры. Его окружение показывает затромбированные сосуды. Доступ к нему химиотерапевтических реагентов очень сложен.

.....

Директивы по применению сульфаниламида

Эксперименты (Гехардт-Фишер) показали следующие результаты: Даже немедленное внутреннее и внешнее применение препаратов сульфаниламида не может предотвратить нагноение мягких тканей из-за обыкновенных гноящих организмов. Не подтвердилось, что течение воспалительного заболевания вызванного анаэробами изменилось под влиянием сульфаниламидов. Сульфаниламиды оказали смягчающий эффект на комбинированную терапию гангрены.

Расстройства вызываемые сульфаниламидом являются относительно редкими. Они происходят непосредственно как расстройства печени включая острую желтушную атрофию печени, как расстройства почек, и агранулоцитоз. Поэтому, насколько возможно в условиях линии фронта, следует контролировать белые и красные кровяные тельца. Снижение температуры тела вызванное инфекцией центральной системы регуляции может казаться косвенным расстройством, а значит температурная кривая не позволяет сделать выводы о развитии раневой инфекции. Далее, местное порошковое лечение может вести к

случайному росту глубины раневой инфекции. Прямое травмирование ткани на месте в котором применялись препараты не наблюдалось.

Эндолюмбальное применение сульфаниламидов (Мюллер) следует также отвергнуть при лечении менингитов, поскольку оно ведёт к серьезным расстройствам района спинного мозга и может привести к параличу.

Клинический ход (Фрей) подчёркивает снижение оптимистических и рост критических мнений. Клинические доктора считают принципиальными расстройствами анорексию, тошноту, и возрастание утомления. Раннее применение на самой ране достаточно эффективно. Энтеральное или парентеральное введение лекарств сульфаниламида не может предотвратить раневую инфекцию, но может благоприятно повлиять на её течение.

Следующие практические правила вытекают из этого: все поверхностные раны, то есть раны от настильных выстрелов, бороздовые раны и крупные рваные раны мягких тканей следует как можно быстрее посыпать порошком сульфаниламида. Порошковое лечение не следует использовать если нельзя достичь глубины раны. Порошковое лечение не является эффективным при лечении небольших ран навывлет. Посыпка кожи не ощущается и может вызвать экзему. Глубокие раны следует лечить скорейшим и наиболее тщательным образом. После этого, рану можно дополнительно обрабатывать порошком сульфаниламида, который должен достигать глубочайших полостей. Не рекомендуется порошок для гранулированных ранений.

Если лечение порошком нельзя применить в течение первых часов или оно не оказывает эффекта, пероральное применение сульфаниламидов следует применять или применять дополнительно. Условия фронтовых линий не всегда позволяют внутривенные инъекции. Соответственно опасности инфекции, рану следует обработать за короткое время крупными дозами сульфаниламидов (6-10 грамм, в течение 3-4 дней, не более чем всего 50 грамм). В целом, небольших доз недостаточно и поэтому отсутствует влияние на течение инфекции, но при длительном применении они могут быть травматичными. Подходящими препаратами являются элэдрон, цибазол и глобуцид. Если возможно, лечение должен проводить медицинский офицер.

Угрозу ранам от газового отёка – и это означает все крупные и глубокие мышечные раны – следует, в дополнение к местному и оральному лечению сульфаниламидом, также лечить сывороткой гангрены. При последующих операциях, например резекции рёбер, грудной полости, вторичных швов и поздних ампутациях, новые раны вызванные операцией следует адекватно посыпать сульфаниламидом при прекращении кровотечения.

Тщательность хирургического лечения ран никоим образом не следует ослаблять даже при дополнительном применении сульфаниламидов.

Ранения брюшины также можно лечить порошком сульфаниламида (приблизительно одна столовая ложка) или сульфаниламид можно вводить в брюшную полость в форме эмульсии.

Фрагмент допроса свидетеля Ядвиги Джидо обвинением

Харди: Свидетель, какое у вас полное имя?

Джидо: Ядвига Джидо.

Харди: Вы произносите это как Я-д-в-и-г-а, фамилия Д-ж-и-д-о?

Джидо: Да.

Харди: Свидетель вы родились 26 января 1918?

Джидо: Да.

Харди: Вы являетесь гражданкой Польши?

Джидо: Да.

Харди: Вы прибыли в Нюрнберг для дачи показаний добровольно?

Джидо: Да.

Харди: Будьте любезны, назовите трибуналу ваш нынешний домашний адрес?

Джидо: Варшава, Гарнослонская, 14.

Харди: Свидетель вы замужем?

Джидо: Нет.

Харди: Ваши родители живы?

Джидо: Нет.

Харди: Какое образование вы получили?

Джидо: Я закончила начальную и среднюю школу в Варшаве. В 1937 я начала учиться фармакологии в университете Варшавы.

Харди: Вы закончили университет Варшавы?

Джидо: Нет.

Харди: Что вы делали после окончания школы в университете Варшавы?

Джидо: Я начала изучать фармакологию в университете, и затем, когда я училась второй год, началась война.

Харди: Что вы делали после начала войны?

Джидо: В 1939 я работала в аптеке на каникулах.

Харди: Вы являлись членом движения сопротивления?

Джидо: Осенью 1940 я вступила в подпольное движение.

Харди: Что вы делали в движении сопротивления?

Джидо: Я была курьером.

Харди: Затем вы были схвачены Гестапо и помещены под арест?

Джидо: Я была арестована Гестапо 28 марта 1941.

Харди: Что случилось после вашего ареста Гестапо?

Джидо: Меня допрашивали в Гестапо Люблина, Лукова и Радзина.

Харди: И что случилось после этого?

Джидо: В Люблине, меня избивали, голую.

Харди: Вами потом занималось Гестапо или вас освободили?

Джидо: Я оставалась в Люблине 6 недель в подвале здания Гестапо.

Харди: Затем вы были отправлены в концентрационный лагерь Равенсбрюк?

Джидо: 23 сентября 1941, меня перевезли в концентрационный лагерь Равенсбрюк.

Харди: Вам говорили, почему вас отправили в концентрационный лагерь Равенсбрюк?

Джидо: Нет, не говорили.

Харди: Вас, когда-либо судил германский суд?

Джидо: Никогда.

Харди: Кто отправил вас в концентрационный лагерь Равенсбрюк?

Джидо: Всех заключенных тюрьмы Люблина отправили туда, и меня с ними.

Харди: Теперь, госпожа Джидо, расскажите суду, что случилось после вашего прибытия в Равенсбрюк?

Джидо: Когда я прибыла в концентрационный лагерь Равенсбрюк, я подумала, что останусь там до конца войны. Жилые условия в тюрьме были такими, что мы там больше не могли жить. В лагере мы должны были работать, но в лагере не было настолько же грязно, и не было столько вшей как в тюрьме.

Харди: Свидетель, какую работу вы выполняли в лагере?

Джидо: Я выполняла физическую работу за пределами лагеря.

Харди: Вас, когда-либо оперировали в концентрационном лагере Равенсбрюк?

Джидо: Меня прооперировали в ноябре 1942.

Харди: Будьте любезны пояснить обстоятельства данной операции трибуналу?

Джидо: В 1942 сильный голод и террор овладели лагерем. Немцы находились в зените своей власти. Вы могли видеть надменность и гордость на лице каждой эсэсовки. Нам каждый день говорили, что мы не более чем номера, что нам нужно забыть, что мы люди, что никто из нас не вернется в свою страну, что мы рабы, и что мы должны только работать. Нам не разрешали улыбаться, плакать или молиться. Нам не разрешали защищать себя от избиений. Не было никакой надежды вернуться в свою страну.

Харди: Итак, свидетель, вы говорили, что вас прооперировали в концентрационном лагере Равенсбрюк 22 ноября 1942?

Джидо: Да.

Харди: Итак, 22 ноября 1942, в день той операции, будьте любезны рассказать трибуналу о всём, что тогда происходило?

Джидо: В тот день, полицайка, лагерная полицайка, пришла с листом бумаги на котором было написано моё имя. Полицайка сказали идти за ней. Когда меня спросили куда я иду, она сказала, что она не знает. Она привела меня в госпиталь. Я не знала, что со мной случится. Это могла быть казнь, перевозка на работу или операция.

Пришла доктор Оберхойзер и сказала мне раздеться и осмотрела меня. Затем был рентген. Я оставалась в госпитале. Мою одежду у меня забрали. Меня прооперировали утром 22 ноября 1942. Пришли немецкая медсестра, побрила мои ноги, и дала мне что-то выпить. Когда я спросила её, что происходит, она не ответила. Вечером, меня забрали в операционную на небольшой госпитальной тележке. Я была очень истощённой и уставшей и поэтому я не помню давали мне инъекцию или надели маску на лицо. Я не видела операционную.

Когда я пришла в себя, я помню, что у меня не было раны на ноге, но был след от иглы. С этого времени я ничего не помнила до января. Я узнала от моих товарищей, которые жили в той же комнате, что мою ногу прооперировали. Я помню, что происходило в январе, и знаю, что повязки меняли несколько раз.

Харди: Свидетель, вам известно, кто проводил операцию на вашей ноге?

Джидо: Я не знаю.

Харди: Итак, вы говорите, что вам меняли повязки. Кто менял повязки на вашей ноге?

Джидо: Повязки меняли доктора Оберхойзер, Розенталь и Шидловски.

Харди: Вы сильно страдали при перевязках?

Джидо: Очень сильно.

Харди: Свидетель, спуститесь с места свидетеля и подойдите к скамье подсудимых и попытайтесь опознать кого-либо на скамье, кто находился в концентрационном лагере Равенсбрюк в период и во время вашей операции?

Джидо: (Свидетель указывает)

Харди: Вы снова укажите на лиц, которых опознали, свидетель?

Джидо: (Свидетель указывает)

Харди: Кто это, свидетель?

Джидо: Доктор Оберхойзер.

Харди: Могу я попросить, чтобы в протокол занесли, что свидетель опознала подсудимую Оберхойзер?

Председательствующий: Протокол это покажет.

Харди: Свидетель, вы опознаёте кого-либо ещё на скамье?

Джидо: Да.

Харди: Свидетель, вы укажите на тех кого опознали?

Джидо: (Свидетель указывает)

Харди: Свидетель, кто это?

Джидо: Этого человека я лишь однажды видела в лагере.

Харди: Свидетель, он вам известен?

Джидо: Я знаю.

Харди: Свидетель, кто этот человек?

Джидо: Доктор Фишер.

Харди: Протокол отразит, что свидетель правильно опознала свидетеля Фишера как находившегося в концентрационном лагере Равенсбрюк?

Председательствующий: Протокол это отразит.

Харди: Свидетель, вы можете рассказать трибуналу другие подробности о вашей операции?

Джидо: (Нет ответа)

Харди: Свидетель, сколько раз вас оперировали?

Джидо: Один раз.

Харди: Когда доктор Оберхойзер ухаживала за вами, она была вежливой к вам?

Джидо: Она не была плохой.

Харди: Свидетель, вы, когда-либо слышали о лице по имени Бинц¹⁴⁰ в концентрационном лагере Равенсбрюк?

Джидо: Я её очень хорошо знала.

Харди: Вы помните, когда ваших друзей вызвали на операцию в августе 1943?

Джидо: Да.

Харди: Будьте любезны рассказать трибуналу какие-нибудь подробности и имена лиц которых должны были прооперировать?

Джидо: Весной 1943 операции остановились. Мы думали, что проживём так до конца войны. 15 августа пришла полицаика и вызвала 10 девушек. Когда её спросили зачем, она ответила, что нас собираются отправить на работу. Мы очень хорошо знали, что всем заключенным относящимся к нашему лагерю не разрешалось работать вне лагеря. Начальник блока в котором мы проживали

---

¹⁴⁰ Доротея Бинц (1920 — 1947) — надзирательница концентрационного лагеря Равенсбрюк, нацистская преступница. Казнена за приговору британского суда.

запретил под угрозой смертной казни покидать лагерь. Вот почему мы знали, что это неправда. Мы не хотели, чтобы наших товарищей уводили из блока. Пришла полицейка, и помощники, надзиратели и с ними Бинц. Нас вывели из блока на улицу. Мы выстроились там в линию из 10 и Бинц сама зачитала имена 10 девушек. Когда они отказались, потому что боялись новых операций и не хотели проходить новые операции, она сама дала честное слово о том, что не будет операций и она сказала, чтобы они следовали за ней.

Мы остались стоять перед блоком. Затем несколько минут спустя наши товарищи прибежали к нам и сказали, что вызвали эсэсовцев для того, чтобы согнать их. Прибыла лагерная полиция и построила наших товарищей в линию. Нас заперли в блоке и закрыли ставни. Мы 3 дня находились без воды и без свежего воздуха. Нам не давали передач, приходивших тогда в лагерь. В первый день пришли комендант лагеря и Бинц и произнесли речь. Комендант лагеря сказал, что у него никогда не было бунтов, и что за этот бунт последует наказание. Она поверила в то, что мы исправимся и что мы никогда не повторим это. Если бы это случилось снова, у неё были вооруженные эсэсовцы. Моя товарищ, которая знала немецкий, ответила, что мы не бунтовали, что мы не хотели оперироваться, потому что пять из нас умерли после операции и потому, что шесть были застрелены после сильных мучений. Тогда Бинц ответила: «Смерть это победа. Вы должны страдать ради этого и вы никогда не покинете лагерь» Три дня спустя, мы узнали о том, что наших товарищей прооперировали в бункере.

Харди: Итак, свидетель, сколько женщин, приблизительно были прооперированы в Равенсбрюке?

Джидо: В Равенсбрюке были прооперированы 74 женщины. Многие из них прошли операции.

Харди: Итак, вам сказали о том, что пятеро умерли в результате операций, это верно?

Джидо: Да.

Харди: И остальных шесть застрелили после операции, это верно?

Джидо: Да.

Харди: Вам известны те шестеро, которых застрелили, свидетель?

Джидо: Я не знаю.

Харди: Свидетель, кто-либо из жертв вызывался добровольцем на эти операции?

Джидо: Нет.

Харди: Кому-нибудь из них обещали свободу, если они согласятся на операции?

Джидо: Нет.

Харди: Когда вас оперировали, вы возражали?

Джидо: Я не могла.

Харди: Почему?

Джидо: Мне не разрешали говорить и на наши вопросы не отвечали.

Харди: Вы всё ещё страдаете от каких-либо эффектов в результате операции, свидетель?

Джидо: Да.

Харди: Вас, когда-либо просили подписать какие-либо бумаги в отношении операции?

Джидо: Никогда.

Харди: Когда вы окончательно покинули Равенсбрюк?

Джидо: 27 апреля 1945.

Харди: Вы когда-либо получали какое-либо лечение после того как покинули Равенсбрюк за прошедший год?

Джидо: Да.

Харди: Расскажите, какое лечение вы получили?

Джидо: Доктор Грузан в Варшаве пересадил сухожилия на моей ноге.

Харди: Когда он сделал это?

Джидо: 25 сентября 1945.

Харди: Вы носите, какие-либо специальные туфли, свидетель?

Джидо: Да, я должна их носить, но я не могу их купить.

Харди: Свидетель, чем вы занимаетесь? Вы работаете или какое у вас занятие?

Джидо: Я продолжаю обучение, начатое до начала войны.

Харди: Я понял. Я прошу свидетеля опознать фотографии.

Это документ НО-1082а, б и в. Я передам их трибуналу для вашего использования. Свидетель, эти фотографии были сделаны в Нюрнберге в последние день или два?

Джидо: Да.

Харди: Свидетель, будьте любезны снять носок и туфлю с вашей правой ноги, пожалуйста, и повернитесь боком к трибуналу, чтобы показать результаты операции? (Свидетель выполняет). Это всё свидетель, вы можете сесть.

У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Председательствующий: У защиты есть желание провести перекрёстный допрос?

Зейдль: Я не хочу проводить перекрёстный допрос свидетеля; однако, я не желаю, чтобы был сделан вывод о том, что мой клиент признаёт все заявления сделанные свидетелем.

Фрагменты допроса эксперта, доктора Лео Александра обвинением

Харди: Доктор Александер, вы осматривали госпожу Джидо до настоящего времени?

Александер: Да, сэр, осматривал, несколько раз в течение последних трёх дней.

Харди: Во время осмотра, вы делали рентгеновские снимки ног пациента?

Александер: Я делал, сэр.

Харди: Сейчас я представлю документ НО-1091, который является рентгеновским снимком свидетеля, госпожи Джидо. Мы передадим две копии трибуналу и одну копию генеральному секретарю. Доктор Александер, делая расшифровку этих рентгеновских снимков, вы любезно расшифровали эти рентгеновские снимки и затем повторили на немецком в интересах подсудимых?

Александер: Да, сэр.

Харди: Доктор, вы опознаёте эти рентгеновские снимки, которые содержит документ НО-1091?

Александер: Это рентгеновские снимки, которые включают нижние две трети бедренной кости, бедра, и коленного сустава и –

Харди: Я приобщаю эти рентгеновские снимки как экземпляр обвинения 215

.....

Харди: Доктор, эти рентгеновские снимки относятся к документу НО-1092?

Александер: Это документ НО-1091. Стрелка указывает на остеопорозную атрофию берцовой кости. Документ НО-1092 это рентгеновский снимок ноги. Он показывает малоберцовую кость, которая меньше двух крупных костей ноги, приблизительно в середине района упоминавшегося в скобках как «В». Сбоку, прямо у берцовой кости виден остеопериостит надкостницы. Данная группа отметин является особо сильной в небольшом районе который я отметил скобкой «А», которая обозначает небольшой район луча берцовой кости внутри крупного района расстройства отмеченного «В». Эта деформация является показательной и включает обычный неактивный стык, который в виду остеопериостита надкостницы вероятно являлся процессом остеомиелита. Однако, не имеется активного остеомиелита при осмотре правой ступни. На фотографиях 1093 и 1094, показаны артрозные изменения клиновидно-ладьевидных суставов с дистрофией суставов и возросшим маргинальным склерозом. На рентгеновском снимке он отмечен стрелкой указывающей на сустав. Остальные снимки аналогичные. Снимки оказались слишком тёмными, но они чётко показывают условия на плёнке.

Этот артрит возник из-за иммобилизации правой ступни. Косвенное воздействие на мышцы и в особенности паралич промежностного нерва. Очевидно артроз носит иммобилизационный характер который можно видеть при осмотре ступни пациента.

Харди: Доктор, вы можете установить из своего осмотра –

Александр: (Прерывая) 1094 – я упоминал его? – показывает тоже самое как 1093 в немного другом виде. Пометки являются одинаковыми для наиболее заметного артроза между клиновидно-ладьевидными суставами.

Харди: Доктор, по вашему мнению, согласно вашему осмотру пациента вы можете определить, какой была цель эксперимента?

Александр: Это выглядит как эксперименты с имплантацией высокозаразного агента, вероятно без добавления антибиотика, типа сульфаниламида, и по этой причине инфекция вышла из под контроля и стала очень обширной.

Фрагменты допроса подсудимого Гебхардта защитой

Зейдль: Эксперименты на польских заключенных проводились, таким образом, прежде всего, три серии экспериментов были проведены на трёх группах по 12 человек каждая. Это верно?

Гебхардт: Да. То, что я хотел решить посредством этой второй экспериментальной группы было задачей приказанной мне, а именно, протестировать предписанные лекарства. Этими экспериментами вызывая гангрену, я определенно надеялся, что если есть, что-либо ещё в сульфаниламидных веществах, в отношении которых у меня была причина для надежды, тогда преимущества связанные с тем или иным веществом стали бы видимы, и я бы мог прекратить эксперименты. Конечно, я не мог остановиться на начальном инструктировании. Я действительно должен был локализовать и определить инфекцию, и как международно установлено, а не изобретено нами, создав местное сопротивление – то есть, место минимального сопротивления – в которых бактерии сочетались с контактными веществами. Таким образом мы не добавляли грязь, стекло или землю; грязь в ране представляло стерильный стеклянный силикат; почва и текстиль которые следовало вводить в рану заменялись нами посредством стерильной, мелкоизмельчённой целлюлозы. Вам всем известно, что если вы порежетесь и нестерильный кусок стекла останется в ране, если не удалять его, она зарастёт со стеклом внутри без каких-либо сильных симптомов. Единственный эффект это катализация бактерий и местное нарушение кровотока, и возможный небольшой ущерб некоторым клеткам. Другими словами, мы создавали воспаление наиболее безопасным способом для такого эксперимента.

Это является неоспоримым научным ходом мысли в данной сфере. Мы просто действовали таким образом и дополнительно, мы давали наш сульфаниламид или зейбазол 1, элетрон и нитрон. Однако два контрольных лица, не получали защиты, потому что они получали уход давно устоявшимся образом.

Итак, не предполагайте, что я знаю схему или что существует некая схема относительно обеспечения используемым сульфаниламидом. Схема всегда является плохим делом в медицине, потому что она уже не оригинальна. Однако, одна вещь характерна для сульфаниламида и это то, что вы можете дать большую дозу в начале, и есть вопрос правильно ли применять его местно или оставлять открытым. Кто-то может мешать его, кто-то ещё может иметь разную комбинацию и так мы и делали это. Я был бы плохим учёным если бы я записал для вас теперь, то что я точно знал о том, что всем им нужно давать на третий день, или что они все то или это. Конечно, в заявлении Томаса говорится прямо, что любая заготовленная таблица назначений является ошибочной, и что мы не могли предписать правильный путь для применения этих веществ. Было совершенно ясно, что сульфаниламиды производили сильное впечатление, и даже в первой группе, нас поражали некие результаты, которые были полезны для идеи как таковой, но не для практических целей. Среди прочего мы немедленно и одновременно впрыскивали смесь бактерий с порошком сульфаниламида в рану. Это было единственным исключением сделанным для первой группы и это не дало вообще никаких результатов. Итак, если бы я был плохим учёным, тогда я бы предположил, что это сам по себе успех. Независимо от того был бы это ультрасепсис или порошок, я был бы удовлетворён, и я бы сказал: «Каждый теперь должен носить с собой мешочек с сульфаниламидом и всыпать порошок в рану немедленно, потому что мы знаем, что если одновременно ввести в рану – бактерии и вещество – тогда воспаления не возникнет». Только полный невежда об условиях ранения и военных условиях может занимать такую точку зрения. Недостаток мешочка с сульфаниламидом заключается в том, что человек которого тяжёло ранили ничего не может сделать. Конечно, с другой стороны, точка зрения в том, что поверхность раны можно было легко засыпать, но конечно не на всю глубину раны, и мы точно знали, что сульфаниламиды, при неправильном применении, таким образом причиняли травмы.

Зейдль: Вторая группа включала 36 женщин, 3 раза 12 женщин?

Геххардт: Да. Инфекция плюс контактные материалы.

Зейдль: Это правда, что главный врач СС, доктор Гравиц, 3 сентября 1942, инспектируя Равенсбрюк, требовал, чтобы экспериментальные условия должны были быть более тяжёлыми с целью создания условий похожих на боевые?

Геххардт: В начале сентября, на основании моего отчёта, я был вызван к Гравицу для отчёта о результатах, которых можно ожидать. Гравиц, и как объясню позднее, Штумпфеггер¹⁴¹, прибыли ко мне в начале сентября. Поскольку Гравиц прибыл в Равенсбрюк я появился в тот же день, для того, чтобы Фишер мог продемонстрировать пациентов под моей защитой. Вот такое впечатление вероятно и создано из показаний свидетелей; они должны были ждать, и тогда я говорил: «Это пациенты, которых я прооперировал». Я следовал такому же описанию каждый раз. Гравиц смог подтвердить мне, что эффекты были ограниченными и не несли военного характера. И он смог подтвердить мне, что я не получил чёткой медицинской информации, только предположения, и итоговых клинических результатов вероятно можно было ожидать после хирургии дома. По другой причине, которую можно видеть из документов, аргумент стал достаточно жестоким. Гравиц обратился к Фишеру, который представлял ему истории болезни. В любом случае он тогда, к сожалению сказал, что следует быстро выяснить и чтобы были созданы раны похожие на боевые, то есть, пулевые ранения инфицированные землей и материей. Конечно, я не принял эти условия и нашёл другой способ проводить эксперименты своими руками, используя все предосторожности, можно было добиться высокого инфицирования, и такие болезни могли оставаться под моим контролем. Я не хотел сдаваться и сказал: «Я не сделал вывода», соответственно настояв на даче разрешения для ран похожих на боевые раны причинённые где-то. И таким образом мы пришли к идее о пережимании артерий третьей группы, что также является обычным при получении местного сопротивления в международной экспериментальной технике.

Зейдль: Значит, вы не исполнили приказ?

Геххардт: Нет.

Зейдль: Тогда, как продолжались эксперименты для создания сильных воспалений похожих на военные раны.

Геххардт: Мы следовали старой технике, инфузии, то есть разреза с внешней стороны икры вдалеке от сустава, где не было давления, и где гипс не причинял боли. Другими словами, мы выбрали наиболее подходящее место согласно всем медицинским соображениям. Затем мы помешали инфекцию в место в котором замедлялась циркуляция крови.

.....

¹⁴¹ Людвиг Штумпфеггер (1910 — 1945) — немецкий хирург, оберштурмбаннфюрер СС. Сопровождающий врач Адольфа Гитлера. Покончил жизнь самоубийством во время попытки выйти из Берлина с М. Борманом.

Зейдль: Что вам известно о смертях, и почему не производилось ампутации в этих случаях?

Гехардт: Мне кажется, что я могу очень хорошо вспомнить три смерти. Но я помню только три – я всегда свидетельствовал об этом – при всех этих вещах, что происходили и пациентах за которыми ухаживали. Не было того, чтобы я или Фишер забывали про ампутацию, и точно неправда, что ампутация может сохранить жизнь пациента во всех случаях гангрены. Насколько я помню истории болезней, наиболее серьезные пациенты имели сильный абсцесс на бедре. Инфекция на икре и абсцесс на бедре – что я мог ампутировать? Можно ампутировать, когда инфекция ограничивается бедром. У нас не было таких случаев, потому что мы ограничивали инфекцию тем местом в котором хотели, но мы не могли предотвратить её распространение на другое место и её перенос по кровеносным сосудам, как иногда случается. Существует инфекция вен и тогда пациент внезапно умирает, и есть определенный риск при проведении операции, потому что сила сопротивления находится на пограничной черте, висит на волоске. Если мы проводили такие большие операции для спасения жизни пациента, тогда вы можете полагать, что мы бы провели ампутацию, или вы полагаете, что хирург с моим опытом, не знал как надо ампутировать? К сожалению, это первая вещь которой учат в военное время такого хирурга как Фишер, вовремя ампутировать.

Насколько я помню, смерти происходили из-за железистого абсцесса, воспаления вен, воспаления кровеносных сосудов и один умер от общего заболевания, несмотря на все переливания. Это случается при инфекции, когда нет возможности остановить инфекцию местной хирургией. Но нельзя делать вывод о том, что любые медицинские меры которые следовало предпринимать не соблюдались, просто потому, что посмотрев на историю болезни с расстояния нельзя решить о том, что в такой-то момент пациента следует оперировать. Я убеждён в том, что в этих трёх случаях, о которых Фишер точно докладывал мне, которые я видел, и в которых обсуждалась терапия, мы точно ничего не забыли. По-человечески говоря мы делали то, что считали необходимым.

Я хотел опубликовать эти результаты или доложить о них публике с самого начала. Поэтому было очевидно, с самого начала, если вы не предполагаете, что у меня были какие-нибудь человеческие и хирургические мотивы, я делал всё для того, что опубликовать результаты.

6. Эксперименты с костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Ростоку, Гебхардту, Рудольфу Брандту, Оберхойзер и Фишеру вменялась особая ответственность и соучастие в преступном деянии включающем эксперименты с костной, мышечной и нервной регенерацией и экспериментами по костной трансплантации (пар. 6 (Ё) обвинительного заключения. Во время процесса, обвинение отозвало обвинения в отношении Рудольфа Брандта. По данному обвинению были признаны виновными подсудимые Гебхардт, Оберхойзер и Фишер, а подсудимые Карл Брандт, Хандлозер и Росток были оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительного обзора против подсудимого Гебхардта

Эксперименты по костной, мышечной и нервной регенерации и костной трансплантации

Эти эксперименты проводились в концентрационном лагере Равенсбрюк в тот же период времени и с той же группой польских заключенных как и в экспериментах с сульфаниламидом.

Подсудимый Фишер сделал следующее заявление об этих экспериментах в своих письменных показаниях:

«После прибытия доктора Штумпфеггера из главной штаб-квартиры осенью 1942, профессор Гебхардт заявил перед некоторыми сотрудниками, что он получил приказы продолжать в большой степени тесты в Равенсбрюке. В данной связи, вопрос пластической хирургии был бы интересен после конца войны. Доктор Штумпфеггер предположительно предлагал протестировать трансплантацию костей. Поскольку профессор Гебхардт знал, что я работаю над своей диссертацией о регенерации тканей в университете, он приказал мне подготовить хирургический план для таких операций, которые, после их одобрения должны были быть немедленно мной проведены. Более того, доктору Коллеру и доктору Рейсмайеру было приказано провести свою серию экспериментов. Профессор Гебхардт также рассматривал план сформировать основу для операционной техники по ремобилизации суставов. Кроме

вышеуказанных, доктора Шульце и Шульце-Хаген участвовали в этом совещании.

«Поскольку я знал Равенсбрюк мне приказали представить новых докторов лагерному врачу. Мне особо было приказано помогать доктору Штумпфеггеру, поскольку, в качестве врача штаба Гимmlера он бы вероятно отсутствовал время от времени.

«Я выбрал регенерацию мышц по единственной причине, потому что разрез необходимый для такой задачи был бы самым маленьким. Операция проводилась как следующая:

«Эвипан и эфир использовались в качестве анестезии, и 5 сантиметровой продольный разрез делался с внешней стороны верхней части ноги. После разрезания связки, участок мышц удалялся в размере кончика маленького пальца. Связка и кожа зашивались согласно обычной технике асептической хирургии. Затем накладывался гипс. После 1 недели рана на коже раскрывалась при таких же условиях наркоза, и часть мышц вокруг района удалялась. Затем связка и разрезанный участок кожи иммобилизовывались гипсом» (НО-228, экз. обв. 206).

Ответственность подсудимого Гебхардта за эти эксперименты также подтверждается письменными показаниями Оберхойзер. Она заявила:

«Эксперименты с костной трансплантацией проводились, насколько я помню, в конце 1942 и начале 1943 доктором Штумпфеггером в Хохенлихене. Я помогала Штумпфеггеру таким же образом как помогала доктору Фишеру в экспериментах с сульфаниламидом, и как я уже описывала в параграфе 4 настоящих письменных показаний. Перед операцией я должна была обследовать, как и в других случаях, состояние здоровья отобранных лиц. Операции включали удаление и трансплантацию участка кости из берцовой кости. От пятнадцати до двадцати лиц использовались для этих экспериментов».

«Лица необходимые для этих экспериментов запрашивались доктором Шидловски у коменданта лагеря».

«Доктор Карл Гебхардт являлся ответственным за эксперименты с сульфаниламидом и трансплантацию костей. Я не знаю сам ли он проводил операции такого типа. Но я знаю, что все эти эксперименты проводились под его руководством и надзором и с его инструкциями. Ему ассистировали уже упомянутые доктора, доктор Фишер и доктор Штумпфеггер и

также доктора Шидловски и Розенталь. Также только здоровых польских заключенных использовали для этих экспериментов».

«Я не могу вспомнить, чтобы хотя бы один подопытный был помилован после завершения экспериментов» (НО-487, экз. обв. 208).

Свидетель Мачка, выпускник медицинской школы университета Кракова и практикующий врач, свидетельствовала о том, при исполнении своих обязанностей как рентгенолога в концентрационном лагере Равенсбрюк у неё была возможность наблюдать приблизительно 12 случаев в которых экспериментальные операции проводились на костях заключенных. Было три рода операций – переломы, костная трансплантация и дробление костей. Некоторых польских девушек оперировали несколько раз. В случае Кристины Дабской, Мачкой делались рентгеновские снимки обеих ног и оказывалось, что небольшие фрагменты малоберцовой кости были удалены. В случае одной ноги также была удалена надкостница. София Бай была прооперирована похожим образом. Янина Марчевская и Леонарда Бин подверглись экспериментам с костными экспериментами. Берцовая кость была сломана в нескольких местах и в случае одной из девушек применялись скобы в то время как в других случаях нет. Эти операции затрудняли передвижения прооперированных девушек. Операции с костными разрезами проводились на Барбаре Питчук, польской девушке 16 лет. Её оперировали шесть раз. Во время первой операции разрезы были сделаны на обеих берцовых костях. Во время последней операции части берцовой кости отрезались в местах предшествующих разрезов. Мачка делала рентгеновские снимки берцовой кости, которые были удалены. В результате этих костных операций, Мачка наблюдала развитие двух случаев остеомиелита, у Марии Грабовской и Марии Кабай.

Была проведена достаточно большая группа мышечных экспериментов. Здесь снова множественные операции проводились на одном и том же подопытном. Гледжовскую оперировали наиболее часто. Во время первой операции некоторые мышцы были удалены и во время последующих операций отрезались дополнительные части, всегда в одном месте, таким образом, что ноги истончались и слабели всё время.

Трансплантация всей конечности от одного лица к другому также проводились. Мачка свидетельствовала о том, что приблизительно 10 умственно отсталых заключенных были выбраны, взяты из госпиталя и подготовлены к операции. Она лично знала о том, что по крайней мере прооперировали. В одном случае была ампутация ноги. После этой операции, подопытного убивали и помещали в морг. Мачка могла наблюдать тело и видела, что у него была только одна нога. Во втором случае сумасшедшую женщину оперировал доктор Фишер.

Покидая операционную, он нёс с собой свёрток размером с руку. Он унёс его с собой. Тюремная медсестра, Кверхайм, проинформировала Мачку, что вся рука с лопаткой была удалена у женщины.

Ампутация руки и лопатки упомянутые доктором Мачкой очевидно относятся к трансплантации проведенной на пациенте Ладиш в Хохенлихене. Об этом подсудимый Фишер в своих письменных показаниях сказал следующее:

«Ученик Лексера, Гебхардт уже давно запланировал свободную гетеропластическую трансплантацию кости. Несмотря на тот факт, что некоторые из его сотрудников не соглашались, он решился провести такую операцию на пациенте Ладиш, чей плечевой сустав был удалён из-за саркомы.

«Я и мои медицинские коллеги заявляли профессиональные и человеческие возражения до вечера проведения операции, но Гебхардт приказал нам проводить такие операции. Доктор Штумпфеггер, в чьей сфере деятельности находилась такая операция, предложил провести удаление лопатки в Равенсбрюке и уже провёл для этого начальные приготовления. Однако, из-за того, что профессор Гебхардт попросил доктора Штумпфеггера ассистировать в самой пересадке плеча пациенту Ладиш, мне было приказано ехать в Равенсбрюк и провести операцию по удалению тем же вечером. Я попросил докторов Гебхардта и Шульце точно описать мне технику, которую они от меня хотели. На следующее утро я поехал в Равенсбрюк после чего мне дали новую установку по телефону. В Хохенлихене я уже провёл обычные приготовления к операции, а именно прочистку, и т.д., взял лишь пальто и поехал в Равенсбрюк и удалил кость.

«Лагерный врач, который ассистировал мне в операции продолжил с ней, в то время как я вернулся в Хохенлихен как можно быстрее с костью которая должна была быть пересажена. Таким образом период между удалением и пересадкой был сокращён. В Хохенлихене кость была передана профессору Гебхардту, и он совместно с доктором Шульце и доктором Штумпфеггером, пересадил её». (НО-228, экз. обв. 206).

Гебхардт признал, что он совместно с Штумпфеггером, лично проводил операцию по пересадке кости Ладиш. Он далее показал, что Фишер лишь удалил лопатку, у польской заключенной в Равенсбрюке. Невозможно поднять руку в горизонтальное положение если была удалена лопатка. Гебхардт также признал, что

Штумпфеггер докладывал ему об экспериментах с костями в концентрационном лагере Равенсбрюк.

Письменные показания Густавы Винковской согласуются с показаниями Мачки о пересадке целых конечностей и подтверждают, что позднее подопытных убивали. (НО-865, экз. обв. 231).

Свидетель Каролевская являлась подопытной как в экспериментах с сульфаниламидом так и с костями. Её оперировали в целом шесть раз. Первая операция была проведена 14 августа 1942 Фишером. Гебхардт инспектировал её уже в сентябре. Её отправили в свой блок 8 сентября 1942, но она не могла ходить и оставалась неделю в кровати. 16 сентября 1942 её снова забрали из госпиталя и Фишер прооперировал её второй раз. Она покинула госпиталь 6 октября 1942 и оставалась в постели несколько недель. Её нога не восстанавливалась до июня 1943. Она написала письменный протест коменданту лагеря, совместно с другими подопытными в феврале 1943. В августе 1943 она была буквально силой прооперирована в бункере Равенсбрюка. Обе её ноги были разрезаны. Эти операции проводились на пяти других польских девушках в неопишимо антисанитарных условиях. 15 сентября 1943 доктором в Хохенлихене на её правой ноге была проведена операция. Две недели спустя её левая нога была прооперирована и были удалены части её большеберцовой кости. Она оставалась в госпитале 6 месяцев – до конца февраля 1944. Каролевская опознала подсудимых Гебхардта, Фишера и Оберхойзер как принимавших участие в экспериментах над ней.

Подсудимый Фишер участвовал в этих экспериментах как минимум до 23 февраля 1943. В эту дату он провёл операцию на Софии Бай. (НО-871, экз. обв. 227).

Наиболее омерзительная серия операций проводилась в августе 1943 в бункере. Отобрали польских девушек которые бунтовали и отказывались являться в госпиталь. Блок барака в котором они забаррикадировались был окружён мужчинами-охранниками, которые насильно сопроводили их в лагерную тюрьму, известную как бункер, в которой они охранялись этими мужчинами-охранниками, и им насильно была дана анестезия без предоперационного ухода, при том, что их тела находились в грязи из-за ходьбы по лагерю. Подопытная Пьяческа заявила следующее в письменных показаниях:

«Я сопротивлялась и ударила Троммеля в лицо и назвала его бандитом. Он позвал нескольких мужчин эсэсовцев, которые бросили меня на пол и удерживали меня, пока мне сыпали эфир на лицо. Маски не было. Я боролась и сопротивлялась пока не потеряла сознание. Я была полностью одетой и мои ноги были в грязи от ходьбы по лагерю. Насколько мне известно мои ноги не помыли. Я видела свою сестру без

сознания на носилках, которая рвала слизью». (НО-864, экз. обв. 229).

Пьяческа заявила о том, что данная операция проводилась доктором Вилльманом, который был ассистентом доктора в Хохенлихене. Несколько недель спустя двое других ассистентов доктора Гебхардта прибыли и прооперировали её правую ногу. (НО-864, экз. обв. 229).

В своих показаниях Гебхардт пытался отделить себя от этих экспериментов. Однако он признал, что он получал информацию от Штумпфеггера об этих экспериментах. Штумпфеггер являлся бывшим ассистентом Гебхардта и он оставался в Хохенлихене во время хода экспериментов. Фишер ассистировал Штумпфеггеру и Гебхардту. Письменными показаниями Фишера далее установлено, что план экспериментов был разработан при сведениях и одобрении Гебхардта.

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Гебхардта

Эксперименты с костной, мышечной и нервной регенерацией и пересадкой костей

Подсудимый Гебхардт также обвинён в обвинительном заключении в особой ответственности в экспериментах чей предмет соответствует обвинительному заключению об условиях при которых происходит регенерация костей, мышц и нервов и в каких условиях возможна пересадка костей.

В отношении общих причин, почему существует вопрос вины, я сошлюсь на заявления уже сделанные в связи с экспериментами с сульфаниламидом. Эти эксперименты также, были вызваны условиями войны и открывали новые пути лечения раненых лиц.

Однако, доказательства показывают, что подсудимый Гебхардт, за единственным исключением не имел никакого отношения к этим экспериментам. Эти эксперименты, поскольку постольку они касались регенерации и пересадки костей, проводились штурмбаннфюрером СС, доктором Штумпфеггером. Верно то, что доктор Штумпфеггер был ассистирующим доктором в Хохенлихене до войны и в этой степени подчинялся главному врачу, доктору Гебхардту. Однако, доктор Штумпфеггер ушёл в начальные годы войны, и в 1942 стал консультирующим врачом рейхсфюрера СС Гимmlера и позднее консультирующим врачом Гитлера. Эксперименты, проводимые им в Равенсбрюке проводились под его

ответственность и по прямым приказам рейхсфюрера СС Гимmlера. Доктор Штумпфеггер тогда не находился ни в военном ни в медицинском подчинении подсудимого Карла Гебхардта. В остальном, доктор Штумпфеггер ограничивал себя в проведении экспериментов удалением и пересадкой так называемых костных лучей, точное количество которых уже не установить, но которые точно не превышали шести или семи. Это были асептические операции, которые не представляли угрозы жизни подопытных. Доказательства показывают, что подопытные у которых были удалены костные лучи не пострадали от снижения функций своих конечностей. Кроме этого, изучение процесса трансплантации костей принесло научный результат, которого нельзя было получить экспериментами на животных, в силу разницы в регенерации участков вызываемых расположением различных организмов и по другим причинам приведённым Гебхардтом.

Далее доказательства показывают, что подопытные являлись членами движения сопротивления, которых приговорили к смерти и которым таким образом была дана возможность получить помилование, и таким образом избежать казни. В виду факта, что никакой прямой ответственности за эти эксперименты не падает на подсудимого Гебхардта, не требуется вдаваться в цель этих экспериментов в настоящее время. Однако, следует подчеркнуть, ещё раз, что эксперименты открывали новые возможности в военной хирургии и восстановительной хирургии раненых. В 1944, доктор Людвиг Штумпфеггер опубликовал результаты своих экспериментов в хирургическом журнале редактором которого был гехаймрат доктор Зауэрбрух (т. 259, номер 9-12) и данная статья также была доступна публике в форме книги. Я представил суду (Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 6, экз. Гебхардта, Фишера, Оберхойзер 9) обзор данной работы в журнале «Клиника и практика» от февраля 1946 и я ссылаюсь на него для подробностей.

Подсудимый Карл Гебхардт точно бы без промедления признал свою ответственность за эти эксперименты, если бы он действительно был с ними более близко связан, и если бы эксперименты проходили по его приказу или под его медицинским надзором. Была бы самая маленькая причина отрицать ответственность, поскольку эксперименты совершенно не носили опасности; они не приводили к снижению функций конечностей, и более того, не случалось смертельных случаев. Более того, соответствуя общей практике в Германии, работа доктора Штумпфеггера находясь в научной ответственности подсудимого Гебхардта стала бы публичной если бы он прямо был связан с экспериментами и если бы они проводились под его научным надзором. Никакие доказательства не подтверждают, что какие-либо эксперименты в связи с мышечной или нервной регенерацией

проводились под научным надзором и по приказу подсудимого Гебхардта. Ещё сомнительнее выглядит то, что такие эксперименты, когда-либо проходили в Равенсбрюке. Свидетели вызванные в суд не смогли сделать никаких заявлений о данном вопросе и можно принять того, что подсудимый Карл Гебхардт не имел никакого отношения к этим экспериментам. Не было смысла проводить такие эксперименты, так как задолго до войны, хирургическая техника уже развила научные принципы и являлась системой. Она охватывала пластическую хирургию, костную регенерацию, но не выступала за произвольную трансплантацию.

Единственной новой сферой научных исследований принятой доктором Гебхардтом во время войны было то, что эти эксперименты были связаны с нервной регенерацией. Однако, эти эксперименты проводилась на животных по специальному приказу и под научным надзором самого подсудимого Гебхардта. Тут я сошлюсь на письменные показания данные свидетелем Кёстлером (Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 22, экз. Гебхардта, Фишера, Оберхойзер 21) и Брюннером (Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 21, экз. Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 20), и по заявлениям сделанным самим подсудимым Гебхардтом. Далее я ссылаюсь на отчёт третьей сессии консультирующих специалистов 24-26 мая 1943 (Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 3, экз. Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 10) которые я представил в суде и которые подтверждают, что во время сессии он сам и вышеупомянутый свидетель, доктор Кёстлер, говорил о пересадках в случаях нервного паралича. Это тот же отчёт на который свидетель, доктор Кёстлер сослался в своих письменных показаниях 27 февраля 1947.

Далее, я желаю обратить внимание суда на лекцию прочитанную подсудимым Гебхардтом в том же самом отчёте «Гимнастическая терапия и мобилизация суставов», которая также основывалась на клиническом опыте в Хохенлихене и также вообще не имела никакого отношения к экспериментам на людях. Доказательства подтверждают, что подсудимый Гебхардт занимался трансплантацией кости только в одном случае. Данный эксперимент являлся свободной пересадкой лопатки от одного лица другому. Подсудимый Гебхардт дал подробные показания по данному предмету и я ссылаюсь на его заявление по данному предмету. В целом, следует добавить следующее: свободная пересадка костей от одного лица другому является одной из важнейших проблем восстановительной хирургии который ещё не решён. Десятилетия, врачи пытались найти решение данной проблемы. Уже в конце первой мировой войны, гехаймрат Лексер, великий учитель подсудимого Гебхардта, проводил эксперименты в похожих чертах в 23 случаях, планируя заменять полностью разрушенные кости. Ужасные увечья который случались во время второй мировой войны обострили

данную проблему и поэтому, понятно, что в виду прогресса, доктор Штумпфеггер проводил свои исследования, рейхсфюрер СС приказал приспособить эти исследовательские результаты к прямой трансплантации костей. Подсудимый Гебхардт сам не предпринимал каких-либо шагов в данном направлении. Он сам заявил о своём фундаментальном отношении к данному вопросу и я сошлюсь на его заявления. Только в одном случае он давал своё одобрение, так: когда доктор Штумпфеггер проводил эксперимент о пересадке лопатки. Приказ сделать это был отдан рейхсфюрером СС. Данный эксперимент был оправдан в этом отдельном случае, так как он проводился на пользу пациента находившегося в серьезной опасности. Подопытный у которого удалили лопатку также являлся членом движения сопротивления и она также, таким образом избежала казни. Более того, данная лопатка была ограничена в своих функциях.

.....

Перевод документа НО-875
Экземпляр обвинения 230

Письменные показания госпожи Зденки Недведовой-Недели¹⁴², д.м.н., Прага, об экспериментальных операциях проводимых на знакомых заключенных в концентрационном лагере Равенсбрюк

1. Я, Зденка Недведова-Неделя, д.м.н. прибыла в концентрационный лагерь Равенсбрюк на транспорте из Аушвица 19 августа 1943, и я работала в госпитале как доктор-заключенный с сентября 1943 по 30 мая 1945. В начале я работала в отделении заразных заболеваний на станции № 1 и в амбулатории. Кроме этого, я была ответственной за блок питания с осени 1944 до мая 1945.

2. Из жертв экспериментальных операций, я лично ухаживала за Еленой Пьяческой, которая страдала от хронического остиомиелита после завершения операции на обеих большеберцовых костях. Я знала, что эти операции проводились под надзором доктора Фишера, и женщины доктора Оберхойзер, из госпиталя СС в Хохенлихене, но я не знаю, кто из них оперировал Пьяческу. Операция проводилась в «бункере», лагерной тюрьме, в которой отсутствовали даже самые примитивные санитарные условия и даже средства дезинфекции. Её общее состояние было

¹⁴² Зденка Недведова-Неделя (1908-1998) – чешский педиатр.

хорошим, но дефект с обеими костями сделал её инвалидом на всю жизнь. До операции Пьяческа была полностью здоровой.

3. Все женщины на которых проводились экспериментальные операции помещались в один блок и их все знали как «кроликов», поэтому я видела эффект операций на тех женщинах которые их пережили. В каждом случае укорачивались конечности, возникала сильнейшая мышечная атрофия, подтверждающая сильное повреждение нервов во время операций и глубокие бороздчатые шрамы из которых выпирали части мышц.

3. Из скудных сообщений медсестёр без какой-либо подготовки, я попыталась восстановить тип экспериментальных операций.

а. Культура вирулентных бактерий (стрептококки, стафилокок, может быть столбняк и газовая флегмона) вводилась подкожно, внутримышечно, и даже напрямую в кости. Это были попытки экспериментально воспроизвести остиомиелит. Возникший сепсис ежедневно изучался анализами крови и мочи для проверки эффективности новых медикаментов группы сульфаниламидов.

б. Части длинных костей, до 5 сантиметров (малая и большая берцовые кости), удалялись и в некоторых случаях заменялись металлом или оставались несвязанными. Эти операции, вероятно, подтверждают неспособность кости расти без надкостницы.

в. Проводились ампутации; например даже все руки с лопатками или ноги с подвздошной костью. Эти операции проводились по большей части на безумных женщинах которых немедленно убивали после операции, быстрой инъекцией эвипана. Все образцы полученные в операциях аккуратно заворачивались в стерильные бинты и немедленно перевозились в госпиталь СС поблизости (видимо Хохенлихен), где их использовали с целью лечения конечностей раненных немецких солдат.

5. Операции проводились на 1 югославке, 1 чешке, 2 украинках, 2 немках и приблизительно 18 полячках, из которых 6 силой прооперировали в бункере с помощью мужчин эсэсовцев. После операций, никто за исключением медсестёр СС не допускался к прооперированным, все ночи они лежали без какой-либо помощи и не разрешалось назначать седативные препараты даже против наиболее сильных постоперационных болей. Из прооперированных лиц, 11 умерло или было убито, и 71 остались инвалидами на всю жизнь.

6. Отчет, упоминавшийся в параграфах с 3 по 5 был подготовлен на основе доказательств данных мне в Равенсбрюке осенью 1943 знакомыми заключенными: Софией Мачкой, д.м.н., Польша; Изой Сичинской, студентом-медиком, Краков, Польша; Йолой Кржыжановской, студентом-медиком, Краков, Польша; Крисой

Иванской, студентом-медиком, Краков, Польша; Эмилией Скрыбковой, студентом медиком, Прага, Чехословакия и Инкой Катнаровой, д.м.н., Градец Кралове, Чехословакия.

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-861
Экземпляр обвинения 232

**Письменные показания Софии Мачки от 16 апреля 1946 об
экспериментальных операциях на заключенных концентрационного лагеря
Равенсбрюк**

.....

Информация об экспериментальных операциях которые проходили в концентрационном лагере Равенсбрюк.

Операции проводились в период между летом 1942 и летом 1943. Операции проходили в лагерном госпитале, под руководством профессора, доктора Гебхардта, бригадефюрера СС. Профессор Гебхардт являлся главой санатория Хохенлихена (Мекленбург). Операции проводились с помощью доктора Фишера, который являлся ассистентом профессора Гебхардта. Также был и другой ассистент чье имя я не знаю. Следующие доктора участвовали в этом вопросе: доктор Герта Оберхойзер, доктор Рольф Розенталь, доктор Шидловски; все немецкие медсестры которые работали там и двое немецких заключенных, Герда Кверхайм и Фина Путц предоставляли помощь. Польские политические заключенные в превентивном заключении, из транспортов Варшавы и Люблина, насчитывающие 74, были выбраны жертвами. Все из кого отобрали, были молодыми, здоровыми и хорошо сложенными женщинами. Многие были студентками техникумов или университетов. Самой молодой было 16 лет, самой старшей 48 лет. Операции проводились для научных целей, но не имели никакого отношения к науке. Они проводились в ужасных условиях. Доктора и ассистенты не были медицински подготовлены. Условия были ни асептическими, ни гигиеническими. После операций, пациентов оставляли в шокирующих палатах без медицинской помощи, без ухода или надзора. Перевязки проводились по желанию докторов

нестерилизованными инструментами и компрессами. Доктор Розенталь, который проводил больше всего перевязок, был превосходен в садизме. Летом 1943 прошли последние операции в «бункере». «Бункер» это название ужасной тюрьмы в лагере. Жертв забирали, потому что они сопротивлялись и там в подвале оперировали их грязные ноги. Такой была «научная атмосфера» в которой проводились «научные» операции.

Все операции проводились на ногах и все под анестезией. Операции подразделялись на две крупных группы:

1. Операции для инфицирования пациентов.
2. Экспериментальные асептические операции.

Мягкие ткани икры ноги открывались и открытые раны инфицировались бактериями, которые вводили в раны. Использовались следующие: золотистый стафилококк, газовый отёк (*clostridium oedematis maligni*), бациллы газовой гангрены (*clostridium perfringens*) и столбняк. Вероника Краская была инфицирована столбняком. Она умерла спустя несколько дней. Казимира Куровская была инфицирована бациллой газовой гангрены; она умерла спустя несколько дней. Следующих инфицировали газовым отёком: Анилу Лефанович, Софию Кичол, Альфреду Прус и Марию Кучьмерчук. Первые три умерли спустя несколько дней; Мария Кучьмерчук пережила инфекцию. Она лежала болела более года и стала калекой, но она жива и является живым доказательством экспериментов. По большей части использовались бактериальные стимулянты. Раны зашивались после инфицирования и начиналась серьезная болезнь. Многие пациенты болели месяцами и почти все стали калеками.

Почему профессор Гебхардт, при своём образовании, проводил эти эксперименты? Для тестирования новых веществ германской фармацевтической промышленности; по большей части использовались цибазол и альбуцид. Даже столбняк лечили таким образом.

Результаты лечения не контролировались, или же если он и был, это делалось настолько неадекватно и поверхностно, что не имело значения.

Асептические, экспериментальные операции включали костные эксперименты, мышечные эксперименты и нервные эксперименты.

Костные эксперименты контролировались рентгеновскими снимками. Как техник я делала все рентгеновские снимки. Таким образом мне предоставилась возможность узнать о данном предмете. Проводилось следующие: (а) ломание костей; (б) костная трансплантация; (в) пересадка костей.

а. На операционном столе нижние части обеих ног разбивались на несколько частей молотком, позднее они соединялись скобами (например Янига

Марчевская) или без скоб (как например Леонарда Бин) и помещались в гипс. Этот гипс снимали спустя несколько дней и ноги оставались без гипса до излечения.

б. Трансплантации проводились обычным образом, за исключением того, что все осколки малой берцовой кости отрезались, иногда с надкостницей, иногда без надкостницы. Наиболее типичной операцией такого рода была проведённая на Кристине Дабской.

в. Пересадка костей. Эти операции были школой профессора Гебхардта. Во время подготовки операции два костных луча помечались на большой берцовой кости обеих ног; во время второй операции такие костные лучи отрезались совместно с примыкающими костями и забирались в Хохенлихен. В качестве дополнения к операциям на костных лучах такие операции также проводились на двух заключенных в превентивном заключении, которые пострадали от деформации костей остеомиелитного типа. Эти двое не являлись поляками, одна из них была немкой, которая была свидетелем Йеговы, Марией Конвичкой, а другой была украинка, Мария Гречана. Интересно, что профессор Гебхардт понимал, как больные кости отреагируют на такую операцию.

Мышечные эксперименты включали много операций, всегда на одном и том же месте, верхней или нижней части ноги. При каждой дальнейшей операцией отрезались большие и большие мышцы. Однажды небольшой кусок кости был помещён в мышцы (это случилось с Бабинской). Во время операций на нервах части нервов удалялись (например у Барбары Питлевской).

Какую проблему профессор Гебхардт и его школа желали решить этими экспериментами? Проблему регенерации костей, мышц и нервов.

Это проводилось? Нет. Это вообще не проверялось или было недостаточно. Я не знаю, что делалось в Хохенлихене с этими фрагментами костей, мышц и нервов, которые отрезались и забирались туда.

Какой была судьба пациентов после выхода из госпиталя? Почти все пациенты стали калеками, и сильно пострадали от результатов этих операций. Даже более сильными были моральные пытки причиняемые ими поскольку они жили с убеждением, что их вообще застрелят с целью того, чтобы не было доказательств этих убийственных операций. Лагерные власти – комендант Зурен¹⁴³, адъютант Браунинг и главный надзиратель Бинц – давали понять своими приказами, чтобы жертвы не забывали о том, что их ждёт казнь. Между тем, шестерых пациентов застрелили после прохождения операций.

¹⁴³ Фриц Зурен (1908-1950) – комендант концентрационного лагеря Равенсбрюк в 1942-1945 гг. Был казнён по приговору немецкого суда.

.....

В качестве дополнения к этим операциям я представила описание «специальных операций» которые проводились одновременно.

Нескольких ненормальных заключенных (душевнобольных) отобрали и доставили на операционный стол, и провели операции всей ноги (у тазобедренного сустава), или другие, ампутации всей руки (с лопаткой). Потом жертв (если они всё еще жили) убивали посредством инъекций эвипана и ноги или руки забирали в госпиталь Хохенлихена и использовали для целей известных доктору Гебхардту. Приблизительно, было проведено десять таких операций.

За всё время проведения этих операций, я работала в госпитале и изучала вопрос рискуя своей жизнью, с идеей о том, что это является моим долгом, чтобы если я спасусь рассказать правду миру. Я завершаю своё заявление двумя вопросами: какого рода компенсацию может предложить мир тем кто прошёл эти операции? Какого рода справедливость имеет мир для тех кто проводил такие операции?

[Подписано] Доктор Мачка, София
Рентгенолог из Кракова.

Бывшая политическая заключенная
в превентивном заключении № 7403, в Равенсбрюке,
нахожусь в Стокгольме, Серафимерлазаретт, Рентген.

Стокгольм, 16 апреля 1946

Перевод документа Гебхард, Фишер, Оберхойзер 6
Экземпляр защиты Гебхард, Фишер, Оберхойзер 9

**Фрагмент из еженедельного журнала «Клиника и практика» для
практикующих врачей, относительно костной трансплантации**

Редакторы: доктор Герберт Фолькманн и доктор В.Е. Мертенс, Мюнхен 2,
Альфонсштрассе 1.

[страница 12]

Обсуждения и фрагменты

[страница 14]

Хирургия

Людвиг Штумпфеггер – Хохенлихен: свободная аутопластическая костная трансплантация при восстановительной хирургии конечностей – опыт и результаты.

В течение прошедших 10 лет, 471 свободная аутопластическая костная трансплантация была проведена в Хохенлихене. Недавние исследования чётко показали, что помимо остеопластической активности, метапластическое формирование новой кости происходило в ткани. Вновь сформированная костная трабекула между трансплантантом и старой костью начинает соединяться в костную ткань на седьмой неделе, и таким образом составляет трабекулу между пересаженной и оригинальной костью которые становятся единым целым на девятой неделе. После двенадцатой недели никакой старой кости не обнаруживается на всём участке изначальной пересадки, а только новая костная трабекула. На вопрос постоянного присутствия гематомы можно ответить таким образом: кровоизлияние, возникающее между трансплантантом и старой костью, и не подверженное давлению, представляет адекватную стимуляцию формированию зародышевой ткани, в то время как крупное кровоизлияние представляет негативную стимуляцию и допускает только рубцовую связь трансплантанта и дефективного отростка. Надкостница важна не более чем другие слои, при её трансплантации с костью, потому что в связи с костью она имеет остеогенетические характеристики, но это влияет на быстрое снабжение от окружения. Следует применять осторожную технику для сохранения тканевых слоёв, и следует останавливать кровотечение. Инородные тела из проволочных нитей удерживающие трансплантант обычно хорошо приспособляются к телу. Твёрдая фиксация в гипсе обеспечивает результат. Когда трансплантант взят, следует осторожно начинать медицинские процедур на третий или четвёртый месяц. Клиническое применение свободных костных трансплантаций обсуждается с помощью множества примеров и многих рентгеновских иллюстраций. Первая задача костного трансплантанта это соединить брешь в кости для предоставления достаточной поддержки дефективного отростка, и поэтому, она будет достаточно сильной. Костные лучи в нижней руке рентгенологически полностью изымаются спустя 1 – 1 ½ года, такие же в берцовой

кости после 1 ½ - 2 года. Свободный костный трансплантант, на некотором расстоянии от суставов, подтвердился как особо ценный при привычном смещении плеча и тазобедренного сустава. Дублирование костного ребра предотвращает кость от попадания в суставную полость. С течением лет, часть, находящаяся в мягких тканях значительно уменьшается, таким образом, что остаётся только небольшое костное ребро. Эффект трансплантанта на регенерацию поврежденного края суставной полости, таким образом предотвращает дальнейшее смещение. Костные трансплантанты на местах костей после удаления отростков подвергаются особым условиям. Феномен гиперемии в зоне края опухоли в форме слабого воспаления, возможно также является процессом ферментации, ускоряющим приживление трансплантанта сравнимое с процессом здоровой ткани. Рост местных процессов резорбции, происходящий со спонтанными фрагментами. В ранах которые залечиваются со сложностью с учётом гнойного воспаления, есть опасность того, что трансплантант будет отторгнут. Когда весь участок трансплантанта воспален, нельзя остановить общее отторжение. Если загноение остаётся локализованным, частичное отторжение трансплантанта следует ожидать. (Германский хирургический журнал, 1944, т. 299, X. 9-12. X. Флёркен-Франкфурт-на-Майне).

Перевод документа Гебхардт, Оберхойзер, Фишер 21
Экземпляр защиты Гебхардта, Фишера, Оберхойзер 20

Фрагмент из письменных показаний доктора Карла Фридриха Брюннера от 14 марта 1943 о научных экспериментах проводимых в клинике Хохенлихена

.....

Я могу заявить следующее относительно научных экспериментов в клинике: они соответствовали принципам клиники, и поэтому, начальник и его заместитель собирали научные результаты полученные в результате клинических наблюдений. Все отчёты на конгрессах и лекциях также как и публикации основаны на данных результатах. Научная работа и исследования естественно определялась наблюдениями сделанными на пациентах. В дополнение к этому, и с целью выяснить вопрос хирургического лечения нервных травм, проводились эксперименты на собаках в тесном сотрудничестве с Гебхардтом – сначала доктором Кёстлером в 1939-40, и позднее мной с 1943 до конца войны. Доктор Гебхардт приказал мне провести эксперименты на животных на кинологовической станции, которая находилась вне концентрационного лагеря Равенсбрюк, и меня строго

предупредили не вступать ни в какой контакт с самим лагерем. Эксперименты на животных продолжались до конца войны. Результаты так и не были опубликованы из-за условий войны.

.....

Относительно, доктора Штупфеггера, я могу заявить следующее, что он являлся ассистентом в клинике в мирное время, до моего прибытия. К началу войны в 1939 он вступил в Ваффен-СС, и затем, насколько мне известно, с 1942 до конца был сопровождающим врачом Гимmlера. Я не видел доктора Штумпфеггера до своего возвращения в Хохенлихен осенью 1943, и не имел никакой официальной связи с клиникой до конца войны, ни в военном ни в медицинском смысле. Он не докладывал о своём возвращении или отбытии главному врачу или его заместителю. Однако, его семья, всё ещё жила в Хохенлихена. Я всё ещё встречал его вне медицинской сферы. Я подчеркиваю, что в моём присутствии в клинике 1 сентября 1943 до конца войны, насколько мне известно – и наконец, я руководил клиникой – и никакого помощника не вызывалось из Хохенлихена в Равенсбрюк.

Я знаю, что специалист в пульмонологических заболеваниях, доктор Хессмайер, работал в качестве ассистента и позднее главного врача в так называемом санатории Хохенлихена уже до принятия профессором Гебхардтом Хохенлихена. Этот санаторий был строго отделен от хирургических палат госпиталя Хохенлихена и не находился под профессиональным надзором ни главного врача ни его заместителя; т. е., доктор Хессмайер следил за пациентами без какого-либо надзора хирурга, он не докладывал главному врачу или его заместителю, он не участвовал во врачебных планёрках, у него был собственный штат ассистентов и он проводил своё лечение и операции независимо; он также планировал свои деловые поездки независимо и делал это не докладывая ни главному врачу ни заместителю ни об отъезде ни о прибытии.

Перевод документа Гебхардт, Фишер, Оберхойзер 22
Экземпляр защиты Гебхардта, Фишера, Оберхойзер 21

**Фрагмент из письменных показаний доктора Йозе Кёстлера от 27 февраля 1947
о деятельности доктора Гебхардта**

.....

Когда профессор, доктор Карл Гебхардт и я, на третьей конференции консультирующих специалистов германского Вермахта в мае 1943, читали лекцию о хирургической помощи при повреждении периферийных нервов, мы, с одной стороны, интерпретировали результаты экспериментов с животными проводимых на собаках с 1938 по 1940 в госпитале Лангенбек-Вирхоф, Берлин и в институтах профессора Хольца (экспериментальный институт по исследованиям гормонов и онкологии) и профессор Остертаг (институт патологий) с другой стороны, говорил о хирургических методах так как они часто использовались во время предыдущих лет.

Под названием «Подготовка и восстановительная хирургия в случаях повреждений периферийных нервов», я записал данный опыт в «Германском хирургическом журнале», том 259, № 1-4, 1943 и своё диссертационной работе (1943, университет Берлина).

Я прямо подчёркиваю, что данная серия экспериментов проводилась исключительно на животных.

С 1 июля 1938 по 26 августа 1939 я находился в госпитале Красного креста в Хохенлихене (отделение спортивных и промышленных травм). В следующие годы войны, после моего призыва в Вермахт, я всегда работал там короткие периоды. Я убеждён в том, что медицинский уход там находился на особенно высоком уровне и что профессор Гебхардт как главный врач делал всё возможное для улучшения ухода и его результатов.

Фрагменты допроса свидетеля Каролевской обвинением

.....

Макхэни: Пожалуйста, ваше имя?

Каролевская: Каролевская.

Макхэни: Она произносится как К-а-р-о-л-е-в-с-к-а-я?

Каролевская: Да.

Макхэни: Вы родились 15 марта 1909 в Еромане?

Каролевская: Я родилась 15 марта 1909 в Еромане.

Макхэни: Вы гражданка Польши?

Каролевская: Да, гражданка Польши.

Макхэни: И вы прибыли сюда добровольно?

Каролевская: Да, прибыла добровольно.

Макхэни: Какой ваш домашний адрес?

Каролевская: Варшава, Инженерская улица, № 9, квартира № 25.

Макхэни: Вы замужем?

Каролевская: Нет.

Макхэни: Ваши родители живы?

Каролевская: Нет, мои родители мертвы.

Макхэни: Расскажите трибунала о своём образовании?

Каролевская: Я закончила начальную школу и закончила училище для учителей в 1928.

Макхэни: Чем вы занимались с 1928 до начала войны в 1939?

Каролевская: Я работала в качестве учителя в детской школе в Груденце.

Макхэни: И когда вы оставили данный пост?

Каролевская: Я закончила работу в июне 1939 и ушла в отпуск.

Макхэни: И вы вернулись на работу после отпуска?

Каролевская: Нет, я не вернулась на работу, потому что началась война и я осталась в Люблине.

Макхэни: И что вы делали, находясь в Люблине?

Каролевская: Я жила с сестрой и вообще не работала.

Макхэни: Вы являлись членом польского движения сопротивления?

Каролевская: Да.

Макхэни: И что вы делали в польском движении сопротивления?

Каролевская: Я была курьером.

Макхэни: И вас арестовывали за вашу деятельность в движении сопротивления?

Каролевская: Гестапо арестовало меня 13 февраля 1941.

Макхэни: Вашу сестру тоже арестовали?

Каролевская: Двух сестёр и двух двоюродных братьев арестовали со мной в тот же день.

Макхэни: Что случилось с вами после ареста?

Каролевская: Меня забрали в Гестапо.

Макхэни: Что Гестапо делало с вами?

Каролевская: В первый день Гестапо записало мои данные и отправило в тюрьму в Люблине.

Макхэни: Что случилось потом? Продолжайте и расскажите всю историю о том, что делало Гестапо и куда вы поехали?

Каролевская: Я оставалась 2 недели в тюрьме Люблина и потом меня снова забрали в Гестапо. Там меня допрашивали и они хотели принудить меня сознаться в том, какую работу я вела в движении сопротивления. Гестапо хотело от имени имён лиц с которыми я работала. Я не хотела называть имена и поэтому меня били. Меня бил один гестаповец, с короткими перерывами, долгое время. Потом меня отправили в

камеру. Два дня спустя, ночью, меня снова избили. Я оставалась в отделении Гестапо одну неделю и потом меня забрали в тюрьму Люблина. Я оставалась в тюрьме до 21 сентября 1941. Потом меня перевезли вместе с другими заключенными в концентрационный лагерь Равенсбрюк, куда я прибыла 23 сентября 1941.

Макхэни: Свидетель, перед тем как вы продолжите, вы расскажите трибуналу судили ли вас, когда-либо суд за преступление совершенное как членом движения сопротивления?

Каролевская: Меня только допрашивали в Гестапо и я думаю, что приговор был вынесен в моё отсутствие, потому что мне никогда не зачитывали приговор.

Макхэни: Хорошо. Расскажите трибуналу, что случилось с вами в Равенсбрюке?

Каролевская: В Равенсбрюке нашу одежду забрали у нас и мы получили обычную тюремную одежду. Потом меня отправили в блок и я 3 недели оставалась на карантине. Работа была тяжёлой физической работой. Весной мне дали другую работу и я была переведена в мастерскую, которая называлась по-немецки «Betrieb¹⁴⁴». Работа которую я выполняла была тоже очень тяжёлой и одну неделю я должна была работать днём, а следующую ночью. Весной жилые условия в лагере стали хуже, и голод стал царить в лагере. Продуктовые пайки становились меньше. Мы недоедали, сильно истощились, и не имели сил работать. Весной того же года, у нас забрали туфли и чулки и мы ходили на работу босыми. От гравия в лагере болели ноги. Наиболее неожиданными были так называемые «построения», на которых мы должны были стоять по несколько часов, иногда по 4 часа. Если заключенная пыталась подложить ткань под ноги, её били и издевались бесчеловечным образом. Мы должны были стоять смирно на построении и нам не разрешали шевелить губами, потому что тогда считали, что мы молимся, а нам не разрешали молиться.

Макхэни: Итак, свидетель, вас прооперировали в концентрационном лагере Равенсбрюк.

Каролевская: Да.

Макхэни: Когда это случилось?

Каролевская: 22 июля 1942, 75 заключенных из нашего транспорта прибывшего из Люблина были вызваны к коменданту лагеря. Мы стояли снаружи лагерной администрации, и присутствовали Когель, Мандель и одно лицо, которого я позднее опознала как доктора Фишера. Потом нас отправили обратно в блок и нам сказали ждать дальнейших инструкций. 25 июля, все женщины из люблинского транспорта

---

¹⁴⁴ «Производство» (нем.)

были вызваны Манделем, который сказал нам о том, что нам не разрешается работать вне лагеря. Также, пять женщин из транспорта прибывшего из Варшавы были вызваны с нами в то же самое время. Нам не разрешили работать вне лагеря. На следующий день 75 женщин снова вызвали и мы стояли перед лагерным госпиталем. Присутствовали Шидловски, Оберхойзер, Розенталь, Когель и человек которого я позднее опознала как доктора Фишера.

Макхэни: Итак, свидетель, вы видите Оберхойзер на скамье подсудимых?

Переводчик: Свидетель просит разрешения подойти ближе к скамье подсудимых.

Макхэни: Пожалуйста.

(Свидетель подходит к скамье подсудимых и указывает на доктора Оберхойзер).

Макхэни: И Фишер?

(Свидетель указывает на доктора Фишера).

Макхэни: Я прошу, чтобы протокол отразил, что свидетель правильно указала на подсудимых, Оберхойзер и Фишера.

Председательствующий: Протокол отразит, что свидетель правильно опознала подсудимых Оберхойзер и Фишера.

Макхэни: Свидетель, вы сказали трибуналу, что в июле 1942, 75 польских девушек, которые находились в транспорте из Люблина, вызвали к лагерным докторам в Равенсбрюке.

Каролевская: Да.

Макхэни: Итак, кого-либо из этих девушек отобрали для операции?

Каролевская: В тот день, мы не узнали зачем нас вызвали к лагерным докторам и в тот же день 10 из 25 девушек забрали в госпиталь, но мы не узнали зачем. Четверо из них вернулись, а шесть остались в госпитале. В тот же день шесть из них вернулись в блок после получения некой инъекции, но мы не знали какого рода инъекции. 1-го августа, те шестеро девушек снова вызвали в госпиталь, но мы не могли пообщаться с ними, чтобы услышать от них, почему их доставили в госпиталь. Несколько дней спустя, один из моих товарищей подобралась близко к госпиталю и узнала от одной из заключенных о том, что все они лежат в кроватях и что у них на ногах гипсы. 14-го августа того же года, меня вызвали в госпиталь и моё имя записали на листе бумаги. Я не знала зачем. Кроме меня, восемь других девушек были вызваны в госпиталь. Нас вызвали туда где обычно проходили казни, и я подумала, что иду на казнь, потому что некоторых девушек ранее расстреляли. В госпитале нас положили в кровати и палату в которой мы находились закрыли. Нам не говорили о том, что сделают в госпитале и когда одна из моих товарищей задала вопрос ей не ответили, а лишь улыбнулись. Потом пришла немецкая медсестра и сделала мне инъекцию в ногу. После инъекции я вырвала и ослабла. Потом меня

положили на каталку и перевезли в операционную. Там доктора Шидловски и Розенталь сделали мне вторую внутривенную инъекцию в руку. В это время, я заметила доктора Фишера, вышедшего из операционной в операционных перчатках. Потом я потеряла сознание и когда я пришла в себя, я заметила, что я нахожусь в госпитальной палате. Я вернулась в сознание и почувствовала сильную боль в ноге. Потом я снова потеряла сознание. Я пришла в себя утром, и тогда заметила, что моя нога находится в гипсе от щиколотки до колена и я чувствовала очень сильную боль в этой ноге и лежала с высокой температурой. Я также заметила, что моя нога опухла от пяток до паха. Боль нарастала вместе с температурой, и на следующий день я заметила, что какая-то жидкость текла из моей ноги. На третий день меня положили на каталку и привезли в перевязочную. Тогда я снова увидела доктора Фишера. Он был в операционном халате и с резиновыми перчатками на руках. На глаза мне повязали повязку и я не знала, что сделали с моей ногой, но я чувствовала сильную боль и у меня было впечатление, что мне отрезали ногу. Там были Шидловски, Розенталь и Оберхойзер. После перевязки меня снова положили в госпитальную палату. Три дня спустя меня снова забрали в перевязочную, и повязку менял доктор Фишер при содействии тех же докторов, и я также ничего не видела. Затем меня отправили в обычную госпитальную палату. Следующие перевязки проводили лагерные доктора. Повязку сняли, и тогда я впервые увидела свою ногу. Разрез был настолько глубоким, что я могла видеть кость. Затем нам сказали о том, что там был доктор из Хохенлихена, доктор Гебхардт, который придёт и осмотрит нас. Мы ждали его прибытия 3 часа лёжа на койках. Когда он прибыл, на глаза нам надели повязку, но короткое время я видела его. Потом нас вернули в обычные палаты. 8 сентября я вернулась в блок. Я не могла ходить. Гной сочился из моей ноги; нога опухла и я не могла ходить; тогда меня снова вызвали в госпиталь. Я не могла ходить и меня вели мои товарищи. В госпитале я встретила некоторых из моих товарищей, которые находились там после операции. В этот раз я была уверена, что иду на казнь, потому что я видела скорую помощь снаружи здания, которая использовалась для перевозки немцами людей на казнь. Затем нас забрали в перевязочную где доктор Оберхойзер и доктор Шидловски осмотрели наши ноги. Нас снова положили в кровати и в тот же день, вечером, меня забрали в операционную и провели вторую операцию на моей ноге. Меня погрузили в сон также как и раньше, введя инъекцию. В тот раз я снова видела доктора Фишера. Я проснулась в обычной госпитальной палате и почувствовала усилившуюся боль и высокую температуру.

Симптомы были такими же. Нога распухла и гной сочился по моей ноге. После этой операции, перевязки проводились доктором Фишером каждые 3 дня.

Более чем 10 дней спустя, нас снова забрали в операционную и положили на стол; и нам, сказали о том, что доктор Гебхардт собирается осмотреть наши ноги. Мы долго ждали. Потом он пришёл и осмотрел наши ноги, пока у нас были завязаны глаза. В этот раз с доктором Гебхардтом были другие люди. Затем нас перевезли на каталках в наши палаты. После этой операции я почувствовала себя ещё хуже, и я не могла двигаться. Пока я находилась в госпитале доктор Оберхойзер жестоко со мной обращалась.

Находясь в палате я заметила знакомым заключенным, что нас прооперировали в очень плохих условиях и оставили в палате и что нам даже не дали шанса восстановиться. Это замечание должно быть услышала немецкая медсестра которая сидела в коридоре, потому что дверь в нашу палату из коридора была открыта. Немецкая медсестра вошла в палату и сказала нам встать и одеваться. Мы ответили о том, что не можем выполнить её приказ, потому что у нас были сильные боли в наших ногах и не могли ходить. Потом немецкая медсестра вошла в нашу комнату с доктором Оберхойзер. Доктор Оберхойзер сказала нам одеться и пройти в перевязочную палату. Мы оделись; и неспособные ходить, мы прыгали на одной ноге в операционную. После прыганья мы отдыхали. Доктор Оберхойзер не никому не разрешала помочь нам. Когда мы пришли в операционную, совершенно измученные, доктор Оберхойзер появилась и сказала нам возвращаться, потому что перевязки сегодня не будет. Я не могла ходить, но кто-то, заключенная чьего имени я не помню, помогла мне вернуться в палату.

Макхэни: Свидетель, вы говорили трибуналу о том, что вас прооперировали второй раз 16 сентября 1942? Это верно?

Каролевская: Да.

Макхэни: Когда вы покинули госпиталь после второй операции?

Каролевская: После второй операции я покинула госпиталь 6 октября.

Макхэни: Ваша нога тогда зажила?

Каролевская: Моя нога была распухшей, сильно болела, и гной сочился из ноги.

Макхэни: Вы могли работать?

Каролевская: Я не могла работать, и оставалась в кровати, потому что не могла ходить.

Макхэни: Вы помните, когда вы встали с кровати и смогли ходить?

Каролевская: Я оставалась в кровати несколько недель, и потом я встала и пыталась ходить.

Макхэни: Сколько заживала ваша нога?

Каролевская: Гной сочился из ноги до июня 1943; и тогда моя рана зажила.

Макхэни: Вас снова оперировали?

Каролевская: Да, меня снова прооперировали в бункере.

Макхэни: В бункере? То есть не в госпитале?

Каролевская: Не в госпитале, а в бункере.

Макхэни: Вы поясните трибуналу, как это случилось?

Каролевская: Могу я попросить разрешения рассказать, что-нибудь о происходившем в марте 1943, марте и феврале 1943?

Макхэни: Хорошо.

Каролевская: В конце февраля 1943, доктор Оберхойзер вызвала нас и сказала: «Эти девушки – новые подопытные кролики»; и нас очень хорошо знали в лагере под этим именем. Тогда мы поняли, что мы были лицами запланированными для экспериментов, и мы решили протестовать против проведения этих операций на здоровых людях.

Мы подготовили письменный протест и пошли к коменданту лагеря. Не только те девушки которых прооперировали ранее, но и другие девушки которых вызвали в госпиталь являлись к администрации лагеря. Девушки которых прооперировали использовали палки и они шли без какой-либо помощи.

Я хочу рассказать вам о содержании обращения подготовленного нами. «Мы нижеподписавшиеся, польские политические заключенные, запрашиваем коменданта о том известно ли ему о том, что с 1942 экспериментальные операции проводятся в лагерном госпитале, на подопытных кроликах, объяснив значение данных операций. Мы запрашиваем вас, прооперировали ли нас в результате вынесенных приговоров, потому что, как нам известно, международное право запрещает проведение операций даже на политических заключенных».

Нам не дали ответа; нам не позволили поговорить с комендантом. 15 августа 1943 пришла полицаика и зачитала имена 10 новых заключенных. Она сказала нам следовать за ней в госпиталь. Мы отказались идти в госпиталь, потому что мы подумали, что мы нужны для новой операции. Полицаика сказала нам, что нас вероятно отправят на фабрику вне лагеря. Мы хотели проверить открыт ли трудовой отдел, потому что было воскресенье. Полицаика сказала нам о том, чтобы мы шли в госпиталь для осмотра доктором перед тем как быть направленными на фабрику. Мы отказались идти, потому что мы были уверены в том, что нас закроют в госпитале и снова прооперируют. Всем заключенным в лагере приказали оставаться в блоках. Всем женщинам которые жили в том же блоке, что и мы сказали выйти из блока и выстроиться перед блоком 10 на некоторое время. Потом появилась надзиратель Бинц и назвала 10 имён и моё имя в их числе.

Мы выстроились в линию перед блоком 9. Тогда Бинц сказала: «Почему вы встали в линию как если бы вас должны казнить?» Мы сказали ей, что операции

были ещё хуже казней и что мы бы предпочли казнь операции. Бинц сказала нам о том, что она может дать нам работу; нет вопроса о том, что нас будут оперировать, а нас отправят на работу вне лагеря. Мы сказали ей о том, что она должна знать о том, что заключенным относящимся к нашей группе не разрешают покидать лагерь и выходить наружу. Тогда она сказала нам следовать в её кабинет, чтобы она показала нам бумагу подтверждающую то, что нас собираются отправить на работу на фабрику вне лагеря. Мы пошли за ней и выстроились перед её кабинетом. Она зашла в свой кабинет и потом пошла в дом коменданта. Мы стояли перед кабинетом полчаса. Между тем, знакомая заключенная которую использовали для работы в доме проходил мимо. Она сказала нам о том, что Бинц просила помощи от эсэсовцев для доставки нас в госпиталь силой. Мы стояли и затем Бинц вышла из дома вместе с комендантом лагеря. Мы стояли рядом с воротами лагеря. Мы боялись того, что эсэсовцы придут, чтобы взять нас, для чего мы разбежались и смешались с другими людьми стоявшими перед блоком. Затем появились Бинц и лагерная полиция. Она погнали нас из строя силой. Она сказала нам, что она отправляет нас в бункер для наказания за неисполнение её приказов. Пять заключенных поместили в одну камеру, хотя одна камера предназначалась для одного лица. Камеры были очень тёмными, без света. Мы оставались в бункере всю ночь и следующий день. Мы спали на полу, потому что была только одна койка в камере. На следующий день нам дали завтрак включающий чёрный кофе и кусок чёрного хлеба. Потом нас снова закрыли. Люди ходили вверх и вниз по коридору бункера всё время. В тот же день вечером мы узнали свою судьбу. Охранница бункера открыла нашу камеру и забрала меня. Я подумала о том, что меня допросят или избьют. Она повела меня в коридор. Она открыла одну дверь и перед дверью стоял эсэсовец доктор Троммель. Он сказал мне о том, чтобы я поднялась наверх. Следуя за доктором Троммелем я заметила, что там были другие камеры, с кроватями и койками. Он завёл меня в одну из камер. Потом он спросил меня не согласна ли я на небольшую операцию. Я сказала ему, что я не согласна, потому что я уже прошла две операции. Он сказал мне о том, что это будет очень небольшая операция и что она мне не навредит. Я сказала ему о том, что я политическая заключенная и операции нельзя проводить на политических заключенных без их согласия. Он сказал мне лечь на кровать; я отказалась это сделать. Он повторил это дважды. Потом он вышел и камеры и я пошла за ним. Он быстро прошёл, спустился и закрыл дверь. Стоя перед камерой я заметила камеру на противоположной стороне лестничной клетки, и я также заметила несколько людей в операционных халатах. Там была также одна немецкая медсестра готовая ввести инъекцию. Рядом с лестничной клеткой стояли носилки. Мне стало ясно, что меня прооперируют в

бункере. Я решил защищать себя до конца. Один из эсэсовцев сказал мне войти в камеру. Я отказалась так сделать и он затащил меня в камеру и бросил на кровать.

Доктор Троммель взял меня за левое запястье и отвёл руку назад. Другой рукой он попытался заткнуть меня, вставив кляп мне в рот, потому что я кричала. Второй эсэсовец взял меня за вторую руку и вытянул её. Два других эсэсовца держали мою ногу. Обездвиженная, я почувствовала как мне вводят инъекцию. Я защищала себя долгое время, но затем я стала слабеть. Инъекция подействовала; я стала засыпать. Я услышала как Троммель сказал: «Вот и всё».

Я снова пришла в сознание, но я не знаю когда. Потом я заметила немецкую медсестру снимавшую мою повязку, я тогда я снова потеряла сознание; я пришла в себя утром. Тогда я заметила, что обе мои ноги были в железных кандалах и была перевязаны от пяток до паха. Я чувствовала сильную боль в моей ступне и лежала с температурой.

Вечером того же дня, немецкая медсестра пришла и ввела мне инъекцию, которая вызвала сон, несмотря на мои протесты; она ввела мне инъекцию в колено и сказала, что должна так сделать.

Четыре дня спустя прибыл доктор из Хохенлихена, тогда мне снова дали инъекцию вызвавшую сон, и так как я протестовала он сказал мне о том, что он поменяет повязку; я чувствовала высокую температуру и сильную боль в моих ногах.

.....

Макхэни: Сколько раз вы видели Гебхардта?

Каролевская: Дважды.

Макхэни: Я прошу вас встать и подойти к скамье подсудимых и посмотреть видите ли вы на скамье подсудимых Гебхардта.

(Свидетель выполнила и указала на подсудимого Гебхардта)

Я прошу, чтобы протокол отметил, что свидетель правильно опознала подсудимого Гебхардта.

Председательствующий: Протокол отразит, что свидетель опознала подсудимого Гебхардта на скамье подсудимых.

Макхэни: У меня больше нет вопросов.

Председательствующий: Доктор Александер снова будет вызван для дачи показаний в связи с допросом свидетеля?

Макхэни: Да, но если будет перекрёстный допрос мы вероятно закончим до обеда.

Председательствующий: Кто-либо из защитников желает провести перекрёстный допрос свидетеля?

Зейдль: Я не намерен проводить перекрёстный допрос свидетеля, но это не означает, что мои клиенты признают верность всех заявлений свидетеля.

Председательствующий: Кто-либо из защиты желает допросить свидетеля?

(Нет ответа)

Фрагмент допроса эксперта, доктора Лео Александра обвинением

Макхэни: Доктор, вы можете выразить какое-либо мнение о цели типа операции которой она подверглась, то есть удалению кости?

Александр: Я думаю, должно быть это был один из экспериментов, которые планировались для вопроса о регенерации кости или возможной трансплантации кости. Скорее всего, что этот трансплантант берцовой кости был также имплантирован другому лицу или трансплантанты были заменены. Сегодня, 3 года спустя эксперимента, на человеке не осталось никакого следа пересадки. Или же если предметом было, как предполагается в некоторых заявлениях, что я видел, чтобы трансплантанты берцовой кости обменивались между двумя ногами, из чего можно сделать вывод о том, что эксперимент был отрицательным, потому что нет доказательств того, что брался трансплантант. Все, что мы сейчас видим является последствиями удаления трансплантанта, и трансплантант включал целый компактный участок кости, иначе бы восстановление было бы лучше. Если некоторая часть участка осталась бы, надкостница вероятно отросла бы сегодня, 3 года спустя после операции, никакие рентгеновские снимки не показывают дефекта. Таким образом мне кажется, что были более глубокие трансплантанты, которые уходили в губку. Было ли заменено то, что позднее уничтожалось, я не знаю, за исключением заявления пациента заявлявшего о кисте, указывающей на то, что рана была инфицирована, и её заявление о последующей операции, фактически, если я не ошибся, две последующих операции, указывают на то, вероятность того, что трансплантант не забирался и что их удалили после того как инфекция стала очевидной.

7. Эксперименты с морской водой

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Ростоку, Шрёдеру, Гебхардту, Рудольфу Брандту, Мруговски, Поппендику, Зиверсу, Бекер-Фрейзингу, Шеферу и Бейгельбеку вменялась особая ответственность и соучастие в преступном деянии включающем эксперименты с морской водой (пар. 6 (Ж) обвинительного заключения. В ходе процесса обвинение отозвало обвинения по делу Мруговски. По данному обвинению Шрёдер, Гебхардт, Зиверс, Бекер-Фрейзинг и Бейгельбек были признаны виновными, а подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Рудольф Брандт, Поппендик и Шефер были оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительного обзора против подсудимого Шрёдера

Эксперименты с морской водой

.....

19 мая 1944 в германском министерстве авиации прошло совещание с участием Христенсена, Шиклера, Бекер-Фрейзинга и Шефера. Данное совещание касалось проблемы пригодности для питья морской воды. Тогда у медицинской службы Люфтваффе существовало два метода пригодности для питья морской воды. Первый, так называемый метод Шефера, был протестирован химически и вероятно предоставлял пресную воду. Однако, у него был недостаток, требование значительного количества серебра, которое было доступно в ограниченных количествах. Второй метод, так называемый беркатит, был веществом, которое меняло вкус морской воды, но не удаляло соль. У него было преимущество в производстве и использовании.

На совещании 19 мая, подсудимый Бекер-Фрейзинг доложил о некоторых клинических экспериментах, которые проводились Сираньи по тестированию беркатита. Он пришёл к выводу о том, что эксперименты не проводились в достаточно реалистичных условиях опасностей моря. Он доложил, что начальник медицинской службы Люфтваффе был -

«...убеждён в том, что если использовать метода Берка, вреда здоровью следует ожидать не позднее чем 6 дней спустя после приёма беркатита, что приведёт к стойкому вреду здоровью и – по мнению доктора Шефера – окончательно приведёт к смерти не позднее чем спустя 12 дней. Следует ожидать таких внешних симптомов таких как сухость, понос, конвульсии, галлюцинации и наконец смерть». (НО-117, экз. обв. 133)

В результате этого совещания было согласовано проведение новых экспериментов. Они должны были включать серию экспериментов продолжительностью максимум 6 дней, во время которых одной группе должны были давать морскую воду обработанную беркатитом, ещё одной группе обычную питьевую воду, другой группе вообще не давать питьевой воды, и последней группе ту воду, которая доступна на чрезвычайный случай в аварийном пакете. Было решено о второй серии экспериментов и отчёт говорит:

«Лица, употребляющие морскую воду и беркатит и в качестве диеты также аварийные пайки.

Длительность экспериментов: 12 дней.

Поскольку, по мнению начальника медицинской службы, стойкий вред здоровью – то есть, смерть подопытных – ожидается, следует использовать в качестве подопытных лиц, предоставленных рейхсфюрером СС». (НО-177, экз. обв. 133).

Таким образом, обладая сведениями о том, что использование беркатита в период 6 дней причиняет стойкий вред здоровью подопытных и что смерть произойдёт на 12 день, планы включали проведение экспериментов 6-ти и 12-ти дневной длительности. Следует отметить, что отчёт о совещании не говорит о том, что максимумом длительности эксперимента было 12 дней в случае первой серии экспериментов. В любом случае длительность должна была быть 12 дней. Поскольку было известно, что не следует ожидать добровольцев в таких обстоятельствах, совещание решило использовать заключённых концентрационных лагерей, которых предоставило бы в их распоряжение СС. На второй встрече 20 мая 1944, отчёт говорит, что «было решено, что Дахау будет местом проведения экспериментов» (НО-177, экз. обв. 133). Копии отчёта о совещаниях, были направлены помимо прочего, в отдел медицинских экспериментов и инструктажа воздушных сил в Йютерборге, к которому были приданы подсудимые, Шефер и Хольцлохнер, который проводил эксперименты по обморожению с Рашером; германскому институту авиационных исследований в Берлин-Адлерсхоф, к которому относились подсудимые Руфф и Ромберг; медицинской инспекции

Люфтваффе (ЛИ 14); и рейхсфюреру СС. Отчёт был подписан Христенсенем из технического управления министерства авиации Рейха.

7 июня 1944 подсудимый Шрёдер написал Гиммлеру через Гравица, запросив заключенных концентрационных лагерей для использования в качестве подопытных в экспериментах с морской водой. Отрывок из письма гласит следующее:

«Ранее вы уже позволили Люфтваффе разрешить неотложные медицинские вопросы посредством экспериментов на людях. Сегодня я вновь стою перед вопросом, который после множественных экспериментов на животных и добровольных подопытных, требует окончательного решения. Люфтваффе одновременно разработало два метода пригодности для питья морской воды. Один метод, разработанный медицинским офицером, устраняет соль из морской воды и превращает её в настоящую пресную воду; второй метод, предложенный инженером, оставляет содержание соли неизменным, но лишь устраняет неприятный вкус морской воды. Последний метод, в отличие от первого, не требует критического сырья. С медицинской точки зрения данный метод следует критически изучить, так как применение концентрированных солевых растворов может привести к сильным симптомам отравления.

Так как эксперименты на людях до сих пор проводились лишь в периоде 4 дней, а практические требования для лечения пострадавших в море установлены в 12 дней, требуются необходимые эксперименты.

Требуются 40 здоровых подопытных, которые должны быть доступны на 4 полных недели. *Так как по предыдущим экспериментам известно, что необходимые лаборатории существуют в концентрационном лагере Дахау, данный лагерь будет крайне удобным.* [Курсив добавлен] (НО-185, экз. обв. 134).

.....

То, что эти эксперименты проводились не на добровольных подопытных также подтверждается в письме Гравица Гиммлеру от 28 июня 1944. (НО-179, экз. обв. 135). В данном письме Гравиц сообщает о мнениях Гебхардта, Глюкса и

Небе¹⁴⁵, также как и своём, о предполагаемых экспериментах. Глюкс заявил о том, что у него «вообще нет возражений экспериментам запрошенным начальником медицинской службы Люфтваффе для проведения на экспериментальной станции Рашера в концентрационном лагере Дахау. Если возможно, следует использовать евреев или заключенных». Невозможно представить еврея, которого спрашивают о добровольности к чему-либо в Третьем Рейхе, когда их миллионами истребляли в концентрационных лагерях. Небе заявил: «Я предлагаю взять для данной цели асоциальных цыган полукровок. Среди них есть люди, хотя и здоровые, но не пригодные к труду. Об этих цыганах я вскоре особо предложу рейхсфюреру, но я думаю, будет правильным выбрать из них необходимое количество подопытных. При согласии рейхсфюрера, я дам список используемых лиц». Достаточно сложно, представить, чтобы Небе, начальник криминальной полиции Рейха, мог «составить список» цыган-добровольцев для этих экспериментов. Гравиц заявил возражение использованию цыган из-за «неоднозначного расового состава» и поэтому он хотел, чтобы подопытные были расово сравнимы с европейскими народами. Гиммлер решил об использовании цыган плюс трёх других для контроля. (НО-183, экз. обв. 136).

Шрёдер свидетельствовал о том, что он пытался подготовить проведение экспериментов с морской водой в госпитале Люфтваффе в Брюнсвике. Он особо запомнил, что, согласно своим показаниям, он связался с начальником этого госпиталя 1 июня 1944. Он заявил о том, что также пытался получить студентов в качестве подопытных из медицинской академии Люфтваффе в последней части мая 1944. Обе этих попытки получить добровольцев предположительно не получились, из-за нехватки клинических возможностей и призыва студентов на действительную службу. Шрёдер свидетельствовал о том, что он пошёл в СС только после исчерпания иных возможностей. Он хочет, чтобы трибунал поверил в то, что не было возможности найти 40 добровольцев и необходимые клинические возможности, хотя фон Сираньи проводил такие эксперименты в Вене на солдатах Вермахта, но только в течение 4 дней.

В связи с этими показаниями Шрёдера, следует отметить, что протоколы совещания от 19 и 20 мая 1944 были немедленно направлены в СС. Решению об использовании заключенных концентрационного лагеря не предшествовали никакие усилия в поиске добровольцев, а только совещание от 19 мая. Известно, что из-за самого характера экспериментов, которые планировались, нельзя было получить добровольцев. Напротив, невозможно поверить в то, что командир всей

---

¹⁴⁵ Артур Небе (1894 — 1945) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции и рейхскриминальдириктор, начальник криминальной полиции рейха. Участник заговора 20 июля 1944. Казнён за участие в заговоре.

медицинской службы Люфтваффе не мог получить 40 добровольцев для экспериментов, которые как он говорит были такими безобидными. Не существовало правил запрещавших эксперименты на военнослужащих Вермахта. Свидетель защиты, в связи с его предполагаемыми экспериментами по эпидемической желтухе на людях, как изложено в его письме от 27 июня 1944 Кальку, который был придан штабу Шрёдера, долго настаивал на том, что он планировал использовать добровольцев из студенческих рот Вермахта в Страсбурге, Фрайбурге или Гейдельберге. Он был уверен в том, что можно получить студентов добровольцев. Он заявил о том, что мог использовать их во время отпусков. Кальк был убеждён в том, что это могло быть сделано. Хааген постоянно подчёркивал, что были доступны добровольцы. Клинические возможности были бы легко получены в резервных госпиталях.

Шрёдер свидетельствовал о том, что он не знал о том, что беркатит вызывает смерть более чем за 12 дней. Он не смог вспомнить, говорил ему Шефер о том, что приём беркатита 12 дней вызовет смерть. На предварительном допросе, он особо отрицал это. Он свидетельствовал о том, что и Бекер-Фрейзинг и Шефер находились на встрече в Нюрнберге в октябре 1942 на которой читался доклад об экспериментах с обморожением в Дахау, никто из них не сообщил ему этого, когда он предложил отправиться в Дахау для проведения экспериментов с морской водой. Шрёдер отрицал, что он, когда-либо видел отчёт о встрече 19 и 20 мая 1944 (НО-177, экз. обв. 133) об экспериментах с морской водой. Хотя копия данного отчёта была направлена Гиммлеру, он хочет, чтобы трибунал поверил в то, что было чистым совпадением то, что он обратился к Гиммлеру за подопытными не видя отчёта. Он свидетельствовал о том, что он сказал Гравицу на встрече с ним о том, что хотел проведения экспериментов на солдатах-дезертирах. Гравиц предположительно сказал о том, что он уважает эту волю. Шрёдер заявил о том, что дал понять Гравицу, что подопытные должны быть добровольцами, с наградой в виде продовольствия. Далее он свидетельствовал о том, что он сказал Гравицу, что эксперименты будут под контролем Люфтваффе. Во время предварительного допроса, он клялся в том, что ничего не знал об экспериментах с морской водой, что СС взяли их в свои руки и у него не было влияния. Шрёдер и не мог подумать, согласно показаниям, что иностранцев сжигали в концентрационных лагерях. Он сказал, что узнал, что цыган использовали в качестве подопытных только после отчёта Бейгельбека в Берлине в октябре 1944. Он свидетельствовал о том, он проинструктировал Бейгельбека о том, чтобы беркатит использовался только до тех пор пока его могли терпеть подопытные. Он признал, что слышал отчёт Бейгельбека

об экспериментах, вместе с Бекер-Фрейзингом и Шефером, но что он не слышал полного отчета, так как должен был рано идти на встречу.

Таблицы велись подсудимым Бейгельбеком на каждого подопытного – которые защита вынуждена была представить в качестве доказательства, после попытки использовать их с помощью «эксперта» защиты Вольхардта не предоставив сами документы – приводя некоторые подробности экспериментов, хотя с учётом обстоятельств их достоверность сомнительна. Некоторые отклонения в этих протоколах, которые будут обсуждены позднее, указывают на то, они не имеют большого веса. Эксперименты начались в августе 1944 и продолжались до середины сентября. Использовались сорок четыре подопытных. Подопытных с первого по шестого лишали всей еды и воды на периоды от 5 ½ до 7 ½ дней. Длительность таких экспериментов основывалась на дате начала – утро 22 августа, как предполагается защитой, хотя есть определенные доказательства того, что они начались 21 августа. Если эксперимент прерывался утром, не учитывалось никакого дополнительного дня. Если он прерывался после 17 часов, добавлялся полный день. Подопытным с седьмого по 10 давали 1, 000 мл воды Шефера, для 12, 13 и 12 дней, соответственно, и голод для 7, 8 и 9 дня соответственно. Подопытный № 9 не использовался по причинам здоровья. Это был свидетель защиты Меттбах. Подопытным с 11 по 18 давали 500 мл морской воды плюс аварийный паёк, который содержал приблизительно 2400 калорий. Эти эксперименты длились от 5 до 10 дней. Они голодали до 6 ½ дней. Несколько из подопытных, например, 11, 13, 17 и 18 подверглись двум отдельным экспериментам на 8 и 6 дни, 6 и 5 дни, 7 ½ и 5 дни, и 10 и 4 дни, соответственно. Подопытным с 19 по 25 давали 500 мл плюс аварийный паёк. Эксперименты длились от 5 до 9 ½ дней с периодами голода до 6 ½ дней. Подопытные 19 и 20 подвергались двум отдельным экспериментам по 7 и 5 дней каждый. Подопытным с 26 по 30 давали 1000 мл беркатита плюс аварийный паёк. Эксперименты длились с 5 по 9 ½ день с периодами голода до 6 ½. Подопытный 29 прошёл два эксперимента 8 и 5 дней. Подопытным 31 и 32 давали 1000 см³ морской воды 8 и 6 дней соответственно. Подопытный 31 подвергался дополнительным экспериментам на 5 дней. Подопытному 33 давали 500 мл беркатита 6 дней; подопытному 34, 1000 мл Шефера 12 дней, подопытным с 35 по 37, 39, 41 и 42 давали 500 мл морской воды на периоды длившиеся от 4 до 6 дней; подопытным 38, 40 и 43 давали 1000 мл морской воды 6, 5 и 6 дней; подопытному 44 давали воду Шефера 12 дней.

Клинические таблицы экспериментов также приводят нам возраст подопытных. Подопытным 17, 19, 20, 35, 37, 40 и 43 всем было 21 год. Подопытному 40 было 16 лет; подопытным 17, 19 и 37 было 17 лет; подопытному 35

было 18 лет; подопытному 43 было 19 лет; подопытному 20 было 20 лет. Излишне говорить, что не предпринималось никаких попыток получить согласие родителей или опекунов в отношении этих несовершеннолетних.

Подсудимый Бейгельбек свидетельствовал о том, что он явился в Берлин в конце июня 1944 где Бекер-Фрейзинг сказал ему о том, что он должен проводить эксперименты с морской водой в Дахау. Он также ранее видел Шрёдера в связи с экспериментами. Он сказал, что он пытался отказаться, потому что он боялся работать в концентрационном лагере. Он не отказался проводить эксперименты, потому что боялся быть признанным дезертиром. Бекер-Фрейзинг сказал ему, что целью экспериментов было во-первых, определение пользы беркатита; во-вторых, тестирование метода Шефера; и в-третьих, определение того лучше ли полностью избегать морской воды или пить её в небольших количествах. Он сказал о том, что ему сказали сотрудники Дахау, что цыгане для экспериментов будут «асоциальными» лицами. Бейгельбек видимо считал себя экспертом в асоциальности. Он свидетельствовал о том, что он понимал, что всю семью можно причислить к асоциальной, хотя «этим не исключалась возможность того, что в этой семье, могло быть много лиц, которые не совершили никаких преступлений».

Он свидетельствовал о том, что он собрал подопытных и рассказал им об эксперименте и спросил их, хотят ли они участвовать. Он не сказал им о том, сколько продлится эксперимент. Он не говорил им о том, что они могут в любое время отказаться. Он свидетельствовал о том, что он попросил их терпеть жажду некоторый период. Решение об их освобождении от экспериментов было за ним. В течение периода экспериментов он свидетельствовал о том, что подопытные бунтовали один раз, потому что они не получили еды, которую им обещали. Они не получали еды несколько дней, из-за задержки поставки. Подопытных закрывали в комнате во время экспериментов. Бейгельбек свидетельствовал о том, что:

«Их следовало изолировать ещё лучше, чем раньше, потому что тогда у них бы не было возможности получить пресную воду извне».

Он заявил о том, что опасной черты можно было достигнуть на седьмой день питья 500 мл морской воды, в то время как в случаях 1000 мл морской воды, это было бы 4 ½ дня. Сравните это с большей длительностью экспериментов указанную выше.

Обвинению стало ясно видно после изучения клинических таблиц которые велись во время экспериментов, что в них вносился ряд изменений. Эти протоколы находились в исключительном владении защиты до показаний Вольхардта, чьё экспериментное мнение отчасти основывалось на таких протоколах. В большом

количестве примеров имена подопытных были стёрты с таблиц, очевидно с целью сделать невозможным найти таких лиц, для цели дачи показаний. Изучение таблиц далее открывает, что окончательный вес подопытных написан в таблицах другим типом чернил нежели остальные протоколы. В некоторых случаях этот вес записан над карандашными пометками; например, на таблице С-2 окончательный вес в 62 килограмма карандашом зачёркнут чернилами на 64 ½ килограмма. Бейгельбек признал, что красные стрелки предназначенные для указания на начало экспериментов, обычно появляющиеся ниже даты 22 августа, были сделаны им в 1945, спустя длительное время после завершения экспериментов. В таблицах с 1 по 32 появляется красная пометка ниже даты 21 августа, которая указывает на то, что эксперименты наиболее вероятно начались с этой даты. Определенные немецкие стенографические пометки появляются на обороте таблицы С-23. Бейгельбек признал, что он написал эти пометки лично. Бейгельбек показал, что:

«Мы всегда соглашались с тем, что таблицы и кривые следует приобщить, так как мы получили их здесь»

Он непрерывно заявлял о том, что не делал никаких подчисток на таблицах в Нюрнберге. Когда доказательства не оставили ему альтернативы, Бейгельбек наконец признал, что делал правки и подчистки в пометках на обороте С-23 в Нюрнберге. Эти пометки приводят клинический отчёт об одном из подопытных который критически болел. Далее следует оригинальная стенографическая пометка, насколько она смогла быть переведена:

«Жажда приняла форму сложную для выносливости. Пациент лежит совершенно обездвиженным с полужакрытыми глазами. Он не замечает своего окружения. Он только просит воды, когда пробуждается от полубессознательного состояния» (половина строки стёрта).

«Выражение очень плохое – выглядит обреченным. Общее состояние даёт повод для тревоги.

«Дыхание поверхностное, затруднённое, умеренно ускоренное.

«Дыхание 25 в минуту.

«Глаза сильно блестят, увлажнение кожи сильно снизилось.

«Кожа сухая, язык полностью сухой, белый налёт в середине мякоти.

«Слизистая оболочка рта и губ сухая, последняя покрыта коркой. Легкие показывают небольшой очень сухой

бронхит нижней границы VI-XII, отягощённый порывистым дыханием.

«Сердцебиение слабо прослушивается. Пульс слабый. Нарастает слабость стенок кровеносных сосудов. Частота 72, печень, 2 ½ - 3 пальца ниже стернального края, достаточно мягкая, умеренно чувствительная к давлению; селезёнка при надавливании немного увеличена.

«Мускулатура гипотонична. Суставы расслаблены. Мышцы слабо чувствительны к нажатию. Указания на формирование поперечного рубца, формирование заметного продольного рубца. Ромберг плюс плюс. Рефлексы плюс плюс. Брюшные рефлексы плюс плюс. Оппенхайм отрицательный. Россолимо отрицательный. Тонус зрачка плохой. Рефлекс глазного яблока положительный. (Прерывается)

Бейгельбек заменил словом «сонное» словом «полубессознательное» в последней строке первого абзаца. В том же самом абзаце, половина строки была полностью стёрта и не может быть переведена. Утверждение Бейгельбека о том, что он не помнит о чём она говорила, являются очевидной ложью, поскольку она была стёрта из-за боязни правды. В последнем предложении второго абзаца, Бейгельбек заменил запись, чтобы она гласила «Общее состояние не даёт причин для тревоги». В первой строке восьмого абзаца, Бейгельбек заменил слово «слабо» на «вряд ли». Пометка «Ромберг плюс плюс» означает, что подопытный «неопределенно» способен стоять. Он сказал, что эти пометки относились к подопытному 30 нежели к подопытному 23.

Бейгельбек показал о том, что в Нюрнберге не вносил других подчисток или изменений. То, что показания Бейгельбека в целом полностью недостоверны подтверждается фактом, что он также делал подчистки на обороте таблицы А-29. Эти пометки, насколько они смогли быть переведены, гласят следующее:

«Жажда вновь обострилась. Пациент лежит на спине и сжимается. Также...проявляется стереотипное органическое окоченение с сильными симптомами столбняка такими как его..., симптомы... В виду того факта, что за последние два дня он пил много воды...четверть плюс поллитра, его вывели из эксперимента.

«3/9 снова введён в эксперимент.

«5/9 снова жалуется на очень сильную жажду.

«6/9 чувствует очень сильную жажду, язык сухой и с налётом. Зловонный запах изо рта. Сухая и горячая кожа, печень

значительно увеличена, рефлексы очень оживлённые, кровеносные сосуды истончились, мускулатура перевозбуждённая.

«7/9 Психическое состояние изменилось. Сонливость. Язык сухой, мускулатура ощущается окоченевшей. Значительная слабость мускулатуры с проявлениями атаксии. Ромберг положительный. Кровеносные сосуды всё ещё..., пульс слабо заметен, заметная брадикардия, дыхание ускоренное. Общее состояние [следующие слово стёрто и не различимо], печень сильно увеличена».

В случае подопытного 25, Бейгельбек свидетельствовал о том, что данный человек несколько раз проходил рентгеноскопию и видимо имел сильный бронхит. Его лихорадка доходила до 39.8 по Цельсию. Он жаловался на расстройство желудка до начала эксперимента. Он всё ещё болел, когда Бейгельбек покинул Дахау 15 сентября. Подопытный 39 был мужчиной 49 лет. Ему давали 500 мл беркатита в период четырёх дней, а именно, с 1 сентября по 4 сентября, когда эксперимент прервался в 19 часов 30 минут. Бейгельбек использовал правду с характерной экономией, когда он свидетельствовал о том, что человек проходил эксперимент только три дня. Он признал проведение множества лёгочных и печёночных пункций на подопытных.

Ряд подопытных смог получить пресную воду несмотря на усилия Бейгельбека не допустить этого. Бейгельбек и его защитник заняли странную позицию о том, что это даже смягчает его вину. Сложно понять как эту самопомощь со стороны подопытных, которые несомненно спасали свои жизни, можно считать смягчающим обстоятельством, при том, что Бейгельбек делал всё в своей власти, чтобы предотвратить это. Фактически он даже не знал о том, что подопытные в первой группе, то есть с 1 по 32, смогли получить пресную воду. Он свидетельствовал о том, что:

«Я хочу сказать, что во второй группе, когда я узнал об их уловках из опыта с моей первой группой, я знал, что делать и прервал эксперименты. Если бы я хотел продолжать эксперименты, я сделал бы тоже самое и со второй группой. Я провёл их с первой группой, *лишь потому, что я не придавал значения отсутствию у них потери веса*» [Курсив добавлен]

Таким образом, Бейгельбек говорит, по сути, о том, что хотя он и не знал о том, что подопытные получили пресную воду, и хотя он продолжал эксперименты за гранью того, что считал опасной точкой, несмотря на это, его

следует оправдать за то, что некоторые из подопытных тайно пили пресную воду несмотря на его попытки предотвратить это.

Эксперт, доктор Айви, свидетельствовал обвинению об экспериментах с морской водой. Он сам, участвовал в эксперименте три дня, за время которых он употребил 2400 мл морской воды получая по 108 калорий в день в форме конфет. Он страдал от заметного обезвоживания и достиг точки возникновения галлюцинаций. Вторым добровольцем в этих экспериментах принимал 2000 мл и меньше чем за один день у него возникла рвота и понос в такой степени, что эксперимент был остановлен. Сравните это с объёмами морской воды принятыми подопытными Бейгельбека. Вы можете ознакомиться с научной информацией об экспериментах с морской водой на людях на страницах расшифровки 9039-41. Доктор Айви указал на определённые несоответствия в показаниях эксперта защиты Вольхардта. Доктор Айви свидетельствовал, что было совершенно излишним проводить такие эксперименты для цели создания пригодности морской воды для питья по методу Берка. Это можно было определить химически за полчаса. Он заявил о том, что если принимать в день 1000 мл беркатита, он вызовет смерть не менее чем за 12 дней. Смерть случится между 8 и 10 днём если принимать в день 500 мл при идеальных условиях. Заявление в отчёте о совещаниях 19 и 20 мая 1944 о том, что если использовать воду Берка, вреда здоровью следует ожидать не позднее чем за шесть дней и это приведёт к смерти не позднее чем на 12 день по сути правильные. Этот документ показывает, что запланированной длительностью экспериментов было 12 дней. Доктор Айви свидетельствовал о том, что не требуется проводить эксперимент более чем три или четыре дня, для того, чтобы показать, что беркатит настолько же обезвоживает как и морская вода. Он заявил о том, что эти эксперименты имели смысл если бы пытались определить время выживания людей при 500 и 1000 мл морской воды в день. Ясно, что экспериментальный план предусматривал смерти.

Доктор Айви свидетельствовал о том, что на основании его исследований таблиц, которые велись в ходе экспериментов, недостаточным являлся период наблюдения после экспериментов для того, чтобы определить на подопытных отложенные вредные эффекты. Результаты экспериментов не являются научно достоверными.

Доктор Айви отметил, что таблица подопытного 3 подтвердила, что он был слишком слабым и ему несколько раз измеряли давление крови. Это был один из подопытных в группе голодания и жажды. Ему ввели инъекцию коронина 29 августа и стрихнина 30 и 31 августа. Оба этих лекарства являются сердечными стимуляторами и клиническая картина показывает, что данный подопытный заболел или заметно повредил здоровье из-за экспериментов. От восьми до четырнадцати

дней являются границей выживания сильного мужчины в идеальных условиях жажды и голодания.

В результате своего исследования клинических протоколов, доктор Айви показал, что подопытные 3, 14, 36, 37, 39, 31, 23 (или 30), 25, 28 и 29 были больны во время экспериментов. Подопытные 2, 23 (или 30) и 25 болели особо сильно и существует возможность того, что им был причинён стойкий вред здоровью или они умерли в результате экспериментов.

Подопытный о ком есть пометки на обороте таблицы С-23 являлся очень больными и находился в коме. Изменения сделанные в рукописных пометках подсудимым Бейгельбеком создают впечатление лучшего состояния чем оно действительно было. Рефлекс глазного яблока упоминаемый в этих заметках означает надавливание на глазное яблоко для определения степени комы. «Тонус глазного яблока очень плохой» указывает на то, что давление крови было низким и кровообращение было очень слабым. Это являлось очень плохим прогностическим сигналом и могло означать приближение смерти. Эти заметки указывают на то, что подопытный находился в опасном состоянии и требовал немедленной реанимационной терапии. Последующие наблюдения длились в отношении подопытных 23 дня, в то время как для подопытного 30 это было пять дней. Этого было совершенно недостаточно. Данный подопытный мог умереть при неправильном уходе.

Доктор Айви показал о том, что из 44 подопытных, 13 были слишком слабыми, чтобы стоять в одном или нескольких случаях, имели лихорадку, требовали кардио стимулянтов или были без сознания – а именно, подопытные 3,4,14, 21, 23, 28, 29, 32, 36, 37, 39 и 40. Заявление свидетеля Бауэра о том, что он наблюдал симптомы сердечной недостаточности у подопытных в результате снятия им электрокардиограмм, соответствуют Айви.

По мнению доктора Айви, подопытный который соглашался пройти эксперимент больше не является добровольцем если, во время эксперимента, его принуждают продолжать после выражения желания быть освобожденным.

Показания эксперта защиты доктора Вольхардта совершенно недостоверные. Хотя Вольхардт вообще не имел отношения к этим экспериментам в Дахау, он постоянно, высокопарно свидетельствовал о вопросах о которых он не мог иметь никаких сведений. Например, он настаивал на том, что подопытные в Дахау были добровольцами. Он свидетельствовал о том, что Бейгельбек исключил трёх подопытных перед началом экспериментов, из-за их физического состояния, и что три других лица немедленно вызвались добровольцами. Даже Бейгельбек такого не утверждал. Он сказал о том, что он считал, что «совершенно не обсуждается, что

подопытные имели потребность пить воду из половых тряпок, потому что, там были вёдра на случай воздушного налёта и если они хотели пить, они могли пить из них. Достаточно странно, что Вольхардт смог получить такую информацию при том, что он никогда не был в Дахау. Он верит в то, что совершенно невероятно, чтобы кто-либо из подопытных имел колики, хотя подопытный 29 подтвердил, что у него были колики и органические рубцы, как видно из вышеуказанных заметок. Хотя Вольхардт признал, что клинические данные показывали, что ряд подопытных тайно получали пресную воду, и хотя Бейгельбек признал, что некоторые из подопытных выливали свою мочу, Вольхардт совершенно уверен в том, что подопытные были добровольцами.

Вольхардт сам не проводил исследование клинических заметок, а передал их своему 25-ти летнему ассистенту. Он признал, что он полагался на описания экспериментов сделанные Бекер-Фрейзингом и Бейгельбеком после начала процесса. Вольхардт не имеет никакого предыдущего опыта в экспериментах с морской водой, как и не имел его ассистент. Вольхардт свидетельствовал о том, что он проводил добровольный эксперимент на пяти докторам-ассистентах после обращения защитника. Его подопытные пили 500 мл искусственной морской воды в день и получали 1600 калорий в день. Четверо из подопытных продолжали эксперимент до пяти дней и один до шести дней. Последний подопытный выпил дополнительно 500 мл в последний день. Целью данных экспериментов было установить то, насколько лица пострадают от проведения экспериментов с морской водой. Подопытные Вольхардта продолжали свою работу в клинике, хотя они ели и спали в той же самой комнате. Он не знает ходили ли они в кинотеатр или покидали клинику для других целей во время экспериментов. Четверо из подопытных вышли на пятый день, из-за вмешательства молодой девушки. Он свидетельствовал о том, что его подопытные не имели сильной жажды в первые два дня, она стала неприятной на третий, жажда выросла на четвёртый, и стала очень сильной на пятый день; подопытный который прошёл шесть дней сообщил о том, что была небольшая разница. Все продолжали свою работу во время эксперимента. Очевидно, что данный эксперимент никоим образом не сравним с проведённым в Дахау. В то время как некоторые подопытные в Дахау были слишком слабы по многим случаям измеряя их давление, подопытные Вольхардта могли продолжать свою работу.

В то время как подопытные Вольхардта были подготовленными докторами, которые участвовали в эксперименте ради интереса, который позволял выйти из эксперимента в любое время, которым позволяли контролировать свои занятия во время эксперимента, ни один из таких важных факторов не присутствовал в экспериментах в Дахау. Несчастливым цыганам не позволялось

выйти, когда бы они не пожелали. Они не знали о том сколько продлятся эксперименты, они не имели свободы действий, они не имели интереса к этому эксперименту. Отношение Вольхардта к этим цыганам видно из его заявления о том, что «подобные люди конечно найдут способ жульничать». То, что Вольхардт ничего не знал об экспериментах о которых должен был свидетельствовать видно из его показаний об их длительности. Например, он заявил о том, в группе беркатита с 500 мл эксперименты были прерваны спустя шесть дней. Клинические таблицы, которые имел Вольхардт в своём распоряжении, и на которых должны были быть основаны его показания, показывают, что длительность экспериментов в данной группе длились до 9 ½ дней за исключением двух случаев длившихся шесть дней. Он свидетельствовал о том, что группа экспериментов с морской водой также была прервана спустя шесть дней, в то время как клинические таблицы показывают, что некоторые из них длились до десяти дней. В группе голодания и жажды он свидетельствовал о том, что они прекратились спустя от четырёх до пяти дней, таблица показывает, что они длились от 5 ½ до 7 ½ дней. Нет, показания Вольхардта являются неправильными даже в соотношении с клиническими таблицами.

Показания свидетелей обвинения подтверждают, что эксперименты с морской водой привели к убийствам и пыткам. Австрийский свидетель Ворличек, которого осудили за «подготовку к тяжкому преступлению» в 1939 и приговорили к четырём годам исправительного учреждения, был переведён в Дахау в марте 1944 и действовал в качестве медбрата на экспериментальной станции в ходе экспериментов с морской водой. Одного из заключенных охранников который заснул, перевели в штрафную роту. Как минимум один из подопытных пострадал от приступа колик. В одном случае Ворличек разлил немного пресной воды на полу и забыл выжать тряпку. Подопытные схватили грязную тряпку и выжали из неё воду. Бейгельбек угрожал, что проведет эксперименты на нём если это случится снова. Подопытные не являлись добровольцами. Ворличек говорил с некоторыми из чешских подопытных, которые говорили о том, что просились в другой лагерь добровольцами для лучшей работы и только когда они оказались в Дахау они поняли, что на них проведут эксперименты. Он свидетельствовал о том, что подопытными были чехи, поляки, венгры, австрийцы и немцы. Некоторые из подопытных были совершенно больны и у него сложилось впечатление о том, что они больше не могли жить. Приблизительно три месяца спустя экспериментов он встретил Франца, одного из подопытных, и он сказал ему о том, что одна из жертв экспериментов уже скончалась.

Свидетель Лаубрингер, который был подопытным номер 7, свидетельствовал о том, что он был арестован Гестапо в марте 1943, потому что он был цыганом. Он был позднее переведён в Бухенвальд и там, совместно с другими заключёнными, добровольно попросился на уборку в Дахау. У заключённых было впечатление о том, что условия в Дахау были лучше, и они согласились. При их прибытии в Дахау им провели физический осмотр и рентгеноскопию и затем забрали на экспериментальную станцию. Лаубрингер опознал Бейгельбека на скамье подсудимых. Он говорил Бейгельбеку о том, что у него было две операции на желудке, но Бейгельбек не позволил ему уйти. Бейгельбек не спрашивал подопытных о добровольности, и он не вызывался добровольцем. Лаубрингеру, который находился в группе Шефера, давали воду Шефера 12 дней и он голодал как минимум 12 дней. Он настолько ослаб, что с трудом мог стоять. Подопытные получали специальную еду только однажды после эксперимента. Бейгельбек обещал им дополнительные пайки и лёгкую работу, однако обещания не сдержали. Один из подопытных пытался убедить остальных отказаться пить морскую воду. Бейгельбек угрожал ему повешением за саботаж. Подопытный впоследствии вырывал морскую воду из-за чего Бейгельбек вводил воду через желудочную трубку. Ещё один подопытный был привязан к своей койке и его рот был заклеен клеящей лентой, потому что он достал немного пресной воды и хлеба. Большинство подопытных были чешской, польской и русской национальностей, приблизительно при восьми немцах. Ряд подопытных страдали от приступов горячки и двоих перевели в госпиталь. Лаубингер не видел их снова.

Свидетель Холленрайнер подтвердил показания Лаубрингера во всех важных положениях. Он свидетельствовал о том, что подопытные не являлись добровольцами и большинство из них были не-немецкой национальности. Холленрайнер свидетельствовал о том, что Бейгельбек не заботился о подопытных, но, напротив, угрожал расстрелять их, если они будут возмущаться. (Вряд ли требуется носить пистолет, при эксперименте на добровольцах). У него не было к ним жалости, при том, что у них была горячка от жажды и голода. Свидетель Холленрайнер к несчастью напал на Бейгельбека на открытом процессе. Однако, этот импульсивный акт свидетеля, говорит сильнее чем тома показаний о том, насколько бесчеловечным было обращение с подопытными и какие страдания вызвали эти эксперименты. Мы можем быть уверены в том, что Холленрайнер не являлся добровольцем. Объясняя своё поведение трибуналу, Холленрайнер охарактеризовал Бейгельбека «убийцей».

Свидетель Тшофениг был доставлен в Дахау в ноябре 1940 где оставался до апреля 1945. Он являлся политическим заключённым. В настоящее время он

является членом ландтага Каринтии в Австрии. С лета 1942 до конца, он был ответственным за рентгеновскую станцию в Дахау. Он обследовал транспорт с цыганами летом 1944 перед началом экспериментов и исключил ряд из них как негодных. Он видел Бейгельбека несколько раз в лагере и на рентгеновской станции. Во время экспериментов ряд заболевших были доставлены на рентгеновскую станцию для осмотра. Их физическое состояние значительно ухудшилось в результате экспериментов. Он услышал, что у одного из заключенных был психический припадок. По завершении экспериментов, трое из подопытных были доставлены на станцию из-за внутренних заболеваний. Один был на носилках и не мог ходить. Все из них был рентгеносканированы Тшофенигом. Было обычным, направлять эти результаты в госпиталь где содержались заключенные. Тшофениг получил официальный приказ от станции внутренних заболеваний, что не требуется сообщать о случае с носилками, так как он умер спустя два дня после перевода. Станционный врач доложил о том, что смерть произошла из-за экспериментов с морской водой. Тшофениг лично изучал протокол о смерти.

Даже доктор Штейнбауэр, защитник Бейгельбека, видимо сам убедился в том, что эксперименты включали пытку. Он сказал, поясняя своё поведение о сокрытии от трибунала документов которые должны были быть предоставлены: «Я больше ничего не хочу говорить о подопытных, который ужасно пострадали».

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Шрёдера

.....

Теперь я перехожу к пункту обвинительного заключения «Участие подсудимого, профессора, доктора Шрёдера в экспериментах с морской водой, которые проводились в концентрационном лагере Дахау».

В случае с этими экспериментами, было установлено участие профессора Шрёдера, и он принял за них ответственность, которая касалась подготовки и планирования этих экспериментов. Профессору Шрёдеру обвинением в основном вменяется разрешение проведения данных экспериментов в концентрационном лагере. Обвинение в своём деле против профессора Шрёдера также говорит о том, что эксперименты вообще не требовались, и оно делает вывод о том, что эксперименты были приказаны только с целью пыток людей и с целью подвергнуть

их ненужным жестокостям; также говорится, о том, что ясно, что ни в одном случае подопытные не являлись добровольцами.

Следовательно задачей защиты является показать в следующих параграфах, почему с точки зрения профессора Шрёдера, в качестве начальника медицинской инспекции Люфтваффе эти эксперименты считались необходимыми, и выяснить причины заставившие его дать своё одобрение проведению экспериментов в концентрационном лагере.

Поэтому первый вопрос – почему и исходя вообще из каких соображений, были приказаны эксперименты? Загодя следует сказать о том, что в качестве начальника медицинской инспекции, профессор Шрёдер, не изучал вопрос о более подходящем методе пригодности для питья морской воды; проблема стояла перед ним во всей широте и не могла разделяться. Ей являлось спасение лиц потерпевших крушение от смерти из-за нехватки воды и поиск наилучшего метода защиты от такой опасности. Данной проблемой уже занимались разные заинтересованные службы и возникали отдельные вопросы о решении данной проблемы. Никакого метода пригодности для питья морской воды не было найдено и не было понятно за какую процедуру следует выступать.

В ходе 1943 почти одновременно были предложены два метода пригодности для питья морской воды. Один из них, так называемый метод вофатита, был разработан доктором Шефером в сотрудничестве с И.Г. Фарбен. Другой, метод беркатита, представлял собой изобретение штабсинженера Берка.

Совершенно ясно, то вофатит Шефера представлял идеальное решение, потому что данный метод удалял всю соль из морской воды и превращал её в пресную воду, в то время как метод Берка оставлял соль в морской воде и только улучшал вкус морской воды путём добавления различных сахаров и витаминов. Мы согласны с обвинением и экспертом, профессором, доктором Айви, в том, что химик за один вечер мог решить с помощью короткого эксперимента будет ли лучше вофатит или беркатит. Заинтересованные ведомства медицинской службы Люфтваффе, профессор Шрёдер и доктор Бекер-Фрейзинг, совершенно ясно это осознавали. С химической точки зрения данная проблема могла быть решена простым способом.

Сложность которая существовала для профессора Шрёдера в отношении данной проблема, однако, находилась в иной плоскости; это была нехватка сырья преобладавшая тогда, которая возникла в Германии из-за войны. Это обстоятельство позволило техническому управлению Люфтваффе возражать применению вофатита и рассматривать метод беркатита, потому что сырьё для последнего метода могло быть получено без какой-либо сложности и производство которого можно было

начать сразу же, поскольку производственные мощности уже имелись в достаточном количестве. В случае с вофатитом было по-другому. Значительные количества серебра требовались для его производства, чего нельзя было сделать для производства вофатита в ущерб другим отраслям производства, которые также требовали данный металл. Поэтому, техническое управление Люфтваффе уже решило о введении беркатита 1 июля 1944. Профессор Шрёдер в качестве начальника медицинской инспекции, однако, не мог принять ответственность за обеспечение подразделений полагавшихся на его профессионализм беркатитом, из-за опасности существовавшей для потерпевших крушение лётчиков, вызванной обманным улучшением вкуса морской воды, которая, выпитая в больших количествах повышала риск их смерти от жажды. Также следовало выяснить вопрос о том, мог ли вообще потерпевший крушение экипаж самолёта дрейфовать вообще без воды и еды или же ему следует потреблять определенное количество морской воды вместо полного лишения воды. Этот последний вопрос мог быть разъяснён только проведением экспериментов на людях. Эксперимента на животных было недостаточно в этом смысле, потому что распределение воды в теле животных отличается от человека. Но подтверждая это медицинскими возражениями, медицинская инспекция также смогла заставить услышать это техническое управление, если медицинский эксперт, профессор, доктор Эппингер¹⁴⁶, один из наиболее известных специалистов по внутренним заболеваниям не только в Германии, но и Европе, не встал на сторону технического управления. Профессор Эппингер, на совещании в техническом управлении 25 мая 1944, прямо озвучил мнение о том, что метод Берка был подходящим, потому что за определенное время человеческая почка может накопить соли на 3 процента, и потому что витамины добавляемые при методе Берка будут подходящими для увеличения выведения соли из человеческого организма. Такое же мнение также разделялось на том же совещании фармакологом профессором Хюбнером, который всё ещё является ведущим специалистом в данной сфере.

Профессор Шрёдер не смог отвергнуть оба метода. Тогда он предстал перед фактом, что он не сделал всё возможное в его власти с целью улучшить положение потерпевших крушение немецких солдат и спасти их от нехватки воды. Поэтому, стало очевидно, что эти соображения Шрёдера дают нам подтверждение его большому чувству ответственности; ему было не просто дать своё одобрение проведению таких экспериментов.

---

¹⁴⁶ Ганс Эппингер младший (1878 — 1946) — австрийский врач, профессор университета Вены. Покончил жизнь самоубийством.

Дальнейшее развитие также чётко показывает, что Шрёдер несмотря на тот факт, что он был чрезвычайно занят официальными делами, посвятил своё огромное влияние и сознательность в данном вопросе. Он не просто решил выбрать Дахау в качестве места в котором должны были проводиться эксперименты. Изначально он даже не имел такой мысли, но он планировал проведение таких экспериментов на войсках, в институтах, которыми управляло Люфтваффе. В основном он рассматривал госпиталь Люфтваффе в Брунсвике для этой цели. 1 июля 1944 он обратился к главному врачу этого госпиталя, который был компетентен в данном вопросе, который однако, не одобрил это. Это видно из показаний доктора Гаррихаузена¹⁴⁷, который тогда был генераларцтом. Теперь профессор Шрёдер стал рассматривать военно-медицинскую академию Люфтваффе в Берлине, в которой он планировал использовать молодых курсантов академии в качестве подопытных. Запрос который он сделал также был безуспешным. Причиной почему его просьбы всегда отвергали в каждом случае, было то, что ОКВ приняло строгое распоряжение в отношении того, чтобы все выздоравливающие подлежали немедленному возвращению в свои подразделения, и чтобы курсантам академии поручали боевые задания. По той же самой причине, предложение профессора Бейгельбека о проведении экспериментов в полевом госпитале Тарвис также оказалось безуспешным.

Дальнейшая возможность использования немецких гражданских для экспериментов была исключена, потому что тогда было невозможно найти среди немецкого населения молодого человека для возрастной группы необходимой в данном случае, потому что все из них либо были призваны на военную или трудовую службу. Профессор Шрёдер, поэтому, не имел выбора, кроме как следовать предложению рассмотреть концентрационный лагерь Дахау для своей экспериментальной станции.

Профессор Шрёдер вообще не был проинформирован об условиях в концентрационном лагере. Он думал о том, что в таком лагере условия не отличаются от преобладающих в военном лагере, и только имена Дахау и Ораниенбург были известны ему как концентрационные лагеря. В этой связи, можно отметить, что СС окружали происходившее в концентрационных лагерях почти непроницаемой завесой секретности. Шрёдер никогда не слушал зарубежного радио. В кругах его медицинских офицеров такие события никогда не обсуждались. Я могу здесь отметить, непосредственный противник национал-социализма, не много не мало как прусский министр внутренних дел, давая показания на процессе

---

¹⁴⁷ Людвиг Гаррихаузен (1879-1950) – генераларцт Люфтваффе. Главный врач воздушного округа VIII.

МВТ сказал, что у него не было сведений о событиях в концентрационных лагерях, и у него были иные источники информации нежели у профессора Шрёдера. Если бы у профессора Шрёдера была информация о том, что происходит в концентрационных лагерях, пока он находился вне Германии, тогда в виду своей идеологии и верности христианству, он бы отказался от такого контакта с концентрационным лагерем возникшем из приказа о проведении этих экспериментов. Решающим для Шрёдера было то, что эксперименты не должны были проводиться под надзором и командованием эсэсовского руководства лагеря, а полностью отдельно, под специальным командованием медицинского офицера Люфтваффе и подготовленного специалиста. В качестве другого соображения, профессор Шрёдер принимал во внимание, что полезного результата можно было достичь этими экспериментами, только если они будут проводиться без прерывания или препятствий. Так как тогда преобладали почти ежедневные воздушные налёты по всей Германии, никаких гарантий беспрепятственному проведению этих экспериментов нельзя было дать нигде в Германии. Однако, было известно, что воздушные налёты не производят по концентрационным лагерям. Более того, нельзя вменять профессору Шрёдеру то, что он выбрал концентрационный лагерь, чтобы получить беззащитные средства, которые предоставят себя для экспериментов. Правдой является обратное. Было ясно, что профессор Шрёдер, хотел успешного проведения этих экспериментов только на добровольных подопытных, так как руководя экспериментами он был зависим от сотрудничества подопытных, поскольку иным образом было невозможно получить клинические данные. И каждый недобровольный подопытный имел бы волю выйти из эксперимента симулировав недомогание или боль, таким образом, заставив руководителя эксперимента прекратить его.

Для дальнейшей оценки поведения профессора Шрёдера, особо следует учитывать разговор с главным врачом СС Гравицем. Профессор Шрёдер выразил Гравицу мнение о том, что он будет работать только со здоровыми и добровольными подопытными, чей возраст соответствовал лётчикам, и он поставил следующие условия о том, чтобы подопытные имели такие же физиологические и расовые предпосылки как и военнослужащие германского Вермахта. При допросе, профессор Шрёдер свидетельствовал под присягой о том, что в этой связи он говорил с Гравицем о дезертирах германского Вермахта, которые, как он знал, были переведены в концентрационный лагерь из-за серьезности своих нарушений.

Профессор Шрёдер не мог предполагать, как и не имел никаких отчётов от Гравица или руководства СС, о том, что руководство СС не приняло его предложение и что вместо бывших военнослужащих германского Вермахта, для

экспериментальных целей выбрали цыган. Профессор Шрёдер, со своей точки зрения, полагался на Гравица в проведении подготовки его предложений; он не имел причины ожидать, что СС решит о подопытных, вопреки его обоснованной воле, которые расово и физиологически не отвечали требованиям профессора Шрёдера.

Из-за чрезвычайно больших обязанностей возложенных на профессора Шрёдера в качестве высшего медицинского офицера неизбежным крахом германского военного сопротивления, это дело составляло небольшой сегмент его официальных обязанностей и следует признать, что он сам не мог заниматься данным вопросом.

Следующее соображение, о котором думал профессор Шрёдер было то, могли ли такие эксперименты быть опасными и влекущими вред здоровью подопытных. Профессор Шрёдер подробно изучал данный вопрос и предусматривал все возможные аспекты данной проблемы. Профессор Шрёдер также знал о том, что морская вода использовалась докторами для лечения и что критерий вреда зависел от дозировки. При наличии медицинского надзора не должно было быть вреда здоровью. Поэтому, довод обвинения о том, что он не принял во внимание опасности, не является оправданным.

Ничего более не показывает высочайшую степень которая характеризует профессора Шрёдера, чем инструкции, которые медицинский инспектор принял для человека проводившего эти эксперименты.

Профессор Шрёдер был убеждён в том, что проводимые эксперименты не представляли опасности для подопытных и он выразил такое своё мнение главному врачу СС Гравицу. Такая опасность была бы исключена если бы количество морской воды регулировалось с учётом наилучшего медицинского опыта, и когда было чётко приказано о том, что эксперименты следовало прекращать в определённое время; и более того, если бы человек ответственный за эксперименты, согласно профессиональным и этическим стандартам, проводил эксперименты гуманным образом, принимая во внимание все медицинские и клинические соображения.

Поэтому, совершенно оправданно, если профессор Шрёдер заявляет о том, что он, с учётом его положения врача и ведущего медицинского офицера, учитывал все возможные ситуации и пытался предотвратить все возможные источники опасности насколько было по-человечески возможно. Его указание ответственному человеку о прекращении экспериментов как только подопытный отказывался принимать воду, и если наблюдался опасный вред здоровью, следует трактовать в пользу Шрёдера. Лицо проводившее эксперименты имело всех необходимых

ассистентов и ряд специальных сотрудников из медицинских кругов также как и всё оборудование для проведения своей работы.

Утверждение о том, что и планирование и подготовка экспериментов Шрёдером соответствует любым требованиям, что такое планирование было полностью морально осознанным, с подлинным чувством долга и гуманности, также подтвердилось данному трибуналу профессором, доктором Вольхардтом, также как и американским экспертом, профессором Айви. Просто немыслимо, чтобы инструкции о проведении экспериментов могли быть более точными с медицинской точки зрения чем разработанные профессором Шрёдером.

Данной и речью и доказательствами, все обвинения против профессора Шрёдера в экспериментах с морской водой опровергаются.

.....

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Бейгельбека

.....

Лица, подвергнутые экспериментам

Относительно этого сперва я хочу представить заявления подсудимого:

«Штейнбауэр: Вы имели влияние на отбор подопытных?»

«Бейгельбек: Нет. Мне сказали в медицинской инспекции, что подготовка будет проведена СС, и СС согласно этим приготовлениям предоставит подопытных. Я не занимался этим.

«Штейнбауэр: У вас были приказы о выяснении того, как поступили подопытные и какими были обстоятельства этого?»

«Бейгельбек: Нет. Такого решения не мог принять ни я ни Люфтваффе.

«Штейнбауэр: Вам было известно заранее, что будут использованы цыгане?»

Бейгельбек: Я понял то, что цыгане прибыли в Дахау от коменданта лагеря...Поэтому, я не чувствовал себя ответственным ни за выбор места в котором проводились эксперименты, ни за выбор используемых лиц.

Подсудимый, профессор, доктор Шрёдер заявил об этом в перекрёстном допросе:

«Макхэни: Вы, что-либо говорили Бейгельбеку о подопытных?»

«Шрёдер: Нет. Мы говорили лишь о самом вопросе. Я не совсем уверен в том, что вопрос «концентрационного лагеря» уже был определён. Пожалуйста, почему бы вам не спросить самого Бейгельбека? Я не знаю было ли это до или после 1 июня.

«Макхэни: Вы ничего не говорили Бейгельбеку о том, чтобы он удостоверился в том, что немецких добровольцев следовало использовать в экспериментах?

«Шрёдер: Само собой разумеется. Это не обсуждалось. Это не являлось предметом обсуждения. Тут нечего было обсуждать.

«Макхэни: Значит вы ему не говорили?

«Шрёдер: Я не знаю. Я не могу сказать вам под присягой. Я знаю о том, что были добровольцы, и я точно не говорил о том, что они должны были быть немцами, потому что у меня вообще не было никакой другой возможности о которой я бы мог говорить. Всё это было конструкциями возникшими позже, но тогда подопытные вообще не обсуждались».

Это были цыгане, носившие чёрную нашивку асоциальных элементов. Подсудимый заявил о том, что ответственный за снабжение штурмбаннфюрер сказал ему о том, что эти лица являлись асоциальными элементами, которых интернировали за совершение наказуемых правонарушений, а не по социальным мотивам. Как мы прочли в книге Когона¹⁴⁸ «Государство СС», чёрная нашивка фактически обозначала асоциальные элементы. Мы видим из документа НО-179, экземпляра обвинения 135, что группенфюрер СС Небе предложил в качестве подопытных лиц асоциальные элементы из смешанных цыган в концентрационном лагере Аушвиц, которые были здоровы, но в то же время непригодны для труда. В книге о цыганах, королевского управления полиции Мюнхена, 1905, (Бейгельбек 28, экз. Бейгельбек 11) мы читаем:

«Огромная сложность имеется в определении происхождения цыган. Большинство из них всячески стараются, скрыть своё происхождение с помощью ложных заявлений или пренебрежением...»

Их асоциальный характер привёл к серии полицейских правил, из которых наиболее важными являются следующие, что касались Германии:

Распоряжение от 16 мая 1938, RMB1.i.V (Бюллетень министерства внутренних дел Рейха) страницы 883-4, о мерах против нежелательных цыган.

¹⁴⁸ Ойген Когон (1903 — 1987) — немецкий публицист, социолог, политолог. В 1939-1945 заключённый концентрационного лагеря Бухенвальд.

Распоряжение от 10 ноября 1939, RMBl.i.V, страница 2339, о постановке цыган на учёт.

Распоряжение от 2 сентября, REICHSGESETZBLATT, I, страница 1578. Запрет бродяжничества цыган в прифронтовой зоне¹⁴⁹ (Раздел 4 указа о прифронтовой охране).

Свидетель Дорн заявил:

«Насколько мне известно, коричневый знак убрали в Бухенвальде в 1940 и все цыгане арестованные по расовым мотивам были асоциальными. Другими словами, с 1940, в лагере не было цыган которых бы не обозначали в учётной системе как асоциальных, как нежелающих работать»

Этот же свидетель сказал:

«Я могу просто сказать, что изначально всех цыган арестовывали по расовым мотивам. Позднее это изменилось. Некоторых из цыган которых не объявляли асоциальными элементами переводили из Дахау в трудовую колонию исправительного учреждения Ребдорф»

Знаменитый швейцарский психиатр О. Блойлер¹⁵⁰, Цюрих, написал в своём учебнике по психиатрии, Берлин, Шпрингер, 1937 на страницах 397-400:

Структура этнических девиаций

«...Большое количество асоциальных элементов показывают такой тип характера, который всё еще не развит. Большинство из них отстают в школе, даже если их интеллект является хорошим, потому что они проявляют слишком мало усердия и внимания. Чрезвычайные достижения в каком-либо единственном направлении являются редкими. Многие из них лентяи, воры, лжецы, жестокие к животным и людям, намеренно, часто умышленно и пренебрежительно вредят своему и чужому имуществу, праздные, ненадёжные и эгоистичные. Они не могут

¹⁴⁹ Защитник подсудимого Бейгельбека процитировал показания свидетелей обвинения Штора, Пильвелла и Тшофенига и показании свидетеля защиты Меттбаха, которые заявили о том, что приблизительно 40 или 50 цыган использовались для экспериментов с морской водой и о том, что они носили как черные так и зелёные треугольники. Чёрные треугольники следовало носить тем заключенным концентрационных лагерей, которых считали асоциальными, а зелёные тем кого считали преступниками.

¹⁵⁰ Ойген Блойлер (1857 — 1939) — швейцарский психиатр, наиболее известный своим вкладом в понимание психических заболеваний и введение термина «шизофрения» (поэтому шизофрению иногда называют «болезнью Блейлера»). Блейлер также ввёл понятие аутизма.

подчиняться власти, бегут от того, что не хотят делать; наказания не уважаются, ни кнут ни пряник не имеют никаких видимых эффектов. Когда они мошенничают они хитроумны и энергичны, быстро учатся у остальных плохому и вообще не учатся тому, что хорошо, имея инстинктивную склонность к плохой компании».

Я не делаю особой ссылки на асоциальный характер, кроме того, что укажу на то, что нам следует быть особо аккуратными оценивая их достоверность, в связи с их общей тенденцией к лживости и из-за определенной психотической алчности относительно компенсации. Этого не требуется для таких опытных судей; я ссылаюсь на данный факт по юридическим причинам. Хорошо известно, что не существует юридического определения преступлений против человечности. Согласно юристам, такие преступления могут быть совершены только против лиц, которых преследуют по политическим, религиозным и расовым признакам.

Для завершения главы в её юридических аспектах, я также хочу упомянуть расовые правила по цыганскому вопросу как они виделись германскому законодательству. Согласно 12-му распоряжению дополняющему закон о гражданстве Рейха, датированному 25 апреля 1943 (REICHSGESETZBLATT, I, стр. 268), цыганам которые ещё не являлись немецкими гражданами не предоставлялось гражданство. Раздел 4 данного распоряжения гласит:

«Евреи и цыгане не могут стать гражданами. Они не могут стать гражданами ни при лишении прав, ни как охраняемые лица...»

Согласно первому распоряжению дополняющему закон о защите германской крови и германской чести от 14 ноября 1935 (REICHSGESETZBLATT, I, стр. 1334), браки между цыганами и немцами запрещались. Раздел 6 данного распоряжения гласит:

«Брак не может быть заключен при наличии возможности потомства угрожающего немецкой крови».

Однако, со всей честностью, в данной связи следует признать, что на практике в Третьем Рейхе не проводилось строгого разграничения, когда цыган помещали в концентрационный лагерь, поэтому нам требуется уголовный учёт и семейная история каждого лица, подвергнутого экспериментам, чтобы точно установить асоциальный характер каждого лица. Является фактом, то, что в книге о цыганах упомянутой мной, можно найти 11 лиц подвергнутых экспериментам, которых несомненно следует охарактеризовать как асоциальные.

Как я уже упоминал, сами цыгане оставляют данный момент неясным. Поэтому ни один из пунктов доказательств не содержит столь много противоречивых заявлений как этот. Бейгельбек сам не смог сделать никаких точных заявлений по данному вопросу, но так как он говорил с ними всеми, все они точно понимали немецкий. Среди имён мы находим много славянских имён, имеющие польское, украинское или южнославянское звучание. В старой австрийской монархии, эти люди сильно перемешивались друг с другом и кочуя, они попадали на территорию Германской империи. После развала монархии, некоторые из так называемых карпатских русских стали гражданами Венгрии или Словакии. В восточных провинциях Германского Рейха, было много поляков или германизованных лиц с польскими именами. Поэтому, просто имя не может служить выводом о национальности. Однако, тот факт, что большинство из них понимали немецкий язык позволяет сделать вывод о том, что никто из лиц подверженных экспериментам не был доставлен из союзных стран.

.....

Свидетель Фриц Пилльвейн в своих письменных показаниях (Бейгельбек 32, экз. Бейгельбек 21):

«Подопытные в большинстве случаев говорили на своём цыганском диалекте. Многие из них, очевидно были славянского происхождения. Однако, я не видел документов, так как это было совершенно невозможно в концентрационном лагере и я не спрашивал их о чём-либо такого рода, я не могу точно сказать о национальности отдельных цыган. Я не спрашивал их, потому что цыгане были очень примитивными людьми, и некоторые из них не знали своих дней рождения»

Свидетель Меттбах заявил на вопрос доктора Штейнбауэра:

«Штейнбауэр: На каком языке вы говорили друг с другом?»

Меттбах: В основном на цыганском.

Штейнбауэр: Каким было гражданство отдельных подопытных?

Меттбах: Большинство были немцами. Было много австрийцев и многие из них были из Восточной Пруссии и Верхней Силезии и Бургенланда».

На вопрос представителя обвинения, свидетель Меттбах заявил:

«Харди: Там были какие-либо иностранные граждане – то есть, люди иные чем немцы – использовались для экспериментов?»

«Меттбах: Австрийцы и бургенландцы и немного из Верхней Силезии и Восточной Пруссии.

Харди: Не чехи?

Меттбах: Нет.

Харди: Не русские?

Меттбах: Нет.

Харди: Не поляки?

Меттбах: Парочка говорила по-польски, но я думаю они были из Верхней Силезии или Восточной Пруссии. Такое часто случалось. Многие верхнесилезцы могут говорить по-польски»

При опросе представителем обвинением свидетель Йозеф Ворличек заявил:

«Харди: Вам известна национальность разных подопытных?»

«Ворличек: По большей части, да.

«Харди: Вы можете сказать трибуналу о национальности разных подопытных, как вы можете вспомнить?»

«Ворличек: Там были чехи, поляки, венгры, австрийцы и немцы»

Во время допроса обвинением свидетель Ворличек заявил:

«Харди: Что же, они когда-нибудь вызывались добровольцами в какое-нибудь специальное подразделение или нечто подобное?»

«Ворличек: Что же, так бывало. Поскольку я знал словацкий язык, и там были чехи, я говорил с ними»

Следовательно, заявление подсудимого, о том, что данные лица являлись словаками из района Братиславы не имеет основания.

Пайки цыган

Подсудимый заявляет, что лица проходившие эксперименты получали лётные пайки Люфтваффе до экспериментов, и такие же пайки после экспериментов, и был дефицит только при бомбардировке склада. Во время экспериментов, лица получали пайки для крушения. Англичанин Лэдделл также говорит, что он давал своим солдатам пайки при крушении во время экспериментов. В этом месте, смотрите отрывок из Бейгельбек 20, экземпляр Бейгельбек 8:

«...Во всех экспериментах давались пайки соответствующие «диете крушения»; они включали 1 унцию бисквитов в день; сахарённое молоко; масло, жир или маргарин; шоколад» (Бейгельбек 26, экз. Бейгельбек 13; Бейгельбек 27, экз. Бейгельбек 14).

Свидетель Массон заявил в своих письменных показаниях (Бейгельбек 31, экз. Бейгельбек 12):

«Перед началом эксперимента, подопытным давали такую же еду как и еду предоставляемую лётному составу Люфтваффе, то есть, очень питательную диету из сардин, масла, сыра, молока, мяса и т.д. Во время эксперимента, 4 лица приданные трём группам вообще не получали еды, остальные получали аварийные пайки, с шоколадом и т.д. Мне известен один случай сложностей в снабжении едой, который вероятно был связан с воздушным налётом. Меня отправили во Франкфурт со срочным приказом достать аварийные пайки».

.....

Обращение с цыганами

Бейгельбек обращался с подопытными гуманным образом. Естественно, что он настаивал на строгом соблюдении, чтобы эксперимент не был фарсом. Весь эксперимент был постоянной борьбой против понятного отношения подопытных, которые хотели спасти себя путём обмана руководителя эксперимента (тайно потребляя воду и выпаривая мочу), и получали особые блага, в частности сигареты, которые в 1944 было трудно достать – и не только в концентрационных лагерях.

Здесь я сошлюсь на документ в котором профессор, доктор Денниг пишет (Бейгельбек 29, экз. Бейгельбек 15):

«При том, что человек способен в первые несколько дней успешно преодолевать жажду в хорошем состоянии, его сила воли недостаточна во время последующей стадии; они прибегали к чрезвычайно искусным средствам получения воды, как например, в случае Юргенсена».

Свидетель Эрнст Меттбах заявил в отношении данного положения на вопрос доктора Штейнбауэра:

«Штейнбауэр: Профессор запрещал вам давать им воду. Но несмотря на это вы приносили им воду? Будьбе честным.

«Меттбах: Несколько раз я приносил своему родственнику, Меттбаху, питьевую воду.

«Штейнбауэр: Как вы это делали?»

«Меттбах: Иногда я тайком проносил её на экспериментальную станцию. Иногда я просовывал её через москитную сетку на окне, которая была немного порвана»

Позднее мы подробнее поговорим о тайном потреблении воды. Сейчас я лишь хочу в общем сказать о том, что каждая капля воды которая потреблялась тайно, не только сводила на нет научную ценность экспериментов, но также и имеет огромное значение с точки зрения уголовного закона, потому что она снижала чувство жажды. Как я говорил ранее, обращение с подопытными было гуманным. В этом отношении сравните заявление доктора Лессе (Бейгельбек 14, экз. Бейгельбек 20):

«Штейнбауэр: Каким было отношение к заключенным в целом?

«Лессе: Очень гуманным и добрым.

Свидетель Массон заявил в своих письменных показаниях (Бейгельбек 31, экз. Бейгельбек 12):

«Доктор Бейгельбек обращался с заключенным настолько же гуманно как и с обычными пациентами. Он был груб с ними только, когда они получали питьевую воду вопреки приказам. Я точно знаю, что никого из подопытных не передали СС для наказания из-за каких-либо нарушений».

Свидетель Пилльвейн заявляет в своих письменных показаниях (Бейгельбек 32, экз. Бейгельбек 21):

«Штейнбауэр: Как Бейгельбек обращался с заключенными?

«Пилльвейн: Бейгельбек хорошо обращался с пациентами, что было разительным контрастом с обращением от СС. Бейгельбек очень злился, когда цыгане лгали ему про питье воды, и когда он выяснил это исследованием крови».

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-184
Экземпляр обвинения 132

Письмо технического управления министерства авиации Рейха в ведомство Гимmlера от 15 мая 1944 о методах пригодности для питья морской воды

[Штамп] Секретно

[Бланк]

Министр авиации Рейха
и главнокомандующий Люфтваффе
Техническое управление
На: № 91а, 0016 GL/C-E (51V)
№: 26 773 секретно
(В своём ответе на вышеуказанную ссылку
пожалуйста приводите дату и тему)

Берлин 3 8, 15 мая 1944
Лейпцигерштрассе 7
Телеграфный адрес: Минавиация Берлин
Телефоны: Местный: 520024
218241
120047
Междугородный: 218011
Добавочный: 4335

Предмет: Пригодность для питья морской воды.
На: Письмо рейхсфюрера СС
№ 39/4/44 секретно от 17 января 1944

Рейхсфюреру СС и главе германской полиции,
Личный штаб
Берлин

Учитывая межведомственное совещание между оберстинженером Христенсенем и гаупштурмфюрером, инженером Доле относительно вышеуказанного вопроса, объявлено о разработке двух методов пригодности для питья морской воды:

1. Метод И.Г., в основном использует нитрат серебра. Для данного процесса необходимо создание достаточно крупного производства, которое потребует приблизительно 200 тонн стали и будет стоить 250000 РМ. Количество продукции необходимой для Люфтваффе и флота составляет от 2,5 до 3 тонн чистого серебра ежемесячно. Кроме того, воду опреснённую таким способом

следует высасывать через фильтр с целью избежать поглощения осадка химикатов. Данные факты делают применение данного процесса практически невозможным.

2. Второй процесс, который был разработан, это так называемый метод Берка. Согласно данному методу, соль находящаяся в морской воде не осаждается, но обрабатывается таким образом, что не имеет неприемлимого вкуса. Она попадает в организм неочищенной и вызывает жажду. Не требуется никаких особых предприятий для производственных приготовлений для данного процесса; подготовка не требует дефицитных материалов.

Можно предполагать внедрение данного метода в Люфтваффе и флоте в короткое время. Теперь, когда немецкая техническая наука действительно добилась пригодности для питья морской воды для людей пострадавших в море, с учётом вышеизложенного, сведения о том, как зарубежные государства намерены решить данную проблему более не имеют первоочередного значения. Конечно, управление очень заинтересовано в установлении того, как, прежде всего, Соединенные Штаты решают данную проблему, и оно запрашивает, чтобы данная информация, получалась, однако, без слишком большой компроментации какого-либо лица или ведомства.

Известите нас, если вас заинтересовал метода Берка. Образцы будут доставлены.

Пакет не является препаратом для опреснения морской воды, однако пакет молока знаком ведомствам.

[Подпись неразборчива]

Приложение: [Перечёркнуто]

1 пакет молока

Перевод документа НО-177
Экземпляр обвинения 133

**Стенограмма совещания в министерстве авиации Рейха от 20 мая 1944 о
методах опреснения морской воды**

Личный штаб РФ-СС
отдел делопроизводства, дело №/220/5

Техническое управление
GL /C-E 5 VI № 26860/44 секретно

Берлин, 23 мая 1944
[Рукописно] В 29.6

[Рукописно]:
Только что получено,
передано для ознакомления РФ

[Подпись] Р. Бр. [Рудольф Брандт]

Главный врач СС

4/ июля

Стенограмма совещания от 20 мая 1944 о методах пригодности для питья морской
ВОДЫ

Присутствуют:

.....

10. Оберстинженер	Христенсен	Германское министерство авиации GL /C-E 5 IV	120047/28
11. Штабсинженер	Д-р Шиклер	Тоже	120047/4335
12. Штабсинженер	Берка	Е-Тра	Вена В 23566
13. Штабсарцт	Д-р Бекер-Фрейзинг	Начальник медицинской службы	278313
14. Унтерарцт	Д-р Шефер	Медико-исследовательский институт Люфтваффе	27 83 13

I. 19 мая 1944 в министерстве авиации Рейха состоялась предварительная дискуссия
– GL /C-E 5 VI. Присутствовали следующие лица:

GL /C-E 5 IV	Оберстинж. Христенсен
Тоже	Штабсинж. д-р Шиклер
Е-Тра	Штабсинж. Берка
Ин. Л. 14	Майор Яворрек
Начальник	Штабсарцт д-р Бекер-Фрейзинг

медицинской
службы

Тоже   Унтерарцт д-р Шефер
                                  Господин Паль

На данной встрече капитан, доктор Бекер-Фрейзинг доложил о клинических экспериментах проведённых полковником, доктором фон Сираньи и сделал вывод о том, что они не являются неоспоримыми и достаточно решающими для окончательного решения. Начальник медицинской службы убеждён в том, что если использовать метода Берка, вреда здоровью следует ожидать не позднее чем 6 дней спустя после приёма беркатита, что приведёт к стойкому вреду здоровью и – по мнению доктора Шефера – окончательно приведёт к смерти не позднее чем спустя 12 дней.

Следует ожидать таких внешних симптомов таких как сухость, понос, конвульсии, галлюцинации и наконец смерть. В результате предварительной дискуссии было согласовано проведение новой серии экспериментов короткой длительности. Должна быть создана комиссия по подготовке этой серии экспериментов. Данную комиссию следует создать совместно с высшим командованием флота на совещании 20 мая 1944.

Серия экспериментов должна включать следующее:

1. а. Лицам следует давать морскую воду обработанную методом Берка.
- б. Лицам следует давать   [Рукописная пометка]:
обычную пресную воду   Представить одну копию в министерство.
- в. Лица вообще без употребления воды.
- г. Лица с водой обработанной согласно нынешнему методу.
(0, 7 литра питьевой воды на 4 лица и 4 дня)

На время проведения экспериментов все лица будут получать только аварийный паёк предоставляемый лицам потерпевшим крушение.

Длительность экспериментов: максимум 6 дней

Дополнительно к этим экспериментам следует провести следующие:

2. Лица, употребляющие морскую воду и беркатит и в качестве диеты также аварийные пайки.

Длительность экспериментов: 12 дней.

Поскольку, по мнению начальника медицинской службы, стойкий вред здоровью – то есть, смерть подопытных – ожидается, следует использовать в качестве подопытных лиц предоставленных рейхсфюрером СС.

Господин Паль сообщил о том, что благодаря последним усовершенствованиям метода И.Г. Фарбен, небольшие количества стали необходимы для строительства средств производства нежели изначально оцениваемые И.Г. Господин Паль далее сообщил о том, что если оборудование вофатита, которое построено нельзя будет использовать для производства препарата морской воды совершенно возможно иное использование. Что касается проблемы серебра, GL /C-E 5 IV изучит доступны ли необходимые количества серебра.

GL /C-B 5, должно определиться необходимы ли такие же количества препаратов как и сейчас.

II. На главном совещании 20 мая 1944, штабсинженер, доктор Шиклер сообщит о работе проведённой с последнего совещания, в особенности о результатах предварительной дискуссии описанной в части I.

Флот подчёркивает, что он придаёт огромное значение получению метода который в настоящих условиях может быть введен без какой-либо задержки. По мнению флота результатов полученных клиническими экспериментами достаточно, поскольку они в основном интересовались возможностью потребления препарата от 3 до 5 дней. Более длительный период до 12 дней возможно будет необходим в самых редких случаях. Но несмотря на это высшее командование флота согласно с тем, что серии экспериментов, предложенные начальником медицинской службы в параграфе 1, всё же следует провести.

Эти серии экспериментов следует завершить и обобщить не позднее чем до конца июня. В течение этого периода следует провести все приготовления для обеспечения производства согласно методу Берка к дате не позднее чем 1 июля 1944, и также, если следует вводить метод И.Г., начать строительство необходимых средств производства И.Г.

Комиссия которая определит условия для серии экспериментов подлежащих проведению является следующей:

Профессор Эппингер, Вена, представитель начальника медицинской службы воздушных сил.

Представитель германского министерства авиации GL /C

Представитель высшего командования флота

Штабсарцт доктор Бекер-Фрейзинг предполагается как представитель начальника медицинской службы. Штабсинженер, доктор Шиклер и штабсинженер

Берка в качестве представителей GL; и профессор Орчиховски в качестве представителя высшего командования флота.

Было решено, чтобы GL /С-Е 5 IV, Берлин, министерство авиации Рейха является местом заседания комиссии. (Изначально место заседания было изменено с Мюнхена на Берлин после телефонного звонка доктора Бекер-Фрейзинга); и эта встреча должна быть проведена 25 мая 1944 в 10 часов 00 минут.

Было решено, что Дахау будет местом проведения экспериментов.

Штабсарцт доктор Бекер-Фрейзинг пригласит профессора Эппингера и свяжется с рейхсфюрером СС. Высшее командование флота пригласит профессора Орчиховски.

Рассылка:

Высшее командование флота – медицинское управление

Высшее командование флота, управление исследований, изобретений и патентов.

Служба исследований министерства авиации Рейха и высшего командования Люфтваффе.

Для сведения:

Отделение медицинских экспериментов и инструктажа воздушных сил, Йютеборг.

Е-управление Рехлин (Е мед)

Институт авиационной медицины

ГИА, Берлин-Адлерсхоф

Ин. Л. 14 1 отд. 2 отд., группа 3, КТВ

Рейхсфюрер СС

Техническая академия, Вена

[Подпись] К. Христенсен

[Рукописно]

А –
РСХА¹⁵¹. Посредством асоциальных цыган
Гебхардт.

¹⁵¹ Главное управление безопасности Рейха (нем. Reichssicherheitshauptamt, сокр. RSHA) — руководящий орган политической разведки и полиции безопасности Третьего рейха. Создано 27 сентября 1939 года в результате объединения Главного управления полиции безопасности (нем. Hauptamt Sicherheitspolizei) и службы безопасности (СД). Находилось в подчинении рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Генриха Гиммлера.

[Штамп]

Личный штаб РФСС – приложение получено: 12 июня 1944

Журнал № 39/4/44g

к:

Перевод документа НО-185

Экземпляр обвинения 134

**Письмо Шрёдера Гиммлеру и Гравицу от 7 июня 1944, с просьбой
подопытных для экспериментов с морской водой**

[Рукописно] Совершенно секретно

Начальник медицинской службы Люфтваффе

Дело: 55 № 510/44 совершенно секретно (2F)

Заалов, 7 июня 1944

Цоссенланд

2 копии – 1-я копия

Министру внутренних дел Рейха и рейхсфюреру СС

через главного врача СС и полиции

Берлин 3, Кнезебекштр. 51

Глубокоуважаемый министр Рейха!

Ранее вы уже позволили Люфтваффе разрешить неотложные медицинские вопросы посредством экспериментов на людях. Сегодня я вновь стою перед вопросом, который после множественных экспериментов на животных и добровольных подопытных, требует окончательного решения. Люфтваффе одновременно разработало два метода пригодности для питья морской воды. Один метод, разработанный медицинским офицером, устраняет соль из морской воды и превращает её в настоящую пресную воду; второй метод, предложенный инженером, оставляет содержание соли неизменным, но лишь устраняет неприятный вкус морской воды. Последний метод, в отличие от первого, не требует критического сырья. С медицинской точки зрения данный метод следует критически

изучить, так как применение концентрированных солевых растворов может привести к сильным симптомам отравления.

Так как эксперименты на людях до сих пор проводились лишь в периоде 4 дней, а практические требования для лечения пострадавших в море установлены в 12 дней, требуются необходимые эксперименты.

Требуются 40 здоровых подопытных, которые должны быть доступны на 4 полных недели. Так как по предыдущим экспериментам известно, что необходимые лаборатории существуют в концентрационном лагере Дахау, данный лагерь будет крайне удобным.

Руководство экспериментами должно быть передано штабсарццу, доктору Бейгельбеку, гражданскому; главному врачу клиники медицинского университета в Вене, профессору, доктору Эппингеру. После получения вашего принципиального одобрения, я составлю список других врачей, которые должны участвовать в экспериментах.

В силу огромной важности, которую имеет решение данной проблемы для потерпевших крушение военнослужащих Люфтваффе и флота, я был бы вам чрезвычайно обязан, мой дорогой министр Рейха, если вы согласитесь на мою просьбу.

Хайль Гитлер!
[Подпись] Шрёдер

Перевод документа НО-183
Экземпляр обвинения 136

Телетайп от Рудольфа Брандта Гравицу, без даты, о подопытных

[Штамп] Совершенно секретно

Телетайп:

Главному врачу СС и полиции обергруппенфюреру СС, доктору Гравицу
Берлин

Предмет: Эксперименты начальника медицинской службы Люфтваффе.
Ссылка: Ваше письмо от 28 июня 1944 – регистрационный номер 13/44 секретно.

Обергруппенфюрер!

Рейхсфюрер СС решил о том, что согласно предложению группенфюрера СС Небе, для экспериментов следует использовать цыган. Дополнительно, можно предоставить трое других лиц.

Хайль Гитлер!
[Подписано] Брандт
Штандартенфюрер СС

Перевод документа НО-182
Экземпляр обвинения 137

**Письмо Зиверса Гравицу от 24 июля 1944 об экспериментах по
опреснению морской воды**

Рейхсфюрер СС
Личный штаб «отдел-А»

(13а) Вайзенфельд/офр.
№ 135, тел. № 2
24 июля 1944

Секретно

Штандартенфюреру СС, министерияльрату, доктору Брандту, для сведения.
Обергруппенфюреру СС, главному врачу СС и полиции, доктору Гравицу.
Берлин З 15, Кнезбекштр. 51

[Рукописная пометка]
Gbl. 29.7

Дорогой обергруппенфюрер!

Я хочу проинформировать вас о своих переговорах с гауптштурмфюрером СС, доктором Плётнером и главным врачом Бейгельбеком в Дахау 20 июля. Там

будут использованы: 1 ответственное лицо, 3 химика, 1 медсестра, 3 надзирателя. Предполагаемое время: 3 недели. На нашей исследовательской станции собрано только 40 подопытных лиц, иначе будет совершенно недостаточно места, поскольку станция Плётнера полностью занята и работу нельзя прервать. Наша лаборатория недостаточно укомплектована, поскольку важное оборудование задерживается. Несмотря на серьезные сложности, достигнуто следующее соглашение: 1. В отделении Плётнера зарезевирован стол (в лабораторию). 2. Остальные комнаты будут переданы в наше распоряжение в нашем институте энтомологии на период 3 недель. Необходимое оборудование будет предоставлено Люфтваффе. Таким образом, будет гарантировано, то, что медсёстры смогут также работать в Дахау, потому что институт энтомологии расположен вне концентрационного лагеря. 3. Проживание будет согласовано между главным врачом, доктор Бейгельбеком и администрацией коменданта, поскольку у нас нет помещений. 4. Гауптштурмфюрер СС, доктор Плётнер предоставит своё содействие, помощь, и совет. Однако, он не будет участвовать во внутреннем руководстве, потому что оно будет осуществляться самими врачами Люфтваффе.

Эксперименты должны начаться 23 июля, если подопытные будут доступны к тому времени и комендант лагеря получит приказ рейхсфюрера СС. Доктор Бейгельбек сам захотел связаться с гауптштурмфюрером СС Фровейном, адъютантом главного врача СС по данному предмету.

Я надеюсь, что данная подготовка позволит успешно провести эксперименты. При получении отчёта в соответствующее время, пожалуйста, подготовьте участие и содействие рейхсфюрера СС.

С наилучшими пожеланиями и

Хайль Гитлер!
[Подпись] Зиверс
Штандартенфюрер СС

Частичный перевод документа Бекер-Фрейзинг 42
Экземпляр защиты Бекер-Фрейзинга 29

**Письменные показания доктора Людвиг Гаррихаузена от 9 января 1947 об
использовании пациентов в экспериментах с морской водой**

.....

Доктор Шрёдер, в качестве моего начальника, часто посещал поднадзорные мне госпиталя, в особенности госпиталь Люфтваффе в Брунсвике в котором я был главным врачом с 1942.

.....

Я отчетливо помню, что однажды меня спрашивали о том, возможно ли провести контролируемые эксперименты с морской водой, с целью пригодности для питья, на пациентах находившихся в лёгком состоянии и легко раненых в госпитале Люфтваффе, в госпитале Брунсвика, который находился под моим надзором. Задавал ли мне профессор, доктор Шрёдер или один из его представителей данный вопрос, и в какое время, я точно не помню. Это могло быть в июне 1944. Я должен был отказать в таких экспериментах, так как я имел строгие приказы отправлять всех пациентов и раненых, которые выписывались, обратно в войска; таким образом у меня не имелось пациентов подходящих для экспериментов. Более того, госпиталь был переполнен и поэтому, не подходил для научных экспериментов. Я также могу вспомнить, что, позднее, я снова разговаривал с профессором, доктором Шрёдером о данном вопросе, и он выразил своё сожаление тому, что эксперименты нельзя было провести в госпитале Люфтваффе в Брунсвике которым я руководил.

.....

Фрагмент допроса свидетеля Карла Холленрайнера обвинением

.....

Харди: Итак, свидетель, по каким причинам вас арестовало Гестапо 29 мая 1944?

Холленрайнер: Потому что я был цыганом смешанной крови.

Харди: И после ареста вы были отправлены в концентрационный лагерь Аушвиц?

Холленрайнер: Да.

Харди: Сколько вы находились в Аушвице?

Холленрайнер: Около 4 недель.

Харди: И затем вас перевели?

Холленрайнер: Меня отправили в Бухенвальд.

Харди: Сколько вы оставались в Бухенвальде?

Холленрайнер: Я оставался там несколько дней.

Харди: Что случилось с вами потом?

Холленрайнер: Я находился в Бухенвальде и вдруг назвали наши номера. Вызвали сорок человек, включая меня, и нам сказали, чтобы мы собирались на работу в Дахау. Как только мы прибыли в Дахау нас поместили в карантинный блок. Однажды пришёл эсэсовец и записал наши номера, и потом нам сделали рентген. Потом они послали нас в хирургическое отделение к некому доктору Люфтваффе. Боюсь я не помню имени врача. Я знаю, что он был в Люфтваффе и то, что он был австрийцем. Он осмотрел всех нас, и потом нас разделили на две группы для экспериментов с морской водой.

Харди: Свидетель, минуточку. Теперь я хочу задать вам короткие вопросы о том, что вы нам рассказали. Вы говорите, что ехали в Дахау на работу. Вы считали удачей поездку в Дахау?

Холленрайнер: Да; мой друг, цыган, уже был в Дахау, и он говорил мне о том, что там положение было гораздо лучше и что нам там будет лучше. Но не в этом суть.

Харди: Что же, вы понимали, что вам нужно будет делать, когда вы ехали в Дахау, какого типа работой это должно было быть, уборка, обезвреживание бомб?

Холленрайнер: Да. Мы ехали туда работать.

Харди: Вы понимали, что добровольно едете в Дахау на эксперименты с морской водой?

Холленрайнер: Нет, никогда.

Харди: Итак, по прибытию в Дахау вы попали в карантинный блок, это верно?

Холленрайнер: Да.

Харди: Вы оставались там день или два и проходили физический осмотр?

Холленрайнер: Да.

Харди: Вам также делали рентгеновские снимки?

Холленрайнер: Да.

Харди: И затем вас перевели в экспериментальный блок?

Холленрайнер: Да.

Харди: И там вы встретили профессора или доктора?

Холленрайнер: Да.

Харди: Вы думаете, что вы способны опознать доктора если увидите его сегодня?

Холленрайнер: Да, немедленно же. Я сразу его узнаю.

Харди: Будьте любезны, встать с места свидетеля, снять наушники, и подойти к скамье подсудимых и посмотреть, опознаёте ли вы профессора которого встречали в Дахау?

(Свидетель покидает место свидетеля)

Харди: Пожалуйста, проходите.

(Свидетель попытался напасть на подсудимого Бейгельбека)

Харди: Обвинение извиняется за поведение свидетеля, ваши чести. Из-за такого хода допроса, у обвинения больше нет вопросов, ваши чести.

Председательствующий: Пристав будет охранять свидетеля в трибунале.

Штейнбауэр: У меня нет вопросов свидетелю.

Председательствующий: Пристав сопроводит свидетеля к судейскому ложу? Сюда пойдёт переводчик, который может перевести свидетелю?

Свидетель, вас вызвали в суд для дачи показаний?

Холленрайнер: Да.

Председательствующий: Это справедливый суд.

Холленрайнер: Да.

Председательствующий: И своей попыткой напасть на подсудимого Бейгельбека на скамье подсудимых, вы посягнули на данный суд.

Холленрайнер: Ваши чести, извините моё поведение. Я очень волнуюсь.

Председательствующий: Спросите свидетеля о том, что он может сказать в своё извинение.

Холленрайнер: Ваша чести, пожалуйста простите. Я измотан. Этот человек убийца. Он разрушил мою жизнь.

Председательствующий: Ваши заявления не извиняют вашего поведения. Вы посягнули на суд, и по его приговору вы осуждаетесь на арест, на 90 дней в тюрьме Нюрнберга в качестве наказания за нарушение в данном трибунале.

Холленрайнер: Пожалуйста, трибунал, простите меня. Я женат и имею маленького сына. Этот человек убийца. Он давал мне солёную воду и прокалывал мне печень. Я ещё лечусь. Пожалуйста не отправляйте меня в тюрьму.

Председательствующий: Это не оправдание. Посягательство на суд будет наказано. Люди должны понимать, что с судом нельзя себя так вести. Пристав, вызовите охранника и удалите заключенного для отбывания наказания, которое наложил суд. Понятно, что подсудимому не назначен труд. Ему просто назначена тюрьма, за посягательство на суд путём нападения на одного из подсудимых на скамье.

Харди: Ваша честь, обвинение просит короткого перерыва, если ваша честь позволит.

Председательствующий: Очень хорошо, трибунал сейчас прервётся.

(Объявлен перерыв)

.....

Пристав: Трибунал заседает.

Харди: Обвинение желает вызвать свидетеля Карла Холленрайнера, для дачи показаний, ваши чести.

Председательствующий: Пристав вызовет свидетеля Холленрайнера.

(Свидетель Карл Холленрайнер занимает место свидетеля)

Себринг: Поднимите свою правую руку и поклянитесь. «Я клянусь господом, всемогущим и всевидящим, что я говорю чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

(Свидетель повторяет клятву)

Председательствующий: Представитель может приступать.

Харди: Свидетель, вас зовут Карл Холленрайнер?

Холленрайнер: Да.

Харди: Свидетель, мы закончили с вашими показаниями в предыдущий день на том, что вы рассказали трибуналу о вашей деятельности после вашего прибытия в концентрационный лагерь Дахау?

Холленрайнер: Да.

Харди: Итак, когда вы впервые прибыли в концентрационный лагерь Дахау?

Холленрайнер: Это было в середине июля.

Харди: И затем вы оставались в лагерном госпитале в период от 1 до 2 дней?

Холленрайнер: В Аушвице?

Харди: Нет, в Дахау, после вашего прибытия?

Холленрайнер: Да, да, в Дахау.

Харди: И потом вас осмотрели и делали рентгеновские снимки.

Холленрайнер: Да.

Харди: После вашего физического осмотра и рентгеновских снимков, что с вами случилось?

Холленрайнер: Потом мы попали в так называемое хирургическое отделение. Нас было 40 человек. Потом пришёл доктор Люфтваффе и осмотрел нас. Мы сняли свою одежду и выстроились в линию. Потом он сказал: «Что же, вам дадут хорошую еду, такую какой у вас никогда не было, и потом вы вообще ничего не будете есть, и вы

будете пить морскую воду». Один из заключенных по имени Руди Таубманн выскочил и отказался. Он был на экспериментах, экспериментах с холодной водой, и он больше не хотел никаких экспериментов. Доктор из Люфтваффе сказал: «Если не успокоишься, и будешь выступать, я пристрелю тебя на месте». У доктора из Люфтваффе был пистолет, и мы затихли. Почти неделю нам давали печенья, сухари и коричневый сахар. Было 21 маленькое печенье, и три или четыре кусочка декстрозы. Другого мы не получали. 8 дней –

Харди: Минуточку. Кто-нибудь был добровольцем для этих экспериментов?

Холленрайнер: Нет.

Харди: Вас спрашивали или нет о том желаете ли вы быть добровольцем для экспериментов?

Холленрайнер: Нет.

Харди: Остальных заключенных спрашивали о том хотят ли они быть добровольцами?

Холленрайнер: Нет.

Харди: Молодой Меттбах был добровольцем, младший Меттбах?

Холленрайнер: Я знаю только одного Эрнста Меттбаха из Фюрта, но не знаю, чтобы он вызывался добровольцем.

Харди: Эрнс Меттбах проходил эксперименты; то есть, он закончил эксперименты?

Холленрайнер: Нет, он был там только короткое время, может быть 2 или 3 дня. Потом, доктор из Люфтваффе забрал его, и куда он попал мне неизвестно.

Харди: Итак, профессор спрашивал у кого-нибудь его согласия перед проведением экспериментов с морской водой?

Холленрайнер: Нет.

Харди: Профессор или какие-нибудь другие врачи Люфтваффе говорили с заключенными и сообщали им об опасностях эксперимента перед началом самих экспериментов?

Холленрайнер: Нет.

Харди: Итак, подробно опишите трибуналу какую еду подопытные получали до начала экспериментов, во время экспериментов и после экспериментов, и делая это, свидетель, будьте любезны говорить медленнее и отчетливее, для того, чтобы переводчики смогли переводить вас более эффективно.

Холленрайнер: Да. Сначала мы получали картофель, молоко и потом мы получали печенья и декстрозу и сухари. Так длилось почти 1 неделю. Потом мы вообще ничего не получали. Тогда доктор из Люфтваффе сказал: «Итак, вы должны пить морскую воду на пустой желудок». Это длилось почти 1 или 2 недели. Этот Руди Таубманн, как я уже говорил, волновался и не хотел участвовать; и доктор из

Люфтваффе сказал: «Если ты волнуешься и бунтуешь, я тебя пристрелю» и тогда мы успокоились. Потом мы начали пить морскую воду. Я пил худшую, она была жёлтоватой. Мы пили два или три раза в день, и потом вечером мы пили жёлтую штуку. Было три вида воды, белая вода и жёлтая вода; и я пил жёлтую. Спустя несколько дней люди сходили с ума; у них шла пена со рта. Доктор из Люфтваффе пришёл с циничным смехом и сказал: «Теперь время прокола печени». Я очень хорошо это запомнил.

Харди: Свидетель, говорите медленнее. Спасибо.

Холленрайнер: Да. Первый ряд слева, когда вы входите, вторая кровать, это была первая. Он сошёл с ума и лаял как собака. У него была пена со рта. Доктор из Люфтваффе положил его на носилки и с белым покрывалом, потом он всадил иглу справа (*показывает*), и там была игла в крови, и это было очень больно. Мы молчали и тряслись. Когда это закончилось, настала очередь других заключенных. Люди сходили с ума от жажды и голода, мы были такими голодными – но доктору было всё равно. Он был холодный как лёд. Мы ему были неинтересны. Потом, один цыган – я уже не знаю его имени – однажды съел маленький кусочек хлеба, или выпил немного еды; я точно не помню, что он сделал. Доктор из Люфтваффе был очень зол и заткнул его рот. Он взял цыгана и привязал его к кровати и заткнул его рот.

Харди: Свидетель, вы говорите о клеящей ленте на рте цыгана?

Холленрайнер: Да.

Харди: Пожалуйста, продолжайте.

Холленрайнер: Тогда цыган, он лежал на боку, большой, здоровяк, отказался пить воду. Он попросил доктора из Люфтваффе отпустить его. Он сказал, что не может терпеть воду. Он болел. Доктор из Люфтваффе был безжалостен и сказал: «Нет, ты должен выпить». Доктор из Люфтваффе попросил помощника придти и принести зонд. Естественно, мы не знали, что значит зонд. Потом один из его помощников принёс красную трубку такой длины (*показывает*) и засунул трубку сначала в рот цыгану, а потом в желудок.

Харди: Секундочку. Какой длины была трубка? Какой она могла быть, полметра длиной?

Холленрайнер: Почти такой длинны (*показывает*).

Харди: Это будет полметра?

Холленрайнер: Да, почти полметра. И потом доктор из Люфтваффе взял свою красную трубку и засунул в рот цыгану и в его желудок. И он закачал воду по трубке. Цыган упал на колени и молил его о пощаде, но доктору было всё равно.

Харди: Свидетель, во время экспериментов у вас измеряли температуру?

Холленрайнер: Да.

Харди: Кто мерял температуру?

Холленрайнер: Было два француза, один высокий и один низкий блондин; и они меряли температуру и доктор из Люфтваффе тоже измерял температуру.

Харди: Когда вы говорите «доктор из Люфтваффе» вы имеете в виду человека которого называете «профессор». Профессор и доктор из Люфтваффе это один и тот же или разные люди.

Холльрайнер: Да.

Харди: Я понял. Спасибо. Итак, кто делал проколы печени?

Холленрайнер: Доктор из Люфтваффе сам делал проколы печени. Некоторым людям делали проколы печени в то же время, что и проколы спины. Доктор из Люфтваффе сам их делал. Это было очень больно. Что-то менялось. Это была вода – я не знаю, что это было.

Харди: Да.

Холленрайнер: Доктор из Люфтваффе пришёл ко мне и сказал: «Теперь, Холленрайнер, твоя очередь». Я лежал в кровати. Я очень ослаб от этой воды и из-за того, что ничего не ел. Он сказал: «Теперь ложись на правый бок и снимай одежду с правой стороны». Я лежал на кровати и доктор из Люфтваффе сел рядом со мной и вогнал в меня длинную иглу. Было очень больно. Я сказал: «Доктор, что вы делаете?» Доктор сказал: «Я делаю прокол печени, чтобы соль вышла из твоей печени».

Харди: Теперь, свидетель, вы можете рассказать нам, являлись ли подопытные в экспериментах цыганами чисто немецкой национальности или были польские цыгане, русские цыгане, чехословацкие цыгане и так далее?

Холленрайнер: Да, там было семь или восемь немцев и остальные из них были поляками и чехами, чешскими цыганами и польскими цыганами.

Харди: Подопытных когда-нибудь выпускали из экспериментальной станции во двор вне экспериментальных барачков?

Холленрайнер: Да, в конце, когда все эксперименты закончились; троих вынесли на носилках. Они были накрыты покрывалами, но я не знаю были они мертвы или нет. Но мы, мои друзья и я, говорили об этом. Мы никогда не видели этих троих снова, ни на работе ни где-либо ещё в лагере. Мы часто говорили об этом и интересовались где они. Мы никогда не видели их снова. Мы думали, что они умерли.

Харди: Вам известно, куда их забрали?

Холленрайнер: Нет, я не знаю.

Харди: Что же, во время экспериментов вас каждый день взвешивали?

Холленрайнер: Да. Нас взвешивали.

Харди: Это было каждый день или через день?

Холленрайнер: Я точно не помню.

Харди: Что же, теперь, после завершения экспериментов в начале сентября, что с вами происходило?

Холленрайнер: Когда эксперименты закончились?

Харди: Да.

Холленрайнер: Я вам уже рассказывал. Нас отправили в госпиталь и доктор из Люфтваффе пришёл и сказал, чтобы мы сняли свою одежду и мы выстроились и разделились на три группы. Доктор из Люфтваффе сказал: «Теперь вам дадут еду. У вас никогда не было такой хорошей еды». Нам давали картофель, декстрозу, печенья, молоко –

Харди: Свидетель, минуточку. Я ссылаюсь на конец экспериментов, после завершения экспериментов. Вы можете рассказать нам какого числа завершились эксперименты и вы были переведены с экспериментальной станции?

Холленрайнер: Эксперимент длился, может быть, 4 или 5 недель. Я не знаю дату.

Харди: Что же, тогда, они завершились в начале сентября. Это правильно? Вы прибыли –

Холленрайнер: Да.

Харди: Итак, после завершения экспериментов вы вернулись в лагерь или в лагерьный госпиталь?

Холленрайнер: Нет, в лагерь, в блок 22. Мы не могли ходить. Все поддерживали друг друга. Мы были истощены. Я забыл кое-что. Перед началом экспериментов у нас приблизительно одну неделю была хорошая еда, доктор вывел нас во двор рядом с госпиталем. Пришёл доктор из Люфтваффе. У него была маленькая бутылка в руке и мы выстроились. В бутылке была некая жидкость и он нарисовал номер нам на груди. У меня был номер «23». Она жггла. Потом мы пошли в блок. На каждой кровати был номер, такой же номер, который был на нашей груди. Один человек – не помню кто – один из заключённых, сказал: «Это они называют номер смерти». Я был сильно напуган и заключённые говорили: «Да, это число смерти для того, чтобы доктор из Люфтваффе узнавал кто умер».

Мы не хотели идти на эксперименты, но какой у нас был выбор? Мы были просто заключёнными. Никто не беспокоился за нас. Нам пришлось позволить делать им всё, что они хотели. Мы не могли сопротивляться. У меня не было власти не иметь к этому отношения –

Харди: Хорошо. Секундочку. Вашим номером на кровати был «23»?

Холленрайнер: Да.

Харди: Тогда вас считали подопытным номер 23?

Холленрайнер: Да.

Харди: Свидетель вы болели во время экспериментов?

Холленрайнер: Да.

Харди: Итак, свидетель, после завершения экспериментов в начале сентября, вас вызвали и взвесили для определения вашего веса 2 недели спустя?

Холленрайнер: Нет, не спустя 2 недели.

Харди: Вас вызывали и взвешивали 1 неделю спустя после завершения экспериментов? Вы помните?

Холленрайнер: Я не помню. Но нас взвешивали.

Харди: Вас взвешивали каждый день во время экспериментов?

Холленрайнер: Да.

Харди: То, что я хочу узнать, вас взвешивали после завершения экспериментов?

Например, вас взвешивали каждый день во время экспериментов; потом эксперименты закончились; потом вас не взвешивали снова в период от 1 до 2 недель. Вас взвешивали 1 или 2 недели после завершения экспериментов?

Холленрайнер: Когда все эксперименты закончились? Нет.

Харди: Что же, теперь, после того как вы покинули экспериментальный блок и пошли в лагерь, сколько прошло, чтобы вы могли вернуться к работе?

Холленрайнер: Несколько дней. Потом нас отправили в отделение на ферме в Фельдмохингене. Нам приходилось тяжело работать и еда была лучше чем в лагере, но вам известно, если вы заключенный, что вам дают фермеры? Немного хлеба, немного супа – но, в любом случае было лучше чем в лагере; и потом каждый вечер мы возвращались в наш блок и тогда мы получали нашу обычную лагерную еду.

.....

Допрос свидетеля Карла Холленрайнера защитой

.....

Штейнбауэр: Когда вас первый раз допрашивали, вы сказали, что у вас не было предыдущих судимостей. Вы поддерживаете данное утверждение?

Холленрайнер: Нет, у меня были судимости.

Штейнбауэр: Значит, вы солгали?

Холленрайнер: Я имел в виду эксперименты.

Штейнбауэр: Вопрос был о том, что вас до ареста Гестапо судили и привлекали к ответственности. Тогда ничего не упоминалось об экспериментах. Это отговорка. Вы признаёте, что солгали? Для вас же это лучше.

Холленрайнер: Нет. Я не лгал.

Штейнбауэр: Что же, вас осуждали?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: За кражу?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: За мошенничество?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: За грабёж?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: За вымогательство?

Холленрайнер: О чём вы говорите?

Штейнбауэр: Принуждение.

Холленрайнер: Нет.

Штейнбауэр: За использование подложных документов?

Холленрайнер: Нет. Я никогда не использовал подложных документов.

Штейнбауэр: Говорите медленнее. Мы вернёмся к этому. Вас арестовывали за дезертирство?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Вас обвиняли в дезертирстве?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Вы отказались от призыва?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Не поэтому вас отправили в концентрационный лагерь?

Холленрайнер: Нет, меня отправили в концентрационный лагерь, просто, потому что я был цыганом. Мои братья были на войне и они вернулись из России и были направлены в Заксенхаузен и убиты там, потому что предложили, чтобы в германской армии больше не было цыган.

Штейнбауэр: Какого рода нашивку вы носили в лагере?

Холленрайнер: Черную.

Штейнбауэр: Вы и ваша жена, заявили о том, что вы участвовали в экспериментах с малярией, флегмоной, тифом и морской водой?

Холленрайнер: Нет, только в этом эксперименте, не малярии.

Штейнбауэр: Вы признаёте, что вы солгали молодому доктору, который говорил с вами?

Холленрайнер: Нет, я не лгал доктору. Я сказал ему истинную правду. Моей жене и мне не разрешили жениться. У моей жены был от меня ребёнок и он был кремирован в Биркенау. Моя сестра была кремирована и оба её ребёнка.

Штейнбауэр: Не волнуйтесь. Я спросил вас о том, говорили ли вы молодому доктору, о том, что на вас проводили четыре разных эксперимента. Все, что вам нужно сказать это да или нет.

Холленрайнер: Я говорил доктору, что я пил морскую воду.

Штейнбауэр: Послушайте, господин Холленрайнер, не надо юлить, как делают цыгане. Дайте мне чёткий ответ как свидетель, находящийся под присягой. Вы говорили доктору о том, что участвовали в других экспериментах, да или нет?

Холленрайнер: Нет. Я только пил солёную воду.

Харди: Ваша честь, показания этого доктора не приобщались к материалам. Я не понимаю, на что ссылается доктор Штейнбауэр.

.....

Штейнбауэр: Вы сказали, что находились в Аушвице?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Вы находились в лагере уничтожения Биркенау?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: В большом лагере были цыгане?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Там были женщины и дети?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Там была ваша жена?

Холленрайнер: Да, моя невеста, Ида Шмидт. Её газировали. Она была сожжена. Я никогда её снова не видел.

Штейнбауэр: Вы однажды били свою жену, так, что кровь брызнула на стену?

Холленрайнер: Нет.

Штейнбауэр: Вы когда-нибудь били её?

Холленрайнер: Нет.

.....

Штейнбауэр: Я спросил вас о том, является ли правдой то, что я прочёл, о том, что вас разделили и вызывали ваши номера, и т. д.?

Холленрайнер: Нас вообще не спрашивали. Сорок из нас собрали вместе и нас отправили в Дахау.

Штейнбауэр: Итак, я должен вам сказать, что ваш земляк – он из Фюрта, по имени Меттбах – сказал, что он говорил с вами и в частности сказал, что он хотел поехать в Дахау, потому что он был ближе от Фюрта чем Бухенвальд; это правда?

Холленрайнер: Так могло быть. Я не думал ехать в Дахау, потому что мой брат жил в Мюнхене.

Штейнбауэр: Значит вы вызвались добровольно?

Холленрайнер: Нет.

Штейнбауэр: Как получилось, что Лаубрингер сказал нечто другое? Лаубрингер сказал, что вас обманули, вот почему вы вызвались добровольцами?

Холленрайнер: Нет, я никогда не вызывался добровольцем. Я точно бы не вызвался на смертельные эксперименты.

Штейнбауэр: Что же, вы поехали в Дахау?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Вам известен старший Герцберг?

Холленрайнер: Нет.

Штейнбауэр: Вы не помните цыгана из Братиславы?

Холленрайнер: Нет.

Штейнбауэр: Который был старейшим цыганом?

Холленрайнер: Я не помню.

Штейнбауэр: Вы были его товарищем недели и не знаете его имени?

Холленрайнер: Нет.

Штейнбауэр: Возможно, что Меттбах не знал всех имен, не так ли?

Холленрайнер: Откуда мне знать? У меня не было времени спрашивать каждого об имени.

Штейнбауэр: Когда начались эксперименты, профессор объяснял цель? Это было спасение людей потерпевших крушение, и это был эксперимент с морской водой?

Холленрайнер: Да, конечно.

Штейнбауэр: Он объяснял, что вы у вас будет сильная жажда?

Холленрайнер: Да, он это сделал.

Штейнбауэр: И жажда была очень неприятной?

Холленрайнер: Да.

.....

Штейнбауэр: Свидетель, жажда высушивала рот?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Как вы объясните, что у этих людей была пена изо рта?

Холленрайнер: У них были припадки и пена изо рта, у них были припадки безумия.

Штейнбауэр: Я лишь спросил как могла появиться пена при полном засыхании?

Холленрайнер: Я не знаю.

Штейнбауэр: Вы не знаете. Значит некоторые стали безумными?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Цыгане держатся вместе, не так ли?

Холленрайнер: Да, конечно.

Штейнбауэр: Тогда вы можете сказать, кто стал безумным?

Холленрайнер: Я не помню.

Штейнбауэр: Вы должны знать. Если мой друг – я дважды был солдатом – и если мой друг стал безумным, тогда бы я точно это заметил.

Холленрайнер: Это был высокий человек, который был в первом ряду. У него началось первым. Он стал припадочным и тряс руками и ногами. Он был высоким худым цыганом.

Штейнбауэр: Вы сказали, что вас взвешивали?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Возможно, что после эксперимента, когда вы получили снова хорошую еду и достаточно воды, вас перевзвешивали?

Холленрайнер: Нет.

Штейнбауэр: Но есть таблица показывающая, что вас взвешивали каждый день?

Холленрайнер: Я не знаю.

Штейнбауэр: При взвешивании вы стояли или лежали?

Холленрайнер: Стояли.

Штейнбауэр: Кого-либо из людей взвешивали лёжа?

Холленрайнер: Я не помню.

Штейнбауэр: Были весы на которых людей могли взвешивать лёжа?

Холленрайнер: Я не знаю.

Штейнбауэр: Как выглядели весы?

Холленрайнер: Ну, были большие весы. Вам нужно было на них вставать. Была стрелка показывавшая вес.

Штейнбауэр: Человек, чей рот был заклеян, тоже получил трубку в живот?

Холленрайнер: Я не помню.

Штейнбауэр: Вашу печень прокалывали?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: У вас остался шрам?

Холленрайнер: Шрам? Я не знаю.

Штейнбауэр: Вы смотрите на своё тело?

Холленрайнер: Да. Вы хотите посмотреть?

Штейнбауэр: Нет. Я просто спросил, есть ли у вас шрам?

Холленрайнер: Вы имеете в виду маленькую отметину?

Штейнбауэр: У вас есть маленький круглый шрам?

Холленрайнер: Я не присматривался.

Штейнбауэр: Что же, вы думаете у вас он есть или нет?

Холленрайнер: Я не знаю. Я больше не задумывался об этих лагерных вопросах, иначе бы я сошёл с ума. Я не хочу больше ничего слышать о лагере. Мы достаточно пострадали.

Штейнбауэр: Свидетель, вы думаете, что сошли с ума или душевнобольной?

Холленрайнер: Нет. Я не думаю, что я безумен. Я сказал, что я быстро бы сошёл с ума если бы думал обо всё этом в лагере.

Штейнбауэр: Вы думаете, что у вас не всё в порядке с психикой?

Холленрайнер: Нет.

Штейнбауэр: Вы говорите, что сходили с ума?

Холленрайнер: Что же, если бы я думал о лагере.

Харди: Я возражаю такой линии опроса.

Штейнбауэр: Что же, вашу печень прокалывали?

Холленрайнер: Да.

Штейнбауэр: Вам известно есть у вас шрам, да или нет?

Холленрайнер: Я не знаю.

Штейнбауэр: Какой была национальность людей в лагере, кто был подопытными?

Холленрайнер: Поляки и чехи?

Штейнбауэр: Сколько было немцев?

Холленрайнер: Семь или восемь, которые говорили по-немецки.

Штейнбауэр: Там были венгры и бургенландцы?

Холленрайнер: Нет. Я не знаю.

.....

Фрагменты допроса подсудимого Бейгельбека обвинением

.....

Харди: Доктор, вы можете стенографировать?

Бейгельбек: Да, я знаю стенографирование.

Харди: Это ваши стенографические пометки на обороте документа С-23?

Бейгельбек: Да.

Харди: Вы любезно зачитаете трибуналу – расшифруете их? Это будет слишком сложно, или вы хотите дать вам мою расшифровку в помощь вам?

Бейгельбек: Говорится: «Жажда принимает форму сложную для выносливости. Пациент апатичен».

Харди: Доктор, извините. Может вам поможет, если вы используете эту расшифровку. У меня есть экспертная расшифровка записей; и тогда переводчики смогут следовать за вами быстрее. У меня есть также английские копии для трибунала, и если будут какие-нибудь неточности укажите на расшифровку как это изложено на английском –

Себринг: Господин Харди, вы их приобщаете?

Харди: Ваша честь, есть проблема. Я хотел бы, чтобы он расшифровал записи, и тогда трибунал решит, кто приобщит документ в качестве доказательства, либо защита либо обвинение, тогда, если необходимо, я присвою документу номер. Я думаю, нам нужно подождать до разъяснения вопроса.

Харди: Профессор, вы проверите расшифровку?

Бейгельбек: Она верная, за исключением первой строки говорящей –

Председательствующий: Вы прочли свои стенографические записи, не так ли?

Бейгельбек: Да, и я сравнил их с расшифровкой.

Председательствующий: Теперь прочтите из стенографических записей то, что является правильным. Вы поняли это? Вы можете прочесть стенографические записи напрямую или из машинописной расшифровки, как вам удобно. Пожалуйста, читайте, помедленнее.

Харди: Ваша честь, пока он читает, я предлагаю, чтобы он останавливался там, где он желает внести поправки, и мы сможем править английскую копию и переводчики смогут исправить немецкую копию.

Председательствующий: Он может обратить внимание на поправки.

Бейгельбек: «Жажда принимает форму сложную для выносливости». Вторая версия гласит: «почти непреодолимую». Мои записи такого не говорят.

«Жажда принимают форму сложную для выносливости. Пациент лежит совершенно без движения с полужакрытыми глазами. Пациент лежит апатично. Он мало замечает окружение. Он лишь просит воды при пробуждении от своего сонного состояния»

«Рефлексы очень плохие и показывают признаки снижения. Общее состояние не даёт причин для тревоги.

«Дыхание заметно порывистое, умеренно учащённое».

«Дыхание 25 в минуту»

«Глазницы глубоко запавшие», нужно читать «глубоко». Здесь говорится «часто»

«Влажность кожи сильно снижена»

«Кожа сухая, язык полностью сухой, белый налёт»

«Слизистые оболочки рта и губ сухие, последние покрыты коркой. Лёгкие показывают очень сухой бронхит, нижняя граница VI-XI». Следует читать «XI». Изначально было «XII» и видимо я исправил на «XI»

«Острое везикулярное», слово «дыхание» здесь опущено, конечно.

«Острое везикулярное дыхание» - это медицинский термин.

«Сердцебиение очень слабое, едва слышимое. Пульс слабый. Неполный. Пальпация пульса плохая». Здесь говорится, что пульс «ощущается», а должно быть «неполный». Пульс замедленный.

Затем то, что описано как неразборчивое: «Стенки истончились», Здесь я вероятно сказал: «сильно истончились».

«Печень 2 ½ - 3 пальца ниже, достаточно мягкая, умеренно чувствительная к давлению».

«Селезёнка мягкая» это неправильно. Говорится: «Селезёнка реуторичная, увеличенная в форме кольца, немного увеличенная».

«Мускулатура гипотоничная. Суставы расслаблены. Слабая чувствительность мышц к давлению. Указания на формирование горизонтальных уплотнений. Сильные вертикальные формирования» До этого момента, так это в тексте; потом с целью объяснить это, я добавил то, что мы занимались с так называемым идео-мышечным уплотнением.

Далее текст продолжает: «Рефлексы» с двумя маленькими крестами, то есть, реакция сильная. «Брюшные рефлексы», также два маленьких креста. «Ромберг» так здесь говорится. «Бабински отрицательный».

«Слева» - здесь говорится «Лейф» «феномен». Слева «феномен Бехера». «Оппенгейм негативный». «Росселино негативный». «Рефлекс глазного яблока плохой». «Тонус глазного яблока плохой». «Рефлекс глазного яблока» с маленьким крестом – это позитивный.

Харди: Итак, профессор Бейгельбек, посмотрев эти стенографические записи в предложении первого абзаца, которое будет третьим предложением, которое

говорит: «Он мало замечает окружение» есть подчистка сделанная в стенографических записях?

Бейгельбек: Нет. Я не вижу никакой.

Харди: На месте слова «мало» которое присутствует в тексте на обороте С-23, изначально был символ, стенографический символ слова «нет» и потом слово «нет» было стёрто в стенографических пометках в этом предложении?

Бейгельбек: Я вижу, что здесь действительно было что-то написано; возможно тогда я написал это сверху. Я не вижу ничего стёртого.

Харди: Итак, в предложении того же абзаца, первый абзац, четвёртое предложение говорит: «Он лишь просит воды при пробуждении от своего сонного состояния», другое слово появляется в том же месте для характеристики «сонного состояния»? Другое слово не должно быть на месте «сонного», и вы можете разглядеть было ли стёртой характеристикой слово «сонная»? Я думаю изначально характеристика хорошо видна как «полубессознательное».

Бейгельбек: То, что здесь различимо говорит: «Цифра»

Харди: После предложения, которое я только, что прочёл: «Он просит воды...»

Председательствующий: Я не понял объяснения свидетеля о задвоении в стенографической записи. Свидетель, какой ваше объяснение?

Бейгельбек: Немецкое слово «benommen».

Председательствующий: Цифра? Не без сознания?

Бейгельбек: Цифра.

Харди: В первом примере, в предложении: «Он мало замечает своё окружение», заметна подчистка, в том, что слово «не» было заменено на слово «мало»?

Бейгельбек: Что-то было написано сверху.

Председательствующий: Вы покажите трибуналу, пожалуйста, что было вписано?

Доктор, вы покажите нам? Покажите характеристику в предложении: «Он мало замечает своё окружение» и покажите, к какой характеристике это относится во второй строке символов.

Харди: Ваша честь, здесь, последний символ на странице.

Председательствующий: Итак, покажите трибуналу, где появляются слова «полубессознательно» или «цифра» где это было написано? Это последний символ третьей строки.

Бейгельбек: Да, здесь. (*указывает*)

Председательствующий: Теперь после предложения: «Он лишь просит воды при пробуждении от своего сонного состояния», которое это четвёртая стенографическая строка на обороте таблицы С-23, мы видим, что вся строка или

половина строки была стёрта. Эта половина строки ранее содержала стенографические символы, но они теперь неразличимы. Это верно?

Бейгельбек: Да. Что-то было стёрто.

Харди: Ваши чести могут видеть, что красная стирательная резинка использовалась для стирания половины строки символов; след стирательной резинки здесь очевиден.

Итак, профессор, в предложении следующего абзаца стенографических записей, второе предложение гласит: «Общее состояние не даёт причин для тревоги» Это правильно?

Бейгельбек: Да.

Харди: Теперь, при всём написании вами символов, между каждым словом вы обычно оставляли пространство для обозначения другого слова, не так ли? Это очень ясно из вашего почерка. Вы оставляли пространства между каждым символом означаящим слово. Правильно?

Бейгельбек: Нет. По-разному. Иногда слова писались рядом, довольно близко, как например здесь (*указывает*).

Харди: Что же, здесь в предложении где говорится: «Общее состояние не даёт причин для тревоги» слово «не» - то есть символ – не имеет пространства с другими символами на листке, не так ли? Фактически символ для «не» касается предыдущего символа «общее состояние», без пробела. Вы добавляли слово «не» позднее другим карандашом?

Бейгельбек: Нет. Я делаю так довольно часто. Когда, что-то пишется над строкой в стенографической записи я ставлю соединяющий знак.

Харди: Теперь, если вы перейдёте к предложению параграфа которое гласит: «Дыхание видимо ровное, умеренно учащенное». Слово «является» было изначально вместо «видимо», не так ли, до затирки? Изначально не было: «Дыхание является порывистым, умеренно учащённым»?

Бейгельбек: Здесь говорится: «видимо учащённым; умеренно учащенным». Я написал это дважды.

Харди: Что же, а теперь, о чём второе предложение?

Бейгельбек: «Дыхание видимо порывистое, умеренно учащённое». «Дыхание 25 в минуту».

Харди: Слово «является», символ слова «является», был в этом предложении до внесения поправки?

Бейгельбек: Какое слово?

Харди: «Является» - «я-в-л-я-е-т-с-я»

Бейгельбек: Нет.

Харди: Вам не видно, что в этом предложении слово «является» было стёрто и заменено на «видимо», символ «видимо»?

Бейгельбек: Нет.

Харди: Вы не видите. Доктор, посмотрите в лупу?

Бейгельбек: В стенографической записи я написал слово «является» -

Харди: Итак, далее в том же предложении, доктор Бейгельбек, после слова «порывисто», изначально не было слова «затруднённо» вместо «умеренно»? Слово «затруднённое» было стёрто и заменено на «умеренно» и затем дважды перечёркнуто.

Бейгельбек: Здесь говорится «проблематичное».

Харди: Говорится: «Дыхание порывистое» Могло говориться «затруднённо частое» до изменения, не так ли?

Бейгельбек: «Затруднённо умеренное» здесь говорится. Это значит: «Затрудненно умеренное учащенное».

Харди: Символ изменялся?

Бейгельбек: Я уже сказал, что изначально было «проблемное».

Харди: В предложении были сделаны какие-нибудь подчистки?

Бейгельбек: Тут было дописано сверху.

Харди: И потом перечёркнуто?

Бейгельбек: Да.

Харди: Какое слово было дописано? Это слово, которое теперь различимо, слово «умеренно» или слово «затруднённо»?

Бейгельбек: Это не «затруднённо». Написано: «Проблемное».

Харди: Что же, какой символ говорит «проблемное», тот, что различим или тот, что дописан?

Бейгельбек: Он различим; это было «проблемное».

Харди: А теперь, в предложении, которое начинается в восьмом абзаце со слов: «Сердцебиение очень слабое, плохо слышимое» в этом предложении символ был стёрт и вписан другой? Символ «едва» был стёрт и заменён «плохо»? Мне кажется можно отчётливо видеть очертания изначального символа «едва», не так ли?

Бейгельбек: Да, это так.

Харди: Доктор, кто внёс правки? Вы сами?

Бейгельбек: Да.

Харди: Когда вы их сделали?

Бейгельбек: Я уже не могу сказать, точно, когда их сделал.

Харди: Вы сделали их в Дахау?

Бейгельбек: Нет.

Харди: Вы сделали их в Нюрнберге?

Бейгельбек: Да.

Харди: Вы стёрли эти стенографические символы в четвёртой строке здесь в Нюрнберге?

Бейгельбек: Да, я это сделал.

.....

Харди: Итак, доктор, у вас была возможность подумать прошлым вечером в ходе вашего последнего допроса, и вы сказали трибуналу, что эти стенографические записи были изменены вами здесь, в Нюрнберге; вы готовы сейчас рассказать трибуналу, почему вам потребовалось вносить изменения в эти стенографические записи?

Харди: Я прошу разрешения дать следующее объяснение. Я изменил эти записи до передачи этих листков, то есть, после их возвращения от доктора Вольхардта. Я лишь внёс некоторые изменения в стенографические записи, и потом я сказал своему защитнику, которого я не информировал до сих пор – это я хочу подчеркнуть - я сказал ему, что нам следует отозвать карты взвешивания, потому что я немедленно извинился за то, что кое-что изменил. Я изначально планировал представить карты взвешивания этих лиц, потому что мне казалось, что лишь по изменению веса можно установить как развивался эксперимент. И потом, когда я совершил это бездумное действие, моя совесть мучила меня и я сказал своему защитнику не приобщать их. Но я хочу заявить о том, что я не вносил никаких изменений в остальной отчёт о ходе экспериментов; в количество мочи, температуру, и в особенности в случае с весом, они являются оригинальными данными, также в случае крови, с давлением крови. В том, что вы видите на обложке таблицы, ничего не изменялось после доставки таблиц.

Харди: Вы можете нам сказать о причине изменения вами некоторых стенографических записей?

Бейгельбек: Потому что лицо, которое не знает о состоянии жажды получило бы более сильное впечатление, чем оно было на самом деле.

Харди: Доктор, вам есть, что еще сказать об этих изменениях? Вы можете сейчас объяснить трибуналу, что-нибудь ещё об изменениях.

Бейгельбек: Что же, я хочу вновь заявить о том, что я извиняюсь за то, что это сделал. Как я сказал, я лишь хотел представить замеры, и не из-за других результатов медицинских экспериментов, а потому что по моему мнению из таблиц взвешиваний можно чётко определить, во-первых, сколько веса потерял

подопытный; во-вторых, они однозначно показывают сколько дней пили воду; в-третьих, они показывают, что непосредственно после завершения эксперимента появлялся набор веса у всех подопытных; и в-четвёртых, можно видеть, что когда лица были отпущены в большинстве случаев они вернулись к своему начальному весу.

Себринг: Доктор, как вы поясните, тот факт, что имена были стёрты со многих таблиц?

Бейгельбек: Это стирание имен произошло раньше. Я этого не делал. Я ничего не изменял на обложках этих таблиц. Возможно, что это уже случилось в Дахау. Я не могу вам сказать. Возможно, что я стёр их позднее в Тарвисе. Я не стирал их здесь.

.....

Фрагменты допроса эксперта, доктора Франца Вольхардта защитой

.....

Маркс: Пожалуйста, коротко расскажите трибуналу о вашей научной деятельности и специальной сфере к которой вы проявляете особый интерес?

Вольхардт: Я являюсь профессором медицины во Франкфурте и в основном занимаюсь вопросами кровобращения, метаболизма, давления крови и заболеваниями почек.

Маркс: В каких германских университетах вы являетесь профессором?

Вольхардт: Галле и Франкфурте.

Маркс: Вы являетесь автором научных работ в этой особой сфере деятельности?

Вольхардт: Да.

Маркс: Они распространялись и переводились в зарубежных странах?

Вольхардт: Да, они переводились на русский, за моей спиной.

Маркс: Учитывая факты о которых вы сказали, будет правильным сказать, что у вас есть регалии в этой стране и за рубежом; будьте любезны рассказать трибуналу о том какие награды вы получили за рубежом?

Вольхардт: Мне действительно нужно?

Маркс: Членом каких иностранных академий и научных обществ вы являетесь?

Профессор, я хочу получать ответы на свои вопросы, потому что у них есть определенная цель.

Вольхардт: Я почётный доктор в Сорбонне, Париже, Гёттингене и Фрайбурге; и, что касается научных обществ, их много, медицинское общество Эдинбурга, в Женеве, в Люксембурге. Я почётный преподаватель университета Сантьяго и так далее и тому подобное.

Маркс: Большое спасибо. Далее меня интересует услышать от вас о ваших связях с НСДАП и какого рода были эти связи и преследовала ли вас партия каким-либо образом. Вероятно вы сначала можете ответить на первый вопрос.

Вольхардт: Когда я читал лекции на испанском в Южной Америке, и когда я прочёл лекцию в Кордове, Аргентина, медицинскому конгрессу, я получил телеграмму в том отношении, что меня освобождают с должности и причиной было отсутствие антисемитского отношения.

Маркс: Когда это было?

Вольхардт: 1938.

Маркс: И сколько прошло пока вас не восстановили?

Вольхардт: До 1945.

Маркс: Вы действительный профессор.

Вольхардт: Да, действительный профессор медицины университета Франкфурта.

Маркс: Итак, профессор, несколько вопросов о вашей исследовательской работе. Вы в частности занимались лечением голодом и жаждой при заболеваниях почек. Правильно?

Вольхардт: Да.

Маркс: Значит, у вас есть личный медицинский и научный опыт наблюдения людей при лечении голодом и жаждой?

Вольхардт: Да.

Маркс: Господин председательствующий, перед продолжением допроса эксперта, я хочу позволить себе сделать предложение. Есть два типа возможности допроса профессора Вольхардта по вопросам интересующим нас в деле. Первая возможность, та, которую я считаю правильной, заключается в том, что профессор Вольхардт даст нам продолжительное экспертное мнение о всём комплексе вопросов интересующих нас, и в конце, я позволю себе задать несколько итоговых вопросов, что также конечно будет возможно и обвинителю. Другая возможность это то, что задам ряд отдельных вопросов эксперту, которые хронологически касаются предмета и техники с медицинской точки зрения. Но это будет вырыванием из контекста и не даст настолько же ясную картину ситуации как в первом случае. Господин председательствующий, поэтому я прошу вас принять решение о том, следует ли эксперту дать нам своё мнение в форме лекции.

Председательствующий: Если защитник поставит свидетелю гипотетический вопрос охватывающий основные факты исследуемые здесь, и если свидетель ответит на гипотетический вопрос без дальнейшего опроса защитником и позволит ответить коротко и по существу, не слишком распространяясь о факте того, что морская вода непригодна для питья и является вредной, о чём трибуналу очень хорошо известно, мы можем последовать предложению защитника. Гипотетический вопрос должен охватить факты в деле, что эксперименты проводились на группе людей, контрольной группе, неконтрольной группе и других, тогда свидетель сможет ответить на данный вопрос не прерываясь защитником если его ответ, как я сказал, краткий и не слишком уходящий в обобщения.

Маркс: Очень хорошо, господин председательствующий.

Итак, профессор, вы достаточно познакомились с планированием и проведением так называемых экспериментов с морской водой для того, чтобы дать экспертное мнение о данном предмете?

Вольхардт: Да.

Маркс: Какие документальные доказательства у вас были?

Вольхардт: У меня были оригинальные протоколы подготовленные Бейгельбеком.

Маркс: Сначала я разберусь с характером и типом экспериментов. Есть ли разница между характером этих экспериментов с морской водой и экспериментов с искусственным инфицированием малярией и холерой и если были различия то в чём?

Вольхардт: Вы вообще не можете сравнивать оба, потому что в случае с экспериментами с морской водой всё находилось под полным контролем и могло быть немедленно прекращено, и потому что эксперименты заняли такое короткое время, что опасность вреда была абсолютно точно исключена. В случае с искусственной инфекцией такого не могло быть.

Маркс: Вы сказали, что в случае экспериментов с морской водой, обеспечивалось их прерывание, и можно было избежать опасности здоровью и организму с уверенностью или пограничной уверенностью.

Вольхардт: Не последнее. Я сказал с абсолютной точностью.

Маркс: Теперь я перехожу к планированию данных экспериментов. Я предполагаю, что вам известна встреча 25 мая 1944, решающая в планировании экспериментов. Присутствие профессоров Эппингера и Хюбнера гарантировало чисто научное и медицински верное обращение с проблемой?

Вольхардт: Несомненно. Профессор Хюбнер является ведущим учёным и критически важным лицом, профессор Эппингер был одним из ведущих клинических врачей в мире и наиболее выдающимся экспертом, и я полагаю оба

этих господина имели причины позволить проведение таких экспериментов, предположительно с целью усилить медиков, перед техниками. Во-вторых, идеей Эппингера видимо являлось то, что в таких строгих экспериментальных условиях, почка пострадает в необычной степени и что беркатит, который содержит витамины, может помочь работе почки.

Маркс: Профессор, какое у вас мнение об отдельных экспериментальных группах?

Вольхардт: Я думаю, что научно говоря, планирование было превосходным и у меня нет возражений общему плану. Хорошо было бы добавить группу голода и жажды, потому что нам известен опыт, что жажду хуже вынести чем голод, и если люди страдают от голода и жажды, они не страдают от голода, но страдают от жажды; этим бы воспроизводились потерпевшие крушение лица, потому что они страдают только от жажды. Было превосходно, что вофатит должен был применяться в экспериментах, хотя вначале и ожидалось, что это чудесное изобретение покажет свою ценность. Получилось, что группа с морской водой обработанной методом Шефера реагировала похожим образом как и группа подвержденная умеренному голоду и не пострадала ни от какого сильного дискомфорта. При голодном уходе 12, или скажем 8 дней, потому что люди всё ещё ели в течение первых 4 дней, это небольшое дело, и мы имеем этому бесчисленное количество примеров по медицинским причинам. Есть санатории в которых люди обходятся без еды 4 недели, и пока они получают воду со вкусом фруктового сока, они чувствуют себя хорошо и часто с энтузиазмом. Группа 2 была группой Шефера, группы 3 и 4 были группами получавшими 500 мл морской воды, одна без и одна с вофатитом. Группа 3 была единственной которая пила по 1000 мл морской воды. Именно эта могла использовать добровольцев из-за очевидного факта, поскольку от сотрудничества подопытных нельзя было отказываться; без их доброй воли такая подготовка эксперимента невозможна. То, что можно было найти достаточно добровольцев это само собой разумеется, поскольку период 10 дней превосходной еды до и после эксперимента предшествовал ему, и поскольку можно было гарантировать их наилучшее доверие, в том, что нет и не будет никакой опасности.

Маркс: Профессор, мы дойдем до этого. Вы начали говорить о пище, питании. Какое у вас мнение о пище до, во время, и после самих экспериментов?

Вольхардт: Что же, до экспериментов оно было прекрасным. Во время экспериментов оно было умеренным, соответствующим такому же как для крушения и потом было совершенно превосходным. По моему мнению, во время таких коротких экспериментов питание не играло никакой роли.

Харди: С позволения трибунала, могу я спросить о том, свидетель даёт показания о тех фактах, которые он установил, изучив графики и таблицы, подготовленные

профессором Бейгельбеком или он свидетельствует по слухам о том, какую пищу давали этим заключенным, или на чём он основывает свои сведения представляемые здесь?

Вольхардт: Я даю показания согласно протоколам, которые я изучил.

Харди: Спасибо.

Вольхардт: Но я не придаю никакого значения умеренной еде во время экспериментов, потому что это несущественный момент, который как я сказал был у нас по многу раз.

Председательствующий: Свидетель, когда вы ссылаетесь на изученные протоколы, коротко говорите какие протоколы вы изучали.

Вольхардт: Оригинальные протоколы.

.....

Маркс: Профессор, как вы судите индивидуальные осмотры проводимые профессором Бейгельбеком? Они были адекватным решением практического вопроса о том достаточно ли полезен беркатит и предпочтителен для утоления жажды, и было достаточно судить по ежедневному состоянию подопытных о правильном времени для прерывания экспериментов?

Вы поняли мой вопрос?

Вольхардт: Да. Понял. Я думаю о том, что подготовка этих экспериментов была прекрасной с научной точки зрения, и Бейгельбек видимо делал всё с огромным усердием и огромной ответственностью проводя эти эксперименты которые ему приказали проводить.

Маркс: Будет правильным сказать, что такая личность как Бейгельбек, как профессор медицины и главный врач клиники, многие годы на основе ежедневных осмотров и посредством своих внутренних соображений и изучения подопытного, был в состоянии узнать любую угрозу здоровью лица до того как она могла стать серьезной?

Вольхардт: Это само собой разумеется. Бейгельбек это превосходный медик и огромная забота, с которой он проводил эти эксперименты показывает, что он полностью осознавал свою ответственность. Однако, трудно представить, чтобы во время таких коротких экспериментов, вообще случался серьезный вред.

.....

Маркс: Профессор ранее вы коротко разбирались с вопросом голодания, голода или жажды для цели лечения, и я теперь хочу спросить вас о том, что назначение лечения голодом и жаждой на несколько дней является медицински признанным фактом, и также насколько вы считаете, что голод и жажда при полном отказе от еды и жидкости можно применять не ставя под угрозу чье-либо здоровье.

Вольхардт: Это зависит от того кто это. Изначально, я рекомендовал лечение голодом и жаждой в случае острого воспаления почек, но есть люди у которых есть много воды в системе и вода поглощается во время такого лечения. Удивительно, как можно видеть, лечение воздействовало очень быстро. В таких случаях применялись три, пять, семь и даже более дней голода. В других случаях, в которых не было избытка воды, мы применяли только 6-ти дневное голодание. В течение времени, когда я особо интересовался этими экспериментами, в моей клинике были четыре женщины, у всех было высокое давление крови. Им было 50, 51, 53 и 63 года. У одной было давление крови 210/100 и 6 дней спустя оно снизилось до 170/100. У третьей было давление крови 280/160 и 6 дней спустя оно упало до 180/100. Потеря веса составила от 3 до 4 килограммов и естественно пациенты, в течение этих дней, страдали от жажды, ощущали слабость в конце шестого дня, но они были так рады улучшению состояния, что они считали неприятности прошедших дней пустяками.

Маркс: Правильно, что когда вода исключается, также следует исключать и питание?

Вольхардт: Проще выносить жажду при голодании, потому что питание заставляет работать почки, и если вы исключите соль в питании, вода уходит. Таким образом, аппетит пропадает при жажде. Поэтому, определенно лучше голодать и испытывать жажду одновременно.

Маркс: Профессор, правильно соблюдать индивидуальные дозы с целью предотвращения поноса и если отдельные количества менее 300 мл признаются, вы можете предотвратить понос?

Вольхардт: В случае моря и горькой воды вы пострадаете от поноса если выпьете разом большое количество. Если вы распределите её на день вы пострадаете от запора.

Маркс: Да, но вы не ответили на мой вопрос. Я спрашивал об индивидуальных дозах.

Вольхардт: Да, что же, я пытался сказать, что если вы растянете её на день принимая маленькие дозы вместо большой сразу, тогда не будет опасности никакого поноса.

Маркс: Вы можете описать морскую воду как яд?

Вольхардт: Абсолютно нет. Существует тренд к лечению морской водой, который растёт, и люди пьют поллитра морской воды каждый день недели. Не может быть и речи о каком-либо отравляющем качестве. Фактически, люди говорят, что чувствуют себя прекрасно. Единственная разница в том, что в случае такого лечения назначается также и пресная вода, в виде чая, кофе и супа, для того, чтобы противодействовать эффекту обезвоживания морской воды.

Маркс: Профессор, я бы хотел, чтобы вы говорили медленнее и делали паузу после отдельных ответов, чтобы позволить переводчикам следить.

Был эксперимент во время, которого принималась доза от 500 до 1000 мл морской воды ежедневно и он описывался как опасный, эксперимент предусматривал прекращение при наличии угрозы здоровью?

Вольхардт: Не может быть и речи о какой-либо опасности здоровью во время первых нескольких дней. Единственный вопрос в том, сколько тело сможет выдерживать лишение влаги? Морская вода имеет трёхпроцентное содержание соли. В целом, по крайней мере до сих пор, мы предполагали, что почки не могут справиться с такой концентрацией соли. Это означает, что соль останется в системе, собирая воду из тканей. В начале, это не имеет значения, но спустя 6 или 7 или 8 дней, это станет неприятным и можно ожидать, что на двенадцатый день будет некоторая опасность. Были случаи спасения в море, когда даже спустя 17 или более дней получилась реабилитация, но я скажу, что я никогда не стремился к таким экспериментам за двенадцатым днём, и в таком случае с которым мы имеем дело, все эксперименты прекращались на шестой день, а значит опасность здоровью во время экспериментов не обсуждалась.

Маркс: Целью этих экспериментов было получение полупроницаемой мембраны?

Вольхардт: Я не понимаю как можно такое представить. То чём мы занимались было вопросом, сколько человеческий организм может выжить без воды и под воздействием растущего количества соли. Итак, это предмет содержания воды в организме и он зависит прежде всего, от того используется ли вода в промежуточных тканях или будет использоваться клеточная жидкость. В последнем случае, есть опасность, которая становится видимой при избытке марганца, и это также постоянно наблюдалось и проверялось во время таких экспериментов, и не было избытка марганца такого какой можно было ожидать спустя 6 дней.

Маркс: И неправильно говорить, что эксперименты не планировались ни научно ни медицински, это правильно?

Вольхардт: Абсолютно нет.

Маркс: Можно их было запланировать по-другому?

Вольхардт: Я не знаю как.

Маркс: Эти эксперименты представляли интерес для войны или интерес для ухода за потерпевшими крушение моряками или солдатами?

Вольхардт: Последнее.

Маркс: Другими словами, для лётчиков и моряков, которые потерпели крушение или могли потерпеть крушение?

Вольхардт: В конце войны был рост количества сбитых пилотов, также как и потерпевшего кораблекрушение личного состава, и поэтому, долгом заинтересованного ведомства гигиены было рассмотреть вопрос о том как лучше всего обращаться со случаями личного состава потерпевшего кораблекрушение; это было причиной для совещания. Ранее Шефер, как мы вчера слышали, рекомендовал, чтобы не принималось никакой жидкости. Когда, совместно с И.Г. Фарбен, он добился устранения соли и горькой соли из морской воды путём вофатита, проблема была действительно научно решена. Однако, существовали значительные технические сложности, и было непросто обеспечить каждого пилота достаточным вофатитом в дополнение к тому, что он ещё должен был носить для защиты себя от опасности крушения. Нет сомнения в том, почему Эппингер и Хюбнер были согласны на эксперимент, и к сожалению в то же самое время появился господин Берка с беркатитом, и техники впечатлились, потому что метод был проще и дешевле.

Маркс: Профессор, была какая-нибудь причина ожидать симптомов вреда, которые могли появиться позднее чем 10 дней спустя после завершения эксперимента?

Вольхардт: Это совершенно исключено, даже после седьмого дня. Последующий вред исключён, потому что длительность экспериментов была слишком короткой.

Маркс: Чему вы приписываете потерю веса во время таких экспериментов?

Вольхардт: Это почти всегда потеря воды. Как я уже говорил вам, избыток соли возникает в теле лишённом воды. Тело должно иметь снабжение водой если поступает соль. Другими словами если тело не получает другой воды нежели морская вода, происходит атака на воду в организме, и поэтому происходит снижение веса, которое, однако, можно возместить очень быстро.

Маркс: Что вы скажете об ожидаемой потере веса в организме и потере воды?

Вольхардт: Я скажу большая часть это потеря воды, но разделение этого, это то, что я не хочу делать с уверенностью. Возможно, вы можете сравнить сколько было потеряно во время применения Шефера при том, что голод был сильнее и сколько было потеряно в случае с Берком.

Маркс: Скорость, с которой происходит потеря воды, играет важную роль?

Вольхардт: Да, конечно, огромную роль. Белые конечности это хорошо известный пример, во время которого идёт наиболее сильная потеря воды и соли за 24 часа. Я

знал о случае в котором 10 литров воды и 150 граммов соли приходилось вводить внутривенно, подкожно и через желудок, чтобы спасти лицо пострадавшее от такой острой потери воды. Если, с другой стороны, это длится днями и если вы не ожидаете такой опасной потери соли, организм может выдержать гораздо более длительный период. Возможно я могу добавить, что потеря соли также опасна как и избыток соли, и также в случае потери соли связанной с потерей воды, ожидается значительное снижение веса. Хорошо известно, что экспедиция на гору Монте Розе потеряла 5 килограммов соли и воды в весе и вес нельзя было возместить несмотря на добавление воды с солью.

Маркс: Профессор, согласно документам находившемся в вашем распоряжении эти эксперименты были достаточно подготовленными?

Вольхардт: По моему впечатлению они были чрезвычайно хорошо подготовленными, и меня особо впечатлил тот факт, что Бейгельбек достаточно обследовал участников и посчитал использование троих из них неподходящим из-за обнаружения болезни лёгких.

Маркс: Я также хочу разобраться с такими приготовлениями –

Макхэни: Я не думаю, что согласно воображению свидетеля можно говорить о том, что Бейгельбек проводил осмотр или исключил трёх подопытных. По моему мнению из этого не видно, и он смог свидетельствовать о том, что Бейгельбек сказал ему. Если он не сказал, что это находится в протоколах, я думаю это следует исключить.

Председательствующий: У представителя будет возможность перекрёстно допросить свидетеля после дачи им показаний.

Маркс: Профессор, можно сказать о том, что правила для этих экспериментов также означали, что определенные эксперименты, такие как эксперименты на самом себе и на животных, писанные правила, если хотите, должны были быть и являлись правдой в данном случае?

Вольхардт: Да, существует отчёт Бейгельбека об эксперименте проведённом на самом себе в котором он наиболее подробно описывает то состояние в котором он находился во время эксперимента с морской водой, и данное описание в высшей мере совпадает с тем, что описывали мои добровольцы проходившие эксперименты. Я могу разобраться с этим позже.

Маркс: Какое у вас мнение об экспериментах, которые проводились Сираньи в Вене?

Вольхардт: Мне они показались ниже всякой критики. Я думаю у Шефера вчера сложилось такое же впечатление.

Маркс: Признаки планирования данных экспериментов, которые выходили за рамки достаточных практических задач могли привести к значительной боли или болезненным ощущениям или вели к ним?

Вольхардт: Конечно, не смешно испытывать жажду, и это основная жалоба в таких случаях. Эти люди испытывали жажду и они разочаровывались тем, что выпив морскую воду они не снижали жажду, а увеличивали её, и в конце были расстройства мускулатуры и состояние не сильно улучшалось. В таких же экспериментах с солёной водой, в которых были судороги из-за недостатка воды, характерно то, что симптомы исчезали одновременно с первым стаканом пресной воды.

Маркс: Вы считаете возможным, что в конце могли появиться нервные расстройства? Температура?

Вольхардт: Температура вообще не появлялась, я не могу представить, чтобы вообще были расстройства нервной системы.

Маркс: А судороги?

Вольхардт: В случае с безумными людьми могут появляться психические судороги, может быть, но не в случае с нормальными людьми.

Маркс: Если бы вы поставили себя на это место, учитывая ваше отношение к медицинской этике, вы бы возразили проведению такого типа экспериментов, как проводились здесь, если бы вы имели сильных, молодых людей в своём распоряжении?

Вольхардт: Я так и сделал. Поскольку меня интересовала связь с экспериментами с морской водой, я позвал добровольцев из числа своих молодых докторов и пять из них согласились, среди них был мой младший сын, и они пили искусственную морскую воду, имеющую такое же содержание соли как, в 500 мл; они получали мало еды, потому что они работали во время эксперимента. Потеря веса варьировалась и была в районе одного килограмма в день. В конце эксперимента, мой сын сильно ослаб, но после чашки чая ему стало лучше. Два дня спустя он полностью восстановил свой вес. Все пятеро участников описали эксперимент таким же образом, как и Бейгельбек описал эксперимент проведённый на себе. Четверо подопытных прервали эксперимент спустя 5 дней. Один прошёл 6 дней, и помимо продолжающейся жажды, у него не было жалоб. Любое серьезное расстройство или вред не обсуждаются, и чрезвычайным фактом была скорость с которой все симптомы жажды исчезали после приёма воды.

Маркс: Итак, профессор, эксперименты о которых мы говорим; они имели практическую цель и продемонстрировали ли они соответствующий результат?

Вольхардт: Да, это правильно. Например, было сделано важное наблюдение, которого ожидал Эппингер; он хотел понять смогут ли почки накопить соль в таких резких условиях даже в большей степени чем предполагалось. Думалось о том, что это будет нечто вроде 2,0 процентов, но были показаны 2,6 или 2,7 и рекордные цифры в 3,0; 3,5; 3,6 и 4 процента, а значит, счастливчик который мог накопить 3,6 процента или 4 процента соли смог бы прожить на морской воде длительное время.

Председательствующий: Свидетель, после вопроса поставленного защитником, делайте паузу перед ответом, для того чтобы его можно было перевести и отследить и когда вы начинаете новый ответ, говорите медленнее.

Вольхардт: Наконец, был показан один неожиданный факт, который может быть связан с этим, и это то, что потребление малых количеств морской воды до 500 мл даваемых продолжительное время переносится лучше чем просто жажда.

Маркс: Что вы в целом думаете о вофатите?

Вольхардт: Это чудесная вещь.

Маркс: Правильно говорить, что морская вода действительно становилась пресной?

Вольхардт: Да единственная сложность заключается в получении вещества в достаточных количествах для человека который потерпел крушение и не имеет с собой багажа; но это чудесное изобретение.

Маркс: Значит вы думаете, что результат данных экспериментов имеет не только значение в военное время, но также и важен для проблем морских наций?

Вольхардт: Совершенно верно, это чудесная вещь для всех морских наций.

Маркс: Таким образом оба эксперимента с вофатитом, также как и эксперименты по симптоматике, когда такое питье не доступно, было важно продемонстрировать, например, приводя к потреблению морской воды в некой дозировке.

Вольхардт: Совершенно верно.

Маркс: Это является открытием этих экспериментов?

Вольхардт: Так точно.

.....

Допрос эксперта, доктора Франца Вольхардта обвинением

.....

Харди: На чём именно основывались ваши показания в отношении экспериментов Бейгельбека?

Вольхардт: На протоколах и описаниях экспериментов Бейгельбеком.

Харди: В каких именно протоколах вы видели эти эксперименты?

Вольхардт: Протоколах которые были на руках защитника вчера или сегодня.

Харди: Доктор, я передам вам сборник протоколов, которые пронумерованы от 1 до 44 красным карандашом, и я спрашиваю вас, у вас есть протоколы и вы их изучили?

Вольхардт: Да, у меня есть эти протоколы, и я попросил одного из моих сотрудников, который участвовал в этих экспериментах прочесть протоколы и сделать из них выдержки. Они тут тоже есть.

Харди: Кто этот сотрудник?

Вольхардт: Один из моих помощников по имени Вернер. Он сейчас в зале.

Харди: Вы сказали нечто о том, что он участвовал в экспериментах; вы не имеете в виду эксперименты в Дахау, не так ли?

Вольхардт: Нет. В экспериментах, которые я проводил на своих студентах.

Харди: Вы лично изучили все протоколы?

Вольхардт: Я их видел, но не изучал каждый из них. Я оставил это молодому человеку.

Харди: И что сделал молодой человек?

Вольхардт: Он подготовил мне исчерпывающий доклад о них.

.....

Харди: Значит, ваши показания, основаны на сводке сделанной вашим помощником, правильно?

Вольхардт: Да. Это так.

Харди: Итак, на каких других протоколах доступных вам, основывались ваши показания?

Вольхардт: Таблицах заполненных карандашом с цифрами.

.....

Харди: Итак, были какие-нибудь другие протоколы которые получили вы, но о которых мы не слышали, на которых основаны ваши показания?

Вольхардт: Я не могу сейчас сказать. Я бы посоветовался с –

Харди: Мне кажется, что защита имела отчёты Бекер-Фрейзинга и Бейгельбека?

Вольхардт: Это были отчёты об общем развитии проблемы.

Харди: Что же, профессор, какого рода отчётами они были? Мы их не видели, это вам известно, и мы хотим узнать, на чём вы основываете своё мнение перед трибуналом.

Вольхардт: На описании всего курса относительно совещания, того как принималось решение, как планировались эксперименты, и затем эксперименте Бейгельбека на себе, который был очень аккуратно описан и точно соответствует тому, что испытали мои подопытные, когда они проводили эксперименты на себе.

Харди: Вы читали и изучали эти эксперименты проводимые Бекер-Фрейзингом и Бейгельбеком?

Вольхардт: Конечно.

Харди: И они повлияли на ваши показания трибуналу; вы опирались на них, делая здесь заявление?

Вольхардт: Из них у меня появилась идея о ситуации в целом; чтобы сформировать своё собственное мнение я сам провёл эксперименты.

Харди: И ваши показания основаны отчасти на отчётах подготовленных Бекер-Фрейзингом и Бейгельбеком; доктор, это правда?

Вольхардт: Да.

Харди: И эти отчёты подготовленные Бекер-Фрейзингом и Бейгельбеком не являлись своевременными протоколами экспериментов, не так ли, профессор?

Вольхардт: Я так не думаю.

Харди: Они были скорее, эссе или отчётами написанными после их ареста и заключения; профессор, это неправда?

Вольхардт: Возможно и так.

Харди: Сколько лет вашему помощнику, профессор?

Вольхардт: Двадцать шесть.

Харди: Двадцать шесть лет?

Вольхардт: Двадцать семь.

Харди: Двадцать семь лет; он изучал медицину?

Вольхардт: Конечно.

Харди: Где он учился?

Вольхардт: Гейдельберг.

Харди: Господин профессор, я прошу вас свидетельствовать по вашей памяти и если защитник пожелает вызвать помощника для дачи показаний он вправе так сделать; но меня интересовало в основном знать, что вам известно о вашем помощнике. Получается, что вы не знали о том, что он учился в Гейдельберге пока он не сказал вам?

Вольхардт: У меня в клинике от 40 до 50 молодых людей, и мне невозможно знать о каждом где он учился, но я знаком с ним по клинике. Он очень усердный и интеллигентный человек и по этой причине я попросил его сделать эту работу и снять груз с моих плечей.

Харди: Сколько он с вами работает?

Вольхардт: Более года.

Харди: Работает с вами почти год, и с этого времени вы сами проводили эксперименты с морской водой?

Вольхардт: Мы проводили их перед Масленицей.

Харди: 1947?

Вольхардт: Да, этого года.

Харди: Как получилось, что вы проводили эти эксперименты; вас попросил защитник?

Вольхардт: Нет. Меня часто просили проявить интерес к данной проблеме, и я был заинтересован в том, чтобы самому понять эффект морской воды на подопытных. Это интересовало меня, потому что я уже имел значительный опыт в сфере голода и жажды.

Харди: К вам вообще обращались в отношении данного вопроса до начала вами этих экспериментов с морской водой.

Вольхардт: Да, вот почему я начал интересоваться данным вопросом, потому что мне попросили появиться здесь в качестве свидетеля, но я проводил эксперименты полностью импровизировано, без внешнего вмешательства и в своих интересах.

Харди: Но фактически вас попросили прибыть сюда и свидетельствовать о своём решении проводить эксперименты, правильно?

Вольхардт: Конечно, конечно.

Харди: И вы приложили любые усилия, чтобы эти эксперименты совпадали по условиям с экспериментами в Дахау?

Вольхардт: Да, единственным отличием было то, что подопытные получали почти 1600 калорий в день, потому что они не прекращали свою работу. Уверен, он прошёл бы и при том, если бы они ели менее 1600 калорий, потому что жажда заставляет аппетит пропадать.

.....

Харди: Сколько подопытных вы использовали в экспериментах?

Вольхардт: Пятерых.

Харди: И вы говорите, что они были добровольцами, вашими ассистентами, правильно?

Вольхардт: Да, они все были моими докторами, добровольцами, как я сказал, также включая моего младшего сына, который тоже там был.

Харди: И, что именно происходило во время экспериментов?

Вольхардт: Этим лиц собрали в одной комнате, вручили одинаковое количество соли и они более или менее продолжали работать. Они выпили 500 мл морской воды, и один из них выпил 1000 и это почти соответствовало положениям эксперимента.

Харди: Вы говорите, что четверо из них пили 500 мл морской воды в день и пятый пил 1000 мл морской воды?

Вольхардт: Пятый выпил в один день, думаю в последний день, дополнительные 500 мл, потому что у него была сильная жажда.

Харди: Когда начался эксперимент?

Вольхардт: В понедельник перед началом поста.

Харди: Сколько он длился?

Вольхардт: Как я сказал, четверо прервали эксперимент спустя четыре дня, из-за сезона карнавалов и один из них вышел на шестой.

Харди: Что же, вы говорите о четырёх днях, вам известно сколько времени, они проходили эксперименты?

Вольхардт: Пять по двадцать четыре в целом и ещё один шесть по двадцать четыре.

Харди: Что же, я неправильно вас понял, или ваши показания изменились; вы говорили, что четверо студентов оставались в экспериментах четыре дня и один прошёл шесть дней. Это правильно?

Вольхардт: Нет, четверо были пять дней, четверо вышли в конце пятого дня, и один оставался до конца шестого дня.

Харди: И вы готовы свидетельствовать о том, что было пять по двадцать четыре, это правильно, 60 часов?

Вольхардт: Я должен сверить это с протоколом, было ли пять по двадцать четыре или четыре по двадцать четыре, или шестнадцать или восемнадцать. Эти вещи мне не показались важными. Меня в основном интересовало, понять насколько лица пострадают при экспериментах, но человек который провёл шесть дней, делал это шесть по двадцать четыре. Однако, я не хочу заявлять под присягой о количестве часов.

Харди: Что же вами проводился маленький эксперимент, как я понял, имевший целью выяснить насколько страдает человек, правильно?

Вольхардт: Да.

Харди: Вы этого не знали до проведения эксперимента, правильно?

Вольхардт: Я полагал, что у них будет сильная жажда, но я хотел понять какие субъективные ощущения или чувства будут у подопытных. То, что наиболее важно для меня заключается в том, можно ли охарактеризировать эксперименты как жестокие или бесчеловечные, и приведут ли эксперименты к сильному чувству

дискомфорта, а именно, жажде, но не допуская какого-либо вреда здоровью, вот что я хотел знать.

Харди: И ваши показания трибуналу основывались на этом эксперименте; это правильно?

Вольхардт: Нет, на обеих, как проведенным Бейгельбеком так и своим.

Харди: Что же, на ваше суждение также повлияло то, что говорил вам Бейгельбек о том насколько страдали подопытные, правильно?

Вольхардт: Бейгельбек сам подготовил свой отчет об эксперименте и общий отчет о том, что жалобы подопытных были преувеличены.

Харди: Какой эксперимент Бейгельбек провёл сам? Вы имеете в виду проведение эксперимента в тюрьме?

Вольхардт: Нет, перед началом эксперимента, он провёл эксперименты на себе.

Харди: Где находились подопытные в вашем эксперименте? Я помню, что они продолжали свою работу или нечто подобное.

Вольхардт: Они все оставались в одной комнате где они ели и спали и это делалось для упрощения проведения эксперимента, так как они должны были получить особые пайки.

Харди: Что же, теперь все подопытные находились в одной комнате во время всего хода экспериментов, правильно?

Вольхардт: Да.

Харди: И что они делали?

Вольхардт: Они выходили из этой комнаты на работу, но они возвращались в комнату для сна и еды.

Харди: Что же, доктор, у нас есть большая сложность в получении ясной картины о данном эксперименте. Теперь вы говорите о том, что они выполняли свою работу в клинике? Они не оставались в комнате всё время, правильно?

Вольхардт: Да.

Харди: Они ели в комнате и спали; правильно?

Вольхардт: Это правильно.

Харди: Они вообще не покидали клинику?

Вольхардт: Мне кажется не в эти дни.

Харди: Но вы не знаете?

Вольхардт: Я не могу клясться в этом.

Харди: Вы не можете клясться в том, что они не ходили в местный кинотеатр во время экспериментов?

Вольхардт: Нет, я не могу поклясться. Я просто не знаю.

Харди: Другими словами, у них была обычная ежедневная жизнь в течение экспериментов?

Вольхардт: Они выполняли свою ежедневную работу и в этом случае совершенно точно не пили никакой пресной воды. Они прекрасно знали о том в чём был смысл экспериментов?

Харди: Сколько они получали еды?

Вольхардт: 1600 калорий.

Харди: И вам известно какой была еда?

Вольхардт: Да, это также есть в протоколе. Это было мясо, жир и ещё что-то, но я не могу вспомнить по памяти. Однако, я могу вам дать записи.

Харди: Какие записи? У вас есть протокол этого эксперимента?

Вольхардт: Да. Это был протокол.

Харди: Итак, они не получали никакой пресной воды во время хода экспериментов, правильно?

Вольхардт: Нет.

Харди: Они получали какую-нибудь другую воду или жидкость нежели морскую воду?

Вольхардт: Нет, в этом был смысл, чтобы они не получали никакой жидкости и вот почему они позднее теряли свой аппетит.

Харди: Они не получали молоко и фруктовые соки?

Вольхардт: Нет, нет, это бы разрушило весь эксперимент, и потом они не теряли столь много веса.

Харди: Профессор, я это учёл. Где вы получали морскую воду для питья подопытных?

Вольхардт: Мы производили её в химической лаборатории согласно химическому анализу морской воды который есть во всех учебниках. У меня был химик ответственный за лабораторию и он готовил эту морскую воду согласно формуле. Мы не смогли получить натуральную морскую воду для эксперимента.

.....

Харди: Итак, вы вообще не имели подопытных без какой-либо воды, не так ли?

Вольхардт: Пятьсот миллилитров морской воды было жидкостью получаемой ими.

Харди: Что же, а в Дахау не было подопытных, которые вообще не получали воды, ни морской воды, ни другой?

Вольхардт: Да, первая группа голодала и испытывала жажду. Я уже говорил об этом и сказал, что жажду проще переносить если при этом голодать одновременно, чтобы

при этом почка как можно меньше нагружалась; таким образом, организм мог сохранить больше воды.

Харди: Но вы не можете свидетельствовать трибуналу о той боли и страданиях которым подверглись эти подопытные, не так ли? Вы не проводили похожие эксперименты на себе?

Вольхардт: Я вас не понял. Я проводил эти эксперименты, чтобы узнать, какого рода страданиям подвергаются подопытные.

Харди: Но вы не испытывали голодание на человеке 5 или 6 дней без еды и воды. Они проходили такие эксперименты в Дахау. Значит у вас нет оснований свидетельствовать о боли и страданиях которым подверглась группа подопытных, не так ли?

Вольхардт: Я упоминал, что в то же время, у меня было четыре голодавших и испытывающих жажду женщины, которые прибыли в клинику с очень высоким давлением крови и целых шесть дней эти женщины голодали и испытывали жажду. Это настолько улучшило их состояние, что они впоследствии забыли о неприятностях голодания и жажды. Я также упоминал среди них одну женщину, которая весила только 51, 7 килограмм, и которая потеряла 3. Однако, её давление крови упало с 245/125 до 185/100. Я проводил такие эксперименты в клинике ежедневно. Их были сотни. И, в случае лиц с заболеваниями почек, это принятый метод, чтобы во время войны, люди с фронта проходили тысячами такое лечение голодом и жаждой. Я вообще не контролировал этот эксперимент; это делалось в клинике ежедневно.

Харди: И эти женщины находились в клинике без воды и еды 4 дня?

Вольхардт: Шесть дней без еды и воды.

Харди: И каким был результат со стороны их давления крови? Они страдали от сильной боли?

Вольхардт: В таком деле нет вопроса боли. Они просто ощущали жажду. Достаточно странно, но они не жаловались на голод. В организме было ещё достаточно воды, чтобы поддерживать метаболизм организма обеспечивая его необходимыми химикалиями. Однако, существует дефицит нитрата натрия в организме, который однако можно преодолеть приёмом нитрата натрия. Они никогда не жаловались на голод, только жажду. Иногда они жаловались на чувство слабости, но при шестидневном голодании в этом нет ничего особенного. Как я сказал, некоторые люди переносили лечение голодом 4 недели. Мне кажется, они пили фруктовый сок во время такого длительного лечения. Мы также использовали его для терапевтических целей. Получение ими фруктового сока никоим образом не настолько же неприятно как восьмидневное голодание и лечение жаждой.

Харди: И вы вообще не компенсировали им воду и еду? Вы не делали им никаких инъекций?

Вольхардт: Нет, нет. Моей целью было вывести из организма всю лишнюю жидкость для того, чтобы упало давление крови. Я постепенно начинал кормить этих людей питанием безо всякой соли.

Харди: Вы сказали, что четверо из пяти подопытных ушли на пятый день?

Вольхардт: Да. Лишь по внутренним причинам, потому что больше не могли терпеть. Получилось, что у четверых были свидания на 5 день, но пятый оставался до шестого дня и я особо спрашивал у него чувствует ли он боль или особое истязание и он ответил, что нет. Он сказал, что с первым глотком воды у него исчез весь дискомфорт и неприятные ощущения. Я сам наблюдал своего сына. Как только он выпил чашку чая, он был в полном порядке и 2 дня спустя после эксперимента он полностью восстановил вес, который потерял. Он терял почти по килограмму в день.

Харди: Вы говорите, что у четверых были свидания на пятый день. Вы имеете в виду, то что у них была встреча с девушками?

Вольхардт: Я не знаю, что планировалось на карнавале. Я к сожалению сделал печальный вывод о том, что их интерес к карнавалу был больше чем к эксперименту. Но это указывает на то, что эксперименты не имели на них отрицательного эффекта, иначе они бы не пошли на карнавал и не веселились там.

Харди: Что же, это также может указывать на то, что они не относились к экспериментам настолько серьезно и о том, что несколько человек на скамье подсудимых интересовались результатами именно этого эксперимента, ваши четверо молодых ассистентов не относились к ним достаточно серьезно, чтобы отказаться от свидания. В этом суть?

Вольхардт: Я не могу этого отрицать. Меня не обрадовало их поведение.

Харди: Этих людей проинформировали о серьезности мероприятия?

Вольхардт: Нет.

Харди: И под каким предлогом вы предложили им пройти эксперимент?

Вольхардт: Конечно, я сказал им и они знали, о том, что такие эксперименты с морской водой стоят под вопросом, но я был полностью убеждён в том, что эти эксперименты никоим образом нельзя назвать негуманными или жестокими и соответственно мы не подходили к экспериментам так трагично. Все мы хотели узнать насколько неприятным будет эксперимент.

.....

Допрос эксперта, доктора Франца Вольхардта трибуналом

Председательствующий: Профессор, эти подопытные на которых вы проводили эксперименты в своём учреждении являлись превосходными подопытными для такого эксперимента, не так ли?

Вольхардт: Они характеризовались тем фактом, что они были медиками, которые понимали значение эксперимента и я мог на них полагаться. Физически, они не были в лучшем состоянии, по крайней мере по фотографиям чем хорошо питавшиеся подопытные.

Председательствующий: Я думаю не столько об их физическом состоянии, а о том, что они были заинтересованы в этой работе, не так ли?

Вольхардт: Да.

Председательствующий: Результаты эксперимента – на себе и на знакомых – будут интересны для каждого, не так ли? Это не так?

Вольхардт: Полагаю так, да.

Председательствующий: Каждый сам полностью контролировал своё участие в эксперименте, не так ли?

Вольхардт: Да.

Председательствующий: Если, в любое время подопытные чувствовали, что условия проведения эксперимента стали для него слишком сложными их освобождали от дальнейшего участия по их просьбе, не так ли?

Вольхардт: Несомненно он бы сообщал и он бы говорил: «Я ухожу. Для меня это слишком».

Председательствующий: Это я и имел в виду. Он бы попросил отпустить его и его бы немедленно отпустили? Что же, разве не факт, что человек добровольно выносящий голод, жажду, боль, дискомфорт, выдерживает их лучше, когда знает, что он делает это по своей воле с научной целью, нежели лицо одинакового физического состояния которое выносит такой же эксперимент, при том, что у него нет в нём никакой личной заинтересованности?

Вольхардт: Несомненно это верно, и я полностью убеждён в том, что профессор Эппингер делал всё, чтобы получить согласие добровольцев. Его сильно волновал факт, что такие эксперименты проводились в Дахау. Он бы скорее провёл их в Вене на своих студентах, но тогда не было студентов. Их всех призвали, и медицинские офицеры столкнулись с тем, что нельзя было получить добровольцев. Поэтому, в такое напряженное и сложное время, нельзя было найти подопытных, для проведения такой серии экспериментов как были запланированы здесь, ни в госпитале, ни в клинике. Было бы лучше и практичнее, во всех смыслах, если бы

эксперименты проводились на студентах-медиках, но, к сожалению это было невозможно.

Председательствующий: Доктор, вы предварили своё заявление, сказав, что доктору Эппингеру было жалко.

Вольхардт: Потому что во время совещания в основном профессор Эппингер выступал за проведение экспериментов, поскольку профессор Эппингер наметил своего лучшего ученика, Бейгельбека для проведения этих экспериментов, само собой разумеется, что Эппингер хотел бы, чтобы эксперименты проводились в Вене под его контролем.

Председательствующий: Вы полагаете, что Эппингер чувствовал себя также как и вы в таких обстоятельствах?

Вольхардт: Я знаю, что все те кто был заинтересован в этих экспериментов прилагали усилия, чтобы найти места для проведения экспериментов в военных госпиталях или на легкораненых пациентах или других лицах, но к сожалению, всё стало невозможным. Вы можете себе представить ситуацию, что использовалась любая госпитальная койка и любой доктор.

Председательствующий: Вы предварили последнее заявление сказав: «Я знаю». Итак, откуда вы знаете? На основании чего вы полагаете, что эти господа чувствовали тоже, что и вы?

Вольхардт: Нет. Я вспоминаю, что я читал один из отчётов, о том, что предпринималась попытка провести эксперименты где-нибудь ещё и везде они сталкивались с закрытыми дверьми. Например, кто-то думал о Брюнсвике, я случайно это узнал, о госпитале Люфтваффе в Брюнсвике, и это было невозможно. Таким образом, все просьбы отвергались.

Председательствующий: Из вашего ответа на один из моих вопросов – я вернусь к этому предмету – о том, что информированное лицо вынесет больший дискомфорт, боль, страдания, участвуя в добровольном эксперименте, о котором ему известно, что он может выйти из него в любой момент нежели, лицо менее информированное, подвергнутое эксперименту, который оно не может остановить. Это верно?

Вольхардт: Что же, это не ставится под сомнение, так как для лиц в Дахау, единственной приманкой была хорошая еда до и после, и сигареты которые им пообещали. Такого не было в случае моих докторов. Они делали это ради интереса, и конечно, такое решение было бы лучшим, если бы это было возможным.

Председательствующий: И, поскольку подопытным в Дахау, хотя бы кому-нибудь из них, в любое время эксперимента, показалось, что боль или дискомфорт или что-либо такое, от чего они страдали не будут компенсированы сигаретами, или

другими обещаниями, которые им дали, они бы сильно стремились выйти из эксперимента. Это правда?

Вольхардт: Разумеется. Вот почему ряд подопытных тайно пил воду, потому что строгий ход эксперимента был для них не очень приятным.

Председательствующий: Что же, в отличие от подопытных в вашем учреждении, эти подопытные не были особо заинтересованы в результате, не так ли? У них не было научного интереса в результате, не так ли?

Вольхардт: Нет, нет. Вообще нет. Вообще нет.

.....

8. Эксперименты с вирусным гепатитом

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Ростоку, Шрёдеру, Гебхардту, Рудольфу Брандту, Мруговски, Поппендику, Зиверсу, Розе и Бекер-Фрейзингу вменялась особая ответственность и соучастие в преступном деянии включавшем эксперименты с вирусным гепатитом (пар. 6 (Ж) обвинительного заключения. Во время процесса обвинение отозвало данную квалификацию в отношении Зиверса, Розе и Бекер-Фрейзинга. По данному обвинения был признан виновным только подсудимый Карл Брандт, подсудимые Хандлозер, Росток, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски и Поппендик были оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Хандлозера

.....

Вирусный гепатит

После нападения на Россию, вирусный гепатит (hepatitis epidemica) стал крупнейшим заболеванием германского Вермахта. В некоторых подразделениях сообщалось о потерях до 60 процентов (НО-010, экз. обв. 187). Соответственно, предпринимались интенсивные меры по изучению причин и вакцинации против

вирусного гепатита. Домен и Гутцейт¹⁵² из медицинской инспекции армии и Хааген из медицинской службы Люфтваффе были среди докторов работавших над данным предметом.

Домен и Гутцейт были приданы военно-медицинской академии и подчинялись непосредственно Шрайберу. Военно-медицинская академия конечно, подчинялась Хандлозеру в качестве медицинского инспектора армии. Гутцейт также являлся консультирующим врачом при Хандлозере. Домен был одним из первых выделивших вирус, являвшийся причиной гепатита. Это было достигнуто путём вакцинации животных бактериями взятых у людей страдавших от этого заболевания. Однако, значительная разница мнений существовала о том, вызывается ли он бактерией или вирусом. 1 июня 1943, Гравиц, главный врач СС, попросил Гимmlера предоставить заключенных концентрационного лагеря для заражения вирусом Домена. Он сказал о том, что можно ожидать случаев смерти подопытных. (НО-010, экз. обв. 187). Не говорилось о том, потребуются ли смерти для проведения вскрытий (как в случае с экспериментами с большой высотой), или их ожидали от самого заболевания (как в случае с тифозными экспериментами).

Гимmlер согласовал использование восьми польских евреев, которых приговорили к смерти в концентрационном лагере Аушвиц, и поручил Домену проведение экспериментов. (НО-011, экз. обв. 188). Эксперименты проводились Доменом в концентрационном лагере Заксенхаузен, и согласно письменным показаниям подсудимого Рудольфа Брандта, некоторые подопытные умерли в результате (НО-371, экз. обв. 186) Даже свидетель защиты Гутцейт, который тесно сотрудничал с Доменом, признал, что Домен работал в Заксенхаузене, но заявил о том, что это была уловка для того, чтобы не передавать вирус Гравицу, и в действительности никаких экспериментов с инфекцией не проводилось. Однако, Гутцейт, не объяснил, почему Домен, который никак не подчинялся Гравицу, участвовал в такой грязной научной затее.

Оценивая достоверность показаний Гутцейта, следует учитывать факт, что он сам являлся членом СС и что он был близко связан с Доменом в своей работе.

В июне 1944, Хандлозером было созвано совещание экспертов с целью координации исследований гепатита. Это совещание прошло в Бреслау под председательством Шрайбера. Хандлозер, Гутцейт и Хааген, консультирующий гигиенист воздушного флота, присутствовал на данном совещании. Шрайбер поручил группам врачей работать совместно над проблемой гепатита. Домен, Гутцейт и Хааген были назначены в одну из таких групп. 12 июня 1944, Хааген

---

¹⁵² Курт Гутцейт (1893-1957) – немецкий терапевт. Генераларцт медицинской инспекции армии.

лично попросил Шрайбера о командировании к нему Домена. Генераларцт Шрайбер тогда являлся начальником военно-медицинской академии. (НО-299, экз. обв. 190). Шрайбер выполнил его просьбу. (НО-300, экз. обв. 191).

24 июня 1944, Гутцейт написал Хаагену о том, что он тоже просит Шрайбера о командировании Домена к Хаагену. Далее он заявил, что он провёл подготовку для экспериментов на людях, и он хотел, чтобы Хааген обеспечил ему вирусный материал. (НО-124, экз. обв. 193). Хааген ответил на письмо Гутцейта 27 июня 1944 сказав, что он рад тому, что Домен был бы командирован к нему к 15 июля. Далее он заявил о том, что он должен работать с Кальком, Бюхнером и Цукшвертом, из Люфтваффе, по проблемам гепатита и что он провёл с Кальком подготовку к проведению экспериментов на людях со своим материалом. (НО-125, экз. обв. 194). Того же числа Хааген написал своему сотруднику Кальку, который был командирован штабом подсудимого Шредёра следующее:

«В приложении я направляю вам копию письма от Гутцейта и мой ответ. Мы как можно скорее приступим к экспериментам на людях. Конечно, эти эксперименты следует проводить в Страсбурге или его окрестностях. Могли бы вы с учётом вашего положения предпринять необходимые шаги для получения подопытных? Я не знаю какого рода подопытных имеет Гутцейт в своём распоряжении, являются ли они солдатами или иными людьми».

Замечание о «других людях» является очевидной ссылкой на заключённых концентрационного лагеря, на которых Хааген длительно экспериментировал с вирулентным тифозным вирусом, а упоминание «Страсбурга или окрестностей», указывает на концентрационный лагерь Нацвейлер. Господин Кальк и его начальник, подсудимый Шредер, были осведомлены о том как получить заключённых концентрационного лагеря для медицинских экспериментов, потому что лишь несколько недель назад, сам Шредер просил заключённых у Гимmlера для экспериментов с морской водой. (НО-185, экз. обв. 134).

Материалы дела показывают, что Домен фактически проводил в Страсбурге работу с Хаагеном по прямым приказам Шрайбера. Хандлозер был уведомлен о сотрудничестве Хаагена и Домена.

Планировалась новая серия экспериментов связанная с Хандлозером. 29 января 1945 Мруговски писал Гравицу следующее:

«Гауптштурмфюрер, профессор, доктор Дрезель, директор гигиенического института университета Лейпцига, вырастил вирус на лицах ранее пострадавших от гепатита и добился его пересадки к животным.

«Необходимо проведение экспериментов на людях с целью установления факта, что данный вирус является именно действующим вирусным гепатитом. Поэтому уполномоченный по исследованию эпидемий в совете исследований Рейха обратился ко мне с просьбой провести данные эксперименты.

«Я прошу вас получить разрешение рейхсфюрера СС о проведении необходимых экспериментов на 20 подходящих заключенных, которые ранее никогда не болели вирусным гепатитом, на тифозной станции концентрационного лагеря Бухенвальд». (НО-1303, экз. обв. 467).

Уполномоченный по исследованиям эпидемий совета исследований Рейха, который попросил об этих экспериментах на заключенных концентрационных лагерей это генераларцт Шрайбер, начальник учебной группы С военно-медицинской академии, подчинённый Хандлозера. Шрайбер был выбран Хандлозером для этой самой цели координации исследований гепатита, и для этого созывалась встреча в Бреслау.

В виду доказательств, представленных выше, можно сделать вывод о том, что эксперименты с гепатитом проводились подчинёнными подсудимого Хандлозера с его ведома и одобрения.

.....

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Шрёдера

.....

Эксперименты с вирусным гепатитом

В июне 1944 было созвано совещание экспертов с целью координации исследований гепатита. Это совещание проходило в Бреслау под председательством Шрайбера. Хандлозер, Гутцейт и Хааген присутствовали на совещании. Хааген признал во время перекрёстного допроса, что обсуждались эксперименты на людях. То, что обсуждались преступные эксперименты на заключенных концентрационных лагерей ясно из того факта, что Шрайбер в январе 1945 лично попросил Мруговски предоставить заключенных для экспериментов доктору Дрезелю. (НО-1303, экз. обв. 467) Шрайбер поручил группам врачей совместно работать над проблемами гепатита. 12 июня 1944 Хааген сам попросил Шрайбера поручить Домену работать с ним. Генераларцт Шрайбер тогда являлся начальником военно-медицинской

академии подчинённым Хандлозеру. (НО-229, экз. обв. 190). Шрайбер выполнил эту просьбу (НО-300, экз. обв. 191).

24 июня 1944, Гутцейт написал Хаагену о том, что он тоже попросил Шрайбера о командировании Домена к Хаагену. Далее он заявил, что он провёл подготовку для экспериментов на людях, и он хотел, чтобы Хааген обеспечил ему вирусный материал. (НО-124, экз. обв. 193). Хааген ответил на письмо Гутцейта 27 июня 1944 сказав, что он рад тому, что Домен был бы командирован к нему к 15 июля. Далее он заявил о том, что он должен работать с Кальком, Бюхнером и Цукшвертом, из Люфтваффе, по проблемам гепатита и что он провёл с Кальком подготовку к проведению экспериментов на людях со своим материалом. (НО-125, экз. обв. 194). Того же числа Хааген написал своему сотруднику Кальку, который был командирован штабом подсудимого Шредёра следующее:

«В приложении я направляю вам копию письма от Гутцейта и мой ответ. Как можно скорее мы приступим к экспериментам на людях. Конечно, эти эксперименты следует проводить в Страсбурге или его окрестностях. Могли бы вы с учётом вашего положения предпринять необходимые шаги для получения подопытных? Я не знаю какого рода подопытных имеет Гутцейт в своём распоряжении, являются ли они солдатами или иными людьми».

Замечание о «других людях» является очевидной ссылкой на заключённых концентрационного лагеря, на которых Хааген длительно экспериментировал с вирулентным тифозным вирусом, а упоминание «Страсбурга или окрестностей», указывает на концентрационный лагерь Нацвейлер. Господин Кальк и его начальник, подсудимый Шредер, были осведомлены о том как получить заключённых концентрационного лагеря для медицинских экспериментов, потому что лишь несколько недель назад сам Шредер просил заключённых у Гиммлера для экспериментов с морской водой. (НО-185, экз. обв. 134).

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Хандлозера

.....

Вирусный гепатит

Проблема экспериментов в сфере исследований гепатита включают поиск наиболее эффективного лечения заболевания и установление вируса с целью разработки вакцины.

Дискуссии о данной проблеме были обширными на процессе. Обвинительное заключение по данному пункту применимо лишь, к экспериментам на людях, как они понимаются обвинением, таким как инфицирование бактериями гепатита, которые могли повлиять на здоровье. Об этом выразили своё мнение эксперты, профессора Гутцейт и Розе. Профессор Гутцейт, как один из наиболее видных специалистов по проблемам связанным с вирусным гепатитом, на основании своего обширного практического клинического опыта и экспериментов на себе, описал воздействие как следующее:

«Насколько, я, как клинический врач, могу судить, разработка вакцин и эксперименты для получения данных вакцин, являются безвредными. Эту безвредность показывает тот факт, что внезапные вспышки желтухи не опасны сами по себе. Как и любая другая вакцина, потенциальная вакцина, которая разрабатывается против гепатита может вызывать местные безвредные реакции в месте вакцинации».

Далее он сказал, что: «Он (вирусный гепатит) является безвредным заболеванием; у него нет опасного пост-эффекта для печени. Профессор Розе выразил своё экспертное мнение следующими словами: «Hepatitis epidemica как таковой не считается опасным заболеванием гигиенистами» Затем он продолжает о том, что естественно, также как и в случае с насморком, в случае с гепатитом, осложнения могут возникнуть только как пост-эффекты, «но никто не считает гепатит настолько же опасным заболеванием по этой причине». Что касается экспериментов, профессор Розе сказал:

«В Германии, эксперименты с вирусным гепатитом проводились Эппингером, Войтом, Эссером и Лембелем и не случалось никаких инцидентов. Все эксперименты проходили безо всяких болезненных эффектов. Это, конечно, очень ограниченный экспериментальный материал, но материалы о сотнях случаев, которые позволяют точнее судить о них опубликованы в Англии и Америке. До сих пор у меня были сведения о приблизительно 60 экспериментах на людях с гепатитом и пока не докладывалось ни об одном инциденте»

Представитель обвинения не предоставил доказательств, что эксперименты по инфицированию организмами гепатита недобровольных лиц

вообще проходили в концентрационных лагерях. В то время как в случае с другими фактами обвинение представило медицинские протоколы или свидетелей подтверждающих то, что такие эксперименты проводились, это не было возможно в отношении вирусного гепатита. Доказательства ограничились представлением документов, которые могут дать любому дилетанту, или даже доктору который не является гигиенистом или клиническим врачом, впечатление о том, что спорные эксперименты должны были быть опасными. Письмо доктора Гравица датированное 1 июня 1943 Гимллеру (НО-010, экз. обв. 187) содержит предложение: «Мы ожидаем смерти».

Согласно экспертным мнениям высказанным Розе, Гутцейтом и Херингом такой взгляд является неправильным и непостижимым. Эксперты исключили практику возможных смертей. Розе заявил:

«Гравиц, который годами занимался административным управлением, не имел достаточных познаний в предмете или «был осторожен в опасно преувеличенной степени...»

Профессор Гутцейт сказал о документе НО-010, экземпляре обвинения 187:

«Единственный способ которым я могу себе это объяснить это то, что Гравиц был недостаточно информирован о гепатите, течении болезни и её опасности. Разумеется Гравиц не являлся специалистом в данном вопросе, таком как гепатит, и длительное время не соприкасался с практической медициной».

Профессор Гутцейт привёл цифры смертности для гепатита менее чем в 0,1 процент; наконец он заявил, что сильная боль и страдания, такие как упоминаются в обвинительном заключении, не происходят, когда пациенту вводят гепатитный организм. Дилетант может понять, что как наибольшее передозировка может привести к самой болезни, эффекты которой уже были представлены как безвредные.

Как уже говорилось, обвинение не подготовило никаких конкретных утверждений о том, что запланированные эксперименты проводились в Заксенхаузене. Здесь мы говорим о времени с июня 1942. Тогда штабсарццу, доктору Домену разрешили работать в концентрационном лагере Заксенхаузен с разрешения Гимллера. Профессор Гутцейт работал совместно с штабсарццом, доктором Доменом постольку поскольку он проводил работу по исследованию гепатита с клинической стороны, в то время как доктор Домен занимался основополагающими бактериологическими исследованиями в институте Роберта Коха? в котором он работал в спорное время под руководством профессора

Гильдмайстера. Доказательства были представлены профессором Розе и доктором Ленцом. (Розе 16, экз. Розе 12).

В результате взаимного обмена опытом, который имел место, мы должны полагать, что профессор Гутцейт был информирован об исследовательской работе Домена в данной сфере. Гутцейт также свидетельствовал под присягой о том, что Домен докладывал ему о своей деятельности в Заксенхаузене. Согласно этому, Домен только так мог избежать давления от Гиммлера и Гравица сохранив свои запасы культур для видимости приняв предложение о том, что ему следует проводить эксперименты в Заксенхаузене, но фактически проводил на заключенных концентрационных лагерей только те эксперименты, которые могли проводиться безо всякого риска вреда организму или жизни.

Похожим образом обвинение было обязано представить доказательства относительно утверждения о проведении экспериментов в концентрационном лагере Нацвейлер. Единственный свидетель вызванный обвинением для этого, женщина по имени Айер, не подтвердила, то что утверждало обвинение, а именно, что эксперименты запланированные профессором Хаагеном по исследованию гепатита проводились в концентрационном лагере Нацвейлер.

Доктор Кординг свидетельствовал в письменных показаниях представленных профессором Розе:

«Для своей переподготовки по гигиене и бактериологии я был командирован в феврале 1944 в институт гигиены университета Страсбурга в котором я занимался, до военной оккупации города 23 ноября 1944, почти исключительно работой связанной с гепатитом (серия вакцинаций мышей и наличие вируса в органах мышей) под руководством профессора Хаагена».

.....

«Я не слышал, чтобы во время нахождения в Страсбурге эксперименты с гепатитом проводились на людях в рамках такого сотрудничества. В середине июля 1944 штабсарцт, доктор Домен приехал из Гиссена для визита к профессору Хаагену в Страсбург на 2-3 дня. В это же время он наблюдал в институте результаты полученные нашей исследовательской работой по гепатиту. Он подтвердил, что результаты его экспериментов были похожими, но что весь его исследовательский материал уничтожен при воздушном налёте на

Берлин. В настоящее время он занят в Гиссене новым стартом своих экспериментов».

«Мне известен факт, что доктор Домен не находился в Нацвейлере во время своего визита в Страсбург. Мне ничего не известно о дальнейшем сотрудничестве между профессором Хаагеном и доктором Доменом».

Таким образом подтверждается, что доктор Домен не находился в концентрационном лагере Нацвейлер и не участвовал ни в каких экспериментах на людях в этой сфере медицины. В своих исправленных письменных показаниях подсудимый Рудольф Брандт заявил под присягой о том, что у него не было сведений о том, что эти эксперименты проводились в Заксенхаузене и что некоторые заключенные умерли. Похожим образом он опроверг свои показания о сотрудничестве доктора Домена и доктора Хаагена в концентрационном лагере Нацвейлер и заявил о том, что ему неизвестно никаких фактов об этом. Наконец Рудольф Брандт заявил в своих письменных показаниях (Хандлозер 11, экз. Хандлозер 35), что ему неизвестны никакие факты из которых он мог сделать вывод о том, что подсудимый Хандлозер имел какие-либо сведения об экспериментах в Заксенхаузене и Нацвейлере.

Если учитывать показания профессора Гутцейта о том, что профессору Хандлозеру ничего не докладывали о работе Домена в концентрационном лагере Заксенхаузен или его деятельности здесь, получается следующее: ответ профессора Хандлозера о том, что у него не было сведений о том, что эксперименты с вирусным гепатитом проводились на людях в концентрационных лагерях Заксенхаузен и Нацвейлер является правильным.

С другой стороны профессор Хандлозер заявил о том, что у него был значительный интерес к исследованиям гепатита, и это установлено не только консультирующим врачом Гутцейтом, но и множеством других ведомств занимавшихся исследованиями гепатита. Профессор Хандлозер привёл причины, подтвержденные профессором Гутцейтом, почему он, как медицинский офицер ответственный за управление медицинскими вопросами армии, был обязан придавать значение исследованиям по установлению причины вирусного гепатита. Так как Хандлозер знал, эти исследования проводились согласно признанной медицинской практике, т. е. экспериментируя на животных и на самих экспериментаторах; также как и путём безупречных клинических обследований людей.

Это также видно из встречи по гепатиту, в июне 1944, в Бреслау. Профессор Гутцейт также докладывал о данной встрече и заявил под присягой о том, что шесть или семь различных исследователей гепатита представляли отчёты о

своих экспериментах на людях. Исходя из этого, профессор Хандлозер, который принимал участие во встрече которая включала военный и гражданский сектора, должен был получить впечатление о том, что исследование гепатита проводится с учётом общепризнанных медицинских правил.

Так как невозможно было установить на встрече, являются ли организмы гепатита различных ведомств идентичными, или же было это вопросом разных вирусов, предложение сделанное, генераларцтом, доктором Шрайбером который являлся делегатом совета исследований Рейха по борьбе с эпидемиями и был председателем на встрече, должно было служить этой цели и задаче. Его предложение заключалось в том, чтобы были сформированы различные исследовательские группы по гепатиту с целью получения результатов, которые можно было сравнить. Как в допросе защитой так и в перекрёстном допросе, профессор Гутцейт дал убедительное объяснение своему письму от 24 июня 1944 (НО-124, экз. обв. 193), в котором он говорит об экспериментах «сuscis ed hominem» подготовленных им с его студентами и кандидатами, по вакцинации вирусным материалом переданным в его распоряжение в Бреслау.

Доктор Домен посетил Страсбург, по просьбе Хаагена, выполняя предложение доктора Шрайбера о формировании круга исследовательских групп.

.....

г. Документы и показания

Частичный перевод документа НО-371
Экземпляр обвинения 186

Письменные показания подсудимого Рудольфа Брандта от 14 октября 1946 об экспериментах по определению причин вирусного гепатита

Я, Рудольф Брандт, надлежащим образом давший присягу, заявляю:

.....

Эксперименты об определении вирусного гепатита (Hepatitis Epidemica)

3. Приблизительно в середине 1943, доктор Гравиц, главный врач СС, написал Гиммлеру о том, что доктор Карл Брандт желает получить заключенных

для экспериментов с причинами вирусного гепатита. Он проводил исследования данной проблемы при содействии доктора Домена, медицинского офицера, приданного медицинскому корпусу армии и институту Робета Коха. Эксперименты до того времени показывали, что гепатит передаётся вирусом и требовались люди для вакцинации организмами, которые были выращены на животных. Гравиц уведомил о том, что можно ожидать смерти некоторых подопытных. Он хотел узнать можно ли разрешить доктору Домену проведение экспериментов в концентрационном лагере Заксенхаузен, как того желал доктор Карл Брандт.

4. Гиммлер написал Гравицу о том, что у доктора Домена есть его разрешение на проведение экспериментов в Заксенхаузене, и для этой цели он поручил Освальду Полю из ВФХА предоставить ряд заключенных для использования в качестве подопытных. Мне известно, что эти эксперименты проводились и что некоторые заключенные в результате умерли.

5. Доктор Ойген Хааген, оберштабсарцт и консультант по гигиене Люфтваффе, также проводил свои исследования в концентрационном лагере Нацвейлер с целью открытия эффективной вакцины против вирусного гепатита. Насколько я помню, доктор Домен сотрудничал с Хаагеном в 1944, в Нацвейлере и проводились эксперименты на недобровольцах которые привели к смертям.

6. Эти эксперименты, конечно были известны Карлу Брандту, так как он лично поощрял их. Хандлозер и Шрёдер также должны были знать о них, потому что Домен и Хааген являлись докторами в медицинской службе армии и Лютваффе соответственно. Генераларцт Пауль Росток также был хорошо информирован об исследовательской работе такого рода.

Я прочёл вышеуказанное заявление на немецком, включающее две (2) страницы, оно является правдивым и правильным по моим сведениям и убеждению. У меня была возможность внести любые изменения и поправки в вышеуказанное заявление. Данное заявление было дано мной добровольно и свободно, без обещания награды и я не был подвергнут давлению или угрозам любого рода.

[Подписано] Р. Брандт

Перевод документа НО-011
Экземпляр обвинения 188

Записка Гиммлера Гравицу от 16 июня 1943 об экспериментах по вирусному гепатиту в концентрационном лагере Заксенхаузен

Рейхсфюрер СС
Ежедневник № 1652/43, RF/BN

ХIа -/-43
Полевая ШК, 16 июня 1943

Предмет: Исследование причин инфекционного гепатита (hepatitis epidemica)
На: Ваше от 1 июня 1943 – Az.: 420/IV/43 – дневник № 6/43 g. Kdos

Совершенно секретно

Главный врач СС и полиции
Берлин

4 копии
3-я копия

Я уведомляю о получении вашего письма от 1 июня 1943.

1. Я одобряю, чтобы восемь преступников приговорённых в Аушвице (восемь евреев из польского движения сопротивления приговорённых к смерти) следует использовать для экспериментов.

2. Я согласен с тем, чтобы доктор Домен проводил данные эксперименты в Заксенхаузене.

3. Я согласен с вашим мнением о том, что реальная борьба с инфекционным гепатитом имеет неслыханную ценность.

[Подписано] Г. Гиммлер

2. Обергруппенфюрер СС Поль, Берлин
Переслана копия с просьбой принять к сведению.

[Подпись] Оберштурмбаннфюрер СС

Перевод документа НО-299
Экземпляр обвинения 190

**Письмо Хаагена Шрайберу от 12 июня 1944 об экспериментах с вирусным
гепатитом**

12 июня 1944

Генераларцт, профессор, доктор Шрайбер
Академия военной медицины
Берлин СЗ

Дорогой генераларцт:

Настоящим направляю вам, для дальнейшего использования мой отчёт по гепатиту. В то же время я хочу использовать данную возможность, чтобы напомнить о своём приглашении штабсарцту Домену. Поскольку я не знаю его нынешнего адреса, могу я направить данное приглашение вам и предложить, чтобы доктор Домен был командирован ко мне на несколько недель для того, чтобы мы могли поработать над вопросами общими для нас. Возможно это будет быстрее способом установить имеем ли мы одинаковый вирус или нет. Удовлетворительной датой для визита Домена будет 15 июля.

В то же время, я хочу обратиться по поводу ваших переговоров о мышах. Мои поставки, и в частности, мои культуры, настолько уменьшились, что они абсолютно требуют обновления и пополнения. Вы говорили мне в Хохенлихене о том, что возможно обеспечить мышей, даже в больших количествах. Могу я попросить вас постараться обеспечить мне несколько тысяч мышей обоих полов, предпочтительно молодняк.

В-третьих, я хочу спросить, будут ли проводиться исследования гепатита в будущем на фонды совета исследований Рейха? Мои фонды в данной отрасли исчерпаны и я столкнулся с вопросом о том обращаться ли за фондами к своему медицинскому начальнику или вам. Я был бы благодарен если вы меня вскоре проинформируете.

С наилучшими пожеланиями и благодарностью

Хайль Гитлер!

Ваш преданный,
[Подписано] Хааген

Перевод документа НО-125
Экземпляр обвинения 194

Копия письма Хаагена Гутцейту от 27 июня 1944 об экспериментах с вирусным гепатитом на людях

Оберштабсарцт, профессор, доктор О. Хааген
 Консультирующий гигиенист главного врача воздушного флота

Страсбург, 27 июня 1944

Оберстарцту, профессору, доктору Гутцейту
 Консультирующему врачу медицинского инспектора армии
 Медицинская клиника университета Бреслау, Хобрехтуфер 4

Мой дорогой коллега Гутцейт

Премного благодарен за ваше письмо от 24/6/44. Я рад, что господин Домен прибудет сюда 15 июля. Мы проведём обзор всех общих вопросов гепатита и вероятно проведём совместный эксперимент.

Я не могу сейчас точно ответить на ваш запрос об экспериментах на людях. Как вам известно, я работал с господином Кальком, господином Бюхнером и господином Цукшвертом. Естественно, я уже организовал с господином Кальком проведение такого типа экспериментов с нашим материалом. Поэтому я сначала запрошу о точке зрения иных заинтересованных лиц.

Я буду очень рад начать работу с материалами по нефриту от вашего оберстарцта К.

С наилучшими пожеланиями,

Хайль Гитлер!

Ваш

Фрагмент допроса защитой подсудимого Карла Брандта

.....

Серватиус: Обвинительное заключение упоминает эксперименты с гепатитом. Письмо от Гравица Гиммлеру говорит о том, что вы начали данные эксперименты. Вы сами занимались клинической работой по данному вопросу?

Брандт: Я никогда не вёл никакой работы в связи с hepatitis epidemica, так как во время войны, также как и до войны этому заболеванию не придавали большой

важности в Германии. Во время войны я не занимался данным вопросом, потому что был занят другими вещами и также потому, что такое чисто внутреннее заболевание, хотя и вероятно интересное для гигиениста, относительно мало интересовало меня как хирурга.

Серватиус: Вы давали поручения по данному предмету? Что насчёт доктора Домена.

Брандт: Конечно вопрос гепатита являлся вопросом, который интересовал каждого, так как с ним сталкивались повсюду на Востоке. Но по этой причине, я не придавал особого внимания данной болезни. У меня не было отношения и к другим вещам которые сильнее интересовали меня как хирурга. Я знаю письмо. О нём мне говорили в прошлом году. Я снова увидел его здесь впервые в этом году. Оно говорит о том, что я попросил Гравица провести специальную работу по гепатиту для доктора Домена. Доктор Домен, как говорится в письме, должен был получить семь или восемь заключённых для этой цели и жизням этих заключённых угрожала опасность. Мне не понятно в данной связи, по какой причине моё имя упоминается инициатором исследований гепатита, во всей переписке, и во всех других документах, нет ни малейшего намёка на то, что у меня был какой-то особый интерес к данному вопросу, или что я был заинтересован в том, чтобы начались исследования. Я никогда не знал о том, что эксперименты действительно проводились, и никогда не получал никакого доклада о результатах. В письме есть указания на противоположное такому смыслу, в особенности, когда оно говорит, что эксперименты следует проводить на лицах приговорённых к смерти. *Hepatitis epidemica* вообще не является настолько опасным заболеванием. У меня было время выяснить, и узнать, что в сравнении с малярией, например, он составляет лишь пять или десять процентов от опасности. Я уже обсуждал сегодня свои отношения с Гиммлером и Гравицем. Я это не придумывал; это настоящая правда. С другой стороны, интересно заметить, что вся переписка о гепатите, годом позже, после первого письма рушит желаемый эффект, профессор Шрайбер выбрал путь обращения к Гиммлеру для продолжения исследовательской работы по гепатиту.

Шрайбер являлся заместителем по контролю за эпидемиями в совете исследований Рейха, а значит я могу полагать, что по некой причине, которая мне не совсем ясна, Гравиц возможно перепутал Шрайбера и меня в первом письме. Это возможно. Письмо датировано 1 июня 1943. Незадолго до этого была встреча в военно-медицинской академии и вероятно Гравиц, который присутствовал, говорил со Шрайбером. В любом случае я не могу дать какую-нибудь информацию об этом вопросе о гепатите и разумеется не об экспериментах которые действительно проводились. У меня нет информации; я не получал никакого отчёта; я не слышал ни от какого другого источника о том, что такие эксперименты даже проводились.

Мне кажется важным, что свидетель Шмидт, которого заслушивали здесь, свидетельствовал о том, что эксперименты точно не проводились в Страсбурге, так как Домен, который хотел их проведения, сам находился там только два или три дня.

.....

9. Эксперименты с тифозными и другими вакцинами

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Хандлозеру, Ростоку, Шрёдеру, Генцкену, Гебхардту, Рудольфу Брандту, Мруговски, Поппендику, Зиверсу, Розе, Бекер-Фрейзингу и Ховену вменялась особая ответственность за соучастие в преступном деянии включавшем эксперименты с тифом (пар. 6 (И) обвинительного заключения). В обвинительном заключении, «сыпной тиф» использовался для немецкого слова «Fleckfieber», но позднее был переведён как «тиф». По данному обвинению подсудимые Хандлозер, Шрёдер, Генцкен, Рудольф Брандт, Мруговски, Зиверс, Розе и Ховен были признаны виновными, а подсудимые Карл Брандт, Росток, Гебхардт, Поппендик и Бекер-Фрейзинг оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Мруговски

Эксперименты с тифозными и иными вакцинами

Нападение на Россию в 1941 подняло много военно-медицинских проблем, не последней из которых был тиф. Заболевание достигло серьезных пропорций осенью 1941 и тифозных вакцин хватало только для вакцинации докторов, медсестёр и иного медицинского персонала группы риска.

Одной из наиболее важных проблем в отношении ускорения производства тифозных вакцин была эффективность вакцины Кокса¹⁵³-Хаагена-Гильдмайстера,

---

¹⁵³ Геральд Кокс (1907-1986) – американский бактериолог. В 1938 году установил, что возбудитель тифа может развиваться в мембранах яиц.

которая производилась из культур яичного желтка. Эффективная вакцина Вайгля¹⁵⁴, изготавливаемая из кишечника вшей, была доступна, но её производство было дорогим и сложным. Вакцина из яичного желтка была относительно простой для производства, но её защитные качества не считались достаточно подтверждёнными. (НО-732, экз. обв. 451).

Запись от 29 декабря 1941 в дневнике Динга подтверждает, что тогда прошло совещание между Хандлозером, медицинским инспектором армии; Конти, из министерства внутренних дел; Рейтером, из управления общественного здравоохранения; Гильдмайстером, из института Роберта Коха; Мруговски, из института гигиены Ваффен-СС. (НО-265, экз. обв. 287).

На совещании было решено, что тифозную вакцину из яичного желтка следует протестировать на людях для определения её эффективности. В тот же день на более раннем совещании обсуждалась та же проблема. Оно проходило в министерстве внутренних дел, в присутствии Бибера от внутренних дел; Гильдмайстера; представителей Генерал-губернаторства оккупированной Польши; сотрудников предприятия Беринг¹⁵⁵ И.Г. Фарбен, и оберштабсарцта Шольца, из медицинской инспекции армии. Протокол совещания говорит, что:

«Вакцина в настоящее время производимая предприятием Беринг из куриных яиц должна быть протестирована на эффективность путём эксперимента. Для этой цели, доктор Бибер свяжется с оберштурмфюрером, доктором Мруговски».

Поскольку Мруговски не присутствовал на совещании, очевидно, что другие совещания проходили по данному вопросу на которых с ним обсуждался вопрос, который подтверждается записью в дневнике Динга.

В результате решения достигнутого на этих совещаниях, концентрационном лагере Бухенвальд была создана экспериментальная станция под руководством штурмфюрера, а позднее гауптштурмфюрера СС, доктора Динга-Шулера (далее именуемого «Динг»). (НО-265, экз. обв. 287). Таблицы подготовленные подсудимым Мруговски, помимо иных доказательств, показывают, что экспериментальная станция в Бухенвальде подчинялась институту гигиены Ваффен-СС под руководством Мруговски с даты её создания до конца войны. (НО-416, экз. обв. 22; НО-417, экз. обв. 23).

¹⁵⁴ Рудольф Вайгль (1883 — 1957) — польский биолог немецкого происхождения, создатель первой эффективной вакцины против эпидемического тифа. Основал во Львове Институт эпидемиологических исследований, ныне носящий его имя, где он проводил исследования вакцин.

¹⁵⁵ Behringwerke AG (Акционерное общество «Предприятие Беринг» - фармацевтическое подразделение концерна И. Г. Фарбен существовавшее в Марбурге в 1904-1997. В 1997 было разделено на несколько фармацевтических фирм.

В начале 1943, исследовательская станция в Бухенвальде была официально названа «отделением исследования тифа и вирусов» института гигиены Ваффен-СС. Эксперименты проводились в блоке 46, так называемом клиническом блоке, за исключением нескольких экспериментов ещё в 1942. Осенью 1943 отдел производства вакцин был создан в блоке 50. Оба блока 46 и 50 являлись отделением исследований тифа и вирусов. Подсудимый Ховен являлся заместителем Динга в обоих блоках. (НО-265, экз. обв. 287).

Преступные эксперименты на заключенных концентрационного лагеря без их согласия проводились в блоке 46 для тестирования вакцин от тифа, жёлтой лихорадки, сыпного тифа, паратифа А и Б, холеры и дифтерии.

Эксперименты с тифом в Бухенвальде проводились в очень большом масштабе и привели ко многим смертям. Способ исполнения и результаты экспериментов подробно подтверждаются дневником Динга и показаниями Когона, также как и другими доказательствами. Первый эксперимент начался 6 января 1942 вакцинацией 135 заключенных вакцинами Вайгля, Кокса-Хаагена-Гильдмайстера, Берингом-нормальной или Берингом-сильной. Все вакцинации завершились к 1 февраля. 3 марта 1942, всех вакцинированных подопытных и 10 заключенных, которых не вакцинировали (известных как «контрольная группа») искусственно заразили вирулентным вирусом риккетсии¹⁵⁶ Провачека¹⁵⁷ подготовленным в институте Роберта Коха. Эксперимент завершился 19 апреля 1942. Случилось пять смертей, три в контрольной группе и две среди вакцинированных подопытных. (НО-265, экз. обв. 287; Мруговски 10, экз. Мруговски 20).

В поздних экспериментах количество подопытных обычно варьировалось между 40 и 60, но пропорция контрольных подопытных возрастала. Приблизительно две-третьи подопытных вакцинировали, в то время как одну-треть не защищали. Несколько недель спустя после вакцинации, всех подопытных искусственно заражали тифом. Течение заболевания наблюдалось на защищённой и контрольной группах и определялась эффективность вакцин. Терапевтические эксперименты проводились похожим образом и с другими веществами. Например, между 24 апреля и 1 июня 1943, проводились эксперименты

¹⁵⁶ Риккетсии (лат. *Rickettsia*) — род бактерий — внутриклеточных паразитов. Названы по имени Ховарда Тейлора Риккетса (1871—1910), в 1909 году впервые описавшего возбудителя пятнистой лихорадки Скалистых гор. В том же году сходные наблюдения были сделаны Ш. Николем и его коллегами при исследовании сыпного тифа. В 1910 году Риккетс погиб от сыпного тифа, изучением которого занимался в Мексике. В честь заслуг учёного возбудители этих инфекций были названы «риккетсиями».

¹⁵⁷ Станислав Провачек (1875 — 1915) — чешский естествоиспытатель. В его честь был назван открытый им возбудитель эпидемического сыпного тифа — *Rickettsia prowazekii*.

по тестированию эффективности гранулата акридина и рутенола при тифе. Из 39 использованных заключенных, умер 21. (НО-582, экз. обв. 286)

Искусственное заражение выполнялось несколькими способами. В начале кожа разрезалась и инфицировалась тифозной культурой. В ограниченной степени использовались заражённые вши. Однако, по большей части, инфекция вводилась внутривенной или внутримышечной инъекцией свежей крови содержащей вирус тифа. С единственной целью поддержания постоянного источника свежей крови, от 3 до 5 заключенных в месяц искусственно заражались тифом. Использование так называемых «передаточных лиц» началось уже в апреле 1943 и продолжалось до марта 1945. По большей части все они умерли. Эти жертвы были настолько «обыденными», что их смерти не были включены в дневник Динга.

Анализ дневника Динга подтверждает, что из 729 заключённых на которых экспериментировали с тифом, умерло 154. К этим цифрам следует добавить «передаточных лиц», из которых умерло от 90 до 120.

Такова холодная статистика экспериментов. Блок 46, в котором проводились эксперименты, был кошмаром для любого заключенного концентрационного лагеря Бухенвальд. Любой кого отбирали для экспериментов, ожидал медленной и мучительной смерти. Передача тифа от человека к человеку создавала форму «супер» тифа. В то время как смертность от тифа имеет в норме 30 процентов в незащищённых случаях, в эксперименте 13 апреля 1943 пятеро из шести лиц умерли. (НО-265, экз. обв. 287). Многие из подопытных стали безумными. В экспериментах с акридином и рутенолом, подопытных рвало до семи раз в день. Бронхиальная пневмония, нефриты, кишечные кровотечения, подкожные флегмоны гортани, паротит, гангрена ног, фурункулёз, бронхиты и пролежни развивались в результате такого обращения. (НО-582, экз. обв. 286). Подопытные которые выжили и имели лёгкое течение болезни из-за действия вакцины вынуждены были видеть борьбу за жизнь своих знакомых заключенных. В блоке 46 была железная, «плёточная» дисциплина и подопытные полностью лишались последний горсти личной свободы, которая была у них в лагере.

Вряд ли требуется говорить о том, что подопытные использованные для экспериментов с тифом, также как и для остальных экспериментов в Бухенвальде не являлись добровольцами. Обычно никто добровольно не вызывается на смерть. В первой серии экспериментов с тифом, ряд заключенных были обмануты после того как им сказали, что это безопасное дело и что их искусственно инфицируют тифом от которого не умирают. Этих подопытных нельзя описать как добровольцев. После первой серии экспериментов, уже было невозможно обманывать заключенных, чтобы они предлагали себя для экспериментов. Впоследствии, до осени 1943,

подопытных выбирали произвольно из заключенных, как преступников, политических заключенных так и гомосексуалистов. Иногда интригу среди самих заключенных играл отбор. Осенью 1943 администрация лагеря уже не желала брать ответственность за отбор подопытных. Динга уже не устраивали устные приказы Мруговски о проведении экспериментов и он попросил письменных приказов. Он обратился к Мруговски с просьбой, чтобы рейхсфюрер СС назначал эксперименты. Согласно директиве от Гимmlера Небе из криминальной полиции Рейха, следовало использовать заключенных получивших 10 лет или больше. Впоследствии, большинство подопытных являлись рецидивистами, многие из которых были доставлены в Бухенвальд из других лагерей. Но политических заключенных продолжали включать, потому что к ним была неприязнь у лагерной администрации или из-за лагерных интриг. Никто из заключенных подопытных не был приговорён к смерти, за исключением немногих русских военнопленных которых не судили и не приговаривали. Они были из числа почти 9500 русских военнопленных убитых в Бухенвальде. Подопытные в целом находились в хорошем физическом состоянии. Подопытные включали не только немцев, но также поляков, русских и французов, также как и военнопленных. Показания Когона применимы не только к тифозным экспериментам, но и к другим экспериментам в Бухенвальде.

Эти показания Когона подтверждаются письмом Гимmlера начальнику полиции безопасности датированным 27 февраля 1944. Он сказал:

«Я согласен с тем, чтобы профессиональных преступников использовали для экспериментов с тифозной вакциной. Однако следует отбирать только таких профессиональных преступников, которые приговорены к более чем десяти годам заключения; то есть, не имеющие предыдущие десять лет заключения, но с общим наказанием в десять лет.

«Группенфюрер СС Небе должен обеспечить предоставление данных заключенных. Я не желаю, чтобы врач отбирал заключенных без моего контроля» (НО-1189, экз. обв. 471)

Этот же самый документ показывает, что Мруговски получил копию данного решения об изменении процедуры и оно поступило после совещания между Мруговски и Небе.

Показания Когона далее подтверждаются свидетелем Кирхаймером и письменными показаниями Ховена. (НО-429, экз. обв. 281).

Защита оспаривает аутентичность дневника Динга. Из материалов дела невозможно определить, какова именно её позиция в данном отношении. То, что данный дневник не содержит ежедневных записей, очевидно из самого документа.

Это нечто вроде документа периодически подытоживающего эксперименты, которые во многих случаях длились несколько месяцев. Динг также вёл ежедневный дневник и рабочие отчёты. Это очевидно формирует основу дневника как доказательства. Защита упирает на тот факт, что страница один дневника была напечатана более старой лентой чем две последующих страницы, и следовательно вероятно была напечатана позднее. Обвинение с этим не спорит. Когон дал самое очевидное объяснение тому, что страница вероятно была перенабрана, когда название экспериментальной станции было изменено на «отделение исследований тифа и вирусов». В лучшем случае, причины перенабора страниц теперь являются предметом спекуляции. Никакого достоверного влияния нельзя провести лишь из данного факта. Дневник Динга, Когон забрал из Бухенвальда. В его исключительном владении он находился до предоставления главному юристу по военным преступлениям. Он свидетельствовал о том, что он не изменял документ ни в каком отношении и что подписи Динга, а позднее Шулера, являются подлинными. У него не было мотива изменять дневник. Документ был удостоверен обвинением как находящийся в том же состоянии, что и при получении.

Эксперты защиты установили, что документ был написан на одинаковой печатной машинке во всех страницах дневника. Нет утверждения о том, что они были подделаны. Сравнение признало подлинную подпись Динга на таблице вакцинации (НО-578, экз. обв. 284) и Шулера в письменных показаниях подписанных им после войны (НО-257, экз. обв. 283), с подписями Динга-Шулера в дневнике без сомнения подтверждая, что подписи являются аутентичными.

Защита не установила ни единой неточности в дневнике Динга. Обвинение, с другой стороны, подтвердило подробную точность дневника во времени и вновь введением независимых документов. Будет достаточно процитировать несколько примеров. Рабочий отчёт «отделения исследований тифа и вирусов» в 1943 году, который был направлен Мруговски, соответствует записям дневника во всех деталях. (НО-571, экз. обв. 285). Бумага написанная Дингом о лечении тифа производными акридина, одобренная Мруговски, соответствуют до последней подробности эксперименту сообщённому в записях в дневнике за 24 апреля и 1 июня 1943. (НО-582, экз. обв. 286). Письмо Мруговски от 5 мая 1942 Конти, Гравицу, Генцкелю, Гильдмайстеру, Айеру и Демницу сообщавшее об эксперименте с тифозной вакциной фактически является описанием первой экспериментальной серии в Бухенвальде, что приводится в дневнике. Это был документ представленный защитой. (Мруговски 10, экз. Мруговски 20). Мруговски признал, что он сообщил об этом эксперименте. Запись в дневнике за 19 августа 1942 о тестировании бухарестской вакцины предоставленной Розе, подтверждается

письмом Мруговски Розе, датированным 16 мая 1942, запрашивающим вакцину. (НО-1754, экз. обв. 491). Запись за 8 марта 1944 об экспериментах с вакциной Ипсен, которые дневник показывает как предложенные Розе, соответствует письму Розе Мруговски от 2 декабря 1943 (НО-1186, экз. обв. 492) и письмо Лоллинга Гравицу от 14 февраля 1944. (НО-1188, экз. обв. 470); смотрите также (НО-1189, экз. обв. 471). Эксперименты с вакциной жёлтой лихорадки упомянутые в дневнике от 10 января 1943 разбирались в письме от предприятия Беринга Мруговски датированном 5 января 1943 (НО-1305, экз. обв. 469). Эксперименты с фосфорными бомбами отмечены в дневнике Динга датами с 19 по 25 ноября 1943. Отчёт об этих экспериментах датированный 2 января 1944 показывает, что причинение ожогов началось 19 ноября и закончилось 25 ноября 1943. (НО-579, экз. обв. 288). Что касалось совещания прошедшего 29 декабря 1941 упоминавшегося в дневнике Динга, Мруговски сделал следующее заявление на предварительном допросе: «Я помню, эту встречу и там присутствовали Шрайбер, Гильдмайстер, Динг и я сам». Мруговски признал в судебном заседании, что сделал такое заявление.

Вышеуказанный анализ аутентичности и точности дневника Динга, хотя и не является исчерпывающим, достаточно показывает, что возражения защиты о данном документе совершенно необоснованны. Во всём дневнике с трудом найдётся хотя бы строчка, которая не подтверждается ни документом, ни показаниями. Дневник следует принимать во всей его полноте. Не существует оснований для того, чтобы принимать отдельные записи и отказываться от остальных. Защита не представила достоверных доказательств ни о каких неточностях. Прижизненные показания скончавшегося Динга являются наилучшими доказательствами того, что случилось.

Проводились и другие эксперименты на экспериментальной станции Бухенвальда. По просьбе медицинской инспекции армии, вакцина жёлтой лихорадки содержащая живой вирус должна была тестироваться в крупномасштабных экспериментах на заключенных, которые начались 10 января 1943. Подготовка проводилась Шрайбером с помощью подсудимого Мруговски. (НО-1305, экз. обв. 469). Самое большое количество заключенных было вакцинировано между 13 января и 17 мая 1943, времени, когда от производства вакцины жёлтой лихорадки отказались из-за военной обстановки в Северной Африке. Результаты этих экспериментов были направлены в отдел XVI оперативной штаб-квартиры СС, который являлся гигиеническим ведомством подчинённом Мруговски, и в медицинскую инспекцию армии. (НО-265, экз. обв. 287).

В первой половине 1943, Мруговски совещался с Хандлозером о множественных вакцинациях. Не может быть сомнения, в том, что это являлось

мотивацией для экспериментов с крупномасштабной вакцинацией на 45 заключенных Бухенвальда между 24 марта и 20 апреля 1943, как изложено в дневнике Динга. Каждое лицо вакцинировалось на протяжении восьми дней в течение четырёх недель против натуральной оспы, тифа, сыпного тифа, паратифа А и Б, холеры и дифтерии. Отчёт об этих экспериментах был направлен в ведомство Мруговски. Когон свидетельствовал о том, что подопытным давали бациллы паратифа в картофеле. Он также заявил о том, что эксперименты в Бухенвальде с заболеваниями иными чем тиф приводили к смертям, хотя и при относительно не сильной лихорадке.

Мруговски хочет, чтобы трибунал поверил в то, что он никоим образом не является ответственным за эксперименты проводимые Дингом и Ховеном в концентрационном лагере Бухенвальд. Он свидетельствовал о том, что наоборот, Динг был непосредственно подчинён Гравицу, в плане экспериментов. При том, что он признал, что Динг подчинялся ему в целях производства вакцин в блоке 50 Бухенвальда, он сказал, что вообще не имеет никакого отношения к экспериментам проводимым в блоке 46. Такое же заявление было сделано подсудимым Генцкеном. Мруговски свидетельствовал о том, что идея экспериментов на людях отвергалась им, потому что по его мнению человеческая жизнь священна.

Однако, преобладают доказательства того, что Мруговски приказал о проведении экспериментов Динга в Бухенвальде. В своих письменных показаниях на предварительном следствии Мруговски заявил о том, что отделение исследований тифа и вирусов института гигиены Ваффен-СС в Бухенвальде было создано в начале 1942 Генцкеном. Он признал, что в качестве начальника отдела XVI (гигиена) в оперативной штаб-квартире и начальника института гигиены Ваффен-СС, он являлся непосредственным начальником Динга. Далее он заявил о том, что эксперименты на заключенных проводились Дингом с целью установления эффекта различных типов вакцин. Он признал, что он получал полные сведения о работе Динга; что он получал отчёты от него об экспериментах, включая смертность, и то, что он информировал Генцкена. (НО-423, экз. обв. 282). Две таблицы подготовленные подсудимым Мруговски чётко показывают, что экспериментальная станция в Бухенвальде под руководством Динга непосредственно подчинялась Мруговски со времени её создания до краха Германии. (НО-416, экз. обв. 22; НО-417, экз. обв. 23). Мруговски признал связь Динга с институтом гигиены Ваффен-СС в перекрёстном допросе.

Досудебные письменные показания подсудимого Ховена который являлся заместителем Динга и владеет фактами, говорят о том, что институт гигиены Ваффен-СС под руководством Мруговски получал все отчёты об экспериментах в

блоке 46 и что Динг получал приказы напрямую от Мруговски. Ховен обрисовал цепочку командования: Гравиц, Генцкен, Мруговски и Динг. Динг ездил в Берлин для дискуссий с Мруговски почти каждые две недели. Мруговски посещал дом Динга во время одной из его поездок в Бухенвальд. (НО-429, экз. обв. 281).

Когон свидетельствовал о том, что Динг лично докладывал Мруговски об экспериментах и когда он не ездил в Берлин лично, он докладывал каждые три месяца регулярно в письменном виде. Отчёты об экспериментах проводимых в блоке 46 направлялись Мруговски в Берлин. Официальная переписка Динга в основном велась с Мруговски. Инструкции по проведению экспериментов поступали от Мруговски. Поздним летом 1943 Мруговски стал единственным начальником Динга и отдавал ему все приказы. Мруговски занимал настолько важное положение, что для Динга было бы опасно связываться с Гравицем минуя его. Мруговски посещал экспериментальный блок в Бухенвальде по нескольким поводам.

Вышеуказанная ответственность Мруговски постоянно подтверждается документальными доказательствами. Отчёт Динга за 1943 год, который является списком экспериментов проведённых в блоке 46, был направлен Мруговски на бланке «институт гигиены Ваффен-СС, отделение исследований тифа и вирусов, Веймар-Бухенвальд». (НО-571, экз. обв. 265). Данный отчёт охватывает эксперименты в блоке 46 и вакцины в блоке 50, что решительно подтверждает, что утверждение Мруговски о том, что его ответственность ограничивалась только блоком 50 совершенно ложное. Этот же отчёт показывает, что Мруговски инспектировал отделение исследований тифа и вирусов в Бухенвальде 3 сентября 1943, и что Динг провёл с Мруговски несколько совещаний. Секретарь Мруговски признала, что отчёты Динга о его экспериментах на заключённых шли через институт Гигиены Ваффен-СС к Гравицу. (Мруговски 38, экз. Мруговски 13).

Мруговски получил отчёт Динга о лечении тифа производными акридина. (НО-582, экз. обв. 286). Данный отчёт говорит о клинических тестах на людях, на которых воздействовал тиф, но Мруговски было известно о том, что Динг экспериментировал на искусственно заражённых подопытных. Отчёт показывает, что 21 подопытный умер и что выжившие заключённые пострадали от тяжёлых осложнений заболевания. О такой же серии экспериментов Динг сообщал в дневнике в записях за 24 апреля и 1 июня 1943.

Первая серия экспериментов с тифом проводившаяся в Бухенвальде между 6 января и 19 апреля 1942 в которой использовались 145 заключённых в качестве подопытных, являлась основой отчёта Мруговски Конти, Гравицу, Генцкёну, Айеру

и Демницу датированному 5 мая 1942. (Мруговски 10, экз. Мруговски 20). Пятеро из подопытных умерли в результате данных экспериментов. (НО-265, экз. обв. 287).

Об экспериментах с вакциной Кантакузино из Бухареста сообщается в дневнике Динга в записи от 19 августа 1942, как о приказанных Мруговски. Данная вакцина была подготовлена подсудимым Розе, который попросил Мруговски о проведении экспериментов. 16 мая 1942 Мруговски написал Розе о том, что согласен на проведение экспериментов и о том, что вакцину следует направить ему (Мруговски). Он также согласился на проведение экспериментов для установления того может ли вошь быть заражена от вакцинированного от тифа человека. (НО-1754, экз. обв. 491) В результате этих экспериментов, умерло четверо подопытных. (НО-265, экз. обв. 287).

Серия экспериментов с тифом № VIII, во время которой тестировалась вакцина Ипсен из Копенгагена, также была приказана подсудимым Мруговски. 2 декабря 1943 Розе попросил Мруговски протестировать вакцину Ипсена на экспериментальной станции Динга в Бухенвальде. (НО-1186, экз. обв. 492). Мруговски, прямо отрицал, во время перекрёстного допроса, что к нему когда-либо обращался Розе для тестирования копенгагенской вакцины в Бухенвальде. Он заявил, что: «Если бы он пришёл ко мне с этим я бы отправил его в другое место» - я бы сказал: «Мой дорогой, это не имеет ко мне никакого отношения». 21 февраля 1944 Мруговски уведомили о том, что 30 «подходящих цыган» предоставят для тестирования вакцины Ипсена. (НО-1188, экз. обв. 470). Мруговски далее уведомили 29 февраля 1944 о том, что подопытных должно отбирать ведомство криминальной полиции Небе. (НО-1189, экз. обв. 471). Дневник Динга подтверждает, что эксперименты с вакциной Ипсена начались 8 марта 1944 на 30 подопытных, из которых шестеро умерло в результате экспериментов.

12 августа 1944 подсудимый Мруговски приказал Дингу провести эксперименты для установления инфекционного характера крови в лёгких случаях тифа в сравнении с серьезными случаями. (НО-1197, экз. обв. 472).

Мруговски приказал о серии экспериментов для установления того, может ли течение тифа смягчаться внутривенной или внутримышечной инъекцией тифозной вакцины. Из 25 использованных, умерло 19. Эксперимент проводился между 11 ноября и 22 декабря 1944. (НО-265, экз. обв. 287).

.....

Эксперимент со старой плазмой крови и производством плазмы крови и сывороткой тифа

Эксперименты со старой плазмой крови проводились на заключенных в Бухенвальде по приказу Мруговски по просьбе военно-медицинской академии. Переливания крови проводились для установления того может ли безопасно использоваться старая плазма крови, в особенности без шока. Несколько серий экспериментов были проведены, каждая с 10-20 подопытными. Некоторые из жертв умерли, вероятно из-за комбинированного эффекта шока и слабого физического состояния. Мруговски получал отчёты об этих экспериментах (НО-265, экз. обв. 287).

Записи за 26 мая и 13 октября 1944 в дневнике Динга показывают, что кровь бралась у заключенных вылечившихся от тифа для цели создания слабой сыворотки тифа. Свидетель Когон показал о том, что эта работа проводилась гауптштурмфюрером СС, доктором Элленбеком¹⁵⁸ по приказу Мруговски. Элленбек брал кровь у переболевших тифом в блоке 46 с лета 1944 до начала весны 1945. Кровь бралась у подопытных постоянно, обычно в количествах между 250-350 мл. Изъятие крови у выздоравливающих пациентов означало для них чрезвычайное бремя и ряд умерли. В то время как точные причины смертей невозможно установить определённо в настоящих обстоятельствах, нет сомнения в том, что изъятие крови являлось фактором который внёс свой вклад.

Далее Когон заявил о том, что Элленбек по приказам Мруговски, систематически отбирал инвалидов и старых лиц, в особенности французов, которые находились в так называемом «малом лагере» Бухенвальда, для цели изъятия крови с целью изготовления плазмы крови. Ужасные условия «малого лагеря» описывались откровенно. У жертв требовали кровь и брали у них. Иногда голодным пациентам предоставлялась дополнительная еда. На вопрос об умерших донорах в «малом лагере» Бухенвальда, Когон ответил:

«Вопрос показывает, что очень сложно получить подлинную концепцию «малого лагеря» Бухенвальда. Люди там массово умирали. Ночью трупы сбрасывали с коек для того, чтобы у других заключенных было больше места. Даже малейшие клочки одежды срывались теми, кто хотел выжить. Невозможно было понять умер ли человек непосредственно от забора крови, потому что многие люди умирали на ходу в «малом лагере».

«Но несомненным для тех кому были известны условия там, что забор крови – даже при укреплении этих людей

---

¹⁵⁸ Ганс Дитер-Элленбек (1912-1992) – немецкий медик и штурмбаннфюрер СС.

едой – считался фактором который приводил к смерти многих из них».

Элленбек также проводил исследования относительно содержания кислорода в крови людей на различных стадиях истощения и искусственно воспроизводил голодный отёк. Мруговски дал ему своё разрешение на проведение этих экспериментов.

Фрагменты из заключительного обзора против подсудимого Шрёдера

.....

Эксперименты с тифозными и другими вакцинами в концентрационном лагере Нацвейлер

Вызов Хаагена в качестве свидетеля защиты требует рассмотрения его показаний об этих экспериментах.

Хааген показал о том, что летом 1943 подсудимый Розе как консультирующий гигиенист начальника медицинской службы Люфтваффе, убедил его вернуться к активному статусу консультирующего гигиениста главного врача воздушного флота. Хааген также принял исследовательское задание по тифу от Люфтваффе и в результате этого поручения и его должности в Люфтваффе, он проводил определенные эксперименты по тифу.

Хааген заявил о том, что штабсарцт Грефе был направлен к нему Люфтваффе в институт гигиены университета Страсбурга в 1942 и Грефе действовал в качестве его ассистента. Грефе в военном смысле был подчинён медицинскому воздушному округу 7, но технически подчинялся Хаагену. Хааген тоже в военном смысле подчинялся медицинскому воздушному округу 7.

Хааген разработал вакцину мышинового тифа (крысиного тифа) которая содержала слабовирулентный (живой) вирус. Хааген свидетельствовал о том, что он провёл тесты по совместимости с вакциной на 28 заключенных концентрационного лагеря Ширмек, который являлся подразделением Нацвейлера. Восемь заключенных вакцинировались 5 мл этой вирулентной вакцины, десять 5 мл, и десять мёртвой вакциной плюс 5 мл вирулентной вакцины. Трое дополнительных заключенных вакцинировались мёртвой вакциной для цели сравнения. Он заявил о том, что никаких серьезных реакций на эти вакцины не произошло. Все эти вакцинации проводились в мае месяце 1943 и других вакцинаций не проводилось после этой даты, согласно Хаагену. Осенью 1943 Хааген перевёл свою деятельность в

Нацвейлер, предположительно потому, что он считал эпидемию тифа там более вероятной чем в Ширмеке. Он попросил через Хирта о том, чтобы 100 заключенных концентрационного лагеря были переданы ему в Нацвейлер для целей этих экспериментов. Этим заключенных перевели из Аушвица в Нацвейлер в течение ноября месяца 1943, 18 из них умерли в пути. Хааген посчитал остальных непригодными для своих целей и попросил дополнительных 100, которые должны были предоставить в декабре 1943. Он показал о том, что из них, 40 заключенных прошли серию из двух вакцинаций путём инъекций дающих иммунитет и третью вакцинацию путём скарификации для тестирования иммунитета. Для цели сравнения, вторая группа из 40 заключенных выбранная как «контрольная» получила только треть от вакцины. Одинаковую вакцину использовали для всех предполагаемых вакцинаций и это была новая вакцина содержащая слабовирулентный вирус риккетсии Провачека (вшивый тиф). Скарификационная вакцина применённая к обеим группам подопытных содержала меньшее количество вакцины чем при первых двух инъекционных вакцинациях для иммунизации группы. В первой группе инъекция вакцины воздействовала по словам Хаагена как обычная реакция на вакцину. Соответственно такая же реакция произошла в контрольной группе, которая получила только треть скарификационной вакцины. Реакция не была более серьезной чем у тех кто был инфицирован инъекцией.

Хааген признал, что подопытные использованные им как в Ширмеке так и Нацвейлере были различных национальностей, среди которых были цыгане и поляки. Далее он показал о том, что эти заключенные не являлись добровольцами, потому что как он сказал, он проводил только защитные вакцинации.

Хааген заявил о том, что единственной причиной для проведения вакцинаций в Ширмеке и Нацвейлере было то, что его об этом попросил Крамер, комендант лагеря Нацвейлер. Он и Крамер волновались возможности эпидемии тифа в середине 1943, хотя он свидетельствовал о том, что фактически случаев тифа не было до марта 1944. Он поехал в Ширмек только из-за того, что он и Крамер опасались эпидемии.

Показания Хаагена, описанные выше, совершенно недостоверны как по сути так и в виду документов представленных обвинением и доступных Хаагену ко времени его допроса. Во-первых, совершенно неправильно доверять его заявлению о том, что он поехал в Ширмек и Нацвейлер только из-за боязни эпидемии. Совершенно глупо полагать, что комендант концентрационного лагеря, по своей собственной инициативе, просил медицинского содействия докторов из соседних городов. ВФХА, которому подчинялись все концентрационные лагеря, имела развитую медицинскую систему и немыслимо, чтобы местный комендант мог

просить помощи извне. Во-вторых, нелепо предполагать, что Хааген, от всего сердца и опасаясь распространения эпидемии за пределы лагеря, использовал бы свою предыдущую тифозную вакцину для защиты несчастных жертв, которых содержали в концентрационном лагере. Хааген сам заявлял о том, что у него было очень мало тифозной вакцины. Во время процесса постоянно свидетельствовалось о том, что в Германии критически не хватало тифозных вакцин, и что даже не всегда хватало достаточных количеств вакцинированных докторов и другого персонала подверженного особой опасности. То, что эта вакцина использовалась бы для защиты заключенных концентрационного лагеря немыслимо. В-третьих, нелепо полагать, что какой-либо учёный мог подумать о том, чтобы вакцинация 28 заключенных в Ширмеке и 80 в Нацвейлере могла оказать возможный эффект на возникновение эпидемии тифа.

То, что Хааген лжесвидетельствовал о том, что он действительно делал в Нацвейлере во время своих экспериментов с тифом ясно видно, из его собственного письма Хирту от 27 июня 1944. В письме Хирту от 9 мая 1944, Хааген просил, чтобы ему были предоставлены 200 лиц для экспериментов. (НО-123, экз. обв. 303). Дополняя свою просьбу, он заявил в своём письме от 27 июня 1944 о том, что «в последующих вакцинациях с вирулентным тифом, которые будут проводиться с целью тестирования защитной вакцины, следует учитывать заболевание в частности в контрольной группе, которая не получит защитных вакцин. Эти поствакцинации являются желательными с целью однозначного установления эффективности защитных вакцин. В этот раз 150 лиц будут использованы с защитной вакциной и 50 для контрольных вакцинаций». (НО-127, экз. обв. 306).

Особо следует отметить, что в письме цитированном выше, Хааген указал Хирту на то, что заболевания следует ожидать в контрольной группе, которая не получила защитной вакцины. Хааген свидетельствовал о том, что дополнительная группа из 200 заключенных запрашивалась им лишь для цели вакцинации, также как делалось в декабре 1943 и январе 1944 на 80 подопытных. Он добавил, что в мае у него было достаточно вакцины для ещё 200 лиц и он лишь попытался усилить защиту лагеря. Ложность показаний Хаагена чётко видна из заявления в письме о том, что заболевание ожидается в контрольной группе. Он ранее свидетельствовал о том, что вообще не было причины ожидать какой бы то ни было серьезной реакции на скарификационную вакцинацию контрольной группы большую чем от инъекции вакцины для иммунизированной группы. Именно поэтому, и существовала причина ожидать, что вакцина введенная иммунизированной группе вызовет более серьезную реакцию, поскольку путём инъекции вводилось больше вакцины чем при скарификации. Хааген применял гораздо большие количества вакцины в первых

двух инъекциях иммунизированной группы, нежели чем при скарификационной вакцинации как иммунизированной так и контрольной группы. Использовалась одинаковая вакцина. Метод вакцинации, инъекцией либо скарификацией, не имел эффекта реакции на вакцину. Хааген особо свидетельствовал о том, что «если мы вакцинируем путём скарификации мы можем ожидать, что эффект вакцины будет таким же как если бы мы вводили её подкожно или внутримышечно».

Хааген абсолютно не смог согласовать своё заявление в письме Хирту от 27 июня 1944 о том, что «следует учитывать болезнь, в частности в контрольной группе» со своими показаниями о том, что не существовало разницы в реакции на вакцину как в иммунизированной так и контрольной группах. На самом деле, единственное возможное объяснение его письма это то, что вместо вакцинации иммунизированной и контрольной групп путём скарификации, он, фактически, инфицировал их тифом. Хааген знал о том, что незащищенные контрольные подопытные заболеют тифом. Хааген также не объяснил письмо Канта, начальника штаба Шрёдера от 29 августа 1944, в котором он спрашивал «можно ли полагать, что тифозная эпидемия возникшая в Нацвейлере связана с исследованием вакцины» (НО-131, экз. обв. 309). Он свидетельствовал о том, что он завершил свои вакцинации 80 подопытных в течение января 1944 и что все его серологические исследования завершились не позднее февраля 1944 и что подопытных освободили из заключения. Хааген представил отчёт Люфтваффе не позднее мая или июня 1944 в отношении успеха вакцины. Вообще нет причины тому, чтобы Кант и Розе адресовали такой запрос Хаагену, при том, что он уже давно завершил свои эксперименты, согласно его показаниям, и представил, успешный отчёт Люфтваффе как минимум за два месяца до запроса. Совершенно невозможно, чтобы тесты вакцин, которые не вызывали тифа у вакцинированных лиц могли вызвать тиф у иных лиц, как предложил Розе во время своего допроса. Более того, следует заметить, что письмо Канта чётко показывает, на понимание с его стороны того, что исследования вакцин Хаагена в Нацвейлере сравнимы с эпидемией. Хааген свидетельствовал о том, что это ему не понятно. Хааген также с трудом объяснил почему, в своём письме от 19 сентября 1944, в ответ на запрос Канта, не сказал о том, что не проводил вакцинации в Нацвейлере с января 1944 и что его вакцинации не могли вызвать болезнь подопытных, вызвав эпидемию тифа. Хааген просто заявил в своём письме, что: «Настоящим информирую вас о том, что не имеется связи между случаями тифа с тифозной вакциной *которую тестировали*» [Курсив добавлен] (НО-132, экз. обв. 310). Именно сам Хааген, заявил в своём ответе о том, что вакцина всё ещё тестируется, вопреки своим показаниям трибуналу.

Хааген хочет, чтобы трибунал поверил в то, что у него не было штамма вируса тифа, который являлся патогенным для людей, и таким образом он не мог вызвать серьезные случаи тифа даже если бы он попытался так сделать. На одном дыхании он свидетельствовал о том, что не имелось значительной опасности инфекции при работе в лаборатории и что он давал своим ассистентам «рисковый бонус».

Хааген свидетельствовал о том, что он не проводил вакцинаций после января 1944. Он снова и снова повторял это во время своего допроса. При вопросе о причине не проводить вакцинации во время эпидемии тифа в Нацвейлере, весной и летом 1944, которая предоставила возможность тестирования антиинфекционного эффекта его вакцины в естественных условиях, он спокойно ответил, что у него было столько военных поездок, что у него просто не было времени. Хотя у него было достаточно вакцины для оправдания запроса на дополнительных 200 подопытных жертв в мае 1944, его усилия единственным усилием в эпидемии тифа, согласно его показаниям, было направление им оборудования по обеззараживанию. Не столь важно, но стоит сказать о том, почему же какой-нибудь другой доктор или ассистент Хаагена не мог провести вакцинации в которые Хааген хочет, чтобы поверил трибунал для защиты лагеря.

Все вышеуказанные противоречия и фальсификации вытекают из показаний Хаагена также как из других документов, которые он внимательно изучил перед своим вызовом. Документы, представленные ему во время перекрёстного допроса раскрыли его показания как лживые от начала до конца. Хааген постоянно свидетельствовал о том, что он не проводил вакцинаций в Ширмеке после мая 1943. Он заявил о том, что в Ширмеке он лишь провёл одну вакцинацию, а не серию вакцинаций по «антиинфекционному иммунитету», потому что тогда «его знания не зашли столько далеко». В связи с вакциной Ипсена, о которой Розе переписывался с ним, он особо отрицал, что когда-либо предлагал Розе проведение экспериментов с ней. Письмо Хаагена Розе от 4 октября 1943 прямо противоречит им обоим в существенных положениях. (НО-2874, экз. обв. 520). Он заявил в письме о том, что:

«Я уже сообщил вам данные результатов экспериментов на людях. *Концентрация сыворотки значительно выше, также после одной вакцинации, в сравнении с тремя вакцинами с деактивированными вакцинами.* Я сожалею о том, что до сих пор было невозможно провести инфекционные эксперименты по вакцинации лиц; я попросил «Аненербе» СС предоставить подходящих лиц для вакцинации, но пока не получил ответа. *Сейчас мы проводим дальнейшую вакцинацию на*

людях; я позднее доложу о результате. Я полагаю, что затем мы дойдём до точки в которой сможем рекомендовать введение нашей новой вакцины без экспериментов в настоящее время».
[Курсив добавлен]

.....

В том же самом письме от 4 октября 1943, Хааген обсуждал отчёт Розе о вакцине Ипсен из Копенгагена. Он завершил письмо сказав: «Если бы мы получили подопытных из СС для вакцинаций, имелась бы возможность протестировать печёночную вакцину на её антиинфекционный эффект. Тогда я предложу, чтобы наш материал использовался параллельно с тестами Ипсена. Таким образом, Хааген лжесвидетельствовал, когда говорил о том, что он не предлагал экспериментов с вакциной Ипсена. В своём письме он особо предлагал провести антиинфекционные эксперименты с вакциной Ипсена также как и с его вакциной. Это вновь подтверждает, что использование фразы «инфекционные эксперименты» не означает множественные вакцинации с вакциной живого тифа. Вакцина Ипсена была мёртвой вакциной; она не содержит слабовирулентного вируса. Три вакцинации, с мёртвой вакциной не смог обозначить как «инфекционный эксперимент» даже Хааген. Более того защита сама показала, что вакцина Ипсена уже тестировалась на переносимость и сравнивалась с другими вакцинами используемые Вермахтом. Это ясно из письма Розе предприятию Беринга и Хаагену, среди прочего, датированному 29 сентября 1943. (Розе 22, экз. Розе 21). Совершенно ясно, что единственный тип эксперимента оставшийся для вакцины Ипсена был именно таким какой предлагал Хааген, а именно, постинфекция вакцинированных и контрольных подопытных тифом.

Хааген далее поставил под сомнение записки о его тифозных экспериментах сохранённые его помощницей, госпожой Кродель. (НО-3852, экз. обв. 521). Хааген определенно опознал эти записки как написанные госпожой Кродель. Госпожа Кродель являлась помощницей Хаагена многие годы и он считал её наиболее надёжной. Он согласился с тем, что госпожа Кродель была очень аккуратна в своей работе. На странице три блокнота появляется серия записей датированных с 30 апреля 1943 по 27 января 1944 об экспериментах в Ширмеке. Запись от 19 мая 1943 показывает, что две из четырёх вакцинированных мышей умерли». Запись от 27 мая гласит: (4 недели) 3-6,5 на лицо и 6 мышей по 0,5 единиц, 5 умерло, после 10, 14, 14 дня, остальные спустя 4 недели». Запись подтверждает, что людей вакцинировали вакциной Хаагена. По крайней мере стоит сказать, что пять мышей которых вакцинировали похожим образом в результате умерли. Фраза

«остальные спустя 4 недели» очевидно относится к смертям среди подопытных поскольку совершенно невозможно, чтобы данная фраза использовалась для ссылки на одну оставшуюся мышь. Запись от 6 июля указывает на то, что в эту дату Хааген и его ассистенты появились в Ширмеке для цели забора крови у десяти лиц, которых ранее вакцинировали, для теста на реакцию Вайля-Феликса¹⁵⁹. Запись приводит концентрацию сыворотки восьми подопытных. Запись завершается лаконичным замечанием: «двух других здесь уже нет». Эта запись решительно подтверждает показания свидетеля, Георга Хирца, который заявил о том, что Хааген тестировал свою вакцину в Ширмеке летом 1943. Приблизительно 20 польских заключенных использовались в экспериментах, и после вакцинаций, двое из подопытных умерли. Хирц свидетельствовал о том, что он сам заворачивал тела заключенных в мешки и доставлял их для кремации. Остальные подопытные реагировали в виде лихорадки, шока и потери речи. Далее его показания подтверждаются самим Хаагеном, который заявил о том, что две группы по десять заключенных вакцинировались им в Ширмеке. Запись в записках Кродель очевидно ссылается на одну из этих групп десяти и по прибытию Хаагена и его ассистентов в лагерь для забора крови было установлено, что двое из подопытных умерли.

Запись от 4 октября 1943 на странице три записок Кродель гласит «(шесть месяцев) вакцинированы 20 лиц в Ширмеке, шприц – 2 мл дистиллированной воды, 0.5 на лицо». (НО-3852, экз. обв. 521). Это подтверждает, что Хааген не только лжесвидетельствовал, когда говорил о том, что он не проводил тифозных вакцинаций в Ширмеке после мая 1943, а тем, что проводились множественные вакцинации его вакциной. Эта запись содержит такую же дату как письмо Хаагена Розе, указанное выше, которое также говорит о том, что он проводил дальнейшие вакцинации. Последняя запись на странице три датирована в оригинале 27 января 1943 и гласит: «(9 месяцев) смешивается в тех же количествах (как 21 мая) шприц с дистиллированной воды, 20 лиц по 1,1 мл каждое». Дата 1943, очевидно ошибка со стороны госпожи Кродель. Это подтверждается фактом, что период времени указанный в скобках заметок относится к периоду времени хранения вакцины. Хааген это признал. Таким образом, ссылка «(9 месяцев) означала, что вакцина, используемая в этой серии экспериментов хранилась девять месяцев с 30 апреля 1943, даты первой записи на странице три и времени подготовки первой вакцины. То, что 1943 в оригинальной записи следует заменить на 1944 также видно из страницы четыре заметок, в связи с тем, что последняя запись за 27 января 1944. Общей ошибкой является использование даты старого года в первые месяцы нового.

¹⁵⁹ Реакция Вайля-Феликса – тест на определение присутствия риккетсий. Впервые разработан Эдмундом Вайлем и Артуром Феликсом в 1916.

Хааген вакцинировал ещё одну группу из десяти лиц в Шимреке к 10 октября 1943 и ещё 20 к 27 января 1944 как видно из записей на странице четыре заметок Кродель. Снова на странице пять оригинала, запись за 14 октября 1943 подтверждает, что десять лиц были вакцинированы в третий раз 1 мл новой вакцины Хаагена. То, что эта запись относится к вирулентой мышинной вакцине, а не к мёртвой вакцине Гильдмайстера можно видеть из предыдущей записи, которая говорит о четырёх контрольных лицах вакцинированных три раза вакциной Гильдмайстера. Данный факт виден далее путём сравнения количества инъекций плюс количество дистиллированной воды использованной на шприц новой вакцины Хаагена, что изложено в других сериях.

Запись от 25 мая 1944 на странице 7 заметок Кродель говорит о том, что 30 лиц были вакцинированы в Нацвейлере. «Вакцинация прошла во время инкубационного периода (в транспорте с больными людьми). Тринадцать заболели в период с 29 мая по 9 июня, из которых двое умерли». Хааген постоянно свидетельствовал о том, что он не проводил вакцинаций после января 1944 в Нацвейлере. Он не только проводил эксперименты после января 1944, но как подтверждается вышеуказанной записью, подопытные умирали во время таких экспериментов. Своими показаниями Хааген подтверждает, что эти записи касались эксперимента во время которого подопытных искусственно инфицировали тифом. Хотя запись эвфемически говорит о том, что вакцинации «прошли во время инкубационного периода», Хааген свидетельствовал о том, что постоянно предполагалось обвинением, о том, что невозможно установить, когда у лиц протекает инкубационный период. Инкубационный период это время между инфицированием и первыми проявлениями заболевания. Соответственно, невозможно знать, что вакцинация проходила во время инкубационного периода если только лицо не было искусственно инфицировано и таким образом была известна дата инфицирования.

Также важно отметить, что таблица на странице 14 заметок госпожи Кродель использует слова «nachimpfung», означающее поствакцинацию или ревакцинацию, в связи с экспериментами по множественной вакцинации на двух мышках (обе умерли), вместо слова «nachinfektion», означающую постинфекцию или последующее инфицирование которое постоянно использовалось Хаагеном в его письмах об экспериментах на людях.

Хааген свидетельствовал о том, что подсудимый Шрёдер посещал его 25 мая 1944, в тот самый день, когда он проводил эксперименты в Нацвейлере. При этом, конечно, совершенно возможно, что Шрёдер мог посетить Хаагена 24 или 26 мая, нежели 25, совершенно ясен факт, что в любом случае очень важные

эксперименты по тифу обсуждались с Шрёдером, вопреки показаниям обеих человек. То же является правдой в отношении визита подсудимого Бекер-Фрейзинга, который приехал вскоре после Шрёдера и Розе, который посещал Хаагена и в 1943 и 1944. Заявление Хаагена о том, что Бекер-Фрейзинг прибыл из Берлина для обсуждения с ним получения кроликов и мышей является недостоверным как и остальные показания Хаагена.

Подсудимый Шрёдер свидетельствовал о том, что исследовательская задача Хаагена не являлась секретной и высказался за то, что не произошло ничего криминального. Не прерываясь на глупость такого аргумента, достаточно сказать, что показания Шрёдера подтвердились как ложные списком исследовательских задач составленным ведомством Шрёдера в 1944. Тифозная работа Хаагена была квалифицирована как секретная. (НО-934, экз. обв. 458).

Показания свидетеля Нальса подтверждают доказательства приведенные выше: то, что Хааген проводил эксперименты для тестирования иммунитета к его вакцине, искусственно инфицируя подопытных тифом. Нальс голландский гражданин, был арестован Гестапо в 1940 за предполагаемое участие в движении сопротивления. Хотя его судили и оправдали, он был помещён в концентрационный лагерь Бухенвальд в апреле 1941. В марте 1942 он был переведён в Нацвейлер и в ноябре 1942 он стал медбратом на экспериментальной станции «Аненербе». Он заявил о том, что в последнюю часть 1943, 100 цыган были доставлены в Нацвейлер из Аушвица для тифозных экспериментов Хаагена. Хааген признал их физически неподходящими и впоследствии были доставлены 90 дополнительных цыган. Они были разделены на две группы и помещены в отдельные палаты экспериментальной станции «Аненербе». Одна группа была вакцинирована против тифа. Приблизительно 14 дней спустя, обе группы были искусственно инфицированы тифом. В результате почти 30 подопытных умерло. Нальс ухаживал за жертвами лично и видел тела. Он часто говорил с подопытными и знал, что никто не вызывался добровольцем, что и признал Хааген давая показания. Цыгане были разных национальностей включая поляков, венгров и немцев.

.....

Длительная деятельность Хаагена в Ширмеке и Нацвейлере видна в его справочнике об исследовательских задачах по жёлтой лихорадке и тифу. Его работа в Ширмеке началась уже 20 апреля 1943. Он звонил в Ширмек даже в августе 1944, почти год спустя после предполагаемой «последней вакцинации Хаагена». Эти отчёты были направлены медицинской службе Люфтваффе. (НО-3837, экз. обв.

542). Они были такими подробными, что раскрывали его деятельность в концентрационных лагерях. (НО-3450, экз. обв. 519).

Хааген признал, что эксперименты по инфицированию могли означать лишь три вещи – (1) последующее искусственное инфицирование тифом, (2) вакцинации крупных групп людей и затем изучение эффективности во время естественной эпидемии и (3) реакция тестов Вайля-Феликса до и после последующей вакцинации. Он признал, что интерпретация обвинения об «инфекционных экспериментах» и «последующее инфицирование» является его собственной. Он признал, что слово «nachimpfung» можно использовать также как и «nachinfektion»

Не имеется неясных вопросов об интерпретации документов представленных трибуналу. Простой вопрос заключается в том, совершил ли Хааген преступления во время своих экспериментов. Хааген постоянно использовал слово в своих собственных письмах. Не оспаривается то, что заключенных использовали в качестве недобровольных подопытных, среди которых были граждане оккупированных Германией стран. Хааген это тоже признал. Документы и показания подтверждают, что значительно количество подопытных были убиты во время этих экспериментов. Против превосходящих доказательства находятся показания Хаагена и Розе, которые оба лжесвидетельствовали давая показания. Именно, их собственные показания являются лучшим косвенным доказательством преступности экспериментов. Никто не лжесвидетельствует без причины. Лжесвидетельствуют только те кто боятся света правды. Эти люди посчитали свои клятвы настолько жё незначительными как и жизни своих беззащитных жертв.

Вина Розе и Хаагена является мерой вины Шрёдера. В качестве офицера Люфтваффе, Хааген подчинялся его приказам. Ведомство Шрёдера поставило исследовательские задачи вызвавшие проведение этих экспериментов. Оно предусмотрело фонды на их проведение. Оно получало отчёты об экспериментах и знало об их проведении на заключенных концентрационных лагерей. Шрёдер сам находился в Страсбурге в период проведения экспериментов. Его вина является ясной и однозначной.

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Розе

Заявления по вопросу ответственности подсудимого Розе за эксперименты с тифом профессора Ойгена Хаагена в концентрационных лагерях Ширмек и Нацвейлер и по вопросу участия в этих экспериментах.

Чтобы разрешить вопрос о том являлась ли наказуемой деятельность подсудимого Розе, трибуналу следует выяснить следующее: имел ли профессор Розе в своём качестве консультирующего гигиениста медицинской инспекции Люфтваффе какие-либо командные полномочия или право и обязанность по надзору за профессором Хаагеном в университете Страсбурга? Участвовал ли подсудимый Розе в наказуемой форме в экспериментах с тифом проводимых Хаагеном в концентрационных лагерях Нацвейлер и Ширмек? При этом нельзя оставлять вопрос о виновности Хаагена нерешённым.

Что касается первого вопроса, важна одна вещь. Прежде всего, профессор Хааген являлся действительным профессором университета Страсбурга и также директором института гигиены в этом университете. В то же время он был консультантом по гигиене гражданской администрации в Эльзасе. Во время войны, в дополнение к этому, он являлся по совмещению консультирующим гигиенистом воздушного флота. Наконец, он обращался за так называемыми исследовательскими задачами для своих экспериментов, своих экспериментов с тифом, то есть, на практике за финансовой помощью.

Прежде всего, следует установить в каком из своих качеств, профессор Хааген проводил свои эксперименты. В этой связи факты являются совершенно ясными. В качестве свидетеля, профессор Хааген сам объяснил, что он просил и получал исследовательские задачи, которые позволяли эксперименты, не в качестве офицера Люфтваффе, но в качестве директора гражданского исследовательского института. Поэтому, как обычно, за инициативой стоял учёный. (Бекер-Фрейзинг 70, экз. Бекер-Фрейзинг 48). Верность такого описания видна из письма профессора Хаагена, представленного обвинением, адресованного ректору университета Страсбурга, датированного 7 октября 1943. (НО-137, экз. обв. 189). В данном письме Хааген просит у своего гражданского начальника, ректора университета Страсбурга, особых привилегий для института гигиены университета (т.е. гражданского учреждения) руководствуясь исследовательскими поручениями данными ему.

То, что положение профессора Хаагена также интерпретировалось Люфтваффе таким же образом можно видеть, например, из стиля писем адресованных ему по вопросам, относящимся к его задачам по исследованиям и вакцинам. Они не выражаются языком военных приказов, а имеют характер переписки с гражданским ведомством, которое не подчинялось Люфтваффе, ни в

вопросе получения приказов ни в плане надзора. Ряд тех кто получал такие исследовательские задания описали трибуналу то, как они получали эти задачи по оппортунистическим причинам, т.е., получая приоритетные заказы и защищая своих сотрудников от призыва на военную службу. Однако, фактически никакого подчиненного отношения или надзора не возникало путём принятия такой задачи, как можно видеть также из множественных заявлений получателей таких задач Люфтваффе. (Шрёдер 30, экз. Шрёдера 22; Шрёдер 31, экз. Шрёдер 23; Бекер-Фрейзинг 79, экз. Бекер-Фрейзинг 63). Обязательства возникали относительно расчёта выделенных денег, отчётов о возможных достижимых результатах, также как упоминалось содействие в случае научной публикации.

Более того, такая финансовая помощь никоим образом не ограничивалась Германией, но и являлась общей для многих стран. Никакой ответственности за возможные ошибки и преступления, которые могли совершить доноры, не вытекало из такого финансового содействия. Фактически, Хааген никогда не получал особого индивидуального задания для проведения некой серии экспериментов, но от него требовалось, в случае просьбы, содействия для «исследований тифа». Однако, финансовое содействие для исследований тифа является чем-то совершенно нормальным. Между тем, Хааген не только использовал средства находящиеся в его распоряжении благодаря Люфтваффе, но также и вложения совета исследований Рейха и наиболее важное, личный состав и оборудование своего института. Поэтому, его исследования тифа не являлись частью его военной деятельности, но проводились в рамках его гражданской деятельности. Также, факт, что офицер запаса Люфтваффе, а именно, штабсарцт Грефе являлся сотрудником в его исследовательской работе по тифу, не изменяет ни один из фактов дела. Это правда, что Грефе являлся офицером запаса таким же самым образом как и Хааген. Однако, его основной профессией был ассистент в институте гигиены университета Страсбурга, и в таком качестве он подчинялся профессору Хаагену, который являлся конечно, директором института. Он никоим образом не подчинялся Хаагену в военном смысле, а воздушному округу VII. Штабсарцт Грефе, которого призвали в Люфтваффе, поэтому, был переведён для цели дальнейшей подготовки в гражданский институт в котором он работал ассистентом в мирное время. Такие инциденты случались довольно часто, чтобы позволять продолжать исследовательскую деятельность во время войны. В результате такого содействия в отношении персонала, эти гражданские ведомства не подпадали под командование и надзор военных властей.

Факт, что профессор Хааген чувствовал себя совершенно независимым в своей исследовательской деятельности, это можно однозначно видеть из факта, что

он получал содействие от других ведомств независимо от своего подчиненного положения в отношении военных. Такие средства, не проходили военные каналы, которые описывались здесь как обязывающие в военных вопросах. В своём качестве оберштабсарцта Люфтваффе, он не мог работать с советом исследований Рейха не информируя своего вышестоящего начальника. Ещё меньше он мог работать с рейхсфюрером СС, с ведомствами СС или например с генераларцтом Шрайбером, который относился к армии. Однако, он мог делать всё это в своём качестве директора института гигиены университета Страсбурга. Верность данного заявления показана наиболее чётко в важном вопросе, а именно, получения подопытных в концентрационных лагерях. В данном случае он не мог проводить переговоры через военные каналы, медицинской инспекции Люфтваффе, но через свои гражданские каналы, через посредничество своего университетского коллеги, профессора Хирта, через «Аненербе». Он никогда не информировал своих военных начальников об этих переговорах, ни просил об их содействии, так как к этому не было причины. Материалы дела показывают совершенно чётко, что профессор Хааген уже проводил свои эксперименты на заключенных Ширмека в мае 1943 таким же образом проводя их до середины 1944. Однако в мае 1943, Хааген являлся – в военном смысле – в период отпуска, и что касалось его деятельности, он не являлся предметом надзора Люфтваффе. Его назначения в качестве консультирующего гигиениста не было до 14 июля 1943, потому что письмо министра Люфтваффе датированное 14 июля 1943 не адресовывалось консультирующему гигиенисту Хаагену, а штабсарцту Хаагену, которому был дан отпуск для работы в его институте. После его назначения в качестве консультирующего гигиениста, его исследовательская деятельность никоим образом не отличалась от той, которую он проводил до этого назначения. Они оставались гражданской исследовательской работой как и ранее.

Также следует обратить внимание на тот факт, что Люфтваффе не проявляло особого интереса к исследовательской работе профессора Хаагена. Единственным реальным интересом могло быть производство вакцины. Они пытались повлиять на него в данной связи, без практического успеха. Люфтваффе не получало тифозных вакцин от Хаагена. Его исследовательская деятельность не имела связи с пожеланиями Люфтваффе относительно вакцин; она даже входила в противоречие с такими интересами.

Обвинение, вправду, представило ряд отчётов из которых можно увидеть, что телефонные звонки в Ширмек и Нацвейлер оплачивались из фондов Люфтваффе. (НО-3450, экз. обв. 519; НО-3837, экз. обв. 542). Даже если можно считать это фактом подтверждающем, что эти звонки были связаны с его работой в

концентрационных лагерях, весь характер отчётов показывает, что Хааген занимался своей исследовательской работой как единым целым и разделял расходы по своему усмотрению исходя из разных фондов, которые у него были. Цель данных телефонных звонков не следует смешивать лишь с отчётами. Произвольное разделение счетов видно, например, из того факта, что вся серия расходов записанная в «Счёте на грипп» относилась к работе с тифом. Отдел получавший список расходов не имел возможности подробной проверки цели в каждом пункте, и того кем являлись участники разговоров.

Уже было представлено достаточно фактов, того, что, в целом, Люфтваффе не несло ответственности за исследовательскую деятельность университета профессора Хаагена. Вместе с тем, предлагается изучить вопрос о том можно ли сделать вывод об ответственности подсудимого Розе за исследовательскую работу Хаагена из того факта, что профессор Розе являлся консультирующим гигиенистом медицинского начальника Люфтваффе; потому что обвинение в основном пытается выстроить ответственность подсудимого Розе из (1) наличия исследовательских заданий данных Люфтваффе; и (2) факта, что профессор Хааген принадлежал к Люфтваффе в качестве офицера запаса.

Нет сомнения, что Хааген являлся медицинским офицером Люфтваффе. Прежде всего, он являлся консультирующим гигиенистом воздушного флота 1 до 1941 года. Затем ему был дан отпуск для работы в своём институте гигиены на определенное время, которое должно было быть вскоре после 14 июля 1943. Потом он стал консультирующим гигиенистом воздушного флота «Центр», который позднее был переименован в «Рейх».

Однако, он не проводил своих экспериментов в качестве консультирующего гигиениста. Задачи консультанта не включают научные исследования. Они находятся в разных сферах. Профессор Хааген никогда не подчинялся подсудимому Розе даже в военном положении консультирующего гигиениста воздушного флота. С другой стороны, подсудимый Розе не имел ни командной власти, ни права, ни обязанности надзирать за Хаагеном.

С военной точки зрения Хааген являлся подчинённым своему главному врачу воздушного флота. Между тем, Розе не имел ни руководящих прав, ни руководящих обязанностей, ни в отношении профессора Хаагена ни всех других консультирующих гигиенистов Люфтваффе. Его официальные обязанности ограничивались исключительно консультациями медицинского инспектора, то есть начальника медицинской службы Люфтваффе. (Розе 6, экз. Розе 6; Розе 7, экз. Розе 7; Розе 8, экз. Розе 29; Хандлозер 12, экз. Хандлозер 12).

Нет нужды комментировать далее тот факт, что подсудимый Розе в особенности не располагал такими правами и обязательствами в отношении Хаагена в его качестве исследователя и директора института в университете Страсбурга, который никоим образом не подчинялся Люфтваффе. Верность таких заявлений однозначно подтверждается показаниями свидетелей в моём допросе, не только самим профессором Хаагеном, но также и подсудимым Шрёдером, который, в конце концов, знает это, будучи бывшим начальником медицинской службы Люфтваффе. Этих фактов достаточно, чтобы показать, что подсудимый Розе не имел ни командной власти, ни права, ни обязанностей по надзору за профессором Хаагеном.

Нам остаётся изучить второй вопрос о возможном участии подсудимого Розе в исследовательской работе профессора Хаагена в концентрационных лагерях Нацвейлер и Шимрек.

Неоспоримо, что подсудимый Розе был знаком с фактом, что Люфтваффе дало несколько исследовательских поручений профессору Хаагену, и что отчёты в рамках этих поручений направлялись ему для сведения. Однако, эти отчёты не содержали подробностей из которых была бы видна или предполагалась преступная деятельность профессора Хаагена. Даже обвинитель, господин Макхэни, во время своего допроса подсудимого Ростока, прямо заявил о том, что даже он сомневается в том, что Хааген раскрывал бы такие подробности. Такая интерпретация полностью соответствует фактам. Отчёты профессора Хаагена включали чисто научно-исследовательскую работу которая предназначалась к публикации. Ни один читатель не смог бы понять, что они основывались на незаконных экспериментах. План экспериментов никогда подробно не представлялся Хаагеном.

Как уже говорилось, это правда, что подсудимый Розе знал об исследовательских поручениях, которые давались профессору Хаагену Люфтваффе. Согласно характеру его официального положения, он не оказывал влияния на такие поручения. Не существует сомнений о поручениях как таковых, так как ничего подозрительного или сомнительного не было видно в характере их формулировки. (Бекер-Фрейзинг 37, экз. Бекер-Фрейзинг 23).

Эта ситуация не изменяется от того факта, что подсудимый Розе дважды посещал профессора Хаагена в Страсбурге во время войны, первый раз в 1943 и второй раз в 1944. В обоих случаях обсуждались чётко обозначенные поручения. Во время первого визита обсуждался вопрос желает ли Хааген возобновить свою деятельность консультирующего гигиениста воздушного флота. Второй визит был из-за желания медицинской инспекции Люфтваффе, чтобы Хааген выполнил просьбу постоянно делавшуюся ему, принять на себя производство вакцины. Этот второй визит далее служил цели обсуждения вопроса особо дорогих, но

необходимых сооружений для воспроизводства климата для кроличьих вольеров в институте профессора Хаагена.

Причин упомянутых для этих визитов будет достаточно из представленных документов. Вопрос о предположении профессора Хаагена о функциях консультирующего гигиениста воздушного флота «Центр» упоминаемый в письме Розе направленном Хаагену 9 июня 1943 (НО-306, экз. обв. 296), о получении климатической установки в документе НО-2874, экземпляр обвинения 520. Более того, первые два упомянутых документа совершенно ясно показывают, что подсудимый Розе не имел влияния на поручение исследовательских задач Хаагену. В ответе на вопрос Хаагена относящийся к данному предмету, Розе ограничил свой ответ заявлением о том, что компетентный эксперт отсутствует.

В изучении отношений между Розе и Хаагеном, также следует упомянуть их дальнейшую переписку.

Розе встретил Хаагена, когда они оба являлись начальниками отделений в институте Роберта Коха в Берлине с 1937 по 1941. Оба являлись специалистами в сфере исследований инфекционных заболеваний. Хааген специализировался в вирусных заболеваниях включая тиф. Подсудимый Розе специализировался на тропических заболеваниях, паразитологии и контролем за вредителями. Данный факт объясняет существование научной личной переписки, часть которой можно обнаружить в делах. Согласно показаниям свидетеля, Ольги Айер, данная переписка была чрезвычайно точечной и включала лишь от пяти до шести писем с 1941 по 1944, во время чего госпожа Айер была секретарём Хаагена.

Обвинение очевидно располагает полным объёмом переписки Розе и Хаагена. Письма обвинения представленные в данной переписке касаются двух предметов: первая группа включает два письма от 5 июня 1943 и 9 июня 1943 (НО-305, экз. обв. 295; НО-306, экз. обв. 296), которые содержат ответ на вопросы о производственной технологии тифозной вакцины. Розе, который сам не являлся специалистом в данной сфере, запрашивал техническую информацию и получил её. (Между тем, следует заявить о том, что от 30 до 40 лиц упоминаемых в данной переписке обозначают цифру рабочей силы, а не возможных подопытных как утверждает обвинение).

Принципиальное письмо Хаагена Розе, датированное 4 июня 1943, которое упоминается в ответе Розе датированном 9 июня 1943, проясняет вопрос абсолютно однозначно. К сожалению, оно не представлено обвинением.

Вторая часть переписки между Розе и Хаагеном касается отношения Хаагена к копенгагенской вакцине. Помимо прочего, Розе также проинформировал профессора Хаагена, одного из ведущих немецких исследователей тифа, о

результатах своего разговора с доктором Ипсеном в Копенгагене, как можно видеть из циркулярного отчёта о поездке в Копенгаген. (Розе 22, экз. обв. 21).

Вторая часть переписки возникла в результате направления строго научной информации, и следующие письма были представлены обвинением во время процесса:

Письмо Хаагена Розе датированное 4 октября 1943 (НО-2874, экз. обв. 520).

Письмо Хаагена Розе датированное 29 ноября 1943 (НО-1059, экз. обв. 490).

Профессор Розе дал подробное объяснение такому обмену перепиской во время своего допроса защитой. Тогда он обладал только своим вышеуказанным письмом Хаагену датированным 13 декабря 1943, в то время как два других письма всё ещё скрывались обвинением. Хотя, в результате этого, он был поставлен в сложное положение, вынужденный давать показания о переписке которая была четыре года назад, лишь на часть из которой он смог сослаться, верность его заявлений полностью подтвердилась в существенных пунктах двумя другими письмами которых не представили позже на процессе. Можно совершенно определенно видеть, из первого абзаца письма Хаагена Розе датированного 4 октября 1943 о том, что действительный интерес подсудимого Розе заключался в привлечении профессора Хаагена к производству проверенной вакцины.

Стоит вопрос климатической установки, которая была необходима для производства вакцины Жиро из лёгких кроликов. Она была необходима только для создания дополнительного производства для Люфтваффе, потому что данная вакцина должна была получаться из мёртвых бацилл тифа и была представлена спустя некоторое время. В конце своего письма, профессор Хааген ещё раз ссылается на этот чисто технический производственный вопрос. В своём письме Хааген также выражает своё мнение и оценку метода Ипсена. Предпоследний абзац данного письма особо важен. Он описывает огромное значение придаваемое профессором Хаагеном серологическим экспериментам в оценке результатов вакцинации и состояния иммунитета. Он пишет в этой связи:

«В целом, я сожалею о том, что судя по иммунитету, очень мало значения придаётся серологической реакции. Мои эксперименты с нефенолизованной вакциной вновь подтвердили, что концентрация агглютинации должна учитываться. Без сомнения, гораздо большее значение вновь следует придавать серологическим результатам, при суждении о состоянии иммунитета согласно нашему мнению о течении инфекции

вирусных заболеваний, в особенности на начальных стадиях» (НО-2874, экз. обв. 520).

В конце своего письма, Хааген предлагает, чтобы прошли сравнение его собственные вакцины и вакцина Ипсена. Это является однозначным подтверждением того, что предложение исходило от Хаагена. Подсудимый Розе не имел ни малейшей причины полагать, что профессор Хааген намерен проводить проверку иммунитета с вирулентным вирусом вызывающим заболевание в человеческом организме, поскольку профессор особо подчёркивал важность серологических методов при тестировании состояния иммунитета. Напротив, он должен был предполагать, что профессор Хааген считал такую инфекцию излишней.

Обвинение возражает факту, что Хааген, обсуждая запланированные эксперименты в своей переписке с Розе, использовал такие термины как «эксперименты с инфицированием» и «последующее инфицирование». Но профессор Розе знал о том, что Хааген участвовал в разработке живой вакцины непатогенной для человека. Он даже упоминал это в своей лекции о тифе и малярии в Базеле в 1944. (Розе 25, экз. Розе 31). Каждый эксперт знает, что применение живого вируса для цели защитной вакцинации это процедура инфицирования.

Ему было известно, что Хааген работал над дальнейшим развитием метода разработанного французом Бланком. Это также, можно увидеть в том же отрывке его базельской речи упомянутой выше. Тот факт, что термин «последующее инфицирование» использовался профессором Хаагеном для разграничения защитных вакцинаций из живых и ослабленных вакцин, никоим образом не удивлял и не пугал его. (Розе 59, экз. Розе 59; Розе 60, экз. Розе 60).

В данной связи следует отметить, что записки врача лагеря Нацвейлер чётко описывает вакцинацию, которую Хааген случайно называл «последующее инфицирование», как «вакцинацию». Его записи от 22 марта 1944 говорят о том, что «сама вакцинация теперь проводится после двух защитных вакцинаций»

Данный отчёт говорит о том, что живая вакцина тифа использовалась французским правительством в Алжире в 3.5 миллионах случаев для борьбы с тифом, и что в результате этих защитных вакцинаций, реальные случаи заболевания тифом возникли лишь в 5-6 случаях на тысячу. Если сравнить данную цифру в 5-6 на тысячу с общим числом вакцинаций, окажется, что в ходе вакцинации проведённой французским правительством, от 17500 до 21000 случаев заболеваний тифом, возникло в результате вакцинации. Такой результат может оправданно придать вес предположению о том, что французское правительство считало эти

инциденты оправданными и имеющими допустимый риск в виду степени грозившей опасности.

Будет нечестно винить подсудимого Розе за то, что он не предпринял шагов для того, чтобы узнать о том, что другой исследователь, а именно Хааген (который ему не подчинился) использует метод, который широко практиковался. У него было ещё меньше причины делать это, поскольку Хааген был тем, кто испытывал предварительные вакцинации с мёртвыми вакцинами для избежания и снижения степени реакций на вакцинации и опасность заболевания в результате вакцинации. Отчёты Хаагена и публикации касались только данного предмета о предварительной вакцинации с мёртвыми вакцинами и о последующей вакцинации с живой, вирулентной вакциной непатогеничной для человека (последующем инфицировании). Данная сфера, с которой он не был настолько знаком, подробно описывалась подсудимым Розе в своём допросе защитой. Во время допроса, профессор Хааген, как изначальный инициатор планов, существенно дополнил и в некоторых случаях дополнил данное описание.

Мне не кажется уместным классифицировать как преступные, эксперименты, которые планировались для того, чтобы облегчить и обезопасить признанный метод уже применявшийся на миллионах людей.

Далее, нет никакого ответа подсудимого Розе на это письмо профессора Хаагена от 4 октября 1943. Неизвестно получал ли он его. Однако, нельзя отрицать возможность, что он его получал.

Хронологически, следующее письмо в данной переписке является письмом Хаагена Розе 29 ноября 1943. (НО-1059, экз. обв. 490). Подсудимый Розе не может вспомнить даже получение данного письма.

Это правда, что после представления ему письма обвинением в перекрёстном допросе, профессор Розе предположил, что он должно быть получил его, судя по дате и условиям почтовой службы того времени. Однако, он был запутан, делая заявление об ошибке в воспроизведении. В то время как это письмо действительно датировано 29 ноября 1943, датой на письме розданном обвинением было 29 ноября 1942 в немецких mimeографированных копиях. Таким образом, оно было отправлено, когда большое количество почты уничтожалось в поездах или почтовых отделениях из-за сильных воздушных налётов на немецкие города и коммуникации. Согласно конечному положению дел, вероятно, что он действительно не получал этого письма. В том самом письме профессор Хааген упоминает, что 18 из 100 заключенных уже умерли в пути. Ответы подсудимого Розе данные на перекрёстном допросе до представления ему письма ясно показали,

что он не мог не запомнить такую информацию. Он бы вряд ли смог забыть такой жестокий доклад если бы действительно получил письмо.

Также можно сказать, что подсудимый Розе смог написать своё письмо Хаагену 13 декабря 1943 (НО-122, экз. обв. 298) после получения письма Хаагена от 29 ноября 1943. Представитель обвинения, господин Макхэни, однако, предположил это в ходе перекрёстного допроса Розе, таким образом вызвав путаницу у подсудимого Розе. Так как, в реальности, письмо Розе от 13 декабря 1943 это ответ на следующее письмо Хаагена датированное 8 декабря 1943, как чётко видно из предварительного предложения в письме Розе от 13 декабря 1943. При таком положении дел можно сделать вывод о том, что профессор Хааген либо вообще не направлял этого письма – вероятно в виду информации в нём о неблагоприятном состоянии здоровья заключенных – или же подсудимый Розе не получал письма, потому что оно было уничтожено вместе с множеством другой почты в ту же дату от сильных воздушных налётов. Обвинение без сомнения, не упустило бы возможность представить письмо в качестве доказательства если бы подсудимый Розе ответил на письмо Хаагена датированное 29 ноября 1943. Предложение профессора Хаагена в письме, датированном 4 октября 1943 о том, чтобы тестировалась копенгагенская вакцина, вновь рассматривалось в письме Розе от 13 декабря 1943. В данном письме Розе исключительно говорил о тестировании вакцины, вообще не упоминая инфекции. В письме проводится параллель с тифозными экспериментами Бухенвальда, постольку поскольку он указывал на преимущество одновременного тестирования нескольких вакцин. В допросе защитой, то есть, до представления других документов, которые более разъясняли вопрос в целом, подсудимый Розе заявил совершенно ясно и в соответствии с последующими доказательствами и последовавшими показаниями Хаагена, смыслом вопроса было применение копенгагенской вакцины для предварительной вакцинации, с целью ослабления реакции на вакцинацию в связи с последующей вакцинацией живой, авирулентной непатогенной к человеку.

Два биологически параллельных состояния, которые очевидны любому дилетанту, одна, ослабляющая реакцию, следующую за вакцинацией живой вакциной, и вторая, ослабляющая естественное заболевание, были подробно описаны профессором Розе в своём допросе.

Наконец, следует категорически указать на то, что план обсуждавшийся в этой переписке о тестировании копенгагенской вакцины на реакции ослабленной вакцины следующие за применением новой авирулентной тифозной вакцины патогенной к человеку в сравнении с другими вакцинами, вообще не проводился. После успеха Хаагена в ослаблении реакции иным образом а именно, длительным

хранением, он уже не интересовался копенгагенской вакциной. (Бекер-Фрейзинг 62).

Поэтому, остаётся только исследовать вопрос о том был ли ответственным подсудимый Розе за деятельность Хаагена, зная о том, что профессор Хааген проводил эксперименты на заключенных с живой авирулентной тифозной вакциной находящейся на стадии тестирования. Помимо переписки, обсуждавшейся до сих пор (часть которой вообще не касалась экспериментов, в то время как другая часть относилась к экспериментальному плану, который временно рассматривался), подсудимый Розе был проинформирован лишь о деятельности Хаагена посредством последующих отчётов, которые направлялись им для сведения и комментирования начальником медицинской службы Люфтваффе, посредством официальных каналов. Однако, они, как содержали простую информацию о том факте, что профессор Хааген просил и получил исследовательскую задачу, так и являлись научными публикациями не содержащими ничего предосудительного.

Обвинение сделало вывод из письма о медицинской академии Люфтваффе, датированном 7 июля 1944 главному лётному врачу Рейха о том, что Хааген должен был инфицировать людей вирулентной бациллой тифа, которая являлась патогенной для человека из-за того, что «контрольные лица» упоминались в его письме. (НО-128, экз. обв. 307). Данное письмо одобряет публикацию работы профессора Хаагена и его ассистентки Кродель: «Эксперименты с новой высушенной тифозной вакциной». Данная работа которая была представлена подсудимому Розе перед публикацией, действительно ясно показывает, что этот контроль означал сравнение результатов серологических исследований пациентов лагерной эпидемии с результатами серологических исследований лиц имевших защитную вакцинацию. Хааген, чей основной интерес в основном заключался в серологических исследованиях, как уже упоминалось, вообще не имел причины для проведения искусственных инфекций поскольку эпидемия в концентрационном лагере Нацвейлер предоставила множество лиц для целей сравнения.

Наконец следует сказать, что экспериментальные планы обсуждавшиеся в письме Хаагена от 27 июня 1944 профессору Хирту никогда не были известны ни медицинской инспекции Люфтваффе, ни Розе. (НО-127, экз. обв. 306). Более того, общее развитие ситуации (отсутствие Хаагена в Страсбурге, эвакуация лагеря Нацвейлер и т.д.) показывает, что запланированный эксперимент не мог быть проведён. Правдивость данного заявления подтверждают показания свидетелей Брорса и Нальса, согласно которым никаких тифозных вакцинаций не проходило после апреля 1944.

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Мруговски

Обвинение заявило в своей заключительной речи: «Если бы Гравиц был жив, он бы сидел здесь в качестве принципиальных подсудимых на скамье». Это совершенно верно. Но Гравиц сам себе вынес приговор. И что сделало обвинение? Оно обвинило Мруговски вместо Гравица. Оно не учло в своей аргументации то, что Мруговски был не частным лицом, а медицинским офицером Ваффен-СС, то есть солдатом, и что Гравиц и Гиммлер являлись его вышестоящими начальниками. Оно говорит о заговоре, но не изучает в какой степени заговор можно согласовать с военным подчинением. В своих итогах как письменных так и устных, обвинение просто представило изначальные утверждения обвинительного заключения. Оно полностью проигнорировало доказательства представленные подсудимыми, и с небольшим презрением отметило, что данные доказательства основаны по большей части на письменных показаниях. Но в этом нет вины подсудимых. Они бы предпочли предоставить контрдоказательства взятые из своих материалов. Но все документы относящиеся к подсудимым и другим ведомствам, из которых исходят доказательства обвинения, находятся в руках обвинения. Оно просто представило те части документов, которые будучи вырванными из контекста, выглядят инкриминирующими подсудимых. С другой стороны. Обвинение сделало невозможным для подсудимых, найти материалы связанные с доказательствами обвинения, которые бы гарантировали полное прояснение подлинных фактов.

Я прошу трибунал особо учесть, сложное положение подсудимых в отношении доказательств. Это вытекает из старого юридического принципа о том, что подсудимый считается невиновным пока его вина не доказана, и сомнения трактуются в пользу подсудимого.

Обвинения против Мруговски составляют три группы:

(1) Эксперименты с тифом и применение аконитина, которые не затрагивали добровольцев. В этих случаях трибунал должен рассмотреть действительно ли существовало чрезвычайное положение о котором говорит Мруговски, и если так, оправданы ли эксперименты с тифом и применение аконитина. Если ответ утвердительный, тогда ни эксперименты с тифом ни применение аконитина, не являются преступными, поскольку нет возражения тому как они проводились. Если на вопрос ответить отрицательно, тогда следующим соображением является, то в какой степени Мруговски участвовал в них и подлежит ли он ответственности перед уголовным законом.

(2) Вторая группа включает действия Динга, которые он совершал по собственной инициативе, т. е. его участие в убийстве фенолом и эксперименты с ядами на 6 лицах.

(3) Третья группа включает защитные вакцинации для которых были доступны добровольцы, согласно доказательствам представленным обвинением.

Подсудимый Мруговски обвиняется прежде всего в его предполагаемом участии в экспериментах с тифом в Бухенвальде.

В представленных доказательствах, обвинение рассматривает эти эксперименты как преступные и как эксперименты проводимые докторами. Во время допроса экспертов, профессора Лейббрандта¹⁶⁰ и профессора Айви, обвинение также рассматривало эти медицинские эксперименты как проведённые докторами и спрашивало экспертов о том, следует ли считать эти эксперименты допустимыми с точки зрения медицинской этики.

Я убеждён в том, что эксперименты на которых обвинение обосновывает своё обвинительное заключение никоим образом не являются экспериментами исходившими от самих ответственных врачей. Эксперименты являлись формой исследовательской работы вызванной экстраординарным состоянием чрезвычайности, и были приказаны высшими компетентными правительственными органами.

Профессор Айви также признал, что есть фундаментальное различие между врачом как терапевтом и врачом как научно-исследовательским работником. На вопрос доктора Типпа: «Вы признаёте, что к врачу как терапевту, врачу который лечит, применяются иные параграфы клятвы Гиппократата» - он ответил: «Да, признаю, конечно».

Соответственно, эксперименты на людях, проводимые из-за неотложных причин публичного характера и приказанные компетентными государственными властями, нельзя считать преступными лишь из-за того, что подопытные отобранные государством для исследовательской работы не являлись добровольцами.

Обвинение само должно представить дополнительные доказательства о том, что отдельные эксперименты являлись преступными, кроме тех, что подопытные не являлись добровольцами.

Наибольшая часть обвинительного заключения против Мруговски взята из экспериментов с тифом в Бухенвальде. Обвинение не утверждает, что Мруговски участвовал в них лично, но я думаю, что я подтвердил своей письменной

---

¹⁶⁰ Вернер Лейббрандт (1896-1974) – немецкий психиатр и историк медицины.

аргументацией, что он не предлагал и не приказывал, ни контролировал эти эксперименты; что он не поощрял их и даже не одобрял их.

Несмотря на это, на всякий случай, я также должен подтвердить, что спорные эксперименты не являлись незаконными и что ни в каком аспекте их нельзя считать преступными поскольку они были вызваны чрезвычайной ситуацией государства. Это доказательство может быть представлено в особо впечатляющей манере в случае экспериментов с тифом.

На процессе Флика¹⁶¹ обвинение представило документ НИ-5222, который я представил трибуналу (экз. Мруговски, 99). Данный документ, который поступил из трудового управления Вестафилии датирован 3 февраля 1942, говорит о том, что согласно информации из военных ведомств количество советских военнопленных умирающих от тифа всё ещё было 15000 *ежедневно*.

Я думаю, большего не требуется для подтверждения существования такого чрезвычайного положения если в отдельно взятой эпидемии, я повторю, в лагерях русских пленных умирало по 15000 ежедневно.

С другой стороны обвинение говорит о том, что с начала 1942 до начала 1945, всего 142 лица умерли в результате экспериментов с тифом в Бухенвальде. Я намеренно озвучил эти две цифры в начале своей аргументации. Они показывают, что за весь период экспериментов в Бухенвальде количество смертельных случаев соответствует одному проценту от ежедневно умирающих от тифа в лагерях русских военнопленных зимой 1941-1942. Кроме этих жертв в лагерях русских военнопленных следует учитывать огромное количество людей, которые умерли от тифа среди мирного населения восточных оккупированных территорий и в германских вооруженных силах.

Ясно, что в таких условиях следовало предпринимать решительные меры. Если судить об экспериментах с тифом в концентрационном лагере Бухенвальд, не нужно забывать, что Германия тогда воевала. Миллионы солдат вынуждены были отдать свои жизни по зову государства. Государство задействовало гражданское население для работы на потребности государства. При этом не делалось различия между мужчинами и женщинами. Государство приказывало работать на химических фабриках, что было вредным для здоровья. Оно приказывало разрабатывать новые снаряды, что также включало угрозу здоровью. Когда неразорвавшиеся вражеские снаряды нового типа находили на фронте, или неразорвавшиеся бомбы новой

---

¹⁶¹ Фридрих Флик (1883 — 1972) — крупнейший немецкий промышленник, военный преступник, один из первых немецких магнатов оказавших финансовую поддержку нацистскому движению, основатель династии миллиардеров. Американским трибуналом в Нюрнберге в 1947, был приговорён к семи годами заключения. После освобождения стал одним из богатейших людей Германии.

конструкции находили в Германии после воздушного налёта, оно приказывало оружейникам разбирать такие новые снаряды или бомбы при участии помощников с целью изучения их конструкции. Это влекло за собой большую опасность. Затем содержимое новых снарядов и бомб изучалось аналитическими химиками для определения их состава. В некоторых случаях такая работа была вредной для здоровья химиков и их помощников и всегда считалась опасной.

Таким же образом государство приказывало медикам проводить эксперименты нового оружия против опасных заболеваний. Этим оружием были вакцины. Факт, что во время этих экспериментов не только подопытные, но также и медики подвергались большой опасности, подтверждается тем, что доктор Динг сам случайно серьезно заболел в начале экспериментов с тифом.

В отношении таких медицинских экспериментов, следует принципиально согласиться с мнением профессора Айви и профессора Лейббрандта о том, что такие эксперименты можно проводить только на добровольцах. Но даже профессор Айви признал, что есть разница между случаями в которых компетентные органы государства уполномочивали его так делать. Он ответил на вопрос о том является ли ответственным государственный орган утвердительно; но добавил, что это не имеет никакого отношения к моральной ответственности экспериментатора к подопытному.

Если эксперимент приказан государством, такая моральная ответственность экспериментатора к подопытному относится к способу проведения эксперимента, а не к самому эксперименту.

Обвинение не оспаривает, что эксперименты в Бухенвальде проводились правильно. На всякий случай, я представил доказательства правильности проведения в своём заключительном обзоре.

В ответ на вопрос доктора Заутера, профессор Айви заметил, что он не думает о том, что государство может взять ответственность за приказ учёному убить человека для получения знаний.

Вопрос экспериментов с тифом звучит по-иному. Не было никакого приказа убивать людей для получения знаний. Но эксперименты с тифом были опасными экспериментами. Из 724 подопытных умерло 154. Но эти 154 смерти от экспериментов с тифом нужно сравнивать с 15000 тех, кто умирал каждый день в лагерях советских военнопленных, и бесчисленными смертями от тифа среди гражданского населения оккупированных восточных территорий и германских войск. Такое огромное количество смертей вело к абсолютной необходимости иметь эффективные вакцины против тифа в достаточных количествах. Эти вновь открытые вакцины тестировались в животных экспериментах на их совместимость.

Я подробно это письменно объяснил.

Трибуналу решать о том был ли оправдан или нет, с учётом огромной степени эпидемического тифа, с учётом 15000 смертей происходящих ежедневно только в лагерях русских военнопленных, приказ отданный правительством о проведении экспериментов. Если ответ будет утвердительным, тогда эксперименты с тифом в Бухенвальде не являлись преступными, поскольку обвинение не оспаривает то, что они проводились согласно правилам медицинской науки. В таком случае, любая ответственность Мруговски за эти эксперименты исключена. Если, с другой стороны, трибунал ответит на вопрос отрицательно и объявит эксперименты с тифом в Бухенвальде преступными, тогда следует установить каким образом за них ответственен Мруговски.

В своём письменном заявлении я подробно объяснил, что блок 46 в Бухенвальде, в котором проводились эксперименты, не подчинялся Мруговски, что доктор Динг работал непосредственно подчиняясь приказам Гравица. Из всех обширных доказательств представленных для подтверждения данного факта, я лишь хочу подчеркнуть одно письмо адресованное Гравицем Мруговски в котором Гравиц прямо заявляет о том, что 24 августа 1944 он дал согласие на серию экспериментов в блоке 46 Бухенвальда о чём он упоминал в письме, и второе письмо адресованное Мруговски Гравицу от 29 января 1945 в котором он предлагает протестировать вирус желтухи и пишет: «Пожалуйста, получите разрешение рейхсфюрера СС для проведения экспериментов на тифозной экспериментальной станции концентрационного лагеря Бухенвальд».

Эти два письма демонстрируют, что даже осенью 1944 и в начале 1945 Мруговски мог проводить серии экспериментов в блоке 46 только со специального разрешения. Этим опровергается предположение обвинения о том, что блок 46 подчинялся Мруговски.

Но превыше всего, я хочу снова отметить письменные показания доктора Моргена от 23 мая 1947 в которых он свидетельствовал о том, что когда он расследовал события в блоке 46 Бухенвальда, доктор Динг показал ему приказ подписанный Гравицем в котором Дингу прямо поручалось проведение экспериментов.

Доктор Морген далее заявил о том, что он должен был докладывать Гравицу лично о результате своего расследования как следователя в Бухенвальде. Результаты, также, согласно письменным показаниям доктора Моргена показали, что Гравиц приказывал эксперименты. По этому поводу он называл доктора Динга «своим человеком» и сказал, что ему было бы жаль если бы расследование привело к каким-либо обвинениям против доктора Динга, поскольку он должен был

использовать его в экспериментах. Морген подчеркнул, что имя Мруговски не упоминалось в ходе его разговоров с Дингом и Гравицем. Я думаю, это чётко показывает, что Мруговски не имел никакого отношения к блоку 46 Бухенвальда. В качестве дальнейших доказательств того, что Динг действительно подчинялся Мруговски, обвинение ссылается на таблицы подготовленные Мруговски (НО-416, экз. обв. 22 и НО-417, экз. 23). Эти рисунки показывают, что отделение тифозных и вирусных исследований в Бухенвальде подчинялось Мруговски; Мруговски этого не отрицает. Отделение тифозных и вирусных исследований находилось только в блоке 50. Блок 46 назывался ранее «Экспериментальная станция концентрационного лагеря Бухенвальд». Только, что цитированное письмо Мруговски показывает это. Блок 46 просто был придан отделению тифозных и вирусных исследований без установления каких-либо отношений подчиненности Мруговски. Это описано и детально подтверждается в моём заключительном обзоре.

Из двух таблиц подготовленных Мруговски, видно, что отделение тифозных и вирусных исследований находилось под его контролем со времени его создания до конца войны, следовательно нельзя сделать вывод о том, являлся ли он начальником Динга в блоке 46.

Данный факт и дальнейшие доказательства представленные в моём заключительном обзоре показывают, что блок 46 в Бухенвальде не подчинялся Мруговски. Поэтому, Мруговски не несёт ответственности за тифозные эксперименты в блоке 46.

В этой связи, я хочу подчеркнуть, что Мруговски никогда не отрицал то, что он знал о том, что тифозные эксперименты в Бухенвальде были приказаны Гравицем и проводились доктором Дингом. Он никогда не отрицал, что он например видел, отчёт о серии I экспериментов, который он повторил в своём письме от 5 мая 1942, и который Гравиц затем отдал Мруговски для возвращения Дингу. Но из таких сведений никакой ответственности Мруговски не может возникнуть в связи с тифозными экспериментами. Эксперименты были приказаны Гиммлером и Гравицем как его вышестоящими начальниками. В качестве медицинского офицера Ваффен-СС, у Мруговски вообще не было возможности возражать экспериментам проводимым своими начальниками. Когда Гравиц впервые предложил эксперименты, он сразу же возразил, и убедил его получить на это решение Гиммлера как высшего начальника. Гиммлер решил вопреки Мруговски. В таких обстоятельствах Мруговски не мог сделать большего. Однако, его оппозиция привела к тому факту, что он был отстранён от экспериментов, и Динг получил приказ об их проведении.

Также обвинение не представило никаких доказательств показывающих, что Мруговски впоследствии как-либо вмешивался в тифозные эксперименты в Бухенвальде; что он поощрял их, или участвовал в них каким-либо образом. Что насчёт того факта, что Мруговски знал о тифозных экспериментах, нельзя вменить ему обвинения согласно уголовного закона, потому что ни по закону, ни фактически у него не было никакой возможности предотвратить или прекратить их.

Далее обвинение основывает свои обвинения против Мруговски на показаниях нескольких свидетелей в отношении того, что он был начальником Динга в блоке 46, также поскольку эксперименты проводились Дингом в блоке 46. Я категорически оспариваю это. Все заявления представленные обвинением в данном отношении происходят от Динга. Ни одно из этих заявлений не исходит от того кто лично работал в блоке 46. Заметно, что обвинение не смогло представить ни одного приказа отданного Мруговски Дингу о проведении тифозных экспериментов, хотя его свидетель, Балаховский, заявил о том, что Когон занимался сбором и сохранением обширных доказательств, которые он передал американской армии. Если бы существовали какие-либо письменные приказы от Мруговски Дингу, последний бы точно не уничтожил их ради своей безопасности. Это правда, что свидетель Когон (чьё ненадёжность я подтверждаю позднее) настаивает на том, что Мруговски по большей части давал Дингу устные приказы. Но далее он свидетельствовал о том, что с 1943 Динга уже не устраивали устные приказы от Мруговски, но попросил давать их в письменном виде.

Единственный свидетель, который смог заявить о своих сведениях о приказе отданном Дингу в отношении тифозных экспериментов, был доктор Морген. Я лишь отмечу, что Морген видел приказ отданный Гравицем Дингу о проведении тифозных экспериментов, и что Гравиц лично говорил доктору Моргену о том, что Динг являлся его человеком в Бухенвальде и как говорилось он использовал его.

Ошибка свидетелей, которые говорили о том, что Мруговски являлся начальником Динга, вытекает из факта, что Динг зависел от Мруговски в отношении производства вакцины в блоке 50 и также зависел от него как гигиенист. Я подтвердил в своём заключительном обзоре, что с 1942 по 1945 Динг работал только над экспериментами с тифозной вакциной приблизительно 2 ½ месяца. Вся остальная деятельность за почти 3 года была посвящена производству вакцины и работе в качестве гигиениста, то есть, работе в которой он подчинялся Мруговски.

Понятно, что за период приблизительно 33 месяцев, когда он работал на Мруговски, он получал гораздо больше приказов от него, нежели от Гравица о

проведении 13 экспериментов с тифозной вакциной. Поэтому, понятно, что большая часть его переписки в таких обстоятельствах велась с Мруговски.

Соответственно из описания обвинения которое вряд ли говорит о чём-либо кроме экспериментов с тифозной вакциной, о чём и представлены документы, точно возникает впечатление о том, что эксперименты с тифозной вакциной являлись основной деятельностью Динга в Бухенвальде. Это не так. По роду своей основной деятельности в Бухенвальде, Динг был подчинённым Мруговски. Поэтому, из-за того, что его основная переписка велась с Мруговски и он называл Мруговски своим начальником, нельзя предполагать, что также и в отношении экспериментов с тифозной вакциной существовала некая связь между Мруговски и Дингом и что Мруговски участвовал в этих экспериментах каким-либо образом или был за них ответственным. Обвинение не отрицает, что такое двойное подчинение, как существовало между Дингом с одной стороны и Гравицем и Мруговски с другой, было возможным в военной организации и часто случалось. Я могу также сослаться в этом отношении не заявление в своём заключительном обзоре.

Показания свидетеля Когона и дневник Динга (НО-265, экз. обв. 287) являются основной частью доказательств представленных обвинением против Мруговски. Вот почему, в своём заключительном обзоре, я подробно объяснил, что ни заявление Когона, ни дневник Динга не дали никаких достаточных доказательств. Что касается показаний Когона, я хочу ещё раз подчеркнуть принципиальные пункты:

Когон описал в показаниях драматические обстоятельства при которых он предположительно смог спасти так называемый дневник Динга. Мне не нужно отмечать отдельные случайности происходившие с ним при спасении дневника которые его настолько впечатлили, что он не смог их забыть, если верить его утверждению. Следовательно, он не может, вероятно дать иное описание этого события по разным поводам. Фактически на процессе докторов и процессе Поля, он привёл два отчёта о том, как он предположительно спасал дневник. Эти отчёты отличаются настолько сильно, как если бы его утверждение было неправдой и описания которые он приводит являются чистым вымыслом.

Когон заявил на процессе докторов о том, что Динг собрал секретные документы подлежащие сожжению в блоке 46. Пока Динг и Дитч¹⁶² вышли в комнату ожидания, он схватил дневник и охапку бумаг в коробку, чтобы спасти их от уничтожения. Два дня спустя он сказал Дингу, что он спас его дневник и охапку других бумаг от уничтожения и получил разрешение вынести их из блока 46; иначе

¹⁶² Артур Дитч (1901-1974) – капо и медбрат в блоке 46 концентрационного лагеря Бухенвальд. После войны был приговорён к тюремному заключению. Вышел на свободу в 1950.

бы он не смог их вынести. Он вынес их и с тех пор хранил. Такое описание совершенно правдоподобно и было бы его трудно опровергнуть если бы не показания Когона на процессе Поля.

На процессе Поля, тот же самый Когон свидетельствовал три месяца тому назад, что он стоял с Дингом и Дитчем за одним столом, когда секретные документы разбирались для уничтожения. Внезапно Динг бросил перед ним дневник и вместе с ним другие бумаги. Он взял их и отнёс в блок 50, вместе с Дингом. Тогда Динг не знал о том, что у Когона был дневник и другие документы, но он сказал это Дингу в тот же самый день.

Более разительного противоречия чем эти два заявления о спасении дневника вряд ли возможно. Если бы Когон действительно спас дневник, таким образом как он описал на процессе докторов, тогда момент, когда он бросил дневник в коробку и его воспоминания в течение двух дней до того как он сказал Дингу о том, что его дневник не сгорел остались бы в его памяти неизменными. Он бы запомнил путь из блока 46 в блок 50 для доставки дневника и путь обратно с дневником, и таким образом другое описание было бы невозможным. Также, если бы сохранение дневника случилось тем способом, который был описан Когоном на процессе Поля, он бы точно вспомнил это и другое описание было бы невозможным. Таким образом, два описания о сохранении дневника, фундаментально отличаются друг от друга, что можно объяснить двойко. Либо заявление Когона это неправда и он вообще не спасал дневник – в данном случае, если он лжесвидетельствовал трибуналу о такой важной вещи, тогда все его показания недостоверны – или Когон имеет настолько плохую память, из чего объясняются его противоречия. Также и в таком случае, все его показания не имеют доказательственной ценности из-за его плохой памяти.

Показания Дитча представленные мной, говорят против верности заявления Когона о спасении дневника. Дитч говорит о том, что во время уничтожения секретных документов в блоке 46 Динг вырвал дневник в его присутствии и бросил его в горящую печь в которой он сгорел. Дитч прямо заявил о том, что Динг убедился в том, что все документы сгорели после чего уничтожение бумаг завершилось.

Я должен сказать о том, что заявление Дитча в совокупности с противоречиями между двумя заявлениями Когона подтверждает, что то, что говорит Когон о спасении дневника является лжесвидетельством.

В своём заключительном обзоре я подробно разобрался с дальнейшими положениями сделанными Когоном на процессе докторов и на процессе Поля как

противоречащими друг другу в особо заметных подробностях о сохранении дневника. Не требуется повторять все эти аргументы. Я отсылаю трибунал к ним.

Второе главное доказательство против Мруговски это дневник о котором говорится, что он был спасён. Два фантастических описания спасения дневника привидённые Когоном являются недостоверными. Поэтому, следует верить Дитчу. Он сказал о том, что Динг сжёг оригинальный дневник блока 46 в его присутствии. Это заявление поддерживается мнением данным экспертами-графологами Цеттнером и Настфогелем, что отражено в моём заключительном обзоре.

Между тем обвинение заявило при обсуждении доказательств Бейгельбека о том, что было возможно изучить рукопись для определения даты её происхождения в институте Франкфурта и также всячески изучить документы. Обвинение прямо указывало на то, чтобы я тоже направил дневник Динга экспертам.

Дневник Динга важен для обвинения, по обвинениям в отношении нескольких подсудимых. Поэтому обвинение само должно выяснить подлинность дневника Динга нежели документов Бейгельбека. Динг подписывался чернилами. Таким образом институт во Франкфурте смог бы установить безо всякой сложности является ли подпись на первой странице старше подписи на последней. Более того, институт смог бы установить безо всякой сложности был ли написан дневник с конца 1941 до весны 1945 на одинаковой бумаге или нет. Но обвинение не передало дневник в институт для исследования. Этот факт показывает, что оно само было убеждено в том, что такое исследование не дало бы обвинению благоприятного результата.

По моему мнению, это особо сильный аргумент в пользу предположения о том, что дневник был составлен и написан позднее. Я также хочу отослать трибунал к своему заключительному обзору на этот счёт. Доказательственная ценность дневника лежит в факте, что человек который его вёл не мог предвидеть будущее развитие, делая записи. Поэтому, следует предположить, что записи отражали события объективно и во всей полноте. Если документу который был составлен впоследствии придана внешняя форма дневника, можно сделать вывод о попытке повлиять на читателя в определенном направлении и также ввести его в заблуждение. Вот та причина, по которой любой протокол составленный после и подготовленный в форме дневника не имеет доказательственной ценности.

Обвинение пытается показать, что дневник Динга имеет доказательственное значение сравнивая его содержание с рядом документов имеющих содержание похожее на записи дневника. В своём заключительном обзоре я подробно разбирался с этими документами и подтвердил, что все они, без

исключения исходили от Динга. Все документы которые обвинение сравнивало с дневником, Динг держал в руках, когда делал последующую компиляцию после того как оригинал дневника был сожжен. Они являются памятками которые он использовал для тех записей дневника которые есть у нас сейчас. Поэтому, из согласованности этих документов нельзя сделать вывод о том, что документы и дневник являются хорошим доказательством.

Один из документов обвинения который сравнивался с дневником, это так называемый отчёт Динга. Эта работа по сути лишь проект, который не был подписан и не направлялся Мруговски. Я подробно объяснял это в своём заключительном обзоре и представил доказательства. Согласно заявлению Когона, этот проект отчёта был написан в блоке 50 вторым клерком. Такой проект не имеет доказательственной ценности, из-за того, что не имеет подписи лица, которое должно было его подписать. В данном примере, это был бы Динг. Господин Харди признал, что этот рабочий отчёт был лишь подготовлен для подписи Динга. Он соответственно признал, что он не был подписан. Поэтому, проект не имеет доказательственной ценности. Если эти три элемента доказательств выбывают, заявление Когона, рабочий отчёт и дневник Динга, основная часть доказательств выдвинутых против Мруговски отпадает.

Обвинение утверждает в своём итоговом обзоре, что подопытные не являлись добровольцами ни в экспериментах с тифом, ни в других экспериментах в Бухенвальде. В отношении других экспериментов, это не верно. Я разберусь с этим позднее. В отношении экспериментов с тифом, является верным то, что большинство подопытных не являлись добровольцами.

С другой стороны, заключительный обзор обвинения не содержит предположения к периоду до конца 1943 о том, что Мруговски имел какое-либо отношение к отбору заключенных для экспериментов. Это верно и также приводится в моём заключительном обзоре. Осенью 1943 с учётом утверждений обвинения, снова полагаясь на показания Когона, говорится о том, что Динг просил Мруговски о том, чтобы подопытных отбирал рейхсфюрер СС. Это заявление Когона также неправда. Я подробно указал на это в своём письменном заявлении.

В этой связи, обвинение упоминает приказ Гимmlера от 27 февраля 1944 относящийся к отбору заключенных для экспериментов, полицейским ведомством Рейха. Но этот приказ Гимmlера не принимался по инициативе Мруговски. Он был из-за усилий доктора Моргена. Он объяснил это подробно в своих письменных показаниях от 23 мая 1947, которые я приобщил в качестве доказательств.

Таким образом, установлен факт, что до осени 1943 Мруговски не имел никакого отношения к отбору заключенных, и что с этого времени, заключенные

для экспериментов с тифом отбирались криминальной полицией Рейха согласно приказу Гимmlера предложенному доктором Моргеном, а значит после этого Мруговски также не имел отношения к отбору заключенных.

Обвинение называет эксперименты с тифом преступными, в частности, из-за того, что контрольных лиц использовали прежде всего из-за предполагаемых «лиц переносчиков». Что касается контрольных лиц, я долго объяснял в своём заключительном обзоре, что такие эксперименты с вакцинами были невозможными без использования контрольных подопытных и без них не привели бы к практическим результатам.

Если принимать к сведению дневник Динга, оказывается, что в ряде тестовых серий использовалась культура вируса которая уже не являлась патогенной для человека. Если бы не инфицировались контрольные лица, тот факт, что подопытные не заболели, объяснялся бы следствием того, что их вакцинировали. Это бы привело к совершенно ошибочным заключениям и использованию на практике вредных вакцин. Если считать эксперименты с тифом допустимыми, использование контрольных подопытных, поэтому, является неотъемлемой частью. Я подробно объяснил это в своём заключительном обзоре.

С другой стороны не было оправдания использованию лиц переносчиков, которых инфицировали только с целью поддерживать живой вирус. Я продемонстрировал в своих письменных аргументах, что такие переносчики никогда не использовались. До апреля 1943 для этого не было причины. С апреля 1943 в дневнике Динга прямо говорится о том, что в каждой серии экспериментов инфекция производилась посредством культуры вируса из желтка куриных яиц, которую Динг получил от института Роберта Коха в Берлине. После 11 апреля 1943 Динг инфицировал свежей кровью полученной от лиц болевших тифом. Но и в этот период, использование переносчиков было лишним, потому что Динг всегда имел у себя в распоряжении лиц, которые заражались тифом, и он мог брать у них свежую кровь.

Если бы обвинение хотело предоставить доказательства показывающие, что переносчиков использовали в блоке 46, это бы лучше всего сделали Динг и Дитч. Обвинение представило заявления обоим по данному вопросу и переносчики не упоминались. Обвинение знало из показаний Мруговски о том, что он отрицал использование переносчиков. Когда я сказал в конце представления своих доказательств о том, что не вызываю Дитча для дачи показаний, а лишь представляю его письменные показания, господин Харди попросил трибунал допросить Дитча о некоторых фактах.

Однако, он так и не представил протокол такого допроса. Это дальнейшее доказательство того, что Дитч не подтвердил использование переносчиков. Все свидетели дававшие показания об использовании переносчиков не работали в блоке 46. Поэтому, им ничего неизвестно об этом по своим наблюдениям, а только от третьих лиц. Доктор Морген не обнаружил ничего о переносчиках во время своего расследования в блоке 46 Бухенвальда. Соответственно нет решающих доказательств такого рода, показывающих, что переносчиков использовали в блоке 46. Напротив, я подтвердил в своём заключительном обзоре, что переносчиков не использовали.

Если трибунал, несмотря на это, полагает, что использование переносчиков подтверждается, вины Мруговски в использовании этих переносчиков нет, потому что я продемонстрировал то, что Динг не являлся его подчиненным в отношении деятельности в блоке 46 и также вообще нет доказательств того, что он даже знал об использовании переносчиков.

В своих письменных заявлениях, я подробно разобрался с экспериментами с препаратом акридина в рамках экспериментов с тифом. Я подтвердил, что Динг не получал этих препаратов от Мруговски, а от И.Г. Фарбениндуэстри. Вообще нет доказательств того, что Мруговски, что-либо знал об экспериментах проводимых Дингом.

Отчёт Динга об экспериментах с акридином представленный к публикации был передан Мруговски Гравицем лишь почти 18 месяцев спустя после завершения экспериментов. Поэтому нельзя предъявлять Мруговски обвинения согласно уголовному закону за эксперименты с препаратами акридина, которые вызвали особо большое количество смертей.

.....

Фрагмент из заключительного обзора в защиту подсудимого Мруговски

.....

Консервация сыворотки, консервация крови и консервация сыворотки крови

Консервация сыворотки

В дневнике Динга (НО-265, экз. обв. 287) есть две записи о заборе крови для цели выделения консервирующей сыворотки. В течение периода с 26 мая по

12 июня 1944, 6500 мл крови было взято у тифозных пациентов с упавшей температурой, и между 13 октября и 31 октября 1944, 20 800 мл крови было взято у 44 тифозных пациентов с упавшей температурой. Кровь забиралась между 12-м [14-м] и 21-м днём после исчезновения лихорадки. Таким образом, в среднем 465 мл можно высчитать для каждого пациента. Свидетель обвинения, Когон давал показания по данному вопросу. Его заявление содержит несколько серьёзных ошибочных интерпретаций. В первую очередь, следует отметить, что забор крови у выздоравливающих пациентов никоим образом не образует «эксперимент», как указывал господин Макхэни. В чём заключался эксперимент в таком случае? Единственной вещью, которая устанавливалась было то, пригодно ли лицо для забора крови.

Даже Когон признал, что забор крови у выздоравливающих пациентов является обычной процедурой. Я подтвердил то же самое путём Мруговски 14, экземпляр Мруговски 37. Это же видно в письменных показаниях эксперта, профессора, доктора Зибека (Мруговски 15, экз. Мруговски 38). Там говорится:

«...Это правда, что в случае тифа, консервирующая сыворотка часто использовалась в терапевтических целях...»

Эксперт, профессор, доктор Вольхардт, разделяет такое же мнение. В таком случае факт забора крови от бывшего тифозного пациента во время выздоровления, соответствует медицинским обычаям.

Подтвердилось то, что никаких возражений не заявлялось против лечения в блоке 46. Соответственно, весьма сомнительно, чтобы ответственный врач подвергал именно астеничных пациентов забору крови. Свидетель Дорн заявил о том, что доставка лекарств в блок 46 шла через тюремный госпиталь и что он лично делал доставки дважды в неделю. Более того, судебный следователь, доктор Морген (Мруговски 23, экз. Мруговски 26) продемонстрировал, что даже в 1944 –

«...лечение и обеспечение больных лиц было аккуратным и хорошим во всех отношениях. Согласно впечатлению полученному мной, с больными обращались также как в хорошем военном госпитале»

Это также подтверждается обвинительным заключением Моргена против Коха (НО-2366, экз. обв. 526)

Соответственно нет причины сомневаться в том, что условия были благоприятными для забора крови и что это не включало в себя угрозу для них. Мруговски выразил своё мнение по этому вопросу во время своего допроса. Он указал на то, что забор крови в количестве не превышающем 500 мл полностью соответствует медицинским правилам и что выздоравливающие пациенты получали дополнительную еду в качестве компенсации за забор крови. В своих письменных

показаниях доктор Элленбек представил свой взгляд на выделение сыворотки ослабленного тифа. (Мруговски 120, экз. Мруговски 110). Из этого видно, что Элленбек также получал кровь у пациентов из Ваффен-СС, соответственно не исключительно заключенных концентрационных лагерей. В вышеуказанном документе (Мруговски 15, экз. Мруговски 33) профессор Зибек прямо указывает:

«Человеку на ослабленной стадии тифа по меньшей мере затруднительно если невозможно, повредить забором 439 мл крови, чтобы они умерли спустя некоторое время от кровопотери»

Такое же мнение разделяет профессор, доктор Вольхардт.

Перед лицом доказательств не имеется поддержки утверждения Когона о том, что много выздоравливающих пациентов тогда умерло, как и его подозрению о том, что они умирали из-за забора крови. Результат такого опровержения следующий:

1. Забор крови для цели выделения ослабленной сыворотки не является экспериментом, а медицинской мерой. Это не является преступлением, а заведено во всём мире.

2. Кровотечения лечились согласно с правилами медицинской науки.

3. Взятые количества были ниже обычной границы, вероятно даже слишком низкими.

4. Абсолютно невозможно, чтобы вообще кто-либо умер из-за забора крови.

С другой стороны, давление крови лиц выздоравливающих от тифа, часто очень низкое. Их кровеносные сосуды всё ещё не являются настолько эластичными как раньше. В таких случаях, забор крови в обычных рамках очень часто являлся практически методом облегчения циркуляции.

Сохранение сыворотки крови

Более того, Когон заявляет, что доктор Элленбек проводил забор крови в малом лагере для получения запаса сыворотки крови. Далее Когон говорит о том, что в той части концентрационного лагеря Бухенвальд, где забиралась кровь, было достаточно добровольцев и они получали дополнительную еду. Он отвечал на вопрос о том, умер кто-либо из-за забора крови:

«...Невозможно установить умер кто-либо прямо или косвенно из-за забора крови»

Доктор Элленбек сделал следующее заявление по данному вопросу:

«С осени 1944, насколько мне известно, по запросу ведущего врача концентрационных лагерей, отделение

консервации крови производило консервированную сыворотку крови для использования при неотложном лечении заключенных поскольку лекарств всё больше и больше не доставало. Я вообще не имел никакого отношения к забору крови и снабжению. Я должен был направлять кровь в Берлин. По причинам воздушной войны, производство консервированной сыворотки крови было очень маленьким.

«Когон утверждал, что медицинский персонал СС из Берлина привозил кровь для консервации сыворотки крови. Это неправда. Никакой медицинский персонал СС не приезжал из Берлина в Бухенвальд для доставки крови, но приезжали обычные курьеры которые не могли перевозить кровь». (Мруговски 120, экз. Мруговски 110).

Следовательно, эти количества крови также были очень малы. Элленбек смог положительно заявить о том, что такие запасы сыворотки не готовились для других целей в его лаборатории. Медицинский офицер концентрационного лагеря отдавал ему приказ. Запасы сыворотки подготовленные им снова предоставлялись ему....

«По вопросу о том умирали ли люди от забора крови, я сошлюсь на вышеуказанные заявления специалистов, профессора, доктора Вольхардта и профессора, доктора Зибек».

Я хочу указать на то, что согласно заявлению Когона, доктор Элленбек сам видел, что заключенные получали дополнительную еду после забора крови. Заключенные добровольно вызывались на забор крови и получали за это дополнительную еду. То, что кто-то умер из-за забора крови это необоснованное заявление.

Я не могу представить какой преступный характер можно придать забору крови. Забор крови у добровольцев никоим образом не являлся преступным.

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-429
Экземпляр обвинения 281

Фрагмент из письменных показаний подсудимого Ховена от 24 октября 1946 об экспериментах с тифом и вирусами

Я, Вальдемар Ховен, находясь под присягой, заявляю:

.....

Эксперименты с тифом и вирусами

4. В последней части 1941 в концентрационном лагере Бухенвальд была создана экспериментальная станция, для того, чтобы установить эффективность различных тифозных вакцин. Это отделение было названо «Экспериментальная станция тифа – отделение исследований тифа и вирусов» и находилось под непосредственным надзором доктора Динга, известного также как Шулер. Эта экспериментальная станция была создана в блоке 46 лагеря. Институт гигиены Ваффен-СС в Берлине, под руководством Йоахима Мруговски, получал все отчёты об этой деятельности и доктор Динг получал приказы от Мруговски. В ранние дни, то есть, между 1941 и летом 1943, доктор Динг имел много встреч в Берлине с доктором Карлом Генцкеном о своей работе в Бухенвальде в связи с тифозными экспериментами. Доктор Динг сказал мне, что у доктора Генцкена был особый интерес к этим вопросам и что он в разное время направлял ему отчёты. Доктор Динг также сказал, что доктор Карл Генцкен был одним из его начальников. Из своего знакомства с доктором Дингом, я понял, что цепочка командования по надзору за тифозной экспериментальной станцией была следующей: главный врач СС Гравиц, Генцкен, Мруговски и Динг.

5. Я могу вспомнить, что доктор Генцкен отдавал приказы доктору Дингу в январе 1943 по укрупнению экспериментальной станции. Тогда блок 50 был очищен и превращён в станцию для производства различных вакцин необходимых для использования в блоке 46. С этого времени экспериментальная станция была известна как «отделение исследований тифа и вирусов института гигиены Ваффен-СС». Затем, летом 1943, доктор Генцкен передал все свои обязанности доктору Мруговски и с этого времени доктор Генцкен уже активно не участвовал в этих вопросах. Я могу вспомнить встречу доктора Мруговски в доме доктора Динга при одном из его визитов в Бухенвальд.

6. Постольку поскольку я постоянно был знаком с доктором Дингом в Бухенвальде, мы были приятелями. Я часто обсуждал с Дингом вопросы и время от времени посещал экспериментальную станцию. Фактически, доктор Динг должен был ездить в Берлин на дискуссии с доктором Мруговски, почти по 3 дня в две

недели, и по этим случаям я был ответственным за тифозное учреждение. Однако, когда Динг уезжал в Берлин эксперименты приостанавливались до его возвращения.

7. Эксперименты в блоке 46 концентрационного лагеря Бухенвальд проводились следующим образом: одна группа жертв сначала вакцинировалась тифозной вакциной, а затем инфицировалась вирусом тифа. Для оценки эффективности вакцины, другую группу заключенных просто инфицировали тифом без предшествующей вакцинации. Между осенью 1942 и летом 1943 приблизительно 500 заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд были использованы для этих экспериментов. При мне около 10 процентов из общего количества использованных заключенных умерло. Я слышал, что больше жертв умерло после меня, то есть около 20 процентов.

8. Отбор заключенных для использования в медицинских экспериментах блока 46 отделения исследований тифа и вирусов был следующим: Доктор Динг всегда, когда ему требовались люди для работы, запрашивал коменданта лагеря и поручал дело мне. Обычно человек по имени Шобер, гауптштурмфюрер СС, уведомлял меня об отборе необходимого количества заключенных для данных целей. В соответствии с запросом я отбирал разных заключенных, случайно, из списка лагеря. Они оказывались в списке с моей подписью и возвращались Шоберу, который часто исключал некоторые имена из списка по политическим соображениям. В случае отдельных заключенных исключенных из списка, я просил заменить их для того, чтобы у доктора Динга было необходимое количество жертв. После моего возвращения законченного списка Шоберу, его давали доктору Дингу для одобрения. Он проводил окончательную проверку физического состояния отобранных заключенных, с медицинской точки зрения, и определял соответствуют ли они его требованиям.

.....

Перевод документа НО-265
Экземпляр обвинения 287

**Дневник отделения исследований тифа и вирусов института Гигиены Ваффен-
СС с 1941 по 1945 (Дневник Динга)**

29 дек 41:

Совещание между санитарной инспекцией армии, главным хирургом, профессором, доктором Хандлозером; государственным секретарём управления здравоохранения Рейха, группенфюрером СС, доктором Конти; президентом, профессором Ройтером из управления здравоохранения Рейха; президентом, профессором Гильдмайстером из института Роберта Коха (институт Рейха по борьбе с заразными заболеваниями) и штандартенфюрером и доцентом, доктором Мруговски из института гигиены, Ваффен-СС, Берлин.

Было установлено, что существует необходимость тестирования эффективности и сопротивления человеческого тела к сыворотке тифа выделенной из яичного желтка. Поскольку тесты на животных не представляют достаточной ценности, необходимо провести тесты на людях.

2 янв 42:

Концентрационный лагерь Бухенвальд выбран для тестирования тифозных вакцин. Гауптштурмфюрер СС Динг является ответственным за тесты.

5 янв 42:

Предварительный тест А:

Предварительный тест для установления надёжного и наиболее практичного способа искусственного заражения людей. Пять подопытных получили внутримышечные и подкожные инъекции мембранной оболочки разбавленные 1:25 эмульсией штамма риккетсии Провачека из института Роберта Коха в дозах по 1 мл. Заражения не произошло.

Доктор Динг
Гауптштурмфюрер СС

10 янв 42:

Предварительный тест Б:

Предварительный тест для установления средств гарантированного заражения: Как и при вакцинации натуральной оспой, 5 лиц были заражены вирусной культурой мембранной оболочки (штамм риккетсия Провачека, институт Роберта Коха) путём 2 поверхностных и 2 глубоких порезов на предплечье.

Все подопытные использованные для этого теста заболели настоящим тифом. Инкубационный период от 2 до 6 дней.

Предварительный отчёт о реакциях на вакцинации. Картина крови показывает сильный рост нейтрофильных миелоцитов.

20 фев 42:

Истории болезни и таблицы о предварительных тестах для установления гарантированных средств инфицирования направлены в Берлин.

1 смерть из 5 заболевших.

Доктор Динг
Гауптштурмфюрер СС

6 янв 42:

1 фев 42:

Тифозная вакцина, исследовательская серия I

Вакцинация для иммунизации против тифа с использованием следующих вакцин:

1. 31 лицо с вакциной Вайгля из кишечника вшей от института исследований тифа и вирусов высшего командования армии, Краков.

2. 35 лиц с вакциной из культур мембранной оболочки изготовленной процессом Кокса, Гильдмайстера и Хаагена.

3. 35 лиц с вакциной «Беринг нормальная» (1 яйцо на эмульсию 450 мл вакцины. Микстура из 70 процентной риккетсии Моозери и 30 процентная риккетсия Провачека).

4. 34 лица с «Беринг нормальная» «Беринг сильная» (1 яйцо на раствор 250 мл).

5. 10 лиц контрольных.

3 мар 42:

Все лица вакцинированные для иммунизации между 6 янв 42 и 1 фев 42 и 10 контрольных лиц инфицировались вирусной культурой риккетсией Провачека в присутствии профессора Гильдмайстера. Гауптштурмфюрер СС доктор Динг в процессе инфицировал себя (лабораторный инцидент).

17 мар 42:

Визит профессора Гильдмайстера и профессора Розе (глава отделения тропической медицины в институте Роберта Коха) на экспериментальную станцию. Все подопытные заболели тифом за исключением двух, которые как было установлено позже, уже болели тифом во время эпидемии в полицейской тюрьме в Берлине. Гауптштурмфюрер СС Динг заболел тифом и находится в госпитале в Берлине. Гауптштурмфюрер СС Ховен, медицинский офицер Ваффен-СС в Веймаре, надзирает за станциями в настоящее время (блоки 44 и 49).

19 апр 42:

Заключительный отчёт о первой серии исследования тифозной вакцины: каменный блок 46 будет предоставлен для экспериментов с тифом.

5 смертей (3 контрольных лиц, 1 «Беринг нормальная» и 1 «Беринг сильная»).

Доктор Динг
Гауптштурмфюрер СС

19 авг 42:

4 сен 42:

Тифозная вакцина, исследовательская серия II

Вакцинация для иммунизации против тифа с использованием следующих вакцин:

1. 20 лиц вакцинами изготовленными процессом Дюранда и Жиро (институт Пастера, Париж) из лёгких кролика.

2. 20 лиц вакциной изготовленной процессом Комбеску¹⁶³, Зотта и помощниками из собачьих лёгких. (Производитель: Кантакузино, Бухарест). Эта вакцина была предоставлена профессором Розе, который получил её от военноморского доктора, профессора Руге из Бухареста).

15 окт 42:

Искусственное инфицирование всех лиц вакцинированных для иммунизации между 19 сентября 1942 и 4 октября 1942 и 19 лиц как контрольных вирусом мембранной перегородки (Риккетсия-Провазеки).

25 окт 42:

Инфекция возникла у всех подопытных.

20 ноя 42:

Таблицы и истории болезни направлены в Берлин

4 смерти контрольных лиц.

Доктор Динг
Гауптштурмфюрер СС

10 сен 42:

¹⁶³ Думитру Комбеску (1887-1961) – румынский специалист по микробиологии и эпидемиологии. Академик (1955)

10 окт 42:

Подразделению гауптштурмфюрера СС доктора Динга приказано явиться в институт Пастера к профессору Жиро.

22 окт 42:

5 ноя 42:

Тифозная вакцина, исследовательская серия III

Вакцинация для иммунизации против тифа 20 лиц, вакциной изготовленной процессом Жиро, Париж (эта вакцина была доставлена из Парижа гауптштурмфюрером СС доктором Дингом непосредственно после её изготовления).

30 ноя 42:

Искусственное инфицирование материалом мембранной перегородки из института Роберта Коха, 20 лиц вакцинированных для иммунизации и 6 контрольных лиц. Эта исследовательская серия наблюдалась 6 недель и затем закончилась безрезультатно, так как заболевание не развилось в контрольной группе.

Доктор Динг
Гауптштурмфюрер СС

27 окт 42:

8 ноя 42:

Тифозная вакцина, исследовательская серия IV

Вакцинация для иммунизации 20 лиц вакциной из кишечника вши изготовленной процессом Вайгля (направлена доцентом, доктором Хаасом из тифозного института «Эмиль фон Беринг¹⁶⁴» во Львове).

30 ноя 42:

Для тестирования эффективности иммунизации, инфицирование проводилось вшами переносчиками тифа. Вшей и их камеры пришлось незамедлительно сжечь, так как камеры утратили герметичность во время перевозки, и поэтому представляли опасность эпидемии в лагере Бухенвальд.

¹⁶⁴ Эмиль фон Беринг (1854 — 1917) — немецкий врач, создатель противодифтерийной сыворотки, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1901).

3 дек 42:

Новых вшей применили к 15 лицам (5 иммунизированных и 10 контрольных лиц). Вшей вновь пришлось уничтожить, так как камеры утратили герметичность.

Отчёт о возможности инфицирования живыми тифозными вшами невозможен из-за опасности эпидемии среди заключенных лагеря.

4 янв 43:

Из-за инфицирования вшами 3 декабря 1942, пять лиц продемонстрировали короткое атипичное заболевание.

Исследовательские серии завершены.

Доктор Динг
Гауптштурмфюрер СС

15-18 дек 42:

Подразделению гауптштурмфюрера СС доктора Динга приказано явиться к открытию исследовательского института тифа «Эмиль фон Беринг» во Львове в Генерал-губернаторстве (доцент доктор Хаас).

28-31 дек 42:

Вакцинация для иммунизации против дифтерии резервного батальона лейбштандарта «Адольф Гитлер¹⁶⁵» (приблизительно 2500 человек), из-за начала эпидемии.

Инспекция квартир и рекомендации медицинскому офицеру по борьбе с эпидемией.

Доктор Динг
Гауптштурмфюрер СС

1943

1 дек 42:

20 дек 42:

Тифозная вакцина, исследовательская серия V

¹⁶⁵ 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» — элитное формирование войск СС, созданное на базе личной охраны Адольфа Гитлера. За период своего существования было развернуто в танковый корпус.

Для определения эффекта иммунизации, 20 лиц активно вакцинировались для иммунизации вакциной «ЕМ» предприятия Беринг – доктор Демниц – (вакцина в которой также использовалась мембранная перегородка куриного эмбриона).

26 янв 43:

Искусственное инфицирование вирусом мембранной перегородки ОР № 223 и 226 (риккетсия Провачека – штамм из института Роберта Коха).

Доктор Динг
Гауптштурмфюрер СС

9 янв 43:

По приказу начальника медицинской службы Ваффен-СС, группенфюрера СС и генерал-майора Ваффен-СС доктора Генцкена, тифозная исследовательская станция в концентрационном лагере Бухенвальд стала «отделением исследований тифа и вирусов». Начальником отделения будет штурмбаннфюрер СС, доктор Динг. В его отсутствие, медицинский офицер Ваффен-СС, Веймар, гауптштурмфюрер СС Ховен, надзирает за производством вакцин. Начальник ВФХА, обергруппенфюрер СС и генерал-лейтенант Ваффен-СС Поль, распорядился о расширении блока каменных зданий.

Штурмбаннфюрер СС доктор Динг в то же время назначен начальником отдела по особым задачам в управлении XVI (Гигиена) группы Д (медицинские вопросы Ваффен-СС) главной оперативной штаб-квартиры СС

10 янв 43:

Терапевтические эксперименты с акридином и голубым метиленом

По предложению И.Г. Фарбениндустри А.Г. были проведены следующие тесты для терапии тифа:

а. Препарат 3, 582 «Акридин» химико-фармакологического и серо-бактериологического отделения во Франкфурте-на-Майне, Хёст, профессор Лаутеншлегер и доктор Вебер.

(Терапевтический эксперимент А)

б. Голубой метилен, протестирован в эксперименте на мышах профессора Кикута, Эльберфельд.

(Терапевтический эксперимент М)

26 янв 43:

Искусственное инфицирование вирусом мембранной перегородки ОР № 223 и 226.

20 лиц для терапевтического эксперимента А: акридин

20 лиц для терапевтического эксперимента М: голубой метилен

7 контрольных лиц.

20 фев 43:

Контрольные лица, инфицированные тифом 26 января 1943 не продемонстрировали типичных симптомов тифа; в группе, вакцины «ЕМ» предприятия Беринг, акридина, голубого метилена почти $\frac{1}{4}$ не заболели, остальные заболели умеренным тифом.

Исследовательская серия была обозначена как «отрицательная», так как контрольные лица не были надлежащим образом инфицированы.

Одна смерть в терапевтическом эксперименте акридином.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

10 янв 43:

Тестирование вакцины жёлтой лихорадки

Предприятию Беринг, Марбург-Лан, институту Роберта Коха, Берлин и институту исследования тифа и вирусов высшего командования армии в Кракове высшим командованием армии поручено произвести вакцину жёлтой лихорадки Бельтера и сотрудников. Так как применялся живой вирус, должен был быть проведён тест на 5 лицах для безопасности, из каждой ампулы с вакциной.

В это же время 50 лиц должны были быть вакцинированы сразу ОР № 25 из института Роберта Коха, которая уже была протестирована на её безопасность, для определения снижения рабочей емкости.

Результаты тестов жёлтой лихорадки должны быть направлены в управление XVI главной оперативной штаб-квартиры СС в копии, которая направит её производителю и одна высшему командованию армии для сведения: оберштабсарцту, доктору Шмидту, медицинская инспекция армии.

Список номеров протестированной ОР

Производитель		
№ 1. Предприятие Беринг, Марбург	1,2,4.....	13 янв-26 янв 43
2.Институт Роберта Коха, Берлин	28, 30, 37, 38, 39...	11 янв-26 янв 43
3.Институт Роберта Коха, Берлин	46, 47, 48, 49, 50.....	30 янв-8 фев 43
4.Предприятие Беринг, Марбург	4,5,6,7,8,9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23	30 янв-8 фев 43
5. Высшее командование армии, Краков	19, 21, 22, 23, 25, 26, 27	9 фев-22 фев 43
6. Предприятие Беринг, Марбург	24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33.	11 фев-22 фев 43
7.Предприятие Беринг, Марбург	34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43.	25 фев-7 мар 43
8. Высшее командование армии, Краков	28, 29, 30, 32, 34.....	25 фев-7 мар 43
9. Институт Роберта Коха, Берлин	54, 55, 57, 58.....	25 фев-7 мар 43
10. Предприятие Беринг, Марбург	54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61.	6 мая-17 мая 43

Производство в настоящее время остановлено из-за военной обстановки.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

3 фев 43:

Стерильный эксперимент с яичной вакциной

Нам был прислан пакет с маленькой бутылкой 20 мл тифозной вакцины из культуры яичного желтка. Ор № 35 от 15 октября 1942. Вторая инъекция 8 декабря 1942, третья инъекция 13 декабря 1942 тифозная вакцинация для иммунизации проводилась на сестре Лилли Бём, родившейся 3 апреля 1912, местным хирургом доктором фон Эйсмондом. К вечеру температура 40 С°. Сорок четыре часа спустя после последней вакцинации, смерть в коме, в германской клинике Ковно.

Протокол вскрытия: Тиф (№ 2033, университет Ковно, патологический институт, доктор Старкус).

Исследование: Материал вакцинации.

1. 2 процентный Шрегагер
2. Бульон
3. 2 процентный бульон глюкозы
4. Тароззи
5. Мазок крови
6. Мазок Клауберга

} Нет роста спустя 48 часов

Во время экспериментов на животных, подопытных кроликов и мышей вакцинировали внутрибрюшинно и под кожей спины. Никаких патологических симптомов.

Результаты: Вакцина не вызвала смерть. Вакцинация прошла в течение инкубационного периода.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

8 фев 43:

Визит оберштабсарцта, доктора Айера из института исследований тифа и вирусов высшего командования армии в Кракове и оберштабсарцта доктора Шмидта из медицинской инспекции армии.

22 фев 43:

Исследование неизвестного бактериологического материала

В августе 1942 в округе Мариенбург были выброшены советские парашютисты; у них в экипировке находился амфиольный материал, который был

передан РСХА (упр. IV A/2 № 2152/439 25 фев 1943). Это были бактериофаги дизентерии, которые можно легко обнаружить при экспериментах с животными и культурой; он может быть использован в терапевтических целях при поносе.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

28 фев 43:

6 мар 43:

Подразделению штурмбаннфюрера СС, доктора Динга приказано явиться в Париж для получения лабораторного материала для отделения исследований тифа и вирусов института гигиены.

23 мар 43:

Совещание между штурмбаннфюрером СС Барневальдом¹⁶⁶, штурмбаннфюрером СС, доктором Дингом и гауптшарфюрером СС Шлезингером из управления W 5, ВФХА о разведении кроликов, подопытных кроликов и мышей в качестве экспериментальных животных для экспериментального отделения.

25 янв 43:

28 фев 43:

Тифозная вакцина, исследовательская серия VI

Для установления эффекта иммунизации, следующих вакцинировали для иммунизации:

20 лиц вакциной «Цюрих» из института гигиены университета Цюриха (лёгкие мышей) и

20 лиц вакциной «Рига» из института сыворотки из университета Риги (профессор Дарсинь, из культур мембранной перегородки).

31 мар 43:

Искусственное инфицирование яйцами риккетсия (риккетсия Провачека) из института Роберта Коха, Берлин.

11 апр 43:

Инфицирование 31 марта до сих пор не привело ни к какой инфекции.

28 апр 43:

¹⁶⁶ Отто Барневальд (1896-1973) – штурмбаннфюрер СС. В 1942-1945 начальник экономического отдела концентрационного лагеря Бухенвальд. В 1948 году приговорён к пожизненному заключению, в 1954 был помилован.

Экспериментальная серия прекращена.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

7 мар 43:

Исследование воды и инспекция концентрационного лагеря Войт возле Герцогенбуша.

8 мар 43:

10 мар 43:

Инспекция жилья в Аппельдорн-Арнеме и окрестностях. Рекомендации главному хирургу командующего в Нидерландах по эпидемии дифтерии в Апельдорне.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

24 мар 43:

20 апр 43:

Проведение масштабного эксперимента на 45 лицах проведённого институтом гигиены Ваффен-СС, штандартенфюрером СС, доцентом, доктором Мруговски.

Вакцинации проводились 8 разных дней в течение 4 недель против натуральной оспы, сыпного тифа, паратифа А и Б, холеры, тифа, и дифтерии.

Совместимость в целом хорошая. Точные протоколы и отчёты были доставлены 27 апреля 1943 главе отдела управления XVI.

Это привело к сильному снижению рабочего объёма, потере силы, росту температуры, и опуханию лимфатических узлов. Сыпной тиф и натуральная оспа не вакцинировались с одной и той же стороны тела, иначе возникало сильное опухание лимфатических узлов.

Адсорбат вакцины дифтерии привел почти к 20 случаям сильного формирования абсцессов. Находясь в лагере, лиц вновь вакцинировали от оспы в течение ¼ года.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

31 мар 43:

Терапевтические эксперименты «гранулат акридина» и «рутенол»

Для терапевтических экспериментов «акридина гранулата» (А. Гр.) и рутенол (Р), 40 лиц были инфицированы яйцом риккетсия.

11 апр 43:

После наблюдения длившегося несколько недель, заболевания не началось. Отчёт штандартенфюреру СС, доценту, доктору Мруговски и президенту, профессору Гильдмайстеру. Штамм «Мательска» из института Роберта Коха, который был высоковирулентным год назад, видимо не является патогенным для человека. Следовательно, необходим поиск новых средств инфицирования, которые точно приведут к тифу.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

11 апр 43:

Предварительный эксперимент С:

Для установления гарантированных средств инфицирования, проводились эксперименты со свежей кровью лиц болеющих тифом. Инфекция протекала следующим образом:

- 3 лица – 2 мл каждому, свежей крови внутривенно.
- 2 лица – 2 мл каждому, свежей крови внутримышечно.
- 2 лица – 2 мл каждому, свежей крови подкожно.
- 2 лица – после скарификации.
- 2 лица – вакцинация скальпелем надкожно.

Инфицированные внутривенно заразились тифом, сильным тифом и умерли от нарушения в работе кровеносной системы. Остальные подопытные пожаловались лишь на небольшой дискомфорт, без госпитализации.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

13 апр 43:

Предварительный эксперимент Д:

Инфицированы следующие:

6 лиц по 2 мл каждый, свежей кровью внутривенно.

6 лиц по 2 мл каждый, свежей кровью внутримышечно.

6 лиц по 2 мл каждый, свежей кровью подкожно.

6 лиц путём скарификации.

6 лиц посредством надкожной вакцинации скальпелем.

6 внутривенно инфицированных лиц снова заразились очень сильным тифом; 5 умерло.

Из 6 инфицированных внутримышечно, одно лицо заболело умеренным тифом. У остальных не имелось серьезных осложнений и они не госпитализировались.

Наиболее гарантированным средством инфицирования для возникновения тифа у людей является, внутривенная инъекция 2 мл крови инфицированной тифом.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

13 и 14 апр 43:

Подразделению штурмбаннфюрера СС доктора Динга приказано явиться в И.Г. Фарбениндустри, Хёст. Совещание с профессором Лаутеншлегером¹⁶⁷, доктором Вебером и доктором Фюссгангером об экспериментальных сериях «гранулат акридина и рутенонл» в концентрационном лагере Бухенвальд.

Визит к гехаймрату Отто и профессору Пригге в институте экспериментальной терапии во Франкфурте-на-Майне.

24 апр 43:

Терапевтические эксперименты гранулата акридина (А-ГР2) и рутенола (Р-2)

Для проведения терапевтических экспериментов гранулата акридина и рутенола, 30 лиц (по 15 каждый) и 9 лиц в качестве контрольных были инфицированы внутривенной инъекцией по 2 мл свежей тифозной крови. Все подопытные заразились очень сильным тифом.

1 июн 43:

¹⁶⁷ Карл-Людвиг Лаутеншлегер (1888-1962) – член правления И.Г. Фарбен. Директор предприятия Хёст. В 1948 был оправдан американским трибуналом в Нюрнберге.

Таблицы и истории болезни составлены.

Экспериментальные серии завершены.

21 смерть (8 гранулат акридина, 9 у рутенола, 5 контрольных).

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

27 апр 43:

1 мая 43:

Подразделению штурмбаннфюрера СС доктора Динга приказано явиться в Париж для получения лабораторного материала для отделения исследований тифа и вирусов института гигиены.

10 июн 43:

Тифозно-терапевтический эксперимент «Отромин»

По предложению института Роберта Коха, Берлин (профессор, доктор Локеманн) в отношении нового терапевтического средства серии Рода – отромин должен быть использован на людях. Для этой цели 20 лиц из серии «отромин» и 20 контрольных лиц (10 иммунизированных, 10 неиммунизированных) были инфицированы 10 июня 1943 и 18 июня 1943 по 2 мл каждый, бактерией тифа в растворе природной соли данной с картофельным салатом. Из 40 лиц, 7 заболели легко, 23 сильнее. Более того, было 6 амбулаторных случаев. Четыре лица не продемонстрировали никаких симптомов.

28 июл 43:

Таблица и история болезни из серии «отромин» завершена и направлена в Берлин.

5 авг 43:

Таблицы и история болезни контрольной серии завершены и направлены в Берлин.

10 авг 43:

Доставка протоколов обермедициналърату Христиансену в министерстве внутренних дел. Экспериментальная серия завершена.

1 смерть (контрольный, неиммунизированный).

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

28 мая 43:

18 июн 43:

Тифозная вакцина, экспериментальная серия VII

Проведение тифозной вакцинации для иммунизации путём следующих вакцин:

1. 20 лиц вакциной «Асид»

2. 20 лиц вакциной «Асид адсорбат» Anhaltinischen Serumwerke G. m. b. H., Берлин 7.

3. 20 лиц вакциной «Вейгль» института исследований тифа и вирусов высшего командования армии, армия (ОКХ) Краков (Айер).

27 авг 43:

Инфицирование –

20 лиц в серии «Асид»

20 лиц в серии «Асид адсорбат»

20 лиц в серии «Вайгль».

10 лиц для контроля путём внутривенной инъекции $\frac{1}{4}$ мл каждому свежей тифозной крови, штамм Бу II, перенос I.

Все подопытные лица заболели сильным тифом.

7 сен 43:

Таблица и истории болезни завершены. Экспериментальные серии завершены –

53 смерти (18 с «Асид», 18 с «Асид адсорбат», 9 с «Вайглем», 8 контрольных).

9 сен 43:

Таблицы и истории болезней направлены в Берлин.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

8 ноя 43:

17 янв 44:

Высокоиммунизационный эксперимент с вакцинами Френкеля

Согласно иммунизационному плану высокой иммунизации Френкеля для людей, была протестирована совместимость Френкель-Формоль-Токсоид (Формоль-Токсин из бактерий *perfringens*).

В начале 15 подопытных были вакцинированы 3 раза с интервалами в 14 дней по 1 мл Френкель-А1. Ф.Т. (Френкель-Токсоид поглощённый гидроксидом алюминия).

Спустя интервал в 14 дней, прошли следующие вакцинации Френкель-Формоль-Токсоид (Формоль-Токсин бактерий *perfringens*):

20 дек 43 ----- 1 мл подкожно – левое предплечье
 26 дек 43 ----- 2 мл подкожно – правое предплечье.
 31 дек 43 ----- 4 мл подкожно – левое предплечье.
 3 янв 44 ----- 6 мл подкожно – правое предплечье.
 6 янв 44 ----- 9 мл подкожно – правая и левая грудь.
 10 янв 44 ----- 12 мл подкожно – оба предплечья.
 14 янв 44 ----- 15 мл подкожно – правая и левая грудь.

17 янв 44:

Наблюдение за реакциями на вакцинацию завершено и отослано.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

19 ноя 43:

25 ноя 43:

Эксперимент с фосфорным ожогом от зажигательной бомбы

Для тестирования препарата «Р 17» на свежих фосфорных ожогах и тестирования мази «Эхинацея» и «Эхинацеи наружной» для последующего лечения ранений от фосфорных ожогов (все от производства доктора Мадауса в Дрезден-Радебёле), проводились ожоговые тесты на пяти подопытных в вышеуказанные даты с фосфорным содержимым взятым из английской зажигательной бомбы обнаруженной рядом с Лейпцигом.

5 янв 44:

Протоколы направлены главному врачу СС с просьбой переслать их на производство доктора Мадауса.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

30-31 дек 44:

Специальный эксперимент на 4 лицах по проблеме Коха-Ховена

По приказу группенфюрера СС Небе, был проведён эксперимент в присутствии доктора Моргена и доктора Венера.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

21 дек 43:

16 янв 44:

Контроль плазмы крови

По приказу военно-медицинской академии, Берлин, 18 капсул плазмы крови тестировались на 18 подопытных для их совместимости на людях.

17 янв 44:

Высланы протоколы.

25 янв 44:

19 фев 44:

Контроль плазмы крови

По приказу военно-медицинской академии, Берлин, ещё 30 капсул крови были протестированы на 30 подопытных на их совместимость с людьми.

22 фев 44:

Документы о тестах направлены курьером главному врачу СС.

Доктор Динг
Штурмбаннфюрер СС

22 янв 44:

31 янв 44:

Предварительная экспериментальная серия вакцины «Веймар»

Для тестирования совместимости и эффекта иммунизации, пять лиц были иммунизированы путём трёх вакцинаций тифозной вакциной «Веймар» (Изготовитель: институт гигиены Ваффен-СС, отделение исследований тифа и вирусов). 22 янв 44, 0,5 мл, 27 янв, 1.0 мл, 31 янв 44, 1.0 мл были введены подкожно в правое или левое предплечье.

Для сравнения 5 лиц были иммунизированы в вышеуказанные даты по 0.5 мл, 0.5 мл, 1 мл тифозной вакциной из яичной культуры «Асид» (Anhaltinische Serumwerke, Берлин) и 5 лиц были иммунизированы тифозной вакциной «Жиро» (изготовленной институтом Пастера, Париж, из лёгких кроликов) по 1 мл каждый.

25 фев 44:

Двадцать лиц (15 иммунизированных и 5 контрольных) были инфицированы подкожной инъекцией 1/20 мл свежей крови инфицированной тифом.

Донор: Г.... № 713, возраст 36 лет (6-й день заболевания)

Штамм Бу IV/Перенос 13

Все инфицированные заболели как слабым так и сильным тифом.

4 апр 44:

Таблица и истории болезни завершены.

25 апр 44:

Экспериментальная серия завершена –
5 смертей (1 асид, 1 Веймар, 3 контроль).

Доктор Динг

8 мар 44:

18 мар 44:

Тифозная вакцина, экспериментальная серия VIII

Предложенная полковником мед. службы воздушных сил, оберстарцтом, профессором Розе вакцина «Копенгаген» (вакцина Ипсен-Мурена), изготовленная из печени мыши национальным институтом сыворотки в Копенгагене, была протестирована на совместимость с людьми.

20 лиц были вакцинированы для иммунизации внутримышечной инъекцией в большую ягодичную мышцу в следующие даты: 8 мар 44, 0.5 мл; 13 мар 44, 0,5 мл; 18 мар 44, 1.0 мл.

10 лиц были отобраны для контроля и сравнения.

4 из 30 лиц были исключены до начала искусственного инфицирования, из-за обострения болезни.

16 апр 44:

Остальные подопытные были инфицированы 16 апр 44 подкожной инъекцией 1/20 мл свежей тифозной крови.

Донор: В...№ 763, возраст 27 лет (6-й день заболевания).

Штамм Бу VII/Перенос 1

Заболели следующие:

а. 17 лиц иммунизированных; 9 средне, 8 серьёзно.

б. 9 контрольных лиц; 2 средне, 7 серьёзно.

2 июн 44:

Экспериментальная серия завершена.

13 июн 44:

Таблица и истории болезней составлены и направлены в Берлин.

6 смертей (3 Копенгаген, 3 контроль).

Доктор Динг

26 мая 44:

12 июн 44:

Забор крови для производства ослабленной сыворотки тифа (FFRS)

Для производства FFRS, у 15 выздоравливающих от тифа было взято 6500 мл крови между 14-м и 21-м днём после спада лихорадки, и направлено курьером в главную оперативную штаб-квартиру СС, отдел группы Д, управления XVI (консервация крови) свд: гаупштурмфюрер, доктор Элленбек в Берлин-Лихтерфельде.

Динг

22 мая 44:

16 июн 44:

Контроль плазмы крови

По приказу военно-медицинской академии, Берлин, 44 капсулы плазмы крови были протестированы на 44 подопытных на совместимость с людьми.

19 июн 44:

Протокол теста направлен старшему гигиенисту медицинского управления СС и полиции, Берлин.

Динг

17 июл 44:

27 июл 44:

Тифозная вакцина, экспериментальная серия IX

Тифозная вакцина «Веймар», изготовленная отделением исследований тифа и вирусов института гигиены Ваффен-СС, Веймар-Бухенвальд, согласно приказам тестировалась на эффективность на людях.

Данная вакцина была изготовлена из лёгких кролика процессом Дюранда-Жиро. Она содержит вирус (риккетсия Провачека) самоизолирующейся формы ослабленный и растворённый в 2/100 формола.

20 лиц были иммунизованы в следующие даты по 1 мл каждый: 17, 22, 27 июля 1944.

Вакцинации проводились подкожно в правое или левое предплечье.

Для сравнения 20 лиц были в тоже время иммунизованы вакциной «Вайгль», изготовленной из вшей в Кракове высшим командованием армии с учётом наставлений.

Также, 20 лиц были предоставлены для контрольных целей.

6 сен 44:

60 подопытных лиц были инфицированы подкожной инъекцией 1/10 мл свежей крови инфицированной тифом, каждый в правое предплечье.

Все лица заболели следующим образом:

а. «Веймар» - 9 легко, 7 от лёгкого к среднему, 4 средне.

б. «Вайгль» - 6 от лёгкого к среднему, 8 средне, 6 серьезно.

в. Контроль – 1 средне, 19 серьезно.

17 окт 44:

Экспериментальная серия завершена.

4 ноя 44:

Таблица и истории болезни завершены.

24 смерти (5 «Вайгль», 19 контроль).

Доктор Шулер

13 окт 44:

31 окт 44:

Забор крови для производства ослабленной сыворотки тифа (FFRS)

Для производства FFRS, 20.8 литров крови было взято у 44 выздоравливающих от тифа на 14-й и 21-й день после спада лихорадки, и направлено курьером в главную оперативную штаб-квартиру СС, отдел группы Д, управления XVI (консервация крови) – штурмбаннфюрер, доктор Эленбек, Берлин-Лихтерфельде.

Шулер

26 окт 44:

Специальный эксперимент на 6 лицах согласно инструкциям оберфюрера СС, доцента, доктора Мруговски и РКПА (устный отчёт).

Шулер

13 ноя 44:

Терапевтический эксперимент тифозной вакцины

По приказу старшего гигиениста Ваффен-СС от 12 августа 44, должно быть установлено можно ли облегчить течение тифа путём внутривенных или внутримышечных инъекций вакцины.

Для экспериментальной серии были отобраны 20 лиц, из них, 10 для внутривенной инъекции (серия А), 10 для внутримышечной инъекции (серия Б) и 5 лиц как контрольные.

13 ноя 44, 25 подопытных были инфицированы подкожной инъекцией 1/10 мл каждый, свежей кровью инфицированной тифом. Все лица заболели следующим образом: серия А – 10 серьёзно; серия Б – 1 средне, 9 серьёзно; контроль 5 серьёзно.

22 дек 44:

Экспериментальная серия завершена.

2 янв 45:

Таблица и история болезни завершены.

19 смертей (9 серия А, 6 серия Б, 4 контроль).

Доктор Шулер

Перевод документа НО-257

Экземпляр обвинения 283

**Фрагмент из письменных показаний доктора Эрвина Шулера от 20 июля 1945
об экспериментах с тифом**

.....

Участие Ховена в блоке 46

В феврале 1942 поступил приказ о проведении экспериментов с тифом. Я был выбран для проведения этих экспериментов. Так как у меня был офис в Берлине, для моего отсутствия в Бухенвальде был назначен заместитель. Главный врач СС доктор Гравиц, по согласованию с главным врачом концентрационных лагерей Лоллингом, назначил фюрера СС, доктора Ховена, доктором на станции в Бухенвальде. Моё присутствие в Бухенвальде всегда длилось по несколько дней, при том, что эксперименты и эпидемии тифа длились почти 10 недель.

Доктор Ховен имел приказы получать заключенных (профессиональных преступников приговорённых к смерти), которых освобождало для экспериментов главное управление безопасности Рейха и начальники концентрационных лагерей, для вакцинации или инфицирования после обследования физического состояния.

В качестве заместителя, он часто приказывал доктору Плазе¹⁶⁸ заниматься охраной блока 46. Доктор Плаза, кроме того, продолжал работу независимо под руководством капо Дитч.

Так как эксперименты такие как эффективность вакцины жёлтой лихорадки не привели к смерти, от 200 до 300 добровольцев всегда были доступны. Это я знаю из списков которые Дитч показывал мне однажды. Такие эксперименты

¹⁶⁸ Генрих Плаза (1912 - 1968) – гауптштурмфюрер СС. Начальник патологоанатомического бюро концентрационного лагеря Бухенвальд.

проводились не только в блоке, но также и в самом лагере. Для этого эксперимента было взято около 80 голландцев; они не работали и получали дополнительные пайки. Их температуру измеряли три раза в день и каждые два дня у них брали 10 мл крови на анализ.

Ховен работал в качестве моего заместителя до моего постоянного поступления в Бухенвальд в августе 1943. В сентябре он был арестован.

В 1942 году он много работал сам, так как я заразился тифом и после этого был отправлен в отпуск домой. Непосредственно после я был командирован в институт Пастера в Париж. В течение этого времени истории болезни содержали подпись Ховена и Плаза.

[Подписано] Доктор Шулер

Перевод документа НО-571
Экземпляр обвинения 285

Рабочий отчёт 1943 отделения исследований тифа и вирусов

Веймар-Бухенвальд, январь 1944

Институт гигиены Ваффен-СС
Отделение исследований тифа и вирусов

Рабочий отчёт за 1943 год

I. Отделение исследований тифа и вирусов, клиника.

С 1 декабря 1942 по 20 февраля 43	Эксперимент с тифозными вакцинами «ЕМ» предприятия Беринг, проведенный на 20 подопытных.
С 10 января по 20 февраля	Эксперимент с терапией тифа, акридин и голубой метилен, проведённый на 47 подопытных
С 10 января по 17 мая	Тест с вакцинами жёлтой лихорадки, проведенный на 435 подопытных.
С 25 января по 28 апреля	Эксперимент с тифозными вакцинами «Рига» и «Цюрих», проведённый на 40 подопытных.

С 24 марта по 20 апреля	Проведение крупномасштабного эксперимента согласно схеме института гигиены Ваффен-СС, осуществлённого штандартенфюрером СС, доцентом, доктором Мруговски, натуральной оспой, сыпным тифом, паратифом А и Б, холерой, тифом и дифтерией на 45 подопытных.
С 31 марта по 11 апреля	Предварительные эксперименты с терапией тифа гранулатом акридина и рутенолом на 40 лицах.
С 11 апреля по 24 мая	Предварительные эксперименты со свежей кровью инфицированной тифом для цели установления гарантированного метода инфицирования, проведенные на 41 лице.
11 апреля – не завершена	Инфицирование тифом 47 лиц.
С 24 апреля по 1 июня	Эксперимент с терапией тифа гранулатом акридина (2) и рутенолом (2) проведённый на 40 подопытных.
С 28 мая по 9 сентября	Эксперимент с тифозными вакцинами «Асид» «Асид адсорбат» и «Вайгль» проведённый на 70 лицах.
С 10 июня по 8 августа	Эксперимент с терапией тифа «Отромином», проведённый на 40 подопытных.
8 ноября – не завершено	Гангрена – высокоиммунизационный эксперимент, проведённый на 15 подопытных.
19 ноября – не завершено	Эксперименты с ожогами путём фосфорно зажигательных бомб проведённые на 5 лицах.
21 ноября – не завершено	Контроль консервации крови
С 23 декабря по 31 декабря	Специальный эксперимент проведённый на 4 лицах

II. Отделение тифа и вирусных исследований, производство вакцин

10 августа	Завершение перестройки тюремного блока 50 в концентрационном лагере Бухенвальд.
16 августа	Открытие отделения исследований тифа и вирусов.

- Перевод главы отделения, штурмбаннфюрера СС доктора Динга в Бухенвальд. Начало предварительной работы по производству.
- 20 сентября Первое инфицирование 3 морских свинок кровью инфицированной тифом, штамм Бу I. До конца года 8 успешных инфицирований данным штаммом и положительная адаптация штамма мышам (всего 2 инфицирования из-за нехватки этих подопытных животных), также как и в лёгкие кроликов через мышей при наличии мозга морских свинок как начального материала.
- 24 сентября Изоляция штамма Бу II на 3 морских свинках, инфицированной тифом кровью. После успешной адаптации в конце года, 8-е инфицирование. Проведение 4 инфицирований на мышах. Большие количества риккетсии стандартного типа. Далее успешная адаптация штамма Бу II в лёгких кроликов через мышей.
- 9 октября Из-за нехватки экспериментов с мышами, для адаптации смешанных штаммов Бу I и Бу II непосредственно из мозга морских свинок в лёгкие кроликов. В конце года данный штамм содержал полностью вирулентную 6-ю инфекцию кроликов. С 5-й инфекции, в особенности, большие количества риккетсии в лёгких кроликов. Результаты прямой адаптации проверяются на тесты патогенности и кожной вирулентности.
- 12 октября Доклад институту гигиены Ваффен-СС о том, что эксперименты по разведению штаммов риккетсии в лёгких кроликов были успешными и производство задержалось из-за отсутствия холодильной установки и тритуратора модели Калабеуса.
- 22 октября Изоляция и перенос морским свинкам штамма Бу IV от особей инфицированных тифом после штамма Бу III погибших во время первого инфицирования. В этом случае был особо замечен недостаток мышей.
- Первая половина Начало эпидемии среди недавно доставленных 375

- ноября мышей, в которой 289 животных погибло за несколько дней. Так как оставшиеся мыши также болели, они были убиты.
- 11 ноября Вакцинация кроликов инфицированными лёгкими мышей. Позднее, проведение ещё двух инфицирований кроликов. Эксперименты завершились успехом; большие количества риккетсии с хорошо развитыми элементами бацилл в лёгких кроликов.
- 30 ноября Успешная прямая адаптация штамма Бу IV из мозга инфицированных морских свинок в лёгких кроликов. После проведения ещё одного инфицирования кроликов, смешивание штамма со штаммом Бу I и Бу II. Все инфицирования проведены успешно.
- 4 декабря Эксперимент с использованием ночных морозов и использованием техники взбалтывания без холодильника и без Калабеуса, для производства первого образца вакцины. Для этой цели, использовались лёгкие кроликов 5-й и 6-й серии инфекции смешанных штаммов Бу I и Бу II, которые насыщены риккетсией.
- 14 декабря Центрифуга раствора проведена 4 декабря.
- 15 декабря Запуск холодильника, который прибыл. Результаты изучения осадка вакцины произведённой 4 декабря: спустя 2 часа центрифуги большие количества риккетсии (бацилообразные, точечные, гантелеобразные). Контроль стерильности подтвердил отсутствие бактерий в растворе.
- 17 декабря 4 морских свинки получили внутрибрюшинные инъекции 1 мл вакцины каждая, с целью проверки того совместимы ли они с ней. Морские свинки не показали изменений аппетита или температуры и живы к концу года.
- 24 декабря Серия вакцинации 10 морских свинок нашей вакциной и вакциной Жиро, для того, чтобы инфицировать их позднее кровью инфицированной тифом.

29 декабря Реакции кожной вирулентности согласно Жиро показывают вирулентность раствора в концентрации от 1:2000 до 1:4000.

Для проведения экспериментов по разведению до настоящего числа использовались 56 мышей, 132 морских свинок и 112 кроликов.

В серологическом отделении 1226 протеев ОХ 19 аглютинаций, 3 теста Грубер-Видаля и 4 реакции Таката-Ара¹⁶⁹ проведенных для лазарета СС и концентрационного лагеря Бухенвальд и его отделений.

Для наших потребностей к настоящей дате произведено, приблизительно 1500 мл запасов тифа-паратифа Б, для снижения силы сопротивления подопытных животных.

III. Инспекции отделения исследований тифа и вирусов

8 февраля	Инспекция клинического отделения оберштабсарцтом, доктором Айером из института исследований тифа и вирусов высшего командования армии, Краков и оберштабсарцтом, доктором Шмидтом из медицинской инспекции армии.
24 августа	Инспекция отделения директором центрального строительного управления Ваффен-СС и полиции, оберштурмфюрером СС Хюнефельдом и обсуждение необходимых улучшений.
26 августа	Инспекция высшим главой СС и полиции Касселя, принцем Вальдека и Пирмонта ¹⁷⁰ , и комендантом концентрационного лагеря Бухенвальд.
3 сентября	Инспекция главы института гигиены Ваффен-СС, штандартенфюрером СС, доцентом, доктором Мруговски.

¹⁶⁹ Таката-Ара реакция - коллоидная реакция. При добавлении к подщелоченному ликвору растворов сулемы и фуксина в норме наблюдается смесь фиолетового цвета. При просветлении жидкости и выпадении осадка реакцию обозначают как метасифилитическую (прогрессивный паралич), при окрашивании в красный цвет – как менингитическую.

¹⁷⁰ Йозиас Георг Вильгельм Адольф, наследный принц Вальдек-Пирмонтский (1896 — 1967) — наследный принц Вальдек-Пирмонта, один из высших офицеров СС (6 октября 1938 года — 8 мая 1945 года), высший руководитель СС и полиции «Фульда-Верра» (Кассель).

29 сентября Инспекция главы отдела Д III главного административно-хозяйственного управления СС (ВФХА), оберштурмбаннфюрером СС, доктором Лоллингом и профессором, доктором Шенком.

IV. Официальные поездки главы отделения исследований тифа и вирусов

С 28 февраля по 6 марта Оберштурмбаннфюреру, доктору Дингу приказано явиться в Париж для приобретения лабораторного оборудования для отделения исследований тифа и вирусов Веймар-Бухенвальд и института гигиены Ваффен-СС.

С 27 апреля по 1 мая Ещё одна служебная командировка в Париж с той же целью.

С 25 июня по 15 августа Больничный отпуск в Селлине на Рюгене.

27 августа Сопровождение с фирмой Цейсса в Йене, с уполномоченным университетской библиотеки.

4 сентября Инспекция деревни «Х» с главой института гигиены, штандартенфюрером СС, доцентом, доктором Мруговски, с главным врачом Ваффен-СС Веймар-Бухенвальда и с адъютантом коменданта концентрационного лагеря Бухенвальд.

8 сентября Ещё одна инспекция деревни «Х»

16 сентября Приобретение лабораторного оборудования в Йене, совещание с фирмой Цейсса о замене 2 микроскопов.

23 сентября Приобретение лабораторного оборудования в Эрфурте.

С 29 сентября по 4 октября Совещание в Берлине с главой института гигиены Ваффен-СС, штандартенфюрером СС, доцентом, доктором Мруговски.

13 октября Инспекция «Доры» и «Лауры» с комендантом концентрационного лагеря Бухенвальд.

21 октября Инспекция руководства подразделений Лейпциг Вернигероде, Шёнебек и «Доры» с комендантом лагеря.

С 25 октября по 15 ноября Служебная командировка с германским институтом гигиены восточных территорий в Риге и последующее совещание с фирмой Мадауса в Дрездене в присутствии обергруппенфюрера и генерала Ваффен-СС фон Войрша¹⁷¹.

Штурмбаннфюрер СС

Перевод документа НО-121
Экземпляр обвинения 293

Письмо Хаагена Хирту от 15 ноября 1942 об использовании заключенных в качестве подопытных для тестирования тифозной вакцины

15 ноября 1943

Секретно

Профессору, доктору Хирту
Анатомический институт университета
Страсбург

13-11-43 была проведена инспекция заключенных, которых подготовили для меня, чтобы установить их пригодность для тестов, которые были запланированы для тифозных вакцин. Из 100 заключенных отобранных в своём лагере, 18 умерло во время перевозки. Только 12 заключенных находятся в таком состоянии, что они могут быть использованы для экспериментов, сначала требуется

---

¹⁷¹ Удо фон Войрш (1895 — 1983), один из руководителей карательных органов Третьего Рейха, обергруппенфюрер СС (1 января 1935 года) и генерал полиции (15 апреля 1941 года).

восстановить их силу. Это займёт 1-2 месяца. Остальные заключенные находятся в таком состоянии, что их совсем нельзя использовать для этих целей.

Я могу отметить, что эксперименты необходимы для цели тестирования новой вакцины. Такие эксперименты приведут к полезным результатам, при том, что они будут проведены на нормально упитанных подопытных, чья физическая сила сравнима с солдатами. Поэтому, эксперименты с нынешней группой заключенных не могут дать полезных результатов, так как, в частности их крупная часть видимо находится под воздействием заболеваний, которые привели их к непригодности для экспериментов. Долгий период отдыха и хорошее питание не отменяют этот факт.

Таким образом, я прошу, чтобы вы направили мне 100 заключенных, в возрасте от 20 до 40 лет, которые являются здоровыми и которые настолько физически готовы, чтобы они представляли материал пригодный для сравнения.

Хайль Гитлер!

Штабсарцт, профессор, доктор О. Хааген

Перевод документа НО-122

Экземпляр обвинения 298

**Письмо, продиктованное Розе, адресованное Хаагену от 13 декабря 1943 о
подопытных для экспериментов с вакциной**

Профессор Розе, главный хирург

O.U., 13 декабря 1943.

Штабсарцт профессор Хааген

Институт гигиены университета

Страсбург, Эльзас, Адольф Куссмаульштрассе 3

Дорогой господин Хааген,

Премного благодарен за ваше письмо от 8 декабря. Я считаю, что не требуется вновь направлять запрос в главное управление СС, помимо запроса направленного вами. Я прошу о том, чтобы при получении лиц для вакцинации в вашем эксперименте, ваш запрос соответствовал количеству лиц для вакцинации вакциной Копенгаген. Это имеет преимущество, так как из экспериментов

Бухенвальда также видно, что тестирование разных вакцин одновременно явно показывает их ценность нежели тестирование только одной вакцины.

С наилучшими пожеланиями

Хайль Гитлер!

Ваш

(Продиктовано профессором Розе и подписано после его отбытия)

По приказу

[Подписано] Шварце
Рядовой (мед. служба)

Перевод документа НО-123
Экземпляр обвинения 303

**Письмо Хаагена Хирту от 9 марта 1944 об экспериментах с тифозной вакциной
и запрос подопытных**

9 мая 1944

Главное управление СС
через профессора, доктора Хирта
Анатомический институт университета Страсбурга

Настоящим прилагаю копию документа о наших экспериментах с сухой вакциной тифа. Документ был направлен главе медицинской службы Люфтваффе в виде рукописи, с просьбой о разрешении опубликовать его. Он включает отчёт о дальнейших экспериментах с тифозной вакциной, которая не была стерилизована путём химических веществ или нагрева. Как можно видеть из результатов, возможно производить вакцину, которая предусматривает не только антитоксичный иммунитет, но также чёткий антиинфекционный иммунитет, который имеет особую значимость. Однако, следует ясно указать на то, что за вакцинацией происходила достаточно долгая лихорадка и поэтому, её применение пока не рекомендуется. Дальнейшие тесты по изменению вакцины, проходят в настоящее время, для того, чтобы не теряя своей антигенной составляющей, она вызывала слабую реакцию не приводящую к общему недомоганию. Эти тесты будут проводиться путём снижения дозы или длительным хранением вакцины.

Для проведения этого исследования, вновь требуются подопытные. Таким образом, я вновь прошу предоставления мне подопытных для данной цели. С целью получения результатов, которые являются аккуратными и могут быть оценены

статистически, я прошу предоставления мне 200 лиц, для вакцинации. Я могу отметить, что они должны находиться в физическом состоянии похожем на военнослужащих вооруженных сил.

Весьма желательно, чтобы мне снова было позволено проводить эти эксперименты в лагере Нацвейлер.

Профессор, доктор О. Хааген

Перевод документа НО-139
Экземпляр обвинения 317

Письмо доктора Грюнске Хаагену от 7 марта 1944 об отчётах вирусных экспериментах жёлтой лихорадки по просьбе японского медицинского офицера

Высшее командование флота
Флоттенарцт доктор Грюнске

Берлин, 7 марта 1944
Ландграфенштр. 12
Тел: 24 8591 доб 241

Профессору, доктору Хаагену
Страсбург
Институт гигиены университета

Дорогой профессор:

В связи с моим письмом от 26 февраля и вашим междугородным звонком от 6 марта, я должен рекомендовать вам, чтобы японский оберштабсарцт связался с оберстарцтом, профессором, доктором Розе из медицинской службы Люфтваффе, и чтобы последний пообещал обеспечить ему из Страсбурга все отчёты о вирусных экспериментах с жёлтой лихорадкой, которые важны для него. Поэтому, оберстарцт, доктор Розе доведёт до вас дальнейшие подробности. Таким образом, я прошу о том, чтобы вопрос был рассмотрен в тесном сотрудничестве между нами.

С братским приветом

Хайль Гитлер!
С уважением
[Подписано] Доктор Грюнске
Флоттенарцт

Перевод документа Розе 16

Экземпляр защиты Розе 12

**Фрагменты из письменных показаний профессора Отто Ленца, директора
института Роберта Коха в Берлине**

.....

Профессор Розе не являлся «экспертом по тифу» в институте Роберта Коха, как и не работал здесь с тифом. Но он был начальником отделения тропической медицины и в этой должности, за исключением одной сферы исследований, (переноса бацилл дизентерии и тифа насекомыми) занимался исключительно тропическими заболеваниями и паразитами (насекомыми).

Экспертом института по тифу, был скорее профессор Хааген начальник отделения вирусов. После его отъезда, при назначении его начальником института гигиены университета Страсбурга, профессор Гильдмайстер, тогда президент института продолжил исследования тифа.

Таким образом, разные врачи, среди них доктор Динг, получали в отделении вирусов инструкции о тифе от профессора Хаагена, но не от профессора Розе.

В связи с уничтожением из-за воздушных налётов многих материалов института Роберта Коха, я уже не могу установить, был ли связан профессор Розе с решениями об экспериментах с тифом.

Однако, несколько человек которые тогда были начальниками отделений единодушно меня заверили в том, что такого не было.

.....

Наконец, ничего неизвестно о том, что профессор Розе имел возможность узнать об экспериментах с химиотерапией гехаймрата Локеманна (химиотерапия брюшного тифа отромином). Единственное исследование брюшного тифа проведенное в отделении Розе включало эксперименты о роли домашней мухи в переносе дизентерии вызванной бактерией и брюшного тифа.

.....

Перевод документа Розе 46

Экземпляр защиты Розе 20

**Фрагмент из заверенного заявления от 4 марта 1947 Я. Эрсков, д.м.н.,
директора государственного института сыворотки в Копенгагене.**

.....

В ответ на вопросы заданные нам о визите профессора Розе, я могу сказать следующее:

На 1: Профессор Розе при посещении института в конце сентября 1943, просил копенгагенский институт принять производство тифозной вакцины из р[иккетсии] Пр[овачека] для того, чтобы преодолеть нехватку тифозной вакцины? Да.

На 2: В этой просьбе по соответствующим причинам было отказано директором Эрсков? Да.

На 3: Р[озе] Затем посещал отделение доктора Ипсена?

Я не помню этого, но из экспериментальных протоколов доктора Ипсена видно, что профессор Розе действительно находился в лаборатории доктора Ипсена 24 сентября и возможно обсуждал с ним эти проблемы. К сожалению, сейчас доктор Ипсен находится в Америке с учебной поездкой и не вернётся до июня или июля. Однако, из наших протоколов видно, что если профессор Розе, когда-либо получал образцы нашей вакцины, это могло быть небольшое количество, и ни я, ни коллеги доктора Ипсена никогда не слышали о возможных эффектах нашей вакцины.

Через датский Красный крест мы направляли нашу вакцину датским и норвежским военнопленным, таким образом вакцина предоставлялась только датским или норвежским коллегам. Мы слышали от датских коллег о том, что эффект вакцины был хорошим.

Я могу добавить, что я благодарен профессору Розе, потому что он возможно помог предотвратить принуждение нашего института к производству тифозной вакцины. Совершенно непредсказуемо, какие опасности могли бы возникнуть если бы нас принудили заниматься производством вакцин.

[Подписано] Я. Эрсков

Директор государственного института сыворотки

Нот. К.Я. № 1974/47

Фрагменты допроса свидетеля Ойгена Когона обвинением

.....

Макхэни: Итак, пожалуйста, объясните трибуналу своими словами о том, какие именно эксперименты с тифом проводились.

Когон: От 40 до 60, иногда до 120 человек направлялись для серий экспериментов, одну треть из них отделяли, остальные две трети также вакцинировали защитными средствами или иным образом, если речь шла о химиотерапевтическом лечении. Люди которых защитили от тифа оставались в блоке 46 несколько недель перед тем как их инфицировали риккетсией Провачека, возбудителем тифа. Первый отбор, то есть, первая треть, также инфицировались ею. Она служила в качестве так называемых контрольных лиц, с помощью которых было возможно установить возникновение инфекции и то как она протекает, для того, чтобы такое течение можно было сравнить с теми кого вакцинировали, а затем инфицировали. Инфицирование осуществлялось различными способами. Тиф либо переносился свежей кровью введенной внутривенно или внутримышечно. В начале также царапали кожу или делали небольшой надрез на руке. На начальных этапах, два миллилитра свежей крови, инфицированной тифом использовали для заражения, если только инфекция не была однотипной с инфекционным раствором. Затем, обычно два миллилитра свежей крови содержащей тиф вводили в вены. Позднее эта дозировка была снижена до 1/20 1 миллилитра, потому что большое количество в 2 миллилитра могло повлиять на проведение вакцинации. Даже 1/20 миллилитра свежей крови содержащей тиф при введении в вены, обычно было достаточно для возникновения тифа очень высокой тяжести. С течением времени тифозные культуры используемые в Бухенвальде выращивались от человека к человеку и усиливали свою вирулентность, в результате чего было достаточно малейшего количества. Я предложил штурмбаннфюреру, доктору Дингу в 1944, чтобы с целью повышения научной ценности он снизил количество этих инъекций до минимума для того, чтобы можно было установить пороговое значение – другими словами, для того, чтобы искусственное инфицирование было похоже на обычное инфицирование от вшей. Он отверг это предложение, из-за того, что верил в то, что никаких убедительных доказательств о реальной силе нельзя получить при использовании защитного лечения. Третья категория подопытных предназначалась для хранения тифозных культур. Это были так называемые лица-переносчики, насчитывающие от трёх до пяти лиц в месяц. Их просто инфицировали для цели обеспечения постоянного поступления свежей крови содержащей тиф. Почти все эти лица умерли. Я не думаю, что преувеличу сказав, что 95 процентов таких случаев были смертельными.

Макхэни: Свидетель, вы говорите о том, что они умышленно заражали от трёх до пяти лиц в месяц тифом, просто для того, чтобы иметь живой вирус и доступную кровь?

Когон: Именно для этого.

Макхэни: Вы можете рассказать трибуналу приблизительно о том, сколько таких лиц умерло ради существования вируса?

Когон: Из так называемых лиц переносчиков, как я уже сказал, от трёх до пяти используемых в месяц, то есть, когда я работал на доктора Динга-Шулера – каждый месяц до конца концентрационного лагеря Бухенвальд. То есть, с апреля 1943 до марта 1945. Что касается предыдущего периода, мне лишь известно о том, что лица переносчики использовались, цифры мне неизвестны.

Макхэни: Итак, свидетель, подопытных также инфицировали вшами?

Когон: Насколько мне известно, только единственный эксперимент прошёл в Бухенвальде в котором обыкновенная инфекция тифа возбуждалась вшами. Инфицированных вшей доставили курьером из института ОКХ в Кракове и разместили в блоке 46. Их содержали в маленьких клетках которые прислоняли к бёдрам подопытных, и ряд лиц, не знаю сколько, были инфицированы. Некоторые из наших товарищей дали вшам сбежать в блок 46, но они их нашли и доложили капо о том, что инфицированные вши сбежали из ловушек. Капо Артур Дитч немедленно доложил об этом лагерному врачу, доктору Ховену, который замещал тогда доктора Динга-Шулера. Доктор Ховен по совету Дитча, приказал уничтожить заражённых вшей. Вторая партия из Кракова также была сожжена, потому что, было нежелательно, чтобы проводились эксперименты, которые представляли такую опасность для лагеря.

.....

Макхэни: Вы можете рассказать трибуналу страдали ли подопытные в какой-либо заметной степени во время тифозных экспериментов?

Когон: Нам следует провести строгую разграничительную линию между общим психологическим состоянием таких подопытных и физическим состоянием вызванным заболеванием. Каждый человек в лагере знал о том, что блок 46 является кошмарным местом. Мало кто из лагеря точно знал о том, что происходит в блоке 46. Кошмарный ужас охватывал всякого, кто как-либо был связан с этим блоком. Если людей отбирали и забирали в блок 46 через госпиталь, тогда они знали, что это гиблое дело. Безмолвный ужас, который сопутствовал этому блоку делал всё ещё хуже. Помимо этого, общеизвестно, что лагерный капо Артур Дитч установил

железную дисциплину в блоке 46. Высшим законом была плётка. Поэтому каждый, кто попадал в блок 46 как подопытный не только ожидал смерти, и в определенных обстоятельствах медленной и мучительной смерти, но также и пыток и полного лишения остатков личной свободы. В таком душевном состоянии подопытные ожидали в госпиталях неопределённый период времени. Они ждали днём и ночью, когда с ними, что-нибудь сделают; они не знали, что их ждёт, но они считали, что это будет смерть в ужасающем виде. Если их должны были вакцинировать, тогда случались самые ужасающие сцены, потому что пациенты боялись, что инъекции будут смертельными. Капо Артуру Дитчу приходилось восстанавливать порядок железной дисциплиной. Спустя некоторое время, после заражения появлялось заболевание, появлялись обычные симптомы тифа, который как известно, является одним из наиболее серьёзных заболеваний. Инфекция, как я уже описал вам, стала насколько сильной за последние два с половиной года, что тиф проявлялся в самой ужасной форме. Были случаи помешательства, бреда, люди отказывались есть, и большой процент из них умирал. Те у кого проявилась мягкая форма, вероятно из-за того, что их комплекция была сильнее или из-за эффекта вакцины, вынуждены были наблюдать за борьбой со смертью остальных. И все это происходило в атмосфере которую вряд ли можно представить. То, что должно произойти с людьми которые перенесли тиф, было тем, чего они не знали в период выздоровления. Останутся ли они в блоке 46 для других целей? Будут ли их использовать как ассистентов? Убьют ли их как живых свидетелей экспериментов на людях? Всего этого они не знали и всё это ухудшало условия этих экспериментов.

Фрагменты допроса подсудимого Розе обвинением

.....

Макхэни: Когда вы впервые узнали о том, что Хааген проводил эксперименты на заключенных концентрационных лагерей?

Розе: То, что Хааген проводил эксперименты на заключенных концентрационных лагерей? Я не верю в это даже сейчас, но я знал о том, что он проводил вакцинации в концентрационных лагерях. Я не могу вспомнить, когда я впервые узнал об этом – возможно в 1943.

Макхэни: Что же, вы помните письмо в декабре 1943?

Розе: Я точно должен был знать о нём тогда, потому что я ссылаюсь на него.

Макхэни: Что же, вы знаете об этом подлом случае, когда у Хаагена умерло 18 человек направленных ему?

Розе: Я никогда не знал об этом тогда. Я узнал об этом из материалов. Я никогда не знал о том, что заключенных для вакцинации отбирали именно в концентрационных лагерях.

Макхэни: Чтобы вы сделали, узнай вы об этом? Вам бы стало ясно из этого, что в концентрационных лагерях не всё настолько хорошо, или может о том, что в таких экспериментах не предоставляется надлежащего ухода?

Розе: Если бы я узнал об этом, я бы вероятно отреагировал именно так, как Хааген. Документы написанные им в ведомство СС подтверждают, что нельзя проводить эксперименты с каким-либо итогом на таких несчастных людях. Протоколы документов есть здесь. Если бы я узнал об этом, я бы отреагировал именно таким же способом, возможно более жёстко.

Макхэни: Что же, надеюсь это было бы так.

Розе: Я прошу прощения. Я вас не понял.

Макхэни: Я надеюсь на то, что вы бы отреагировали более жёстко чем сделал Хааген.

Розе: Это возможно. У нас разный темперамент.

Макхэни: Вы вспоминаете показания госпожи Айер о том, что Хааген направлял отчёты каждые три месяца медицинскому инспектору Люфтваффе. Вы согласны с этими показаниями?

Розе: Я слышал эти показания. Вчера в своём допросе защитой я это прокомментировал. Если бы Хааген докладывал каждые три месяца, я бы это не забыл. У меня было много забот во время войны, но такие примеры точно бы оставили след в моей памяти. Совершенно не обсуждается, что медицинская инспекция получала отчёты от Хаагена каждые 3 месяца. Я сказал вчера о том, что я считаю показания госпожи Айер довольно достоверными, потому что в виду ряда ведомств с которыми был связан Хааген, и от которых он получал отчёты, было настолько много отчётов и справок, что удивительно то, что госпожа Айер не сказала о том, что она должна была писать отчёт каждый месяц. Я объяснил с помощью документов, какие обязательства видны из них. Вы возможно пока не читали протокол, но вскоре протокол будет готов и вы это увидите. Я не думаю, что есть смысл затягивать этим слушания.

Макхэни: И вы уверены в том, что Хааген никогда не предлагал вам, чтобы он проводил эксперименты по инфицированию тифом после вакцинации?

Розе: Это мне неизвестно.

Макхэни: Посмотрим на документ НО-1059. Он отмечен как экземпляр обвинения 409 для идентификации. Итак, пожалуйста прочитайте это письмо как можно громче.

Теперь, пожалуйста, прочитайте это письмо громко и отчётливо?

Розе: Наверное я могу увидеть фотокопию.

Макхэни: Пожалуйста, вы прочитаете вслух?

Розе: (*Читает*)

«29 ноября 1943 – зарегистрировано
 «Оберстарцту, профессору, доктору Розе
 «Инспекция медицинской службы Люфтваффе
 «Заалов (почтовое отделение Цоссенланд)
 «Дорогой господин Розе:

Настоящим направляю вам отчёт о наших экспериментах с дегидрированной вакциной тифа о котором я обещал несколько дней назад. Так как я намерен опубликовать эти результаты, я уже составил отчёт в рукописном виде. После его публикации, я попрошу его представления компетентным властям для одобрения публикации в «Zentralblatt für Bakteriologie¹⁷²».

«Сотня лиц из местного концентрационного лагеря была передана в моё распоряжение для иммунизации и последующего инфицирования. К сожалению, эти люди находились в настолько плохом физическом состоянии, что восемнадцать из них умерли уже во время перевозки; остальные также находились в настолько плохом физическом состоянии, что их нельзя было использовать для вакцинации. Между тем, я запросил 100 дополнительных лиц у главного управления СС, которые бы, однако находились в нормальном физическом состоянии, для того, чтобы эксперименты можно было проводить на материале хотя бы отчасти похожем на состояние наших солдат.

В настоящее время, мы заняты эпидемической культурой в форме вируса, который мы получили от Жиро. Кажется это очень хорошая культура.

С наилучшими пожеланиями,

Хайль Гитлер!

Ваш –

Приложение: один отчёт

И подписи нет

¹⁷² «Центральный журнал бактериологии» (нем.)

Этот вопрос я обсуждал вчера. Планом Хаагена было тестирование реакций на вакцинацию его живой и вирулентной вакциной путём превакцинации мёртвой вакциной для ослабления реакции. Это о том же.

Макхэни: Я думал вы говорили несколько минут назад, о том, что вам неизвестен инцидент, в котором восемнадцать заключенных предоставленных Хаагену умерли во время перевозки.

Розе: Да это правда. Так я сказал. Я забыл о нём. Я думал, что я узнал об этом из материалов дела. Если бы я запомнил его, я бы конечно не стал себя подставлять отрицая это. Но теперь я увидел письмо. Очевидно это копия. Я должен полагать, что 29 ноября 1943 почта ещё работала нормально, и что я получил письмо, так как упоминался отчёт с которым я должен был работать. Это видимо один из документов Хаагена о его сухой вакцине, на котором основывались мои сведения и отчёт о которой я могу привести здесь об экспериментах Хаагена. Эти сведения поступили ко мне из бумаг которые он хотел опубликовать.

Макхэни: Кажется, что несмотря на ваш резкий характер ваша реакция была не большей чем у Хаагена, не так ли?

Розе: Так как я не занимался вопросом, так как это было между Хаагеном и концентрационным лагерем, в этом случае реакции не было. Если бы кто-либо сказал мне о том, что он непосредственно столкнулся с притеснениями, тогда у меня не было бы причины вмешиваться, так как это разрешалось между заинтересованными лицами. Я не имел никакого отношения к концентрационным лагерям. Я не проводил там никаких вакцинаций.

Макхэни: И вы настаиваете на том, что слова «сотня лиц из местного концентрационного лагеря была предоставлена мне для иммунизации и последующего инфицирования» не означает последующее заражение, а последующую иммунизацию?

Розе: Живой и вирулентной вакциной, да.

Макхэни: Что же, так точнее называть это, не так ли?

Розе: Это переписка между экспертами, и они знали о чём идет речь.

Макхэни: Вы сами говорите о том, что и сейчас не знаете о том, что делал Хааген, хотя вы находились там в середине 1943 и добились его призыва в Люфтваффе, и вы знали о том, что он оставался в лаборатории и знали о том, что он собирается работать с тифозными вакцинами, но вы сидя здесь говорите о том, что не знали точно, что он делал.

Розе: Да. Это правда. У меня были значительные сведения о работе Хаагена и у меня были сильные затруднения в их обобщении; но, конечно, я не могу дать вам полной

информации, просто потому, что все эти эксперименты не проводились под моим руководством и надзором.

Макхэни: Господин профессор, впервые вопрос последующего заражения возник в письме датированном 1944 и вы провели большую часть дня над присвоением «последующему заражению» совершенно иного значения – то есть просто последующей вакцинации, после того как человека уже вакцинировали мёртвой вакциной. Итак, если бы вам сказали 29 ноября 1943 о том, что собираются проводить эксперименты по иммунизации и последующему заражению, вы бы точно фактически знали о том, что он делает, и вы бы не оспаривали это давая показания как делали вчера. Эти слова совершенно доступны для понимания того, что они значат на самом деле.

Розе: На данном этапе своих экспериментов Хааген ещё не полностью разработал вакцину. Он работал исключительно с проблемой ослабления реакции к этой живой вирулентной вакцине. Этой проблемой он занимался с конца 1943 и в начале 1944. Он искал разные способы достижения этой цели.

Макхэни: Что означает последний абзац, где он говорит: «В настоящее время, мы сконцентрированы на эпидемической культуре в форме вируса, который мы получили из Жиро»?

Розе: Это означает, что до тех пор он работал с мышинным штаммом и что теперь он хотел использовать для разработки сухой вакцины штамм рикетсии Провачека.

Макхэни: Что же, я теперь хочу вновь указать вам на то, что у меня есть значительная трудность в придании слову «заражение» смысла вакцинации.

Розе: Да. Я признаю, что многие из этих документов написаны запутывающим образом, но мне кажется, что я вполне адекватно знаю весь вопрос, чтобы понимать в чём суть. Вакцина не была достаточно разработанной для использования при вакцинации без реакции и для определения её эффекта. Были сильные лихорадочные реакции и проблемой было то как избежать лихорадочной реакции.

Макхэни: Что же, почему бы не назвать это заражением?

Розе: По биологическому состоянию это похоже. Инъекция живой, вирулентной вакцины, с биологической точки зрения, является заражением. Это выражение используется довольно часто, но такое заражение можно полностью контролировать.

Макхэни: И после получения этого письма, вы затем написали ему 13-го декабря – и это документ НО-122, экземпляр 298 – вы направили ему вакцину «Копенгаген», не так ли, и попросили его протестировать её в своих экспериментах на заключенных концентрационного лагеря, не так ли, также как делают в Бухенвальде, как вы это сказали?

Розе: Я прощу прощения?

Макхэни: Вы направили ему вакцину «Копенгаген» после получения письма от 29 ноября и попросили его протестировать её на заключенных концентрационного лагеря.

Розе: Когда проходили дискуссия о вакцине «Копенгаген» Хааген особо этим заинтересовался, потому что это была мышьяная вакцина; и поскольку он пока не мог контролировать реакцию лихорадки в мышьяной вакцине – он добился этого лишь в начале 1944 хранением вакцины длительное время – он уже не интересовался этой вакциной «Копенгаген». Но в конце 1943, когда у него возникли такие же сложности как у Бланка с реакциями на живую мышьяную вакцину, он сильно заинтересовался в вакцине «Копенгаген». Это была единственная мышьяная вакцина доступная тогда в Европе.

Макхэни: Вы направили ему письмо, попросив его протестировать её, как делалось в экспериментальных сериях в Бухенвальде, не так ли?

Розе: Я этого не помню.

Макхэни: Что же, вы помните упоминание Бухенвальда Хаагену в вашем письме от 13 декабря 1943?

Розе: О, вот вы о чём. Да, я указал на это как на параллель, потому, что несколько вакцин тестировались в Бухенвальде на их эффективность против заражения, и Хааген в Страсбурге хотел протестировать различные вакцины на эффект их реакции.

Макхэни: Вы направляли эту вакцину «Копенгаген» в Бухенвальд для тестирования?

Розе: Нет.

.....

Макхэни: Господин профессор, Мруговски когда-либо просил вас предоставлять ему вакцины для использования в экспериментах с тифом?

Розе: Нет.

Макхэни: Вы, когда-либо обсуждали с подсудимым Мруговски вопрос о том, что вши могут заразиться от вакцинированного тифом пациента?

Розе: Это возможно. Данный вопрос играл важную роль во время дискуссии о вакцинах и об их эффективности. У нас имелись старые польские наблюдения в плане того, что если вакцинированное лицо заразилось тифом несмотря на вакцинацию, такое лицо не могло потом быть переносчиком заболевания. Это

совершенно возможно, поскольку этот вопрос имел такую большую важность, что нечто вроде этого обсуждалось Мруговски и мной. Мы много говорили об этом.

Макхэни: Вы когда-либо вели с Мруговски переговоры о тестировании вакцин в Бухенвальде?

Розе: Нет.

Макхэни: Давайте посмотрим на документ НО-1754.

(Документ представлен свидетелю)

Макхэни: Я прошу, чтобы документ НО-1754 был отмечен как экземпляр обвинения 491 для идентификации.

(Продолжая) Господин профессор, вы читаете документ вслух?

Розе:

Институт гигиены Ваффен-СС; журнал № 795/42

«Берлин 3 15, Кнезебекштрассе 43/44; 16 мая 1942

Оберфельдцарту, профессору, доктору Розе; Берлин СЗ, Форерштрассе 2.

«Институт Роберта Коха»

«Дорогой профессор:

«Главный врач СС и полиции согласовал проведение экспериментов для тестирования тифозных вакцин. Поэтому я запрашиваю вас о возможности получения мною этих вакцин.

«Другой вопрос который вы подняли, о том может ли вошь быть заражена от тифозного пациента вакцинированного для защиты, также следует рассмотреть. В принципе, это также подтвердилось. Однако, для практического исполнения есть некоторые трудности в настоящее время, так как у нас нет возможностей для разведения вшей».

«Ваше предложение об использовании Ольши направлено в кадровый отдел медицинского управления СС. Оно будет рассмотрено надлежащим образом.

С любезным приветом и

Хайль Гитлер!

Ваш

Доктор Мруговски, оберштурмбаннфюрер СС

Есть сноска, и я цитирую:

«По телефонной просьбе, доктор Мруговски попросил позвонить ему по телефону после возвращению доктора Розе.

Доктор Мруговски не будет в Берлине в июне. Его заместитель доктор Динг, проинформирован. 20 мая 1942.

Это письмо показывает, что доктор Мруговски однажды проинформировал меня о том, что главный врач СС и полиции согласился на тестирование тифозных вакцин. Затем он попросил меня направить ему вакцины. Я не помню о каких вакцинах он говорил.

Затем обсуждался вопрос о заражении вшей тифозными пациентами вакцинированными для защиты.

Я признавал, что существовала возможность, и сказал, что данный вопрос одно время обсуждался со мной.

Последний абзац говорит о том, что один из моих помощников был призван в Ваффен-СС и что я пытался использовать его в гигиенической службе.

Макхэни: Господин профессор, давайте сначала перейдём к сноске. Что значат инициалы «Б.Л.» в конце сноски? Это не госпожа Блок?

Розе: Да, это была госпожа Блок, да.

Макхэни: И госпожа Блок была на связи с доктором Мруговски. Она пометила, что доктор Динг, которого как я полагаю считают доктором Дингом, проинформирован. В виду этой пометки мы вполне можем опровергнуть показания вашей свидетельницы госпожи Блок трибуналу, не так ли? Она свидетельствовала о том, что у вас не было никакой переписки с Мруговски, не так ли?

Розе: Она говорила о том, что не может вспомнить какую-либо переписку с Мруговски, но вы увидите из моих документов, которые у вас есть, что такой переписки было очень мало, и совершенно понятно, если она не запомнила подробности. То, что вам доступны эти документы является результатом моего прямого приказа. Я приказал о том, чтобы в моём институте в Пфаффенроде не уничтожалось никаких документов. Есть письменный документ показывающий, что я отдал такой приказ.

Макхэни: Господин профессор, это письмо является ответом на то, которое вы написали Мруговски, не так ли?

Розе: Возможно.

Макхэни: И в письме которое вы написали Мруговски вы просили его протестировать бухарестские вакцины в Бухенвальде, не так ли?

Розе: Я ранее вам подробно рассказывал о том, что я не помню этого предмета о бухарестской вакцине. Если у вас есть письмо по данному вопросу, оно конечно, позволит освежить мою память по данному предмету.

Макхэни: Господин профессор, я думаю это письмо освежит вашу память, в частности в виду дневника Динга, который имеет запись следующую за датой на

письме, в которой Динг проводил свои эксперименты с бухарестской вакциной помимо прочих и сказал в дневнике, что вакцина была получена от вас; и Мруговски в этом письме просил вас направить ему вакцины которые вы упоминали в своём предыдущем письме. В этом действительно нет сомнения, не так ли профессор?

Розе: Возможно так это выглядит.

Макхэни: И этот человек Ольша упоминаемый в письме? Он был помощником в Бухенвальде?

Розе: Его должны были использовать в гигиенической службе. Так как он особо занимался вопросами энтомологии, я попросил, чтобы он там работал с этими вопросами.

Макхэни: Вы также получили отчёт Динга, об экспериментах с бухарестской вакциной, не так ли, профессор?

Розе: Я не могу это вспомнить, и я уже говорил вам, что получи я такой отчёт, я был сделал о нём вывод; и поскольку я этого не сделал, я думаю сомнительно, чтобы я получал такой отчёт.

Макхэни: Доктор, в виду письма вы хотите вернуться назад и изменить свои показания о копенгагенской вакцине? Разве не вы предложили эти эксперименты и разве не вы доставили копенгагенскую вакцину в Бухенвальд?

Розе: Нет. Я такого не делал.

Макхэни: Что же, в таком случае я попрошу передать вам документ НО-1186, и он будет отмечен как экземпляр обвинения 492 для идентификации. Пожалуйста, вы прочтёте его вслух?

Розе:

«Оберстарцт, профессор Розе

О.У., 2 декабря 1943

Штандартенфюреру, доктору Мруговски

Главе института гигиены Ваффен-СС

Берлин-Зелендорф 6

Шпанише аллее 10

«Дорогой господин Мруговски:

В настоящее время в моём распоряжении имеются образцы новой тифозной мышинной вакцины, которая была изготовлена из мышинной печени и зарекомендовала себя в экспериментах на животных как количественно в тысячи раз эффективнее чем вакцина производимая из лёгких мышей. С целью установления того следует ли использовать эту первую мышинную вакцину для защитной вакцинации людей против тифозных вшей, было бы желательно понять, покажет ли данная

вакцина в вашем и Динга учреждении в Бухенвальде эффект похожий на классические вирусные вакцины. Вы могли бы провести такой эксперимент? К сожалению, я не смог до вас дозвониться. Учитывая медленную почтовую переписку я буду благодарен ответу по телефону. Мои номера, идущие по одному коммутатору: Берлин, 278313; Берлин скоростная станция 90, Цоссен 559; станция Люфтваффе 72, там спросить МАР, ин. Л. 14.

С любезным приветом

Хайль Гитлер!

Ваш

Розе

Подпись которую вы видите на фотокопии, является моей подписью. Это письмо показывает, что я также информировал Мруговски о копенгагенской вакцине, чего я не помнил до сих пор.

Макхэни: И вы просили его протестировать вакцину в Бухенвальде, не так ли?

Розе: Здесь рассматривался вопрос о возможности тестирования вакцины в Бухенвальде.

Макхэни: Вы видите имя «Динг» написанное внизу письма?

Розе: Да, оно внизу страницы.

Макхэни: И оказывается, что показания Когона были очень точными, не так ли, потому что у Динга была копия этого письма, не так ли?

Розе: Да. Высказывания Динга относились не только к моему меморандуму, но также и к переписке меня и Мруговски. Видимо затем его направили главному врачу СС.

Макхэни: Дата письма 2 декабря 1943 или 12 февраля 1943 – и я обращаю ваше внимание на регистрационный штамп на письме от 21 февраля 1944?

Розе: Разницу в двух датах можно объяснить тем фактом, что значительное время прошло между отправкой мной письма и тем, когда оно дошло до Динга. В течение этого времени компетентное ведомство занималось вопросом одобрения и проведения экспериментов на людях.

Макхэни: Значит вы утверждаете, что 2 декабря 1943 является правильной датой в письме?

Розе: Конечно. Это точная дата.

Макхэни: На основании двух писем представленных вам, вы согласны с тем, что дневник Динга точен в том, что в нём говорится, не так ли?

Розе: Нет, такого вывода сделать нельзя. Приказ о проведении экспериментов в Бухенвальде не мог приниматься мною.

Макхэни: Это очень ясно –

Розе: То, что вакцины запрашивались у меня очевидно из одного письма. Я не помню его и не вспомнил до сей поры, но согласно этому письму можно считать факт подтвержденным. Тогда также становится, очевидно, что в таком случае я обращал внимание господина Мруговски на эту вакцину, и что я упоминал дискуссию касавшуюся экспериментов на людях с этими вакцинами.

.....

Макхэни: Профессор, 6 лиц умерли в результате экспериментов с копенгагенской вакциной, не так ли?

Розе: Да. Это были 6 лиц предоставленных управлением криминальной полиции Рейха через обычные каналы после их отбора компетентными ведомствами.

.....

Фрагмент допроса подсудимого Мруговски защитой

.....

Флеминг: Пожалуйста, вы сделаете необходимые выводы из того, что мы обнаружили в дневнике Динга?

Мруговски: Различные ошибочные записи в этом документе и факты, которые обнаружили эксперты-графологи подтверждают, что этот документ не является дневником в котором записи вносились время от времени. Скорее там есть длительные периоды времени которые пропали, иногда периоды в более чем год до сделанных записей. Мне кажется, страницы с 1 по 3, были написаны в одно время, и также последующие страницы. В документе 27 страниц, которые записывались только по нескольким поводам. Об этом показывал эксперт-графолог. Этим объясняются различные расхождения между записями и подлинными фактами; например, упоминание института Роберта Коха институтом Рейха, при том, что такого не было. Показания свидетеля обвинения, Балаховски, подтверждают эти письменные показания.

Флеминг: Эти письменные показания являются документом НО-484, экземпляр обвинения 291. Балаховски сказал в пункте 29: «Этот материал содержит пометки

которые были скопированы в дневник незадолго до краха, приводящие количество страниц и количество экспериментов». Итак, пожалуйста продолжайте.

Мруговски: Этими словами Балаховски подтверждает факт, что данный дневник, а именно, дневник блока 46, был составлен незадолго до краха, видимо за несколько дней, соответственно разными печатными машинками. Теперь, о том, почему он сделал это, я могу лишь догадываться – я не знаю. То, что была некая причина сделать записи в таком виде это очевидно.

Флеминг: Для объяснения того почему Динг написал этот дневник о блоке 46 позвольте мне напомнить вам показания Когона, а именно то, что после 1943 Динг был уверен в том, что война проиграна.

Мруговски: Да. Это правда. Во время своих показаний Когон часто заявлял о том, что начиная с 1943, Динг предпринимал усилия прикрыть себя. Он также говорил о том, что с этого времени, устных задач которые он получал было недостаточно, но он настаивал на получении письменных приказов. Тогда ещё более заметно то, что так называемый дневник, этот НО-265, очень часто говорит о том, кто инициировал различные линии экспериментирования. И если я правильно помню, не разу не говорит о том, кто их приказал.

Флеминг: Тогда содержание дневника отвечает обычным требованиям к дневнику учёного?

Мруговски: Дневник учёного имеет задачу изложения точного хода проводимой работы. Соответственно, следует излагать все усилия относительно инициативы и хода экспериментов. Это совершенно привычно во всех институтах, потому что последующая оценка экспериментов основывается на записях в дневнике научного института. Однако в этом документе НО-265, который предположительно является таким дневником блока 46, в нём нет ни одной записи относительно действительного хода экспериментов; нет даже результатов экспериментов которые должны были в нём приводится. Это даже нельзя назвать дневником. Доктор Когон думал о том, что количество смертельных случаев которые приводятся довольно точно, являлись результатом, конечно печальным результатом, этих экспериментов. То, что эти события являются печальными, вряд ли можно оспаривать, но ложность в том, что если кто-либо обратиться к основе такого результата, цель этого будет совершенно иной. Реальный экспериментальный результат можно видеть в следующем: в качестве последствия защитной вакцинации, что случилось во время повторного заболевания, во-первых, при длительном инкубационном периоде, а именно, в том периоде времени между собственно заражением и первым проявлением заболевания. Во-вторых, период лихорадки сокращался, в то время как период лихорадки при тифе длится 17 дней. Эта защитная вакцинация снижала её до

12, 10 и даже 6 дней в зависимости от силы защитной вакцины. В то же время, снижалась пиковая температура. Другими словами, симптомы связываемые с лихорадкой, которые влияют на кровообращение и сердце, также как и влияющие на центральную нервную систему, проявлялись меньше или полностью отсутствовали после защитной вакцинации. Есть другие небольшие клинические указания, в которых доктор сразу узнает результат защитной вакцины, и следует сказать, что в результате менее серьезных клинических проявлений, количество смертей от тифа меньше. Это не прямое, а косвенное последствие вакцинации. Поэтому, когда Динг утверждает в этом блоковом дневнике, блока 46 о том, что наиболее важным результатом экспериментов было количество смертельных случаев, тогда любой доктор признает это ошибочным и вырванным заявлением, при том, что даже оно и было сделано таким надёжным доктором как Динг, оно совершенно не вызывает доверия.

Флеминг: Теперь я показываю вам Мруговски 9 и я приобщаю его как экземпляр Мруговски 23. Это фотокопия бумаги доктора Динга о защитном действии различных вакцин на людей и течение тифа после иммунизации. Я не желаю зачитывать документ, а просто желаю довести его до сведения трибунала. Вы хотите сделать какое-либо заявление о том неадекватном виде в котором был выполнен дневник? Вы хотите сказать о том, что возможно Динг не мог проводить такую работу?

Мруговски: В этой бумаге 13 страниц. Первое, это манера восприимчивости пациентов к вакцине, затем отдельные пункты которые я только, что упоминал, такие как последствия защитной вакцинации. Представленные таблицы приводят статистику в этих вопросах. Есть восемь таблиц приводящих графики результатов; и в самом низу на предпоследней странице, в предпоследнем абзаце, есть три строки, которые говорят о том, что смертельные случаи у вакцинированных были лихорадкой нежели у тех кого не вакцинировали. Обо всём этом говорится в итоге – есть заключительный итог. Это также указывает на то, что он был полностью пригоден к проведению научной работы. Я хочу отметить, что вверху бумаги упоминается то, что работа проводилась в моём институте в Берлине. Я скажу, о том, что это является указанием на то, что я подчёркивал, что эти вопросы не являлись секретными или же тем, что эти экспериментальные результаты полученные на самом дорогом материале, а именно людях, следовало довести до сведения всех кто был в них заинтересован.

Флеминг: Обвинение также вменяет вам тот, факт, что Динг заражал лиц в Бухенвальде, которые ранее не получали защитную вакцину. Вы хотите сделать заявление об этом предмете?

Мруговски: Следующие случаи возникают на основе записей дневника Динга. Прежде всего, есть так называемые «предварительные эксперименты». В документе НО-265, упоминались четыре таких подготовительных эксперимента на невакцинированных лицах. Они проводились для установления метода возможности искусственного заражения тифом человека. Я всегда считал, что дилетант который никогда не занимался такими вопросами полагает само собой разумеющимся, что всегда возможно заразить человека болезнью. Однако, такого не бывает. Даже в случае такого токсичного материала как тифозная бактерия, успешное заражение может не произойти если оно направлено напрямую в кровоток. При выборе другого способа, обычно невозможно добиться заражения такой болезнью. Соответственно, когда такие эксперименты проводятся на людях – и эту точку зрения которую я выражаю безотносительно к своей персоне – тогда от таких предварительных экспериментов нельзя было отказываться. Второй случай это так называемые «контролируемые болезни».

Флеминг: Вам было, что-либо известно об этих предварительных экспериментах?

Мруговски: Нет. Я узнал о них только из дневника.

Флеминг: Динг говорит в своём дневнике за 20-е февраля 1942: «Истории болезни и графики предварительных экспериментов направлены в Берлин» Вы получали этот отчёт?

Мруговски: Нет. Как и не верю в то, что Динг направлял его мне, потому что он не подчинялся мне в этих экспериментах и кажется, поэтому, более вероятно то, что он направлял их Гравицу. Я во всяком случае не видел их.

Флеминг: Как это согласуется с вашим письмом от 5 мая 1942 Конти и другие, которые я приобщил в качестве доказательств этим утром как Мруговски 10, экземпляр Мруговски 20?

Мруговски: Это письмо подтверждает, то о чём я только, что свидетельствовал, потому что отчёт о данной серии экспериментов был направлен Гравицу и я получил отчёт Динга Гравицу от самого Гравица с приказом переписать его в подходящей форме, потому как Гравиц не желал того, чтобы посторонние могли понять, без каких-либо затруднений для себя о том, что действительно проводятся эксперименты по искусственному заражению людей. Он знал, что в некоторой степени, я владел стилем который он использовал в официальной переписке, в то время как он не знал умеет это Динг или нет. Соответственно, он поручил мне взять изначальный отчёт Динга и переработать его в подходящей форме для того, чтобы провести переписку с фирмой производителем. Я сделал это, и в результате появился этот документ датированный 5 мая 1942.

Флеминг: Ваш бланк здесь «Главный врач СС и полиции, главный гигиенист». Другими словами, это один из случаев, когда Гравиц использовал вас, когда вы относились к медицинскому штату Ваффен-СС?

Мруговски: Да.

Флеминг: Почему Гравиц сам не перефразировал письмо?

Мруговски: Этому могло быть две причины. Во-первых, Гравиц не являлся гигиенистом, а терапевтом и так как письмо должно было быть направлено специалистам, а именно, тем людям которые производили вакцины, он хотел убедиться в том, что письмо содержит всё, что им необходимо, и с другой стороны, не более того, чем им необходимо знать; во-вторых, это полностью соответствует его обычной манере работы, а именно, позволять своим сотрудникам писать письма которые касались их особой сферы работы и по этой причине, он поручил мне составить письмо.

Флеминг: По этому поводу вы не выражали прямых возражений Гравицу по поводу экспериментов на людях?

Мруговски: Я не сделал этого, потому что серии экспериментов завершились и потому что я знал о том, что они проводятся по особым приказам Гиммлера. Это были первые серии экспериментов, которые когда-либо проводились и это было причиной моей самой жёсткой стычки с Гравицем тогда. Я полагал, что эта работа была уже завершена и у меня не было причины заявлять дальнейших возражений.

Флеминг: Вакцина предприятия Беринг присутствовали на экспериментальных стадиях, когда доктор Динг использовал её в своих экспериментах?

Мруговски: Нет; эти вакцины уже были протестированы на заводе на переносимость людьми. Все такие приготовления предприятия Беринг были проведены в их лабораториях перед тем как выпускать их в мир.

Флеминг: Я представляю трибуналу Мруговски 44, и приобщаю его в качестве экземпляра Мруговски 24. Это письменные показания доктора Демница, управляющего предприятием Беринг, относительно способа того как разрабатывались вакцины на предприятии Беринг и о том как они тестировались в самом учреждении. На четвёртой странице они говорят:

«Конечно, предприятие Беринг также проводило тесты для установления совместимости вакцин с людьми для (а) необходимости вакцинации тех людей которые работали в тифозных лабораториях для защиты их от тифа; (б) было необходимо защищать людей работавших с экспериментальными животными; (в) сам нижеподписавшийся был вакцинирован от тифа по нескольким поводам вакцинами предприятия Беринг. Эти вакцинации повторялись время от времени. Это касалось как

немецких так и русских ассистентов. Приблизительно от 20 до 25 лиц работали в нашем отделении тифа».

И пункт 6: «Эксперименты на животных Отто подтверждают: (а) безвредность и (б) эффективность или недостаточную эффективность».

Ранее говорилось: «вопрос о том продемонстрировали ли животные положительную реакцию является неопределённым». Оно говорит также, что эксперименты на животных проводились на предприятиях Беринг. Я представляю данный документ для подтверждения того, что они не являлись вакцинами не тестированными ранее, а вакцинами, которые ранее прошли необходимое предварительное и эффективное тестирование. Вы помните показания Когона о том, что добровольцев использовали в первых двух сериях экспериментов? Эти показания находятся на странице 1162 английской расшифровки и на странице 1197 немецкой расшифровки. Если мы основываем свои предположения на дневнике Динга, какими были две серии экспериментов для которых должны были использовать добровольцев?

Мруговски: Если мы основываем наши заявления на дневник Динга, мы можем считать, что этими двумя сериями, прежде всего являлись предварительная серия А которая началась 5 января и первая серия экспериментов по вакцинации с 145 лицами, которых касалось письмо от 5 мая 1942. (Мруговски 10, экз. Мруговски 20). Эти серии начались на следующий день, а именно, 6 января 1942. Любые другие эксперименты проходили позднее. Таким образом, когда Когон говорит о том, что две серии экспериментов проводились с добровольцами, это могло быть только этими двумя сериями экспериментов.

Флеминг: Эксперименты, которых касалось письмо от 5 мая проводились на добровольцах?

Мруговски: Видимо на них.

Флеминг: Вы можете вспомнить сообщение от 11 апреля 1943 в отношении того, что сыворотка Мательска больше не может использоваться для экспериментов?

Мруговски: Нет, я не помню этого и считаю, что не обсуждается то, что я когда-либо получал такое сообщение. Во всей бактериологии, в частности в вирусологии, столетиями предпринимались усилия выведения живых бактерий, которые не являются патогенными, с целью использования живых бактерий для производства вакцины, а именно, вакцин с живыми ослабленными штаммами, потому что это полностью защищало от заболевания.

Флеминг: Другими словами, вы хотите сказать, что если бы вы получили это сообщение, вы бы смотрели на это как на проведение дальнейших экспериментов с этой сывороткой которая больше не являлась вирулентной?

Мруговски: Я бы не хотел представлять это таким образом, но я точно бы связался с лицом из института разработавшего этот штамм, а это был институт Роберта Коха, профессор Гильдмайстер. Однако, я никогда не говорил с ним об этом предмете, и я хочу верить в то, что он ничего не знал о данном предмете, потому что Гильдмайстер был один из лучших вирусологов и был бы хорошо знаком с ценностью такой уникальной возможности.

Флеминг: Вы видели отчёты о сериях экспериментов В и Г по открытию метода безопасного заражения, которые как говорится проводились 11-го и 13-го апреля?

Мруговски: Нет, я узнал о них лишь просмотрев документ, и я также увидел, что Динг не утверждает о том, что он направил отчёт об этом в Берлин.

Флеминг: О каких дальнейших сериях экспериментов с тифом вы тогда видели отчёты?

Мруговски: В дневнике блока 46, документе НО-265, Динг говорит лишь о том, что в случае нескольких экспериментальных серий он направлял отчёты в Берлин, а именно новых экспериментальных сериях, сериях I, II, VII и VIII. Я видел отчёт о сериях, получив его от Гравица и как я ранее говорил, я перефразировал его в иной форме, и так возник представленный здесь документ. Серия II проводилась с вакциной Дюранда-Жиро из парижского института. Это была вакцина, которую мы планировали производить в нашем институте. Я никак не могу вспомнить, чтобы видел этот отчёт, но возможно, что меня проинформировал об этом Гравиц, потому что я помню о том, что Гравиц однажды сказал мне о том, что он убеждён в эффективности этой вакцины и не имеет возражений моему предложению о том, чтобы мы производили вакцину путём этого процесса. Иммунизация в ходе этих серий проводилась Дингом между 19 августа и 4 сентября 1942. С 10 сентября по 9 октября он находился в Париже у профессора Жиро для изучения его метода, и по возвращении он инфицировал лиц и направил таблицы в Берлин 20 ноября. Тогда возможно, в конце 1942 то, что Гравиц говорил мне об этом предмете.

Флеминг: Дингу было приказано явиться к Жиро в Париже осенью 1942, хотя как вы сказали, в конце 1941 уже было решено производить собственные вакцины по процессу Жиро. Как вы объясните эту задержку.

Мруговски: В инфицированиях проведенных в серии I, 3 марта 1942 Динг сам заразился и сильно заболел тифом, несмотря на свою защитную вакцинацию. Впоследствии он ушёл на больничный, и когда его здоровье немного восстановилось, обсуждалась деловая поездка в Париж, которая была возможна осенью.

Флеминг: Было 4 отдельных смертельных случая в контрольном заболевании. Вы говорите о том, что Гравиц обсуждал с вами предмет. Вы не имели никакого отношения к тому факту, что были смертельные случаи?

Мруговски: Когда Гравиц говорил мне о данном предмете, ничего нельзя было сделать, потому что серия экспериментов завершилась. Но я довольно ясно помню какой была ситуация в его ведомстве. Я помню, что поднял вопрос об этих 4 смертельных случаях и сказал ему о том, что это вероятно будет последней серией которую он инициировал. Он ответил о том, что Гиммлер приказал эти эксперименты и что были особые возражения тому, чтобы посвящать меня в суть, и соответственно иметь права вмешиваться.

Флеминг: Отчёт об экспериментальной серии с тифом VII был завершён 7 сентября 1943 и завершённый отчёт был направлен в Берлин 9 сентября согласно дневнику Динга. Вы видели этот отчёт?

Мруговски: Нет.

Флеминг: Но согласно рабочему отчёту Динга, третьего сентября, ко времени, когда эта серия была завершена, но отчёт ещё не написан, вы находились в Бухенвальде, согласно дневнику, с визитом к Дингу. Вы расскажите об этом?

Мруговски: Запись видимо совершенно верная. Это был период, во время которого в блоке 50 готовилось производство вакцин. Динг написал в одном из своих документов о том, что 10-го августа этот блок был заселен и что началась работа по производству вакцин. Когон подтвердил это в своих показаниях. Затем 3 недели спустя после начала этой работы, я поехал в Бухенвальд для осмотра лаборатории и её работы. Когон также долго описывал как я инспектировал учреждение, как я заходил в каждую комнату. Это была довольно обширная инспекция. Я задавал много вопросов, много говорил с заключенными; далее он свидетельствовал о том, что я находился с Дингом в его кабинете очень короткое время, и это также верно. Другими словами, тогда он не представлял мне никакого материала.

Флеминг: Вам известно, что-либо ещё об этой экспериментальной серии VII?

Мруговски: Эта серия проводилась с вакциной похожей на вакцину Беринг, произведённую другой фирмой. Я ничего не знал об этой экспериментальной серии.

Флеминг: Я представляю трибуналу следующий документ, Мруговски 12, и я приобщаю его в качестве доказательства как экземпляр Мруговски 12. Это письменные показания доктора Карла Людвиг Вольтерса¹⁷³ из Гамбурга, из предприятия Асид. После обычного введения заявление гласит:

---

¹⁷³ Карл Людвиг Вольтерс (1892-1974) – немецкий ветеринар и бактериолог.

«Вышеуказанное лицо обратилось к нотариусу для подготовки письменных показаний и заявило под присягой, будучи надлежащим образом проинформировано о смысле письменных показаний:

«1. Производство тифозных вакцин основанных на процессе яичной культуры началось уже в 1941. Позднее, были введены процессы Гильдмайстера и Хаагена.

«2. Эксперименты на животных для цели тестирования производимых вакцин предпринимались одновременно с началом производства и проводились постоянно. Результаты экспериментов с животными не всегда являлись понятными. Переносимость вакцины тестировалась путём защитных вакцинаций работников; все работники связанные с отделением тифа или вступавшие в контакт с такими работниками вакцинировались. Кроме того, все остальные работники имели привилегию в получении защитной вакцинации против тифа по требованию и без ограничения. С течением времени около тысячи работников были вакцинированы против тифа».

На пункты 3 и 4 я просто обращаю внимание трибунала. Пункт 5 гласит:

«5. Насколько мне известно, не существовало переписки между ООО фирмой «Институт сыворотки Асид», Дессау, с одной стороны, и бывшим институтом гигиены Ваффен-СС или учреждением исследований тифа и вирусов в Бухенвальде, или его начальником доктором Дингом или ведомством Гравица с другой стороны.

6. Я познакомился с доктором Дингом во время поездки из Берлина в Краков.

7. Я не могу сказать о том как воплощалось тестирование тифозных вакцин. В любом случае, насколько мне известно, я никогда не обсуждал этот вопрос с профессором Мруговски, как и не передавал ему вакцины для тестирования. Совершенно возможно, что вакцины попадали к доктору Дингу через профессора Гильдмайстера из института Роберта Коха в Берлине, который получал их в качестве экспертного консультанта министерства внутренних дел по борьбе с эпидемиями.

8. Во время дискуссии с профессором Мруговски в институте гигиены Ваффен-СС в Берлине, я говорил лишь про общие вопросы гигиены касавшиеся оккупированных восточных

территорий, и я просил содействия в работе по развитию института сыворотки в Киеве. В то же время, обсуждалась организации обезвшивливания «Институтом сыворотки Асид» Кёнигсберга. Также могли обсуждаться общие вопросы в связи с активной иммунизацией, в особенности против скарлатины, дифтерии и столбняка»

Затем обычный вывод и подпись.

Можно заметить то, что вакцины для этих серий не шли от вас к Дингу; это правда?

Мруговски: Да.

Флеминг: Согласно рабочему отчёту доктора Динга, который является документом НО-571, экземпляр обвинения 285, вы присутствовали с ним 3-го сентября в Бухенвальде. Вы посещали блок 46?

Мруговски: Да. Динг пригласил меня осмотреть блок 46. Я пошёл туда с ним; и я помню довольно хорошо, что меня провели на нижний этаж каменного здания, в котором был ряд разделённых комнат.

В первой комнате было несколько человек игравших в карты; Динг сказал мне о том, что это были выздоравливающие от тифа, которые перенесли тиф и которых должны были выписать. Я поговорил с ними и заметил, что их состояние здоровья было хорошим и то, что пост-эффектов тифа уже не имелось. Там было от пяти до шести лиц.

Во второй комнате я увидел трёх пациентов лежащих в кроватях. Я обследовал их и поговорил с ними. Их недавно перевели в Бухенвальд из других лагерей. Я думаю один из них был болен уже по приезду и остальные заболели вскоре после прибытия в Бухенвальд и затем их перевели на тифозную станцию. В этом случае речь шла о людях заболевших от тифа спонтанно. Согласно записи Динга, тогда не было серии проводившихся экспериментов.

Флеминг: Посетив Бухенвальд, вы не говорили с доктором Дингом о различных сериях тифозных экспериментов?

Мруговски: Нет. Тогда, как можно видеть из документа он завершил экспериментальную серию номер VII с вакцинами Асид. Это была серия в результате которой был ряд смертельных случаев. В характере Динга было не говорить со мной о таких сериях экспериментов, поскольку он знал о моём отношении к данному вопросу.

Флеминг: Вы обсуждали тифозные эксперименты с Дингом по случаю вашего визита?

Мруговски: Нет. Мы не обсуждали вопрос. Наш разговор просто касался работы проводимой в блоке 50 для производства вакцины, что в действительности являлось

целью моего визита. Я думаю мы обсуждали ряд других гигиенических вопросов касавшихся окрестностей Бухенвальда. Я знал о том, что есть дефицит воды; и уверен в том, что это было темой обсуждения. Я провёл вечер в квартире Динга где встретился с доктором Ховеном, лагерным врачом Бухенвальда и его женой. Госпожа Динг также была там. Само собой разумеется, что мы не обсуждали никаких технических вопросов в этом кругу. Мы разумеется не говорили о каких-либо экспериментах на людях.

В этой связи, могу я вероятно сказать, что это был единственный раз, когда я видел Ховена, который предположительно был представителем Динга. Это было десять дней до завершения Ховеном своей деятельности в качестве лагерного врача Бухенвальда.

Флеминг: У вас было мнение о том, что тифозная экспериментальная серия была завершена?

Мруговски: Да. Я разделяю это мнение, так как из документов стало видно, что экспериментальные серии тогда не привели ни к какому заболеванию. Причиной было то, что штамм поступивший из института Роберта Коха не был патогенным. Динг не говорил, что посылал об этом какие-либо отчёты в Берлин; и, поэтому, я ничего не знал о том способе которым он работал в Бухенвальде, если это не касалось блока 50. У меня было мнение о том, что после второй серии экспериментов, которые завершились в конце 1942, не планировалось никаких дальнейших экспериментов.

Флеминг: Что же, если вы верили в то, что тифозные эксперименты были завершены, основная деятельность доктора Динга также подошла к концу?

Мруговски: Нет. Не в этом дело. Глядя со своей точки зрения, он был бактериологом; и я с нетерпением ждал завершения этой особой миссии Гравица, для того, чтобы Динг снова полностью находился в моём распоряжении. Тогда, в 1943, он должен был проводить подготовку производства вакцины в Бухенвальде. Поэтому, необходимо было следить за строительной работой. Блок 50 являлся бактериологическим учреждением обеспеченным самым современным оборудованием. Необходимо было получать и расселять для него животных. Затем была необходима организационная деятельность, что делало пребывание Динга абсолютно необходимым.

Флеминг: Динг утверждал, что он направил отчёт о серии тифозных экспериментах экспериментов номер VIII. Вы видели его в Берлине? Он должен был быть направлен 13-го июня 1944.

Мруговски: Что же, я услышал об этой серии экспериментов только посмотрев здесь на документы. Я ранее о ней слышал.

Флеминг: В последней записи в своём дневнике Динг говорит: «По приказу главного гигиениста Ваффен-СС, датированному 12-м августа 1944, следует установить можно ли облегчить течение тифа внутривенным или внутримышечным введением тифозной вакцины» Вы когда-либо отдавали такой приказ?

Мруговски: Нет. Я постоянно указывал на то, что основываясь всей организационной схеме медицинского института Ваффен-СС, ни начальник института гигиены Ваффен-СС, ни консультирующий гигиенист главного врача СС и полиции, не мог приказать о проведении каких-либо экспериментов на заключенных, потому что я имел настолько мало влияния на медицинскую службу концентрационного лагеря, также как и другие военнослужащие Ваффен-СС. Вопрос с которым мы разбирались был совершенно иным. В Крыму, в одном из госпиталей на Востоке, я увидел терапевта который лечил заболевание тифом инъекциями мертвых тифозных вакцин; и это процедура во многих случаях привела к лихорадке. Тогда я вспомнил, что литература датированная прошлой мировой войной, когда ряд бумаг был написан по этой самой теме, показывала, что были похожие методы лечения тифа и сыпного тифа путём инъекций вакцин.

В течение тех лет, когда я близко занимался тифом, я выработал очень чёткое мнение о происхождении и развитии тифа. Поэтому, у меня было мнение о том, что в случае заболевания, которое клинически очень похоже на паратиф, было бы вполне возможно провести эксперимент с такого рода лечением. Клинические симптомы тифа и сыпного тифа и брюшного тифа очень похожи. Если бы излечение достигалось путём одного метода, это бы предполагало, что все другие типы заболевания такого рода можно также успешно лечить таким методом. Поэтому после своего возвращения, я создал контакт с рядом терапевтов в госпиталях о которых я знал, и писал им о том, что я собираю похожий опыт. Я цитировал отрывки из литературы по этому предмету, и говорил о том, что наш новый опыт был таким же как старый. Я внёс предложение о том, чтобы такой же метод использовался в случае заболевания тифом путём инъекции защитной тифозной вакцины. Можно учитывать, что тогда, у нас было настолько мало средств борьбы с тяжёлыми заболеваниями сколько есть сейчас. Поэтому, мы медицински оправданно искали новые методы лечения.

Флеминг: Это должны были быть серии экспериментов в смысле того как Динг проводил их?

Мруговски: Это совершенно не обсуждается. Вообще не было причины так делать. С целью проведения такого эксперимента, можно было проводить тесты на лице заболевшем тифом, и худшее, что могло случиться было бы то, что она не помогла;

но абсолютно не требовалось для этого проводить серии экспериментов, и я точно не отдавал такого приказа.

Флеминг: Вы писали Дингу в таком смысле?

Мруговски: Тогда будучи проинформированным от своих помощников о такой терапии в случае заразных заболеваний, я был уверен в том, что само собой разумеется, что, как эпидемиологи, мы должны были проинформировать о такой возможности, и таким же образом мы получали сведения об этом.

Флеминг: Вы говорите о том, что не было оправдания для экспериментальной теории?

Мруговски: Нет.

Флеминг: Что же, вы отдавали или нет, приказ о таких сериях экспериментов доктору Дингу.

Мруговски: Никогда, не разу.

Флеминг: По вашему мнению, Динг начал эксперименты по собственной инициативе?

Мруговски: Это возможно. В любом случае он не получал от меня приказов, и я не знаю откуда ещё он мог получить такой приказ.

.....

Фрагменты допроса свидетеля доктора Ойгена Хаагена защитой

.....

Типп: Итак, профессор, мы переходим к последнему и вероятно наиболее решающему пункту обвинительного заключения – а именно, экспериментам с тифов, как их называет обвинение. Профессор Шрёдер и профессор Бекер-Фрейзинг обвиняются в ответственности за такие эксперименты с тифом. Согласно обвинению их было две группы. С одной стороны, те что проводились в концентрационном лагере Бухенвальд доктором Дингом-Шулером и в меньшей степени подсудимым доктором Ховеном. Вторая группа это предполагаемые эксперименты с тифом, которые вы проводили в концентрационном лагере Нацвейлер. Профессор, перед тем как мы перейдём к отдельным экспериментам, пожалуйста, расскажите трибуналу об опасности тифа которая существовала во время войны, в особенности в 1943, 1944 и 1945, когда эта проблема обострилась? Опишите это лишь в необходимой степени для того, чтобы ваша работа стала понятней.

Хааген: Я попытаюсь быть кратким, но для того, чтобы понять проблему в целом, следует привести некоторую общую информацию. Тиф является серьезным инфекционным заболеванием которое международными медицинскими кругами, включено в заболевания которые являются общеопасными и он подлежит международному контролю. В случаях такого опасного заболевания, каждое государство чувствует моральные обязательства сделать всё для предотвращения начала эпидемии, потому что очень сложно бороться и ликвидировать эпидемию после её начала. Эта точка зрения разделялась, конечно, не только правительственными чиновниками, но также и ответственными и заинтересованными учёными и врачами; потому что мы все, конечно, знали о том насколько чудовищна опасность тифа, не только для ведения войны, но и для гражданского населения всего мира. Тиф является не только военной эпидемией, но также имеет свои корни в деревне. С эпидемиями мирного времени также чрезвычайно сложно бороться.

Председательствующий: Защитник, трибунал полностью осведомлен о том, что тиф является очень опасным заболеванием, то, что он является большой угрозой для людей, и что он был угрозой для Германии во время прошедшей войны, большой угрозой. Я не думаю, что снова требуется это разбирать. Мы слышали об этом от нескольких свидетелей. Это не отрицается.

Типп: Свидетель, вы слышали пожелание трибунала. По мнению трибунала, опасность тифа для Германии уже была достаточно подтверждена. Пожалуйста продолжайте о самом предмете. Вероятно вы можете рассказать об обычных превентивных мерах, которые использовались против тифа, в частности вакцинах.

Хааген: Существуют в целом, две процедуры для предотвращения тифа. Первую я могу назвать механической процедурой, а вторую биологической процедурой. В механической процедуре мы занимаемся борьбой с вшами – я не вдаюсь в это – а в биологической процедуре мы заинтересованы в защитной вакцине. Доступны различные вакцины. Итак, для того, чтобы понять суть вопроса, я должен сказать, что тифозные вакцины которые изготовлены из мёртвого вируса тифа не дают абсолютной защиты от заболевания. Они могут привести к более мягкому течению заболевания, но не предотвратят заражение. Другими словами, мёртвая вакцина тифа, не имеет абсолютного противовирусного эффекта, что, однако, является главным смыслом любой вакцины.

Мы разрабатывали живую вакцину, не на основе нашего опыта и исследований, а пользовались опытом других. Я хочу в основном упомянуть работу французских исследователей тифа Бланка, Бальтасара и помощников Легрера и Леколя. При вакцинации, должна использоваться вакцина дающая противовирусную

защиту, и в целом, в случае вирусных заболеваний, успешная вакцинация достигается только живым вирусом. Позвольте мне упомянуть примеры натуральной оспы, гриппа и жёлтой лихорадки. Во всех этих случаях вакцины изготавливаются из живого вируса, но правда в том, что этот вирус является мутировавшим, то есть, уже не патогенным к человеку. Его патогенные характеристики были подавлены и устранены, но вирус сохранил антивирусную эффективность. Такого изменения можно добиться двумя способами, либо передачей вируса через животное – это часто делалось – и иногда при мутации вируса ослабив вирус. Мне не требуется вдаваться в это; это займёт слишком много времени.

Типп: Свидетель, если я правильно вас понял, вашей целью как учёного была разработка вакцины из живого вируса; другими словами из непатогенного вируса, который не мог вызвать заболевание, но который вместе с тем, имел антигенный эффект, а именно, защитный эффект вакцинированного лица против заражения заболеванием путём инфекции. Это так?

Хааген: Да. Верно.

Типп: Итак, свидетель, никто не обращался к вам за производством вакцин, но говорилось о том, что вы тестировали эффективность своих вакцин в концентрационном лагере. Обвинение называет их вирулентными и говорит, что они были не непатогенными. В любом случае, так я понимаю упрёк обвинения; свидетель, но перед тем как разбираться с этим, пожалуйста расскажите суду о том, как получилось, что вы вступили в контакт с концентрационным лагерем Нацвейлер по данному вопросу?

Хааген: Распространение тифа во время войны было таким, что тиф уже не был чисто военной эпидемией, но из-за многих лагерей беженцев, транспортов военнопленных и военных транспортов, тиф попал в саму Германию. В переполненных лагерях, в особенности без санитарных условий, существовала значительная опасность тифа, в частности там где собирали людей прибывших с Востока. Я должен сказать лишь о том, что, например в лагере Аушвиц, (но также во многих других лагерях пленных на востоке), уже были эпидемии. Тиф шёл дальше и дальше в Германию. Любое закрытое сообщество такое как лагерь, само по себе, является огромным источником опасности тифа, не только опасного эпидемией в лагере, но также эпидемией распространяющейся вне лагеря на фабриках и она вступала в контакт с гражданским населением, так что легко заметить опасность заражения. Итак, короче, комендант лагеря и лагерный доктор весной 1943 спросили меня о том, могу ли помочь в борьбе с этой опасностью.

Типп: Свидетель, сначала предварительный вопрос. Вы имели какую-либо связь с СС, с концентрационными лагерями, как таковыми?

Хааген: Я не имел связи ни с СС, ни с концентрационными лагерями, ни с каким-либо другим ведомством связанным с ними.

Типп: Почему комендант лагеря и лагерный врач концентрационного лагеря Нацвейлер обратились именно к вам?

Хааген: В качестве директора института гигиены я имел довольно крупную сферу деятельности в Эльзасе и конечно, об этом также было известно в концентрационных лагерях, так как я работал в Страсбурге. По этой причине лагерь обращался ко мне за помощью по многим вопросам, включая получение вакцин и помощь в дезинфекции лагеря и так далее, вопросах с которыми мы немного сможем разобраться позже.

Типп: Вы говорите, что лагерь обращался к вам, потому что вы были гигиенистом округа Эльзас вокруг Страсбурга?

Хааген: Верно.

Типп: Вы также сказали о том, что комендант лагеря или доктор просили вашего содействия?

Хааген: Да, это было очевидной вещью для них, потому что я находился в Страсбурге.

Типп: Вы далее сказали о том, что приблизительно с весны 1943 вам поступали просьбы о содействии; тогда в лагере уже была эпидемия или почему они думали, что нуждаются в вашей помощи?

Хааген: Тогда в лагере не было эпидемии, но общая эпидемиологическая обстановка была такой, что тифа можно было ожидать в любой момент, в особенности из-за того, что с Востока постоянно шли транспорты. Эти транспорты были инфицированы вшами и имели людей которые уже были заражены тифом и в других лагерях по-соседству уже появились первые случаи тифа.

Типп: Профессор, какие средства вы имели для помощи этим лагерным врачам? Пожалуйста ограничьте себя, прежде всего своими вакцинами.

Хааген: Я уже говорил о том, что были доступны разные вакцины из мёртвого вируса, и также изготовленные из живого и ослабленного вируса. Тогда было очень сложно получить вирус. Вышестоящие офицеры просто не могли изготовить эффективные вакцины и для того, чтобы исполнять хотя бы какие-нибудь планы, в Германии существовали разного рода распоряжения и приказы по планированию систематической вакцинации при возникновении угрозы тифа.

Типп: Итак, свидетель, вы описали свою работу в сфере производства вакцин, а именно производство патогенного живого вируса; вы начали эту разработку и работу по собственной инициативе или с проблемой обратилось другое ведомство?

Хааген: Живой вирус тифа производился в зарубежных странах в больших количествах, в частности во Франции где был большой опыт работы с живым вирусом. Я уже упоминал Бланка, Бальтасара, Леколя и Легрера. Во время войны защитные вакцины с живым вирусом также изготавливались в Северной Африке. Там уже были миллионы таких вакцинаций и конечно, это позволяло получить опыт. Факт, что французы, которые видели в этом большую опасность, также видели необходимость таких масштабных вакцин и у них также были некоторые смертельные случаи. Как я сказал, мы должны были использовать штамм вируса для этих вакцинаций, который по правде, был живым и патогенным для животных. Другими словами, вирулентным вирусом, патогенный эффект которого для людей в значительной мере был подавлен; и в этом суть производства всех живых вакцин и она должна занимать центральное место в ваших соображениях. Вы добьётесь такой мутации только передачей вируса через животных. Каждому специалисту известно, что когда вирус переносится через животных он ослабляется сильнее чем выращенный или разведённый, например, в куриных желтках или сохранявшийся в вакууме или при очень низких температурах и лишь слегка ослабляет штамм.

Типп: Свидетель, вы пока не ответили на мой вопрос полностью, то есть, проводили ли вы такую работу по своей собственной инициативе или на основе приказа, директивы или задачи которая поступила к вам откуда-либо?

Хааген: В разработке живой вакцины тифа –

Председательствующий: Свидетель, вы можете ответить на вопрос несколькими словами. Просто ответьте на вопрос поставленный вам защитником.

Хааген: Это было исследовательское задание, как я сказал, не существовало никакой военной или другой директивы.

Типп: Свидетель, вы уже описали этим утром как распространялись исследовательские задания, и вы сказали нам о том, что в целом задачей было использовать ученого для такой задачи; теперь в чём суть, вы сначала работали над проблемой, а затем получили задачу или задача уже была поставлена, когда вы начали работать?

Хааген: Вся эта работа проводилась полностью по моей инициативе. Я также смотрел на это так, что я получил необходимые исследовательские задания для того, чтобы я мог иметь необходимые фонды для работы от совета исследований Рейха и потом от медицинского начальника Люфтваффе. Так я получил своё задание.

Харди: Ваша честь, перед отложением могу я спросить у защитника сколько продолжится допрос, и сколько другие защитники планируют проводить допрос свидетеля Хаагена?

Типп: Я уже говорил, что мне нужен почти день с половиной. Мы уже разрешили некоторые вопросы; я не знаю смогу ли я закончить этим вечером, но мне не потребуется много времени завтра утром. Я не могу сказать вам, сколько времени требуется другим коллегам.

Харди: Как я понял, доктор Типп собирается воспользоваться оставшимся днём, несмотря на факт, что мы заседаем до 5 часов?

Типп: Я воспользуюсь сегодня всем днём. Да.

Председательствующий: Кто-либо из защитников желает допросить данного свидетеля пока он даёт показания?

Типп: Доктор Нельте только, что сказал о том, что ему потребуется четверть часа, и моему коллеге Крауссу от Востока пятьдесят минут.

Фриц: Господин председательствующий, я не могу сказать точно, сколько мне потребуется, потому что я не знаю сколько вопросов которые я планировал задать свидетелю, отпадут в допросе доктора Типпа.

Председательствующий: Трибунал спрашивает об оценке.

Фриц: Один час.

Председательствующий: Защитник, во время полуденного перерыва проинструктируйте своего свидетеля отвечать на вопросы прямо и просто, без ухода в предметы о научности и важности о которых, трибунал уже осведомлён. Пожалуйста проинструктируйте его о том как отвечать на вопросы.

.....

Типп: Профессор, перед перерывом вы сказали о том, что вы начали вашу работу в сфере тифа по собственной инициативе, и о том, что в ходе этой работы вы получали исследовательские задачи от медицинского инспектора Люфтваффе также как и совета исследований Рейха; теперь я спрашиваю вас, в своих обращениях до принятия различных заданий, существовали ли какие-либо детали о работе которую вы планировали проводить или работе которую вы уже проводили?

Хааген: Не приводилось никаких деталей, рассматривалась проблема как таковая.

Типп: Вы уже описывали трибуналу свою работу по данной проблеме; ею был поиск вакцины производимой из живого вируса, вируса уже не патогенного к людям, которая, однако, содержала количества вируса.

Хааген: Да. Это правда. Наша работа ограничивалась разработкой живой вакцины, и эта работа основывалась на большом опыте зарубежных учёных, в особенности французского учёного Бланка; техническая сторона всегда проводилась в экспериментах на животных.

Типп: Итак, свидетель, вы добились обнаружения вакцины такого типа как описывали?

Хааген: Да. Мы добились разработки такой вакцины из так называемого штамма мышинного тифа, то есть, из крысиного тифа. Ослабление было достигнуто посредством экспериментов на животных, посредством культивации в куриных яйцах и в третьих процессом консервации.

Типп: Эта вакцина тестировалась на эффективность и если так то как?

Хааген: Да. Вакцина тестировалась на эффективность. Первое, конечно, путём экспериментов на животных в иммунизационных количествах. После этого подтвержденного количества, проводились первые вакцинации и тестировалась её эффективность и совместимость с человеком. Это делалось на добровольцах.

Типп: Профессор, откуда вы получали добровольцев?

Хааген: Прежде всего я сам был им, затем сотрудники моего института и ряд студентов университета.

Типп: Итак, пожалуйста расскажите о цели этих экспериментов?

Хааген: Когда производится новая вакцина следует тестировать не только её эффективность, но также и совместимость. Это может быть сделано только на людях; экспериментов с животными недостаточно. На определенном этапе всегда становится необходимым тестировать её на людях.

Типп: В этих вакцинациях на сотрудниках и студентах института, вы тестировали совместимость вакцины; иммунизационный эффект вакцины, если я правильно вас понял, нельзя было подтвердить этими экспериментами?

Хааген: Да. Иммунизационный эффект также мог быть установлен. Следовало просто применить реакцию Вайля-Феликса, которую упоминали на этом процессе. То есть, для того, чтобы установить то, что сыворотка крови уже содержит защитные тела против бактерий тифа. Этот тест (я упоминаю его, потому что здесь допускались ошибки) используется не только для диагностики заболевания, но также, в силу чёткой иммунной реакции, для обнаружения защитных тел после вакцинации.

Типп: Свидетель, мы вернёмся к этому позже. Итак, когда вы достигли своей цели, когда вы получили вакцину описанного типа и когда вы разработали её для использования?

Хааген: Весной 1943.

Типп: И когда эта вакцина была впервые использована в большом масштабе, или вообще, когда её впервые использовали?

Хааген: Первые вакцинации прошли в мае 1943 в лагере содержания Ширмек, который относился к концентрационному лагерю Нацвейлер. Вакцинации проводились на лицах в угрожающем состоянии.

Типп: Свидетель, этим утром, вы упоминали просьбу лагерного доктора концентрационного лагеря Нацвейлер и Ширмек несомненно подчинялся ему; могу я спросить эти вакцинации Ширмека были в ответ на просьбу лагерного врача?

Хааген: Я не совсем понял ваш вопрос.

Типп: Пожалуйста расскажите мне, являлись ли вакцинации проведенные в Ширмеке выполнением просьбы лагерного врача?

Хааген: Да. Ширмек и Нацвейлер были одним целым. Мои вакцинации там были связаны с работой в лагере.

Типп: Тогда вы использовали эту вакцину впервые в мае 1943 в Ширмеке. Скольких лиц вы вакцинировали?

Хааген: Было вакцинировано всего двадать восемь лиц.

Типп: Вы имели какое-нибудь влияние на отбор этих лиц; то есть, вы отбирали этих лиц, или кто отбирал их?

Хааген: Я не имел прямого влияния на отбор этих лиц, только в той мере в какой я говорил администрации лагеря и лагерному доктору о том, что мы можем вакцинировать людей которые находились в более менее хорошем состоянии здоровья, так как если бы такого не было это бы не соответствовало германским законам о вакцинации. В этой степени у меня было некоторое влияние.

Отбор проводился с учётом точки зрения о том, чтобы отбирались лица которым особо угрожал тиф, лица которые находились в так называемом «восточном блоке» лагеря. Новые транспорты всегда приходили с Востока по большей части, инфицированные вшами, таким образом следовало учитывать значительную опасность тифа. В этой части лагеря опасность была больше чем в тех частях лагеря в которых жили немцы и эльзасцы которые не прибыли с Востока.

Типп: Свидетель, вы сказали о том, что лица отбирались из группы заключенных особо угрожавшей заражением тифом. Вы только, что упоминали восточный блок. Вы можете рассказать нам о том какой национальности были эти лица?

Хааген: Насколько я помню там были разные национальности. Был ряд тех кто говорил по-немецки и с ними можно было легко общаться.

Типп: Итак, свидетель, я хочу, чтобы вы описали то, как проводились эти вакцинации. Вероятно сначала предварительный вопрос. Почему вы вакцинировали только 28 лиц? Почему вы не вакцинировали всех заключенных лагеря?

Хааген: Поначалу я мог производить вакцину в очень малом количестве. Мои лабораторные мощности были ограничены. Если бы я захотел вакцинировать весь лагерь мне бы потребовался производственный цех. Вот почему мы вакцинировали мало людей.

Типп: Итак, профессор, опишите как изготавливались вакцины.

Хааген: Всего вакцинации прошли на 28 лицах, в нескольких группах. Первая вакцинация прошла на восьми лицах. Им вводилась инъекция 0.5 мл вакцины в грудную мышцу обычным образом. Вторая группа включала 20 лиц разделённых на две подгруппы по десять каждая. Первая группа – назовём её группа А – также получила 0.5 мл вакцины внутримышечно. Подгруппа Б, последние десять лиц, получали вакцинацию 0.5 мл мёртвой тифозной вакцины произведённой в институте Роберта Коха. Затем восемь дней спустя, была вторая вакцинация живой вакциной, вновь по 0.5 мл внутримышечно. Я хочу сказать о том, что первая вакцинация мёртвой вакциной о которой я уже говорил, проводилась по двум причинам: прежде всего для того, чтобы можно было понять, создаст ли это предварительное исследование больше защитных тел; и во-вторых, чтобы понять может ли снизить предварительное исследование мёртвой вакциной реакции на живую вакцину.

В то же время, я проводил защитные вакцинации на лицах вне лагеря, на добровольцах. Они снова проводились таким образом, что было три инъекции: первая, 0.25 мл, вторая 0.25 мл, и третья 0.5 мл живой вакцины.

Типп: Свидетель, суд особо заинтересует реакция этих лиц после вакцинации. Вы нам расскажите?

Хааген: В первой группе восьми лицам было дано 0.5 мл живой вакцины один раз, у троих реакцией была короткая лихорадка с 39 градусами. Однако, у остальных лиц не было реакции.

Во второй группе, среди десяти лиц в группе А, не было заметных реакций. В другой группе были самые небольшие симптомы, в некоторых случаях только головная боль и депрессия. Типичных симптомов тифа, мозговых симптомов, и других симптомов, не появилось ни в одном случае.

Это же было правдой для третьей группы. Тут снова не было реакции. Я должен сказать в этой связи о том, что я использовал вакцину произведённую из мёртвого вируса тифа. Я должен отметить это, потому как позднее в Нацвейлере, я использовал классическую эпидемическую или вшивую вирусную вакцину тифа.

Типп: Профессор, после вакцинации вы наблюдали состояние вакцинированных лиц?

Хааген: Да, конечно. После вакцинации я часто бывал в лагере. Я наблюдал за лицами которых вакцинировали и мне показывали их температурные таблицы.

После четырёх недель заключительный образец крови брался для проведения реакции Феликса-Вайля для того, чтобы понять степень выраженности иммунитета.

.....

Типп: ... В Ширмеке в ходе вакцинаций были смерти?

Хааген: Нет. В Ширмеке не было смертей от вакцинаций.

Типп: Свидетель, ваши показания противоречат показаниям свидетеля обвинения которые мы слышали ранее. Это был Георг Хирц, который давал показания 8 января. Его показания находятся на немецкой странице 1310 и странице 1293 английского протокола. Хирц сказал о том, что в Ширмеке вы вводили инъекции от 20 до 25 людям и в последующие дни у этих людей развивалась высокая температура. Было сказано, что температура возникла спустя 36-48 часов и двое из этих людей умерли. Свидетель также сказал о том, что вы вакцинировали их, главу лагеря и капо в госпитале. Вы объясните свои различия между вашими показаниями и показаниями Хирца?

Хааген: Это правда, что эти трое, глава лагеря, капо, и медбрат, которым был Хирц, были вакцинированы обычной вакциной в связи с тем, чтобы если возникнет какая-либо опасность тифа, личный состав лагеря мог быть вакцинирован против этого заболевания. Итак, личный состав находился в меньшей опасности чем сами заключенные; таким образом, чтобы помочь лагерному доктору, я предоставил вакцину и вакцинировал этих трёх лиц, но я оставил живую вакцину для тех лиц, кто находился в реальной опасности. Это является причиной почему есть разница.

Типп: Свидетель Хирц также свидетельствовал о том, что он не осматривал эти 20 лиц перед их вакцинацией. Это верно?

Хааген: Когда заключенные прибывали в лагерь их внимательно обследовал лагерный доктор. Поэтому, там я просто следил за тем, чтобы у них не было внешних симптомов заболевания и определял насколько они сильные.

Типп: Значит, если я правильно вас понял, вы сказали, что медицинский осмотр проводился лагерным доктором, который затем предоставлял их для вакцинации?

Хааген: Да, лагерный доктор и глава лагеря, совместно.

Типп: Итак, профессор, заявление свидетеля Хирца является верным в том отношении, что спустя 36-48 часов у этих лиц температура поднялась до 40 ° Цельсия?

Хааген: Я уже говорил о том, что кроме первой группы не было особых реакций. Хирц сам не знал первую группу, он сам так сказал. Во второй группе, я только, что сказал, не было никаких температурных или других реакций.

Типп: Свидетель, но вы сказали – о, это была первая группа.

Хааген: Да. И даже там реакции были совершенно обычными как бывает при других вакцинациях.

Типп: Но Хирц также сказал о том, что после высокой температуры – от семи до восьми дней, у лиц развилось некоторого рода расстройство и у них было расстройство речи и в трёх или четырёх случаях они заикались. Вам об этом, что-либо известно?

Хааген: Когда я навещал этих лиц я не наблюдал никаких таких симптомов. Никто из них не жаловался, и я уверен в том, что если бы у кого-нибудь появились такие симптомы они бы немедленно пошли к доктору. Каждый был заинтересован в избавлении от таких симптомов. Я не наблюдал ни расстройств, ни заикания. Если бы Хирц тогда их видел, я убеждён он бы доложил мне. Он был медбратом этих лиц и был за них ответственен; я не могу представить, чтобы он держал это в секрете вопреки интересам этих заключенных.

Типп: Вы говорите о том, что не наблюдали таких симптомов и Хирц не докладывал вам о них. Итак, свидетель, Хирц также говорил о том, что спустя два дня двое подопытных, как он их назвал, или вакцинированных лиц, как вы их называете, умерли. Свидетель, вы это наблюдали?

Хааген: Я уже говорил о том, что в малой экспериментальной группе никто не умер, потому что я уверен, что заметил бы это при визите к вакцинированным лицам. Я бы точно приказал о вскрытии в случае таких смертей для установления того, когда лица умерли. Я не только ни приказывал проводить вскрытие, но этого не приказывала и администрация лагеря. Люди могут подумать, что эти лица вероятно умерли от тифа. Я должен сказать, что после двухдневного инкубационного периода – это был период между вакцинацией и смертью – никто не умирал от тифа. Самое короткое время смерти от тифа, то есть инкубационный период плюс длительность заболевания, это от десяти до четырнадцати дней. И эти ранние смерти должны были быть случаями высокопатогенного вируса возникавшего напрямую от человека. Лишь по этой причине это невозможно.

Типп: Свидетель, вы сказали о том, что в таких случаях вы бы несомненно провели вскрытие. Вы сказали, что ничего не слышали о смертях, и поэтому не было вскрытий; правильно?

Хааген: Да. Правильно.

Типп: Я хочу напомнить трибуналу показания Хирца. Он сказал о том, что он непосредственно заворачивал тела в бумагу и затем сжигал их в крематории Нацвейлера. Ни один свидетель обвинения не смог сказать, или не захотел сказать, о том как профессор Хааген отреагировал на эти смерти. Больше никто не спрашивал

об этом свидетеля Хирца. Во время дачи показаний Хирца спросили: «Итак, свидетель, вы знали о том, что эти эксперименты проводились на 20-25 лицах для установления тифа в связи с заболеванием тифом». Хирц: «Да, у меня в этом не было ни малейшего сомнения. У меня за спиной было пятнадцать лет практики». Свидетель, я не знаю, что означают эти показания. Возможно я не специалист, чтобы судить, но я могу полагать, что вы можете объяснить в чём суть данного заявления.

Хааген: Я лишь могу сказать, что вообще не понял заявления господина Хирца. У меня нет ни малейшей идеи о том, какими должны были быть эксперименты для установления тифа в связи с данным заболеванием. Прежде всего, не было экспериментов по установлению тифа, потому что не было самого тифа. И я не знаю метода о проведении экспериментов на людях для определения тифа. Если под экспериментом иметь в виду, забор крови для реакции Вайля-Феликса, это нечто другое, не то о чём мы здесь говорим. Приводя причину для своих экспертных сведений, свидетель говорит о том, что он был фармакологом 15 лет. То что у него за плечами такая длительная практика, таким образом подразумевает, что он является экспертом по заразным заболеваниям. Я этого тоже не понимаю. Но я думаю, что можно ожидать от фармаколога – в конце концов, фармакологи продают вакцины от общественных заболеваний в аптеках – следует ожидать от него то, что он знает какими являются реакции на вакцины и что такое настоящее заболевание. И при этом в первой группе в которой появилась реакция, он этого вообще не знал.

Типп: Свидетель, вы уже говорили, кое-что о показаниях господина Хирца о том, что заключенный Атлофф говорил ему о том, что господин Хирц описал как второй эксперимент. Мне кажется это подтверждает ваше заявление о том, что господин Хирц ничего не знал о первой группе, то есть восьми лицах. Профессор, вы можете рассказать нам, что-либо ещё для объяснения противоречий между вашими показаниями и показаниями господина Хирца?

Хааген: Хирц говорил только об одной инъекции, а не о двух. Вакцинированные лица за которыми он ухаживал получили две инъекции с интервалом в несколько дней. Если бы он действительно был заинтересован в вакцинации, он должен был знать о том, что проводились две инъекции. Это первый пункт. Затем он сказал о том, что иглы не менялись. Кажется он снова кое-что не заметил; то, что для каждой новой инъекции использовалась игла стерилизованная в Страсбурге, и технический помощник заменял её. Любой кто знает нечто о научной работе знает, что в такой важной работе не используется одна игла для нескольких лиц, совершенно помимо того факта, что это бы не соответствовало одному из наиболее важных принципов санитарии. Он снова видимо не очень внимательно следил.

Типп: Итак, профессор, нас интересует вопрос о том хотели ли вы производить в лагере Ширмек тиф путём искусственной инъекции патогенного вируса. Вы проводили такие эксперименты в Ширмеке?

Хааген: Нет. Никаких подобных экспериментов не проводилось. Я не знаю какой была бы эта цель.

Типп: Профессор, тогда если я могу подытожить, вы внедряли вакцину на практике после того как она уже тестировалась в экспериментах на животных, в экспериментах на себе и экспериментах на добровольцах. Но эксперименты, такие как я только, что описал не проводились в Ширмеке, это правильно?

Хааген: Да. Это верно. Мы просто внедряли вакцину которая уже использовалась в большом масштабе в других странах. Возможно я могу добавить, что сначала я планировал проводить дальнейшие вакцинации в лагере Ширмек для того, чтобы защитить этот лагерь насколько возможно, но в течение следующего месяца, я понял, что лагерь Нацвейлер совершенно отличался в своей структуре и что в лагере была большая опасность тифа. Поэтому, я перешёл из Ширмека в Нацвейлер.

Типп: Итак, свидетель, прежде чем мы перейдём к работе в Нацвейлере, я хочу разъяснить следующее. Господин Хирц свидетельствовал о том, что заключенные использованные для вакцинации не являлись добровольцами; профессор, но вы сказали о том, что ваша точка зрения заключается в том, что подопытные должны быть добровольцами. Вы можете, пожалуйста, чётко ответить на данный вопрос и объяснить точку зрения которая важна по вашему мнению в частности при вакцинациях?

Хааген: Заключенные которых мы вакцинировали не являлись добровольцами. Я хочу сказать, следующее по данной теме: как я уже говорил, я разделяю с большинством учёных точку зрения на то, что предпосылкой для любого эксперимента является эксперимент на себе. Это не просто теория в моём случае. Любой кому известна моя работа или кто видел мою работу знает, что я проводил эксперименты на себе и заразился рядом инфекций. Мне не требуется в это вдаваться, но конечно, я тестировал все вакцины на себе. Если мы опустим элемент добровольности в данном случае, я должен заявить о том, что согласно нашим правилам и законам Германии, вакцинации приказывались везде где существовала опасность эпидемии. Такая ситуация существовала в Ширмеке и Нацвейлере. Существовало распоряжение для этого лагеря от СС-ВФХА и распоряжения направлялись главным врачам концентрационных лагерей. Наши вакцинации проводились в рамках таких юридических правил. В материалах процесса, я вновь и вновь обнаруживаю точку зрения о том, что я брал несчастных и беспомощных заключенных и применял к ним убийственные бактерии. Но если хорошо знать мою

проблему, можно понять, что напротив, я боролся с этими заболеваниями. В этом не может быть вопроса какого-либо преступного эксперимента. Я хочу прямо возразить тому, что меня называют преступником при том, что я просто боролся с заболеванием.

Типп: Что же, профессор, вы говорите о том, что в таком случае вы отказались от добровольцев, потому что это был не эксперимент, а скорее вакцинация, и потому что вашей точкой зрения было то, что для вакцинаций законно допустимо было принуждать – что вы просто осуществляли законное мероприятие согласно международному праву?

Хааген: Да. Это была вакцинация вакциной которая уже использовалась повсюду в мире, в рамках общих вакцинаций проводимых согласно действующим правилам.

.....

Типп: Когда вы начали свою работу в Нацвейлере?

Хааген: Моим намерением было начать вакцинацию в лагере Нацвейлер летом 1943, но возникли неожиданные затруднения о которых я должен рассказать – я думаю они важны для суда. Профессор Хирт, чьё имя здесь постоянно упоминалось, директор анатомического института в Страсбурге, являлся членом СС и исследователем «Аненербе». Как офицер СС он узнал от лагеря, что я хочу проводить там вакцинации. Тогда он вмешался, потому что думал, что если лица вне СС или ВФХА хотели работать в лагере в той или иной форме у нас должно было быть разрешение на это, совершенно помимо данного факта меня попросили провести эти вакцинации, и т.д. Профессор Хирт сказал лагерному врачу и мне о том, что он готов получить такое разрешение и попросил меня сделать запрос в таком отношении в институт военно-научных исследований. У меня не было связи с СС или каким-либо подразделением СС, и я ни знал об организации СС. Обращение было направлено летом 1943. Я не могу вспомнить, точную формулировку, но Хирт направил его в заинтересованные ведомства. Я только знаю, что обращение говорило о том, что я просил разрешения на вакцинацию ряда заключенных лагеря. Необходимо было установить ограничение, потому что я мог производить вакцину в небольших количествах из-за того, что технических условий для масштабного производства ещё не имелось в институте. В этом письме Хирту, я указывал на то, что не существовало опасности в вакцинации новой вакциной, и что нам следовало ожидать более или менее сильной реакции, в особенности температурной реакции согласно различиям отдельных людей. Я также указал на то, что люди которых должны были вакцинировать должны были находиться в хорошем физическом

состоянии, для того, чтобы они, более менее были похожи на физическое состояние наших солдат. Я сказал это для того, чтобы соответствовать общим правилам вакцинации. Спустя некоторое время я получил заявление от института военно-научных исследований о том, что моя просьба удовлетворена.

Типп: Профессор, пожалуйста посмотрите на документ НО-120, который является экземпляром обвинения 297. Это письмо рейхсфюрера СС, личный штаб, институт военно-научных исследований, датированное 30 сентября 1943. Оно подписано Зиверсом, и адресовано директору института гигиены университета Рейха, Страсбург. Господин Зиверс пишет:

«Я подтверждаю получение вашего запроса от 16 августа 1943. Я буду рад помочь вам и связался с соответствующей службой для того, чтобы необходимый персонал был передан в ваше распоряжение».

Свидетель, в этом письме имелось в виду, что вы получили принципиальное одобрение на проведение этих вакцинаций?

Хааген: Да, это письмо создавало основные предпосылки для проведения вакцинаций. Если мы отказываем в факте, что по эпидемиологическим причинам вакцинации были оправданы и даже необходимы, это письмо, как мне кажется, приводит нам оправдание для их проведения.

Типп: Итак, теперь вы могли проводить вакцинации?

Хааген: Нет. К сожалению это не было так просто – я говорю «к сожалению» потому что терялось драгоценное время и я был заинтересован в защите лагеря как можно скорее, хотя бы пока там не было опасности тифа. Я проинформировал лагерного доктора о содержании данного письма и попросил разрешения на применение вакцин. Однако, прошло длительное время, и до ноября я не получал уведомления о том, что мы можем начать вакцинации. Вмешательство Хирта не помогло этому делу, а следовательно, только затянуло его. Затем, когда я получил первую сотню заключенных, я осмотрел их и понял, что они не в состоянии для вакцинации. У них было очень плохое состояние. Я должен сказать о том, что они являлись заключенными из транспорта Аушвица; я думаю восемнадцать человек уже умерли. Ни у кого не было права проводить вакцинацию на такой группе. Я её не проводил и отказался по медицинским причинам.

Типп: Свидетель, и что вы делали потом?

Хааген: Я проинформировал об этом Хирта. Я откровенно написал ему о том, что эти люди не могли и обсуждаться для вакцинации и я попросил людей в хорошем физическом состоянии.

Типп: Профессор, пожалуйста посмотрите на документ НО-121, экземпляр обвинения 293? Это ваше письмо профессору Хирту, датированное 15 ноября 1943.

Вы имеете в виду это письмо, когда говорите о том, что писали Хирту? Я коротко прочту:

«13-го ноября 1943 прошла инспекция заключенных которых предоставило мне СС-ВФХА, для того, чтобы определить их пригодность к тестам, которые планировались с тифозными вакцинами».

Это письмо?

Хааген: Да. Это письмо от 13 ноября 1943. Я могу отметить, что данным письмом я просил сотню заключенных в хорошем физическом состоянии. Только таким образом я мог ожидать результатов, которые можно было использовать для цели сравнения.

Типп: Профессор, я представлю вам кое-что из данного документа, что возможно противоречит – или может быть интерпретировано как противоречие – вашим показаниям. Вы говорите о том, что хотели вакцинировать этих людей и первое предложение документа кажется указывает на это. Вы пишете: «их пригодность для тифозной вакцинации». Однако, ниже, в документе вы говорите о тестировании новой вакцины. И снова ниже, «материал, который можно сравнить». Из этого можно сделать вывод о том, что это были не вакцинации, а эксперимент. Разве это не противоречит вашим показаниям?

Хааген: Нет. Это не противоречит моим заявлениям. Видимо мне придётся дополнить свои заявления сказав следующее: как я сказал, в лагере Нацвейлер я хотел вакцинировать довольно большое число заключенных. Вакцина уже была готова в лаборатории; она была протестирована в экспериментах на животных; она была протестирована в экспериментах на себе и небольшой группе добровольцев. Поэтому, я знал, что она уже не имеет какой-либо опасности для вакцинированных лиц и что использование живой вакцины не вызовет никаких проявлений заболевания. Но, когда новая вакцина, впервые используется на практике, существует в некоторой степени эксперимент, поскольку совместимость всё же необходимо установить и это можно установить только на большой группе людей. Необходимо установить дозу и результат вакцинации должен быть проверен на большой группе людей. Таким образом я признаю, что несомненно правда в том, что использование, впервые на практике новой вакцины на большом количестве людей можно считать экспериментом. Я хочу добавить, что в первом масштабном применении исследовались кровь и титер. Конечно, измерялась температура и все другие наблюдения внимательно проводились для того, чтобы получить точное окончательное впечатление об эффективности и совместимости вакцины. Мы должны были это делать; это было нашим долгом. Большой ответственностью является внедрение новой вакцины подобной этой, даже если уже был получен опыт

в небольшом эксперименте на себе и добровольцах. Но на процессе слово «эксперимент», весьма сильно искажено. В этом смысле наши вакцинации не являлись «экспериментами», это были тесты, а не эксперименты с неопределённой целью или задачей. Вряд ли можно говорить здесь о преступных экспериментах. И в любом медицинском журнале мира, почти на каждой странице, мы находим эксперименты у койки больного, и я не думаю, что у кого-нибудь есть возражения этому слову. И что касается экспериментов на людях, я хочу сослаться на рекламу которая показывает общественное отношение американской фирмы – в иллюстрированных журналах которые я видел сам. Антисептики такие как листерин, о которых говорится, что они тестировались на людях, которых использовали как подопытных кроликов. Лишь по этой причине я думаю, что слово «эксперимент», используется в разных смыслах.

Типп: Пока не ясен один термин из данного документа, последние слова «сравнительный материал». Пожалуйста вы можете объяснить, что это значит? Что вы имели в виду под «сравнительным материалом»?

Хааген: Это означает, что уже были проведены исследования и результаты могут быть сравнены друг с другом, таким образом можно получить действительно полезные результаты. Индивидуальные оценки любого иммунолога сильно разнятся в зависимости от конституции и общего физического состояния. Это было причиной того, почему я был очень аккуратен в получении только таких лиц, которые находились в хорошем физическом состоянии для вакцинации, так как лица в плохом состоянии реагируют совершенно по-иному. Кроме того, я должен отметить, что согласно общим правилам вакцинации, вакцинации любого типа можно проводить только на здоровых людях, и я хотел строго соблюдения этого правила.

.....

Типп: Итак, свидетель, я перехожу к следующему документу, НО-122, экземпляру обвинения 298. Это письмо Розе к вам, датированное 13 декабря 1943. В этом письме вновь часто упоминается копенгагенская вакцина. Господин Розе пишет в нём, что тестирование многих новых вакцин одновременно даст более чёткую картину лучших или худших результатов метода нежели тестирование лишь одной вакцины. Более того, есть упоминание об экспериментах в Бухенвальде. Профессор, позвольте прежде всего, спросить вас, когда вы получили это письмо в декабре 1943, что вам было известно об этих экспериментах в Бухенвальде?

Хааген: Я услышал подробности этих экспериментов в Бухенвальде из документов на процессе. Более того, следует упомянуть отчёт доктора Динга на консультационной конференции в 1943. Я тогда слышал протест профессора Розе против этих экспериментов на людях.

Типп: Вы не имели связи с экспериментами Динга?

Хааген: Я никогда не работал с Дингом и знал о его работе только из отчёта на консультационной конференции.

Типп: Обвинение сделало вывод относительно этих экспериментов в Бухенвальде, что эффективность вакцины тестировалась путём последующего заражения патогенным вирусом. Пожалуйста, что вы скажите об этом?

Хааген: Такое отношение обвинения игнорирует факт, как я говорил несколько раз, что я никогда не имел штамма вируса, который являлся патогенным для человека, соответственно, я не мог проводить заражение, такое о котором предполагает обвинение. Я никогда не думал о проведении такого последующего заражения вирусом патогенным к человеку, потому что я работал как учёный со своим собственным материалом, и вообще не тестировал смеси других вакцина.

Как я уже сказал, по случаю Ахеринеслива, я вакцинировал там некоторых из заключенных ослабленным вирусом для того, чтобы минимизировать реакции на вакцину. Я думал, что в следующей вакцинации я проведу эти начальные вакцинации мёртвой вакциной и я хотел использовать такую вакцину в которой находился мёртвый вирус. Вместе с тем, между вакцинами Ширмека и новыми вакцинациями в Нацвейлере, я проводил свою работу так, чтобы не нуждаться в мёртвой вакцине. Но предшествующая история этого была такая: профессор Розе, направив мне эту копенгагенскую вакцину, думал, что он поддерживает и помогает мне. И он предложил, чтобы я включил эту мёртвую вакцину в серию моих вакцин. Скажем так, эта копенгагенская вакцина была печёночной вакциной, о которой говорилось как о более эффективной чем о других мёртвых вакцинах; и из неё, из мёртвой формы, можно было ожидать лучшей защиты. Итак, моей точкой зрения было то, что если мы применим её к 100 лицам снова и не получим других лиц, нельзя будет провести достаточно вакцинаций для цели сравнения. Таким образом, я не видел причины для внедрения копенгагенской вакцины. Я сказал это профессору Розе и профессор Розе ответил в той форме которая есть в документе. Это давало бы некоторую основу для сравнения двух вакцин. Однако, я не воспользовался этим, потому что уже не был тогда в этом заинтересован, так как мы добились ослабления нашего собственного вируса и поэтому мы этого не сделали. Я больше не слышал от профессора Розе об этой вакцине и никогда не получал копенгагенской вакцины.

Типп: Профессор, значит вы говорите, что это была мёртвая вакцина, а именно, копенгагенская вакцина, и была также ваша собственная мёртвая вакцина, которую следовало использовать для предварительной вакцинации, для снижения реакции на живую вакцину. Однако, этот заранее запланированный план никогда не воплощался?

Хааген: Да. Это так.

Типп: Итак, профессор, мы поговорим с вами о вашем письме профессору Хирту 15 ноября 1943 в котором вы просили его предоставить других заключенных. Эта просьба была удовлетворена позднее и вы позднее смогли провести вакцинации в Нацвейлере со своей новой вакциной?

Хааген: Да. Я получил лиц которых запрашивал и в декабре 1943 и январе 1944 мы смогли провести эти вакцинации. Я проводил их на двух группах по 40 лиц каждая, со своим ослабленным вирусом, который уже не был патогенным к человеку, и это я хочу заявить прямо.

Типп: Профессор, пожалуйста опишите кратко эти вакцинации трибуналу.

Хааген: Первой была вакцинирована группа в 40 лиц. Первая вакцинация проводилась одним мл внутримышечно. Первой была вакцина изготовленная из вакцины вируса мышиноного тифа. Ни в одном случае не было никаких местных реакций температуры или других симптомов. Вторая вакцинация прошла неделей спустя. Это снова был один мл вакцины введённой внутримышечно. Она уже не являлась патогенной к человеку. Для завершения истории, я должен сказать, что между вакцинациями Ширмека в мае и этими вакцинациями я обратился к производству вшивой тифозной вакцины; эта вакцина содержала живой вирус. Перед использованием в Нацвейлере, мы протестировали её на себе, то есть, на некоторых сотрудниках, для установления совместимости и эффекта. Нас было всего десять лиц, сотрудники института и также студенты. Только, потом мы использовали вакцину на заключенных Нацвейлера. Четырьмя неделями после последней вакцинации проводились обычные серологические исследования. Использовалась реакция Вайля-Феликса. Средняя оценка титера, позвольте сказать, была лучше чем при вакцинациях крысиным вирусом. Это было 2000. Мне не требуется вдаваться в эти подробности. Общие реакции были обычными реакциями на вакцинации, температурой и головными болями; но не было проявлений настоящего тифа в результате вакцинаций.

Типп: Вы говорил о первой группе, а значит я могу полагать, что была вторая группа. Как вы проводили вакцинацию второй группы?

Хааген: Получилось, что вместо инъекции вакцины, вакцинация могла проводиться путём скарификации кожи, таким же образом как вы царапаете кожу для

вакцинации от натуральной оспы. Поэтому, как и с первой группой, с живой вакциной вируса, я вакцинировал 40 дополнительных лиц путём скарификации кожи. Позвольте отметить, что эксперименты на себе и помощниках проводились таким же способом, путём скарификации кожи. Реакции были сравнительно мягкими, соответствующими реакциям сосудистой тифозной вакцины, так что у нас не было сомнений в проведении такого рода вакцинации.

Типп: Вы описали свои реакции и добровольцев как очень слабые. Итак, реакции заключенных были сильнее, или нет?

Хааген: Да. Они были сильнее. И это можно объяснить только тем, что общее состояние здоровья среди заключенных было ниже чем среди моих сотрудников; но не было такой вещи как обычное проявление тифа или смертельных случаев.

.....

Типп: Но, профессор, на данное заявление я представлю вам кое-что сказанное ранее в этом трибунале и это довольно отличается от того, что вы сказали. Я сошлюсь на показания свидетеля Эдиты Шмидт. 9 января 1947, она сказала о том, что вы проводили эксперименты по вакцинации на 100-150 лицах в Нацвейлере, и в этих экспериментах как говорилось 50 умерли в контрольной группе. Госпожа Шмидт заявила о том, что она знала это из записей, которые вела ваша технический помощник госпожа Кродель, об экспериментах с тифом в Нацвейлере. Вы можете рассказать трибуналу на какие заметки ссылалась госпожа Шмидт – другими словами, как вы объясняете её показания?

Хааген: Совершенно невозможно, чтобы госпожа Шмидт видела протоколы о моих вакцинациях в Нацвейлере в которых случались смертельные случаи, потому что как я уже сказал никто не умер после вакцинаций. Эти заметки госпожи Кродель, которые видела госпожа Шмидт не относились к вакцинациям. Это можно увидеть из цифр упоминаемых госпожой Шмидт, потому что я вакцинировал в Нацвейлере 80 лиц, не 150-200 как заявила свидетель. Свидетель видимо взяла это число и концепцию контрольной группы из последующих записей, которые мы обсуждали ранее; но я могу представить на какие заметки она ссылалась.

Типп: Свидетель, пожалуйста продолжайте.

Хааген: Свидетель говорит правильно, о том, когда эти заметки были сделаны, потому что она говорит, что солнце светило на страницы. Это должна была быть весна или лето 1944. Это соответствует времени, когда эпидемия тифа бушевала в лагере. Таким образом, я полагаю, что госпожа Шмидт действительно видела подлинные заметки такого рода.

Типп: Значит, свидетель, вы говорите о том, что это заметки, которые делались во время эпидемии, проходившей в Нацвейлере, вы может сказать нам когда началась эпидемия?

Хааген: Если говорить по памяти, эпидемия началась в феврале или марте 1944. Постепенно число заболевших стало очень большим, и летом оно достигло почти 1200.

Типп: Позвольте мне отметить в этой связи, что эпидемия тифа подтверждается двумя свидетелями: Грандижаном 6 января и свидетелем Голлем 3 января 1947. Оба свидетеля заявили о том, что весной 1944 и также летом, в Нацвейлере была сильная эпидемия тифа. Свидетель Грандижан, насколько я помню приводил число в 1200-1400, таким образом это согласуется с тем, что вы только, что сказали, свидетель. Итак, наиболее важный вопрос в этой связи, имело ли начало эпидемии какую-либо связь с вашей вакцинацией – я говорю о том, вызвали ли ваши вакцинации эту эпидемию?

Хааген: Нет. Связи между эпидемией и нашими вакцинациями не было. Наши вакцинации уже завершились в январе 1944, а первые заболевания тифом случились в феврале или марте, и они были занесены в лагерь извне, либо из транспортов или других лагерей. Позвольте мне повторить, что больных людей забирали из внешних лагерей в Ширмек где их лечили в особом отделении, потому что не было другого способа их изоляции во внешних лагерях.

.....

Допрос свидетеля, доктора Ойгена Хаагена обвинением

Макхэни: Перейдём к блокноту. Итак, что показывает блокнот? Что такое этот блокнот?

Хааген: Это контрольная книга в которой фиксировались эксперименты с тифозной вакциной на животных.

Макхэни: Этот блокнот касался ваших экспериментов с тифом?

Хааген: Насколько я могу видеть, он выглядит так, как если бы это была текущая лабораторная работа которую мы проводили. Он похож на это, но мне нужно сначала на него посмотреть.

Макхэни: Итак, профессор, должно быть вы сможете рассказать трибуналу, кто написал эту книгу.

Хааген: Её вёл технический ассистент и из рукописных записей, видно, что она делала эти записи; но я не могу расшифровать каждую запись спустя такое долгое

время. Мне нужно сначала их изучить. Мы занимались не только вакцинациями, но и проводили научную работу.

Макхэни: Но хорошо вспомнив, вы можете сказать, что этот блокнот был написан госпожой Кродель, и он касался экспериментов проводимых вами?

Хааген: Лабораторной работы, насколько я могу сейчас видеть. Я хочу внести такое ограничение.

Макхэни: Обвинение просит о том, чтобы документ НО-3852 был отмечен как экземпляр обвинения 521 для идентификации.

Итак, профессор, мы открыли таблицу тестов на двух мышах. Посмотрим на сам блокнот. И для того, чтобы вы могли следовать за моими вопросами, я попрошу вас следить, за карандашными номерами, которые я написал на фотокопии в нижнем правом углу каждой страницы. Вы нашли это?

Хааген: Да.

Макхэни: Переверните на страницу 3?

С позволения трибунала, будет необходимо перенумеровать страницы в вашем переводе. Это одинаково относится к представителям защиты. Когда делался перевод, они поместили некоторые страницы на обратной стороне фотокопии и так как две страницы появляются на одной фотокопии, их нужно перенумеровать. Страница 5 перевода должна быть отмечена страницей 3.

Вы нашли запись за 30 апреля 1943, профессор?

Хааген: 30 апреля 43-го, да.

Макхэни: И она говорит: «С, плюс, плюс, 9 Ш.». Это Ширмек, не так ли профессор? «Ш.»?

Хааген: Нет. Это означает пятый перенос. Это должно быть «пер.», девятым переносом.

Макхэни: Она говорит: «Ш», что означает «Ш»?

Хааген: Мне это не кажется похожим на «Ш.»

Макхэни: А на что это похоже?

Хааген: Сначала, я сказал, что это возможно «перенос – пятый перенос».

Макхэни: Хорошо. Перейдём к записи, следовавшей за 14 мая. В кавычках «две недели», это означает, что вакцину хранили две недели?

Хааген: Где это? Я не могу найти.

Макхэни: 14 мая, непосредственно –

Хааген: Возможно это означает, что она хранилась две недели, да.

Макхэни: И затем вы продолжаете, и она гласит: «1 плюс два точка два для шести мышей, точка пять, ПО. Всем сделаны уколы, шесть точка шесть иммунитет, только две из четырёх умерли под контролем», правильно?

Хааген: Да. Правильно.

Макхэни: Затем, следующая, это 26 мая «четыре недели, три дробь шесть», что означает «три дробь шесть» профессор?

Хааген: «Четыре недели, от трёх до шести», всё, что я могу сказать вам сейчас. Я должен восстановить, то, что написала помощница.

Макхэни: Что же, сейчас оставим это. Она продолжается: «точка 5 на лицо и шесть мышей точка пять И.П., пятеро умерли спустя десятый, четырнадцатый дни. Остальные спустя четыре недели». Что означает «остальные» к одной мышке? Это относится к неустановленным лицам?

Хааген: Нет. Это относится к мышам. Это был просто мышинный эксперимент. И говорится: «Пятеро умерли». У нас должна была быть вся информация о мышах. Это лишь фрагмент.

Макхэни: Но это май 1943, когда вы вакцинировали людей в Ширмеке, и запись говорит: «три дробь шесть, точка пять на лица». Итак вы предлагаете трибуналу, что «лица» относились к мышам? Далее говорится –

Хааген: Но, когда говорится «шесть мышей» с «точкой пять», это была сыворотка, я полагаю, потому что мы также тестировали иммунизационный эффект на мышах. Я не могу интерпретировать это по-другому сейчас. «Четыре недели», означает вакцину, которую хранили четыре недели. «Точка пять на лица» были вакцинированы. Это могло означать, что это был сравнительный эксперимент, для того, чтобы эффективность была протестирована на мышах. Сейчас я не могу дать вам точную интерпретацию. Я очень внимательно должен изучить документ.

Макхэни: К чему относится «на лица»? Это говорит о людях, не так ли?

Хааген: Да. Очень возможно, что это была вакцина, которую мы вкалывали лицам в Ширмеке в мае 43-го; и затем в параллельных экспериментах, мы тестировали её на мышах. Он был всё ещё патогенным к мышам. Это был вирус мышинного тифа.

Макхэни: Но не патогенным к людям. Он убивал мышь, но вы точно не убили бы им никакого человека, правильно?

Хааген: Да. Это показала вакцинация.

Макхэни: Посмотрим на то, что она показала. Посмотрим на запись за 6 июля и вы вспомните, что она о том же времени, о котором давал показания ваш свидетель Хирц. 6 июля, «заборы крови, Ширмек, 10 лиц, у троих лихорадка, Вайль-Феликс» и затем под номерами от 1 до 8, указание на лиц с 1 по 8, вы приводите концентрацию сыворотки и затем переходим к небольшой фразе: «двух других здесь больше нет». Профессор, что насчёт этих двух лиц из десяти? Вы помните, что свидетель Хирц свидетельствовал о том, что он лично заворачивал два тела в бумажные мешки,

которые были доставлены в крематорий, после уколов вашей вакцины. Не это ли те, «двое других которых здесь больше нет», о которых показал свидетель Хирц?

Хааген: Нет. Я бы так не сказал. В допросе защитником, я сказал, что при проверке вакцинированных лиц, никто не исчез. Возможно, что потом – эти серологические исследования были в мае, двумя месяцами ранее – ушли ли и жизни другие заключенные мне неизвестно. Если бы кто-либо умер, где-то была бы запись в протоколе, я думаю.

Макхэни: Разве запись не говорит: «двух больше здесь нет»? Были ли эти серологические исследования в мае? Я не вижу этого в ваших записях. Они показывают какие-нибудь серологические исследования в мае?

Хааген: В институте. И это последующую проверка иммунитета путём экспериментов Вайля-Феликса.

Макхэни: Профессор, мы продолжаем. Итак, вы свидетельствовали о том, что не проводили никаких вакцинаций после мая 1943 в Ширмеке и должно быть, я по крайней мере пять раз предоставлял вам возможность это хорошо понять. И даже в последнем документе предъявленном вам, вы настаивали на том, что их проводили. Следующая запись гласит: «4 октября 1943, шесть месяцев, вакцинировано 20 лиц в Ширмеке, шприц плюс 2 мл дистиллированной воды, 0.5 мл на лицо».

Теперь вы хотите изменить свои показания, профессор?

Хааген: Сначала мне нужно это внимательно прочесть. Здесь цифра «шесть месяцев». Я должен интерпретировать это как «20 лиц вакцинированных в Ширмеке». Вероятно это те 20 человек, которые были вакцинированы в мае, которых упоминал свидетель. «Два мл дистиллированной воды, затем 0.5 мл на лицо». Мне до сих пор неизвестно, что мы проводили вакцинации в Ширмеке осенью 1943. Затем запись от 27-го января, 1944, «девять месяцев».

Макхэни: Это верно. Она приводит вам длительность времени хранения вакцины, не так ли, профессор? К 4 октября 1943 вы хранили её шесть месяцев? Вы вакцинировали 20 лиц в Ширмеке к 20 октября, не так ли, как вы заявили в своём письме Розе от той же даты: «вакцинации проводятся», или похожими словами? Вы помните, что говорили Розе в своём письме от 4 октября 1943, которое я предъявил вам, это был план который вы реализовывали. Эта запись указывает на то, что вы делали это, профессор?

Хааген: Я подчёркиваю то, что говорил ранее. Потом внезапно говорится «январь 1943». Это время гораздо дальше.

Макхэни: Да, это дальше. Профессор, это очевидная ошибка, как вам известно. Иногда люди переходя из декабря в январь совершают ошибку и ставят прошлый

год, вам известно, и очевидно так и произошло в этом случае, потому что он не смог одновременно внести запись за январь 1943 и затем выше этой записи, записи за октябрь, июль и май и апрель 1943, он не мог, профессор? Вы согласны со мной в том, что дату следует читать 27 января 1944, когда вакцина хранилась девять месяцев с 30 апреля 1943, это не так, профессор?

Хааген: Я не могу вспомнить вакцинацию, кого-либо в Ширмеке позднее; я извиняюсь.

Макхэни: Вы помните, что не вакцинировали никого после мая, профессор?

Хааген: Да. Это так.

Макхэни: 27 января 1944, следующая запись «девять месяцев, смешанная с таким же количеством как 21 мая дистиллированной воды плюс шприц, 20 лиц по 10 мл на каждого». Это также было в Ширмеке, не так ли, профессор?

Хааген: Она говорит 1 мл, 1 точка 0 мл. Она ничего не говорит о Ширмеке. Я не могу сказать. Я могу заверить вам ещё раз о том, что мне действительно ничего не известно о вакцинациях. Я извиняюсь.

Макхэни: Профессор, перейдём к странице 4. Видимо это ещё одна серия в Ширмеке. Вы нашли эту запись на странице 4? Ваши чести, переверните на страницу 4 вместо 6.

Председательствующий: Наши страницы пронумерованы 1 и 2. Вы ссылаетесь на номера в оригинале?

Макхэни: Да, ваша честь, страница 6 нашего перевода. Страница 6 оригинала, нужно перевернуть на страницу 4 оригинала.

Итак, профессор, вы нашли запись на странице 4, от 10 октября, «пять месяцев, вакцинированы десять лиц в Ширмеке»? Профессор, вы нашли это?

Хааген: Да.

Макхэни: Это указывает на то, что вы вакцинировали кого-то после 4 октября 1943, вакцинации которые вы упоминали в своём письме Розе, и которые подтверждены этим блокнотом.

И затем, под записью от 10 октября, вы найдёте 27 января 1944. В оригинале есть 1944?

Хааген: 27 января 1944, да.

Макхэни: Восемь месяцев?

Хааген: Да, восемь месяцев.

Макхэни: Вы говорили здесь о вакцинации 20 лиц, не так ли, профессор? Вы можете сказать о них трибуналу, что они прошли в Ширмеке?

Хааген: Я не знаю о том, что в это время в Ширмеке проводились вакцинации. Мы в это время вакцинировали в Нацвейлере и я не слышал о проведении таких вакцинаций. Извиняюсь.

Макхэни: Хорошо.

Хааген: Я пытаюсь интерпретировать документ.

Макхэни: Профессор, давайте перейдём к странице 5. Профессор, вы нашли страницу 5?

Хааген: Да.

Макхэни: Она говорит об ещё одной серии вакцинаций в Ширмеке «13 июля 1943, приблизительно семь недель, Ширмек, 0.5 мл на лицо и шесть мышей перед вакцинацией».

Опустимся ниже по странице. Вы нашли запись за 14 октября?

Профессор, вы нашли её?

Хааген: Да.

Макхэни: «Десять лиц вакцинированы третий раз по 1 мл». Профессор, я думаю, вы говорили нам о том, что не проводили множественные вакцинации с мышинной вакциной в Ширмеке.

Хааген: Я уже давал показания о том, что вакцинации в Ширмеке были в мае 1943. Я не знаю откуда появилась эта запись. Осенью 1943 мы работали только в Нацвейлере. Извините, я не могу дать никакого объяснения.

Макхэни: При этом, профессор, эта запись, указывает на вакцинацию в третий раз на десяти лицах. Это была ваша «Infektions-Versuche», не так ли, профессор?

Хааген: Нет. Я ничего об этом не знаю; извините.

Макхэни: Но ваши серии из трёх вакцинаций, разве вы не называли их «Infektions-Versuche», не так ли, профессор?

Хааген: Но эти вакцинации проводились в Нацвейлере, господин обвинитель.

Макхэни: Книга говорит о том, что они проводились в Ширмеке и четырьмя днями ранее, 4-го октября 1943, вы писали Розе и говорили: «Мы должны провести эксперименты по инфицированию». Профессор, возможно, что вы в реальности имели в виду под «экспериментами по инфицированию» нечто иное чем трёхкратную вакцинацию, которую завершили 14 октября 1943?

Хааген: Позвольте мне посмотреть на то как здесь точно говорится, страница 5, «10 октября-14 октября, десять лиц, три раза точка пять», снова говорится. Он говорит лишь о вакцинации, если документ правильный.

Макхэни: Документ говорит: «Вакцинированы десять лиц, вакцинация в третий раз»? Здесь так говорится?

Хааген: Да. Так говориться. В мае в Ширмеке в контрольной группе мы вакцинировали три раза. Это не невозможно; но, что я заметил в этом документе, если вы хотите связать это с вакциной Ипсен, то здесь ничего не говорится о вакцине Ипсен; я пока этого не нашёл, но говорится о Гильдмайстере.

Макхэни: Я ничего не говорил о вакцине Ипсена. Профессор, давайте продолжим, чтобы мы закончили до перерыва. Помните, вы свидетельствовали о том, что не проводили никаких вакцинаций в Нацвейлере после января 1944. Профессор, переверните на страницу 7 маленького блокнота о ваших экспериментах и при том, что это не единственная запись которая показывает, что вы проводили эксперименты по вакцинации в Нацвейлере после января 1944, я думаю её будет достаточно для наших целей. У вас есть страница 7? Вы нашли запись?

Хааген: Да. У меня есть страница 7.

Макхэни: Вы нашли запись за 25 мая 1944?

Хааген: Да.

Макхэни: Она гласит: «Совместно с Ш вакцинировали, с использованием пяти шприцов М I в Нацвейлере; две ампулы дистиллированной воды, от трёх до четырёх миллилитров на ампулу вакцины, 0.5 мл. Вакцинация прошла в течение инкубационного периода, транспорт также имел заболевших людей, 13 заболели в период с 29 мая по 9 июня; из них, двое умерли».

Затем, она продолжает, приводя концентрации некоторых других. Профессор, вы не хотите изменить свои показания о вакцинации в Нацвейлере?

Хааген: Нет. Я не могу изменить их. Я ничего о них не знаю.

Макхэни: Профессор, посмотрите на слова «совместно с Ш». Что вы понимаете под «совместно с Ш»? Это 25 мая 1944?

Хааген: Понятия не имею, что значит «Ш».

Макхэни: Вы свидетельствовали о том, что подсудимый Шрёдер посещал вас и вы установили дату 25 мая 1944. Есть какая-либо возможность, что «Ш» означает Шрёдера?

Хааген: Нет. Это совершенно невозможно. Невозможно. Профессор Шрёдер никогда не проводил никаких экспериментов ни со мной и не проводил никакой работы в моей лаборатории. Он не работал со мной ни в Нацвейлере, ни в Ширмеке.

Макхэни: Он с вами не находился в Нацвейлере?

Хааген: Нет.

.....

10. Эксперименты с ядом

а. Введение

Подсудимым Генцкену, Гебхардту, Мруговски и Поппендику вменялась особая ответственность и соучастие в преступных деяниях включающих эксперименты с ядом (пар. 6 (К) обвинительного заключения). Только подсудимый Мруговски был признан виновным по данному обвинению.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Мруговски

.....

Эксперименты с ядом

Эксперименты с ядом проводились в концентрационных лагерях Бухенвальд и Заксенхаузен по приказу подсудимого Мруговски. Первая серия экспериментов проводилась в декабре 1943 для того, чтобы установить смертельную дозу ядов группы алкалоидов. Эти эксперименты запрашивались судьей СС, Моргеном, который расследовал уголовное дело против Коха, коменданта лагеря Бухенвальд, и подсудимого Ховена. Ховен подозревался в убийстве с помощью яда свидетеля против Коха. На четверых русских военнопленных Дингом были поставлены эксперименты. Яд добавлялся в пищу подопытных без их сведений. Все четверо выжили, но были задушены в крематории концентрационного лагеря для проведения вскрытий. (НО-265, экз. обв. 287). Так как Динг подчинялся Мруговски, данный эксперимент не мог проводиться без одобрения Мруговски.

11 сентября 1944 Мруговски и Динг провели эксперимент с пулями нитрата аконитина в концентрационном лагере Заксенхаузен. Пули были наполнены кристаллизованным ядом и пятерым подопытным выстрелили в бедро. В двух случаях не наблюдалось никакого эффекта отравления. В остальных трёх случаях, страдания подопытных были ужасными. Все трое умерли после приблизительно трёх часов агонии. Отравленные пули использованные в экспериментах предположительно имели русское происхождение. (НО-201, экз. обв. 290).

Подопытные были русскими военнопленными. Мруговски признал своё участие в этих экспериментах. Он защищает себя исходя из того, что он был

законным образом назначен палачом в этом деле. Признавая правоту этого абсурдного заявления, нельзя законно пытаться до смерти военнопленных даже если они законно приговорены к смерти.

26 октября 1944 Дингом был проведён ещё один эксперимент в Бухенвальде. Запись в дневнике Динга в эту дату говорит: «Специальный эксперимент на 6 лицах согласно инструкциям оберфюрера СС, доцента, доктора Мруговски и РКПА. (Устный доклад). Когон свидетельствовал о том, что Динг говорил ему о том, что русские военнопленные использованные в экспериментах умерли за короткое время. Их позднее вскрыли и сожгли. Динг доложил Мруговски устно. Эти эксперименты были связаны с экспериментами с отравленными пулями в концентрационном лагере Заксенхаузен.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Мруговски

.....

В отношении экспериментов с ядом, я подтвердил в своём письменном заявлении, что утверждение Динга о том, что Мруговски приказал ему присутствовать при убийстве путём эвтаназии фенолом не является верным. Профессор Киллиан, который согласно заявлению Динга присутствовал, когда был отдан приказ, сказал о том, что данное заявление Динга было неправильным. Оно показывает, что изучение вопроса отравляющего эффекта сывороток содержащих фенол, а также и сама серия экспериментов с сыворотками содержащими фенол никогда не проводились.

Эксперименты с первитином согласно дневнику Динга проводились по инициативе доктора Моргена и доктора Венера. Я подтвердил, то, что никакого вреда здоровью не было причинено здоровью подопытных. Эксперименты проводились с первитином, который можно достать в любой аптеке без рецепта и который соответственно не является ядом. В экспериментах он использовался совместно с наркотиком, потому что ведомство хотело установить, будет ли тем или иным способом, в результате такого лечения усилен эффект. Единственным эффектом было то, что подопытные впадали в тревожный сон на 20 часов. Этот эксперимент с первитином не был приказан Мруговски; он не участвовал в нём

никоим образом, и обвинение даже не утверждает, что он знал о нём. Из этого эксперимента точно нельзя вывести уголовную ответственность.

В отношении особого эксперимента на 6 лицах упоминавшемся в дневнике Динга, вновь, единственным свидетелем приводящим подробности является Когон. В своём заключительном обзоре я указал на то, что в этом случае также, Коган дал противоречивые показания на процессе Поля и процессе докторов о происхождении эксперимента. Таким образом его показания не имеют доказательственного значения. Более того, описание Когоном данного эксперимента за исключением опечатывания и сожжения назначений, основано на заявлениях Динга. В отношении этого особого эксперимента, вообще нет доказательств показывающих тип использованного яда, способ проведения специального эксперимента, и цель эксперимента. После краха, Динг говорил подсудимому Зиверсу о том, что в конце 1944 в Бухенвальде он наполнил 80 ампул синильной кислотой для того, чтобы совершить самоубийство, но к сожалению не взял с собой ни одной.

Никто не смог подтвердить, проводил ли Динг свой «особый эксперимент» с этими капсулами синильной кислоты, потому что Динг не оставил отчёта о ходе этого особого эксперимента.

Дневник Динга заявляет о том, что эксперимент проводился по приказу Мруговски и криминальной полиции Рейха. Из-за того, что у дневника столь малая доказательственная ценность, правдивость этого утверждения нельзя подтвердить лишь одним документом. Никаких иных доказательств того, что 6 лиц были отравлены Дингом по приказу Мруговски не было представлено. Поэтому не имеется решающих доказательств того, что Мруговски приказал об этом эксперименте или о том, что он даже знал о нём.

Далее обвинение вменяет Мруговски казнь проведенную в Заксенхаузене с пулями отравленными аконитином. Я подтвердил то, что Мруговски присутствовал на этой казне в качестве обычного доктора присутствующего на казне. Далее я продемонстрировал, что казнь была произведена из-за покушения на жизнь высокопоставленного гражданского служащего в Генерал-губернаторстве, боеприпасы для русского револьвера использованные в нём имели ёмкость для яда аконитина. Использование русских отравленных пуль и книга Гендерсона которая описывала подготовку к использованию отравленных пуль в первой мировой войне, усилила тревогу о том, что вскоре отравленные пули будут использованы на фронте. Я подтвердил, что отравленные боеприпасы использованные для казни должны были установить использовался ли чистый аконтин или отравляющая смесь в пулях и сколько времени имеется для использования антидотов.

Я подтвердил, что все казни в концентрационных лагерях приказывались криминальной полицией Рейха и что присутствие доктора на таких казнях было заранее установленным. Казнь в Заксенхаузене была приказана криминальной полицией Рейха. Никакого обвинения согласно уголовного закона нельзя вменить Мруговски за участие в качестве доктора при казни. Я подробно объяснил это в своём заключительном обзоре.

.....

г. Документы и показания

Частичный перевод документа НО-201
Экземпляр обвинения 290

Отчёт Мруговски в институт криминологии от 12 сентября 1944, об экспериментах с пулями нитрата аконитина

Главный врач СС и полиции

Берлин-Зеллендорф 6,

Главный гигиенист

12 сентября 1944

Журнал №: Секретно 364/44 д-р Мру./Ев.

Шпанише аллее 10-12

Совершенно секретно

Предмет: Эксперименты с боеприпасами нитрата аконитина

В институт криминологии

[Штамп]

свдн: доктор Видманн

Институт криминологии

Берлин

Отделение: Химия

Получено: 13 сен 1944

Журнал № g53/44

Отвественный:

В присутствии штурмбаннфюрера СС доктора Динга, доктора Видманна, и нижеподписавшегося, 11 сентября 1944, на 5 лицах приговоренных к смерти были проведены эксперименты с боеприпасами нитрата аконитина. Исследуемые боеприпасы имели калибр 7.65 мм, и были заполнены кристаллическим ядом. Подопытным, каждому в положении лёжа, был произведён выстрел в верхнюю

часть бедра. Бёдра двух из них были прострелены насквозь. Даже потом, не наблюдалось никакого отравляющего эффекта. Соответственно эти двое подопытных были освобождены.

Входное отверстие боеприпаса не показало никаких особенностей. Очевидно у одного из подопытных была повреждена бедренная артерия. Слабый ручеёк крови вытекал из раны. Но кровотечение прекратилось спустя короткое время. Потеря крови была оценена как самое наибольшее $\frac{3}{4}$ литра и не являлась смертельной.

Симптомы троих осуждённых показали удивительную схожесть. Сначала особенностей не появлялось. Спустя 20-25 минут возникло двигательное оживление и слабое слюнотечение, которые прекратились. Отравленные лица непрерывно сглатывали, но позднее поток слюны стал настолько сильным, что его нельзя было прекратить проглатыванием. Пенная слюна вытекала из их рта. Затем возникли удушье и рвота.

Спустя 58 минут у двоих пульс не ощущался. У третьего был пульс 76. Спустя 65 минут его давление крови было 90/60. Шумы были чрезвычайно глухими. Очевидным было падение давления крови.

В течение первого часа эксперимента зрачки не показывали никаких изменений. Спустя 78 минут зрачки у всех троих показали среднее сужение с замедленной реакцией на свет. Одновременно, возникло усиленное дыхание с тяжкими вздохами. Оно уменьшилось спустя несколько минут. Зрачки вновь расширились и их реакция улучшилась. Спустя 65 минут коленные и пяточные рефлексы отравленных были отрицательными. Брюшные рефлексы у двоих были также отрицательными. Верхние брюшные рефлексы у третьего были пока положительными, при том, что нижние были отрицательными. Спустя приблизительно 90 минут, один из подопытных вновь начал тяжело дышать. Это сопровождалось возрастанием двигательного беспокойства. Затем тяжёлое дыхание перешло в ровное, ускоренное дыхание, сопровождающееся сильным насморком. Один из отравленных попытался вызвать рвоту. Для этого он поместил четыре пальца в глотку, но не смог вырвать. Его лицо покраснело.

Двое других подопытных уже вначале продемонстрировали бледность. Другие симптомы были аналогичными. Двигательное беспокойство возросло настолько, что лица брыкались, закатывали глаза и совершали бессмысленные движения руками и ладонями. Наконец возбуждение уменьшилось, зрачки сузились до максимума и осуждённые остались лежать неподвижно. Спазмы жевательной мышцы и мочеиспускание наблюдались в одном случае. Смерть наступила на 121, 123 и 129 минутах после введения боеприпаса.

Итог: Боеприпасы заполненные приблизительно 38 мг нитрата аконитина в твёрдой форме, имели несмотря на незначительные повреждения, смертельный эффект спустя два часа. Отравление проявилось от 20 до 25 минут после травмирования. Основными реакциями были слюноотделение, изменение зрачков, отрицательные пяточные рефлексы, двигательное беспокойство и сильный насморк.

[Подпись] Мруговски
Оберфюрер СС, доцент и начальник отдела

Отравляющий боеприпас русского пистолетного магазина калибра 7.65

(Перспектива, масштаб 10:1)

[Иллюстрация]

Боеприпас был раскрыт и $\frac{1}{4}$ сердечника (1 фрагмент) был удалён. Свинцовая пломба на дне боеприпаса не показана на данной иллюстрации. Фрагмент чётко виден на правой половине оболочки боеприпаса.

Институт криминологии полиции безопасности
Отделение: Химия
Журнал № g15/44

Русский калибра 7.65 мм пистолетный магазин с отравляющим боеприпасом

(Штамп внизу магазина: Геко¹⁷⁴)

[Иллюстрация]

Институт криминологии полиции безопасности
Отделение: Химия

Фрагмент допроса свидетеля, доктора Ойгена Когона обвинением

---

¹⁷⁴ Gustav Genschow & Co (GEKO) – немецкая фирма производитель боеприпасов и магазинов для лёгкого оружия. Основана в 1887.

.....

Макхэни: Вам, что-либо известно об экспериментах с ядом в концентрационном лагере Бухенвальд?

Когон: Мне известно о двух таких случаях. Первый случай был приблизительно в 1943-44 или поздней осенью 1943, а второй случай вероятно летом 1944. В каждом случае для экспериментов использовались русские военнопленные. В первом случае разнообразные препараты алкалоидов добавлялись в суп с лапшой и назначались 40 военнопленным которые находились в блоке 46. Они, конечно, и не думали о том, что это происходит. Двое из этих пленных заболели настолько, что их рвало, один потерял сознание, у четвёртого вообще не было симптомов. Впоследствии всех четверых задушили в крематории. Их вскрыли и было установлено содержимое их желудков и иные эффекты. Эксперимент был приказан судом СС, следственным судьей СС, штурмбаннфюрером доктором Моргеном. Он проводился в присутствии доктора Динга, доктора Моргена, доктора Веннера, гауптштурмфюрера СС и судей СС и одного из трёх руководителей лагеря, я не знаю был ли это штурмбаннфюрер СС Шуберт или фюрер СС Флорштедт. Второй эксперимент –

Макхэни: Свидетель, перед продолжением второго эксперимента, меня интересует, можете ли вы рассказать трибуналу о причине, почему этот эксперимент с отравлением который вы только, что упоминали, проводился?

Когон: Летом 1943, суд СС в Берлине судил бывшего коменданта Бухенвальда и позднее коменданта концентрационного лагеря Люблин в Польше, штандартенфюрера СС Коха. Процесс вышел на пик. Расследование привело к очень серьезным обвинениям против Коха. Здесь я должен отметить, что обергруппенфюрер принц Вальдек, тогдашний глава округа СС Фульда-Верра, лично противостоял Коху, и это была просто личная неприязнь этих двух людей которая привела к процессу. Человек по имени Кёлер, гауптштурмфюрер в Бухенвальде, был арестован доктором Моргеном и содержался в заключении в концентрационном лагере Бухенвальд. Казалось, что этот гауптштурмфюрер должен дать показания против Коха. Два или три дня спустя гаупштурмфюрер Кёлер был найден мёртвым в камере. За несколько часов он был совершенно здоров. Казалось, что он должен был принять сильный яд. Доктор Морген предположил, что доктор Ховен, совместно с охранником, гауптштурмфюрером Зоммером, убил Кёлера. Кёлер был вскрыт в прозекторской в присутствии учёного из Йены и двоих моих товарищей. Глава патологоанатомического отделения также присутствовал. В желудке покойного были обнаружены алкалоидные вещества. Количество и тип не

были установлены. Для того, чтобы установить смертельную дозу ядов такого типа, суд СС приказал о проведении эксперимента на четырёх русских военнопленных. Это тот эксперимент в блоке 46, который я уже описал. 20 сентября 1943, доктор Ховен был арестован по ордеру доктора Моргена и оставался в заключении суда СС до конца марта 1945. Я точно знаю дату, потому что вечером в субботу доктор Ховен приехал в блок 50 на своём мотоцикле, спросив меня о докторе Динге-Шулере, которого там не было, и он уехал очень расстроенным. Спустя полтора часа я узнал от госпиталя, госпиталя для заключенных, о том, что доктор Ховен ожидал своего ареста.

Макхэни: Другими словами, Морген подозревал Ховена в том, что тот убрал свидетеля против Коха, правильно?

Когон: Да.

Макхэни: Итак, вы объясните трибуналу, о втором эксперименте с отравлением?

Когон: Летом 1944 – я не совсем уверен в точной дате – доктор Динг, которого уже звали Шулер, приехал на время из Берлина и сказал мне о том, что ему поставлена очень неприятная задача. Он сказал о том, что она чрезвычайно секретная и несколько часов спустя, без моих вопросов, рассказал мне подробности в своём кабинете.

Я должен отметить, что тогда уже не было ничего личного или официального, чего бы доктор Шулер не рассказывал мне для того, чтобы получить мой совет. Он совершенно ясно сознавал то, что идея национал-социализма проиграла. Он искал спасения.

Он сказал: «Когон, как вы думаете я могу выйти из этого дела? Я должен протестировать здесь яд на русских военнопленных. Я должен немедленно об этом доложить. Это прямой приказ от Мруговски. Я не знаю как мне выкрутиться».

Он привёл мне рецепт, химическую формулу яда, и я должен был положить этот рецепт в чемодан и запечатать в его присутствии. В своей спешке я не смог его прочесть. Это было некое кодовое имя. Я положил рецепт в чемодан и лишь сказал ему, потому что нас прервали: «Вам известно моё мнение». Тут я должен добавить, что в долгом разговоре ночью я попытался объяснить ему, что всё, что он может сделать в таком случае это как можно большее для политических заключенных, но что в серьезных случаях он должен, как человек, отказаться от выполнения таких приказов которые нарушают моральные законы.

Он засмеялся, когда я сказал и ответил: «Я знаю о ваших религиозных и моральных идеях. Вам известно, что я ни во что не верю. Для меня этот вопрос не стоит; всё, что я могу сделать это выполнить первое предложение и сотрудничать с политическими заключенными».

В деле с этим отравлением, он в большой спешке и волнении пошёл к руководителю лагеря, штурмбаннфюреру Шуберту, которого он заранее проинформировал по телефону и коменданту, оберфюреру Пистеру¹⁷⁵, который также об этом знал и они все пошли – я не знаю присутствовал ли также лагерный врач – в любом случае, они пошли в крематорий, а не в блок 46. Вновь русские военнопленные, четверо из них, были отведены в подвал с 46 крюками на стенах на которых вешали людей. Этим четверым русским дали этот яд. Я не знаю как его вводили. Как сказал мне позднее Динг-Шулер, они умерли очень быстро. Затем их вскрыли и кремировали. Доктор Динг не посылал письменного отчёта по этому вопросу в Берлин. Он сказал мне о том, что должен был доложить Мруговски устно. Динга не только сильно волновал данный вопрос, но и потом он также хранил о нём тайну. Он больше не хотел со мной говорить об этом. Из указаний в его разговоре я узнал о том, что существовала некоторая связь с экспериментами в концентрационном лагере Заксенхаузене возле Ораниенбурга которые Мруговски проводил в присутствии Динга. В пленных должны были стрелять отравленными пулями, потому что Динг сказал о том, что русский военнопленный смог удержать нож и напасть на Мруговски, и что пленного немедленно разоружили.

В любом случае, Динг больше не хотел иметь никакого отношения к этому вопросу, даже в моём присутствии. Спустя короткое время, рецепт и запечатанный конверт были сожжены Дингом в моём присутствии. Он поднёс его к свече и сжёг. Я не смог понять о чём шла речь.

.....

11. Эксперименты с зажигательными бомбами

а. Введение

Подсудимым Генцкену, Гебхардту, Мруговски и Поппендику вменялась особая ответственность и соучастие в преступном деянии включающем эксперименты с зажигательными бомбами (пар. 6 (Л) обвинительного заключения). Подсудимые были оправданы по данному обвинению.

б. Выборка из аргументации обвинения

¹⁷⁵ Герман Пистер (1888-1948) – оберфюрер СС и комендант концентрационного лагеря Бухенвальд в 1942-1945. Приговорён к смертной казни, умер в ожидании исполнения приговора.

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Поппендика

Эксперименты с зажигательными бомбами

Штурмбаннфюрер Динг-Шулер (далее– Динг) проводил эксперименты с зажигательными бомбами в концентрационном лагере Бухенвальд между 19 и 25 ноября 1943. (НО-265, экз. обв. 287). Для того, чтобы установить эффективность вещества Р 17 и мази эхинацеи и жидкости для лечения фосфорных ожогов, пятерым подопытным были умышленно причинены ожоги путём возгорания фосфора, который был извлечён из зажигательной бомбы. Возникшие ожоги были очень сильными, жертвы пострадали от мучительной боли и стойкой травмы. Вещества для тестирования были произведены предприятием доктора Мадауса в Дрезден-Радебеле.

Отчёт о данных экспериментах (НО-579, экз. обв. 288) был направлен Дингом подсудимым Поппендику и Мруговски. Исследовательское отделение «V» (Vonkennel) в Лейпциге также интересовалось этими экспериментами. Переписка Динга с этим отделением шла через Поппендика. Исследовательское отделение «V» являлось лабораторией под руководством штурмбаннфюрера Фонкеннеля, при материальном обеспечении Гравица. (Поппендик 9, экз. Поппендик 8). Поппендик являлся экспертом в ведомстве Гравица ответственным за работу этой лаборатории. Эти показания Когона подтверждаются письмами от Фонкеннеля Поппендику и Динга Поппендику об экспериментах с тифом. (НО-1182, экз. обв. 477; НО-1184, экз. обв. 476; НО-1185, экз. обв. 478). Последнее в действительности было напечатано Когоном за Динга, как можно видеть из пометки в деле.

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Поппендика

Зажигательные эксперименты

.....

Оценка доказательств

Обвинение опросило свидетеля Когона о передаче отчётов о зажигательных экспериментах. Он заявил:

«Фотографии были расположены друг напротив друга, вклеенные в альбом, с подробным описанием; результаты были направлены в двух копиях в Берлин, одна профессору Мруговски, другая – здесь, я не совсем уверен – оберфюреру Поппендику. Мне кажется, что оберфюрер Поппендик точно получил один отчёт об этом предмете, потому что доктор Динг намеревался опубликовать диссертацию об этом в медицинском журнале».

Затем обвинение сослалось в данной связи, на запись в так называемом дневнике Динга от 5 января 1944 (НО-265, экз. обв. 287):

«Протоколы направлены главному врачу СС с просьбой о том, чтобы их переслали на предприятие доктора Мадауса»

Теперь обвинение считает, что оно способно связать друг с другом эти два отрывочных доказательства и хочет подтвердить этим то, что Поппендик получил обычный отчёт, с фотографиями, о зажигательных экспериментах в Бухенвальде.

Сначала защита опросила заинтересованных лиц в Лейпциге, в форме письменных показаний, о предыдущей истории с зажигательными экспериментами – письменные показания доктора Коха от предприятия Мадауса. (Мруговски 103, экз. Мруговски 97), письменные показания Кирхерта (Поппендик 7, экз. Поппендик 9) и письменные показания фон Войрша (Мруговски 115, экз. Мруговски 108), все они приводят схожие отчёты о событиях. Каждый из этих трёх свидетелей, рассмотрев вопрос с различных углов, смог дать под присягой показания о том, что переписка между доктором Дингом и фирмой Мадауса не проходила через Поппендика лично, и что исследовательский отдел профессора Фонкеннеля также не имел никакого отношения к вопросу, что касалось Лейпцига, но эти связи отличались во многих отношениях от тех, о которых можно сделать вывод из заявления Когона.

Для такого лица как Когон, конечно, было сложно, рассмотреть связи в целом, так как он только время от времени получал письма, которые не имели никакого отношения к вопросам рассматриваемым здесь. На основе доступных

писем, он смог сегодня сделать лишь ретроспективные выводы. Поэтому, при формулировании своих заявлений, он следовал некоторой осторожности, квалифицируя вещи заранее как они случились, путём замечаний? таких как «мне кажется», «наверное», и так далее. (Поппендик 21, экз. Поппендик 20). По этим причинам фраза «в таком случае я не совсем уверен» относящаяся к осведомлённости Поппендика об иллюстрированных отчётах о зажигательных бомбах, может являться только указанием на факт, что Когон не хотел обвинить Поппендика, в своих показаниях под присягой, в осведомлённости об этих отчётах, с фотографиями касавшимися зажигательных бомб. Поппендик определенно заявил о том, что он бы запомнил такой отчёт с фотографиями если бы получил его. Тогда, таким образом, неопределённое заявление Когона сталкивается с определенным заявлением подсудимого, который не может быть обвинён в какой-либо недостоверности в ходе своего допроса. Утверждение подсудимого подтверждается тремя вышеуказанными письменными показаниями, которые полностью его подтверждают. Однако, затем Когон говорит: «Я думаю, отчёт...» - затем снова определённое ограничение – «который оберфюрер Поппендик определенно получил, потому что доктор Динг намеревался опубликовать диссертацию об этом в медицинском журнале».

Хотя последнее заявление было сделано больше в качестве подчёркивания, но все же без полной точности, это можно прокомментировать так:

Точно то, что Когон имел доступ ко всем документальным доказательствам представленным к процессу, перед тем как сделать своё заявление. Без сомнения он видел рукопись публикации Динга о тифе (НО-582, экз. обв. 286) со штампом одобрения «по приказу Поппендик», даже если он не видел её во время пребывания в Бухенвальде. Из этого он подумал, что можно сделать вывод о том, что Поппендик является ответственным лицом – несмотря на слова «по приказу» - для одобрения научных публикаций. Когон знал по своей работе в Бухенвальде о том, что Динг задумал опубликовать брошюру о лечении ожогов. Поэтому он воспринимал как само собой разумеющееся, что единственным способом было получение официального разрешения Поппендика, в то время как Поппендик разрешал эти просьбы и подписывал их «по приказу» в каждом случае, когда давалось особое разрешение Гравица. Ни Когону ни нам не известно, была ли такая рукопись когда-либо направлена для публикации. Даже если бы её действительно отправили, не установлено то, что Поппендик должен был давать одобрение на её публикацию. Если Поппендик действительно был уполномочен для публикации такой брошюры «по приказу» - факт, который нельзя подтвердить – есть 100 процентная вероятность, принятия рукописи о тифе (НО-582, экз. обв. 286), в

качестве примера, того, что такая публикация по вопросу искусственного заражения ран человеческого тела не могла бы открыто упоминаться, но была бы скрыта как и было сделано в отношении лечения тифа.

Совершенно очевидно, при том, что даже обвинение не оспаривает это, что Поппендик иначе вообще не играл никакой роли в экспериментах с зажигательными бомбами, и не имел контакта с властями ответственными за них, такими как предприятие Мадауса, доктор Динг и т.д., в то время как он мог быть информирован о том, что происходило в Бухенвальде также в отношении экспериментов с зажигательными бомбами.

.....

в. Документы и показания

Частичный перевод документа НО-579
Экземпляр обвинения 288

Фрагменты из отчёта о результатах от 2 января 1944, о кожной мази – Р 17 – при фосфорных ожогах

Эксперименты на животных

.....

Эксперименты на людях

I. Применение фосфорно-каучуковой смеси и немедленное удаление –

1. С Р 17.

19 ноября. Смесь была накапана на гладкий участок кожи предлечья и немедленно удалена тампоном пропитанным Р 17. Р 17 быстро растворила фосфор и каучук. Участок кожи показал полное исчезновение фосфорицирования. Участок кожи показывал рост температуры до 14 декабря, в чём тестируемые убеждались прикладывая к ним ладони.

2. С CuSO_4 .

19 ноября. Смесь, которая применялась к гладкому участку кожи предлечья, была удалена 2 процентным раствором сульфата меди. Там появилась черновато-коричневая, сильно вязкая масса с металлическим блеском, которая, при вытирании, распространилась по всему участку эксперимента. После изначального

возникновения чёрного дыма (паров фосфора) и сильного дымления, фосфорицирование, из-за формирования оболочки сульфата меди, исчезло почти сразу же. Кажется возможным, что фосфор, при вступлении в контакт с небольшими ранами на коже, поглощается в организм путём ресорбции. Этот участок кожи также показывал рост температуры до 14 декабря.

3. С водой.

19 ноября. Всегда возможно удалить смесь с кожи водой. Однако, в этом случае фосфорицирование длится несколько минут и наблюдаются пары фосфора.

II. Горение фосфорно-каучуковой смеси и лечение:

1. С Р 17.

а. Мгновенное воспламенение.

25 ноября. Смесь применялась к участку кожи 6*3 см и немедленно воспламенялась. После горения за 20 секунд, она была затухшена водой и затем стёрта Р 17. Появился ожог с желтоватой коркой на коже. Позднее сформировалась тонкая корка. Спустя 3 дня, рана была обработана жидкой эхинацеей. К 11 декабря корка отпала; поверхность ран была сухой и розоватой. Эпителий сформировался очень быстро; к 21 декабря только 1/5 поверхности оставалась без эпителия. К 29 декабря этот участок, также почти зажил.

25 ноября. Смесь была применена к участку кожи аналогичного размера (6*3 см) и незамедлительно была воспламенена. Она горела 55 секунд до полного выгорания. Место ожога было протёрто Р 17. Появился желтовато-коричневый ожог, который представлял полость у расширенного участка и волдырь у суженного конца. Сформировалась эластичная корка. На четвёртый день рана была обработана мазью эхинацеи. Затем, к 3 декабря, корка начала сходить; к 10 декабря рана была сухой и затянувшейся; к 13 декабря только край раны показывал корку и основная часть раны была заполнена хорошей грануляцией. Рана продолжила уменьшаться до 29 декабря без лечения.

б. Воспламенение спустя 30 секунд.

19 ноября. Смесь была применена к 2 см² кожи. Спустя 30 секунд была подожжена и спустя 40 секунд горения она была стёрта Р 17. Появился сухой ожог. В течение следующих дней проявился небольшой нагноившийся отёк. Рана обрабатывалась жидкой эхинацеей. Впоследствии, гной быстро исчез, поэтому к 1 декабря там осталась чистая, сухая рана без некроза. В дополнение к этому сформировалась широкая зона роста эпителия и к 29 декабря рана зажила за исключением 0.5 кв.см с отсутствием эпителия.

19 ноября. Смесь вновь применялась к 2 см² кожи, воспламенялась спустя 30 секунд, но обрабатывалась Р 17 лишь спустя 60 секунд горения. Вновь появился

сухой ожог, однако с сильным покраснением и болью в прилегающем районе. Рана сформировала некротическую корку. На третий день она была обработана 10 процентным раствором мази печени трески. К 19 декабря она была сформированной и сухой. Позднее раненый участок стал похож на гладкий окружающий участок. К 29 декабря рана ещё не зажила.

в. Применение одежды закрывающей кожу.

25 ноября. Фосфорно-каучуковая смесь, применялась к одежде закрывающей кожу и воспламенялась. Шестьдесят семь секунд прошло перед тем как она выгорела. Одежда, за исключением небольшого куска, превратилась в пепел. После её стирания Р 17 появился ожог на коже с центральным волдырём, который позднее перерос в тонкую эластичную корку. Спустя 3 дня рана была обработана мазью эхинацеи. До 3 декабря проводилась очистка раны; к этой дате она была сухой, розоватой и затянувшейся; появилась хорошая грануляция. Впоследствии началась быстрая эпителизация. К 29 декабря она ещё не зажила.

2. С CuSO_4 .

а. Немедленное воспламенение.

25 ноября. Смесь применялась к участку кожи 6×3 см, и немедленно воспламенялась. После горения 20 секунд она была затушена водой, и затем стёрта раствором сульфата меди. Во время данной манипуляции весь эпидермис отделился от участка раны. Гнойный отек окружающего участка, 12×13 см, обширный и толстая корка. Лечение проводилось жидкой эхинацеей. К 7 декабря некроз начал спадать и возникла постепенная эпителиализация. К 21 декабря одна-треть участка раны находилась без эпителия (cf. II/1/a/aa). К 29 декабря рана зажила.

25 ноября. Смесь вновь применялась к участку кожи 6×3 см и немедленно воспламенялась. После её выгорания за 60 секунд, участок ожога был протёрт раствором сульфата меди. Появился коричневато-серый ожог с истончённой кожей. Истончение развилось в сильную корку. Она обрабатывалась 10-процентным раствором мази печени трески. Окружающий участок оставался очень красным и болезненным. К 10 декабря появилось подкожное нагноение на краю раны. Впоследствии лечение маслом печени трески было заменено на жидкую эхинацею. К 13 декабря корка отделилась от большей части раны, но окружающий участок оставался более воспалённым чем при соответствующем эксперименте с Р 17 (cf. II/1/a/bb). Грануляция крупная и неравномерная. К 29 декабря рана ещё не зажила; эпителизация развивается очень медленно.

б. Воспламенение спустя 30 секунд.

19 ноября. Фосфорно-каучуковая смесь была применена к 2 см^2 кожи и оставалась там 30 секунд; затем она была воспламенена и после горения 60 секунд

была стёрта раствором сульфата меди. Сформировалась коричневато-чёрная вязкая масса; сухая рана стала черновато-серой. Впоследствии сформировалась толстая корка и возникло значительное отёчное нагноение участка окружающего рану. Лечение проводилось мазью эхинацеи. Нагноение заживало медленнее чем при лечении Р 17 (cf. II/1/b/aa). 5 декабря рана была без некроза, с широкой зоной эпителиализации. К 29 декабря она зажила за исключением 1 см² без эпителия (cf. II/1/bb/aa).

в. Применение одежды закрывающей кожу.

25 ноября. Кожа была закрыта одеждой 6*3 см, на которую применили смесь и затем воспламенили. После её выгорания за 57 секунд от одежды остались небольшие пепельные остатки. После стирания раствором сульфата меди появилось, желтоватое довольно сильное истончение кожи. Рана обрабатывалась 10-процентным маслом печени трески. Спустя несколько дней появились небольшие волдыри, которые засохли к 5 декабря. К 9 декабря, уплотнённый, кусковой некроз стал сходить, и образовалась тёмнокрасная поверхность, с рассеянной грануляцией. Эпителизация развивается очень медленно. К 29 декабря рана ещё не зажила.

3. С водой.

19 ноября. Смесь была применена к 2 см² кожи и воспламенена спустя 30 секунд. Спустя 45 секунд огонь был потушен мокрой тканью и место ожога промыто водой. Ожог пергаментного типа, появилось зеленовато-коричневое окружение. Рана обрабатывалась мазью эхинацеи. К 3 декабря она была чистой, сухой и без некроза. К 5 декабря началась эпителиализация, которая быстро распространялась, и таким образом к 23 декабря рана, в отличие от обработки 10-процентным раствором масла печени трески, была значительно меньше. К 29 декабря она ещё не зажила, но была в половину меньше раны обработанной 10-процентным раствором масла печени трески.

Частичный перевод документа Мруговски 115

Экземпляр защиты Мруговски 108

**Фрагменты из письменных показаний Удо фон Войрша от 3 мая 1947 об
экспериментах по борьбе с травмами вызванными фосфорными
зажигательными бомбами**

.....

С 20 апреля 1940 по 12 февраля 1947 я являлся высшим руководителем СС и полиции военного округа IV и оберабшнитфюрером в Дрездене. В этом качестве я был ответственным за меры противодействия урону вызванному воздушной войной. Я знал доктора Ганса Мадауса, партнёра в фирме «Доктор Мадаус и ко» в Дрездене. Он сказал мне о том, что экспериментирует с борьбой с травмами вызванными фосфорными зажигательными бомбами, которые проводятся в его лаборатории на кроликах. По случаю инспекции всего фармацевтического производства фирмы, я проинспектировал по его предложению, особо многочисленные теплицы и также вышеуказанные эксперименты. Насколько я помню я инспектировал эксперименты ещё раз позднее – тогда я вызвал доктора Кирхерта в качестве медицинского эксперта, который был врачом высшего руководителя СС и полиции.

Эксперименты показались мне настолько успешными, что я доложил о них главному врачу СС и полиции доктору Гравицу; то есть, я обратил его внимание на эти эксперименты по борьбе с травмами вызванными ожогами от фосфорных зажигательных бомб, что по моему мнению имело практическую пользу.

.....

Я не помню доктора Динга, о котором я узнал только сейчас, что предполагается то, что он проводил эксперименты в Бухенвальде с препаратом фирмы Мадауса. Возможно, что при посещении Дрездена он посещал меня вместе с Кирхертом. Но я не помню такого визита.

Я хочу подчеркнуть, что эксперименты на фирме Мадауса произвели на меня большое впечатление, потому что я видел, что кроликов использованных в этих экспериментах очень хорошо вылечили. Содержимое фосфорной зажигательной бомбы втиралось в их кожу, а затем стиралось препаратом Р 17, и не было видно, что это причиняет какую-либо боль животным, потому что они сразу же возвращались в клетку, они сразу же ели и не показывали никакого дискомфорта.

Профессор, доктор Йоахим Мруговски известен мне лично. Он никоим образом не упоминался как участник вопроса с зажигательными бомбами. Так как он мне известен, я бы точно запомнил, если бы он каким-либо образом участвовал в этом или если бы упоминалось его имя.

Доктор Гельмут Поппендик также никогда и никак не упоминался в связи с данным вопросом.

.....

Фрагменты допроса свидетеля, доктора Ойгена Когона обвинением

.....

Макхэни: Свидетель, я спросил вас, известно ли вам, что-нибудь или нет об экспериментах в Бухенвальде с фосфорным содержимым зажигательных бомб.

Когон: ..... Насколько я могу вспомнить, доктор Динг говорил мне весной 1944 о том, что получил приказы от профессора, доктора Мруговски сотрудничавшего с фирмой «Мадаус и ко» в Дрезден-Радебеле о проведении экспериментов на людях в отношении эффекта лекарства против содержимого фосфорно-каучуковых зажигательных бомб. У меня сложилось впечатление о том, что идея для данного эксперимента исходила от доктора Динга и была предложена им доктору Мруговски и затем он получил разрешение для проведения этого эксперимента. Со стороны Мадауса, переговоры вёл некий доктор Кох. У него было лекарство под названием Р 17, которое использовало немецкое население после атак с применением зажигательных бомб.

Посредством оберштурмбаннфюрера, доктора Коха и высшего руководителя полиции района Дрездена, содержимое фосфорно-зажигательных бомб было направлено в Бухенвальд и к четверым подопытным из блока 46, которые выжили в других экспериментах, применили к рукам фосфорную жидкость. Вся масса затем была подожжена и затем лечилась разными способами. В случае одного подопытного, использовалась вода для смывания жидкости, в других случаях мокрая одежда, и в последнем случае применялось Р 17. На этих подопытных были проведены несколько экспериментов.

В одном примере вещество Р 17 применялось непосредственно после возгорания массы; в другом примере, спустя приблизительно пять минут, и ещё в одном, спустя тридцать минут. После того как масса обжигала руку, появлялись сильные ожоги, которые сохранялись несколько недель. Эксперимент проводился особым отделением 5 в Лейпциге, и делались снимки ранений. Предшествующие эксперименты на животных проводились в блоке 40 на кроликах. Эти эксперименты проводились точно так же, и фотографировались различные результаты и фотографии сравнивались друг с другом. Затем их поместили в альбом с точным описанием и результаты направили в Берлин – две копии. Одна была направлена профессору Мруговски, а другая оберфюреру Поппендику, но я не совсем в этом уверен. Мне кажется, что оберфюрер Поппендик точно должен был получить отчёт об этом, потому что доктор Динг планировал написать статью об этом в немецком медицинском журнале.

Макхэни: Итак, вы упомянули, отчёт в альбоме. Вы видели этот отчёт?

Когон: Я лично составил отчёт после того как он был продиктован мне доктором Дингом.

Макхэни: Я спрашиваю вас, является ли документ, который я сейчас передам вам, документ НО-579, отчётом об этих экспериментах с зажигательными бомбами, которые вы описали.

Я прошу передать оригинал документа трибуналу.

Я не слышу ответа на вопрос.

Когон: Да. Это копия отчёта с оригинальными фотографиями.

Макхэни: Я приобщаю документ НО-579 в качестве экземпляра обвинения 288 и прошу передать трибуналу для обозрения. Я особо прошу трибунал перейти к странице 15 и самому экземпляру. Ваша честь, я думаю вам будет легче найти фотографии вклеенные в оригинал документа. Страница 15 и следующие являются фотографиями ожогов рук людей. Свидетель, вы видели кого-либо из подопытных, у кого были ожоги от фосфора?

Когон: Лично я видел всех подопытных, потому что эксперимент проводился в личном кабинете доктора Динга в блоке 50 и в библиотеке института гигиены в блоке 50. Причиной для этого, было то, что эксперимент в блоке 46 среди других подопытных находившихся там мог вызвать слишком большое волнение.

Макхэни: Ожоги были сильными?

Когон: Насколько я помню, они были очень сильными в трёх из четырёх случаев.

Макхэни: Подопытные испытывали какую-либо боль?

Когон: Капо Артур Дитч предложил, чтобы подопытным дали обезболивающее по прибытии в блок 50, для того, чтобы можно было избежать жестоких сцен, и в блоке 50, который полностью отличался от блока 46, избегали пристёгивания наручниками, что было общей практикой в блоке 46. Похоже так было в первом эксперименте, но я видел лишь подопытных. Лично я не присутствовал при экспериментах, и видел подопытных до и после. Как минимум в первом эксперименте, подопытным давали обезболивающее, и спустя полтора часа они приходили в сознание и жаловались на очень сильные боли. Вы можете понять, что они сильно страдали. Я должен признаться, что после просмотра фотографий, мне самому стало плохо.

Макхэни: Вам известно о том, были ли полученные травмы стойкими?

Когон: В случае некоторых ранений, совершенно невозможно, чтобы они полностью зажили; должны были остаться очень глубокие шрамы, потому что раны были большими и глубокими в два или два с половиной сантиметра.

Макхэни: Известно ли вам, что кто-либо из подопытных умер?

Когон: Четырѐх лиц вернули в блок 46, мне ничего не известно о том, какая судьба их ожидала. И мне неизвестно, использовались ли они для дальнейших экспериментов.

Макхэни: Вам известно какой национальности были подопытные?

Когон: Нет. Однако, все четверо носили зелёный треугольник обозначающий то, что они были рецидивистами, и они были немцами.

Макхэни: И вы говорите, что целью этих экспериментов было тестирование неких химических препаратов компании Мадауса для лечения ожогов.

Когон: Да.

.....

Фрагмент допроса подсудимого Мруговски защитой

.....

Флемминг: Итак, я перехожу к экспериментам с зажигательными бомбами. Доктор Когон во время дачи показаний часто говорил об эксперименте доктора Динга с фосфорно-каучуковыми зажигательными бомбами и он сказал о том, что вы приказали о данном эксперименте.

Мруговски: Я не знаю о том, кто приказал этот эксперимент. Я узнал о них лишь из отчёта который был составлен после завершения эксперимента. Отчёт представлен в качестве доказательства. Из него можно увидеть, что также проводились эксперименты с животными. Я полагаю, что они не проводились в блоке 46, а в блоке 50, который находился под моим надзором. Я пошёл с отчётом к Гравицу и спросил его, известно ли ему больше о данном вопросе. Я спросил его прав ли я в том, что некоторые из экспериментов проходили в блоке 50 и если так, то сказать доктору Дингу в будущем ограничиться блоком 46 в таких вопросах, по которым он лично подчинялся Гравицу. Гравиц соответственно ответил, что в этом нет разницы и мне не стоит суетиться. Я также знаю о том, что несколько недель спустя Динг искал этот отчёт и звонил мне, спрашивая есть ли он у меня. У меня его уже не было, так как я передал его Гравицу и он находился в его материалах.

Флемминг: Когон также свидетельствовал о том, что подопытные страдали от серьезной боли и имели раны от 2 до 2.5 сантиметров глубиной, что вело к

формированию обширных шрамов. Я покажу вам документ НО-579, экземпляр обвинения 288 и прошу вас прокомментировать данный документ и показания доктора Когона?

(Документ передан свидетелю)

Мруговски: Первая часть документа касается экспериментов с кроликами. Однако, во второй части, есть фотографии экспериментов на людях. Эти фотографии показывают место на руке на котором производился эксперимент. Когон сказал о том, что ожог причинялся таким образом, что масса фосфора полностью выгорала. Однако, документ говорит о противоположном. Продолжительность времени горения материала не была долгой, но период между временем, когда смесь наносили и временем возгорания был долгим; возможно в этом причина недопонимания. Более того в описании отдельных случаев, можно видеть, что уже к 29 декабря, другими словами четыре дня спустя после эксперимента, ожог почти заживал, или сильно уменьшался в размере. В одном случае была открытая рана 0.5 сантиметров, но вообще не говорится о каких-либо глубоких ранах, а только чисто поверхностных ранах эпидермиса. Постоянно упоминается факт, что раны хорошо заживали и в некоторых случаях раны заживали спустя четыре дня после экспериментов. Ран 2 ½ сантиметровой глубины или больших шрамов не было и в этом показания Когона ложные. В таком случае позвольте мне отметить, что он не говорил исходя из своих сведений. Во время первого обсуждения экспериментов с зажигательными бомбами он сказал о том, что видел подопытных, и затем в том же допросе он позднее сказал, что этого не было. Другими словами, он сообщил о том, что слышал, а не то, что было ему известно из первых рук.

Флемминг: Я представляю трибуналу Мруговски 56, и он будет экземпляром Мруговски 50. Я хочу зачитать со страницы два:

«Лечение фосфорных ожогов «Р 17»

«Бомбардировки фосфорными зажигательными бомбами заставляли искать соответствующий метод лечения. Так как используемый раствор сульфата меди не давал удовлетворительных результатов, фирма доктора Мадауса в Дрездене испытывала другой раствор и изготовила жидкий тетрахлорметан, который был назван «Р 17». Эффективность Р 17 подтвердилась путём экспериментов на кроликах проведённых фирмой доктора Мадауса.

«После завершения тестов на кроликах, доктор Мадаус попросил высшего руководителя СС и полиции фон Вейрша,

Дрезден, прибыть и посмотреть на тесты. Так как моё чрезвычайное ведомство находилось в здании группенфюрера фон Войрша, он попросил меня сопровождать его в фирму Мадауса в качестве доктора и посмотреть на тесты. Это было осенью 1943. По просьбе группенфюрера фон Войрша и фирмы Мадауса я доложил главному врачу СС и полиции о результатах полученных фирмой Мадауса по лечению фосфорных ожогов и предложил, чтобы вещество Р 17 стало доступно в бомбоубежищах. Гравиц пообещал провести ещё одно тестирование.

«Немного после он направил доктора Динга в Дрезден в качестве эксперта по здравоохранению и проинструктировал меня подготовить для Динга знакомство с результатами достигнутыми там, фирмой Мадауса с Р 17. Потом он заявил о том, что по приказам главного врача СС в Бухенвальде, он также протестирует эффективность вещества на кроликах. Он запросил у фирмы Мадауса вещество Р 17. Непосредственно после инспекции фирмы Мадауса он покинул Дрезден.

«Мне также известно, что доктор Динг просил ведомство высшего руководителя СС и полиции предоставить ему содержимое английской зажигательной бомбы, что было сделано через комиссара полиции Лейпцига. Доктор Динг имел Р 17 и материал зажигательной бомбы».

«Также мне известно, что Динг подготовил отчёт о своих экспериментах. Мне это известно, потому что доктор Динг запрашивал моё ведомство в Дрездене несколько раз, в письменном виде и по телефону, есть ли у них этот отчёт, так как он не мог его найти. Предположительно отчёт был с фотографиями. Я не знаю проходил ли отчёт через моё ведомство, так как я находился в Дрездене только один день в неделю. Тогда, когда Динг искал отчёт, меня не было на месте. Поэтому, я полагаю, что он направил его напрямую в фирму Мадауса, так как она была заинтересована в результатах тестирования.

«Когда, спустя значительное время, я так и не услышал от главного врача о том доставлено ли Р 17 в бомбоубежища, я попросил главного врача о встрече. Тогда он заявил о том, что вещество не будет вводиться, так как у него есть только фосфор-растворяющие качества, но нет влияющих на лечение ожогов.

Однако, где-то ещё готовился препарат, который совмещал оба качества и его должны были ввести».

Я представляю далее последний абзац письменных показаний доктора Моргена (Мруговски 23, экз. Мруговски 26). Доктор Морген сказал:

«Проводя осмотр в блоке 46 я постоянно совершал неожиданные визиты для того, чтобы проверить работу в блоке. Однажды, когда я был с неожиданным визитом в блоке 46, проводилось обследование ранений вызванных фосфорными зажигательными бомбами.

«По прибытию, в комнату вошёл большой, сильный заключенный который смеялся. На каждой из двух рук у него было пространство приблизительно в 1 сантиметр шириной и 5 сантиметров длинной, заполненное содержимым фосфорной зажигательной бомбы. Эти участки на обеих руках обрабатывались различными мазями. Во время дискуссии с доктором Дингом мне сообщили, что подопытные вызвались добровольцами на эти эксперименты. Они получали диету больного, пачку сигарет, и один месяц они могли не работать. В случае с заключенным лечение которого мне довелось видеть, у меня сложилось определенное впечатление, что он был добровольцем».

.....

12. Эксперименты с флегмоной

а. Введение

Обвинение представило доказательства с учётом того, что бесчеловечные деяния и жестокости, в целом предполагаемые в параграфе 6 обвинительного заключения, были совершены в ходе экспериментов с флегмоной. Эти эксперименты отдельно не описывались в подпараграфах параграфа 6 обвинительного заключения включающих 12 отдельных типов экспериментирования. По данному обвинению подсудимые Поппендик, Оберхойзер и Фишер были оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительного обзора против подсудимого Гебхардта

..... Эксперименты с сепсисом (флегмоной)

Эксперименты с сепсисом проводились в концентрационном лагере Дахау начиная с осени 1942. Эти эксперименты проводились для установления эффективности биохимического лечения сепсиса и схожих заболеваний.

Свидетель Штёр дал показания об этих экспериментах. Он заявил о том, что сепсис искусственно вызывался путём введения гноя заключенным концентрационного лагеря, которых использовали в качестве подопытных. Он знал по крайней о двух сериях экспериментов. В каждой из этих серий приблизительно половину подопытных лечили биохимическими средствами, а другую половину сульфаниламидом. Первая серия включала 20 немецких заключенных концентрационных лагерей из которых умерли семеро. Для второй серии, было отобрано 40 священнослужителей различных национальностей и 12 умерло в результате экспериментов. Подопытные не являлись добровольцами. Смотрите также обзор слушаний главного военного суда по делу «Соединённые Штаты против Вайсса и других» (НО-856, экз. обв. 125).

Совершенно ясно, что биохимические эксперименты проводимые в Дахау являлись дополняющими к экспериментам с сульфаниламидом Гебхардта в Равенсбрюке. Это видно из того факта, что в сентябре 1942, пока ещё проводились эксперименты с сульфаниламидом, Гебхардт получил от Гравица копию отчёта о биохимических экспериментах в Дахау. (НО-409, экз. обв. 249). Данный отчёт показывает, что приблизительно восемь случаев сепсиса были вызваны искусственно. Отчёт касается результатов полученных при эксперименте на 40 заключенных концентрационного лагеря при лечении сепсиса, флегмоны, фурункулёза, абсцессов и нефритов, помимо прочего.

Десять подопытных умерли. Отчёт также охватывал три заболевания сепсисом в Аушвице, все со смертельным исходом. Он завершается заявлением о том, что эксперименты продолжаются.

История болезни одного из подопытных искусственно инфицированных гноем в ноябре 1942 показывает ужасающую боль, от которой страдали жертвы. То, что подсудимые Гебхардт и Фишер имели больше чем обычную связь с экспериментами с сепсисом в Дахау подтверждается рукописной пометкой Гебхардта на письме написанном Гравицем Гиммлеру 7 сентября 1942, прилагаемых

копиях предварительного отчёта Гебхардта о его экспериментах с сульфаниламидом, совместных с отчётом об экспериментах с сепсисом в Дахау. (НО-2734, экз. обв. 473). Пометка следующая:

«16 сентября 1942. Решено, после беседы с рейхсфюрером СС. Оберштурмфюреру Ф. Фишеру даны новые инструкции для Равенсбрюка и Дахау. Гебхардт» [курсив добавлен].

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Гебхардта

.....

Эксперименты с флегмоной

В ходе заслушивания доказательств, обвинение представило документы и допросило свидетелей с намерением подтвердить то, что помимо других медицинских экспериментов, также проводились эксперименты по лечению флегмоны. В обвинительном заключении сами эти эксперименты, которые проводились в Дахау, не упоминаются. В виду статьи IV указа военного правительства для Германии, которая прямо говорит о том, что обвинительное заключение должно перечислять пункты в достаточных подробностях, следует полагать, что в этом случае надлежащим образом предъявленного обвинения не имеется.

Что касается участия подсудимого Гебхардта, документы представленные обвинением сами по себе показывают, что он не имел никакого отношения к проведению этих экспериментов. Лишь позднее он узнал об экспериментах проводимых в Дахау, что однозначно подтверждается письмом главного врача СС доктора Гравица рейхсфюреру СС Гиммлеру от 29 августа 1942, относящимся к биохимическому лечению сепсиса, которое представлено обвинением как НО-409, экземпляр обвинения 249. Подсудимый Гебхардт узнал об этих экспериментах 3 сентября 1942 по поводу визита главного врача СС доктора Гравица в Равенсбрюк в связи с экспериментами с сульфаниламидом в этом лагере. Подсудимый Гебхардт написал от руки на документе пометку «видел и прочёл». Лишь эта пометка показывает, что он мог лишь впоследствии узнать об этих экспериментах и в особенности о том, что не одобряет их. Если бы было иное, он бы точно сделал на документе другую пометку, например, «согласен» или бы выразил своё согласие похожим образом. Давая показания, свидетель Гебхардт подробно объяснил

трибуналу своё мнение о том, чем был данный эксперимент. Эти эксперименты однозначно демонстрируют, что они осмысленно игнорировали, и противоречили признанным правилам ортодоксальной медицины. Как было также продемонстрировано доказательствами, рейхсфюрер СС Гиммлер не следовал ортодоксальной медицине, а хотел поощрять независимые поиски открытия в разнообразных предложениях и мнениях. Близки к этой концепции, кроме его близости к теориям биологического отбора, биохимия, гомеопатия и гипнотизм, т.е. такие школы медицины, которые вопреки теориям ортодоксальной медицины не борются с некими симптомами заболевания, но посредством так называемой теории симуляции хотят добиться изменения общего физического состояния. Подсудимый Гебхардт, давая показания, ясно объяснил это отношение Гиммлера, которое помимо прочего приводило к отвержению всякой критики ортодоксальной медицины, полагаясь исключительно на экспертов по биохимии.

Однако, доказательства, далее показывают, что после ознакомления с письмом главного врача СС Гравица от 29 августа 1942 (НО-409, экз. обв. 249) и с целью убеждения Гиммлера в бесполезности этих экспериментов, подсудимый Гебхардт сам провёл эксперименты с этими биохимическими лекарствами на пациентах в своей клинике в Хохенлихене, и что он добился убеждения Гиммлера в неэффективности таких лекарств. В этой связи я сошлюсь на заявления самого подсудимого Гебхардта и письменные показания доктора Ядеке и доктора Брюннера, которые я представил трибуналу.

Изучив юридические выводы, которые можно сделать из фактов представленных выше, мы можем придти к следующим результатам:

Подсудимый Гебхардт не совершал ни какого деяния, которое имеет какую-либо причинную связь с данными экспериментами. Он узнал об этих экспериментах только после самого события, и затем он делал всё в своей власти для предотвращения экспериментов такого рода. Обвинение не смогло представить доказательств таких экспериментов проводимых после 3 сентября 1942. Все это подтверждает, что в виду отсутствия причинной связи и отсутствия предварительного регулирования не может стоять вопрос преступного деяния со стороны подсудимого Гебхардта. Признаётся то, что в уголовном законе всех цивилизованных наций сведения полученные после событий не являются достаточными для подтверждения наличия преступного деяния.

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-409
Экземпляр обвинения 249

**Отчёт Гравица Гиммлеру от 29 августа 1942 об экспериментах с
биохимическими лекарствами проводимыми в концентрационных лагерях
Дахау и Аушвиц**

Рейхсфюрер СС
Главный врач СС и полиции
Телефон: 924249.924351.924373
924406
Az: 738/IV/42

Берлин 3 15, 29 августа 1942
Кнезебекштр. 50/51

[Штамп]
Личный штаб
рейхсфюрера СС
G 213

Предмет: Биохимическое лечение сепсиса, и т.д., биохимическими лекарствами.
Рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру
Берлин ЮЗ 11 принц Альбрехтштрассе 8

Рейхсфюрер,

В отношении предыдущих результатов биохимического лечения сепсиса и других заболеваний, я прошу представить следующий предварительный отчёт.

1. Следующие 40 случаев лечились биохимическими лекарствами в госпитале СС в Дахау во время указанное в отчёте. Кроме септических процессов, имеются следующие заболевания в которых решающий эффект может быть достигнут посредством биохимии.

Флегмозно-гнойные процессы.....	17
Сепсис.....	8
Фурункулы и абсцессы.....	2
Заразные оперативные вмешательства.....	1
Малярия.....	5
Плевральная эмпиема.....	3
Септический эндокардит.....	1
Нефроз.....	1
Хронический ишиас.....	1
Желчные камни.....	1

Согласно биохимическим показателям применимым к различным случаям, мы использовали следующие лекарства:

Фосфат калия.....	Д 6
Фосфат железа.....	Д 6 и Д 12
Оксид кремния.....	Д 6
Хлорид натрия.....	Д 6
Фосфат кальция.....	Д 6
Сульфат натрия.....	Д 6
Фосфат магния.....	Д 6
Фосфат натрия.....	Д 6
Фторит кальция.....	Д 6

Случаи сепсиса были вызваны искусственно.

До настоящего времени мы установили, что неблагоприятное течение серьёзных заболеваний с трудом может быть остановлено посредством биохимических лекарств. Все случаи сепсиса были смертельными. В случаях малярии влияния не было.

В случаях обширных гнилостных процессов, с развитием абсцессов, плевральной эмпиемы, септического эндокардита, нефроза, хронического ишиаса и желчных камней, не было выявлено определенного влияния биохимического лечения. В случаях с положительными результатами, оно не показало результата отличного от пациентов, которые, согласно медицинскому опыту, оставались в постели не получая никакого особого лечения.

Впечатление о благоприятном эффекте биохимических средств на выраженных заболеваниях подтвердилось удовлетворительным только в пяти случаях, четыре из которых были сравнительно малыми. Пятый случай включал 17-дневного ребёнка с сильным фурункулёзом. В данном случае улучшение наступило через несколько дней после лечения. Однако, ошибка произошла в процедуре эксперимента, так как в начале использовалось лечение сульфаниламидом.

Сильное нагноение, явно заметное в нескольких случаях, вероятно возникло из-за применения биохимических лекарств. Дозы сахара, которые часто давались и в основном включавшие чистую лактозу в форме биохимических таблеток, вероятно усилили эффект.

Проводились ориентирующие эксперименты. В случае суставной инфекции в качестве профилактического средства давался антисептический фосфат калия Д 6, потому что проведению операции сильно угрожала инфекция. Несмотря

на это, температура возросла до 39° на следующий день. Соответственно, биохимическое лечение не смогло предотвратить проявление или исключить инфекцию, хотя фосфат калия Д 6 был дан немедленно и интенсивно.

Также следует отметить, что очень скоро всё тяжёлобольные прямо отказывались принимать биохимические таблетки, потому что это означало для них пытку – приём таблеток каждые 5 минут, даже ночью.

Наконец следует сказать, что из общего числа 40 заболеваний, был 1 положительный случай и 4 положительных случая с некоторыми ограничениями, против 35 неудач из которых 10 завершились летальным исходом.

Эксперименты в Дахау продолжаются.

Кроме настоящей программы, особое внимание направлено на исследование двух случаев в похожих условиях, из которых один получал аллопатическое, а второй биохимическое лечение.

[Черновая пометка] Видел в Равенсбрюке 3-9-1942, [Подпись]
К. Гебхардт

2. В концентрационном лагере Аушвиц, три типичных случая сепсиса, который возник из флегмоны, лечились – согласно назначению – фосфатом калия Д 4. Ни в одном из случаев не наблюдалось терапевтического влияния на течение заболевания. Все 3 случая закончились летальным исходом.

Эксперименты продолжаются.

[Подпись] Гравиц

Перевод документа НО-2734

Экземпляр обвинения 473

Фрагменты из письма Гравица Гиммлеру 7 сентября 1942 и отчёт об экспериментах с газовой гангреной

Рейхсфюрер СС
Главный врач СС и полиции
Телефон: 924249.924351.
924373. 924406
Дело № 748/IV/42

Берлин, 3 15, 7 сентября 1942
Кнезебекштрассе 50/51

[Резиновый штамп]
(Личный штаб рейхсфюрера СС архив)
(Дело № AR/31/13)
[Подпись] Гебхардт

Предмет: 1. Эксперименты бригадефюрера СС Гебхардта по борьбе с газовой гангреной.
2. Эксперименты по лечению сепсиса биохимией.

Приложения: - 2-Х
Рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру
Берлин

Рейхсфюрер:

В приложении находится предварительный отчёт бригадефюрера СС, профессора Гебхардта о его клинико-хирургических экспериментах в концентрационном лагере Равенсбрюк, а также предварительный отчёт об экспериментах с биохимическим лечением сепсиса проводимых в концентрационном лагере Дахау.

[Подпись] Гравиц

[Резиновый штамп]

Личный штаб РФ-СС приложения
Вх: 9 сентября 1942
Журнал № AR/40/7/42 2
? RF

[Рукописно]

16 сентября 1942
Решено, после разговора с
РФ-СС. Оберштурмфюреру
Ф. Фишеру даны новые
инструкции для
Равенсбрюка и Дахау

[Подпись] Гебхардт

Копия!

[Резиновый штамп]
(Личный штаб рейхсфюрера СС)
(Дело № AR/31/13)

Профессор, доктор К. Гебхардт
Бригадефюрер СС и генерал-майор Ваффен-СС
Главному врачу СС группенфюреру Гравицу

Предварительный отчёт о клинических экспериментах в женском
концентрационном лагере Равенсбрюк

По приказу рейхсфюрера СС, 20 июля 1942? я начал в женском концентрационном лагере Равенсбрюк серию клинических экспериментов с целью проанализировать заболевание известное как газовая гангрена, которое не имеет единообразного течения, и протестировать эффективность известных терапевтических медикаментов.

Кроме того, простые инфекции от травм, которые случаются в военной хирургии также должны быть протестированы, и должно быть испытано новое химиотерапевтическое лечение помимо известных хирургических средств.

.....

Я назначил оберштурмфюрера СС, доктора Фишера в качестве ассистента. Оберфюрер СС, доктор Блюменрент предоставил в моё распоряжение хирургические инструменты и медикаменты. Штандартенфюрер СС Мруговски предоставил в моё распоряжение свою лабораторию и ассистентов.

Оберштурмбаннфюрер СС, доктор Лоллинг, начальник отдела III Д в Ораниенбурге, предоставил ассистентов: оберштурмфюрера СС, доктора Шидловски, гарнизонного врача в женском концентрационном лагере Равенсбрюк и госпожу, доктора Оберхойзер, лагерного врача в женском концентрационном лагере Равенсбрюк.

.....

Вопросом было во-первых путём предварительного эксперимента определить, способ заражения, применив известные результаты из экспериментов на животных. В данных вопросах меня консультировали руководители СС из института гигиены Ваффен-СС, которые передали культуру и дозы инфекционного материала.

Целью было внедрить лимфозные культуры в повреждённую мышечную ткань, для её изоляции от атмосферного и гуморального снабжения кислородом и подвергнуть ткань внутреннему давлению. Процедура инфицирования была следующей: продольный разрез в 10 сантиметров над длинной малоберцовой мышцей; после насечки в связке, мышца была завязана на участке размером с монету в пять марок; анемичная перефирийная зона была создана путём инъекции 3 мл адреналина и на участке повреждённой мышцы под связку был внедрён инфекционный материал (марлевая ткань насыщенная бактериями), подкожная жировая ткань и кожа были сшиты.

В первой серии экспериментов (предварительные эксперименты), были отобраны трое заключённых насколько возможно имеющие одинаковое сложение. Они были инфицированы следующим образом:

Первый: Аэробная смесь (стафилококки, стрептококки, бакт. 5 мл).

Второй: Злокачественный газовый отёк, 4.5 мг

Третий: бакт. Френкеля и почва, возбудитель 4.5 мг.

Эксперимент завершился спустя 30 дней. После изначального местного нагноения на инфицированном участке и росте температуры до 39 градусов, воспаление прекратилось, рана раскрылась на четвёртый день. Опасности для жизни никого из заключённых не возникло. Мы добились воспроизведения симптомов газовой гангрены у третьего заключённого. Спустя 20 дней заключённых освободили в рабочие блоки.

Ход предварительных серий экспериментов подтвердил, что мы не смогли добиться воспроизведения симптомов аналогичных клинике газовой гангрены. На совещании в институте гигиены Ваффен-СС характер инфицирования и условия для бактерий не рассматривались как эквивалент естественным условиям военной хирургии и соответственно экспериментальная подготовка отличалась.

Кишечная палочка была добавлена к микробной культуре и количество бактерий увеличено до 20 миллионов. Кишечная палочка и декстроза были добавлены к смеси злокачественного газового отёка.

Кишечная палочка была добавлена к культуре газовой гангрены Френкеля и при удвоении количества бактерий, была добавлена почва для воспроизводства типичного окружения. Шесть отобранных молодых заключённых были инфицированы по два, вышеуказанной смесью бактерий из первой экспериментальной серии. Один из них остался без лечения для контрольных целей, другой непосредственно после инфицирования был обработан порошком для ран катаксин. Первая перевязка прошла 3 дня спустя, следующие каждый второй день. Оставшийся без лечения перевязывался стерильными бинтами, проходившие лечение катаксином (указанные в графиках как ТК-случаи) продолжали получать обработку катаксином. Аэробные культуры в обоих случаях показали местные абсцессы, которые легко могли быть удалены хирургически.

Злокачественный газовый отёк вызвал местное воспаление с централизованным нагноением, небольшое формирование некроза в глубине и умеренную эмфизему на коже. Местные лимфатические узлы не подверглись воздействию.

У заключённых инфицированных газовой гангреной Френкеля, немедленно получивших антидот столбняка при введении почвы, возникла

сильнейшая воспалительная реакция: абсцессы с глубоким некрозом на участке заражения, эмфизема кожи с формированием волдырей, начался некротический коллатеральный отёк распространившийся от сустава колена до нижней трети бедра также как и щиколотки. Воспаление значительно снизилось после раскрытия раны в день первой перевязки. Эффект раскрытия раны был особо заметным в ТК-случаях, когда воспаление началось несмотря на одновременную терапию. Сильное давление ткани из-за кислорода, высвобождаемого медикаментами, следует считать причиной выраженного местного воспаления.

В сравнении ТК-случаев и контрольных, заключительные критические наблюдения показали:

1. Немедленная терапия не предотвращает возникновение ни обычного нагноения ни «гангрены»
2. Очистка раны быстрее в ТК-случаях чем в контрольных случаях.
3. Формирование грануляции раны происходит быстрее с катаксином.
4. Роль которую играют паранхизматические органы (печень, почки) является менее важной под воздействием катаксина.

При том, что в данном эксперименте явно выраженная гангрена была воспроизведена клинически, её картина до сих пор никоим образом не соответствует известной в военной хирургии; после дальнейших консультаций с сотрудниками института гигиены Ваффен-СС, вакцина была изменена путём добавления опилок. В бактериологической литературе известно, что вирулентность бактерий у подопытных животных может быть значительно увеличена.

В настоящее время проводится тройное исследование. Трое заключенных в каждой группе были инфицированы. Одно лицо осталось без лечения для контроля, второе обрабатывалось как и ранее катаксином, и к третьему применялся порошок марфанил-пронталбина произведённый И. Г. Фарбен, так как он весьма рекомендовался с учётом процедуры Шмика. Данный эксперимент проводится в настоящее время.

При том, что пока нельзя сказать ничего определенного об этой серии экспериментов можно говорить о том, что –

1. Не существует решающей разницы между случаями лечения и отсутствия лечения,
2. Открытие раны, в дополнение к иммобилизации, подтвердилось как наиболее эффективное средство контроля за воспалением,
3. Эффект порошка МП показался как минимум сомнительным в случае III ТМ наиболее выраженной гангрены наблюдавшейся до сих пор.

В настоящее время мы изучаем проблему, почему гангрена в данном случае не развилась полностью. Поэтому, повреждение ткани и исключение мышцы из циркуляции крови должно быть проведено в отдельной операции, и возникший обширный некроз следует инфицировать бактериальным штаммом, который уже прошёл одного человека. Так как это является единственным способом появления чёткой клинической картины гангрены, выводы о химиотерапии могут быть сделаны в связи с хирургическими операциями.

[Подпись] Гебхардт
Бригадефюрер СС

Копия верна
Берлин, 7 сентября 1942
[Подпись] Поппендик
Оберштурмбаннфюрер СС

.....

Фрагмент допроса свидетеля Гейнриха В. Штёра обвинением

Харди: Свидетель, вы, когда-либо слышали об экспериментах с сепсисом и флегмоной в концентрационном лагере Дахау?

Штёр: Да, эти эксперименты проводились на моей станции.

Харди: Откуда вы узнали об экспериментах с флегмоной? Вы их наблюдали? Вы были медбратом или откуда вы получили сведения об экспериментах с флегмоной?

Штёр: Я был медбратом на станции. Однажды, я думаю это было поздним летом и осенью 1943, некий штурмбаннфюрер Шютц прибыл ко мне, с штандартенфюрером по имени Лойе или Лаэром – не уверен в этом – и проинспектировал хирургическое отделение. Ему показали ряд пациентов. Мы должны были снять их повязку и он осмотрел их раны – или даже, он просто поверхностно их осмотрел. После этого, вызвали главного врача концентрационного лагеря Дахау, доктора Вальда, и дали приказ о том, чтобы пациенты некоторое время получали биохимическое лечение.

Харди: Свидетель, будьте любезны пояснить трибуналу каким образом проводились эти эксперименты с флегмоной; то есть, подробности экспериментов? Что они делали с жертвой?

Штёр: В основном лечилась флегмона. Она была распространена в лагере. То есть, флегмона была типичным заболеванием в лагере. Биохимическое лечение проводилось следующим образом:

Выделялось три похожих случая. В одном случае применялось аллопатическое лечение; другому биохимическое и третий получал обычное хирургическое лечение. То есть, третий вообще не получал лекарств, и с раной обращались обычным образом с перевязками и тому подобным. У врачей находившихся там были указания. Мы видели много случаев того как пациент выздоравливал быстрее не получая лекарств или уколов.

Эксперименты такого рода проводились много недель и если я как дилетант могу вынести суждение, я должен сказать о том, что врачи по моим наблюдениям, не были удовлетворены этими экспериментами.

Кроме того, я должен подчеркнуть, что не только раны лечились таким образом, но и внутренние заболевания. Они пытались установить подходит ли биохимическое лечение при жажде, которая была частой в лагере. Мы увидели, что у биохимических лекарств вообще не было влияния на причину заболевания.

Я подчёркиваю, что я говорю как дилетант и что все это было моими наблюдениями.

Осенью, этот штурмбаннфюрер, доктор Шютц сказал лагерному врачу, по имени Бабо, инфицировать ряд людей гноем. Нам, медицинским помощникам ничего не говорили об этом, и мы не знали цели. Эти эксперименты проводила группа людей и они проходили на протяжении периода от шести до семи недель.

Первой группой были немцы инфицированные гноем. Мы, медицинские помощники не понимали причину заболевания и давали пациентам лекарства предписанные врачами. Я вновь подчёркиваю, что половина людей получала аллопатическое, а вторая половина биохимическое лечение. Как медицинские помощники мы могли видеть следующие факты:

Пациенты получавшие аллопатическое лечение выздоравливали гораздо быстрее, то есть, если у них была сила противостоять заболеванию, но пациенты которые принимали эти патологические таблетки, если правильно помню, умерли все за исключением одного. Всего было 20 лиц, которых заразили. Вторая группа включала 40 священников всех национальностей и братьев из религиозных братств. Эти пациенты отбирались из блока в котором были размещены священнослужители. Их отбирал главный врач доктор Вальда и направлял в операционную концентрационного лагеря Дахау. Их оперировали доктор Шютц и доктор Киссельветтер [Киссельвекер?] я думаю таким было его имя – и эти эксперименты

проводились на них. Ряд медицинского персонала и также персонал в операционной и я сам, видел как делались уколы. Мы стояли в приёмной операционной.

Харди: Свидетель, вы поясните трибуналу, что означает слово «флегмона»?

Штёр: Флегмона, насколько дилетант может судить – означает воспаление тканей, и в лагере Дахау флегмоны были очень многочисленными из-за того, что людей направляли в госпиталь слишком поздно. Типичная лагерная флегмона, насколько мне известно, вызывалась бактериями. Лица заболели флегмоной из-за недостатка воды.

Харди: Свидетель, вы говорите, что заключенных использовали для экспериментов в которых им вкалывали гной?

Штёр: Да.

Харди: Вы видели как эти инъекции гноя вводились?

Штёр: Да.

Харди: Сколько заключенных использовали для экспериментов?

Штёр: Я не понял ваш вопрос.

Харди: Каким образом они отбирали заключенных для использования в этих экспериментах, которые касались инъекции гноя? Другими словами, какой был отбор? Какой тип заключенных? Какой национальности и т.д.?

Штёр: Было 40 лиц поступивших из так называемого блока священников.

Харди: Эти заключенные использовавшиеся для экспериментов с инъекцией гноя были здоровыми заключенными?

Штёр: Полностью здоровыми и сильными мужчинами.

Харди: Вы сказали нам о том, что была одна группа, первая группа, из десяти немцев. Сколько умерло в группе?

Штёр: Мне кажется, что первая группа включала десять человек из которых, насколько я помню, умерли семеро.

Харди: Итак, вы сказали нам о второй группе из 40 священнослужителей. Сколько умерло в этой группе?

Штёр: Я видел список выживших и согласно ему, 12 священнослужителей, или даже братьев, умерло.

Харди: Военнопленных использовали в этих экспериментах?

Штёр: Я не знаю были военнопленные или нет. Мы не могли в лагере Дахау говорить о различиях, были военнопленные или нет; по крайней мере я не могу.

Харди: Жертвы используемые в этих экспериментах лечились докторами после инфицирования гноем?

Штёр: Операцию проводили врачи.

Харди: Что же, после их инфицирования гноем как их лечили?

Штёр: После укола, штурмбаннфюрер Шютц давал медицинскому персоналу инструкции о том, чтобы половина получала аллопатическое, а другая половина биологическое лечение. Я подчёркиваю, что группа, которая получала аллопатическое лечение имела специальные лекарства, так называемые лекарства сульфаниламида. У нас было впечатление, что врачи хотели подтвердить то, что биологические лекарства не подходят для лечения такого серьезного заболевания.

Харди: Свидетель, значит вы говорите, что 50 процентов лечили сульфаниламидом, а остальные 50 процентов биологическими медикаментами?

Штёр: Да.

Харди: Итак, после уколов гноя, у заключенного возникал абсцесс?

Штёр: У большей части тех кого лечили биохимически, или даже, у всех из них, возникали абсцессы и очень глубокие абсцессы. У некоторых лиц, которые получали аллопатическое или профилактическое лечение сульфаниламидом, не возникло абсцессов.

Харди: Заключенные подверженные такому обращению испытывали боль?

Штёр: Да.

Харди: Сильную боль?

Штёр: Насколько мне известно, боль была очень сильной.

.....

Фрагмент допроса подсудимого Гебхардта защитой

Зейдль: Следующий документ, который я намерен представить свидетелю это НО-409, который был представлен обвинением как экземпляр 249. Это письмо от главного врача СС доктора Гравица рейхсфюреру СС Гиммлеру датированное 29 августа 1942. Оно ссылается на биохимическое лечение сепсиса. Данный документ был доведён до вашего сведения, не так ли? И это показано комментарием, который вы написали: «Видел в Равенсбрюке 3 сентября 1942. (Подписано) Карл Гебхардт». Вы заранее знали о проведении этих экспериментов и соглашались с ними?

Гебхардт: У меня не было предшествующих сведений об этих экспериментах и могу я в отношении документа высказаться более подробно? Это письмо Гиммлеру, датированное концом августа и подписанное Гравицем. Никогда не упоминалось то, что я должен был получить данное письмо или то, что это письмо должно было придти ко мне. На нём нет ни одной пометки о том, чтобы я контрассигновал его, или согласился с ним, в такой форме. Оно также не обсуждалось ни в Берлине, ни в Хохенлихене ни в штаб-квартирах, ни в Равенсбрюке и в частности, 3 сентября,

когда проходила дискуссия между Гравицем и мной, по второй группе наших экспериментов с сульфаниламидом. Гравиц, который тогда прибыл для того, чтобы показать, что он не согласен, насколько я помню, доставил это письмо и это описание из Дахау. Тогда мы подробно его обсуждали, потому что с моей стороны было много причин заявить этому острый протест. И, могу я отметить, как можно видеть из этого документа о том как Гравиц планировал опубликовать эксперименты или описать их, вопреки процедуре того времени. В пункте (1) оно говорит: «Госпиталь СС, Дахау» и в целом это было так хотя это был госпитальный отчёт. И большинство историй болезни, также говорят в пользу этого. Например, ссылка на странице 3 о пластике суставов, точно является большой операцией, которую можно провести только в госпитале. На следующей странице есть «искусственно вызванный сепсис». На второй странице «случаи сепсиса были в основном вызваны искусственно». Затем на другой стороне оно говорит о том, что среди смертельных случаев не упоминаются 8 случаев сепсиса которые были вызваны искусственно, а 10. Я подтвердил Гравицу, в особенности на этой странице, что описание которым он хотел закамouflировать смесь экспериментов и клинические результаты может быть кем-то поверхностно прочитано и он увидит слово «вызваны искусственно» и он не сможет решить. Затем была фундаментальная мысль в отношении участвующих лиц. Существовала непрактичность в проведении эксперимента в этом учреждении. Затем на странице 3 говорится о том, что лекарство следовало принимать каждые пять минут даже ночью. Тогда я даже не думал отдавать отчёт Гравицу, после того как я случайно его обнаружил. Я написал «прочёл» от руки и сделал логический вывод в отношении Гиммлера и Гравица. В данной связи я не только прекратил влияние Гравица на наши эксперименты, но также запросил у Гиммлера как проводить такие биохимические эксперименты. Я прошу разрешения трибунала описать мне то, что думал Гиммлер в отношении таких экспериментов, и показать, отсюда, насколько невозможным было в некоторых случаях, несмотря на получение сведений, что-нибудь изменить. Для лица, которое училось медицине невозможно поверить в то, что посредством гомеопатического лечения серой и фосфором, в хирургических заболеваниях, также как и внутренних заболеваниях, и метаболических заболеваниях можно на них повлиять. Однако, в медицине конечно можно, занять совершенно иную точку зрения, и это является основополагающей концепцией биохимии и гомеопатии, которой полностью доверял Гиммлер. И в двух предложениях мы описали как все элементы которые есть в природе также имеют следы в человеческом организме. Итак, если одного маленького кусочка элемента не хватает, тогда человек восприимчив и заболевает от той или иной болезни. Терапия и метод лечения

биохимика прямо противоположны медицине практикуемой лицом которое обучалось в школе. Они проводят эксперименты на людях и ищут, какого элемента не хватает у этого человека, и неважно чем он болеет, пациента лечат минимальными дозами элемента которого ему не хватает. Никогда в мире не было практика и биохимика которые согласны, потому что они хотят лечить человека совершенно по-разному. Из этого примера вы можете понять, что когда я пошёл к Гиммлеру и сказал о том, что это безумие не только экспериментировать, но и лечить одновременно десять или двенадцать случаев одинаковыми препаратами, когда я сказал это Гиммлеру, он сказал о том, что он является одним из «самых опытных биохимиков в мире, и дилетант, господин Лойе с ним, и что он был абсолютно убеждён в том, что метод лечения правильный. Гиммлер всегда пытался открыть старые популярные лекарства. Несмотря на моё возражение и несмотря на мои доказательства того, что от этого пострадают хирургические пациенты, эти эксперименты проводились до тех пор пока я не добился перевода доктора Лойе и доктора Кисельвекера из Марбурга (который пользовался полным доверием Гиммлера) в Хохенлихен. Там мы проводили похожие эксперименты совместно с моими пациентами для того, чтобы показать, что такое лечение невозможно. Но даже таким образом я не смог достичь своей цели у Гиммлера, потому что потом, говорилось о том, что лекарства не применялись правильно и тому подобное. Поэтому, можно сделать вывод из этого, что дело было не в том, что Гиммлер придерживался некой медицинской концепции, и если речь шла об эксперименте, можно было его убедить. Гиммлер занимал враждебное отношение к школе медицины и из естественного лечения до биохимии ему шли все мысли, и когда Лойе убеждал его в факте того, что лекарство имеет решающее значение, тогда проводился эксперимент. Могу я заявить в этой связи, что сведения об этом документе имели для меня три результата: то, что Гравиц, который был готов идти на компромиссы как показано здесь, не позволял никому говорить ему о вопросе сульфаниламида; то, что я дал ясно понять Гиммлеру, о ложности идеи, не убедив его, потому что он благоволил биохимии; и то, что эксперимент вероятно был прекращён, в основном из-за последующих исследований в Хохенлихене. Я представлю доказательства этого как только увижу соответствующие показания.

.....

13. Эксперименты с полигелем

а. Введение

Обвинение представило доказательства показывающие, что бесчеловечные акты и жестокости предполагаемые в параграфе 6 обвинительного заключения, были совершены в ходе экспериментов с полигелем. Данные эксперименты отдельно не описаны в подпунктах параграфа 6 обвинительного заключения который характеризует 12 отдельных типов экспериментов. По данному обвинению подсудимые Хандлозер, Бломе и Поппендик были оправданы и осуждён подсудимый Зиверс.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Бломе

.....

С целью тестирования эффективности коагулянта крови «полигель», Рашер проводил эксперименты при которых стреляли в заключенных концентрационного лагеря Дахау. Дядя Рашера, в своих письменных показаниях, описывает смертельные эксперименты которые проводились его племянником. В августе 1943, он посещал Рашера в Дахау и пока Рашер выходил из кабинета, он видел отчёт, которые он описал как следующий:

«Он относился к отчёту о расстреле (казне) четырёх человек для цели экспериментирования с кровоостанавливающим препаратом «полигель 10». Насколько я помню там были русский комиссар и умственно отсталый, я не помню двух других. Русскому выстрелил сверху в правое плечо эсэсовец стоявший на стуле. Пуля остановилась у селезёнки. Описывалось то, что русский дёргался в конвульсиях, затем сел на стул и умер спустя 20 минут. В протоколе вскрытия описывался разрыв лёгочных сосудов и аорты. Далее описывалось, что разрывы были заполнены сгустками крови. Это могло быть единственным объяснением сравнительно долгого выживания после выстрела». (НО-1424, экз. обв. 462).

Данные доказательства соответствуют показаниям свидетеля Штёра и письменным показаниям Поля (НО-065, экз. обв. 221). Даже подсудимый Гебхардт признал, давая показания, что он знал о том, что Рашер проводил эксперименты со свёртываемостью крови на заключенных концентрационных лагерей.

Доказательства подтверждают, что Бломе сотрудничал с Рашером в исследованиях полигеля. Это сотрудничество началось уже в середине 1943 в связи с исследованием рака. (НО-473, экз. обв. 237; также НО-538, экз. обв. 122, записи за 18 февраля, 7 апреля, 14 апреля и 26 июня 1943). Подсудимый Зиверс заявил в своих письменных показаниях о том, что: «Бломе также обладал полными сведениям об экспериментах со свёртываемостью крови в Дахау. Он получал отчёты от Рашера и имел осведомленность в данных вопросах». (НО-473, экз. обв. 237). Бломе признал, что Гиммлер поручил Рашеру работу с ним в сфере свёртываемости крови. Одним из сотрудников Рашера в исследованиях полигеля был заключенный концентрационного лагеря Дахау по имени Роберт Фейкс. В письме от 15 сентября 1943, Рашер запросил Зиверса обратиться к Бломе, для того, чтобы последний мог организовать освобождение Фейкса и его восстановление в его бывшей категории полуарийца. Рашер заявлял в своём письме о том, что «Бломе внушает мне большие надежды в этом отношении» (НО-611, экз. обв. 239). Этим подтверждается, что Бломе уже летом 1943 сотрудничал с Рашером в исследованиях полигеля. Очевидно, Бломе не предоставил бы своего содействия не зная заранее о том, что будет тестироваться полигель.

В последней части 1943, Рашер и доктор Хаферкамп написали документ о полигеле. Этот документ проводит, чёткое различие между экспериментами на людях для тестирования эффекта полигеля и клиническим тестированием. Он говорит о том, что: «Перед тем как мы провели клиническое использование вещества и оно было опробовано, оно было протестировано на людях путём экспериментов о его влиянии в период свёртывания и кровотечения». Кривые показывали реакцию полигеля на свёртываемость и кровотечение. Далее, документ обсуждает, клинические наблюдения во время операций. (НО-438, экз. обв. 240). Эксперименты упоминавшиеся в данном документе очевидно являлись теми в которых расстреливали заключенных. Они не описаны в документе, потому что он был подготовлен для публикации. Бломе свидетельствовал о том, что единственные эксперименты о которых он знал были теми в которых забирался один кубический сантиметр крови для того, чтобы понять насколько быстро она свёртывается в шприце. Такие тесты нельзя описать как эксперименты. Таким образом, невозможно было совместить тестирование коагулянта крови Рашером с ранениями солдат на поле боя. И это было прекрасно известно Бломе тогда, нежели сейчас трибуналу. Он знал о том, что Рашер проводил эксперименты с охлаждением приводившие к смерти. Его информировали об экспериментах с тифом в Бухенвальде. Более того, это нечестное объяснение Бломе не охватывает эксперименты для тестирования полигеля при кровотечении; тестирование крови в тестовых шприцах затрагивает

только процесс свёртываемости, а не кровотечения. И таким образом он был вынужден добавить неправдоподобное, сказав о том, что Рашер однажды сказал ему о том, что он или другой доктор растирал верхнюю часть бедра лица под анестезией пока она не начинала кровоточить и затем тестировал эффективность полигеля. Но Бломе сказал: «Я не воспринял это заявление серьёзно». Вещь которая не воспринималась всерьёз это отражение невежества Бломе в экспериментах к которым он имел непосредственный личный интерес.

Бломе одобрил публикацию бумаг упоминавшихся выше в «Muenchener Medizinische Wochenschrift¹⁷⁶». (НО-616, экз. обв. 244). И Гравиц и Поль заявили возражения публикации статьи, потому что с ними не проконсультировались и потому что упоминались КЛ Дахау и эксперименты на людях. (НО-614, экз. обв. 245; НО-615, экз. обв. 246). Оба этих человека знали о смертельных экспериментах с полигелем Рашера. Гебхардт знал. До сих пор Бломе просил трибунал предположить, что он был слишком наивным, чтобы знать; то, что он даже не мог поверить в то, что Рашер умышленно растирал ногу заключенного для тестирования полигеля.

23 февраля 1944 Рашер получил исследовательское задание по полигелю от совета исследований Рейха. (НО-656, экз. обв. 247). Бломе признал то, что он принял это задание. Дневник Зиверса раскрывает, что к 1 февраля 1944, производство полигеля Рашером было включено советом исследований Рейха в список промышленности военной экономики. 22 февраля Зиверс провёл с Рашером совещание на котором обсуждались дополнительные вопросы производства этого вещества, эксперименты Бломе, и отчёт о полигеле для подсудимого Гебхардта. 24 февраля 1944 Зиверс провёл телефонный разговор с Бломе в котором Бломе сообщил ему, что Гиммлер отдал приказ о работе Бломе в Дахау в сотрудничестве с Рашером. (3546-ПС, экз. обв. 123). Бломе признал, что Гиммлер попросил его сотрудничать с Рашером в исследованиях полигеля. Когда Плётнер 31 марта принял работу Рашера, Бломе продолжал интересоваться полигелем, что показывает телефонный разговор с Зиверсом о данном вопросе 24 июля.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительного обзора от имени подсудимого Бломе

¹⁷⁶ «Мюнхенский медицинский еженедельник» (нем.)

Вопрос полигеля с самого начала был слабейшим пунктом в обвинительном заключении против доктора Бломе. Лечением является создание сгустков крови и предовтращение смертельных кровотечений в результате ранений полученных в бою или операции, или от травмы приводящей к обширной потере крови. Одинаково безопасное и полезное средство видимо стало предметом обвинений лишь потому, что доктор Рашер однажды утверждал, что он убил из пистолета четверых заключенных концентрационного лагеря для того, чтобы испытать на них полигель. (НО-1424, экз. обв. 462; НО-065, экз. обв. 221). Но мне кажется, что любой интеллигентный человек должен относиться к этому утверждению Рашера с величайшим недоверием, потому что нельзя пытаться остановить кровь у умершего лица и доктор Бломе, как и остальные врачи, постоянно уверял меня в том, что они не понимают о чём думал доктор Рашер проводя такие акции, которые конечно не имеют ничего общего с «экспериментами». Но даже при предположении о том, что эти истории доктора Рашера были правдой – то, что он убивал некоторых заключенных концентрационного лагеря для проведения «эксперимента» с «полигелем» - как может доктор Бломе нести за них ответственность, человек который вообще не имеет к преступлениям доктора Рашера никакого отношения? Доктор Бломе с волнением ожидал представления обвинением доказательств подтверждающих, что он (доктор Бломе) имел какое-нибудь отношение к действиям доктора Рашера, что он хотя бы одобрял или как-нибудь знал о них. Документ представленный обвинением подтверждает, что доктор Бломе точно не может нести ответственность за предполагаемый расстрел четверых заключенных концентрационного лагеря доктором Рашером. (НО-1424, экз. обв. 462). Это убийство было совершено доктором Рашером, если оно вообще совершалось, до августа 1943, согласно документу НО-1424. В этом месяце свидетель Фридрих Карл Рашер обнаружил на письменном столе своего племянника, доктора Рашера, отчёт о расстреле четверых заключенных концентрационного лагеря. Однако, доктор Бломе, услышал о полигеле впервые, только во время своего второго визита к Гиммлеру в августе или сентябре 1943; до этого ему был неизвестен данный вопрос. Заявление доктора Бломе согласуется с показаниями Зиверса от 10 апреля 1947, согласно которым совместный визит доктора Бломе, Зиверса и Рашера к Гиммлеру был осенью 1943. Из этого очевидно, что убийство четверых заключенных концентрационного лагеря доктором Рашером, если оно и было полностью связано с полигелем, произошло без сомнения во время, когда доктор Бломе не имел сведений об этом кровоостанавливающим средстве. Доктор Бломе верно указал на то, что было бы

совершенным безумием убивать людей только для цели тестирования кровоостанавливающего средства в то время, когда каждый день давал избыточный материал для тестирования кровоостанавливающего средства для наблюдения и изучения эффекта полигеля на тысячах раненых солдат и пациентах, прооперированных на фронте также как и гражданском населении.

В данной связи, между тем, довольно интересно было узнать из допроса свидетеля Неффа, что он никогда не видел и не наблюдал никакого подобного «эксперимента» доктора Рашера. Доктор Рашер не говорил Неффу о чём-либо таком, хотя Нефф являлся доверенным лицом Рашера и хорошо знал о Рашере и его «экспериментах». Даже в лагере ничего не говорилось об этих предполагаемых «экспериментах» доктора Рашера с полигелем, хотя нельзя было сохранить это в тайне если бы Рашер действительно застрелил четверых заключенных концентрационного лагеря для проведения на них «экспериментов» с полигелем.

Эти факты оправдывают серьёзные сомнения о том, что эти эксперименты вообще имели место и в частности имели ли они отношение к кровоостанавливающему полигелю.

В действительности, полигель является абсолютно безвредным веществом, и в форме укола и в форме таблетки, и использование такого вещества в такой форме нельзя рассматривать преступным экспериментом против человечности как указано в обвинительном заключении представленном трибуналу. Даже при введении путём инъекции с последующим забором крови у подопытных, он совершенно безвреден. Он никак не может причинить больше «боли» нежели другой укол, и всё тестирование вещества включало только забор одного мл крови из вены так называемого подопытного. Таким образом мы не видим здесь эксперимента который можно считать преступным и причиняющим сильную боль или опасным по иным причинам.

Кроме того, концепция «преступных экспериментов на людях» уже была объяснена на процессе фельдмаршала Мильха в приговоре от 16 апреля 1947; данный приговор прямо ограничивает границы таких экспериментов, экспериментами «которые могут причинить пытку или смерть подопытным». Таким образом, нельзя, в настоящих слушаниях, возражать таким экспериментам которые не могут предполагаться вызывающими смерть подопытного сопровождаемую сильной болью. Ничего подобного не было при введении полигеля. Так он служит в качестве кровоостанавливающего средства которое может быть полезным для пациента или наоборот, оно просто не имеет эффекта. Полигель никогда не имел никаких вредных последствий, как минимум никакого вреда здоровью; хотя об этом и не говорило обвинение, полигель в целом используется в хирургии и сейчас.

И наконец, все лица которые подверглись тестам полигеля являлись добровольцами. Однако, доктор Бломе, не смог здесь подтвердить этого допросив изобретателя вещества Фейкса, потому что обвинение помешало защите допросить Фейкса переводя его в Дахау, откуда он сбежал. Расшифровка допроса Фейкса обвинением здесь не представлена, хотя Фейкс и сказал лично мне, что он не может понять как можно винить в связи с полигелем доктора Бломе. Но другой свидетель, а именно Вальтер Нефф, свидетельствовал здесь о том, что подопытные на которых проводились эксперименты были добровольцами, также как и он сам. Так как Нефф был представлен в качестве свидетеля обвинением, последнее вряд ли хотело бы, чтобы показания под присягой Неффа были неправдой.

Приговор от 16 апреля 1947 в отношении фельдмаршала Мильха цитированный выше, прямо говорит о том, что медицинские эксперименты являются наказуемыми только если проводятся без согласия подопытных. Более того, наказуемость предполагает, что эксперимент являлся «пыткой» для подопытного или подвергает опасности его жизнь. Оба условия очевидно не применимы к полигелю. Таким образом, можно придти к выводу о том, что было бы лучше не упоминать в рамках предмета данного процесса то, чего не может найти даже самый внимательный наблюдатель.

Это особо относится к отчёту института военно-медицинских исследований (отделение Рашера), о свёртываемости крови. (НО-438, экз. обв. 240). В данном отчёте, автор, доктор Рашер, подчеркивает важность «полигеля 10» для боевых подразделений и при операциях и описывает пять операций в которых полигель использовался с хорошими результатами. Не может быть сомнения в том, что эти пять благоприятных операций, которые проводились на пациентах совершенно законно и в которых в абсолютно надлежащей манере тестировалась эффективность полигеля для остановки кровотечений, как это обычно делается, с похожими веществами. Непостижимо как из этого отчёта можно сделать вывод о незаконных «экспериментах».

Одна из этих законных операций, кстати, описана в отчёте лагерного врача, доктора Кара, датированном 10 октября 1943 (10 декабря 1943) (НО-656, экз. обв. 247); он не даёт никакой базы предполагать об «эксперименте». В этой связи важно заметить, что сам доктор Бломе, в своих письменных показаниях от 25 октября 1946 (НО-471, экз. обв. 238), в пункте 8 описал использование полигеля в случаях «боевых ранений и операций», но разбирает «эксперименты на людях» в следующем 9 пункте. Поэтому доктор Бломе с самого начала знал о том, что полигель не имеет никакого отношения к «экспериментам на людях».

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-1424

Экземпляр обвинения 462

Письменные показания Фрица Фридриха Карла Рашера, д.м.н., от 31 декабря 1946 о жизни и деятельности доктора Зигмунда Рашера

Я Фриц Фридрих Карл Рашер, надлежащим образом давший присягу заявляю:

1. Я родился 13 августа 1888 в Кёльмюнце/Швабен-Нойбург. Я являюсь гражданином Германии. Мой адрес проживания в настоящее время: Гамбург, Паркаллее 78. Я посещал следующие школы: 4 года общественной школы в Аугсбурге, 4 года в гимназии святой Анны в Аугсбурге, 2 года реальной гимназии в Аугсбурге и 4 года средней школы в Равенсбурге. Я закончил юношеское училище в Равенсбурге в 1909. Я 5 лет изучал медицину в Мюнхене. Я сдал свой государственный экзамен в 1914 в Мюнхене. С 1914 по 1917 я работал как врач общей практики. Осенью 1917 я был призван в вооруженные силы, однако оставался сначала в Гамбурге в резерве внутренней гвардии и одновременно работал врачом общей практики до мая 1918. С мая 1918 до ноября 1918 я был медицинским офицером. С конца 1918 до настоящего времени я являюсь врачом общей практики в Гамбурге.

2. Я являюсь дядей доктора Зигмунда Рашера и всегда поддерживал со своим племянником добрые семейные отношения. Я также был знаком с женой доктора Зигмунда Рашера, Нини Рашер нии Диль. Я также поддерживал контакт с доктором Зигмундом Рашером и его женой во время войны до ареста в конце 1943 или начале 1944. По вышеуказанным причинам, я могу сделать следующее заявление:

3. Присутствуя на свадьбе моего племянника в Мюнхене он сказал мне о том, что его попросили принять лабораторию в концентрационном лагере Дахау по приказу Люфтваффе и в связи с «Аненербе». Это предложение было сделано ему при посредничестве его жены и Гиммлера. Он сказал мне о том, что это будет хорошим шансом работать свободно и спокойно. В то же время он видел в этом шанс продолжить свои эксперименты по кристаллизации крови. В этих экспериментах его поддерживала родственница его жены по имени госпожа Лулу,

которая позднее совершила самоубийство. Тогда я посоветовал племяннику отказаться от такой работы.

4. В августе 1942 я услышал от своего племянника в Мюнхене о том, что он принял лабораторию в Дахау и что он активно работает. Зная усердие и амбиции своего племянника я не был удивлён тому, что он принял эту работу.

Тогда я приехал с племянником в машине ко входу концентрационный лагерь, но не вошёл. Единственное, что я услышал от племянника тогда, было то, что он проводил тесты с большой высотой на себе.

5. В августе 1943 я дважды был со своим племянником в концентрационном лагере Дахау. Первый раз я попал только в его личную квартиру и не видел лаборатории. Второй раз он показал мне свою лабораторию и представил меня своим коллегам. Я помню следующие имена: доктор Панценгрубер и доктор Фейкс. Я посетил химическую установку свёртываемости крови. Тогда он также рассказал мне об экспериментах по охлаждению. Он сказал о том, что проводил их сначала на себе, и затем пригласил меня с одним из его коллег, который трижды вызывался добровольцем для экспериментов. Если я правильно помню, Гиммлер, предположительно присутствовал на одном из таких экспериментов и помиловал человека который был приговорён к смерти. Во время отсутствия моего племянника я случайно нашёл у него на столе следующий документ:

Он относился к отчёту о расстреле (казне) четырёх человек для цели экспериментирования с кровоостанавливающим препаратом «полигель 10». Насколько я помню там были русский комиссар и умственно отсталый, я не помню двух других. Русскому выстрелил сверху в правое плечо эсэсовец стоявший на стуле. Пуля остановилась у селезёнки. Описывалось то, что русский дёргался в конвульсиях, затем сел на стул и умер спустя 20 минут. В протоколе вскрытия описывался разрыв лёгочных сосудов и аорты. Далее описывалось, что разрывы были заполнены сгустками крови. Это могло быть единственным объяснением сравнительно долгого выживания после выстрела. После прочтения первого протокола я был настолько шокирован, что я не читал остальные. Тогда я взял образец кровоостанавливающего препарата со стола, который я представляю в материалы дела.

6. По пути в Мюнхен после посещения Дахау, которое было последним, я вызвал своего племянника на беседу. Он впал в гнев, когда узнал о том, что я знаю о данном вопросе. После увещаний к его совести, как с научной так и человеческой точки зрения, он сломался и заплакал: «Я даже не думал, я даже не думал». В Мюнхене мой племянник и я продолжали этот разговор всю ночь.

Доктор Зигмунд Рашер тогда признал, что он выбрал неправильный путь, и что у него нет возможности уйти.

7. В конце 1943 или начале 1944 я получил письмо от моего племянника, в котором он сообщал мне о том, что он и его жена были арестованы из-за незаконного усыновления (и регистрации) ребёнка. Это письмо сопровождалось запиской криминальрата Шмидта из Мюнхена в котором он сообщал мне о том, что я должен связаться с ним если, что-либо знаю по данному вопросу. Тогда я написал в Мюнхен о том, что я считаю это невозможным, потому что лично видел госпожу Рашер беременной. Я являюсь доктором и осматривал её сам. Это было перед рождением второго ребёнка; тогда она была на шестой или седьмой неделе беременности. Я хочу добавить, что первый сын очень сильно похож на своего отца и также имеет схожие привычки.

8. С этих событий в 1943 или 1944 я не слышал о докторе Зигмунде Рашере или его жене. Только в 1946 я узнал от разных людей о том, что мой племянник был расстрелян в Дахау перед приходом американцев и что его жену повесили в Равенсбрюке или Берлине по приказам Гиммлера. Я также представил в материалы дела три фотографии сделанные в молодости доктора Зигмунда Рашера. Все документы моего племянника, которые находились у меня я сжёг в 1944, потому что опасался Гестапо.

Я прочёл вышеуказанные письменные показания на немецком языке и заявляю, что они являются правильными по мои воспоминаниям и убеждениям. Мне была дана возможность внести изменения и поправки в вышеуказанные письменные показания. Эти письменные показания были даны мной добровольно, без каких-либо обещаний или награды и я не был подвержен принуждению или давлению какого бы то ни было рода.

[Подпись] Рашер

Гамбург, 31 декабря 1946

Частичный перевод документа НО-438
Экземпляр обвинения 240

**Отчёт института военно-медицинских исследований (отделение доктора
Рашера) о «полигеле 10»**

[Рукописно]

Mue. med. Wo. Schri
Доставлено 20 дек. 1943.

Из института военно-медицинских исследований (отделение доктора Рашера)
«полигель 10», кровоостанавливающее средство вводимое орально
от доктора медицины З. Рашера и доктора медицины Х. Хаферкампа, Вальтерхаузен
(Тюрингия)

Хорошее кровоостанавливающее средство должно иметь следующие характеристики:

1. Оно должно быть безвредным.
2. Оно должно легко вводиться (орально)
3. У него не должен быть неприятный вкус
4. Он должен иметь глубокий и длительный эффект при кровотечении и свёртывании.
5. После спада эффекта его должно быть возможно ввести без какой-либо опасности.

Кровоостанавливающие средства находящиеся в коммерческой продаже отвечают данной задаче лишь частично. Неизвестен ни один кровоостанавливающий препарат в форме таблеток, устойчивый, невосприимчивый к холоду и поэтому легко перевозимый. Но было бы важным производить такой препарат, применение которого имело бы следующие важные преимущества:

1. Его можно профилактически давать боевым подразделениям перед атакой и экипажам самолётов перед вылетом. Можно будет избежать слишком большой потери крови, когда перевязка ран затягивается; похожим образом он отдалит обездвиживание раненого из-за потери крови.

2. Перед операциями в которых ожидается большой участок кровотечения, его можно будет использовать на оперируемом участке для устранения кровотечения.

3. Лица имеющие большое время свёртываемости крови могут получить большую пользу в качестве лекарства при удалении зубов и т.д.

4. В тяжёлых случаях лёгочного или желудочного кровоизлияния, которые нельзя лечить хирургически, такое лекарство спасёт жизнь.

Нам кажется, что мы имеем такое лекарство как «полигель 10», препарат составленный и протестированный в нашем институте, которое соответствует вышеуказанным требованиям. «Полигель 10» является веществом составленным на базе «пектина»; это новый метод, отличающийся от других кровоостанавливающих

препаратов на пектиновой основе обнаруженный в активации пектина перед его составлением в кровоостанавливающее средство.

Перед клиническим использованием вещества, оно было опробировано, и протестировано на людях посредством экспериментов на его влияние в период свёртываемости и кровотечения. Период свёртываемости регулярно устанавливался за короткие интервалы путём 10 параллельных определений свободнотекущей венозной крови по методу Бюркера. Период кровотечения измерялся остановкой часов после ранения уха причинённого «Frankeschen Schnepfer».

В прилагаемом графике (не приводится) показаны кривые двух подопытных (подопытные №№ 200 и 207). Глубина падения и длительность эффекта соответствуют средним. В связи с кривыми следует отметить, что различные лица всегда использовались для экспериментов для того, чтобы избежать возможного аккумулирующего эффекта вещества.

.....

Перевод документа НО-656
Экземпляр обвинения 247

**Меморандум оберштурмбаннфюрера СС Вольфа от 8 мая 1944; письма от
доктора Кара Рашеру, 10 и 16 декабря 1943**

[Рукописно] Препарат полигель

Вайшенфельд/Оберфранкен 8 мая 1944
№ 135 Телефон № 5
Журнал № Wo/He

Рейхсфюрер СС
Личный штаб
Отдел «Аненербе»

Итог

Гауптштурмфюреру СС З. Рашеру д.м.н., советом исследований Рейха были поставлены следующие исследовательские задачи:

.....

2. К 23 февраля 1944 журнал № Rf 3717/44g, кодовое слово: «Полигель».
Исследовательская задача по разработке производственных методов для
кровоостанавливающего препарата полигель. Приоритет СС/44 номер приказа
Вермахта: СС 4118-0391/44 Rf 2829.

Пункт 11 дополнение к задаче.

Приобретение запасов, имеет приоритет СС 4950 (группа I)

[Подпись] Вольф
Оберштурмфюрер СС

Копия

Концентрационный лагерь Дахау
Лагерный врач

Дахау, 10 декабря 1943

Предмет: Введение «полигеля» после ампутации бедра 40 летнего пациента
мужчины.

Штабсарццу доктору Рашеру
Дахау

10 декабря 1943 эффективность «полигеля» была протестирована при
ампутации бедра. Вещество вводилось за 45 минут до операции и помещалось в рот
пациента для рассасывания. Перед подготовкой к операции 500 мл крови было
перелито за день до операции. Давление крови в день операции было 180/80.

В отношении эффективности «полигеля» можно сказать, что было
абсолютно очевидно насколько малым было кровотечение. После первого выброса
из сосудов, которые были разрезаны, после первого выброса крови больше
кровотечения не происходило, поэтому не потребовалось применять никаких
перевязок мышц и жировых тканей или подкожных тканей, как всегда бывает в

случае подобных ампутаций. Эффективность «полигеля» в данном случае следует описать как полную.

По приказу:

[Подписано] Доктор Кар
Оберштурмфюрер СС
Главный врач лагеря, концентрационный лагерь Дахау

Копия

Концентрационный лагерь Дахау
Лагерный врач

Дахау 16 декабря 1943

Гауптштурмфюреру СС доктору Рашеру
Дахау

«Полигель 10» использовался при 2 операциях на грыжах. Пациенты были мужчинами 35 и 42 лет соответственно. В обоих случаях таблетки были даны пациентам за 40 минут до операции. Давление крови перед операцией было 135/80 в случае 35 летнего пациента и 145/80 в случае 42 летнего пациента. Оба пациента приняли «полигель 10» без жалоб, и без каких-либо неприятных симптомов в желудке.

Следует сказать, что в самой операции потеря крови была подозрительно небольшой в обоих случаях. Как и в случаях всех предыдущих операций в которых назначался «полигель 10», в данном случае было необходимо прекратить кровотечение из сосудов. В первом случае, 35 летнего пациента, сильное кровотечение из подкожных тканей произошло после разреза кожи, которое однако прекратилось простым протиранием, поэтому в данном случае применение зажимов к подкожным тканям не потребовалось. Лишь после разрезания кремастера было необходимо применить несколько зажимов, потому что были проколоты некоторые небольшие сосуды. Во время дальнейшего хода операции, т.е. отделения грыжи от семенного канатика (это была косвенная паховая грыжа), появилось несколько участков кровотечения, но кровотечение остановилось сразу же и применение зажимов не понадобилось.

Такие же наблюдения были сделаны во втором случае, случае 42 летнего пациента. Кровоостановка путём применения зажимов потребовалась только на

нескольких участках, и это всегда были участки в которых сосуды были травмированы во время операции. Благоприятный эффект «полигеля 10» в хирургических операциях включает не только уменьшение кровотечения и предотвращение сильной кровопотери, но также позволяет значительно ускорить операции, потому что применение зажимов всегда занимает определенное время, которое можно сэкономить применением «полигеля 10».

[Подписано] Доктор Кар
Оберштурмфюрер СС

Фрагмент допроса подсудимого Зиверса защитой

.....

Вайсгербер: Обвинение представило единственный документ, НО-1424, экземпляр обвинения 462. Это письменные показания доктора Фрица Фридриха Карла Рашера, который является дядей доктора Рашера. Из документа становится очевидным, что Рашер проводил смертельные эксперименты на людях в связи с разработкой полигеля. Вы знали об этом когда-либо?

Зиверс: Нет, я ничего об этом не слышал. Однако, после ареста Рашера, в 1944, полицай-президент Мюнхена, фон Эберштейн, дал мне довольно волнующее описание этого преступника Рашера. Он сказал о том, что Рашер даже стрелял в человека для того, чтобы протестировать своё вещество для свёртываемости крови. Подтверждения этого заявления тогда не было. Сначала я не поверил в это, потому что было столько слухов вокруг него и его жены после его ареста – одним из них был такой, что он убрал свою сотрудницу Мюшлер убив её. Между тем, Рашер добился освобождения от подозрения в убийстве. После всего ставшего известного на процессе – всего, что Рашер делал на свой страх – я склонен верить в это. Заявления дяди Рашера также раскрывают в какой тайне Рашер держал свои злодеяния. Только оказавшись за столом племянника, дядя Рашера получил сведения о которых здесь давали показания. В то же время, он подтверждает своим заявлением, что его племянник был в ярости узнав о его вмешательстве.

Вайсгербер: Завершая с этими вопросами, я представляю вам письменные показания Поля, которые являются документом НО-065, экземпляром обвинения 221. Я цитирую (это вверху страницы 3): «Зиверс сказал мне следующее: «Аненербе» управляющим которого был Зиверс, разработало вещество в Дахау, по приказу Гиммлера, которое влияло на быструю свёртываемость крови. Он сказал о том, что

оно было очень важным для боевых подразделений, потому что предотвращало смертельное кровотечение. Эксперименты в Дахау, во время которых одного заключенного застрелили, подтвердили эти результаты» Вы говорили это Полю?

.....

Зиверс: Я сказал Полю ровно то, что я узнал от Эберштейна. Как я уже сказал, разработка полигеля уже завершилась, когда он получил приказ Гимmlера заняться производством. Если Рашер стрелял в заключенного в связи с исследованием полигеля, тогда это, в любом случае, случилось во время, когда он не имел никакого отношения к данному вопросу. Я лишь услышал об этом предполагаемом расстреле после ареста Рашера, как я уже свидетельствовал.

Вайсгербер: Господин председательствующий, я приобщаю документ Зиверс 10 как экземпляр Зиверс 8. Я прошу прощения, экземпляр Зиверс 9. Это письменные показания Освальда Поля. Важные положения находятся на странице один документа, и я цитирую:

«1. Мои письменные показания от 23 июля 1946 о медицинских экспериментах были представлены мне со ссылкой на мои заявления в параграфе 4, Зиверс («Аненербе»).

«2. Дневник Зиверса за 1944 (3546-ПС) был представлен мне со ссылкой на запись от 15 июня 1944, 9 часов (страница 167):

«Обергруппенфюрер СС Поль

«1. Производство полигеля и урегулирование Феликса»

Параграфы со второго по шестой нас не интересуют и я пропускаю их. Я снова цитирую:

«После прочтения этой записи, я могу очень хорошо вспомнить визит Зиверса и могу заявить согласно моим сведениям и совести:

«Когда все относящиеся к делу пункты касались возможности производства (установки для производства) кровоостанавливающего лекарства «полигель», также обсуждались и другие вещи, Зиверс рассказал мне несколько вещей о деле Рашера, перед тем как я вызвал штандартенфюрера Маурера для обсуждения трудоустройства заключенных учёных по проблемам математического вычисления. Он проинформировал меня о том, что Рашер и его жена были арестованы за подмену ребёнка. Из-за ареста Рашера, вышли на

свет вещи которые были расследованы. Также утверждалось, что Рашера подозревали в расстреле заключенного для тестирования «полигеля». Поэтому Зиверс выразил предположение которое он сам только слышал, и фактически не основывалось на его сведениях».

И затем есть удостоверение.

.....

14. Эксперименты с газовым отёком (фенол)

а. Введение

Обвинение представило доказательства для того, чтобы показать, что бесчеловечные акты и жестокости (в целом предполагаемые в параграфе 6 обвинительного заключения) совершались в ходе экспериментов с газовым отёком. Эти эксперименты отдельно не описаны в подпараграфах параграфа 6 обвинительного заключения, которые приводят 12 отдельных типов экспериментов. По данному обвинению подсудимые Мруговски и Ховен были признаны виновными и подсудимый Хандлозер был оправдан.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Мруговски

.....

Эксперименты с сывороткой газового отёка

Письменные показания доктора Эрвина Шулера, известного как Динг, говорят о том, что на совещании в военно-медицинской академии в Берлине, в котором он принимал участие, одной из тем обсуждения была смертность от сыворотки газового отёка у раненых солдат. Письменные показания, далее говорят о том, что среди участников дискуссии были Киллиан, генерал Шрайбер, Мруговски и медицинский офицер неизвестный ему. Киллиан и Мруговски сделали доклады о солдатах которые получали сыворотку в больших количествах и часы спустя, после видимого улучшения, внезапно умирали без видимых причин. Существовало

подозрение в том, что фенольная составляющая сыворотки вызывала летальный исход. В присутствии Киллиана и Шрайбера, Мруговски приказал Дингу принять участие в проведении эвтаназии фенолом на заключенных концентрационного лагеря и подробно описании результатов. Динг позднее стал свидетелем казни четырёх или пяти лиц инъекциями фенола подсудимым Ховеном в концентрационном лагере Бухенвальд. В соответствии с приказами Динг доложил о своих результатах в Берлин (НО-257, экз. обв. 283).

Мруговски отрицает отдачу такого приказа Дингу. Однако, совершенно видно, что Динг-Шулер, который находился под арестом во время дачи письменных показаний, не обвинял бы себя в преступлении которого не совершал. О продолжающемся интересе Мруговски к эффектам фенола содержащегося в сыворотке свидетельствует письмо от 24 августа 1944 от Гравица. Гравиц заявил о том, что рейхсфюрер СС одобрил эксперименты предложенные Мруговски на терпимость к сыворотке содержащей фенол. (НО-1198, экз. обв. 466).

в. Документы и показания

Перевод документа НО-429
Экземпляр обвинения 281

Фрагменты из письменных показаний Вальдемара Ховена от 24 октября 1946 об убийствах заключенных фенолом и другими средствами

Я, Вальдемар Ховен, надлежащим образом давший присягу, заявляю:

1. Я родился во Фрайбурге, Брейзгау 10-го февраля 1903. Я посещал среднюю школу, но завершил своё обучение много лет спустя. Между 1919 и 1933 я посещал Данию, Швецию, Соединенные Штаты и Францию. В 1933 я вернулся во Фрайбург и завершил курс средней школы и затем учился в университетах Фрайбурга и Мюнхена. В 1939 я завершил своё медицинское обучение и вступил в Ваффен-СС в качестве врача. Последнее моё звание в Ваффен-СС было гауптштурмфюрер (капитан). В 1934 я вступил в общие СС.

2. В октябре 1939 я был направлен в качестве помощника медицинского офицера в госпиталь СС в концентрационном лагере Бухенвальд и занимал эту должность до 1941, когда я был назначен медицинским офицером ответственным за части СС размещённые в лагере. В конце 1941 я был переведён в лагерьный госпиталь и стал помощником медицинского офицера. Данный госпиталь предназначался для заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд. В июле

1942 я был повышен на должность главного врача и соответственно нёс всю полноту ответственности за заключенных пациентов в госпитале. Я занимал эту должность до сентября 1943, когда я был арестован полицейским судом СС Касселя и оставался под арестом до марта 1945.

3. В силу моих различных должностей в концентрационном лагере Бухенвальд в период почти четыре года я познакомился со всеми фазами медицинской деятельности и соответственно могу сделать следующее заявление:

.....

10. В лагере было очень много заключенных которые жаждали должностей занимаемых некоторыми заключенными, то есть, некоторые из политических заключенных занимали ключевые позиции и могли получить лучшие жилищные условия чем в среднем. Отсюда, многие заключенные ненавидели эти должности и прилагали все усилия, чтобы дискредитировать людей занимавших ключевые должности. Такие предательские действия становились известны через «тайные слухи» людям на ключевых должностях и тогда таких предателей немедленно убивали. В каждом случае меня позднее уведомляли об этом, чтобы сделать заключение о смерти убитых заключенных. Эти заключения не указывали на подлинную причину смерти, а предназначались для того, чтобы указывать на то, что заключенные умерли от естественных причин.

11. В некоторых случаях я надзирал за убийством таких нежелательных заключенных путём инъекций фенола по просьбе заключенных. Эти убийства проводились в лагерьном госпитале и мне ассистировали несколько заключенных. По одному случаю доктор Динг пришёл в госпиталь, чтобы наблюдать такие убийства с фенолом и сказал о том, что я неправильно их делаю, поэтому он провёл некоторые инъекции сам. Тогда трое заключенные были убиты инъекциями фенола и они умерли за минуту.

12. Общим числом убитых предателей было приблизительно 150, из которых 60 были убиты инъекциями фенола, либо мной или под моим надзором в лагерьном госпитале, а остальных убивали разными средствами, такими как избиения, заключенные.

Вышеуказанные письменные показания написанные на английском языке, включают пять (5) страниц, являются правдивыми и верными по моим сведениям и совести. Эти письменные показания были даны мной свободно и добровольно, без обещания награды и я не подвергался ни давлению ни угрозам.

[Подписано] Доктор Вальдемар Ховен

Перевод документа НО-257
Экземпляр обвинения 283

Фрагмент из заявления под присягой доктора Эрвина Шулера (Динга) от 20 июля 1945 об эвтаназии инъекциями фенола

Фрайзинг, 20 июля 1945

Эрвин Шулер, д.м.н.

Дело 508

По приказу я кратко отвечаю на два вопроса:

1. Свидетельства эвтаназии фенолом в Бухенвальде.

В конце 1942 я принял участие в совещании в военно-медицинской академии в Берлине. Темой дискуссии был смертельный эффект сыворотки газовой гангрены на раненых.

Присутствовали: генераларцт, профессор Шрайбер, гигиенист военно-медицинской академии; оберфюрер СС, профессор Мруговски, гигиенист; оберштабсарцт, профессор Киллиан, профессор университета Бреслау, хирург; медицинский офицер (хирург) чье имя мне неизвестно; и я в качестве главы отделения центрального института по борьбе с эпидемиями в Берлине.

Киллиан и Мруговски доложили о солдатах которым давали сыворотку газовой гангрены в больших количествах (до 1500 мл) и часами спустя, при хорошем самочувствии, внезапно умиравшим без видимой причины. Мруговски подозревал, что кумулятивный эффект составляющей инъекций фенола был ответственным за смерти.

В присутствии других господ, Мруговски приказал мне принять участие в эвтаназии с фенолом в концентрационном лагере и подробно описать результаты, поскольку ни я, ни Мруговски никогда не видели смерти от фенола. Сам Мруговски не принимал участия в эвтаназии, из-за срочной поездки на Восток, с другой стороны дело было срочным для действующей армии и публиковался новый циркуляр для армейских докторов.

Несколько дней спустя я попросил доктора Ховена в Бухенвальде уведомить меня о проведении эвтаназии фенолом. Следующим утром он попросил меня прибыть в операционную в госпитале для заключенных. Кроме меня и другого доктора – возможно доктора Плазы – присутствовали только двое медбратьев, которых я не помню.

Я поговорил с доктором о составе инъекции фенола, и насколько я помню, он включал неразбавленный чистый фенол, который должен был вводиться в дозах по 20 мл.

Одного за одним, ввели четырёх или пять заключенных. Верхнюю часть тела обнажили, чтобы их нашивку с национальностью нельзя было различить. Состояние их тел было плохим, а возраст преклонным. Я не помню диагноза для проведения эвтаназии, но возможно об этом и не спрашивал.

Они тихо сидели на стуле, то есть без какого-либо признака волнения, рядом с лампой. Медицинский брат зажимал вену в руке и доктор Ховен быстро вводил фенол. Они умирали в мгновенной конвульсии во время инъекции без какого-либо признака боли. Время между началом инъекции и смертью я оцениваю в ½ секунды. Остальная доза вводилась в качестве меры предосторожности, хотя части инъекции было бы достаточно для летального исхода (я оцениваю в 5 мл).

Мертвого уносили в комнату ожидания медицинские братья – я оцениваю время моего присутствия в 10 минут.

Я доложил в Берлин согласно приказам. Мне больше нечего сказать.

.....

Фрагменты из допроса подсудимого Мруговски защитой

.....

Флемминг: Теперь я перехожу к экспериментам с газовой гангреной. В допросе подсудимых Хандлозера, Ростока, Шрёдера, Генцкена и свидетеля Бернарда Шмидта, мы услышали о том, в какой степени газовая гангрена преобладала на фронте. Обратитесь к документу НО-578, экземпляр обвинения 284. Я прошу дать вам его. Будьте любезны рассказать трибуналу, существовала ли в связи с газовой гангреной, крайняя необходимость в концентрационных лагерях и армии для установления защитных средств для борьбе с данным заболеванием?

Мруговски: Часто отмечалось, что ни к одной инфекции не относятся настолько серьёзно в сфере хирургии как к инфекции газовой гангрены, так как смертность от таких травм была очень высокой. В концентрационных лагерях, как говорил мне Нолинг, у нас часто бывали случаи газовой гангрены. Поэтому, предприятия Асид предложили, что вакцину следует использовать также как в случае с дифтерией. Она производилась на этих предприятиях иногда в случаях столбняка. Такая вакцина против газовой гангрены производилась предприятием Беринг и сначала

тестировалась на студентах университета Марбурга, о чём есть публикации. Я получил небольшую часть этого токсина газовой гангрены для того, чтобы защитить людей находившихся в опасности. Этот токсин газовой гангрены я передал Нолингу и он использовал его в Бухенвальде. Доступна таблица о лицах на которых использовалась вакцина. Из неё очевидно, что после вакцинации следовал рост температуры, и что мы касались здесь полностью безопасного проекта, который не имел никакого отношения к заражению.

Флемминг: Доктор Динг в письменных показаниях (НО-257, экз. обв. 283) заявил о том, что в военно-медицинской академии прошло совещание по вопросу сыворотки газовой гангрены. Что вам об этом известно?

Мруговски: Верно, то, что такое совещание действительно было. Всегда при случаях газовой гангрены следовало использовать большое количество сыворотки газовой гангрены для обеспечения успеха. Это было не просто десять или пятнадцать кубических сантиметров, а от 400 до 800 кубических сантиметров, которые давались пациенту в течение нескольких дней. В Германии все сыворотки, которые получались из животных, по большей части лошадей, смешивались с 0.5 процентным фенолом и карболовой кислотой – для их сохранности – т.е. к 400 кубическим сантиметрам я добавлял концентрацию двух кубических сантиметров фенольной кислоты. Конечно, это количество, гораздо выше терпимости человека. Фенольная кислота являлась одной из сильнейших кислот которыми мы владели. При лечении людей с сыворотками газовой гангрены происходило много смертей. Мы обсуждали, столкнулись ли мы со случаями смерти от сыворотки, возникающей от сыворотки, или смерть вызывал фенол. Динг и я участвовали в совещании с остальными.

.....

Флемминг: Вы давали доктору Дингу задание на основе этой дискуссии о тестировании вопроса фенола?

Мруговски: Да, я сказал ему изучить литературу и использовать библиотеки по фармакологической и судебно-медицинской литературе в институте Йены. Он находился на связи с этим институтом.

Флемминг: Вы давали ему поручение участвовать в эвтаназии фенолом?

Мруговски: Нет. Я никогда ничего не слышал о проведении такой эвтаназии или таких убийствах. Поэтому я не мог отдать ему такой приказ.

Флеминг: Вам известно, что в письменные показания со-подсудимого Ховена говорится о том, что Динг сам осуществлял убийства фенолом в Бухенвальде. Вы давали ему инструкции в этом отношении?

Мруговски: Нет. Я не давал ему никаких подобных инструкций, и не было повода делать так, потому что смерть от фенола известна в литературе; простого чтения о данном предмете было бы достаточно.

Флемминг: Господин председательствующий, я приобщаю документ Мруговски 28. Я хочу приобщить его как экземпляр Мруговски 46. Это письменные показания профессора Киллиана, который является профессором университета в Халле/Заале. Он говорит:

«В 1941-1943 я являлся консультирующим врачом 16-й армии на Востоке. Мы сталкивались с многочисленными случаями смерти и травм системы кровообращения из-за воздействия сыворотки газовой гангрены. По моему мнению, эти отрицательные эффекты нельзя было приписывать лишь инфицированию большим количеством сыворотки, но также и добавлению однопроцентного фенола, как было установлено правилами. Так как до 150 мл сыворотки газовой гангрены – иногда даже больше – вводилось внутривенно раненому на поле боя, по моему мнению общее количество добавочного фенола представляло опасность. Это стало очевидным после того как четверо моих сотрудников получили инъекции солевого раствора фенола 0.5 процентной плотности. Все они показали типичные признаки отравления фенолом в разной степени. В письме в медицинскую инспекцию я обратил её внимание на неудовлетворительные эффекты сыворотки газовой гангрены и отрицательные эффект фенола, и внёс предложения по изменению. Соответственно, мне было приказано явиться для отчёта во время моего пребывания в Берлине к оберстарцту, профессору Шрайберу, который был специалистом в данном вопросе. Присутствовали на этом совещании профессор Мруговски и младший врач, чьё имя я уже не помню. Я не знал никого из этих господ; я видел и говорил с ними тогда впервые. Кроме нескольких общих вопросов касавшихся бактериологии, мы в основном обсуждали проблему сыворотки газовой гангрены. Я должен был дать конкретный отчёт о том, что происходит на фронте и симптомах отравления. Дискуссия шла в двух направлениях. Первое, вопрос о том, было ли возможно для

промышленности заменить безопасным дезинфектантом опасный фенол, и какое из веществ подходит для этой цели».

Номер два не является важным. И я могу пропустить следующий параграф. Я перехожу к последнему абзацу:

Я помню суть дискуссий и заявляю о том, что не упоминались эксперименты в концентрационном лагере, или эвтаназия путём укола фенола. Такие соображения никогда не поднимались на дискуссии, не говоря уже о приказе в моём присутствии кому-либо из медицинских офицеров. Это бы точно осталось в моей памяти. Я могу добавить, что причины для таких экспериментов не существовало, поскольку симптомы отравления фенолом были хорошо известны и их можно было найти в любой книге по фармакологии. Кроме этого, вопрос был вполне разрешён вышеуказанными экспериментами врачей на самих себе. Я убеждён в том, что заявления доктора Динга не являются правдой. [Подписано профессором Киллианом и удостоверено]

На основе инструкций о том, чтобы он ознакомился с литературой об отравлении фенолом – инструкций, которые вы ему давали – о чём докладывал Динг? Вопрос о гангренозной сыворотке и смертности от неё был разрешён?

Мруговски: Динг сделал доклад. Я ждал его некоторое время и когда он не поступил я сам прочёл по данному вопросу. После меня уже не интересовал этот доклад.

Флемминг: На странице 20 дневника Динга (НО-265, экз. обв. 287) говорится, что специальный эксперимент на четырёх лицах был проведён от имени группенфюрера Нёбе. Что вам об этом известно?

Мруговски: Я уже говорил о деле гауптшарфюрера Кёлера, который находился в госпитале Веймара, который умер от отравления. О его смерти и вскрытии были сделаны неточные заявления. Говорилось о том, что они произошли в концентрационном лагере Бухенвальд – что не является правдой. При обсуждении результатов вскрытия в управлении криминальной полиции Рейха, было выражено мнение о том, что эта смерть могла возникнуть от первитина совместно с наркотиком. Я участвовал в этой дискуссии.

Флемминг: Господин председательствующий, я уже представил письменные показания доктора Конрада Моргена (Мруговски 29, экз. обв. 36). Когда я приобщал их я сначала зачитал одну с половиной страницу. Теперь я хочу зачитать следующий отрывок:

«Профессор, доктор Тимм» - то есть, судебно-медицинский эксперт из Вены, который проводил вскрытие

Кёлера – «пришёл к мнению о том, что есть две возможности: первая, о том, что был использован доселе неизвестный нам южноамериканский яд, который полностью распадается в человеческом организме; второе, что использовалась комбинация веществ. Одно вещество возбудило кровообращение до степени истощения, а другое подействовало как антидот. Профессор, доктор Тимм говорил о возможности того, что первитин использовался совместно со снотворным. Идея о том, что использовался южноамериканский яд была отклонена с криминологической точки зрения. С технической точки зрения вторая возможность была совершенно возможной.

«Я должен был доложить в главной управление безопасности Рейха. Впоследствии, в главном управлении безопасности Рейха прошло совещание на котором присутствовали много лиц. Начальник главного управления безопасности Рейха, группенфюрер Мюллер, председательствовал. Группенфюрер Нёбе от криминальной полиции Рейха также присутствовал, как и профессор, доктор Мруговски. На совещании разные лица, среди которых был доктор Мруговски, указывали на то, что первитин не является ядом, что его можно получить без рецепта. Один из присутствовавших господ указал на то, в Америке проводились эксперименты в которых давалось 100 таблеток первитина и эффект не являлся смертельным. Но никто из присутствовавших не смог ответить на вопрос была бы комбинация первитина смертельной или же она привела к росту реакции в одном направлении. Последнее казалось экспертам недоказуемым. Для разрешения данного вопроса группенфюрер Мюллер приказал провести эксперимент. Он приказал о том, чтобы Динг, которого он знал, провёл эксперимент в Бухенвальде.

«Было решено, что в этом эксперименте, который должен был разрешить чисто уголовную сторону вопроса, следовало использовать мельчайшие количества первитина и снотворного, так как было бы невозможно скрытно давать намеченной жертве большие количества первитина и снотворного. Более того, большие количества этих веществ могли быть обнаружены в любом случае путём химического анализа. Научно-теоретическая проблема о безвредности или даже смертельных максимальных дозах никого не интересовала.

«Я присутствовал при экспериментах в Бухенвальде.

«Пять лиц были предоставлены нам для тестирования, потому что группенфюрер Мюллер приказал о том, чтобы эксперименты были проведены на пяти лицах. Я проверил документы лиц подлежащих эксперименту перед экспериментом. Они были русскими дезертирами или рабочими, которые стали бандитами, которые грабили и воровали, и даже обвинялись в убийстве. Их всех приговорили к смерти специальным судом в Померании. Группенфюрер Мюллер уже заранее отдал приказ об их казни.

«Я согласился с доктором Дингом в том, что следует провести предварительный эксперимент на троих лицах для того, чтобы понять тип реакции этой комбинации на организм. Некоторые из осуждённых говорили по-немецки. Им сказали о том, что эксперименты не являются ни опасными ни болезненными, и что приняв в них участие они избежат казни. Все они вызвались добровольцами. Доктор Динг выбрал троих из них. Их перевели в блок 46. Им давали дозы первитина и подкожные уколы снотворного. Затем их укладывали в кровать. Они засыпали. Их сон был очень беспокойным. Один из них спал 20 часов. Остальные проснулись немного раньше...».

Затем он говорит о том, что никто из них не показал симптомов Кёлера, и что эксперимент посчитали завершённым. В последнем предложении следующего абзаца он сказал: «Поэтому, я рассказал доктору Дингу, о том, чтобы он больше не проводил эксперименты, и доложил об этом группенфюреру Мюллеру». Я зачитаю последний абзац в иной связи.

Согласно письменным показаниям доктора Моргена, Мюллер приказал Дингу провести эксперимент в Бухенвальде. Вы получали отчёт об этом эксперименте?

Мруговски: Нет, я не получал отчёта.

.....

Фрагмент допроса подсудимого Мруговски обвинением

Харди: Доктор, перед полуденным перерывом, мы обсуждали проблему фенола. Теперь в этой связи, вы когда-либо предлагали провести в Бухенвальде

эксперименты о переносимости сыворотки или сывороток содержащих фенол? То есть, вы предлагали это в 1942 или 1943?

Мруговски: Нет. Никаких таких предложений мной не делалось, и они были не нужны, потому что в Германии любая сыворотка содержала фенол. В германском производстве сывороток не имелось сывороток без фенола. Я говорю о сыворотках для терапевтических целей, а не вакцинах.

Харди: Значит, вы никогда не предлагали, чтобы проводились эксперименты по установлению переносимости сывороток содержащих фенол; так вы говорите?

Мруговски: Нет. Я никогда этого не предлагал.

Харди: Доктор, вы уверены?

Мруговски: Да.

Харди: Ваша честь, сейчас, я приобщаю документ НО-1198 в качестве экземпляра обвинения 466, для идентификации. Это письмо датированное Берлин, 24 августа 1944. Предмет: Ход экспериментов. Оно имеет ссылку-индекс дела, адресовано главному гигиенисту штаба главного врача СС и полиции, Берлин-Зеллендорф:

«Дорогой Мруговски,

«Я могу проинформировать вас о том, что рейхсфюрер СС одобрил сегодня серию экспериментов предложенную вами.

1.Особая терапия тифа.

2.Переносимость сывороток содержащих фенол

Я согласен проведением обеих серий экспериментов в отделении исследований тифа и вирусов института гигиены Ваффен-СС в Веймар-Бухенвальд, и прошу, чтобы меня информировали о ходе изысканий, возможно в виде промежуточных отчётов».

«По приказу Гравица»

Подпись «Николай».

Харди: Итак, здесь говорится о том, что рейхсфюрер СС одобрил серию экспериментов предложенную вами и эксперименты можно было проводить в Бухенвальде. Вы заявили о том, что никогда не предлагали экспериментов для установления переносимости сывороток содержащих фенол. Доктор, вы поддерживаете, то, что никогда не инициировали эксперименты для установления переносимости сывороток содержащих фенол?

Мруговски: Да. Связь здесь с совершенно другая. Сначала я расскажу о пункте два.

Я уже говорил о том, что в Германии не было сывороток без фенола. В связи с этим фенольным вопросом в немецких сыворотках, я проинформировал Гравица по вопросу который обсуждался там – присутствовали Киллиан и Шрайбер – и я сказал ему о том, что промышленность должна попробовать производить

сыворотку без фенола, как делала французская промышленность сывороток. Я знал, что предложения в этом смысле были направлены промышленности, но что немецкая промышленность сывороток отказалась, во время войны, вносить изменения в свою продукцию, потому что она не могла получить необходимую особую аппаратуру, фильтры и т.д. Поэтому я сказал Гравицу о том, что в сывороточной терапии обычных заболеваний – я думал в основном о дифтерии, в которых использовались большие количества сыворотки при терапии дифтерии, при её возникновении, насыщенные сыворотки не могли быть доступны в необходимых количествах – я сказал ему о том, что в случае таких заболеваний следует ожидать травмирования фенолом. Я также помню, что у этого пункта была связь с тем фактом, что мы вели переговоры с предприятием Беринг по производству сывороток в малых количествах для их использования, и сравнения с другими сыворотками. Если я правильно помню это включало сыворотку дифтерии, то есть сыворотку которая больше всего использовалась в Германии. Необходимо было сделать сравнение симптомов при назначении обычной антидифтерийной сыворотки содержащей фенол на детях и необходимо было проследить за появлением симптомов; и также необходимо было проследить за симптомами после назначения сыворотки свободной от фенола. Это имел в виду Гравиц, и он назвал это серией экспериментов. Я могу отметить, что это выражение серия экспериментов в этом случае не относилась к искусственному заражению, потому что невозможно искусственно заразить человека сывороткой дифтерии.

Харди: Доктор, после получения утверждения вашим предложениям по проведению экспериментов как было описано в письме, вы должны были отдать приказы в этом отношении. Кому вы отдали эти приказы?

Мруговски: Нет. Я не отдавал никаких приказов. По моему мнению это касалось деятельности гражданских госпиталей; среди войск, и в концентрационных лагерях, у нас не было пациентов с дифтерией.

Харди: Минуточку, доктор. Но в письме говорится о том, что Гравиц согласовал проведение этих экспериментов в отделении исследования тифа и вирусов института гигиены Ваффен-СС в Веймар-Бухенвальде. Вы проводили или нет эти эксперименты в Веймар-Бухенвальде?

Мруговски: Нет.

Харди: Никогда не отдавали никаких приказов о проведении таких экспериментов Дингу, например?

Мруговски. Я уже объяснил, что означала эта серия экспериментов. Возможно, что я предложил, например, чтобы он вакцинировал одного ребёнка одним типом

сыворотки, а другого другой. Возможно так; я этого не помню. Но я не приказывал испытывать на людях сыворотку содержащую фенол...

15. Эксперименты для массовой стерилизации

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Гебхардту, Рудольфу Брандту, Мруговски, Поппендику, Браку, Покорни и Оберхойзер вменялась особая ответственность и соучастие в преступном деянии включающем эксперименты со стерилизацией (пар. 6 (3) обвинительного заключения). В ходе процесса обвинение отозвало данную квалификацию в отношении подсудимых Мруговски и Оберхойзер. По данному обвинению были признаны виновными подсудимые Гебхардт, Рудольф Брандт и Брак, подсудимые Карл Брандт, Поппендик и Покорни были оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительно обзора против подсудимого Рудольфа Брандта

Эксперименты по стерилизации

В 1941 Третий Рейх принял политику уничтожения еврейского населения Германии и оккупированных территорий. Из-за неотложной потребности в рабочих, стерилизация евреев пригодных к работе рассматривалась в качестве альтернативы полному уничтожению. (НО-205, экз. обв. 163).

С целью установления дешёвых и быстрых методов стерилизации, в большом масштабе проводились эксперименты на заключённых концентрационных лагерей путём лекарств (НО-036, экз. обв. 143), инъекции раздражающего раствора (НО-212, экз. обв. 173) и рентгеновское излучение и хирургические способы. Брандт не только имел сведения об этих экспериментах, но и активно в них участвовал.

Цель экспериментов по стерилизации хорошо описана Брандтом в своих письменных показаниях:

«Гиммлер был крайне заинтересован в разработке дешёвого и быстрого метода стерилизации, который можно было использовать против врагов Германии, таких как русские, поляки и евреи. Так можно, было не только победить врага, но и уничтожить его. Рабочую силу стерилизованных лиц можно было

эксплуатировать Германией, при отсутствии опасности размножения. Так как эта массовая стерилизация являлась частью расовой теории Гимmlера, большое время и внимание были уделены экспериментам по стерилизации. Конечно, в Германии была известна и применялась хирургическая стерилизация; что включало кастрацию. Однако, для массового применения, такая процедура считалась слишком дорогой и медленной. В последующем было желание того, чтобы была выяснена процедура в которой стерилизация не была заметной сразу же» (НО-440, экз. обв. 141).

Эксперименты по стерилизации для установления эффективности вещества известного как диффенбахия сегвина (Schweigrohr), были предложены Гимmlеру подсудимым Покорни в октябре 1941. Покорни сообщил о том, что доктор Мадаус обнаружил в результате своих исследований медицинской стерилизации животных, что диффенбахия сегвина вызывает стерильность животных при оральном или инъекционном введении. Покорни далее говорил в своём письме:

«...мне понятна замечательная важность данного вещества в нынешней борьбе. Если, с учётом данного исследования, будет возможно производить вещество, которое за сравнительно короткое время вызовет незаметную стерилизацию у человека, тогда мы получим в своё распоряжение новое мощное оружие. Лишь одна мысль о том, что 3 миллиона большевиков, нынешних пленников Германии, можно будет стерилизовать для того, чтобы можно было использовать их в качестве рабочих, предотвратив их размножение, открывает далекоидущие перспективы».

Поэтому он выступил за немедленные исследования на людях для установления дозы и продолжительности воздействия, выращивания растения диффенбахия сегвина в теплицах, и химические исследования для синтетического производства вещества в большом масштабе. (НО-035, экз. обв. 142).

Гимmlер согласился с предложением Покорни и попросил Поля, 10 марта, связаться с доктором Мадаусом и «предложить ему возможности для проведения исследований в сотрудничестве с главным врачом СС (Гравицем) на преступниках, которых в любом случае должны были стерилизовать». Далее он приказал о том, чтобы ему был представлен намеченный план исследований. Подсудимый Рудольф Брандт переслал копию этого письма Гравицу (НО-036, экз. обв. 143) и подготовил

его, к 20 апреля, с копией отчёта Покорни и информацией о публикациях Мадауса о медицинской стерилизации животных. (НО-037, экз. обв. 146).

Ведомство Брандта представило отчёт Мадауса об экспериментах на животных обергруппенфюреру СС Гейдриху, начальнику полиции безопасности и СД. Сопроводительное письмо, датированное 23 апреля 1942, содержит тот же регистрационный номер как и письмо Гиммлера Полю (752/5) и прямо относится к «вопросу медикаментозной стерилизации» (НО-047, экз. обв. 145).

В июне 1942 Брандт запросил отчёт у Поля, начальника ВФХА, о мероприятиях по подготовке экспериментов (НО-038, экз. обв. 147). Поль доложил 3 июня 1942, что так как «Schweigrohr», из которой добывается диффенбахия сегвина, растёт только в Южной Америке и не может быть экспортирована в нужных количествах, доктор Кох из биологического института предприятия Мадауса пытается вырастить растение из семян выращенных в теплицах. Эти попытки были успешными, но процесс выращивания растения и разработка вещества не были достаточно быстрыми и не давали достаточно сырья для проведения крупномасштабного эксперимента. Для того, чтобы устранить эти сложности, он сказал о том, что будет необходимо построить более крупную теплицу. (НО-046а, экз. обв. 148). 11 июня, Брандт уведомил Поля о том, что он проинформировал Гиммлера в своём письме и о том, что Гиммлер хотел, чтобы Поль проследил за тем, чтобы большая теплица была передана доктору Коху как можно скорее, так как Гиммлер считал эксперименты крайне важными. Брандт также попросил Поля докладывать по данному вопросу. (НО-046а, экз. обв. 149). Лишь восемь дней спустя сам Брандт провёл совещание с Полем на котором, помимо прочего, он проинформировал Поля о просьбе Гиммлера получить ингредиенты диффенбахии сегвина путём поиска одинаково эффективных ингредиентов более доступных растений. Брандт попросил, чтобы работа доктора Коха велась в наивысшей мере. Он проинформировал Поля о том, что эксперименты следует проводить в концентрационных лагерях с доступным тогда количеством вещества. Поль сразу же согласился предпринять необходимые шаги. (НО-044, экз. обв. 150). Отдел IV-B-4 главного управления безопасности Рейха, ведомство которое было ответственным за решение еврейского вопроса было проинформировано подчинённым Брандта об исследовательской работе Мадауса и запрошено тесное сотрудничество с Полем по данному вопросу. (НО-050, экз. обв. 151). Копия данного письма была переслана подсудимому Рудольфу Брандту. (НО-051, экз. обв. 152).

Заместитель гауляйтера¹⁷⁷ гау Верхний Дунай (Нижняя Австрия), обергруппенфюрер СС Герланд¹⁷⁸, проинформировал Гимmlера 24 августа 1942 о том, что директор управления расовой политики этой провинции, доктор Ферингер, изучал вопрос массовой стерилизации и в этой связи, вышел на исследования доктора Мадауса о медикаментозной стерилизации диффенбахией сегвина. По схожим причинам предложенным подсудимым Покорни (НО-035, экз. обв. 142), Герланд выступал за эксперименты на заключенных цыганского лагеря Лакенбах в гау Нижний Дунай. Герланд указывал на то, что если эти эксперименты будут успешными, как и ожидалось, будет возможно стерилизовать практически неограниченное количество людей в кратчайшее время и наиболее простым способом. (НО-039, экз. обв. 153).

Подсудимый Рудольф Брандт был тем, кто затронул вопрос и проинформировал Герланда 29 августа о шагах, которые уже предпринимались в отношении экспериментов с диффенбахией сегвина. Из письма Брандта, видно, что Гимmlера тогда не было. Брандт занимался данным вопросом по своей собственной инициативе и проинформировал Герланда о том, что Поль и Гравиц были ответственными за эксперименты. Он запросил у Герланда информацию о том имеется ли у доктора Ферингера доступная диффенбахия сегвина и какие средства для получения данного растения он может предложить. (НО-040, экз. обв. 154). Копии письма Герланда были пересланы Брандтом Полю и Гравицу. 7 сентября 1942, Поль сообщил Герланду дальнейшие подробности и проинформировал его о том, что он и доктор Лоллинг лично надзирают за экспериментами. В ответ Поль, направил копии этого письма Рудольфу Брандту и Гравицу. В сопроводительном письме Брандту, Поль проинформировал его о том, что он побывал на предприятии Мадауса, чтобы убедиться в прогрессе экспериментов, и о том, что доктор Лоллинг сотрудничает с ними. С Мадаусом было достигнуто соглашение о «переводe экспериментов в наши концентрационные лагеря как можно скорее» (НО-041, экз. обв. 156).

14 октября 1942, Герланд написал Рудольфу Брандту и проинформировал его о письме полученном от Поля. Он заявил о том, что он считает предложение доктора Ферингера об использовании заключенных цыганского лагеря Лакенбах устаревшим, так как Поль проинформировал его о том, что Лоллинг уже

¹⁷⁷ Гауляйтер — высшая партийная должность национал-социалистической немецкой рабочей партии областного уровня. Немецкое слово *Leiter* означает руководитель, а *Gau* наименование партийных округов, территориально совпадавших с избирательными округами на выборах в Рейхстаг.

¹⁷⁸ Карл Герланд (1905-1945)-заместитель гауляйтера гау Нижний Дунай в 1938-1942. Оберпрезидент провинции Кургессен в 1944-1945, был убит в боях за Франкфурт.

сотрудничает с биологическим институтом Мадауса. Далее он уведомил Брандта о том, что у Ферингера было мнение о том, что было совершенно возможно химически производить диффенбахию сегвина или выращивать растение в теплицах в такой мере, которой будет достаточно для экспериментальных целей. Он также предлагал сотрудничество между Лоллингом и Ферингером. (НО-043, экз. обв. 157). Ответ Брандта от 25 октября показывает, что он, по своей собственной инициативе в отсутствие Гиммлера, согласовал сотрудничество Ферингера с Лоллингом. (НО-049, экз. обв. 159). Брандт направил копии письма Герланда от 14 октября (НО-043, экз. обв. 157) и свой ответ (НО-049, экз. обв. 159) Полю. В своём сопроводительном письме Полю он выразил убеждение в том, что несмотря на тот факт, что он не проконсультировался с Гиммлером, он был убеждён в том, что последний точно приветствует эксперименты по производству диффенбахии сегвина. Он попросил Поля подготовить связь между Лоллингом и Ферингером. (НО-048, экз. обв. 158).

Не имеется обоснованных сомнений в том, что эксперименты стерилизации с диффенбахией сегвина, фактически проводились на заключенных концентрационных лагерей. Гиммлер, который был высшей инстанцией в решении подобных вопросов, не только дал своё согласие на эти эксперименты (НО-036, экз. обв. 143), но и посчитал их «крайне важными» (НО-046б, экз. обв. 149) и попросил о том, чтобы они проводились в концентрационных лагерях в любом случае. (НО-044, экз. обв. 150). Поль, который был ответственным за управление концентрационными лагерями, согласился с просьбой Брандта немедленно предприняв необходимые шаги. (НО-044, экз. обв. 150). Нет сомнения в том, что отдел IV-B-4 главного управления безопасности Рейха, который был ответственным за решение еврейского вопроса, был проинформирован об исследовательской работе Мадауса для цели подготовки требуемых еврейских жертв для экспериментов. Сотрудничество доктора Лоллинга, который был доктором ответственным за все концентрационные лагеря, можно объяснить в связи с экспериментами в этих лагерях. Это также ясно из письма Герланда Брандту:

«Обергруппенфюрер СС Поль проинформировал меня о том, что *доктор в его главном управлении уже сотрудничает с биологическим институтом Мадауса по влиянию диффенбахии сегвина, поэтому предложение гауштабсляйтера, доктора Ферингера, устарело*». [Курсив добавлен] (НО-043, экз. обв. 157).

Из этого можно сделать вывод, что Поль и Лоллинг проводили эксперименты в концентрационных лагерях как было согласовано между ними, Гиммлером, Брандтом и Мадаусом. (НО-043, экз. обв. 157). Более того, Брандт сам признал в письменных показаниях, что эксперименты с диффенбахией сегвина на людях проводились в концентрационных лагерях:

«В результате предложения Покорни эксперименты проводились на заключенных концентрационных лагерей для того, чтобы протестировать эффективность вещества. Одновременно прилагались все усилия для выращивания растения в больших количествах. Освальд Поль, начальник главного административно-хозяйственного управления, проявлял личную заинтересованность в данном вопросе. Использовались теплицы, с неким количеством успеха, для выращивания этого растения, и эксперименты продолжались». (НО-440, экз. обв. 141).

30 мая 1942, доктор Клауберг написал Гиммлеру прося поддержки своих экспериментов по стерилизации на женщинах-заключенных концентрационного лагеря. (НО-211, экз. обв. 169). 4 июня подсудимый Поппендик переслал Рудольфу Брандту список докторов, которые были уполномочены проводить стерилизацию. 7 и 8 июля, прошло совещание между Гиммлером, Гебхардтом, Глюксом и Клаубергом. Темой дискуссии была стерилизация евреек. Гиммлер пообещал Клаубергу о том, что концентрационный лагерь Аушвиц будет предоставлен в его распоряжение для экспериментов на людях. Ему была поставлена задача провести эксперименты для тестирования метода стерилизации лиц без их осведомлённости. Ему было приказано доложить о данном предмете как можно скорее, для того, чтобы можно было предпринять меры «по практической реализации крупномасштабной стерилизации». Было предложено, чтобы с Хольфельдером была проведена консультация о стерилизации мужчин рентгеновским излучением. Участников этого совещания предостерегли о том, чтобы эти эксперименты хранились в полной тайне. Рудольф Брандт отрицал присутствие на этом совещании. На самом деле, одна из двух служебных записок которая полностью раскрывает сведения о всех подробностях обсуждавшегося на совещании была продиктована Брандтом. (НО-215, экз. обв. 172), а другая была им подписана (НО-216, экз. обв. 170).

10 июля 1942, Рудольф Брандт написал письмо Клаубергу в котором он информировал его о подробностях его поручения и планах по проведению экспериментов. Клаубергу было приказано сообщить Гиммлеру о том, сколько займёт стерилизация тысячи евреек по его методу. Предлагалось, чтобы Клауберг связался с Полем и лагерным врачом концентрационного лагеря Равенсбрюк для того, чтобы провести эксперименты по стерилизации. Далее Брандт говорил:

«Посредством экспериментов следует установить эффект стерилизации спустя определённое время после неё, которое возможно потребуетя вам установить, вероятно

рентгеновским излучением, какого рода изменения последуют. В некоторых случаях практический эксперимент может быть проведён путём совместного закрывания еврейки и еврея на определённое время и установление получившегося результата.

Я прошу дать мне знать ваше мнение о моём письме для сведения рейхсфюрера СС». [Курсив добавлен] (НО-213, экз. обв. 171).

Копии данного письма были направлены Брандтом Полю, Гравицу, штурмбаннфюреру СС Кёгелю из главного административно-хозяйственного управления, и группенфюреру Мюллеру из главного управления безопасности Рейха. 7 июня 1943, Клауберг смог доложить, на основе своих экспериментов, что будет возможно стерилизовать несколько сотен, если и не тысячу, его методами в день. Он заявил о том, что стерилизация может «проводиться единственным уколом сделанным у входа в матку в ходе обычного планового гинекологического осмотра». (НО-212, экз. обв. 173).

Эксперименты стерилизации Клауберга, фактически, проводились в концентрационном лагере Аушвиц. Брандт связывался с Клаубергом по данному вопросу снова 19 июня и 22 июля 1943. При том, что эти два письма недоступны, из ответа Клауберга Брандту, датированному 6 августа, ясно, что эти сообщения были напоминаниями Клаубергу об ускорении его экспериментов. В своём ответе, Клауберг говорил:

«Мне действительно требуется вторая рентгеновская установка – я могу привести вам объяснение только устно – в любом случае существует возможность того, что ещё больше установок потребуется позднее (это зависит от применения моих результатов в определённый момент). Так как я могу получить установку без дальнейших затруднений, то есть, она «ожидает» меня – я уже действительно её получил!

«У меня была возможность самому ознакомиться и быстро приложить к этому руки, и установка была введена в строй за несколько недель. Но меня волнует следующее:

«Мне срочно требуется эта установка здесь в Кёнигшютте для моей противоположной (позитивной) работы. Но я не могу оставлять её в Аушвице пока я не получил вторую установку от Ваффен-СС. Если бы я мог сказать вам кое-что наедине – фактически я смогу заменить свою собственную установку если рейхсфюрер СС даст своё одобрение. Я не

обременяю ни вас ни его до тех пор *пока это действительно не требуется*».

Сам Брандт признал в своих письменных показаниях, что Клауберг в большом масштабе проводил эксперименты по стерилизации в концентрационном лагере Аушвиц. Он заявил:

«Доктор Клауберг разработал метод стерилизации женщин. Данный метод основывался на уколе раздражающего раствора в матку. Клауберг проводил обширные эксперименты на еврейских женщинах и цыганках в концентрационном лагере Аушвиц. Несколько тысяч женщин были стерилизованы Клаубергом в Аушвице. (НО-440, экз. обв. 141).

Стерилизация евреев путём рентгеновских лучей была предложена Гиммлеру подсудимым Браком весной 1941. (НО-426, экз. обв. 160). Гиммлер попросил Брака изучить с некоторыми врачами, которые работали в программе эвтаназии, возможность стерилизации, которая бы проводилась втайне от жертв. 28 марта 1941, Брак переслал Гиммлеру отчёт в котором он говорил о том, что массовая стерилизация путём рентгеновского излучения может проводиться без затруднений. Брак оценил, что с двадцатью рентгеновскими установками, можно проводить стерилизацию от 3000 до 4000 жертв ежедневно. (НО-203, экз. обв. 161). 12 мая 1941 подчинённый Брандта, штурмбаннфюрер СС Тифенбахер, уведомил о получении отчёта Брака и направил копию начальнику полиции безопасности и СД, Гейдриху. (НО-204, экз. обв. 162).

Вторжение в Россию началось летом 1941 и предложение Брака не было внедрено немедленно, но 23 июня 1942, когда казалось, что Германия близка к победе, Брак снова написал Гиммлеру предложив стерилизовать евреев пригодных к работе. Евреев непригодных к работе уничтожали. (НО-205, экз. обв. 163). Гиммлер ответил Браку 11 августа 1942 тем, что следует провести дальнейшие эксперименты по установлению эффективности стерилизации рентгеновским излучением на заключённых концентрационных лагерей с врачами-экспертами, которых должен был предоставить начальник Брака, Боулер. Рудольф Брандт направил копии этого письма Полю и Гравицу для того, чтобы воплотить решение Гиммлера. (НО-206, экз. обв. 164) Брак приказал своему заместителю, Бланкенбургу¹⁷⁹, связаться для этой цели с начальниками концентрационных лагерей. Письмо Бланкенбурга, которое сообщало о данном факте Гиммлеру, было получено ведомством Брандта 15 августа 1942. (НО-207, экз. обв. 165). В результате, эксперименты на заключённых

¹⁷⁹ Вернер Бланкенбург (1905-1957) – сотрудник канцелярии фюрера НСДАП, один из основных ответственных за программу эвтаназии и уничтожения евреев. Находился в розыске с 1945.

концентрационного лагеря Аушвиц проводились доктором Шуманом¹⁸⁰ (НО-208, экз. обв. 166). Одна из жертв этих жестоких экспериментов, после воздействия сильных доз рентгеновского излучения на район гениталий, была кастрирована оперативным путём для установления эффекта рентгеновского излучения. Как минимум 100 недобровольных подопытных – поляки, русские, французы и военнопленные – использовались для этих экспериментов. Только молодые, крепкие заключенные, с хорошим здоровьем отбирались для этого. Почти все жертвы этих экспериментов были уничтожены, так как сильные рентгеновские ожоги сделали их нетрудоспособными. Брандт признал в своих досудебных письменных показаниях, что «эксперименты со стерилизацией также проводились рентгеновскими лучами. Доктор Шуман применял эту процедуру в Аушвице и стерилизовал ряд мужчин». (НО-440, экз. обв. 141).

.....

б. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент заключительной речи в защиту подсудимого Гебхардта

.....

Эксперименты стерилизации

Подсудимый Гебхардт также обвинён в особой ответственности за эти эксперименты и участие в них. Однако, доказательства, подтверждают, что данное утверждение обвинительного заключения не является правдой. Прежде всего следует отметить, что жизненная работа подсудимого Гебхардта в качестве врача основывалась на принципе помощи физически и психически болеющим и поиск лечения для восстановления их в качестве полноправных членов человеческого общества. Это было причиной для создания тренировочного лагеря в Хохеншау в нижних Альпах Баварии, который постоянно упоминался в доказательствах. Он также сделал данный принцип ведущим принципом своей работы в качестве главного врача госпиталя в Хохенлихене. Подсудимый Гебхардт не разделял мнение о том, что чёткую демографическую политику можно реализовать только негативными мерами;

¹⁸⁰ Хорст Шуман (1906-1983) – немецкий медик проводивший эксперименты стерилизации и кастрации в концентрационном лагере Освенцим. После войны скрывался в странах Африки. В 1970 выдан ФРГ, в 1972 уголовное преследование прекращено в виду состояния здоровья.

напротив, он был убеждён в том, что способности физически и психически ограниченных пациентов следовало улучшать новыми методами лечения и их эффективность поэтому повышалась. Он применял эти принципы не только в своей восстановительной хирургии касавшейся травм, но также и лечения от наследственных физических дефектов. Здесь я ссылаюсь на письменные показания профессора, доктора Изелинга, профессора, доктора Бюркле де ла Камп¹⁸¹ и генераларцта, доктора фон Хойсса. (Гебхардт 7, экз. Гебхардт 1; Гебхардт 8, экз. Гебхардт 2; Гебхардт 9, экз. Гебхардт 3). Далее я сошлюсь на письменные показания представленные в суде в качестве экземпляров в томе II моей документальной книги. Все эти письменные показания свидетелей в связи с заявлениями подсудимого очевидно показывают, что его медицинское отношение не основывалось на принципе негативного отбора и уничтожения ненужных жизней или предотвращения размножения таких людей, а напротив, то, что им вело убеждение в том, что человеку нужно помогать насколько медицинская наука способна им помочь. В своём представлении доказательств, обвинение представило документы об экспериментах со стерилизацией. Из документов очевидно, что рассматривались три разных метода быстрой и простой стерилизации.

Первые эксперименты предположительно проводились с диффенбахией сегвина. Документы представленные в данной связи ясно подтверждают, что подсудимый Гебхардт не имел никакого отношения к этому вопросу и что он видимо не имел сведений об этом. Могу я, в качестве меры предосторожности, указать на следующее: для начала, я желаю сослаться на письмо рейхсфюрера СС Гимmlера обергруппенфюреру СС Полю от 10 марта 1942, которое подтверждает, что эксперименты с диффенбахией сегвина предположительно проводились на преступниках, чья стерилизация в любом случае была предусмотрена законом. (НО-036, экз. обв. 143). В этой связи я хочу отметить, что германский уголовный кодекс прямо предусматривает в некоторых случаях принудительную стерилизацию и кастрацию некоторых типов преступников. Поэтому сами эксперименты, не обязательно противоречили закону. Из других документов представленных обвинением, однако, видно, что планы по проведению стерилизации с диффенбахией сегвина были отброшены. Получилось, что выращивание этого растения, или даже количества адекватного для экспериментальных целей было невозможным. Из доказательств представленных обвинением очевидно, что лишь предварительные мероприятия, согласно общеизвестным принципам, нельзя считать наказуемыми.

---

¹⁸¹ Гейнрих Бюркле де ла Камп (1895-1974) – немецкий медик и генераларцт. Один из новаторов в переливании крови.

Вторая часть документов касается стерилизации рентгеновскими лучами. Обвинение не представило доказательств из которых можно сделать вывод о том, что подсудимый Гебхардт имел сведения о данном вопросе. Наконец, третья часть документов касается экспериментов по стерилизации согласно методам профессора, доктора Клауберга. Из письма, профессора, доктора Клауберга рейхсфюреру СС Гиммлеру датированному 30 мая 1942 представленному обвинением в качестве доказательства, является очевидным, что инициатива в этих экспериментах и методах исходила изначально от самого профессора Клауберга. В данной связи, следует отметить, что было совершенно очевидным, что возможным намерением профессора Клауберга была не только разработка простейшего метода стерилизации, но и то, что он намечал создание всеохватывающего «исследовательского института по биологии размножения» в виду соображения о требованиях положительной демографической политики. Это продемонстрировано помимо прочего содержанием документа НО-211, экземпляр обвинения 169, и планом для этого исследовательского института приложенным к данному документу.

В составе доказательств и ссылаясь на эксперименты стерилизации, обвинение представило две служебные записки подсудимого Рудольфа Брандта (НО-216, экз. обв. 170; НО-215, экз. обв. 172), которые относятся к дискуссии с рейхсфюрером СС 7 июля 1942 и 8 июля 1942 в которых участвовал подсудимый Гебхардт. Доказательства показывают, что эти две служебные записки, относятся к этой же дискуссии. Однако, доказательства, далее продемонстрировали, что эти были те самые дискуссии на которых рассматривались условия при которых будут проводиться эксперименты с сульфаниламидом. Это было причиной почему подсудимый Гебхардт вообще принял участие в дискуссиях. Подсудимый Рудольф Брандт который написал эти служебные записки не участвовал в дискуссии, и очевидно служебные записки были составлены из-за некоторых замечаний рейхсфюрера СС Гиммлера для подсудимого Гебхардта после дискуссии.

Факт того, что подсудимый Гебхардт вообще не имел никакого отношения к экспериментам стерилизации также демонстрируется другим документом, который также представлен в качестве доказательства обвинением. Я сошлюсь в данной связи на письмо, которое подсудимый Брандт по приказу рейхсфюрера СС направил профессору Клаубергу 10 июля 1942, то есть, несколько дней спустя после упоминавшейся дискуссии. Это письмо было представлено трибуналу обвинением. (НО-213, экз. обв. 171). Копии данного письма были направлены обергруппенфюреру Полю, группенфюреру СС Гравицу в качестве главного врача СС и в два других ведомства, но не подсудимому Гебхардту. Не может быть

сомнения в том, что копия этого письма была бы тоже направлена подсудимому, если бы о его участии в экспериментах Клауберга было решено или даже рассматривалось в какой-либо форме. Это выглядит ещё более невозможным, помимо уже приведённых причин, так как подсудимый Гебхардт тогда не занимался проблемами стерилизации. В данной связи необходимо коротко сослаться на письменные показания подсудимого Рудольфа Брандта от 19 октября 1946, которые были представлены обвинением и в которых утверждается, помимо прочего о том, что «доктор Карл Гебхардт видимо проводил хирургическую стерилизацию в лагере Равенсбрюк». (НО-440, экз. обв. 141). Формулировка этих письменных показаний уже продемонстрировала, что это только лишь предположение. Подсудимый Рудольф Брандт не смог заявить ни о каких фактах, на которых он смог обосновать свои предположения. В виду другого результата доказательств, и прежде всего из-за собственных заявлений Рудольфа Брандта, нельзя придавать письменным показаниям никакой достаточной ценности. В таких обстоятельствах будет бесполезным обсуждать данный вопрос далее, в особенности также в виду того факта, что хирургическая стерилизация не представляла проблемы и что сложно понять по каким причинам подсудимый Гебхардт должен был работать в сфере совершенно чуждой ему.

.....

Фрагменты из заключительного обзора от имени подсудимого Покорни

.....

Стерилизация диффенбахией сегвина является невозможной как показано следующими мнениями:

1. Мнение доктора Августа Вильгельма Фёрста из университета Мюнхена. (Покорни 20, экз. Покорни 28). Это мнение говорит:

«Кроме всех ограничений, мне кажется, что сама идея не может претендовать на какую-либо значимость, так как было бы затруднительно в больших количествах импортировать тропические растения в Европу во время войны и разработать рациональный метод производства эффективного вещества также как и начать эксперименты на животных на широкой основе. Это бы потребовало непропорционально больше времени чем имелось до поражения в войне»

2. Мнение профессора, доктора Гельмута Везе, директора института фармакологии медицинской академии в Дюссельдорфе. (Покорни, 19, экз. Покорни, 27). Мнение говорит:

«На вопрос о том можно ли полагать, что после изучения работы Г. Мадауса и доктора Э. Коха «Изучение экспериментов на животных по медицинской стерилизации диффенбахией сегвина» в журнале экспериментальной медицины, страница 68, 1941, доктор может прийти к выводу, что он может стерилизовать людей диффенбахией сегвина, я могу дать следующий комментарий:

«В данном исследовании было подтверждено, что авторы добились стерилизации крыс путём их кормления соком диффенбахии сегвина. Доказательство приводилось не только экспериментами со спариванием, но и анатомическими исследованиями. Для того, чтобы достичь стерилизации самок и самцов крыс весом 150-180 грамм, ежедневные дозы $\frac{1}{2}$ мл для каждой крысы необходимо было давать 30-50 раз и 40-90 раз, соответственно, без гарантированного результата. Применимо к человеку весом 70 килограмм это означает, что необходимо было давать 200 грамм сока ежедневно.

«Такое же невыраженное повреждение репродуктивной системы похожим образом, но другими веществами также наблюдалось на людях, например в результате сильного злоупотребления никотином, морфином, и т.д., в которых это сопровождалось сильнейшим вредом другим функциям».

«Для каждого доктора возникает вопрос, могут ли эти эксперименты на крысах вообще быть применимы к человеку. Мадаус и Кох принципиально это отвергали, потому что просто хотели подтвердить дилетантскую версию о стерилизации мужчин большим количеством экстракта диффенбахии проведя эксперименты на животных.

«Требованием для использования экстракта диффенбахии на людях в наших странах было бы выращивание в центральной Европе южноамериканской диффенбахии. Любому студенту биологу это покажется невозможным. Даже при том, что её можно будет вырастить, это не подтверждает, того, что она даст настолько же эффективные вещества в достаточных количествах в нашем умеренном климате.

«Из-за неточного эффекта экстракта диффенбахии, её высокой токсичности, сомнений в успешном выращивании и использовании в нашем умеренном климате, я считаю чрезвычайно невероятным, что даже доктор среднего уровня может серьёзно экспериментировать со стерилизацией людей экстрактом диффенбахии. Никакие убедительные основания, на которых обсуждаемая проблема может быть основана, кроме работы Мадауса и Коха мне не известны».

3. Мнение доктора Фридриха Юнга, доцента института фармакологии университета Вюрцбурга. (Покорни 30, экз. Покорни 30). Это мнение говорит:

«Итог: результаты Мадауса и Коха в их работе «Изучение экспериментов на животных по медицинской стерилизации диффенбахией сегвина» определённо являются верными, но они ничего не подтверждают в отношении особого стерилизационного эффекта диффенбахии сегвина; их скорее следует воспринимать как часть общего отравляющего эффекта экстракта диффенбахии. Поэтому можно стерилизовать или добиться кастрации диффенбахией, но не больше и не меньше чем можно стерилизовать голодом, авитаминозом, инфекциями, инсультом. Эксперименты Мадауса и Коха никоим образом не являются решающими в отношении людей. Симптомы на половых органах животных являются обратно пропорциональными симптомам длительного, почти смертельного, серьёзного травмирования всего организма, и не имеют связи с самой стерилизацией или кастрацией. Предложения доктора Покорни основанные на совершенно необоснованных выводах сделанных из работы Мадауса даже малобразованный человек может считать утопией».

4. Эксперт обвинения, доктор Фридрих Штейфарт, пишет (НО-3347, экз. обв. 546):

«Эксперимент стерилизации диффенбахией сегвина является научно интересным, но практически, второстепенными в группе фармакологических методов стерилизации, которые без исключения в своей совокупности не выходят за рамки определённого теоретического интереса».

Само обвинение говорит:

«Обвинение открыто признаёт, что оно не может подтвердить, что стерилизация с использованием данного вещества действительно проводилась. Мы не смогли найти

никого, кто бы действительно был им стерилизован. Но несмотря на это мы утверждаем, что это преступление. Мы очень надеемся на то, что постоянной стерилизации не было достигнуто ни в одном случае данного вещества. Однако, к счастью растения из которых должно было получаться данное вещество нельзя было вырастить в достаточном количестве»

Заключительный итог защиты:

Ничего не происходило и не могло происходить с растением диффенбахия как признаёт обвинение и полностью подтверждено экспертными мнениями.

В письменных показаниях Карла Таубека (НО-3963, экз. обв. 528) обвинение ссылалось на идею о том, что стерилизация диффенбахией сегвина не является идеальной, а вопросом, который находится в границах доступного.

Защита с другой стороны утверждает, о том, что этим письменным показаниям недостаёт достоверности из-за экспертных мнений. Эксперт защиты, доцент университета доктор Фридрих Юнг, в своём приложении к экспертному мнению (Покорни 30, экз. Покорни 30) прокомментировал письменные показания Карла Таубека следующим образом:

«О лице –

«Доктор Таубек, по образованию, биолог с дополнительной специализацией в фитохимии. Его медицинское образование ограничено гистологией, физиологией, физиохимией, иммунологией и фармакологией. В силу своего образования он называет себя «специалист в данной сфере», т.е. в сфере медицинской стерилизации. Я хочу отметить факт, что титул «специалист» в сфере стерилизации предполагает значительные медицинские и в особенности гинекологические сведения, которые в целом можно получить только из обширного изучения медицины или нескольких лет практики.

«Письменные показания доктора Таубека в некоторых местах не имеют критического отношения которое так необходимо в научных вопросах, в особенности если они обсуждаются под присягой. Например, доктор Таубек заявляет, в пункте 5, о том, что диффенбахия сегвина использовалась как средство стерилизации жителями Бразилии. Он называет это предположение индейцев, о котором сообщалось в литературе, фактом. В пункте 6 он расплывчато называет отчёт из Бразилии, предполагая буквально несколькими строчками далее, о том, что

«жители Бразилии уже добились кастрации путём ранения стрелой, т.е. внутримышечной инъекцией». Данное предположение не доказано, и поэтому, по моему мнению, ему не место в письменных показаниях. Более того, доктор Таубек делает большое количество утверждений, которым он не приводит прямых доказательств и которые пытается усилить с помощью абсолютно недопустимых обобщений, примеры приведённые в пунктах 7 а-д. Такие выводы по аналогии недопустимы в серьёзном научном объяснении, тем более примеры приведённые им не являются конкретными. Более того, доктор Таубек, в пункте 8, делает вывод об эксперименте Мадауса и Коха, который основан на недостаточных сведениях об этом эксперименте. Он пишет дословно: «Этого горького вещества не хватало у фирмы Мадауса, и использование выжатого сока для кормления завершилось без какого-либо раздражения слизистой оболочки или языка». Согласно доказательствам, Мадаус и Кох давали выжатый сок через пробирку именно для того, чтобы избежать сильного раздражения.

«Эти выводы далее подкрепляются внимательным прочтением заявления доктора Таубека. Поэтому, я не считаю доктора Таубека квалифицированным научным экспертом в данном вопросе».

.....

Вывод защиты:

Письменные показания Карла Таубека представленные при завершении рассмотрения дела по существу не могут изменить тот факт, что невозможно стерилизовать или кастрировать человека диффенбахией сегвина.

г. Документы и показания

Перевод документа НО-3963
Экземпляр обвинения 528

Фрагменты из письменных показаний Карла Вильгельма Таубека от 18 июня 1947 о разработке и экспериментах с стерилизующими веществами

Я, Карл Вильгельм Фридрих Таубек, под присягой заявляю:

1. Я родился 21 сентября 1904 в Йозефштадте, Чехословакия. Всю жизнь я являюсь гражданином Австрии. С 1910 по 1915 я посещал начальную школу в Лейтмерице и Пльзене, Чехословакия. С 1915 по 1923 я посещал гимназию в Пльзене (Чехословакия), Любляне (Югославия) и Клостернойбурге (Австрия). В июне 1925 я закончил среднюю школу Клостернойбурга. С 1923 по 1925 я изучал биологию в университете Вены, Австрия, специализируясь на физиологии растений и химии. В 1925 я обучался в Киле (Германия), где я занимался в основном проблемами морской биологии и бактериологии. С 1926 по 1927 я снова изучал вышеуказанную биологию в Вене (Австрия). В декабре 1927 я стал доктором философии с отличием. Моя диссертация касалась проблемы растительной химии – мочевины в растительном мире.

2. С 1928 по 1929 я был ассистентом в институте растительной физиологии университета Вены, Австрия. В этом качестве я должен был руководить практическим обучением студентов и мог проводить свои исследования в сфере растительной химии. Я также продолжал там своё обучение на медицинском факультете университета, по нескольким медицинским предметам, в особенности гистологии, физиологии, физиохимии, иммунологии и фармакологии. Вышеуказанное обучение позволило мне независимо тестировать эффективность веществ в экспериментах на животных.

3. С 1930 по 1945 я работал в качестве биохимика и ботаника в биологической лаборатории И. Г. Фарбениндуэстри А.Г. в Людвигсхафене/Рейне. Я специализировался там на веществах с особыми эффектами на организмы животных и человека, соответственно. Путём такой работы я изобретал различные лекарства на основе биологии. В частности я изучал вопрос животных ядов многие годы и таким образом изготовил новое лекарство от ревматизма. Я также работал по вопросу стимулятора из мимозы стыдливой и похожих веществ воздействующих в минимальных количествах. В годы войны я работал с проблемами биохимии касавшимися сельского хозяйства и в результате своей работы было изготовлено улучшенное удобрение.

И.Г. Фарбениндуэстри А.Г. в Людвигсхафене на Рейне задействовало несколько тысяч биологов и техников. С 1937 я был старшим специалистом в растительной химии.

4. Осенью 1942, директор лаборатории доктор Мюллер-Кунради проинструктировал меня, заниматься исследованиями воздействия вещества диффенбахии сегвина. В начале ноября 1942, меня командировали к доктору

Шамбергеру из исследовательского института Грюнвальд-Берлин для получения дальнейшей информации. Исследовательский институт Грюнвальд был камуфляжем учреждения СС. Адресом был Грюнвальд-Берлин, Дельбрюкштрассе 6. Там мне сказали о том, что это растение должно использоваться для стерилизации душевнобольных пациентов. Для того, чтобы получить дальнейшую информацию о прогрессе экспериментов с диффенбахией сегвина, которые уже велись, я должен был посетить фирму Мадауса в Дрезден-Радебеле, совместно с доктором Шамбергером и ещё одним эсэсовцем. Эта фирма уже провела эксперименты на животных с этим растением и опубликовала результаты в медицинском журнале в 1941. Я был приглашён на фирму Мадауса как доктор Вайсс, для того, чтобы никто не узнал, что я являюсь работником И.Г. Фарбен. Старший фармаколог фирмы Мадауса спросил: «Вы, должно быть комиссия от обергруппенфюрера СС Поля, на что эсэсовцы ответили: «Да». Фармаколог затем сказал нам о том, что несколькими днями ранее сам Польш посетил фирму Мадауса вместе с несколькими другими людьми и говорил о крайней срочности этой работы. Более того, во время посещения фирмы Мадауса, я проверил в течение дня всё оборудование и эксперименты. При внимательном исследовании отделения мышей и крыс и гистологических препаратов, я убедился в том, что публикации фирмы Мадауса были совершенной правдой. Путём этого осмотра, будучи специалистом в данной сфере, я убедился в том, что стерилизация диффенбахией сегвина не является утопией, а тем, что находится в доступных рамках. По возвращению из поездки из Дрездена в Берлин, эсэсовец рассказал мне о том, что это исследование проводится по прямому приказу рейхсфюрера СС Гимmlера для того, чтобы подавить рождаемость среди восточных наций.

После того, как мне сообщили о данном факте, я присягнул о секретности. Далее исследовательский институт Грюневальд-Берлин проинформировал меня о том, что первые препараты будут подготовлены как можно скорее, так как рейхсфюрер СС приказал провести тестирование нового метода на заключенных концентрационных лагерей.

5. Для того, чтобы установить эффективность и практическую возможность использования диффенбахии сегвина в качестве стерилизационного вещества, я прежде всего продолжу с предметом истории данного растения. Однако, прежде, я хочу добавить, что диффенбахия сегвина не считалась стерилизационным веществом в обычном смысле этого слова, а кастрационным веществом. Это очевидно из того, факта, что эксперименты проведённые фирмой Мадауса явно показали, что уничтожение половых желез подопытных животных которое возникало можно было сравнить с хирургическим удалением этих желез.

Диффенбахия сегвина является растением родом из Бразилии. Насколько мне известно по литературе и публикациям фирмы Мадауса это растение использовалось жителями Бразилии в качестве средства стерилизации своих противников. Она давалась противнику или в еде или ранением стрелой. Методом укола стрелами, относительно малые порции яда диффенбахии сегвина можно было ввести, так как рана от стрелы была сравнима с сильным внутримышечным уколом. Из этого факта, как известно из литературы, возник вывод об этом яде, что при правильной обработке, он эффективен даже в очень маленьких дозах. Это вещество описывалось в литературе как секретное, что говорит о том, что противник не знал о том, что его стерилизовали.

6. Вдохновленная опытом бразильских племён, фирма Мадауса провела свои эксперименты на животных. Результаты полученные фирмой Мадауса, которые я видел своими глазами подтверждают эффективность диффенбахии сегвина в качестве средства стерилизации человека. Можно было сомневаться в том, действительно ли действует диффенбахия сегвина из-за неясных сообщений из Бразилии до того как фирма Мадауса провела свои эксперименты. Однако, эксперименты Мадауса, устранили все сомнения в этом направлении.

.....

11. В результате всех примеров и пояснений которые упоминались, по моему мнению массовое производство кастрационного препарата из диффенбахии сегвина в Германии или на оккупированных Германией территориях не было мечтой, а могло быть легко воплощено на практике. Ещё одним доказательством вредности яда диффенбахии сегвина является факт, что исследования Мадауса без сомнения подтвердили, кастрационный эффект диффенбахии несмотря на все недостатки. Все это заставило меня осознать, преступный характер такого исследования и по этой причине я не исполнял этот приказ. Однако, СС, проявлял огромный интерес к данному вопросу. Я получал свои приказы как работник И.Г. Фарбениндустри от начальника полиции безопасности, сначала через закамуфлированное учреждение исследовательского института Грюнвальд-Берлин и оттуда напрямую. Однако, я знаю, что фирма Мадауса направляла свои заказы через обергруппенфюрера СС Поля отдельно и я не знаком с данным вопросом.

Я прочёл вышеизложенное заявление включающее семь страниц, на немецком, и заявляю о том, что оно является правдивым по моим сведениям и совести. Мне была дана возможность внести изменения и поправки в

вышеизложенное заявление. Я сделал заявление по своей собственной воле, без давления, без обещания вознаграждения.

Нюрнберг, 18 июня 1947.

[Подпись] Доктор Карл Таубек

Перевод документа НО-035
Экземпляр обвинения 142

**Письмо Покорни Гиммлеру, октябрь 1941, о стерилизационном веществе
которое можно использовать против врагов Германии**

Рейхскомиссару по консолидации немецкого фольксдома
СС, Г. Гиммлер, Глава полиции
Берлин

Я прошу вас обратить внимание на следующие доводы. Я попросил профессора Хёна передать вам данное письмо. Я выбрал такой прямой путь, для того, чтобы избежать волокиты в каналах и возможной неосмотрительности в отношении в конечном счёте огромной важности представляемых идей.

Ведомый идеей о том, что врага следует не только покорить, но и уничтожить, я чувствую обязанность представить вам, рейхскомиссар по консолидации немецкого фольксдома, следующее:

Доктор Мадаус опубликовал результаты своих исследований о медицинской стерилизации (обе статьи прилагаются). Прочитав эти статьи, мне понятна замечательная важность данного вещества в нынешней борьбе. Если, с учётом данного исследования, будет возможно производить вещество, которое за сравнительно короткое время вызовет незаметную стерилизацию у человека, тогда мы получим в своё распоряжение новое мощное оружие. Лишь одна мысль о том, что 3 миллиона большевиков, нынешних пленников Германии, можно будет стерилизовать для того, чтобы можно было использовать их в качестве рабочих, предотвратив их размножение, открывает далекоидущие перспективы.

Мадаус обнаружил, что сок диффенбахии сегвина, принимаемый орально или вводимый как инъекция самцам и самкам, спустя некоторое время, приводит к постоянной стерильности. Иллюстрации сопровождающие научную статью являются убедительными.

Если мои идеи получают вашу поддержку, следует предпринять следующее:

1. Доктор Мадаус больше не должен публиковать такие статьи. (Враг слышит!)

2. Разведение растения. (Легко выращивается в теплицах!)
[Вписана пометка] Дахау

3. Немедленные исследования на людях (преступники!) для того, чтобы установить дозу и продолжительность применения.

4. Быстрое исследование структурной формулы эффективного химического вещества для того, чтобы

5. При возможности производить синтетически.

Как немецкий врач и главный врач запаса германского Вермахта, в отставке, я сохраняю в тайне свои предложения.

[штамп]

Хайль Гитлер!

[Подписано] Доктор Покорни

Специалист по кожным и венерическим заболеваниям, У.М., доктор

Ад. Покорни

Комотау

Грабен 23

Комотау, октябрь 1941

Перевод документа НО-036

Экземпляр обвинения 143

Письмо Гимmlера от 10 марта 1942, Полю (с инициалами Рудольфа Брандта) о стерилизационном веществе и предложении дальнейших исследований на преступниках

Рейхсфюрер СС

Журнал № 752/5, RF/H

Штаб-квартира фюрера, 10 марта 1942

231.5.

Дорогой Поль,

Я прочёл очень интересный меморандум и публикации доктора Мадауса о медицинской стерилизации. Я прошу тебя связаться с доктором Мадаусом и проинформировать его, от моего имени, что ему больше не нужно публиковать чего-либо ещё по вопросу медикаментозной стерилизации, и предоставить ему

возможности в проведении исследований в сотрудничестве с главным врачом СС, на преступниках которых в любом случае необходимо стерилизовать.

Однако, план исследований, должен быть представлен мне ведомством занятым предметом.

Хайль Гитлер!

Твой

[Подписано] Г. Гиммлер

Копия направлена главному врачу СС, группенфюреру СС, доктору Гравицу с просьбой принять к сведению.

По приказу:

[Инициалы] Бр. [Брандт]

Штурмбаннфюрер СС

Перевод документа НО-038

Экземпляр обвинения 147

**Письмо Рудольфа Брандта Полю, июнь 1942, сопровождающее запрос
Гиммлера о прогрессе сделанном в экспериментах с медицинской
стерилизацией**

Рейхсфюрер СС

Личный штаб

Журнал № AR/752/5, Вга/Вп

Штаб-квартира фюрера, июнь 1942

Совершенно секретно

Обергруппенфюрер СС Поль

Берлин

Дорогой обергруппенфюрер,

10 марта 1942, рейхсфюрер СС направил вам меморандум написанный доктором Покорни и публикацию доктора Мадауса о медикаментозной стерилизации. В сотрудничестве с главным врачом СС, должны были быть проведены эксперименты.

Рейхсфюрер СС сегодня запросил о том каков прогресс у дела. Я буду признателен за скорое получение информации.

Хайль Гитлер
Ваш,
[Подпись] Р. Брандт
Оберштурмбаннфюрер СС

Перевод документа НО-046а
Экземпляр обвинения 148

**Письмо Поля Гиммлеру от 3 июня 1942 о разработке стерилизационного
вещества фирмой доктора Мадауса и ко.**

Начальник главного административно-хозяйственного управления СС
Ch. Ро/На

Берлин, 3 июня 1942

Предмет стерилизация путём веществ

На: Ваше письмо от 3 октября 1942. Журнал № AR. 752/52, RF/H

Рейхсфюреру СС
Берлин СЗ 11, принц Альбрехтштрассе 8

Дорогой рейхсфюрер:

В связи с вышеуказанным вопросом, я сегодня провёл беседу с Э. Кохом, д.ф.н и д.м.н, директором биологического института доктора Мадауса и ко., Дрезден-Радебель.

Я уведомил его о вашем желании прекратить в настоящее время публикации о данном предмете. Доктор Кох выполнит вашу просьбу.

Кроме того, эксперименты зашли в тупик, из того, что диффенбахия сегвина растёт только в Южной Америке и во время войны не может быть импортирована в адекватных количествах. Попытки доктора Коха выращивать это растение из семян пророщенных в теплицах были успешны, это правда; но процесс очень медленный и материала не достаточно, чтобы проводить крупномасштабные эксперименты.

Доктор Кох полон надежды, что это можно будет преодолеть если мы сможем дать ему разрешение на строительство более крупной теплицы. Я пообещал ему это.

В настоящее время это первый и единственный практический шаг для развития проекта.

Я продолжу периодически докладывать.

Хайль Гитлер!

[Подписано] Поль

Обергруппенфюрер СС и генерал Ваффен-СС

Перевод документа НО-0466

Экземпляр обвинения 149

Письмо Рудольфа Брандта Полю от 11 июня 1942 с запросом от имени Гиммлера о создании крупной теплицы для выращивания стерилизационных веществ

Рейхсфюрер СС

Личный штаб, дневник № 1230/42, Bra/Vu

Штаб-квартира фюрера, 11 июня 1942

На: Медицинская стерилизация

Обергруппенфюреру СС Полю

Берлин

Дорогой обергруппенфюрер,

Я проинформовал рейхсфюрера СС о вашем письме от 3 июня 1942. Он просит вас непременно проследить за тем, чтобы большая теплица была как можно скорее построена для доктора Коха. Он считает эксперименты крайне важными.

Рехсфюрер СС просит вас продолжать направлять дальнейшие отчёты.

Хайль Гитлер!

[Подписано] Б.

Оберштурмбаннфюрер СС

Перевод документа НО-039

Экземпляр обвинения 153

**Письмо Гунда Гиммлеру от 24 августа 1942 об исследованиях в
медикаментозной стерилизации и разработке стерилизационных веществ**

Секретно

Заместитель гауляйтера Нижнего Дуная

Вена, 9, Васагассе 10, 24 августа 1942

Ge/Schd-310/42g

Рейхсфюреру СС ген. Генриху Гиммлеру
Берлин ЮЗ 1, Принц Альбрехтштрассе 8

Господин,

По приказам гауляйтера, доктора Юри¹⁸², его штаб в особенности занят проблемами демографии, расовой политики, и антисоциальных элементов. Так как предотвращение воспроизводства инвалидов по рождению и расово чуждых относится к долгу нашей национал-социалистической расовой и демографической политики, нынешний директор управления гау по расовой политике, гаугауптштелленляйтер, доктор Ферингер, изучая вопрос стерилизации обнаружил, что до сих пор доступные методы, кастрации и стерилизации, не является достаточными сами по себе для удовлетворения ожиданий. Соответственно, перед ним возник очевидный вопрос о том нельзя ли добиться импотенции и стерильности мужчин и женщин путём применения медикаментов или уколов. Таким образом он узнал об исследованиях биологического института доктора Мадауса, в Дрезден-Радебеле по экспериментам медикаментозной стерилизации на животных, о которых ему стало известно из ежегодного отчёта Мадауса, IV год, 1940 представляющих величайший интерес для нашей демографической политики. Мадаус и Кох обнаружили, что диффенбахия сегвина используемая в гомеопатических дозах, то есть, применяемая в мельчайших количествах, благоприятно влияет на импотенцию, стерильность, и фригидность (половое безразличие), таким образом клинические и медицинские исследования не могут пройти мимо данного факта. Обширной серией экспериментов на крысах, кроликах и собаках было установлено, что применение экстракта или уколов диффенбахии, вызывает импотенцию у самцов и бесплодие у самок, и можно рассматривать разнообразные эффекты различных методов применения. Из экспериментов с

---

¹⁸² Хуго Юри (1887 — 1945) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер и рейхсштатгальтер Нидердонау (Нижний Дунай), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Покончил жизнь самоубийством во

животными, видно, что постоянная стерильность более устойчива у самцов и является временной у самок.

Ясно, что эти наблюдения могут иметь огромную важность если изменений потенции или плодовитости можно будет успешно добиться у человека путём применения экстракта диффенбахии. Конечно же, для этого необходимы исследования на самих людях. Директор моего управления расовой политики отмечает, что необходимые исследования и эксперименты на людях можно предпринять с помощью специально подобранного медицинского персонала, основывая свою работу на экспериментах Мадауса на животных в сотрудничестве с фармакологическим институтом медицинского факультета Вены, на лицах из заключенных цыганского лагеря Лакенбах в Нижнем Дунае.

Совершенно ясно, что такому исследованию необходимо придать статус вопроса государственной тайны наиболее опасного характера, потому что вражеская пропаганда сможет нанести огромный урон во всём мире зная о таких исследованиях, если получит такие сведения.

Поскольку данные соображения являются лишь теорией, фундаментальная точность которая уже была установлена в экспериментах на животных и возможность применения которых на людях весьма вероятна, необходимо лишь дать указание перспективам возможности стерилизации практически неограниченного количества людей в кратчайшее время и наиболее простым способом.

В данной связи, я вероятно могу отметить, что было бы важно изучить старые культы и знания их священников об улучшении и предотвращении человеческой потенции и плодовитости. Примитивные, первобытные популяции, которые близки к природе, до сих пор имеют, очень обширные сведения о данном предмете, при том, что о них неизвестно науке. Известно, что, например, народности Южной Америки пытались уничтожить потенцию врагов применяя к ним диффенбахию сегвина.

Я особо буду благодарен вам, если вы выскажете своё мнение в данном отношении, при удобном случае, или даже прикажите мне о конкретной работе. Гауляйтер, доктор Юри обратился бы к вам лично с данным планом если бы не находился в отпуске.

Хайль Гитлер!
Ваш преданный
[Подписано] К. Гунд
Оберфюрер СС

Перевод документа НО-203
Экземпляр обвинения 161

**Сопроводительное письмо Брака Гиммлеру от 28 марта 1941 с отчётом об
экспериментах со стерилизацией и кастрацией рентгеновскими лучами**

Виктор Брак
Обердинстляйтер

Берлин, 28 марта 1941

Рейхсфюреру СС и главе германской полиции
Берлин ЮЗ 11, Принц Альбрехтштр. 8
Г.Г. [Рукописные инициалы]

Совершенно секретно

[Рукописно]: 1 прочитал
2+
5 мая 1941

Дорогой рейхсфюрер:

Настоящим прилагаю для вашего сведения результаты исследований возможности стерилизации или кастрации, соответственно, посредством рентгеновского излучения. Я прошу ваших инструкций о дальнейших теоретических или практических шагах, которые следует предпринять по данному вопросу.

Хайль Гитлер!

[Подписано] Брак

Приложение

Эксперименты в данной сфере завершены. Можно считать установленным и адекватно установленным следующий результат:

Если какие-либо лица должны быть стерилизованы постоянно, данного результата можно добиться путём применения рентгеновского излучения в дозировке достаточно высокой для возникновения кастрации с сопутствующими последствиями, так как большие дозы рентгеновского излучения уничтожают внутреннее выделение яичника или яичек соответственно. Меньшие дозы способны лишь временно парализовать репродуктивные качества. Примером последствий

являются исчезновение менструации, климактерический феномен, изменения в росте капилляров, изменения в метаболизме и т.д. Во всяком случае, следует уделить внимание таким недостаткам.

Сама доза может быть применена различными способами, и облучение может проходить совершенно незаметно. Необходимая местная доза для мужчин это 500-600 рентген, для женщин 300-350 рентген. В целом, периода облучения для мужчин в 2 минуты, 3 минуты для женщин, с наивысшим напряжением, и тонким фильтром и малым расстоянием, будет достаточно. Однако, существует недостаток о котором следует сказать: так как невозможно незаметно закрыть остальную часть тела, будут повреждены другие ткани тела, и возможно возникновение радиационной злокачественной опухоли, так называемой «Roentgenkater». Если интенсивность рентгеновского излучения будет слишком сильной кожа на которую попали лучи покажет симптомы ожогов – различные по тяжести в индивидуальных случаях – в течение следующих дней или недель.

Например, одним из практических способов, была бы обработка людей подходящих к перегородке, за которой их бы просили ответить на некоторые вопросы или заполнить формы, что занимало бы 2 или 3 минуты. Сотрудник сидящий за перегородкой сможет управлять установкой таким образом, что переключателем сможет включать две трубки одновременно (так как облучение должно воздействовать с обеих сторон). С двухтрубной установкой можно стерилизовать приблизительно 150-200 лиц в день, и поэтому, при 20 таких установках уже 3000-4000 лиц в день. По моей оценке большее число в любом случае не может быть направлено для этой задачи. Что касается расходов на двухтрубную систему, я могу привести лишь грубую оценку в приблизительно 20000-30000 РМ. Однако, кроме того, будет стоимость строительства нового здания, потому что следует предусмотреть защитные устройства для сотрудников.

В итоге, можно сказать о том, что с учётом нынешнего состояния радиологической техники и исследований, массовая стерилизация путём рентгеновского излучения может быть проведена безо всяких затруднений. Однако, кажется невозможным проводить её таким образом, чтобы лица на которых оказывается воздействие рано или поздно не узнали о том, что они были стерилизованы или кастрированы рентгеновским излучением.

[Подписано] Брак

Перевод документа НО-205
Экземпляр обвинения 163

**Письмо Брака Гиммлеру от 23 июня 1942 с предложением стерилизации от
двух до трёх миллионов евреев**

Виктор Брак
Оберфюрер СС

Берлин, 3 8, Фоссштрассе 4, 23 июня 1942
[Инициалы] ГГ

Совершенно секретно

Рейхсфюреру СС и главе германской полиции
Генриху Гиммлеру
Берлин ЮЗ 11, Принц Альбрехтштр. 8

Дорогой рейхсфюрер,

По инструкциями рейхсляйтера Боулера, я передал некоторых своих людей – уже довольно давно – в распоряжение бригадефюрера Глобочника для проведения специальной миссии. По его новой просьбе я направил дополнительный персонал. По этому поводу бригадефюрер Глобочник высказал своё мнение о том, что вся еврейская акция должна быть завершена как можно скорее для того, чтобы не попасть однажды врасплох если какие-то трудности приведут к необходимости остановки акции. Рейхсфюрер, вы сами, уже выражали свой взгляд, о том, что работу следует проводить быстро хотя бы в целях маскировки. Оба положения, которые приведут к одинаковым результатам являются более чем оправданными как подсказывает мой опыт; несмотря на это, позвольте мне представить следующие доводы:

Среди 10 миллионов евреев в Европе есть, по моим подсчётам, как минимум 2-3 миллиона мужчин и женщин пригодных для работы. Учитывая чрезвычайные трудности в рабочей проблеме в настоящее время, я разделяю взгляд на то, что эти 2-3 миллиона следует специально отобрать и сохранить. Однако, это можно сделать только если в тоже время они станут непригодными для размножения. Почти год назад я доложил вам о том, что мои сотрудники завершили эксперименты необходимые для этой цели. Я хочу напомнить эти факты ещё раз. Стерилизация, обыкновенно проводимая на лицах с наследственными заболеваниями, в данном случае не обсуждается, потому что она является слишком длительной и слишком дорогостоящей. Однако, кастрация, рентгеновским излучением является не только сравнительно дешёвой, но также может быть

проведена на многих тысячах за кратчайшее время. Я думаю, что в настоящее время, уже не столь важен вопрос о том будут ли люди знать о том, что были кастрированы спустя несколько недель или месяцев, при возникновении последствий.

Рейхсфюрер, если вы выберёте данный способ сохранения рабочих, тогда рейхсляйтер Боулер подготовит для вас врачей и весь иной требуемый персонал. Он также попросил меня проинформировать вас о том, что в таком случае я смогу очень быстро заказать требуемую аппаратуру.

Хайль Гитлер!

Ваш

[Подпись] Виктор Брак

Перевод документа НО-206

Экземпляр обвинения 164

Письмо Гимmlера (контрассигнованное Рудольфом Брандтом), от 11 августа 1942, адресованное Браку об интересе Гимmlера к экспериментам стерилизации

Рейхсфюрер СС
1314/42 [Рукописно]

XIa/126 [Рукописно]

11 августа 1942

Цифра 11 – [рукописно]

Оберфюрер СС Брак
Берлин 3 8 Фосштрассе 4

Совершенно секретно

4 копии

4-я копия

Дорогой Брак:

Лишь сегодня у меня появилась возможность уведомить о получении твоего письма от 23 июня. Я решительно заинтересован в рассмотрении того, чтобы

стерилизации рентгеновскими лучами были испытана по крайней мере в одном лагере.

Я буду крайне обязан рейхсляйтеру Боулеру если, для начала, он предоставит врачей-экспертов для серии экспериментов.

Я направлю копию данного письма главному врачу СС и лицу ответственному за концентрационные лагеря.

Хайль Гитлер!

Ваш,

[Подписано] Г. Гиммлер

Обергруппенфюрер СС Поль
Группенфюрер СС, доктор Гравиц
Для сведения
По приказу

[Рукописно] Бр.

Оберштурмбаннфюрер СС

[Штамп] 11 августа 1942

Перевод документа НО-208

Экземпляр обвинения 166

Письмо Бланкенбурга Гиммлеру от 29 апреля 1944 об использовании доктора Хорста Шумана в экспериментах по влиянию рентгеновского излучения на гениталии половые железы человека в связи с похожими экспериментами проводимыми в концентрационном лагере Аушвиц

Канцелярия фюрера НСДАП
Дело №: Па/Кт.

Берлин 3 8, Фосштрассе 4, 29 апреля 1944

Телефонный №: местный 120054

Междугородный 126621

Совершенно секретно

Рейхсфюреру СС и главе германской полиции, Генриху Гиммлеру
Берлин ЮЗ 11, Принц Альбрехтштрассе 9

Дорогой рейхсфюрер!

По приказу рейхсляйтера Боулера я представляю вам в виде приложения работу доктора Хорста Шумана о влиянии рентгеновского излучения на половые железы человека.

Ранее вас просил оберфюрер Брак о проведении данной работы, и вы поддержали его, предоставив соответствующий материал в концентрационном лагере Аушвиц. Я особо отмечаю вторую часть данной работы, которая показывает, что такие средства кастрации мужчин почти невозможны или требуют неадекватных расходов. Как я сам убедился, оперативная кастрация требует не более чем от 6 до 7 минут, и поэтому может проводиться более надёжно и быстрее чем кастрация рентгеновским излучением.

Вскоре я смогу представить вам продолжение данной работы.

Хайль Гитлер!

[Рукописно] Ваш преданный

[Подписано] Бланкенбург

Приложение

Перевод документа НО-211

Экземпляр обвинения 169

Письмо профессора Клауберга Гиммлеру от 30 мая 1942 (в связи с письмом от Рудольфа Брандта), о срочных исследованиях биологического размножения и стерилизации без операций и проект «Исследовательского института биологического размножения»

Профессор К. Клауберг, д.м.н главный врач гинекологической клиники госпиталя горняков и госпиталя Святой Ядвиги.

Кёнигшютте, Верхняя Силезия, 30 мая 1942

Телефон 409-31

[Рукописно]

Среда 8 июля

Рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру через обергруппенфюрера СС и генерала полиции Шмаузера¹⁸³

[Рукописно]
Обсуждалось Г.Г.

Дорогой рейхсфюрер!

В ответ на своё письмо от 5 июня 1941 «об исследовательском институте биологического размножения» я получил ответное письмо от вашего личного адъютанта штурмбаннфюрера СС Брандта, датированное 19 июня 1941 говорящее о том, что вы, рейхсфюрер, вернётесь к моему проекту как можно скорее. Безо всякого сомнения важнейшие события войны, которые произошли вскоре помешали этому.

Если я могу вам коротко напомнить, продолжение моей работы стало невозможным из-за проблемы с получением заключенных из женского концентрационного лагеря. В связи с научной дискуссией с штабфюрером вашего ведомства здесь, оберштурмбаннфюрером СС, доктором Арльтом¹⁸⁴, мне также удалось поговорить о своей исследовательской деятельности в сфере биологического размножения. Доктор Арльт затем мне сказал о том, что единственное лицо в Германии, которое будет особо заинтересовано в данных вопросах и которое сможет помочь мне, это глубокоуважаемый рейхсфюрер. Как с членом СС и штабфюрером вашего ведомства здесь, я коротко поговорил с ним о том, что я уже представил вам по данному вопросу.

После этой дискуссии, я возьму смелость спросить вас о моей возможности осуществлять эти задачи здесь в Верхней Силезии.

Для того, чтобы пояснить, что необходимо сейчас – то есть, хотя бы в настоящее время – следует вновь сказать о двух наиболее срочных вопросах и фундаментальных проблемах.

А.В вопросе позитивной демографической политики, конечная или даже наиболее вероятная важность сельского хозяйства для качеств женского размножения требует разъяснения. Экспериментами на животных было опробировано и протестировано, что, подопытное животное, которое хрестоматийно является наиболее плодовитым и одновременно различается в своей плодовитости это кролик. Вопрос заключается в том может ли общее хорошее питание

---

¹⁸³ Эрнст-Генрих Шмаузер (1890-1945) – высший руководитель СС и полиции Бреслау. Летом 1944 начал эвакуацию концентрационного лагеря Освенцим. Пропал без вести в феврале 1945.

¹⁸⁴ Фриц Арльт (1912-2004) – нацистский расовый теоретик и функционер.

продуктами полученными от интенсивного выращивания снижать плодовитость, и если дело в этом, какой из факторов (положительный или отрицательный) является ответственным.

Б. В вопросе негативной демографической политики ситуация такова, что из экспериментов на животных (в которых я продемонстрировал возможность стерилизации без операции) мы должны приступить к первым экспериментам на людях.

Для данной задачи необходимы:

С учётом А. Проблемы плодовитости и сельского хозяйства.

1. Земля – то есть, больше «целинной», «дикой» или до настоящего времени «плохо» обрабатываемой земли насколько возможно. Для проведения первых экспериментов на животных как минимум 10 моргенов.

2. Персонал для обработки земли.

3. Животный материал – то есть, несколько сотен самок кроликов и соответствующее количество самцов.

4. Животные клетки и загоны.

5. Лица для ухода и охраны животных.

С учётом Б. Стерилизации без операции.

1. Временное жильё для 5 или 10 женщин (отдельные комнаты или комнаты на два лица) соответствующие условия палат для больных.

2. Специальный рентгеновский аппарат с установкой и принадлежностями.

3. Небольшой набор инструментов и материала.

Рейхсфюрер! Не желая предвосхищать ваше решение, я возьму смелость предложить, чтобы эксперименты необходимые для А и Б проводились в концентрационном лагере Аушвиц и чтобы использовались его возможности. Как я уже говорил вам в ходе нашего разговора, я буду крайне благодарен работать в вашем подчинении в качестве главы экспериментального учреждения, исключительно подчиняясь вам.

Мне кажется, что в виду приобретения земли, необходимых животных, персонала, и предоставления человеческого материала, присоединение вашего лагеря в Верхней Силезии предоставит наилучшие возможности. Деньги потребуются только для приобретения –

С учётом А.

1. Животного материала.

2. Материала для животных загонов.

3. Сознательных рабочих для ухода за ними.

С учётом Б.

4. Специальное жильё для 5 или 10 заключённых женского лагеря для проведения экспериментов.

5. Специальная рентгеновская установка.

6. Небольшое количество инструментов и материала.

Рейхсфюрер! Пояснения и предложения сделанные здесь относятся к тому факту, что наиболее необходимые и срочные средства для решения данной проблемы должны быть созданы и введены в действие. Мои предложения являются абсолютно пригодными к настоящему времени и обстоятельствам. При возникновении той или иной проблемы или – скажем так – многих проблем, идеальная структура, такая как «исследовательское учреждение рейхсфюрера СС по биологическому размножению» будет создана, как организация, с одной стороны более широкая по размаху, и с другой стороны более сконцентрированная и пригодная для этого. Краткий план прилагается в качестве предложения для данной задачи. Данное предложение должно продемонстрировать возможность реализации всех замыслов представленных вам.

Хайль Гитлер!

Ваш наиболее преданный,

[Подписано] Профессор Клауберг

Проект «Исследовательского института по биологическому размножению»

Центр откуда начинаются все идеи, возникают все проблемы и осуществляется руководство их решением, и наконец переходит в практическое применение и остаётся клиником. Это должен быть одновременно родильный дом. Так как проблемы (которые по большей части имеют гормональный характер) не просто переходят в практическую гинекологию и родильное дело, но также глубоко переходят в них и остаются наиболее тесно связанными с беременностью и родами. Эти проблемы настолько же неограниченны и поэтому необходимо шаг за шагом их разрешать, так как они должны быть подтверждены как успешные для родов в будущем.

В этой клинике должны быть предусмотрены:

а. наиболее интенсивное лечение женщин в настоящее время стерильных, но желающих носить ребёнка и применение и тестирование нового опыта в случаях кажущихся безнадежными.

б. для оценки метода стерилизации без операции (бескровная стерилизация) женщин непригодных к размножению и использование данного метода после его подтверждения как эффективного.

Клинике должна быть придана –

в. лаборатория для обширных экспериментов на животных, которые всегда служат основой для будущих исследований.

Также должна быть придана исследовательская станция –

г. экспериментальная ферма для разрешения вопросов «сельского хозяйства и плодовитости», то есть –

1. длительные эксперименты питания на животных, и

2. длительные эксперименты с питанием на людях (заключенные женских лагерей).

План прилагается.

[Рукописно] 30 мая 1942

Клауберг

«Исследовательский институт биологического размножения»

Экспериментальная ферма –

а. Для экспериментов длительного питания на животных.

Лаборатория для дальнейших экспериментов на животных.

б. Для экспериментов длительного питания на людях.

(Специальное производство пищи для заключенных женского лагеря)

Клиника по гинекологии и родам

Клиническое и поликлиническое отделение –

а. Лечение стерильных женщин желающих размножаться.

б. Дальнейшее клиническое исследование случаев стерильности в настоящее время выходящих безнадежными.

Клиническое отделение –

Для стерилизации без операции (бескровная стерилизация) на женщинах (женщины непригодные для размножения или чьё размножение нежелательно – сначала тестирование метода без операции, далее применение).

Перевод документа НО-216
Экземпляр обвинения 170

Меморандум Рудольфа Брандта, июль 1942 о дискуссии между Гиммлером, Гебхардтом, Глюксом и Клаубергом об экспериментах стерилизации не еврейках

Штаб-квартира фюрера, июль 1942

Совершенно секретно

1 копия

7 июля 1942 прошла дискуссия между рейхсфюрером СС, бригадефюрером СС, профессором, доктором Гебхардтом, бригадефюрером СС Глюксом и бригадефюрером СС Клаубергом, Кёнигшютте. Темой дискуссии была стерилизация евреек. Рейхсфюрер СС пообещал бригадефюреру СС, профессору Клаубергу, что концентрационный лагерь Аушвиц будет передан в его распоряжение для его экспериментов на людях и животных. Путём нескольких фундаментальных экспериментов должен быть найдён метод, который приводит к стерилизации лица без его осведомлённости. Рейхсфюрер СС хотел получить ещё один отчёт как только результаты экспериментов станут известны, для того, чтобы можно было провести в действительности стерилизацию евреек.

Следует изучить, предпочтительнее в сотрудничестве с профессором, доктором Хольфельдером, специалистом-рентгенологом в Германии, каким путём можно добиться стерилизации у мужчин путём применения рентгеновского излучения.

Рейхсфюрер СС обратил особое внимание всех присутствовавших господ на тот факт, что вопрос является секретным и должен обсуждаться только с ответственными лицами, а присутствующие лица должны дать подписку о неразглашении.

[Подписано] Брандт
Оберштурмбаннфюрер СС

Перевод документа НО-213
Экземпляр обвинения 171

Письмо Рудольфа Брандта Клаубергу, от 10 июля 1942, направляющее инструкции Гимmlера о проведении стерилизации евреек в концентрационном лагере Равенсбрюк

Рейхсфюрер СС Личный штаб
Журнал номер 1266/42, Bra/Dr.

[Рукописно]

Возвращено 31 октября 1942 администрацией К.
Штаб-квартира фюрера, 10 июля 1942

Совершенно секретно

[Рукописно]

Оригинал передан Г.
6 копий – 6-я копия

1. Профессор Клауберг
Кёнигшютте

[Рукописно]

В 1-10

1-5-43

10-7-43

Дорогой профессор!

Сегодня рейхсфюрер СС поручил мне направить вам его пожелание о том, чтобы вы направились в Равенсбрюк после своей беседы с обергруппенфюрером СС Полем и лагерным врачом женского концентрационного лагеря Равенсбрюк, для проведения стерилизации евреек согласно вашему методу.

До начала вашей работы, рейхсфюрера СС интересует знать, сколько займёт стерилизация тысячи евреек. Сами еврейки не должны ничего об этом знать. Рейхсфюрер СС, понял, что вы сможете ввести соответствующие инъекции во время общего осмотра.

Посредством экспериментов следует установить эффект стерилизации спустя определённое время после неё, которое возможно потребуется вам установить, вероятно рентгеновским излучением, какого рода изменения последуют. В некоторых случаях практический эксперимент может быть проведён путём совместного закрывания еврейки и еврея на определённое время и установление получившегося результата.

Я прошу дать мне знать ваше мнение о моём письме для сведения рейхсфюрера СС.

Хайль Гитлер!

[Подписано] Брандт
Оберштурмбаннфюрер СС

2. Обергруппенфюреру Полю, Берлин.

[Рукописно] доставлено Бёмеру

Пожалуйста подтвердите. Оберштурмбаннфюрер СС Кёгель также получил копию для сведения лагерного врача. Кроме того копии получили главный врач СС и главное управление безопасности Рейха (РСХА)

[Подписано] Брандт
Оберштурмбаннфюрер СС

3. Группенфюреру СС Гравицу, главному врачу СС.

Пожалуйста, подтвердите.

[Подписано] Брандт
Оберштурмбаннфюрер СС

4. Оберштурмбаннфюреру СС Кёгелю, ВФХА.

Пожалуйста, подтвердите и проинформируйте лагерного врача.

[Подписано] Брандт
Оберштурмбаннфюрер СС

5. Главное управление безопасности Рейха (РСХА), Берлин

Штурмбаннфюреру СС Гюнтеру, IV Б 4 (отдел по евреям)

[Рукописно] Группф. Мюллер

Пожалуйста, подтвердите.

[Инициал] Бр.
Оберштурмбаннфюрер СС

Перевод документа НО-212
Экземпляр обвинения 173

Письмо профессора Клауберга Гиммлеру от 7 июня 1943, с отчётом об исследованиях в связи с стерилизацией женщин

Профессор, доктор К. Клауберг

Главный врач женской клиники госпиталя горняков и госпиталя святой Ядвиги

Кёнигшютте О.С., 7 июня 1943

Телефон: 409-31

Секретно

Рейхсфюреру СС
Генриху Гиммлеру
Берлин

Дорогой рейхсфюрер,

Сегодня я выполняю своё обязательство периодически докладывать вам о состоянии своей исследовательской работы. Проводя её, я как и раньше, придерживался процедуры давать отчёт только по важным вопросам. Фактически, после моей недавней беседы в июле 1942, я не мог этого делать до сего дня, из-за временных трудностей, перед которыми я был бессилён и которыми я не беспокоил вас, рейхсфюрер. Я упомяну в качестве примера, то, что с февраля 1943 у меня находится в распоряжении рентгеновская установка, которая очень много значит для моих исследований. Несмотря на короткий период 4 месяцев, уже сегодня возможно сообщить вам следующее:

Метод внедрённый мной для достижения стерилизации женского организма без операции настолько хорош насколько совершен. Он проводится единственным уколом на входе в матку в ходе обычного гинекологического осмотра известного любому врачу – если я говорю о том, что метод «насколько же хорош, насколько совершен» это означает:

1. Для метода требуются лишь небольшие усовершенствования.
2. Уже сегодня он может быть внедрён к практическому применению в ходе нашей евгенической стерилизации и таким образом заменит операции.

Рейхсфюрер, что касается вопроса, заданного мне почти год назад, т.е. о том, сколько времени потребуется для стерилизации 1000 женщин с использованием данного метода. Сегодня я могу ответить вам в отношении будущего следующее:

Если мои исследования будут продолжаться с такими же результатами как до настоящего времени – и нет причины сомневаться в этом – тогда недалёк тот день, когда я смогу сказать:

«Один достаточно подготовленный врач в достаточно подготовленном месте, вероятно с 10 ассистентами (количество ассистентов соответствует желаемой скорости) скорее всего сможет обработать несколько сотен, если и не 1000 в день».

Пожалуйста, позвольте мне отсрочить свой отчёт о ещё одной части моих исследований (позитивная демографическая политика), потому что пройдёт некоторое время прежде чем можно будет сказать нечто определённое.

Рейхсфюрер! Главная причина моего отчёта вам сегодня, незадолго до возможности даже более финальных результатов, следующая:

Я знаю о том, что разрешение последней части этой особо сложной проблемы – вопреки внешним силам, которые определяли прогресс до сих пор – зависит теперь почти полностью от меня. В этой связи, будут необходимы несколько малых, но несмотря на это фундаментальных изменений, о которых вы, мой дорогой рейхсфюрер, можете лично приказать и распорядиться. Я надеялся на то, что я смогу лично предоставить вам короткое описание этих требований в случае визита в Верхнюю Силезию. Так как у меня не было такой возможности, я прошу вашего решения сегодня.

Кроме того, я хочу сделать следующую просьбу. Бригадефюрер СС, доктор Блюменройтер, смог наконец добиться для меня одной подходящей рентгеновской установки. Мне срочно требуется ещё одна установка такого рода, и он проинформировал меня в феврале о том, что у него есть ещё одна на хранении в Берлине. Он готов доставить её мне если вы дадите своё одобрение.

Рейхсфюрер, могу я попросить у вас, этого одобрения?

Хайль Гитлер!

[Подписано] Клауберг

Фрагмент допроса подсудимого Брака защитой

.....

Фрешман: О каких планах вы говорили?

Брак: Планах об уничтожении евреев, о которых я вам говорил ранее. Зная о них и находясь в партийной канцелярии в ходе разговора, когда Гиммлер сказал мне о том, что Графенек должен быть оставлен, Гиммлер также рассказал мне о сообщениях полученных из Польши, согласно которым евреи там, пользуясь временным бездействием польского правительства усилили своё положение и Гиммлер сказал, что с этим надо, что-то делать. Он сказал, что надо что-нибудь предпринять, чтобы остановить это, потому что из-за кровосмешения польских евреев с евреями из Западной Европы для Германии возникает опасность даже большая чем до войны, и он сказал, что у него есть план стерилизовать евреев надёжными методами, согласно процедуре, которая позволит массовую стерилизацию. Оперативная стерилизация не обсуждалась по единственной причине, потому что вы не сможете провести её не оставив никакого шрама. Тогда он поставил вопрос, нельзя ли сделать это рентгеновским излучением? Однако, я не знал об этом наверняка, и фактически никто не знал о нём, и в особенности не было известно можно ли таким образом облучить лицо, чтобы оно ничего не заметило. Затем Гиммлер сказал о том, что Боулер собрал у себя многих учёных и докторов по программе эвтаназии, и соответственно я должен был попытаться выяснить для него, то, что он сказал мне о стерилизации, и доложить ему снова.

Фрёмшман: Что же, сообщение Гиммлера повлияло на вас?

Брак: Оно произвело на меня сильное впечатление. Я верил в то, что Гейдрих в действительности был инициатором всего этого.

В своём допросе я рассказал следователю о том, что я отнёсся к такому плану по уничтожению евреев как ненужному для Германии и её руководства. Из того, что я знал о Гиммлере, до меня бы никогда не дошло, что такая разрушительная идея может исходить от него. Однако, если это так, исходила ли эта идея от Гейдриха или Бормана, моё отношение противостояло ей; и я чувствовал, что у меня есть обязательство сделать, что-нибудь, чтобы предотвратить это. Если бы я заявил возражения открыто, возникло бы сильно подозрение в отношении меня и это вызвал бы реакцию у Гиммлера. Поэтому, я должен был выбрать из двух зол меньшее и сделать вид, что я согласился с Гиммлером. Я сделал вид, что готов выяснить вопрос массовой стерилизации методом рентгеновского излучения. Много лет назад я подвергся воздействию рентгеновского излучения довольно длительный период времени и обсуждал с доктором эффект рентгеновского излучения на человеческий организм. Сейчас я вспомнил, из тех дискуссий, что эффект рентгеновского излучения на половые органы имеет малую важность и не является длительным. Более того, я знал о том, что один из моих коллег лично был знаком со специалистом-рентгенологом и рассказывал мне о том, что этот специалист

проводил эксперименты с рентгеновским излучением на плодовитости животных. Однако, видимого результата не было.

Фрешман: Господин председатель, я представляю письменные показания от 25 февраля 1947, от доктора Мартина Зеллера, специалиста, родившегося 3 декабря 1880, проживающего в Мюнхене, подписанные им той же датой и удостоверенные мной. (Брак 26, экз. Брак 31). Эти письменные показания вносят понимание в данный вопрос и я цитирую:

«Я отчётливо помню, что 10-15 лет назад я говорил с Виктором Браком о травмировании рентгеновским излучением. Брака беспокоило то, что у него могла возникнуть травма от рентгеновского излучения; тогда его колено просвечивалось рентгеном. Когда спустя некоторое время у него огрубели руки, он подумал, что это может быть ожог рентгеновским излучением. Я объяснил ему, что никаких травм не может возникнуть при наших исследованиях рентгеновским излучением, так как количества радиации используемые при диагностике являются небольшими и кроме того, более отдалённые части тела (то есть, в случае снимка колена, руки и гениталии) не находятся в опасной зоне в современных технических условиях.

«Я также заметил, что даже намеренная стерилизация путём применения рентгеновского излучения, в особенности в отношении молодых лиц, будет трудной даже при длительном воздействии сильной дозы радиации.

И затем в абзаце 2 свидетель продолжает:

«Совершенно возможно, что Брак таким образом выработал взгляды предложенные им, т.е. о том, что эффект рентгеновского излучения на половые органы очень мал, и что опасность стерилизации вообще не существует. Дилетант не различает между рентгеновской диагностикой и рентгеновской терапией»

Брак: Я доверился этому коллеге и рассказал ему о своём намерении обмануть Гиммлера, если выиграть время. Мы согласились обмануть Гиммлера представив ему сведения о том, что стерилизация рентгеновским излучением является возможной и таким образом мы пустив его по ложному пути. То, что говорилось в этой информации я уже не помню. В любом случае это не имело положительных результатов и мы не представили её в такой форме Гиммлеру.

Фрешман: Господин председатель, позвольте мне заметить в этой связи, что после больших усилий я смог найти человека который готовил эту информацию о которой

говорит свидетель. Я узнал его имя и адрес. Он живёт в русской зоне и по этой причине мне невозможно получить копию этой информации которую он тогда подготовил. Однако, я связался с этим доктором и он заявил о своей готовности прибыть в Нюрнберг и дать мне письменные показания, потому что как он сказал, было бы само собой разумеющимся если он сможет помочь невиновному человеку своими показаниями. Он помнит как давал информацию Браку или его коллегам и я прошу разрешения оставить за собой право представить эти письменные показания в качестве доказательства, как только они у меня будут, и когда вероятно доктор получит возможность поговорить с подсудимым.

Председательствующий: Защитник подсудимого Брака может приобщить эти письменные показания как только их получит до того как завершит представлять доказательства по делу.

Фрешман: Спасибо, ваша честь. Свидетель, пожалуйста продолжайте.

Брак: Естественно, этот фактор неопределенности стоит принимать во внимание.

Фрешман: О чём именно вы говорите?

Брак: Я говорю об отчёте который мы получили.

Фрешман: Вы говорите о человеке которые подготовил информацию, эксперте?

Брак: Да.

Председательствующий: Итак, защитник я не хочу, чтобы вы меня неправильно поняли. Я сказал о том, что защитник может приобщить письменные показания; это значит, что они подвергнутся любому возражению со стороны обвинения о форме письменных показаний и их относимости к делу. Вчера, приобщались письменные показания из Бразилии, потому что трибунал сказал о том, что их можно приобщить. Право предоставить просто означает, предоставление их для возражений, и это не равно тому, что письменные показания будут получены как доказательство, а то, что они могут быть представлены. Таков смысл который я вкладываю в слово «приобщить» относительно данных письменных показаний.

Фрешман: Да, ваша честь, я понял председательствующего и приобщу письменные показания в соответствии с правилами трибунала. Свидетель, вы продолжите?

Брак: Мой сотрудник изменил содержание информации таким образом, что стерилизация становилась очевидной как нечто возможное с медицинской точки зрения. Это именно то, что содержится в моих письменных показаниях. Таким образом, это письмо датированное 28 марта 1941, производное из документа НО-203, экземпляр обвинения 161.

Фрешман: Господин председательствующий, позвольте вкратце напомнить это письмо. Я процитирую. Оно адресовалось Браком Гиммлеру, помеченное «Совершенно секретно».

«Дорогой рейсхфюрер:

Настоящим прилагаю для вашего сведения результаты исследований возможности стерилизации или кастрации, соответственно посредством рентгеновского излучения. Я прошу ваших инструкций о дальнейших теоретических или практических шагах, которые следует предпринять по данному вопросу.

Это сопроводительное письмо. Свидетель, это сопроводительное письмо в связи с отчётом, который прилагается, рассматривается обвинением как серьёзное предложение по стерилизации и обвинение в этой связи заявило о том, что оно не требует комментариев. Какое у вас отношение к нему?

Брак: Ни первое, ни второе неправильно. Я признаю, что если прочесть это письмо или отчёт не зная связи такое впечатление может возникнуть. Поэтому я попытаюсь проанализировать этот отчёт для того, чтобы пояснить трибуналу, чего мы пытались добиться этим письмом. Я должен ещё раз подчеркнуть, что все это было обманным манёвром.

Фрешман: В связи с отчётом, который прилагается к данному письму (НО-203, экз. обв. 161). Я хочу процитировать из него очень короткий отрывок:

«Эксперименты в данной сфере завершены. Можно считать установленным и адекватно установленным следующий результат:

«Если какие-либо лица должны быть стерилизованы постоянно, данного результата можно добиться путём применения рентгеновского излучения в дозировке достаточно высокой для возникновения кастрации с сопутствующими последствиями, так как большие дозы рентгеновского излучения уничтожают внутреннее выделение яичника или яичек соответственно. Меньшие дозы способны лишь временно парализовать репродуктивные качества. Примером последствий являются исчезновение менструации, климактерический феномен, изменения в росте капилляров, изменения в метаболизме и т.д. Во всяком случае, следует уделить внимание таким недостаткам.

Сама доза может быть применена различными способами, и облучение может проходить совершенно незаметно. Необходимая местная доза для мужчин это 500-600 рентген, для женщин 300-350 рентген. В целом, периода облучения для мужчин в 2 минуты, 3 минуты для женщин, с наивысшим

напряжением, и тонким фильтром и малым расстоянием, будет достаточно. Однако, существует недостаток о котором следует сказать: так как невозможно незаметно закрыть остальную часть тела, будут повреждены другие ткани тела, и возможно возникновение радиационной злокачественной опухоли, так называемой «Roentgenkater».

Свидетель, вы определите своё отношение к этому письму, часть которого я прочёл?

Брак: Я говорил в связи со своей беседой с Гиммлером в 1941 году. Это становится видно из абзаца «Настоящим представляю результаты изучения рентгеновского излучения». Сейчас кажется, что эффективные эксперименты проводились учёными, чего не было на самом деле. Гиммлер должен был быть убеждён и вот почему мы должны были подчеркнуть, что эксперименты завершились и результат основан на научной работе. Конечно, мы не могли сказать о результате как об абсолютно положительном. Мы должны были оставить за Гиммлером судить об этом. В первом примере нашим намерением было внушить Гиммлеру эту идею. Вот почему мы выбрали формулировку которую видно в письме – «Если какие-либо лица должны быть стерилизованы постоянно». Это означало наоборот, что это было теоретически возможно. Однако, в то же время, мы отмечали, что этот успех нельзя скрыть и что возникнет феномен. Это очевидно показано содержанием самой информации, и подчёркивалось то, что для постоянной стерилизации необходимы большие дозы рентгеновского излучения. Такие большие дозы тогда бы вызывали эффект кастрации со всеми сопутствующими симптомами которые были бы заметны немедленно. Однако, если бы, использовались малые дозы, вы могли прекратить репродуктивную деятельность на короткое время. Мы в действительности говорили об этом в конце отчёта, а именно, о том, что результат стерилизации будет замечен спустя сравнительно короткое время, но невозможно будет добиться стерилизации незаметно, и мы думали, что таким образом внушим Гиммлеру такую идею.

Фрешман: Итак, это была первая часть письма. Теперь, давайте обсудим вторую часть. Я снова сошлюсь на метод, который вы предложили Гиммлеру. Тогда вы думали «Например, одним из практических способов, была обработка людей подходящих к перегородке, за которой их бы просили ответить на некоторые вопросы или заполнить формы, что занимало бы 2 или 3 минуты. Сотрудник сидящий за перегородкой сможет управлять установкой таким образом, что переключателем сможет включать две трубки одновременно (так как облучение должно воздействовать с обеих сторон). С двухтрубной установкой можно стерилизовать приблизительно 150-200 лиц в день, и поэтому, при 20 таких

установках уже 3000-4000 лиц в день. По моей оценке большее число в любом случае не может быть направлено для этой задачи».

Господин Брак, как вы могли придти к такой идее о переключателях? Это совершенно непонятно для диллента.

Брак: Гиммлер хотел, чтобы эта процедура проводилась как можно проще. Поэтому, мы должны были предложить настолько простой метод насколько могли придумать. С другой стороны, этот метод увеличивал неопределённость в управлении рентгеновским излучением на соответствующие части тела. Это то, что обсуждалось с моим коллегой при его ознакомлении. Мы предложили этот метод с переключателем Гиммлеру. с идеей упростить этот вопрос насколько возможно и в то же время предотвратить воздействие на тело какого-либо рентгеновского излучения. Более того, только 2-3 минуты предлагались как время для обработки этих людей рентгеновским излучением. Как мы пришли к цифрам 500-600 – или 350 рентген – я не знаю были ли они придуманы или они на чём-то основывались. Я не знаю. Но посмотрев на них в целом, это содержало ряд пунктов, которые должны были продемонстрировать Гиммлеру, что всё это нельзя осуществить. Есть научная основа для таких предложений.

Фрешман: Господин председатель, в связи с данным положением я попытался получить безупречную информацию о правильности того, что сказал подсудимый. Заинтересованный человек сказал о том, что это предложение было абсолютно бессмысленным. Однако, я должен подождать этой информации, потому что я должен подождать письменные показания от другого эксперта. С разрешения трибунала, я получу соответствующую информацию от радиолога, который может показать, что верным является то, что само предложение является научной бессмыслицей.

Брак: Мы должны были учитывать возможность того, что Гиммлер несмотря на все трудности примет это предложение. Однако, мы знали, что подготовка такой установки займёт долгое время, на строительство и т.д. Мы думали о том, что война скоро закончится, и как я сказал ранее, я не знал о том, что есть какая-либо угроза с Запада. И в случае мира, план с Мадагаскаром, который уже отвергли, можно было бы снова рассмотреть. Если бы с другой стороны это предложение было принято и если бы к этому времени война ещё не закончилась, проведение такого эксперимента на 100-200 евреях было бы меньшим злом чем массовая стерилизация евреев Гиммлером, что было бы для них большим злом.

Фрешман: Господин Брак, если я правильно вас понял, вы говорите о том, что тогда, вы должны были принять решение между убийством миллионов евреев или

выбором меньшего зла, предложив небольшое количество, которое вы упомянули для экспериментов. Моё мнение правильное?

Брак: Во время моих допросов я обозначил эту дилемму, сказав, что это был наш последний выход. Но, конечно, судя об этих двух возможностях нужно учитывать, что было решено об одной возможности, в то же время, ощущая внутреннее оправдание этому. Таким же образом боевой командир жертвует тысячами людей если может спасти сотни тысяч где-то ещё.

Фрешман: Итак, господин Брак, для того, чтобы завершить с этим письмом я хочу сказать, что вы заявили следующее в конце письма и я цитирую:

«В итоге, можно сказать о том, что с учётом нынешнего состояния радиологической техники и исследований, массовая стерилизация путём рентгеновского излучения может быть проведена безо всяких затруднений. Однако, кажется невозможным проводить её таким образом, чтобы лица на которых оказывается воздействие рано или поздно не узнали о том, что они были стерилизованы или кастрированы рентгеновским излучением».

В своём сопроводительном письме вы видимо упоминали второе письмо, и я цитирую:

«Я прошу ваших инструкций о дальнейших теоретических или практических шагах, которые следует предпринять по данному вопросу».

Что означает последнее заявление?

Брак: Используя такую формулировку, я стремился сохранить контроль за развитием этого вопроса. Я никогда не рассчитывал на реализацию этих экспериментов и никогда не имел никакого намерения представлять Гиммлеру серьёзное предложение, которое бы привело к стерилизации миллионов евреев, но если бы Гиммлер принял такое бессмысленное предложение, я хотел, чтобы его идея затянулась как можно дольше. Если бы это предложение было серьёзным с моей стороны я бы являлся фанатичным евреененавистником, и я думаю, что я уже доказал, что таковым не являлся.

.....

16. Коллекция еврейских скелетов

а. Введение

Подсудимым Рудольфу Брандту и Зиверсу вменялась преступная ответственность и соучастие в планах и мероприятиях, включавших убийство гражданских и военнослужащих стран находившихся в состоянии войны с Германским Рейхом, и в частности убийство 112 евреев для цели составления коллекции скелетов для университета Страсбурга (пар. 7 обвинительного заключения). По данному обвинению оба подсудимых были признаны виновными.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Зиверса

.....

Коллекция скелетов

В ответ на просьбу подсудимого Рудольфа Брандта, 9 февраля 1942, Зиверс представил ему отчёт доктора Хирта из университета Страсбурга о желательности обеспечения коллекцией еврейских скелетов. (НО-085, экз. обв. 175). В данном отчёте, Хирт выступал за самое настоящее убийство «иудо-большевистских комиссаров» для формирования коллекции черепов. Он говорил:

«Получив черепа иудо-большевистских комиссаров, которые персонифицируют отвратительную, но при этом характерную недочеловечность, у нас будет возможность получить осязаемое научное доказательство. Получение и сбор этих черепов без затруднений могут быть в будущем завершены путём директивы принятой для Вермахта о немедленной передаче всех живых иудо-большевистских комиссаров полевой полиции».

Эти подразделения должны были докладывать в специальное ведомство, которое должно было направить специалистов для получения фотографий и антропологических измерений и установления происхождения, даты рождения и других личных данных жертв. Далее Хирт говорит:

«После наступления смерти еврея, чья голова не должна быть повреждена, он отделит голову от туловища и

направит её в точку назначения в консервирующей жидкости в герметичном контейнере специально предназначенном для этой цели. На основе фотографий, измерений и других данных о голове и наконец, самом черепе, начинаются сравнительно-анатомические исследования, исследования расовой принадлежности, патологические характеристики формы черепа, форма и размер мозга, и многие другие вещи. Согласно сфере деятельности и задачам, новый университета Страсбурга был бы самым подходящим местом для коллекции и исследования требуемых черепов». [Курсив добавлен].

27 февраля 1942, Брандт проинформировал Зиверса о том, что Гиммлер поддерживает работу Хирта и предоставит в его распоряжение всё необходимое. Брандт запросил у Зиверса соответственно проинформировать Хирта и вновь доложить о работе Хирта. (НО-090, экз. обв. 176).

Убийственный и бесчеловечный план Хирта осуществлялся способом который несколько отличался от предложенного в его предварительном отчёте. (НО-085, экз. обв. 175). Доказательством этого является то, что было решено сохранить скелеты жертв целиком, а не только черепа. 2 ноября 1942 Зиверс попросил Брандта провести необходимые приготовления с главным управлением безопасности Рейха для получения 150 евреев заключенных из Аушвица для осуществления этого плана. (НО-086, экз обв. 177). 6 ноября Брандт проинформировал Адольфа Эйхмана, начальника отдела IV-B-4 (еврейские вопросы) главного управления безопасности Рейха о передаче Хирту всего необходимого для укомплектования коллекции скелетов. (НО-089, экз. обв. 179).

Из письма Зиверса Эйхману от 21 июня 1943, видно, что гауптштурмфюрер СС Бегер, сотрудник общества «Аненербе», проводил предварительную работу по сбору коллекции скелетов в концентрационном лагере Аушвиц от 79 евреев, 30 евреек, 2 поляков и 4 азиатов. В этом письме Зиверс заявлял о том, что Бегер должен прервать свою работу, из-за опасности инфекционных заболеваний в лагере. Зиверс попросил о том, чтобы заключенные с которыми проводил работу Бегер были переведены в концентрационный лагерь Нацвейлер, потому что дальнейшая деятельность в Аушвице была невозможной из-за опасности заражения. Специальное жильё для тридцати женщин должно было быть предусмотрено в концентрационном лагере Нацвейлер «на короткий период» [Курсив добавлен] (НО-087, экз. обв. 181).

Заявление коменданта лагеря концентрационного лагеря Нацвейлер, гауптштурмфюрера СС Йозефа Крамера, раскрывает, что приблизительно 80 заключенных из концентрационного лагеря Аушвиц, среди них женщины, были

переведены в концентрационный лагерь Нацвейлер и убиты газом по просьбе Хирта в начале августа 1943. Специальная газовая камера была построена для этой цели. Трупы жертв были направлены тремя партиями в анатомический институт университета Страсбурга. (НО-807, экз. обв. 185). Данные доказательства подтверждаются показаниями свидетеля Анрипьера. Он свидетельствовал о том, что в начале августа 1943, главный анатомист института, Бонг, получил от Хирта приказ подготовить баки в подвале института приблизительно для 120 трупов. С интервалами в несколько дней, три партии трупов, 30 женских, 30 мужских и 26 мужских, прибыли на грузовике из неизвестного места. Все жертвы были евреями. Эти трупы хранились в подвале анатомического института в баках подготовленных Бонгом. Смотрите также письменные показания Вагнера. (НО-881, экз. обв. 280). Как подтверждается дневником Зиверса, Бегеру было приказано подготовить гипсовые слепки жертв. (3546-ПС, экз. обв. 123).

Уже в сентябре 1944, когда союзные армии угрожали Страсбургу, Зиверс обратился к подсудимому Брандту с просьбой об инструкциях о том, что делать с еврейскими телами, которые всё ещё хранились в баках подвала анатомического института. Он проинформировал Брандта о том, что Хирт сможет «обескожить» трупы и таким образом сделает их неузнаваемыми, но в таком случае работа будет сделана в спешке и «было бы величайшей научной утратой, так как потом нельзя будет сделать гипсовые слепки уникальной коллекции. Коллекция скелетов не является подозрительной. Внутренности можно было бы назвать останками трупов, видимо оставленными в анатомическом институте французами и приказанные к сожжению». Зиверс запросил директивы Брандта о том следует ли сохранить коллекцию, частично растворить или полностью растворить. (НО-088, экз. обв. 182).

Из меморандума гауптштурмфюрера СС Берга, и его телефонного разговора с Зиверсом 15 октября 1944, видно, что сначала было решено уничтожить доказательства этих жестоких преступлений, но временное улучшение военной обстановки, отменило это решение. Зиверс проинформировал Берга 21 октября 1944 о том, что, согласно приказам полученным им ранее, растворение коллекции было завершено. (НО-091, экз. обв. 183). Но этого не случилось. Хирт приказал Бонгу и своему ассистенту Майеру, разрезать 86 трупов и кремировать в крематории Страсбурга, но эти двое не смогли выполнить эту огромную работу. Ряд тел остались неразрезанными и остались в баках, вместе с частично разрезанными трупами, для того, чтобы создать впечатление, что они использовались в обычных анатомических исследованиях. (НО-881, экз. обв. 280).

Фотографии этих тел и газовых камер в концентрационном лагере Нацвейлер, в которых были убиты жертвы еврейской коллекции скелетов,

сделанные французскими властями после освобождения Страсбурга, рассказывают эту ужасную историю массового убийства более наглядно чем свидетельства и документы. (НО-483, экз. обв. 184; НО-807, экз. обв. 185).

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Зиверса

.....

В 1943 в отделении анатомии университета Страсбурга была создана коллекция еврейских скелетов согласно плану, которые подготовили в 1941 Гиммлер и директор анатомического отделения, профессор, доктор Хирт. Скелеты должны были быть получены путём отбора необходимого количества лиц в концентрационном лагере Аушвиц из большевистских комиссаров, которых взяли в плен во время кампании против Советского Союза. Ликвидация этих лиц прошла в концентрационном лагере Нацвейлер.

Заслужена была или незаслуженна ликвидация приведшая к смерти данных лиц зависит от того можно ли считать «приказ о комиссарах¹⁸⁵», который являлся основой для ликвидации, законным и допустимым или нет. Подробное исследование данного вопроса можно исключить, так как в этой связи субъективные доводы имеют решающее значение.

Зиверс не принимал личного участия ни в отборе, ни в ликвидации лиц отобранных для коллекции скелетов. Отбор был проведён неким доктором Бегером в концентрационном лагере Аушвиц. (НО-087, экз. обв. 181). Сам Зиверс никогда не был в Аушвице. Ликвидация прошла в концентрационном лагере Нацвейлер. Наиболее ранняя дата проведения ликвидации показана в дате вышеуказанного документа, который датирован 21 июня 1943. После 23 января 1943, Зиверс больше не был в Нацвейлере. Поэтому, любое личное участие Зиверса в отборе также как и ликвидации не обсуждается.

---

¹⁸⁵ Приказ о комиссарах (официальное название Директивы об обращении с политическими комиссарами) был издан верховным командованием вермахта 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны Германии против Советского Союза. Приказ предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной Армии как «носителей сопротивления».

Теперь мы должны исследовать создавалась ли коллекция скелетов и проходила ли ликвидация отобранных лиц по приказам или инструкциям Зиверса –

Обвинение представило и зачитало:

Письмо управляющего делами «Аненербе» Брандту, датированное 9 февраля 1942, с отчётом доктора Хирта в котором последний предлагает о коллекции черепов для университета Страсбурге, которые должны были взять у иудо-большевистских комиссаров. (НО-085, экз. обв. 175).

Письмо Брандта Зиверсу датированное 27 февраля 1942 с отчётом о том, что рейхсфюрер СС весьма заинтересован в работе профессора Хирта и передаст в его распоряжение всё необходимое для его экспериментов. (НО-090, экз. обв. 176).

Письмо управляющего делами «Аненербе» доктору Брандту, датированное 2 ноября 1942, о получении 150 скелетов пленных для неких антропологических исследований. (НО-086, экз. обв. 177).

Личный штаб рейхсфюрера СС в главное управление безопасности Рейха, датированное 6 ноября 1942, о передаче приказа рейхсфюрера СС о возможности создания коллекции скелетов как было запланировано. (НО-089, экз. обв. 179).

Письмо личного штаба рейхсфюрера СС в «Аненербе», датированное 3 декабря 1942, о замене дефицита с помощью обергруппенфюрера СС Поля. (НО-092, экз. обв. 180).

Письмо института военно-медицинских исследований в главное управление безопасности Рейха датированное 21 июня 1943 о переводе 115 лиц отобранных гаупштурмфюрером СС Бегером в концентрационном лагере Аушвиц. (НО-087, экз. обв. 181).

Телеграмма личного штаба, отдела «А» доктору Брандту, датированная 5 сентября 1944, о получении инструкций о том, что должно произойти с коллекцией в случае угрозы Страсбургу. (НО-088, экз. обв. 182).

Два меморандума Берга, датированные 15 и 26 октября 1944, об уничтожении коллекции. (НО-091, экз. обв. 183).

Несколько записей в дневнике Зиверса, 1943-44.

Письмо Зиверса доктору Хирту, датированное 3 января 1942, было представлено обвинением. (НО-3629, экз. обв. 547). Это письмо содержит просьбу Гимmlера Хирту о направлении ему подробного отчёта о его экспериментах, которые затем могут послужить основой для совещания.

Письмо управляющего делами доктору Хирту, датированное 29 октября 1942, о предоставлении субсидий на исследовательскую деятельность. (НО-3819, экз. обв. 550).

В этом отношении, защита заявляет:

Идея создания коллекции черепов иудео-большевистских комиссаров была инициирована доктором Хиртом, директором анатомического отделения университета Страсбурга. Сам доктор Хирт представил Гиммлеру предложение о создании такой коллекции. Предложение получило полное содействие Гиммлера. Гиммлер принял инструкции о передаче в распоряжение Хирта всего, что ему необходимо для экспериментов. (НО-090, экз. обв. 176). Помимо этого, Гиммлер отдал приказ через свой личный штаб 6 ноября 1942 о том, чтобы всё необходимое было передано в распоряжение доктора Хирта. (НО-089, экз. обв. 179).

Из письма личного штаба рейхсфюрера СС управляющему делами «Аненербе», датированном 25 марта 1942, видно насколько энергично Гиммлер благоволил экспериментам доктора Хирта. Это письмо говорит:

«В связи с этим, пожалуйста свяжитесь с Хиртом как можно скорее и рассмотрите то как лучше всего будет нам сблизиться с Хиртом» (Зиверс 53, экз. Зиверс 49).

Далее из допроса защитой Зиверса видно, что доктор Хирт был доверенным лицом Гиммлера, Зиверс смог узнать об этом факте уже в 1936 и в последующие годы имел возможность повторить это наблюдение.

Это также можно установить из совещания, которое прошло на Пасху 1942 и о ходе которого Зиверс дал подробное описание. Среди прочего, Зиверс обратил внимание на тот факт, что Хирт и его анатомическая коллекция, которая являлась вопросом университета, никак не касалась «Аненербе».

Гиммлер стал весьма активным после агрессивной акции Зиверса, после чего он попросил письменного приказа.

В этой связи, приказ Гиммлера, датированный 7 июля 1942, также следует упомянуть. Цифра 2 гласит следующее (НО-422, экз. обв. 33):

«Я прошу «Аненербе»

«1. ....

«2. Поддержать всеми возможными способами исследования проводимые гаупштурмфюрером СС профессором, доктором Хиртом и поощрять все соответствующие исследования и мероприятия»

Данные факты были необходимы для того, чтобы разъяснить вопросы для главных инициаторов, Гиммлера и Хирта. Любой знавший условия знает, что в таком случае было невозможно действовать вопреки приказам Гиммлера.

До пасхального совещания 1942, Зиверс ничего не знал про «приказ о комиссарах»; Гиммлер тогда показал ему фотографии большевистских комиссаров, мужчин и женщин, которых арестовали, также как и фотографии немецких солдат и гражданских которые были убиты и подверглись ужасающим пыткам этими

монстрами. Это повлияло на отношение Зиверса к «приказу о комиссарах», содержание которого он узнал в общих чертах в то время. Оригинальный текст «приказа о комиссарах» не приводился во время процесса Геринга. Для разъяснения содержания данного приказа, защита ссылается на –

«Директивы для команд начальников полиции безопасности и службы безопасности (СД) подлежащих переводу в шталаги» (Зиверс 54, экз. Зиверс 50).

Как и в других случаях, деятельность Зиверса включала пересылку корреспонденции, исходила ли она «свыше», то есть, Гимmlера, Рудольфа Брандта или от Хирта или от третьих лиц. Это может быть показано тем, что сам он не принимал ни инструкций ни приказов и соответственно не осуществлял никакой решающей деятельности.

Предложение о создании коллекции иудо-большевистских черепов не исходило от Зиверса, а от доктора Хирта. Приказ об этом был отдан Гимmlером, который также приказал, чтобы Хирту оказывалось всяческое содействие.

Гимmlер запрашивал информацию об антропологических экспериментах доктора Хирта у Зиверса и приказал направить показательный отчёт доктора Хирта. Впоследствии, Зиверс представил, 9 февраля 1942, отчёт запрошенный доктором Брандтом 29 декабря 1941.

.....

После своей встречи с Хиртом в мае 1941 и его краткого отчёта Гимmlеру, Очевидно, Зиверс далее лично не занимался этим делом, пока Гимmlер, в своём письме датированном 29 декабря 1941, запросил подробного отчёта у Хирта через доктора Брандта. Это можно увидеть из ссылки на меморандум Зиверса датированный 9 февраля 1942 и его письма от 9 февраля 1942 Р. Брандту (НО-085, экз. обв. 175) и также было сказано Зиверсом во время допроса защитой. Тогда, Гимmlер, передал информацию, которую Зиверс передал Хирту в своём письме от 3 января 1942. В этом письме, никогда не упоминался вопрос иудо-большевистской коллекции черепов, а лишь вопрос антропологических экспериментов. Общеизвестно, что проведение антропологических экспериментов формирует часть основных обязанностей любого антропологического института, и также что такие эксперименты проводятся на выбранных группах лиц, и что лиц которых казнили должны были передавать анатомическим институтам для исследовательских целей. При просьбе Хирта о содействии в его антропологических экспериментах, Гимmlер немедленно сделал соответствующее предложение; в качестве компетентного

начальника германской полиции, он мог так сделать. И Зиверс, тогда, не предполагал, и не мог вообразить, что подопытных должны были убить для этой цели. На основе общей практики, он мог легко предположить, что тела законно приговорённых и законно казнённых рассматриваются в экспериментах Хирта. Сегодня нам известно, что это было совместимо с его преступной деятельностью, что касалось экспериментов на людях. Тогда, в конце 1941 никто, как и Зиверс, не сталкивался с экспериментами на людях и не мог заранее подозревать, что в этом случае имеют место преступные деяния.

Кроме того, тогда вообще не предусматривалась связь Хирта с «Аненербе». В своём письме от 3 января 1942 Хирту, Зиверс пишет:

«Для того, чтобы повлиять на ваш перевод в «Аненербе», то есть в личный штаб рейхсфюрера СС, мне требуется от вас некоторая информация»

Естественно, Гиммлер хотел, чтобы Хирт находился к нему как можно ближе, но относительно перевода Зиверс добавляет: «...то есть, в личный штаб рейхсфюрера СС», ни Зиверс, ни Хирт не предполагали, что Хирт получит поддержку Гиммлера от института человеческих исследований «Аненербе» по всем вопросам. Об этом также свидетельствовал Зиверс в допросе защитой.

Связи Хирта с «Аненербе» не возникало до личного и срочного требования Гиммлера, что подтверждается двумя письмами, датированными 27 февраля 1942 (НО-090, экз. обв. 176), и 25 марта 1942 (Зиверс 33, экз. Зиверс 49). На основе этих писем и усилий Гиммлера, Зиверс тогда заявил на пасху Гиммлеру протест, 1942-5 апреля – что было подробно изложено при допросе защитой.

Фактически, Хирт не становился членом «Аненербе» до осени 1942, что можно видеть опровержением обвинения, документом НО-3819, экземпляром обвинения 550.

Поэтому документы опровержения представленные обвинением по данному вопросу, не опровергают показания Зиверса в его допросе защитой, а подтверждают их, что также видно из письменных показаний госпожи, доктора Шмиц (Зиверс 45, экз. Зиверс 46; Зиверс 55, экз. Зиверс 51) и показано в дальнейшем итоге письменных показаний Зиверса. (Зиверс 64, экз. Зиверс 59).

Письмо начальника полиции безопасности (Зипо) и службы безопасности (СД) датировано 9 ноября 1941, о перевозке русско-советских военнопленных, которых должны были казнить, в концентрационные лагеря (1234-ПС, экз. обв. 555):

Из документа можно видеть, что советско-русские военнопленные, которых должны были казнить, должны были забирать в концентрационные лагеря. Хотя «приказ о комиссарах» подробно не был известен Зиверсу, он соответствовал

контексту пасхального совещания 1942, которое было у Зиверса с Гиммлером, о том, что советско-русские комиссары подлежат данному приказу. Тогда, было общеизвестно, в германском Вермахте и среди немецкого гражданского населения о том, что женщины комиссары в советско-русской армии, демонстрировали необычайную степень фанатизма. Также было известно, что сильные банды повстанцев формировались за линией германского фронта, которые вели безжалостную и жестокую войну против военнослужащих германского Вермахта обеих полов вопреки правилам международного права. В рядах этих банд было много снайперш, которых в полном соответствии с положениями международного права, приговаривали к смерти. В этом отношении, следует сказать о том, что все или большинство советско-русских комиссаров не совершали преступлений против международного права. Однако, не может быть сомнения в том, что в их больших рядах, можно было найти тех кто совершал такие преступления. Так как число скелетов запрошенных Хиртом было небольшим, Зиверс мог предполагать, что только таких преступников можно рассматривать для коллекции.

Поэтому, нельзя оспорить то, что Зиверс в любом случае предполагал из письма продиктованного доктором Бегером в главное управление безопасности Рейха, датированном 21 июня 1943, о том, что лица которых выбрал доктор Бегер в концентрационном лагере Аушвиц должны быть ликвидированы без какого-либо суда или без какого-либо законного повода. У Зиверса не было обязанности проверять это. Тут мы должны исследовать лишь то, что Зиверс в любом случае должен был сознавать, что процедура была незаконной или же он опирался на факт, что существовала законная основа для ликвидации приказанной Гиммлером. Учитывая условия войны на Востоке, Зиверс мог предполагать, что имеет место последнее.

Эти заявления сделаны на случай предположения, о том, что Зиверс имел обязанность самостоятельно это установить. Однако мы думаем, что тот кто занимает подчинённое положение должен рассчитывать на законность решений принятых вышестоящим начальником.

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-085
Экземпляр обвинения 175

**Письмо Зиверса Рудольфу Брандту от 9 февраля 1942 и отчёт Хирта о
получении черепов иудо-большевистских комиссаров**

«Аненербе»

Управляющий делами

Берлин, 9 февраля 1942

G/R/2 страница 1

Оберштурмбаннфюреру СС, доктору Брандту
Берлин ЮЗ 11, Принц Альбрехтштрассе 8

Секретно

Дорогой товарищ Брандт:

По причине того, что профессор, доктор Хирт в настоящее время серьезно болен, я сожалею, что скоро не смогу представить никакого отчёта доктора Хирта, который вы запросили письмом от 29 декабря 1941, регистрационный номер № AR/493/37. Его поразило кровоизлияние в лёгкие, диагноз «киста лёгкого», но по крайней мере не ТБ. Кроме того он болеет сосудистой астенией. Сейчас он находится в госпитале, но надеется, что доктор выпишет его как можно скорее, чтобы он мог в ограниченной степени, возобновить свою работу. В таких обстоятельствах профессор Хирт смог подготовить лишь предварительный отчёт, который, я представляю вашему сведению. Отчёт содержит –

1. его исследования в сфере микроскопии живых тканей, поиски нового метода исследования, и конструкцию нового микроскопа, и

2. предложение по сохранению черепов иудо-большевистских комиссаров.

В качестве дополнения к отчёту 1, прилагается несколько специальных публикаций; из которых две части из «Zeiss Nachrichten¹⁸⁶» #10 (том. II) и 1-5 (том. III) облегчающие быстрое общее ориентирование, при том, что другие публикации о предмете касаются сложных, отдельных научных исследований.

Искренне ваш

Хайль Гитлер!

[Подписано] Зиверс

---

¹⁸⁶ «Новости Цейсса» (нем.)

Приложения

Приложение

Предмет: Сохранение черепов иудо-большевистских комиссаров для цели научных исследований университета Страсбурга.

Здесь имеются обширные коллекции черепов почти всех рас и народов. Однако, от еврейской расы, имеется в распоряжении весьма мало образцов черепов, что не позволяет изучить их и сделать точные выводы.

Война на Востоке предоставляет нам возможность ликвидировать этот недостаток. Получив черепа иудо-большевистских комиссаров, которые персонифицируют отвратительную, но при этом характерную недочеловечность, у нас будет возможность получить осязаемое научное доказательство.

Получение и сбор этих черепов без затруднений могут быть в будущем завершены путём директивы принятой для Вермахта о немедленной передаче всех живых иудо-большевистских комиссаров полевой полиции. Полевая полиция должна принять особые директивы о постоянном информировании определённого ведомства о количестве и месте содержания таких захваченных евреев и хорошо охранять их до прибытия особого уполномоченного. Этот особоуполномоченный, с поручением сбора материала (младший врач приданный Люфтваффе или даже полевой полиции, или медицинский студент обеспеченный автомобилем и водителем), должен сделать серию фотографий и антропологических измерений, и установить, насколько возможно, происхождение, дату рождения, и другие личные данные пленного. После наступления смерти еврея, чья голова не должна быть повреждена, он отделит голову от туловища и направит её в точку назначения в консервирующей жидкости в герметичном контейнере специально предназначенном для этой цели. На основе фотографий, измерений и других данных о голове и наконец, самом черепе, начинаются сравнительно-анатомические исследования, исследования расовой принадлежности, патологические характеристики формы черепа, форма и размер мозга, и многие другие вещи. Согласно сфере деятельности и задачам, новый университета Страсбурга был бы самым подходящим местом для коллекции и исследования требуемых черепов.

**Письмо Зиверса Рудольфу Брандту от 2 ноября 1942, запрашивающее
одобрения Гиммлера, 150 скелетов**

«Аненербе»
Управляющий делами

Берлин, 2 ноября 1942

[Штамп]

Личный штаб рейхсфюрера СС
Регистрационный номер секретно 5/116

Секретно

Оберштурмбаннфюреру СС, доктору Брандту
Берлин

Дорогой товарищ Брандт!

Рейхсфюрер СС как вам известно, приказал о том, чтобы гауптштурмфюреру СС, профессору, доктору Хирту был предоставлен весь необходимый материал для его исследовательской работы. Я уже докладывал рейхсфюреру СС о том, что необходимо антропологическое исследование 150 скелетов заключенных евреев и они должны быть предоставлены концентрационным лагерем Аушвиц. Необходимо, чтобы сейчас главное управление безопасности Рейха подготовило официальную директиву рейхсфюрера СС; однако, по приказу рейхсфюрера СС вы также сможете принять её самостоятельно.

Искренне ваш
Хайль Гитлер!
[Подписано] Зиверс

Приложение 1:

Проект письма в главное управление безопасности Рейха.

Перевод документа НО-087
Экземпляр обвинения 181

**Письмо Зиверса Эйхману (копия Рудольфу Брандту) от 21 июня 1943 об отборе
лиц для коллекции скелетов**

[Рукописно] XI а 56

«Аненербе»

Институт военно-научных исследований

G/H/6, S2/He

Берлин-Далем, Пюклерштрассе 16, 21 июня 1943

Совершенно секретно

G.R.Z.I. A.H. Sk. № 10

5 копий – 2-я копия

Приложений нет

Главному управлению безопасности Рейха

Отдел IV В 4

Сведение: Оберштурмбаннфюрер СС Эйхман

Берлин ЮЗ 11, Принц Альбрехтштрассе 8

Предмет: Сбор коллекции скелетов

На ваше письмо от 25 сентября 1942, IV В 4 3576/42 g 1488, и личных бесед по вышеуказанному вопросу, вы проинформировали о том, что сотрудник данного отдела, ответственный за исполнение вышеуказанной специальной задачи, гауптштурмфюрер СС, доктор Бруно Бегер, завершил свою работу в концентрационном лагере Аушвиц 15 июня 1943, в связи с наличием опасности заразных заболеваний.

Работа была проведена со 115 лицами, 79 из которых евреи, 2 поляки, 4 азиаты и 30 еврейки. Сейчас, данные заключенные разделены по полу и каждая группа размещена в госпитальном здании концентрационного лагеря Аушвиц и находится на карантине.

Для дальнейшей обработки отобранных лиц является необходимым немедленный перевод в концентрационный лагерь Нацвейлер; он должен быть ускорен в виду опасности заразных заболеваний в Аушвице. В приложении содержатся имена отобранных лиц.

Запрашивается принятие необходимых директив.

Так как перевод заключенных в Нацвейлер опасен распространением заболеваний, запрашивается, чтобы непосредственно была подготовлена доставка обеззараженной и чистой одежды заключенных на 80 мужчин и 30 женщин из Нацвейлера в Аушвиц.

В то же время следует предусмотреть жильё для 30 женщин в концентрационном лагере Нацвейлер на короткий период.

[Подпись] Зиверс
Штандартенфюрер СС

Копии для –

- а. Гауптштурмфюрера СС, доктора Бегера
- б. Гауптштурмфюрера СС, профессора, доктора Хирта
- в. Оберштурмбаннфюрера СС, доктора Брандта

Частичный перевод документа Зиверс 45
Экземпляр защиты Зиверса 46

Фрагмент из письменных показаний доктора Гизелы Шмиц от 27 марта 1947 о положении Зиверса в обществе «Аненербе» и его связи с коллекцией скелетов

.....

В 1937 я была назначена секретаршей в зарегистрированной организации исследовательском и инструкторском обществе «Аненербе», в котором я оставалась до конца войны в 1945. В течение всех этих лет я работала с Вольфрамом Зиверсом, который являлся управляющим делами, и соответственно я обладаю достаточно обширной информацией об организации «Аненербе» и деятельности Зиверса.

Организация «Аненербе» за время, когда я относилась к ней была следующей:

Гиммлер был президентом; профессор Вюст, ректор университета Мюнхена, был куратором; Зиверс был ответственным перед ним как управляющий делами.

Внутренний распорядок устанавливающий правила для управляющего делами предусматривал, что все решающие функции касались куратора «Аненербе». Согласно этому все решения должны были получаться управляющим делами у начальника отделения если они не касались президента. Профессор Вюст имел право непосредственно докладывать Гиммлеру как президенту по всем вопросам; Зиверс мог делать это лишь по административным вопросам, и лишь тогда, когда Гиммлер консультировался с ним по отдельным вопросам и просил его отчёта.

Собственной сферой Зиверса было финансовое и кадровое управление и надзор за деловыми связями «Аненербе». В научных вопросах у Зиверса не было права принимать приказы. Ему лично запрещалось подписывать письма по научным вопросам. Однако, так как не всегда было возможно на практике направлять все письма из Берлина в Мюнхен, местную и постоянную резиденцию куратора, для подписи, то часто подписывал Зиверс; затем Вюст контрассигновывал копию. Когда в 1942 «Аненербе» стало отделом личного штаба рейхсфюрера СС, профессор Вюст стал начальником отдела. Таким образом он стал ответственным за все вопросы управления и личного состава, что являлось ответственностью управляющего делами. Гиммлер лично дал понять Зиверсу, чтобы он не вмешивался в научные вопросы.

В этой связи я коротко упомяну, что ведение дневника «Аненербе» было обязанностью управляющего делами Зиверса. По прямому приказу Гиммлера, все ведомства рейхсфюрера СС должны были вести дневники. Это было излюбленным делом Гиммлера, и невыполнение данного приказа привело бы к самым печальным последствиям для ответственного лица. Зиверс, который часто отсутствовал в Берлине диктовал записи дневника при возвращении. Я знаю, что записи не всегда могут выдержать проверку – они частично были неточными, а иногда сфабрикованными. Зиверс настаивал на ведении дневника для видимости, чтобы не оскорбить Гиммлера. Причины этого будут объяснены в дальнейшей части моего заявления. Зиверс также упоминал мне коллекцию иудо-большевистских черепов, которую запланировал профессор Хирт в Страсбурге.

Документ НО-085, экземпляр обвинения 175, о коллекции еврейских скелетов был представлен мне. За исключением последнего абзаца начинавшегося со слов «для сохранения...», отчёт был – насколько я помню – подготовлен

доктором Бруно Бегером, который прибыл из главного расово-переселенческого управления СС (РуСХА). Я впервые увидела отчёт осенью 1941. Отчёт уже вращался во всевозможных ведомствах и одна копия была направлена в «Аненербе». Причины почему отчёт также был направлен в «Аненербе» мне неизвестны; в любом случае, Зиверс показал мне предложение с выражением ужаса и определил его как гибридное удобрение пропаганды, которая тогда использовалась для описания восточных наций как «недочеловеков». Сам отчёт ушёл от нас, так как нас не касался, или был передан начальнику «Аненербе», профессору Вюсту, так как это был действительно «научный» вопрос. Однажды Зиверс сказал мне о том, что Гиммлер упоминал этот разговор в личной беседе – мне кажется в связи с профессором Хиртом – и приказал о том, чтобы документ был представлен для получения мнения профессора Хирта. Затем Хирт добавил последний абзац. С этим добавлением отчёт был передан в личный штаб рейхсфюрера СС и доктору Рудольфу Брандту.

В отношении документа НО-087, экземпляра обвинения 181, показанного мне, я могу заявить: письмо в главное управление безопасности Рейха содержит ссылку S2/На. Согласно этому, письмо не было продиктовано лично Зиверсом, а – как я помню – доктором Бегером, который продиктовал письмо в подотделе начальника отдела Вольфа, чьим номером был S2.

В отношении документа НО-088, экземпляра обвинения 182, я могу сказать о том, что профессор Хирт запросил по телефону решения о предложении которое видно в конце документа. Зиверс лишь передал просьбу Хирта в личный штаб рейхсфюрера СС.

Зиверс постоянно говорил со мной об экспериментах на людях и также о коллекции скелетов и всегда говорил о том, что такие вещи противоречили его внутренним убеждениям. Постоянно, у меня была возможность наблюдать муки Зиверса в связи с этим. Иногда у него были выраженные периоды депрессии.

.....

Перевод документа Зиверс 54
Экземпляр защиты Зиверса 50

**Правила для команд полиции безопасности и службы безопасности по работе
в шталагах**

Управление IV

Совершенно секретно

Использование командос осуществляется по соглашению начальника полиции безопасности и службы безопасности и верховного командования вооруженных сил от 16 июля 1941. Командос работают независимо, согласно особому разрешению и в соответствии с общими правилами предоставленными им в границах лагерей. Естественно, командос имеют тесный контакт с комендантом лагеря и офицерами приданными им.

Задачей командос является политическое обследование всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшее применение –

а. из всех политических, преступных или иных нежелательных элементов среди них.

б. тех лиц, которых можно использовать для восстановления на оккупированных территориях.

Для выполнения своей задачи, в распоряжение командос дополнительные средства не предоставляются. Германский розыскной список, перечень мест проживания и розыскной список СССР, окажут помощь лишь в небольшом количестве случаев; розыскного списка СССР недостаточно, потому что он содержит лишь небольшую часть советско-русских рассматриваемых опасными.

Следовательно, командос должны использовать свои специальные сведения и навыки и полагаться на собственные выводы и полученные лично сведения. Таким образом, они смогут начать осуществление своей задачи только, когда соберут соответствующий материал.

Командос должны использовать в своей работе насколько возможно, сейчас и потом, опыт комендантов лагерей, который они почерпнули из наблюдения за заключенными и изучая заключенных лагерей.

Более того, с самого начала командос должны предпринимать усилия по выявлению среди заключенных элементов, которые окажутся надёжными, независимо от того коммунисты они или нет, для их использования в разведывательных целях внутри лагеря, и если рекомендуется, позднее также на оккупированных территориях.

Используя таких информаторов и используя все иные возможности, выявление всех элементов подлежащих устранению от других заключенных должно продвигаться шаг за шагом. Командос должны обучаться, в каждом случае,

средствам короткого опроса информаторов и в конечном счёте опроса остальных заключенных.

Информации одного информатора не достаточно для установления заключенного лагеря подозреваемым без дополнительных доказательств; она должна подтверждаться если возможно иным образом.

Прежде всего, следует выявлять следующих; всех важных функционеров партии и государства, в особенности –

Профессиональных революционеров.

Функционеров Коминтерна¹⁸⁷.

Всех формирующих политику функционеров коммунистической партии Советского Союза и её подчинённых организаций в центральных комитетах, областных и районных комитетах.

Всех народных комиссаров и их заместителей.

Всех бывших комиссаров Красной армии.

Ведущих личностей главных и промежуточных органов государственной власти.

Членов советско-русской интеллигенции.

Всех евреев.

Всех лиц, которые проявили себя агитаторами или фанатичными коммунистами.

Не менее важным является, как уже упоминалось, выявление всех лиц, которых можно использовать для восстановления, управления и руководства на покорённых русских территориях.

Наконец, должны выявляться такие лица, которые требуются для завершения дальнейшего исследования, независимо от того расследования это полиции или иные расследования и для разрешения вопросов общего интереса. Среди них в особенности те, кто в силу своего положения или сведений, способны дать информацию о мероприятиях и рабочих методах советско-русского государства, коммунистической партии или Коминтерна.

В окончательном анализе, во всех принимаемых решениях следует учитывать происхождение. Руководитель айнзацкоманды представляет короткий отчёт по телефону или срочное письмо в главное управление безопасности Рейха содержащее:

1. Короткое описание своей деятельности за прошедшую неделю.

¹⁸⁷ Коммунистический интернационал (Коминтерн, 3-й Интернационал) — международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919—1943 годах.

2. Количество явных подозрительных лиц (отчёта о количестве достаточно).

3. Конкретные имена всех лиц выявленных как функционеры Коминтерна, ведущие функционеры партии, народные комиссары, ведущие личности и политические комиссары.

4. Количество всех лиц выявленных как неподозрительные информаторы, с коротким описанием их положения.

А. Военнопленные

Б. Гражданские.

На основании отчётов о деятельности главное управление безопасности Рейха немедленно распоряжается о мерах подлежащих применению. Так как мероприятия должны проводиться на основе этой последующей директивы, командос должны требовать передачи соответствующих заключенных от коменданта лагеря.

Коменданты лагерей получают приказы от верховного главнокомандования вооруженными силами по одобрению таких запросов.

Казни не должны проводиться в лагере или непосредственных окрестностях лагеря. Если лагерь в Генерал-губернаторстве находится в непосредственной близости к границе, тогда заключенных следует направлять для особого обращения, если возможно, на бывшую советско-русскую территорию.

В случае необходимости казни по причинам лагерной дисциплины, руководитель айнзацкоманды должен обращаться к коменданту лагеря.

Командос должны вести список особых обращений и указывать –

Номер

Фамилию и имя

Дату и место рождения

Военное звание

Профессию

Последнее место жительства

Причину для особого обращения

День и место особого обращения (картотека)

В отношении проведения казней и возможности устранения надёжных гражданских и устранения информаторов для айнзацгруппы на оккупированных территориях, руководитель айнзацкоманды должен заключить соглашение с ближайшим отделением полиции, как и с командиром полиции безопасности и службы безопасности и кроме них с начальником соответствующей айнзацгруппы на оккупированной территории.

Отчёты такого рода должны направляться для сведения в главное управление безопасности Рейха, IV А 1. Превосходное поведение при исполнении обязанностей и в свободное время, наилучшее сотрудничество с комендантами лагерей, и внимательное изучение являются долгом всех руководителей и сотрудников айнзацкомманд.

Сотрудники айнзацкомманд должны постоянно осознавать особую важность доверенной им задачи.

Фрагмент допросу подсудимого Рудольфа Брандта защитой

Кауфманн: Свидетель, сейчас я представляю вам документы, среди прочего, касающиеся черепов иудо-большевистских комиссаров. Пожалуйста посмотрите на страницу 1 документа НО-085, экземпляр обвинения 175. Это письмо от «Аненербе», от 9 февраля 1942 адресованное вам. Это секретное сообщение и оно содержит подпись Зиверса. К документу есть два приложения. Одно касается исследований микроскопом, а другое, предложения о вышеупомянутых скелетах для цели научного исследования. Теперь я спрашиваю вас, о том получали ли вы этот документ, знакомы ли вы с содержанием этого письма, и помните ли вы его сегодня?

Брандт: Я получал это письмо с приложениями, но я мало вспоминал о данном вопросе, так как я вспоминал о других вопросах.

Кауфманн: Вы желаете, сказать о том, что вы не читали эти два приложения данного письма?

Брандт: Это то, что я хочу сказать, как я уже говорил, отчёты которые доходили до рейхсфюрера прикладывались к почте, которую он должен был читать лично, и так было в случае отчёта профессора Хирта, который был бы непонятен для непосвященного читателя.

Кауфманн: Возможно я могу указать трибуналу, что два приложения ошибочно связаны с документом. Первое приложение ссылается на исследования микроскопом, а второе приложение было о получении скелетов. Господин Брандт, у вас такое же мнение?

Брандт: Да. Так и говорит письмо. Сначала исследование микроскопом, а потом ещё одно.

Кауфманн: Итак, я спрашиваю вас, особо ссылаясь на тот факт, что вы даёте показания под присягой, вам известны подробности, которые можно видеть из данного отчёта, о том, что людей должны были убить и о том, что черепа или

скелеты должны были быть направлены в университет Страсбурга? Вам известны такие подробности?

Брандт: Нет. Мне неизвестны такие подробности.

Кауфманн: Вы расскажете нам, что вам известно, в общих чертах?

Брандт: Я знал о содержании письма, которое я направил Эйхману.

Кауфманн: Это документ НО-116, экземпляр обвинения 178. В этом письме вы информируете Эйхмана о том, чтобы было сделано всё необходимое для того, чтобы профессор Хирт собрал свою коллекцию скелетов и вы далее говорили о том, что оберштурмбаннфюрер Зиверс свяжется с Эйхманом о подробностях этого. Теперь я спрашиваю вас, кто такой Эйхман?

Брандт: Я не думаю, что тогда я даже мог подумать кто такой Эйхман. Зиверс направил мне проект этого письма, которое я точно не направлял в такой форме как она видна здесь. Как и было всегда, я показал его Гиммлеру, и лишь затем направил его. Я совершенно уверен в том, что я услышал имя Эйхмана здесь впервые. Я не знал его, и не знал его позднее.

Кауфманн: Не могли бы вы рассказать нам о том есть ли у вас какие-нибудь мысли о том, что происходило с этим делом? Когда, например, слышишь о том, что должна быть составлена коллекция скелетов, точно спрашиваешь о том, что происходит?

Брандт: У меня не было никакой мысли об этом деле, кроме той, что это обычный вопрос в связи с коллекцией скелетов для анатомических целей; и я бы никогда не понял, что каких-либо заключенных должны были использовать для этого, которые не умерли естественной смертью.

Кауфманн: Впоследствии вы работали с этим вопросом самостоятельно, или вы представили вопрос Гиммлеру для его решения и мер?

Брандт: Он был представлен Гиммлеру, как и все другие вопросы. Первое, меня полностью не посвящали в такие вопросы, и во-вторых, из-за отсутствия у меня технических знаний, я не мог отдавать приказы или инструкции.

Кауфманн: Я обращаю ваше внимание на документ НО-087, экземпляр обвинения 181, вновь письмо Эйхману помеченное «секретно», датированное 21 июня 1943. Письмо видимо было направлено Зиверсом с копиями для двух других лиц и также копией направленной вам. Это письмо говорит о том, что всего 115 лиц подлежащих отбору должны быть направлены в концентрационный лагерь Нацвейлер. Как такое письмо было передано вам в ваше секретарское ведомство – сейчас я сошлюсь на копию направленную вам? Вы снова представили его Гиммлеру и вы или кто-то другой отложили письмо в сторону?

Брандт: Я не помню, чтобы когда-нибудь видел такое письмо. Регистрационная отметка на нём не содержит мои инициалы, а моего сотрудника Берга. Он также

поставил инициалы при приёме нескольких документов, которые находятся в документальной книге.

Кауфманн: Теперь, пожалуйста посмотрите на регистрационную пометку Берга (НО-091, экз. обв. 183). Вы скажете, что этот же Берг поставил инициал на следующем документе?

Брандт: Да. Это тот же самый Берг.

Кауфманн: Теперь, пожалуйста посмотрите на документ НО-091. Здесь говорится: «Пометка – для штандартенфюрера СС, доктора Брандта», и она написана Бергом. Это воспроизведение беседы Берга с Зиверсом; вы помните эту пометку?

Брандт: Я не помню, чтобы её видел.

Кауфманн: Позвольте указать вам дату, 26 октября 1944.

Брандт: Это был последний день нашего пребывания в восточнопрусской штаб-квартире. Русские были в 30 или 40 километрах. Берг должно быть сделал пометку для того, чтобы я мог окончательно доложить Гиммлеру. Однако, как стало ясно тем вечером, представление такого меморандума уже не было важным, и поэтому возможно его мне вообще не показывали.

17. Планы по убийству туберкулёзных польских граждан

а. Введение

Подсудимым Бломе и Рудольфу Брандту вменялись соучастие и ответственность за убийство и плохое обращение с сотнями тысяч польских граждан, предположительно заражённых неизлечимым туберкулёзом (пар. 8 обвинительного заключения). Оба подсудимых были оправданы.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Бломе

.....

Личное участие в преступных деяниях – убийстве и плохом обращении с польскими гражданами

В 1941 в Третьем Рейхе была принята политика по уничтожению еврейского населения Германии и оккупированных стран. Следуя данной политике губернатор Вартегау Грейзер получил разрешение Гиммлера на уничтожение еврейского населения в провинции. В письме от 1 мая 1942, он проинформировал Гиммлера о том, что «особое обращение» 100000 евреев будет завершено за 2-3 месяца. Он заявил о том, что как только задача будет выполнена «существующие и эффективные специальные командос» могут быть использованы для уничтожения приблизительно 35000 польских граждан которые болели открытым туберкулёзом. Эти поляки предположительно представляли опасность немецким чиновникам и их семьям, потому что являлись возможным источником туберкулёзной инфекции. Грейзер продолжил говорить:

«Всё возрастающие риски также признаются и учитываются заместителем рейхсгесундхайтсфюрера, товарищем, профессором, доктором Бломе, также как и руководителем вашего рентген-батальона СС штандартенфюрером, профессором доктором Хольфельдером.

Хотя в Германии возможно не является подходящим предпринимать соответствующие драконовские шаги против этой общественной напасти, я думаю, что смогу взять ответственность за своё предложение ликвидации случаев открытого туберкулёза среди польской расы в Вартегау. Конечно только поляков следует передавать для такой акции, но тех чья неизлечимость подтверждается и удостоверяется сотрудником общественного здравоохранения.

Учитывая неотложность данного проекта, я как можно быстрее прошу вашего принципиального одобрения. Это позволит нам провести приготовления со всей необходимой предосторожностью, приступив к акции против поляков болеющих открытым туберкулёзом, в то же время как акция против евреев находится на своей завершающей стадии». (НО-246, экз. обв. 196).

В письме от 27 июня 1942 Гиммлер дал принципиальное согласие на данный план и проинструктировал Грейзера подробно обсудить отдельные мероприятия сначала с полицией безопасности, для того, чтобы гарантировать тайное выполнение данной задачи. (НО-244, экз. обв. 201). 21 ноября Грейзер проинформировал Гиммлера о том, что исследования которые необходимо было провести для разделения излечимых и неизлечимых будут проведены профессором

Хольфельдером и его рентген-батальоном. Он оценивал, что первое применение метода будет приблизительно в шесть месяцев. Далее он заявил, что:

«На данной стадии мероприятий, профессор, доктор Бломе, в качестве заместителя рейхсгесундхайтсфюрера НСДАП заявил определенные возражения их проведению, о чём он заявляет в письме от 18 ноября. Данные возражения были выражены только сейчас, хотя доктор Бломе и доктор Хольфельдер и сам я провели месяцы предварительной работы по изучению, разъяснению и урегулированию всей процедуры.

«Я прилагаю копию письма Бломе от 18 ноября для вашего сведения...» (НО-249, экз. обв. 202).

В этом письме, Бломе заявил о том, что среди польского населения провинции, как минимум 35000 лиц болеют открытым туберкулёзом, и помимо этого числа, около 120000 лиц требуется лечение. Это представляло огромную опасность немецким поселенцам во всех частях провинции. Для того, чтобы сделать возможной дальнейшую немецкую эмиграцию, следовало быстро предпринять контрмеры. Бломе затем обрисовал три пути практического устранения опасности заражения:

«Следовательно, требуется сделать нечто определенное. Следует решить о наиболее эффективном способе того как это сделать. Существует три способа принимаемых во внимание:

1. Особое обращение с тяжело больными лицами.
2. Наиболее строгая изоляция тяжело больных лиц.
3. Создание резервации для всех ТБ больных.

Для планирования, следует уделить внимание различным точкам зрения практического, политического и психологического характера. Рассматривая их наиболее трезво, наиболее простым путём будет следующий: с помощью рентгеновского батальона мы сможем охватить всё население гау, немецкое и польское за время первой половины 1943. Что касается немцев, обращение и изоляция подготовливаются и проводятся согласно правилам лечения туберкулёза. Приблизительно 35 000 поляков, являющихся неизлечимыми и распространяющими инфекцию подлежат особому обращению. Все иные польские больные подлежат соответствующему лечению с целью сохранить их для работы и избежать заражения». (НО-249, экз. обв. 202).

Бломе отмечал, что одной из практических сложностей полного уничтожения всех туберкулёзных поляков было то, что это могло стать превосходным пропагандистским материалом для врагов Германии, в особенности в отношении сильных католических чувств итальянской нации и «всех врачей мира». Поэтому он считал необходимым, чтобы Гитлер лично решил о таком шаге. Если бы Гитлер посчитал такое радикальное решение неподходящим, следовало провести подготовку плана указанного в пунктах 2 и 3. Отдельное расселение всех туберкулёзных поляков, независимо от того излечимы они были или нет, устраняло опасность заражения для немецких поселенцев. Этим поляков следовало использовать для работы. Не только туберкулёзных поляков из Вартегау, но также из Данцига-Западной Пруссии, из административного округа Зихеншау, и из провинции Верхняя Силезия следовало изолировать в таком поселении. Он заявил:

«Ещё одним решением, которое следует принять во внимание, была бы строгая изоляция всех без исключения заражённых и неизлечимо больных, в социальных учреждениях. Это решение приведёт к сравнительно быстрой смерти больных. При необходимом добавлении польских докторов и медицинского персонала, характер явного лагеря смерти может быть уменьшен». (НО-249, экз. обв. 249).

Наконец Бломе выступал за наиболее практичное решение, созданием резерваций похожих на лепрозории. В резервации легко можно было добиться строгой изоляции от сильно заразных. Таким способом опасность заражения была бы устранена и проблема немецких заболевших в провинции была бы преодолена. (НО-250, экз. обв. 203). Бломе признал, что выражение «особое обращение», которое он использовал в письме означало убийство туберкулёзных поляков.

Гиммлер одобрил план Бломе по созданию резервации для туберкулёзных поляков, как излечимых так и нет, в письме Грейзеру датированном 3 декабря 1942. Было бы возможно использовать эту акцию для пропагандистских целей, в то время как в другой стороны, полное уничтожение инфицированных с открытым туберкулёзом было бы слишком долгим, так как рентгеновское обследование польского населения потребовала бы по крайней мере шести месяцев. (НО-251, экз. обв. 204).

То, что как минимум некоторые туберкулёзные поляки были уничтожены, при том, что других забрали в лагеря смерти в которых они остались умирать, подтверждается письменными показаниями подсудимого Рудольфа Брандта. (НО-441, экз. обв. 205). Брандт попытался объяснить, если не сказать отказался, от этих письменных показаний, дав показания о том, что сделал заявления на основе документов показанных ему на предварительном следствии. Однако, он подчеркнул

мысль, что он настаивал на изменении формулировки одного предложения. Это предложение изначально гласило: «В результате предложения сделанного Бломе и Грейзером, 8-10000 поляков были уничтожены!» Он изменил выражение «8-10000» на «множество». Само это подтверждает, что Брандт делал своё заявление не полагаясь исключительно на содержание документов показанных ему на предварительном следствии, но также и на основе сведений полученных в качестве сотрудника Гимmlера. Документы не показывают казнь «множества» поляков. Более того, Брандт заявил в документах, о том, что доктор Бломе время от времени посещал Гимmlера и поддерживал предложения Грейзера. В материалах дела или во владении обвинения не имеется документа, который бы давал основу для такого заявления. Поэтому, ясно, что заявления Брандта основывались на сведениях полученных от Гимmlера.

Несомненно, Рудольф Брандт хорошо осведомлён о преступлениях являющихся предметом данного процесса, как и любой другой человек в Германии. Вообще не имеется причины отрицать весомость досудебных заявлений Брандта. Нет доказательств того, что эти заявления были получены нечестно или под давлением. Показания Брандта трибуналу можно суммировать одним предложением: «Я ничего не помню». Кроме описания личности Гимmlера, он сам стремился давать ответы на наводящие вопросы своего защитника, который рассчитывал представить его как бестелесный стенографический аппарат – нечто по природе слабоумное. Конечно его досудебные письменные показания заслуживают больше весомости чем позорная бессмыслица в его показаниях.

Бломе отрицал, что когда-либо планировал или предлагал, чтобы поляков болеющих открытым туберкулёзом следовало уничтожать и что остальных следовало помещать в резервации и оставлять там умирать, но он противоречит своим же собственным доказательствам.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Бломе

.....

Наверное, наиболее серьёзным обвинением в отношении доктора Бломе выглядит предположение о том, что он предложил убийство 25000-30000

туберкулёзных поляков и принимал участие в этом плане. Однако, доказательства явно показывают, что данное обвинение совершенно необоснованно. Я утверждаю противоположное (а) неправдой является то, что доктор Бломе одобрил или поддержал этой убийственный план и (б) доктор Бломе был тем, кто сам предотвратил этот дьявольский план. Доктор Бломе был тем, кто, своей грамотной задумкой спас жизни 25000-30000 туберкулёзных поляков, которых должны были «ликвидировать».

Документы показывают, что данный план исходил от гауляйтера Грейзера и рейхсфюрера СС Гимmlера. Бломе был поручен данный вопрос, потому что было известно, что за многие годы он сделал борьбу с туберкулёзом целью своей жизни, и поэтому он построил свой онкологический институт в том же гау, которым руководил Грейзер. Бломе ясно заявил о своём отношении к этому плану в хорошо известном письме от 18 ноября 1942. (НО-250, экз. обв. 203). Он обсуждал три возможности, которые существовали и подробно пояснил за и против каждой из трёх возможностей. Эти три возможности были либо «ликвидацией», т.е. убийством поляков болеющих туберкулёзом, их помещение в изолированные учреждения, и наконец, их поселение в резервации. В своём письме от 18 ноября 1942 (приложение 25) он определенно отверг первую возможность и выступил за последнюю.

В этом Бломе, был полностью успешен. Грейзер был настолько впечатлён доводами Бломе, что больше не стремился ликвидировать поляков, которые обсуждались. Фактически, он представил меморандум доктора Бломе рейхсфюреру СС, для того, чтобы он получил решение лично у Гитлера. (НО-249, экз. обв. 202). Уже это было заметным успехом Бломе, потому что Гимmlер уже приказал о ликвидации поляков. Доводы Бломе произвели впечатление даже на кровавого Гимmlера, настолько, что вопреки ожиданиям Грейзера, он вновь осторожно поднял вопрос перед Гитлером и получил его точное распоряжение. Следует помнить, что это само по себе не было необходимо, потому что не только Конти согласился на убийство, но из сопроводительной записки Грейзера от 21 ноября 1942 очевидно, что Гитлер также ранее дал своё одобрение уничтожению поляков.

Впоследствии, после соответствующего изучения вопроса, Гитлер отозвал приказ об уничтожении и таким образом у Гимmlера не было альтернативы, кроме как сделать то же самое. Это чётко подтверждается письмом Гимmlера от 3 декабря 1942. (НО-251, экз. обв. 204).

Уничтожения поляков не было; *из-за Бломе.*

При том, что эти факты неопровержимо подтверждаются представленными документами, обвинение, несмотря на это поддерживает обвинения против Бломе. Очевидно, это из-за ошибочной формулировки письма

Бломе к Грейзеру от 18 ноября 1942. Обвинение в своей речи от 19 ноября 1946 описало письмо «дьявольским шедевром убийственного плана». При рассмотрении данного дела, следует держать в уме преобладавшие условия. Доктор Бломе знал о том, что туберкулёзные поляки погибнут, что об их убийстве решено, если только каким-то образом не заставит Гитлера передумать в последний момент. Заявление свидетеля, доктора Гундерманна (Бломе 1, экз. Бломе 8) подтверждает, что Бломе тогда, что подтвердилось показаниями Бломе, днями искал удачную формулировку своего письма; он постоянно правил письмо, затем снова отвергал формулировку, и наконец ввел аргументы, которые как он надеялся будут успешными. Конечно, с самого начала он знал, о том, что его вмешательство обречено на провал и не будет иметь успеха если бы он описал гитлеровские планы по уничтожению поляков как преступление и прямое убийство и торжественно заявил протест против них. Таким образом Бломе ничего был не добился для поляков, но мог бы ожидать суда или исчезновения в концентрационном лагере безо всякого приговора. С таким простым методом как выход с торжественным протестом и призывом к законам гуманности или справедливости ничего нельзя было добиться у Гитлера, в особенности при том, что он уже продумал это и решил по данному вопросу и уже отдал необходимые приказы по исполнению; в таких случаях Гитлер обычно был неприступен и не слушал никаких контрпредложений. Доктор Бломе конечно, знал, также как и например, гауляйтер Нижнего Дуная, который в связи с похожей проблемой (стерилизацией), в своём письме от 24 августа 1942 (НО-039, экз. обв. 153) указывал на важность «вражеской пропаганды», так как он считал это наиболее вероятным на успех. Поэтому доктор Бломе искал причины, которые вероятно имеют решающее влияние на Гитлера и это была церковь и другие нации. Понятно, что Гитлер, в виду ситуации того времени, в середине второй мировой войны, не хотел окончательно рвать с церковью, и он также учитывал мнение зарубежных государств для того, чтобы не противопоставлять себя нейтральным странам. Доктор Бломе спекулировал на этих двух пунктах. В своём письме 18 ноября 1942 он подчеркнул в грамотной манере, и с полной решимостью, эти две точки зрения и с этими двумя ссылками добился успеха. (НО-250, экз. обв. 203).

Сейчас можно понять, почему Бломе, в самом начале своего письма попытался создать у Гитлера впечатление о том, что он (Бломе) полностью согласен с планом по уничтожению поляков как таковым, и почему он даже предполагал, что всё уже было готово для осуществления этого плана. Гитлер, к слову, должен был нажать кнопку и 25000-30000 поляков исчезли бы. Это была лишь уловка, которую

Бломе использовал для того, чтобы гарантировать благоприятное рассмотрение его второго и третьего предложений (интернирование и резервация).

Если бы доктор Бломе написал о том, что отказывается одобрять такой приказ фюрера, то, впоследствии, не проводилось бы никакой подготовки для её исполнения, и он бы скорее ушёл в отставку чем стал стороной массового убийства, тогда бы Гитлер как обычно разъярился и с Бломе было бы покончено; конечно, он бы полностью отверг протест такого «саботажника» и в интересах так называемых «государственных интересов», приказ фюрера был бы строго выполнен. Для предотвращения этого, доктор Бломе должен был на некоторое время притвориться, что он готов принять приказ фюрера как само собой разумеющееся, и где возможно, будет лично участвовать в его исполнении, если бы Гитлер как глава государства, так пожелал. Однако, при взвешивании за и против, доктор Бломе смог выдвинуть следующие точки зрения против плана уничтожения которые действительно смогли сильно впечатлить Гитлера.

Письмо Бломе от 18 ноября 1942 можно объяснить только таким образом, и оно таким и планировалось. (Бломе 1, экз. Бломе 8). Поэтому доктор Бломе в силу этого письма, не может быть признан виновным. Так как точно известно, что Гитлер соответственно отказался от своего плана и полностью отменил свой приказ об убийстве.

Этот успех, который вряд ли можно было предполагать из-за гитлеровского упрямства и тщеславия, полностью оправдывает подсудимого Бломе. Он подтверждает, что концепция Бломе была единственно верной и, что его манипулирование спасло жизни поляков.

Ещё одна вещь значительно помогла Бломе, которую не следует упускать. Незадолго до этого, Гитлер отменил продолжение программы эвтаназии. Видимо он сделал это под влиянием множественных протестов сделанных двумя христианскими церквями. Реакция за рубежом также сыграла значительную роль в этом, потому что массовое уничтожение безумных постоянно поднималась зарубежной прессой как особый упрёк нацистскому режиму. Доктор Бломе использовал эти точки зрения, которые зарекомендовали себя эффективными в случае с программой эвтаназии, и они также оказали воздействие в случае с туберкулёзными поляками.

Почему обвинители поддерживают обвинение в отношении доктора Бломе несмотря на всё это? Видимо лишь из-за письменных показаний со-подсудимого Рудольфа Брандта. В своих письменных показаниях от 24 октября 1946 Рудольф Брандт полностью замолчал письма которые вызвали полную отмену плана по убийству. (НО-441, экз. обв. 205). Он молчал об этих письмах, хотя можно

подтвердить, что они проходили через его руки, имели инициалы, и передавались им в нижестоящие ведомства.

Во время своего допроса защитой, Рудольфу Брандту вменили неправдивость. Он не мог объяснить, ответить на вопрос, и был вынужден предстать перед обвинением в неправдивости, умышленной неправдивости. При этом, Рудольф Брандт дал поразительное количество письменных показаний; он, без угрызений, обеспечил обвинение практически любыми письменными показаниями необходимыми для инкриминирования со-подсудимых, и с одинаковой готовностью, он давал письменные показания для тех же самых со-подсудимых, которые прямо противоречили его предыдущим утверждениям. То, что он сегодня подтверждает под присягой, завтра он отрицает под присягой, и наоборот. Однако, следует сказать о том, что письменные показания которые Рудольф Брандт дал в отношении доктора Бломе, датированные 24 октября 1946, являются вершиной его лживости. После опыта данного процесса, и после знакомства, какое было у нас, с таким человеком как Рудольф Брандт, было бы нелепым придавать хоть какой-то вес письменным показаниям такого человека который известен как Рудольф Брандт. Его письменные показания от 24 октября 1946 были полностью опровергнуты документами представленными обвинением. Поэтому, не требуется, изучать в какой мере неправдивость Рудольфа Брандта может отражаться на его состоянии психического здоровья.

Во время заседания 9 декабря 1946 обвинители объявили:

«Обвинение предоставит доказательства показывающие, что программа фактически осуществлялась до конца 1942 и начала 1943 и что в результате предложений Бломе и Грейзера, многих поляков безжалостно уничтожили и что остальных забрали в изолированные лагеря, безо всяких медицинских средств, в которых тысячи из них умерли»

До сих пор обвинителями не было представлено доказательств, хотя защита, во время заседания от 17 марта 1947, особо ссылаясь на это отсутствие доказательств. Утверждения Рудольфа Брандта в этом отношении нельзя оценивать как «доказательство», даже если бы они бы не были взяты назад и даже если бы они были полностью опровергнуты дополнительными документами представленными обвинением. Если бы обвинители смогли доставить свидетеля Первички, о котором предлагалось уже в 1946, и который был одобрен трибуналом, тогда бы его показания дали дополнительные доказательства того, что Бломе действительно предотвратил это массовое убийство.

Нам известна, последовавшая судьба этих поляков болеющих неизлечимой открытой формой туберкулёза из письменных показаний доктора Гундерманна,

высшего медицинского офицера Вартегау (территории на которой должны были ликвидировать туберкулёзных поляков). (Бломе 1, экз. Бломе 8). Борьба с туберкулёзом были законной задачей ведомств общественного здравоохранения, которые подчинялись в Вартегау свидетелю, доктору Гундерманну. В результате трудностей вызванных войной, во время войны было невозможно поселить, как в закрытых учреждениях так и в резервациях, тех кто болел туберкулёзом; эти две возможности которые изучались в письме датированном 18 ноября 1942 от Бломе Грейзеру поэтому тогда не обсуждались. (НО-250, экз. обв. 203). Поэтому, туберкулёзные поляки подлежали таким же правилам которые применялись к туберкулёзным немцам в Германии. Юридические правила несмотря на это, отдельное отделение туберкулёзного ухода, с польскими врачами и медицинскими сёстрами, создавались в различных отделениях здравоохранения Вартегау. (Бломе 1, экз. Бломе 8). Следовательно, утверждение обвинения о том «что проживание больных поляков в закрытых учреждениях приводило к сравнительно быстрой смерти больного» или о том, что перевозка больного в резервацию означала, что «их оставляли самим себе, предоставив немногих врачей и немного или совсем не предоставляя медицинского персонала» лишено оснований.

Однако, следует заметить, что эти предложения Бломе (по интернированию или резервациях) не исходила от него, а уже обсуждалась во время заседания Германского туберкулёзного общества в 1937 и были предложения, которые были разработаны годами ранее английскими исследователями туберкулёза по инструкциям международной комиссии по туберкулёзу, и в целом одобрялись. (Бломе 14, экз. Бломе 6). Следовательно, даже если существование этих предложений было известно, нельзя говорить о том, что они как-либо противоречат законам гуманности. Согласно широким взглядам ответственных кругов, такие меры являются необходимыми если с туберкулёзом, от которого миллионы умирают ежегодно, нужно эффективно бороться, и если необходимо эффективно защитить здоровую часть населения от опасностей заражения от неизлечимых туберкулёзных пациентов. В таком случае, защита здорового населения от заражения кажется более важной чем соображение о неограниченной свободе неизлечимых пациентов.

.....

г. Документы и показания

Перевод документа НО-247
Экземпляр обвинения 197

Письмо Коппе Рудольфу Брандту от 3 мая 1942 об убийстве туберкулёзных поляков

Высший руководитель СС и полиции при рейхсштатгальтере в Познани
Военный округ XXI, журнал № 132/42 g

Познань, 3 мая 1942
Фриц-Ройтерштрассе, 2а
Тел: 6501-05

Секретно

Рейхсфюреру СС, личный штаб
Сведение: Оберштурмбаннфюрер СС Брандт
Берлин ЮЗ 11, Принц Альбрехштрассе 8.
Предмет: Поляки, заболевшие ТБ.

Дорогой товарищ Брандт,

Могу я попросить вас представить следующий вопрос рейхсфюреру СС:

Гауляйтер вскоре запросит у рейхсфюрера СС разрешения на передачу поляков болеющих открытым ТБ подразделению Ланге для особого обращения. Данная просьба мотивирована серьёзной и обоснованной тревогой гауляйтера за физическое благополучие немцев. Так как в гау есть около 20-25000 поляков, которые по мнению докторов, больны неизлечимым ТБ и которые непригодны для работы. В виду того факта, что эти поляки проживают очень скученно, в частности в городах, и того, что с другой стороны, они постоянно вступают в контакт с немецким населением, они представляют огромный источник заразы, который должен быть устранён как можно скорее. Если этого не сделать, следует ожидать заражения большого количества немцев и наиболее тяжкого вреда здоровью немецкого населения. Сегодня количество заболеваний немцев, среди них также сотрудников полиции, заражённых поляками ТБ возрастает.

В таких обстоятельствах, я считаю решение, о котором желает гауляйтер единственно возможным и прошу вас соответственно проинформировать рейхсфюрера СС.

С товарищеским приветом,

Хайль Гитлер!
Ваш,

[Подпись] В. Коппе

Перевод документа НО-244
Экземпляр обвинения 201

**Письмо Гиммлера (подписанное Рудольфом Брандтом) Грейзеру, от 27 июня
1942 об уничтожении туберкулёзных поляков**

Совершенно секретно

Рейхсфюрер СС
Журнал №. 1247/42
На: Ваше от 1 мая 1942, Р 802/42. Bra/V

[Рукописно] XI 2/97
Штаб-квартира фюрера, 27 июня 1942

Секретно

Рейхсштатгальтер, обергруппенфюрер СС Грейзер, Познань

1. Дорогой товарищ Грейзер!

Извиняюсь за то, что до сего дня не мог дать определенного ответа на ваше письмо от 1 мая 1942.

У меня нет возражения передаче лиц находящихся под протекцией и лиц без гражданства польского происхождения, которые проживают на территории Вартегау и заражены туберкулёзом, для особого обращения, согласно вашему предложению; в случае если их заболевание является неизлечимым согласно диагнозу официального врача. Однако, я сначала прошу подробно обсудить отдельные мероприятия с полицией безопасности, для того, чтобы гарантировать незаметное выполнение данной задачи.

Хайль Гитлер!

Ваш,

[Подписано] Г. Гиммлер

2. Обергруппенфюрер СС Коппе
3. Главное управление безопасности Рейха

Копии для сведения.

По приказу:

[Подпись] Бр.
Оберштурмбаннфюрер СС
[Инициал] М 25/6

Перевод документа НО-250
Экземпляр обвинения 203

**Письмо Бломе Грейзеру от 18 ноября 1942 о массовом уничтожении
туберкулёзных поляков**

Доктор медицины Курт Бломе
Заместитель рейхсгесундхайтсфюрера НСДАП

18 ноября 1942
Берлин, ЮЗ 68, Линденштрассе 42

Рейхсштатгальтеру и гауляйтеру, члену партии Грейзеру, Познань
Ссылка: Туберкулёзная акция в Вартегау.

Дорогой член партии Грейзер,

Сегодня я возвращаюсь к нашим различным беседам о борьбе с туберкулёзом в гау, и представляю вам – что было согласовано 9 числа сего месяца в Мюнхене – подробную картину ситуации как она выглядит для меня.

Условия для быстрого охвата всех заболевших туберкулёзом в вашем гау существуют. Общее население вашего гау насчитывает около 4.5 миллиона человек, из которых приблизительно 835000 немцы. Согласно предыдущим наблюдениям, количество заболевших в Вартегау гораздо выше среднего количества в старом Рейхе. Было рассчитано, что в 1939 среди поляков приблизительно 35000 болели открытым туберкулёзом, и кроме этого числа около 120000 других заболевших требовали лечения. В этой связи следует отметить, что несмотря на эвакуацию части поляков далее на Восток, количество больных лиц по крайней мере настолько же высокое как и в 1939. Так как, вследствие войны, жилищные и продовольственные условия неуклонно ухудшались, следует ожидать даже большего числа.

При расселении немцев во всех частях гау для них возникает огромная опасность. Многочисленные случаи заражения расселённых детей и взрослых происходит ежедневно. То, что происходит в Вартегау, также в некоторой степени

является правдой для других аннексированных территорий, таких как Данциг-Западная Пруссия, административные округа Зихеншау и Катовице. Есть случаи немцев расселённых в Вартегау, которые отказываются брать с собой семьи из-за опасности заражения. Если такое поведение копируется, и если наши сограждане видят, что необходимых мер по борьбе с туберкулёзом среди поляков не проводится, следует ожидать, что остановится необходимая дальнейшая иммиграция. Таким образом программа расселения на Востоке может прийти к нежелательному состоянию.

Следовательно, требуется сделать нечто определенное. Следует решить о наиболее эффективном способе того как это сделать. Существует три способа принимаемых во внимание:

1. Особое обращение с тяжело больными лицами.
2. Наиболее строгая изоляция тяжело больных лиц.
3. Создание резервации для всех ТБ больных.

Для планирования, следует уделить внимание различным точкам зрения практического, политического и психологического характера. Рассматривая их наиболее трезво, наиболее простым путём будет следующий: с помощью рентгеновского батальона мы сможем охватить всё население гау, немецкое и польское за время первой половины 1943. Что касается немцев, обращение и изоляция подготовливаются и проводятся согласно правилам лечения туберкулёза. Приблизительно 35 000 поляков, являющихся неизлечимыми и распространяющими инфекцию подлежат особому обращению. Все иные польские больные подлежат соответствующему лечению с целью сохранить их для работы и избежать заражения.

По вашей просьбе я провел приготовления с заинтересованными ведомствами, с целью начать и провести эту расовую процедуру за полгода. Вы говорили мне о том, что компетентные ведомства согласились с вами в «особом обращении» и обещали поддержку. Перед тем как мы точно начнём данную программу, я думаю было бы правильным если бы вы еще раз удостоверились в том, что фюрер действительно согласен на такое решение.

Я могу представить, что фюрер некоторое время назад остановивший программу в психиатрических больницах, может сейчас посчитать «особое обращение» с неизлечимо больными, неподходящим и безответственным с политической точки зрения. В отношении программы эвтаназии это было вопросом лиц немецкой национальности болеющих наследственными заболеваниями. Сейчас это вопрос больных лиц покорённой нации.

Нет сомнения в том, что запланированная программа является наиболее простым и наиболее радикальным решением. Если абсолютная секретность может быть гарантирована, все подозрения – независимо от характера – можно будет опровергнуть. Но я считаю сохранение секретности невозможным. Опыт показал нам, что такое предположение правдиво. При том, что этих больных лиц, доставят как запланировано в старый Рейх, под предлогом лечения или ухода, и они в действительности никогда не вернуться, родственники таких лиц несмотря на самую высокую секретность однажды заметят «что здесь, что-то не так».

Следует принимать во внимание, что в старом Рейхе есть много польских рабочих, которые запросят о местонахождении своих родственников; есть и некоторое количество немцев родственных или соединенных браком с поляками, которые таким образом могут узнать о транспортах больных. Очень скоро точные новости об этой программе утекут и будут использованы вражеской пропагандой. Программа эвтаназии научила каким образом это делалось и какие методы использовались. Эта новая программа будет ещё лучше использована политически, так как она касается лиц покорённой нации. Церковь также не останется в стороне. Люди также не прекратят обсуждать эту программу. Некоторые заинтересованные круги распространят в народе слухи, что подобные методы также будут использованы в будущем и в отношении немецких больных – даже, вплоть до того, что более или менее неизлечимо больные будут исчезать в будущем. В связи с этим я напоминаю недавние зарубежные передачи в связи с назначением профессора Брандта комиссаром, в целом распространяющие новости о том, что ему приказано как можно меньше внимания уделять лечению серьёзно больных, а больше лечить лёгких больных. И сейчас вполне хватает людей которые слушают незаконные передачи.

Более того, следует учитывать, что запланированная процедура предоставит превосходный пропагандистский материал для наших противников, не только в отношении итальянских врачей и учёных, но также в отношении всего итальянского народа вследствие его сильных католических связей. Также без сомнения враг мобилизует всех врачей мира. И это будет ещё проще так как древняя концепция медицинской практики заключается в том, чтобы «поддерживать жизнь несчастного и невинного пациента насколько возможно и облегчать его страдания».

Поэтому я думаю необходимо прояснить все эти точки зрения фюреру до того, как начинать программу, так как, по моему мнению, только он способен видеть ситуацию в целом и придти к решению.

При отклонении фюрером радикального решения, должны быть проведены приготовления иного образа. Исключительное расселение всех польских больных,

как неизлечимых так и излечимых, было бы единственной возможностью гарантировать изоляцию заражённых. Следует урегулировать с их близкими родственниками, если они так пожелают, то, чтобы были гарантированы уход и проживание. В отношении трудовой повинности, кроме сельского хозяйства и лесничества, можно развивать на таких территориях определенные отрасли производства. Я не могу судить о том, можете ли вы согласовать такую возможность для своего гау. Я также могу представить создание общего района расселения больных не только из вашего гау, но также округов Данциг-Западная Пруссия, административного района Зихеншау и провинции Верхняя Силезия. Для того, что избежать чрезмерной перегрузки общественного транспорта, перевод следует проводить пешком. Это было бы решение, которое международная пропаганда вряд ли сможет использовать против нас, и с другой стороны, это не возбудит каких-либо глупых слухов в нашей стране.

Ещё одним решением, которое следует принять во внимание, была бы строгая изоляция всех без исключения заражённых и неизлечимо больных, в социальных учреждениях. Это решение приведёт к сравнительно быстрой смерти больных. При необходимом добавлении польских докторов и медицинского персонала, характер явного лагеря смерти может быть уменьшен.

Следующие польские возможности для размещения в настоящее время доступны в вашем гау:

Социальное учреждение Вальроде.....	400	коек
Социальное учреждение «Гроте Визе».....	300	коек
Небольшие учреждения.....	200	коек
Баракки Либштадта, округ Леслау на 1 янв 1943.....	1000	коек
<hr/>		
Итого.....	1900	коек

Если радикальное решение, т.е. предложение № 1, не обсуждается, следует создать необходимые условия для предложений 2 и 3.

Нам следует иметь в виду условия войны лишаящие нас возможности обеспечить достаточно адекватное лечение излечимых больных. Для того, чтобы сделать это, потребуется получить как минимум ещё 10000оек. Данная цифра, при условии, что программа должна быть проведена за полгода, не может быть удовлетворена.

После надлежащего изучения всех этих соображений и обстоятельств, создание резервации, такой как лепрозорий, кажется мне наиболее применимым решением. Такая резервация позволит создать за кратчайшее время средства для

необходимого расселения. В рамках резервации легко можно будет создать условия для строгой изоляции заразных лиц.

Даже заболевание немецких больных представляет сложную проблему для гау. Но этого нельзя преодолеть, до тех пор пока одновременно не будет решена проблема польских больных.

Хайль Гитлер!
Ваш,
[Подписано] Доктор Бломе

Перевод документа НО-441
Экземпляр обвинения 205

Письменные показания подсудимого Рудольфа Брандта от 24 октября 1946 о плане по уничтожению туберкулёзных польских граждан

Я, Рудольф Эмиль Герман Брандт, надлежащим образом давший присягу, заявляю:

1. Я являюсь тем же Рудольфом Брандтом, который 30 августа 1946 дал под присягой письменные показания об экспериментах с низким давлением, которые также проводились на подопытных в концентрационном лагере Дахау без их согласия.

2. Я руководствуясь теми же причинами которые приводятся в параграфах 1,2 и 3 моих письменных показаний от 30 августа 1946, заявляю следующее:

3. В середине 1942 рейхсштатгальтер Вартегау, Герберт [Артур(?)] Грейзер, предложил Гимmlеру уничтожить поляков зараженных неизлечимым туберкулёзом. Представляя данное предложение Грейзер приводил в качестве причины, то, что немцы в Польше столкнутся с эпидемией. Доктор Курт Бломе, заместитель рейхсгесундхайтсфюрера НСДАП и радиолог, доктор Хольфельдер совещались с Грейзером по данному вопросу. Доктор Бломе время от времени бывал у Гимmlера и поддержал предложение Грейзера.

4. Высший руководитель СС и полиции и начальник из Вартегау, Коппе, далее, Мюллер из управления IV главного управления безопасности Рейха (РСХА) и начальник главного управления безопасности Рейха, Гейдрих участвовали в данной операции. В конце 1942 и начале 1943 Грейзер провёл уничтожение евреев в Вартегау, и в то же самое время был завершён сбор туберкулёзных поляков со сбором евреев. В результате предложений Бломе и Грейзера множество поляков

были уничтожены. Многие тысячи туберкулёзных поляков забрали в изолированные лагеря в которых они были оставлены сами себе.

Я прочёл вышеуказанные письменные показания включающие одну страницу на немецком языке, они являются правдивыми и правильными по моим сведениям и совести. Мне была дана возможность внести изменения и поправки в вышеуказанные письменные показания. Данные письменные показания были даны мной добровольно и свободно без обещания вознаграждения, я не подвергался никаким угрозами и никакому давлению.

Нюрнберг, 24 октября 1946

[Подпись] Р. Брандт

Перевод документа НО-246
Экземпляр обвинения 196

Письмо Грейзера Гиммлеру от 1 мая 1942 о плане по массовому уничтожению туберкулёзных поляков

Рейхштатгальтер рейхсгау Вартеланд

Познань, Шлоссфрайхайдт 13, 1 мая 1942

Телефон №. 1823 24

[Рукописная пометка]

P 802/42

Совершенно секретно

Лично.

Рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру

Штаб-квартира фюрера

Рейхсфюрер,

Особое обращение с приблизительно 100000 евреев на территории моего округа, одобренное вами по согласованию с начальником главного управления безопасности Рейха, обергруппенфюрером СС Гейдрихом, может быть завершено в течение следующих 2-3 месяцев. После мер предпринятых против евреев, я прошу вашего разрешения на немедленное спасение округа от угрозы, которая растёт от

недели к недели, и использования существующих и эффективных особых групп для данной задачи.

В моём гау имеется около 230000 людей польской национальности, которым был диагностирован туберкулёз. Число лиц инфицированных открытым туберкулёзом оценивается в 35000. Данный факт ведёт к ужасающей вещи – заражению немцев, прибывающих в Вартегау совершенно здоровыми. В частности, получены доклады о всё возрастающем эффекте опасности инфицирования на немецких детей. Значительное количество известных, видных людей, в особенности в полиции, были недавно инфицированы и более не доступны для военных усилий, из-за необходимости медицинского лечения. Всё возрастающие риски также признаются и учитываются заместителем рейхсгесундхайтсфюрера, товарищем, профессором, доктором Бломе, также как и руководителем вашего рентген-батальона СС штандартенфюрером, профессором доктором Хольфельдером.

Хотя в Германии возможно не является подходящим предпринимать соответствующие драконовские шаги против этой общественной напасти, я думаю, что смогу взять ответственность за своё предложение ликвидации случаев открытого туберкулёза среди польской расы в Вартегау. Конечно только поляков следует передавать для такой акции, но тех чья неизлечимость подтверждается и удостоверяется сотрудником общественного здравоохранения.

Учитывая неотложность данного проекта, я как можно быстрее прошу вашего принципиального одобрения. Это позволит нам провести приготовления со всей необходимой предосторожностью, приступив к акции против поляков болеющих открытым туберкулёзом, в то же время как акция против евреев находится на своей завершающей стадии.

Хайль Гитлер!
[Подписано] Грейзер

Частичный перевод документа Бломе 14
Экземпляр защиты Бломе 6

Фрагменты из отчёта германской конференции по туберкулёзу 18-20 марта 1937, Висбаден

(Опубликовано в Берлине, Издатель: Юлиус Шпрингер, 1937)

Фрагмент из доклада доктора Эрвина Дорна, главного врача санатория Шарлотенбурга, главного врача центра социального ухода за туберкулёзом из

Нюрнберга, Кальмбаха (Вюртемберг) о задачах и целях метода лечения и его применении при рассмотрении ожидаемых специальных законов о туберкулёзных пациентах.

.....

[Страница 770]

В былые годы, в частности начиная с данного века, любая попытка трудотерапии туберкулёзных пациентов осуждалась как бесполезная, так как было известно только ограниченное лечение. С другой стороны, в таких странах как Голландия, Англия и Швейцария, в которых лечение длится настолько много месяцев насколько возможно, трудотерапия вводилась непосредственно. Всем нам известно о том, что несколько месяцев часто требуется для того, чтобы вызвать изменения консервативным или радикальным лечением. Наши хирургические пациенты (пластическая хирургия, тромбозы, двухсторонний пневмоторакс) также требуют долгого времени до тех пор пока тяжёлая стадия туберкулёза не будет облегчена, и пока они сами вновь не достигнут полной трудоспособности. Похожим образом с теми кого лечат консервативно, эти пациенты часто остаются заразными остаток своей жизни. В санатории они лишние, в повседневной жизни, бесполезные. Но нельзя годами относиться к ним как к нетрудоспособным.

Цель трудотерапии для активных туберкулёзных людей это заполнение пробела между медикаментозным лечением и трудоспособностью. Она должна проводиться в рабочем санатории или поселении.

Различные условия являются необходимыми для того, чтобы позволить туберкулёзным лицам с ограниченной трудоспособностью получать удовлетворение от своей работы. Для них должен быть предусмотрен правильный тип работы; периоды работы должны варьироваться согласно количеству работы с которой они могут справиться, и они должны быть подходящими к их способностям и к тому, что они делали в своей предыдущей жизни.

Место работы и орудия труда должны быть удовлетворительными. При работе в санатории в благоприятном климатическом окружении, эти требования будут наиболее полно удовлетворены при предоставлении фабричной работы...

.....

[Страница 772]

В своём последнем отчёте о принудительном лечении туберкулёзных пациентов, я показал, что пациент, страдающий от открытого туберкулёза должен оставаться в рабочем санатории или поселении до тех пор пока заболевание уже не представляет опасности ему и его коллегам.

Частичный перевод документа Бломе 1
Экземпляр защиты Бломе 8

Фрагменты из письменных показаний доктора Оскара Гундермана от 28 декабря 1946 заявляющие о том, что Бломе противостоял плану уничтожения туберкулёзных поляков и о том, что план никогда не осуществлялся

.....

С лета 1940 я являлся начальником в медицинском управлении рейхсштатгальтера в Познани.

Частота туберкулёза в регионе Вартеланд, присоединённого к Рейху, была согласно статистике зафиксированной до 1939 – при польской службе здравоохранения – значительно выше чем в Германском Рейхе. Когда была принята администрация, во всём регионе не существовало никаких современных служб по лечению туберкулёза. Кроме того, было недостаточно коек, что требуется для успешного лечения и изоляции туберкулёзных пациентов. Оценки сделанные для статистики заболеваемостью туберкулёзом насчитывали округленную цифру от 20000 до 25000 человек польского населения. Для предотвращения эпидемии туберкулёза, власти немедленно начали строительство 40 учреждений с современными средствами ухода, также как и санатории и изоляторы с приблизительно 2500 коек для немцев и поляков (последние с польским медицинским руководством, с польскими докторами и польским медицинским персоналом), и были быстро построены. Эти меры рейхсштатгальтера поддерживались высшими властями (управление здравоохранения министерства внутренних дел).

Так как вышеуказанные учреждения должны были в некоторой степени предотвращать распространение эпидемии туберкулёза, но имея в наличии возрастающие трудности связанные с войной, они не могли предоставить чрезвычайно необходимые эффективные санитарные меры, все медицинские сотрудники из Вартеланда неустанно продолжали предупреждать своих начальников и глав управлений об опасности.

Весь вопрос получил неожиданный ход в 1942, потому что гауляйтер и рейхсштатгальтер Грейзер предположительно сказал о том, что при необходимости он сведёт на нет эпидемию туберкулёза в Вартеланде в интересах всего населения.

.....

Я подумал, что моим долгом будет лично поговорить с главой управления здравоохранения министерства внутренних дел и рейхсгесундхайтсфюрером, доктором Конти в Берлине, по данному вопросу и в целом о проблеме туберкулёза.

.....

Так как я не смог получить от доктора Конти ясного ответа и не был удовлетворён той информацией которую я получил, я немедленно позвонил заместителю рейхсгесундхайтсфюрера, доктору Бломе. Я знал о том, что он особо занимался вопросами туберкулёза в ведомстве рейхсгесундхайтсфюрера. С самого начала, Бломе показал резко отрицательное отношение к любому возможному решению, противоречащему гуманности или медицинской этике. Он показал мне проект письма адресованного Грейзеру; я попросил его сделать несколько добавлений и поправок.

Мы подробно обсудили формулировки письма с точки зрения убеждения Грейзера в том, что интенсивное продолжение мер здравоохранения принимаемых до сих пор и дальнейшее распространение программы здравоохранения созданной для борьбы с туберкулёзом может эффективно предотвращать возникающие опасности. В частности обсуждалось предложение о крупных туберкулёзных поселениях. Этот план основывался на небольших примерах, и его окончательной целью было создание обширных, но вместе с тем закрытых поселений для туберкулёзных пациентов и их семей. В этом поселении, всё современное обследование, лечение, изоляция, и возможности ухода должны были предоставляться пациентам и членам их семей, которые могли находиться в опасности.

.....

Доктор Бломе и я согласились с тактикой которую следовало занять к Грейзеру и содержанию данного письма, доктор Бломе, в моём присутствии, продиктовал проект нового письма.

.....

Я сделал вывод, что письмо доктора Бломе гауляйтеру Грейзеру было успешным, в основном для развития борьбы с туберкулёзом в Вартеланде. Правила о туберкулёзной помощи вступили в действие на всей территории Рейха 1 апреля 1943, похожие правила по защите от туберкулёза можно было ввести в Вартеланде в пользу польского населения. Центральное ведомство по борьбе с туберкулёзом было создано под руководством специалиста. Это ведомство предоставляло одинаковое лечение при заболеваниях как немцев так и поляков.

.....

В течение моего периода нахождения в должности начальника управления медицины в Познани, до января 1945, насколько мне известно, никто из туберкулёзных пациентов не был «ликвидирован» в Вартегау. Я никогда не получал никакого приказа по такой мере, ни прямого, ни косвенного. Напротив, управление всегда пыталось предоставлять всем туберкулёзным пациентам надлежащее лечение.

.....

Фрагмент допроса подсудимого Бломе защитой

.....

Заутер: Итак, свидетель, я перехожу к другой проблеме. Тогда было сделано предложение о том, что поляков страдавших от неизлечимого заразного туберкулёза должны ликвидировать. Вас допрашивали в январе 1946 в Оберрурзеле относительно вашего участия в плане уничтожения туберкулёзных поляков и также 9 и 22 октября 1946, здесь в тюрьме. Ваши заявления сделанные тогда являются правдой?

Бломе: Да. Но я должен добавить относительно этого вопроса о туберкулёзных поляках, насколько я помню, я говорил о том, что это было в 1943, в то время как в действительности, как показывают материалы дела, это было в 1942. Я также должен сказать о том, что мне здесь показывали моё письмо Грейзеру в ноябре 1942. Меня спрашивали, было ли это моё письмо, писал ли я это письмо. Я сказал: «Нет».

Я сказал это, потому что это не была фотокопия оригинала письма, а фотокопия копии. Я возразил нескольким вещам в письме и тогда его не признал. Однако, позже, в декабре, когда вы приняли моё дело, вы дали мне фотокопию, и у меня была возможность внимательно её изучить и восстановить условия, которые тогда существовали, и поэтому сейчас я признаю это письмо аутентичным.

Заутер: Доктор Бломе, это правда, что обвинение впервые узнало от вас о плане по уничтожению поляков? Доктор Бломе, что вы на это скажете?

Бломе: Да. Обвинение, впервые узнало от меня об этом плане. В 1942 я рассказал своему следователю капитану Урбаху в Оберрурзеле о нём, после чего он описал подробности жестокостей, которые были мне тогда неизвестны.

Заутер: Вы сказали в 1942.

Бломе. Я имел в виду 1945. Я имел в виду декабрь 1945. Я прошу прощения. Мне не кажется, что обвинение знало об этом, по крайней мере в Оберрурзеле, нет.

Заутер: Доктор Бломе, весь вопрос начался с письма рейхсштатгальтера Грейзера датированного 1 мая 1942. (НО-246, экз. обв. 196). Расскажите кратко, кем был Грейзер?

Бломе: Это был Артур Грейзер, гауляйтер Вартегау, рейхсштатгальтер Вартеланда, и рейхскомиссар обороны Вартеланда.

Заутер: Этот гауляйтер Грейзер, который являлся гауляйтером в округе который теперь относится к Польше, направил письмо от 1 мая рейхсфюреру СС предложив, чтобы поляков болевших от туберкулёза в Вартеланде следовало ликвидировать если бы наличие неизлечимого туберкулёза у пациентов было установлено официальными докторами. В этой связи Грейзер пишет (это то, о чём я хочу спросить вас), я цитирую: «Всё возрастающие риски также признавались и учитывались заместителем рейхсгесундхйтсфюрера товарищем, профессором, доктором Бломе». Это цитата. Что вы можете сегодня сказать об этих, видимо ранних дискуссиях между вами и гауляйтером Грейзером?

Бломе: Я беседовал с гауляйтером Грейзером около трёх раз, о борьбе с туберкулёзом в Вартеланде, один раз точно в присутствии профессора Хольфельдера. Эти дискуссии уходят к 1941. Я могу вспомнить как Грейзер однажды сказал о том, что самой простой вещью было бы обращаться с неизлечимыми туберкулёзными поляками точно также как с безумными путём эвтаназии. Я отметил, что такое сравнение неправильное. Поляки, не были гражданами Германии. Планом который рассматривал Грейзер было радикальное решение, но я не мог с ним согласиться. Когда позднее я узнал о так называемом приказе фюрера, согласно которому эвтаназия останавливалась и запрещалась, я посчитал этот вопрос и заявление Грейзера решёнными. Затем в 1942 я занимался

чисто организационной подготовкой туберкулёзной акции. Например, всё население должно было быть зарегистрировано в картотеках, немцы и поляки; должна была проводиться подготовка по рентгеновским исследованиям. Затем эти исследования следовало оценить, и так далее. Последнее было вопросом для государственных служб здравоохранения, то есть национал-социалистической организации социальной помощи и рентгеновского подразделения которое должно было проводить техническую сторону этих исследований. Время от времени я должен был получать от профессора Хольфельдера отчёт о подготовке. Лишь, когда все предварительные требования были выполнены, я дал своё одобрение на такую крупномасштабную акцию. Исполнение этой акции зависело от моего личного одобрения. Я занялся этим туберкулёзным вопросом в Вартегау, когда получил тревожные отчёты о предполагаемом приказе о ликвидации от Гиммлера. Я узнал об этом, потому что в начале ноября штурмбаннфюрер Первички прибыл в моё ведомство в Берлине и доложил мне о том, что Грейзер имеет приказ от Гиммлера в отношении того, чтобы лиц неизлечимо больных туберкулёзом, выявленных в ходе запланированных исследований в Вартеланде должны ликвидировать. Первички состоял в рентген-подразделении и был управляющим общества по борьбе с туберкулёзом. Тогда я немедленно договорился с Первички, что я встречу с профессором Хольфельдером в Познани для того, чтобы обсудить вопрос и предотвратить исполнение планов Гиммлера-Грейзера. Я поехал в Познань и обсудил вопрос с Хольфельдером. Мы договорились о том, что этот приказ не должен исполняться, и что мы, немецкие доктора не можем помогать такой акции. Мы обсуждали способ которым можно предотвратить этот план Гиммлера-Грейзера. Мы решили о том, что я сначала пойду к Грейзеру. С этой беседы я позвонил Грейзеру и сказал ему о том, что очень важно, чтобы я с ним поговорил. Затем я поговорил с ним в тот же день, или на следующий день. Когда я спросил Грейзера правда ли приказ Гиммлера о ликвидации, он сказал: «Да». Он сказал, приказ был у него на руках. Я сказал о том, что я хочу предотвратить данный план и объяснил почему. Я сказал, что в первую очередь как доктор я не смогу участвовать в этом, и во-вторых, я указал на политическую опасность связанную с таким преступлением.

Затем Грейзер согласился с тем, что я должен написать ему письмо, которое он передаст Гиммлеру для решения. Что касается письма Грейзера Гиммлеру от мая 1942 (НО-246, экз. обв. 196), которое только, что упоминали, доктор Заутер, я узнал о нём впервые здесь из материалов дела, и мнение Гиммлера о моём письме от ноября 1942 я тоже узнал здесь впервые. До этого времени я не знал о письме Гиммлера Грейзеру. В письме от мая 1942, от Грейзера Гиммлеру, Грейзер пишет, я цитирую: «всё возрастающие риски признаются и учитываются

заместителем рейхсгесундхайтсфюрера, товарищем, профессором, доктором Бломе, также как и доктором Хольфельдером». Но оно не говорит, о том, что Хольфельдер и я одобряем ликвидацию. Письмо этого не говорит. Моим основным мнением о проблеме было следующее: предположим, что мы в Германии имеем правильный закон по ликвидации неизлечимо больных лиц. Предположим, что такой закон существует, он конечно, не обсуждается как применимый к не-немцам. Применение в таком случае было бы преступлением, в особенности во время войны. Германия имевшая зарубежную оккупированную территорию, как оккупирующая держава, должна была соблюдать международное право при обращении с оккупированными территориями. Что касается проблемы туберкулёза, я занимался ей некоторое время, в особенности с 1935, когда я столкнулся с вопросом туберкулёза при послеузовской подготовке. В 1937, профессор Янкер, Бонн, известный рентгенолог, вызвал меня для помощи в разработке новой процедуры, которая при минимальной стоимости, могла позволять обследовать большие группы населения. Это была так называемая рентген-фотография, которая разрабатывалась. Я кратко объясню о ней. Ранее для рентгеновского снимка лёгких, требовалась плёнка 24 на 30 сантиметров. Новая процедура требовала плёнки приблизительно 4 на 4 сантиметра. То есть, так называемого размера Лейки¹⁸⁸. Снимки делались Лейкой. Фотографировался рентгеновский экран. Успешная разработка этой процедуры означала, что любые рентгеновские снимки, вместо цены от двенадцати до тринадцати марок, которые оплачивало социальное страхование, теперь можно было производить за десять пфеннигов; то есть, менее чем за один процент.

Дальнейшая ценность разработки данного процесса заключалась в том, что больше не требовалось нескольких минут для рентгеновского снимка, но эта процедура была разработана в такой степени, что мы могли делать от двухсот до трёхсот снимков в минуту. Я разрабатывал этот процесс фотографирования экрана совместно с Янкером до тех пор пока мы не получили описанные результаты. На съезде рентгенологов в мае 1938 в Мюнхене я довёл данный процесс до публики и заявил о том, что с его помощью можно начать крупномасштабную борьбу с туберкулёзом. Лишь немногие поверили тогда моим словам, а некоторые сочувственно улыбнулись. После этого съезда, профессор Хольфельдер, который позднее был командиром рентген-подразделения, пришёл ко мне и работая с рентгеновской наукой, оптической промышленностью, плёночной

---

¹⁸⁸ «Лейка Камера» (нем. Leica Camera AG) — немецкая компания, специализирующаяся на выпуске оптических систем и приборов точной механики. Основана в 1849 году. Занимается разработкой фотоаппаратов с 1913 года и серийно производит фотоаппараты с 1925 года. Leica — сокращение «Leitzsche Camera» (ЛЕЙтцовская КАмера, по имени предпринимателя Эрнста Лейтца).

промышленностью, рентгеновской промышленностью, и.т.д., мы разработали процесс в течение того же года, в такой степени, что за короткое время мы смогли сделать рентгеноскопию практически всех жителей провинции Мекленбург. Процедура постепенно развивалась, пока мы не достигли простой рентгеноскопии десяти миллионов или более в Германии за год. Затем, во время войны, по моей инициативе, в 1939 и 1940, мы рентгеноскопировали население всей провинции Вестфалия; затем в 1941, всю провинцию Вюртемберг, включая Гогенцоллерн. Теперь был план рентгеноскопии населения Вартеланда. Гауляйтер Грейзер обратился ко мне, потому что одобрение должно было даваться мной и я давал такое одобрение только если бы были предоставлены все предварительные требования, в таких случаях, в которых болезни требовали медицинского и клинического внимания. По нашему опыту в таких обследованиях обнаруживался один процент туберкулёзных больных, которые бы иначе были не обнаружены. Лишь в Вартегау, с польским населением в четыре с половиной миллиона, это бы означало сорок пять новых случаев туберкулёза, не считая десяти тысяч из одного миллиона немецкого населения. Я отозвал своё одобрение за такие акции, потому что тогда, с развитием этого изобретения, план по безответственному использованию рентгеноскопии использовался бы разными гауляйтерами и в больших масштабах. Каждый хотел возглавить борьбу с туберкулёзом, но это было бы катастрофой до тех пор пока не было какой-нибудь проверки. Когда целые группы населения рентгеноскопировались, с самого начала должны были быть необходимые приготовления медицинских средств, иначе это было бы катастрофой. Посредством этой акции и посредством этих многих новых случаев заболеваний туберкулёзом, которые обнаруживались, я сознательно поставил государство в сложную ситуацию. Я вынуждал государство принять новый закон по борьбе с туберкулёзом. Это закон, который был принят, был законом о помощи при туберкулёзе. Данный закон сформировал основу для обследования лёгких населения Вартеланда, что и было проведено в 1943-1944. Данный закон, что можно подтвердить, не был в пользу только немецкого населения в Вартегау, но также для польского населения, как ясно видно из письменных показаний регинрунгсдиректора, доктора Гундермана. (Бломе 1, экз. Бломе 8). Доктор Гундерман являлся начальником медицинского управления в Вартеланде; то есть, у него была основная ответственность за борьбу с туберкулёзом в этом гау.

Заутер: Доктор Бломе, перед тем как мы перейдём к письму от 18 ноября 1942, я хочу вернуться к весне 1942. (НО-250, экз. обв. 203). Мы только, что услышали о письме от гауляйтера Грейзера датированном маем 1942, в котором он предлагал о том, чтобы поляков болевших туберкулёзом должны были ликвидировать. Он

пишет «что всё возрастающие риски также признавались и учитывались заместителем рейхсгесундхайтсфюрера товарищем профессором доктором Бломе».

Вы говорили о том, что Грейзер не упоминал, что вы одобряли план по ликвидации поляков. Меня интересует знать, каким было ваше отношение к плану тогда, весной 1942. Вы одобряли план по ликвидации туберкулёзных поляков? Вы отвергли его? Что вы об этом скажете?

Бломе: Весной 1942 я вообще не выразил мнение в отношении данного плана. Дискуссия с Грейзером, как я сказал, была в 1941 году, тогда, когда акции эвтаназии ещё проводились. В 1942 я вообще не говорил с Грейзером о таком плане. Я не знал о том, что Грейзер намеревался написать это письмо Гиммлеру в мае 1942 или то, что он действительно его написал. Я услышал о нём только здесь и после того как Грейзер сделал свои заявления в связи с акцией эвтаназии. Но акция эвтаназии была остановлена приказом Гитлера, и конечно я предполагал, что такие идеи со стороны Грейзера тоже разрешились. Я не одобрял его идей, как я говорил ранее.

Заутер: Тогда, если я правильно вас понимаю, вы не занимались этим вопросом осенью 1942, когда Первички принёс вам тревожные новости?

Бломе: Да. Правильно.

Заутер: Вы можете рассказать нам, почему гауляйтер Грейзер обсуждал проблему туберкулёза именно с вами?

Бломе: Причиной было, как я уже говорил, то что исполнение такой акции зависело от моего одобрения. Если бы я сказал о том, что в Вартегау не будет проходить рентгеновское обследование, тогда его бы не проводили, независимо от того, что делал бы гауляйтер.

Заутер: Доктор Бломе, гауляйтер Грейзер видимо не думал о рентгеноскопии, а о ликвидации. Письмо от 1 мая 1942, в котором он делал предложение, говорило только о ликвидации. Оно ничего не говорило о рентгеноскопии. Я хочу понять как вы оказались вовлечены в это дело, и когда вы услышали о плане Грейзера впервые, плане уничтожения туберкулёзных поляков?

Бломе: Конечно, гауляйтер Грейзер должен был думать о рентгеноскопии; это важно для выявления неизлечимых случаев туберкулёза.

Заутер: Свидетель, тогда 18-го ноября вы написали письмо. (НО-250, экз. обв. 203). Это письмо, которое обвинение описало как «шедевр убийственного плана». Вы обсуждали вопрос заранее с рейхсгесундхайтсфюрером, доктором Конти?

Бломе: Нет. После разговора с Грейзером я видел Конти короткое время в Берлине, или ходил на встречу с Конти для доклада ему о плане и своём разговоре с Грейзером. Доктор Конти сказал: «Чего ты хочешь? Это приказ рейхсфюрера, Гиммлера!» Тогда я сказал Конти о том, что я согласен с Грейзером, и что я напишу

письмо в этом плане для Гиммлера. С этим он согласился и также с написанием мной письма. Но я не обсуждал содержание с доктором Конти. Я не видел никакого смысла делать так. Это заявление Конти показывало, что он знал об этом плане по ликвидации.

Заутер: Свидетель, это письмо которое вы написали гауляйтеру Грейзеру, в котором вы возражали ликвидации поляков, вы написали его сами или обсуждали с кем-нибудь проект письма?

Бломе: Прежде всего я написал его сам. После возвращения в Берлин из Познани я поехал в Мюнхен. Когда я вернулся из Мюнхена я написал это письмо. Я подготовил много черновых проектов. Это было непросто. Я обсуждал общую тактику с Хольфельдером, согласно которой мы с самого начала письма выражали согласие с его идеями, но затем, во второй части письма, мы перечисляли все политические факторы, которые могли заставить Гиммлера и других, отказаться от такой акции. Было непросто написать такое письмо. Я сильно волновался об этом письме пока наконец не придумал правильный проект.

На своём предварительном допросе следователь спросил меня нечто вроде: «Почему вы просто не отказались от должности и не ушли в отставку, когда услышали об этом плане?». Мой ответ был следующим: «Конечно, проще всего для меня было бы воспользоваться возможностью и отказаться от должности. Тогда я бы не сделал ничего больше с этим делом; было бы убито как минимум 40000 поляков, и меня бы сегодня не обвиняли в связи с этим». Пожалуйста простите, за то, что говорю это, но я должен сказать об этом, когда мне предъявлено такое обвинение. Я попытаюсь говорить как можно бесстрашнее. Доктор Заутер только, что сказал о том, что обвинение считает моё письмо «шедевром убийственного плана». Теперь я заявляю следующее: «Кроме письменных показаний Рудольфа Брандта, обвинение не представило ни единого документа подтверждающего убийство мной туберкулёзных поляков. Напротив, обвинение представило ответ Гиммлера датированный концом ноября 1942, согласно которому Гиммлер в ответ на моё письмо, запретил ликвидацию туберкулёзных поляков, и это письмо прямо говорит о том, что следует проводить моё предложение и что вопрос должен быть использован в качестве пропаганды. Несмотря на это, обвинение, предъявило мне такую вину. Я обвиняюсь как 10000 кратный убийца за преступление которого я не совершал, а которое предотвратил, что я могу подтвердить. Я хочу сказать нечто ещё. Конечно, пресса приняла это обвинение. Я не могу устоять против прессы. Однако, последствием этой новости, было то, что моя семья, моя жена и мой маленький ребёнок, подверглись неприятностям и даже угрозам. Из-за этого утверждения обвинения имя Бломе было опозорено, таким образом которого не

заслужило, в особенности если можно подтвердить, что я предотвратил преступление в котором меня обвиняют.

Харди: С позволения вашей чести, я возражаю таким комментариям свидетеля.

Председательствующий: Возражение отклонено. Свидетель может продолжать.

Бломе: Я прошу прощения если я разволновался. Я хочу завершить своё заявление сказав, что я надеюсь на то, что это дело вскоре будет выяснено, и тогда пресса будет достаточно любезной, что бы сказать о том, что я не только не совершал это преступление, но и действительно предотвратил его.

Заутер: Господин председательствующий, я хочу обсудить со свидетелем письмо от 18 ноября 1942 в котором подсудимый предотвратил убийство поляков. Это займёт некоторое время. Мне кажется будет хорошее время для перерыва.

.....

Заутер: Свидетель, во время утреннего заседания вы объяснили нам среди прочего новый метод рентгеновской фотографии, так называемую фотографию экрана; вы заявили о том, что используя новый метод можно было делать от 200 до 300 фотографий в минуту. Вы не ошиблись, возможно вы не имели в виду минуту?

Бломе: Да, в час.

Заутер: Я лишь хотел поправить это, для того, чтобы в протоколе не было ошибки. Свидетель, мы продолжим с письмом, которое мы постоянно обсуждали, письмом от 18 ноября 1942, относительно уничтожения поляков.(НО-250, экз. обв. 203). Это письмо в котором вы определили своё отношение к предложению Грейзера, а именно ликвидации туберкулёзных поляков. Вам известно содержание письма?

Бломе: Да.

Заутер: В этом письме вы сделали определенные предложения. Могу я попросить вас рассказать нам, какие предложения вы в действительности сделали в письме? Вам нужно для этого письмо?

Бломе: Спасибо, у меня оно есть. Наиболее подходящим предложением я считал предложение о создании района в котором можно было разместить туберкулёзных поляков, и я вспоминал лепрозории известные в мире. Я должен подчеркнуть, что есть значительная разница между туберкулёзом и лепрой.

Бломе: Как только я подготовил последний проект, внезапно появился руководящий медицинский сотрудник Вартегау. Это был доктор Гундерман, высший медицинский сотрудник Вартегау. Он доложил о том, что он только, что прибыл от доктора Конти, и о том, что он слышал в Вартегау слухи о том, что туберкулёзных поляков должны ликвидировать. Доктор Конти выразил ему очень уклончивое

отношение, поэтому он покинул доктора Конти без каких-либо результатов и соответственно он решил прийти ко мне. Я сказал ему о том, что он пришёл в самый подходящий момент, и я объяснил ему положение которое тогда было. Я рассказал ему о своём разговоре с Хольфельдером и Грейзером, и письме о котором было решено. Он был очень рад этому и также был рад тому, что я разделял его отношение. Я показал ему свой проект письма и он внёс несколько предложений. Ряд географических подробностей в письме в действительности исходят от Гундермана. В частности, он подчеркнул важность особого поселения для туберкулёзных поляков и признал это наиболее подходящим решением. Я уже слышал о таких предложениях, в особенности возникших после туберкулёзного съезда в 1937. Во время этого съезда два известных туберкулёзных эксперта, доктор Дорн и доктор Хейн, прочли лекцию о туберкулёзных поселениях. Очень полезный опыт был получен в таких туберкулёзных поселениях, не только в Германии, но и в Англии. Внося своё предложение Гиммлеру я подробно объяснил о том, как можно реализовать такое предложение. В своём письме я объяснял тактику которая должна использоваться, принимая во внимание ментальность таких людей как Грейзер и Гиммлер, и создавая видимость того, что я хотел согласиться с программой ликвидации. Потом я привёл все политические сомнения я, привёл отдельные примеры. Затем я сказал о том, что в одном эксперименте серьёзно больные и заразные будут разделены, и что польские врачи и польский медицинский персонал будет приставлен к этим серьёзно больным пациентам для того, чтобы избежать видимости лагеря смерти. Любому врачу известно, и также известно в дилетантских кругах, что если можно изолировать тяжелобольных пациентов, такая изоляция вскоре будет считаться изоляцией для смерти. Вот почему я сказал о том, что необходимы польские врачи и медицинский персонал приставленные к этим лагерям. Своим лучшим предложением я считал создание колонии для всех туберкулёзных поляков.

В частности я желал указать на следующее в своём письме, я сказал, и я цитирую: «Я могу представить, что фюрер остановив программу в психиатрических больницах некоторое время назад, может в настоящий момент посчитать «особое обращение» с неизлечимо больными неподходящим и неразумным с политической точки зрения». Я упоминал это, потому что предложение Грейзера в 1941 указывало на разницу с программой эвтаназии. Однако, для того, чтобы окончательно убедиться в том, что эти политические сомнения также дойдут до Гитлера и для того, чтобы решение не осталось только в руках Гиммлера, я направил копию письма напрямую Мартину Борману. Далее я хочу отметить следующий вопрос. Я сказал: «Я считаю какую-либо секретность совершенно невозможной». В связи с

этим, я хочу сослаться на письмо о другой акции, а именно письмо от заместителя гауляйтера Нижнего Дуная, датированное 1942, которое предлагает эксперименты по стерилизации национальной группы такой как цыгане. В этом письме, в отличие от моего письма, использовалась совершенно иная тактика. Заместитель гауляйтера Нижнего Дуная заявил о том, что следует хранить такую акцию в тайне, потому что иначе она будет иметь серьёзные последствия с точки зрения государства.

Харди: У подсудимого есть намерение представить письмо на которое он ссылается в качестве доказательства, или он просто цитирует из своего письма?

Председательствующий: Защитник подсудимого Бломе может пояснить это трибуналу?

Заутер: Это письмо уже использовалось обвинением и таким образом стало известно подсудимому. Поэтому он может его цитировать. Разумеется нет необходимости снова его приобщать.

Председательствующий: Защитник, пожалуйста обозначьте письмо, номер экземпляра, и где оно находится?

Заутер: Минуточку, пожалуйста. Господин председательствующий, это письмо было представлено обвинением в связи с экспериментами стерилизации. Оно приобщалось как документ НО-039 – я повторяю НО-039 – экземпляр обвинения 153. Это письмо заместителя гауляйтера Нижнего Дуная адресованное рейхсфюреру СС Гиммлеру датированное 24 августа 1942. Это письмо уже приобщалось обвинением.

.....

Заутер: Доктор, пожалуйста, завершите свой ответ?

Бломе: В этом письме заместитель гауляйтера Нижнего Дуная пишет Гиммлеру, я цитирую:

«Нам совершенно ясен факт, что такое обследование должно считаться абсолютной государственной тайной».

Это прямо отличалось от тактики, которую использовал я. Я сказал: «Я думаю, что совершенна невозможна никакая секретность», и я привёл подробные причины этого. Я указал на то, как много польских рабочих находятся в Германском Рейхе, и что будут вопросы от их родственников об их местонахождении. Затем я привёл количество немцев родственных с поляками. Я также упоминал, что, в случае с поляками, мы затрагивали граждан покорённой нации. Я далее отмечал, что некоторые круги также разнесут слухи у населения в отношении того, что схожие методы будут использовать в случае немецких туберкулёзных пациентов в будущем.

Я далее показывал, что в связи с назначением профессора Брандта генеральным комиссаром, зарубежные передачи распространяют отчёты о том, что Брандт уже не занимается реабилитацией тяжёлораненых людей, а только теми людьми которые ранены легко. Я сослался на реакцию, которая возникнет в случае такого преступления со стороны итальянских врачей и ученых, также как и всего итальянского населения. Далее я сослался на церковь, и затем сказал и процитировал: «Поэтому, перед проведением программы необходимо объяснить все эти точки зрения фюреру».

В связи с моим предложением о типе резервации, я сказал в последнем абзаце моего письма, и я цитирую: «После надлежащего изучения всех соображений и обстоятельств, создание резерваций таких как лепрозории является наилучшим решением».

Перед этим я предложил, чтобы эти туберкулёзные поселения были созданы таким образом, чтобы пожелавшие родственники могли быть расселены там же. Таким путём добавления необходимого медицинского персонала и необходимых польских врачей, можно было обеспечить необходимый медицинский уход.

Заутер: Свидетель, ранее вы ссылались на ваши предложения, и вы говорили о съезде по вопросам туберкулёза в котором вы участвовали.

Господин председательствующий, у меня есть отрывок из стенограммы этого съезда по туберкулёзу. Это стенограмма третьего международного конгресса. Это отчёт от заседаниях германского съезда по туберкулёзу датированная 18-20 марта 1937, который проходил в Висбадене. Здесь есть две речи в выдержке.

Председательствующий: Защитник, документ находится в дополнительных документах?

Заутер: Да, в дополнительном томе. В этой стенограмме упоминаются два известных немецких эксперта по туберкулёзу, доктор Эрвин Дорн, который был главным врачом санатория для лёгочных заболеваний в Шарлоттенхоэ, и некий доктор Йоахим Хейн, который был директором лёгочного санатория в Хольсштайне. Я не собираюсь зачитывать эти бумаги подробно, но я прошу трибунал принять о них юридическое уведомление. Я представил эти отчёты о совещании для того, чтобы показать, что эти предложения, которые сделал подсудимый, доктор Бломе в 1942 написав гауляйтеру Грейзеру, также имелись в 1937 году, и были сделаны во время германского съезда по туберкулёзу. Эти предложения не касались иностранных туберкулёзных лиц, а немецких туберкулёзных лиц.

Председательствующий: Защитник приобщает этот документ в качестве доказательства?

Заутер: Он станет экземпляром 6, экземпляром Бломе 6. Свидетель, в этом письме от 18 декабря 1942, о котором мы сейчас говорим, вы действительно касались трёх предложений: (1) особого обращения для тяжелобольных лиц; (2) наиболее строгой изоляции тяжелобольных лиц – то есть, отделения от внешнего мира; (3) создание района резервации для всех туберкулёзных пациентов в Польше. Теперь прочитав письмо, может сложиться впечатление – по крайней мере складывается – что вы говорили в пользу вашего первого предложения в первой части своего письма, а именно «особого обращения» тяжелобольных лиц, что являлось их ликвидацией как предлагалось и желалось Гиммлером и Грейзером.

Мой вопрос таков: Почему вы просто совершенно открыто не заявили в своём письме от 18 ноября 1942 о том, что ликвидация неизлечимо больных туберкулёзных поляков, предложенная Грейзером и Гиммлером, является преступлением; что этого нельзя было позволить ни при каких обстоятельствах, и что вы доктор Бломе, не будете иметь никакого отношения к такому предложению? Почему вы не написали Грейзеру в таких чертах?

Бломе: Я думаю, что я уже обозначил своё отношение к вопросу очень кратко этим утром, и скажу снова, я бы предпочёл просто указать на преступные аспекты такого предложения в своём письме, но я знал ментальность этих людей, и мне было ясно, что выражение какой-либо такой точки зрения даст лишь отрицательный результат. Сделав так, я не спас бы себя, и не менее 30000 туберкулёзных поляков – их бы действительно ликвидировали. Если бы я не хотел открыто представить свою подлинную точку зрения, я бы не думал днями об этом письме; это был бы вопрос пяти или десяти минут. Я бы просто продиктовал письмо и отправил его. Однако, я осознавал, и это было мнением профессора Хольфельдера, что я должен показать, что согласен с планом если хочу добиться хоть какого-то успеха своих контрпредложений. Я был убеждён в том, что указание всех политических аспектов, которые могут представлять опасность будет единственным действенным орудием. Успех моей процедуры довольно явно говорит о правильности моей тактики. Да, Гиммлер действительно хотел осуществить моё предложение и использовать его в качестве пропаганды; об этом ясно говорится в письме Гиммлера Грейзеру, датированном концом ноября 1942. Документальная ценность моего письма видна в следующем: во-первых, она показывает, что во время периода жестоких мыслей, такой человек как Гиммлер не имел времени на соображения гуманного характера; во-вторых, только ясное и определенное заявление с моей стороны могло

предотвратить преступление убийства 10000 поляков и я добивался такого результата.

Заутер: Свидетель, предложение которое в вашем письме сделано под номером 2: наиболее строгая изоляция тяжелобольных лиц. В связи с этим предложением, обвинение считает, что во время встречи 19 декабря у вас возникла идея направления этих туберкулёзных пациентов в учреждения и я цитирую: «Такое мнение было озвучено, потому что в этих учреждениях была гарантирована сравнительно быстрая смерть этих пациентов».

Это действительно являлось вашим намерением, и вы думали тогда о какой-либо возможности, то есть, когда вносили предложение?

Бломе: Напротив, я не могу признать доказательства обвинения по этому пункту логичными. Если бы моим намерением было позволить пациентам умереть, я бы не требовал того, чтобы им были предоставлены необходимые врачи и медицинский персонал. Кроме того, я хочу сослаться на свои предыдущие показания по данному вопросу.

Заутер: Ещё одним предложением, сделанным вами тогда, и которое приводится под номером 3 вашего письма, являлось создание резервации для всех туберкулёзных пациентов. Во время того же заседания 19 декабря обвинение сказало об этом предложении, и я цитирую:

«Этим планом, то есть, отправкой всех пациентов и соответственно изоляцией от остального населения, вы, доктор Бломе хотели того, чтобы больные поляки остались сами себе с немногими докторами и мизерным медицинским персоналом. Таким способом должна была быть реализована цель по ликвидации этих поляков».

Доктор Бломе, что вы скажете, об этом мотиве, который обвинение приписывает вам?

Бломе: Такой мотив неправильный. В моём письме можно видеть противоположное. В этой связи я могу сослаться на свои предыдущие пояснения письма. Более того, я сошлюсь на письменные показания, доктора Гундермана. (Бломе 1, экз. Бломе 8). Мои интересом было прямо противоположное тому, что приписывает мне обвинение, так как я планировал тоже самое для Германии после войны. Если бы я смог провести такую акцию, позднее мне было бы проще сослаться на планы упоминавшиеся на туберкулёжном конгрессе 1937 указав на успех достигнутый в Вартегау. Даже сегодня я осознаю, что пока мы не способны предоставить действительно эффективное медицинское лечение или вакцинацию от распространения туберкулёза, единственным практичным и эффективным решением является создание таких поселений или резерваций.

Заутер: Доктор Бломе, из вашей книги озаглавленной «Врач в бою», которая была полностью приобщена в качестве доказательства как экземпляр Бломе 1, можно видеть, что довольно долгое время вы вели войну против туберкулёза. Вы можете рассказать нам на основе своего опыта, были ли эти предложения которые вы сделали в письме от 18 декабря 1942 – то есть, такие как размещение больных в туберкулёзных учреждениях или размещение заразных в районе резервации – были ли эти предложения совершенно отличными от способа борьбы с туберкулёзом практикующимся в различных иностранных государствах до этого времени, или, если и не с туберкулёзом, то с другими заразными заболеваниями такой же важности как туберкулёз?

Бломе: Конечно, план по созданию туберкулёзного поселения в большом масштабе не представляет собой абсолютно ничего нового, потому что, как можно видеть из документов представленных о туберкулёжном конгрессе, с хорошими результатами, такие туберкулёзные поселения существовали в Англии и Голландии вместе с Германией; но, с другой стороны, реализация идеи поселений чрезвычайно отличалась от борьбы с туберкулёзом в целом. Военные сложности существовавшие в 1942 и 1943 не позволили реализовать данный план, который был предложен мною для Вартегау. Однако, борьба с туберкулёзом, продолжалась, обычным путём, насколько возможно во время войны, как и делалось во всём Рейхе с немцами.

В других странах, предпринимались другие эксперименты. Например в 1935 году, известные люди Детройта в Америке, провели крупномасштабный эксперимент по борьбе с туберкулёзом. После проведённой подготовки всё население Детройта попросили, путём сильнейшей пропаганды прессы и радио, пройти обследование на туберкулёз, для того, чтобы выявить источник инфекции. Город Детройт подготовил необходимые средства для проведения обследования и был достигнут некоторый успех. В частности, почти всё цветное население Детройта явилось для обследования, в то время как американская пресса, с другой стороны, жаловалась на то, что белое население полностью не явилось.

Эта акция началась в 1936 и продолжалась в 1937. Я не мог услышать чего-либо из окончательных результатов, потому что началась война. Все акции такие как акция в Детройте, и небольшие поселения в форме маленьких деревень для зараженных, не решали всей проблемы, до тех пор пока не проводились в большом масштабе. Нет сомнения в том, что проблема туберкулёза сегодня масштабно не решена в мире. Единственной причиной этого является то, что туберкулёз нельзя сравнить с любым другим заразным заболеванием таким как дифтерия, холера и тиф. Эти эпидемии имеют короткую длительность и быстро забирают своих жертв. Если бы так было в случае с туберкулёзом, борьба с ним в мире развилась бы

гораздо сильнее. Трагичность этой проблемы в том, что течение самого заболевания, имеет медленный ход. Вот почему, по моему мнению, нигде в мире нет законов обеспечивающих изоляцию заразных туберкулёзных больных, хотя такие планы рассматривались на всех конгрессах занимавшихся туберкулёзом по всему миру. Насколько мне известно никто не предпринял такой решительный шаг, и я думаю, что единственная причина кроется в медленном течении туберкулёза, несмотря на тот факт, что туберкулёз занимает второе место по смертности от болезней.

Заутер: В дополнение к этому письму от 18 декабря 1942 о котором мы говорим, вы предпринимали какие-либо шаги, для того, чтобы нарушить план Грейзера, а именно, ликвидировать всех туберкулёзных поляков и в частности вы обращались к Гитлеру или Гиммлеру лично по данному вопросу?

Бломе: Нет. Я не говорил с Гитлером всю войну.

Заутер: Что насчёт Гиммлера?

Бломе: Я говорил с Гиммлером по разным поводам, но это было годом спустя. Тогда у меня ещё не было официальных отношений с Гиммлером и я его не знал. Случись это годом позднее, когда я уже имел официальный контакт с Гиммлером, и знал его получше, я бы не писал письмо; я бы обратился к нему лично и смог бы сорвать акцию без письма. Написав это письмо я очень быстро получил отчёт от Грейзера в отношении того, что Гиммлер отменил свой приказ, и этим закончилось дело. Меня информировали о том, что в Вартегау всё проводится упорядоченным образом и законно в отношении обследования и регистрации туберкулёзных лиц.

Заутер: Кто рассказал вам о том, что план был отменен из-за ваших предложений?

Бломе: Я слышал это от Хольфельдера и от Первички.

Заутер: Эти двое –

Бломе: Хольфельдер был командиром рентгеновского подразделения, а Первички был управляющим общества по борьбе с туберкулёзом.

Заутер: Вы узнали о том, как реально возник отказ от плана, и в частности, вам известно о том, когда письмо Грейзера была показано им Гиммлеру и сказано о том, что Гитлер сам должен решить, и что Гитлер сам действительно решил отказаться от этого плана по причинам которые вы, доктор Бломе, заявили в своём письме Грейзеру? Вы слышали об этом позже?

Бломе: Тогда я лишь услышал от профессора Хольфельдера и Первички о причинах приведенных в моём письме, заставивших Гитлера отозвать свой приказ. Я услышал о письме Гиммлера только в зале суда, из документов, и поэтому очень благодарен обвинению за то, что оно не скрыло это письмо от меня.

Заутер: Свидетель, говоря о том, что план Грейзера был сорван из-за вас, я должен напомнить вам то, что обвинение говорило в зале суда 9 декабря. Обвинение

говорило: «Мы представим доказательства того, что эта программа фактически осуществлялась с конца 1942 и начиная с 1943...» И тем самым, была разработана программа ликвидации туберкулёзных поляков. Далее, «в результате предложений внесённых Бломе и Грейзером, многие поляки были безжалостно уничтожены, а остальных забрали в изолированные лагеря, полностью лишённые медицинских условий в которых тысячи из них умерли». Такими были заявления обвинения. Я должен снова спросить вас очень определённо, вы когда-либо позднее слышали о том, что на основе предложений о туберкулёзных поляках, их уничтожали?

Бломе: Нет. Утверждения обвинения не являются правдой. Ничего не случилось ни с одним поляком в рамках туберкулёзной акции в Вартегау. Напротив они получали достойное медицинское лечение.

.....

18. Эвтаназия

а. Введение

Подсудимым Карлу Брандту, Бломе, Браку и Ховену вменялось соучастие и ответственность за осуществление так называемой «программы эвтаназии» в ходе которой сотни тысяч человек, включая граждан оккупированных Германией стран, были убиты (пар. 9 и 14 обвинительного заключения).

По данному обвинению подсудимые Карл Брандт, Брак и Ховен были признаны виновными, подсудимый Бломе был оправдан.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительного обзора против подсудимого Карла Брандта

.....

Программа эвтаназии

А. Процедура

1 сентября 1939 Гитлер поручил подсудимому Карлу Брандту и рейхсляйтеру Боулеру осуществление программы эвтаназии. Письмо о назначении говорило:

«Рейхсляйтер Боулер и доктор Брандт, д.м.н., наделяются ответственностью за расширение полномочий установленных врачей по указанию таким образом имени лица, которое согласно гуманному суждению, является неизлечимым, при наиболее внимательном диагнозе его состояния здоровья, подлежит милосердной смерти». (630-ПС, экз. обв. 330).

Данный документ никоим образом не ограничивался применением эвтаназии к безумным лицам, а включал любого, кого можно было назвать «неизлечимым».

Свидетель Меннеке дал показания о том, что программа осуществлялась следующим образом:

Каждая германская психиатрическая больница получала анкеты от министерства внутренних дел, которые должны были составляться на каждого пациента учреждения и возвращаться обратно в министерство внутренних дел. Затем эксперты должны были изучать анкеты после их фотокопирования; они должны были выражать о них своё медицинское мнение, и возвращать их, со своим мнением, в трудовую ассоциацию Рейха.

Эта трудовая ассоциация Рейха взаимодействовала с «Благотворительным фондом по институциональному уходу» и «Компанией по перевозке пациентов». «Благотворительный фонд по институциональному уходу» был ответственным за финансовую сторону программы, в то время как «Компания по перевозке пациентов» использовалась, когда пациентов перевозили из одного учреждения в другое для того, чтобы доставить их ближе к учреждениям эвтаназии и наконец в сами учреждения эвтаназии. Эти три организации, трудовая ассоциация Рейха, «Благотворительный фонд по институциональному уходу», «Компания по перевозке пациентов», фактически являлись маскировкой для программы эвтаназии и находились под надзором единого руководства. Они не работали порознь, а совместно.

Что касается анкет, трое экспертов получали фотокопии, и независимо друг от друга, выражали своё мнение об отдельных случаях. Затем так называемые высшие эксперты выражали своё мнение. Готовился список пациентов которые подлежали переводу из учреждения в так называемые сборные пункты. Немецких граждан и евреев подвергали эвтаназии также как и немцев.

Деятельность экспертов была распространена ранним летом 1940 на заключенных концентрационных лагерей. Комиссия докторов, которая включала докторов и чиновников программы эвтаназии, заполняла анкеты на тех заключенных, что ранее были выбраны лагерными докторами. Посещалось множество концентрационных лагерей, некоторые из них дважды, в период между

1940 и концом 1941. Доктор Меннеке¹⁸⁹, который посещал ряд концентрационных лагерей для отбора заключенных, получал приказы об этой деятельности от высших экспертов программы эвтаназии и подсудимого Брака. Объявления об этих поездках готовились берлинской службой программы, для отдельных концентрационных лагерей. Не-немецкие граждане и евреи которые являлись заключенными концентрационных лагерей подвергались программе эвтаназии в обширных количествах.

Ещё одной функцией программы эвтаназии было убийство психически или физически отсталых детей. Свидетель Вальтер Шмидт дал показания о том, что ведомством занимавшимся данной стороной программы был «Комитет по исследованиям тяжёлых наследственных и органических заболеваний». Анкеты заполнялись отделами здравоохранения, начальниками детских клиник, врачами, докторами, акушерками, госпиталями и т.д., и отчёты готовились для ведомства доктора Линдена в Берлине. Линден являлся сотрудником министерства внутренних дел. Комитет экспертов, в силу этих отчётов, распоряжался об эвтаназии путём так называемых приказов в форме фотокопии отчёта, которая согласовывалась в письменном виде. Шмидт сам был ответственным за особый отдел по убийству увеченных детей.

Рабочих с оккупированных восточных территорий, которые стали непригодными для работы, казнили согласно программе эвтаназии. Автобусы принадлежащие «Компании по перевозке пациентов», которые управлялись персоналом «Компании по перевозке пациентов», забирали этих жертв в центр по уничтожению Хадамар, в котором их убивали.

Эти доказательства метода осуществления программы подтверждаются письменными показаниями Брака. (НО-426, экз. обв. 160), письменными показаниями Паулины Книсслер (НО-470, экз. обв. 332), таблицей подготовленной Браком (НО-253, экз. обв. 331), также как и множеством других документов внесённых в материалы дела.

Доказательства о деятельности высших экспертов и экспертов программы эвтаназии в различных концентрационных лагерях подтверждаются письменными показаниями лагерного доктора концентрационного лагеря Дахау, доктора Мутига¹⁹⁰ (НО-2799, экз. обв. 497), которые говорят о том, что осенью 1941,

---

¹⁸⁹ Фридрих Меннеке (1904-1947) – немецкий медик. Участник программы эвтаназии в психиатрических учреждениях и концентрационных лагерях. Был приговорён к смертной казни немецким судом, умер в тюрьме.

¹⁹⁰ Юлиус Мутиг (1908 -?) – немецкий медик. В 1941-1942 главный врач концентрационного лагеря Дахау.

профессор Хайде¹⁹¹, в качестве руководителя комиссии из четырёх психиатров, прибыл в концентрационный лагерь Дахау. Эта комиссия докторов отбирала заключенных непригодных к работе, для уничтожения газом. Хайде являлся высшим экспертом программы эвтаназии. Письменные показания доктора Горгасса¹⁹² открывают, что он и доктор Шуманн, которые оба действовали в программе эвтаназии, посещали концентрационный лагерь Бухенвальд в июне 1941. Горгасс прямо заявил о том, что целью поездки было знакомство с направлением заключенных концентрационных лагерей в учреждения эвтаназии. Визит был проведён по приказу Брандта, переданному подсудимым Браком. (НО-3010, экз. обв. 503).

Б. Не-немецкие граждане и евреи

Не-немецкие граждане и евреи, которые являлись заключенными концентрационных лагерей, являлись жертвами программы эвтаназии которая проводилась в концентрационных лагерях под кодовым названием «14 ф 13». (НО-429, экз. обв. 281).

Некоторые документы представленные обвинением об акции «14 ф 13» в Гросс-Розене показывают как программа эвтаназии действовала в концентрационных лагерях. Список заключенных концентрационного лагеря из концентрационного лагеря Гросс-Розен, которых направили на станцию эвтаназии Бернбург для уничтожения, содержит много имен не-немецких граждан и не-немецких евреев. (НО-158, экз. обв. 410). Евреи в превентивном заключении, поляки в превентивном заключении, евреи которые являлись рецидивистами, евреи которые были «прогульщиками», евреи которые осквернили расу», чешские «прогульщики» и чехи в превентивном заключении находились среди тех заключенных которых отбирали лагерные врачи для «обследования» экспертами. (1151-ПС, экз. обв. 411).

Сравнив имена в списках содержащихся в документах НО-158 и 1151-ПС, подтверждается, что из 240 имен внесённых для уничтожения на станции эвтаназии Бернбург, как минимум 51 был польской или чешской национальности. Сколько внесённых евреев были не-немецкой национальности нельзя установить из этих документов, но существенное их число родилось в странах иных чем Германия, как показывает список содержащийся в документе НО-158, и таким образом видно, что

---

¹⁹¹ Вернер Хайде (1902 — 1964) — немецкий психиатр. Профессор психиатрии и неврологии Вюрцбургского университета (1939). Доктор наук. Военный преступник. С 1947 скрывался от уголовного преследования. После ареста повесился в тюрьме.

¹⁹² Ганс Горгасс (1909-1993) — немецкий медик. Сотрудник учреждения эвтаназии Хадамар. В 1947-1958 находился в заключении.

дальнейшее значительное количество заключенных отобранных для уничтожения не были не-немецкой национальности. (НО-158, экз. обв. 410; 1151-ПС, экз. обв. 411).

17 марта 1942, 70 заключенных были переведены в Бернбург для уничтожения. (НО-1873, экз. обв. 556). Из них, 27 не-еврейских заключенных в транспортной накладной имели чешскую или польскую национальность. Сравните транспортную накладную со списком заключенных изначально отобранных в Гросс-Розене. (1151-ПС, экз. обв. 411). 19 марта 1942 дополнительные 57 заключенных прибыли в Бернбург из Гросс-Розена. (НО-158, экз. обв. 410). Из них 15 не-еврейских заключённых из транспортной накладной имели польскую или чешскую национальность. Таким образом, из общего числа 127 заключенных доказано направленных в Бернбург в марте 1942, по крайней мере 42, или одна треть из общего числа, являлись не-немецкими гражданами принудительно содержащимися во вражеской стране. То, что всех этих заключенных уничтожили в Бернбурге окончательно подтверждается лаконичным отчётом из Гросс-Розена главному административно-хозяйственному управлению о том, что «особое обращение со 127 заключенными завершилось 2 апреля 1942». (1234-ПС, экз. обв. 555).

Эти доказательства об акции «14 ф 13» подтверждаются показаниями свидетелей Неффа, Когона, Рёмхильда и Голля.

Не-немецкие граждане и евреи иные чем находившиеся в концентрационных лагерях не исключались из программы, и многие из них были убиты. Кроме доказательств приведённых в пункте А, есть совокупные доказательства о том, что не-немецкие граждане подвергались уничтожению с начала 1940 в течение войны. (НО-1135, экз. обв. 334; НО-818, экз. обв. 373). Евреи немецкой и польской национальности и евреи без гражданства также подвергались программе. (НО-1310, экз. обв. 337). Польские и русские граждане и иные не-немецкие граждане подвергались программе. (НО-720, экз. обв. 366).

Анкеты имели пространство для определения «расы»: немецкая или подобная кровь (из немецкой крови), еврей, еврейская смешанная степени 1 или 2, негр (смешанный). (1696-ПС, экз. обв. 357). Этот вопрос был бы совершенно ненужен если бы не-немцев исключали из данной программы. Анкеты должны были заполняться на всех пациентов, которые не имели немецкой национальности или немецкой крови, указывая их расу и национальность. (НО-825, экз. обв. 358). Эти анкеты должны были обрабатываться экспертами. Те кто участвовал в эвтаназии никогда не получал приказа о том, что не-немецких граждан исключали из программы. (НО-817, экз. обв. 368). Свидетели Меннеке и Шмидт также дали

показания в данном отношении. Гуго Зухомель¹⁹³, доктор права, высший чиновник после министра в австрийском федеральном министерстве юстиции, говорит в своих письменных показаниях о том, что, когда Брак в качестве представителя подсудимого Брандта, читал лекцию об эвтаназии в министерстве юстиции в 1942, он перечислял, какие классы лиц должны были исключать из программы, инвалидов войны и лиц которые стали безумными из-за воздушных налётов. Иностранцы и евреи не упоминались в числе группы лиц, которых должны были исключать. (НО-2253, экз. обв. 557). Брак признал, что читал эту лекцию.

Уже в 1939 убивались пациенты психиатрических больниц в Польше. (3816-ПС, экз. обв. 370). Осенью 1940, фонды для эвакуации 1558 пациентов психиатрических больниц Восточной Пруссии и приблизительно 250-300 безумных поляков были предоставлены подсудимым Браком, который являлся административным исполнителем программы эвтаназии. Так как эти переводы осуществлялись зондеркомандой печально известной СД, которую использовала для специальных задач, нет сомнения в том, что этих безумных поляков убили. (НО-2909, экз. обв. 500; НО-2911, экз. обв. 501) В сентябре 1941, был отдан приказ о том, чтобы были убиты пациенты психиатрических больниц в России, в оккупационной зоне группы армий «Север». (НО-1758, экз. обв. 444).

Восточных рабочих это также касалось. (НО-1758, экз. обв. 444; НО-1436, экз. обв. 430). Восточные рабочие, которых принудительно доставили в Германию, которые были не способны работать, и которых считали бременем в психиатрических больницах Германии, собирали вместе в сборном пункте и, несмотря на то, что они могли быть уволены за шесть недель, их уничтожали в соответствии с программой эвтаназии. (НО-891, экз. обв. 414; НО-1116, экз. обв. 415) Полуеврейские здоровые дети (НО-1427, экз. обв. 431) и взрослые цыгане (3882-ПС, экз. обв. 371) также убивались.

В. Ненадлежащее обследование и уход.

Отбор и обследование лиц которых должны были подвергнуть эвтаназии были преступно халатными и ненадлежащими.

Подсудимый Карл Брандт дал показания о том, что докторам программы эвтаназии была дана огромная ответственность. Он, совместно с Боулером, имел власть над врачами, которые участвовали в программе. Однако, он признал, что он не осматривал и не посещал психиатрические больницы. Он однажды был в психиатрической больнице Бетель и посещал специальную клинику в Касселе. Он

¹⁹³ Гуго Зухомель (1883-1957) – австрийский юрист и государственный служащий. Во время войны сотрудник министерства юстиции Рейха.

признал отсутствие опыта в сфере психиатрии. Он, доктор, из двух лиц которым Гитлер поручил проведение эвтаназии (Боулер не являлся доктором), разрешал докторам применять эвтаназию. Он не изучал медицинские способности этих людей. Он не знает ни одного имени 10-15 докторов, которым согласно его показаниям, было поручено проведение эвтаназии. Брандт свидетельствовал о том, что он один раз посещал одну из станций уничтожения, Графенек, в 1940, и никогда не был на станции наблюдения. Однако, зимой 1939-1940, он посещал совместно с подсудимым Браком, Боулером и Конти, станцию эвтаназии в Бранденбурге, в которой была установлена первая газовая камера. Целью этого визита было наблюдение тестового эксперимента в котором газом были убиты четверо безумных лиц.

Жертвы эвтаназии приговаривались к смерти так называемыми высшими экспертами, которые никогда не видели такого пациента. Жертв поверхностно осматривали согласно анкетам. (НО-470, экз. обв. 332). Пфанмюллер¹⁹⁴, эксперт, получил не менее чем 159 доставок анкет, в среднем по 200-300 каждая, до 15 апреля 1941, для приговора о жизни и смерти. (НО-1129, экз. обв. 354; НО-1130, экз. обв. 355). Так как его основным занятием было управление психиатрической больницей, его суждение по анкетам было лишь второстепенной деятельностью. В период 18 дней, этот же эксперт вынес приговор не менее чем по 2058 анкетам. (НО-1129, экз. обв. 354).

Анкеты о пациентах, которые находились в психиатрической больнице лишь один месяц, заполнялись и формировали основу для суждения о том, как должен быть убит конкретный пациент. (НО-825, экз. обв. 358). Многие из этих анкет были составлены ненадлежащим образом, таким образом было невозможно никоим образом сформировать чёткое медицинское мнение. Эксперты также подвергались давлению для дачи положительного мнения. Единогласное мнение экспертов не было необходимо для положительного приговора которым пациент приговаривался к смерти. Особого мнения одного эксперта не было достаточно для спасения жизни пациента.

В концентрационном лагере за вечер были «осмотрены» 105 арийцев экспертом Меннеке. «Осмотр» 1200 евреев, который включал переписывание причины их ареста из материалов дела, занял лишь несколько дней. В письме своей жене, сам Меннеке поставил слово «осмотр» в кавычки. Невозможно, чтобы какой-либо психиатрический осмотр проводился таким образом на пациентах. (НО-907, экз. обв. 412). Фактически, эти евреи были психически и физически здоровы. Было

---

¹⁹⁴ Герман Пфанмюллер (1886-1961) – немецкий психиатр и невролог. В 1951 был приговорён к пяти годам заключения.

невозможно, чтобы доктор Хайде и его комиссия докторов, которая действовала в концентрационном лагере Дахау, осмотрела огромное количество отобранных заключенных за столь короткое время своего пребывания там. Осмотр включал исключительно поверхностное изучение личных дел в присутствии пациента. Доктора Шуман и Горгасс осмотрели приблизительно 100 заключенных концентрационного лагеря за один визит в концентрационный лагерь Бухенвальд. (НО-3010, экз. обв. 503).

Не степень безумия являлась решающим фактором в принятии решения о том, следует ли убить заключенного, а скорее их способность работать. Способ работы, качество работы, если возможно было сравнить их со средней производительностью труда здоровых лиц, аккуратно вносились в анкеты. (1696-ПС, экз. обв. 357). Ценных работников не направляли на станцию эвтаназии. (3865-ПС, экз. обв. 365).

Пациенты, имевшие атеросклероз, туберкулёз, рак и иные калечащие заболевания включались в программу. (3896-ПС, экз. обв. 372). «Бесполезные едоки» голодали до смерти. (3816-ПС, экз. обв. 370; НО-823, экз. обв. 399). Лица которые больше не имели никакой ценности для государства считались «бесполезными едоками». Отмечалось, что во время войны здоровые люди отдают свои жизни, в то время как эти тяжёлобольные люди продолжают жить, и продолжали бы жить если не применение эвтаназии. Кроме того, говорилось о том, что недостаток продовольствия и медицинского персонала оправдывают ликвидацию этих людей. Заключенных концентрационных лагерей осматривали на предмет их пригодности к работе и политической надёжности и соответственно отбирали для эвтаназии. (НО-2799, экз. обв. 497). Заполнялись анкеты на заключенных концентрационных лагерей которые не являлись безумными. (НО-3010, экз. обв. 503). До 27 апреля 1943, акция «14 ф 13» охватывала не только безумных лиц, но и лиц страдающих от туберкулёза, обездвиженных лиц и других непригодных для ручной работы. (НО-1007, экз. обв. 413) Только заключенных которые были непригодны для работы должны были доставлять на комиссию. (1151-ПС, экз. обв. 411).

В случае убийства детей, предшествующей консультации с родителями или родственниками не проводилось. (3864-ПС, экз. обв. 367) Свидетель защиты Пфанмюллер, дал показания о том, что после получения разрешения на убийство отдельного ребёнка, он приглашал родственников для посещения ребёнка, потому что он был болен. Однако, он никогда не уведомлял родителей или опекунов о том, что он собирается убить ребёнка, так как это было секретное дело. Из документов представленных подсудимым Браком, ясно, что родителей обманывали о цели

перевода ребёнка в учреждения в которых их должны убить. Делом медицинских сотрудников было повлиять на родителей, чтобы они отправили детей в такие учреждения. Для выполнения этого, родителям говорили о том, что в случае отдельных заболеваний существовала возможность достижения некоторого успеха в лечении. (Брак 52, экз. Брак 43). Родителям говорили о том, что ребёнку будет предоставлен наилучший уход в таком учреждении и всё возможное, что может сделать современное лечение. (Брак 51, экз. Брак 42). Из этих документов ясно, что у родителей и родственников не только не спрашивали согласия в случае убийства детей, но и обманывали для того, чтобы осуществить перевод для эвтаназии. Письмо из комитета по исследованиям наследственных и органических тяжёлых заболеваний в санаторий Эйхберга налицо показывает, что, в случае эвтаназии детей, согласия родителей не получалось. (НО-890, экз. обв. 443). Эти доказательства подтверждаются письменными показаниями доктора Зухомеля. (НО-2253, экз. обв. 557) Подсудимый Брак дал показания о том, что согласие родителей являлось абсолютным предварительным требованием. Медицинские сотрудники, которые проводили подготовку перевода детей на станции убийства, предположительно имели задачу информирования родителей и получения их согласия. Это заявление противоречит собственным документам Брака, которые ясно показывают, что говорили родителям, также как и совершенно секретный характер программы. Доказательства далее показали, что сам Пфанмюллер являлся одним из докторов, который согласно распоряжению министра внутренних дел от 18 августа 1939, должен был докладывать об уродливых и неполноценных детях. (НО-3355, экз. обв. 553). Он сам дал показания о том, что он никогда не информировал родителей о судьбе ожидавшей их детей. Брандт признал, что в случае убийства безумных взрослых, согласие родственников не получалось и мнение не выслушивалось.

Есть неопровержимые доказательства того, что немецкая публика ужасалась эвтаназии и способу её осуществления. Полицейский отчёт говорит:

«Имели место дикие сцены которые только можно представить, так как некоторые из этих людей не погружались в автобус добровольно и поэтому их принуждал делать это сопровождающий персонал. Там были имбецилы и умственно-отсталые, и как говорилось эпилептики, и которых государство до настоящего времени содержало. Люди заходили настолько далеко формулируя и распространяя следующее утверждение: «Государство должно быть находится на неправильном пути иначе бы не случилось, того, что этих несчастных людей просто направят на свою смерть исключительно для того, чтобы

средства, которые до сих использовались для содержания этих людей, направлялись на ведение войны». (Д-906, экз. обв. 376).

Г. Общее уничтожение евреев.

Персонал, задействованный в программе эвтаназии также принимал участие в уничтожении евреев на Востоке приблизительно с 1941 до освобождения восточных территорий. Некоторое время во второй половине 1941, часть персонала, который до той поры осуществлял программу эвтаназии в Германии, был направлен в Люблин и передан в распоряжение бригадефюрера СС Глобчника для того, чтобы содействовать массовому уничтожению евреев, что было общеизвестно высшим кругам НСДАП. Среди докторов, которые содействовали уничтожению евреев были доктор Эберле и Шуман, которые оба ранее действовали в программе эвтаназии в Германии. Всё это Брак признал в своих письменных показаниях:

«Приказ о направлении этих людей на Восток мог быть отдан только Гиммлером Брандту, возможно через Боулера» (НО-426, экз. обв. 160)

Связь между «Благотворительным фондом по институциональному уходу» и лагерями уничтожения в Люблине также была известна низшим сотрудникам станций эвтаназии. (НО-470, экз. обв. 332) Свидетель Горгасс заявил в своих письменных показаниях о том, что капитан полиции Вирт¹⁹⁵ рассказывал ему, поздним летом 1941, о том, что он был переведён «Фондом институционального ухода» (что было кодовым наименованием, под которым проводилась программа эвтаназии) в учреждение эвтаназии в районе Люблина. (НО-3010, экз. обв. 503) Судья СС, доктор Морген, расследовавший программу уничтожения евреев в Люблине, свидетельствовал Международному Военному Трибуналу о том, что Вирт, ранее осуществлявший задачу устранения неизлечимых психически больных, являлся специалистом в массовом уничтожении людей. Ведомство из которого Вирт получал свои приказы находилось в Берлине, Тиргартенштрассе, среди людей которые были связаны с этой операцией был Бланкенбург. (НО-2614, экз. обв. 504). Брак признал, что Вирт являлся сотрудником станции эвтаназии Бранденбург. Брандт посещал Бранденбург зимой 1939-40. Центральное ведомство программы эвтаназии было организовано на Тиргартенштрассе, 4 и Бланкенбург являлся заместителем Брака по программе эвтаназии.

Подсудимый Брак докладывал Гиммлеру об этой деятельности 23 июня, следующее:

¹⁹⁵ Кристиан Вирт (1885 — 1944) — немецкий военный преступник, штурмбаннфюрер СС и майор полиции (12 февраля 1943 года). В 1941 руководитель центра эвтаназии в Люблине. Убит в бою в Югославии.

«По инструкциям рейхсляйтера Боулера я передал некоторых своих людей – уже некоторое время назад – в распоряжение бригаефюрера Глобочника для осуществления его специальной задачи. По его новой просьбе я перевёл дополнительный персонал. По этому поводу бригаефюрер Глобочник заявил своё мнение о том, что вся еврейская акция должны быть завершена как можно скорее, для того, чтобы не оказаться застигнутым врасплох если некоторые трудности приведут к необходимости остановки акции. Вы сами, рейхсфюрер, уже выражали свой взгляд на то, что работа должна проводиться быстрее хотя бы по причинам маскировки... (НО-205, экз. обв. 163)

Письменные показания Курта Герштейна¹⁹⁶, которые также упоминают Вирта приводят откровенное описание ужасающего способа, которым жертвы тысячами убивались по приказам Глобочника. (1553-ПС, экз. обв. 428).

В октябре 1941, Брак, административный глава программы эвтаназии, направил планы по которым евреи непригодные для работы, должны были уничтожаться газом. Он заявил о готовности направить некоторых своих ассистентов и в особенности своего химика, Кальмайера, на Восток, где можно было легко производить необходимую газовую аппаратуру. Эйхман, которому Гитлер поручил уничтожение евреев, участвовал в этих планах. Впоследствии, не было «возражений разобраться с евреями непригодными к работе, путём лекарства Брака». (НО-365, экз. обв. 507).

Кальмайер, который был ответственным за производство газовой аппаратуры и оборудования, был подготовлен для своей задачи в программе эвтаназии. Ранее он был ответственным за соответствующую работу газовых камер различных учреждений эвтаназии. Согласно собственной оценке Эйхмана, четыре миллиона евреев были убиты в учреждениях уничтожения. (НО-2737, экз. обв. 505).

Д. Законность.

Вышеуказанные доказательства показывают, что программу эвтаназии можно описать только как массовое убийство. Данный трибунал не призван определять с юридической точностью, то что государство может незаконно, законодательно принимать в отношении эвтаназии. Обвинение лишь просит, чтобы трибунал установил, как и остальные уже проведённые трибуналы, что в Третьем Рейхе не существовало имевшего силу закона разрешающего эвтаназию, и что казнь

¹⁹⁶ Курт Герштейн (1905 — 1945) — офицер СС. Участник акций эвтаназии и уничтожения евреев. Предположительно покончил жизнь самоубийством во французской тюрьме.

лиц под маской эвтаназии, при потворстве и содействии некоторых подсудимых на скамье, представляет собой убийство – военное преступление и преступление против человечности.

Первый и первостепенный авторитет о законности эвтаназии практикуемой нацистами это приговор Международного Военного Трибунала.

Его выводы не проводят разграничения между немецкими гражданами казнёнными согласно программе и не-немецкими гражданами. Эти казни описаны словом «убийства» и составляют военные преступления и преступления против человечности согласно устава и закона № 10 Контрольного совета. Это было одно из принципиальных преступлений которые привели к признанию виновности и смертному приговору против Фрика.

Апелляция заместителя военного прокурора театра военных действий в деле «США против Кляйна, Вальмана и других», проходившего в Висбадене, Германия, с 8 октября по 15 октября 1945 является чётким прецедентом того, что казни не-немецких граждан согласно программе эвтаназии являлись преступлением. (НО-1116, экз. обв. 415).

Подсудимые обвинялись в казни почти 400 лиц польской и русской национальности, предположительно страдавших от неизлечимого туберкулёза, на станции эвтаназии Хадамар между июлем 1944 и апрелем 1945. Их не обвиняли в убийстве немецких граждан и данный вопрос не рассматривался. После принятия юридического уведомления о том, что зарубежные рабочие принуждались к работе в Германии, апелляционная инстанция установила, что данные убийства являлись нарушением международных законов войны и статьи 46 Гаагской конвенции. Трое из семи подсудимых были приговорены к смерти.

Согласно германскому закону, эвтаназия не являлась ничем иным кроме как убийством. Параграф 211 Уголовного кодекса Германии, в старой редакции гласит:

«Любой умышленно убивший человека будет наказан смертью за убийство если убийство было преднамеренным».

В новой редакции, которая вступила в силу с 4 сентября 1941, говорится:

«Убийца наказывается смертью.

«Убийцей является тот, кто убивает лицо из простого желания убийства, для удовлетворения сексуальных потребностей, по алчным или иным отвратительным мотивам; тот кто убивает другого злоумышленно или жестоко, или общеопасным способом или создавая условия для другого наказуемого деяния, или сокрытия такого деяния.

«В определённых исключительных случаях в которых смертная казнь не может быть применена, применяется пожизненное заключение» (НО-705)

Для экспертных комментариев законности эвтаназии, смотрите НО-708 и НО-706.

Свидетель защиты Ганс Ламмерс, немецкий эксперт по праву, свидетельствовал о том, что письмо Гитлера Боулеру и Брандту не являлось законом и что было необходимо официальное законодательство для легализации эвтаназии. Министр юстиции Рейха Гюртнер¹⁹⁷, 24 июля 1940 написал письмо Ламмерсу информирующее его о том, что, так как фюрер отказался принять закон немедленно требовалось прекратить тайное уничтожение безумных лиц. (НО-832, экз. обв. 393) Копия данного письма была направлена Боулеру 27 июля 1940. (НО-833, экз. обв. 394)

Во время лекции Брака в министерстве юстиции, ссылаясь на вышеуказанное, присутствовавшие юридические чиновники были полностью дезинформированы о степени программы. Из замечаний выступающего складывалось впечатление о том, что лишь ограниченный круг лиц, как наибольшее, в Германии, Австрии и Протекторате¹⁹⁸ Богемии и Моравии были затронуты. Создавалось мнение, что только самые наиболее опасные пациенты и помешанные маньяки которые могли причинить себе вред подвергались программе. (НО-2253, экз. обв. 557). Очевидно это делалось для того, чтобы успокоить присутствующих лиц. Брак, на вопрос о том, приводил ли он во время лекции приблизительное число лиц которых подвергнут эвтаназии, не захотел или не смог дать ответ. Вопреки впечатлению созданному во время совещания в министерстве юстиции, подсудимые Брандт и Брак сейчас признают, что 50000-60000 человек были убиты в программе эвтаназии только в Германии и Австрии.

После завершения войны, немецкие и австрийские суды непрерывно устанавливают, что убийство лиц любой национальности под маской эвтаназии являлось нарушением Уголовного кодекса Германии и наказывалось как убийство. Свидетели Шмидт и Меннеке которые давали показания настоящему трибуналу сами были приговорены немецким судом за соучастие в программе эвтаназии и приговорены к пожизненному заключению и смерти, соответственно.

.....

¹⁹⁷ Франц Гюртнер (1881 — 1941) — министр юстиции Германии в 1932-1941.

¹⁹⁸ Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами.

Суд магистрата в Берлине, на заседании 25 марта 1946, признал подсудимых Хильду Вернике¹⁹⁹ и Елену Вичорек виновными в убийстве и приговорил их к смерти.

.....

Апелляционный суд в этом же деле отказал в апелляционных жалобах обоим подсудимым. Следующая цитата из выводов может быть интересной:

.....

«Не является ошибкой то, что подсудимые Вернике и Вичорек являлись только последним звеном в длинной цепочке, и что им предшествовали лица чья вина является большей»
[Курсив добавлен] (НО. 447).

Таким образом, установлено, что эвтаназия являлась убийством согласно германскому закону.

В связи с данным вопросом, снова отмечается, что вся программа держалась в совершенной тайне. Письмо Гитлера от 1 сентября 1939 помеченное «Совершенно секретно» никогда не публиковалось, и министр юстиции получил его копию только год спустя, после его принятия. (630-ПС, экз. обв. 330) Перевод заключенных из психиатрических больниц на станции эвтаназии предположительно проводился по приказам рейхскомиссара обороны. (НО-1133, экз. обв. 335). Сотрудники участвующие в программе должны были подписывать подписку о неразглашении. (НО-1312, экз. обв. 338; НО-1311, экз. обв. 339) Доктора, которые проводили эвтаназию предупреждались о том, что их серьёзно накажут в случае саботажа работы. Вся программа эвтаназии должна была храниться в тайне, так как с самого начала являлась совершенно секретным вопросом. Этому приводилась причина для того, чтобы избежать беспокойства среди населения. Нарушение секретности считалось саботажем. Было известно, что нарушение подписки о неразглашении приводило к помещению в концентрационный лагерь.

Е. Личная ответственность Карла Брандта

¹⁹⁹ Хильда Вернике (1899-1947) – немецкий психиатр. Участник программы «детской» эвтаназии. Казнена по приговору немецкого суда.

Брандт был назначен совместно с Боулером ответственным за данную программу, вышеуказанным письмом Гитлера от 1 сентября 1939. Его положение как высшей власти в программе эвтаназии описано в письменных показаниях доктора Бёма, одного из старейших членов НСДАП. Когда, в ноябре 1940, Бём обратился к Мартину Борману с просьбой получить встречу с Гитлером для жалобы на проведение программы эвтаназии, Борман отослал его к Брандту как к чиновнику ответственному за осуществление эвтаназии. В результате, Бём имел дискуссию с Брандтом и когда он пожаловался, помимо прочего, на то, что программа эвтаназии не регулируется законом и не должна проводиться тайным образом, Брандт признал, что министр юстиции Гюртнер, также требовал законодательного регулирования. Из своего разговора с Борманом и Брандтом, Бём убедился в том, что Брандт был ведущей личностью в программе. (НО-3059, экз. обв. 558). Брандт признал, что необходимо было создать специальную программу для осуществления эвтаназии.

Он совместно с Боулером, имел власть над врачами, которые участвовали в программе, и кроме того он должен был информировать Гитлера с медицинской точки зрения и должен был поддерживать связь с Боулером. Далее он признал, что разрешения на убийство детей направлялись ему и Боулеру.

Он заявил о том, что уходил в отставку с работу в 1942. При том, что это не имеет материального значения, установлено то, что он занимал свою должность в качестве ведущего лица данной программы до 1944. Доктор Людвиг Шпрройер, в своих письменных показаниях, заявил:

«Я услышал имя профессора, доктора Карла Брандта впервые на совещании в Берлине в середине 1941. На этом совещании я узнал о том, что Карл Брандт и Филлип Боулер являлись ведущими лицами в программе эвтаназии. Совещание было созвано доктором Линденом от имени ведомства внутренних дел, и возможно поднималась проблема учреждений и психиатрических больниц. Доктор Линден руководил мероприятиями.

«По моим воспоминаниям и совести, Филлип Боулер также как и профессор, доктор Карл Брандт являлись ведущими фигурами в программе эвтаназии с 1941 до краха Германии.

«Связь между ведомством внутренних дел, с работой программы эвтаназии заключалась в том, что Карл Брандт отдавал приказы Конти и Линдену, которые передавались данными лицами от имени ведомства внутренних дел. Брандт без сомнения являлся доминирующей фигурой» (НО-818, экз. обв. 373)

Свидетель Вессе сказал в своих письменных показаниях о том, что он узнал в начале 1941 о том, что подсудимый Брандт действовал в программе эвтаназии. Он далее дал показания:

«Когда в 1944, меня лечили как пациента в армейском госпитале Сент-Блазен, я понял из разговоров с офицерами, что профессор Брандт играл важную роль в сборе безумных лиц в районе Люблина, Польша»

Далее он свидетельствовал, в связи с люблинской акцией, о том, что она должна была продолжаться до 1944 и что говорилось о том, что безумных лиц и евреев собрали в большом количестве в Люблине.

Свидетель Шмидт дал показания о том, что профессор Брандт осуществлял медицинское руководство программой и только в 1944 ему сказали о том, что Брандт покинул программу. Он также знал о том, что Брандт играл ведущую роль в задаче, которая должна была быть выполнена (программе эвтаназии), и что он (Брандт) должен был выполнять эту задачу.

Оба свидетеля, Шмидт и Меннеке, также дали показания о том, что таблица (НО-253, экз. обв. 331), которая показывает Брандта в центре программы, является верной.

Дальнейшие доказательства показывают, что Брандт отдавал приказы по программе эвтаназии даже в июле 1943. В письме от «Компании по перевозке пациентов», датированном 20 июля 1943 в психиатрическое учреждение Хадамара – которое являлось, как показали документы и свидетельства, станцией уничтожения – есть следующее предложение:

«Я также приказываю перевести безумных лиц в ваше учреждение, по приказу профессора Брандта и генерального комиссара фюрера по службе медицины и здравоохранения. Вы получите, 26 июля 1943, 150 безумных женщин из психиатрической больницы Варштайн если рейхсбан обеспечит необходимые автомобили». (НО-892, экз. обв. 442).

Брандт являлся лицом, к которому должны были обращаться если кто-то хотел спасти ребёнка от эвтаназии. В письме из комитета по исследованиям наследственных и органических тяжёлых заболеваний, датированном 16 ноября 1943, в санаторий доктора Шмидта, Эйхберг (как показывают доказательства, станция убийств неполноценных детей), мы находим предложение:

«На основе письма направленного, профессору, доктору Брандту о вышеуказанной, я прошу итогового диагноза Анны Гассе, которая как сообщается находится в вашем учреждении».

И далее:

Если с медицинской точки зрения такое освобождение разрешается, следует учитывать, не будет ли каких-либо жалоб при такой просьбе в интересах хорошей репутации учреждения» (НО-890, экз. 443)

То, что подсудимый Карл Брандт мог принимать инструкции и поручать задачи психиатрическим больницам Германии, далее подтверждается письменными показаниями подсудимого Розе, который сказал о том, что в 1943 Брандт передал в его распоряжение психиатрическую больницу в Тюрингии и осуществил мероприятия для того, чтобы данное учреждение не стало обычным госпиталем; и далее, что в 1944 Брандт осуществлял мероприятия по улучшению питания пациентов психиатрической больницы для того, что позволить Розе приступить к своей терапии малярией. Если данное заявление и не имеет никакого отношения к эвтаназии, оно показывает сферу влияния и власть Брандта всё ещё командовавшего психиатрическими больницами в 1943 и 1944. (НО-872, экз. обв. 408).

Согласно своим собственным показаниям Брандт, являлся ответственным за эвтаназию до 1942. Не имеется никаких доказательств, иных чем его собственное заявление, о том, что он тогда уходил в отставку. Напротив, доказательства показывают, что он был активен в этой сфере до некоторого времени в 1944. В любом случае, программа являлась преступной изначально. Убийство заключенных концентрационных лагерей согласно программе эвтаназии началось уже в 1940. Не-немецкие граждане включались в значительных количествах. Подготовленные убийцы со станций эвтаназии направлялись на Восток уже в 1941 для помощи в массовых убийствах евреев. Лица чьим единственным преступлением была неспособность к работе подвергались эвтаназии с самого начала. Именно, ликвидация «беспольных едоков» являлась принципом всей программы.

Брандт заявил о том, что существовал приказ, который исключал не-немецких граждан, но он не смог привести никаких объяснений о том как действовал данный приказ, кто получал его, и почему если такой приказ существовал, вообще заполнялись анкеты для зарубежных граждан. Доказательства показывают, что не-немецкие граждане никогда не исключались и убивались в большом количестве. Не существует никаких смягчающих обстоятельств для Брандта.

.....

Фрагменты из заключительного обзора против подсудимого Брака

Моральное и гуманитарное оправдание

В обзоре против Карла Брандта обвинение подытожило преобладающие доказательства того, что эвтаназия, являясь «актом милосердия», являлась мерой устранения «беспольных едоков» и других «нежелательных лиц». Сам Брак, на вопрос трибунала, не смог пояснить о том, почему ветераны первой мировой войны (1914-18) исключались из этого акта милосердия. Наоборот, он не смог объяснить, почему это милосердие распространялось на безумных преступников, в независимости от времени которое они провели в психиатрических больницах.

Брак лично упрекал Меннеке, который являлся экспертом программы эвтаназии, в связи с тем, что его экспертные мнения были слишком мягкими и не рекомендовали эвтаназию настолько часто как желалось. Так называемые «станции наблюдения» в которых пациенты, согласно заявлению Брака, осматривались несколько недель экспертами, были не чем иным как сборными пунктами для жертв.

Брак признал, что работа Биндинга²⁰⁰ и Хохе²⁰¹ считалась образцовой работой по эвтаназии. Эта работа не оставляла сомнения, что волю к жизни, даже у тяжелобольных, наиболее страдающих, на последнем издыхании, следовало полностью уважать, и что любые полномочия по уничтожению исключались в случае тех, чья воля к жизни должна была быть разрушена. (НО-2893, экз. обв. 496) Сам Брак признал, что эвтаназия является недопустимой в случаях если у пациентов есть желание жить. Свидетель Шмидт дал показания о том, что жертв, которые очевидно знали или подозревали о своей судьбе, принуждали садиться в автобусы, которые забирали их на станции уничтожения. Эти доказательства подтверждаются документальным материалом. (Д-906, экз. обв. 376) В то время как многие из жертв могли быть безумными, у них точно хватало желаний жить. Более того, сам Брак признал, при вопросе трибунала, что Боулер приказал о том, чтобы подготовка к убийству проходила таким образом, что пациенты не осознавали, что будут с ними делать. Газовые камеры, в которых уничтожали жертв были похожи на душевые комнаты. Пациентам обманом внушали, что им нужно принять душ, и поэтому нужно раздеться. Таких мер предосторожности точно бы не требовалось если бы жертвы желали «привилегии милосердной смерти».

²⁰⁰ Карл Биндинг (1841 — 1920) — немецкий юрист. Получил известность также за опубликованную незадолго до своей смерти книгу «Разрешение на уничтожение жизни, недостойной жизни», в которой, вместе с коллегой по Фрайбургскому университету профессором психиатрии Альфредом Хохе.

²⁰¹ Альфред Хохе (1865-1943) – немецкий психиатр известный своими работами по евгенике и эвтаназии.

Акция «14 ф 13»

.....

Если бы показания Брака и Брандта о количестве докторов которые были задействованы в программе эвтаназии были верными, из материалов дела ясно, что все доктора задействованные в программе сотрудничали в акции «14 ф 13». Брандт оценил количество докторов которым поручили исполнение программы эвтаназии в 10-15, Брак в 12-15. Меннеке свидетельствовал о том, что около 15 из программы эвтаназии осуществляли «осмотры» в концентрационных лагерях.

Брак не смог объяснить как получилось, что заключенных концентрационных лагерей отобранных при акции «14 ф 13» убивали на станциях эвтаназии.

.....

Законность

.....

Даже собственные документы Брака раскрывают, что он дезинформировал юридические власти о ситуации с законностью программы эвтаназии. Министериальдиректор в министерстве юстиции Рейха, Карл Энгерт²⁰², заявил в своих письменных показаниях (которые, согласно защите Брака, «имеют огромный интерес, потому что показывают мнение влиятельных юристов по вопросу»): «Заявление Брака убедили меня, согласно им, что должно предполагаться, что закон Рейха будет введён в обычной форме, т.е. опубликованием в «Reichsgesetzblatt», я не видел никакой причины, почему должны возникнуть сложность» (Брак 37, экз. Брак 37). Излишне говорить, Брак не упомянул, что Гитлер отказался принимать такой закон до конца войны.

То, что Брак хорошо знал о том факте, что программа эвтаназии является преступной, подтверждается его попыткой уничтожить доказательства перед оккупацией Германии союзниками. Письменные показания Клауссена подтверждают, что он направил следующий телетайп коменданту концентрационного лагеря Маутхаузен. (НО-2429, экз. обв. 498):

²⁰² Карл Энгерт (1877-1951) – заместитель председателя Народного суда Германии и оберфюрер СС.

«В концентрационный лагерь Маутхаузен, штандартенфюреру СС Цирайсу²⁰³.

«Хартхейм должен быть немедленно уничтожен. Об исполнении доложить фюреру.

[Подписано] Оберфюрер Брак»

Брак признал, что Хартхейм являлся станцией эвтанази на которой убивали жертв программы эвтаназии.

Общее уничтожение евреев

.....

То, что защита Брака сфабрикована, подтверждается остальными доказательствами приобщёнными к материалам дела. Судья СС, доктор Морген, который расследовал уголовное дело Вирта, свидетельствовал Международному Военному Трибуналу о том, что, когда Вирт занимался массовым уничтожением евреев, он уже являлся специалистом по уничтожению людей. Он ранее осуществлял задачу уничтожения безумных. Он получил эту задачу от канцелярии фюрера, ведомства Боулера. Система которой обучился Вирт в своей деятельности в программе эвтаназии позволяла уничтожать большое количество людей с помощью нескольких ассистентов. Такая же система, с несколькими улучшениями, использовалась для уничтожения евреев. Задача Вирта по уничтожению евреев поступила из ведомства Боулера, из того самого ведомства в котором работал Брак. Морген изучил почту Вирта и обнаружил, что курьер который доставил эту почту прибыл из канцелярии фюрера, Тиргартенштрассе, места в котором располагалась программа эвтаназии. Среди людей связанных с этой программой уничтожения, Морген вспомнил Бланкенбурга, заместителя Брака. (НО-2614, экз. обв. 504). Брак признал, что Вирт участвовал в программе эвтаназии. Морген начал своё расследование в июле 1943, но письменные показания Горгасса, подтверждают, что Вирт получил свою задачу от «фонда», одного из замаскированных обществ программы эвтаназии, уже летом 1941. (НО-3010, экз. обв. 503)

Эти доказательства полностью подтверждаются письменными показаниями Герштейна. Глобочник был ответственным за лагерь уничтожения рядом с Люблином и Вирт сотрудничал с ним в уничтожении евреев. Газовые камеры маскировались как «ванные и ингаляция» и назывались «фондом»

²⁰³ Франц Цирайс (1905 — 1945) — немецкий военный, комендант концентрационного лагеря Маутхаузен в 1939-1945 гг. Был убит заключенными лагеря после освобождения.

Хекенхолт. Комиссия докторов объезжала города и деревни Польши и Чехословакии для того, что отбирать лиц для уничтожения. (1553-ПС, экз. обв. 428). Брак, на вопрос трибунала, признал, что газовые камеры станций эвтанази, на которых убивали жертв программы эвтаназии маскировались как «душевые». «Фонд» являлся одним из кодовых наименований под которыми работала программа эвтаназии. (НО-3010, экз. обв. 503) Схожесть между организацией уничтожения на станциях эвтаназии и используемой Глобчником и Виртом не является случайной.

Доказательства показывают, что сам Брак продвигал планы по массовому уничтожению евреев. В начале октября 1941 у Брака состоялось совещание с Эйхманом из главного управления безопасности Рейха от СС и Ветцелем из министерства оккупированных восточных территорий по «решению еврейского вопроса». (НО-997, экз. обв. 506). Брак заявил о своей готовности сотрудничать в производстве необходимых газовых камер и газовой аппаратуры для уничтожения всех евреев непригодных к работе. Так как производство этой аппаратуры было проще организовать на Востоке, Брак согласился направить некоторых из своих сотрудников, и в особенности своего химика, Кальмайера, для этой задачи. Брак предложил полное уничтожение всех евреев непригодных к работе. Так как Эйхман, которому Гитлер поручил решением еврейского вопроса, согласился с предложениями Брака, не было озвучено никаких возражений уничтожению евреев непригодных к работе «лекарством Брака» (НО-365, экз. обв. 507) Кальмайера являлся техническим экспертом по работе газовых камер на станциях эвтаназии.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Карла Брандта

Эвтаназия

Позиция обвинительного заключения

.....

Позиция защиты

Целью эвтаназии было решение старой медицинской проблемы.

Заявление Карла Брандта согласно которому тема «бесполезных едоков» никогда не упоминалась в присутствии Карла Брандта.

Заявление Шмидта согласно которому этические точки зрения подчёркивались во время совещания экспертов в Берлине, 1941.

Заявление Меннеке согласно которому медицинские мотивы приводились на информационном совещании.

Заявление Брака о том, что включалось решение старой медицинской проблемы.

Этические цели планируемой эвтаназии можно также видеть в законопроектах.

Заявление Ламмерса в котором свидетель составил проект согласно медицинским и этическим точкам зрения.

Заявление Брака говорящее о том, что Боулер разработал проект в сотрудничестве с Браком основываясь на научном сотрудничестве. Заголовок «Закон относящийся к обеспечению полного медицинского содействия неизлечимым лицам» показывает характерные черты закона.

Заметно индивидуальное отношение Карла Брандта этического характера.

Письменные показания Шверин-Крозига²⁰⁴, согласно которым пастор Бодельшвинг²⁰⁵, глава психиатрических учреждений Бетеля, заявил о том, что Карл Брандт выражал свою точку зрения на эвтаназию уважительным образом, идя на всяческие уступки противоположному мнению Бодельшвинга. (Карл Брандт 26, экз. Карл Брандт 83)

Письменные показания пастора Вюрманна. Свидетель, преемник пастора Бодельшвинга, сказал о том, что Бодельшвинг говорил ему об идеалистическом отношении Карла Брандта и говорил о том, что Карл Брандт поддерживал эвтаназию при полностью ушедшей душе. (Карл Брандт 23, экз. Карл Брандт 19)

Письменные показания Рюгеберга. Свидетель сообщил о радиоинтервью из Лондона радиокомментатора Роберта Грэхам с пастором Бодельшвингом летом 1945. Бодельшвинг сам заявил о том, что нельзя считать Карла Брандта преступником, а идеалистом. (Карл Брандт 19, экз. Карл Брандт 16)

²⁰⁴ Иоганн Шверин фон Крозиг (1887 — 1977) — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии.

²⁰⁵ Людвиг Бодельшвинг (1877-1946) — немецкий теолог.

Письменные показания Раха. Согласно заявлению данного свидетеля, Бодельшвинг посещал Карла Брандта в его доме в Берлине ещё летом 1943 и проводил там вечер за дружеской дискуссией. (Карл Брандт 6, экз. Карл Брандт 7)

Приостановка эвтаназии в августе 1941.

Письменные показания Кирхерта. Согласно данному заявлению эвтаназия была остановлена летом 1941 хотя тогда экономические причины стали даже более важными чем ранее. Речь обвинения признаёт с некоторыми ограничениями, что эвтаназия была остановлена в августе 1941. (Карл Брандт 18, экз. Карл Брандт 15)

Особая ответственность и соучастие Карла Брандта

Разрешение от 1 сентября 1939 основывалось на чисто медицинской точке зрения, а именно эвтаназии для неизлечимых лиц «при наиболее внимательном изучении состояния здоровья». Экономические или политические мотивы соответственно отвергались. Проекты закона по дальнейшему внедрению эвтаназии также показывают медицинские и этические мотивы.

Отчёты и меморандумы направлялись только в психиатрические учреждения, что подтверждает то, что эвтаназия практически ограничивалась безумными лицами. Имей место цель ликвидации «беспольных едоков», это ограничение было бы бессмысленным так как «беспольные едоки» находились и в других местах (домах инвалидов, госпиталях, и т.д.) Нежелательные иностранцы редко находились в психиатрических учреждениях в начале программы эвтаназии, так как чужаки поступали в Рейх только с началом размещения зарубежной рабочей силы.

Приостановка эвтаназии в августе 1941 говорит против намерения ликвидировать «беспольных едоков», так как только с этого времени экономические причины такого рода получили определённую важность.

Перевод больных лиц по приказу рейхскомиссара обороны не указывает на особый военный интерес, а на административную и местную меру для того, чтобы избежать сложностей в отношении компетенции. Рейхскомиссар обороны являлся новым административным органом, который позволял объединять для различных задач различные ведомства независимо от их компетенции. Возможно, что это была лишь маскировка. Черновой проект содержит противоречия, так как согласно этому проекту директор психиатрического учреждения давал директивы прокурору и ссылался на распоряжение рейхскомиссара обороны. (НО-841, экз. обв. 360)

Мотив ликвидации «беспольных едоков» появляется только в последующих заявлениях идеологических оппонентов в качестве пропагандистской меры движения сопротивления, в которой симптом выдавался за мотив. На

совещаниях, не приводилось никаких экономических причин для мер эвтаназии; но это упоминалось лишь как вторичный феномен.

Отношение самого Карла Брандта подтверждается заявлениями Бодельшвинга как авторитетного лидера в вопросах медицинского и сестринского ухода среди убеждённых христиан. Отношение Бодельшвинга к Карлу Брандту было бы неприемлимым если бы он проводил ликвидацию всех нежелательных больных лиц. (Карл Брандт 115, экз. Карл Брандт 91)

Заявление в приговоре Международного Военного Трибунала является предметом пересмотра согласно доказательственному материалу данного процесса.

Правовые основания медицинской эвтаназии

Позиция обвинительного заключения

.....

Позиция защиты

Разрешение от 1 сентября 1939 являлось достаточной правовой основой. (630-ПС, экз. обв. 330) Формы разрешения были достаточными.

Бланк, с золотым орлом выбранный для этой цели показывает особую важность разрешения.

Не упоминался ни один получатель которому могло быть адресовано разрешение в форме письма.

Карл Брандт принял участие в разработке текста включив слова «при наиболее внимательном изучении состояния здоровья»

Заявление Ламмерса, эксперта по конституционному праву. Согласно этому документу выбранная форма не являлась обычной, но такое нарушение случилось и возникли недостатки. Гитлера не волновала форма.

Заявление Ламмерса, говорящее о том, что Гитлер как фюрер был уполномочен изменить форму: «Я подумал, что он уполномочен на такие вещи». Кроме формы разрешения, которое здесь на руках, существовала другая версия.

Заявление Пфанмюллера. Согласно данному документу, разрешение содержало фрагмент: «Министру внутренних дел Рейха». Документ имел форму отличную от подобного разрешения.

Письменные показания Кирхерта. Гравиц говорил свидетелю о том, что существовало разрешение с дополнительной подписью Геринга в качестве председателя совета исследований Рейха. (Карл Брандт 18, экз. обв. 15)

Заявление Меннеке. На совещании в 1940 закон был прочитан слово за словом.

Служебная записка гауляйтерства Франконии датированная 1 апреля 1940 «Фюрер отдал приказ, закон подготовлен». (Д-906, экз. обв. 376).

Публикации разрешения не требовалось для его вступления в силу.

Заявление Ламмерса говорит о том, что существовали правовые основания, которые не были опубликованы.

Письменные показания епископа Вюрма²⁰⁶. Конти рассказывал свидетелю о том, что существующий закон не был опубликован по политическим причинам. (Карл Брандт 25, экз. Карл Брандт 82)

Обязательство о неразглашении не подтверждает незаконность эвтаназии.

Заявление Брака. Ведомства были информированы. Распоряжение от 1 сентября 1939 было передано министерству юстиции Рейха 27 августа 1940, согласно его особому желанию, но он был бы проинформирован рано или поздно.

Заявление Пфанмюллера. Свидетель заявляет о подписке о неразглашении. «Я обязуюсь хранить в тайне вопросы Рейха. Я связан в отношении уголовного кодекса Рейха».

Заявление Шмидта. Свидетель говорит о том, что обыкновенная подписка о неразглашении подписывалась без специальной угрозы наказания.

Маскировка.

Материалы гауляйтерства Франкония о переписке с Мари Кер. Согласно им, инструкции были даны после установления её хорошего состояния. (Д-906, экз. обв. 376)

Книга Мельцера²⁰⁷: «Проблема прерывания бесполезных жизней». Согласно статистических данных, в целом, родственники психически больных не желали своего информирования. (Карл Брандт 85, экз. Карл Брандт 94)

Признание распоряжения. Точка зрения немецкой литературы и судебная практика не учитывала нынешнего состояния конституционного права. После ознакомления с распоряжением, все власти признавали её правовую основу.

Показания Ламмерса. «Министр юстиции Гюртнер считал такое регулирование законным и остановил рассматриваемые действия»

Показания Брака. Гюртнер, министр юстиции Рейха, заявил о том, что распоряжение не оспаривалось.

²⁰⁶ Теофил Вюрм (1868-1953) – протестантский епископ Вюртемберга в 1933-1948.

²⁰⁷ Эвальд Мельцер (1869-1940) – директор психиатрической больницы в Саксонии.

Фрагмент из журнала «Deutsche Justiz²⁰⁸» 1941. Перевод высших чиновников из ведомства юстиции в Берлин 23 и 24 апреля 1941. Согласно этому, фотокопии распоряжения от 1 сентября 1939 были доставлены всем участникам и его законность признавалась ими. (Брак 36, экз. Брак 36)

Письменные показания Зухомеля. Данный свидетель ошибочно указывает дату совещания во второй половине 1942 года. Это означает, определённое время после остановки. (НО-2253, экз. обв. 557).

Письмо от 15 июля 1940, прокурора Штутгарта в министерство юстиции Рейха содержащее отчёт о незаконности эвтанази. Следующее замечание было сделано на письме начальником управления министерства юстиции: «Нет никакого приказа» (НО-156, экз. обв. 4)

Шляйх в министерство юстиции Рейха 6 сентября 1940 – ничего не предпринималось. (НО-520, экз. обв. 374)

Показания Шмидта. Свидетель заявил о том, что во время совещания юристов в Берлине в 1941 об акции говорилось как законной. Это относится к вышеуказанному совещанию, которое упоминалось в документе Брак 36, экземпляре Брак 36.

Предварительное совещание. Карл Брандт не принимал участия в предварительном совещании.

Показания Карла Брандта. Согласно им, Карл Брандт был неожиданно приглашён, потому что он был доступен как сопровождающий врач, когда проходило совещание с Боулером. Предварительные совещания об эвтаназии проходили между Гитлером и Боулером, Гитлером и Конти.

Показания Ламмерса. Согласно им, во время совещания осенью 1939 в присутствии Ламмерса, Конти было дано поручение начать эвтаназию.

Показания Ламмерса. Согласно им, Боулер заявил о том, что Гитлер хотел дать ему поручение об осуществлении эвтаназии.

Показания Брака. Согласно им между Боулером и Фриком, Конти и Борманом, существовала враждебность о поручении. Боулер пошёл к Гитлеру и как говорится получил согласие на принятие поручения. Боулер получил поручение.

Особая ответственность и соучастие Карла Брандта. Согласно существовавшим условиям конституционного права, распоряжение от 1 сентября 1939 должно было рассматриваться как законный приказ, и Карл Брандт, в качестве врача, мог полагаться на государственные организации и мнения юристов.

²⁰⁸ «Германская юстиция» - журнал министерства юстиции Рейха в 1939-1945.

Запоздалое возражение распоряжению не сделано сегодня из-за его внешней формы, но в действительности из-за его содержания. Обстоятельства того, что не было никакой публикации распоряжения объясняется понятными причинами, соответствующими похожему регулированию принимаемому для других мероприятий.

Подписка о неразглашении соответствует общим правилам управления; предупреждения со ссылкой на правила уголовного закона были обычными. Так называемая «угроза смертью» является преувеличением безо всякого смысла; согласно практике, ссылка на уголовное регулирование при раскрытии секретных вопросов в Уголовном кодексе Рейха. Оппозиция всех лиц заинтересованных в процедуре была направлена против маскировки мероприятий, с её неизбежными последствиями, созданием подставных организаций, подготовкой подложных свидетельств о смерти, ложной информацией для родственников.

Карл Брандт принял эти правила, потому что они являлись необходимым следствием учёта беспокойства со стороны населения. Ни пациент, ни его родственники не предупреждались, и с родственников снимали чувство ответственности. Данный мотив выражен в переписке о Мари Керр, в которой надлежащая информация была предоставлена и послужила гарантией и способом ожидания понимания.

Карл Брандт не участвовал в организации программы эвтаназии. Его связь с ней, в качестве экспертного советника Гитлера, возникла лишь по-случайности того, что он находился в штаб-квартире фюрера. Он получил лишь ограниченное поручение в сравнении с рейхсляйтером Боулером, которому согласно своему собственному предложению, было поручено осуществление данной задачи.

Организация

Позиция обвинительного заключения

.....

Позиция защиты

Карл Брандт не являлся ведущим лицом, Боулер был главой организации. В распоряжении от 1 сентября 1939 Карл Брандт приводится вторым, после Боулера имевшего ранг министра Рейха.

Обвинительное заключение обозначает Боулера как начальника Карла Брандта.

Письмо Боулера министру юстиции Рейха от 5 сентября 1940. «По уполномочию фюрера и в качестве единственного лица ответственного за все проводимые мероприятия, я отдаю приказы которые являются необходимыми для меня и моих сотрудников» (НО-156, экз. Карл Брандт 4а и 4б)

Письменные показания Ламмерса (дополнение). Свидетель удостоверил подпись Боулера на вышеуказанных документах. (Карл Брандт 92, экз. Карл Брандт 86)

Письмо Бормана направленное в гауляйтерство Франконии. Тут, также Боулер цитируется в качестве начальника комитета врачей. (Д-906, экз. обв. 376)

Показания Ламмерса, согласно которым Карл Брандт никогда не являлся к Ламмерсу; также в министерство юстиции Рейха; Боулер являлся единственным лицом которое появлялось.

Письменные показания Кирхерта. У свидетеля было совещание с Гравицем, который хотел заинтересовать его использованием эвтанази. Гравиц заявил свидетелю о том, что Боулеру была поручена эвтаназия. Ему Карла Брандта никогда не упоминали. (Карл Брандт 18, экз. Карл Брандт 15)

Письменные показания Гессе (дополнение). Свидетель заявляет о том, что протестовал Гитлеру и Боулеру, из-за проекта эвтанази. Карла Брандта тогда не вызывали, хотя его можно было найти в штаб-квартире фюрера. Свидетель убеждён в том, что Карл Брандт не был связан с вопросом решающим образом. (Карл Брандт 115, экз. Карл Брандт 91)

Заявление Меннеке. Свидетель никогда не видел Карла Брандта, как и не получал от него никакого приказа; ему лишь известно о положении Карла Брандта в рамках проекта эвтанази по слухам.

Заявление Шмидта. Свидетель не знал Карла Брандта и не видел приказа подписанного им. Ему лишь известно по слухам от Хегенера о том, что Карл Брандт «предположительно должен был быть медицинским начальником». В 1944 свидетель узнал о том, что Карл Брандт уже не участвовал в вопросе, но не смог заявить о том имел ли он какое-либо влияние в 1942 и 1943.

Карл Брандт не имел собственной административной организации

Общие предметы

Новый плана организации Брака. (Карл Брандт 8, экз. Карл Брандт 3; Карл Брандт 15, экз. Карл Брандт 3) Показания Карла Брандта.

Письменные показания Брака.

Приговор Международного Военного Трибунала согласно которому Фрик, министр внутренних дел Рейха, признан ответственным за осуществление проекта эвтаназии.

Прямая переписка ведомства Боулера с компетентными властями подтверждает, что Карл Брандт не участвовал; письмо Брака Шлегельбергеру²⁰⁹. (НО-842, экз. обв. 405). Письмо Брака Фрейзеру. (НО-843, экз. обв. 406) Письмо Гимmlера Браку. (НО-018, экз. обв. 404)

Жалобы национальных и церковных властей и гражданских не поступали Карлу Брандту.

Жалоба Шляйха, начальника психиатрического учреждения Шттетена. Этот директор работавший в специализированной сфере ничего не знал о Карле Брандте. (НО-520, экз. обв. 374)

Письменные показания Шпройера от 23 апреля 1946. Свидетель не упоминает Карла Брандта в своих письменных показаниях. (38960-ПС, экз. обв. 372). (Только в последующих письменных показаниях от 19 ноября 1946, он делает соответствующее, общее заявление)

Подлинные жалобы передавались министерствами в ведомство Боулера, а не Карлу Брандту. (616-ПС, экз. обв. 403)

Отдельные примеры

Заявление Пфанмюллера, согласно которому приглашение на совещание экспертов делалось Боулером.

Заявление Пфанмюллера. Боулер председательствовал на совещании в Берлине; Карл Брандт не присутствовал.

Заявление Брака, согласно которому, Карл Брандт не произносил речей о проблемах эвтаназии, и от него их не ожидали. Это подтверждается показаниями Бломе.

Заявление Меннеке, согласно которому Брак являлся председателем совещания в феврале 1940.

Заявление Шмидта. Карл Брандт также не присутствовал на совещании в феврале 1941, но там присутствовали представители министерства внутренних дел Рейха и министерства юстиции Рейха.

²⁰⁹ Франц Шлегельбергер (1876-1970) – государственный секретарь министерства юстиции Рейха (1 октября 1931 — 30 апреля 1945), с 30 января 1941 по 24 августа 1942 — и. о. министра юстиции; Приговорён к пожизненному заключению, вышел на свободу в 1950 по состоянию здоровья.

Заявление Пфанмюллера, согласно которому эксперты назначались министерством внутренних дел Рейха.

Заявление Брака, согласно которому врачей отбирали Линден и Гравиц.

Письменные показания Книсслера, согласно которым лица ответственные за эвтаназию инструктировались Бланкенбургом в ведомстве Боулера. (НО-470, экз. обв. 332) Карл Брандт не упоминался.

Письменные показания Шпройера, согласно которым психиатрические учреждения находились под контролем министерства внутренних дел Рейха. (3896-ПС, экз. обв. 372). Отвечая на жалобу Шпройера, Конти заявил: «Это вопрос министерства внутренних дел Рейха»

Письменные показания Йорданса (3882-ПС, экз. обв. 371) Также подтверждается, что психиатрические учреждения находились под контролем министерства внутренних дел Рейха.

Приказ об эвакуации из Варштайна в Хадамар не отдавался по предложению рейхскомиссара обороны или для «систематической регистрации», но в отношении угрозы воздушного налёта. (НО-892, экз. обв. 442). Карл Брандт являлся членом комитета по ущербу от воздушных налётов и его особой задачей было в рамках данного комитета справедливо распределять места в госпиталях. Приказ был отдан в 1942, после сильных воздушных налётов в районе Кёльна и промышленных районах. Он относится к учреждению в границах Вестфалии, которая считалась тогда местом приёма; средства эвтаназии Хадамара были вывезены и учреждение было возвращено бывшему собственнику. (смотрите обвинительное заключение по процессу Хадамара)

Письменные показания Штайнбрехера (Карл Брандт 84, экз. Карл Брандт 87) Деятельность Карла Брандта в связи с вывозом психиатрического учреждения из Дюрена показывает, что Карл Брандт не участвовал в качестве начальника психиатрических учреждений, но в совещательном качестве компетентного органа, потому что у него имелось влияние и была поручена особая задача в сфере защиты от воздушных налётов в виду его общей задачи по распределению. Тут Карл Брандт мог напрямую помогать, в связи с его особыми задачами связанными с комитетом по ущербу от воздушных налётов.

Заявление Розе. Мнение свидетеля о письменных показаниях НО-872, экземпляре обвинения 408. Из него видно, что Карл Брандт не был ответственным за пациентов, а стремился с другими властями передать в его распоряжение учреждение.

Подлинное положение Карла Брандта. Положение Карла Брандта в рамках деятельности программы эвтаназии было ограниченным.

Заявление Карла Брандта, согласно которому его задачей было информировать Гитлера и лицензировать врачей из учреждений эвтаназии согласно распоряжению на основе личной ответственности за врачей.

Заявление Брака. Свидетель говорит, что Карл Брандт не имел никакого отношения к осуществлению программы эвтаназии, «так как он являлся делегатом Гитлера». У него не было кабинета в Тиргартенштрассе 4, и по сведениям Брака, он никогда не находился в кабинете «Т 4».

Письменные показания Райнхардта. (Карл Брандт 5, экз. Карл Брандт 6)

Свидетель являлся аудитором в ведомстве Карла Брандта, и он заявляет о том, что в данном качестве не выявлял в ведомстве Карла Брандта какие-либо счета или предметы с записями ссылающимися на эвтаназию.

Письменные показания Шваба, согласно которым Карл Брандт был связан со штаб-квартирой фюрера и Гитлером и таким образом не мог проводить никаких инспекций. (Карл Брандт 80, экз. Карл Брандт 98)

Письменные показания Раха. (Карл Брандт 6, экз. Карл Брандт 7)
Свидетель подтверждает связь Карла Брандта со штаб-квартирой фюрера и с клиникой в Берлине.

Исполнение

Позиция обвинительного заключения

.....

Позиция защиты

Время. Практика (эвтаназии) в силу разрешения начавшегося с 1940 и длившегося по август 1941, когда она была остановлена. Заявление Карла Брандта. Заявление Брака. Согласно обеим заявлениям, практика была приостановлена по устному приказу Гитлера Карлу Брандту. (Устного приказа о приостановке было достаточно, так как законный указ не был отменён, потому что принципиальная эвтаназия предположительно должна была продолжиться после войны. Продолжение комитета по детям)

Приостановка эвтаназии подтверждается посредством следующих показаний: заявление Бломе. Заявление Пфанмюллера. Заявление доктора Шмидта.

Заявление доктора Меннеке. Согласно этим показаниям эвтаназия прекратилась в Хадамаре в августе 1941 и газовые камеры были вывезены. (смотрите материалы дела процесса Хадамар, в особенности обвинительное заключение)

Дальнейшие свидетели говорят о том, что эвтаназия больше не практиковалась также и в Эйхберге.

Письменные показания Ирен Асам-Брюкмюллер. Свидетельница подтверждает приостановку в Ансбахе; она приводит 1942 год. (3865-ПС, экз. обв. 365)

Письменные показания Йорданса. Согласно ним, свидетель узнал в марте 1942 о том, что в программе эвтаназии также были другие учреждения, которые теперь прекратили деятельность. (3882-ПС, экз. обв. 371)

Письменные показания Кирхерта. Согласно им, приостановка произошла летом 1941. (Карл Брандт 18, экз. Карл Брандт 15)

Переписка Меннеке. Свидетель пишет 14 июня 1942 о «возобновлении» эвтаназии. (НО-907, экз. обв. 412)

Количество смертей

Заявление Карла Брандта о количестве безумных попавших под разрешение от 1 сентября 1939. Оценка Брака в 50000-60000.

Заявление Пфанмюллера. Количество отчётных форм, которые были изготовлены не равно количеству лиц отобранных для эвтаназии. Это число содержит только довольно малый процент лиц, о которых судили как подлежащих эвтаназии

Регистрация отчётных форм

В целом.

Заявление Карла Брандта. Согласно нему, Карл Брандт не содействовал в разработке отчётных форм. Они разрабатывались министерством внутренних дел Рейха (Линден)

Заявление Пфанмюллера. Согласно нему, директивы были разработаны в результате совещания экспертов на котором Карл Брандт не присутствовал.

Подробности.

Заявление Пфанмюллера. Согласно нему, никакие лица не пригодные к работе не должны были регистрироваться, но только безумные, у которых неспособность к работе была особой характеристикой их болезненного состояния.

Письменные показания Вессе (в ходе перекрёстного допроса). (НО-129, экз. обв. 105)

Заявление Карла Брандта. Согласно Карлу Брандту, регистрация евреев, иностранцев и раненых предположительно осуществлялась по статистическим причинам.

Заявление Брака. Согласно Браку мнение Карла Брандта о причинах включения вышеуказанного вопроса является ложным и основывается на «нехватке профессиональных сведений» Карла Брандта. Брак говорит о том, что вопросы включались только для цели обобщения практики эвтаназии в санаториях и домах престарелых, у персонала и их пациентов, и раскрывает подлинную задачу анкет. (По той же самой причине переводу придавалась «запланированная экономическая регистрация»)

Письменные показания Розенау о маскировочной цели отчётных форм. (Карл Брандт 130, экз. Карл Брандт 106) Письмо о регистрации исправительных тюрем. (НО-781, экз. обв. 379) Регистрировались не старые и нетрудоспособные, а только те безумные которых больше нельзя было вылечить.

Заявление Брака. Иностранцы сортировались по Т 4.

Заявление Брака. Согласно нему, иностранцы исключались из эвтаназии. Их осматривали в центральном ведомстве Т 4. Если одни оценочные листы возможно шли дальше, тогда это было из-за неправильной передачи. Раненые ветераны первой мировой войны, также как евреи, осматривались в центральном ведомстве Т 4. Отчётные формы изготавливались для евреев, но их не регистрировали для процедуры эвтаназии.

Классификация процедуры. Выполнение классификационной процедуры гарантировалось выбором оценщиков.

Заявление Пфанмюллера. Согласно нему, профессиональные лица доказавшие способности, обозначались министром внутренних дел Рейха.

Заявление Меннеке. Согласно нему, профессора университетов читавшие лекции о психиатрии в училищах назначались в качестве оценщиков. Оценке предшествовал осмотр пациента. После оценки повторное обследование проводилось в осмотровых учреждениях и учреждениях эвтаназии.

Согласно запланированной процедуре специальные комиссии назначались для обследования безумных в сестринских домах.

Письменные показания Ирен Асам-Брюкмюллер. Затем возникала комиссия изучавшая истории болезни; среди них было двое врачей; комиссия являлась учреждением на три дня; после трёх месяцев происходил перевод. (3865-ПС, экз. обв. 365)

Письменные показания Ганцера. Осенью 1940 существовала комиссия из 40 лиц; все истории болезни запрашивались и следовало совещание с местным штатом врачей. Проводилась инспекция пациентов. (3867-ПС, экз. обв. 369)

Отчёт Зеллера от 6 декабря 1940, ведомство гауляйтера Франконии. Согласно ему прибыла комиссия и изучила материалы и проинспектировала пациентов. (Д-906, экз. обв. 376)

Решение комиссии основывалось на документах учреждения. (НО-660, экз. обв. 377)

Заявление Пфанмюллера. Он вспоминает, что комиссия приезжала в 1940.

Дальнейшее повторное обследование в учреждениях наблюдения и эвтаназии. Врачам разрешалось и они судили о пациентах под свою ответственность. В среднем от 4 до 6 процентов отклонялось.

Письменные показания Книсслера. Свидетели говорят о том, что отдельные лица исключались. (НО-470, экз. обв. 332)

Из отчётов видно, что пациентов возвращали обратно. (Д-906, экз. обв. 376)

Перевозка пациентов. Приказ о перевозке.

Заявление Карла Брандта. «Операция Брандт» не имела никакого отношения к перевозке. Путём запросов санаториев и сестринских домов, особый проект Карла Брандта касался проекта о приказе эвтаназии. Согласно данному запросу госпиталя особого проекта Брандта принимали пациентов из районов угрожаемых воздушными налётами в качестве эвакуационных госпиталей. Перевозка, которая была необходима не имела связи с эвтаназией. (Карл Брандт 86, экз. Карл Брандт 88)

Письменные показания Шнелле. Согласно ним «операция Брандт» означала вывоз пациентов и хронических больных на медицинские ванны. (Карл Брандт 21, экз. Карл Брандт 17)

Письменные показания Мизена. Согласно ним Карл Брандт поручил производство машин скорой помощи, которых не хватало. (Из этого видно, что до этого времени должны были использоваться иные средства перевозки, среди них Красный крест, и т.д., и также «Главная компания по перевозке больных», которые также использовались для транспортных задач в боевых районах Востока) Сравните с широко популярным выражением «операция Брандт» в чисто экономических сферах. (Карл Брандт 28)

Письменные показания Шибера. (Карл Брандт 22, экз. Карл Брандт 18)

Письменные показания Грабе. (Карл Брандт 86, экз. Карл Брандт 88)

Письменные показания Керля. (Карл Брандт 90, экз. Карл Брандт 89)

Приказ о перевозке через другие ведомства. Коллективная транспортировка евреев проходила согласно «Первому распоряжению министерства в Мюнхене» (НО-1141, экз. обв. 348)

Коллективная перевозка восточных рабочих приказывалась оберпрезидентом через Бернотат. (НО-891, экз. обв. 414)

Перевозка через мюнхенское министерство. (НО-1132, экз. обв. 341)

Перевозка через рейхсштатгальтера военного округа III. (НО-1132, экз. обв. 335)

Перевозка через военный округ III. (НО-826, экз. обв. 356)

Перевозка через мюнхенское министерство. (Д-906, экз. обв. 376)

Мотивы перевозки. Перевозка из учреждений вызывалась различными причинами в результате условий военного времени, такими как эвакуация округов угрожаемых воздушными налётами, эвакуация из-за близости фронта и эвакуации с учётом внутренних перемещений.

Письменные показания Ганцера. (3827-ПС, экз. обв. 369) Согласно этому, эвакуации стали частыми из-за условий военного времени и постороннему видимо было непросто понять, почему они происходили. Эвакуация Варштайна в Хадамар, в которой упоминается приказ Карла Брандта, не проводилась из-за эвтанази, так как Хадамар тогда прекратил эвтаназию. Изменение было сделано по причинам предосторожности от воздушных налётов.

Осуществление эвакуации.

Заявление Карла Брандта. Эвакуация проводилась «Кооперативной компанией скорой помощи» через ведомство Т 4, которое не подчинялось Карлу Брандту. «Кооперативная компания скорой помощи» не одна использовалась для перевозок эвтанази. Везде где она использовалась, счёт проходил через расчётное учреждение, которое централизованно разрешало вопрос.

Письменные показания Шибера о получении недостающего пространства скорой помощи через подсудимого Карла Брандта. (Карл Брандт 22, экз. Карл Брандт 18)

Письменные показания Мизена. (Карл Брандт 28)

Заявление Меннеке о задаче «Кооперативной компании скорой помощи» 1941-42 на Востоке.

Депортация евреев. Здесь осуществлялось разделение евреев по национальности. Поляков и евреев из Богемии и Моравии не должны были перевозить, потому что они не относились к транспортному участку. Это показывает, что целью депортации не являлась эвтаназия, потому что разделение согласно национальности было бы бессмысленным. (НО-1310, экз. обв. 337)

Письменные показания Шнидмана. Он выражает мнение о перевозке рабочих с Востока 18 сентября 1944; их должны были вернуть в свои домашние учреждения. Это было бы излишним в случае запланированной эвтаназии. (НО-720, экз. обв. 366)

Письменные показания Розенау. (Карл Брандт 130, экз. Карл Брандт 106)

Причины эвтаназии. Эвтаназия проводилась на основе распоряжения данного директорам учреждений эвтаназии 1 сентября 1939. Данное разрешение не являлось приказом о проведении эвтаназии, а просто давало разрешение на подготовку к эвтаназии после обследования основанного на критическом суждении о состоянии заболевания. Соответственно, доктора действовали под свою ответственность.

Средства осуществления эвтаназии.

Заявление Брака. Согласно данному заявлению, в качестве средства использовался оксид углерода (СО). Научно доказан, по крайней мере болезненный характер смерти. Использование других методов подтверждает, что такая казнь эвтаназией не согласовалась с запланированной процедурой, но осуществлялась по личной инициативе.

Заявление Розе. Мнение о лишении продовольствия в медицинских учреждениях. (НО-872, экз. обв. 403) Розе заявляет о том, что это не являлось результатом какого-либо особого уменьшения или пренебрежения пациентами.

Экспериментальное убийство безумных лиц.

Передача пациентов из учреждения Эльфинг-Хаар находится на рассмотрении. (Не эвтаназия). (1696-ПС, экз. обв. 357)

Выдача фальшивых свидетельств о смерти и уведомлений.

Мнение Мельцера. (Карл Брандт 85, экз. Карл Брандт 94) Этот документ содержит запрос направленный 200 родственникам об их отношении к эвтаназии. Большинство родственников согласились с этим; характерно, что многие не согласились, но заявляли о том, что они не желали получать запросы по данному вопросу и чтобы вопрос хранился в тайне и скрывался (смерть должна была наступать неожиданно, не под влиянием пожеланий и интересов других и не должны обременять их родственников). Профессор Мельцер, оппонент эвтаназии, подготовил исследование в качестве директора психиатрической больницы для того, чтобы получить аргумент против основных адвокатов эвтаназии в Германии Биндинга и Хохе и он заявил о том, что он был удивлён результатом показанным в анкете.

Эвтаназия в сравнении с медицинскими экспериментами

Позиция обвинительного заключения

.....

Позиция защиты

Кроме предписанной эвтаназии основанной на разрешении, проводилась так называемая «произвольная эвтаназия», на которую подсудимый Карл Брандт не имел влияния, и о которой не имел сведений.

Эвтаназия польских граждан. Разрешение Карла Брандта было ограниченным на оккупированных территориях, которые подчинялись специальной администрации, такой как администрации губернаторства Польши и Протектората, также как зоны коммуникаций. Поэтому Карл Брандт не может нести ответственность за события, которые происходили в психиатрических больницах Польши. Вывоз Эльфинг-Хаара на оккупированные территории осуществлялся «Кооперативной компанией скорой помощи», но фактически, перевозка показывает, что очевидно смерть не планировалась, так как такая депортация была бы бессмысленной. Захват поляков в польском округе Зихеншау главным управлением безопасности Рейха подтверждает, что совершенно другая организация работала, нежели организация по эвтаназии в Германии, которая назначалась министерством внутренних дел в качестве надзирающего органа.

Эвтаназия в зоне коммуникаций.

Письменные показания Гальдера²¹⁰. (Карл Брандт 116, экз. Карл Брандт 92) Слухи о том, что пациентов психиатрической больницы из Новгорода и других убивали, доходили до Гальдера. Он знает, о том, что Карл Брандт не упоминался в данной связи, так как он не имел полномочий в данной сфере и что его появление было бы особо заметно.

Уничтожение в Аушвице.

Письмо Брака Гиммлеру. (НО-205, экз. обв. 163) Письмо показывает, что подсудимый Карл Брандт не имел никакого отношения к депортации лиц в Аушвиц. Брак обозначает «людей» как свой «персонал» и по своей собственной инициативе предлагает дальнейший персонал в своей прямой переписке с Гиммлером.

Заявление Брака. Он отмечает, что он не обвиняет самого Брандта в наличии сведений или участии в этом, а просто о той возможности, которая представилась ему во время допроса обвинением. Он пытался подкрепить своё

²¹⁰ Франц Гальдер (1884 — 1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта в 1938—1942 годах.

мнение путём изменений текста письменных показаний составленного для него. Текст представленный ему, чётко упоминал Брандта как заговорщика. Об этом заявлялось здесь:

«Для этих людей было невозможно участвовать без сведения Карла Брандта» далее о том «что данный приказ мог быть принят только Карлом Брандтом». Брак изменил текст в наиболее возможным способом и изменил предложение следующим образом: «Для этих людей было бы невозможно участвовать». К фразе «только по приказу Карла Брандта» было добавлено «возможно Боулера»

Заявление Хильшера. В перекрёстном допросе, свидетель дал показания о достоверности свидетеля Герштейна, который дав письменные показания больше не был найден и предположительно скрывается.

Заявление Меннеке. Свидетель не знал большего чем слухи об эвтаназии в Люблине и участии Карла Брандта в этих вопросах несмотря на его особый интерес.

Рабочие с Востока.

Заявление Шнидмана. (НО-720, экз. обв. 366) Проводилась последующая перевозка безумных восточных рабочих в домашние учреждения. Следовательно не осуществлялось никакой эвтаназии; перевозка для данной цели являлась бы бессмысленной.

Эвтаназия после прекращения в 1941

Позиция обвинительного заключения

.....

Позиция защиты

С прекращения эвтаназии в августе 1941, возникла новая процедура, в которой Карл Брандт больше не участвовал. Карл Брандт лично был полностью занят особыми поручениями в других сферах (строительство госпиталей; с 1942 генеральный комиссар; с 1944 рейхскомиссар по медицине и здравоохранению). Прекращение было приказано в течение августа 1941. Соответственно эвтаназия не продолжалась.

Заявление Шмидта. Хадамар в августе 1941. (Сравните с документами процесса Хадамара, в частности обвинительное заключение)

То же самое относится к Эйхбергу в августе 1941.

Письменные показания Кирхерта. Согласно им было общее прекращение летом 1941. (Карл Брандт 18, экз. Карл Брандт 15)

Письменные показания Асам-Брюкмюллер. (3865-ПС, экз. обв. 365). Согласно которым эвтаназия также не продолжалась в Ансбахе.

Письменные показания Йорданса. (3882-ПС, экз. обв. 371) Отсюда эвтаназия также не продолжалась в других учреждениях в 1942.

(Заявления относительно даты прекращения могут быть ошибочными, так как они были сделаны после 1941. Также возможно, что несмотря на приказ о прекращении, в некоторых местах она всё ещё проводилась по инструкциям местных властей.

Была представлена новая цель эвтаназии, которая появилась после прекращения. Мотив больше не являлся медицинским и также не имел связи с разрешением.

Письмо Либенхеншеля в концентрационный лагерь Гросс-Розен от 12 декабря 1941 об освобождении заключенных. (1151-ПС, экз. обв. 411)

Переписка Меннеке. (НО-907, экз. обв. 412) Есть отчёт об уничтожении подготовленный при сотрудничестве новой группы. Под датой 15 июня 1942 Меннеке говорит о «возобновлении» эвтаназии»

Заявление Брака. Свидетель дал отчёт о беспокойстве Боулера о том, что перед запросом комиссии об эвтаназии 1 сентября 1939, Борман и другие силы могли пожелать использовать возможность и он опасался, что они могут злоупотреблять ей (дикая эвтаназия)

Правовые основания. Карл Брандт не знаком с правовыми основаниями таких процедур после отмены разрешения от 1 сентября 1939. После прекращения эвтаназии в августе 1941, полномочия согласно разрешению от 1 сентября 1939 больше не осуществлялись.

Заявление Карла Брандта. Согласно ему, Карл Брандт, в 1944 узнал о двух случаях в Саксонии и одном в Померании в которых была применена эвтаназия. Он передал отчёт Гитлеру, Борману и Боулеру из-за того, что почувствовал экстремизм Бормана в этой сфере.

Организация. Старая организация была отменена или значительно сокращена. (Сравните обвинительное заключение по делу Хадамар о ликвидации ведомства)

Врачи были уволены в августе 1941 из ведомства Тиргартенштрассе 4.

Письмо Брака Гиммлеру от 23 июня 1942. (НО-205, экз. обв. 163). Здесь он ссылается на бывший перевод персонала и снова предложил людей из оставшегося персонала.

Видно, что организация теперь находилась под влиянием Гиммлера. Карл Брандт был устранен прекращением в 1941.

Письменные показания Берингера. (НО-808, экз. обв. 425) Свидетель говорит: «В гау было общеизвестным, что Меннеке был уполномочен Гиммлером по поиску психиатрических учреждений Германии для безумных лиц»

Деятельность бывшей организации. Регистрационные бланки.

Письмо министерства внутренних дел Рейха от 1 августа 1940. (3871-ПС, экз. обв. 359). Согласно ему должны были докладывать обо всех больных лицах. Письмо адресовалось в частную клинику Герца в Бонне.

Показания Меннеке. Согласно этому, программа не возобновлялась снова в своей изначальной форме.

Некоторые из экспертов ушли в отставку.

Убийства больше не проходили путём оксида углерода, а другими средствами и другими методами.

Отчасти мертвых больше не сжигали, а хоронили (как в Хадамаре)

Ликвидация в концентрационных лагерях

Позиция обвинительного заключения

.....

Позиция защиты

Мотив не согласуется с медицинским разрешением; оно не допускало эвтаназии по политическим или экономическим причинам.

Показания Меннеке. Свидетель поясняет, что исполнение являлось полным нарушением директивы о начале эвтаназии. «По крайней мере оно не имело отношения к эвтаназии лунатиков».

Показания Карла Брандта.

Время.

Показания Меннеке. Согласно им, Брак впервые говорил о проведении осмотра в КЛ Ораниенбург летом 1940.

Показания Рёмильда. Свидетель говорит о том, что вторая акция «14 ф 13» началась в 1943 (следовательно независимая акция после прекращения в 1941). Из этого можно сделать вывод о независимом характере «первой акции «14 ф 13», и следует предполагать, что она была приказана управлением криминальной полиции в Берлине, как и вторая акция «14 ф 13».

Согласно показаниям Меннеке, акция «14 ф 13» не начиналась до первого посещения в 1940, но сначала это было лишь экспертное мнение согласно медицинской точки зрения. В 1940 он осматривал заключенных в концентрационном лагере Бухенвальд и заполнял регистрационные формы. Тогда осмотры распространялись на психозы и психопатию.

Письменные показания Мутига. Согласно им данный транспорт шёл из Дахау в Маутхаузен в декабре 1941 после осмотра Хайде. (НО-2799, экз. обв. 497)

Приказ. Существовало два параллельных приказа:

Приказ из ведомства Боулера в соответствии с программой эвтаназии, согласно которому с 1940 лунатиков в концентрационных лагерях обследовали согласно указаниям.

Показания Меннеке. Согласно им, приказ о посещении концентрационных лагерей был отдан летом 1940.

Приказ Гиммлера о предоставлении особого обращения по акции «14 ф 13», или убийстве нежелательных заключенных, независимо от этих обследований.

Письмо от 10 декабря 1941 о специальной акции «14 ф 13». (1151-ПС, экз. обв. 411)

Письменные показания Ховена. Приказ Гиммлера об исполнении данных акций находился на руках. (НО-429, экз. обв. 281) Дальнейшие показания Ховена.

Отчёт доктора Моргена на процессе против Ховена: «Право решать о жизни и смерти заключенных концентрационных лагерей является задачей рейхсфюрера СС Гиммлера» (НО-2366, экз. обв. 526)

Организация. Следует различать две организации работавших рука об руку: (1) Организация отбора настоящих лунатиков согласно разрешению от 1 декабря 1939. Здесь организация Боулера действовала до лета 1941 в рамках работы предыдущих директив. (2) Организация по уничтожению, вопреки предыдущим директивам, исключительно Гиммлером и главным управлением безопасности Рейха.

Показания Рёмильда, об акции «14 ф 13».

Показания Рёмильда. Согласно ним, доктор Лоллинг участвовал, и вёл переписку об этом с Гиммлером.

Показания Рёмильда. Согласно ним, вторая акция «14 ф 13» началась по приказам управления криминальной полиции в Берлине.

У Лоллинга была независимая работа в концентрационном лагере Ораниенбург. (1151-ПС, экз. обв. 411)

Письмо из концентрационного лагеря Гросс-Розен в учреждение Бернбург. (НО-1873, экз. обв. 556)

Отчёт об особом обращении в главное административно-хозяйственное управление. (1234-ПС, экз. обв. 555)

Исполнение. Ничего не предпринималось до прекращения в августе 1941.

Показания Меннеке. Согласно им, первый визит в 1940 не был началом. До осени 1941 было лишь общее обследование безумных лиц.

Показания Меннеке. Не было возражений относительно обследования безумных лиц в первой акции.

Показания Меннеке. Согласно ним, сам Меннеке заполнял регистрационные формы, и с ним обращались так же как с регистрационными формами психиатрических учреждений. Это было только во время первых визитов Меннеке, при том, что обследования проводились согласно предписанным медицинским точкам зрения.

После осени 1941 была принята другая процедура. Регистрационные формы больше не направлялись с Тиргартенштрассе, 4, а изготавливались и заполнялись инспекцией концентрационных лагерей.

Заполнение регистрационных форм ограничивалось несколькими пунктами согласно приказу главного управления безопасности Рейха. (1151-ПС, экз. обв. 411) Было достаточно заполнить строки формы подчёркнутые красным. Это были имя, дата рождения, раса, время пребывания в учреждении, психически неизлечимые жалобы, нетрудоспособный солдат, предыдущие преступные правонарушения.

Показания Меннеке. Он не знал чего ожидал врач говоря о том, чтобы регистрационные формы заполнялись таким образом.

Никакого эксперта не присутствовало. (НО-907, экз. обв. 412)

При процедурах «14 ф 13», соображение о заболевании не являлось основной вещью.

Здесь идет разговор об «особом обращении «14 ф 13»; оно не имело никакого отношения к эвтаназии, а к уничтожению. (НО-158, экз. обв. 410)

Переписка главного административно-хозяйственного управления с концентрационным лагерем Гросс-Розен. (1234-ПС, экз. обв. 555) Упоминалось только особое обращение. Слово «эвтаназия» не появляется нигде.

Обследование. Факт того, что концентрационный лагерь Маутхаузен упоминался в качестве места казни, который не уполномочивался проводить эвтаназию в рамках приказа от 1 сентября 1939, показывает произвольность «акции». Следует предполагать, что Гиммлер включил Бернбург, благоприятно расположенный для него, при осуществлении своих полномочий. Разница в обследовании согласно указаниям и согласно процедурам применяемым к концентрационным лагерям показана в переписке Меннеке.

Переписка Меннеке. (НО-907, экз. обв. 412)

Показания Меннеке. Согласно им, это зависело только от установления причин ареста, а не медицинского осмотра.

Письмо из концентрационного лагеря Гросс-Розен Либенхеншелю от 25 марта 1942. (1151-ПС, экз. обв. 411). Согласно ним, часть «ликвидированных заключенных» стали вновь «пригодны к работе».

Сообщение из концентрационного лагеря Гросс-Розен от 16 ноября 1941 о ликвидации заключенных. (НО-158, экз. обв. 410) Убийство осуществлялось учреждениями Бернбурга и в концентрационном лагере Маутхаузен.

Связь Карла Брандта с концентрационными лагерями.

Письменные показания Дитча. (НО-1314, экз. обв. 433) Согласно ним, Карл Брандт, как говорилось посещал Бухенвальд.

Приложение – письменные показания Дитча. (Карл Брандт 98, экз. Карл Брандт 39) Дитч исправил своё предположение и пояснил, что он не видел Карла Брандта в Бухенвальде.

Показания Ховена.

Представленная переписка велась исключительно ведомствами концентрационных лагерей.

Приложение – отчёт доктора Моргена показывает, что право жизни и смерти принадлежит рейхсфюреру СС Гиммлеру. (НО-2366, экз. обв. 526) Имя Карла Брандта не упоминается в переписке.

Свидетель Меннеке не смог дать никакой информации о деятельности Карла Брандта в рамках особого обращения «14 ф 13», приписываемого ему обвинительным заключением.

Практика эвтаназии на детях (комитет Рейха)

Позиция обвинительного заключения

.....

Позиция защиты

Мотив. С медицинской точки зрения, гуманным является мотив по сокращению жизни детей непригодных к жизни.

Показания Шмидта. На дискуссии в 1941 разбирались только медицинские точки зрения. Комитет Рейха уже был создан до разрешения от 1 сентября 1939. (дело Лейпцига)

Время. Исполнение проводилось с 1940 по 1944.

Показания Пфанмюллера. Исполнение Эльфинг-Хаар не начиналось до 1 июня 1940.

Письмо Пфанмюллера в комитет Рейха от 17 января 1941. (НО-1139, экз. обв. 346) Оно ссылается на соглашение от 10 декабря 1940 в связи с решением от 18 августа 1939.

Документы Кауфбёрна. (1696-ПС, экз. обв. 357) Согласно ним, эвтаназия проводилась в институте Ирзее, даже после оккупации в 1945.

Дополнение, письменные показания Везе. (Карл Брандт 129, экз. Карл Брандт 105) Мнение о состоянии заболевания составлялось путём медицинского обследования.

Правовая основа. Правовой основой являлось разрешение от 1 сентября 1939, которое не приостанавливалось и не аннулировалось для деятельности комитета Рейха.

Распоряжение о лечении уродливых детей. (Брак 52, экз. Брак 43) Циркуляр от 1 июля 1940, опубликованный в министерской газете. Там, предусматривалась отчётность об уродливых и безумных детях.

Организация.

Письменные показания Шпрөйера, согласно которым руководство комитетом Рейха находилось в руках фон Линдена в министерстве Рейха, а не у Карла Брандта. (3896-ПС, экз. обв. 372)

Показания Карла Брандта, согласно которым руководство находилось у Линдена из министерства внутренних дел Рейха.

Письменные показания Ангеля и Шауба. Карл Брандт был придан штаб-квартире фюрера. (Карл Брандт 81, экз. Карл Брандт 85; Карл Брандт 80, экз. Карл Брандт 98)

Показания Меннеке. Меннеке никогда не видел документа подписанного Карлом Брандтом. Он никогда не видел его и никогда не слышал его речи. Карл Брандт был доступен только для консультации. В нескольких случаях, он консультировал при сомнении в окончательном экспертном мнении.

Показания Брака. Согласно ним Боулер и Брандт озвучивали своё мнение о суждении экспертов только в спорных случаях. Дальнейшее наблюдение отмечалось если вообще были сомнения.

Показания Карла Брандта. Согласно ним, Карл Брандт уходил в отставку из комитета Рейха летом 1942. Он не использовался в качестве эксперта.

Письмо комитета Рейха от 16 ноября 1943 о ребенке Анне Гассе. (НО-890, экз. обв. 443)

Показания Карла Брандта. В силу этого письма, адресованного Карлу Брандту, запрос комитета Рейха был направлен учреждению Эйхберг. Данный инцидент является итогом жалобы неуполномоченному лицу. Письмо явно показывает, что Карл Брандт не имел собственного ведомства, но что он переслал письмо компетентному официальному ведомству.

Исполнение.

Регистрация была передана министерством внутренних дел Рейха. (НО-1132, экз. обв. 341)

Уведомление о детях, делалось как требовал закон, врачами, акушерками, и клиниками.

Показания Пфанмюллера. Согласно ним, регистрационные бланки публиковались в газете министерства Рейха.

Медицинские карты больных прилагались к отчёту. (НО-1133, экз. обв. 335)

Директива принятая министерством внутренних дел Рейха в отношении того, чтобы прилагались персонал и медицинские карты. (НО-1132, экз. обв. 341)

Письмо от 30 апреля 1941, в отношении ребёнка Тальмайера. (НО-1138, экз. обв. 349) В этом случае медицинский отчёт о ребёнке был особо затребован.

Показания Шмидта. Согласно ним, регистрация проводилась на основе информации от отделов здравоохранения, акушерок, и детских клиник.

Медицинское мнение давалось особыми консультантами которые сотрудничали с официальными врачами.

Письменные показания Везе. (Карл Брандт 129, экз. Карл Брандт 105)

Перевозка части еврейских детей не имела связи с комитетом Рейха.

Директива принятая провинциальным президентом Бернотатом 15 мая 1943 о сборе полуевреев. (НО-893, экз. обв. 426)

Согласие родителей.

Письмо комитета Рейха от 9 января 1943 в отдел здравоохранения Туттлингена. (Карл Брандт 40, экз. Карл Брандт 84). Существовала компетентная

власть заявляющая, что перевозка ребёнка принципиально не допускалась если не имелось согласия родителей.

Показания Брака. Согласие родителей обеспечивалось официальным врачом или ответственным врачом, другими словами, перед тем как ребёнка забирали в клинику.

Практикующие врачи должны были информировать родителей о типе лечения, которому подвергнется ребёнок и вероятности успеха. (Брак 52, экз. Брак 43) Возможность смерти подчёркивалась.

Показания Карла Брандта. Согласно ним, с родителями обращались внимательно, для того, чтобы их не беспокоила совесть.

Показания Карла Брандта. Согласно ним согласие родителей не давалось в письменном виде, а давалось устно и затем отметка делалась в деле. Ни одного ребёнка не увозили вопреки прямой воле родителей.

Как осуществлялось убийство.

Показания Пфанмюллера опровергают письменные показания Йорданса (3882-ПС, экз. обв. 371). Согласно ним, там где лечение больше не было возможным, врачами учреждения давалось снотворное путём наркотиков. Не имелось национал-социалистического медицинского персонала для осуществления убийства.

Показания Пфанмюллера. Комментарий заявления в письменных показаниях Ленера согласно которому эвтаназия не практиковалась на детях до войны.

Показания Пфанмюллера. Комментарии о совещании в баварском министерстве внутренних дел в 1942. Согласно ним, процесс голодания не приказывался из-за общей продовольственной ситуации не допускалось никакого дополнительного снабжения, превышающего пайки гражданского населения.

Письменные показания Везе. (Карл Брандт 129, экз. Карл Брандт 105) График обозначающий случаи смерти безумных лиц в клинике Кауфбёрна с 1940 по 1944. (Карл Брандт 123, экз. Карл Брандт 93) График показывает, что во время членства Карла Брандта в комитете Рейха, количество смертей в действительности не превышало такое же в первую мировую войну. Только после его ухода кривая резко выросла.

Проведение экспериментов профессором Макканце на детях непригодных к жизни в военном госпитале Вупперталя, в 1946. (Карл Брандт 93, экз. Карл Брандт 29)

Показания Брака. Согласно ним, согласие родителей обеспечивалось в той или иной форме.

Разрешение. Разрешение давалось для каждого отдельного случая на основе материалов.

Показания Пфанмюллера. О типах детей.

Письменные показания Лессера. (3864-ПС, экз. обв. 367) Отмечалось, что дети находились на низшей стадии идиотии.

Показания Шмидта. Свидетель называет типы заболеваний. Он говорит о том, что консультанты и главные консультанты давали разрешение.

Показания Пфанмюллера. Согласно им, уполномочивающие приказы не гласили о том, чтобы жизнь ребёнка была сокращена, но являлись полномочием для лечения.

Письменные показания Шмидта. (3816-ПС, экз. обв. 370) Свидетель видел много свидетельств о разрешении, все из которых были подписаны Хегенером.

Особое разрешение. Комитет Рейха не давал особых разрешений для взрослых. Подпись Хегенера в отдельных случаях противоречила принятым директивам. Это было произвольное отклонение от распоряжения о прекращении эвтанази.

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Брака

.....

Подсудимые на данном процессе, которые являются докторами, обвинены во вступительной речи генерала Тейлора в совершении жестокостей под маской медицинской науки. Подсудимый Брак не являлся одним из этих докторов. Брак возможно даже не появился бы здесь в качестве военного преступника если бы его начальник Боулер был жив. Брак работал в качестве эксперта в канцелярии фюрера и его сфера работы не имела никакого отношения к медицинским проблемам. Брак также не обвиняется в участии в медицинских экспериментах.

Однако, Брак обвинён в соучастии политике геноцида Третьего Рейха постольку поскольку он участвовал в программе эвтаназии и экспериментах стерилизации, и осознавал их разрушительную задачу.

В приговоре МВТ слово «эвтаназия» или «программа эвтаназии» вообще не используется. Упоминаются только меры которые предпринимались в особых учреждениях для убийства всех пожилых, душевнобольных, и всех тех кто имел неизлечимые заболевания; это включало немецких граждан и зарубежных рабочих, которые были непригодны к работе. В отдельном приговоре о подсудимом Фрике, также, упоминаются только эти меры.

Любая связь или даже возможность такой связи между этими мерами и преследованием евреев, рассматривалась в отдельной главе, в частности с планами разработанными летом 1941 для «окончательного решения еврейского вопроса в Европе, никогда не устанавливалась МВТ, и на неё нет даже намёка.

До 1939 слово «эвтаназия» было неизвестно Браку также как и широким кругам немецкого населения. Это слово изначально означает «искусство» умирать, или встречать смерть со смиренным спокойствием, оставаясь в тайне тех учёных которые интересовались греческим языком.

С течением веков значение данного слова менялось. Сначала оно было выражением попытки врача – исходящей от человеческого сострадания, развиваемой медицинской наукой – по облегчению конца умирающего лица снятием его боли. Но затем, значение слова, и концепция эвтаназии, расширились, и в конце 19-го века оно означало содействие в смерти путём сокращения жизни если жизнь страдающего лица потеряла свою ценность в виду неизбежной и болезненной смерти, или в результате неизлечимого заболевания.

Факт в том, что такого рода эвтаназия применявшаяся по всему миру началась и прослеживалась от Двенадцати таблиц²¹¹ Древнего Рима и эпохи государственного социализма в античности.

Утверждение обвинения о том, что эвтаназия является продуктом национал-социализма и его расовых теорий неопровержимо опровергается историей.

Даже если бы у обвинения было иное мнение, трибунал не может упускать из вида тот факт, что показания Карла Брандта, Брака, Пфанмюллера, Гедериха, Шульце, Грабе, Гертруды Калльмайер и Вальтера Ойгена Шмидта, все независимо сказали о том, что мероприятия начавшиеся согласно воле Гитлера осенью 1939 применялись только к неизлечимым, душевнобольным пациентам, и были приостановлены в 1941. Для этих мер, участники использовали слово и концепцию «эвтаназии» в значении последнего медицинского содействия, оправданного или нет, будет обсуждено позже.

Немаловажно отметить, что слов «программа эвтаназии» впервые появилась в письменных показаниях Брака (НО-426, экз. обв. 160), которые были составлены обвинением после нескольких допросов; Брак тогда находился в состоянии физического и психического истощения, и поэтому не мог ясно осознавать, что он говорил.

---

²¹¹ Законы двенадцати таблиц (451—450 год до н. э.) — кодификация государственного закона от народа (lex publica) в Древнем Риме.

Защита, по соглашению с обвинением, воздержалась от представления экспертного медицинского мнения, но не как говорит обвинение, отказалось его представить.

Я очень глубоко сожалею о том, что обвинение, используя слова «программа эвтаназии» козыряла ими, характеризуя без достаточных доказательств эвтаназию применявшуюся в 1939-1941 для неизлечимо больных как сознательную и умышленную замену других действий по уничтожению, которые стали краеугольными камнями духовных и моральных руин оставленных немецкому народу людьми которые стали безумными.

Если бы обвинение было уверено в своём предположении, оно бы не приобщало столь сомнительные документы, которыми оно пыталось подтвердить в перекрёстном допросе то, что подсудимый Брак участвовал в планировании массового уничтожения евреев.

.....

Как, перед лицом таких недостаточных доказательств, которые противоречат множественным случаям вмешательств за евреев в этот период времени –напомню лишь дела Варбурга и Георгии – и перед лицом заявления Брака под присягой о его отношении к еврейству, обвинение может утверждать, что Брак участвовал в планировании уничтожения евреев? Таким образом, обвинение замкнуло круг инкриминирующий Брака, который оно провело от эвтаназии неизлечимо больных пациентов, акции «14 ф 13» и окончательными мерами по уничтожению евреев.

Я желаю вновь подчеркнуть, что всё, что случилось после остановки в августе 1941 на пути злоупотреблений учреждениями эвтаназии не имело никакого отношения к эвтаназии неизлечимых безумных, которая поддерживалась Браком. Противоположный взгляд был бы единственно подходящим для исторического протокола, который не поддерживается весомостью приговора Международного Военного Трибунала, а просто соответствует предположению, которое в решающих положениях само лишено всякой действительной основы.

.....

г. Документы и показания

**Фрагмент из письменных показаний подсудимого Брака от 14 октября 1946
описывающих административные подробности и процедуры программы
эвтаназии**

.....

Программа эвтаназии

4. Программа эвтаназии были инициирована летом 1939. Гитлер отдал секретный приказ профессору, доктору Карлу Брандту, рейхскомиссару по вопросам медицины и здравоохранения, и тогда же личному врачу фюрера, и Филиппу Боулеру, поручив им ответственность за убийство неспособных к жизни, то есть, согласно милосердной смерти для неизлечимых безумных лиц. Перед принятием секретного приказа, у Боулера было совещание с доктором Брандтом и доктором Леонардо Конти, рейхсгесундхайстфюрером и государственным секретарём министерства внутренних дел. На основе данного приказа Гитлера, Боулер и Брандт должны были отобрать докторов для осуществления данной программы. Постольку поскольку психиатрические больницы и другие учреждения являлись функциями министерства внутренних дел, доктор Герберт Линден стал представителем министерства внутренних дел. Доктор Карл Брандт и Филипп Боулер назначили профессора, доктора Хайде и профессора, доктора Ницше вместе с несколькими другими медиками для помощи в осуществлении программы эвтаназии.

5. Профессор, доктор Карл Брандт был ответственным за медицинскую часть программы эвтаназии. В этом качестве, как показывает подготовленная мной таблица, датированная 12 сентября 1946, доктор Карл Брандт назначил в качестве своих заместителей профессора Хайде и профессора Ницше²¹². Ответственным в административном ведомстве подчинённом Брандту был сначала господин Боне, а позднее господин Аллерс. Трое разных названий использовались в части Брандта для того, чтобы замаскировать деятельность организации. Названия данных организаций следующие:

Ассоциация Рейха – Психиатрические учреждения
Благотворительный фонд по институциональному уходу

---

²¹² Пауль Ницше (1876-1948) – немецкий психиатр. Участник программы эвтаназии, казнён в 1948.

Главная компания по перевозке пациентов

6. Уже на ранних этапах данной программы, доктор Карл Брандт посещал Филиппа Боулера и обсуждал с ним многие подробности данной программы. Фактически, после таких встреч между Брандтом и Боулером, я получал много приказов, чаще от Боулера нежели от Брандта напрямую.

7. В качестве начальника управления II канцелярии Боулера, мне было приказано осуществлять административные детали программы эвтаназии. Моим заместителем был Вернер Бланкенбург, который в конце концов стал моим преемником, то есть, в начале 1942, когда я вступил в Ваффен-СС. Фон Хегенер, Райнх, Форберг и доктор Гевельман являлись сотрудниками моего штаба.

8. В министерстве внутренних дел, доктор Линден, был ответственным за программу эвтаназии и его заместителем был министриальрат Франке. Управление общественного здравоохранения в министерстве внутренних дел имело власть над всеми психиатрическими больницами Рейха, и имело такое положение, моё ведомство также как и ведомство доктора Брандта поддерживали тесный контакт для того, чтобы эффективно сотрудничать в программе эвтаназии.

Процедура

9. По приказу доктора Линдена, директора всех психиатрических больниц в Рейхе должны были составлять анкеты на каждого пациента в своих учреждениях. Эти анкеты были подготовлены Боулером, Хайде, Ницше и другими на нескольких из своих многих совещаний. Анкеты затем были направлены в министерство внутренних дел для рассылки по различным психиатрическим больницам и подобным учреждениям. Теоретически, ведомство доктора Линдена получало анкеты обратно и затем направляло их в административный отдел ведомства доктора Брандта. Программа была настолько проработанной, что фотокопии каждой анкеты должны были направляться четверым экспертам из 10-15 докторов. Я не помню имен всех сотрудников этой комиссии, но доктор Пфанмюллер, доктор Шуман, доктор Фальтльхаузер²¹³ и доктор Ренно свежи в моей памяти в связи с этим. Каждый из этих экспертов указывал, делая определённый комментарий на анкете о том можно или нет перевести пациента в учреждения наблюдения и впоследствии убить. Анкеты затем направлялись старшему эксперту. Согласно правилам, старший эксперт был вправе приказать о переводе, когда за перевод

²¹³ Валентин Фальтльхаузер (1876-1961) – немецкий психиатр. Директор психиатрического учреждения Кауфбёрн в котором умерщвлялись дети. В 1948 был приговорён к тюремному заключению, в 1954 был помилован.

проголосовали все четыре эксперта. Этот старший эксперт также помечал анкету и затем направлял её доктору Линдену который приказывал психиатрической больнице перевести пациента в одно из учреждений наблюдения. Навскидку я могу вспомнить, помимо прочего, названия следующих учреждений наблюдения: Эльфинг-Хаар, Кемптен, Йена, Бух, Арнсберг.

10. В этих учреждениях пациенты наблюдались ответственным доктором период от 1 до 3 месяцев. Врач имел право исключить пациента из программы если он решал, что пациент не является неизлечимым. Если он соглашался с мнением старшего эксперта, пациента переводили в так называемое учреждение эвтаназии. Я могу вспомнить названия учреждений эвтаназии –

Графенек – доктор Шуман.

Бранденбург – доктор Хеннеке

Хартхейм – доктор Ренно.

Зонненштайн – доктор Шмаленбах.

Хадамар – (я не помню руководителя).

Бернбург – доктор Бенке или доктор Бекер.

В этих учреждениях ответственный доктор убивал пациента посредством газа. По моим сведениям, от пятидесяти до шестидесяти тысяч лиц были убиты таким образом с осени 1939 по лето 1941.

11. Приказ, отданный фюрером Брандту и Боулеру являлся секретным. Программа эвтаназии хранилась в максимальной тайне и по этой причине, родственникам убитых лиц в ходе программы никогда не говорили о реальной причине смерти. Свидетельства о смерти выдаваемые родственникам содержали фиктивные причины смерти? такие как сердечная недостаточность. Все лица подвергавшиеся программе эвтаназии не имели возможности решать хотят ли они милосердной смерти, также как и не получалось согласие или несогласие их родственников. Решение находилось на усмотрении докторов. Программа не ограничивалась случаями в которых лицо находилось «при смерти».

12. Главной причиной Гитлера для создания программы эвтаназии в Германии была ликвидация лиц содержащихся в психиатрических больницах и подобных учреждениях которые больше никак не могли использоваться Рейхом. Их считали бесполезными предметами и Гитлер чувствовал, что уничтожая так называемых бесполезных едоков, будет возможно освободить докторов, медбратьев и медсестёр, и другой персонал, госпитальные койки и другие средства для вооруженных сил.

Комитет Рейха по исследованиям наследственных заболеваний и функциональной восприимчивости к тяжёлым заболеваниям

13. Данный комитет, который также являлся функцией программы эвтаназии, являлся организацией по убийству детей которые родились психически неполноценными или уродливыми. Всем врачам ассистирующим при рождении, акушеркам и родильным домам, министерством внутренних дел было приказано докладывать о таких случаях в ведомство доктора Линдена в министерстве внутренних дел. Экспертам в медицинском подразделении ведомства доктора Брандта затем приказывали дать своё мнение по каждому случаю. Фактически, полное дело на каждый случай направлялось в ведомства Боулера и доктора Брандта для того, чтобы получить их мнения и решить судьбу каждого ребёнка. Во многих случаях таких детей должны были оперировать таким образом, чтобы в результате было либо полное восстановление либо смерть. Смерть случалась в большинстве случаев. Программа была введена летом 1939. Боулер рассказывал мне о том, что доктор Линден имел приказы получать согласие родителей на каждого ребёнка. Я не знаю сколько продолжалась эта программа, так как я вступил в Ваффен-СС.

Связь между программой эвтаназии и бригадефюрером СС Глобочником

14. В 1941 я получил устный приказ прекратить программу эвтаназии. Я получил данный приказ от Боулера или от доктора Брандта. Для того, чтобы сохранить персонал, освобожденный от этих обязанностей и иметь возможность начать новую программу эвтаназии, после войны, Боулер попросил, я думаю после совещания с Гиммлером, чтобы я направил этот персонал в Люблин и передал его в распоряжение бригадефюрера СС Глобочника. Тогда у меня сложилось впечатление, что этих людей используют в обширных еврейских трудовых лагерях под руководством Глобочника. Однако, позже, в конце 1942 или начале 1943, я выяснил, что их использовали для содействия массовому уничтожению евреев, о котором уже тогда было известно в высших партийных кругах.

15. Среди докторов, которые ассистировали в программе уничтожения евреев были Эберле и Шуман. Шуман проводил медицинские эксперименты на заключенных Аушвица. Этим людям было бы невозможно принимать участие в таких вещах без личной осведомлённости и согласия Карла Брандта. Приказ об отправке этих людей на Восток мог быть отдан только Гиммлером или Брандтом, возможно через Боулера.

.....

Перевод документа 615-ПС
Экземпляр обвинения 246

**Письмо доктора Хильфриха²¹⁴, епископа Лимбурга, министру юстиции Рейха
от 13 августа 1941 протестующее против убийства душевнобольных людей**

Епископ Лимбурга

Лимбург/Лам, 13 августа 1941

Министру юстиции Рейха
Берлин

Относительно отчёта представленного июля 16 (разд. IV, стр. 6-7) председателем фульдской епископальной конференции, кардиналом, доктором Бертрамом²¹⁵, я считаю своим долгом представить следующее в качестве конкретной иллюстрации уничтожения так называемой «бесполезной жизни».

Приблизительно в 8 километрах от Лимбурга в небольшом городе Хадамар, на холме, видимом из города, есть учреждение, которое ранее служило для различных целей и позднее использовалось в качестве дома престарелых. Данное учреждение было перестроено и подготовлено в качестве места, в котором, по единогласному мнению, месяцами практикуется вышеуказанная эвтаназия – приблизительно с февраля 1941. Конечно, факт известен за административным округом Висбаден, потому что свидетельства о смерти из регистрации Хадамар-Мёнеберга направляются домой. (Мёнеберг это название учреждения, потому что это было францисканский монастырь до секуляризации в 1803)

Несколько раз в неделю в Хадамар прибывают автобусы со значительным количеством таких жертв. Школьники из окрестностей знают эти машины и говорят: «Снова едет душегубка». После прибытия машины, жители Хадамара видят дым идущий из трубы и испытывают муки от постоянно присутствующих мыслей зависящих от направления ветра.

---

²¹⁴ Антон Хильфрих (1873-1947) – епископ Лимбурга римско-католической церкви.

²¹⁵ Адольф Бертрам (1859 — 1945) — немецкий кардинал. Епископ Хильдесхайма с 26 апреля 1906 по 27 мая 1914. Епископ Бреслау с 27 мая 1914 по 13 августа 1930. Архиепископ Бреслау с 13 августа 1930 по 6 июля 1945.

Эффект от принципов такой работы здесь заключается в том, что дети называют имена друг друга и говорят: «Ты сумасшедший; тебя поджарят в Хадамаре». Те кто не хочет жениться, или не имеют возможности говорят: «Жениться, никогда! Привести в мир детей для того, чтобы их засунули в разливочную машину!» Вы услышите как народ говорит: «Не посылайте меня в государственный госпиталь! Когда покончат с умственно отсталыми, следующими бесполезными едоками, чья очередь придет, будут старики».

Все богобоязненные люди считают такое уничтожение беспомощных людей полнейшим произволом. И если кто-нибудь говорит, что Германия не сможет победить в войне, пока есть Бог, эти выражения не являются результатом отсутствия любви к отечеству, но глубокого волнения за наш народ. Население не может принять факт систематически осуществляемых акций в соответствии с параграфом 211 Уголовного кодекса Германии наказуемых смертью. Высшая власть в качестве морального авторитета страдает от сильного шока в результате таких событий. Официальное уведомление о том, что Н.Н. умер от заразного заболевания и поэтому, его тело должно быть сожжено, уже не вызывает доверия, и официальное уведомление такого рода которое больше не вызывает доверия подрывает этическую ценность концепции власти.

Сотрудники секретной государственной полиции, как говорится, пытаются прекратить обсуждение событий в Хадамаре путём серьёзных угроз. В интересах общественного мира, может быть это и хорошо. Но знания, убеждения и презрение населения нельзя этим изменить; убеждение будет возрастать с горьким осознанием того, что дискуссия запрещена угрозами, и при этом сами акции не преследуются согласно уголовного закона.

Вывод.

Наиболее покорно прошу вас, господин министр Рейха, в смысле отчёта епископата от 16 июля сего года, предотвратить дальнейшие нарушения пятой заповеди господи.

[Подписано] Доктор Хильфрих

Я представил копии данного письма министру внутренних дел Рейха и министру Рейха по вопросам церкви.

[Инициалы вышеуказанного]

Частичный перевод документа НО-429
Экземпляр обвинения 281

Фрагмент из письменных показаний подсудимого Ховена от 24 октября 1946 о переводе заключенных из концентрационных лагерей на станции эвтанази для уничтожения

Письменные показания

Я, Вальдемар Ховен, надлежащим образом давший присягу, заявляю:

.....

Перевод заключенных на станцию эвтанази Бернбург для уничтожения

В 1941 мне стало известно о том, что в Германии осуществляется программа эвтанази для уничтожения психически и физически неполноценных людей. Тогда, комендант лагеря Кох вызвал всех важных сотрудников СС лагеря и проинформировал их о том, что он получил секретный приказ Гимmlера в отношении того, чтобы все психически и физически неполноценные заключенные лагеря были убиты. Комендант лагеря заявил о том, что высшие власти из Берлина приказали о том, чтобы всех еврейских заключенных в концентрационном лагере Бухенвальд включили в эту программу уничтожения. В соответствии с этими приказами от 300 до 400 еврейских заключенных различных национальностей были направлены на станцию эвтанази в Бернбурге для уничтожения. Несколько дней спустя, я получил список имен тех евреев кто был уничтожен в Бернбурге от коменданта лагеря и мне было приказано сфальсифицировать свидетельства о смерти. Я выполнил данный приказ. Данная акция осуществлялась под кодовым наименованием «14 ф 13». Я посещал Бернбург по случаю подготовки кремации двух заключенных умерших в подразделении Вернигероде концентрационного лагеря Бухенвальд.

.....

Перевод документа 630-ПС
Экземпляр обвинения 330

Письмо Гитлера Карлу Брандту и Боулеру от 1 сентября 1939, поручающее им осуществление эвтанази

[Бланк: А. ГИТЛЕР]

Берлин, 1 сентября 1939

Рейхсляйтер Боулер и доктор Брандт, д.м.н, наделяются ответственностью за расширение полномочий установленных врачей, указанных поименно, таким образом, чтобы лица, которые согласно гуманному суждению, являющиеся неизлечимыми, при наиболее внимательном диагнозе их состоянию здоровья, получали милосердную смерть.

[Подписано] А. Гитлер

[Рукописная пометка]

Вручено мне Боулером 27 августа 1940

[Подписано] доктор Гюртнер

Частичный перевод документа НО-1135

Экземпляр обвинения 334

Расписка в приёме от 30 августа 1940, перевода психиатрических пациентов с прилагаемым списком перевозимых пациентов

Расписка

В соответствии с решением министерства внутренних дел (управление общественного здравоохранения), датированным 8 января 1940, приказами ассоциации психиатрических учреждений Рейха и ответственного начальника ООО «Главная компания по перевозке больных», я осуществил перевод пациентов, перечисленных в нижеуказанном списке.

Эльфинг, 30 августа 1940

[Подпись неразборчива]

Комиссар ООО «Главная компания по перевозке больных»

Передаточный акт для Нидерхарта

Были переданы –

1. 149 пациентов с собственной одеждой, нижним бельём, деньгами и принадлежностями.

2. 149 папок с личными делами (медицинские карты).
 3. Опись суммы денег каждого пациента. Для этого была выписана квитанция.

4. Список имен.

Эльфинг-Хаар, 30-8-40

[Подписано] Старшая медицинская сестра Лорре Зелль

Перевод документа 1696-ПС

Экземпляр обвинения 357

Письмо доктора Конти в психиатрический госпиталь Кауфбёрна от 16 ноября 1939, запрашивающее, чтобы анкеты (прилагаемые) были заполнены на отдельных пациентов; письмо «Главной компании по перевозке больных» в психиатрический госпиталь Кауфбёрна от 12 мая 1941, заявляющее о том, что компания вывезет психически больных пациентов; отчёт провинциальной ассоциации социального обеспечения Швабии от 6 мая 1941 о том, что все переведённые пациенты умерли; письмо Гаума от 24 ноября 1942 доктору Лейнишу говорящее о том, что эпилептиков следует предоставить для исследований

Министерство внутренних дел Рейха

Берлин, СЗ 40, Кёнигсплац 6, 16 ноября 1939

IV g 4178

/39-5100

Телефон:

Упр. Z, I, II, V, VIII 11 00 27

Упр. II, IV, VI

(Унтер дер Линден 72); 12 00 34

Телег. адрес: Минвнудел

Главе госпиталя для психиатрических заболеваний
 Кауфбёрна
 или его заместителю в Кауфбёрне.

В связи с необходимостью систематизации экономического плана для госпиталей и домов престарелых, я прошу вас заполнить прилагаемые регистрационные формы непосредственно в соответствии с прилагаемой методической брошюрой и вернуть их мне. Если вы сами не являетесь доктором,

регистрационные формы для отдельных пациентов должны быть заполнены надзирающим доктором. Заполнение анкет при возможности, должно производиться машинописно. В столбце «Диагноз» я прошу как можно точной формулировки, также как и краткого описания состояния, при возможности.

Для того, чтобы ускорить работу, регистрационные формы для отдельных пациентов могут пересылаться несколькими частями. Однако, последняя партия, в любом случае должна поступить в министерство как самое позднее к 1 января 1940. Я оставляю за собой право, при возникновении повода, делать дальнейшие официальные запросы на месте через моего представителя.

Исполняя обязанности: доктор Контти

Верно:

(Sd.) [Неразборчиво]

Административный секретарь

Регистрационная форма 1

Машинописно

№ _____

Наименование учреждения: _____

С какого времени: _____

Отчество и христианское имя пациента: _____

При рождении: _____

Дата рождения: _____ Место: _____ Округ: _____

Последнее место жительства: _____

Холост, в браке, вдова, вдовец, разведён: _____

Религия: _____ Раса: _____

Предыдущая профессия: _____ Национальность: _____

Служба в армии, когда? 1914-18 ил с 1-9-39 _____

Военные травмы (даже если нет связи с психическим расстройством) Да/Нет _____

Как военные травмы проявили себя и что они включают _____

Адрес ближайшего родственника: _____

Регулярность посещений и кем (адрес): _____

Опекун или сиделка (имя, адрес): _____

Ответственный за содержание: _____

С какого времени в учреждении: _____

Откуда и когда передан: _____

Болен с: _____
 Если находился других учреждениях, где и когда: _____
 Близнец? Да/Нет _____ Кровное родство со слабоумными: _____
 Диагноз: _____
 Клиническое описание (предшествующая история, течение, состояние; в любом случае полные сведения о психическом состоянии): _____
 Неизлечимое психическое заболевание: Да/Нет (какое): _____
 Шизофрения: Недавний приступ _____ Окончательное состояние _____ Идиот _____
 Эпилепсия: Психиологическое отклонение _____ Средняя частота приступов _____
 Терапия (инсулин, кардиазол, малярия, постоянный результат): _____
 Сальварсан, и т. д., когда) _____
 Признан по причине пар. 51, пар. 42б Уголовного кодекса Германии, и т.д., _____
 Преступление: _____ Предыдущие правонарушения _____
 Способ трудоустройства (подробное описание работы): _____
 Постоянное/временно трудоустройство, независимый рабочий? Да/Нет _____
 Ценность работы (если возможно в сравнении с производительностью здорового лица): _____
 Данное пространство оставлять незаполненным

_____ Место, Дата _____

_____ Подпись главного врача или его представителя
 (доктора которые не являются психиатрами
 или неврологами, пожалуйста указывайте то же самое)

ООО «Главная компания по перевозке больных»

Упр. II/d, Н/К

Берлин, 3.9, 12 мая 1941

Потсдамер плац 1.

Дорогой директор,

По приказу рейсхкомиссара обороны, я должен вывезти психически больных из вашего учреждения и из отделения Иррзее в другое учреждение. Должны быть перевезены всего 140 лиц, 70 к 4 июня и 70 к 5 июня. Настоящим, направляю вам транспортные накладные № 8, 9, 10 и 11 в трёх экземплярах.

Дополнительные имена в списках запланированы при возможном недостатке (выписанные, умершие, и т.д).

Пометку пациентов наиболее подходящим образом следует проводить путём клеящей ленты, на которой имена пишутся несмываемым карандашом, приклеенной между лопатками. В то же время имя должно располагаться на предметах одежды.

Медицинские карты и госпитальные отчёты должны быть подготовлены к перевозке и передаче нашему директору по перевозкам, господину Кюпперу; то же самое с, личными принадлежностями пациентов, такими как деньги и ценности.

Я прилагаю карточки об имуществе и карточки о плательщике издержек, которые должны быть аккуратно заполнены и переданы ко времени перевозки. Деньги и ценные вещи, кроме отмеченных в карточках об имуществе, также должны учитываться в особых специальных списках (в дубликate).

Перевозка пройдёт:

4 июня 8:46 из Кауфбёрна – 70 пациентов

5 июня 8:46 из Кауфбёрна – 70 пациентов

Наш директор по перевозкам, господи Кюппер, посетит вас заранее для обсуждения с вами дальнейших подробностей.

Далее я прошу вас обеспечить пациентов продовольствием (2-3 куса хлеба с маслом и банка кофе).

Хайль Гитлер!

(Sd) [Неразборчиво]

ООО «Главная компания по перевозке больных»

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ШВАБИЯ

Адрес: Аугсбург 1, п/я регинрунгспрезидент

Тел. №. 5842

Казначейский отдел: правительство

Казначейский отдел Аугсбурга.

Почтовый ящик: Мюнхен № 1624

Директор, доктор Фальтльхаузер,
из госпиталя Кауфбёрна

Ваша ссылка: 2080. Ваше письмо от 13 ноября 1940.

Наша ссылка:
(всегда должна
быть ссылка на)

II-B-7-2
Аугсбург, 6 мая 1941

О переводе пациентов

С почтением информирую вас о том, что все пациенты женщины переведённые из вашего учреждения 8 ноября 1940 в учреждения Графенека, Бернбурга, Зонненштайна и Хартхейма умерли в ноябре прошлого года.

[Подпись] [Неразборчиво]

Приложения:

Копия

№ 5255 с 39

Министерство внутренних дел

Мюнхен, 24 ноября 1942
Директору из
госпиталя Кауфбёрна
Обермедицинрату
Доктору Фальтльхаузеру

Главному врачу, доктору В. Лейнишу
Гюнцбург

На письмо от 13-11-1942

Дорогой доктор,

В своём письме от 13-11-1942 вы попросили меня направить подходящих эпилептиков для проведения вашей исследовательской работы. У меня была возможность обсудить это с обермедициратом, доктором Фальтльхаузером и доктором Пфанмюллером. Оба готовы предоставить вам подходящих пациентов. По различным причинам в основном должны быть выбраны пациенты из учреждения Кауфбёрна. Если у данного учреждения не имеется подходящего материала, я согласен перевести из Эльфинг-Хаара пациентов в Гюнцбург для вашей исследовательской работы. Я прошу о том, чтобы вы связались с доктором Фальтльхаузером.

Хайль Гитлер!
[Подписано] Гаум

Частичный перевод документа 3896-ПС
Экземпляр обвинения 372

Фрагмент из письменных показаний доктора Людвиг Шпройера от 23 апреля 1946 об организации программы эвтаназии

Письменные показания

Я, доктор Людвиг Шпройер, родившийся 19 октября 1884, проживающий в Констанце, Баден, Залманнсвейльгассе 2, под присягой делаю следующее заявление:

Я сдал свой государственный экзамен по медицине во Фрайбурге в 1907 и с 1919 нахожусь на действительной гражданской службе. В течение последующих 14 лет я работал в качестве окружного врача в Штокахе, Оберкирхе, Констанце. Я вступил в НСДАП в 1933. С 1934 до 1944 я являлся высшим медицинским сотрудником Бадена и имел ранг министральрата. Моим вышестоящим начальником являлся министр внутренних дел Рейха, доктор Фрик. В качестве подчинённого Фрика я несколько раз ездил, возможно каждые 2-3 месяца в Берлин, для участия в дискуссиях, совещаниях и т.д., в министерстве внутренних дел Рейха.

Они проходили в министерстве внутренних дел Рейха в Берлине, Унтерден-Линден 72-74; позднее в ведомстве министерства внутренних дел Рейха на Фоссштрассе. По одному такому случаю в Берлине, доктор Линден, министральдирингент в министерстве внутренних дел Рейха, заявил о том, что было запланировано ввести закон об эвтаназии. По военно-политическим причинам для создания большего пространства, должны были устранить неизлечимых

психически больных. Освободившееся таким образом психиатрические больницы, отчасти испрашивались СС для использования в качестве национально-политических воспитательных учреждений.

Была создана транспортная компания для осуществления всех этих мер. Данная компания работала рука об руку с так называемым комитетом Рейха по исследованиям наследственных отклонений. Этот концерн Рейха управлялся министром-альтернативным Фрика, доктором Линденом.

В ходе этих мероприятий с 1941 по 1944, тысячи лиц переводились из психиатрических больниц Бадена в такие места как Хадамар, Графенек, и т. д., и там убивались. Однако, убийства, не касались только психически больных. В ходе той же самой кампании, предпринимались шаги по приказу министерства внутренних дел Рейха по уничтожению особо пожилых, но также и молодых людей которые болели.

Лица убитые в ходе данной программы включали не только психически больных, но также и тех кто страдал от атеросклероза, туберкулёза, рака и других заболеваний. Большинство из них были старыми людьми, которые являлись пациентами общественных учреждений за счёт государства, и которые в уважительном обществе получали бы уход за счёт общественных фондов. Этих людей доставляли из общественных психиатрических больниц Бадена в Хадамар, Графенек и другие психиатрические больницы и там убивались. Каким образом их убивали, я не знаю. Таким образом создавалось пространство в учреждениях для вооруженных сил и национал-социалистических воспитательных учреждений.

Вся программа маскировалась для внешнего мира и изготавливались фальшивые свидетельства о смерти.

.....
Частичный перевод документа НО-520
Экземпляр обвинения 374

Письмо начальника учреждения для умственно отсталых в Штеттене доктору Франку от 6 сентября 1940, запрашивающее о том, чтобы эвтаназия проводилась только после создания правовой основы

Л.Шляйх, Штеттен и. Р.
Начальник учреждения
для умственно отсталых и эпилептиков

Штеттен, и. Р., 6 сентября 1940

Министру юстиции, доктору Франку
Берлин

Дорогой министр Рейха,

В настоящее время мероприятия, проводимые с психически больными пациентами всех видов привели к полному отсутствию доверия к юстиции среди крупных групп людей. Без согласия родственников или опекунов, таких пациентов переводят в различные учреждения. Спустя короткое время их уведомляют о том, что данные лица умерли от некоторого заболевания. В виду избытка уведомлений о смерти, люди убеждаются в том, что от больных людей избавляются.

Так как из учреждения под моим руководством всего 150 из пациентов доверенных мне должны быть переведены в такое учреждение (75 к 10-му и 75 к 13-му сентября) я, пользуясь случаем спрашиваю: возможно такая мера осуществляется без надлежащего закона? Разве не является долгом любого гражданина при любых обстоятельствах сопротивляться действиям не обоснованным законом, даже запрещенным законом, даже если такие действия совершаются государственными службами?

В связи с полной секретностью и маскировкой при которых осуществляются мероприятия, не только обширные слухи циркулируют в народе (например о том, что от людей непригодных к работе из-за возраста или травм полученных во время первой мировой войны также должны избавляться), но это выглядит так, как если бы отбор лиц проводился совершенно произвольным образом.

Если бы государство действительно хотело осуществить уничтожение таких или по крайней мере некоторых психически больных, не должен ли быть принят закон, который бы оправдывал перед народом – закон который бы давал каждому гарантию внимательного изучения того, должен ли он умереть или вправе жить и который также даст родственникам шанс быть услышанным, похожим образом, как предусмотрено законом по предотвращению наследственно отягощённого размножения?

В отношении пациентов доверенных для ухода в наших учреждениях в будущем, я молю о том, чтобы было сделано всё возможное для приостановки осуществления данной меры до разъяснения чёткой юридической ситуации.

Хайль Гитлер!
[Подписано] Шляйх

Я направил копию данного письма этим же письмом начальнику рейхсканцелярии, министру Рейха, доктору Ламмерсу.

Перевод документа НО-060
Экземпляр обвинения 377

**Записка Зеллера²¹⁶ от 6 декабря 1940, описывающая метод отбора для
эвтанази**

Предмет: Психиатрические учреждения

Следующее представлено для вашего личного сведения. Пожалуйста, уничтожьте данную бумагу после прочтения.

Так как некоторое время пациенты психиатрических учреждений посещались комиссией, с функциями по приказам из некоего очень высокого ведомства. Задачей комиссии является выявление пациентов которых должны отобрать для перевозки в некие другие учреждения. Комиссия основывает своё решение на материалах учреждения. Пациентов которых переводят, затем вновь обследуют в учреждении обозначенном комиссией и затем принимается решение о том следует ли освободить их от страданий.

Само тело кремируется и прах передаётся родственникам. Небольшие ошибки в уведомлении естественно всегда могут случаться, и в будущем невозможно избежать их. Сама комиссия стремится избегать всяких ошибок. Я могу предоставить вам дальнейшую информацию, но я хочу воздержаться от этого и прошу вас заглянуть ко мне, во время посещения гауляйтерства.

Мне кажется, что мы, национал-социалисты можем приветствовать данную акцию, которая является чрезвычайно серьёзной для отдельного лица. Поэтому, я прошу вас, возражать всем слухам и болтовне со всей твёрдостью представив нашу точку зрения в отношении данных вопросов.

Нюрнберг, 6 декабря 1940

Хайль Гитлер!

[Подписано] Зеллер
Гауштабсамтляйтер

[Штамп]

---

²¹⁶ Гейнрих Зеллер (1907-1989) – немецкий деятель НСДАП. Сотрудник оккупационной администрации Нидерландов в 1940-1945. В 1949 осуждён судом Нидерландов на к пяти годам заключения.

Национал-социалистическая немецкая рабочая партия
гау Франкония

Перевод документа НО-018
Экземпляр обвинения 404

**Письмо Гиммлера Браку от 19 декабря 1940 запрашивающее о том, чтобы
станция эвтаназии Графенек была ликвидирована и для устранения слухов
был показан фильм**

Совершенно секретно

19 декабря 1940

Штандартенфюрер СС Виктор Брак
Руководитель штаба рейхсляйтера Боулера
Берлин 3 8

Дорогой Брак,

Я слышу о том, что существует большое волнение в Альбе, из-за учреждения Графенек.

Население узнаёт серые автомобили СС и думает, что ему известно, о том, что происходит в постоянно дымящем крематории. То, что происходит там ни для кого больше не секрет. Таким образом, там возникают наихудшие чувства, и, по моему мнению, остаётся только одна вещь, прекратить использование учреждения в данном месте и в любом случае распространить информацию разумным и чувствительным образом показав фильмы о предмете наследственных и психических заболеваний в этой местности.

Могу я попросить отчёта о том, как решена эта сложная проблема?

Хайль Гитлер!

[Инициалы] Г[енрих] Г[иммлер]

Перевод документа НО-842
Экземпляр обвинения 405

Письмо Брака доктору Шлегельбергеру от 18 апреля 1941, пересылающее формы для эвтаназии и предлагающее, чтобы свидетельства о смерти не следовали стереотипной форме

Виктор Брак Обердинстляйтер

Берлин, 18 апреля 1941

[Штамп]

21 [Карандашом]

26 апреля 1941

Упр: [Неразборчиво]

[Рукописно] Гг.

Строго конфиденциально

Мой дорогой партийный товарищ, доктор Шлегельбергер,

[Рукописно] Совершенно секретно

По согласованию, я направляю вам настоящий сборник, с формами необходимыми для вашего ознакомления и частичной медицинской подготовки; также ещё один сборник с формами для дальнейшего церковного взаимодействия возникающего при смерти пациента. Однако материалы являются секретными, и я буду благодарен если вы сохраните их под замком. Конечно, больше вещей необходимо, для надлежащей фиксации и административной рутины, но мне не кажется, что они представляют для вас какой-либо интерес. Сюда относятся, например, уведомления о смерти для родственников пациента. Их следует вести по-разному согласно округу и типу родственников; они должны часто изменяться, избегая стереотипных текстов и поэтому типовое письмо только раздражает. Я хочу обратить ваше внимание в особенности на карточки № 12 и 14. У них на обратной стороне вы найдёте список органов подлежащих информированию.

При осмотре материалов, которые вы передали в моё распоряжение, обнаружил некоторые подробности, которые должны быть разъяснены и урегулированы; я был бы благодарен если бы вы так сделали. Поэтому, я перешлю их вам по отдельности в понедельник или вторник следующей недели.

Хайль Гитлер!

С уважением ваш,

[Подписано] Брак

Частичный перевод документа НО-158

Экземпляр обвинения 410

**Письмо Хирше, управляющего психиатрическим учреждением Бернбург
коменданту концентрационного лагеря Гросс-Розен от 19 марта 1942 со
списком заключенных переведённых из концентрационного лагеря в Бернбург**

Психиатрическое учреждение, Бернбург
Ссылка: В е. vH.

Бернбург, 19 марта 1942
Ящик 266

Консультация только по назначению

Коменданту	[Штамп]
Концентрационного лагеря	Концентрационный лагерь Гросс-Розен
Гросс-Розен	Администрация
	Получено: 23 марта 1942
	Инициалы [Неразборчивы]

Зарегистрировано

Предмет: Транспорт от 19 марта 1942

В приложении находится список заключенных лагеря, которые прибыли сюда 19 марта 1942 из вашего концентрационного лагеря.

Хайль Гитлер!
[Подпись] Хирше

1 приложение

Список заключенных лагеря, переведённых 19 марта 1942 из концентрационного
лагеря Гросс-Розен Бернбург

139/K1. 19-3-1942

Бернбург (Гросс-Розен)
[Подписано] Штейнгардт
[Подписано] Потцингер
Доктор Штайнмайер
[Подписано] Потцингер
[Подписано] Хирше

1942

26746.. 10423.. Бир, Рудольф..... Кёльн

- 2.11.1901... разведён 19.3.
 26747.. 10424.. Бекерс, Герм..... Гамбург
 18.9.1923.... холост 19.3.
 26748.. 10444.. Байгельман, Исаак..... Ченстохов
 4.8.1909.... холост 19.3.
 26749.. 10412.. Коэн, Артур Изр..... Дельвиг-Вестх.
 15.8.1908....холост 19.3
 26750.. 10468.. Экхаус, Герм.....Берлин С 2,
 1.12.1922....холост 19.3. 1942
 26751.. 10395.. Эдель, Герш. Изр..... Накель
 30.5.1914....холост 19.3.
 26752...10440.. Эйснер, Отто..... Бохчиц
 26.4.1910...разведён 19.3.
 26753.. 10439.. Флейшнер, Рих..... Колин/Эльба
 20.12.1902...женат 19.3.
 26754.. 10438.. Фрид Ганс, Изр.....Будвейс
 8.3.1919...холост 19.3.
 26755.. 10450.. Хаазе, Зигфрид.....Шёнеланке
 3.8.1920...холост 19.3.
 26756..10436..Хаузер, Макс.....Кастель
 15.12.1908...холост 19.3.
 26757...10394..Хехт, Яков, Изр.....Гамбург-Альтона
 18.10.1896...холост 19.3.
 26758.. 10410..Любнички, Яков.....Вупперталь/Эльберф
 28.6.1918...холост 19.3.
 26759.. 10409...Маркузе, Эзриель.....Варшава
 14.3.1897...вдовец 19.3.
 26760.. 10470..Нахманн, Эрих.....Ульм/Д.
 6.10.1907...женат 19.3.
 26761..10406..Поллак, Хейнр.....Лемберг
 30.9.1904...женат 19.3.
 26762.. 10517..Пуфе, Отто.....Остернбург
 16.3.1917...холост 19.3.
 26763..10421..Розенбаум, Отто Изр.....Мюльхейм/Рур
 2.6.1894...холост 19.3.
 26764..10486..Робалевски, Лев.....Кл. Тальпен
 15.12.1915...холост 19.3.
 26766..10595..Розе, Рейнгольд.....Кохлена

- 26766.. 10579.. Рекель, Йозеф..... Тарнов
10.1.1909...холост 19.3.
- 26767..10405..Рубичек, Карл.....Хоровице/Бёмен
10.1.1909...холост 19.3.
- 26768.. 10577..Рвазки, Владислаус.....Кшивишток
16.6.1906...холост 19.3.
- 26769..10509..Рост, Ганс Виль.....Апольда/Веймар
19.6.1919...холост 19.3.
- 26770..10606..Шюнесманн, Виль.....Виттенберге
15.7.1920...холост 19.3.
- 26771.. 10576.. Сератак, Виктор.....Штазов
23.8.1892....вдовец 19.3.
- 26772...10575..Шмыглевски, Стансилаус....Колонеж
5.3.1909...женат 19.3.
- 26773.. 10425..Зоммер, Артур Изр.....Франкфурт/М.
25.10.1918..холост 19.3.
- 26774..10578..Сикорски, Станислав.....Люблин
4.12.1900...холост 19.3.
- 26775..10488..Зоммер, Венцель.....Лицманштадт
27.1.1923...холост 19.3.
- 26776..10404..Зейтманн, Симон.....Варшава
7.8.1907...женат 19.3.
- 26777.. 10594..Сарбах, Хайнц.....Эрфурт
1942
- 26778.. 10483..Шрофф, Карл.....Релинген/Баден
28.4.1921....холост 19.3.
- 26779.. 10484..Шиллинг, Авг.....Раке/Вольхау
11.6.1910...холост 19.3.
- 26780.. 10516..Шулер, Манфред Рихард.....Зоннеберг/Тюр
9.3.1896...холост 19.3.
- 26781.. 10487..Шмидт, Йоханн.....Нюрнберг
17.9.2...холост 19.3.
- 26782.. 10426..Шиндлер, Эрнст Изр.....Зандхофен/Манн.
8.4.1900...холост 19.3.
- 26783.. 10427..Шпира, Альфред.....Вена,
7.6.1906...холост 19.3.
- 26784.. 10454..Штерн, Зудик.....Рознятов
20.11.1908...холост 19.3.

		28.9.1908...женат 19.3.
26785.. 10485..Штука, Владимир.....	Мэр. Штернберг	8.2.1907...женат 19.3.
26786.. 10453..Вайнбергер, Эрих Изр.....	Вена	16.6.1916...холост 19.3.
26787.. 10452..Вайзз, Игнац.....	Мункатеш/Унгарн	30.6.1914...холост 19.3.
26788.. 10503..Валезак, Теофил.....	Хохенсальца	19.4.1907...холост 19.3.
26789.. 10512..Вельзер, Карл.....	Пильграм/Прот.	10.11.1918...холост 19.3.
26790.. 10505..Вальчук, Йозеф.....	Боков	24.2.1908...женат 19.3.
26791.. 10461..Вутковски, Вилли Макс.....	Грауденц	16.4. 1902...разведён 19.3.
26792.. 10506..Возничка, Игнац.....	Кадьяк	8.7.1916...холост 19.3.
26793.. 10504..Вазоловски, Мариан.....	Маркштадт	29.11.1909...холост 19.3.
26794.. 10507..Вендоловски, Йозеф.....	Варшава	7.1.1912...холост 19.3.
26795.. 10604..Вольф, Карл.....	Гед	10.5.1912...холост 19.3.
26796..10595..Збитневски, Зимунт.....	Чекарчовиче	1.1.1910...холост 19.3.
26797.. 10592..Збитневски, Ждислав.....	Чекаровиче	2.3.1910...женат 19.3.
26798.. 10502..Зуховски, Фелике.....	Литцендорф/В.	2.8.18...женат 19.3.
26799.. 10565..Циммерман, Вилли.....	Дортмунд	10.2.1917...холост 19.3.
26800.. 10521..Ждибик, Владислаус.....	Боровница	25.4.1915...холост 19.3.
26801.. 10480..Жилке, Карл.....	Бутов	4.2.1904...женат 19.3.
26802.. 10422..Бирнберг, Маркус.....	Коломеа	

5.10.03...разведён 19.3.

Частичный перевод документа НО-907
Экземпляр обвинения 412

Фрагмент из письма доктора Фрица Меннеке своей жене от 25 ноября 1941, о его деятельности в качестве врача отбиравшего заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд для эвтаназии

Письмо № 8

Веймар, 25 ноября 1941
Отель «Элефант»
20 часов 58 минут

Завтра в 7 часов утра нас разбудят. Приблизительно в 8 часов у нас будет кофе и затем мы поедим на машине Шмаленбаха, но он сам вскоре уедет в Дрезден. В четверг и пятницу в Пирне будет встреча в связи с акцией на которой будут обсуждаться будущие проблемы и в которой Шмаленбах примет участие как медицинский адъютант господина Брака. Никаких экспертов присутствовать не будет... Первый рабочий день в Бухенвальде закончился. В 8:30 утра мы были там. Вначале я представил себя полномочным руководителем. Заместитель коменданта лагеря это гауптштурмфюрер СС Флорштедт; лагерный врач это оберштурмфюрер СС, доктор Ховен. Сначала, должны быть закончены ещё 40 отчётов о первой партии арийцев. Двое других коллег уже работали с этим вчера. Из этих 40 я обработал около 15. После обработки всей этой партии, Шмаленбах отбыл в Дрезден. Он не вернётся пока работа не будет выполнена. После этого, проводилось «обследование» пациентов, т.е., представление отдельных лиц и сравнение с записями из материалов. Мы не закончим эту работу до полудня, потому что двое других коллег работали вчера только с теорией, таким образом я должен «перепроверить» тех кого Шмаленбах (и я сам этим утром) подготовили и Мюллер обработал этих людей. В 12 часов мы прервались на обед...

Затем, мы продолжили наше обследование до 4 часов. Я сам осмотрел 105 пациентов, Мюллер 78 пациентов, поэтому всего 183 отчёта уже готовы в первой группе. Так как последовала вторая группа всего из 1200 евреев, все из которых не требуют «обследования», но достаточно рассмотреть причины для их ареста из материалов дел (часто очень объёмных!) и перенести их в отчёт. Поэтому, это просто теоретическая работа, которая точно займёт нас до понедельника

включительно, возможно даже дольше. С этой второй группой (евреи), мы закончили сегодня. Я сам сделал 17, и Мюллер 15. Точно в 5 часов: «мы бросили это дело» и пошли на ужин...

Именно так, как день описанный выше, пройдут следующие дни – с точно такой же программой и такой же работой. После евреев, ещё 300 арийцев последовали как третья группа, которая снова должна быть «обследована». Поэтому, мы занимались этим до конца следующей недели. Затем в субботу, 6 декабря, мы поедem домой.

.....

Перевод документа НО-1007
Экземпляр обвинения 413

**Циркуляр Глюкса комендантам концентрационных лагерей от 27 апреля 1943
говорящий о том, что в будущем только безумных заключенных следует
использовать для акции «14 ф 13» (Эвтаназия)**

Главное административно-хозяйственное управление СС
Начальник управления D концентрационные лагеря
D I/1 Дело №: 14 ф 13/L/S. –
Секретный журнал № 612/43

Ораниенбург, 27 апреля 1943

Предмет: Акция «14 ф 13» в концентрационных лагерях
На: Наш приказ – D I/1 Дело №: 14 ф 13/Ot/S. – секретный дневник № 32/43 от 15 января 43.
Приложение: нет.

[Штамп]
Совершенно секретно
.....-ая копия

Комендантам концентрационных лагерей
Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Флоссенбург,
Нойенгам, Аушвиц, Гросс-Розен, Нацвейлер, Штуттхоф, Равенсбрюк, Рига,
Герцогенбуш, Люблин и Берген-Бельзен.

Копия: начальнику управления D II, III.

Рейхсфюрер СС и глава германской полиции распорядился о том, чтобы в будущем для акции «14 ф 13» медицинскими комиссиями назначенными для данной цели отбирались только безумные заключенные.

Все остальные заключенные непригодные к работе (лица страдающие от туберкулёза, лежащие инвалиды и т.д.) определено исключаются из данной акции. Лежачим заключенным предоставляется подходящая работа, которую можно выполнять в кровати.

Приказ рейхсфюрера СС должен строго соблюдаться в будущем.

Запросы бензина для данной задачи следовательно должны быть прекращены.

[Подписано] Глюкс
 Бригадефюрер СС и генерал-майор Ваффен-СС

Перевод документа НО-891
 Экземпляр обвинения 414

**Директива министра внутренних дел Рейха от 6 сентября 1944 приказывающая
 о распространении эвтаназии на безумных восточных рабочих**

Министр внутренних дел Рейха

Берлин, 6 сентября 1944

g 9255/44

- а. Рейхсштатгальтерам.
- б. Оберпрезидентам.
- в. Окружным президентам.
- г. Полицай-президенту Берлина.
- д. Обербургомистру столицы Рейха Берлин.

На: Психически больные восточные рабочие и поляки – циркулярное распоряжение министра внутренних дел Рейха от – А g 9255/44-5100-.

1. Из-за значительного количества восточных рабочих и поляков доставленных в Германский Рейха для трудоустройства, поступление психически больных из них в немецкие психиатрические больницы постоянно растёт. Целью такого направления в любом случае должно быть наибо́льшее восстановление способности к работе. Таким образом средства современной терапии также должны

применяться к этим психически больным людям. Но в силу недостатка места в немецких учреждениях не может быть оправдания для пациентов, которые считаются неизлечимыми и поэтому, непригодными к работе в разумно короткое время, оставаясь постоянно или длительное время в немецких учреждениях. Для того, чтобы избежать этого, приказано следующее:

2. В следующем списке я ввожу для каждого округа в Рейхе коллективный список для неизлечимо больных, психически больных восточных рабочих и поляков. Их следует направлять в такие учреждения при возможности немедленно. Если это невозможно из-за чрезвычайности или транспортных трудностей, данное учреждение должно доставлять своих восточных или польских пациентов в сборное учреждение в соответствующем округе за один месяц как наибольшее. Не требуется осуществлять вывоз если пациент считается способным покинуть учреждение в рамках 6 недели как самое позднее.

3. Задачей сборных учреждений является решение о том можно ли рассматривать восстановление работоспособности в рамках разумного периода времени.

4. Расходы с даты регистрации в сборном учреждении принимаются главой центрального финансового расчётного управления санаториев в Линце/Верхнем Дунае, п/я 324, который должен немедленно быть проинформирован о таких поступлениях. Установленный уровень общего класса будет оплачиваться учреждениями. О восточных рабочих и поляках уже собранных в сборных учреждениях должны немедленно докладывать в центральное расчётное управление. Расходы за таких пациентов переводятся с 1 октября 1944 центральному расчётному управлению.

5. Спустя 4 недели, как самое позднее, регистрация в сборных учреждениях короткий отчёт с прогнозом заболевания и вопросом трудоспособности должен быть направлен главе центрального финансово-расчётного управления. Задачей данного ведомства является руководство перевозкой пациентов из сборных учреждений в ближайшие специальные психиатрические больницы в своём округе.

6. Только тех людей следует рассматривать в качестве поляков, которых доставили в Рейх для трудоустройства. Данное распоряжение не применяется к местному польскому населению.

7. Руководители психиатрических учреждений в округах, и т.д., должны информировать своих вышестоящих чиновников и руководителей социального обеспечения и частные учреждения свои высшие административные органы. Настоящим прилагаются требуемые копии.

Список сборных учреждений

1. Для Восточной Пруссии, Данцига и Западной Пруссии и Вартеланда: Психиатрическое учреждение Тигенхоф.
2. Для Верхней и Нижней Силезии и Судетенгау: психиатрическое учреждение Любен.
3. Для Померании, Мекленбурга, Курмарка и Берлина: психиатрическое учреждение Ландсберг-Варте.
4. Для Шлезвиг-Гольштейна и Гамбурга: психиатрическое учреждение Шлезвиг.
5. Для Бремена, Везер-Эмса, Ганновера-Восток, Ганновера-Юг и Брюнсвика: психиатрическое учреждение Люнебург.
6. Для провинций Рейна, Вестфалии и Липпе: психиатрическое учреждение Бонн.
7. Для Бадена, Вестмарка, Вюртемберга и Гогенцоллерна: психиатрическое учреждение Шуссенрид.
8. Для Баварии: психиатрическое учреждение Кауфбёрн.
9. Для Курзее, Нассау и Ланд Гессе: психиатрическое учреждение Хадамар.
10. Для Тюрингии и провинции Саксония, Ангальт: психиатрическое учреждение Пфаффенроде.
11. Для округов Альпы и Дунай: психиатрическое учреждение Мауэр-Элинг.

По приказу:

Висбаден, 11 сентября 1944
Ландесхаус

11а Одна копия в окружное психиатрическое учреждение Эйхберг.

С просьбой принять к сведению и принять меры.

По приказу:

Ландесрат

Частичный перевод документа 1553-ПС
Экземпляр обвинения 428

**Фрагмент из полевого допроса Курта Герштейна от 26 апреля 1945,
описывающий массовую газацию евреев и иных «нежелательных»**

Показания Курта Герштейна

.....

Услышать об истреблении идиотов и безумных людей в Графенеке, Хадамаре и т. д., шокировало и сильно меня потрясло, при том, что такая болезнь была в моей семье. У меня было единственное желание – получить сведения о механизме в целом и затем прокричать о нём на весь мир! С помощью двух рекомендаций написанных двумя сотрудниками Гестапо, которые занимались моим делом, мне было не сложно вступить в Ваффен-СС.

С марта 10 по июнь 2, 1941, мне были даны начальные инструкции как солдату в Гамбурге-Лангехорне, Арнеме и Ораниенбурге, совместно с 40 докторами. Из-за своего двойственного образования – технологии и медицины – мне было приказано вступить в медико-технологическое отделение главного оперативного управления СС - медицинское управление Ваффен-СС – управление Д, отделение гигиены. В рамках данного отдела, я выбрал себе работу непосредственного конструирования дезинфекционной аппаратуры и фильтров для питьевой воды для войск, тюремных лагерей и концентрационных лагерей. Мои близкие сведения о промышленности позволили мне быстро добиться успеха, там где не получилось у моих предшественников. Таким образом, было возможно снизить смертность заключенных. Из-за своих успехов, я вскоре стал лейтенантом. В декабре 1941 трибунал который распорядился о моём исключении из НСДАП получил сведения о моём вступлении в Ваффен-СС. Значительные усилия предпринимались для моего увольнения и преследования, но из-за моих успехов, меня объявили честным и незаменимым.

В январе 1942 я был назначен начальником технологического отдела по дезинфекции, который также включал отдел занимавшийся сильными газами для дезинфекции. 8 июня 1942 штурмбаннфюрер СС Гюнтнер из РСХА вошёл в мой кабинет. На нём была гражданская одежда и я его не знал. Он приказал мне получить сотню килограммов карболовой кислоты и сопроводить его в место известное только водителю грузовика. Мы выехали на марганцевую фабрику возле Коллина (Прага). Сразу после разгрузки грузовика, мы поехали в Люблин (Польша). Мы взяли с нами профессора Пфанненштеля, профессора гигиены в университете Марбурга на Лане. В Люблине, нас принял группенфюрер СС Глобочник. Он сказал

нам: «Это один из самых секретных вопросов которые есть, даже самый секретный. Любой кто проболтается будет расстрелян. Вчера умерли двое болтунов». Затем он объяснил нам, что в настоящий момент – 17 августа 1942 – было три установки:

1. Белжец, на дороге Люблин-Львов, в секторе русской демаркационной линии. Максимум 15000 лиц в день. Видел!
2. Собибор I, я не знаю точно где он располагался. Не видел. 20000 лиц в день.
3. Треблинка, 120 километров ССВ от Варшавы. 25000 лиц в день. Видел !
4. Майданек, рядом с Люблином. Видел – в состоянии подготовки.

Затем Глобочник сказал: «Вы должны стерилизовать очень большое количество одежды, 10 или 20 раз, собранную одежду и текстиль, что подготовлено для того, чтобы согласовать источник этой еврейской, польской, чешской и другой одежды. Вашими остальными обязанностями будет изменение методов наших газовых камер (которые в настоящее время работают с удушающим газом на старом дизельном двигателе), используя более отравляющий материал, имеющий скорейший эффект: карболовую кислоту. Но фюрер и Гиммлер, которые находились там в августе, 15, позавчера, приказали о том, чтобы я лично сопровождал тех кто должен был осматривать эти установки.

Затем профессор Пффаннштель спросил: «Что скажет фюрер?» Тогда Глобочник, сейчас начальник полиции и СС, от Адриатической Ривьеры до Триеста, ответил: «Живее, живее!» Исполняйте программу!» И тогда, доктор Герберт Линден, министриальдиректор министерства внутренних дел сказал: «Но не будет ли лучше сжигать тела вместо их захоронения? Следующее поколение может по-другому думать об этих делах?...Глобочник ответил: «Но, господа, если после такого, вырастет трусливое и гнилое поколение, которое не поймет, что наша работа была хорошей и необходимой, тогда, господа, весь национал-социализм ничего не стоит. Наоборот, бронзовые плакаты должны висеть с описанием того, что мы, те кто имели отвагу добиться этой гигантской задачи. И Гитлер сказал: «Да, мой хороший Глобочник, такие слова, и моё мнение тоже».

На следующий день мы поехали в Белжец, небольшую специальную станцию из двух платформ напротив холма из жёлтого песка, непосредственно к северу от дороги Люблин-Львов и железной дороги. На юге возле дороги были какие-то служебные здания и вывеска: «Белжец, служебный центр Ваффен-СС» Глобочник представил меня гауптштурмфюреру СС Обермайеру из Пирмазенса, который с большой сдержанностью показал мне установки. В тот день мёртвых не

было видно, но запах по всему району, даже с главной дороги, был отвратительным. Следом за небольшой станцией был большой барак обозначенный «Раздевалка» и дверь обозначенная «Ценности». Следом за этим, камера с сотней «парикмахерских» кресел. Затем был коридор, 150 метров длинной, на открытом воздухе и колючей проволокой с обеих сторон. Там был плакат: «Ванны и ингаляция!» Перед собой мы увидели дом, похожий на баню, с бетонными клумбами справа и слева с геранями или другими цветами. После подъёма по небольшой лестнице, мы зашли в 3 комнаты похожих на гараж на каждой стороне, 4*5 метров в размере и 1.90 метра высотой. В конце были укрепленные деревянные двери. На потолке была звезда Давида сделанная из меди. На входе в здание была надпись: «Фонд Хекенхолт». Это всё, что я заметил в тот вечер.

На следующее утро, за несколько минут до 7, меня проинформировали о том, что через 10 минут прибудет первый поезд. И на самом деле, несколько минут спустя, прибыл первый поезд из Лемберга; 45 вагонов, содержащих 6700 лиц, 1450 из которых уже умерли к прибытию. За маленькими, покрытыми колючей проволокой окошками были дети, жёлтые, напуганные до смерти, женщины и мужчины. Поезд остановился; 200 украинцев, принужденных делать эту работу, открыли двери и выгнали людей из вагонов кожаными плётками. Затем, через громкоговоритель, им были даны инструкции полностью раздеться и передать вставные челюсти и очки – некоторым в бараках, другим прямо на открытом воздухе. Туфли должны были быть связаны вместе небольшим кусочком веревки который давал каждому маленький еврейский мальчик 4-х летнего возраста; все ценности и деньги должны были сдаваться в окно отмеченное «ценности», без квитанции. Затем женщины и девушки должны были идти к парикмахеру который состригал их волосы одним или двумя движениями, после чего их бросали в большие картофельные мешки «для использования для специального подводного снаряжения, матов, и т.д.», так говорил мне ответственный унтерштурмфюрер СС.

Затем начинался марш. Справа и слева колючая проволока; сзади два десятка украинцев с оружием. Ведомые молодой девушкой поразительной красоты они подошли. С капитаном полиции Виртом, я стоял прямо перед камерами смерти. Полностью голые, они вошли, мужчины, женщины, девушки, дети, младенцы, даже одноногие лица, все голые. В одном углу, сильный эсэсовец говорил беднягам громким голосом: «С вами вообще ничего не случится. Все вы должны глубоко вдыхать; это укрепляет лёгкие. Эта ингаляция, необходимая мера против заразных заболеваний; это очень хорошая дезинфекция!» На вопрос, что с ними будет, он отвечал: «Ну, конечно мужчины должны работать, строить улицы и дома. Но женщины не будут. Если они пожелают они могут помогать по дому или кухне».

Ещё раз, небольшой надежды для этих бедных людей, было достаточно, чтобы маршировать без сопротивления в камеры смерти. Большинство из них, при этом, знали всё, запах давал явное указание на их судьбу. И затем они поднимались по небольшой лестнице – и замирала картина: матери с младенцами на груди, голые, много детей всех возрастов, тоже голых; они мешкали, но они входили в газовые камеры, большинство из них, безмолвно, подталкиваемые теми кто был позади, подгоняемые плетьюм эсэсовцев. Еврейка около 40 лет, с глазами как факелы, обвиняла в крови своих детей убийц. Пять ударов по лицу, плёткой самого капитана полиции Вирта, загоняют её в газовую камеру. Многие из них шепчут свои молитвы; остальные спрашивают: «Кто даст нам воду для нашей смерти?» В камерах, эсэсовцы сгоняют людей друг к другу; капитан Вирт приказывает: «Набивайте полностью» Голые мужчины стоят на ногах остальных. 700-800 сдавлены друг другом на площади 25 квадратных метра, на 45 кубических метрах! Двери закрываются!

В это же время остальной транспорт, голый, ожидает. Кто-то говорит мне: «Голые, зимой! Пойдёт, чтобы убить их!» Ответом было: «Ну, они здесь именно для этого!» И в этот момент я понял почему это называется фонд Хекенхольт. Хекенхольт был человеком ответственным за дизельный двигатель, удушающие газы которого должны были убить этих бедняг. Унтершарфюрер СС Хекенхольт попытался запустить дизельный двигатель, но он не работает! Капитан Вирт приходит с ним. Было очевидно, что он боится, потому что я был свидетелем поломки. Да, именно так, я видел, всё и ждал. Все регистрировалось моим секундомером. 50 минут – 70 минут – дизельный двигатель не работает! Люди, ожидающие в своих газовых камерах – в прострации. Можно слышать их плач. «Прямо как в синагоге» - говорит штурмбаннфюрер СС, доктор Пфанненштель, профессор общественного здравоохранения в университете Марбурга/Лане, прижавшийся ухом к деревянной двери! Капитан Вирт, в ярости, разбирается с украинцем который помогал Хекенхольту, 11 или 12 ударов плетью в лицо. После 2 часов и 49 минут – как зарегистрировал мой секундомер – заработал дизельный двигатель. До этого момента люди в четырёх уже заполненных камерах были живы – 4 раза по 750 лиц в 4 раза по 45 кубических метров! Ещё 25 минут прошли. Многие люди, это правда, умерли к этому времени. Можно видеть это через маленькое окошко когда электрическая лампа освещает на секунду то, что внутри камеры. Спустя 28 минут живы несколько. Спустя 32 минуты мертвы все! С другой стороны, еврейские рабочие открывают деревянные двери. В связи с их ужасной работой, им обещали свободу и небольшой процент ценностей и найдённых денег. Мертвые всё ещё стоят как каменные статуи, так как нет места, чтобы упасть. Хотя

и мёртвые, можно узнать семьи, их руки сжаты. Сложно разделить их для того, чтобы освободить камеру для следующей партии. Тела посиневшие, мокрые от пота и мочи, ноги покрыты экскрементами и менструальной кровью. Повсюду среди прочих, тела детей и младенцев. Но нет времени! – два десятка рабочих заняты проверкой ртов, открывая их железными клещами – «Золото слева, золото справа!» Остальные проверяют анус и гениталии в поисках денег, бриллиантов, золота, и т.д. Дантисты со щипцами вырывают золотые зубы, мосты или коронки. В центре всего капитан Вирт. Он здесь в родной стихии. Он передал мне горсть полную золотых зубов и сказал: «Оцените вес золота!» Это единственные с позавчера! И вы не поверите, что мы находим здесь каждый день! Доллары, бриллианты, золото! Посмотрите сами!» Затем он повёл меня к ювелиру, который был ответственным за эти ценности. После того, как меня привели к одному из управляющих большого магазина, Кауфхаус дес Вестенс, Берлин, и маленькому человеку который играл на скрипке. Оба являлись начальниками еврейских рабочих подразделений. «Он является капитаном королевской и имперской австрийской армии, и имеет немецкий крест 1-го класса», мне это сказал гауптштурмфюрер Обермайер.

Тела затем были брошены в большие рвы около 100*200*12 метров расположенные возле газовых камер. Спустя несколько дней тела запахли и всё содержимое ямы выросло на 2-3 метра выше из-за газов внутри тел. Спустя ещё несколько дней запах прекратился и тела распались. На следующий день ямы снова заполнили, и засыпали 10 сантиметрами песка. Немного позднее, я слышал, они построили жаровни из рельс и сожгли в них тела с дизелем и бензином, для того, чтобы они исчезли. В Белжеце и Треблинке никто не волновался о том, чтобы установить точное количество убитых. В действительности, не только евреи, но и много поляков и чехов, которые по мнению нацистов, находились в плохом состоянии, убили. Большинство из них умерли безвестно. Комиссии так называемых докторов, были не чем иным как молодыми эсэсовцами в белых халатах, ездили в лимузинах по городам и деревням Польши и Чехословакии для отбора, старых, туберкулёзных и больных людей и избавлялись от них в газовых камерах. Они были поляками и чехами категории № III, которые не заслуживали жить, потому что не могли работать. Капитан полиции Вирт, попросил меня не предлагать газовую камеру другого типа в Берлине, а оставить всё как есть. Я солгал – как я делал каждый раз, всё время – и сказал о том, что карболовая кислота уже испортилась в грузе и стала очень опасной, и поэтому я был обязан захоронить её. Это было сделано сразу же. На следующий день, машина капитана Вирта отвезла нас в Треблинку, приблизительно 75 километров на ССВ от Варшавы. Установки этого центра смерти мало отличались от Белжеца, но они были крупнее. Там было восемь

газовых камер и горы одежды и нижнего белья высотой 35-40 метров. Затем был банкет в нашу «честь», в присутствии всех сотрудников учреждения. Оберштурмбаннфюрер, профессор Пфанненштель, профессор гигиены университета Марбург/Ланн произнёс речь: «Ваша задача является огромны долгом, долгом полезным и необходимым». Для меня одного он говорил об этом учреждении в терминах «красоты задачи»; «гуманной идеи; и говоря перед ними всеми, он сказал: «Глядя на тела этих евреев, можно понять величие нашей работы!»

.....

Перевод документа НО-365
Экземпляр обвинения 507

**Неподписанный проект письма доктора Ветцеля Розенбергу от 25 октября 1941
касающегося сотрудничества Брака при строительстве газовых камер для
уничтожения евреев**

«Черновик» [карандашная пометка]

Министерство Рейха по делам оккупированных территорий
Референт AGR доктор Ветцель

Берлин, 25 октября 1941

Секретно

На: Решение еврейского вопроса.

Рейхскомиссару по Востоку

На: Ваш отчёт от 4 октября 1941 о решении еврейского вопроса.

Ссылаясь на моё письмо от 18 октября 1941, вы проинформировали о том, что обердинстляйтер Брак из канцелярии фюрера заявил о своей готовности сотрудничать при производстве необходимых хранилищ также как и газационной аппаратуры. В настоящее время, данная аппаратура в достаточном количестве не находится в наличии у Рейха; сначала она должна быть произведена. Так как по мнению Брака производство аппаратуры в Рейхе вызовет больше сложностей нежели производство на месте, Брак считает наиболее уместным направить своих людей непосредственно в Ригу, в частности своего химика доктора Кальмайер, который сделает всё там. Обердинстляйтер Брак отмечает, что данный процесс опасен, поэтому необходимы специальные защитные мероприятия. В таких

обстоятельствах, я прошу вас обратиться к обердинстляйтеру Браку, в канцелярию фюрера, через вашего высшего руководителя СС и полиции, и прошу направить химика, доктора Калльмайера, для дальнейшей помощи. Я обращаю внимание на факт, что штурмбаннфюрер Эйхманн, референт по еврейским вопросам в РСХА, согласен с данным процессом. По информации от штурмбаннфюрера Эйхмана, в Риге и Минске должны быть созданы лагеря для евреев в которые можно направить евреев из старого Рейха. В настоящее время, евреев депортируемых из старого Рейха должны направлять в Лицманштадт, но также и в другие лагеря, для последующей работы на Востоке, до тех пор пока они пригодны для работы.

С учётом настоящего положения дел, не имеется возражений против устранения тех евреев которые не пригодны к работе – средством Брака. При таком способе, случайности больше не будет возможными, такие как расстрел евреев в Вильно, которые, учитывая то, что расстрелы были публичными, вряд ли были оправданы. Пригодные к работе, с другой стороны, будут перевозиться на Восток для трудовой службы. Самочевидно, что среди евреев пригодных к работе, мужчин и женщин следует содержать раздельно.

Я прошу уведомить меня относительно ваших дальнейших шагов.

«N.d.H.M.»

[Лёгкая карандашная пометка, означающая копию для министра]

«Wet 25/10» [чернилами]

Частичный перевод документа Карл Брандт 18

Экземпляр защиты Карла Брандта 15

Фрагменты из письменных показаний доктора Вернера Кирхерта от 29 января 1947 заявляющие о том, что Карл Брандт не участвовал в программе эвтаназии

.....

В качестве бывшего медицинского офицера Ваффен-СС, у меня была клиническая командировка в качестве медицинского ассистента в университетской клинике Шарите в Берлине. В сентябре 1939 главный врач СС, доктор Гравиц вызвал меня и попросил подготовить список немецких психиатрических учреждений для лунатиков и количество пациентов в них, основываясь на данных медицинского календаря Рейха. Причиной, как мне сказали, был тот факт, что из-за эвакуации зоны Западного вала²¹⁷, пациентов должны были перевести в другие психиатрические больницы. После завершения составления списка и его передачи, Гравиц направил меня к доктору Гевельману в канцелярию фюрера. Там я узнал о том, что в действительности это был вопрос эвтаназии безумных и что перевод был лишь предлогом. Мне было указано на то, что это был прямой приказ фюрера и что рейхслайтер Боулер был проинструктирован исполнять его.

.....

Вначале, упоминались три учреждения в различных частях Германии. Безумных людей, которые попадали в эту программу должны были отбирать и Хайде, главный эксперт, оставлял за собой окончательное решение. Всё основывалось строго на медицинских взглядах и отбирались только такие лица, которые в психиатрическом смысле назывались неизлечимо больными.

.....

В течение всех переговоров именами которые упоминались как лица принимавшие участие были Гравиц, Гевельман, Хайде, Бланкенбург, Брак и Боулер. Ни единого слова не говорилось о докторе Карле Брандте. Тогда всё ещё находилось на начальных этапах.

Позднее проблема возникла снова, когда я являлся главой отдела при рейхсгесундхайтсфюрере докторе Конти; это был конец лета 1941, когда пришёл приказ фюрера о том, что эвтаназия должна быть остановлена. Но и там никогда не упоминалось имя профессора, доктора Карла Брандта.

.....

---

²¹⁷ Западный вал или Западная стена (нем. Westwall), среди противников Германии также известен как «Линия Зигфрида» (нем. Siegfriedstellung) — система немецких долговременных укреплений, возведённых в 1936—1940 годах на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля — немецкая линия обороны на суше.

Перевод документа Карл Брандт 19
Экземпляр защиты Карла Брандта 16

**Письменные показания Альфреда Рюггеберга от 23 января 1947 о
радиодискуссиях об эвтаназии**

Мне, Альфреду Рюггебергу, владельцу фабрики в Мариенхейде, удостоверяющим нотариусом было сказано о том, что я подлежу ответственности за дачу под присягой ложных показаний.

Я заявляю под присягой, что моё заявление является правдой и сделано для предоставления в качестве доказательства военному трибуналу I, в дворце правосудия в Нюрнберге, Германия:

Летом 1945 я слушал передачи ВВС²¹⁸ из Англии, которая была интервью между английским радиокomentатором (насколько я помню это было господин Роберт Грэхам) и пастором фон Бодельшвингом из Бетеля.

В ходе данного интервью пастор фон Бодельшвинге отметил, что ряд лет назад, место занимаемое радиокomentатором занимали профессор Брандт и господин Боулер, которые по приказам Гитлера, обсуждали вопросы эвтаназии.

На вопрос комментатора, пастор фон Бодельшвинг сказал почти буквально – в любом случае в таком отношении – следующее:

«Вы не должны изображать профессора Брандта как преступника, но скорее как идеалиста».

Радиобеседа оставила у меня впечатление о том, что пастор Бодельшвинг не соглашался с характером деятельности профессора Брандта, при этом имея благоприятное мнение о его человеческих качествах.

Гуммерсбах, 23 января 1947.

[Подписано] Альфред Рюггеберг

Перевод документа Карл Брандт 23
Экземпляр защиты Карла Брандта 19

**Письменные показания Эдуарда Вюрманна от 18 января 1947 о дискуссиях
Карла Брандта и пастора Бодельшвинга об эвтаназии**

²¹⁸ Би-Би-Си, ВВС (от англ. British Broadcasting Corporation — Британская вещательная корпорация, Би-би-си) — британская общенациональная общественная телерадиовещательная организация.

Директор учреждения Бетель
Упр. Бетель – отдел

Бетель, возле Бильфильда, 18 января 1947

Письменные показания

Я, нижеподписавшийся пастор Эдуард Вюрманн в Бетеле возле Бильфельда, проинформирован о том, что я подлежу ответственности за дачу под присягой ложных показаний. Настоящим я подтверждаю следующее:

Директор учреждений Бодельшвинга в Бетеле возле Бильфельда, пастор д. Фридрих фон Бодельшвинг, который умер 4 января 1946, имел несколько дискуссий с профессором, доктором Карлом Брандтом по вопросу «удаления из жизни не пригодного к жизни», в феврале 1941 и во время последующих месяцев. Пастор д. Бодельшвинг сообщал об этом очень отрывочно в самом узком кругу сотрудников, к которому относился и я.

Тогда он подчёркивал, что –

1. При том, что у них были фундаментально противоположные взгляды на эти меры, он видел желание профессора, доктора Брандта слышать возражения.

2. Профессор, доктор Брандт говорил о «полностью исчерпанной жизни», в то время как другие показатели этих мер основывались на формуле «неизлечимые» или «безнадёжные».

3. Профессор, доктор Брандт знал об ошибочности этих мер, и его побудила действовать, не жестокость, а некий идеализм, которые был неотъемлем в его жизненной концепции.

Я даю разрешение для предоставления в качестве доказательства данного заявления международному военному трибуналу I в дворце юстиции в Нюрнберге.

[Подписано] Эдуард Вюрманн

Перевод документа Покорни 19
Экземпляр защиты Покорни 27

**Письменные показания доктора Гельмута Веезе от 19 марта 1947 об
использовании диффенбахии сегвина для стерилизации**

Я, нижеподписавшийся, профессор, доктор Гельмут Веезе, житель Вупперталя-Эльберфельда, заранее предупреждён об ответственности за дачу ложных письменных показаний. Я заявляю под присягой, что моё заявление является правдой и было сделано для предоставления в качестве доказательства военному трибуналу I в дворце юстиции Нюрнберга, Германия.

Когда мне ставят вопрос, можно ли полагать, что доктор, после изучения монографии Г. Мадауса и Фр. Э. Коха: «Изучение экспериментов на животных», посвященной вопросу медикаментозной стерилизации (путём диффенбахии сегвина), журнал по общей экспериментальной медицине, том. 109, стр. 68, 1941, сможет убедиться в том, что человека можно стерилизовать диффенбахией сегвина, я говорю на это следующее:

В вышеуказанном исследовании отмечалось, что авторы добились стерилизации крыс путём их кормления экстрактом диффенбахии сегвина. Это подтвердилось в экспериментах по спариванию, также как и анатомическими исследованиями. Для того, чтобы вызвать такую стерилизацию как самок так и самцов крыс, ежедневные дозы по $\frac{1}{2}$ мл для каждой крысы весом 150-180 грамм должны были вводиться 30-50 раз и 40-90 раз ежедневно, соответственно, без точных успешных результатов. Применяя это к мужчине весом 70 килограмм, это бы означало введение 200 грамм экстракта ежедневно.

Исследования обильно показывают, что значительное количество обработанных животных погибло от отравляющего эффекта диффенбахии сегвина. Следовательно, экстракт не имеет никакого специфического эффекта на репродуктивную систему. Всё еще полностью неизвестно были ли эти вторичные эффекты из-за экстракта или некоего рода сопутствующих ингредиентов.

Такие типы неспецифичных травм репродуктивной системы известны как вызываемые у мужчин в похожем виде также и другими веществами, например, чрезмерным злоупотреблением никотина, морфина и похожего, однако, они также проявляются только вместе с наиболее тяжким поражением остальных функций.

Прежде всего любой доктор встаёт перед вопросом о том применимы ли эти эксперименты на крысах, к мужчинам. Мадаус и Кох отвергали это с самого начала, потому что для них это был просто вопрос определения может ли народная медицинская практика сделать мужчину импотентом путём введения значительных количеств экстракта диффенбахии как подтверждаемую экспериментами на животных.

Предварительным требованием для введения экстракта диффенбахии людям в наших странах будет выращивание в Центральной Европе диффенбахии

сегвина, среда обитания которой это тропическая Южная Америка. Это кажется крайне невероятным даже для умеренно опытных учёных. Даже если бы выращивание было успешным, неизвестно означало бы это выращивание, в нашей умеренной зоне, настолько же эффективных веществ в достаточных количествах.

Из-за неспецифического эффекта экстракта диффенбахии, её угрожающее отравляющее качество, при сомнении о том, можно ли её выращивать и использовать в нашей умеренной зоне, я считаю крайне невероятным, что даже доктор со средним образованием попытается убедиться в стерилизации людей экстрактом диффенбахии на основе работ Мадауса и Коха. Убедительные документы по данной проблеме иные чем работа Мадауса и Коха мне неизвестны.

Вупперталь-Эльберфельд

19 марта 1947

[Подписано] Профессор, доктор Гельмут Веезе

Фрагменты допроса свидетеля, доктора Меннеке обвинением

.....
Макхэни: Доктор, все отбывавшиеся заключенные концентрационных лагерей были психически больными?

Меннеке: Нет.

Макхэни: Пожалуйста, поясните свой ответ.

Меннеке: Под психическим расстройством понимается заболевание, которое выражается в характерном вмешательстве в психическую деятельность. Я не описываю их, а просто называю их характеристику. Вот, что мы имеем в виду под психическим заболеванием. Такое состояние не было преобладающим в большинстве случаев среди заключенных концентрационных лагерей.

Макхэни: Каких-либо заключенных отбирали лишь по той причине, что они не могли работать?

Меннеке: Это возможно.

Макхэни: Отбывавшиеся люди имели заболевания иные чем психические, такие как туберкулёз?

Меннеке: Да. Таких людей также включали.

.....
Макхэни: Доктор Меннеке, последний вопрос. Вы хотите рассказать трибуналу, что вы теперь чувствуете в связи со своим участием в программе «эвтаназии»?

Меннеке: Да. Я хочу кое-что сказать об этом предмете. Я глубоко сожалею о факте, что я был втянут в эту программу в 1940. После краха, когда вся степень уничтожения людей стала известна обществу – и мне, впервые – мне стыдно за то, что я принимал хоть какое-то участие в данной программе (при этом, у меня была подчинённая должность), и мне всё ещё стыдно. Вот, что я должен сказать.

Макхэни: Спасибо, доктор Меннеке. У меня больше нет вопросов.

Фрагменты допроса подсудимого Брака трибуналом

Себринг: Свидетель, когда взрослых лиц отбирали для эвтаназии и направляли транспортом на станции эвтаназии для этой цели, каким методом предоставлялась милосердная смерть?

Брак: Пациенты приезжали в учреждение эвтаназии после завершения письменных формальностей – мне не нужно снова повторять эти формальности, это были психиатрический осмотр, сравнение дел, и т.д. Затем пациентов вводил в газовую камеру и убивал доктор с помощью углекислого газа (СО).

Себринг: Откуда брали этот углекислый газ, каким процессом?

Брак: Он находился в газовом баллоне, похожем на стальной кислородный баллон, такой который используется при сварке – полый стальной баллон.

Себринг: И этих людей помещали в камеру группами, я полагаю, и затем углекислый газ вводился в камеры?

Брак: Наверное, мне лучше описать это немного подробнее. Основным требованием было то, чтобы убийство не только было безболезненным, но и неосознанным. По этой причине, фотографирование пациентов, которое проводилось только по научным причинам, проводилось перед тем как они входили в камеру и пациенты так полностью отвлекались. Затем они входили в газовую камеру, о которой им говорили, что это душевая. Они были в группах по 20 или 30. Проводил газацию ответственный доктор.

Себринг: Вы когда-либо присутствовали в процессе предоставления этим людям милосердной смерти?

Брак: Да. Я должен был присутствовать, потому что Боулер хотел отчёта о том делаются ли вещи в соответствии с его приказами и в уважительной, а не жестокой манере.

Себринг: И вы узнали из инспекции и свидетельства этих церемоний, о том, что их проводят в соответствии с приказами Боулера, в уважительной и безболезненной манере?

Брак: Да. Но позвольте мне сказать, что я уже был убеждён в том, что метод был безболезненным. И я также понимал, что при таком методе пациент не понимает, что его убивают. Там были лавочки и стулья в камере. Спустя несколько минут после впуска газа, пациент становился сонливым и усталым и умирал спустя несколько минут. Они просто хотели спать даже не зная о том, что засыпают, и это являлось наиболее существенным требованием.

Себринг: Когда вы впервые стали свидетелем одной из таких процедур?

Брак: Впервые по поводу эксперимента на четырёх таких пациентах. Я думаю это был декабрь 1939 или январь 1940. Я знаю, что тогда был снег. Вот почему я помню эти месяцы. Боулер, Конти и я не знаю кто ещё был там, были несколько докторов наблюдавших за этим впервые. На основе эксперимента Гитлер решил о том, чтобы для убийства пациентов использовался только углекислый газ.

Себринг: А теперь, до того или после этого времени вы испытывали те или иные газы или другие средства совершения эвтаназии на этих людях?

Брак: Нет, мы – и это означает организацию Боулера – никогда не использовали никакой другой газ или другие средства.

Себринг: Вы считали углекислый газ довольно удовлетворительным, поэтому никогда не пробовали другие средства?

Брак: Да. Можно так сказать.

Себринг: Итак, где были эти четыре человека удостоенные милосердной смерти в декабре, 1939 или 1940?

Брак: Это была первая станции эвтаназии в Бранденбурге.

Себринг: И кто был подопытными, которых использовали для экспериментов?

Брак: Это были неизлечимые, психически больные лица.

Себринг: Вам известно из какого учреждения они поступили?

Брак: Нет. Не знаю.

Себринг: Это были мужчины или женщины?

Брак: Мужчины.

Себринг: Все мужчины. Какой был их возраст, они были молодыми, средних лет, или пожилыми мужчинами; как вы их классифицируете?

Брак: Я не помню.

Себринг: Что вы можете сказать в отношении их национальности; вам об этом, что-либо известно?

Брак: Они должны были быть немцами, они не могли быть никем кроме немцев, потому что согласно правилам только немецких дефективных лиц использовали для эвтаназии.

Себринг: И вы сказали там был Гитлер?

Брак: Нет. Гитлера там не было, там был Боулер.

Себринг: Боулер?

Брак: Там был Боулер, там был Конти, и мне кажется Брандт.

Себринг: Карл Брандт?

Брак: Да, Карл Брандт.

Себринг: Вы помните там кого-либо из остальных подсудимых?

Брак: Никого из подсудимых там не было, кроме меня.

Себринг: Что же, вы помните о том, что вы, Боулер, Конти и Карл Брандт были там; теперь вы помните, что там был кто-нибудь из других господ?

Брак: Да. Я сказал, что там были некоторые доктора, но никого из подсудимых здесь.

Себринг: Возможно, доктор Пфанмюллер?

Брак: Нет. Доктора Пфанмюллера там точно не было. Они должны были быть докторами из Берлина.

Себринг: Когда после декабря 1939 или января 1940 вы снова видели процедуру эвтаназии?

Брак: Я должен сказать, что в течение 1940 во всех учреждениях эвтаназии существовавших в то время, я лично убедился по разу или двум в том, что эвтаназия проводится правильно. Но я думаю, что вспоминаю, что учреждение Хадамар было создано только в 1941 и в том году я не видел проведения эвтаназии, потому, что учреждение Хадамар было тогда же закрыто.

Себринг: Учреждение в Хадамаре, я думаю вы говорили о пяти других станциях?

Брак: Да. Всего было шесть.

Себринг: Значит в течение 1940, вы сами убедились в том, что каждая из пяти станций при одном, двух или возможно большем посещениях, что процедура приказанная Боулером осуществлялась в гуманной манере, в безболезненной манере при помощи углекислого газа?

Брак: Совершенно невосприимчиво.

Себринг: И, кто был людьми – позвольте так выразиться – первый раз в Бранденбурге было четверо человек, все мужчины?

Брак: Да.

Себринг: Итак, вы можете вспомнить по своим последующим визитам в 1940 на остальные станции эвтаназии, кто там был, мужчины или женщины?

Брак: По-разному, иногда мужчины иногда женщины.

Себринг: И что вы скажете об их национальности?

Брак: Я могу сказать лишь то, что они были немцами, потому что я совершенно убеждён в том, что правила Боулера, которые основывались на приказе Гитлера, а

именно о том, чтобы никаким иностранцам не предоставляли эвтаназии, строго соблюдались всеми учреждениями эвтаназии.

Себринг: Свидетель, где находились эти станции?

Брак: Я не понял, что вы имеете в виду, где они были?

Себринг: В какой части Германии или в какой части Польши, или в какой части Чехословакии, в какой части Протектората Богемии-Моравии, в какой части Дании, в какой части Голландии, в какой части Франции, и в какой части Европы размещались эти станции?

Брак: Теперь я правильно вас понял. Первая была в Бранденбурге на Гавеле по соседству с Берлином в 70 или 80 километрах. Следующим было учреждение Графенек, оно было в Вюртемберге. Ещё одним учреждением было Зонненштайн и оно было рядом с Пирной у Дрездена. Было учреждение Хартхейм, возле Линца на Дунае в Австрии. Затем было учреждение Бернбург на реке Заале рядом с Дессау. Учреждение Хадамар в Гессе.

Себринг: Какие-нибудь из этих станций располагались на части Польши оккупированной немцами при военной оккупации?

Брак: Нет.

Себринг: И шесть станций, которые вы сейчас назвали, все были станциями известными вам, как существовавшие; было всего шесть?

Брак: Были только эти, да.

Себринг: Свидетель, вы можете приблизительно указать население Германии каким оно было в 1939 году или в 1940? Это было почти пятьдесят или шестьдесят миллионов человек?

Брак: Нет, грубо восемьдесят, восемьдесят пять миллионов.

Себринг: Сейчас, когда вы говорите от восьмидесяти до восьмидесяти пяти миллионов, вы включаете весь Германский Рейх, включая Австрию и Судеты?

Брак: Австрию и Судеты, но не оккупированную территорию.

Себринг: И вы грубо оцениваете их в восемьдесят пять миллионов человек?

Брак: Да.

Себринг: Из этих восьмидесяти пяти миллионов, сколько евреев жило в Германии тогда, которые были немецкими гражданами?

Брак: Может быть два или три миллиона.

Себринг: Вы сейчас говорите о великогерманском Рейхе, включая Австрию и Судеты?

Брак: Да.

Себринг: Вы оцениваете их между двумя или тремя миллионами немецких граждан?

Брак: Грубо, да.

Себринг: Итак, при двух или трёх миллионах немецких евреев растворенных в немецком населении из восьмидесяти-пяти миллионов людей которые являлись немецкими гражданами, поясните, если хотите, трибуналу, почему немецких евреев исключили из программы эвтаназии, если вы говорите о том, что это была благотворная программа предоставляющая людям привилегию милосердной смерти отнимая у них жалкое существование; почему немецких евреев не включили в эту программу?

Брак: Я уже говорил об этом. Как это объяснял Боулер, благо эвтаназии должно было дароваться только немцам.

Себринг: Я это понимаю, но я думал вы сказали, что тогда их было от двух до трёх миллионов в Германии, немецких граждан которые были евреями?

Брак: Да, это так.

Себринг: Почему же их не включили в программу, если привилегия программы распространялась на всех немцев?

Брак: Возможно причина находится в том факте, что правительство не хотело совершать такой филантропический акт по отношению к евреям.

Себринг: Оно хотело даровать такой филантропический акт всем арийским немцам, но не хотело даровать его немецким евреям, и оно не хотело даровать такой филантропический акт немецким солдатам первой войны, которые получили психические увечья из-за своих военных ранений. Правильно?

Брак: Как я уже говорил, это было большим противоречием в этой процедуре и мы часто протестовали. Однако, это определялось соображениями военного и психологического характера.

Себринг: Спасибо.

.....

Себринг: Свидетель, я думаю вы вчера вечером сказали о том, что эти шесть станций эвтаназии размещались в Бернбурге, Бранденбурге, Хадамаре, Хартхейме, Графенеке и Зонненштайне, это правильно?

Брак: Да, это правильно.

Себринг: Когда были построены газовые камеры на этих станциях эвтаназии?

Брак: При создании станций эвтаназии.

Себринг: Вы можете вспомнить приблизительные даты?

Брак: Нет. Я не могу вспомнить даты. Я только знаю, годы, когда учреждения стали станциями эвтаназии – приблизительно я знаю, что Графенек и Бранденбург были

первыми учреждениями ставшими учреждениями эвтаназии. Это началось в конце 1939 как самое раннее, начале 1940 как самое позднее. В начале лета или весной. Учреждение в Бернбурге было создано осенью или зимой 1940, Хадамар, зимой или весной 1941. Настолько точно я могу привести это.

Себринг: Вы сказали зимой или весной 1941. Вы имеете в виду зиму 1940 или весну 1941? Вы сказали зима или весна 1941.

Брак: Если я говорю зима 41-го, я имею в виду январь 41-го, но мог быть и март, я не знаю.

Себринг: И вы думаете, что Хадамар был создан последним?

Брак: Я уверен в том, что Хадамар был последним.

Себринг: Итак, из каких материалов были построены эти газовые камеры? Это были передвижные газовые камеры, похожие на барокамеры о которых говорил профессор, доктор Руфф, или они были чем-то капитальным вроде строившихся в лагере или установкой?

Брак: Не строилось никаких специальных газовых камер. Использовалась подходящая комната в госпитале, требуемая комната примыкала к приёмной и комнате в которых содержали психически больных лиц. Эта комната была приспособлена под газовую камеру. Она запечатывалась, имела специальные двери и окна и затем прокладывалось несколько метров газовой трубы, или нечто вроде трубы с дырками в ней. Снаружи комнаты был баллон, баллон сжатого газа с необходимой аппаратурой, то есть клапанами давления и т.д.

Себринг: Итак, какое ведомство было ответственным за сборку или строительство этих газовых камер, какое ведомство партии или правительства?

Брак: Никакое ведомство партии. Я не понял вопрос.

Себринг: Кто-то должен был строить эти камеры. Кто отдавал приказы и кто был ответственным за их постройку, это было ваше ведомство?

Брак: Я полагаю приказы отдавал глава учреждения, но не знаю кто действительно отдавал приказы.

Себринг: Другими словами, эти камеры не строились согласно некоторым спецификациям, планам и спецификациям?

Брак: Я не могу этого представить, каждая камера отличалась. Я видел их несколько.

Себринг: Вам известно ведомство отдавшее приказ о постройке камер? Это было ваше ведомство подчинённое Боулеру?

Брак: Нет. Это был сам Боулер.

Себринг: И он отдал приказ различным главам учреждений установить эту камеру, правильно?

Брак: Да.

Себринг: Итак, как бы главы таких учреждений знали о том как устанавливать газовые камеры если бы не было неких планов и спецификаций?

Брак: Я никогда не видел никаких таких планов. Я ни о каких не знаю.

Себринг: Вы бы знали о том, как запустить и построить газовую камеру если бы инженер или техник не сказал вам? Я бы точно нет.

Брак: Я тоже не знаю. Возможно он назывался инженером.

Себринг: Это то, что пытаюсь сказать. Некий инженер или группа инженеров были ответственными за наблюдением за строительством этих газовых камер, и поэтому предполагается, что они должны были делать эту работу?

Брак: Точно не было никакой группы инженеров. Я предполагаю были кто-то в учреждениях, у кого было достаточно технической способности сделать это. Я не знаю.

Себринг: Тогда, насколько вам известно, кому-то в одном из этих учреждений Боулер должен был сказать собрать газовую камеру и он бы, называемый – главой учреждения, тогда бы вызвал кого-то, вы не знаете кого, для того, чтобы пойти и построить камеру? Это правильно?

Брак: Так я это представляю.

Себринг: Что же, была существенная разница в том строилась ли камера с углекислым газом или другими средствами? Была ли доступна главе учреждения некая техническая информация для того, чтобы он мог дать указания своему механику построить вещь, такой какой она должна была быть?

Брак: Я должен честно сказать, что ничего не знаю об этом. Я не могу судить.

Себринг: Вам известно или нет о каком-либо ведомстве правительства, подчинённом Боулеру или Брандту, или кому-либо ещё, ответственном за надзор за тем, чтобы газовая аппаратура работала правильно?

Брак: Я не знаю, но мне так не кажется, потому что я бы услышал об этом.

Себринг: Какими по-размеру были газовые камеры?

Брак: Они были разного размера. Это была просто комната ожидания. Я не могу вспомнить была ли она 4*5 метра, или 5*6 метра. Просто комнаты обычного размера, но я не могу сказать о точном размере. Это было давно. Я не могу вспомнить.

Себринг: Они были настолько же большими как этот зал суда?

Брак: Нет. Они были как обычные комнаты.

Себринг: Что же, человек вашего образования должен иметь соображение о размере этих комнат. Утверждение «обычный размер» не означает ничего конкретного.

Брак: Под этим я подразумеваю обычную комнату в обычном доме. Я не имею в виду ни зал ни клетку. Я имел в виду комнату, но я не могу сказать вам точный размер, потому что действительно не знаю. Она могла быть 4*5 метров, или 5*6 метров, или 3 ½ *4 ½, но я действительно не знаю. Я не обращал на это большого внимания.

Себринг: Вы, когда-либо посещали концентрационный лагерь или военный лагерь какого-либо рода?

Брак: Я посещал концентрационный лагерь, и однажды был в военном лагере в качестве солдата.

Себринг: Вы, когда-либо видели душевую комнату или душ построенный в лагере такого рода в которых заключенные концентрационных лагерей, или солдаты в военных бараках, могли принимать душ?

Брак: Да, видел. В своих бараках.

Себринг: И вы скажете, что эти комнаты эвтаназии в различных учреждениях были похожего пространства?

Брак: Я думаю, она была меньше.

Себринг: Что же, пусть будет так. Я думал вы возможно знали что-нибудь о механической конструкции, то что знает каждый. Эта ваша комната о которой вы говорили, сколько людей могла вместить?

Брак: Вчера я сказал, что по моей оценке в ней могло быть двадцать пять, тридцать человек.

Себринг: И такова ваша оценка сегодня? Я помню, что вчера вы говорили об этом, и это ваша оценка сегодня, она могла с комфортом вместить двадцать пять или тридцать человек?

Брак: Да. Такая у меня оценка.

Себринг: Итак, углекислый газ который использовался для цели эвтаназии, откуда он поступал? Я знаю, что вчера вы говорили о том, что он поступал из баллонов похожих на кислородные, но откуда поступали баллоны? Вам известно?

Брак: Я не знаю. Это были обычные стальные баллоны, которые вы можете видеть повсюду.

Себринг: Вам известно как они поступали в лагерь?

Брак: Этого я не знаю.

Себринг: Вам известно какое-либо ведомство правительства ответственное за обеспечения газом лагеря?

Брак: Нет. Наверное их покупали.

Себринг: Вы думаете, что вероятно управляющий учреждением, если хотел углекислого газа, просто шёл по городу, заходил в магазин и покупал стальной баллон, брал в руки и нёс обратно в лагерь; оплачивая его из своего кармана?

Брак: Нет, не из своего кармана, но через учреждение. Я имею в виду, их покупало учреждение.

Себринг: Вам известно за счёт чего учреждение покупало их?

Брак: Да. Все фонды шли из министерства внутренних дел Рейха. Они выдавались казначейством партии.

Себринг: Что же, тогда, в Германии всё имеющее критический характер имело некого рода приоритет? Вы поняли, что я имею в виду?

Брак: Нет.

Себринг: Не должно было отвлечение этого углекислого газа в баллонах для отдельных учреждений получать приоритетное значение и одобряться кем-то или неким ведомством в правительстве и таким образом поступать в госпитали? Вы не понимаете о чём я?

Брак: Да, я понял. Не могу сказать, но мне так не кажется. Зачем?

Себринг: Что делалось с телами после предоставления милосердной смерти?

Брак: Когда комната очищалась от газа, доставлялись носилки и тела выносили в комнату ожидания. Там их осматривал доктор и фиксировал смерть.

Себринг: Что было с телами потом?

Брак: Когда доктор фиксировал смерть, он направлял тела на кремацию и затем их кремировали.

Себринг: После выноса тел, фиксировалась смерть, затем их кремировали? Это правильно?

Брак: Да.

Себринг: Крематорий был построен для каждого из этих учреждений?

Брак: Да. Крематории были построены в учреждениях.

Себринг: Вам известно или нет – какое ведомство или служба, как подчинённое правительству, то есть, правительству Рейха, или подчинённое начальникам различных учреждений, было ответственным за подробности кремации?

Брак: Я не понял. Боулер приказал кремировать. Боулер приказал, принципиально, чтобы тела кремировали после смерти. Для этого не было ведомства.

Себринг: Какой-нибудь отчёт готовился для кого-нибудь о том факте, что неким людям, которых отобрали для эвтаназии, окончательно прибывшим в эти учреждения, действительно предоставили привилегию милосердной смерти и затем кремировали?

Брак: Нет. Я ничего об этом не знаю.

Себринг: Это вообще не фиксировалось?

Брак: О, я думал вы сказали отчёты. Вы имеете в виду протоколы?

Себринг: Мне всё равно. Об этих людях должен был быть отчёт или протокол. Были?

Брак: Да, конечно. Не только истории болезни, но и личные дела отдельных пациентов собирались в учреждениях эвтаназии и затем протоколы о смерти добавлялись и всё, что имелось. В своём допросе защитой я указал на то, что были уведомления заинтересованных ведомств, например, опекунского суда. Все эти дела направлялись на Тиргартенштрассе 4.

Себринг: Они окончательно направлялись на Тиргартенштрассе 4?

Брак: Да.

Себринг: Это правда, что только таким образом готовился точный протокол или отчёт о данной программе?

Брак: Я не понимаю. Создавал ли данный факт точные протоколы о людях, или велись ли протоколы?

Себринг: Протоколы хранились, не так ли, при всех переводах отдельного лица со времени проведения на нём экспертизы?

Брак: Да.

Себринг: До окончательной кремации?

Брак: Да.

Себринг: И эти протоколы хранились в T-4?

Брак: Да. Они хранились там.

Себринг: Итак, мне кажется, вы говорили о том, что эти камеры эвтаназии были перестроенными душевыми комнатами?

Брак: Да. Так я это помню.

Себринг: И единственными людьми которым предоставляли эвтаназию были неизлечимые психически больные, я думаю так вы говорили?

Брак: Да.

Себринг: Это были люди, которые как вы это представили, по этическим основаниям не имели психических качеств, чтобы соглашаться или противостоять решению о даровании эвтаназии, и впоследствии как вы её видели, это была гуманная процедура предоставления им гуманной смерти; это правильно, я правильно вас понимаю?

Брак: Да.

Себринг: Итак, эти люди, те кого вы видели, были настолько безумными, что не понимали, что происходит с ними?

Брак: Я могу лишь сказать, что конечно я не доктор и поэтому не в состоянии судить о состоянии таких пациентов, но когда я находился в таких учреждениях я сам видел, что пациенты, насколько они могли ходить, входили в эти камеры или комнаты где им говорили о том, чтобы они шли безо всяких возражений и садились на лавочки или ложились и были очень спокойными.

Я не знаю, в какой мере они осознавали, где они. Однако, я не знаю, чтобы они как-нибудь волновались, но были совершенно спокойны. Боулер приказал о том, чтобы доктора подготовили вещи таким образом, чтобы пациенты не понимали, что с ними делают.

Себринг: И это было причиной того, что газовые камеры были перестроены из душевых комнат, я полагаю?

Брак: Да.

Себринг: И эти люди думали о том, что идут принимать душ?

Брак: Если бы кто-нибудь из них имел разум, они бы без сомнения так думали.

Себринг: Что же, их вводили в душевые комнаты в одежде или обнажёнными?

Брак: Нет. Они были голыми.

Себринг: Всегда?

Брак: Всегда, когда я это видел.

Себринг: И вы сказали, мне кажется, вчера, что вы видели возможно почти 10-12, или 15, или 20 случаев, когда группам предоставляли милосердные смерти?

Брак: Нет. Я сказал о том, что я посещал каждое из этих учреждений, за исключением Хадамара, как минимум однажды, возможно дважды.

Себринг: И по каждому случаю вы видели предоставление милосердной смерти?

Брак: Да.

Себринг: И мне кажется вы вчера говорили о том, что некоторые из этих групп были взрослыми, некоторые были женщинами, другие были мужчинами, и что по некоторым случаям группы включали и мужчин и женщин, это правильно?

Брак: Нет. Видимо я неясно выразился. Они были либо мужчинами либо женщинами, но я видел и тех и других.

Себринг: И наверно вы думали, что видели от 20 до 30 комфортно размещённых в камере?

Брак: Да, вполне комфортно. Там было много места.

.....

Фрагменты допроса подсудимого Брака обвинением

.....

Хохвальд: Вы никогда не сотрудничали с программой уничтожения евреев, это верно?

Брак: Нет. Я лично никогда.

Хохвальд: Имя Эйхман, оберштурмбаннфюрер Адольф Эйхманнн, вам знакомо?

Брак: Да. Мне известно имя.

Хохвальд: Вы знали его раньше? То есть, во время войны?

Брак: Нет, по моим сведениям нет.

Хохвальд: Вам, что-либо известно о его деятельности во время войны из своих сведений, а не по слухам?

Брак: Я не могу вспомнить, чтобы ранее слышал имя Эйхмана.

Хохвальд: Для ясности протокола, я хочу приобщить документ НО-2737. Это фрагмент из приговора Международного Военного Трибунала о деятельности Эйхмана, и я хочу спросить трибунал, должен ли я присваивать идентификационный номер этому документу или трибунал примет о нём юридическое уведомление.

Председательствующий: При том, что трибунал примет юридическое уведомление о данном документе, было бы удобнее присвоить ему идентификационный номер лишь для цели идентификации.

Хохвальд: Значит, он будет экземпляром обвинения 505 для идентификации; фрагмент из приговора Международного Военного Трибунала:

«Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела Б-4²¹⁹ ...

.....

«Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито 6 миллионов евреев, из которых 4 миллиона было убито в пунктах для истребления людей²²⁰.

²¹⁹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 633.

²²⁰ Там же. С. 635.

Вы когда-либо имели какие-либо совещания или дискуссии с Эйхманом по уничтожению евреев и решению еврейской проблемы?

Брак: Я уже сказал о том, что я не помню о том, чтобы вообще слышал имя Эйхмана.

Хохвальд: Я хочу предъявить вам НО-997, который является экземпляром обвинения 506 для идентификации, ваши чести. Это проект письма от министра Рейха по оккупированным восточным территориям рейхскомиссару Востока:

«Решение еврейской проблемы.

«Ссылка: Ваш отчёт от 4 октября 1941, о решении еврейской проблемы.

У меня нет возражений вашему предложению по решению еврейской проблемы. В приложении находится меморандум о беседе между моим экспертным консультантом, амтсгерихтсратом доктором Ветцелем, обердинстляйтером Браком из канцелярии фюрера и штурмбанфюрером Эйхманом, экспертным консультантом в главном управлении безопасности Рейха. Пожалуйста, отметьте подробности данного меморандума. Пожалуйста, примите, необходимые шаги в главном управлении безопасности Рейха и с обердинстляйтером Браком из канцелярии фюрера через высшего руководителя СС полиции. Пожалуйста, проинформируйте меня.

[Рукописно] N.d.H.M.

[Для министра]

«2-я копия

«(а) Главное управление безопасности Рейха

«(б) Канцелярия фюрера

Сведение: обердинстляйтер Брак,

копия (1), включая приложение для сведения»

Вы получали копию этого письма?

Брак: Могу я сначала вас спросить, какая дата у письма?

Хохвальд: Здесь говорится только о 1941. Но эту дату сказал вам я. Вы получали копию этого письма, господин Брак?

Брак: Я не получал ни копии, и даже не видел копии этого письма, как и не знал этого амтсгерихтсрата Ветцеля.

Хохвальд: У вас было совещание с Эйхманом по данной проблеме, о решении еврейского вопроса?

Брак: Я уже говорил о том, что даже не помню имени Эйхмана, как и не помню имени Ветцеля.

Хохвальд: Вам, что-либо известно о вопросах обсуждавшихся на данном совещании о решении еврейской проблемы?

Брак: Нет. Я ничего не знал.

Хохвальд: Вы не знаете. Вы никогда не делали никаких предложений о том, какого рода лечение или какого рода газовые камеры должны были использоваться для решения еврейской проблемы? Вы этого никогда не делали?

Брак: Я не могу ничего вспомнить в связи с этим.

Хохвальд: В прошлую пятницу вас спрашивал трибунал о том существовали ли планы по строительству газовых камер на станциях эвтаназии или приказывали инженеру или специалисту помогать директорам станций в создании таких газовых камер, не так ли?

Брак: Да.

Хохвальд: Вы не смогли дать трибуналу информацию о данном факте, не так ли?

Брак: Нет. Я сказал о том, что не занимался такими вопросами.

Хохвальд: Имя Калльмайер, К-а-л-л-ь-м-а-й-е-р, вам знакомо?

Брак: Да. Но я не помню в связи с чем.

Хохвальд: Его жена давала письменные показания для вас. (Брак 39, экз. Брак 23) Вы помните это?

Брак: Да. Теперь я вспомнил.

Хохвальд: Калльмайер являлся инженером, или он был химиком, который готовил эти планы для газовых камер и помогал директорам на станциях эвтаназии организовывать газовые камеры?

Брак: Нет. Калльмайер должен был проверять правильную работу газовых камер, но мне не кажется, что он готовил какие-либо планы для этой цели.

Хохвальд: Калльмайер был человеком который надзирал за этими газовыми камерами, не так ли?

Брак: Мне так кажется, да, но не долго, только короткое время.

Хохвальд: Хорошо. И имя Калльмайер освежает вашу память об окончательных планах разработанных вами совместно с Эйхманом о решении еврейской проблемы, господин Брак?

Брак: Нет.

Хохвальд: Я хочу предъявить вам документ НО-365, который будет экземпляром обвинения 507 для идентификации, ваши чести. Это проект министерства Рейха по оккупированным восточным территориям, датированном Берлин, 25 октября 1941.

«Референт AGR доктор Ветцель

На: Решение еврейского вопроса.

«1.Рейхскомиссару по Востоку

На: Ваш отчёт от 4 октября 1941 о решении еврейского вопроса.

«Ссылаясь на моё письмо от 18 октября 1941, вы проинформировали о том, что обердинстляйтер Брак из канцелярии фюрера заявил о своей готовности сотрудничать при производстве необходимых хранилищ также как и газационной аппаратуры. В настоящее время, данная аппаратура в достаточном количестве не находится в наличии у Рейха; сначала она должна быть произведена. Так как по мнению Брака производство аппаратуры в Рейхе вызовет больше сложностей нежели производство на месте, Брак считает наиболее уместным направить своих людей непосредственно в Ригу, в частности своего химика доктора Калльмайер, который сделает всё там. Обердинстляйтер Брак отмечает, что данный процесс опасен, поэтому необходимы специальные защитные мероприятия. В таких обстоятельствах, я прошу вас обратиться к обердинстляйтеру Браку, в канцелярию фюрера, через вашего высшего руководителя СС и полиции, и прошу направить химика, доктора Калльмайера, для дальнейшей помощи. Я обращаю внимание на факт, что штурмбаннфюрер Эйхманн, референт по еврейским вопросам в РСХА, согласен с данным процессом. По информации от штурмбаннфюрера Эйхмана, в Риге и Минске должны быть созданы лагеря для евреев в которые можно направить евреев из старого Рейха. В настоящее время, евреев депортируемых из старого Рейха должны направлять в Лицманштадт, но также и в другие лагеря, для последующей работы на Востоке, до тех пор пока они пригодны для работы.

С учётом настоящего положения дел, не имеется возражений против устранения тех евреев которые не пригодны к работе – средством Брака. При таком способе, случайности больше не будут возможными, такие как расстрел евреев в Вильно, которые, учитывая то, что расстрелы были публичными, вряд ли были оправданы. Пригодные к работе, с другой стороны, будут перевозиться на Восток для трудовой службы. Самочевидно, что среди евреев пригодных к работе, мужчин и женщин следует содержать отдельно.

Я прошу уведомить меня относительно ваших дальнейших шагов».

Господин Брак, вы всё ещё поддерживаете то, что говорили в допросе защитой, а именно, о том, что вы пытались защитить евреев и спасти евреев от их ужасной судьбы и что вы никогда не отстаивали программу уничтожения?

Брак: Я даже хочу поддержать, что неправильное использование, ужасно неправильно использование, делалось от моего имени. Я вижу из этого письма и из даты этого письма, что все переговоры проводились во время, когда я не был в Берлине, когда я был в отпуске по болезни. Если бы у меня была возможность, я надеюсь смогу доставить свидетелей, который дадут показания в этом плане. Я должен откровенно признать, что в данный период происходило нечто, полностью противоречащее моему мнению, но это могло иметь место при неправильном использовании моего имени и ведомства. Я не собирался участвовать в этих вещах.

Хохвальд: Господин Брак, вы можете рассказать мне, где находятся Минск и Рига?

Брак: Рига на Балтике в Латвии, а Минск в России.

Хохвальд: Эти два места находятся вне Германии, не так ли?

Брак: Да.

Хохвальд: У обвинения в настоящее время больше нет вопросов.

Фрагмент допроса свидетеля Вальтера Е. Шмидта защитой

.....

Серватиус: Какого рода директивы тогда давались по осуществлению программы эвтаназии?

Шмидт: Что же, такие же директивы какие окончательно исполнялись – о переводе инвалидов из психиатрических больниц для лунатиков в учреждение эвтаназии. Лично я впоследствии получал приказы от комитета Рейха, которые уже обсуждались во время той встречи.

Серватиус: Вы тогда, считали этот приказ убийством?

Шмидт: Вообще нет. Юристы в Берлине сказали нам о том, что это было законное дело, что это было распоряжением Гитлера или законом который был надлежащим образом одобрен; также о том, что юристы обсуждали был ли вправе Гитлер принять такое распоряжение и решили положительно, и нам говорили о том, что это был вопрос который был совершенно законным –

Серватиус: Свидетель, помедленнее.

Шмидт: Это было законной задачей государства, которую уже запланировали в 1932 и которую также планировали в других странах и что мы таким образом не инкриминировали себя, напротив, саботаж этого приказа считался бы преступлением. Вопрос секретности также подробно обсуждался и говорилось о том, что теперь это закон; чтобы пациенты не имели сведений о такой мере заранее, потому что иначе они будут волноваться, и это вероятно было основной причиной

почему этот закон не был опубликован. Кроме того, тогда мы начали войну и такого рода меры следовало хранить в тайне внутри государства.

Серватиус: Кто были люди, которых касалась программа эвтаназии?

Шмидт: Неизлечимо больные. Однако, мне не было полностью ясно где проводить черту. Для меня лично, такая мера могла рассматриваться при заболеваниях лиц которые бы всё равно умерли.

Серватиус: Было ли упоминание «беспольных едоков» и другие экономические точки зрения?

Шмидт: Я никогда не слышал слов «беспольные едоки» за всю войну.

Серватиус: Тогда упоминалось, что учреждения должны быть освобождены для других целей, и это являлось причиной?

Шмидт: Причину данной меры затрагивали очень кратко. Нам сказали, что это были государственные задачи, которые стали срочными из-за войны, и, да, имели евгенический характер.

Серватиус: Что насчёт детей?

Шмидт: Тогда, всегда шла речь о медицинской помощи до последнего.

Серватиус: Что же, если я правильно вас понимаю, решающей точкой зрения была медицинская?

Шмидт: Да. Я замечал только медицинскую точку зрения.

Серватиус: Итак, процедура действительно проводилась с данной точки зрения? Или так называемая программа выходила далеко за свои рамки?

Шмидт: Границы программы точно превышались в большой мере. Я лично не видел этого, но на основе получаемых отчётов, я должен сказать, что были эксцессы.

Серватиус: Свидетель, что было в вашем учреждении в связи с эксцессами?

Шмидт: В моём учреждении процедура проводилась на основе законного разрешения. У нас также была станция терапии. Конечно, я должен сказать, было не очень приятно видеть эти транспорты.

Серватиус: Итак, вы сказали, что позднее собирали восточных рабочих?

Шмидт: Да.

Серватиус: Это был эксцесс от изначального приказа который вы получили?

Шмидт: Я не могу сказать. Я не знаю.

Серватиус: Вам известно, откуда поступил приказ забирать этих людей?

Шмидт: Из министерства внутренних дел. Он был отдан нам вышестоящим ведомством министерства внутренних дел.

Серватиус: Вы имеете в виду министра внутренних дел Рейха?

Шмидт: Да.

Серватиус: Далее вы упоминали, что акция завершилась в августе 1941, что она прекратилась. Вам известна причина для этого?

Шмидт: Да. Я не знаю об официальной причине, но я слышал о ней неофициально. Я слышал о том, что господин фон Гален протестовал, и что возможно из-за этого все процедуры остановились. Я подчёркиваю, что я не знаю точно, но в любом случае для меня это была причина.

Серватиус: Что же, эта процедура действительно прекратилась повсюду до конца?

Шмидт: Нет. Когда был закрыт Хадамар, я немедленно предположил, что какое-нибудь другое учреждение продолжит данную задачу или что данная процедура будет продолжена тем или иным образом. Об этом же говорил господин фон Хегенер, когда был здесь.

Серватиус: Вы сказали, что эти восточные рабочие собирались теми же самыми автобусами, что и раньше?

Шмидт: Да. Автобусы были те же самые. Это были большие чёрные автобусы, и мы знали водителей, потому что они часто приезжали.

Серватиус: Кому принадлежали автобусы? Ведомству гауляйтера?

Шмидт: Эти автобусы принадлежали некой транспортной компании. «Компании по перевозке больных» в Берлине. Некоторый персонал оставался в Хадамаре.

Серватиус: Медицинского персонала там не было?

Шмидт: Нет. Там не было медицинского персонала.

Серватиус: Вы что-то говорили об эксцессах в отношении программы.

Шмидт: Следует различать между тем какими вещи были до остановки акции в 1941, и как было позже.

Серватиус: О каких эксцессах вам известно до остановки акции 1941?

Шмидт: Что именно вы имеете в виду?

Серватиус: Да, в вашем учреждении.

Шмидт: У нас в учреждении вообще не было. Людей увозили.

Серватиус: Вы действовали в соответствии с директивами?

Шмидт: Да. Я лично не был ответственным за эту акцию. Мой начальник был ответственным. Но насколько мне известно, никакие эксцессы не совершались медицинским персоналом. Конечно, некоторые трудные пациенты отказывались садиться в автобусы. Это естественно.

Серватиус: Такие случаи были редки, при направлении на программу эвтаназии?

Шмидт: Конечно, это зависело от того где проводилась граница. Можно разделять взгляд на то, что большинство пациентов, возможно, могли добиться некоторого изменения в виду современной электрической терапии или какого-то другого современного метода лечения. Но в этих случаях психические заболевания были на

очень запущенной стадии, по моему мнению, большинство пациентов уже не имели шансов радоваться жизни.

Фрагмент допроса подсудимого Карла Брандта защитой

.....

Серватиус: Свидетель, вам поручили участие в программе эвтаназии. Я покажу вам распоряжение от 1 декабря 1939. (НО-630, экз. обв. 330) Пожалуйста опишите как возникло это распоряжение.

Брандт: С окончанием польской кампании в октябре, фюрер находился в Оберзальцберге. Меня вызвали к нему по причине которую я уже не помню и он сказал мне о том, что из-за документа полученного им от рейхсляйтера Боулера, он хотел добиться ясного решения вопроса эвтаназии. Он дал мне общие директивы о том как он представляет её, и фундаментальным было то, что психически больным лицам, которые находились в таком состоянии, что они уже не могли осознавать свою жизнь должно быть предоставлено облегчение путём смерти. Общие инструкции последовали за обращениями которые он получил сам, и он сказал мне связаться с Боулером по данному вопросу. Я сделал это по телефону в тот же день, и затем проинформировал Гитлера о своём разговоре с Боулером. Соответственно он разработал формулировку данного распоряжения, не в форме, которая есть у нас здесь, но в похожей форме, и были внесены некоторые изменения. Моей просьбой было, чтобы была введена предосторожность, из-за медицинской практики, и использовал выражение до этого знакомое мне из экспертных мнений. Говорилось о том, что эвтаназия должна осуществляться на лицах и затем шла формулировка «которые являются неизлечимыми с вероятностью на границе точности». Так как данная формулировка была странной для него, было добавлено «при наиболее внимательном диагнозе заболевания». Поэтому, когда данное распоряжение было подписано ближе к концу октября, текст гласил следующее: «Рейхсляйтер Боулер и доктор Брандт, наделяются ответственностью за расширение полномочий установленных врачей указанных поименно таким образом, чтобы лица, которые согласно гуманному суждению, являющиеся неизлечимыми, при наиболее внимательном диагнозе их состоянии здоровья, получали милосердную смерть»

Серватиус: Вы говорили с Боулером?

Брандт: Сначала я поговорил с Боулером по телефону и даже после подписания распоряжения я не поговорил с ним немедленно, но направил подписанное распоряжение ему в Берлин.

Серватиус: И в чём заключалась идея Гитлера об эвтаназии? Что он под ней понимал?

Брандт: Решающая для него вещь также выражалась в распоряжении, а именно, чтобы неизлечимо больным лицам – в действительности следует читать психически больным лицам – остальные лица были абсолютным исключением – предоставлялась милосердная смерть. Поэтому, мера была продиктована чисто гуманными соображениями, и ничего большего нельзя было подумать ни при каких обстоятельствах, и мне ничего не было сказано.

Серватиус: Вы сказали, что фюрер дал вам поручение на основе телефонного звонка от Боулера? Звонок от Боулера не мог быть единственной причиной. Должны были быть другие.

Брандт: Это не был телефонный звонок. Это было некоего рода документированный инцидент, который был решающим. Могло быть, что фюрер уже имел эти документы или что Боулер снова поговорил с ним о них. Я точно не знаю. Но не это было причиной начала программы эвтаназии. В своей книге «Mein Kampf²²¹», Гитлер уже ссылался на неё в некоторых главах, и закон о «предотвращении рождения детей страдающих от наследственных заболеваний» является доказательством того, что Гитлер определенно сам занимался такой проблемой ранее. Закон о «предотвращении рождения детей страдающих от наследственных заболеваний» в действительности являлся законом, который соответствовал событиям. Он точно возник, потому что дети с врождёнными заболеваниями существовали. Доказательство этого заключается в том, что эта проблема влияющая на весь мир находится в факте, что похожие законы с похожими формулировками и содержанием принимались в других странах.

Доктор Гебхардт Вагнер²²², который являлся предшественником доктора Конти, обсуждал эти вопросы на партийном съезде в Нюрнберге. Я тогда не говорил с Гебхардтом Вагнером и не имел никакого отношения к этим вещам. Однако, я слышал о том, что в 1935 Гебхардт Вагнер показывал фильм представляющий проблему психиатрических заболеваний. Видимо фильм был снят в психиатрических больницах.

Серватиус: Свидетель, обращения полученные Боулером и фюрером не играли некой роли?

Брандт: Обращения в этом отношении точно постоянно получались Боулером, и канцелярия фюрера всегда получала такие вещи. Я знаю только, что такие

²²¹ «Моя борьба» («Майн кампф») — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

²²² Герхард Вагнер (1888 — 1939) — немецкий врач, один из идеологов нацистской политики в области здравоохранения.

обращения потом передавались министерству внутренних дел Рейха. Сам я знал об одном обращении, которое направили самому фюреру через его адъютантскую службу весной 1939. Отец уродливого ребёнка обращался к фюреру и просил того, чтобы его ребёнок или это создание были убиты. Гитлер передал данный вопрос мне и сказал, чтобы я немедленно поехал в Лейпциг – это было в Лейпциге – для установления факта на месте. Это был ребёнок родившийся слепым, идиот – по крайней мере он выглядел как идиот – и без одной ноги и части одной руки.

Серватиус: Свидетель, вы говорите о деле в Лейпциге, об уродливом ребёнке. Что вам приказал сделать Гитлер?

Брандт: Он приказал мне поговорить с врачами, которые наблюдали ребёнка и выяснит правдивы ли заявления отца. Если они были правильными, тогда я должен был сообщить врачам от его имени о том, чтобы они осуществили эвтаназию.

Важной вещью было то, чтобы родители не чувствовали себя виновными позднее в результате эвтаназии – чтобы у родителей не было впечатления о том, что они сами являются ответственными за смерть ребёнка. Далее мне было приказано сказать о том, чтобы эти врачи приняли участие в некоторой законной процедуре, потому что эта мера, эти процедуры были бы отменены приказом Гитлера. Тогда Мартину Борману было приказано проинформировать Гюртнера, министра юстиции, соответственно об этом случае.

Серватиус: Что сказали доктора которые принимали участие?

Брандт: У докторов было мнение о том, что нет оправдания сохранению жизни ребёнка. Отмечалось, что в родильных домах при определенных обстоятельствах для доктора совершенно естественно самим проводить эвтаназию в таких случаях никому не говоря об этом. В этом отношении не давалось никаких чётких инструкций.

Серватиус: Эта проблема уродов разбиралась где-то ещё?

Брандт: Проблема уродств возможно обсуждалась до лейпцигского дела. Однако, в ходе лета была разработана более конкретная форма, прежде всего министерством внутренних дел. В этом случае, доктор Линден участвовал в качестве специального консультанта, возможно в качестве представителя доктора Конти – который стал министром здравоохранения Рейха после смерти своего предшественника Вагнера и затем государственным секретарём министерства внутренних дел.

Серватиус: Кем был доктор Линден?

Брандт: Доктор Линден был министриальратом в министерстве внутренних дел Рейха. Он был доктором и являлся компетентным сотрудником который позднее был ответственным в этой должности за психиатрические учреждения, вероятно он

уже был тогда, я точно не знаю. Позднее, в течение решения вопроса эвтаназии он был назначен представителем по всем этим вопросам.

Серватиус: Какой тогда была процедура? Гитлера информировали обо всех этих вопросах?

Брандт: В августе 1944 он приказал мне участвовать в совещании, которое проходило между доктором Линденом, господином Боулером и некоторыми другими людьми. Обсуждался вопрос регистрации этих уродств, и то как проводить эту регистрацию. Доктор Линден, от имени министерства внутренних дел, представил важные документы, анкеты, и т.д., которые обсуждались ещё раз подробно. Это была подготовительная работа для комитета Рейха по регистрации тяжких наследственных и функциональных заболеваний, который был создан впоследствии.

.....

Допрос подсудимого Карла Брандта обвинением

.....

Макхэни: Итак, свидетель, это первый раз, когда я услышал упоминание в связи с программой эвтаназии того, что следовало получать согласие кого-либо, и понимаю это в качестве фундаментального вопроса. Вы готовы поклясться перед трибуналом в том, что комитет Рейха никогда не проводил эвтаназию на детях не получив согласия родителей ребёнка?

Брандт: Вчера я сказал о том, что одобрение родителей было необходимым при эвтаназии детей, и по моему мнению такое согласие действительно давалось.

Макхэни: Это одобрение было письменным или устным?

Брандт: Этого я не знаю. Я не могу сказать.

Макхэни: Вы, когда-либо видели письменное согласие?

Брандт: Мне кажется, что в течение первого периода, когда разрешение представлялось для подписи мне и Боулеру, все остальные бумаги были в сборе, такие как согласие, и т.д. Могло быть, что во время последующего периода мы имели дело только с бумагами по разрешению и что остальные бумаги оставались в комитете Рейха. Однако, я видел такие письма с согласием, но мне не кажется, что они были в каждом случае в письменном виде. Я думаю они отчасти были устными через местного врача или другую службу, которые занимались вопросом.

Макхэни: Что же, свидетель, давайте снова посмотрим на письмо. У меня есть трудности в согласовании ваших показаний о необходимости согласия родственников ребёнка с тем, что написано в письме. Например, третья строчка гласит: «Кажется, что родственники Анны Гассе пытаются добиться её освобождения всеми возможными средствами». Свидетель, если бы было необходимо получать согласие, почему стоял какой-то вопрос об освобождении Анны Гассе?

Брандт: Я не могу этого сказать. По моему мнению, ребёнка нельзя было содержать в учреждении если родители хотели, чтобы он был дома.

Макхэни: И последнее предложение, которое гласит: «Если с медицинской точки зрения такое освобождение является позволительным, следует принимать во внимание не последует ли жалоба кого-либо в интересах хорошей репутации учреждения». Вы не находите, что язык немного сдержанный, свидетель?

Брандт: Да. Я думаю, он очень сдержанный.

VIII. Доказательства и аргументы по важным аспектам дела

A. Применимость закона № 10 Контрольного совета к правонарушениям против немцев во время войны

a. Введение

В пункте III обвинительного заключения, «Преступления против человечности», обвинение предполагало, что подсудимые участвовали в медицинских экспериментах «на немецких гражданских лицах и гражданах других стран» и что подсудимые участвовали в осуществлении «так называемой программы эвтаназии в Германском Рейхе, в ходе которой данные подсудимые убили сотни тысяч людей, включая немецких гражданских лиц, также как и гражданских лиц иных наций». Постольку поскольку эти нарушения включали немецких граждан, защита оспаривала применимость международного права. Защита оспаривала, что в уставе прилагаемом к Лондонскому соглашению, преступления против человечности в рамках смысла устава не существовали до тех пор пока правонарушения не совершались «при осуществлении или в связи с, любым преступлением в рамках юрисдикции трибунала». Хотя аналогичные положения закона № 10 Контрольного совета не включают слова ограничиваемые «при осуществлении или в связи с любым преступлением в рамках юрисдикции трибунала», защита выступала за то, что закон № 10 Контрольного совета являлся лишь «имплементацией закона» из Лондонского соглашения и устава, и поэтому не мог увеличить сферу правонарушений определённых Лондонской хартией. Указывая на раздел приговора Международного Военного Трибунала озаглавленный «Право применимое к военным преступлениям и преступлениям против человечности», защита отмечала, что МВТ заявил: «в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала», то есть, преступления против мира или военные преступления. Хотя обвинительное заключение в медицинском деле не предполагало, что преступления были совершены против немецких граждан до начала войны 1 сентября 1939, защита далее выступала за то, что любое правонарушение против немецких граждан совершенное после 1939 не было показано находящимся «при осуществлении или в связи с» преступлениями

против мира и военными преступлениями и поэтому не признавала в качестве преступлений в рамках юрисдикции трибунала.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительной речи обвинения

.....

Применимое право

Перед тем как приступить к описанию дела обвинения, возможно будет желательным разрешить несколько юридических вопросов, которые несомненно поднимались в отношении военных преступлений и преступлений против человечности, определенных в статье II закона № 10 Контрольного совета. Закон № 10 конечно, является, правом в данном деле и его термины являются решающими для всех сторон данных слушаний. Данный трибунал, связан определениями закона № 10, также как Международный Военный Трибунал был связан определениями Лондонской хартии. В приговоре МВТ говорится:

«Юрисдикция Трибунала определена Соглашением и Уставом, и преступления подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность, изложены в статье 6. Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала²²³ ...

.....

Концепция обвинения кратко очерчивает некоторые юридические принципы, лежащие в основе военных преступлений и преступлений против человечности, я должен, с позволения трибунала, позаимствовать некоторый язык из вступительной речи обвинения по делу Фридриха Флика и других, в настоящее время рассматриваемое трибуналом IV. Генерал Тейлор сказал –

.....

²²³ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 605.

«Закон № 10 является...законодательным актом Контрольного совета и следовательно является частью права Германии. Одна из слабостей диктатуры заключается в том, что когда она испытывает невосполнимую и окончательную военную катастрофу, она обычно превращается в ничто и оставляет жертв своей тирании одинокими посреди политического хаоса. Третий Рейх безжалостно охотился за каждым мужчиной и женщиной в Германии, которые пытались выразить политические идеи или развивать политическое руководство вне звериной идеологии нацизма. Когда Третий Рейх рухнул, Германия впала в политический вакуум. Декларация союзных держав от 5 июня 1945 объявила о «принятии верховной власти» в Германии «для поддержания порядка» и «для управления страной» и изложила, что –

«В Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц»

«В соответствии с декларацией был учреждён Контрольный совет в качестве носителя централизованной власти в Германии. Закон № 10 является актом данного органа и является законом Германии, хотя его существенные положения вытекают и уполномочены правом наций. Нюрнбергские военные трибуналы созданы согласно власти закона № 10 и они отправляют правосудие не только согласно международному праву как объявлено в законе № 10, но и согласно праву Германии как установлено законом № 10. Вкратце, трибуналы, применяют как международное так и германское право, и интерпретируют и применяют закон № 10, они должны рассматривать закон № 10 не только как декларацию международного права, но и в качестве полномочия оккупационных держав по управлению и отправлению правосудия. Полномочия закона № 10 осуществляются законодательной властью четырёх стран которым капитулировал Третий Рейх и, как указал Международный Военный Трибунал:

«...несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром²²⁴».

Военные преступления определены в законе № 10 в качестве жестокостей или деяний нарушающих законы и обычаи войны. Данное определение основывается на Гаагской конвенции 1907 и Женевской конвенции 1929, которые объявили право наций в отношении сухопутной войны, обращения с военнопленными, прав и обязанностей воюющих держав при оккупации территории вражеского государства, и другие вопросы. Законы и обычаи войны применимы между воюющими сторонами, но внутри или между союзниками. Преступления немецких граждан против немецких граждан не являются военными преступлениями, также как деяниями немецких граждан против венгров или румын. Военные преступления вменяемые в данном обвинительном заключении все были совершены после 1 сентября 1939, и поэтому не требуется рассматривать некоторым образом узкую сферу военных преступлений Международного Военного Трибунала деяниями совершёнными после начала войны. Можно возразить тому, что оккупации Австрии и Судетов в 1938 и Богемии и Моравии в марте 1939, были достаточно схожи с состоянием войны для применения законов войны, но такие вопросы являются академичными для целей настоящего дела.

.....

В связи с обвинением в преступлениях против человечности, также предполагается, что защитой будет заявлен аргумент о том, что преступления совершённые немецкими гражданами против других немецких граждан не могут образовать преступлений против человечности определённых в статье II закона № 10 Контрольного совета и поэтому не находятся в рамках юрисдикции трибунала. Доказательствами обвинения подтверждается, что по сути во всех экспериментах использовались в качестве подопытных, военнопленные или гражданские лица с оккупированных Германией территорий. Эти доказательства остались непоколебленными общими заявлениями подсудимых о том, что все подопытные являлись немецкими преступниками или о том, что все подопытные говорили по-немецки. Таким образом, по большей части, данные деяния составляют военные преступления и отсюда же, преступления против человечности. Разумеется, вообще нет доказательств того, что, когда либо был отдан приказ ограничивающий подопытных немецкими преступниками выделяемыми из не-немецких граждан.

---

²²⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 605.

Если бы, в этом или меньшем примере, доказательства не раскрыли точную национальность несчастных жертв или даже показали их как немцев, мы бы могли быть уверены в том, что это просто случайность.

Как бы то ни было, обвинение не пожелало проигнорировать вызов юрисдикции трибунала при том, что для данного дела это имеет небольшую значимость. Следует с самого начала выяснить одну вещь: мы не рассматриваем здесь какой-либо вопрос юрисдикции над преступлениями совершёнными до 1 сентября 1939, над немецкими гражданами или наоборот. Данный предмет обсуждался и является предметом другого дела находящегося на рассмотрении, но все преступления в настоящем деле совершались после начала войны.

Более того, мы не рассматриваем вопрос должны ли были преступления против человечности «при осуществлении или в связи с любыми преступлениями в рамках юрисдикции трибунала». Международный Военный Трибунал составил свой устав как требующий того, чтобы преступления против человечности были совершены при осуществлении или в связи с преступлением агрессивной войны. Вне зависимости от заслуг данного положения, язык устава Международного Военного Трибунала который ввёл его, не включён в определение преступлений против человечности в законе № 10 Контрольного совета. Не может быть сомнения в том, что преступления против человечности определённые в законе № 10 имеют независимую основу и составляют преступления *per se*²²⁵. Во всяком случае, преступления которых касается данное дело, фактически все являлись «совершёнными при осуществлении или в связи с агрессивной войной». Это является правдой не только для медицинских экспериментов, но также к программе эвтаназии, согласно которой было убито большое количество немецких граждан. Приговор Международного Военного Трибунала выразил такую позицию.

Таким образом, ясно, что единственный вопрос, который можно поднять в данном деле это есть ли у трибунала юрисдикция над преступлениям против человечности совершёнными немцами против немцев. Охватывает ли определение преступлений против человечности в законе № 10 Контрольного совета, такого типа преступления немцев против немцев? Положения закона № 10 связывают трибунал как право применимое к делу. Положения раздела 1 (с) статьи II являются чёткими и недвусмысленными. Преступления против человечности определяются как –

«Зверства и правонарушения, включая, но не ограничиваясь убийствами, похищениями, отправлением в рабство, в тюрьму, депортацией, пытками, изнасилованиями и

---

²²⁵ Сами по себе (лат.)

остальными бесчеловечными действиями по отношению к любому мирному населению, преследования на политической, расовой или религиозной основе с нарушением и без нарушения законодательства страны, на территории которой это происходит»

Слова «любому мирному населению» не могут рассматриваться как исключаящие немецких гражданских лиц. Если бы предполагалось исключить немцев, осталось бы мало или вообще ничего придающего смысл концепции преступлений против человечности. Военные преступления включают все деяния приводимые в определении преступлений против человечности, при их совершении против военнопленных и гражданского населения оккупированной территории. Остаются единственные заметные группы – немцы и граждане стран-сателлитов, таких как Венгрия или Румыния. Одной из задач концепции преступлений против человечности, не только изложенной в законе № 10, но и также давно признанной международным правом, является достижение систематического преследования жестокостей и правонарушений государства против своего народа. Завершающая фраза определения преступлений против человечности, которая является альтернативной, даёт понять, что преступления против человечности немцев против немцев находятся в рамках юрисдикции данного трибунала. Она гласит: «Преследования на политической, расовой или религиозной основе с нарушением и без нарушения законодательства страны, на территории которой они происходят» Данная ссылка, «законодательство страны» может означать только лишь дискриминирующее и подавляющее законодательство направленное против граждан государства, как например Нюрнбергские законы против немецких евреев.

Без сомнения вопрос поставлен статьей III закона № 10, которая разрешает каждой из оккупирующих держав арестовывать лиц подозреваемых в совершении преступлений определенных Законом № 10 и предавать их суду «соответствующего трибунала». Пункт 1(д) статьи III предусматривает далее, что –

«Такой трибунал имеет право в случае совершения преступлений гражданами Германии или гражданами других стран против остальных граждан Германии или граждан другой национальности, лиц без гражданства направить рассмотрение дела в суд Германии с разрешения оккупационных властей».

Это составляет прямое признание того, что деяния совершённые немцами против немцев являются наказуемыми согласно закону № 10 в соответствии с определениями, содержащимися в усмотрении оккупирующей державы. Это имеет особую ссылку на преступления против человечности, так как применение преступлений против мира и военных преступлений, при том, что является

возможным, является почти полностью теоретическим. Если бы оккупирующая держава не могла разрешать немецким судам рассматривать преступления совершённые немцами против других немцев (и в американской зоне оккупации не давалось такого разрешения), тогда бы данные дела рассматривались только немецкими трибуналами, такими как данные военные трибуналы.

Каким был бы эффект от исключения преступлений немцев против немцев из юрисдикции трибунала? Данный трибунал должен бы был проигнорировать доказательства того, что десятки тысяч немцев были уничтожены согласно секретному распоряжению, потому что преступная группа контролирующая полицейское государство думала о них как «бесполезных едоках» и лишнем бремени, или то, что немецких заключенных тысячами убивали и плохо обращались в концентрационных лагерях, частично путём медицинских экспериментов? Военный трибунал II по делу Мильха сделал вывод о том, что преступления против граждан Венгрии и Румынии являлись преступлениями против человечности. Нет никакой причины говорить о том, что есть юрисдикция над преступлениями немцев против венгров, и её нет против немцев.

Приговор Международного Военного Трибунала ясно показывает признание юрисдикции над преступлениями немцев против немцев. После рассмотрения большого количества бесчеловечных деяний в связи с военными преступлениями и преступлениями против человечности, трибунал сделал вывод о том, что —

«...с самого начала войны в 1939 году военные преступления, которые также являлись преступлениями против человечности, совершались в широких масштабах, и хотя бесчеловечные действия, вменяемые в вину в Обвинительном заключении и совершенные после начала войны, не составляют военных преступлений, — все они совершались при ведении агрессивной войны или в связи с ней, и поэтому они являются преступлениями против человечности²²⁶».

Так как военные преступления являются также преступлениями против человечности, широкое определение последних может относиться к преступлениям не охватываемым предыдущим, а именно преступлениям против немцев и граждан стран, иных чем оккупированные Германией. Более того, обвинение в таком случае поддерживает, что негумманое обращение с евреями и политическими противниками в Германии до войны образует преступления против человечности. Трибунал сказал в этой связи —

²²⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 637.

«Что касается преступлений против человечности, то не допускает никаких сомнений тот факт, что политические противники умерщвлялись в Германии до войны и что многие из них содержались в заключении в концентрационных лагерях в условиях жестокости и террора. Политика террора, несомненно, проводилась в широких масштабах, и во многих случаях она была организованной и систематической. До войны 1939 года в Германии самым безжалостным образом проводилась политика преследования, подавления и убийства всех лиц из числа гражданского населения, о которых можно было предположить, что они настроены враждебно по отношению к правительству. Также несомненно является установленным факт преследования евреев в течение того же периода²²⁷».

Трибунал говорил здесь исключительно о преступлениях немцев против немцев. Он указал, что такие деяния не являлись преступлениями против человечности, определёнными уставом, не потому что это были преступления против немцев, а потому что они не совершались в связи с ведением или в связи с агрессивной войной. Именно поэтому, трибунал далее указал на то, что такие же деяния совершённые после начала войны являлись преступлениями против человечности. Никакого разграничения не было сделано между убийством немецких евреев и польских и русских евреев. И, более того, на немецких и не-немецких заключённых концентрационных лагерей или убийство немецких или не-немецких гражданских лиц согласно программы эвтаназии. Трибунал установил всё это, как военные преступления/преступления против человечности.

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Карла Брандта

.....

Наказуемость преступлений против человечности

Преступность преступлений против человечности основывается на законе № 10 Контрольного совета для Германии. Статья II данного закона говорит –

---

²²⁷ Там же. С. 637

«1. Любое из следующих действий считается преступлением:

.....
 (с) Преступления против человечности.

Концепция преступлений против человечности не является созданной и является спорным, подлежат ли преступления против человечности согласно закону № 10 относящимися к таким деяниям как совершённым к немецким гражданам немецкими гражданами. Разрешение данного вопроса имеет особое значение поскольку медицинские эксперименты в которых обвиняются подсудимые и осуществление милосердных убийств, в первую очередь проводились на немецких гражданах.

Вопрос здесь не в том, чтобы установить, являются ли они деяниями против человечности, а в том, являются ли они преступлениями против человечности наказуемыми согласно закону № 10, которые совершались осознанно и умышленно. Если меры предпринятые против немецких граждан не подпадают под данный закон, доказательства обвинения должны быть исследованы и ограничены в основном фактами в которых участвовали иностранцы и кроме того, необходимо будет представить доказательства, подтверждающие, что подсудимый был осведомлён о том, факте, что иностранцы действительно были вовлечены в данные меры.

Из закона № 10 понятно, что он является лишь имплементацией права Лондонского соглашения от 8 августа 1945 и устава относящегося к нему. Это прямо подчёркивалось во введении, и кроме того в Лондонской хартии и Московской декларации от 30 октября 1943 объявленными неотъемлемыми составляющими закона согласно статьи I.

Следовательно легальность имеющего большую юридическую силу Лондонского устава, является решающей для интерпретации самостоятельного закона. Статья 6 (с) данного устава предусматривает, что преступления против человечности могут рассматриваться наказуемыми только если они совершены «в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала...» Однако, данная юрисдикция, распространяется только на преступления против мира и военные преступления. Следовательно, наказуемость преступлений против человечности ограничивается последним. Однако, обвинение, лишь недавно выступало с иным мнением. В деле 5, трибунала IV, деле против Флика и других, обвинение заявило в своей вступительной речи от 19 апреля 1947 о том, что пункт: «в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала» имеет иное значение, нежели выраженное. Пункт

обозначает, что трибунал не занимается отдельными преступлениями, а только такими преступлениями которые совершались в большом масштабе и поэтому находятся в юрисдикции суда.

Такое значение пункта не было заметно Международному Военному Трибуналу, обвинителям держав-подписантов, как и тем кто позднее комментировал вердикт, и мне не кажется, что можно согласиться с обновлённой интерпретацией обвинения. Решение Международного Военного Трибунала является авторитетным при интерпретации, поскольку оно было провозглашено судьями держав-подписантов, которые были назначены именно для применения нового закона. Высшая власть Международного Военного Трибунала подчёркивается указом 7, статьей X, согласно которой сделанные выводы являются обязывающими для последующих судов.

Однако, данный Международный Военный Трибунал, установил, что наказуемое преступление против человечности является зависимым, производным преступлением и оно может считаться преступлением если оно было совершено в связи с военным преступлением и преступлением против мира. Вердикт Международного Военного Трибунала отверг преступность преступлений совершённых до войны заявив следующее:

«Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением, насколько вы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись²²⁸»

Обвинение в Международном Военном Трибунале со своей стороны стремилось доказать такую связь; этого не требовалось бы если бы это не считалось связанным с частью состава преступления против человечности. Профессор Доннедье де Фабр²²⁹, французский судья Международного Военного Трибунала, выразил своё отношение к данному ограничению наказуемости преступлений против человечности после провозглашения вердикта в лекции цитированной обвинением по делу Флика; его мнение можно считать важным. Французский судья выразил сожаление по поводу ограничения преступления против человечности, но он его подтвердил. Данное ограничение не является предметом воображения, но необходимым результатом преобладания международного права; оно имеет своё происхождение в концепции суверенитета.

²²⁸ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 637.

²²⁹ Анри Доннедье де Фабр (1880-1952) – профессор права (Франция). Судья Международного Военного Трибунала от Французской республики.

Смысл Московской декларации и Лондонского устава, которые оба были включены в закон № 10, касался только преступлений оказавших воздействие на отношения между нациями. Эти отношения должны были охраняться и по этой причине должны были быть наказуемы преступления, которые являлись важными для международного права и которые были связаны с военными преступлениями и преступлениями против мира. Должны были быть наказуемы «международные» преступления.

Такая значимость международного преступления, понятная с точки зрения международного права особо чётко раскрыта в книге написанной профессором Трайниным²³⁰, который являлся официальным консультантом по судебным вопросам Советского Союза по делу I Международного Военного Трибунала. Книга называется «Уголовная ответственность гитлеровцев», опубликована институтом права Академии наук Советского Союза, под редакцией академика Вышинского²³¹. Книга была написана во время появления устава. В соответствии с ней, не является смыслом и задачей «международного уголовного права» применять наказания за преступления которые не выходят за пределы собственной страны и которые не включают сферу международного права.

Тот факт, что не было мысли о том, чтобы наказывать преступления совершенные в границах Германии очевиден из Московской декларации от 30 октября 1943. В данной декларации упоминаются исключительно преступления которые были совершены в других странах которым должны быть выданы обвиняемые.

Если ещё и существуют сомнения в отношении интерпретации вторичного характера преступлений против человечности, эти сомнения устранены Берлинским дополнительным протоколом к данному уставу, датированным 6 октября 1945. В данном протоколе вторичный характер преступлений против человечности разъясняется посредством поправки, видимая несущественность которой вместе с тем служит для подчёркиванию её важности. В соответствии с ней, четыре главных союзных державы, в качестве подписантов устава, встретились вновь только для цели превращения точки с запятой в запятую и в протоколе видно, что это было сделано, потому что значение и намерения соглашений и устава требовали этого.

---

²³⁰ Арон Наумович Трайнин (1883 — 1957) — советский учёный-юрист, криминолог, специалист по уголовному праву, член-корреспондент АН СССР (1946).

²³¹ Андрей Януарьевич Вышинский (1883 — 1954) — советский государственный деятель, юрист, дипломат. Прокурор СССР (1935—1939), министр иностранных дел СССР (1949—1953), постоянный представитель СССР при ООН (1953—1954). Также занимал ряд других должностей.

Статья 6 (с) устава изначально формулировалась как следующая и даже сейчас воспроизводится во многих копиях в той же самой форме, что касается пунктуации:

«(с) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны; или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Формулировка берлинского дополнительного протокола датированного 6 октября 1945 в данном контексте гласит следующее:

«Принимая во внимание соглашение и устав в отношении преследования военных преступников подписанные в Лондоне 8-го августа 1945, на английском, французском и русском языках,

«И принимая во внимание опечатку обнаруженную между оригиналами статьи 6, пункта (с), устава на русском языке, с одной стороны, и оригиналами на английском и французских языках с другой, а именно, точки с запятой в статье 6, пункта (с), устава между словами «войны» и «или», что содержится в английском и французском текстах, является запятой в русском тексте,

«И принимая во внимание желание устранить данную опечатку:

«С настоящего времени, нижеподписавшиеся стороны указанного соглашения от имени соответствующих правительств, уполномоченные надлежащим образом, согласовали, что статья 6, пункт (с) устава в русском тексте является верной и о том, что значение и намерение соглашения и устава требуют, чтобы указанные точка с запятой в английском тексте были изменены на запятую, и чтобы французский текст был изменён следующим образом:

«(с) LES CRIMES CONTRE L'HUMANITE: c'est a dire l'assassinat, l'extermination, la reduction en esclavage, la deportation, et tout autre acte inhumain commis contre toutes populations civiles, avant on pendant la guerre, ou bien les persecutions pour des motifs

politiques, raciaux, ou Aigieux, lorsque ces actes ou pershutions, qu'ils aient constitu6 ou non une violation du droit interne du pays oii ils ont kt6 perpetres ont ete commis la suite de tout crime rentrant dans la competence du Tribunal, ou en liaison avec ce crime.

«В присутствии нижеподписавшихся, подписан настоящий протокол.

«Составлен в четырёх экземплярах в Берлине 6 дня октября 1945, на английском, французском и русском, каждый текст является аутентичным.

За правительство Соединённых Штатов Америки:

[Подпись] Р. Х. Джексон

За временное правительство Французской республики:

[Подпись] Франсуа де Ментон²³²

За правительство Соединённого королевства

Великобритании и Северной Ирландии:

[Подпись] Хартли Шоукросс²³³

За правительство Союза Советских Социалистических

Республик

[Подпись] Р. Руденко²³⁴»

Очевидно это не просто опечатка, которую просто исправили. Это скорее внимательное обдумывание ограничения со стороны держав-подписантов, которое было безошибочно разъяснена. В отсутствие данного ограничения, был бы создан прецедент решающей значимости в международном праве для возможности которая бы существовала по преследованию в любое время предполагаемых преступлений против человечности в другой стране. В соответствии с этим, социалистические государства атаковали бы социальные условия в капиталистических странах как преступления против человечности, и наоборот капиталистические страны могли бы отвечать на меры социалистических стран интервенцией такой которую испытала молодая большевистская революция в 1919. Именно это должно было быть предотвращено не признанием независимым, преступления против человечности

²³² Франсуа де Ментон (1900 — 1984) — французский политик и профессор права. Главный обвинитель от Франции на Нюрнбергском процессе.

²³³ Шоукросс, Хартли (1902—2003) — британский юрист, министр юстиции Великобритании, главный обвинитель от Великобритании на Нюрнбергском процессе

²³⁴ Роман Андреевич Руденко (1907 — 1981) — советский государственный деятель, Действительный государственный советник юстиции (1953), Генеральный прокурор СССР (1953—1981), Герой Социалистического Труда (1972), член ЦК КПСС (с 1961).

для защиты суверенных государств. Профессор Доннедье де Фабр в частности упоминал эту точку зрения в своей лекции как решающую точку зрения Международного Военного Трибунала.

Такой же ограничительный взгляд на данный вопрос разделяется новейшим международным правом Организации Объединённых Наций (ООН), глава I, статья 2, пункт 7 Сан-Францисской резолюции, о создании ООН, датированной 26 июня 1945 гласит, что вмешательство в вопросы, которые находятся в юрисдикции страны являются недопустимыми. Согласно этому, это является зафиксированным принципом международного права даже сегодня, о том, что происходящее в государстве не может повлечь санкции; говоря словами устава, нет независимых преступлений против человечности, которые могут быть наказаны как международные преступления.

Мнение Гуго Гроция²³⁵ и его многочисленных сторонников, сегодня отвергнуто и больше не является действующим для международного права. Интервенции с точки зрения гуманности не применяются, так как их мотивы выглядят подозрительными для государств.

Единственно решающей является практика членов корпуса наций, которые согласовали международное право и существующие соглашения по международному праву.

Такие легальные реалии должно быть противоречат экстравагантному мнению, которое верит в то, что защита гуманности может обеспечиваться только типом международного суверенитета ограниченного суверенитетом отдельных государств. Это было бы целью, которой мы наиболее искренне желаем достичь, но практика показывает, что есть много преступлений против человечности даже сегодня, но ни одного института для их наказания. И никогда не будет такого института, за исключением того который касается побеждённого после тотальной войны, к которой в будущем приведёт любая война.

Также цитировалась другая точка зрения, которая, перед лицом решения МВТ и при этом избегая прецедента, делает преступления против человечности независимыми, по крайней мере постольку поскольку применение касается Германии, в отношении того, что преступления немцев против немцев можно наказывать военными трибуналами оккупирующей державы.

Утверждается, что власть Контрольной комиссии для Германии в отношении национального права даёт этому полномочия распространять сферу наказания на преступления против человечности, независимые от устава. Это

---

²³⁵ Гуго Гроций (1583 — 1645) — голландский юрист и государственный деятель, философ, христианский апологет, драматург и поэт. Заложил основы международного права, основываясь на естественном праве.

противоречит элементарному принципу международного права о том, что законодательная власть оккупирующей державы начинается лишь с момента оккупации и следовательно не имеет обратной силы. Данный принцип не противоречит теории международного права признающей так называемую «обратную силу» для военных преступлений в широком смысле, так как эта обратная сила ссылается только на «международные преступления», которые влияют вне собственной страны и имеют непосредственное влияние с точки зрения международного права. Там это служит применению международного уголовного права, реализация которого, иначе была бы невозможной. Здесь так называемая обратная сила не означает ничего иного, чем, что международное право имеет прецедентность над национальным правом. Такая международная точка зрения не может иметь ценности для национального права.

Если бы действовало иное правило, все лица, которые поддерживали политических противников, т.е. так называемые «патриоты» могли быть наказаны после оккупации страны, и гитлеровский приказ о комиссарах согласно которому всех активных коммунистов должны были расстреливать, был бы санкционирован, потому что они являлись коммунистами и из-за этого объявлялись врагами человечества, т.е. «преступниками против человечности».

Такая проверка «морали» противника кажется недопустимой; проверка условий в собственной стране является вопросом самого народа; последнее может быть, из-за законов, или при революции, преследуя сочувствующих, в связи с их поведением. МВТ следовал именно этой фундаментальной идеи устава и нельзя навязывать данный закон произвольно, заявляя по политическим мотивам, что для того, чтобы обеспечить мир и демократию все действия совершённые в стране ранее следует наказывать как преступления против человечности.

Такой интерпретацией власти в национальном законе вы ставите себя в сильную оппозицию прокламации генерала Эйзенхауэра²³⁶ в связи с оккупацией Германии; она была включена в закон № 1 военного правительства, и следующее было введено под угрозой смерти в случае нарушения:

«Обвинение может быть предъявлено, приговор вынесен и наказание применено только если закон, который действовал в момент, когда деяние было совершено прямо объявлял данное деяние наказуемым. Наказание деяний в результате применения аналогии или в соответствии с мнением «твёрдого народного убеждения» запрещается»

²³⁶ Дуайт Эйзенхауэр (1890 — 1969) — американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США (20 января 1953 — 20 января 1961).

Затем предпринимались попытки поддержать неограниченное законодательное право оккупирующей державы другими средствами, и они ссылались на «дебелляцию²³⁷» или «квази-дебелляцию» или на тот факт, что Германия безоговорочно капитулировала.

Независимо от факта, что никакой дебелляции нет, и что союзники объявили себя оккупирующими державами, не говоря о том, что гросс-адмирал Дёниц не имел надлежащей власти для отказа от защиты международным правом немецкого народа, надлежащее право чётко изложено в Гаагской конвенции. Правила находящиеся в главе III были созданы лишь в ситуации капитуляции и регулируют право оккупации.

Безоговорочная капитуляция не означает отречения от защиты международным правом, как подчинения произволу и беззаконию; но капитуляцию в рамках военных конвенций, т.е. в рамках Гаагской конвенции.

Эти положения Гаагской конвенции являются действующими не только для времени самой борьбы, но должны быть верными для времени после прекращения противоборства, до заключения мира. Фундаментальная идея заключается в том, что Гаагская конвенция является защитой населения против произвола противника, она не позволяет, чтобы после прекращения боевых действий более строгие правила можно было применять к жителям оккупированной территории, нежели чем во время самой войны. В то время, когда оккупирующей державе вряд ли больше угрожают, произвольные запоздалые наказания политических противников за деяния, которые они совершили в своей собственной стране в соответствии с законами своей страны, не должны применяться.

Закон № 10 не может отрицать такое международное право, которое было признано Международным Военным Трибуналом после его принятия и данный трибунал должен проверить полномочия Контрольной комиссии и увидеть, что не могут быть приняты никакие меры о которых участвующие народы государств-подписантов не были проинформированы официально, так как решающие законы были представлены без отдельной ратификации.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что преступление против человечности по закону № 10 должно быть таким же как в уставе. Связанность с военным преступлением не может применяться к деяниям немцев против немцев. Связанные с преступлением против мира, вы можете представить такие преступления против немцев, но эти преступления должны быть связаны с

---

²³⁷ Дебелляция (лат. *debellatio*) — окончание войны путём полного уничтожения воюющего государства, когда мирный договор подписывать не с кем и незачем.

совершением преступлений против мира. Поэтому хотя бы должна быть тесная связь с неким преступлением.

Поэтому, конечно, не может быть достаточным того, чтобы деяние против немца совершалось во время войны и объективно вызывалось войной, но именно, чтобы совершившее лицо знало о том, что его деяние находится в связи с неким преступлением против мира, даже если он сам не является виновным в нём. Без таких рамок, все трудные меры, которые предпринимались во время войны даже против собственного населения, как например против отказников и саботажников, должны наказываться как преступления против человечности в связи с преступлениями против мира, если эта война объявлена агрессивной одним из противников, после поражения в ней.

Следовательно, на руках должны быть некие вещи, которые делают преступление очевидным и подтверждают связь. Если вы решите иначе, хорошо-сформулированные определения устава были бы излишними, и также защита населения Гаагской конвенцией была бы отставлена в сторону недопустимым образом, так как осуществление любой военной меры можно было бы объявить «бесчеловечным». Такая интерпретация дополнительного характера преступлений против человечности подтверждается, если можно установить, каким должно быть предполагаемое преступление против человечности.

В деле Флика обвинение попыталось вывести определение из статьи 6 (с) устава. Оно ссылалось на пункт «в связи с преступлением находящимся в юрисдикции суда», и интерпретировало это следующим образом: то, что преступления особо больших масштабов должны являться ими, так как Международный Военный Трибунал должен заниматься только этим. Такая интерпретация не может поддерживаться, поскольку Международный Военный Трибунал также является компетентным для наиболее значимых военных преступлений, и за любое преступление против мира, независимо от его измерений.

Следует признать, что устав вообще не содержит определения и что характеристики преступлений против человечности не являются установленными. Если вы хотите найти такую спецификацию для независимого преступления против человечности, которое является отдельным от преступлений против мира и военных преступлений, вы можете лишь скатиться к «твёрдому чувству» и вы потеряетесь в недействительности, потому что его границы являются неопределёнными, а навязываются согласно политическому желанию.

Здесь вы можете отметить факт, что германская неограниченная подводная война²³⁸ во время первой мировой войны тогда пригвождалась к позорному столбу как преступление против человечности и заставила Америку вступить в войну. Однако, во второй мировой войне, такой же тип войны использовали США против Японии; это было установлено в Международном Военном Трибунале письменными показаниями адмирала Нимица²³⁹.

Ответ на вопрос о том, что включает в себя преступление против человечности может быть дан только на основе примеров устава и может быть поддержан интерпретацией которая дана Международным Военным Трибуналом. Согласно этому преступление против человечности является усугублённым военным преступлением или преступлением против мира. Оно отличается от этих преступлений своим измерением, своей системой, и способом осуществления. Такой вывод можно сделать из формулировки текста устава в котором цитированы типичные примеры: «истребление, порабощение, депортация».

В случаях преступлений против человечности, в соответствии с этим, исследуемыми действиями должны являться те которые наказуемы уже сами по себе, но кроме этого заходят далее и распространяются, чтобы они «квалифицировались» преступлениями. Измерение преступлений подтверждается формулировкой русского текста, которая не упоминает «убийство», а «убийства» в множественном числе, и не «преследование», а преследования» в множественном числе. Русский текст закона № 10 сформулирован похожим образом.

Данное мнение подтверждается двумя местами в решении Международного Военного Трибунала. Вопрос преступлений против человечности особо разбирался в разделе «Военные преступления и преступления против человечности», и разделе «Право применимое к военным преступлениям и преступлениям против человечности». Здесь деяния, которые провозглашаются как преступления против человечности охарактеризованы как совершённые «в большом масштабе» и как осуществлённые «методично» и «систематически». Их называли «террористической политикой» и называли «ужасными и жестокими» также как и «совершённо безжалостными», «устрашающими и ужасающими». Не изолированное убийство, не изолированное заключение, не изолированный бойкот

²³⁸ Неограниченная подводная война — тип военных действий на морском театре военных действий, при котором подводные лодки топят гражданские торговые суда без соблюдения Правил ведения морской войны, установленных Гаагскими конвенциями и Женевской конвенцией (II).

²³⁹ Честер Нимиц (1885 — 1966) — адмирал флота, главнокомандующий Тихоокеанским флотом США во время Второй мировой войны (с середины декабря 1941 года). Он был одним из наиболее авторитетных специалистов по подводным лодкам в Соединённых Штатах, а также начальником Бюро навигации ВМС США в 1939 году.

еврея не имелись в виду, а лишь только общая мера, которой нарушались «наиболее элементарные законы гуманизма».

Это не является деяниями, которые отдельное лицо осуществляет в одиночку; ему для этого требуется организованная помощь. Следовательно исполнителем может быть только командующий; тот кто подчиняется является его инструментом и является наказуемым только как пособник. Здесь отдельное лицо не действует по своему преступному мотиву, а действует согласно приказу и высшей инструкции. Поэтому мотив деяния в основном является политическим. Прежде всего, Гагская конвенция, думает об общих преступлениях отдельных лиц, которые отвергают сами государства и которые они преследуют уголовным законом в интересах гуманности. Для данной цели государства принимают соответствующие национальные законы.

В развитие данной идеи, с настоящего времени это вопрос предотвращения международным уголовным правом политических мер, которые методически осуществляются государством, т.е., мер которые отвергались Международным Военным Трибуналом как «варварские методы» и как «методы по слову любого сопротивления».

Отвержение таких методов как преступлений против человечности впервые было выражено в статье 22 Гагской конвенции, согласно которой воюющие нации не имеют неограниченного права выбора средств по причинению урона своему противнику. Сейчас исполнители этих деяний должны быть наказаны.

Однако, те средства которые допускаются в битве и методы которые являются допустимыми, можно понять из практики государств. Если вы ищите независимого средства измерения гуманности, вы должны установить, какие вещи кажутся допустимыми, которые заставляют остановиться на мгновение. Уничтожение сотен тысяч жителей незащищённых городов ковровыми бомбардировками и использование атомных бомб делает дискуссию довольно бессмысленной, так как гуманность не возражает таким ужасам, которые в будущем даже будут превзойдены.

Такое средство измерения не следует забывать если вы начинаете судить о преступлениях против человечности в которых здесь обвиняют людей. Если такие ужасы кажутся допустимыми с одной стороны, при том, что такие же деяния со стороны противника осуждаются, приговор гуманности может зависеть только от одобрения или не одобрения цели и задачи, соответственно пороча имя справедливости.

Твёрдая основа которая наказывает преступления против человечности, может подтверждаться только как военное преступление или явное преступление против мира.

Б. Ответственность вышестоящих лиц за действия подчинённых лиц

а. Введение

Подсудимые, которые занимали высокое положение в германской медицинской службе отвергали ответственность за предполагаемые преступные деяния своих подчинённых. Обвинение оспаривало это тем, что «было бы неппростительной ошибкой правосудия наказывать докторов которые работали с жертвами в концентрационных лагерях в то время как их вышестоящие начальники, руководители, инициаторы и организаторы уйдут свободными». Обвинение, например, утверждало, что Карл Брандт имел верховную власть над всеми медицинскими службами в Германии, как военными так и гражданскими; то, что Хандлозер являлся начальником медицинских служб Вермахта; то, что Росток являлся заместителем Карла Брандта, ответственным за «централизованную координацию и руководство проблемами и деятельностью всей медицинской службы» в сфере науки и исследований; то, что Шрёдер являлся начальником медицинской службы Люфтваффе; то, что Генцкен являлся начальником медицинской службы Ваффен-СС; то, что Бломе являлся заместителем рейхсгесундхайтсфюрера; то, что эти люди были явно ответственными за деяния своих подчинённых в своих ответственных секторах.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительной речи обвинения

.....

Ответственные руководители медицинских служб

В виду явных и преобладающих доказательств, можно сделать вывод о том, что практика экспериментов на заключенных концентрационных лагерей, без их согласия являлась организованной и систематической программой. Следовательно, правильным будет рассмотреть, имеем ли мы на скамье подсудимых

руководителей германских медицинских служб без которых эти преступления были бы невозможными. Было бы непростительной ошибкой правосудия наказывать докторов которые работали с жертвами в концентрационных лагерях в то время как их вышестоящие начальники, руководители, инициаторы и организаторы уйдут свободными. Без сомнения было, установлено, что эти вещи не могли случиться без одобрения сверху. Тогда, кто был этими людьми наверху? Эти оставшиеся в живых, за одним исключением находятся на скамье подсудимых.

На месте номер один находится подсудимый Карл Брандт. Он имел верховную власть над всеми медицинскими службами в Германии, как военными так и гражданскими. Он вступил в нацистскую партию в январе 1932 и в СС в 1934, в которых он достиг звания группенфюрера. В тот год, в возрасте 30 лет, он стал сопровождающим врачом Адольфа Гитлера и оставался в этой должности до 1945. Его близкие личные отношения с фюрером объясняют его быстрый рывок к власти. В день вторжения в Польшу, в 1939, Гитлер приказал Брандту и Филиппу Боулеру, начальнику канцелярии фюрера, осуществить программу эвтаназии.

Кроме своих личного влияния и близкой связи с Гитлером, главнейшая власть Брандта в медицинских службах вытекала из его положения в качестве генерального комиссара, а позднее рейхскомиссара по службам здравоохранения и медицины. В результате катастрофической зимней кампании на Востоке в 1941, Гитлер впервые распоряжением от 28 июля 1942 ввёл чиновника по медицине и здравоохранению под своим непосредственным руководством. Данное распоряжение сделало Брандта высшей властью над всеми медицинскими органами Германии. Оно говорило следующее:

«Я уполномочил профессора доктора Карла Брандта, подчинятся исключительно мне лично и получать свои инструкции напрямую от меня, для осуществления особых задач и переговоров для изменения требований к докторам, госпиталям, медицинским средствам и т. д., между военным и гражданским секторами службы здравоохранения и медицины.

«Мой уполномоченный по службам медицины и здравоохранения информируется о основополагающих событиях в медицинской службе Вермахта и гражданской службы здравоохранения. Он уполномочен принимать решения установленным образом» (НО-080, экз. обв. 5)

Этим же распоряжением также были назначены начальники медицинских служб Вермахта и гражданской медицинской службы. Подсудимый Хандлозер стал начальником медицинских служб Вермахта, доктор Леонардо Конти, государственный секретарь по здравоохранению и рейхсгесундхайтсфюрер, также

стал начальником гражданских служб здравоохранения. Брандт являлся начальником и Хандлозера и Конти, и через них имел обширные полномочия над армией, флотом, Люфтваффе, Ваффен-СС и гражданскими медицинскими службами. Брандт находился на вершине власти. Он не подчинялся никому кроме фюрера. Он был человеком действующим за фюрера в медицинских вопросах. Распоряжение уполномочивало Брандта «вмешиваться в ответственной манере» и приказывало о том, чтобы его информировали о «фундаментальных событиях». Разумеется, не могло быть ничего более фундаментального чем политика проведения медицинских экспериментов включающих пытки и смерть недобровольных человеческих подопытных.

5 сентября 1943 Гитлер принял второе распоряжение уполномочив Брандта на «централизованное взаимодействие и руководство проблемами и деятельностью всех служб медицины и здравоохранения...» (НО-081, экз. обв. 6) Приказ прямо говорил о том, что полномочия Брандта охватывали сферу медицинской науки и исследований. Вскоре после принятия данного распоряжения, подсудимый Росток был назначен Брандтом в качестве начальника управления науки и исследований, с полномочиями в данной сфере.

Наконец, 25 августа 1944, фюрер повысил Брандта до рейхскомиссара по службам здравоохранения и медицины и заявил о том, что данным качестве «его ведомство, имеет ранг высшего ведомства Рейха». Должность Брандта была приравнена к министру Рейха. Он был уполномочен «принимать инструкции ведомствам и организациям государства, партии и Вермахта, которые касались проблем служб медицины и здравоохранения» (НО-082, экз. обв. 7) Ясно, что данное распоряжение принималось для разрешения борьбы между Брандтом и Конти. Конечно распоряжение не давало Брандту большего чем августейший титул и укрепляло его власть, власть которую он получил уже в июле 1942. Брандт свидетельствовал о том, что оно просто «усиливало» его положение. Должностной регламент принятый Кейтелем для Хандлозера в качестве начальника медицинских служб Вермахта, тогда, когда Брандт всё ещё являлся генеральным комиссаром, предусматривал, что Хандлозер подчинялся «общим правилам генерального комиссара фюрера по службам медицины и здравоохранения» и о том, что Брандт должен был информироваться об «основных событиях» в сфере медицинских служб Вермахта. В досудебных письменных показаниях, подсудимый Хандлозер заявил о том, что после того как он стал начальником медицинских служб Вермахта с 28 июля 1942 «Брандт являлся моим непосредственным начальником в медицинских вопросах» (НО-443, экз. обв. 10) Шрёдер заявлял о том, что «Карл Брандт, Хандлозер и Росток информировалась о медико-исследовательской работе

проводимой Люфтваффе» (НО-449, экз. обв. 130). Кроме своей должности в качестве генерального и рейхскомиссара служб здравоохранения и медицины, Брандт также являлся членом управляющего комитета совета исследований Рейха, организации который предоставлял финансовую поддержку преступным экспериментам.

На втором месте находится подсудимый Хандлозер который имел высшую власть над медицинскими службами всех родов войск Вермахта. Уже в 1941 он был назначен медицинским инспектором армии и главным врачом. Он занимал эти должности до сентября 1944 и как таковой имел командование над всей медицинской службой армии, которая являлась крупнейшей из медицинских подразделений Вермахта. В качестве медицинского инспектора армии, Хандлозеру подчинялись консультирующие врачи армии, военно-медицинской академии, институтов тифа и вирусов ОКХ в Кракове и Львове, и медицинского училища горных войск в Санкт-Йогане. Ему было присвоено звание генералоберштабсарцта, высшее военно-медицинское звание.

28 июля 1942, Хандлозер был повышен до вновь созданной должности начальника медицинских служб Вермахта. Это было тоже самое распоряжение, которое назначило Брандта генеральным комиссаром, которому Хандлозер, с военной стороны, и Конти с гражданской стороны, должны были подчиняться. Хандлозер являлся ответственным за координацию медицинских служб Вермахта и всех организаций и подразделений подчинённых или приданных Вермахту, включая медицинские службы Ваффен-СС. До этого распоряжения существовало четыре отдельных медицинских подразделений Вермахта; армии, Люфтваффе, флота и Ваффен-СС, каждая действовала независимо от остальных. В соответствии с этим распоряжением, Хандлозер был назначен для координации и унификации их деятельности и был непосредственно подчинён Кейтелю как начальнику верховного главнокомандования Вермахта (ОКВ). Он имел полномочия над начальниками медицинских служб армии, флота, Люфтваффе, Ваффен-СС, и всеми организациями и службами работавшими в рамках работы Вермахта, и над «всеми научно-медицинскими институтами, академиями и иными медицинскими учреждениями служб Вермахта и Ваффен-СС» (НО-227, экз. обв. 11) Он являлся советником начальника верховного главнокомандования Вермахта по всем вопросам касавшимся медицинских служб Вермахта и руководства его здравоохранением. В сфере медицинской науки, его обязанностью было осуществлять единообразные меры в сфере руководства здравоохранением, исследованиями и борьбой с эпидемиями, и всеми медицинскими вопросами, которые требовали единообразного регулирования в Вермахте, и далее, оценка медицинского опыта.

Одним из принципиальных средств используемых подсудимым Хандлозером при координации научных исследований были совместные конференции консультирующих врачей четырёх родов войск Вермахта. На второй конференции консультирующих врачей Востока в декабре 1942 в военно-медицинской академии, Хандлозер сам, довольно чётко обозначил задачу начальника медицинской службы Вермахта по унификации медико-научных исследований. В обращении к конференции он сказал:

«Требования и размах этой тотальной войны, также как соотношение между потребностями и доступностью личного состава и материалов, требуют мер, также в военной и медицинской сферах, которые послужат унификации и единого руководства. Это не является вопросом «маршируем отдельно, а воюем вместе», а марша и борьбы ведущихся в унисон с самого начала во всех сферах.

«Как результат, в отношении военного сектора, возникли медицинская служба Вермахта и начальник медицинских служб Вермахта. Не только в вопросах личного состава и материала – даже при том, что такое возможно в виду особых сфер и особых задач, которые следует учитывать – но также в виду медико-исследовательского образования и исследований, наш путь в медицинской службе Вермахта есть и будет единым. Соответственно, группа участников второй конференции Востока, которую я сейчас открываю, существенно отличается от первой рабочей конференции в мае этого года; Тогда это была конференция армии; сегодня три рода войск Вермахта, Ваффен-СС и полиция, трудовая служба и Организация Тодта участвуют и едины.

«Вы, конечно, позвольте, чтобы я поприветствовал вас с большим радушием и с искренним желанием того, чтобы наша общая работа могла быть благославлена с надеждой совместного успеха.

«Однако, я хочу распространить особое приветствие рейхсгесундхайстфюрера, заместителя государственного секретаря Конти, который занимает центральное руководство медицинскими службами в гражданском секторе. Я вижу в его присутствии не только интерес к нашим рабочим темам, но и выражение его связи с медицинской службе Вермахта и его понимание особой важности Вермахта как на поле боя, так и дома. Мне нет необходимости гарантировать и упрощать ум

солдата, тем, что ему не требуется волноваться о физическом благополучии родины при том, что это происходит в реалиях войны» (НО-922, экз. обв. 435)

Вновь, на четвёртой конференции консультирующих врачей в мае 1944, подсудимый Карл Брандт подчёркнул важность положения Хандлозера, говоря –

«Генералоберштабсарцт Хандлозер, вы, одновременно солдат и врач, являетесь ответственным за использование и работу наших медицинских офицеров».

.....

«Мне кажется, и это вероятно касается всех присутствующих, что данная встреча проводимая сейчас в Хохенлихене будет проведена с пользой для наших солдат. Достижения ваших врачей к этой дате, господин генералоберштабсарцт, подтверждает, это однозначно, и их готовность вносить свой вклад заставляет всех нас гордиться – и я могу сказать – быть уверенными».

.....

«Хорошо назвать вещи своими именами и смотреть на них так как нужно. Эта встреча является видимым выражением этого – она будет и должна быть такой во всех отношениях; консультирующие врачи собрались вокруг своего медицинского начальника. Когда я гляжу на эти ряды, вам генералоберштабсарцт Хандлозер, можно позавидовать; медицинские эксперты, с лучшими и высочайшими знаниями, имеются в вашем распоряжении для заботы о солдатах. В обоюдном взаимодействии между вами и вашими медицинскими офицерами, проблема наших медицинских знаний и возможностей сохраняется жива». (НО-924, экз. обв. 437)

Не было бы таких восхвалений человеку без власти и влияния. Если Хандлозер не является ответственным за преступления совершённые медицинскими службами Вермахта и в особенности армии и Люфтваффе, тогда вообще нет никого виновного.

На месте номер три у нас подсудимый Росток, которому в качестве заместителя Брандта поручалась «централизованная координация и руководство

проблемами и деятельностью всех служб медицины и здравоохранения» в сфере науки и исследований. Даже до своего назначения на эту должность осенью 1943, Росток являлся одним из ответственных лидеров германской медицинской профессии. В 1942 он был назначен деканом медицинского факультета университета Берлина. В том же году он стал консультирующим хирургом при Хандлзере – медицинском инспекторе армии. Он получил звание генераларцта. В качестве начальника управления науки и исследований при Брандте, задачей Ростока была координация научных исследований в Германии. Он получал отчёты о направлении исследовательских поручений различными ведомствами Германии и определял, какие такие поручения следует рассматривать как «срочные». Он также служил в качестве уполномоченного Брандта в совете исследований Рейха.

На месте номер четыре у нас подсудимый Шрёдер, который с 1 января 1944 до конца войны являлся начальником медицинской службы Люфтваффе. С 1935 до февраля 1940 Шрёдер являлся начальником штаба своего предшественника Эриха Гиппке в качестве медицинского инспектора Люфтваффе. С февраля 1940 по январь 1944 он служил в качестве врача воздушного флота 2, когда он заменил Гиппке в качестве начальника медицинской службы Люфтваффе. Одновременно он был повышен до звания генералоберштабсарцта. В качестве начальника медицинской службы Люфтваффе, ему подчинялись все медицинские офицеры германских воздушных сил. Его положение и ответственность являются ясными и однозначными.

На месте номер пять находится подсудимый Генцкен, который в качестве начальника медицинской службы Ваффен-СС, являлся одним из высших медицинских офицеров СС. Он вступил в нацистскую партию в 1926 и в 1936 пошёл на действительную службу СС в медицинский отдел службы специальных подразделений СС, которые впоследствии стали Ваффен-СС. Весной 1937 медицинское управление СС было укрупнено и разделено на два отдела. Генцкен стал начальником отдела ответственного за обеспечение медикаментами и надзор за медицинским персоналом в концентрационных лагерях. В этом качестве он являлся медицинским советником зловещего Эйке²⁴⁰, предшественника Поля в качестве командующего всеми концентрационными лагерями. Заксенхаузен, Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен, Флоссенбург и Нойенгем, среди прочего находились под медицинским надзором Генцкена. Немногие люди могли быть лучше осведомлены о

---

²⁴⁰ Теодор Эйке (1892 — 1943) — обергруппенфюрер СС, первый командир 3-й танковой дивизии СС «Мёртвая голова» («Тотенкопф»), один из создателей системы концентрационных лагерей в нацистской Германии. Был убит во время битвы за Харьков.

систематическом подавлении и преследовании несчастных заключенных в этих учреждениях.

В мае 1940, Генцкен стал начальником медицинского управления Ваффен-СС в оперативной штаб-квартире СС, в звании оберфюрера. Оперативная штаб-квартира СС подчинялась группенфюреру Гансу Юттнеру и являлась одним из двенадцати главных управлений верховного командования СС. При том, что Юттнер являлся военным начальником Генцкена, его техническим или медицинским начальником был главный врач СС Гравиц заместителем которого он был по многим поводам. В 1942 его должность стала известна как начальник медицинской службы Ваффен-СС, управления D оперативной штаб-квартиры СС. Он получил звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта Ваффен-СС. Среди ведомств подчинённых Генцкену находилась служба химикатов и фармакологии под руководством Блюменройтера и гигиена под руководством подсудимого Мруговски. Мруговски относился к ведомству Генцкена как гигиенист в 1940 и в то же время являлся начальником института гигиены Ваффен-СС, который в свою очередь, подчинялся Генцкену. 1 сентября 1943, медицинская служба СС была реорганизована и помимо прочего, Блюменройтер, Мруговски и институт гигиены Ваффен-СС были переведены в ведомство главного врача СС Гравица. Соответственно прямое подчинение должно было быть Гравицу нежели Генцкену.

И далее, есть подсудимый Бломе, группенфюрер СА, заместитель рейхсгесундхайтсфюрера, заместитель руководителя палаты врачей и Ассоциации врачей национал-социалистов, представителем в управлении медицинской науки, уполномоченным в совете исследований Рейха и начальником исследований бактериологического оружия. В качестве ближайшего сотрудника Конти, его нельзя исключать из списка власти. Конти являлся высшей властью в сфере администрации гражданского здравоохранения. Распоряжение от 28 июля 1942, подписанное Гитлером, о реорганизации медицинских служб, определяло положение Конти следующим образом:

«В сфере гражданской службы здравоохранения, государственный секретарь министерства внутренних дел и рейхсгесундхайтсфюрер, доктор Конти, является ответственным за меры координации. Для данной цели у него имеется в распоряжении соответствующие департаменты высших властей Рейха и их подчинённые ведомства». (НО-080, экз. обв. 5)

Не было ни единого медицинского вопроса, который не доходил до управления здравоохранения нацистской партии и палаты врачей, подчинёнными которым были все врачи в Германии, за исключением находившихся на действительной службе в вооруженных силах и СС. В качестве члена совета

исследований Рейха, Бломе был лично связан с планами и мероприятиями включавшими преступные медицинские эксперименты.

Это были ответственные руководители медицинских служб Германии. Тогда, кто же, пропал из этого впечатляющего собрания? В ходе процесса, мы часто упоминали имена Конти и Гравица. При этом, подсудимые хотели заставить нас поверить в то, что эти двое, вместе с Гитлером и Гиммлером, несут исключительную ответственность за множество преступлений которые мы разбирали. Мне вряд ли требуется обращать внимание на тот факт, что все они мертвы. Все они предпочли лишиться жизни нежели предстать перед судом. Никто не может отрицать, что эти люди являются виновными. Но это никоим образом не служит оправданием для данных подсудимых, которые все, играли важные роли в этой безумной схеме. Любопытно то, что никто из подсудимых не показал с укором на живых людей. Если поверить им, то все виновные в преступлениях мертвы. По их мнению, справедливость может требовать воздания только у трупов. Подсудимые Люфтваффе странно молчали о Гиппке, который, поздно схваченный, занял бы видное место на скамье подсудимых. Те подсудимые которые работали с мёртвыми преступниками – такие как Гебхардт, Мруговски и Поппендик с Гравицем, Бломе с Конти – просят трибунал сказать о том, что их связь была достойной и чистой, что их работа велась в другой сфере, и то, что преступления своих хозяев стали для них полной неожиданностью и были им неизвестны. Однако, доказательства подтверждают, что они не только знали и поддерживали эти преступления, но также принимали в них личное участие.

В связи с ответственными должностями этих подсудимых и особо Карла Брандта и его помощника Ростока, Хандлозера, Шрёдера, Генцкена и Бломе, я желаю обратить внимание трибунала на решение Верховного суда Соединённых Штатов по делу *in re*²⁴¹ Ямасита²⁴². 25 сентября 1945 Ямасита, командующий четырнадцатой группой армий японской императорской армии на Филиппинских островах был обвинён в нарушении законов войны. Впоследствии он заявил о невиновности, был судим, признан виновным по предъявленным обвинениям и приговорён к смерти через повешение. Жалоба на выбор меры пресечения была подана в Верховный суд с намерением показать, что заключение Ямаситы было незаконным по причине, среди прочего того, что обвинение предъявленное ему не смогло обвинить его в нарушении законов войны.

---

²⁴¹ «В отношении» (лат.)

²⁴² Томоюки Ямасита (1885 — 1946) — генерал японской армии во время Второй мировой войны. В 1944-1945 военный губернатор Филиппин. Казнён по приговору американского трибунала.

Обвинение заявляло, что Ямасита, между 9 октября 1944 и 2 сентября 1945, на Филиппинских островах, «являясь командующим вооружённых сил Японии в войне против Соединенных Штатов Америки и их союзников, незаконно пренебрёг и не исполнил свою обязанность в качестве командующего по контролю за действиями подчинённых военнослужащих, позволив им совершить жестокости и иные тяжкие преступления против народа Соединённых Штатов и их союзников и зависимых территорий, в частности Филиппин; и он ..... соответственно нарушил законы войны». Военная комиссия, которая судила Ямаситу установила, что жестокости и иные тяжкие преступления совершались военнослужащими японских вооруженных сил под его командованием, что они не носили внезапный характер, но во многих случаях методично наблюдались японскими офицерами, и что в течение данного периода Ямасита не смог обеспечить эффективный контроль за своими войсками как того требовали обстоятельства. Верховный суд поставил вопрос о своём решении следующим образом:

«Не отрицается, что такие акты направленные против гражданского населения оккупированной территории и против военнопленных признаются в международном праве как нарушения права войны... Но утверждается, что обвинением не предполагается, что податель жалобы также совершал или поручал такие деяния, и соответственно ему не вменяется никакое нарушение. Но при этом не учитывается тот факт, что сущность обвинения заключается в незаконном нарушении подателем жалобы как командующим армии, обязанным контролировать операции военнослужащих под своим командованием, «позволив им совершать» обширные и широко распространённые жестокости. В данном случае вопрос заключается в том, возлагает ли право войны на командующего армией обязанность предпринимать соответствующие меры, как находящиеся в рамках контроля за войсками под своим командованием по предотвращению особых деяний которые являются нарушениями права войны и которые также сопутствуют оккупации вражеской территории при бесконтрольности над солдатами, и о том можно ли его обвинить в личной ответственности за его неспособность предпринять такие меры, что привело к нарушениям»

Суд установил, что обвинение было обоснованным и что закон войны «прямо возлагал на подателя жалобы, который в данное время являлся военным губернатором Филиппин, также как и командующим японскими войсками,

обязательную обязанность для того, чтобы предпринять меры находящиеся в его власти и соответствующие обстоятельствам, по защите военнопленных и гражданского населения. Данная обязанность командующего соответственно признавалась, и её нарушение является нарушением наказуемым военными трибуналами».

Данное решение прямо указывают на преступную ответственность этих подсудимых на скамье, которые имели власть и ответственность по контролю за агентами посредством которых эти преступления совершались. Не является обязанностью обвинения показывать, что тот или иной подсудимый был знаком со всеми подробностями этих экспериментов. По сути, в деле Ямаситы не было обвинения или доказательства о том, что он имел сведения о преступлениях. В деле Международного Военного Трибунала, было представлено доказательство того, что рейхсбанк, президентом которого являлся подсудимый Функ, получал от СС личные принадлежности жертв, которых уничтожали в концентрационных лагерях. В этой связи трибунал сказал в приговоре:

«Отрицая это, Функ заявлял, что он не знал, что Рейхсбанк получал вещи подобного рода. Трибунал придерживается того мнения, что Функ или знал о том, что поступало в банк, или же он умышленно закрывал глаза на происходившее²⁴³».

Но нам не требуется обсуждать требование осведомлённости о фактах в данном деле. Постоянно подтверждалось, то, что ответственные руководители германских медицинских служб на данной скамье подсудимых не только знали о систематическом и преступном использовании заключенных концентрационных лагерей для убийственных медицинских экспериментов, но также активно участвовали в таких преступлениях. Можно ли утверждать, что Карл Брандт не имел сведений об этих преступлениях, при том, что он лично инициировал эксперименты с гепатитом Домена в концентрационном лагере Заксенхаузен и эксперименты с фосгеном Бикенбаха? Можно установить, что он ничего не знал о преступной программе эвтаназии, при том, что Гитлер поручил ему её исполнение? Можно ли сказать о том, что Хандлозер не имел сведений, при том, что он участвовал в конференции 29 декабря 1941, на которой было решено осуществлять преступления с тифом в Бухенвальде, при том, что отчёты о преступных экспериментах представлялись на совещаниях созванных им и под его председательством. Являлся ли Росток островком неведения, при том, что готовил программу и председательствовал на конференциях, на которых Гебхардт и Фишер читали

²⁴³ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 686

лекции о своих экспериментах с сульфаниламидом, при том, что он классифицировал как «срочные», преступные исследования Хирта, Хаагена и Бикенбаха? Имел ли Шрёдер сведения, при том, что он лично попросил Гиммлера предоставить ему заключенных для экспериментов с морской водой? Можно ли установить, что Генцкен не имел сведений об этих преступлениях, при том, что презренный доктор Динг подчинялся и получал от него приказы в связи с тифозными экспериментами в Бухенвальде, при том, что его ведомство обеспечивало Рашера снаряжением для экспериментов с охлаждением? Был ли Бломе достаточно информирован перед лицом доказательств о том, что он сотрудничал с Рашером в экспериментах со свёртываемостью крови, принимая для него исследовательские поручения об экспериментах с охлаждением и Хирту об экспериментах с газом, также как и сам проводя эксперименты с ядами и бактериологическим оружием?

Нет, это не была нехватка информации, что касалось преступной программы, которая объясняет виновную халатность этих людей в неспособности уничтожить этого монстра Франкенштейна²⁴⁴. Это не было и нехваткой власти. Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что Карл Брандт мог принимать инструкции для Хандлозера и Конти о том, чтобы доктора подчинённые им не должны были экспериментировать на заключенных концентрационных лагерей? Нет оправдания в том, чтобы говорить о том, что Гитлер и Гиммлер одобряли политику и что его усилия могли не удасться. Но факт, заключается в том, что Брандт также одобрил и лично участвовал в программе. Он был «высшей властью Рейха» в медицинских службах, а не Гиммлер. Медицинские службы являлись основной функцией Брандта, при том, что Гиммлер имел несколько иные задачи, которые занимали его, такие как управление СС, министерством внутренних дел, германской полицией, и армией резерва, упоминая лишь некоторые.

Не могло быть ничего проще для Хандлозера чем принять генеральную директиву о том, чтобы офицеры медицинских служб Вермахта держались подальше от концентрационных лагерей. Если он не мог этого сделать, тогда мы должны сделать вывод о том, что этого не мог сделать никто. Хандлозер не проявил никакого внимания к военно-медицинским службам. И то, что Хандлозер мог делать во всех родах войск Вермахта, Шрёдер, Генцкен и Бломе могли сделать в отношении Люфтваффе, Ваффен-СС и рейхсгесундхайтсфюрера.

---

²⁴⁴ Чудовище Франкенштейна (Создание Франкенштейна, монстр Франкенштейна, ошибочно называется также просто «Франкенштейном») — одно из главных действующих лиц романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818)

Неизбежен вывод, о том, что преступления этих ответственных руководителей стократно больше чем у тех негодяев которые осуществляли убийственные эксперименты в концентрационных лагерях. У них была власть, возможность и обязанность контролировать, и их неспособность является их вечной виной.

в. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Карла Брандта

.....

В какой мере подсудимый Карл Брандт причастен к медицинским экспериментам?

Обвинение говорит, что он причастен почти ко всем из них и ссылается на его должность и его связи. Оно говорит о том, что он являлся высшей властью Рейха в медицинской сфере; однако, в этом оно последовало за ошибкой переводчика, так как Карл Брандт имел полномочия, регулируемые общим образом, как «Oberste Reichsbehoerde²⁴⁵», но осуществление этой власти ограничивалось отдельными случаями.

Это видно из трёх известных распоряжений и из объяснений о них, данных свидетелями. Более того Карлу Брандту не передавали этих функций до 1944, когда эти эксперименты практически закончились, как показывает график времени представленный трибуналу для сравнения.

Нашло подтверждение то, что подсудимого Карла Брандта наоборот, публично называли его должность как рейхскомиссара «координатора». Фактически, задачей Карла Брандта было не приказывать, а координировать; данная задача определяла настрой его характера.

Мы также узнали из представленных доказательств, что подсудимый Карл Брандт не имел в своём распоряжении механизма для принятия приказов, который был необходимым для верховной власти Рейха; ему не хватало штата и средств. Никто из тех кто знаком с правительственным управлением не подумает, что в таких обстоятельствах было возможно, чтобы подсудимый Карл Брандт даже мог проводить свою точку зрения в виду сопротивления старых ведомств; никто даже не

---

²⁴⁵ «Высшие власти Рейха» (нем.)

подумает, что вероятно следовало сделать, что нибудь ещё для упрощения такой попытки «нового хозяина».

Соответственно, положение Карла Брандта не являлось таким, чтобы оправдать вывод сделанный обвинением о его общей осведомлённости. Не имелось официального канала по которому всё могло доходить до его сведения, так как он не являлся вышестоящим начальником других ведомств.

Правдой является то, что подсудимого Карла Брандта предположительно должны были информировать о фундаментальных вопросах, что он имел право вмешиваться, и т. д. Но это были лишь возможности, не соответствующие условиям на практике. Мы увидели, что Конти противостоял ему и что Гиммлер запретил непосредственный контакт Карла Брандта с его сферой.

Следовательно, Карла Брандта можно связать только с событиями в которых он участвовал непосредственно.

Прежде всего поражает то, что подсудимый Карл Брандт, который предположительно должен был являться высшей властью, появляется очень редко.

.....

Теперь обвинение стремится установить связь Карла Брандта с остальными экспериментами, через совет исследований Рейха. Правдой является то, что можно установить такую связь теоретически на бумаге, но цепочка разрывается при ближайшем рассмотрении. Только глава специализированного отдела судил о так называемых исследовательских заданиях, и только он изучал, была ли цель необходимой для войны, а не том как проводить эксперимент. Он не мог информировать остальных по вопросам о которых сам не знал.

Подсудимый Карл Брандт далее обвинён в не заявлении протеста в одном случае, когда он слышал о подробностях смертей вызванных экспериментами на лицах приговорённых к смертной казни в хорошо известной лекции о сульфаниламиде. Я должен отметить, что даже если бы эксперимент был недопустимым, молчание не являлось бы преступлением так как согласие после деяния не имеет важности в уголовном законе и может быть связано с планами и мероприятиями до тех пор пока они были реализованы.

Теперь обвинение представило в своём заключительном обзоре новое обвинение, в котором утверждается, что подсудимый Карл Брандт является ответственным за халатность. В данном отношении я хочу отметить, что не было предъявлено никакого обвинения в халатности и что концепция преступления против человечности совершённая посредством халатности не может существовать.

Следовательно, будет достаточным подчеркнуть, что предполагаемая халатность зависит от существования обязательства по надзору и прав отдавать приказы через иные ведомства. Во всяком государстве сферы компетенции разделены и каждому невозможно вмешиваться во всё, потому что любой должен быть ответственным за всё.

Обвинение говорит о том, что подсудимый Карл Брандт должен был использовать своё влияние и воспользовавшись своими близкими отношениями с Гитлером остановить эксперименты. Даже предполагая то, что он был осведомлён о фактах как преступных, его вина не являлась бы юридической, а только политической или моральной.

До сих пор никто не был признан виновным в уголовной ответственности за поведение вышестоящего начальника или друга; однако, трибунал должен рассматривать только вопрос уголовного закона.

Но фактически такие близкие отношения не существовали; подсудимый Карл Брандт являлся хирургом, который должен был сопровождать Гитлера; доктор Морелль²⁴⁶, последующий личный врач, вскоре попытался подорвать доверие к Карлу Брандту для чего ему были даны поручения, которые всё дальше и дальше отстраняли его от сферы медицинской деятельности.

Предполагаемые близкие отношения окончательно увенчались вынесением смертного приговора против Карла Брандта даже без его уведомления о предъявленных обвинениях.

.....

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Шрёдера

.....

Ваши чести, следует делать чёткое разграничение между периодами, когда профессор Шрёдер ещё не являлся начальником медицинской службы Люфтваффе и временем пребывания в должности. Здесь мы касаемся периода с начала 1940 до конца 1943. В течение данного периода профессор, доктор Шрёдер являлся ведущим медицинским офицером воздушного флота 2, и как таковой продолжал службу вне

²⁴⁶ Теодор Морелль (1886 — 1948) — личный врач Адольфа Гитлера в 1936—1945 годах.

Германии. Лишь 1 января 1944 и до конца он занимал должность начальника медицинской службы Люфтваффе.

Это ясно показывает, что профессор, доктор Шрёдер не может нести ответственность за все эксперименты в концентрационных лагерях, которые проводились до 1 января 1944. Его сфера обязанностей ограничивалась медицинским обеспечением воздушных подразделений подчинённых ему и у него не имелось никаких официальных точек соприкосновения с медицинской инспекцией при том, что последнее было его компетенцией как доктора воздушного флота.

Для того, что привести картину обязанностей профессора Шрёдера того времени, обращаю внимание на тот факт, что численность личного состава воздушного флота 2 насчитывала от 200000 до 300000 человек.

При рассмотрении ответственности профессора Шрёдера в экспериментах с большой высотой в Дахау, обвинение упустило тот факт, что в то время, профессор Шрёдер являлся доктором воздушного флота и утверждало, что во время войны он являлся, после профессора, доктора Гиппке, медицинского начальника, вторым высшим офицером Люфтваффе. При таких обстоятельствах, обвинение провело параллель о том, что профессор Шрёдер, в качестве второго высшего медицинского офицера, очевидно являлся заместителем Гиппке, и следовательно, должен был знать о наиболее важных событиях касавшихся медицинской инспекции.

Подсудимый, профессор Шрёдер, без сомнения в свою защиту подтвердил, что он не являлся самым старшим медицинским офицером после Гиппке, следовательно не являясь заместителем Гиппке. В качестве генераларцта и генералштабсарцта он просто имел звание следующее по старшинству после медицинского начальника, как и остальные пять докторов воздушных флотов. Выше него были двое генералштабсарцтов, а именно, доктор Ноймюллер и доктор Блауль²⁴⁷. Последний имел своё ведомство в Берлине и фактически при необходимости являлся заместителем Гиппке.

Профессор, доктор Шрёдер также отрицал дальнейшее предположение обвинения о том, что его отношения с профессором, доктором Гиппке были особенно близкими, по причине чего Гиппке информировал его об экспериментах с большой высотой. В частности свидетель доктор Августинич, личный адъютант Шрёдера во время своей службы в качестве доктора воздушного флота, подтвердил, что отношения между Гиппке и Шрёдером были крайне напряженными и

---

²⁴⁷ Фридрих Блауль (1889-1947) – генералштабсарцт Люфтваффе. Главный врач воздушного флота 3 в 1939-1942.

неприятными и что они ограничивались обсуждением только необходимых вещей в связи с их весьма нечастыми встречами.

.....

Ваши части, если посмотреть на службу профессора Шрёдера в течение всего периода с 1940 до конца войны, никто не найдёт ни одной улики, показывающей, что профессор Шрёдер, когда-либо или каким-либо образом нарушал обязанности, которые требовались от врача или медицинскую этику предписанную для него. Ни в одном примере, он не действовал так, чтобы это не выдержало проверку судом. Можно заявить о том, что он никогда не отвергал клятвы Гиппократов «*primum nil nocere*²⁴⁸», но руководствовался им как руководящим в своих действиях, как доктор и офицер медицинских служб германских Люфтваффе.

Обвинение не смогло доказать, что Шрёдер когда-либо приказывал о таком эксперименте в течение периода охваченного обвинением, или то, что он участвовал или имел сведения о каком-либо таком эксперименте. Даже не было доказано, что для него было возможно или необходимо получать сведения о таких экспериментах. Профессор Шрёдер чётко объяснил, почему он не имел таких сведений. На весь период времени с 1942 до конца 1943 ответственность должна оставаться на профессор Гиппке, а не на профессоре Шрёдере.

.....

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Ростока

.....

Во вступительной речи, генерал Тейлор сказал, о том, что рейхскомиссар по системе медицины и здравоохранения должен считаться высшей властью Рейха. Подчёркивание данного слова является путаницей и противоречит аутентичному документу НО-082, экземпляру обвинения 7, который говорит: «В данном качестве его ведомство являлось верховным ведомством Рейха». Затем в данном распоряжении, пропущен артикль. Но это весьма важно. Так как распоряжение существенно тем, что он являлся одной из многих «верховных властей Рейха», в то время как способ выражения выбранный генералом Тейлором должен привести к

²⁴⁸ «Не навреди» (лат.)

выводу о том, что единственная «верховная власть Рейха» находилась в управлении здравоохранением. Но, как показывают доказательства, это неправда. В своей вступительной речи от 9 декабря 1945, генерал Тейлор сказал: «Должность Ростока охватывала деятельность медицинских обществ, медицинских университетов, и совета исследований Рейха»

Во время процесса не атаковалось ни одно из множества германских медицинских обществ, за исключением «Аненербе». Я хочу здесь отметить, что прежде всего, «Аненербе» нельзя рассматривать медицинским обществом, что без сомнения подтверждается организационным планом организации представленном трибуналу (Зиверс, 2, экз. Зиверс 4; Зиверс 3, экз. Зиверс 6) И позвольте мне отметить, что Росток свидетельствовал о том, что во время войны не знал об этом обществе и даже о его названии, и согласно тому о чём заявил свидетель Зиверс 11 апреля 1947, медицинские институты «Аненербе» по научным исследованиям военного значения не подчинялись генеральному комиссару системы медицины и здравоохранения, что означает, что они не подчинялись ведомству под руководством Ростока.

Предметом его надзора также не являлись медицинские университеты. Они подчинялись министерству образования Рейха.

Я позднее разберусь с советом исследований Рейха. Сначала я хочу разобраться с ведомством по науке и исследованиям. Что касается включения в германский государственный механизм ведомства генерального комиссара или рейхскомиссара по службам медицины и здравоохранения, я сошлюсь на заявления доктора Серватиуса.

Росток подробно разбирал данный вопрос во время допроса защитой. Трибунал конечно вспомнит его заявление. Росток действительно не имел надзорных полномочий над исследовательской работой родов войск Вермахта и СС.

Поручения Брандта, и таким образом также и Ростока вообще не включали медицинских вопросов, а лишь особые задачи о которых совершенно ясно показал свидетель Ламмерс 7 февраля 1947. И задача данная Ростоку не включала надзора за практическими исследованиями. 23 апреля 1947 профессор Розе совершенно верно описал ситуацию в Германии, когда сказал о том, что центральное планирование медицинских исследований в Германии призрачно рождалось спустя 1 ½ года после войны. Правда, предпринимались попытки исправить невозможную ситуацию, созданную нехваткой централизованного руководства наукой в Германии. Предпринимались попытки, но ведущие политики Германии осознали важность науки слишком поздно.

Германия не имела учреждения с компетенцией и финансовыми средствами американского «офиса научных исследований и разработок» под руководством доктора Вэнивару Буша²⁴⁹, который под руководством того же самого человека, был передан в мирную организацию Соединённых Штатов под названием «бюро исследований и разработок». Следует коротко обсудить отношение ведомства Ростока к СС, так как все эксперименты, которые играют роль в данных слушаниях в конце концов, проводились в концентрационных лагерях находившихся в юрисдикции СС. Сам Росток, никогда не являлся членом СС. Кроме этого, он не имел никаких отношений с СС. Когда было создано ведомство генерального комиссара по системе медицины и здравоохранения, Гитлер, в присутствии Гимmlера, дал ясно понять Карлу Брандту, что в его качестве (Карла Брандта) генерального комиссара, СС не являлись его делом. Практическое исполнение данной директивы прямо подтверждается Генцкеном. Более того, распоряжение от 25 августа 1944 (НО-082, экз. обв. 7), которое приводит ведомства которым рейхскомиссар по системе здравоохранения и медицины мог отдавать директивы, не упоминает СС. Генцкен также свидетельствовал о том, что не существовало прямых связей между ведомствами Генцкена и Брандта. Согласно множеству письменных показаний представленных Генцкеном. (Генцкен 1, экз. Генцкен 3; Генцкен 9, экз. Генцкен 9; Генцкен 6, экз. Генцкен 10; Генцкен 8, экз. Генцкен 11; Генцкен 3, экз. Генцкен 12; Генцкен 5, экз. Генцкен 13; Генцкен 16, экз. Генцкен 14; Генцкен 17, экз. Генцкен 15; Генцкен 15, экз. Генцкен 16) только Гравиц являлся компетентным за научные исследования в рамках СС. Генцкен также свидетельствовал о том, что Росток никогда не давал инструкции по исследовательским вопросам СС.

4 марта Гебхардт свидетельствовал о том, что Гравиц никогда не подчинялся Карлу Брандту и о том, что Брандт никогда не имел права принимать директивы для Гравица. Далее он свидетельствовал о том, что Гимmlер хотел создать «научную исключительность для СС» и о том, что университетская публика сопротивлялась этому. Однако, Ростока следует определенно считать представителем университетских учёных. Доказательства верности намерения Гимmlера о «научной исключительности для СС» содержатся в письме, датированном 22 сентября 1942, группенфюрера СС Бергера рейхсфюреру СС. (Карл Брандт 120, экз. Карл Брандт 35)

Когда в инструкции от 15 мая 1944 (НО-919, экз. обв. 460) Гимmlером вводились формальности по осуществлению экспериментов на заключенных, было

²⁴⁹ Вэнивар Буш (1890 — 1974) — американский ученый, инженер, разработчик аналоговых компьютеров, методолог и организатор научных исследований и научного сообщества. Советник по науке при президенте Рузвельте.

естественно, что имена Ростока или Карла Брандта в ней не упоминалась. Данная инструкция не направлялась Карлу Брандту даже для сведения, как видно из самого документа. Это должно быть достаточным доказательством того, что Росток не имел влияния на исследовательскую деятельность в рамках СС или концентрационных лагерях. Во время обсуждения отдельных экспериментов уже отмечалось, что он не знал о них.

В отношении исследовательских поручений направляемых медицинским начальникам Люфтваффе, Шрёдер заявил (НО-449, экз. обв. 130) – и во время перекрёстного допроса он вновь обращался к данному документу – о том, что все исследовательские поручения должны были проходить через ведомство Ростока. В своих письменных показаниях Шрёдер свидетельствовал о том, что это было ошибочное описание. (Росток 11, экз. Росток 10) В ещё одном допросе от 27 февраля 1942 доктором Крауссом, Шрёдер прямо подтвердил верность данных письменных показаний. Так, было установлено, что копия исследовательского поручения направлялась Ростоку. Его одобрения поручений не требовалось. Свидетель Вюрфлер, также подтвердил это во время своего перекрёстного допроса, доктором Крауссом от 19 февраля 1947. И в своих письменных показаниях Бекер-Фрейзинг свидетельствовал о том, что Люфтваффе не имело поручений Ростока о проведении исследований путём экспериментов на людях. (Росток 10, экз. Росток 9)

В ходе заслушивания доказательств от 2 июня 1947 по делу Бекер-Фрейзинга, подробно обсуждалось как возникали исследовательские поручения, как готовились отчёты о них и о том, что средства достижения результатов не являлись предписанными; и о том, что реальный контроль агентства дававшего поручения не осуществлялся и был невозможен. Я сошлюсь на расшифровку содержащую значимые показания в этой связи.

А сейчас, я хочу перейти к проблеме связанной с советом исследований Рейха. Здесь обвинение вменяет Росток ответственность, потому что с начала 1944 он являлся заместителем Брандта в качестве члена председательского комитета данного органа. Не сам факт, а ответственность, в особенности в смысле уголовного закона или морали, следует отрицать. Я отрицаю утверждение обвинения, возникшее из заявления господина Макхэни 10 декабря 1946, о том, что Росток осуществлял «надзорный контроль» за советом исследований Рейха или – по поводу представления письма от Рашера об экспериментах с охлаждением (НО-432, экз. обв. 119) – то, что «совет исследований Рейха в целом действовал преступным образом».

Вопрос совета исследований Рейха был достаточно разъяснён во время допросов Карла Брандта, Ростока, Бломе, Зиверса, также как и письменными

показаниями начальника управляющего комитета совета исследований Рейха Менцеля. (Росток 13, экз. Росток 12; Зиверс 42, экз. Зиверс 43) В качестве пика возникшего в данной связи является факт, что ответственными за поручения этих исследований являлись, исключительно, управляющие специальных отделов и их уполномоченные агенты и уполномоченные, которые подчинялись Герману Герингу. Росток не находился среди них. Члены председательствующего комитета не имели надзорных обязанностей и не имели права принимать директив для управляющих по специальным вопросам.

Члены председательствующего комитета информировались об исследованиях путём напечатанных отчётов, так называемых «красных буклетов» Можно предполагать, что обвинение владеет этими книгами. Все материалы совета исследований Рейха были переданы американским властям профессором Озенбергом и некоторые документы из этих дел были представлены во время данного процесса.

.....

Если бы «красные буклеты» содержали единый абзац, который можно использовать для подтверждения заявлений обвинения, можно предполагать, с уверенностью, что эти буклеты были бы здесь представлены. Но этого не было сделано. Из этого можно с точностью сделать вывод, что члены председательствующего комитета совета исследований Рейха не получали никакой информации о преступных экспериментах. И, как цитировалось ранее в связи с этим, господин Макхэни сам признал во время перекрёстного допроса Росток, что он не верит в то, что, например, Хааген информировал совет исследований Рейха о своих экспериментах в концентрационных лагерях.

Хааген сделал подробные заявления о возникновению исследовательских поручений в целом, и также в частности, о получении собой поручений, и праве и обязанности возложенном на ведомство давшее поручение.

.....

Фрагменты из заключительного обзора от имени подсудимого Хандлозера

.....

Обязанностью инспектора медицинской службы, как начальника медицинской службы армии, являлось обеспечение в сфере его официального надзора того, чтобы промежуточные начальники являлись ответственными за исполнение своих обязанностей. Он также должен был следить за тем, чтобы военная информация и каналы отчётности были хорошо организованы и гарантировали требуемую картину всего комплекса отчётности и немедленное расследование необычных отдельных случаев. Это требовало величайшего внимания в отборе подчинённых ведущих медицинских офицеров, также как проведения периодических инспекций проводимых отобранными офицерами.

Профессор Хандлозер представил трибуналу письменные показания о системах отчётности относящихся к военно-медицинским вопросам родов войск Вермахта. (Хандлозер 65, экз. Хандлозер 62)

Данный документ раскрывает примерную организацию сообщений и отчётности, включая сферу консультирующих экспертных врачей. Передача отчётов об «особых событиях» кажется мне особо важной для проблемы обсуждаемой здесь. Действующим порядком всего Вермахта был тот, чтобы любое ведомство, включая ведомства медицинской службы, должны были немедленно предоставлять отчёт путём скорейшего метода при каждом событии о каждом обстоятельстве вне рамок обычных событий. (Хандлозер 65, экз. Хандлозер 62)

Профессор Хандлозер в качестве инспектора медицинской службы и главного хирурга являлся начальником медицинской службы всех фронтов и внутренних зон и являлся ответственным перед главнокомандующим армией и командующим армии резерва. 26500 медицинских офицеров армии подчинялись ему. Следовательно его сфера службы и степень его работы, являлись чрезвычайно широкими.

Для правильного руководства такой крупной сферой работы – в случае Хандлозера это также включало ведомство начальника медицинской службы армии – следовало распределять работу во времени, пространстве и задачах. Организация и прогресс работы в сфере медицинского инспектора армии и начальника медицинской службы армии объяснены профессором Хандлозером в его письменных показаниях. (Хандлозер 29, экз. Хандлозер 4). Согласно этому, в основных и наиболее важных вопросах в любом случае разбирался и решал профессор Хандлозер в качестве начальника высшего ведомства. В этой связи я сошлюсь на показания доктора Вюрфлера и письменные показания Шмидта-Брюкена (Хандлозер 62, экз. Хандлозер 58) Особое внимание следует уделять поступавшей почте (сообщениям, отчётам, письмам) В письменных показаниях Хандлозера (Хандлозер 29, экз. Хандлозер 4), сказано следующее:

«Все письма и посылки, если они не помечались «секретно» или «совершенно секретно», проходили регистрацию. Там они распечатывались, регистратор ставил штамп с датой, который одновременно проставлялся письмом для доставки начальнику штаба, или различные отделы указанные начальником. Начальник штаба помечал эти сообщения, которые должны были быть представлены медицинскому начальнику крестиком цветного карандаша.

«Секретный и совершенно секретный (воен.) материал передавался особым способом. Данный материал вносился в журнал, и затем доводился до сведения начальника штаба, который определял кому должны быть представлены документы, или доводил до сведения, медицинского инспектора немедленно или после того как разбирался с ним»

Такая организация могла осуществляться без ущерба установленному порядку, так как власти находились под командованием особо квалифицированных людей (начальников управлений) возглавляемых начальником штаба, который надзирал за ежедневной деловой рутинной и являлся ответственным за все деловые вопросы.

В отношении Хандлозера следует помнить о том, что во время войны он очень редко присутствовал в головном ведомстве (Берлин). С учётом двойной функции Хандлозера как доктора армии и медицинского начальника армии, и более того в результате разделения медицинской инспекции армии на две части для фронта и внутренней зоны, Хандлозер вынужден был проводить много времени в штаб-квартире армии на фронте. Он мог присутствовать в Берлине только одну десятую времени. Более того, стали необходимыми штаты в учреждениях дома с особо квалифицированными медицинскими офицерами, так как они должны были в основном действовать по своей инициативе при осуществлении своих задач.

Начальник штаба медицинской инспекции армии, например являлся генераларцтом; начальниками отдельных отделов являлись оберстарцты. Для того, чтобы судить о бремени и ответственности которыми были обременён Хандлозер, следует рассмотреть задачи и круг работы связанные с медицинской инспекцией. Из-за войны эти задачи интенсифицировались до крайних границ, существовало расширение оперативных театров и личные проблемы 26500 медицинских офицеров. Следует также осознавать, что Хандлозер мог заниматься только самыми важными и наиболее основополагающими проблемами.

Начальник штаба и начальники управлений, так как это являлось их обязанностью, определяли какие вопросы являлись достаточно основополагающими

и жизненно важными для обращения за решением к медицинскому начальнику армии.

Следует учитывать, что несвойственно для высшей власти (т.е. начальника) большой сферы деятельности знать обо всех событиях в рамках данной сферы.

Более того, подлинные факты не подтверждают, что лицо имеющее высшую командную власть в рамках военной иерархии армии в некоторой степени являлось инициатором всех приказов исполняемых подчиненными в данной иерархии. Если принимается приказ, следует определить кто из всех надзирающих начальников ведомств в этой иерархии является ответственным инициатором данного приказа, согласно уголовного права. Если никакого особого приказа не отдавалось, следует исследовать, было ли вызвано инкриминирующее поведение со стороны подсудимого, личным из-за обстоятельств в рамках его ответственности, согласно уголовного закона (такие как приказы и правила, которые повлекли возможное преступное поведение подчинённых или соответствующее согласие на совершение преступлений, до их инициирования или его совершения).

Только если обвинение поддержит и подтвердит (а), что поведение подчиненных включало наказуемое правонарушение и (б) что данное деяние в частности являлось результатом приказа отданного вышестоящим начальником, или при его согласии данным до правонарушения, подсудимому можно вменить подстрекательство, совершение преступления, пособничество или соучастие.

Этим исчерпываются все возможные типы поведения до преступления. Что бы ни происходило после, это не имеет никакого относящегося к делу значения в юридических доказательствах. Это невозможно, так как вся причинно-следственная связь отсутствует.

В отношении вопроса возможного правонарушения при исполнении надзорных обязанностей, следует сказать следующее: Согласно ст. 147 германского военно-уголовного кодекса: «Любой халатно исполняющий задачу возложенную на него при надзоре за подчинёнными как намеренно так и по небрежности» подлежит наказанию. Согласно германской теории и судебной практике, применение данного закона предполагает существование прямой связи между вышестоящим и подчинённым.

Если, нечто недопустимое или наказуемое происходящее в сфере обязанности можно приписать факту того, что надзирающее должностное лицо халатно отнеслось к своим обязанностям, то также возможно, что это случилось не из-за недоработки надзирающего должностного лица. В первом примере надзирающее должностное лицо подлежит наказанию согласно ст. 147 военно-

уголовного кодекса; однако, это не применимо в последнем случае. Возникает только вопрос должно ли отвечать надзирающее должностное лицо перед уголовным законом за действия своего подчинённого. На это следует ответить отрицательно. Правонарушение против надзорной службы само включает в себя правонарушение. Это автоматически не требует того, чтобы надзирающее должностное лицо было наказано за преступление совершённое подчинённым, так как в соответствии с уголовными законами всех цивилизованных стран за правонарушение совершённое им самим, т.е. надзирающее должностное лицо следует рассматривать пособником или соучастником преступления подчинённого. Только таким образом можно понимать отрывок пункта один, обвинительного заключения. Он предусматривает ответственность перед уголовным законом за «действия тех за кого были ответственными подсудимые»

Предпосылки для этого были изложены выше.

.....

Положение профессора Хандлозера в качестве начальника медицинской службы
вооруженных сил

.....

Обвинение утверждает, что Хандлозер в качестве начальника медицинской службы германских вооруженных сил имел верховный надзор и командование медицинскими службами трёх родов войска вооруженных сил также как Ваффен-СС. Это является фундаментальной ошибкой основанной на непонятном заявлении главного обвинителя в своей вступительной речи:

«Ниже ОКВ находились высшие командования трёх родов войск Вермахта – флота (ОКМ), армии (ОКХ) и воздушного флота (ОКЛ)»

Из вердикта МВТ, я цитирую следующее в отношении начальника верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ), который являлся начальником подсудимого Хандлозера:

«Кейтель не имел командных прав над тремя видами вооруженных сил²⁵⁰ ...»

Из этого обвинение должно сделать логический вывод о том, что если начальник Хандлозера, Кейтель, не имел командных полномочий над тремя родами

²⁵⁰ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 669

войск вооруженных сил и их верховными главнокомандующими, тогда профессор Хандлозер, как его подчинённый, также не мог иметь никаких командных полномочий над медицинскими начальниками приданными к штабам верховных главнокомандующих. Доказательства это подтверждают.

Обвинение ссылается для доказательства противоположного только на заявление бывшего начальника воздушных сил Гиппке на другом процессе. Согласно этому Гиппке предположительно свидетельствовал о том, что профессор Хандлозер являлся его профессиональным начальником. Неправильность данного заявления подтверждается противоположными показаниями данными под присягой профессором, доктором Шрёдером который был преемником Гиппке и генераларцта, доктора Хартлебена, также как и генераларцта, доктора Вюрфлера. Представленные доказательства, в совокупности с содержанием распоряжения 1942, показывают, что обязанностью начальника медицинской службы вооруженных сил было руководство распределением личного состава и материальные вопросы в рамках рода вооруженных сил, о чём свидетельствует первое предложение распоряжения. В рамках данной сферы обязанностей, профессор Хандлозер был ответственным в сочетании или – как это называлось в целом – координации всех общих проблем в сфере медицинской службы вооруженных сил. Задача координации данная профессору Хандлозеру не означала, что соответственно все общие проблемы автоматически попадали под его юрисдикцию. Скорее его обязанностью являлось изучать, какая часть необъятной медицинской службы была подходящей для координации. Генераларцт, доктор Вюрфлер называл это «программой будущей сферы устремлений». В этой связи смотрите также профессора Хандлозера. Всегда, когда Хандлозер думал о том, что некое ведомство было подходящим для координации, он пытался добиться соглашения с медицинскими начальниками родов войск; так как он не имел командных полномочий, координация могла осуществляться только при содействии медицинских начальников. После завершения координации, он был уполномочен принимать «директивы» в данной сфере, которые не имели характера приказа. Хартлебен ответил на вопрос моего коллеги доктора Штейнбауэра:

«Директивы давали общие руководящие принципы, приказ должен был осуществляться по письму»

Вюрфлер выразил тоже самое похожим образом:

«Вышестоящий начальник имеет полномочия отдавать приказы. Можно говорить лишь о праве принимать директивы, в которых не было полномочий отдавать приказы и не было отношений руководства».

Исследования являются сферой, которая по своему характеру не является подходящей для координации. При этом, возможно облегчить дефицит личного состава и материалов в сферах личного состава и персонала в медицинской службе, путём координации, или иными словами достижения практически полезного эффекта, такого который не лежит в отношении исследования. Обвинение также спрашивало профессора Ростока о проблеме координации в сфере исследований и выступало за то, что путём такой координации, то есть, такой концентрации исследовательской деятельности, которая осуществлялась в различных местах, личный состав и материалы использовались более эффективно. Профессор Росток сделал некоторые замечания на этот счёт, которые имеют фундаментальное значение, потому что они опровергают тезис обвинения объективно убедительными причинами. Согласно ему, многие условия, в военной и медицинской сферах являлись подходящими для координации, при том, что исследования не могли координироваться. Лучше для цели, когда несколько учёных работают над одинаковой проблемой, чем одно единственное ведомство участвующее в этой деятельности. Профессор Росток сказал совершенно открыто:

«Если кто-нибудь скажет мне, чтобы я обратил всё внимание на данный вопрос, и такая же вещь будет разрабатываться в этом месте, и тогда, при всей вероятности, я должен был понять причины почему было необходимо в обеих местах делать одно и то же»

И снова:

«Я бы отнёсся как к абсолютной ошибке говорить одному учёному: «Вам больше нельзя работать с этим, над этим работает другой...»

Свидетель Хартлебен, также, разделил такую же точку зрения во время перекрёстного допроса. На вопрос обвинителя:

«Разве не являлось задачей начальника медицинской службы вооружённых сил координировать отдельные исследовательские мероприятия в тоже самой сфере для того, чтобы использовать с наибольшим преимуществом доступный личный состав и материал?»

он ответил:

«По моему мнению начальник медицинских служб вооружённых сил в таком случае должен был исследовать вопрос; потому что, в конце концов дело в науке и исследованиях очень часто становится необходимым следовать многим разным способам для того, чтобы придти к некой осязаемой цели, и дело

может произойти – и я очень хорошо могу это представить – что было желательно иметь несколько учёных работавших над одинаковой проблемой...»

Соответственно Росток подтверждает аргумент защиты Хандлозера на этот счёт. Подытоживая: цель достигавшаяся координацией – экономия личного состава и материала – является несовместимой с самим характером успешного исследования. Следовательно приказ по координации личного состава и материала, никогда не применялся к сфере исследований.

Совершенно другая вещь это создание рабочих групп в рамках одинаковой сферы исследований. Целью создания такой рабочей группы не должна была быть экономия личного состава и материала, а взаимное информирование и обсуждение, для того, чтобы проверять насколько отдельные исследователи продвинулись по различным путям.

Такие мероприятия предполагались для противодействия излишней секретности и эгоистическому сокрытию информации часто заметным в сфере исследований. Изобретатели и учёные относятся к своим открытиям как к революционным. В качестве прототипа индивидуализма они намерены хранить в тайне подробности своего исследования, даже, или точно, от других учёных, работающих в той же сфере. Данный факт прямо характеризуется в документе представленном обвинением. (НО-262, экз. обв. 108) Я цитирую из письма бывшего начальника медицинской службы воздушных сил, доктора Гиппке:

«Сложности существуют в совершенно другой сфере.

Это является вопросами включающими тщеславие отдельных учёных, каждый и всякий из которых хочет обладать всеми результатами исследований индивидуально, и которых часто можно можно привести к альтруистической совместной работой с величайшими трудностями».

Суд увидит из этого, что создание рабочих групп в сфере исследования гепатита в соответствии с предложением доктора Шрайбера на конференции по гепатиту в Бреслау в июне 1944 не имело никакого отношения к координации, но, то что оно оставило множество деятельных, различных учёных участвующих в исследованиях гепатита не затронутыми. Начальник медицинской службы вооруженных сил также не имел в своём очень ограниченном штате исследовательского отдела. Только в должностном регламенте вступившем в силу 1 сентября 1944 (НО-227, экз. обв. 11), который однако на практике никогда не вступил в силу. (Хандлозер 29, экз. Хандлозер 4) в пункте 14а, задачи начальника медицинских служб вооружённых сил упоминались как проводящие единообразные меры в сфере медицинской науки, включая сферу исследований и борьбы с

заболеваниями. Однако, здесь, также, это не являлось вопросом подчинения исследовательских учреждений родов войск вооруженных сил, а изучения «проблемы» реализуемости совместной работы в некоторых сферах. Действительно, из-за развития с сентября 1944, координация в сфере исследований никогда не имела места. Исследовательская деятельность различных родов войск вооружённых сил, также как и Ваффен-СС являлись и остались независимыми. Что является важным на данном процессе в отношении ответственности Хандлозера это вопрос имел ли начальник медицинских служб вооруженных сил функции в сфере исследований и если так чем они являлись. Он сам заявлял и генераларцт, доктор Хартлебен, который являлся авторитетной стороной при разработке распоряжения 1942 (НО-080, экз. обв. 5) и его дополнительных должностных регламентов, заявил о том, что исследовательская деятельность родов войск вооружённых сил и Ваффен-СС не относились к официальному ведомству начальника медицинских служб вооруженных сил. Об отделе исследований медицинской инспекции воздушных сил вышеуказанный медицинский инспектор воздушных сил Гиппке предоставил убедительные доказательства. Обвинение представило письмо Гиппке от 6 марта 1943 обергруппенфюреру СС Вольфу (НО-262, экз. обв. 108) из которого я цитирую:

«Ваше мнение о том, что я как ответственный глава всей исследовательской деятельности в медицинской науке возражал экспериментам по охлаждению на людях и соответственно препятствовал развитию является ошибочным».

Более, того, я обращаю внимание на документ НО-289, экземпляр обвинения 72 и документ 1612-ПС, экземпляр обвинения 79, который подтверждает независимость исследовательской работы воздушных сил, также в письменных показаниях профессора Шрёдера и доктора Бекер-Фрейзинга. (Хандлозер 22, экз. Хандлозер 33; Хандлозер 23, экз. Хандлозер 34)

.....

Не оспаривается, что существовала единственная связь между двумя медицинскими службами, только с той частью медицинской службы Ваффен-СС, которая была связана с дивизиями Ваффен-СС во время мобилизации на фронт. Это происходило в подчинении тех медицинских ведомств армии, которые соответствовали, соответствующим вышестоящим военным ведомствам. Дивизии Ваффен-СС подчинялись корпусному командующему армии; соответственно, медицинская служба дивизий Ваффен-СС подчинялась корпусному доктору; медицинская служба возглавлялась через медицинского офицера армии, медицинского офицера группы армий и медицинского начальника армии к

медицинскому инспектору армии и над ним, начальнику медицинской службы вооружённых сил.

Ни одно из этих ведомств, ни военное ни медицинское, не могло вмешиваться в существенный «характер», назначения снаряжения, организации, и т.д., дивизии. Приказ относился только к мобилизации на фронте (тактическое подчинение). Помимо этого, все полномочия оставались в руках высшего ведомства Ваффен-СС, оперативного главного управления рейхсфюрера СС (Гиммлер-Гравиц).

Мобилизация медицинских подразделений, в сфере полевой скорой помощи и госпитальных поездов, т.е. различные подразделения дивизии медицинского офицера СС, передавались им в соответствии с инструкциями дивизии. Высшие приказы в отношении ухода за ранеными и больными эсэсовцами передавались медицинскому офицеру дивизии СС через медицинского офицера армейского корпуса медицинским начальником армии. При обычном ходе дел, даже медицинский офицер армии не включался, за исключением службы отчётов о потерях. Медицинский инспектор армии и начальник медицинской службы вооружённых сил практически не имели повода вмешиваться. Это случалось только, когда докладывалось об особом событии в высшие ведомства.

Начальник медицинской службы вооружённых сил, имел полномочия только на продолжительность времени подчинения вооружённым силам делегированной власти, по просьбе медицинского начальника армии через медицинского инспектора армии, к армейскому или корпусному медицинскому офицеру для проведения решений по личному составу и материалу в рамках его ведомства.

За исключением боевых дивизий, начальник медицинских служб вооружённых сил не имел полномочий ни над каким другим подразделением или учреждением Ваффен-СС, больших чем доктор Генцкен как начальник медицинской службы Ваффен-СС за пределами фронтовых дивизий. Подытоживая, тогда, следует отметить, что отношения между медицинскими ведомствами вооружённых сил и Ваффен-СС ограничивались во времени и практике необходимым медико-тактическим подчинением и медицинской службой во время боевых операций. Этим подтверждается, то, что профессор Хандлозер не имел никакого влияния на медицинскую организацию Ваффен-СС, то есть, на весь период дел и сфер медицинских служб и службы здравоохранения. Это применимо в особенности к медицинским исследованиям и учреждениям созданным для данной цели. Это подтверждается (а) письменными показаниями профессора Хандлозера о диаграмме медицинской службы вооружённых сил; (б) письменными показаниями профессора

Мруговски (Хандлозер 17, экз. Хандлозер 5; (в) письменными показаниями доктора Генцкена (Хандлозер 16, экз. Хандлозер 6); (г) официальным примечанием в должностной инструкции 1944 (НО-227, экз. обв. 11); (д) письменными показаниями профессора Гебхардта; (е) экспертными показаниями Хартлебена и (ж) показаниями Вюрфлера.

Утверждение обвинения о том, что профессор Хандлозер как начальник медицинской службы вооружённых сил имел надзор за медицинской службой Ваффен-СС соответственно опровергается.

Это также опровергает основной тезис обвинения на котором основано обвинительное заключение о профессоре Хандлозере, так как подтверждено, что начальник медицинских служб вооружённых сил не имел, в сфере медицинских исследований, ни командных полномочий ни надзорной власти вне сферы военно-медицинской инспекции.

То, что говорилось здесь о времени распоряжения 1942 – 1 августа 1942 до 31 августа 1944 – равно применимо ко времени начиная с 1 сентября 1944. Распоряжение от 7 августа 1944 (НО-227, экз. обв. 11) представляло расширение изначально направленное на координацию, без завершения подчинения медицинских начальников родов войск вооружённых сил как запрашивалось начальником медицинских служб вооружённых сил. Что действительно завершилось, так это превращение консультативных полномочий, которые имелись у него до настоящего времени, в командные полномочия в сфере технических обязанностей начальника медицинских служб вооружённых сил.

Профессор Хандлозер свидетельствовал под присягой (Хандлозер 29, экз. Хандлозер 4) и свидетель Хартлебен подтвердил тоже самое в своих заявлениях, отмеченных выше, что ничего не изменилось, что касалось сферы исследовательской деятельности родов войск вооружённых сил и Ваффен-СС. Цель централизации широко распространённых учреждений была нарушена, за исключением тех случаев, которые единственно соответствовали войне, после 1 сентября 1944, в частности также с учётом факта, который появился в показаниях о том, что между тем, другие ведомства приняли управление исследовательской работой в различных сферах (1) совет исследований Рейха, (2) управление науки и исследований и (3) общество военных исследований.

В заключение и в качестве меры предосторожности, я также желаю упомянуть следующее для рассмотрения трибунала в связи с проблемой командной власти Хандлозера как начальника медицинских служб вооружённых сил:

Предположив на секунду, что профессор Хандлозер должен был получить командную власть, ничего не говорит более убедительно в его оправдание чем тот

факт, что обвинение не представило ни одного документа (ни приказа, ни инструкции, ни письма) из которого можно сделать вывод о том, что он применял свои командные полномочия в смысле приказов о проведении незаконных экспериментов.

В виду продолжительности времени, которое он занимал должность начальника медицинских служб вооружённых сил с августа 1942 до мая 1944, данный факт имеет решающее значение.

.....

Фрагмент заключительного обзора в защиту подсудимого Генцкена

.....

Положение и деятельность

Свидетель Юттнер заявил следующее о его положении и его деятельности (Генцкен 15, экз. Генцкен 16): «Положение доктора Генцкена в качестве начальника медицинской службы Ваффен-СС было положением вышестоящего офицера медицинских подразделений Ваффен-СС. Он был ответственным исключительно за их подготовку, формирование новых подразделений и их снаряжение. Он должен был находить пополнение при потерях в боевых подразделениях».

Сами Ваффен-СС были созданы летом 1940. Тогда они включали приблизительно 580000 человек. Кроме того было около 320000 потерь, таким образом общей силой было приблизительно 900000 человек. Официальный медицинский уход во всех Ваффен-СС находился в руках подсудимого, доктора Генцкена. В начале, медицинский личный состав Ваффен-СС был около 800 человек и в конце приблизительно 30000 человек. В начале, Ваффен-СС были доступны два госпиталя, а в конце войны шестьдесят. Шесть институтов гигиены выросли из одного в Берлине, и т.д.

Помимо этого, вся обширная медицинская организация во время войны должна была быть выстроена доктором Генцкеном из ничего и в особо сложных обстоятельствах вызванных войной, о которых достаточно известно трибуналу. Медицинские инспекции родов войск Вермахта имели за спиной долгие годы опыта, в случае армии и флота даже десятки лет. Такого не было в случае молодых подразделений Ваффен-СС.

Лишь по этой причине очевидно, что научные исследования и планирование не входили в сферу работы доктора Генцкена, что он постоянно подчёркивал во время представления доказательств и что подтверждается представленными письменными показаниями. (Генцкен 3, экз. Генцкен 12; Генцкен 5, экз. Генцкен 13; Генцкен 6, экз. Генцкен 10; Генцкен 8, экз. Генцкен 11; Генцкен 9, экз. Генцкен 9; Генцкен 15, экз. Генцкен 16)

Но доктор Генцкен даже не имел времени серьёзно заниматься научными вопросами. Это было совершенно естественно. Его наиболее неотложным беспокойством была организация новой медицинской службы Ваффен-СС в плане личного состава и материалов и постоянный надзор за этим. Его положение приводило к значительной ответственности во всей сфере медицинских служб Ваффен-СС за создание новых медицинских подразделений, снаряжение новых госпиталей, поэтому у него не оставалось времени на другую работу. Во время процесса стало абсолютно ясно, что научные исследования и планирование являлись задачей главного врача СС. Могу я отметить, в этой связи, что все обсуждавшиеся на процессе эксперименты можно почти без исключения проследить от инициативы Гимmlера и Гравица. Были ли это эксперименты с большой высотой и эксперименты с охлаждением или эксперименты с тифом и сульфаниламидом, все они начинались по приказам Гимmlера и Гравица. Данный факт ещё более подтверждается документом 002-ПС, экземпляром обвинения 39. Он буквально говорит, относительно задачи принятия исследовательской работы главным врачом СС, Гравицем. Последний просил в конце 1942 о том, чтобы 53 офицера были предоставлены ему для научно-исследовательской работы. Во всём документе который включает несколько отчётов министерства финансов Рейха и главного врача, научно-исследовательская работа в целом в медицинской сфере упоминается снова и снова как руководимая и приказываемая главным врачом. При том, что ходатайство было отклонено, последующая нехватка тифозной вакцины, приводит, например, возможность доктора Гравица создать, с разрешения Гимmlера экспериментальную станцию по исследованию тифа в концентрационном лагере Бухенвальд в качестве своего первого собственного научного учреждения.

Гравиц также часто подчёркивал подсудимому Мруговски, что только он компетентен за задачи исследований и планировании в медицинском подразделении СС, и что доктор Генцкен не имел к этому никакого отношения. (Генцкен 1, экз. Генцкен 3)

То, что доктор Генцкен никогда не интересовался деятельностью и сферой работы главного врача, как и не пытался получить эти задачи, следует из того факта, что в 1941 Гимmlер выбрал доктора Генцкена в качестве преемника доктора

Гравица. Когда вышестоящий офицер Генцкена, начальник главного оперативного управления СС Юттнер, проинформировал его об этом, он сразу же категорически отказался, так как он предпочитал оставаться в медицинской службе в войсках и как он сам думал не подходил для научных исследований. (Генцкен 15, экз. Генцкен 16)

Доктор Генцкен во время своего допроса привёл суду подробное описание всего штата доступного ему для выполнения своих обязанностей. Он прямо отметил, что во всей организации его медицинской службы, не было запланировано ни одно ведомство научных исследований и планирования, и поэтому, фактически такого ведомства никогда не существовало в действительности. Данный факт подчёркивается тем, что в медицинском управлении Ваффен-СС не имелось группы «консультирующих врачей» существовавших как специалисты в различных специализированных отраслях медицинской науки. (Генцкен 18, экз. Генцкен 17)

Далее, в конце августа 1943, важные изменения по приказу Гимmlера произошли в организации, в силу, клинической и организационной концентрации всех медицинских служб СС, доктор Генцкен должен был передать всё фармацевтическое оборудование и институты гигиены, также как и четырёх начальников отделов в ведомство главного врача СС и полиции. Соответственно эти учреждения находились под исключительным надзором и ответственностью главного врача с того времени и после.

Следует подчеркнуть, что доктор Генцкен никогда не был в прошлом учёным.

Во время первой мировой войны он был во флоте и занимался организацией медицинских служб на подводных лодках, затем он был 15 лет врачом общей практики в небольшом городе, затем занимался организационными обязанностями в министерстве Рейхсвера, и затем похожими обязанностями в Ваффен-СС; он никогда не занимал место профессора и не имел почётного звания «профессор».

Так как в ходе процесса с экспериментами часто связывался институт гигиены Ваффен-СС, могу я отметить следующее:

Институт гигиены Ваффен-СС был единственным в Германии. Он не был занят гигиеническими проблемами Ваффен-СС, но также всех других организаций СС и соответственно также главного врача в его научных исследованиях. В ходе спора между Гравицем и доктором Генцкеном у начальника главного оперативного управления СС, сферы полномочий между двумя, снова были чётко определены и прямо отмечалось, что институты и исследовательское оборудование должны были остаться у главного врача для его исследовательской работы. (Генцкен 3, экз. Генцкен 12)

Институт гигиены Ваффен-СС, являлся по бюджетным причинам, организационно подчинённым медицинскому управлению Ваффен-СС и соответственно подсудимому, доктору Генцкену. Однако, несмотря на это, Генцкен не имел полной и единственной власти над институтом.

.....

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Бломе

.....

Какое отношение ко всем этим фактам (о снижении стандарта германской медицинской профессии) имеет подсудимый, доктор Бломе? Он никогда не являлся начальником германской медицинской службы, как и не был ответственным за высшее образование. Он был лишь заместителем главного врача Рейха, и в таком качестве его единственной легитимной задачей являлось руководство медицинскими профессиональными ассоциациями. В этом он снова служил в качестве заместителя доктора Конти (которого здесь часто упоминали), и он должен был работать в рамках границ установленных доктором Конти. Если бы обвинение хотело быть честным, оно бы установило, что доктор Конти являлся ответственным за нарушения и неправильно управление, которые случались. Это был тот, в качестве заместителя государственного секретаря министерства внутренних дел, кто был ответственным за всю систему федерального общественного здравоохранения. Следовательно, он являлся самым главным врачом Рейха, а не доктор Бломе, которого вообще никогда не обвинили, если бы доктор Конти не совершил самоубийство и не требовался заместитель, даже после его смерти, для представления его на скамье подсудимых. С самого начала доктор Бломе не имел никакого отношения к медицинским исследованиям. Он занимался лишь докторами после того как они завершали своё обучение и подготовку и подлежали дисциплинарным полномочиям палаты врачей Рейха как лицензированные врачи. Если медицинская подготовка не была хорошей, если медицинские офицеры выпускались без достаточных знаний или с неправильной профессиональной этикой, тогда можно считать профессора ответственным за это если их обучение не достигло требуемой цели. С другой стороны, наверно, главы клиник являлись ответственными. Наверное они не внушили своим практикантам и ассистентам надлежащую профессиональную этику. Какой бы ни была причина, следует просто осмотреться вокруг для поиска козла отпущения для моральной ответственности.

.....

В конце концов Бломе не консультировал в 1935, когда принимались Нюрнбергские законы против еврейских граждан, ни в 1938 и последующие годы, когда еврейским докторам постепенно мешали практиковать. Бломе никоим образом не является ответственным за это. Это были законы принятые Рейхом, то есть, верховной национальной властью. Они были приказаны законом Рейха и они воздействовали не только на медицинскую профессию, но также на все независимые профессии и всю экономическую жизнь. Они уничтожали экономическое существование еврейских докторов также как еврейского адвоката, писателя и предпринимателя. Медицинскую профессиональную организацию не спрашивали тогда, о том согласна ли она на такие меры – фактически, её впоследствии проинформировали о том, что законы Рейха вступили в силу и соответственно поставили перед свершившимся фактом. Если эти законы и правительственные приказы являлись преступлениями против человечности, очень хорошо, тогда государственные деятели и министры которые вводили такие законы могут нести ответственность за них, также депутаты Рейхстага, которые принимали эти законы, и правительственные ведомства которые публиковали эти законы и относились к ним в целом как к обязательным. Но было бы нечестным сегодня пытаться возлагать моральную вину за такое развитие на человека, который всегда был просто подчинённым исполнителем не имевшим независимой власти отдавать приказы; человека, который всегда боролся против проявлений радикализма и всегда где возможно пытался вводить федеральные законы против жестокости. Это например подтверждается письменными показаниями доктора Страховича (Бломе 22, экз. Бломе 21), который сам имел двоих еврейских дедушек и которому подсудимый Бломе сохранил экономическое существование и который смог подтвердить по своему опыту, что Бломе никогда не являлся одним из фанатичных и безжалостных типов гитлеровского режима. Доктор Страхович подтвердил, что Бломе всегда стремился оказывать смягчающее воздействие и что Бломе являлся чистым идеалистом, а не оппортунистом в своих политических убеждениях.

В. Ответственность подчинённых за осуществление деяний по приказам вышестоящих лиц

а. Введение

Статья II 4 (б) закона № 10 Контрольного совета говорит о том, что – «Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания». Однако, подсудимые выступали за то, что приказы вышестоящих лиц полностью освобождали их от уголовной ответственности. Они также выступали за то, приказы вышестоящих лиц позволявшие совершать деяния предполагаемые как преступные являются смягчающим обстоятельством.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагменты из заключительной речи обвинения

.....

Защита Хандлозера является полным отрицанием. Он говорит в этом отношении: «Я был солдатом. Я был ответственным за медицинское управление Вермахта, но не имел ни власти, ни права отдавать приказы, и чтобы ни случилось, я за это не ответственный. Интересно отметить, что такая защита очень похожа на выдвигавшуюся фельдмаршалом Кейтелем в этом зале суда приблизительно год назад. Его представлял тот же защитник. Кейтель также говорил о том, что не отдавал приказы. Мы уже подробно обсуждали положение Хандлозера и было установлено без всякой тени сомнения, что он являлся высшей властью в военно-медицинских вопросах. Нам не требуется останавливаться для рассмотрения практической разницы между приказом и директивой. Мы отмечали, что возможность и власть по контролю за участием военно-медицинских служб в этих преступлениях у него имелась. Доказательства показывают, что Хандлозер был связан с рядом преступных медицинских экспериментов включая тифозные и иные эксперименты с вакцинами в Бухенвальде и Нацвейлере, и среди прочего эксперименты с обморожением, сульфаниламидом, желтухой, газом и газовыми отёками.

.....

Рудольф Брандт также завляет о приказах начальников как смягчающем обстоятельстве. Не имеется доказательств того, что Гиммлер приказывал Брандту участвовать в каком-либо преступлении. Бранд делал это добровольно. Он жил

этим. Для него не было ничего проще чем попросить замены или изображать неэффективность. Брандт не являлся солдатом не поле боя. Его деятельность была далекой от фронтовых линий. Он не действовал из-за жаркой страсти; у него было достаточно времени рассмотреть и обдумать свои действия. Он находился в своей должности с 1933 до своего ареста союзниками в 1945, не менее 12 лет. Лишь данный факт устраняет любую основу для наличия смягчающих обстоятельств. Более того, предполагая, что Брандт приказывал совершать преступные деяния, которые являются предметом данного процесса, когда не существовало страха репрессий из-за неповиновения, повиновение представляет собой добровольное участие в преступлении. Таково дело Рудольфа Брандта. Наконец, доктрину приказов вышестоящих начальников нельзя рассматривать в таких злонамеренных и множественных преступлениях которые продолжительно и безжалостно совершались многие годы.

То, что было сказано в отношении Брандта одинаково применимо к подсудимому Фишеру, который также заявляет о приказах вышестоящих начальников. Он знал, когда проводил эти эксперименты о том, что совершает преступление. Он знал о боли, обезображивании, инвалидности, и риске смерти, которым подвергались экспериментальные жертвы. Он мог отказаться от участия в экспериментах без какого-либо страха последствий. Это он признал, сказав: «Это не было страхом смертного приговора или чего-либо такого, но выбором стоявшим передо мной было повиновение или неповиновение во время войны, и соответственно создание примера, примера неповиновения» Такое признание устраняет всякую основу для наличия смягчающего обстоятельства. Солдат всегда стоит перед альтернативой подчинения или неподчинения приказу. Если он знает о том, что приказ является преступным, безусловно это пустое оправдание, говорить, что его следует соблюдать лишь ради одного повиновения.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Брака

.....

Рассмотрение вопроса ответственности за эвтаназию в данном зале сталкивается со множеством трудностей, постольку поскольку есть не только

значительное пренебрежение некоторыми особенностями германского положения в конституционных вопросах, но прежде всего большая разница между мышлением континентального европейца и трансатлантическими юристами в вопросах конституционного права. Законы и мораль, веками резко разграничивались на европейском континенте в юридическом и прежде всего в законодательном мышлении в отличие от государств за океаном. Данный исторический факт следует принимать во внимание, так как только тогда можно осознать, что в вопросе германского конституционного права только то может быть решающим, что заключалось в Германии в отклонениях от конституционного закона Веймарской республики, с момента закона о чрезвычайных полномочиях от 24 марта 1933 и закона о главе государства от 1 августа 1934.

С этими законами Гитлеру была предоставлена вся власть как главы государства и начальника правительства, при полном признании фюрер-принципа, который действовал почти год, при одобрении на плебесците 19 августа 1934.

С этого времени Гитлер включил волю народа, и вытекающие из неё функции. Таким образом он стал верховным законодателем Рейха. Окончательная резолюция Рейхстага являлась лишь подтверждением декларации его первоначальной воли.

Среди независимо принятых законов, которые представляют собой непосредственное влияние его власти, декларации Гитлера, которые сначала назывались «распоряжения» и позднее единообразно «распоряжения фюрера» предполагали наиболее важную роль. В них разграничение, всё ещё привычное при веймарской конституции, между законодательной и исполнительной властями было преодолено, так как Гитлер провозгласил в своей речи в Рейхстаге 30 января 1937: «Есть только одна законодательная власть, она же исполнительная».

Следовательно, распоряжения объединяли материальное право с организационными мерами и административными директивами, в особенности постольку поскольку они адресовались группе лиц собранных в месте в некоем сообществе. Провозглашение в «Reichsgesetzblatt», контрассигнация компетентным ведомственным министром, и позднее компетентным начальником канцелярии, больше не играла решающей роли в 1937. Фюрер-принцип тогда уже полностью действовал. Больше не допускалась зависимость власти для принятия законов, которая была дана фюреру плебисцитом 1934 о соблюдении формальных правил. Единственной решающей вещью оставался факт провозглашения фюрером, а не его форма. Следовательно распоряжение Гитлера от 1 сентября 1939 об эвтаназии, адресованное Брандту и Боулеру, являлось формой совершенно законно принятого акта правительства и главы государства.

Мои выводы из изучения развития юридической истории фюрер-принципа в Третьем Рейхе согласуются с показаниями свидетелей Ламмерса, Энгерта и Беста. Эти показания подтвердили точку зрения министра юстиции Рейха Гюртнера и Шлегельбергера как представителей верховных властей Рейха, как было передано нам Ламмерсом и Энгертом. Наконец, подтверждено профессором университета, доктором Германом Яррейсом, который несколько дней назад подробно разбирался с вопросами возникшими в данной связи и исчерпывающе в деле юстиции в военном трибунале III. Я могу попросить трибунал судить об этом правовом вопросе с учётом этих заявлений.

Брак был убеждён в законности данного распоряжения на основе не только юридических, но и других заметных указаний о более существенных независимых шагах предпринимаемых Гитлером во внутренней и внешней политике.

Убеждение Брака, не юриста, о законности распоряжения фюрера, основано на объяснениях и информации его коллег юристов и совпадает или по крайней мере не противоречит заявлениям высших представителей юридических властей Рейха на совещании прокуроров 23 апреля 1941, в чём не приходится сомневаться. (Брак 36, экз. Брак 36)

Даже если отрицать законную верность распоряжения Гитлера, хотя и считая его действующим, Брак совершил юридическую ошибку по крайней мере в части юридического положения Гитлера в рамках государства, в котором бы иначе распоряжение оправдывало незаконные действия. Этой юридической ошибки достаточно, чтобы отменить его вину или по крайней мере тяжкую вину с умыслом. Согласно германскому праву действующему тогда, в любом случае так и есть. Согласно нему, это так называемый проступок вне уголовного закона – который является ошибкой о юридической верности распоряжения от 1 сентября 1939 – исключаящий незаконный характер, который является важным в термине «умысел».

.....

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Фишера

.....

Деяния совершённые согласно приказам и в связи с особым военным положением

Подсудимый Фишер участвовал в экспериментах по тестированию воздействия сульфаниламида по приказам своего медицинского и военного

начальника Карла Гебхардта. Уголовными кодексами всех цивилизованных наций признаётся, что действия по приказам представляют собой причину для исключения виновности, даже если сам по себе приказ противоречил закону, но обязывал подчинённого. В исследовании данного юридического вопроса, следует исходить из принципа того, что суд независимо от причин оправдания и исключения вины представил мне дело подсудимого Карла Гебхардта и считает, что как приказ отданный самому подсудимому Карлу Гебхардту, также как его передача подсудимому Фрицу Фишеру, противоречат закону.

Следование обязывающему приказу, хотя бы и противоречащему закону, со стороны подчинённого, создаёт для него причину для исключения вины и следовательно, также выводит его из под наказания. Данный вопрос оспаривается лишь постольку поскольку можно считать деяние подчинённого не только извинением, но даже «оправданием» Однако, дальнейшее исследование вопроса кажется, ненужным на этих слушаниях, так как результатом в обоих случаях, на самом деле, является исключение наказания преступника.

Следовательно решающим вопросом в данном деле является то в какой степени «приказ» об экспериментах с сульфаниламидом был обязывающим для лица исполнявшего его.

В виду того, факта, что, в принципе, является применимым действующий закон того времени, так как подсудимые жили согласно данному закону и он был для них обязывающим, следовательно вопросом является, исследование в рамках действия статьи 47 германского военно-уголовного кодекса. Согласно данному положению, подчинённый подлежит «наказанию как пособник если известно о том, что приказ отданный вышестоящим лицом касался деяния целью которого было совершение общего или военного преступления или правонарушения».

Однако, это не верно, так иногда принимается, что статья 47 германского военного кодекса, сама регулирует вопрос о том, насколько военные приказы являются обязывающими или не обязывающими. Это вопрос общества и административного права. Но он всегда касается «приказа по служебным вопросам», также как самих военных условиях, то есть, чего-либо, что «влияет на военную службу». Эти предположения непосредственно представлены в обоих случаях в деле подсудимого Карла Гебхардта и деле подсудимого Фрица Фишера. Оба являлись медицинскими офицерами Ваффен-СС, а следовательно подразделения германского Вермахта, в котором в особенности принцип повиновения строго провозглашался. Карл Гебхардт являлся непосредственным начальником Фрица Фишера; в вопросах обязанностей, его приказ ассистировать в

медицинских экспериментах должен был исполняться как обязывающий приказ для молодого медицинского офицера Фишера.

При установлении юридических вопросов возникающих при таких обстоятельствах, мы отделим дело подсудимого Карла Гебхардта, куда «приказ» был направлен из самого высокого органа, а именно, от главы государства и главнокомандующего Вермахтом, от дела подсудимого Фрица Фишера, в котором есть вопрос об особо близких отношениях со своим непосредственным начальником. Позднее, я особо вернусь к общим вопросам публичного права о команде фюрера.

Установлены доказательства того, что приказ о тестировании эффективности сульфаниламида исходил от высшей власти, а именно, лично от главнокомандующего Вермахтом. Причины оправдания возможного учёта военного чрезвычайного положения и баланса интересов, уже полностью обсуждались при исследовании дела подсудимого Карла Гебхардта, предоставив самостоятельную важность для подсудимого Фрица Фишера. Но они конечно повлияли, на законность или незаконность приказа. Исследование данного вопроса показало, что отдача приказа как такового была законной. Даже если бы не хотелось принимать это как само собой разумеющееся, однако, для подчинённого даже незаконный приказ имел в тот момент обязывающую природу.

Статья 47 германского военно-уголовного кодекса, как уже наблюдалось, позволяет наказывать подчинённого, если последнему «было известно», что приказ вышестоящего начальника «касался деяния, которое имело своей целью совершение общего или военного преступления или правонарушения» Во всех остальных случаях наказание затрагивает только командующего начальника.

Также как в большинстве военных судов остальных армий, юридическая практика по статье 47 германского военно-уголовного кодекса также показывает тенденцию к широкому ограничению уголовной ответственности подчинённого. То, что эта тенденция вытекает из задачи «гарантирования исполнения обязанностей возложенных на подчинённого, в интересах военной дисциплины и постоянной боеготовности Вермахта», не меняет факт как таковой. Здесь есть вопрос оценки юридического положения во время совершения деяния.

Статья 47 германского военно-уголовного кодекса устанавливает уголовную ответственность со стороны подчинённого только если ему было известно, о том, что приказ о деянии имел целью преступление или правонарушение. Германская судебная практика требует кроме того чёткого знания со стороны действующего подчинённого; соответственно, дела простого сомнения (небрежности) или обязанности знать (халатность) прямо исключены. Не является

удовлетворительной идея того, что исполнение приказа объективно приведёт к совершению преступления или правонарушения. Напротив, вышестоящий начальник должен был планировать его и данный факт должен был быть известен подчинённому.

Применяя данные принципы, не может быть сомнения в том, что эти предварительные требования не были выполнены ни в деле подсудимого Карла Гебхардта, ни в деле подсудимого Фрица Фишера – не говоря о подсудимой Герте Оберхойзер. Оба этих подсудимых относились к приказу отданному им главой государства в качестве меры войны, которая соответствовала особым обстоятельствам вызванным самой войной, и средствами на вопрос о которых следовало ответить как имеющими решающее значение не только для раненых, но помимо этого, внося вклад в борьбу за жизненную основу немецкого народа и существование Рейха. Оба подсудимых были тогда убеждены в том, что приказ отданный им, имел любую другую цель, но не совершение наказуемого деяния.

Затем, в отношении особого положения подсудимого Фрица Фишера, следует исследовать значение приказа от непосредственного военного начальника. В начале экспериментов, подсудимый Фриц Фишер имел звание первого лейтенанта. Он принимал участие в экспериментах по прямой команде своего военного и медицинского начальника который имел звание генерала. В связи с исключительными полномочиями подсудимого Карла Гебхардта, как хирурга и начальника клиники Хохенлихена и в виду его высокого военного положения, отказ совершено не обсуждался.

В принципе применимы, никакие другие точки зрения, а только те которые уже также обсуждались. Однако в деле подсудимого Фрица Фишера, все же следует рассмотреть следующее: было ли известно, и т.д., подчинённого следует всегда особо изучить на предмет особых обстоятельств момента. В то же время, конечно, решающую часть играл факт, что приказ об этих экспериментах был отдан Фрицу Фишеру, не военным начальником который не был в состоянии или надлежащим образом квалифицированным для выражения экспертного решения по данному вопросу, а лицом, которое не только занимало высокое военное звание, но кроме этого, то, что только у него, имелся особый опыт в сфере в которой проводились эксперименты. Подсудимый Карл Гебхардт являлся не только признанным и ведущим немецким хирургом, но также консультирующим врачом Ваффен-СС и как начальник хирургического резервного боевого подразделения получил особый опыт в сфере боевой хирургии и при лечении бактериологического заражения ранений. Причина для данного приказа приведённая подсудимому Фрицу Фишеру его начальником должна была повлиять на него более чем убедительно, так как она

совпадала с опытом, который подсудимый Фриц Фишер сам получил в качестве медицинского офицера первой танковой дивизии СС в России.

Кроме того, была особая деятельность которая имела место. Фриц Фишер был освобождён из боевого подразделения из-за серьёзного заболевания и явился в клинику Хохенлихена. Он находился под непосредственным впечатлением тяжёлого опыта на фронте. В Хохенлихене он обнаружил себя в клинике которая в мирное время действовала в условиях энергичного руководства человека, крайне одарённого в организационных и научных вопросах. Каждое здание, каждое сооружение этого признанного образцового учреждения, множественные нововведения в клинике и современные методы лечения, любая из многих успешных методик лечения Хохенлихена были неотделимы от имени главного врача Карла Гебхардта и безоговорочной и неограниченной ценности его слова и его авторитета во всём его окружении.

По всем этим причинам, подсудимый Фриц Фишер не мог иметь никакого сомнения, в том, что исполнение приказа данного ему, с медицинской точки зрения является соответствующей и допустимой военной мерой. Именно открытое осуществление индивидуальных экспериментальных мер, при исключении всякой секретности, также как отчёты о результатах, которые предусматривались заранее и также проводились перед критическим собранием высших военных врачей, пресекали любое недоверие к оправданию этих экспериментов в мыслях подсудимого Фрица Фишера.

.....

Так как Фриц Фишер строго придерживался приказов отданных ему и не показывал никакой своей инициативы, это исключает его более того из любой ответственности по вопросам которые находились вне его сферы действия. Невозможно сделать Фрица Фишера ответственным за вопросы связанные с законной и медицинской подготовкой директив об экспериментах и косметическим пост-лечением. Помимо этого следует упомянуть точки зрения, на особые условия публичного права, которые существовали в Германии в то время. Они были объяснены профессором Яррейсом в своей вступительной речи в Международном Военном Трибунале в слушаниях против Германа Геринга и остальных. Профессор Яррейс соответственно представил следующую точку зрения:

«Государственные приказы, излагают ли они правила или разрешают отдельные ситуации, всегда можно оценивать как противоречащие существующему писанному или неписанному праву, но также как противоречащие международному праву,

морали и религии. Кто-нибудь, даже если только совесть лица отдавала приказы, всегда спросит: приказало ли лицо отдавшее приказ нечто, на, что не имело право? Или же он оформил и опубликовал приказ путём недопустимой процедуры? Но неизбежная проблема всех правительственных систем лежит в этом: должна или может она предоставлять членам иерархии, её чиновникам и офицерам, право – или даже возлагает на них обязанность – изучать в любое время, любой приказ, который требует от них подчинения или отказываться? Ни одна правительственная система, которая появлялась в истории к данной дате не даёт утвердительного ответа на данный вопрос. Лишь немногим членам этой иерархии когда-либо давали такое право; и им оно не предоставлялось безгранично. Таким было дело, например, в крайне демократической конституции Германского Рейха во время Веймарской республики и такое же сегодня при оккупационном управлении четырёх великих держав над Германией.

«При том, что такое право изучения не предоставлено членам иерархии, для них приказ имеет законную силу.

«Всё конституционное право, как и у современных государств, знает государственные акты, которые должны уважаться властями даже при том, что они являются дефективными. Некие акты излагающие правила, некие решения по отдельным делам, которые получили законную силу, являются правильными даже при том, что лицо отдающее приказ превышает свою компетенцию или совершает формальную ошибку.

«Лишь только из-за процесса, когда высший приказ должен окончательно спускаться вниз, при любом правительстве должны существовать приказы, которые связывают членов иерархии в любых обстоятельствах и следовательно закон который затрагивает чиновников, даже при том, что посторонние могут видеть, что они являются дефективными в отношении содержания или формы...

«...Результатом развития в гитлеровском Рейхе в любом случае было то, что Гитлер также стал верховным законодателем как и верховным автором индивидуальных приказов. Не последним для всего этого было впечатление неожиданными успехами или того что считалось успехами в

Германии или за рубежом, прежде всего во время войны, которой они стали. Наверное немецкий народ является – несмотря на сильные различия между севером и югом, западом и востоком – особо легко подверженным подлинной власти, особо легко возглавляется приказами, особо использует идею вышестоящего начальника. Таким образом весь процесс может стать проще.

«Наконец единственной вещью, которая была не совсем ясной, было отношение Гитлера к судейству. При этом, даже в гитлеровской Германии, невозможно было убить идею о том, что достаточно позволить осуществлять правосудие независимым судам, хотя бы в вопросах касавшихся широких масс в их повседневной жизни. Вплоть до высших групп партийных чиновников – это показано в некоторых речах руководителя юстиции Рейха, подсудимого, доктора Франка, которые были представлены здесь – существовало сопротивление, которое в действительности не являлось очень успешным, когда правосудие по гражданским и обыкновенным уголовным делам также было втянуто в «sic jubeo²⁵¹» одного человека. Но, помимо судейства, которое также в действительности колебалось, абсолютная монархия была полной. Помпезная декларация правового положения Гитлера датированная 26 апреля 1942, в действительности являлась заявлением о том, что случилось задолго до неё.

«Приказы фюрера являлись законом уже значительное время до Второй мировой войны.

«При таком государственном порядке, с Германским Рейхом обращались как с партнёром остальные государства и так было во всей политической сфере. В этой связи я не желаю подчёркивать путь (настолько впечатляющий для немецкого народа и настолько фатальный для оппозиции) который имел место в 1936 на Олимпийских играх, показавших, что Гитлер не приказывал зарубежным нациям присутствовать, как он приказывал немцам на нюрнбергских партийных съездах в случае его государственной показухи. Я хочу скорее отметить лишь то, что правительства величайших наций мира считали слово этого «всемогущего» человека окончательным решением, неоспоримо верным для любого немца, и основывали свои решения по

---

²⁵¹ «Так приказываю» (лат.)

важнейшим вопросам исходя из факта, что приказ Гитлера являлся неоспоримо верным. Упомяну лишь наиболее поразительные случаи, на данный факт опирались, когда британский премьер-министр Невилл Чемберлен, после Мюнхенской конференции, показывал знаменитую бумагу приземлившись в Кройдоне. Данного факта придерживались, когда народы пошли войной против Рейха как варварского деспотизма одного человека.

«Ни одна политическая система ещё не удовлетворяла всех людей, которые живут при ней или которые чувствуют её влияние за рубежом. Германская политическая система в эру Гитлера неудовлетворяла весьма крупное и всёвозрастающее количество людей дома и за рубежом.

«Но это никоим образом не отменяет того факта, что она существовала, не последним образом из-за признания из-за рубежа и её эффективности, которые заставили британского премьер-министра сделать всемирно знаменитое заявление в критический период, о том, что демократиям нужно на два года больше чем тоталитарным правительствам для достижения некой цели. Только те кто жили как если бы были изгнаны из своего народа, среди слепо верящих масс, которые идолизировали этого человека как неприступного, знали о том, как твёрдо власть Гитлера закрепилась в анонимных и бесчисленных последователях, которые верили ему как делающему хорошее и правильное. Они не знали его лично, он был для них тем, что представляла пропаганда, но это был он кто был настолько бескомпромиссным, что каждый кто видел его вблизи и видел иначе, ясно знал о том, что сопротивление было абсолютно бесполезным, в глазах остального народа, даже не являясь мученичеством.

«Не будут ли противоречить сами себе оба следующих утверждения, признаваемые одновременно правилами данного процесса?

«...Функционеры не имели ни права ни обязанности изучать приказы монарха для установления их законности. Для них эти приказы вообще не могли быть незаконными, при одном исключении, которое будет обсуждаться позднее – исключение, которое, при внимательном изучении, кажется единственно вероятным – а именно за исключением случаев в которые

монократ ставил самого себя, согласно неоспоримой ценности наших времен, вне всякого человеческого порядка и в котором реальный вопрос правильности или ошибочности вообще не ставился и таким образом не требовалось подлинного изучения.

«Воля Гитлера являлась решающей властью для их соображений о том, что нужно делать, а что нет. Следовательно, лицо, которое как функционер иерархии ссылается на приказ фюрера, это не попытка представить основание для исключения от наказания за незаконное деяние, но он отрицает утверждение о том, что его поведение являлось незаконным; так как приказ, который он выполнял являлся юридически неприступным.

«Только лицо которое понимает это, может иметь концепцию сложной внутренней борьбы, которую многие немецкие чиновники должны были вести эти годы перед лицом многих распоряжений или резолюций Гитлера. Для них такие случаи не являлись вопросом конфликта между правильным и ошибочным: споры о законности потонули в незначительности. Для них единственной проблемой являлась легитимность; так как время шло, человеческое и божественное право противоречили друг другу сильнее и чаще.

«Поэтому, что бы устав не понимал под приказами который он установил в качестве основания для освобождения от наказания, может ли приказ фюрера быть средством этого? Подпадает ли такой смысл под такое правило? Должен ли был кто-то не принимать такой приказ, при том, что он соответствовал внутренней германской конституции как она развивалась, конституции которая прямо или косвенно признавалась сообществом государств?...

«...Верховный становится, совершенно просто, технически незаменимым. Он становится механически связанным цепью с целым. Функционеру который встречал с возражениями или даже сопротивлением один из своих приказов от других функционеров требовалось лишь сослаться на приказ фюрера для того, чтобы добиться своего. По этой причине, многие, очень многие, среди тех немцев которые ощущали неприемлимым гитлеровской режим, которые ненавидели его как дьявола, смотрели вперёд с величайшим волнением на то время, когда этот человек исчезнет со сцены; что случится, когда эта связь порвётся? Это жестокий круг.

«Я повторяю: приказ фюрера являлся обязывающим – и именно юридически обязывающим – для лица которому был отдан, даже если директива противоречила международному праву или иным традиционным ценностям».

Довольно с заявлениями профессора Яррейса в Международном военном трибунале. Развитие представленное здесь кажется мне весьма относящимся к делу подсудимого Фишера, так как он сам, давая показания описал своё отношение к команде фюрера образом, который, из-за своей молодости, своей идеалистической концепции жизни и долга и его основной религии, являлся в особенности убедительным.

Это правда, что перед лицом всего этого, следует сделать ссылку на статью 8 устава Международного Военного Трибунала, которая гласит: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».

Соответственно, закон № 10 Контрольного совета, статья II, параграф 4 гласит –

«(б) Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания»

Перед лицом данного возражения следует отметить следующее:

Во время своих деяний подсудимые относились к немецкому праву согласно которому степень их ответственности определялась и даже сегодня, должна справедливо ссылаться на тот момент. Однако, следует подчеркнуть следующее, в случае если трибунал не должен применять юридические положения действовавшие во время деяния, но должен основывать своё мнение на законе № 10 Контрольного совета, при том, что это представляет выражение нарушения запрета обратной силы уголовного закона.

Даже при вышеуказанном положении закона Контрольного совета, нельзя отходить от принципа о том, что каждая команда вышестоящего начальника, согласно аспекту уголовного закона, будет не относиться к делу ни при каких обстоятельствах. Это также применимо к проблеме освобождения от ответственности наказанием. Положения лишь говорит о том, что существование такой команды как таковое не освобождает от ответственности за преступление;

однако, это не препятствует никаким средствам, таким, что в связи с иными фактами он может также иметь отношение к проблеме.

Руководящий юридический аспект лежащий в основе данных рассуждений содержится в концепции так называемого конфликта обязанностей, который упоминался ранее. Данный аспект не совпадает *eo ipso*²⁵² с «объективным» принципом баланса интересов, который обсуждался при исследовании дела подсудимого Карла Гебхардта. Дополнительно следует настаивать на рассмотрении «субъективного» положения лица совершившего деяние.

Другими словами, для того, чтобы прийти к точному пониманию дела, также следует взвешивать личную ситуацию лица совершившего деяние в момент его совершения. Это особо применимо к личной ситуации в которую лицо совершившее деяние было поставлено по причине высшей команды, которая связывала его и повлияла на него. Кроме общих «объективных» принципов баланса интересов, такое особое «субъективное» состояние принуждения, поэтому может и должно также рассматриваться в его пользу. Следовательно, «команда», согласно конкретной ситуации, расширяет границы виновности в его пользу.

Рейнхардт Франк, великий немецкий криминолог, выразился в отношении проблемы так называемого конфликта обязанностей, установив максиму: «До тех пор пока конфликт обязанностей не является прямо урегулированным, следует преобладать той максиме, что высший, более значимый, более важный долг следует выполнять за счёт менее важного, и что таким образом, проступок в выполнении последнего не противоречит праву».

С хорошей причиной всегда подчёркивалось, что в такой ситуации конфликт разделяет обязанности решения, в конце, не находясь в позитивном праве, но имея этическую природу. Вот почему, в такой ситуации, некоторую свободу действий следует оставлять личной совести; невозможно прийти ко всему путём грубых средств внешнего уголовного регулирования. Этот совершенно «личный» характер подлинно этических конфликтов также полностью признан и подчеркивается авторитетной философской литературой. Николай Гартман²⁵³, «Этика» (2-е издание, 1935, стр 421-422) говорит например, в отношении подлинного конфликта ценностей:

«Является судьбоносной ошибкой верить в то, что такие проблемы можно принципиально решить в теории. Есть пограничные случаи в которых конфликт совести является достаточно тяжким для того, чтобы требовать различного

²⁵² «В силу этого» (лат.)

²⁵³ Николай Гартман (1882 — 1950) — немецкий философ, основоположник критической (новой) онтологии.

решения отдельной этики лица. Так как это находится в самой природе таких конфликтов, то что ценности должны быть сбалансированы, и что невозможно выйти из них не став виновным. Соответственно, человеку в такой ситуации нельзя помочь принять решение. Лицо представшее перед таким серьёзным конфликтом, подвергаясь такой мере ответственности, должно решить –

Следовать диктату своей совести изо всех сил, то есть, согласно своему собственному здравому смыслу и уровню ценностей и принимать последствия».

Не требуется никакой дополнительной аргументации, демонстрирующей, что с этической точки зрения измерение таких личных решений стандартами уголовного права не обсуждается.

.....

Г. Документы и показания

Фрагменты допроса подсудимого Карла Брандта трибуналом

.....

Себринг: ....Свидетель, в целях разъяснения, предположим, что для Вермахта было бы очень важно установить, фактически, сколько человек может выдерживать воздействие холода, до того как погибнет от его воздействия. Вы поняли это? Во-вторых, предположим, что подопытных людей отбирали для таких экспериментов с обморожением без их согласия. В-третьих, предположим, что такие недобровольные подопытные люди ,подвергшись экспериментам умерли в результате их прямого или косвенного воздействия. Итак, будьте любезны сообщить трибуналу, о вашем взгляде на такой эксперимент – как с правовой так и с этической точки зрения?

Брандт: Я должен повторить ещё раз, для того, что удостовериться в том, что я правильно вас понимаю. При постановке эксперимента предполагались следующие вещи: высшая военная необходимость, недобровольный характер эксперимента и опасность эксперименты как фатального. В таком случае у меня мнение о том, что, учитывая обстоятельства ситуации войны, государственное учреждение, которое придало важность государственному интересу одновременно снимает ответственность с врача если такой эксперимент завершается фатально и такая ответственность принимается государством.

Себринг: Итак, этим снимается ответственность с врача, на ваш взгляд, или ответственность разделяется с врачом, на ваш взгляд?

Брандт: Но мой взгляд, ответственность снимается с врача, потому что с этого момента, врач просто является инструментом, может быть в том же самом смысле как и в случае офицера получившего приказ на фронте и возглавляющего группу из трёх или четырёх солдат в положении, когда они могут встретить смерть. Такое положение, если я применю его к немецким условиям во время войны, являлось принципиально таким же. Мне не кажется, что врач как таковой, при своих этических и моральных чувствах, проводил бы такой эксперимент без гарантии со стороны авторитарного государства, которое дало ему формальную и юридическую гарантию с одной стороны, а с другой стороны, дало ему приказ об исполнении. Естественно, в таком случае, это является теоретическим вопросом, так как я не могу исследовать положение в случае экспериментов с обморожением. Я не знаю как давалась эта гарантия и как отдавался приказ. В основном, я хочу разграничить, между приказом, так как эксперимент который возник из медицинских потребностей и откуда, в таких обстоятельствах, государство имеет лишь вторичный интерес на основе медицинских инициатив, и я разграничу между обратным положением дел в котором государство использует медицинскую деятельность.

Себринг: У трибунала есть ещё один интересующий вопрос.

На ваш взгляд, был приказ, который разрешает или приказывает подчинённому медицинскому офицеру или подчинённой медицинской группе провести некий медицинский эксперимент – предположим, эксперимент с обморожением – затем у нас есть общий приказ, предположим, приказывающий некому учреждению провести эксперименты с обморожением без подробного описания или спецификации точного хода этих экспериментов. Вы согласны с тем, что такой приказ разрешал медицинскому офицеру, которому адресован приказ выбрать недобровольных подопытных и подвергнуть их экспериментам, при проведении которых этот офицер абсолютно знал или должен был знать о том, что они приведут к смерти подопытного?

Брандт: Могу я попросить повторить последнее предложение? На этот вопрос крайне трудно ответить. Приказ отданный в таком случае следует принимать во внимание. Я наверно, могу, ответить на примере такого приказа. Если Гиммлер отдаёт приказ доктору «икс» и говорит ему провести некий эксперимент, тогда возможно, что доктор «икс» не пожелает выполнять данный приказ. Однако в таком случае, доктор «икс» не упускает важность самого эксперимента, таким же образом как лейтенант который получил некий военный приказ – и мы здесь касаемся военного приказа – не упускает из вида, того, что он должен удерживать с группой

из восьми человек мост и что это будет конец его жизни. Несмотря на это, данный офицер с восемью людьми, которому передан приказ встретит свою смерть на этой позиции. Таки образом врач «икс» который получил приказ от Гиммлера с учётом обстоятельств должен провести эксперимент не будучи способным судить о правильности причин, которыми руководствовалось центральное ведомство.

Если бы врач не провёл этот эксперимент, он бы оказался в положении, в котором его бы заставили отчитаться о том, почему он не провёл эксперимент. В таком случае, и нам следует учитывать авторитарный характер нашего государства, личные чувства и чувства специалиста, этические обязательства сами подчиняют себя тоталитарному характеру войны.

Я должен сказать ещё раз, это является теоретическими предположениями, которые я здесь выражаю. В то же время, я могу выразить насколько сложным является решение если я сошлюсь на пример который здесь недавно цитировали, и я имею в виду восемьсот заключенных в тюрьме, в Америке которых заразили малярией. Я не хочу сослаться на данный пример, для того, чтобы оправдать эксперименты которые приводятся в обвинительном заключении, но я хочу выразить, что вопрос важности эксперимента остаётся имеющим решающее значение. Даже при том, что ряд смертельных случаев должен был ожидаться при начале заражения восьмисот человек малярией.

Добровольное отношение, которое занимает заключенный и с которым заключенный предоставляет себя является относительно добровольным согласием. Я не думаю о том, что это то же самое, как если бы кто-то получил добровольное согласие от людей которые находятся здесь. Следует учитывать характер добровольного согласия. По моему мнению, эта округлённая цифра в восемь сотен вообще говорит против добровольного согласия. Я предположу, что если бы это было семьсот тридцать пять или семьсот сорок, это было бы другое, но круглая цифра в восемь сотен кажется указывает на то, что был некий приказ об эксперименте, перед началом эксперимента, и эти эксперименты, также, руководствовались высшим государственным интересом, в то же время, принимая ответственность за результат эксперимента в отношении подопытного. Так как ответственность в медицинском смысле вообще нельзя предполагать, даже отрицательная серия экспериментов говорит против срочности и необходимости этих экспериментов; и в особенности отвечая на вопрос о добровольности или не добровольности, опасности или безопасности, очень сложно и почти невозможно сказать в основном, в связи с экспериментами о том, что эксперименты на людях, принимая все эти вещи во внимание, являются преступлением или не являются. О вопросе можно судить только, когда к тому же ожидание результата экспериментов

всё ещё продолжается. Если бы результат был установлен и дальнейшие эксперименты на людях потом проводились, не имея важности, и эксперимент который не имеет важности является дилетантским экспериментом. В таком случае я бы начал предполагать слово «преступный», но касаясь важных экспериментов, необходимо принимать во внимание обстоятельства, которые тогда играли роль; то есть, важность экспериментов, с момента достижения результата, ставшие неважными. С этого момента, по моему мнению, эксперимент является преступным. Поэтому, чтобы вообще говоря об экспериментах на людях, следует предоставлять результаты находящиеся в распоряжении государства – не только одного государства, но и международным образом – для того, чтобы эксперименты проводимые в России и которые показали результаты не продолжались в других странах.

В связи с экспериментами с обморожением, я могу лишь сказать о том, что в некой форме, не говоря «преступной» или «не преступной», они показали свою ценность. Указанием для этого является то, что результаты рассматриваются в американских воздушных силах как нечто чрезвычайное и оказавшее американским воздушным силам помощь на годы, и я думаю, что эти эксперименты также будут использованы на шахтах, где множество смертельных случаев происходят из-за обморожений. Если вы рассмотрите такие эксперименты с обморожением в таком свете, их жертвы являются трагичными и заслуживающими сожаления, но с учётом последующих периодов эти жертвы являются реальной жертвой ради сотен, может быть тысяч людей чья жизнь может быть спасена или продлена из-за них.

.....

Себринг: Доктор Брандт, это не правда, что в любой военной организации, даже в авторитарном государстве, существует точка за которой офицер получивший приказ подвергает себя индивидуальной ответственности, хотя бы в глазах цивилизованного общества, за исполнение каких-либо военных приказов, в частности если приказ является незаконным или выходит за рамки крайней военной необходимости?

Брандт: Есть общий закон, говорящий о том, что офицер не должен исполнять приказ если признаёт его преступным, но вопрос в отношении этих различных экспериментов заключается в том, мог ли человек осознавать, что то, что он делает является преступлением. Если он может это понять, тогда, по моему мнению, он не может выполнять такой приказ.

.....

Фрагмент допроса подсудимого Розе обвинением

.....

Макхэни: И вы предложили и попросили его [подсудимого Мруговски] провести эксперименты с копенгагенской вакциной в экспериментах с тифом в Бухенвальде, не так ли?

Розе: Меня спросили о том, есть ли ещё возможность провести такую серию экспериментов. Совершенно понятно, учитывая ситуацию, что можно видеть из моего отчёта от 29 мая 1943, что это включало в себя значительное преимущество над экспериментами уже проведёнными на животных. Я знал о том, что такие эксперименты проводились ранее, хотя я в целом возражал таким экспериментам. Данный институт был создан в Германии и одобрялся государством и покрывался государством. В тот момент, я находился в положении, которое соответствует адвокату, который, наверно, является основным оппонентом смертной казни. По случаям, когда он работал с ведущими членами правительства или с адвокатами во время публичных конгрессов или собраний, он сделал бы всё в его власти, для того, чтобы поддерживать своё мнение о предмете и добиться его внедрения. Однако, если, он не добился успеха, несмотря на это, он оставался в профессии и своём окружении. В таких обстоятельствах, он наверно вынужден был бы объявить себе самому смертный приговор, хотя он в основном являлся принципиальным оппонентом. Конечно, это не заходило настолько далеко в моём случае. Я соприкасался только с людьми, о которых мог предполагать, что они как-нибудь включены в официальные каналы такого института, который я в основном не одобрял, и который я хотел устранить.

Макхэни: Профессор, шесть лиц умерли в этом эксперименте с копенгагенской вакциной, не так ли?

Розе: Да. Было шесть человек которые были предоставлены криминальной полицией Рейха путём обычных каналов определенных компетентными ведомствами.

.....

Г. Статус оккупированной Польши согласно международному праву

а. Введение

Защита выступала за то, что Польша утратила свой суверенитет в результате полной оккупации польской территории и прекращения польского военного сопротивления в сентябре 1939 и утверждала, что впоследствии Германия могла обращаться с польскими гражданами в соответствии с германским правом.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительной речи обвинения

.....

В случае некоторых подсудимых, и это особенно правдиво в отношении Гебхардта, Фишера и Оберхойзер в связи с экспериментами с сульфаниламидом, ожидалось, что будет заявлен аргумент о том, что преступления против польских и возможно чешских граждан, не составляют военных преступлений в смысле закона № 10 Контрольного совета. Данный аргумент основан на предположении о том, что Германия уже не была связана правилами сухопутной войны на многих территориях оккупированных во время войны, потому что Германия полностью подчинила эти страны и включила их в Германский Рейх и следовательно Германия имела полномочия обращаться с оккупированной территорией как если бы они являлись частью Германии. Таким образом, защита представила в качестве доказательства русско-германский договор о дружбе и границе²⁵⁴ от 28 сентября 1939 также как некоторые германские распоряжения об управлении оккупированной Польшей. (Гебхард 14, экз. Гебхардт 13; Гебхардт 15, экз. Гебхардт 15, экз. Гебхардт 14; Гебхардт 16, экз. Гебхардт 15) Не останавливаясь на оспаривании того, что часть Польши управляемая так называемым Генерал-губернаторством²⁵⁵, из которой прибыли польские подопытные для экспериментов с сульфаниламидом, никогда не включалась в состав Рейха, будет достаточным отметить, что данный аргумент представлялся Международному Военному Трибуналу. В своём приговоре, он сказал следующее:

«По мнению Трибунала, в настоящем деле нет необходимости решать вопрос, является ли эта «доктрина

²⁵⁴ Германско-советский договор о дружбе и границе — договор между нацистской Германией и Советским Союзом от 28 сентября 1939 года, подписанный после вторжения в Польшу армий Германии и СССР министром иностранных дел Германии Риббентропом и народным комиссаром по иностранным делам СССР Молотовым.

²⁵⁵ Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

покорения», в какой бы мере она ни зависела от военных завоеваний, применимой в тех случаях, когда покорение возникает в результате агрессивной войны. Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г.²⁵⁶».

Аргумент также не имеет верности в отношении чешских граждан. Международный Военный Трибунал сказал об этом:

«Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат²⁵⁷».

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Гебхардта

.....

Правовой статус подопытных

«Заключенные концентрационного лагеря Равенсбрюк, которых приговорили к смерти германскими военно-полевыми судами в Генерал-губернаторстве как участников польского движения сопротивления, задействовали в качестве подопытных (в экспериментах с сульфаниламидом)» Свидетели допрошенные в трибунале и все подопытные чьи письменные показания представило обвинение открыто признавали своё членство в движении сопротивления и следует добавить, что некоторые из них осуществляли относительно важные функции в движении сопротивления. Если исследовать правовой статус подопытных во время их деятельности в движении сопротивления, результат будет следующий:

²⁵⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 636

²⁵⁷ Там же.

Правой статус Польши

Бывшее польское государство прекратило существование в качестве независимого субъекта с точки зрения международного права, самое позднее 28 сентября 1939. Впоследствии вся территория бывшего польского государства была оккупирована германскими армиями и войсками Советского Союза, и польское правительство выехало на румынскую территорию под давлением вторжения Красной армии 17 сентября 1939, две оккупировавшие державы решили осуществить ранее согласованный план, который должен был урегулировать все вопросы о территории бывшего польского государства без вмешательства других держав. Это было достигнуто германо-советским пактом о границе и дружбе от 28 сентября 1939. (Геххардт 14, экз. Геххардт 13) Я сошлюсь на отдельные положения пакта. В тот день как самое позднее, Польша прекратила существование в качестве суверенного государства и в качестве носителя прав и обязанностей. Из-за войны, бывшее польское государство прекратило существование в качестве государства и соответственно в качестве субъекта с точки зрения международного права.

Территория бывшего польского государства, постольку поскольку она оказалась в сфере советских интересов, стала частью СССР, которой является и сейчас.

Польская территория, которая оказалась в германской сфере интересов и которая подробно обозначалась в дополнительном протоколе к германо-советскому пакту о границе и дружбе, также стала частью Германского Рейха или – и это касалось большей части территории – стала независимой пограничной территорией Германского Рейха под обозначением Генерал-губернаторство. Конституционные законы управляющие данной территорией основывались на распоряжении по управлению оккупированными польскими территориями принятом 12 октября 1939 фюрером и рейхсканцлером. Я представил трибуналу распоряжение как документ Геххардт 15, экземпляр Геххардт 14. Статья 4 данного распоряжения гласит о том, что польское право продолжало действовать, постольку поскольку оно не противоречило передаче администрации Германскому Рейху. Статья 5 давала генерал-губернатору право принимать законы в виде указов для территории находящейся в его управлении.

Согласно общепризнанным принципам международного права указы принятые генерал-губернатором являлись обязательными для населения данной территории. Это в особенности верно про указ по борьбе с актами насилия в Генерал-губернаторстве, который был принят 31 октября 1939 (газета указов

Генерал-губернаторства, страница 10) и который также вводил основу для компетенции военно-полевых судов. Данный указ стал необходимым, потому что военное правительство, которое действовало до 26 октября 1939, прекратило существовать, при вступлении в силу распоряжения фюрера от 12 октября 1939.

В этой связи, следует ответить следующее на возражение обвинения в своей заключительной речи утром 14-го.

Первое: никакого польского правительства не существовало, когда подопытные работали в движении сопротивления в 1940 и 1941. Польское правительство прекратило существование в качестве независимого субъекта международного права. Правительство в изгнании в Лондоне подчинённое генералу Сикорскому²⁵⁸ и правительство в Люблине²⁵⁹, впоследствии признавались западными союзниками.

Второе: Когда подопытные работали в движении сопротивления в 1940, никакой воюющей польской армии не существовало.

Третье: Обвинение кажется стремится выразить то, что данный военный трибунал в основном должен применять не территориальное уголовное право, а принципы международного права. По этой самой причине обвинение отмечало, что юрисдикция и судебная власть в рамках Генерал-губернаторства являлась последствием агрессивной войны и следовательно не должна признаваться. Данная концепция неприменима. Сначала следует отметить, что принципы международного права, чьей функцией является регулирование юридических вопросов во время войны, не проводят разграничения между агрессивной войной, оборонительной войной или оправданной войной. Это особо говорится в четвёртой Гаагской конвенции 1907, так называемой Гаагской конвенции сухопутной войны.

Возражение обвинения не является оправданным по другой причине. Доказательства в МВТ показали, что нападение на Польшу осуществлялось Германией по крайней мере, таким же образом как осуществлялось СССР, и это стало совершенно очевидно из содержания германо-советского секретного договора от 23 августа 1939²⁶⁰. Несмотря на это США незамедлительно признали территориальные требования заявленные СССР на территорию бывшего польского государства.

---

²⁵⁸ Владислав Сикорский (1881 — 1943) — польский военачальник и политик, генерал брони (генерал-полковник), премьер-министр правительства Польши в изгнании.

²⁵⁹ Польский комитет национального освобождения, ПКНО — временный (с 21 июля по 31 декабря 1944 года) орган исполнительной власти Польши, находился в Люблине после вступления Красной армии на территорию Польши.

²⁶⁰ Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова — Риббентропа) — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

Данное признание имело место де факто также как и де юре во время Ялтинской конференции²⁶¹ в феврале 1945 и Потсдамской конференции²⁶² 2 августа 1945.

Поэтому обвинение не может сегодня возражать такому положению дел, что касается правовых вопросов вытекающих из данного нападения.

Указ по борьбе с актами насилия в Генерал-губернаторстве и введение военно-полевых судов связанное с ним, кстати, является допустимым, при том, что даже бывшее польское государство не прекратило существовать в качестве субъекта, в реальности международного права. Военная оккупация зарубежных государств (*occupatio bellica*), также, предоставляет оккупирующей державе право предпринимать все необходимые меры для поддержания порядка и безопасности. Является общепризнанной юридической концепцией то, что в данном случае оккупирующая держава принимает власть покорённого государства, не в качестве её заместителя, а скорее как власть своих собственных законов гарантированная международным правом. Право прямо признаётся в третьем разделе Гаагской конвенции сухопутной войны. Не может быть сомнения в том, что введение военно-полевых судов является одним из таких прав оккупирующей державы. Фактически кажется несовместимым, чтобы оккупирующей державе не позволялось предпринимать меры по эффективной борьбе с движением сопротивления, чьей единственной и открыто признаваемой целью является подрыв и уничтожение власти оккупирующей державы и безопасности оккупационных войск. Право делать это можно ещё меньше оспаривать в нашем случае, так как с началом германо-советской войны, территория бывшего Генерал-губернаторства стала крупнейшей военно-транзитной территорией, которая когда-либо существовала в истории войны. Методы которыми польское движение сопротивления пыталось добиться своей цели не требуется подробно исследовать. Достаточно отметить, что движение сопротивления было в состоянии в значительной мере мешать германским подкреплениям против Красной армии; это вмешательство принимало формы подрыва мостов, передачи важной военной информации, и т.д. Польские женщины использованные в экспериментах с сульфаниламидом являлись членами движения сопротивления и поддерживали его чем могли. Однако, при всём уважении к отваге и патриотизму этих женщин, мы не можем отказаться от подчёркивания факта того,

---

²⁶¹ Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав (4–11 февраля 1945) — вторая по счёту многосторонняя встреча лидеров трех стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны, посвящённая установлению послевоенного мирового порядка. Конференция проходила в Ливадийском (Белом) дворце в посёлке Ливадия в 3 км. от Ялты (СССР, полуостров Крым)

²⁶² Потсдамская конференция состоялась в Потсдаме во дворце Цецилиенхоф с 17 июля по 2 августа 1945 года с участием руководства трёх крупнейших держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне с целью определить дальнейшие шаги по послевоенному устройству Европы.

что они нарушали законы являвшиеся тогда обязательными. Данное нарушение давало оккупационной державе право налагать на них адекватное наказание. Кажется немыслимым, чтобы члены движения сопротивления такого как польское не были бы приговорены к смерти во время войны за свою деятельность каким-либо иным государством которое оказалось бы в положении схожем с положением Германии того времени. Последующее развитие показало, что оккупационные державы в Германии незамедлительно ввели наиболее серьезные наказания в таких случаях.

Например, американское военное правительство Германии в своём указе № 1, который был принят для обеспечения безопасности союзных вооружённых сил и восстановления общественного порядка на территории оккупированной ими, среди прочего, перечисляет следующие акты как преступления наказуемые смертью:

«Сообщение информации которая может представлять опасность безопасности или имуществу союзных сил, или незаконное владение такой информацией без надлежащего сообщения о ней; и незаконное сообщение кода или шифра;

Вмешательство в транспортировку или сообщения или операции любой общественной службы или учреждения;

Любое иное нарушение законов войны или действия в помощь противнику или угрожающие безопасности союзных сил».

Сравнение данных правил с содержанием правил о военно-полевых судах Генерал-губернаторства для оккупированных польских территорий, представленными в документальной книге II подсудимого Гебхардта, ясно показывает, что это были в целом такие же факты как объявленные наказуемыми смертным приговором.

Для того, чтобы исключить всякие сомнения в правовом статусе подопытных, можно отметить в заключение, что члены польского движения сопротивления, как минимум заключенных относящиеся к данным движениям, не соответствовали условиям статьи I Гаагской конвенции сухопутной войны об ополчении или ополченческих войсках не относящихся к армии и имеющим определенную военную организацию. Польского движение сопротивления тогда (1) не имело руководителя, который являлся постоянным главой ответственным за поведение его членов; (2) оно не носило нашивки различаемой с расстояния; (3) оно не носило открыто оружия; и наконец (4) в своём ведении войны оно не полагалось на законы и обычаи войны. В виду данных фактов члены движения сопротивления не могли являться военнопленными при том, даже если бы польская армия всё ещё

находилась на поле боя. В виду того, факта, что данные заключенные являлись женщинами служившими в связи и шпионаже движения сопротивления, такая возможность исключалась с самого начала.

.....

Д. Добровольное участие подопытных

а. Введение

Значительным в деле было утверждение о том могли ли заключенные германских концентрационных лагерей давать своё добровольное согласие на участие в медицинских экспериментах.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительной речи обвинения

.....

...Является наиболее фундаментальным принципом медицинской этики и человеческого достоинства, то, что подопытный доброволец для эксперимента впоследствии информируется об его характере и опасностях. Этим чётко проводится черта между преступным и тем, что не может быть преступным. Если о подопытном нельзя говорить как о добровольце, тогда требуется дальнейшее исследование. Такова простота данного вопроса.

Тогда, кто такой доброволец? Если иметь развитое воображение, можно представить предположительные примеры, которые потребуют какого-нибудь чёткого суждения. Такой проблемы не стоит перед данным трибуналом. Преобладают доказательства того, что здесь не имелось не малейшего предлога для использования добровольцев. Именно по той самой причине, что не ожидалось добровольцев для того, чтобы проходить убийственные эксперименты, которые рассматривались на данном процессе, эти подсудимые обратились к неистощимому котлу несчастных и подавленных заключенных в концентрационных лагерях. Любой кто серьёзно верит в то, что поляки, евреи и русские или даже немцы, добровольно предоставляли себя для пыток в декомпрессионной камере или замораживающем бассейне в Дахау, камер с отравляющим газом в Нацвейлере или

стерилизационным рентгеновским машинам в Аушвице? Следует ли утверждать, что польские девушки в Равенсбрюке дали своё свободное согласие на издевательства и убийства во славу Третьего Рейха? Был ли несчастный цыган который напал на подсудимого Бейгельбека в этом самом зале суда добровольным участником в экспериментах с морской водой? Давали ли сотни жертв убийственной станции тифа в Бухенвальде и Нацвейлере, хотя бы с натяжкой согласие на эти эксперименты? Преобладающие доказательства вообще не оставляют сомнения в ответе на данные вопросы. Показания подопытных, очевидцев и документы составленные самими подсудимыми, без тени сомнения установили, что эти подопытные являлись недобровольцами в любом смысле слова.

Данный факт без серьёзности отрицается подсудимыми. Большинство из них, кто сам проводил эксперименты, признали, что они никогда не спрашивали подопытных о том, вызываются ли они на эксперименты. Что касается законности и моральной необходимости согласия, подсудимые теоретически переливали из пустого в порожнее. Таким образом, говорилось о том, что тоталитарное «государство» предполагало ответственность за назначение подопытных и в таких обстоятельствах люди которые планировали, приказывали, проводили или иным образом участвовали в экспериментах, не могут нести уголовную ответственность даже при том, что недобровольцев пытали и убивали в результате. Наверное, это наиболее ясно было высказано в результате вопросов заданных трибуналом подсудимому Карлу Брандту. При вопросе о его взгляде на эксперимент, который предполагал высшую военную необходимость, и недобровольный характер приводящий к смертям, Брандт ответил:

«В таком случае у меня мнение о том, что, учитывая обстоятельства ситуации войны, государственное учреждение, которое придало важность государственному интересу одновременно снимает ответственность с врача если такой эксперимент завершается фатально и такая ответственность принимается государством.

Дальнейший допрос раскрыл мнение о том, что единственно возможным ответственным лицом в этом предположительном деле являлся Гиммлер, который имел власть над жизнью и смертью заключенных концентрационного лагеря, при том, что эксперимент мог быть приказан например начальником медицинской службы Люфтваффе и проводится докторами подчинёнными ему. Большинство других подсудимых заняли схожую позицию о том, что у них нет ответственности за отбор подопытных.

Такая защита, в виду обвинения, полностью ложная. Использование недобровольных подопытных в медицинском эксперименте является

преступлением, и если в результате случается смерть, то это убийство. Любая сторона эксперимента виновна в убийстве и этой вины не избежать имея третье лицо поставившее жертв. Лицо, планирующее, приказавшее, обеспечивающее или проводящее эксперимент находится под обязанностью, как моральной так и юридической, того, чтобы следить за тем правильно ли проводится эксперимент. Эту обязанность нельзя делегировать. Она точно возлагается на доктора проводящего эксперимент для удовлетворения его в том, что подопытные вызывались после информирования о характере и опасностях эксперимента. Если они не являлись добровольцами, его обязанностью являлось сообщить своим начальникам и прекратить эксперимент. Эти подсудимые соревновались друг с другом в изображении полного неведения о согласии подопытных жертв. Они знали, как подтверждают доказательства, о том, что несчастные заключенные не вызывались на пытки и убийства. Но даже предположив невозможное, что они не знали, это их проклятие, но не оправдание. Сведения можно было получить просто удосужившись спросить подопытных. Обязанность спросить не может быть яснее и нельзя избежать её такими глупыми оправданиями как: « Я понимал, что они являлись добровольцами» или «Гиммлер заверил меня в том, что они добровольцы»

В этой связи, никогда нельзя упускать из виду то, что эти эксперименты проводились в концентрационных лагерях на заключенных концентрационных лагерей. Однако, мало кто из этих подсудимых сказал о том, что знал о джунглях беззакония, которыми являлись концентрационные лагеря, где смерть, пытки и голод составляли ежедневную жизнь заключенных, они по крайней мере знали о том, что они были местами ужаса в которых лиц противостоящих нацистскому режиму держали в заключении без суда, где евреи и поляки и другие так называемые «расово чуждые» сжигались вообще просто так, только из-за их расы или религии. Эти простые факты были известны во время войны людям во всём мире. Насколько большей тогда была обязанность этих подсудимых наиболее внимательно определить добровольный характер этих подопытных которые были настолько просто доступны. Правда заключается в том, что эти подсудимые не были наделены ответственностью за многочисленный комплекс преступлений, который создала система концентрационных лагерей. Но нельзя утверждать, что они входя в ворота ада говорили: «Приведите подопытных. Не вижу зла; не слышу зла; не говорю зла²⁶³» Они не задавали вопросов. Они не спрашивали у заключенных подробностей их согласия, национальности, был ли суд, какое преступление они

²⁶³ Три обезьяны — устойчивая композиция из трёх обезьяньих фигур, закрывающих лапами глаза, уши и рот. Считается, что три обезьяны символизируют собой идею неведения зла и отрешённости от неистинного. «Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нём, то я защищён от него»

совершили, и похожего. Они не делали этого не потому что они знали о том, что несчастные заключенные не являлись добровольцами. Они разделяли нацистские доктрины и нацистский образ жизни. Вещи которые эти подсудимые сделали в результате ядовитого слияния германского милитаризма и нацистских расовых теорий. Когда, перед лицом критической нехватки тифозных вакцин для защиты Вермахта в его восточном вторжении, Хандлозер и его камарилья решили о том, что эксперименты на животных были слишком медленными, заключенными Бухенвальда сотнями пожертвовали для тестирования новых вакцин. Когда Шрёдер захотел установить границу терпимости человеком морской воды, он пошёл по проторенной тропе Люфтваффе в Дахау и получил сорок цыган. Эти подсудимые с открытыми глазами использовали подавленных и преследуемых жертв нацистского режима для того, чтобы выжать из их ослабленных и непослушных тел каплю научной информации за счёт смерти, пыток, издевательств и постоянной инвалидности. Для этих явных преступлений правосудие требует воздания.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительного обзора в защиту подсудимого Карла Брандта

.....

Добровольное участие

Эксперименты на лицах, которые предоставили себя добровольно, всегда рассматривались допустимыми. В литературных работах внимание всегда придавалось этой добровольности; там где оно не упоминалось, можно сделать вывод о том, что его не существовало.

Интерес добровольности лица на котором экспериментируют, придают по различным причинам.

Прежде всего принудительный эксперимент – вопреки добровольному эксперименту – означает дополнительное, очень тяжкое психическое страдание, для экспериментатора, так как здоровье и жизнь человека могут выступать ставкой и дальнейшее существование экспериментируемого лица подвергнутого угрозе.

Но экспериментатор не только имеет чисто человеческий интерес к лицу на котором экспериментирует предоставившему себя с некоторой добровольностью;

во многих случаях он абсолютно зависит от сотрудничества лица на котором проводится эксперимент; ему требуется правдивая информация о наблюдениях сделанных во время эксперимента, который иначе не будет проведён правильно. Сравните пример экспериментов с большой высотой и морской водой.

Наконец может существовать желание быть защищённым против жалоб об ущербе и предотвращения неожиданных правовых положений, также как охрана против возможного политического укора, который может возникнуть из отдачи приказов о принудительном эксперименте.

Однако, взгляд на литературу показывает отметку добровольности с сильным подозрением, и каждый критический читатель в большинстве случаев связывает себя с такими подозрениями.

Подвержение эксперименту который является опасным или даже лишь болезненным или временно затруднительным должен основываться на особом мотиве.

Только этические причины приводят к росту добровольности, строго говоря только в случае самого исследователя, то есть экспериментов на себе, и в случае лица, которое по этическим причинам сознательно желает поддержать своим сотрудничеством цели исследователя.

.....

Однако, если заявление о добровольности сделано по причинам неопытности, легкомыслия или волнения, тогда это неэтично. В такую категорию попадают случаи в которых лиц убеждали пройти эксперименты путём обещания денег или иных преимуществ, при том, что они не предвидели смысл экспериментов. Это были слабые, которые незащищённые, становились на службу интересов человечества. Сравните этот случай, с использованием иммигрантов для экспериментов. (Бекер-Фрейзинг 60а, экз. Бекер-Фрейзинг 59) Категория здесь имеет особый интерес, это заключенные которые предоставляют себя добровольно.

Прежде всего, нельзя предполагать, что этический уровень в исправительном учреждении настолько высок, что из свободных людей имеющихся здесь большое количество заключенных предоставят себя для участия в эксперименте добровольно только по чисто этическим причинам. Напротив, можно сказать о том, что все заключенные живут при определённом принуждении. Они ожидают из своего участия в эксперименте улучшения их положения или страха ухудшения в случае отказа. При том, что правила содержания заключенных могут быть установлены, на практике в этом особом мире остаётся очень широкая сфера

наказаний заключенных мерами, которые как показывает опыт, могут быть по заключенному более жестоко и более тяжело чем приговор самого судьи.

Если мотив заключенного для его «добровольного предложения» является просто общей и смутной надеждой в любом направлении, тогда не существует подлинного заявления о добровольности, но согласие просто является ответвлением от его состояния тюремного заключения.

Следует учитывать две вещи в отношении заявления заключенного о добровольном согласии; риск которому он подвергается и преимущество предоставляемое ему. Можно дать согласие на что-либо о чём известен весь смысл и важность. Поэтому заключенный должен полностью информироваться о возможных последствиях. Здесь находится реальная проблема «добровольности». Недостаточно того, что лицо на котором экспериментируют, знает о том, что, например, проводится эксперимент с малярией; он также должен знать о том, как именно будет использовано лицо. Первые простые серии экспериментов нельзя сравнивать с желаемыми окончательными экспериментами. Кто собирается представить себя для решающего необходимого эксперимента если остальные лица на которых экспериментировали ощутили его более легко? Каким был характер этого согласия?

Профессор Айви как эксперт ничего не сказал об этой проблеме.

Фактически, лицо на котором экспериментируют вряд ли способно оценить риск, и вербовочный офицер не будет склонен приводить пугающее описание того, что случиться. Профессор Айви, который сам вербовал добровольцев, не считает эксперименты злом. Если вы добавите к этому, что «доброволец заключенный» должен воздержаться от всех жалоб в случае вреда его здоровью, тогда согласие заключенного не может считаться правильным.

С другой стороны заключенный должен знать о преимуществе обещанном ему в качестве компенсации как соответствующем тяжести эксперимента и заключенному должна быть гарантирована награда. Если преимущество разительно отличается от риска и служит актом милосердия без жалоб после завершения эксперимента, тогда здесь нет добровольного эксперимента; он остаётся принудительным экспериментом.

Только если оба основных условия полностью удовлетворены заключенному будет возможно принять свободное решение. Тогда он может позволить свою возможную смерть как часть сделки для того, чтобы получить шанс сократить время своего заключения на годы.

Таким случаем являются хорошо известные эксперименты с пеллагрой, в которых при содействии адвокатов, условия были согласованы с тюремной

администрацией. (Карл Брандт 47, экз. Карл Брандт 54; Бекер-Фрейзинг 60а, экз. Бекер-Фрейзинг 59)

Это классический пример добровольного эксперимента в тюрьме. Не всегда возможно или необходимо устанавливать преимущество в таком виде; официального обещания тюремного учреждения может быть достаточно для исключения произвольного нарушения обещания. Примером этого, являются эксперименты с лепрой на лицах приговорённых к смерти и продолжительные эксперименты в исправительном учреждении Билибид. (Бекер-Фрейзинг 60а, экз. Бекер-Фрейзинг 59)

Эти эксперименты следует считать допустимыми, как эксперименты в которых предоставлялся шанс.

Однако примеры из медицинской литературы, показывают, что эти общие условия для добровольности не всегда выполнялись. Здесь мы можем сослаться на эксперименты в исправительном учреждении Сан-Квентин со стрептококком на 25 осуждённых в 1946. (Бекер-Фрейзинг 60а, Бекер-Фрейзинг 59)

Соответственно, даже эксперименты проводимые на лицах без их согласия следует считать допустимыми.

Недобровольность

Есть некоторые примеры экспериментов проводимых за рубежом, которые проводились как обязательные эксперименты на заключённых без их согласия. В качестве примера можно упомянуть эксперимент с ядом проведённый в Маниле на 11 заключённых приговорённых к смерти. (Бекер-Фрейзинг 60а, Бекер-Фрейзинг 59) Лица подвергнувшиеся экспериментам были непосредственно казнены как часть эксперимента. Также следует упомянуть эксперимент с малярией проведённый на 800 заключённых. Согласно откровенному заявлению в прессе, по выходу из него, им не было предоставлено никаких преимуществ. (Карл Брандт 1, экз. Карл Брандт1)

Метод описанный свидетелем Айви был позднее введен на практике администрацией.

Очевидно, что в таких случаях не могло быть никаких заявлений о добровольности, потому что ни один преступник приговорённый к смерти не предоставит себя первым для экспериментов в которых у нет шанса, без некой надежды на пользу для себя. Но в случае экспериментов с отравлением не было вопроса смягчения приговора, потому что целью экспериментов должно было быть

исследование эффекта отравления на тела. Таким образом, казнь являлась частью эксперимента.

В экспериментах с малярией пресса откровенно отмечала, что не предоставлялось никаких привилегий, соответственно в связи с задачей заключенных, как «социальных паразитов», помогать в борьбе с комарами как одинаковыми социальными паразитами.

Из этого следует сделать вывод о том, что обязательные эксперименты являются допустимыми, но можно сделать вывод о том, что государство вправе использовать случайных заключенных для любого эксперимента вне зависимости от наказания.

Тяжесть эксперимента должна неким образом соответствовать тяжести преступления. Искупление должно быть таким которое ожидается. Сама идея разумности требования выраженная в экспериментах с малярией упоминалась в связи с социально негативным отношением лиц на которых проводились эксперименты, таким образом применяя идею искупления.

Такая же фундаментальная идея должна привести к разрешению использования сознательных отказников от экспериментов. Кажется, что здесь искупление требовалось тоже с точки зрения на социально враждебное отношение. Это не кажется несправедливым если сознательный отказник, такой как дезертир, подвергается экспериментам если он занимает такое отношение только в военное время и если такое отношение помогает ему сбежать за тюремные стены, таким образом, избегая опасностей солдата на фронте. Для солдата, опасность может включать опасное эпидемическое заболевание, которому он особо подвергается в военное время.

Идея обязательных экспериментов в смысле эксперимента искупления предлагалась как искупительная мера в отношении военнопленных и политических заключённых и даже не оспаривалась обществом. Таким образом менее этически ориентированное мнение ежедневно выражает взгляд на то, что эксперименты на преступниках следует проводить для цели искупления.

Даже в прессе такие мнения имеют своих представителей. Так среди прочего появилась ссылка в лондонской газете «The People²⁶⁴» от 3 марта 1946 (Карл Брандт 114) Говорилось следующее: «Люди верят в то, что все эти люди (подсудимые Международного Военного Трибунала) умрут. По мнению многих они должны были умереть месяцы назад и должны были быть расстреляны через три дня после ареста по приговору военно-полевого суда. У остальных мнение о том, что

---

²⁶⁴ «Люди» - британская газета-таблloid, издаётся в Лондоне с 1881, в настоящее время под названием «Sunday people»

они должны искупить свои преступления, пройдя эксперименты с раком, лепрой и туберкулёзом.

Существенным в этой выдержке является то, что хорошо известный английский автор Ллевелин написал её, и он не занял к ней неодобрительного отношения.

Соответственно, можно убедиться в том, что на такие эксперименты искупления на политических противниках, военнопленных и гражданских можно смотреть как на разумные и допустимые, если эти лица, в качестве осуждённых преступников, должны подвергнуться наказанию и если закон относящийся к исполнению приговора позволяет эксперименты такого рода.

Женевская конвенция в статье 46 предусматривает ограничение лишь постольку, поскольку никакие наказания не могут применяться к военнопленным помимо тех, которые являются допустимыми для военнослужащих армии собственной страны; тоже самое применимо к гражданским.

В сравнении с этим, не существует никаких ограничений в отношении осуществления наказания в случае преступлений. Поэтому можно применять уголовно-исполнительное право, допустимое в каждой стране.

Следовательно, если обязательные эксперименты искупления можно проводить на американских гражданах, они также могут быть применимы, таким же образом к немецкому военнопленному, предположив, что последний был приговорён в соответствии с уголовным законом. В соответствии с этим, тоже самое является допустимым при осуществлении германского исправительного права если иностранный пленный был законно приговорён к наказанию.

Иностранный преступник не находится в лучшем положении чем гражданин собственной страны.

Обязательный эксперимент должен иметь свои рамки.

Здесь следует разграничивать между ответственностью за подготовку эксперимента и его проведение. В обоих случаях врач может иметь свой вклад. Решение о проведении эксперимента на людях может идти с двух сторон, различаясь кардинально. Требование может вытекать из неотложных интересов общества и может оправдываться государством. Во время войны, эксперименты могут потребовать вооружённые силы в случае ожидания эпидемии, такой как малярия, тиф и похожее.

С другой стороны предложение может исходить от самой исследовательской стороны, которая понимая возможность борьбы как очевидное положение бедствия, путём прогресса в медицинской науке, также требующее экспериментов во благо общества.

Решение о необходимости таких экспериментов является решением о полезности признаваемой государством, соответственно политическое решение, обозначающее баланс расходов и успеха ожидается или на него надеются.

Существуют различные виды вопросов, которые следует решить; прежде всего, существуют экономические вопросы подлежащие решению компетентными властями; т.е. финансовые вопросы, предоставление специалистов, лабораторий и тому подобное.

Ответственными за это являются ведомства со средствами и доступными возможностями, которые могут быть предоставлены им в соответствии со своим собственным суждением. Эти ведомства далее разделяются согласно своему особому интересу в индивидуальных специальных сферах, такой как навигация, Вермахт и подобное.

Никакие решения не могут приниматься властью без каких-либо средств находящихся в её распоряжении; это верно для примера ведомства «науки и исследований» подсудимого Карла Брандта, которое выполняло только фиксирующую и координирующую функцию в рамках неких медицинских сфер. Очевидно, деятельность совета исследований Рейха в основном являвшегося органом контроля должна была устранять лишние исследования во время войны путём отказа в субсидировании, для того что помогать меньшему количеству специалистов и материала, выделяя категории приоритета и финансовые средства. Такой являлась задача совета исследований Рейха и в медицинской сфере эта часть общей регулирующей функции являлась очень маленькой.

Эти ведомства не имели власти для решения о том можно ли проводить эксперименты на людях или нет, и можно ли обойтись от них. Ведомство, которое регулирует исполнение наказания и предоставляет людей подлежащих экспериментам являлось единственным ведомством принимавшем решения. Это соответствует тому, что известно о проведении экспериментов на людях за рубежом, в которых решения также принимались исполнительными ведомствами.

Власть по применению наказаний, как полномочного ведомства государства, принимает своё независимое решение при том, что политически сбалансированная необходимость по подготовке экспериментов в интересах общества противоречит тому, что может ожидать осуждённый. В применении к германским условиям во время войны средства являлись следующими:

Если осуждённый находился под контролем властей юстиции компетентных за исполнение приговоров, ответственность оставалась на министре юстиции Рейха; если исполнение приговоров осуществлялось рейхсфюрером СС и главой полиции в концентрационных лагерях, последний был ответственным за них.

В такой ситуации ответственность врача может быть оценена для решения лишь постольку, поскольку он даёт ложное экспертное заключение о перспективах эксперимента.

Правительство должно принимать окончательное решение о допустимости экспериментов на людях; только правительство должно решать о том необходимы ли эксперименты на людях, для того, чтобы бороться с опасностями и вредом здоровью, так как оно ответственно за всё влияющее на здоровье. В связи с этим сравните правила французского правительства в 1858 для цели разъяснения вопроса о лечении вторичного сифилиса и экспериментов на людях (Карл Брандт 48, экз. Карл Брандт 55)

В военное время, решение также соответствует соображениям о сохранении государства, которые зависят от условий войны. Эпидемические заболевания могут иметь решающее влияние на результат войны и могут в результате иметь большее значение чем битвы, как например чума во время осады Афин или тиф во время продвижения Наполеона²⁶⁵ в России. Биологическое оружие является результатом и интенсивно готовилось противниками Германии о чём зарубежная пресса открыто нас информирует.

Таким же образом как государство требует смерти своих лучших людей в качестве солдат, оно вправе приказать о смерти осуждённого в бою против эпидемий и заболеваний. Никакие античные жертвы богам и демонам больше не требуются, только хорошо обоснованное искупление в качестве помощи обществу и исключительно в его интересах.

Подлинная ответственность врача находится в проведении самого эксперимента. Эксперимент следует проводить врачу, но политическая ответственность за это остаётся на государстве, при том, что врач является ответственным за его проведение.

Если врач считает, что эксперимент не является возможным, это становится преступлением и врач должен отказаться от его проведения.

При осуществлении эксперимента всяческое внимание следует уделять всем правилам медицинской практики о медицинском исследовании во время.

Всевозможные предварительные эксперименты проводимые на моделях должны быть проведены перед началом экспериментов на людях. Это означает, что должны быть проведены предварительные эксперименты в лабораториях,

---

²⁶⁵ Наполеон I Бонапарт (1769 — 1821) — император французов в 1804—1814 и 1815 годах, полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства, один из наиболее выдающихся деятелей в истории Запада.

эксперименты на животных и тому подобное. В случае необходимости даже эксперименты проводимые на самом исследователе.

В целом, ответственность за степень экспериментов остаётся на врача. При подготовке экспериментов количество лиц отобранных для экспериментов должно быть настолько большим насколько необходимо в интересах результативности эксперимента, но в интересах лиц отобранных для эксперимента количество должно быть как можно более меньшим.

Проведение эксперимента должно быть правильным и эксцессы которые могут повисить его опасность должны исключаться.

Наконец, эксперимент должен останавливаться врачом если очевидно, что результат достигнут или наиболее вероятно не будет достигнут.

Выбор лиц необходимых для экспериментов в ходе применения наказания может иметь место только по инициативе исполнительного ведомства в чьём заключении находится лицо.

.....

Отмечалось, что многие лица использованные для экспериментов являлись иностранцами, и что данный факт должен был предотвратить экспериментирование на них.

Фактом является то, что сильные движения сопротивления на Западе и в особенности на Востоке, вели тотальную партизанскую войну против германских войск и приносила кровавые жертвы. Международное право не возражает смертной казни участникам незаконной борьбы и тайным, внезапным атакам против военнослужащих оккупационной армии. Поэтому, если, вместо допустимого исполнения смертной казни, путём искупления происходили попытки смягчения, данному факту следует придать особое внимание.

Упрёк о том, что никакие эксперименты не могли проводиться на политических заключенных противоречит тому факту, что политический противник, во всех странах и во все времена, в большинстве случаев наказывался более жёстко чем уголовник, а именно на основе уголовного закона за измену, шпионаж и противодействие военным мероприятиям, т.е. политическим приказам. Соответственно делалась ссылка на факт, что всякая оккупационная армия угрожает смертной казнью за многие, по другому малозначительные, правонарушения.

.....

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Руффа

..... Заключённые в качестве добровольных подопытных

На данном процессе постоянно поднимался вопрос о том являлись были или нет подопытные в экспериментах Руффа-Ромберга с большой высотой в Дахау добровольцами, хотя люди находились в заключении, то есть, неоспоримо под давлением.

Эксперт, профессор, доктор Лейббрандт также придерживался своего одностороннего мнения в этом отношении, и выступал за то, что к заключенным никогда нельзя относиться как к добровольцам. Такое мнение является несомненно ложным; в другие времена, возможно эксперт не поддержал бы его. Для отправления правосудия в других делах также принимались законно обязывающие заявления заключенных и без мысли о том, что они являлись юридически недействующими, только по причине того, что заключенный вследствие своего заключения находится в затруднительной ситуации и поэтому не является полным хозяином своей воли.

Не следует заблуждаться, предполагая, что никто из подсудимых, имея даже такой огромный опыт как медик, тогда не думал обо всех возможностях, которые мы сейчас рассматриваем, когда многие месяцы мы вынуждены исследовать юридическую основу всей проблемы экспериментов на людях, и должны продумывать все итоги. В соответствии со своим настроем, тогда каждый врач и исследователь говорил себе: «Если подопытный согласен на эксперимент, всё правильно». Это всегда казалось врачу высшим принципом: эксперимент является законным если подопытный согласившийся на него, получает от врача необходимый уход при проведении эксперимента. Как подтвердилось во время процесса, не существует страны с писаным правом регулирующим юридические условия экспериментов на людях. Однако, с другой стороны, эксперименты на людях настолько далеко идущий и часто настолько неизбежный предмет, что можно говорить о неписанном праве, которое в целом и в частности принимается и признаётся во всём мире. Защита некоторых подсудимых продемонстрировала трибуналу в своих документальных книгах, мнение всего мира об этом неписанном праве, в самых разных распоряжениях, от абсолютно безвредных до абсолютно смертельных экспериментов, и соответственно собрала ценный материал, который является подходящим для формирования базы для кодификации этого неписанного

медицинского закона и для того, чтобы показать будущие пути по развитию правосудия в данной сфере. При нехватке писанного права, врач и исследователь даже сегодня может признавать только признанную конвенциональную правовую концепцию в качестве правила для своего поведения как она выражается в международной медицинской литературе.

.....

Однако, читая международную литературу, не может быть сомнения в том, что добровольчество подопытных обеспечивается в каждом случае законностью экспериментов на людях, и поэтому, более сентиментальное отношение наших исследовательских работников было правильным, потому зная о международной литературе, они ставили вопрос о законности экспериментов на людях в зависимость, в первую очередь от добровольности подопытных.

Как можно видеть, международная медицинская литература до настоящего времени нигде не представляет мнения о том, что согласие заключенного не является недействующим, потому, что по причине его заключения, у него нет свободной воли. Напротив, во многих случаях это принимается как важный шаг вперед, и часто, не говоря без сопротивления, сообщается об экспериментах проводимых на заключенных, чье согласие не считалось существенным. Многие эксперименты, о которых сообщалось в суде и некоторые из которых были описаны в документах представленных защитой, четко демонстрируют, что очевидно повсеместно преобладает мнение о том, что в случае заключенных, в частности тех кто приговорён к смерти, согласие заключенного на эксперимент может быть заменено разрешением властей, даже в случае экспериментов, которые являются очень опасными и в которых случались смертельные случаи в большем или меньшем количестве. Опубликованные отчёты также говорят о количестве смертей в описанных экспериментах, некоторые немного замаскированные, но в большой мере открытые, без исследователя или читателя сознающего, то, что совершались акты убийства, потому что иначе реакция была бы совершенно иной.

Особо острым становится вопрос если эксперименты проводились в тоталитарном государстве во время тотальной войны. Смысл не в том, желателен или нет диктаторский режим, как и не в том является ли преступной война (для примера, потому что позднее о ней будут судить как об агрессивной); отношение заключается в том, что в таких исключительных условиях которые существуют при диктатуре или тотальной войне, даже угрожающие жизни человека эксперименты наверное будут более оправданными чем при нормальных условиях очевидно

основываясь на мысли о том, что государство управляемое диктатурой просит великих жертв, также от преступников, в особенности во время тотальной войны.

Фактически следующая мысль приходит многим подсудимым во время этого процесса: во время тотальной войны государство просит любого быть готовым, в любое время служить на фронте, и во время воздушной войны каждая женщина и каждый ребёнок дома, подвергается ежедневно и ежечасно смертельной опасности; поэтому многие граждане думают неудовлетворительно о том, что преступник, который обременён тяжкой виной или даже мог совершить преступление наказуемое смертью, остаётся вне опасности, другими словами в лучшем положении чем законопослушный гражданин.

Сейчас кажется, что у многих подопытных которых использовали тогда в экспериментах было схожее мнение, потому что свидетель Карл Вольф заявил под присягой о том, что заключенные с которыми он говорил в Дахау говорили о том, что «они добровольно вносят вклад в военные усилия Германии и показывают знак своей доброй воли» (Руфф 21, экз. Руфф 20) Такие же идеи также заявлялись разными подсудимыми во время их допроса.

г. Документы и показания

.....

Фрагменты допроса свидетеля Ойгена Когона обвинением

.....

Макхэни: Перед тем как перейти к подробностям тифозных экспериментов, я хочу спросить вас о том, известно ли вам, что-нибудь о способе которым отбирались подопытные для экспериментов которые вы упоминали и которые проводились в Бухенвальде?

Когон: Отбор подопытных не был одинаковым в разное время. В первом периоде заключенных лагеря призывали быть добровольцами. Им говорили о том, что это было безвредное дело; о том, что люди получают дополнительное питание. После одного или двух экспериментов вообще стало невозможно получать добровольцев. С тех пор, доктор Динг просил лагерного врача или ээсовского коменданта лагеря отбирать подходящих лиц для экспериментов. Он не имел специальных директив для этого. Лагерная администрация отбирала людей произвольно среди заключенных, были они уголовниками, политическими заключенными или

гомосексуалистами. Среди самих заключенных играла роль интрига по отбору и случайно попадались люди у которых для этого не было особой причины, но они попадали в эксперименты. Приблизительно с осени 1943, руководители лагеря не хотели нести ответственность за отбор подопытных. Доктор Динг сам больше не желал устных инструкций от Мруговски для проведения экспериментов, а требовал письменных приказов. Для этой цели он обратился к Мруговски с просьбой о том, чтобы рейхсфюрер СС назначал людей для экспериментов. Группенфюрер СС Небе из криминальной полиции Рейха в Берлине, тогда, в соответствии с директивой Гимmlера, которую я видел, приказал о том, чтобы только те люди использовались у кого был по крайней мере десятилетний срок работ. Затем, сотрудники управления криминальной полиции Рейха в Берлине дважды отбирали 110 и 99 человек в Бухенвальде, которых предоставляли для экспериментов. Они были исключительно уголовниками с предыдущей судимостью. В последний период, людей отбирали из разных концентрационных лагерей и тюрем Германии. Траспорты с этими людьми прибывали в Бухенвальд. Кроме того, политические заключенные из самого лагеря почти всегда включались в эти серии экспериментов, либо потому, что они не устраивали неким образом СС или потому, что являлись жертвами лагерных интриг.

Макхэни: Все эти подопытные на которых экспериментировали в блоке 46, были приговоренными к смерти?

Когон: Я не знаю ни об одном случае в котором кто-либо попадал на экспериментальную станцию в блоке 46, потому что его приговорили к смерти. Однажды в случае четырёх русских военнопленных, заявлялось о том, что они должны были быть расстреляны, но приговора не было, никакого приговора. Они относились к категории русских военнопленных, из которых 9500 расстреляли, повесили или задушили в Бухенвальде.

Макхэни: Какие-либо особые соображения или выгоды предоставлялись подопытным которые выжили в экспериментах?

Когон: Во время первых двух или трёх недель проведения экспериментов, подопытные получали пищу для того, чтобы привести их в состояние обычного немецкого солдата. Помимо этого, никто из заключенных которые выживали не получали никаких преимуществ, и им никогда не обещали такой вещи.

Макхэни: Предпринимались усилия привести подопытных в хорошее физическое состояние, то есть, сравнимое с солдатом Вермахта?

Когон: Состояние существовало, и настолько насколько оно соответствовало другим условиям отбора, это выполнялось.

.....

Макхэни: Господин Когон в завершении вчерашнего заседания вы объяснили нам способ которым отбирались подопытные для медицинских экспериментов в лагере Бухенвальд. Вы расскажете трибуналу проводились ли эксперименты на каких-либо не-немецких гражданах?

Когон: Среди подопытных которых отбирали для блока 46, были не только немцы, но также поляки, русские и французы, в частности в течение последних лет.

Макхэни: Вам известно, экспериментировали ли на военнопленных в блоке 46?

Когон: Да.

.....

Фрагменты допроса защитой эксперта, доктора Эндрю С. Айви

.....

Серватиус: Свидетель, вчера вы давали показания о том, что добровольное согласие является первоначальным требованием для экспериментов на людях. Ранее вы сказали о том, что вы сами неохотно обращались за добровольцами. Это так?

Айви: Нет.

Серватиус: Разве вы хотите сказать о том, что вы не хотели просить ваших студентов вызываться добровольцами, но оставляли это другим ведомствам, что означало, что ваши полномочия не могли составлять некую форму принуждения?

Айви: Да, постольку, поскольку моё личное руководство требовалось относительно отдельных лиц, я думал, из-за моего положения как профессора, это могло косвенно повлиять на студентов, чтобы они сказали да.

Серватиус: Вероятно у вас было мнение о том, что авторитет может убедить их сделать то, что они бы иначе не сделали.

Айви: Да – путём индивидуального контакта.

Серватиус: Профессор, я скажу, вам не известно, что в целом добровольный аспект согласия лица подвергался подозрению?

Айви: Я не понял вопрос. Вы повторите?

Серватиус: Это не так, что в медицинских кругах и кругах общественности к этим заявлениям о добровольном согласии относились с определённым подозрением; что ставилось под сомнение то, что лицо действительно вызвалось добровольно?

Айви: Уточните?

Серватиус: В своём поручении вы наверно спорили о том, как следует контактировать с добровольцами; это не так?

Айви: Да.

Серватиус: По этому поводу не обсуждался вопрос о том, что вы должны гарантировать себе, чтобы не осуществлялось принуждение, или чтобы эксплуатировалась отдельная ситуация в которой лицо обнаруживало себя?

Айви: Да. Я занимался этим вопросом.

Серватиус: Были дискуссии об этом?

Айви: Не обязательно с остальными, но всегда были раздумья об этом в моих мыслях.

Серватиус: Свидетель, ряд документов были представлены вчера, пятницу, из которых видно, что добровольцы вызывались добровольцами, как например восемьсот или больше заключенных применённых для эксперимента с малярией; и был радиоотчёт; все эти лица имели мотив для добровольчества. Какие мотивы заключенного убедят его быть добровольцем?

Айви: Этим заключенным говорили о том, что они вызвались добровольцами для того, чтобы помогать людям у которых есть малярия.

Серватиус: В данном отчёте отдельных лиц спрашивали, пятерых или шестерых – один сказал о том, что он вызвался добровольцем, потому что он приговорён к пожизненному заключению, и он обязался помогать армии. Другой сказал о том, что он сделал так, потому что его брат, солдат на фронте и имеет малярию. И ещё один сказал – двое моих братьев в армии имели малярию; и третий сказал о прошедшей войне –

Харди: Доктор Серватиус ссылается на документ НО-3450, экземпляр обвинения 519 для индентификации, и я прошу, чтобы он предоставил отрывки доктору Иви, чтобы он мог правильно давать показания.

Серватиус: Свидетель, из этого радиоотчёта я прочитаю вам ответ подопытных. Некто господин Кволл говорит: «Капитан Джонс, я ожидаю, что у этих людей есть много причин для их добровольчества в этой войне».

«Капитан Джонс: «Да у них они есть. У многих есть сыновья и братья в армейских службах, у других иные патриотические мотивы, но я не тот кто расскажет о них».

Кволл: «Я понял»

Капитан Джонс: «С разрешения директора тюрьмы Рэнгена мы собираемся поговорить с несколькими этими добровольцами прямо сейчас. Как вас зовут?

Джонсон: «Я Джордж Джонсон, номер и тому подобное»

Кволл: «Джонсон, я слышал у вас была довольно высокая лихорадка в результате этих тестов»

Джонсон: «Правильно; одно время у меня была температура 108 градусов».

Кволл: «108 градус и вы здесь можете рассказать историю»

Джонс: «Какой была ваша основная причина для добровольчества в этих тестах?»

Джонсон: «Я служил в армии США во время первой мировой войны, и здесь, проходя эти тесты, я помогал нашим парням для того, чтобы война закончилась»

Кволл: «Спасибо, Джонсон. Итак, здесь Чарльз Эйрц, номер и так далее»

Эйрц: «Мой брат был убит при пересечении реки Саар; это изменило меня; в нас здесь не стреляют; это меньшее что, мы можем сделать»

Кволл: «И теперь Джордж Шторм; Джордж Шторм, номер и так далее»

«Шторм: «Двое моих братьев на службе подхватили малярию. Если я могу помочь армии, я могу помочь своим братьям»

Кволл: Здесь человек который один из многих медбратьев-заключенных помогающих в войне. Как вас зовут?

Леопольд: «Натан Леопольд, номер и так далее. Я был добровольцем в малярии и теперь я работаю как медбрат»

Кволл: «Как большинство этих пациентов отреагировало на тесты?»

Леопольд: «Все эти люди были хорошими бойцами; их мораль высока»

Кволл: «Итак, двоим заключенным не нова малярия»

Уокер: «Моё имя Джордж Уокер, номер и так далее, и мой племянник пациент с малярией в армейском госпитале»

Маккормак: «Я Джеймс Маккормак, номер и так далее. Мой брат тоже в армии. Если эти тесты помогут вылечить его от малярии, это будет полезно».

Кволл: «Медицинские офицеры особо заинтересуются следующим случаем. Ваше имя?»

Норман: «Эл Норман, номер и так далее»

Кволл: «Почему ваш случай необычный, Норман?»

Норман: «Потому, что у меня было пять возвратов, так как я впервые заразился малярией; это наибольшее количество, что бывало у пациентов»

Я остановлю зачитывание. Мне кажется это приводит общее впечатление. Это верно, что все из них привели идеалистические причины в качестве мотива?

Харди: До вопроса, я предложу, чтобы документ был передан доктору Иви, если он пожелает сослаться на другие разделы в своём ответе.

Серватиус: Я незамедлительно так сделаю; однако, сначала у меня есть один вопрос. Всё это не было идеалистическими точками зрения в качестве мотива лица?

Айви: Да. На основе моих обсуждений с людьми которые наблюдали эти эксперименты в Стейтвиле, Иллинойс, идеалистическая мотивация данной группы была очень высокой. Фактически, эффект общественной службы повлиял на этих заключенных, при том имел он или нет особую исправительную ценность и до настоящего времени данный вопрос на то, что такая общественная служба будет иметь большое исправительное значение, в том, что совпадение возврата к преступности при досрочном освобождении заметно снизилось.

Серватиус: Вы знали Натана Леопольда или о том кем он был?

Айви: Да.

Серватиус: Это правда, что он был приговорён к пятнадцати годам в исправительном учреждении за убийство?

Айви: Даже больше этого.

Серватиус: Вы думаете, что он является правильным лицом для того, чтобы приводить мнение относительно высокого морального статуса заключенных исправительного учреждения?

Айви: Он никогда не ожидал выбраться из исправительного учреждения, и я не вижу причины почему он не должен выражать своё мнение, без какого-либо давления или принуждения, так как он чувствует.

Серватиус: Я покажу вам отчёт, и пожалуйста убедитесь в том, что у вас есть о нём какие-нибудь замечания.

Айви: Нет, у меня никаких нет.

Серватиус: Идеалистические точки зрения связывались с военным положением не так ли, кроме последней?

Айви: Нет, я не согласен, потому что если бы какое-либо принуждение применялось для убеждения этих заключенных в службе в медицинских экспериментах, это бы вскоре – за неделю – стало вниманием газетных репортёров и появилось бы на первых страницах всех газет – большей части газет в Соединенных Штатах.

Серватиус: Я хочу, сказать вам снова о том, что говорил Джонс. Он говорит: «У других есть патриотические мотивы...у многих есть сыновья и братья в армейских службах». Капитан Джонс приводит это в качестве главной причины. И затем предоставляются отдельные лица которые делают заявления в том же смысле и том же отношении. Это не так?

Айви: Мне кажется это совершенно разумно; потому что лицо являющееся заключенным в исправительном учреждении не имеет причины для того, чтобы не быть патриотичным или любить свою страну.

Серватиус: Вероятно вы признаете, что никто не приводит это в качестве своего мотива для помощи перед германским судом по денацификации, а именно, о том, что он хотел помочь своей армии.

Айви: Я не понял вопрос. Пожалуйста повторите его.

Серватиус: Забудьте. Итак, свидетель, из экспериментов здесь, никто из этих добровольцев не был извне исправительного учреждения; итак, почему лица вне исправительного учреждения не вызвались добровольцами в эксперименты с малярией; предприниматели или учителя, например? Потому, что мы должны предполагать, что не только заключенные исправительных учреждений имеют идеалы.

Айви: Как я вчера объяснял, использовались сознательные отказники, и использовались заключенные, вместо учителей и предпринимателей, потому что эти лица не имели других обязанностей. Их время было полностью доступно для целей экспериментирования.

Серватиус: Не является злом проведение экспериментов?

Айви: Нет.

Серватиус: Вы так не думаете?

Айви: Не является злом проводить эксперименты.

Серватиус: Но разве не зло проводить эксперимент на подопытном?

Айви: Я скажу, что нет. Я сам служил в качестве подопытного много раз, и я не считаю это злом.

Серватиус: Вы не думает, что очень неприятно быть заражённым малярией, иметь лихорадку и иные нежелательные симптомы такого рода?

Айви: Да. Это неприятно, но это не зло.

Серватиус: Вероятно мы не поняли друг друга. Вы не хотите сказать, что приятно иметь малярию?

Айви: Нет. Это не удовольствие.

Серватиус: Это очень неприятное и серьёзное заболевание длящееся многие годы?

Айви: Оно неприятное, да.

Серватиус: Если все эти лица пошли по идеалистическим причинам, почему им предлагали компенсацию?

Айви: Я полагаю это служило небольшой наградой за неприятный опыт.

Серватиус: Вам не кажется, что деньги являлись мотивом для многих из них – сотня долларов?

Айви: Это довольно мало. С точки зрения заключенных в исправительном учреждении в Соединённых Штатах, сотня долларов это немного.

Серватиус: Для заключенных это было бы достаточно денег, как мне кажется, для кого-либо на свободе это немного.

Айви: Нет. Наши заключённые в исправительных учреждениях в Соединённых Штатах, работая на фабриках в тюрьмах, получают денежную компенсацию за эту работу.

Серватиус: Мне кажется, так во всём мире.

Айви: Они направляются в трастовый фонд, чтобы они могли их использовать, когда выйдут.

Серватиус: Вы думаете, что деньги это достаточная компенсация или компенсация за то через, что проходит подопытный?

Айви: Я так не считаю, мне не кажется, что для кого-либо из заключенных это так. Фактически, мне говорили о том, что некоторые из них не брали денег.

Серватиус: Если кто-то заявляет о себе как о добровольце, он не должен взвешивать преимущества и недостатки?

Айви: Кажется так.

Серватиус: Недостатком здесь, является серьёзное заболевание, преимуществом пятьдесят или сто долларов.

Айви: Я должен сказать, что преимуществом будет служба на благо человечества.

Серватиус: По это причине деньги не платили сразу же, а двумя переводами? Насколько я помню вчерашний документ, сто долларов выплачивалась следующим образом: пятьдесят долларов после первого месяца и ещё пятьдесят спустя один год. Другими словами, сначала заключенный должен был сделать свою работу. Итак, почему же было так?

Айви: Я предположу, что это самый обычный способ делать дела в Соединённых Штатах при наличии соглашения. Я предположу, что адвокаты имели к этому некое отношение.

Серватиус: Не была ли причина следующей: заключенный потеряет свой энтузиазм для эксперимента и откажется сотрудничать? Могло это быть причиной небольшой отсрочки выплаты?

Айви: Я сомневаюсь в этом.

Серватиус: Вам известен случай, в котором подопытный не желал продолжать эксперимент?

Айви: Такое было в моём опыте. И в соответствии с ответом, полученным на этот вопрос, когда я задал его доктору Ирвингу, он сказал о том, что никто тогда не выразил желания уйти.

Серватиус: Профессор, я видел документ об опытах с голодом, проводимых на сознательных отказниках. Это было в журнале. Там было описано, как эти сознательные отказники испытали значительные неприятности и не хотели продолжать эксперимент. Они смогли выполнить своё обещание только с величайшим усилием. Вам это известно?

Харди: Я предлагаю, чтобы защитник сослался на документ о котором сейчас говорит, и предоставить его доктору Иви, или предоставить факты, конкретную дату, для того, чтобы доктор Иви полностью знал про обстоятельства.

Председательствующий: У защитника есть документ который он может предоставить? Тогда он им воспользуется.

Серватиус: У меня есть одна английская копия.

(Документ представлен свидетелю)

Я найду отрывок и сошлюсь на него.

Кажется, я не могу найти его. Это длинный документ и где-то есть заявление о том, что подопытным пришлось приложить все свои силы, чтобы остаться в эксперименте. Однако, я сейчас опущу предмет. Свидетель, не является иным стимулом, убеждение заключенных для добровольности экспериментов? Не применяются перспектива помилования или другие преимущества?

Айви: Когда начались эксперименты с малярией, такой перспективы не скрывали от заключенных, отсюда возможность снижения срока, более раннее досрочное освобождение нежели иначе, не являлись перспективами. Однако, после завершения экспериментов с малярией, снижение сроков помимо того, что позволяло «хорошее поведение» обеспечило досрочное освобождение. По этой причине губернатор Грин штата Иллинойс назначил комитет со мной в качестве председателя для рассмотрения вопроса о котором вы подумали; какое снижение срока можно было позволить в таких примерах для того, чтобы снижение срока не было настолько сильным, чтобы оказать косвенное влияние или создать давление при получении добровольцев? У меня есть готовые выводы и я могу их вам зачитать, если вы хотите их услышать.

Серватиус: Пожалуйста, прочитайте. Могу я спросить о том, когда был сформирован этот комитет?

Айви: Формирование комитета по моим воспоминаниям, произошло в декабре 1946, когда заключенные с сомнительными приговорами были направлены на рассмотрение досрочного освобождения. Это был первый раз, когда возникли вопросы снижения срока.

Серватиус: Свидетель, ещё один вопрос. Формирование данного комитета имело какое-нибудь отношение к тому факта, что шёл данный процесс, или к тому факту, что этот случай с малярией был опубликован в журнале «Life²⁶⁶» и что прямо говорилось о том, что подопытные не получили ни компенсации, ни досрочного освобождения, ни снижения срока приговора? Есть какая-нибудь связь с этими вещами?

Айви: Нет никакой связи между назначением этой комиссии и данным процессом, по этой причине, было разделение мнений о работе которую провели комиссия по досрочному освобождению. Некоторым показалось, что комиссии по досрочному освобождению были слишком мягкими; другим, что они были слишком жёсткими. Если снижение срока было слишком большим, комиссии по досрочному освобождению критиковались бы в газетах. Очевидно, комиссии по досрочному освобождению действовали руководствуясь своим мнение о медицинской этики, которую могли получить. Соответственно и был назначен комитет.

Серватиус: Будьте так добры прочитайте, то что хотели?

Айви: Есть два вывода:

«Вывод 1: служба заключенных в качестве подопытных в медицинских экспериментах должна вознаграждаться дополнительно к обычному времени разрешаемому за хорошее поведение, старание, послушание и отвагу, но предоставляемое лишнее время не должно быть настолько большим, чтобы косвенно оказывать влияние для получения согласия заключенных. Предоставление большой награды противоречило бы медицинской этике и принизило и подвергло опасности метод делания добра. Таким образом, снижение срока в тюрьме следовало определять терпимостью требуемой для эксперимента и характером заключенного. Считалось, что 100 процентное увеличение к обычному хорошему времени во время

---

²⁶⁶ Life (« Жизнь» стилизуется как LIFE) - Ежедневный новостной журнал в США, выходивший с 1936 до 1972 год, с сильным акцентом на фотожурналистику. Затем выходил ежемесячно с 1978 по 2000 год.[1]

прохождения экспериментов не было бы чрезмерным в таких экспериментах требующих максимального терпения.

«Вывод 2: Заключение, непригодному к тому, чтобы стать законопослушным гражданином следует заранее рассказать, что если он желает послужить в качестве подопытного в медицинском эксперименте, ему не надо ждать снижения срока. Заключение который совершил тяжкое преступление, даже пригодному стать законопослушным гражданином, заранее следует сказать о том, что если он желает послужить в качестве подопытного в медицинском эксперименте, ему не следует ожидать сильного сокращения срока»

Я могу объяснить, когда я использую выражение «снижение тюремного срока», этим предполагается, что, когда заключенный освобождается досрочно, он остаётся под надзором, наблюдением или условным сроком вне тюрьмы. Он подлежит аресту и возвращению в тюрьму в любое время; поэтому, когда мы говорим снижение тюремного срока, мы не имеем в виду, что это будет снижением срока предписанного судом. Таков закон в штате Иллинойс.

Серватиус: Свидетель, если подопытные являются заключенными, им говорят о такой политике заранее?

Айви: Должно быть им рассказали о такой политике прямо сейчас, так как вопрос возник впервые.

Серватиус: Вчера обвинение представило вам документ. Это был документ НО-3968, экземпляр обвинения 517. Его не было ни в одной документальной книге, он был представлен только вчера. Я незамедлительно покажу его вам. Это форма из департамента юстиции, бюро тюрем, заявление о добровольном согласии и там говорится следующее:

«Я полностью соглашаюсь сотрудничать с врачами проводящими изучение во время всего периода наблюдения 18 месяцев. Я понимаю, что по завершению периода наблюдения, мне будет оформлен сертификат заслуг и заявляю о своём добровольном сотрудничестве для исследования и о том факте, что таким образом добровольно оказываю выдающуюся услугу человечеству, что будет отмечено в моём личном деле»

Разве это не является широким обещанием, которое может заставить заключенного принять участие не имея чисто идеалистических мотивов?

Айви: Сертификат заслуг является небольшим сертификатом, который заключенный может поставить или повесить на стену своей камеры. После своего освобождения,

он может взять его домой и показать своим друзьям и я думаю это может послужить тому, чтобы предотвратить правонарушителя от повторных правонарушений.

Серватиус: Вы думаете о том, что у него очень практичная польза? Вы не думаете о том, что это заставит полицию обращаться с кем-то более снисходительно.

Айви: Сомневаюсь, хотя я не могу свидетельствовать относительно того, что будет делать полиция.

Серватиус: Вы не думаете, что он будет немного полезен при поиске работы после освобождения?

Айви: Когда заключенного освобождают досрочно, перед освобождением ему находят работу.

.....

Допрос эксперта Эндрю С. Айви обвинением

.....

Харди: Итак, доктор касаясь ваших показаний о сознательных отказниках, у меня есть несколько мыслей, которые помогут прояснить ситуацию в мыслях защитников. Вы расскажите нам о том, как лицо квалифицировалось как сознательный отказник?

Айви: Что же, первое, каждый, кто находится в рамках некой возрастной группы в Соединённых Штатах должен зарегистрироваться.

Харди: Зарегистрироваться для призыва?

Айви: Для призыва или альтернативной службы.

Харди: То есть, призыва в вооруженные силы Соединённых Штатов?

Айви: Да. Затем, в некое время происходит призыв. Сознательный отказник может объявить о том, что является сознательным отказником от участия в боях или службе в военных организациях ко времени регистрации или времени призыва на военную службу или отбора.

Харди: И после регистрации его возражения для какого-либо участия в армии, тогда ему позволяют вернуться домой или его просят сотрудничать в вопросах, которые не включают вещи военного характера?

Айви: Нет, направляют в агентство гражданской общественной службы и спрашивают, хочет ли он участвовать в общественной службе.

Харди: И эта общественная работа была обычной работой в госпиталях и работой в различных библиотеках, возможно других общественных учреждениях?

Айви: Да, или защита лесов от пожара или очистка лесов.

Харди: Данный человек, сознательный отказник, находился в заключении?

Айви: Их помещали в заключение, только если они никак не сотрудничали.

Харди: Существовал национальный комитет по защите интересов отказников?

Айви: Да. По общему правилу за сознательными отказниками надзирала гражданско-религиозная группа, такая как квакеры или менониты.

Харди: Сознательный отказник был обязан быть добровольцем для медицинских экспериментов?

Айви: Нет, вообще нет.

Харди: Однако, он был обязан работать в различных библиотеках или в предотвращении лесных пожаров, и т.д., если этого просил комитет?

Айви: Да. Ему необходимо было оказывать некоего рода общественные услуги.

Харди: Затем вы определяли, что вам требуются подопытные. Как получалось так, что вы решали, что сознательные отказники могут быть вам предоставлены?

Айви: Насколько я помню, национальный совет исследований, в виду того факта, что студенты-медики и студенты-стоматологи набирались в армию и больше не могли быть подопытными в экспериментах в университетах и лабораториях медицинских школ, поднял перед директором гражданской общественной службы вопрос, который тогда решил, что сознательных отказников можно вызывать добровольцами для такой работы в связи с медицинскими школами и исследовательскими учреждениями.

Харди: И таким путём вам разрешали обращаться к сознательным отказникам, чтобы спрашивать их, готовы ли они вызваться добровольцами или нет для медицинских экспериментов?

Айви: Я или исследователь не обращались к сознательным отказникам напрямую. Мы просили о том, чтобы некоторое количество добровольцев было разрешено или направлено нам через директора агентства общественной гражданской службы.

Харди: И эти сознательные отказники направлялись в лаборатории вашего университета?

Айви: Да. Верно.

Харди: Пока они находились в вашей лаборатории они проживали в общежитиях университета?

Айви: Да, в общежитиях или госпиталях.

Харди: Они находились под каким-либо наблюдением?

Айви: Одно лицо из группы назначалось руководителем, надзирателем в группе, и его обязанностью было следить за тем, чтобы люди выполняли свои инструкции.

Харди: Кому-либо из этих отказников было возможно получить отпуск или выходные?

Айви: В большинстве экспериментов нет.

Харди: Что же, на момент предположим, что вы не собирались использовать подопытного на период две или три недели. Он не мог бы в таком случае идти в отпуск или пойти в город или предполагалось, что он должен оставаться в вашем университете всё время?

Айви: Нет. Он мог уходить на некоторые периоды времени, в зависимости от нескольких часов до нескольких дней, с учётом характера эксперимента. Если это был эксперимент с диетой, тогда он должен был питаться согласно диетическому столу всё время.

Харди: Значит у него действительно была свобода передвижения, в отличие от заключенного в учреждении или исправительном учреждении?

Айви: Да.

.....

Е. Необходимость

а. Введение

Защита в целом выступала за то, что медицинские эксперименты проходили из-за военной необходимости или национальной чрезвычайности вызванными войной. Подсудимый Зиверс выступал за то, что его участие в различных экспериментах являлось необходимой частью его участия в движении сопротивления в Германии. Подсудимый Ховен выступал за то, что заключенные концентрационных лагерей, которые убивались им или при его одобрении и сведениях, отбирались лагерными руководителями, которые формировались самими заключенными. Ховен также выступал за то, что все убитые заключенные являлись опасными преступниками которые добровольно сотрудничали с СС, и если бы их не устранили, политических заключенных ликвидировали бы эти преступники и СС. Он сделал вывод о том, что это было необходимо для того, чтобы предотвратить большой вред, либо убить этих «стукачей» лично или дав своё одобрение на их ликвидацию.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительного обзора против подсудимого Ховена

.....

(Ховен) попытался оправдать убийства [заключенных концентрационных лагерей] говоря о том, что эти заключенные являлись информаторами, шпионами, и стукачами СС и поэтому должны были быть уничтожены. Он сказал о том, что если бы им позволили осуществлять свои действия, было бы перекрыто незаконное управление лагерем и уголовники в лагере получили бы власть. Попытка Ховена оправдать убийство заключенных концентрационного лагеря, конечно, не является защитой. Может быть правдой, что Ховен симпатизировал и даже сотрудничал с теневым управлением лагеря. Может быть правдой, что некоторые из его жертв могли быть убиты на основе предложений выдвинутых этим нелегальным руководством лагеря. Но само собой разумеется, что эти политические заключенные, которые инициировали убийство своих оппонентов, были в состоянии судить о том, было ли необходимо убивать их ради лагерного сообщества. Они судили лишь со своей точки зрения о такой чрезвычайности, т.е. с точки зрения пользы для самих себя. Сам Ховен вообще не имел суждения в данном отношении и просто предстал добровольным и тупым орудием небольшой группировки лагеря, которая несомненно пыталась устранить не только тех лиц, чья деятельность считалась угрожающей для знакомых заключенных, но также личных оппонентов и врагов. То, что Ховен был коррумпирован заключенными и получал деньги за свои убийства подтверждается показаниями нескольких свидетелей.

Когон свидетельствовал:

«Я могу лишь сделать вывод о том, что оба мотива, политический мотив и коррупционный мотив, были активными в деле доктора Ховена. Если бы доктор Ховен выразил какое-либо желание – а он выражал много пожеланий – тогда эти пожелания всегда выполнялись»

«Он сам выражал много желаний постоянно и всевозможные преимущества предоставлялись ему такими людьми, которых он спасал»

Кирххаймер дал показания в этом же отношении. Свидетель защиты Пик нарисовал картины Ховена и его семьи, а свидетель защиты Хорн в своих письменных показаниях заявил о том, что Ховен был очень коррумпированным. Заключенные знали это и они коррумпировали его всеми возможными способами и делали ему подарки мебелью, нижним бельём и продовольствием. Были периоды,

когда целые мастерские работали на Ховена в которых работали по тридцать или больше заключенных.

Питер Шалкер перед голландским бюро по военным преступлениям в Амстердаме свидетельствовал о том, что Ховен играл исключительно зловещую роль и имел на своей совести бесчисленные смерти из-за совершенно неадекватного медицинского ухода. В последующие годы, когда стало очевидно, что Германия проиграет, он изменил своё отношение к заключенным. (НО-1063, экз. обв. 328) Когда Шалкер допрашивался уполномоченным трибунала по ходатайству защитника, он подтвердил заявление, сказав о том, что Ховен крал еду, которая готовилась для подопытных в блоке 46 и также получал другие вещи такие как туфли, игрушки и женскую одежду.

Показания лица давшего письменные показания Аккермана, который являлся заключенным в патологическом отделении подчинённом Ховену, подтверждают, что Ховен участвовал в жестоких преступлениях привычных в концентрационных лагерях. Он сказал –

«Доктор Ховен стоял однажды вместе со мной у окна патологического отделения и показал на заключенного, неизвестного мне, который переходил место на котором проходили построения. Доктор Ховен сказал мне: «Я хочу видеть череп этого заключенного на своём письменном столе завтра вечером». Заключенному было приказно явиться в медицинский отдел, после чего врач записал номер заключенного. Тело было доставлено в тот же день в прозекторскую. Посмертное вскрытие показало, что заключенный был убит инъекцией. Череп был подготовлен и доставлен доктору Ховену» (НО-2631, экз. обв. 522)

Ховен также одобрял избиения заключенных концентрационных лагерей. (НО-2313, экз. обв. 523; НО-2312, экз. обв. 524) Один из таких заключенных умер.

20 августа 1942, Ховен предложил коменданту лагеря Бухенвальд о том, чтобы сообщения о смертях русских политических заключенных прекратились для того, чтобы экономить бумагу. Он говорил –

«Запрашивается, чтобы был исследован вопрос необходимо ли готовить отчёты о смерти политических русских. Согласно указанию принятому на прошлой неделе, требуется готовить только одну форму. Это может повлиять на эффект экономии бумаги, но так как политические русские составляют большое число среди умерших заключенных в настоящее время, больше времени и бумаги можно сэкономить если эти отчёты о

смертях опустить. Уведомления о смерти можно делать как и ранее, также как по русским военнопленным» (НО-2148, экз. обв. 570)

Доказательства показали, что кроме шестидесяти заключенных которые были признаны как убитые им, Ховен участвовал в убийстве многих других заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд, которые страдали от недоедания и истощения. Он отбирал жертв для транспортов которых позднее казнили на станции эвтаназии Бернбург. Его защита заключающаяся в том, что вся его деятельность совершалась на пользу политических заключенных в концентрационном лагере является нелепой и необоснованной.

Интересно отметить, что защита Ховена о том, что он убивал по идеалистическим мотивам такая же как использовалась при слушаниях против него в 1944, только тогда его предполагаемым идеалистическим мотивом было «предотвращение скандала в интересах СС и Вермахта» (НО-2380, экз. обв. 527; смотрите также, НО-2366, экз. обв. 526)

.....

Фрагмент из заключительной речи обвинения

.....

В Зиверсе мы имеем несопротивлявшегося члена, так называемого движения сопротивления. Он просит трибунал освободить его от вины за свои кровавые преступления на основе того, что он действительно работал как антинацистский агент. Он не был опоздавшим в движение сопротивления; согласно ему, он сопротивлялся с 1933. За эти 14 лет, до этого самого дня, он не совершал поступков против людей, которые руководили этой системой, которую он всегда ненавидел. Он вступил в нацистскую партию уже в 1929 и в СС в 1935. Он оставался с бандой Гимmlера до последних дней краха. Он прибыл в Нюрнберг, не для того, чтобы дать показания об ужасных преступлениях о которых у него были сведения из первых рук, но свидетельствовал в защиту СС. Во время своих показаний Международному Военному Трибуналу, он постоянно отрицал любые сведения или связь с преступлениями совершенными «Аненербе» СС. В перекрёстном допросе господина Элвина-Джонса²⁶⁷ оставалось подтвердить, что он убийца и

²⁶⁷ Фредерик Элвин-Джонс (1909-1989) – английский юрист и лейбористский политик. Помощник главного обвинителя от Великобритании в Международном Военном Трибунале.

лжесвидетель. Он не показал никаких признаков сопротивления на данном процессе за исключением множественных преступлений в которых он обвинён. Он не раскрыл ни одного нового факта этому трибуналу, хотя его особо просили рассказать о том, что он знает. Если спросить его сегодня, он гарантирует вам, что он один единственный невиновный человек на скамье подсудимых. Но, для цели аргументации, позвольте вычленивать правду из его множественной лжи. Это не повредит нашему делу. Нет такого закона о том, что сотрудник сопротивления не может совершать преступлений и по крайней мере, против людей которых он предположительно должен защищать. Не является законом, что агент под прикрытием, даже агент ФБР, может вступить в банду убийц, реализовывать их планы, осуществлять убийства, делить награбленное и идти своим весёлым путём. Многих полицейских осуждают за участие в преступлениях которые они должны были предотвращать. Нет, грустная вещь заключается в том, что этот сборщик живых евреев для превращения в скелеты имеет одну единственную жизнь, чтобы заплатить за свои множественные преступления.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Гебхардта

.....

Государственная чрезвычайность и военная чрезвычайность как юридическое оправдание

Доказательства более того, подтверждают, что эксперименты по тестированию эффективности сульфаниламида были необходимы для того, чтобы выяснить вопрос, который не только имел решающую важность для индивидуального солдата и войск на фронте, но помимо и кроме того такой уход для индивидуального лица, имел жизненную важность для боевой силы армии и таким образом для всей борьбы нации. Хотя вещества группы сульфаниламидов – количество которых насчитывают приблизительно 3000 – тестировались более чем 10 лет, было невозможно сформировать даже приблизительно верную идею о наиболее ценных лекарственных средствах. В мирное время невозможно было выяснить данный вопрос путём наблюдения многих тысяч людей с бытовыми

ранами и циркулярными опросами. Также нельзя было найти чёткий ответ на данный вопрос имеющий жизненно важное значение для многих сотен тысяч солдат, путём наблюдения ранений в полевых госпиталях, во время войны. В данной аргументации невозможно и ненужно изучать подробности проблемы раневой инфекции и контроля за ней в современной войне. Я могу полагать, что важность данного вопроса известна трибуналу и не требует дальнейших доказательств, так как данный вопрос не только играл роль в германской армии, но и являлся предметом специальных исследований и мероприятий в армиях по всему миру.

В 1942 условия в германской армии и медицинских службах Вермахта стали напряжёнными постольку поскольку с началом кампании против Советского Союза появились новые трудности в данной сфере. В кампаниях против Польши и Франции было возможным справляться с раневыми инфекциями обычными хирургическими средствами, но трудности в войне против СССР вышли за рамки всяких мер. Не требуется изучать причины здесь более подробно. Ясно, что они возникли из-за больших расстояний и плохих транспортных условий, но они также были вызваны преобладающими там климатическими условиями.

На боевую мощь германской армии настолько влияли тяжёлые потери, что было невозможно распределить большое количество опытных врачей на главные перевязочные станции для того, чтобы контролировать бактериальные раневые инфекции хирургическим мерами.

Во время представления доказательств, сложная ситуация, в которой находились германские армии зимой 1941-42 на московском фронте и на юге вокруг Ростова постоянно подчёркивались. Здесь было чётко продемонстрировано, что германский Вермахт, и немецкий народ участвовали в борьбе не на жизнь, а на смерть.

Руководители германского Вермахта, пренебрегли бы своим долгом если бы столкнувшись с этими фактами, не попытались бы решить, любой ценой, проблему о том какой химический препарат является пригодным для предотвращения бактериальной раневой инфекции и прежде всего, газовой гангрены и также о том можно ли вообще найти эффективные средства. Каким бы ни был ответ на данный вопрос, его требовалось найти как можно скорее для того, чтобы предотвратить неминуемую опасность и пролить свет на вопрос, который являлся важным для отдельного раненого солдата также как и ударной силы всей армии. После неудачи всех попыток решить проблему путём клинических наблюдений случайных ранений и других методов и в виду особо сложной ситуации и в особенности фактора времени, не оставалось ничего кроме как разрешить вопрос путём экспериментов на людях. Ответственные руководители германского Вермахта

незамедлительно сделали выводы из возникшей ситуации, глава Германского Рейха, который в то же время являлся главнокомандующим германским Вермахтом, отдал приказы по окончательному решению данной проблемы путём масштабных экспериментов.

Позвольте нам исследовать юридические выводы сделанные из данной ситуации которая существовала в 1942 для германского Вермахта и следовательно германского государства – в особенности с учётом предположения о существовании национальной чрезвычайности.

Проблема чрезвычайности и особый случай самообороны регулируются почти во всех уголовных кодексах путём, применимым только к отдельному делу. Лицо объявляется ненаказуемым при определённых обстоятельствах, «действуя при индивидуальной чрезвычайности возникающей для себя или других». Однако юридическая практика и юридическая литература признают, что даже общество, «государство», могут оказываться в состоянии чрезвычайности, и что деяния которые означали и действительно внесли вклад в преодоление чрезвычайности могут быть исключены из наказания.

1. Прежде всего, поднимался вопрос, можно ли распространить концепцию самообороны согласующуюся с отдельными случаями, можно ли исключить концепцию самообороны государства, означающую самооборону во благо государства и общества. Ответ на данный вопрос единогласно является утвердительным.

2. Однако, такая же причина, применимая к самообороне также применима к концепции чрезвычайности, что установлено, например, разделом 54 германского уголовного кодекса и почти во всех современных системах уголовного права. Эти положения также, изначально понимались как охватывающие отдельные дела. Но используя их в качестве начальной точки, юридическая литература и юридическая практика приходят к принципиальному признанию национальной чрезвычайности с соответствующим эффектом. В отношении определения концепции чрезвычайности в целом приводимой в уголовных законах, применение этих положений к государству, при том, что само является оправданным, может оказывать принципиальное воздействие.

Когда идея чрезвычайности применяется к государству и когда отдельному лицу разрешается совершать акты для цели устранения такой национальной чрезвычайности, здесь, также как в случае обыкновенной чрезвычайности определенной индивидуальными условиями, должна быть установлена объективная ценность. Необходимые последствия совпадения таких действий со стороны отдельного лица должны заключаться в том, что оно не только освобождается от

вины, но более того его деяния являются «оправданными». Другими словами, так называемая национальная чрезвычайность, при том, что она признаётся только по аналогии с обыкновенной концепцией чрезвычайности в уголовном праве, является оправданием. Но, что означает «применение» в принципе случаев национальной чрезвычайности? Являлась ли национальная чрезвычайность «необоснованной» или, например, война велась как «агрессивная война» очевидно не имеет важности в данной связи. Существование чрезвычайности является единственно решающим. Жизненные интересы общества и государства применяются для ограничения индивидуальных интересов. Подытоживая, мы можем определить так называемую национальную чрезвычайность как чрезвычайность включающую жизненно важные интересы государства и в целом общества, которые не могут исключаться никаким другим способом. Что касается такой чрезвычайности как позволяющей действия, то она не только может юридически оправдывать, но и быть подлинной основой для существования оправдания.

Я позднее исследую то, насколько ошибочно предполагать национальную чрезвычайность, так называемой предполагаемой чрезвычайностью, возможно рассматриваемую юридическим оправданием. Какие последствия возникают из такого юридического положения в деле подсудимого Карла Гебхардта?

1. Как подтвердилось доказательствами, общая ситуация на различных театрах войны в 1942 году была такой, что она представляла «подлинную», то есть, непосредственно неминуемую опасность жизненным интересам государства как воюющей державы и отдельным лицам на которых оказывала влияние война. Условия на восточном фронте зимой 1941-42 как они постоянно описывались во время представления доказательств создали ситуацию угрожавшую существованию государства, посредством опасности раневой инфекции и угрозы выживанию раненых и ударной силе войск вытекающим отсюда.

Следует добавить, что в прошедшей мировой войне борьба велась не только людьми и материалами, но также и пропагандой. В этой связи я сошлюсь на заявления подсудимого Гебхардта во время дачи показаний, касавшиеся информации предоставленной ему начальником управления V главного управления безопасности Рейха, группенфюрером СС Небе. Данная информация показывает, что в конкретное время противник пытался подорвать боевой дух германских войск листовками описывающими организацию и материальное обеспечение медицинской службы германского Вермахта как отсталое, при том, что с другой стороны восхвалялись некоторые лекарства союзных сил, например пенициллин, как «секретное чудо-оружие».

2. Предпосылка о состоянии национальной чрезвычайности включает в себя, то, что деяние формирующее предмет обвинительного заключения предпринималось для того, чтобы устранить опасность. Это означает объективную сторону деяния, а не просто субъективную сторону лица совершившего деяние. Следовательно, вопрос заключается в том, являлись ли эксперименты с сульфаниламидом объективно адекватным средством предотвращения опасности. Однако, это не означает то, что приготовления действительно являлись адекватным средством непосредственной борьбы с опасностью. В соответствии с доказательствами не может быть сомнения в том, что такие предположения существовали.

3. Наконец, не должно быть «другого способа» устранения национальной чрезвычайности. Не следует ошибочно понимать данное требование. Не всякий иной путь, которому можно следовать будет соответствовать нарушениям, исключая обращение к национальной чрезвычайности. Упомянутое требование не означает, что преследуемый способ спасения должен необходимо быть единственно возможным. Конечно, если различные возможности спасения включают зло различной степени, следует выбирать меньшее. Следует также предполагать, что требуется сохранять некоторую пропорцию между нарушением и злом присущим опасности. Однако, в виду того факта, что в настоящем деле многие десятки тысяч раненых лиц находились в опасности, такая точка зрения не представляет сложности.

Согласно доказательствам не может быть сомнения в том, что лучший способ не мог быть избран. Напротив, было показано, что в мирное время также как и во время войны всё что предпринималось, не давало успеха, для того, что выяснить проблему эффективности сульфаниламидов. И также, фактически, о том, что в качестве подопытных выбирали заключенных которых приговорили к смерти и приготовили для казни, и которым была предоставлена перспектива помилования и оно действительно было предоставлено, нельзя судить в негативном смысле. Данный факт нельзя использовать в качестве аргумента, при исследовании юридической точки зрения, потому что участие в этих экспериментах означало единственный шанс для заключенных избежать неизбежной казни. В этой связи я сошлюсь на пояснения, который я уже дал в связи с так называемым вероятным согласием.

Оправдание

Кроме обсуждения общей национальной чрезвычайности, литература по международному праву признаёт также особую военную чрезвычайность. В соответствии с ней «в состоянии самообороны и чрезвычайности, допускаются даже такие деяния которые нарушают законы войны и следовательно международное право» Но в смысле международного права «военная необходимость войны», которая сама по себе никогда не оправдывает нарушение законов войны отличается от самообороны и чрезвычайности. Однако, чрезвычайность и военная необходимость, являются разными концепциями. Чрезвычайность из-за которой самосохранение и саморазвитие угрожаемой нации является ставкой, оправдывает, в соответствии с общепризнанными принципами национальных законов всех цивилизованных стран, нарушение любого международного стандарта и таким образом, также юридических принципов законов войны. Применяя концепции самообороны и чрезвычайности признанные уголовным и международным правом, незаконность совершённых нарушений исключается если сама нация находилась в положении, от которого не могла освободиться иными средствами.

В данной связи следует отметить, что:

Я уже объяснял, что подопытные на которых проводились эксперименты с сульфаниламидом формирующим предмет данного дела, проводились под германской юрисдикцией, даже если у кого-то есть мнение о том, что в случае Польши не было подлинной «деббеляции», а только «ocupatio bellica». Однако каким бы ни было мнение в отношении данного вопроса, не может быть сомнения в том, что предполагая чрезвычайность соответствующую международному праву, проведение экспериментов было бы оправданным даже во время, пока подопытные являлись гражданами вражеской нации. Решением регулирующим состояние таких лиц согласно международному праву является «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» прилагаемое к Гаагской конвенции, датированное 18 октября 1907. Однако согласно вышеуказанным заявлениям, даже нарушение таких специальных конвенций, которое содержится например в особом запрете статьи 28, является оправданным во время подлинной военной чрезвычайности. Тот факт, что особые условия характеризовали существование реальной военной чрезвычайности отменяет возражение о том, что граждане другой страны не должны использоваться для экспериментов.

Оценка конфликтующих прав и интересов в качестве юридического оправдания

Согласно обоснованным мнениям, мы должны начать с предпосылки о том, что подсудимые, как принципиально так и по процедуре, должны были быть

судимы в соответствии с германским уголовным законом. Они жили при нём в спорный период и являлись его субъектом. По этой причине я желаю ещё раз обратиться с точкой зрения, которую следует рассмотреть независимо, и кроме того уже упоминались юридические оправдания, судя о поведении подсудимых.

За многие годы юридические положения для чрезвычайных ситуаций подтвердились как неадекватные. Так как, долгое время предпринимались попытки заполнить пробелы теоретическими объяснениями общего характера и наконец верховный суд Рейха изложил свои основные решения, прямо признав «крайнюю юридическую чрезвычайность». Соображение, на которых они основаны, известны как «объективный принцип оценки конфликтующих прав и интересов». В судебной практике Верховного суда Рейха и дальнейших принципиальных дискуссиях, конечно, это сочетается с субъективными соображениями реализации деяний предпринятых преступником при исполнении обязанностей. Следовательно, необходимо обсудить оба соображения, о том, что оцениваются конфликтующие права и интересы и о том, что долг принуждает, даже если мы должны разграничивать их в настоящее время.

Соображение об оценке конфликтующих прав и интересов в качестве юридического оправдания в целом сформулировано следующим образом:

«Любое нарушение или посягательство на охраняемое законом право или интерес меньшей ценности для того, чтобы соответственно сохранить охраняемое законом право или интерес большей ценности не является актом нарушения закона».

Меньшая ценность должна уступать большей. Деяние, при рассмотрении с данной точки зрения, является оправданным, его незаконность – а не просто вина или преступник – отменяется.

Этот так называемый принцип оценки конфликтующих прав и интересов прежде всего является формальным принципом, который создаёт прецедент более ценного права или интереса как такового. Такая формальная оценка, принципиально требует со своей стороны дальнейшего оценочного материала прав или интересов рассматриваемых сравнительно. Такая оценка снова требует принятия закона и имеет цель для общего отношения цивилизации и наконец, концепции самого закона.

Позвольте исследовать выводы сделанные из данной ситуации в нашем деле: соглашение или так называемое похожее соглашение, также как и национальная чрезвычайность и военная чрезвычайность, включает специальные юридические оправдания, признание которых позволит нам опустить отход от общего принципа оценки конфликтующих прав и интересов. Последний сохраняет свою дополнительную важность. Более того, эти два специальных юридических

оправдания ссылаются на свою цель как честную и одинаковым способом мышления также как при пропорциональной важности различных типов зла; таким образом, они сами включают концепцию оценки конфликтующих прав и ценностей. По этой причине, среди прочего, следует подробно объяснить следующее:

Национальная чрезвычайность и военная чрезвычайность безошибочно существовали в 1942. Ежедневно жизням тысяч раненых угрожала опасность, до тех пор пока угроза раневой инфекции не могла быть остановлена применением соответствующих лекарств и отказом от неадекватных лекарств. Опасность являлась «подлинной». Должна была предоставляться немедленная помощь. «Общественный интерес» требовал экспериментального установления данного вопроса. Доказательства показали, что вопрос не мог быть выяснен экспериментами на животных или наблюдением бытовых ран.

Однако, последнее слово о данном вопросе, нельзя сказать со ссылкой на общественный интерес. Общественному интересу противостоял частный интерес. Говоря о «необходимости знать закон» нельзя заявлять о неограниченной правильности. Но настолько же малым может быть посягательство на частные интересы для того, чтобы спасти других, чтобы рассматриваться как «противоречащее хорошей морали» Доказательства показали, что члены движения сопротивления из лагеря Равенсбрюк которых приговорили к смерти, могли избежать неминуемой казни предоставив себя для экспериментов, которые формируют предмет обвинительного заключения. Нет необходимости исследовать здесь и сейчас, давали своё согласие подопытные или предположительно они согласились, если, с их личной точки зрения и при полных сведениях о ситуации, они могли бы принять решение в рамках смысла объективного судебного мнения основанного на вероятности. Действительно значимым является вопрос о том мог ли подсудимый, после честной и справедливой оценки интересов в целом общества и реальных интересов подопытных, сделать вывод о том, с учётом всех обстоятельств, о том, что проведение экспериментов является оправданным. Без сомнения на данный вопрос можно ответить утвердительно. Совершенно помимо интереса государства при проведении данных экспериментов, участие в экспериментах являлось реальным и обдуманном интересом самих подопытных, так как такое участие предоставляло единственную возможность спасти свои жизни путём акта милосердия.

.....

Заблуждение подсудимого о чрезвычайности (мнимая чрезвычайность)

Я уже упоминал обстоятельства которые оправдывают предположение о национальной чрезвычайности и военной чрезвычайности вызванными особыми условиями преобладавшими в 1942. Если эти условия действительно преобладали, незаконность деяния, а не только вина исполнителя исключаются по ранее перечисленным причинам. Если подсудимый заблуждался об обстоятельствах, которые будь они на самом деле оправданы национальной чрезвычайностью и военной чрезвычайностью, тогда, в соответствии с уже упоминавшимися общими принципами, умысел подсудимого и таким образом его вина также исключается в данном отношении. Доказательства, в особенности заявления самого подсудимого во время дачи показаний, не оставляют сомнения в том, что когда эксперименты начались в 1942, он предполагал о наличии таких обстоятельств, которые являлись начальной точкой и мотивом приказа и проведения этих экспериментов.

.....

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Зиверса

.....

Могу я напомнить вам о волнительной части моего дела защиты, которая касалась участия Зиверса в сопротивлении против национал-социалистического правительства и управления. Заявляя о своей деятельности в движении сопротивления, подсудимый Зиверс не стремится добиться смягчающих обстоятельств при вынесении приговора. По моему мнению, данная деятельность при любых обстоятельствах приведёт к его оправданию, при этом, вопреки ожиданию, того, что высокий трибунал разделяет мнение о том, что Зиверс участвовал в инкриминируемых преступлениях.

В первую очередь я намерен обсудить серию юридических вопросов о том, которые во все времена признавались в уголовном праве всех цивилизованных наций. Никоим образом не является задачей высокого трибунала применять какую-либо статью закона, но исходя из общеправовых и философски-юридических принципов, изложить выводы и создать новый закон отвечающий новой ситуации. Вряд ли требуется говорить о том, что в первую очередь я поддерживаю своего клиента. Но в своём вердикте, ваши чести, не осудят только данного подсудимого. Помимо этого отдельного дела ваш вердикт имеет более широкое, основополагающее, более того, всемирное значение. Так, впервые трибунал такой

важности решает о деяниях члена движения сопротивления. Соответственно, ваш приговор является фундаментальным и знаковым в нашем времени для многих, многих других подсудимых и обвиняемых в этой связи, которые предстали перед этим трибуналом или предстанут перед другими судами. Ваше решение на всё время распространится на тысячи и тысячи людей, которые в некоторое время, могли быть в состоянии противостоять некоторой преступной системе правительства, похожим образом как делал Зиверс. На нашей планете всё ещё есть автократии и тоталитарные диктатуры и требуется лишь небольшое предвидение для того, что понять, что другие диктатуры могут включать другие международные затруднительные положения и войны наиболее ужасного характера. Более того, в будущем, человечество снова и снова с горечью будет нуждаться в отважных людях которые ради своей нации и ради блага человечества противопоставляют себя таким опасным действиям. Для таких борцов и для таких групп борцов ваш вердикт будет критерием и знаком. Вы решаете заранее о будущих возможностях и сфере действия будущего движения сопротивления против преступных правительств и их вождей. Вы предоставляете возможность проверки таких движений своим вердиктом. Но вы также способны предоставить необходимую безопасность в их опасном предприятии и успех в своих мерах. Где и как обнаружатся такие помощники в будущем, если помимо непосредственной опасности, они должны учитывать дополнительную опасность призыва к ответу теми самыми людьми за которых они рисковали жизнью? И поэтому, ваши чести, своим вердиктом по делу Зиверса вы принимаете ответственность перед всем миром и на всё грядущее время, ответственность такую редкую для трибунала. Но с другой стороны вы также можете сказать с гордостью о том, что этот приговор сослужит неизмеримую услугу миру в своей борьбе за мир и справедливость.

Поэтому причины для вашего вердикта по делу Зиверса являются настолько безмерно важными, гораздо более важными чем незначительное дело Зиверса для истории вселенной во все времена. Я вынужден описать конкретные части этих проблем.

Само собой разумеется, что член движения сопротивления может ссылаться на своё сопротивление, если такое сопротивление было законным. Но речь не всегда идет об этом; так, политическое преступление и похожие деяния совершённые по политическим мотивам являются преступлениями и остаются таковыми. Тот кто устраняет политического советника лишь для получения его должности или путём партизанских действий, действует незаконно и подлежит наказанию. Однако, ситуация становится другой не только если политическое обсуждение прерывается убийством, а там где тиран чьё правление вписано

кровавыми буквами в анналы человечества наконец падает ниц. В таком случае преступника поддерживает признанное оправдание. Этим оправданием является самооборона.

В соответствии с германским уголовным кодексом, статьей 53, деяние не является наказуемым если оно совершено при самообороне. И самооборона является такой обороной необходимой для ограждения себя от неминуемой незаконной атаки того или иного лица.

Однако, эти принципы, не являются только германскими юридическими установлениями. Они являются юридическими ценностями всех наций во все времена. В большей степени они совпадают с человеческими чувствами и обозначаются «великое право защиты». Они уже имелись в римском праве в формулировке «*vim vi expellere [repellere] licet*» - клин выбивают клином – и с энтузиазмом восприняты английским общим правом и американским правом, как заявлял Вартон²⁶⁸, «Уголовное право», параграф 613. Они разрешают любому лицу ограждать себя от вреда причинённого другим лицом всеми средствами имеющимися в его распоряжении. С такой точки зрения борьба против преступного правительства угрожающего миру, готовящего агрессивные войны, безо всякой цели готового вынудить весь мир погрузится в неизмеримые страдания из-за честолюбивого стремления к власти, из-за самонадеянности и тщеславия; борьба и сопротивление против такого правительства и такого руководства является законной и допустимой, независимо от того какими средствами она может осуществляться. Уже с конца войны, более и более поддерживалось мнение, о том, что такая борьба являлась не только законной и допустимой, но даже обязанностью каждого лица. Не является коллективной виной всей немецкой нации приводимое обвинение в том, что она свидетельствовала деяниям нацистского правительства как минимум не имея фиги в кармане? Убийство и умерщвление, телесные повреждения и ограничение свободы применяемые к властителям и ответственным людям такой системы являются самообороной на благо мира и человечества. Они являются законными и освобождаются от наказания; это является их долгом если помощь не возможна никоим образом.

С незапамятных времен данный вопрос о законности и долге совершения политического убийства поднимался не только юристами, но также и большим количеством поэтов и философов. Фридрих фон Шиллер²⁶⁹ оправдывал убийство

²⁶⁸ Фрэнсис Вартон (1820-1889) – американский автор по юридическим вопросам и просветитель.

²⁶⁹ Фридрих фон Шиллер (1759 — 1805) — немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург, профессор истории и военный врач, представитель направлений «Буря и натиск» и романтизма (в более узком смысле, его германского течения) в литературе, автор «Оды к радости», изменённая версия которой стала текстом гимна Европейского союза.

совершенное Гесслером в качестве отчаянной попытки избежать рабства. Таким образом, юридическое определение убийства преступного тирана является параллельным этой высокой моральной оценке.

Но может случиться, что не только реальные нарушители окажутся в печали. Тот кто должен оградить от нападения может быть вынужден втянуть третье лицо которые не участвовало. Такой случай также предусмотрен в германском уголовном кодексе и он обозначается «необходимостью» Положения статьи 54 гласят: «Не является наказуемым деяние совершенное если деяние – помимо самообороны – было совершено при чрезвычайности, которая не могла быть преодолена иным способом, для избежание существующей опасности жизни и здоровью лица совершившего деяние или его родственника»

Юридические кодексы всех наций и всех эпох вынуждено сталкивались с проблемой конфликта между двумя юридическими ценностями, которые можно разрешить только причинением вреда или даже устранением одного из двух. Правосудие не может настаивать с подлинной логичностью об отдельной личности в отношении зарубежных прав и жертвования своими собственными любой ценой и в любых обстоятельствах. Француз говорит об этом вопросе: «*Cette theorie est admirable pour des saints et pour des heros, mais elle n'est point faite pour la vulgaire humanite*» - «Эта теория замечательна для святых и героев, но она не предназначена для вульгарного человечества». «*Quod non est licitum in lege, necessitas facit licitum*» «Недопустимое по закону, допускает необходимость», и французский адвокат Росси говорит: «*L'acte ne peut etre excusable lorsque l'agent cede a l'instinct de sa propre conservation, lorsqu'il se trouve en presence d'un peril imminent, lorsqu'il s'agit de la vie*» - «Деяние может быть оправдано только, когда лицо совершившее деяние следует инстинкту самосохранения, когда оно сталкивается с неминуемой опасностью, когда ставкой является жизнь» - старая немецкая поговорка гласит: «Нужда не знает закона». Новейшее, но не последнее американское право касается данной проблемы как «необходимости» (Вартон, «Уголовное право, пар. 642), буквальный перевод немецкого выражения «*Not*». Так, руководствуясь необходимостью моряк потерпевший кораблекрушение может сбросить за борт своего напарника если лодка слишком маленькая, чтобы спасти обоих. Это применимо к движениям сопротивления против преступных правительств, эти принципы означают, что третье незаинтересованное лицо, также может быть вовлечено, если нет другой альтернативы, если «*Not*», «*necessitas*», «необходимость» требует этого категорически и неизбежно.

Вы, ваши чести, призваны привести принципы «самообороны» и «необходимости», «этого великого права защиты» к их общему знаменателю,

применив их к делу Зиверса и таким образом введя их в неписанные правила международных отношений публичного и политического права. Англо-саксонский юридический способ мышления и принципы естественного права предоставят вам ценную поддержку при формировании вердикта.

Теперь я могу перейти к конкретному делу Зиверса.

Для того, чтобы судить о его деяниях, следующие вопросы имеют решающее значение: существовало ли вообще немецкое движение сопротивления? Относилась ли группа Хильшера к движению сопротивления? Следует ли серьёзно принимать данную группу и какими были её цели? Являлся ли Зиверс членом группы и какими были его задачи? Каким было его отношение к осуществлению своих задач? Имелись ли у него другие возможности? Часто утверждалось, что не существовало немецкого движения сопротивления. Но немецкое движение сопротивления существовало.

Однако, я должен признать, что вопрос «Где находилось это сопротивление?» с готовностью предлагает себя для таких людей которые не были знакомы с внутренними условиями Германии, прежде всего во время войны. Я должен также принять факт о том, что вряд ли более того, заговор²⁷⁰ Штауффенберга²⁷¹ с его ошеломляющими последствиями стал известен публике.

Тот кто задаёт такой вопрос совершенно неправильно судит об условиях при которых всё движение сопротивления вынуждено было работать против нацистского правительства. Он забывает о том, что до фатальной даты 20 июля 1944, у него также не было идеи о группе вокруг Штауффенберга. Поэтому я ещё сильнее вынужден привести картину ситуации с которой в Третьем Рейхе сталкивался каждый противостоящий нацистскому правительству.

С самого начала целью авторитарного правительства, было держать каждого немецкого мужчину, каждую немецкую женщину, всех детей и стариков для того, чтобы настроить их в духе нового метода правления. Тоталитарная борьба за власть не ограничивалась сокращением личной свободы. Она устраняла профессиональные и экономические организации, культурные и социальные учреждения, некоторые из которых были воссозданы в других формах, подвергаясь контролю нацистского правительства.

---

²⁷⁰ Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года.

²⁷¹ Клаус фон Штауффенберг (1907 — 1944) — полковник вермахта, один из основных участников группы заговорщиков, спланировавших Заговор 20 июля и осуществивших покушение на жизнь Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Казнён по после неудачной попытки покушения.

Вопреки такому положению вещей такая борьба возникла с самого начала. Нет ничего более ошибочного чем вера в то, что эта борьба могла вестись на открытой улице с большим количеством пропагандистского материала, выражаться физической силой, с огнестрельным оружием, бомбами, войной и слухами о войне. Даже в профессиональных союзах, наиболее постоянных и решительных приверженцах нового правительства в 1933, такой метод был невозможен. Такое правительство сжимало удавку над всем общественным аппаратом контролируя в возрастающей степени частные сферы посредством организаций СД, Гестапо и т.д. Двусмысленные положения закона против враждебных актов или нападений на государство и партию позволяли помещать людей в заключение даже за случайные неодобрительные замечания. Политическая дискриминация и постоянная угроза быть оправленным в концентрационный лагерь были следствиями многих невинных замечаний. Ни одна газета не могла агитировать против подавления. Но если секретно распространялись листовки которые укоряли нацистское правительство, приходил в движение весь аппарат полиции, Гестапо, СД, и т.д.. Владение оружием считалось косвенным доказательством предательских мероприятий и означало смертную казнь для неосмотрительного. Следует добавить, что существовала широко распространённая шпионская система прилипавшая к каждому каблуку. Каждый должен был охранять себя от ближайших родственников и детей.

Эти несколько слов касающихся внутренней ситуации Германии были необходимы в качестве ответа на абсурдный вопрос заданный в Стокгольме свидетелю Хильшеру: «Почему вы не говорили публично»?

Наиболее очевидный вид оппозиции представляли две великие христианские церкви. Сколько и как часто антихрист и его ложные пророки не проповедовали против, сколько священников всех конфессий не отправили в тюрьмы, исправительные учреждения, концентрационные лагеря, и более того убили? Это правда, церкви могли рисковать более открыто чем другие люди. Так, они не намеревались участвовать в принудительном устранении системы, в убийстве её лидеров и представителей, в борьбе с оружием. Но нерелигиозные группы осознали, что нацистская диктатура не могла быть свергнута без насилия; они не были подвержены политико-философским препятствиям и церковным ограничениям, они не сбрасывали маски до дня начала действий. До этого времени они были осуждены на молчание, они должны были скрываться, действуя по старому принципу всех заговорщиков: «Никогда не говори о своей цели, но всегда думай о ней!» Если бы они забыли этот принцип, рано или поздно без вопросов их бы предал шпион и ликвидировало Гестапо. Они бы никогда не дожили до действий. Разве группа вокруг Штауффенберга не действовала также? Кто знал о её

существовании, до взрыва бомбы в штаб-квартире Гитлера 20 июля 1944? Таким же было дело со всеми остальными группами сопротивления, которые к сожалению больше не имели возможности действовать и некоторые из которых преследовались и убивались в тайне.

Тот факт, что все они существовали, однако, подтверждается небольшим количеством публикаций: брошюры Эмиля Хенка²⁷², Франклина Л. Форда и других авторов, и книгой Нойхауслера «Крест и свастика»

Но явными классическими свидетелями являлись кровавые жертвы, которых Народный суд²⁷³ и Гестапо отправляли на смерть в концентрационные лагеря.

Одна из таких групп имелась вокруг Хильшера, членом которой являлся подсудимый Зиверс.

Группа Хильшера была, она существовала, она действовала. Хильшер сам является бесспорным свидетелем этого. В связи с 20 июля 1944, он был задержан на три месяца и должен был быть повешен. Нелегальная деятельность Хильшера клятвенно подтверждается многими другими не менее достоверными свидетелями. В качестве первого из них я упоминаю политического эмигранта доктора Боркенау, который работал против национал-социализма уже с 1928. Он знал Хильшера с 1928. Он говорил о своей враждебности к национал-социализму, «резком отношении». Тогда он часто общался и сговаривался с Хильшером, который излагал методы борьбы. Во время своей эмиграции, доктор Боркенау наблюдал деятельность Хильшера из-за рубежа и снова и снова мы слышали: «Хильшер продолжал бороться» Если такое нам говорит эмигрант, мы можем этому верить. Ещё одним свидетелем, который никогда не терял связи с Хильшером был доктор Топф, который сам являлся активным членом движения сопротивления. Он также описывал Хильшера как жестокого антагониста национал-социализма, работающего и борющегося беспощадно. Я сошлюсь на многие письменные показания которые я представил в этой связи.

Против оппозиционной деятельности Хильшера не говорит, то, что он не выступал публично. Для него также, маскировка до решающего момента являлась императивным требованием и доктор Боркенау назвал подлинным шедевром то, что он был успешен в этом.

---

²⁷² Эмиль Хенк (1893-1969) – немецкий предприниматель и социал-демократ. Участник сопротивления нацизму.

²⁷³ Народная судебная палата — высший чрезвычайный судебный орган Третьего рейха. Создан декретом от 24 апреля 1934 года, вскоре после Лейпцигского процесса, как чрезвычайный суд, занимавшийся рассмотрением дел о государственной измене, шпионаже и других политических преступлениях. Члены суда назначались Адольфом Гитлером на пятилетний срок.

Зиверс являлся членом группы Хильшера

Не может быть никакого сомнения в данном факте. Помимо всех показаний, вся личность моего клиента исключает любое нацистское отношение. Его характер и его развитие необходимо сделали его решительным противником гитлеровской системы подавления, террора и убийства. Как его происхождение, так и интересы его молодости привели к контакту с людьми которые держались как можно дальше от нацистского пути мышления. Он являлся сыном дирижёра религиозной музыки; он следовал историческому и религиозному обучению. Его характер привёл его в бой-скауты, короче, к таким интересам, которые национал-социализм оклеветал всей своей мощью и жестоко боролся с упорной неприязнью. Все эти лица как устно так и в письменном виде предоставили доказательства о его характере, описав его следующим образом: честный человек с высокими идеалами глубокого гуманизма и стойким чувством закона и справедливости. Если вы сопоставите такую картину Зиверса написанную известными антифашистами со всей доказанной помощью, которую Зиверс предоставлял жертвам нацизма, это является лишь небольшим шагом по убеждению в том, что Зиверс также являлся членом движения сопротивления.

Наверно обвинение может сказать: «Я не верю во все эти истории, так как и Зиверс и Хильшер ничего не добились».

Это будет ошибочным к Зиверсу в высочайшей степени, ваши чести! Другие группы сопротивления тоже были неудачливы в том, что не имели возможности действовать. Свидетель Хильшер очень чётко выразился о причинах, почему остановка была неизбежна после провала заговора 20 июля 1944. Так как Хильшер и его соратники больше не могли рассчитывать на армию, они были вынуждены снова начинать с самого начала.

Какими являлись намерения и миссия подсудимого Зиверса в рамках группы Хильшера? Хильшер сам ответил о том, что у Зиверса были задачи двух видов: (1) Сбор новостей у ближайшего окружения Гимmlера в качестве основы сил сопротивления в отношении места, времени и рода действий. (2) Зиверс не только являлся шпионом и разведчиком; в момент акции он определился и был готов устранить Гимmlера. Эти две задачи требуют двойного юридического исследования: являлись ли они допустимыми, законными или даже обязательными? Ответ на данный вопрос находится в принципах, которые я развивал об оценке идеи самообороны в сфере политической борьбы. Какие меры допустимо предпринимать? В какой степени такая мера уходит в сферу преступности? В какой степени он включал безынициативных лиц в свои планы, даже настоящих жертв

нацизма? Правила «необходимости» ведут к пути о суждении и решении данной проблемы.

При рассмотрении первого вопроса я могу быть относительно кратким. После всего, что известно нам сегодня, является неопровержимым тот факт, что Гитлер и его сообщники, терроризировали немецкую нацию и весь мир преступным способом и преступными средствами, что с самого начала они являлись непосредственной угрозой миру и всей цивилизации и о том, что наконец худшие ожидания превратились в ужасающую действительность. Поэтому первым требованием для защиты «необходимости» является безо всякого сомнения нынешняя незаконная атака на высшие блага человечества. Говоря словами германского уголовного кодекса это была «необходимость», которая должна была быть ограждена.

Но нам также известно о том, что такая защита не была бы завершённой с обычными средствами демократической парламентарной системы. Я описал подлинно дьявольскую организацию на которую невозможно было повлиять такими средствами. Отсюда следует то, что устранение Гитлера и его сообщников являлось единственной возможностью сломать и ударить по системе. Менее тяжкие и менее жестокие меры были недоступны.

Само собой разумеется, следует то, что план Хильшера убрать Гиммлера стал законным и обязательным для тех кто мог его осуществить. После показаний Хильшера и иных добросовестных свидетелей, нельзя отрицать то, что Зиверсу была поручена такая задача.

Если устранение Гиммлера было оправданным, сопутствующие и подготовительные разведывательные меры также являлись оправданными.

Перед тем как ответить на вопрос о том, в какой мере Зиверс мог вовлекать третьих лиц, я обрисую в нескольких предложениях тактику Хильшера и положение Зиверса.

Не является тайной, что сам Хильшер предоставил подробности по данному вопросу. Мы также слышали других свидетелей, доктора Боркенау и доктора Гопфа. Зиверс чётко обрисовал свои задачи. Все эти показания являются настолько единогласно согласованными, что не возникает никаких сомнений в правде.

Хильшер являлся одним из первых и немногих людей которые осознали, что путь для принятия мер против системы может идти только из самих партийных рядов. У него сложилось твёрдое убеждение в том, что перспективу успеха можно увидеть только устранив глав нацистского правительства и полагая, что правительство наверху и что ничего, вообще ничего, не вызовет революцию снизу.

Революция такого рода не будет иметь никакой пользы, так как она быстро бы потонула в крови.

Сведения об этих фактах требовали предпринять четыре группы мер, особенности которых Хильшер привёл 15 апреля:

«Подготовка мероприятия хорошо замаскированной организацией доверенных людей и шпионов в рядах НСДАП, т.е. политика троянского коня.

Назначение подходящих отважных людей на должности как можно ближе к ведущим личностям нацизма, наиболее опасным из которых был Гиммлер.

Устранение Гиммлера и других руководителей нацистского правительства по согласованному сигналу.

Принятие правительства организацией подготовленной заранее».

Несмотря на всю свободу действий предоставленную «активистам» своей группы, Хильшер осознавал, что успеха можно ожидать только если каждый, в строжайшей дисциплине, будет соблюдать только его приказы. Это был единственный способ для него держать в руках нити и дать сигнал в нужный момент. Здесь я должен подчеркнуть, что в рамках сферы такой необходимой дисциплины, Зиверс во всех деталях действовал в полном согласии с Хильшером, что во всех важных моментах он описывал реальное положение дел и просил для себя инструкций. Таким образом, Хильшер получал подробную информацию обо всём происходившем вокруг Зиверса и о том, что делал сам Зиверс. Зиверс был ничем иным как инструментом в руках руководителя движения. Поэтому, ваши чести, ваш вердикт повлияет на человека дававшего поручения Зиверсу, Хильшера, также как и на самого Зиверса. Хильшер приговаривается вместе с Зиверсом, также как и оправдывается с Зиверсом. С такой же отважной ответственностью, когда он ставил Зиверса и других соратников в наиболее опасное положение, Хильшер смог заявить в конце своих показаний о том, что он не только принимает, но также просит того, чтобы вся ответственность за все поступки, в которых обвинят Зиверса легла на него.

По плану Хильшера задача Зиверса была следующей: в чреве троянского коня, т.е. под цветом рьяного и энтузиастского сотрудничества, его обязанностью была бы (а) разведка и шпионаж, (б) извлечение выгоды из своего влияния, для перевода лиц на похожие должности с такими же задачами или в места где им предоставлялась возможность спокойно работать, (в) поддержка членов движения сопротивления которым угрожала опасность и если возможно их спасение и наконец (г) устранение Гиммлера в момент акции.

Этот последний пункт являлся существенным пунктом задачи моего клиента. Все остальные задачи являлись чуждыми этому и задаче, они служили лишь в её поддержку и подготовку. Именно с этой точки зрения следует понимать всё его поведение и судить о его деяниях.

Чего достиг Зиверс в сфере своей задачи?

Я не могу повторить во всех подробностях, то что я изложил в первой части моей речи. Я прихожу к выводу о том, что Зиверс не стал виновным в пособничестве или соучастии в фактах вменяемых в обвинительном заключении. Однако, если вы с обвинением, предполагаете, что Зиверс должен быть признан виновным по некоторым пунктам обвинительного заключения, моей задачей является оправдание этого поведения перед собранием, концепцией справедливости выходящей за рамки кодифицированного права и её раскрытие трибуналу.

Как получилось, что в 1942 Зиверс оставался в своей должности, когда «Аненербе» вошло в контакт с медицинскими экспериментами, которые возможно моли принять преступный характер? Нам не следует забывать о том, что Зиверсу было поручено устранение Гиммлера и то, что в группе Хильшера он являлся единственным лицом которому могла быть доверена такая задача. Собственно говоря, в группе Хильшера у него было ключевое положение; успех или провал всего предприятия зависел только от него одного. Так как Гиммлер являлся наиболее опасной личностью в нацистской системе, из-за его должности главы полиции и командующего армией резерва, все внутривластные вооруженные силы были сконцентрированы в его руках. Соответственно у него была власть раздавить пальцем любое восстание. Гиммлер был способен править без Гитлера, при том, что Гитлер не мог править без Гиммлера. Сначала следовало убрать его. Если бы Гиммлера упустили или успей он спастись, всё предприятие оказалось бы под угрозой. Важностью Гиммлера, следовательно измеряется важность Зиверса, который должен был быть готов для решающего удара из непосредственной близости к Гиммлеру. На вопрос можно ли было оставить этот пост следует ответить отрицательно.

Так как Зиверс полностью осознавал важность такого решения, он стал вовлечен в величайший внутренний конфликт своей жизни. Из двух зол, следовало избежать худшего и следовать меньшему, или избегать их обеих.

Сделать последнее было бы очевидно наиболее подходящим решением. То, что Зиверс попал в этот конфликт ярко демонстрирует его сознательную ответственность, его любовь к справедливости и гуманизму. Что касается борьбы в его душе, он разумеется не добился лучшего для себя. Слишком много вопросов зависело от его решения, не только для самого себя, но прежде всего в целом для

движения сопротивления. Нам требуется попытаться взглянуть в душу человека, с одной стороны, подверженного давлению огромного отвращения к приближающимся угрожающим событиям, а с другой стороны очень хорошо знавшего о том, что в его положении он бы не смог выполнить свою задачу если бы последовал за своими личными импульсами. Наверное Зиверсу было бы возможно оставить свою должность не создав сенсации и без значительного ущерба для себя. Мог ли он уйти в сотрудничество в некой безвредной научной работе? Но сделав так Зиверс был бы отступником, дезертиром. В своей душевной агонии, Зиверс обратился в Хильшеру который после взвешенного рассуждения и размышления пришёл к решению: «Зиверс останься!»

Так как пост вблизи Гиммлера не мог быть заменён. Если бы Зиверс оставил его, Хильшеру пришлось бы доверить ему другую должность возле Гиммлера или заменить его другим членом движения с той же задачей. Было ли это возможно? Не возникло бы у него, рядом с Гиммлером, той же дилеммы? Можно ли было ожидать, что другой человек будет более успешным? Не вызвал бы Зиверс несмотря на всю предосторожность, подозрения своим уходом? То есть сделать так открыто или с протестом было бы полным безумием. Представьте только опасность которой он подвергал себя и своих соратников? Что давал его уход? Еще один вопрос: если бы уход Зиверса вообще мог предотвратить эксперименты на людях, это бы являлось лишь частичным успехом. Что касается окончательной цели, устранение Гиммлера и нацистского правительства, не могло быть достигнуто, но лишь отсрочило решение или невозможность его достижения из-за утраты ключевого положения. Так, ещё больше жертв нацистского правительства появилось бы в результате, частичным успехом пришлось пожертвовать ради великой цели.

Если вы попытаетесь ответить на эти вопросы, не остаётся ни малейшего сомнения в том, что решение принятое Хильшером являлось единственной возможностью.

Это приводит меня к последнему, но наиболее важному положению моей защиты, вопросу:

«Как должен был действовать Зиверс в своём положении?»

Безо всякого сомнения, он был вынужден идти на некие уступки. Он был вынужден маскироваться, т.е., внедрить себя в окружение в котором он собирался шпионить. Любой шпион должен маскироваться и я не раскрою секрета упоминая, что в военное время много человек одевались в форму противника. Общеизвестно,

что в 1942 французский генерал Жиро²⁷⁴ осуществил свой побег из немецкого плена в форме немецкого генерала.

Когда Зиверс являлся членом партии с 1929 по 1931, когда позднее он снова вступил в НСДАП и СС, когда он занял высокое положение в этих организациях, когда он занял должность управляющего делами «Аненербе» и страдал от присвоения высокого звания в СС, вообще без всякого сомнения это являлось частью маскировочных мер, которые Хильшер, доктор Боркенау, доктор Топф и другие свидетели назвали неотъемлемым требованием, обязательной маскировкой для задач подсудимого Зиверса.

Никто не претендовал на то, что эта маскировка, которая должна была быть законно одобряемой, более того, желательная цель, являлась наказуемой и незаконной. Следовательно внешнее членство Зиверса в СС оправдывалось для этой маскировочной задачи. И равно неоспоримо то, что временами он играл роль хорошего нациста. Обязанность делать так требовалась от него Хильшером. Карьера организатора и активного члена немецкого подпольного движения подошла бы к внезапному концу если бы он не вёл себя как нацист.

Ещё более серьёзно, я должен обратиться к вопросу согласия Зиверса и дальнейшему участию в экспериментах на людях и создании коллекции скелетов, в которых третьим лицам были причинены телесные повреждения.

Здесь возникает вопрос где находились границы необходимого если они включали действия которые сами по себе являются наказуемыми фактами. Ответ на данный вопрос является существенным положением дела Зиверса.

Законный порядок мира устанавливает принцип: «Юридические ценности нарушаемые действием совершенным при необходимости, не должны быть непропорционально больше, чем защищаемые и оберегаемые законные ценности» Этот принцип пропорциональности о котором Вартон, параграф 642, говорит, «Пожертвование жизнью другого, оправдывается при необходимости спасти свою собственную»

Какими являлись конфликтующие ценности в деле Зиверса?

С одной стороны существовал цивилизованный мир, мир на земле, гуманизм, жизни и существование миллионов человек которым угрожало и вредило преступное правительство Гитлера. Такие деяния названы преступлениями против мира и человечности новым международным правом, которое угрожает за них тяжкими наказаниями. Союзные нации считали эти законные ценности важными для того, чтобы их солдаты с энтузиазмом шли на войну и умирали за них.

²⁷⁴ Анри Оноре Жиро (1879 — 1949) — французский военачальник, армейский генерал, участник двух мировых войн.

С другой стороны, вы обнаружите жизни отдельных лиц, их здоровье, уважение и признание их личности, их свобода и свободное выражение своей воли, некие законные ценности не менее высокой ценности. Могли быть сотни жертв. Но это было меньшее число в сравнении с множеством тех кого Гитлер, Гиммлер и их сообщники уже убили и продолжали убивать.

Мой вопрос следующий: Какая из двух предполагаемых ценностей является более ценной с точки зрения пропорциональности?

Я далёк от оправдания отвратительных преступлений происходивших в концентрационных лагерях или даже их минимизации, но при всём своём омерзении к ним я не могу помочь ответить: защита цивилизации и гуманизма заслуживает предпочтения над жизнью и здоровьем отдельных лиц, при том, что могут быть неизбежные жертвы. Поэтому наконец был необходимо, абсолютное требование, для того, что нарушить менее важные законные ценности и спасти более важные, в целом, чтобы Зиверс оставался на своём посту в «Аненербе» для устранения Гиммлера.

Конечно, не сложно сказать постфактум, что Зиверс мог действовать по-другому, что он далеко не продвинулся. Но до сих пор никто не смог рассказать нам о том как он должен был действовать. Обвинитель даже не попытался внести конкретное предложение.

.....

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Ховена

.....

В двух дальнейших частях своего заключительного обзора я разобрался с убийствами, которые доктор Ховен либо предпринимал сам или которые предпринимались с его ведома.

В части (б) заключительного обзора, я заявил о том, что эти убийства не имели связи с планом эвтаназии.

Далее я заявлял о том, что можно считать подтверждённым то, что доктор Ховен лично убил только двух заключенных, и что почти 50 или 60 заключенных были убиты по приказу ответственных за немецких и иностранных политических заключенных при сведениях доктора Ховена.

Я изложил юридический итог этих убийств, в дальнейшем параграфе (е) заключительного обзора.

Юридические аргументы изложенные в заключительном обзоре взяты из работы известного американского криминолога Вартона, «Уголовное право». Первая часть данной аргументации содержит, в (е), дословные цитаты из этой книги.

В соответствии с общим правом, убийство человека может быть либо убийством, умерщвлением, извинительным убийством или оправданным убийством.

Нынешнее американское право не различает между оправданным убийством и извинительным убийством. Я ссылаюсь на заключительный обзор, в частности на заявления Вартона в его книге «Уголовное право», 12-е издание, том I, 1932, страницы с 826 по 879. По Вартону, извинением и оправданием для убийства являются как отражение преступного нападения, или предотвращение преступления.

Право самообороны, т.е., отражение преступного нападения, ограничивается прямо установленным количеством лиц.

С другой стороны, каждый вправе предотвратить преступление. Я ссылаюсь на подробности содержащиеся в моей правовой аргументации в заключительном обзоре.

Убийство человека для предотвращения преступления требует следующих условий, которые изложены в моём заключительном обзоре:

(1) Лицо совершившее деяние должно иметь убеждение *bona fide*²⁷⁵ о том, что пресекает непосредственно угрожающее преступление. Не является условием, то, что такое преступление было бы действительно совершено. Убеждения *bona fide* обвиняемого вполне достаточно. В данной связи с сошлюсь на юридические аргументы в заключительном обзоре.

(2) Данным убеждением обвиняемый не должен пренебрегать.

(3) Не должно быть никакой другой возможности предотвращения преступления чем убийство лица. Другими словами – убийство должно быть единственным средством доступным для предотвращения преступления.

Утверждение обвинения в своей заключительной речи: «Не надо убивать пятерых для спасения сотни», следовательно не может рассматриваться в целом верным ни с точки зрения ни германского ни американского права.

На основе заявлений обвинения, я не смог чётко понять, что данное предложение относится только к оправданию экспериментов на людях или же к убийствам которые осуществлялись доктором Ховеном или при его сведениях.

---

²⁷⁵ *Bona fides* — латинский юридический термин, означающий «честные средства», «добрые услуги», «добросовестность», который выражает моральную честность, веру в правдивость или ложность суждения или сущности мнения, или относительно прямоты или порочности линии поведения. Это понятие важно в юриспруденции, особенно при использовании права справедливости.

Оправдание убийств материально различается от такого же в экспериментах. Эти шпионы, стукачи и предатели, за убийство которых доктор Ховен принял ответственность давая показания, планировали совершить серьёзные преступления против своих сокамерников. Поэтому, если приводить три предпосылки, которые я упоминал, мы сталкиваемся со случаями оправданного или извиняемого убийства.

В своём заключительном обзоре, я развёрнуто объяснил, что эти условия существовали в случае всех убийств за которые доктор Ховен признал ответственность.

Подсудимый Ховен имел убеждение и уверенность в том, что шпионы и предатели, которые были убиты им или при его сведениях, собирались совершить серьёзные преступления, которые в итоге приведут к смерти множества заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд. Во время своего допроса, доктор Ховен привёл подробное описание этого.

Решение об этих убийствах не приходило только доктору Ховену. У доктора Ховена не было для этого повода. Его жизни не угрожали эти шпионы или предатели. Напротив, существовал комитет политических немецких и иностранных заключенных, многие из которых сегодня занимают высокие должности в своих странах. Эти лица гарантировали доктору Ховену то, что будут убиты только такие лица, которые уже действовали и продолжили бы действовать как шпионы и предатели. Эти заявления доктора Ховена прямо подтвердились рядом свидетелей, которых заслушивали по данному предмету. Эти наблюдения можно найти в представленных мной письменных показаниях. Прежде всего подтвердилось, что только такие люди устранялись о которых у доктора Ховена было убеждение. Доктор Ховен свидетельствовал в данном отношении и это подтвердилось в данном отношении свидетелями Дорном, доктором Когоном, Зеегерсом и Хуммелем.

В своём допросе от 23 октября 1946, доктор Ховен прямо заявил о том, что он убивал или знал об убийствах таких лиц, о которых было точно известно, что их смерти были необходимы для спасения жизней множества политических заключенных из различных стран. Уже тогда, он прямо подчёркивал, что он отказывался исполнять какие-либо убийства по приказам коменданта лагеря Коха; заключенные которых касались эти приказы направлялись в госпиталь или прятались другим способом доктором Ховеном.

Доктор Ховен не пренебрёг убеждением о том, что их убийства были важны для спасения большого количества заключенных.

Это прежде всего подтвердилось показаниями свидетеля Дорна, который привёл много подробностей о средствах и методах применяемых доктором Ховеном

и нелегальной администрацией лагеря для убеждения в необходимости убийств. Доктор Ховен дополнил эти заявления. Более того, они подтвердились показаниями свидетелей Хуммеля, доктора Когона, Зеегерса, Филиппа Дирка, барона фон Палландта и ванн Эрде в своих письменных показаниях.

Действительно, предотвратить запланированные преступления, т.е. массовые убийства множества немецких и иностранных политических заключенных, можно было только путём убийства шпионов и предателей. Других средств не было. Что должен был сделать доктор Ховен для предотвращения преступлений запланированных шпионами и предателями? Эти шпионы сотрудничали с комендантами и эсэсовским руководством лагеря для осуществления программы Гиммлера по уничтожению политических заключенных. К кому должен был обращаться доктор Ховен? Наверно к эсэсовским комендантам лагеря, которые работали со шпионами и предателями? Или наверное к Гестапо или полиции, которые подчинялись приказам Гиммлера?

Не было другого пути кроме выбранного доктором Ховеном для предотвращения преступлений. Я показал эти подробности в своём заключительном обзоре. Там я собрал показания свидетелей как обвинения так и защиты, которых заслушивали об этом.

Здесь я желаю лишь отметить следующие заявления свидетелей:

В этом зале суда, доктор Когон, убеждённый христианин и глубоко религиозный человек, сказал: «Не существовало никакой другой возможности для человека из нелегальной администрации лагеря. Я, как убеждённый христианин, не отрицаю, что эти люди имели право убивать людей из-за чрезвычайности, тех кто сотрудничал с СС и угрожал жизням отдельных или многих лиц».

Свидетель Пик заявил: «Могло быть, что ликвидация многих политических заключенных и шпионов СС используемых в лагере могли сделать доктора Ховена убийцей в глазах многих; но, для меня и остальных которые понимали реальную ситуацию он являлся солдатом боровшимся на нашей стороне и сильно рискующим».

Пик выразил такое же мнение также в письме в голландское министерство юстиции, письме, которое было также подписано городским советом Амстердама и господином Дрорингом, главой отдела государственного института по военной документации в Гааге.

Пик является одним из немногих, кто лучше всего способен ответить на эти вопросы, так как он принадлежал к комитету немецких и иностранных политических заключенных, который сформировался в Бухенвальде.

Отец Катжетан, нынешний верховный аббат одного из крупнейших религиозных орденов в Чехословакии, бывший заключенный концентрационного лагеря Бухенвальд, заявил, в присутствии свидетеля доктора Хорна, о том, что эти убийства являлись неизбежной необходимостью для сохранения заключенных, которых оставила справедливость в лагере.

Даже свидетель обвинения Рёмильд вынужден был признать, во время дачи показаний, что было бы невозможно спасти 20000 заключенных если бы этих шпионов и предателей которых убил доктор Ховен или об убийствах которых он знал, оставили в живых.

Позвольте мне сказать в этой связи: чтобы случилось если бы человек калибра Кушнера Кушнарёва не был убит, и если бы продолжились убийства русских военнопленных в лагере? Доктор Ховен тогда бы даже не предстал перед данным трибуналом? Тогда, в отношении доктора Ховена было бы предъявлено такое же обвинение как и против японского губернатора Филиппин, которого судил американский военный суд за непредотвращение жестокостей и посягательств?

г. Документы и показания

.....

Фрагмент допроса подсудимого Карла Брандта трибуналом

.....

Себринг: Свидетель, данный вопрос необходимости для эксперимента, ваш взгляд заключается в том, что государству определять крайнюю необходимость для такого эксперимента и впоследствии те кто служат государству должны подчиниться такой процедуре? Я думаю вы можете ответить на это «да» или «нет»

Брандт: Данный процесс показывает, что задачей государства в любых обстоятельствах будет в основном выяснение данного вопроса для будущего.

Себринг: Свидетель, как я понял ваши недавние заявления, врач, однажды став солдатом, впоследствии должен подчинить такие медико-этические взгляды какие могут возникнуть, когда они вступят в конфликт с военным приказом от вышестоящей власти, это правда?

Брандт: Я не хотел выразиться в такой форме. Я не хочу сказать, что врач, в тот момент, когда стал медицинским офицером, должен изменить своё основное отношение как врача. Такой приказ может таким же образом быть адресован врачу,

который не является солдатом. Я сошлюсь в целом на всю ситуацию преобладавшую для нас в Германии во время авторитарного руководства. Это авторитарное руководство вмешивалось в личность и в личные чувства человека. Моментально индивидуальность поглощалась концепцией коллективного органа, каждое требование которого к отдельному лицу должно поглощаться концепцией коллективной системы. Поэтому, требования общества, возлагались на каждого отдельного человека как данность, и эту данность, человек, полностью использовал в интересах общества.

Сложная вещь, и нечто, что трудно понять в целом, это то, что во время всего нашего периода, и доктор Лейббрандт ссылаясь на это, делалось всё в интересах гумманности для того, чтобы отдельное лицо вообще ничего не значило, и чем дальше прогрессировала война, тем сильнее проявлялся данный принцип. Это обозначалось в конце как «тотальная война», и в соответствии с этим, руководители государства отдавали приказы совершенно общо и требовали исполнения приказов. Было очень трагическим для ряда лиц, не только в рамках работы с этими экспериментами, но также и в других ситуациях, что они должны были работать подчиняясь таким приказам. Без рассмотрения всей ситуации преобладавшей в Германии, вообще нельзя понимать вопрос конкретно об этих экспериментах.

.....

Фрагменты допроса свидетеля, доктора Фридриха Хильшера защитой

Вайсгербер: Свидетель, ваше имя Фридрих Хильшер?

Хильшер: Фридрих Хильшер.

Вайсгербер: Вы родились 31 мая 1902 в Плауэне, и сейчас вы проживаете в Марбурге, это правильно?

Хильшер: Да.

Вайсгербер: Какая у вас профессия?

Хильшер: Я учёный.

Вайсгербер: И с каких пор вы принимаете активное участие в политике?

Хильшер: С 1927.

Вайсгербер: Вы относили себя к определенной политической идеологии?

Хильшер: Нет. У меня была группа студентов, которым я разъяснял свои исторические и философски теории и идеи.

Вайсгербер: Как получилось, что вы стали оппонентом НСДАП столь рано.

Хильшер: Из информации доступной мне я лично знал о враждебности национал-социалистических лидеров. Я мог наблюдать то, что они постоянно лгали и то, что они действительно хотели было нежелательными.

Вайсгербер: Вам казалось, уже в 1928, что НСДАП придёт к власти?

Хильшер: Нет, не в 1928. В 1930, после первой избирательной битвы на которой партия победила, я считал это возможным. В 1931 я считал это вероятным. В 1932 я чувствовал, что это будет точно.

Вайсгербер: Вы вступали в какую-либо конкретную политическую партию с намерением бороться с НСДАП?

Хильшер: Нет. Я считал невозможным какой-либо из 33 германских партий, с их бюрократическими методами, предотвратить фашистскую диктатуру или придти она к власти, свергнуть её.

Вайсгербер: О каких методах вы думали как о правильных?

Хильшер: Фашистская диктатура являлась массовой машиной в технический век. Поэтому нам казалось, что не обсуждается, противостоять такому массовому органу, действуя открыто. Казалось невозможным вести пропаганду публично. Мы убедились в том, что единственной возможной вещью было сформировать небольшие кадры, которые не будут видны извне и которые в подходящее время можно использовать для государственного переворота.

Вайсгербер: Тогда это был более или менее метод троянского коня?

Хильшер: Да.

Вайсгербер: Вы были одиноки в своих идеях и в своих усилиях по борьбе с этим движением или имели соратников?

Хильшер: Первое, избранная группа моих студентов согласилась сотрудничать в этой нелегальной работе; второе, я знал довольно много персонажей с различным политическим прошлым с которыми я соглашался в том, что режим ненадолго.

Вайсгербер: Это было до 1933?

Хильшер: Это было около 1933-1932-33.

Вайсгербер: Итак, наступило 30-е января 1933, так называемый захват власти состоялся, и теперь началась реальная работа. Как и когда вы применяли ваш метод троянского коня?

Хильшер: Данную группа моих студентов, которые пожелали сотрудничать, я превратил в нелегальную организацию, с взносами, секретностью и другими необходимыми условиями, и я назначил людей которые пожелали и подходили для получения важных партийных должностей.

Вайсгербер: Когда и как вы встретили подсудимого Вольфрама Зиверса?

Хильшер: Насколько я помню, я встретил Зиверса в 1929, на одной из моих историко-философских лекционных поездок. Он тогда являлся бойскаутом. Он выступал во время дискуссии и мы понравились друг другу.

Вайсгербер: Зиверс показывал тогда, что он противостоит НСДАП?

Хильшер: Это было само собой разумеющимся для людей с которыми я вообще имел дело.

Вайсгербер: И вы считали его подходящим для работы в вашем кружке?

Хильшер: Да.

Вайсгербер: В 1929 Зиверс вступил в НСДАП. Это было сделано с вашего ведома?

Хильшер: Да.

Вайсгербер: Вы рекомендовали ему это или как это получилось? Должна была быть некая особая причина, так как вы оба являлись оппонентами этой политической партии?

Хильшер: Это было впервые, кроме 1923, когда заговорили о НСДАП, было полезным знать о том, что происходит в растущей машине - есть ли внутри машины какие-либо люди доброй воли, что делают лидеры, какие планы готовятся, как создаётся организация.

Вайсгербер: Тогда, прежде всего вы хотели выяснит намерения НСДАП?

Хильшер: Да, и в особенности в молодёжной работе, потому что это было бы самым важным в долгой перспективе.

Вайсгербер: Итак, в 1931 Зиверс снова вышел из НСДАП; он сделал это с вашего ведома?

Хильшер: Да.

Вайсгербер: По вашим приказам?

Хильшер: Да, можно так сказать. Мы обсуждали это, и я подумал о такой вещи.

Вайсгербер: Итак, почему он внезапно вынужден был покинуть партию, так как он был направлен в партию с чёткой задачей получения информации?

Хильшер: Он выяснил то, что должен был выяснить, характер и структуру, в особенности молодёжной организации. Он была именно настолько враждебной как мы думали, и даже тогда она была настолько коррумпирована, что без дальнейшего плана – а у нас не было плана в то время – безо всякого дальнейшего плана ему не требовалось продолжать.

Вайсгербер: Итак, в 1933 году, Зиверс, как уже рассказывали трибуналу, снова вступил в НСДАП; это было сделано от вашего имени?

Хильшер: Да. Тогда мы уже говорили о полностью организованной организации. Мы уже спрашивали добровольцев, которые желали и которые были способны работать в смысле троянского коня. Зиверс казался подходящим и он вызвался.

Вайсгербер: Вы смогли получить для него должность в партии?

Хильшер: Нет. Я не мог помочь ему получить какую-либо должность, и во-вторых, у меня не было намерения рассказывать отдельным лицам, которым я доверял, подробно, что они должны делать.

Вайсгербер: Тогда это зависело от способности отдельного лица, получить должность с помощью которой он мог бы осуществлять ваше поручение?

Хильшер: Да.

Вайсгербер: И как Зиверс получил эту должность?

Хильшер: Он получил её у Германа Вирта²⁷⁶ в «Аненербе»

Вайсгербер: Кем был Герман Вирт?

Хильшер: Герман Вирт был довольно сумасшедшим учёным по первобытной истории, у которого был превосходный материал и ужасные концепции.

Вайсгербер: Вирт тогда уже был связан с «Аненербе»?

Хильшер: Насколько мне известно он был одним из его основателей.

Вайсгербер: Тогда, как вы говорите, Зиверс вступил в контакт с Виртом и через Вирта он попал в «Аненербе»?

Хильшер: Да. Там он был с 1935 управляющим делами.

Вайсгербер: Итак, вы давали Зиверсу какое-либо особое поручение в духе вашего движения?

Хильшер: Как только стало ясно, что существовала возможность использования гитлеровской расовой романтики и полуобразованности, появилось поручение о том, чтобы получить доверие Гимmlера с помощью «Аненербе» и приближения к нему как можно ближе. Мы, то есть моя группа, были среди тех людей, которые очень рано осознали особую личную опасность Гимmlера и во-вторых с самого начала мы определились с тем, что однажды мы свергнём партийный режим силой, и для этой цели следовало подобраться как можно ближе к наиболее опасному человеку.

Вайсгербер: И какими были тогда обязанности Зиверса? Когда он впервые относился к НСДАП, вы сказали, что он должен был получать информацию о планах в молодёжном движении НСДАП.

Хильшер: Конечно, тогда, он должен был получить настолько много деталей насколько мог из ведомства рейхсфюрера СС и передать их нам. Мы должны были защищать людей. Мы должны были выстраивать маскировочные позиции. Мы должны были помогать другим людям и оставаться неопознанными.

Вайсгербер: И как Зиверс выполнял свои обязанности?

²⁷⁶ Герман Вирт (1885 — 1981) — голландско-немецкий учёный и мистик, изучавший древние религии, символы и языки. Первый руководитель Аненербе.

Хильшер: Что же, было бы лучше если я начну с себя. Я сам был известен и считался нежелательным руководством партии.

Вайсгербер: Вы имеете в виду НСДАП?

Хильшер: Что же, да, конечно. Лидеры партии знали меня и считали меня нежелательным. Я уже находился под арестом и мой дом обыскивали. За мной следило Гестапо и для того, чтобы выстроить организацию мне требовалось путешествовать повсюду не вызывая подозрения. Соответственно, Зиверс дал мне ложное исследовательское задание, которым являлось изучение индо-германской культуры, обычаев ежегодных фестивалей.

Вайсгербер: Зиверс сказал во время допроса защитой о том, что он сам не мог отдавать никаких исследовательских поручений; вы сказали о том, что вы получили от него ложное исследовательское поручение; разве не было это исследовательское поручение в действительности принято куратором, профессором Вюстом?

Хильшер: Да. Если вещи шли хорошо и Вюст был в хорошем настроении или выпивал с Зиверсом, было возможно убедить его сделать кое-что, и так он был успешен в убеждении Вюста о том, что я был эффективен для этого исследовательского поручения и таким образом мне было дано такое поручение. И что касалось индо-германских обычаев их можно было найти повсюду. Мне был дан фальшивый пропуск начальника отдела, хотя я не являлся начальником отдела, и не являлся членом СС или «Аненербе»

Вайсгербер: И с этим пропуском вы могли легко получать визы за рубеж?

Хильшер: Не обязательно. Для этого требовалось немного больше, но это было проще.

Вайсгербер: Тогда подлинной задачей этого ложного исследовательского поручения, было то, что вы, кто являлся подозреваемым, могли появиться в более безобидном свете и были способны передвигаться довольно свободно и без надзора?

Хильшер: Да.

.....

Вайсгербер: Что делал Зиверс для того, чтобы развивать деятельность вашей организации?

Хильшер: Например, он занимался обеспечением информацией, которая была важной. Он рассказывал нам о том какие войска Ваффен-СС находились в Германии во время войны. Он предоставлял нам фальшивые официальные поездки, разработал план покушения, который должен был быть осуществлён нашей группой в случае если план генералов не сработает. Все мы думали о том, что было

небезопасным полагаться на генералов. В марте 1944, Вернер Хафтен рассказал мне по приказу Штауффенберга о том, что нужно учитывать тот факт, что генералы будут участвовать в акции некоего покушения и каждый должен провести свои приготовления, в случае если у него есть какие-либо, таким образом как если бы он действовал в одиночку. Такой была ситуация в марте 1944. Мы разработали запасной план по устранению, при возможности, Гимmlера и Гитлера одновременно, но в случае сомнений, самого Гимmlера. У нас было совершенно иное мнение чем у других групп.

Вайсгербер: Какая конкретная предварительная работа проводилась для покушения в вашей группе?

Хильшер: Зиверс являлся единственным в группе, которого касался вопрос о покушении, потому что он единственный был настолько близок к Гимmlеру. Поэтому ему поставили задачу и мы разработали данный вопрос, что касалось подробного плана; все, что было необходимо только нажать кнопку.

Вайсгербер: И на какой период времени планировалось покушение?

Хильшер: Мы начали подготовку в 1943 году, и мы могли начать как самое раннее в конце 1943. Затем мы наконец думали о середине 1944, потому что Шуленбург и Люнинг сказали мне о том, что генералы будут готовы почти в то же время.

Вайсгербер: Что же, покушение является вопросом быстрого решения. Поэтому неправда, что все эти долгие приготовления о которых вы нам рассказали являлись довольно неожиданными?

Хильшер: Следует учитывать следующее: вокруг Гимmlера и Гитлера была сильная охрана, сильное кольцо охраны, через которое никто не мог пройти не будучи аккуратно обысканным и проверенным. Во-вторых, и я уже подчёркивал это, нельзя было быть уверенным в том, что генералы осуществят покушение, но необходимо было быть уверенным в том, что достаточное количество генералов готовы к устранению национал-социалистической системы немедленно после покушения, так как устранение только этих двух человек не имело бы политической цели вообще. Мы не планировали осуществлять путч, но мы планировали устранить политическую систему, политический строй, и по этой причине мы должны были ждать пока ситуация станет правильной и генералы будут готовы.

Вайсгербер: Итак, суть вопроса в том являлись ли эти планы о покушении на Гитлера и Гимmlера только вашей фантазией или фантазией ваших сотрудников, или существовала какая-либо реальная основа или конкретная подготовка для такого покушения?

Хильшер: Я уже сказал о том, что приготовления разрабатывались в подробных технических моментах что касалось места, стрельбы и т.д.

Вайсгербер: И кто бы убил Гимmlера и Гитлера?

Хильшер: Это должен был сделать Зиверс и несколько молодых людей входящих в мою организацию.

Вайсгербер: И почему оно не было осуществлено?

Хильшер: После неудачи покушения Штауффенберга, круги Вермахта встали перед вопросом устранения Гимmlера и поэтому уже не было возможно устранить эту систему. Единственным последствием любого покушения было бы – так как внешнеполитическая ситуация не изменилась бы – то, что люди снова бы сказали: «Это нож в спину победоносного фронта»

Вайсгербер: Что ещё делал Зиверс в поддержку вашей деятельности помимо того, о чём вы рассказали?

Хильшер: Он, например, поддерживал моего представителя, Арнольда Дойтельмозера, когда он был внесён в список тех кого должны устранить под предлогом покушения, которое произошло в Мюнхене в «Бюргербраукеллер²⁷⁷». Он также защищал Бомаса, который работал в Нидерландах. Он защищал доктора Шюттелькопфа, которого мы направили в РСХА и ему стало возможно переправить меня в Швецию. Он спасал Нильса Бора²⁷⁸, профессора Сейба из университета Осло и он спас ряд норвежских студентов, и т.д.

Вайсгербер: Вам известно, что Зиверс информировал вас о двойной игре Гимmlера в деле министра Попица²⁷⁹, и что в качестве последствия он спас целую группу вопреки мерам Гимmlера?

Хильшер: Да. Произошло следующее. Однажды Зиверс обратился ко мне и сказал о том, что он только что услышал, что Гимmlер поднял на смех в близком кругу покушение со стороны Попица. Он сказал о том, что министр Попиц при посредничестве адвоката Лампе обратился к Гимmlеру и попытался убедить его добиться изменения национал-социалистической системы, вероятно устранив Гитлера. Он сказал о том, что Гимmlер подумал о том, что это было забавно, что эти люди имели настолько мало здравого смысла, чтобы подумать о нём. Слава богу, кто-то смог вступить в переговоры с ним, потому что решительно никто в стране не стоял за этими людьми, но показалось, что эти господа имели много внешнеполитических отношений и было бы разумно установить какой была эта

²⁷⁷ Пивной зал в Мюнхене, где 8 ноября 1939 была совершена попытка покушения на Гитлера.

²⁷⁸ Нильс Бор (1885 — 1962) — датский физик-теоретик и общественный деятель, один из создателей современной физики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1922). Член Датского королевского общества (1917) и его президент с 1939 года. Был членом более чем 20 академий наук мира, в том числе иностранным почётным членом Академии наук СССР (1929; членом-корреспондентом — с 1924).

²⁷⁹ Эдуард Попиц (1884 – 1945) — немецкий государственный деятель, участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера. В 1943 предложил Гимmlеру заключить мир. Был повешен за участие в заговоре.

поддержка и вступить с ней в переговоры. Мы были довольно удивлены наивным отношением показанным Гиммлером и я направил Дойтельмозера к Рейхвейну, который как я знал не имел связей с Попицем. Таким образом Попиц был предупреждён. Рейхвейн был так удивлён и вряд ли хотел поверить в ситуацию.

Меня попросили участвовать в конференции, и Рейхвейн после того как сам убедился в том, что всё, было правдой, пообещал предупредить всех заинтересованных господ в Берлине и затем попросил Дойтельмозера, который должен был ехать в Норвегию вскоре, для уведомления друга Рейхвейна, Штельцера, нынешнего министра-президента Шлезвиг-Гольштейна. Для того, чтобы понять, что он тоже, предпринял необходимые меры предосторожности. Таким образом, мы надеялись на то, что ряд этих людей действительно был спасен. Попиц, однако, сам был беззаботен и был схвачен.

Вайсгербер: Такой заговор не мог быть осуществлён пока у вас не было необходимых финансовых средств в вашем распоряжении. Как вы получали эти средства?

Хильшер: Каждый из наших людей, будь то мужчина или женщина, соглашался отдавать десять процентов от своего ежемесячного дохода на нелегальную работу. Многие отдавали значительные суммы.

Вайсгербер: Что насчёт Зиверса?

Хильшер: Зиверс отдавал больше чем был должен.

Вайсгербер: Вам известно о случае с тремястами норвежскими студентами которые из-за вмешательства Зиверса были освобождены из концентрационного лагеря Бухенвальд?

Хильшер: Да, Тербовену²⁸⁰ или какому то другому чиновнику в Норвегии, не понравились какие-то демонстрации которым там случились, и в результате было арестовано триста студентов. Путём неких тёмных каналов их доставили в концентрационный лагерь Бухенвальд. Зиверс узнал об этом, и если я правильно помню, он смог проследить за тем, чтобы этих студентов освободили из концентрационного лагеря, используя нордические идеи Гиммлера в этом направлении.

Вайсбергер: В таком случае вы думаете, что деятельность Зиверса была существенной для вашего движения сопротивления?

Хильшер: Да. Это было правдой для моей организации, так как он защищал и прикрывал меня как её начальника, и во-вторых, насколько мне известно, он был единственным человеком принадлежащим движению сопротивления который был

²⁸⁰ Йозеф Тербовен (1898, Эссен — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхкомиссар Норвегии в 1940-1945. Покончил жизнь самоубийством.

настолько близок к рейхсфюреру СС. Если бы какая-либо другая группа доставляла столько информации сколько он я бы заметил, что это может исходить только из одного источника.

Вайсгербер: Свидетель, я вручу вам документ, который был представлен обвинением. Это документ НО-975, экземпляр обвинения 479. Это письмо направленное Зиверсом доктору Хирту. Пожалуйста вы взглянёте на письмо?

Хильшер: Да.

Вайсгербер: Это письмо содержит тон, голос которого кажется указывает на то, что он пытался прикрывать деятельность доктора Хирта. Доктор Хирт работал в анатомическом институте университета Страсбурга. Я полагаю, по причинам которые мы упомянем позже, то, что вам известно имя Хирта. Как вы объясняете тон этого письма?

Хильшер: Я думаю он является самым подходящим и похвальным. Я бы подумал, что очень глупым было для Зиверса если бы он применил другой тон в какой-либо своей официальной переписке. Его задачей являлось говорить «да», но действовать противоположно. Не могло проявляться никакой претензии или какого-либо неодобрения с его стороны. Следовало быть более активным на пути национал-социализма, больше чем говорить в пользу национал-социализма.

Вайсгербер: Сейчас я перехожу к ещё одному комплексу вопросов. Зиверсу вменяется на данном процессе участие в ряде преступлений. Зиверс, когда-либо рассказывал вам о так называемых исследовательских поручениях доктора Рашера и доктора Хирта, которые уже упоминались? Это были эксперименты проводимые в концентрационных лагерях.

Хильшер: Зиверс, насколько я помню, пришёл ко мне в 1942 году и очень взволнованно рассказал мне о том, что Гиммлер в своём желании расширить общество «Аненербе» озвучил мысль включающую эксперименты на людях в работе общества «Аненербе». Он сказал о том, что не смог сорвать это. Он сказал, что вообще не имел желания участвовать в этих ужасных действиях и спросил меня, что нужно делать. Тогда мы очень подробно рассматривали эту ситуацию и обдумывали, что можно сделать. Нам было совершенно ясно, что здесь запланировали СС, и было спорно можно ли принимать ответственность за какие-либо такие акты, целесообразно ли быть инструментом Гиммлера если он задумал такие акты, мероприятия в которых людей низводят до уровня насекомых.

Решающими для нас были следующие соображения: если бы Зиверс ушёл, ни одно лицо, ни одного подопытного нельзя было бы спасти. Если бы Зиверс остался там в качестве технического секретаря, он бы мог ставить палки в колеса и наверное, мог бы спасти кого-нибудь. Кроме того, весь план и всё свержение партии

зависели от того останется ли Зиверс на своём посту. Эксперименты на людях являлись лишь частью ужасной партийной системы, и следовало сконцентрироваться на решающих пунктах для того, чтобы окончательно устранить всё, и, как я уже говорил, другого пути в штаб рейхсфюрера СС не было. Поэтому мы сделали вывод о том, что если Зиверс уйдёт из-за этого, он точно будет ликвидирован и наверно все эти люди которым он давал исследовательские задания, и всё, что мы сделали до сих пор было бы потеряно, и если бы кто-нибудь вообще был спасён, он мог быть спасён Зиверсом остающимся на посту.

Вайсгербер: Если я правильно вас понял, Зиверс сначала хотел уйти со своей должности управляющего делами «Аненербе»?

Хильшер: Да. Это верно.

Вайсгербер: Зиверс одобрил эти аргументы которые вы и ваши друзья представили в пользу его пребывания с рейхсфюрером СС в качестве управляющего делами «Аненербе»? Он сразу согласился на это или только после попыток убедить его?

Хильшер: Это заняло несколько дней, потому что Зиверс, в соответствии с его природой, был мягче чем многие из нас и не хотел соглашаться с нами. Наконец мы вынуждены были обратиться к его чувству долга и убедили его в том, что он должен это сделать и это был единственный путь.

Вайсгербер: Помимо прочего, считалось, что Зиверс оставшийся на посту, предоставляет возможность смягчения этих ужасных экспериментов?

Хильшер: Шанс был не очень велик, но мы убедились в том, что это был единственный возможный путь. Тогда это можно было сделать только таким образом. Если я могу так сказать, это была настолько ужасная ситуация, что мы всегда возвращались к ней и нам очень повезло тем, что у нас есть надежда спасти ряд людей. Остальные оппоненты СС рассказывали мне о похожих дилеммах, которые были настолько же сложными, и альтернативы были ещё более ужасными, и там где лица, согласно моей убеждённости и сведениям, действовали правильно. Если трибунал позволит мне я могу сослаться на несколько почти невероятных ситуаций, которые были ещё хуже.

Председательствующий: Свидетель, к чему эти рассказы?

Хильшер: В связи с вопросом о том являлось ли морально оправданным сохранение Зиверса на своём посту.

Председательствующий: Такие вопросы не являются материальными по данному вопросу.

.....

Фрагмент допроса свидетеля Фридриха Хильшера обвинением

.....

Харди: Итак, что Зиверс рассказывал вам о коллекции скелетов Зиверса-Хирта? Он когда-нибудь говорил вам об этом?

Хильшер: Да. Он рассказал мне о том, что Гиммлер приказал – насколько мне известно, это было в связи с еврейскими комиссарами, которые подлежали этому приказу о казне, который действовал на Востоке – то, что некоторых из них должны были отобрать и использовать для коллекции скелетов. Приказ был от Гиммлера, как Зиверс сообщал мне.

Харди: И вы знали о том, что должно было произойти с этими людьми?

Хильшер: Да. Было также как и с экспериментами. Была угроза возможной смерти; это было точно.

Харди: Конечно, вы знали, перед чем эти люди предстанут, их отберут, выберут их согласно размеру, снимут им анатомические мерки, затем направят их в Нацвейлер и в Нацвейлере их убьют, затем снимут кожу, затем направят скелетов в университет Страсбурга для коллекции? И вы это знали?

Хильшер: Да.

Харди: Неплохая вещь, для человека участвующего в сопротивлении, не так ли?

Хильшер: Ситуация, как я постоянно говорил, была следующей: мы не делали различия при реальной оценке коллекции скелетов и других экспериментов в которых было так называемое «добровольчество» и в которых результат был таким же – в наших глазах, они были одинаковыми. Я хочу подчеркнуть, ещё одну вещь. Есть у кого-либо моральное право терпеть меньшее зло для того, чтобы предотвратить большее зло?

Харди: Секундочку. Теперь в связи с коллекцией скелетов, вы далее знали о том, что они отказались от идеи взять еврейских комиссаров, но отобрали еврейских заключенных концентрационных лагерей?

Хильшер: Да. Конечно каких конкретно лиц отбирали я не знал, но я знал о том, что ряд евреев должны были быть газированы и должны были быть отобраны для антропологической коллекции. Это был тот же случай, что и с гетто Лодзя. Еврейский комендант гетто – это был лейтенант Розенблат – после того как доверился мне, потому что я прибыл с фальшивым пропуском, лично сказал мне: «Меня взяли СС. Когда новая группа евреев прибывает в это гетто Лодзя и заполняет гетто, я должен выбирать именно такое же количество евреев и я знаю, что их должны газировать. То есть, я был отобран СС для определения того кого

должны газировать. Сейчас, я прошу вас во имя бога, господин Хильшер, вы являетесь христианином, что я должен делать? Я не хочу иметь к этому никакого отношения. Я спрашивал раввина. Я спрашивал самих старейшин, и мы пришли к выводу о том, что я должен оставаться на этой должности. По крайней мере я могу установить лиц – я могу хотя бы отбирать самых старых людей, которые не смогут выжить в гетто и наверное, таким образом, возможно я смогу спасти жизнь одного человека. Этим двум старикам которым я сказал это было около семидесяти лет. Там было пять христиан среди евреев. Я хотя бы мог понять, что этих двух пожилых людей газируют вместе. Они попросили сказать их дочери, что мы хотя бы смогли добиться этого. Скажите мне, я сделал правильно или нет?» Это было ещё более ужасно, потому что человек даже не мог снизить количество. Мне было стыдно от того, что людей которые были ответственными за лагерь называли немцы. Но я сказал: «Вы действовали правильно, и вы оправданы в глазах бога»

Харди: Итак, доктор Хильшер, я полагаю, что защита показала вам все документы о коллекции скелетов. Правильно?

Хильшер: Да.

Харди: Нет никакой необходимости их проходить. Вы заявили в связи с одним документом, который был представлен вам сегодня во время дачи показаний, что было очень похвально действовать со стороны Зиверса отрицательным путём. Так как вы знакомы со всеми документами по коллекции скелетов – я планировал пройти каждый, но я просто разберусь с одним. Это документ НО-088, экземпляр обвинения 182. Этот документ был написан Зиверсом. Вы видите, что его подпись есть на нём. Вы опознаёте подпись внизу письма?

Хильшер: Да.

Харди: Что же, Зиверс здесь предлагает способ которым можно уничтожить коллекцию скелетов для того, чтобы никак нельзя было о ней узнать – то есть, союзникам входящим в Страсбург. И вы заметите, две-трети вниз, один абзац, говорит: «Внутренности можно объявить останками тел видимо оставленными в анатомическом институте французами» Вы видите это?

Хильшер: Да.

Харди: «Для того, чтобы кремировать». Итак, это идея того же Вольфрама Зиверса, в которой он предлагает, чтобы эти, результаты преступных деяний остались в таком виде, чтобы можно было для союзников, обвинить в этом французов, и при этом он думал о том, что французы, также как и Соединенные Штаты, Великобритания и другие союзники одинаково были заинтересованы в движении сопротивления боровшимся с нацистским режимом, не так ли?

Хильшер: Как я уже говорил, долгом Зиверса было говорить: «Да» и действовать противоположно, но конечно, я не похвалю эту акцию, но я похвалил слова, формулировку. Он говорит как нацист. Конкретный вопрос в таком случае просто следующий: можно было здесь кого-нибудь спасти или нет? Если нельзя никого было спасти, что я могу сделать, чтобы сохранить образ нациста, так как я знаю, что оберштурмбаннфюрер Нойхаус подозревает, что у меня есть некий контакт с движением сопротивления? Зиверс с 20-го июля, или даже с моего ареста, постоянно следил за тем, чтобы его действия были похожи на нацистские, постольку поскольку никого уже не убивали; это было частью его долга, частью маскировки без которой не могла действовать организация.

Харди: Да. Но разве это письмо не предполагает, что он готов был позволить, чтобы невинные французы отвечали за преступления, которые вытекали из этой коллекции скелетов?

Хильшер: Если вы покажете мне –

Харди: Я спросил вас – разве из этого письма не кажется, это письмо подписано Зиверсом, что он готов был позволить французам пострадать за преступления совершённые во время сбора этих скелетов?

Хильшер: Да. Письмо вполне осмысленное. Мне кажется, создаёт такое впечатление. Такой была его цель, как и всех таких писем.

.....

Фрагмент допроса эксперта, доктора Эндрю С. Айви защитой

.....

Серватиус: Свидетель, рассмотрим следующий пример. Вы находитесь в городе в котором бушует чума. Вы как доктор, имеете лекарство, которое можно использовать для борьбы с чумой. Однако, вы должны протестировать его на ком-то. Комендант или скажем так мэр города, приходит к вам и говорит: «Есть преступник осуждённый к смерти. Спасите нас, проведя эксперимент на этом человеке» Вы откажетесь сделать это, или сделаете?

Айви: Я откажусь это сделать, потому что мне не кажется, что давление такого рода оправдывает нарушение этических и моральных принципов. Вот почему Гагская конвенция и Женевская конвенция были сформулированы, чтобы сделать войну, варварское предприятие, немного более гуманным.

Серватиус: Вам кажется, что население города, смогло бы понять ваши действия?

Айви: Они понимали важность поддержания принципов медицинской этики, которые применимы долгие годы, нежели недолгое время. Врачи и студенты-медики не должны делать ничего, что отвечает идеи временного добра, и что при постоянном применении, принижает ценность и посягает на метод того как делать хорошее. Если учёный медик нарушает кодекс медицинской этики и говорит: «Убей человека», для того, чтобы сделать то, что считает хорошим, с течением времени это перерастёт и вызовет утрату веры общества в медицинскую профессию, и отсюда уничтожит качество медицинской профессии в её пользу для общества. Причина заключается в том, что мы должны быть очень осторожны при использовании людей в качестве подопытных в медицинских экспериментах для того, чтобы не принижать ценность и не посягать на метод того как делать хорошее вызывая реакцию общества против этого.

Серватиус: Свидетель, вам не кажется, что ваше идеалистическое отношение здесь более или менее выступило бы против основного общественного мнения?

Айви: Нет. Вот почему американская медицинская ассоциация по сути согласилась с этими принципами. Вот почему принципы, этические принципы при использовании людей в медицинских экспериментах, были унифицированы по всему миру в прошлом.

Серватиус: Тогда вам не кажется, что чрезвычайность, необходимость этого города может привести к пересмотру этого отношения?

Айви: Нет, нет, если они находятся в опасности убийства человека в ходе тестирования нового вещества или лекарства. Нет оправдания убийству пяти человек для спасения пятисот.

Серватиус: Тогда у вас мнение в том, что жизнь одного заключенного должна быть сохранена даже если город вымрет?

Айви: Для того чтобы сохранить метод делать добро, да.

Серватиус: С точки зрения политика, вы считаете хорошим позволить городу исчезнуть в интересах сохранения данного принципа и сохранения жизни одного заключенного?

Айви: Политик, при том, что он не знаком с медициной и медицинской этикой не имеет причины принимать решение по этому положению.

Серватиус: Но как политик он должен принимать решение о том, что случится. Он должен принудить доктора провести эксперимент, или должен защитить доктора от гнева многих?

Айви: Вы не можете ответить на этот вопрос. Я должен так сказать, что не существует государства или политика в мире, который принудит меня провести медицинский эксперимент о котором я думаю как морально неоправданным.

Серватиус: Тогда вы, несмотря на приказ, не исполнили бы приказ, и предпочли быть казнённым как мученик?

Айви: Это верно, и я знаю о том, что есть тысячи людей в Соединённых Штатах, которые бы сделали также.

Серватиус: И вы также не верите в то, что в тысячах городов население не убьёт доктора, который окажется в таком положении?

Айви: Мне так не кажется, потому что они не узнают. Как они узнают о том, что у доктора есть вещество или нет? Доктор сам не знает, потому что нужно сначала провести эксперимент.

Серватиус: Свидетель, я представил вам гипотетическое дело. Если мы перейдём к реальности возникнут другие вопросы. Я просто хочу услышать сейчас о вашем общем отношении к данной проблеме. Тогда у вас мнение о том, что доктор не должен исполнять приказ. У вас также мнение о том, что политик не должен отдавать такой приказ?

Айви: Да. Мне кажется, он не должен отдавать такой приказ.

Серватиус: Разве это не чисто политическое решение, которое должно оставаться усмотрением политического руководителя?

Айви: Не обязательно. Он должен постараться получить лучший совет.

Серватиус: Если он проинформирован о том, что один эксперимент на одном заключённом спасёт целый город, он может отдать приказ несмотря на тот факт, что доктор не желает его проводить, вы думали об этом?

Айви: Тогда он может отдать приказ, но если доктор всё ещё верит в то, что это противоречит его моральным обязательствам, тогда доктор не должен исполнять этот приказ.

Серватиус: Это другой вопрос, исполнит он его или нет, но в таких случаях вы считаете допустимым, отдать приказ, так я понимаю то, что вы говорите?

Айви: После получения лучшего совета о предмете.

Серватиус: Тогда он может отдать приказ. Да или нет?

Айви: Да.

.....

Ё. Проведение медицинских экспериментов в качестве замены наказаний

а. Введение

Несколько подсудимых выступали за то, что медицинские эксперименты, предполагаемые преступными, на заключенных концентрационных лагерей являлись оправданными, потому что они заменяли взыскания или наказания ранее применённые к подопытным. Защитник подсудимого Гебхардта выступал за то, что подопытные рассчитывали на полное помилование, так как смертные приговоры были вынесены и поэтому экспериментирование не всегда смертельное, спасало человеческие жизни.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительной речи обвинения

.....

Ещё одна довольно общая защита на которой настаивает защита заключается в том, что подопытные являлись преступниками приговорёнными к смерти, которые, предоставляя себя для эксперимента, должны были получать замену своего приговора на пожизненное заключение в концентрационном лагере. Для тех у кого есть хотя бы малейшие сведения об условиях в концентрационных лагерях и продолжительности жизни среднего заключенного, такая предполагаемая защита принимает характер жуткой шутки. Нам нужно лишь вспомнить замечание сделанное одной из женщин использованных Рашером в награду для своих замёрзших жертв в Дахау, которая, при его вопросе, почему она вызвалась добровольцем для лагерного борделя, ответила: «Лучше полгода в борделе чем полгода в концентрационном лагере» Но недостатки такой ложной защиты гораздо глубже. Концентрационные лагеря не являлись обычным исправительным учреждением, таким которые известны нам в других странах, для содержания лиц осуждённых за преступлениями судами. Главным предназначением концентрационных лагерей было подавление и преследование лиц, которые считались нежелательными нацистским режимом по расовым, политическим и религиозным основаниям. Сотни тысяч жертв помещались в концентрационные лагеря, из-за того, что они просто были евреями, славянами или цыганами, масонами, социал-демократами или коммунистами. Их не осуждали ни за какие правонарушения и не приговаривали судом, даже нацистским судом. Их помещали в заключение на основе «приказов о превентивном заключении» отдаваемых РСХА. Десятки тысяч приговаривались к смерти по одному приказу Гимmlера, который, как выразился Гебхардт «имел власть казнить тысячи людей росчерком пера» Там

были, относительно небольшие группы заключенных которых можно отнести к обычным преступникам. Это были люди которые отбывали свои приговоры в обычной тюрьме и затем были переведены в концентрационные лагеря для дальнейшего отбывания срока. Меморандум от 18 сентября 1942 Тирака²⁸¹, министра юстиции, о разговоре с Гиммлером, говорит нам о судьбе этих несчастных:

«Доставка антисоциальных элементов для исполнения приговора рейхсфюреру СС, для работы до смерти. Лица под превентивным арестом, евреи, цыгане, русские и украинцы, поляки с более чем 3-х летними приговорами, чехи и немцы с более чем 8-ми летними приговорами, в соответствии с решением министра юстиции Рейха» (654-ПС, экз. обв. 562)

Доказательства в данном деле продемонстрировали без сомнения, то, что так называемые преступники приговорённые к смерти весьма редко использовались в экспериментах. Правда заключается в том, что Гиммлер сказал о том, что заключенные приговорённые к смерти должны использоваться в экспериментах с большой высотой в которых длительная работа сердца наблюдалась экспериментаторами после смерти. Он было достаточно щедрым для того, чтобы сказать о том, что если такие лица вернуться к жизни, тогда их бы «помиловали» концентрационным лагерем на всю жизнь. Но даже такая уникальная амнистия не должна была применяться к русским и полякам, которых исключительно использовали для этих экспериментов.

Но, предположив на секунду, что такая предполагаемая защита может являться смягчающим обстоятельством с учётом некоторых обстоятельств, разумеется это неприменимо в данном деле. Следует отметить, что это является подтверждением защиты путём избежания или смягчения. Вообще не имеется доказательств того, что преступники приговорённые к смерти обычным судом могли быть казнены в концентрационном лагере. Такие вопросы находились в рамках юрисдикции министерства юстиции, а не Гиммлера и не СС. Подпытные с которыми мы разбирались были теми, кого Гиммлер мог приговорить «росчерком пера». Если заключенный используемый для экспериментов был приговорён просто за то, что был евреем, поляком или русским или например, совершил половой акт с евреем, то не является ответом на уголовное обвинение говорить, что жертва была обречена на смерть. Экспериментирование на таком лице включает преступление

²⁸¹ Отто Тирак (1889 — 1946) — немецкий нацистский государственный деятель, группенфюрер СА (1942). Президент Народной судебной палаты (1936—1942), министр юстиции Германии (1942—1945). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

его изначально незаконного задержания также как и совершение дополнительного преступления убийством или пыткой. Как было сказано другим трибуналом: «Освобождение от обвинения в преступном убийстве возможно основывать только на доказательстве *bona fide* о том, что подопытный совершил убийство или любое иное юридически признанное тяжкое преступление; и даже при этом, до тех пор пока приговор трибунала с полномочиями предоставленными государству конституцией объявлял о том, что казнь будет осуществлена путём камеры с низким давлением»

В этой связи, можно отметить, что германское право признаёт только три метода казни, а именно, обезглавливание, повешение и расстрел. (Германский уголовный кодекс, часть I, раздел 13; Reichsgesetzblatt, 1933, часть I, стр. 151; Reichsgesetzblatt 1939, часть I, стр. 1457) Более того, не имеется никаких доказательств того, что подопытным были заменены их смертные приговоры на меньшее наказание. Именно, в преступлениях с сульфаниламидом это был эксперимент плюс последующая казнь для по крайней мере шести подопытных.

Так как подсудимые Гебхардт, Фишер и Оберхойзер особо подчёркивают это в предполагаемой защите, я хочу сделать несколько замечаний в этой связи, но следует помнить о том, что они применимы с равной силой к большинству остальных подсудимых. Гебхардт говоря о своих со-подсудимых Фишере и Оберхойзер, придерживается позиции о том, что польские женщины, которых использовали в экспериментах с сульфаниламидом были приговорены к смерти за участие в движении сопротивления и что проходя эксперименты добровольно или иначе, они могли заменить свои смертные приговоры меньшим наказанием, в случае выживания в экспериментах. Это не была сделка заключаемая с подопытными; об их желании по вопросу не спрашивали. Это, по Гебхардту, оставалось на доброй совести того неизвестного, кто должен был следить за тем, чтобы приговоры не исполнялись на выживших в экспериментах. Разумеется Гебхардт, Фишер и Оберхойзер не признали ответственность или даже интерес к этому.

Следует отметить, что доказательства показывают о том, что подопытные которые давали показания трибуналу никогда не являлись такими которых предоставляет процесс; у них вообще не было возможности защитить себя от преступлений, как они говорили. Их просто арестовало и допросило Гестапо в Польше и направило в концентрационный лагерь. Их никогда не информировали о том за, что их выбрали, ни приговорили к смерти. Статья 30 положения о законах и обычаях сухопутной войны, прилагаемого к Гаагской конвенции, в особенности предусматривает, что даже шпион «не должен быть наказан без предшествующего суда»

Геххардт хочет, чтобы трибунал поверил в то, что если бы не эти эксперименты все эти польские девушки были бы мертвы; этим он представил доказательства против самого себя. Не имеется никаких задокументированных доказательств того, что эти женщины были бы казнены если бы не прошли эксперименты. Свидетель Мачка живое доказательство противоположного. Она была арестована за деятельность сопротивления 11 сентября 1941 и доставлена в Равенсбрюк 13 сентября. Она не являлась подопытной при том, что жива и сегодня. Соответственно все польские подопытные прибыли в Равенсбрюк в сентябре 1941. Этих девушек не казнили до августа 1942, когда начались эксперименты. Было почти 700 польских девушек в этом транспорте. Нет никаких доказательств того, что соответствующее число когда-либо казнили при том, что на большинстве из них не экспериментировали.

Доказательства представленные обвинением показывают без сомнения, противоположное, что эти польские женщины не могли быть законно казнены. Право предоставления помилования в случаях смертных приговоров исключительно принадлежало Гитлеру по распоряжению от 1 февраля 1935. 2 мая 1935, Гитлер делегировал право принимать отрицательные решения по прошениям о помиловании министру юстиции Рейха. 30 января 1940, Гитлер делегировал генерал-губернатору оккупированных польских территорий полномочие одобрять или отказывать в помилованиях на оккупированных польских территориях. По эдикту датированному 8 марта 1940, генерал-губернатор оккупированной Польши приказал о том, что –

«Исполнение смертного приговора вынесенного обычным судом, специальным судом или полицейским военно-полевым трибуналом, происходит только после моего решение об отказе в помиловании». (НО-3073, экз. обв. 534)

Таким образом, при том, что мы предположим *arguendo*²⁸², что все подопытные совершили значительные преступления, что они все правильно были подвергнуты судебному разбирательству надлежащим образом сформированного суда, и что они были законно приговорены к смерти, из этих распоряжений всё же ясно, что эти женщины не могли быть законно казнены до такого времени пока генерал-губернатор оккупированных польских территорий не решил в каждом случае не использовать своё право помилования. Не имеется доказательств того, что генерал-губернатор когда-либо распоряжался о помиловании польских женщин использованных в экспериментах, или связи с этим, любое значительное количество

---

²⁸² «Для цели спора» (лат.)

не использовали в экспериментах. Единственной причиной перевозки этих 700 польских женщин из Варшавы и Люблина в Равенсбрюк, в первую очередь, было то, что генерал-губернатор не одобрил их казнь. Иначе они были бы немедленно казнены в Польше. По крайней мере, эти женщины были вправе оставаться неприкосновенными пока генерал-губернатор ничего не предпринимал. Он мог никогда так не действовать, или если сделал, он мог действовать в пользу помилования. Кто скажет, что большинство из этих 700 женщин не выжили бы в войне не пройди они эти эксперименты? Разумеется на защите лежит бремя доказывания противоположного путём предоставления доказательств. Этого нет в ни в каких доказательствах.

Подсудимые Гебхардт, Фишер и Оберхойзер разумеется не могут требовать того, чтобы им поверили в то, что польских женщин могли законно казнить. Даже лагерный доктор, Шидловски, знал о том, что генерал-губернатор должен был одобрять любую казнь. Более того, большое количество из 700 женщин приговорённых к смерти на раннем этапе войны было достаточным для того, чтобы любое разумное лицо заметило, что-либо неладное.

Кроме того, неопровержимые доказательства подтверждают, что выживание в экспериментах вообще не гарантировало избежания казни в любом случае. По крайней мере шесть подопытных были казнены после выживания в экспериментах. Это не являлось вопросом эксперимента или казни, а скорее экспериментов и казни. На самом деле, в феврале 1945, предпринимались усилия казнить всех подопытных, но из-за беспорядков в лагере, из-за военной обстановки, подопытные смогли получить другие идентификационные номера и избежать обнаружения.

Но даже если принять сторону защиты и её ценность, трибунал попросят установить, является ли законным для военных докторов воюющей нации экспериментировать на политических заключенных оккупированной страны, которых приговорили к смерти, экспериментировать на них таким образом, чтобы причинять смерть, муки, издевательства и инвалидность, всё это без их согласия и с целью предоставления помощи военному потенциалу противника. Конечно, не было верной причины для ограничения такого решения гражданскими заключенными; эксперименты разумеется был бы ещё хуже если бы проводились на польских или американских военнопленных. Невозможно серьёзно рассматривать такое жуткое решение ожидаемое защитой.

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительного обзора в защиту подсудимого Карла Брандта

.....

Медицинские эксперименты в качестве замены наказания

Обвинительное заключение очерчивает некие медицинские эксперименты, которые называют военными преступлениям и преступлениями против человечности. В соответствии с параграфами 10 и 15 обвинительного заключения, эти эксперименты обозначены как преступные, как нарушение общих принципов уголовного закона вытекающего из уголовного права всех цивилизованных наций, также как нарушение национальных уголовных законов стран, в которых такие преступления были совершены. Указание на их наказуемый характер было видно в том факте, что эксперименты проводились без согласия лиц, на которых экспериментировали.

Мы должны исследовать, является ли согласие подопытных на эксперименты необходимым всегда и может ли оно быть заменено государственным приказом через уголовно-исполнительную администрацию, и далее, применим ли такой закон к исполнению приговоров в отношении иностранцев. Если согласие, на эксперимент с человеком, лица на котором будут экспериментировать, может быть заменено государственным приказом, тогда ответственное лицо не может быть наказано в тех случаях, когда эксперименты осуществлялись посредством официального исполнения наказания в соответствии с приказом.

Никакие юридические правила в отношении вопроса допустимости медицинских экспериментов не известны в цивилизованных странах. Однако, является фактом то, что такие эксперименты проводились в большей или меньшей степени на памяти человека во всех странах и до сих пор оставались неоспариваемыми. Но с развитием медицинских познаний и современных методов исследований, эксперименты на людях значительно возросли. Сегодня, исследуя, решая проблемы и сталкиваясь с препятствиями, продвигаясь в самые широкие сферы, они рассматриваются абсолютно необходимыми. Соответственно, эксперименты на людях продолжают увеличиваться с прогрессом науки и проблема затронутая данным процессом всегда будет животрепещущей.

Более того, сделана ссылка на мнение вашингтонского анатома, Е.В. Коудри, о необходимости экспериментов на людях в экспериментах по раку (Карл Брандт 50, экз. Карл Брандт 56) и приказ по экспериментам с людьми со стороны британского военного правительства профессору Маккэнси в Вуппертале.

Сведения о таких экспериментах на людях, были, как показывает литература, сначала ограничены медицинскими кругами и заинтересованными официальными властями. Лишь в недавнее время общество осторожно информировали. (Бекер-Фрейзинг 60, экз. Бекер-Фрейзинг 58) Полное инструктирование общества является необходимым только, в случае окончательной дискуссии, о твёрдом суждении про возможные действия исследователя.

Также сделана ссылка на заметную публикацию об эксперименте с малярией на 800 заключенных в Соединённых Штатах, опубликованную в многотиражном журнале «Life» (Карл Брандт 1, экз. Карл Брандт 1). Количество лиц, на которых экспериментировали было даже больше 2000, согласно представленному радиоотчёту.

Постоянные отчёты о таких экспериментах до сих пор встречались без возражений в кругах специалистов, властей, а также самого общества. Из этого можно сделать вывод о том, что они считались принципиально допустимыми и правильными компетентными властями и обществом. Действительно, проводившиеся эксперименты являются зеркалом существующих законов и можно путём социологического исследования установить нормы закона имеющие верность. Так делается там, где право не кодифицировано. Таким же образом, Международный Военный Трибунал изменил действующее международное право на основе своего феномена и такая же процедура привела к определению общего права. Постольку поскольку в Соединённых Штатах существует позитивное регулирование, которое противоречит праву вытекающему из данного феномена, эти юридические правила должны быть созданы или же к выводам которые можно сделать из экспериментов следует относиться как говорящим в пользу подсудимого в силу действующего права и выражения фундаментальных принципов наказания.

Защита в нынешней ситуации крайне ограничена литературой для рассмотрения и объяснения этих юридически важных аспектов дела. Однако, то небольшое, что доступно, уже раскрывает, что следует прийти к выводу о том, что медицинские эксперименты на людях являются не только принципиально допустимыми, но кроме того, что они также не нарушают основополагающих принципов уголовного права цивилизованных наций о проведении экспериментов на осуждённых.

Сегодня вопрос не заключается в том можно ли проводить эксперименты на людях, при каких обстоятельствах и как. Более того, само обвинение заявляет о том, что эксперименты на людях принципиально допустимы.

Здесь нет намерения вдаваться в эксперименты, которые проводились на здоровых и больных в *corpus vile*²⁸³ во время, когда современные исследования находились в младенчестве и без участия государственной власти. Взгляд на эти времена можно получить из книги русского врача Вересаева²⁸⁴ «Признание врача» (Карл Брандт 48, экз. Карл Брандт 55), опубликованной в 1900. Книга раскрывает некоторые эксперименты, которые были известны медицинским экспертам и следует то, что правительства не вмешивались, но были заинтересованы в медицинском прогрессе, которому способствовали эти эксперименты, не пытаясь защитить отдельное лицо в качестве подопытного. Государства тогда также рассматривали такие эксперименты совместимыми с уголовным законом или же смирялись с маскировкой «добровольности» лица на котором экспериментировали, что было привычным с точки зрения закона. Никакого правительственного вмешательства не последовало в результате таких медицинских экспериментов.

С развитием управления здравоохранением, правительственный надзор возрос во всех странах и можно считать, что всё, что признавалось в медицинском эксперименте с согласия администрации и без сопротивления, это осадок существовавшего права. Это правда в частности к недавним временам, в которых возросло правительственное руководство.

Особое внимание следует уделить здесь экспериментам в государственных институтах на осуждённых и тех кто был приговорён к смерти.

.....

Фрагменты из заключительной речи в защиту подсудимого Гебхардта

.....

Согласие подопытных лиц в качестве оправдания

Сейчас я разберусь с индивидуальными причинами для исключения несправедливости и виновности, которые согласно итоговым доказательствам предрешают виновное поведение подсудимого. Соответственно я рассмотрю предположение о единственных причинах по освобождению от наказания, которые сейчас являются достаточными для оправдания поведения подсудимого и освобождения его от правонарушения, в смысле личной ответственности из-за

²⁸³ Латинское выражение означающее дешёвый организм для экспериментов.

²⁸⁴ Викентий Викентьевич Вересаев (1867-1945) — русский писатель и переводчик, литературовед.

своего поручения или упущения. Индивидуальные причины для исключения виновности, обсуждались, не принимая во внимание исследование того, являются ли дальнейшие схожие причины излишними, так как предположение об иной причине для исключения виновности достаточно для обеспечения запланированного успеха. Доказательства подтверждают, что эксперименты по тестированию сульфаниламида проводились, вначале, на пятнадцати профессиональных мужчинах-преступниках, которых приговорили к смерти. Выживи они в экспериментах они бы получили помилование. Учитывая, то, что данная часть эксперимента не является предметом обвинительного заключения, я не вдаюсь в подробности о ней.

Вторая и третья группы (экспериментов с сульфаниламидом) относились к подопытным, членам польского движения сопротивления, которые в виду своей деятельности в этом нелегальном движении, были приговорены к смерти германским военно-полевым судом.

Является принципом германского уголовного права, то, что в любом случае согласие нарушителя предрешает незаконность его деяния. Данный принцип имеется не только в германском праве, но также установлен практически во всех правовых системах. Соответственно, мы должны исследовать вопрос о том, давали ли своё согласие подопытные. Исследуя вопрос, можно ли было дать законное действующее согласие, не является важным объявляли ли подопытные о своём согласии. Однако, если применять общепризнанные принципы, можно предположить, что они выразили своё согласие неким очевидным образом. Ясно, что это согласие могло также быть дано молчаливо и путём конклюдентных действий²⁸⁵.

Однако, правда в том, что все женщины дававшие показания в суде сказали о том, что не давали своего согласия на эксперименты. Трибунал, оценивая эти факты, должен учитывать, что свидетели находились тогда, также как и сегодня, в особом положении. Существует причина, что в таких обстоятельствах многие вещи выглядят по-другому сегодня, чем они были на самом деле пять лет назад. Может быть правдой, что подопытные не давали своего действительного согласия на эти эксперименты. Может быть правдой, что их не спрашивали перед экспериментами согласны ли они на эксперименты. Несмотря на это, этим не исключается возможность того, что они, учитывая тогда своё положение и будучи

---

²⁸⁵ Конклюдентные действия (от лат. *concludo* — заключаю, делаю вывод) — это действия лица, которые показывают своим поведением желание вступить в определенные правоотношения (например, совершить сделку), но не в форме устного или письменного волеизъявления, а поведением, по которому можно сделать заключение о таком намерении (лицо не производит никаких волеизъявлений, ни устно, ни в письменной форме, а выводы о нём и его намерениях можно сделать лишь по его поступкам)

не способны избежать казни каким-либо иным путём, дали молчаливое согласие на эксперименты. Такое предположение совпадает с тем фактом, что, например, никто из подопытных никогда не жаловался и не упоминал подсудимому Фишеру, который регулярно менял повязки, то, что они не давали согласия на эксперименты.

Предполагаемое согласие подопытных в качестве юридического оправдания

Незаконность деяния исключается не только если потерпевший согласился как действительно, так и молчаливо, но и если согласие было возможно. Есть случаи в которых согласие потерпевшего естественно ожидается, но по той или причине действительности не даётся. Множественные попытки предпринимались в юридической литературе и также в судебных решениях для отправления правосудия в такой ситуации, которая так часто происходит на практике. Ни одну из этих теорий не требуется обсуждать, так как решающие точки зрения были разъяснены. Первая попытка была сделана для урегулирования данного вопроса, применив право относящееся к действию от имени другого лица. Серьёзные возражения заявлялись против такого переноса концепций гражданского права в уголовное право. Уголовная идея согласия должна быть расширена вместо включения так называемого предполагаемого согласия. Я понимаю под этим объективное судебное решение основанное на вероятностях, а именно, то, что заинтересованное лицо дало бы своё согласие на действие с личной точки зрения если бы полностью знало и осознавало ситуацию. Всегда, когда выносится такой приговор, у него есть такое же влияние на юридический вывод о подлинном согласии.

Однако, другие суды и учёные имеют свои причины для оправдания «действия в пользу потерпевшего лица...». Если смотреть правильно, в этом не видно никакого подлинного противоречия предполагаемому комментарию. Напротив, наверное можно сказать, что это можно считать в качестве независимой аргументации для оправдания.

В современной литературе и судебной практике, преобладает тенденция о сочетании двух последних упомянутых точек зрения требуемых кумулятивно. Однако, непонятно, почему такое одновременное существование двух аргументов по оправданию требуется, при том, когда каждый аргумент сам по себе является решающим.

Хорошо известный преподаватель уголовного права в Германии заявил о следующей концепции этой идеи: «При несогласии потерпевшего лица, действия от его имени и в его пользу следует считать законными если его согласие ожидалось исходя из объективной предпосылки. Первостепенным оправдывающим аргументом

является здесь не то, что потерпевший лишается права решать, а в том, что положительное действие было предпринято в его пользу».

Практический результат, несмотря на теоретические возражения заявляемые против такого сочетания, вряд ли отличается. Так как «объективный судебный приговор основывается на вероятностях», здесь применимо то, что является решающим и называется так называемым предполагаемым согласием, которое регулярно возникает при действии в определенных обстоятельствах в «пользу потерпевшего лица»

Применив эти общие принципы к экспериментам с сульфаниламидом, вряд ли есть какое-либо сомнение в том, что подопытные согласились бы на них если бы полностью осознавали своё положение. Подопытных уже приговорили к смерти и их участие в этих экспериментах являлось единственной возможностью избежать казни. Если трибунал сейчас попытается оценить вероятность того, что подопытные согласились бы на прохождение этих экспериментов если бы имели полные сведения о положении и верности своей окончательной казни, то по моему мнению остаётся очень мало сомнения, что касается результата такого исследования.

Как не может быть двух мнений по вопросу о том какие обстоятельства преобладали тогда, использование заключенных для этих экспериментов было «в интересах раненых».

Доказательства показывают, что остальные члены польского движения сопротивления, которых приговорил к смерти военно-полевой суд и которые находились в концентрационном лагере Равенсбрюк ожидали утверждения вердикта, которое давалось генерал-губернатором оккупированных польских территорий, действительно были расстреляны после сложной и длительной процедуры. Их участие в этих медицинских экспериментах было единственным шансом для осужденных сохранить свои жизни. Их участие в этих экспериментах было не только в их интересах, но также казалось несовместимым с тем, что заключенные, будь они полностью осведомлены о своём положении и грядущей казни, не дали бы своего согласия на эксперименты.

.....

Ошибочное заблуждение подсудимого о согласии подопытных

Доказательства показывают, что подопытные в лагере Равенсбрюк не отбирались подсудимым Карлом Гебхардтом, как и никем из остальных подсудимых, но отбор производился компетентным ведомством в рамках главного

управления безопасности Рейха в Берлине или политическим отделом концентрационного лагеря Равенсбрюк. Во время совещания в начале 1942, на котором были согласованы условия экспериментов, прямо гарантировалось, что подопытные будут лицами приговорёнными к смерти, которых бы помиловали если бы они выжили в экспериментах.

В виду того факта, что подсудимый Гебхардт сам не выбирал подопытных и того, что с другой стороны, ему не сообщалось ни о каких жалобах со стороны подопытных – подсудимый Фишер также не мог сделать никаких личных наблюдений в этих чертах – теперь мы должны исследовать вопрос о правовом положении подсудимого Гебхардта если он ошибочно предполагал о согласии подопытных.

В уголовном законе существует общепризнанный принцип о том, что не может быть вопроса об умышленном деянии если существовало ошибочное предположение, оправдывающее факты. Этот принцип можно также найти в статье 59 германского уголовного кодекса. Но помимо этого, этот юридический принцип можно считать одним из принципов применимых повсеместно и который вытекает из общих принципов уголовного права всех цивилизованных наций, таким образом, представляя неотъемлемую часть нашей современной концепции уголовного права. Применяя данный принцип – и даже если суд не считает согласие подопытных доказанным и следовательно, не имеет предпосылок для юридического оправдания по объективным причинам – мы всё же не можем предполагать умышленное деяние со стороны подсудимого Гебхардта если он действовал согласно «ошибочному предположению о согласии подопытных».

Ошибочное предположение о вероятном согласии

То же самое применимо если подсудимый Гебхардт ошибочно предполагал о вероятном согласии подопытных. Здесь мы не имеем в виду, ошибочное предположение в отношении юридических предположений таких как это, а об ошибочном предположении, о таких фактах, которые, существуй они, заставили бы трибунал признать «вероятное согласие». Я сошлюсь здесь на свою аргументацию о юридическом оправдании представленную «вероятным согласием», под которым я понимаю «объективное мнение о законе, основанном на вероятности, согласно которому заинтересованное лицо согласилось бы действовать согласно своей собственной точки зрения, если бы полностью осознавало обстоятельства». Предусмотрев, что подсудимый доктор Гебхардт признавал существование таких обстоятельств, которые казались соответствующими доказательствам, даже если делал

так ошибочно, умысел и таким образом преступление в данном случае также исключаются в соответствии с общепризнанным принципом.

г. Документы и показания

.....

Фрагмент допроса подсудимого Мруговски защитой

.....

Флеминг: Вам известно о том, что генерал Тейлор в своей вступительной речи, сказал о том, что эксперимент с аконитином не проводился для того, чтобы найти антидот аконитина, а для того, чтобы установить сколько займёт убийство человека таким способом.

Мруговски: Это не был эксперимент в действительном смысле слова. Это была законная казнь пяти воров, и следовало установить отдельные факты в ходе этой казни. Подробности являются следующими: однажды химик из управления криминальной полиции Рейха, доктор Виттман, пришёл ко мне. Он попросил меня поприсутствовать на казне в качестве официального доктора. Что касалось причины такой просьбы он добавил, что в Генерал-губернаторстве в Польше высокопоставленный чиновник был ранен после нападения с использованием револьвера; что пуля причинила безобидную рану, но несмотря на это лицо умерло спустя несколько часов с симптомами отравления. Лицо которое напало на него было арестовано, и остальные боеприпасы были полыми шариками, которые содержали кристаллизованный яд. Химический институт управления криминальной полиции Рейха протестировал его и обнаружил, что это был аконитин. Боеприпасы имели русское происхождение. В Германии нет аконитина; он был ввезён. Вопрос заключался в том, являлось ли это первым случаем начала химической войны против Германии. Мы ожидали, такого способа войны некоторое время. По этой причине существовал не только уголовный интерес в выяснении данного случая, но и общий интерес величайшей важности. Эти боеприпасы должны были быть протестированы на пяти ворах, которых всё равно бы казнили, и следовало понять содержал ли этот кристаллизованный яд иной яд, который не был обнаружен при химических тестах. Должны были использоваться оставшиеся русские боеприпасы, а также германские боеприпасы, которые имитировали русские. В то же время – и это являлось основной задачей эксперимента – необходимо было установить,

сколько времени проходит между ранением и проявлением симптомов отравления, для того, чтобы, при необходимости, было возможно создать антидот. Этот вопрос имел такое большое значение, потому что антидот аконитина вряд ли известен, и если это было настоящее начало химической войны, тогда необходимо было немедленно предпринять усилия для поиска антидота. Поэтому, глава управления криминальной полиции Рейха попросил меня, и начальник технико-криминалистического отдела тоже попросил меня, лично участвовать в казни, хотя это и не являлось моей работой; но доктор Виттман сказал о том, что он не знает ни одного токсиколога в Берлине за исключением одного; все они были призваны, и как у бактериолога у меня имелся некоторый опыт в симптомах отравления связанных с бактериями и поэтому он попросил меня принять такую работу. Я довольно неохотно пошёл на это. Я отметил доктору Виттману, что полиция порядка в Вене имела фармаколога, который был очень опытным и я предложил, чтобы его вызвали; но этого не было сделано, из-за плохой связи вызванной воздушной войной. Так как, с другой стороны, вопрос являлся несомненно важным и не мог терпеть отлагательств, я заявил о готовности выполнить эту просьбу. В соответствии с задачей этой работы, я подготовил не только обычный отчёт, а довольно подробный отчёт о симптомах отравления. Это тот, отчёт который представило обвинение.

Флеминг: Вы сказали, что эти захваченные боеприпасы были русского производства. Чем это подтверждалось?

Мруговски: Обвинение само подтверждает это. К этому документу НО-201, экземпляр обвинения 290, прилагаются некоторые материалы, которые не включались в мой отчёт. Есть три рисунка поперечного сечения этих пуль, которые были подготовлены и переданы в институт. Заголовок «Отравляющая пуля из русского пистолета, калибр 7.65» и подробности конструкции пули.

Флеминг: Вы говорите, что эта фотокопия рисунков пули не являлась частью вашего отчёта. Откуда это видно? Вы сравните штампы в дневнике?

Мруговски: Отчёт который я передал, датирован 12 сентября 1944, и затем на следующий день он был получен технико-криминалистическим отделом и входящий штамп имеет номер «секретно 53». Однако, рисунки, имеют другой секретный регистрационный номер, то есть 15-1944. Если номер g-53 был в сентябре, тогда, даже если предположить, что рассылка писем занимает год, я предполагаю, что управление криминальной полиции Рейха получило эти рисунки в марте того же года. Тогда я ничего не знал о нападении, и эксперимент ещё не начинался. Как я и не знал ни о каких подробностях возможности такой химической войны.

Флеминг: Кто присутствовал при казне?

Мруговски: Доктор Динг, который находился в Берлине, и кого я взял с собой для поддержки своих наблюдений; он был тем кто проводил медицинский осмотр. Я сам, просто, убедился в наступлении смерти. Также доктор Виттман, представляющий технико-криминалистический институт; также представитель коменданта лагеря, мне кажется адъютант; и унтерштурмфюрер, который осуществлял казнь, то есть, стрелял в людей. Возможно, что были и другие, которых я не помню и чьих имен не знаю.

Флеминг: Вы как-либо исследовали, кто был людьми которых должны были казнить, и то какой суд приговорил их к смерти?

Мруговски: Я поговорил с людьми; они понимали немецкий; они видимо были немцами. Я считал, что они фольксдойче, которых тогда было много в Германии. С другой стороны, я знал о том, что в концентрационных лагерях исполнялись казни, и мне сказали о том, что это был официальный вопрос и что должен был присутствовать официальный представитель коменданта лагеря. Тот факт, что такой представитель присутствовал при казни был достаточным для меня, чтобы предполагать, что это официальное дело, и с другой стороны, у меня не было возможности получить информацию о приговоре или чём-либо подобном.

Флеминг: Значит вы не видели смертного приговора перед тем как он был исполнен?

Мруговски: Нет. У меня не было возможности, потому что доктора просто вызывают на казнь для констатации смерти, но я убеждён в том, что у меня не было обязанности изучать приговор, так как я не имел никакого отношения к самой казни. Приказ был отдан представителем коменданта лагеря; тот кто относился к коменданту лагеря стрелял в людей, я был там, для того, что констатировать смерть и зафиксировать симптомы отравления, но доктор Динг сделал это за меня. Официальная информация от вышестоящего руководства являлась для меня достаточным подтверждением законности казни.

Флеминг: В случае двух из пяти воров, яд не подействовал. Вы видели страдания остальных троих от яда; почему вы не укоротили страдания?

Мруговски: Наблюдение этой казни было одним из самых ужасных опытов в моей жизни. С другой стороны, я не мог сократить симптомы, в первую очередь, потому что не было антидота против аконитина. Если он попал в кровеносную систему, тогда нет способа устранить его. Во-вторых, непосредственной задачей было установить сколько длится симптомы отравления для того, чтобы в последующих случаях можно было использовать антидот, который как надеялись скоро появится.

Флеминг: Вам известно о том, что казни в Германии можно было проводить только путём расстрела, повешения или обезглавливания, и у вас не было никаких сомнений, когда казнь исполнялась другим способом?

Мруговски: Я не юрист; я не знаю о методах казни. С другой стороны, я уже сказал о том, что по моему мнению само государство имеет право определять метод смерти для своих граждан во время войны и без сомнения имеет право определять метод казни. Здесь возникло подозрение о том, что химическая война начнётся против Германии. Это казалось поддерживалось обнаружением русских отравляющих боеприпасов. Так как расследование проводилось высшими властями Рейха, я не сомневался в юридической допустимости на которую, я, как доктор, не имел влияния.

Председательствующий: Свидетель, в этих людей стреляли более чем одной пулей или по одной пулей в каждого?

Мруговски: В каждого стреляли один раз в бедро; двух из них сразу же убили ещё одним выстрелом, потому что первый выстрел с отравляющим боеприпасом попал в артерию и их страдания немедленно прекратили; но у остальных были только повреждения ткани и спустя некоторый промежуток времени, появились симптомы отравления; это были трое человек.

Флеминг: Вы имели ещё какое-либо отношение к предыдущей истории этой казни?

Мруговски: Нет.

.....

Фрагмент допроса эксперта, доктора Эндрю С. Айви защитой

.....

Серватиус: Господин председатель, я хочу попросить вашего разрешения предъявить свидетелю небольшую газетную заметку из газеты «The People» от 3 марта 1946. Это английская газета. Про подсудимых МВТ, говорилось следующее: «По мнению некоторых людей их скоро осудят» Затем говорится: «Остальным кажется, что их должны заставить искупить свои преступления помогая лечить рак, лепру и туберкулёз в качестве подопытных»

Здесь есть мысль о расплате?

Айви: Да, но она выражена в истерической форме.

Серватиус: Да. Я согласен с вами.

Свидетель, вам не кажется, что если лицо не вызывается добровольцем для эксперимента, государство может приказать о такой расплате?

Айви: Нет.

Серватиус: Вам не кажется, что вы можете ожидать нечто от заключенного, что выходит за рамки его обычного приговора если в то же время люди вне тюрьмы подвержены такому бедствию?

Айви: Нет. Эти идеи отвергнуты многими годами науки и изучением наказаний. Основной целью наказания сегодня является исправление, не наказание, не искупление.

Серватиус: Свидетель, это является признанной теорией наказаний во всём мире сегодня?

Айви: Может быть это не признанная теория во всём мире, но это преобладающая теория в Соединённых Штатах. Есть ещё один аспект, который является довольно большим и существенным и заключается в том, что защитным аспектом заключения является защита общества от рецидива.

Серватиус: Свидетель, если солдат на фронте подвергается эпидемии и почти наверняка он заразится тифом и дезертирует и спрячется за защитными стенами тюрьмы, вы не посчитаете оправданным если его убедят быть добровольцем для эксперимента касающегося самого тифа?

Айви: Вы прочтёте вопрос снова?

Серватиус: Если солдат дезертирует с фронта на котором бушует тиф из страха, того, что он тоже заразится тифом и предпочитает быть заключённым для того, чтобы спасти себя, вы не думаете, что правильным будет убедить его, пока он отбывает свой срок пройти эксперимент с тифом?

Айви: В качестве добровольца? Да.

Серватиус: Я понимаю. И вы не предпримете дальнейший шаг, если этот заключённый скажет: «Нет, я отказываюсь, потому что если я сделаю это, то не будет никакого смысла в моём дезертирстве; я дезертировал для того, чтобы спасти себя. Мои друзья могут умереть, но я предпочту не умирать».

Айви: Ответ на этот вопрос нет.

Серватиус: Вы не признаёте, что можно иметь другой взгляд на данный предмет?

Айви: Да, но мне не кажется, что это будет оправданным.

.....

Ж. Польза экспериментов

а. Введение

Как путём показаний так и аргументацией защита заявляла о том, что медицинские эксперименты в целом являлись полезными для развития медицинской науки, что в некоторых случаях эксперименты предполагаемые преступными ускорили прогресс медицинской науки и что в некоторых случаях не имелось никакой другой альтернативы развитию медицинской науки кроме проведения экспериментов на людях. Обвинение, кроме доказывания о том, что добровольное участие подопытного являлось предпосылкой законных экспериментов, выступало за то, что эксперименты оказались совершенно бесполезными для медицинской науки и прогресса человечества, и что в некоторых случаях было сомнительно, играли ли соображения медицинской науки какую-либо контролирующую роль в решении о проведении экспериментов.

б. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Бекер-Фрейзинга

.....

Сейчас я рассмотрю один фактор, который прежде всего должен быть материальным. Стоит следующий вопрос: всё ли было сделано, когда планировались эксперименты с морской водой, для подготовки всех данных, требуемых для установления необходимости экспериментов? И я думаю я могу чётко ответить на данный вопрос утвердительно.

Защита подтвердила высокое чувство ответственности применимое к изучению необходимости экспериментов с морской водой. Учёные с международной репутацией, такие как профессор, доктор Эппингер и профессор Хюбнер, консультировали, и они чётко ответили на вопрос утвердительно. Большого нельзя было ожидать или требовать от чувства ответственности. По моему мнению, лишь тот факт, что у этих учёных спрашивали их мнение при постановке вопросов, показывает, что было сделано всё со стороны начальника медицинской службы Люфтваффе и его ведомства для достижения правильного решения в данном вопросе.

В отношении чисто объективного суждения об экспериментах с морской водой и их необходимости, я хочу сослаться на заявления сделанные в моём заключительном обзоре для доктора Бекер-Фрейзинга.

Однако, на этом месте, я хочу добавить следующее: обвинение пытается представить, что задачей этих экспериментов с морской водой было решить, устраняет ли беркатит соль из морской воды. Такое утверждение обвинения не подтверждается никоим образом. Я должен снова подчеркнуть, наиболее категорически, что это никогда не являлось целью экспериментов с морской водой.

Все заинтересованные люди осознавали, что беркатит не устраняет соль из морской воды. Вопрос который должен был быть выяснен и который обусловил эксперименты скорее был следующим: под действием витаминов содержащихся в беркатите, смогут ли почки вырабатывать мочу с повышенной концентрацией хлорида натрия нежели обычно? Доктор Эппингер ответил на этот вопрос ни утвердительно, ни отрицательно; он заявил о том, что этот вопрос можно решить только путём эксперимента.

Кроме того, существовал другой вопрос, который следовало решить, как то, было бы желательными в случае крушения преодолевать жажду или рекомендовать потерпевшим бедствие лётчикам пить небольшое количество морской воды. В 1942-1944 данный вопрос также поднимался в Соединённых Штатах и Англии и там, также, проводились эксперименты на людях. Но все эти индивидуальные вопросы являются лишь частью великого вопроса о том как можно помочь лицам потерпевшим крушение избежать агонии и опасности смерти от жажды. Эти вопросы являлись основой экспериментов проводимых в 1944. По моему мнению недопустимо произвольно сегодня выстраивать иной вопрос и утверждать, на основе такого вопроса, который никогда не существовал, что эти эксперименты не были необходимы. Эти медицинские вопросы сами по себе обуславливали эксперименты. Были также и другие вопросы, на которые я хочу кратко сослаться.

До 1944 миру не хватало агента, делающего морскую воду пресной. Такой агент являлся абсолютной необходимостью. Никто даже не отрицал, что вофатит, разработанный подсудимым Шефером, был бы идеальным агентом для этой цели. Однако, одинаково ясно, что данный агент можно было производить забирая необходимое сырьё, а именно серебро, у других военных нужд.

Более того, не отрицается, что беркатит не требовал критического сырья в такой же мере. Ещё одним обстоятельством, которое следует рассмотреть было то, что беркатит можно было производить на существующих заводах, при том, что для производства вофатита требовалось строить новые заводы. Соответственно, эти технические причины были в пользу беркатита. Вряд ли можно отрицать, что для сознательного медицинского офицера было необходимо учитывать эти причины,

принимая решение. Между тем, эксперт обвинения, профессор Айви, также заявил о том, что эти причины определенно имели значение.

Соответственно следовало установить, мог ли в конце концов беркатит, быть введен для приёма людьми столкнувшимися с риском крушения и изучение данного вопроса было ещё необходимее, согласно мнению профессора Эппингера и профессора Хюбнера, беркатит видимо содержал витамины, которые устраняли риск причиняемый людям при употреблении морской воды. Было ли правильным мнение экспертов, Хюбнера и Эппингера, тогда, также как и сегодня, можно было установить только экспериментом.

Поэтому если подсудимый доктор Бекер-Фрейзинг, который изучил все эти факторы и применил все меры предосторожности, стал убеждён в 1944 в том, что экспериментов не избежать, и если с этой точки зрения в своём качестве консультанта, он доложил тогда вышестоящему руководству, профессору, доктору Шрёдеру, тогда по моему мнению, он никоим образом не может обвиняться из-за этого согласно уголовному закону.

Следовательно, по моему мнению, подтверждается то, что доктор Бекер-Фрейзинг рассматривал эти эксперименты необходимыми и он был вправе учитывать их необходимость. И только этот вопрос может создать основу для изучения его виновности согласно уголовному закону.

В связи с данным положением, я хочу в заключение сослаться на показания профессора, доктора Вольхардта. Этот всемирно известный врач, исследователь, признанный таким в международных кругах, лишь несколько недель назад, по случаю своего 75-ти летия, был удостоен высшей награды германской науки, а именно медали Гёте в искусстве и науке, на церемонии в которой присутствовали почти все европейские страны, также Америка, заявил высокому трибуналу, и я цитирую:

«Я отношусь к этому как знаку в смысле ответственности за то, что в виду возросших лётных инцидентов, вопрос морской чрезвычайной ситуации был поднят и были начаты эти эксперименты»

Постольку, я считаю подтвержденным то, что планирование этих экспериментов никоим образом не являлось спорным.

.....

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Бейгельбека

.....

Даже медицинская наука с обеих сторон должна помогать войне. Передо мной есть перечень из наиболее известных английских журналов периода войны «The Lancet²⁸⁶» и «Nature²⁸⁷». Сейчас после войны, генерал Т.Дж. Беттс²⁸⁸ из военного департамента Соединённых Штатов и профессор В.Т. Синстет из британского управления снабжения объявили о том, что захваченные немецкие научные результаты выполненные за годы войны являются величайшей пользой для экономического прогресса британской и американской промышленности. Даже ужасные эксперименты с обморожением доктора Рашера подтвердили величайшую пользу для Америки в войне против Японии. (Бекер-Фрейзинг 31, экз. Бекер-Фрейзинг 18)

в. Документы и показания

Документ Бекер-Фрейзинг 31
Экземпляр защиты Бекер-Фрейзинга 18

Фрагменты из журнала «Harper`s²⁸⁹» под названием «Секреты тысяч» С. Лестера Уокера

Кто-то недавно написал на авиабазу Райт²⁹⁰, сказав, что как он понял эта страна получила обширную коллекцию вражеских военных тайн, о том, что многие из них в публичной продаже, и можно ли, направить ему всё, что есть о немецких реактивных двигателях. Отдел авиационной документации воздушных сил армии ответил: «Извините – но здесь пятьдесят тонн».

Более того, эти пятьдесят тонн лишь небольшая часть того, что сегодня несомненно является крупнейшим собранием вражеских военных тайн из всех. Если вы всегда думали о военных тайнах – а кто не думал – как о поступающих обрывках,

²⁸⁶ «The Lancet» — еженедельный рецензируемый общий медицинский журнал. Один из наиболее известных, старых и самых авторитетных общих журналов по медицине. Издаётся с 1823.

²⁸⁷ «Nature» (в переводе с англ. — «Природа») — один из самых старых и авторитетных общенаучных журналов. Публикует исследования, посвящённые широкому кругу вопросов, в основном естественно-научной тематики. Издаётся с 1869.

²⁸⁸ Томас Беттс (1894-1977) — бригадный генерал армии США. В 1943-1945 заместитель начальника разведки экспедиционных войск США в Европе.

²⁸⁹ «Харперс Мэгэзин» (англ. Harper's Magazine) — американский ежемесячный журнал о литературе, политике, культуре, экономике и искусстве. Издаётся с 1850 года.

²⁹⁰ Авиабаза Райт-Паттерсон — база ВВС США к востоку от Дайтоны, Огайо. В 1940 на базе был организован центр технической информации на который доставлялась захваченная техника.

как о небольших фрагментах информации передаваемой заинтересованным властям, вам будет интересно узнать о том, что военные тайны в этом собрании насчитывают тысячи, что массив документов грандиозен, и что ранее не было ничего, чтобы сравнилось с ним.

.....

Один вашингтонский чиновник назвал его «величайшим единым источником такого типа материалов в мире – первой образцовой эксплуатацией мысли всей страны»

Возвращаясь к собранию, вначале, однажды в 1944, объединённые начальники штабов союзников организовали колоссальные поиски военных тайн на оккупированной немецкой территории. Они создали группу так называемых военно-гражданских команд, названную объединённый комитет по разведывательным задачам, который должен был следовать за наступающими армиями по Германии и выявлять все её военные, научные и промышленные тайны для использования в войне против Японии. Эти команды борясь со временем должны были получить наиболее жизненно важную информацию до её уничтожения и получая с изобретательностью и упорством гения.

.....

III

В вопросах продовольствия, медицины и отраслей военных наук, выводы поисковых команд являются не менее впечатляющими. И в авиации и управляемых ракетах они оказались совершенно тревожными.

.....

«Что касается медицинских секретов в этой коллекции», один армейский хирург заметил: «Некоторые из них сэкономят американской медицине годы исследований; некоторые из них являются революционными, например, немецкая техника лечения после продолжительного и обычно смертельного воздействия холода».

Это открытие – о котором сообщил нам уже упоминавшийся майор Александр – переворачивает всю медицинскую науку о данном предмете. Во всех

ужасных экспериментах, по большей части подопытные были успешно реанимированы, как временно так и постоянно, путём непосредственного воздействия горячей воды. В двух случаях полной остановки сердца и прекращения дыхания, горячая ванна при 122° вернула к жизни подопытных. До завершения нашей войны с Японией, этот метод был принят для лечения всеми американскими службами спасения на море, и он в целом принят медициной и сегодня.

Фрагмент допроса подсудимого Мруговски защитой

.....

Флеминг: Далее я представляю отрывок из показаний генераларцта, доктора Шрайбера которые он дал 26 августа 1946 Международному Военному Трибуналу. Они находятся в стенограмме Международного Военного Трибунала от этой даты. Это документ Мруговски 27. Я приобщаю его как экземпляр Мруговски 45. Отвечая на вопрос: «Какую научную ценность имели эксперименты специалиста Динга?» Генераларцт, доктор Шрайбер ответил: «По моему мнению они вообще не имели научной ценности, потому что во время войны мы получили много опыта и собрали много данных в этой сфере. Мы внимательно изучили состав и качества нашей вакцины и уже не требовалось никаких подобных тестов. Многие вакцины изучаемые Дингом больше не использовались и от них отказались.

Вы определите свою позицию по данному заявлению?

Мруговски: Я не знаю о том, как Шрайбер мог выразить такое мнение, как и не знаю имел ли он полные сведения о результатах этой работы. Я никогда не обсуждал с ним этот вопрос и поэтому я не могу с этим разобраться. Однако, совершенно ясно, что Шрайбер говорил о последующем периоде времени, так как вакцины которые больше не производились, не производились, потому что эксперименты Динга подтвердили их более низкое качество. Эпидемиологическое исследование различных вакцин во время войны возникло лишь в последующий период, в частности в 1943 и 1944. Эксплуатация этого опыта возникла лишь в последние годы войны и поэтому, по моему мнению показания Шрайбера неправильные.

Флеминг: Я прерву вас и покажу вам экземпляр Хандлозер 14. Здесь мы касаемся отрывка научного тезиса гехаймрата Отто. Вам известен гехаймрат Отто?

Мруговски: Да, мне известен гехаймрат Отто. Он, возможно, является лучшим экспертом по тифу не только в Германии, но и в Европе, который занимается тифом всю свою жизнь.

Флеминг: Из этого отрывка вы увидите, что гехаймрат Отто говорил ещё в 1943:

«При том, что эффективность вакцин из вшей уже масштабно тестировалась в Польше, Эфиопии и Китае и вакцина доказала свою ценность, всё ещё требуется получить обширный практический опыт с вакцинами лёгких и мембранной перегородки. При экспериментах на животных они доказали одинаковую ценность как и предыдущая»

Мруговски: Профессор Отто далее говорит, что даже в 1943 году вакцина мембранной перегородки и вакцины из лёгких животных были недостаточно известны. Это подтверждается тем о чём я уже давал показания отвечая на заявление доктора Шрайбера.

Флеминг: Свидетель Бернард Шмидт, которого допрашивали здесь, заявил о том, что эксперименты на людях были лишними для цели тестирования вакцин и что ценность отдельных вакцин тифа можно было установить эпидемиологическим путём. Каково ваше мнение в этой связи?

Мруговски: У меня такое же мнение. По моему мнению эти тесты можно было проводить эпидемиологическим способом. Я представлял такую точку зрения Гравицу и Гиммлеру с самого начала.

Флеминг: Вчера вы заявили о том, что тестируя данный вопрос эпидемиологическим путём, следовало вакцинировать большое количество лиц и сравнить с большим количеством лиц которых не вакцинировали. Такой эксперимент был бы возможен с учётом обстоятельств преобладавших во время войны?

Мруговски: Такой тест был бы возможен. Он действительно вводился мной в рамках моего ведомства. Однако, само собой разумеется, что результаты можно было собрать только очень поздно и также интерпретировать их. В случае всего эксперимента мы затрагивали длительный промежуток времени.

Флеминг: При проведении такого исследования можно установить, что у одной вакцины есть очень малая эффективность, как было установлено в случае вакцины «Беринг». В таком случае скажите ли вы, что смертность вакцинированных лиц от вакцины более низкого качества была бы больше чем при всех смертях произошедших в Бухенвальде? Вам известно заявление о цифрах смертей колеблющихся между 100 и 120.

Мруговски: Можно с уверенностью это предполагать. Сравнение является способом которым проводятся все тесты в данной сфере. Я приведу вам несколько примеров этого. Когда Эмиль фон Беринг в 1890 году открыл сыворотку дифтерии, она была впервые применена в берлинской Шарите в случае заболевших дифтерией детей. Он лечил около 1200 детей страдавших от дифтерии этой сывороткой. Он зарегистрировал смертность в случае этих детей, несмотря на лечение,

приблизительно 22 процента. Столько же детей не получали сыворотку, а лечились иным образом. В этой группе смертность была двойной, приблизительно 44 процента. Эти 240-250 детей которые умерли и которые находились в этой контрольной группе были бы конечно спасены если бы им давали сыворотку дифтерии. Но в реальности это являлось целью этого теста и нужно учитывать, что большие показатели смертности появившееся в группе следовало сравнить и тогда можно было установить ценность сыворотки.

Флеминг: Я думаю, этого примера будет достаточно. В таком случае вы действительно признаёте, что возражение против экспериментов в Бухенвальде не является оправданным?

Мруговски: Во время войны я не работал над какой-либо болезнью, столь же страстно как с тифом. Я лечил тысячи пациентов, которые заболели тифом и изучал их. Мне кажется, что в случае такого опыта можно получить некоторые знания о заболевании. Я часто рассматривал этот вопрос и разделял мнение о том, что моё возражение тогда, возможно не оправдывалось событиями. С другой стороны, по моему мнению, в случае каждой задачи следует думать о том, может ли кто-то исполнить такую задачу. Я должен признать даже сегодня, что несмотря на успех экспериментов, который нельзя отрицать, я бы действовал схожим образом и имел бы такое же отношение как я предполагал тогда. Даже сегодня я был бы не готов проводить такие эксперименты лично или проводить их под свою ответственность, хотя успех был бы несомненным.

Фрагменты допроса подсудимого Розе защитой

.....

Фриц: Что вам известно о причинах игнорирования этого протеста (против экспериментов) и проведении экспериментов с тифом вопреки нему?

.....

Розе: Эксперименты Бухенвальда имели четыре главных результата. Прежде всего, они показали, что вера в защитный эффект вакцины Вайгля была ошибочной, хотя эта вера, казалось основывалась на длительном наблюдении. Во-вторых, они показали, что полезные вакцины не защищают от инфекции, но почти гарантировано предотвращают смерть, в условиях экспериментов Бухенвальда. В-третьих, они показали, что возражения биологических экспертов вакцинам

мембранной перегородки и вакцинам из вшей были неоправданными и что мембранная перегородка, кроличьи лёгкие и кишечник вшей имели одинаковую ценность. Мы узнали об этом только благодаря экспериментам Бухенвальда. Это открыло дорогу массовому производству тифозных вакцин.

Эксперименты Бухенвальда показали, что несколько вакцин были бесполезными. Первое, процесс согласно Отто и Вольрабу, процесс согласно Коксу, процесс риккетсии Провачека и риккетсии мурина, то есть, вакцина из яичной культуры; во-вторых, вакцины предприятия Беринг, которые производились процессом Отто, но в других концентрациях; наконец вакцины Ипсена из печени мышей. Вакцины предприятия Беринг тогда действительно использовались тысячами доз. Они всегда представляли опасность для здоровья. Без этих экспериментов, вакцины, которые были признаны бесполезными, производились бы в больших количествах, потому что они имели нечто общее: их техническое производство было гораздо проще и дешевле чем у полезных вакцин. В любом случае, точно то, что жертвы этого теста в Бухенвальде не сгинули в небытие. Существовал только единственный выбор, жертва человеческими жизнями, лицами выбранными для данной цели, или пустить вещи на самотёк, угрожая жизням бесчисленных людей, которых бы отобрало не управление криминальной полиции Рейха, а слепая судьба.

Сколькими людьми пожертвовали, сейчас не сосчитать; сколько людей были спасены этими экспериментами, конечно, нельзя подтвердить. Конкретное лицо, которое отдало свою жизнь в этих экспериментах не зная об этом, этот тот кто вероятно является одним из обвинителей докторов, которые приняли эту сложную задачу.

3. Медицинская этика

1. Общие принципы

а. Введение

В деле включающем обвинение в том, что людей в различных обстоятельствах подвергали медицинским экспериментам многих видов, было неизбежно, что вопросы медицинской этики станут частью доказательства и аргументации.

б. Выборка из аргументации обвинения

Фрагмент из заключительной речи обвинения

.....

В виду явных и однозначных доказательств участия подсудимого Розе в тифозных убийствах Бухенвальда, он может заявлять только о том, что он не радовался тому, что делает, о том, что он возражал экспериментам на третьей конференции консультирующих врачей Вермахта в мае 1943. Но это является его осуждением, а не его спасением. В марте 1942 он находился в Бухенвальде и видел то, что там происходило. В мае того же года он попросил Мруговски протестировать для него вакцину в этих экспериментах. Четырёх заключенных убили в результате. В мае 1943, он возражал экспериментам в жестких терминах. Но в декабре, он вновь настаивал на ещё одном эксперименте, который привёл к убийству шести человек. Он является живым примером человека, который мог устранился от участия в этих экспериментах без угрозы вреда его персоне или положению, от какого-либо ведомства нацистского правительства. Его не арестовало и не судило СС из-за его возражения. Он не попал в концентрационный лагерь. Несмотря на это, он добровольно участвовал в этих самых преступлениях, которым он возражал. При его знаниях, престиже и положении, он даже более виновен чем жалкий и неопытный Динг, который сам проводил эксперименты в пыточных Бухенвальда.

.....

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Гебхардта

.....

Принципы медицинской этики и применимое право

Во время заслушивания доказательств, постоянно приводились взгляды по вопросу, из чего должны исходить принципы медицинской этики, при проведении экспериментов на людях. В своей вступительной речи перед представлением доказательств, я отмечал, что в деле этих подсудимых не имеется причины исследовать фундаментальные вопросы медицинской этики в этом разбирательстве.

Закон и этика измеряются различными стандартами, которые иногда противоречат друг другу. То же самое применимо к принципам общей этики, также как и конкретной профессии. Деяние нарушающее принципы медицинской этики не обязательно составляет преступление. Только обоснованные указания закона можно использовать в качестве основы вердикта, но не неписанные правила и убеждения существующие в профессии.

Однако, из этого нельзя сделать вывод о том, что принципы медицинской этики и их практическое применение не имеют никакого значения в настоящих слушаниях. Эти принципы, конечно, нельзя применять непосредственно. В то же время не существует никакого сомнения в том, что принципы медицинской этики и прежде всего их практическое применение в недавнее десятилетие могли играть косвенную роль, постольку поскольку их следовало учитывать, при интерпретации закона. Однако, доказательства подтверждают, что в недавние десятилетия и даже ранее, множество экспериментов проводились на людях и более того лицах, которые не вызывались добровольцами для такой цели. В этом отношении я сошлюсь на заявления эксперта, профессора, доктора Лейббрандта, свидетеля обвинения. Я далее сошлюсь на обширные доказательства представленные обвинением по данному вопросу из которых оказывается, что в множестве случаев на людях проводились эксперименты, о характере и степени опасности которых они были не осведомлены и на которые никогда добровольно не вызывались. Единственный вывод, который можно сделать из этих фактов заключается в том, что в течение недавних десятилетий, взгляды на данный вопрос менялись таким же образом как отношения между отдельным лицом и обществом в целом. В этой связи мне не потребуются подробные причины, которые привели к такому развитию. Фактом является, то, что по крайней мере в Европе, государство и общество занимали различное отношение к отдельному лицу. Однако, по-разному можно писать о разнице в этих отношениях подробнее, одна вещь ясная, а именно, то что государство всё более и более завладевало отдельным лицом и ограничивало его личную свободу. Это очевидно является одним из сопутствующих фактов техники современного государства масс. Следует добавить, что развитие медицины в ходе последних десятилетий привело к дискриминирующим формулировкам вопросов, которые больше нельзя решить посредством лаборатории и экспериментов на животных.

Доказательства показывают, что не только в Германии и наверное даже в основном не в этой стране, реорганизация отношений между обществом и отдельным лицом возникла в новых методах в сфере медицинской науки. Почти во

всех странах эксперименты проводились на людях в условиях, которые полностью исключали добровольчество в юридическом смысле.

Непосредственные последствия возникают для интерпретации закона из такого изменения медицинских взглядов и прежде всего из изменения в медицинской практике, так как суть закона заключается в универсальности и абстрактности и естественно не говорит о границах и условиях при которых эксперименты на людях являются допустимыми и граничащими с преступностью такого эксперимента. Реальная практика по данному вопросу является ещё более важной для интерпретации закона, так как почти каждый закон, включая закон № 10 Контрольного совета, содержит стандартные зачатки о сути фактов, что означает определение в конкретном деле, которое может быть итогом судебного решения. Не требуется показывать никаких особых доказательств, о том, что вопрос, когда и в каких рамках медицинские эксперименты являются допустимыми, требует судебного решения, и что это не может быть установлено не принимая во внимание практический опыт, не только в Германии, но и также вне Германии. Стандартные зачатки дела фактически являются частью юридических фактов и касаются незаконности в качестве характеристики наказуемого деяния. Подлинная медицинская практика внутри и вне Германии, однако, не должна единственно изучаться при исследовании вопроса о том образуют ли деяния являющиеся предметом обвинительного заключения незаконность, но прежде всего это является фундаментально важным при ответе на дальнейший вопрос о том образуют ли деяния предмет процедуры составляющей преступление. В виду того факта, что преступление не похоже на постоянный психологический факт, а стандартно вычисленный факт в смысле личного подхода, суд по этой причине также не упускает тот факт, что особо в течение прошедших лет, даже вне Германии, медицинские эксперименты проводились на людях, которые несомненно не вызывались добровольцами для этих экспериментов. Единство закона и неделимость его основной идеи исключает одностороннее суждение и тот же факт одновременности в соответствии с различными юридическими принципами и стандартами.

Я позднее прокомментирую вопрос о том действовали ли подсудимые про проведении экспериментов которые образуют обвинительное заключение в основном как врачи или проводили их – если должно быть вынесено справедливое решение – больше не относясь с точки зрения военной службы, а как медицински подготовленные исследователи.

.....

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Бейгельбека

.....

Если кто-то противопоставляет доктору, такой тип учёного, который с тестовой колбой в своей лаборатории, со шприцом или скальпелем в руке, действует на животных и человеческих телах, для того, чтобы фанатично удовлетворить свой научный инстинкт, тогда мы наиболее решительно возражаем такого рода учёному. Мы обнаружили такой тип в документах данного процесса в лице доктора Рашера, чьё имя бросило мрачную тень на слушания. Следовательно доктор Лейббрандт, защитник медицинской этики, сослужит хорошую службу немецкой науке если бы, в своём качестве психиатра, мы отметили, что Рашер, этот садист и психопат, вообще не имел никакого отношения к реальной науке.

Моей обязанностью как защитника является энергично подчёркивать то, что не допустимо выстраивать из мелких совпадений любую связь между моим клиентом и Рашером и его системой.

Научно-исследовательский работник видит свою задачу в открытии неизвестного для того, чтобы обеспечить доктора новым оружием в его борьбе за жизнь человека. Я коротко хочу продемонстрировать двумя примерами, почему современная медицинская профессия не может отказать от научно-исследовательской работы которая невозможна без величайших усилий и жертв (1) приведя короткое описание о развитии современной хирургии; (2) упомянув школу к которой подсудимый Бейгельбек относился как ученик и учитель. Я не привожу этот второй пример, чтобы восхвалять свою страну, но потому что конкретное влияние его учителей являлось решающим для духовного стандарта личности.

В начале современной хирургии можно привести английского хирурга, Джозефа Листера, чьей великой идеей было то, что хирург не должен бороться с воспалением раны, но должен предотвращать её причину, т.е. бактерии попавшие извне.

Благодаря бактериологии, антисептика изменилась на асептику.

На воротах главного госпиталя Вены есть слова «Saluti et solatio aegrorum – во имя здоровья и утешения больных». Эти слова не только требуют высшего выполнения обязанностей доктора, но и являются мотивом для наиболее успешной работы в широкой сфере медицинских исследований. Для этого теория и практика сливаются воедино. Чтобы стать частью живой гуманности. Я бы вышел за рамки своей задачи если бы упомянул все имена, которые распространили славу

университета Вены во всём мире. Но их проникновение в мир неизвестного всегда было опасным предприятием, которое требовало отваги и жертв.

Я хочу процитировать слова одного из великих докторов, профессора Вагнера-Яуррега, который говорит в книге «Терапия лихорадки и инфекции»,

«Вакцинация против малярии разумеется является риском, итог которого нельзя предвидеть. Она является опасной для самого пациента в большей степени чем лечение туберкулином и иными вакцинами, и также является опасностью для окружающих и даже общества»

И на странице 136, говорится: «Три пациента умерли после вакцинации кровью заражённой тропической малярией, но не малярией третичной»; и «трагический итог этого эксперимента был печальным, и только годом позже автор смог решить о том, чтобы приступить к вакцинациям малярии...»

Никто не говорит об этих жертвах сегодня, но революционное открытие Вагнера-Яуррега известно и принято во всём мире и стало общим достоянием всех народов на пользу страдающего человечества.

Эти доктора знали, о том, что борьба против заболевания и смерти являлась терновым путём будучи ещё сильнее готовы пожертвовать своими собственными жизнями.

Следовательно, реальный учёный и реальный доктор, не противопоставляются друг другу. Однако, учёный не должен забывать о том, что природа является выражением божественной воли и что только такое признание может спасти его от «гордыни», безграничности, которая для греческих трагедий являлась величайшим пороком человечества.

Прежде всего слова, величайшего немецкого врача, Теофраста Бомбастуса фон Гогенгейма, именуемого Парацельс²⁹¹, следует применять как к врачам так и докторам: «Доктор растёт со своим сердцем, он приходит от бога и просвещается природой – лучшее из всех лекарств это любовь».

Мои учёные коллеги составили длинный список документов об экспериментах на людях в особенности в западных демократиях. Однако, было бы несправедливым скрывать огромную пользу эксперимента на человеке. Тот факт, что Пауль Эрлих²⁹² стремился выпустить своё лекарство «Сальварсан» до того, как

²⁹¹ Парацельс (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493 — 1541) — знаменитый швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель, натурфилософ эпохи Возрождения, один из основателей ятрохимии. Подверг критическому пересмотру идеи древней медицины[2]. Способствовал внедрению химических препаратов в медицину. Считается одним из основателей современной науки.

²⁹² Пауль Эрлих (1854 — 1915) — немецкий врач, иммунолог, бактериолог, химик, основоположник химиотерапии. Лауреат Нобелевской премии (1908).

он был достаточно протестирован спасая тысячи от опасных последствий одной из наихудших эпидемий. Тот факт, что Стронг²⁹³ взял на себя ответственность за проведение очень опасного эксперимента с бациллой чумы позволив вакцинировать тысячи лиц и спасти их от почти верной смерти. Тот факт, что Стронг смог подтвердить, что берибери являлось заболеванием вызванным дефицитом, и что Голдбергер подтвердил тоже самое для пеллагры, позволило бороться с этим дефицитом и освободить целые страны от одного из худших заболеваний.

Однако в отношении уголовного права, и суждения о преступлениях против человечности, является рещающим тот результат, что также и в других странах, согласно их общим преобладающим медицинским и этическим убеждениями, доктора исходили из похожих или таких же экспериментов на пользу научных исследований или соображений кризиса в их стране.

Когда я говорю о том, что окружение имело влияние на отношение доктора, я не имею в виду второй определяющий фактор нашей индивидуальности, материальное влияние на организм, которое может изменить или облегчить влияние подлинных условий во время решений врача.

Концентрационный лагерь, милитаризм, и Народный суд – три важных столпа Третьего Рейха – они рухнули. Однако их не следует забывать, исследуя вину отдельного лица. Каждый немец должен был опасаться их в той или иной форме. И затем пришла война. Войну однажды назвали «стальной ванной для народов». Гераклит²⁹⁴ называл её «отцом всего сущего». Я могу лишь повторить приговор МВТ о том, что «война является злом сама по себе». Это в высшей степени является правдой для прошедшей войны. Это была тотальная, ужасная война. Даже медицинская наука обеих сторон должна была помогать войне. Передо мной список наиболее известных английских журналов периода войны «Lancet» и «Nature». Итак, после войны, генерал Т. Дж. Беттс из военного департамента Соединённых Штатов и профессор В.Т. Синстет из британского управления снабжения заявили о том, что захваченные немецкие результаты во время войны являются величайшей пользой для экономического прогресса британской и американской промышленности. Даже ужасные эксперименты с обморожением доктора Рашера доказали величайшую пользу для Америки в войне против Японии. (Бекер-Фрейзинг 31, экз. Бекер-Фрейзинг 18). А что же мы, солдаты? Мы были в бомбоубежищах, социалист рядом с членом партии. Мы не жаловались. Мы видели деревни в огне, невинных женщин

²⁹³ Ричард Стронг (1872 – 1948) – профессор тропической медицины Гарвардского университета. Известен своим изучением чумы, холеры, бактериальной дизентерии.

²⁹⁴ Гераклит Эфесский (544—483 гг. до н. э.) — древнегреческий философ. Основатель первой исторической или первоначальной формы диалектики

и детей ставших жертвами воздушных налётов. Мы видели свою страну, отечество, в беде, и даже если мы ненавидели Гитлера и его последователей как чуму, мы верили, что мы должны выполнять свой долг перед страной до горького конца. Нельзя объяснить эти вещи, их нужно испытать. В такие времена доктор невольно оказывается между Сциллой и Харибдой²⁹⁵, между его концепцией и его профессией, и его долгом солдата. Сегодня легко с пафосом говорить с академической скамьи «*nunquam posere!*» Человек не говорит сейчас: «Я был членом сопротивления. День за днём я пытался помогать людям которых расово или политически преследовали». Он говорит: «Тогда, как и все, я просто исполнял свой долг».

Авраам Линкольн²⁹⁶, один из величайших американцев сказал в своей речи американскому Конгрессу в 1862: «Догмы спокойного прошлого неадекватны бурному настоящему... Перед лцом новых событий мы должны думать и действовать по-новому».

На этом я намерен завершить своё выступление о медицинской этике и повторить слова, которые Лик написал в конце своей книги «Доктор и его миссия»: «Если вы хотите отменить нежелательные условия в медицине, мы должны следовать нашей совести – помогать и лечить, это как и всегда является миссией доктора».

.....

Фрагмент допроса подсудимого Розе защитой

.....

Фриц: Вы слышали лекцию доктора Динга о его экспериментах на третьей конференции консультирующих врачей в секции гигиены и тропической гигиены?

Розе: Да. Это было время, когда в целом, я открыто протестовал против этого метода.

Фриц: Что же, что случилось?

---

²⁹⁵ Так древние греки называли двух чудовищ, которые обитали по обеим сторонам Мессинского залива и нападали на корабли, проходившие мимо них. Иносказательно: о ситуации, когда угроза исходит с двух сторон. Аналог: между молотом и наковальней.

²⁹⁶ Авраам Линкольн (англ. Abraham Lincoln ['eɪbrəhæm 'lɪŋkən], дядюшка Эйб (Uncle Abe)) (12 февраля 1809 года, Ходженвилл, штат Кентукки, — 15 апреля 1865 года, Вашингтон) — американский государственный деятель, 16-й президент США (1861—1865) и первый от Республиканской партии, освободитель американских рабов, национальный герой американского народа.

Розе: Доктор Динг прочёл свою лекцию в замаскированной форме, в той форме какой она была в журнале гигиены и инфекционных заболеваний. Поэтому, ничего не подозревающий слушатель не мог сказать, что она была про эксперименты на людях.

Когда началась дискуссия, я прокомментировал результаты этих экспериментов. Эта часть моего заявления содержится в стенограмме конференции. Это документ Розе 38, который уже представлялся. (Розе 28, экз. Розе 10) Я не намерен зачитывать эти замечания, я просто хочу отметить, что там можно найти то, что я говорил о техническом аспекте экспериментов и о результатах.

Затем я говорил об этической стороне вопроса в целом и эта часть моего заявления была исключена из стенограммы. Я конечно, не могу воспроизвести сегодня, точную формулировку, а только смысл сказанного. Я сказал более или менее следующее: «Насколько бы важными и насколько бы основополагающими не являлись результаты, они вместе с тем были получены за счёт человеческих жизней. Мы как гигиенисты должны возражать против эксперимента с жизнью и смертью, проводимого в качестве предпосылки для внедрения вакцины. До сих пор, обычной процедурой было тестирование в экспериментах на животных и последующее установление переносимости людьми и эпидемиологическая эксплуатация. Такая процедура подтвердила свою ценность. Мы должны были придерживаться её и не могли позволять другим политическим и государственным властям принуждать нас проводить эксперименты на людях. Я долго говорил тогда, я говорил как минимум десять минут. Динг ответил о том, что он может успокоить мою совесть. Подопытные были преступниками приговорёнными к смерти. Я ответил: «Я и сам это знаю». Меня не интересовали отдельные лица, но сам принцип экспериментов на людях. На этом комментарии профессор Шрайбер прервал дискуссию. Он сказал, что протестует против моей критики и если мы хотим обсуждать основополагающие этические вопросы, мы можем сделать это во время перерыва. Он хотел исключения этой части дискуссии из стенограммы, что и было сделано. После заседания различные участники подходили ко мне и мы обсуждали весь вопрос. Некоторые согласились со мной; другие были убеждены в том, что в таком важном вопросе эксперименты на людях были оправданы. Конечно, эти люди верили заверениям Динга о том, что подопытными были приговорённые к смерти. Я уже не помню отдельных лиц с которыми я говорил во время перерыва и я не знаю, кто был в пользу, а кто был против этого. Единственный кого я помню это профессор Мруговски, потому что он выступал как член СС, потому что я думал, что Мруговски являлся начальником Динга. Конечно, я помню, что Мруговски подошёл и сказал, что в принципе, он согласен со мной, и что он выражал похожие сомнения

Гравицу и что Гравиц отверг его сомнения. Затем я также узнал от Мруговски о том, что Гиммлер стоял за всеми этими экспериментами.

.....

Фриц: Вы позднее обсуждали вопрос экспериментов на людях перед большой группой людей?

Розе: Да. Это снова произошло перед большим количеством людей, но это было не про эксперименты с тифом. Это должно было быть в октябре 1944. Вопросом был грипп. Была конференция, скорее большое собрание на котором обсуждалась вакцина от гриппа. Ряд людей сообщали о вакцинах, которые они разрабатывали в лабораториях. Среди прочих, доктор Герцберг сообщил о вакцине изготовленной из мёртвого вируса гриппа, и профессор Хааген о вакцине изготовленной из авирулентного вируса гриппа, которую он уже протестировал на персонале в клинике Страсбурга. Кто-то на собрании, не помню кто, предположил, что тестов Хаагена было недостаточно и что вакцина должна быть протестирована на большем количестве людей. Не упоминались концентрационные лагеря, а группы студентов. У меня были значительные сомнения в экспериментальной вакцинации и я выразил их. Я сказал о том, что считаю экспериментальную основу неадекватной для того, чтобы использовать её на людях. Я не был убеждён в том, вирус был достаточно ослаблен. Существовала опасность того, что вакцина вызовет инфекцию, и нельзя было принимать за это ответственность. Прежде всего планировалось наблюдать эффективность защиты путём установления, заболеют ли вакцинированные лица гриппом естественным путём. Затем кто-то другой предложил, что это займёт слишком много времени, и мы не знаем будет ли эпидемия гриппа в это время, и что после вакцинации, подопытного следует инфицировать вирулентным вирусом. Так как я уже выражал возражения вакцинации, я возразил этому предложению ещё категоричнее, и в результате дискуссия об инфекции не проводилась, но было решено провести вакцинацию. Проводились ли эти вакцинации, мне неизвестно. В любом случае, я не читал приказа в отношении того, чтобы кого-либо вакцинировали, как и не читал о отчёта о том, что проводились вакцинации. Лишь позднее в заключении я услышал о том, что похожие эксперименты, проводились британской медицинской службой на немецких военнопленных. Генцкен вероятно лично участвовал в них, но я услышал о них ранее в госпитале Карлсруэ, в котором были люди испытавшие эту вакцинацию.

.....

Фрагменты допроса свидетеля, профессора Вернера Лейббрандта защитой

.....

Серватиус: Свидетель, вы заявляли о том, что проведение экспериментов на людях, которые являются предметом обвинительного заключения, можно приписать биологической мысли. Что вы имели в виду под биологическим мышлением?

Лейббрандт: Под биологическим мышлением я имею в виду отношение врача, который вообще не принимает во внимание подопытного, но для которого пациент скорее становится просто объектом, таким образом, человеческие взаимоотношения больше не существуют и человек становится просто объектом, как почтовая посылка.

Серватиус: Вы говорите о мышлении биолога. Я понял, что вы понимаете под этим действие относящееся к биологическому мышлению?

Лейббрандт: Преувеличивающего чисто механическую, биологическую точку зрения, потому что врач не просто биолог, но и также биолог. Однако, в основном, врач является человеком, который помогает человеку, но не является судьей биологических событий.

Серватиус: Не может быть других причин для экспериментов, таких как коллективное государственное мышление?

Лейббрандт: Да.

Серватиус: Свидетель, вы использовали выражение «демонический приказ». Что вы этим имели в виду?

Лейббрандт: Под демоническим приказом, я имею в виду следующее: если я определяю в качестве основы для медицинской деятельности просто поддержание и сохранение сущности нации согласно крови, результат заключается в том, что всё, что выпадает из этой оговорки следует отметить. Это мягкое выражение того, что действительно происходило, а именно уничтожения.

Серватиус: Тогда демонический аспект относится к аспекту крови. Его нельзя применять к чисто государственно-коллективному аспекту?

Лейббрандт: Вы могли бы привести пример, чтобы я мог лучше понять?

Серватиус: Я имею в виду, что предпринимались эксперименты и что акт добровольности отдельного лица заменялся государственным актом, а именно, добровольным одобрением государства.

Лейббрандт: Между коллективной идеей и государственным приказом с одной стороны и медицинским лицом с другой, находится нечто более важное – человеческая совесть.

.....

Серватиус: Профессор, если все эти эксперименты действительно проводились и также вы сказали этим утром и показывали книгу Молла, только Молл опубликовал приблизительно шестьсот работ о тысячах таких экспериментов, не следует ли говорить о том, что широкие круги медиков судят о вопросе экспериментов на людях в определенных обстоятельствах по-другому нежели вы – с этической точки зрения?

Лейббрандт: Этого я не могу сказать, потому что даже Молл пишет в конце этой работы о том, что частью морали врача является ограничение своей потребности, естественными исследованиями во благо основополагающего медицинского отношения изложенного в клятве Гиппократата, а именно, не причиняя произвольного вреда своему пациенту.

Серватиус: Профессор, но по вашему мнению, как должен работать доктор в интересах страдающего человечества в таких случаях где, как вы только, что сказали, не имеется возможности экспериментов на животных?

Лейббрандт: Концепция гумманности является очень опасной концепцией. Она является наиболее опасной для всех врачей. Для врача, отдельные лица стоят выше человечества и отдельные лица к сожалению очень медленно тонули в прошедшие годы.

Серватиус: Мне кажется вы не совсем ответили на мой вопрос. Я спросил: как вы думаете, доктор должен решать некие вопросы даже в интересах отдельного лица – вопросы, которые нельзя протестировать в экспериментах на животных и тестовыми колбами, как в случае с малярией. Эта является проблемой, которая должна быть выяснена если он собирается помогать страдающему пациенту.

Лейббрандт: Это естественно очень сложный вопрос. Но в конце основной вещью является то, что риск всегда должен иметь чёткие границы.

Серватиус: Спасибо. Теперь я перехожу к другому положению. Этим утром, профессор, вы выразили неодобрение книге которую написал подсудимый Мруговски по медицинской этике. Могу я спросить, вы читали эту книгу?

Лейббрандт: Да.

Серватиус: Вы лично знали Мруговски?

Лейббрандт: Нет.

Серватиус: Тогда вы не знали о его этической точке зрения?

Лейббрандт: Насколько я помню я сказал о том, что это скорее была ироничная шутка в мировой истории, чтобы кто-то процитировал высокую медицинскую этику Гуфеланда²⁹⁷ в форме фрагментов из его сочинений, путём нескольких связанных слов и сочетания этих цитат в меньшем объёме, при том, что с другой стороны, сейчас нам известно, о том, как они запутывались для нужд обсуждаемых здесь. Я говорю лишь о запутывании, а не объективной вине, которая ещё не доказана.

Серватиус: И откуда ещё вы делаете вывод о запутывании Мруговски фактов обсуждаемых здесь, кроме того факта, что он является одним из подсудимых?

Лейббрандт: В конце концов, он являлся начальником гигиенической системы СС, и медицинские принципы этического характера персонифицированные в СС стали ясны мне во время последних нескольких лет. Мне кажется, существует пропасть между двумя вещами, между деяниями медицинской этики СС и этикой Гуфеланда. Наверно я могу понять, как человек вроде господина Хаубхольда может испытывать энтузиазм по поводу односторонней интерпретации политической медицины Йозефа Петера Франка в 18-м столетии. Но я не могу понять как этика СС может быть связана с честнейшей этикой христианина Гуфеланда.

Серватиус: Профессор, вы только, что сказали, что вообще не знали Мруговски?

Лейббрандт: Нет.

Серватиус: Тогда как вы можете выражать суждение о его личном этическом отношении? Вы просто судите исходя из факта, что он принадлежал к СС? Перед тем как вы выразите своё мнение как вы сделали, до того как вы сказали о шутке в мировой истории, не должны ли вы были узнать о личном отношении лица которого вы критикуете, и не возможно ли, что его личное отношение было таким как выразалось в книге?

Лейббрандт: Мне не кажется, что можно занимать ведущую должность в СС и затем говорить о такой личной этике, если конечно речь не идёт о двойной бухгалтерии.

Серватиус: Но вы признаёте, что вся ваша критика является чистым предположением, никоим образом не основанным на личных сведениях о критикуемой личности?

Лейббрандт: Я не знаю господина Мруговски.

Серватиус: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

.....

---

²⁹⁷ Кристоф Вильгельм Гуфеланд (1762 — 1836) — лейб-медик прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Фрагменты допроса эксперта, доктора Эндрю С. Айви обвинением

.....

Харди: Итак, профессор, перед отложением вы начали обсуждать медицинскую этику в Соединённых Штатах.

.....

Также существуют принципы и правила изложенные американской медицинской ассоциацией, которым должны следовать?

Айви: Да.

Харди: Какой является основа, согласно которой американская медицинская ассоциация приняла эти правила?

Айви: Я представил ей отчёт о некоторых экспериментах, которые проводились на людях вместе со своими выводами о том какие этические принципы применимы при использовании людей в качестве подопытных в медицинских экспериментах. Я попросил ассоциацию выразить мнение о принципах медицинской этики и о том, что американская медицинская ассоциация скажет об использовании людей в качестве подопытных в медицинских экспериментах.

Харди: Будьте любезны передать мне эти руководящие принципы американской медицинской ассоциации? Это видимо не то, на что я ссылаюсь, доктор. У вас есть публикация, которая была опубликована американской медицинской ассоциацией под названием «принципы медицинской этики при экспериментировании на людях»?

Айви: Нет её нет.

Харди: А теперь, прежде всего, есть основное требование для экспериментов на людях «(1) должно быть получено добровольное согласие отдельного лица на котором должен быть проведён эксперимент»

Айви: Да.

Харди: «(2) Опасность каждого эксперимента должна ранее исследоваться экспериментами на животных» и (3) эксперимент должен проводиться при надлежащей медицинской защите и управлении».

Итак, разве это не подтверждает принципы которыми все врачи и учёные руководствуются перед проведением медицинских экспериментов в Соединённых Штатах?

Айви: Да. Это представляет основные принципы, одобренные американской медицинской ассоциацией в медицинских экспериментах.

Себринг: Как принципы которые вы только, что обозначили согласуются с принципами медицинской профессии в целом цивилизованного мира?

Айви: По моей информации они являются идентичными. Идея заключается в том, что я процитировал принципы, которые упоминались в циркулярном письме министра внутренних дел Рейха датированном 28 февраля 1931 указывая на этические принципы при использовании людей в качестве подопытных медицинских экспериментов в Германии, в 1931 они были схожими с теми, что были одобрены съездом делегатов американской медицинской ассоциации.

Харди: Возможно, что в некоей сфере научно-исследовательской работы эксперименты на животных будут неадекватными?

Айви: Вы повторите вопрос? Я его не понял.

Харди: Возможно, что в некоторых сферах медицинских исследований такое экспериментирование или исследование на животных будет неадекватным?

Айви: Да. Эксперимент с окопной лихорадкой это очень хороший пример.

Харди: Как вы исследуете опасность эксперимента до того как используете людей?

Айви: Опасность должна быть установлена внимательным изучением естественного хода заболевания.

Харди: Малярия также попадает в эту категорию?

Айви: Мы можем использовать животных в некоторой степени при изучении малярии, канареек и уток, например для развития малярии; и в исследованиях предназначенных для открытия лучшего лекарства для лечения малярии мы можем использовать птичью малярию в качестве своего рода метода по обнаружению компонентов, которые могут быть использованы с некоторой гарантией и могут быть эффективными при малярии человека. Таким образом мы снижаем случайность и излишнее экспериментирование на человеке.

Харди: По вашим сведениям какие-либо эксперименты в Соединенных Штатах не отвечали требованиям которые вы изложили?

Айви: По моим сведениям нет.

Харди: Ваша честь, у меня больше нет вопросов о медицинской этике для доктора Айви; однако, у меня есть один вопрос об экспериментах с большой высотой, в котором я вернусь к выводу об этом комплексе, при большой высоте, и я завершу свой допрос.

Председательствующий: У трибунала нет вопросов к свидетелю. Как я понял вы завершили свой допрос свидетеля?

Харди: Нет. Нет; у меня есть ещё один вопрос для него, но я собираюсь оставить тему медицинской этики.

Председательствующий: У нас нет вопросов по данному предмету; продолжайте.

Харди: Доктор Айви, в медицинской науке и исследованиях использование людей является необходимым?

Айви: Да, в ряде случаев.

Харди: Часто есть необходимость и она представляет большую пользу для человечества.

Айви: Да. Верно.

Харди: У вас есть мнение о том, что в таком государстве, как например, Соединённых Штатах Америки, можно принимать ответственность врача за его пациента или подопытного, или эта ответственность является исключительно моральной ответственностью врача или учёного?

Айви: Мне не кажется, что государство может принимать моральную ответственность за врача или подопытного.

Зейдль: Я возражаю данному вопросу тем, что это чисто юридический вопрос на который должен ответить суд.

Заутер: Если я не ошибаюсь, документ зачитывался этим утром, который говорил, что государство принимает ответственность. Мне кажется, что я не ошибся в этом. Я также хочу отметить кое-что ещё, господа, для того, чтобы дополнить сказанное доктором Зейдлем.

Вопрос заданный здесь всегда заключается во мнении о медицинской профессии в Америке. Для нас в данном процессе, при оценке немецких подсудимых, это не является решающим. По моему мнению решающим вопросом является например, в 1942, когда проводились высотные эксперименты в Дахау, каким было отношение германской медицинской профессии. С моей точки зрения как защитника я не возражаю если обвинение спрашивает профессора Айви об отношении или мнении о медицинской профессии в Германии в 1942. Если он может ответить на данный вопрос, хорошо, пусть он ответит, но мы не заинтересованы в выводах о медицинской профессии в Соединённых Штатах. По моему мнению, немецкий врач, который в Германии проводил эксперименты на немцах не может осуждаться исключительно в соответствии с американским медицинским мнением, которое более того датируется 1945 годом и было кодифицировано в 1945 и 1946 годах для дальнейшего использования; оно также не может иметь обратной силы.

Председательствующий: Первое возражение заявленное доктором Зейдлем может быть уместным, если затрагивается юридическая ответственность, это было бы

вопросом суда. Вопрос моральной ответственности является надлежащим предметом для свидетеля.

Что касается возражения доктора Заутера, мнение свидетеля о медицинском мнении в Америке может быть получено. Возражение защитника относится к его весомости нежели допустимости. Свидетеля можно спросить, если он осведомлён о мнении в Америке в 1942 о том отличалось ли оно от нынешнего дня или не отличалось. Свидетеля также можно спросить о том осведомлён ли он о мнении о медицинской этике в других странах или во всём мире. Но оба возражения отклоняются.

Харди: Тогда, по вашему мнению, государство не может принимать моральную ответственность врача за пациента или подопытного?

Айви: Это моё мнение.

Харди: На чём вы основываете своё мнение? Какой была причина такого мнения?

Айви: Я основываю своё мнение на принципах этики и морали содержащихся в клятве Гиппократов. Я думаю очевидно о том, что государство не может следить за врачом ежедневно в его повседневной работе, для того, что соблюдалась моральная ответственность. Эта моральная ответственность которая контролирует или должна контролировать поведение врача должна внедряться в умы врачей также как и моральная ответственность другого рода, и эти принципы ясно изображены или провозглашены в клятве Гиппократов с которой должен быть знаком каждый врач.

Харди: По вашим сведениям клятва Гиппократов является золотым правилом в Соединённых Штатах и во всём мире?

Айви: По моим сведениям она представляет золотое правило медицинской профессии. Она говорит о том, как доктору лечить другого доктора в случае если он заболит. И то как доктор должен лечить своего пациента или подопытного. Он должен лечить их при том, что они являются предметом.

Харди: Несколько подсудимых отмечали в данном деле, что клятва Гиппократов устарела сегодня. Вы согласны с таким мнением?

Айви: Не согласен. Моральный императив клятвы Гиппократов, мне кажется необходимым для выживания научной и технической философии медицины.

.....

2. Германская медицинская профессия

а. Введение

Положение германской медицинской профессии при гитлеровском режиме являлось предметом аргументации как обвинения так и защиты.

в. Выборка из аргументации защиты

Фрагмент из заключительной речи в защиту подсудимого Бломе

.....

Далее, я настаиваю на ещё одном вопросе, в особенности в качестве защитника этого подсудимого: Бломе являлся заместителем рейхсгесундхайтсфюрера; поэтому, он, в некоторой степени, легко воспринимается как представитель германской медицинской профессии во время режима Гитлера. Итак, есть огромная опасность, что вся германская медицинская профессия будет идентифицироваться с её бывшим руководителем доктором Конти и с преступлениями в которых его обвинили во время данного процесса; германская медицинская профессия опасается, что эти преступления, фактически, совершённые отдельными докторами, которых может быть правильно обвинили, следует принимать как типичные для всей медицинской профессии. Именно, во время последних месяцев мы можем слышать в прессе и по радио, что вся медицинская профессия находится здесь на скамье подсудимых; к сожалению, обобщая таким образом, вопрос представляется таким как если бы вся медицинская профессия была порочной и что большинство немецких врачей совершали такие преступления или по крайней мере одобряли их, как заявляется в обвинительном заключении на процессе. Эта концепция является ошибочной и несправедливой. Германская медицинская профессия насчитывала около 80000 членов и если мы добавим врачей Вермахта и государственных врачей, можно придти к около 100000 врачей. Теперь позвольте сравнить это общее количество с небольшим количеством врачей и исследователей на скамье подсудимых. Здесь всего 20 человек. Насколько важно такое незначительное количество для суждения обо всей профессии? Если из 5000 немецких врачей одно лицо совершило преступление, невозможно сделать вывод из этих нескольких исключений относительно поведения и морали всего класса. И даже если мы предположим, что вероятно ещё несколько сотен врачей и исследователей не находящихся на скамье подсудимых принимали участие в «экспериментах на людях» и «акции эвтаназии», количество виновных лиц в сравнении с общим количеством всей профессии все же слишком малое для того,

чтобы позволить судить о всей профессии как преступной, и морально упавшей, потому что некоторые отдельные лица совершали преступления.

Есть и другая точка зрения. Она придерживается той причины, что не все эксперименты на людях можно оправдать и извинить, даже во время тотальной войны и при диктатуре, и ни одно достойное лицо никогда не подумает об оправдываемом пути и манере в которых гитлеровское государство осуществляло «программу эвтанази» Однако, неоспоримым является факт, что крупномасштабных экспериментов на людях нельзя было избежать и, фактически, они проводились по всему миру, и существуют различные точки зрения о проблеме эвтанази, даже в ограниченной степени в кругах сознательных врачей, когда она проводилась на надлежащей правовой базе и когда, кроме того, полная предосторожность предпринималась для предотвращения нарушений. Не следует упускать из вида, что упадок медицинской профессии объявлен в связи с процессом связанным исключительно с проблемой экспериментов на людях и с эвтаназией, но что нет обвинений предъявленных против профессиональной практики немецких врачей в любом другом отношении; не имеется особых обвинений относящихся к отношению между больным пациентом и врачом, которого он выбрал в качестве помощника и доверенного лица для восстановления его здоровья. Это доверие лечащего врача ощущаемое пациентом остаётся полностью нетронутым данным процессом.

Мы, немцы имеем собственное мнение о наших врачах, мы знаем их сознательность и готовность оказать помощь; в особенности во время войны, мы могли наблюдать и учитывали их готовность пожертвовать собой; мы знали о том, что хорошие качества которые делали немецких врачей и исследователей образцом в прошлые десятилетия не были утрачены во времена Гитлера, и было бы печальным если злоупотребления, которые раскрылись и подтвердились на данном процессе, послужат подрыву доверия немецкого народа своим врачам и подвергнут их презрению всех цивилизованных наций.

Отдельных исследователей, которые из-за амбиций или страсти к исследованиям не оценивают человеческую жизнь больше чем у кролика, не следует считать представителями немецкой медицинской профессии, как и врачей концентрационных лагерей, которые из-за отсутствия совести или по другим безнравственным причинам вводили смертельные инъекции заключенным или пытали их до смерти, нельзя считать представителями германской медицинской профессии. Нет. Представителем образцового немецкого врача также и во время Гитлера, являлся не политический, практикующий врач, который, даже если он возможно формально принадлежал к партии, сильно возражал из глубины своего

сердца всем видам насилия и нетерпимости, который близко был связан со своей нацией и её нуждами, практикующий врач, который ухаживал за своими пациентами в наиболее преданной манере день за днём, ночь за ночью, во время тотальной войны и страшных бомбардировок, которые являются особо трудными для врача; или тот кто в качестве военного врача служил на фронте далеко от дома, от своей практики, от своей семьи, честно разделяя все трудности, опасности и лишения с солдатами. И хирург, который, в качестве директора своей клиники, оперировал и лечил, и помогал с утра до ночи, всегда, без времени на передышку, оставив в стороне политическую деятельность, он также является представителем образцового немецкого врача также и во время гитлеровского режима.

Я не знаю к какому вердикту вы придёте к тому или иному подсудимому; но в качестве защитника бывшего заместителя рейхсгесундхайтсфюрера, я прошу вас дать понять своим вердиктом, что в суждении о подсудимом, если вы должны осудить их, вы не осуждаете и не развенчиваете всю германскую медицинскую профессию, но, что посягательства, которые совершались, являлись отдельными актами, как вероятно, случалось во всех профессиях во время гитлеровского режима, без необходимости осуждения всей профессии. Это были отдельные акты возникшие вероятно отчасти из личных преступных тенденций отдельных фанатиков, отчасти связанных с эксцессами тотальной войны при диктатуре бессовестного насилия.

Если рядом с 23 подсудимыми есть 24-ый сидящий на скамье, невидимой нашему глазу, он не является германской медицинской профессией, а духом СС Гимmlера и дюжины других убийц из миллионов людей. Этот дух мог заставить фанатика забыть о своей профессиональной этике и совершить преступления. Но вся медицинская профессия осталась твёрдой и приверженной своему долгу.

Может ли ваш вердикт не лишать немецкий народ своего доверия к своим врачам, но восстановить его к ним, и у меня нет сомнения в том, что после преодоления нынешнего кризиса и более нормальных обстоятельств, германская медицинская профессия докажет своему народу, что в целом она никогда не забывала и не забудет профессиональную этику заповедей клятвы Гиппократова.

.....

Фрагмент из заключительного обзора от имени подсудимого Ростока

Введение

Господин председатель, ваши чести:

Великий английский историк и социолог, Томас Карлейль²⁹⁸, однажды сказал: «Ваша жизнь, и будь вы смиреннейшими людьми, не является диким сном, а высоким фактом» Я не хочу говорить с вами в этом зале суда, не напомнив это высказывание и соответственно видя перед собой картину большого количества наших сограждан чьи жизни действительно стали диким сном. Тот факт, на котором основан этот процесс, о том, что незащитные люди использовались докторами моей страны для экспериментов и отчасти умерли после пыток, нельзя отрицать. Я сам, поставлю под сомнение ясность моего суждения как немецкого юриста если я не признаю, что общечеловеческие права, такие как фундаментальные стандарты якорные во всех цивилизованных нациях, соответственно нарушались. Медицинская наука должна помогать и лечить страдающее человечество. Я горд тем, что немецкие доктора были теми, кто своими исследованиями, в прошлом веке, спасали миллионы людей от наиболее серьезных и смертельных заболеваний. Позвольте мне напомнить вам только имена такие как Роберт Кох, Эмиль фон Беринг, Пауль Эрлих, Теодор Бильрот²⁹⁹ и Август Бир³⁰⁰, или такие препараты как германин, атакрин, сальварсан, сыворотка дифтерии, сыворотка столбняка и многие другие. Если бы было возможно достичь таких решающих результатов каким-либо другим способом, это бы только подтвердило подлинную правду, что никто, не важно насколько высокопоставленный и неважно насколько важны его цели, не имеет права принижать человека до уровня подопытного кролика силой. Как мог человек пытаться подвергать этому способу жизнь и здоровье людей, будь они настолько смиренными? Мне кажется, что это включает фундаментальное противоречие обязанности доктора, нарушая достоинство отдельной личности, и предполагая, что не останется ужасных результатов. Существуют сомнительные случаи, есть пограничные случаи, но решение этих вопросов можно основывать на единственном принципе, который заключается в том, что все создания в людской форме имеют равное право на жизнь и смерть. Гуманизм был бы в плохом состоянии если снова и снова не имеется добровольцев из рядов врачей и дилетантов, которые предоставляют себя для экспериментов, сознавая свой вклад в спасение и излечение других людей. Но как может человек просто стремиться назначать других для

²⁹⁸ Томас Карлейль (1795 — 1881) — британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения, автор многотомных сочинений «Французская революция» (1837), «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), «История жизни Фридриха II Прусского» (1858-65).

²⁹⁹ Теодор Бильрот (1829 — 1894) — выдающийся немецкий (австрийский) хирург, основоположник современной абдоминальной хирургии.

³⁰⁰ Август Бир (1861 — 1949) — немецкий хирург.

страданий и смерти, когда они, также хотят жить и быть свободными от нужды и страха, также как он сам?....

3. Медицинские эксперименты в других странах

а. Введение

Практика медицинских экспериментов на людях в других странах была выдвинута защитой для того, чтобы показать, что медицинские эксперименты в которых участвовали подсудимые не являлись преступными.

б. Выборки из аргументации защиты

Фрагмент из заключительного обзора в защиту подсудимого Карла Брандта

.....

Далее была сделана ссылка на чрезвычайно большое количество лиц доступных для экспериментов. В отношении проведённых экспериментов и на основе доказательств данного процесса, эксперименты в большом масштабе проводились только в редких случаях, и это можно сравнить с размером экспериментов в большом масштабе вне Германии, так как они проводились даже в мирное время; ссылка ещё раз делалась на эксперименты с малярией. (Карл Брандт 1, экз. Карл Брандт 1)

Если учесть количество лиц приговорённых к смерти, которых подвергли экспериментам, количество является сравнимым с одиннадцатью осуждёнными лицами для эксперимента с ядом в Маниле. (Бекер-Фрейзинг 60а, экз. Бекер-Фрейзинг 59)

Следует сравнить, среди прочего, эксперименты с чумой Стронга в 1912 на 900 осуждённых, включая эксперимент на 42 лицах, некоторые из которых были приговорены к смерти, и эксперименты с тифом Хамди на 153 лицах. (Бекер-Фрейзинг 60а, экз. Бекер-Фрейзинг 59)

Если количество осужденных лиц использованных для экспериментов в этих слушаниях кажется высоким, следует учитывать, что количество лиц приговорённых к смерти по законам войны также необычайно высокое. Для защиты страны во всех странах, уголовные законы, являются, во время войны, применимыми еще более решительно для того, чтобы гарантировать безопасность

дома во время отсутствия мужского населения на фронте. Количество обычных преступников которых наказали из-за актов совершённых пользуясь военными условиями, и в особенности, затемнением, уже необычайно высоки; следовательно, даже не требуется включать сюда лиц приговорённых к смерти.

В этой связи точка зрения английского учёного Мелленби из лондонской школы гигиены и тропической медицины заслуживает особого внимания. (Бекер-Фрейзинг 60, экз. Бекер-Фрейзинг 58) В известном медицинском журнале «The Lancet» от 1 декабря 1946, этот доктор цитирует в частности политические условия в Германии в качестве решающего и в качестве извинения для обвиняемых лиц. Поэтому, не следует ссылаться на общие условия в Германии во время войны для этого, судя об актах совершенных в течение этого времени наиболее жестоко.

Количество человеческих подопытных кроликов использованных в экспериментах предполагаемых обвинением около 2000. Количество человеческих подопытных кроликов известное защите из опубликованных данных насчитывает более чем 11000 лиц. Если среди этих, также находятся небольшие эксперименты, можно предположить, что опубликованные эксперименты содержат только материал пригодный для сведений общества. Публикации показывают результаты, но не жертв и нежелательные инциденты. То, что защита смогла представить, не является результатом исчерпывающего уголовного расследования.

Изучив только эти эксперименты, которые считаются пригодными для публикации, нельзя прийти к выводу о том, что они проводились только на добровольцах. Я сошлюсь в этой связи на собрание экспериментов в документе Карл Брандт 117, Карл Брандт экземпляр 103, а именно 32 эксперимента как минимум на 1580 лицах; они являлись экспериментами на лицах приговорённых к смерти. На заключенных и солдатах, женщинах и детях; эксперименты часто проводились таким образом, что нельзя предполагать добровольность подопытных.

Добровольная служба человеческих подопытных кроликов также не заявлялась; только в двух случаях особо отмечалась. Добровольцы в одном из этих экспериментов являлись студентами-медиками. Выдающееся в этом документе то, что в 13 экспериментах как минимум 223 дети. Нельзя предполагать, что родители дали на это согласие. В этой связи сделана ссылка на документ Карл Брандт 93, Карл Брандт экземпляр 29, относительно экспериментов профессора Маккэнси.

Фрагмент из заключительного обзора в защиту подсудимого Руффа

.....

Эксперименты которые снова и снова описываются в международной литературе не встречая никакой оппозиции не составляют преступления с медицинской точки зрения. Так как нигде не появлялось истца со стороны ответственной профессиональной организации, или от правосудия, для объявления преступными, экспериментов описанных в литературе. Напротив, авторы этих отчётов об экспериментах на людях получили общее признание и славу; они награждены высочайшими почестями; они получили историческую важность. И несмотря на всё это, они не предполагались как преступные? Нет! В виду полной нехватки писанных юридических норм, врач, который в целом мало знает о праве, должен полагаться и должен ссылаться на допустимость того, что в целом признаётся допустимым во всём мире.

Защита убеждена в том, что трибунал, решая данную проблему без предубеждения, сначала изучил много экспериментов проводимых во всём мире на здоровых и больных лицах, на заключенных и свободных людях, на бедных, даже на детях и психически больных лицах, для того, чтобы понять как медицинская профессия в своей международной сути отвечает на вопрос допустимости экспериментов с людьми, не только в теории, но также и на практике.

Психологически понятно, что немецкие научно-исследовательские работники сегодня, если возможно, не имеют никакого отношения к экспериментам с людьми и попытаются избежать их, или захотят описать их недопустимыми даже если до 1933 они вероятно имели противоположное мнение. Однако, эксперименты проводимые в 1905-1912 весьма уважаемым американцем в Азии по борьбе против чумы, которые сделали его известным во всём мире, не могут и не должны клеймиться как преступные, потому что Бломе предположительно проводил такие же эксперименты во времена Гитлера (однако, которые фактически никогда не проводились вообще); и эксперименты за которые, до 1933, зарубежный исследовательский работник, англичанин Росс³⁰¹, был награждён Нобелевской премией за свои эксперименты с малярией, не заслуживает осуждения только из-за того, что немецкий врач проводил похожие эксперименты во время режима Гитлера. Не следует говорить, что эксперименты, в которых различные заболевания или различные вещества из тех на которые ссылались на данном процессе, разбирались с этим, не имеют связи с обвинениями из данного обвинительного заключения, из-за такой разницы, поэтому, они не имеют важности в качестве доказательств. На переднем плане есть положения об основных вопросах, об условиях при которых такие эксперименты являются допустимыми; относятся ли они к чуме или тифу,

---

³⁰¹ Рональд Росс (1857 — 1932) — индийский врач и паразитолог шотландского происхождения, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1902 году.

туберкулёзу или желтухе, является вторичным вопросом который касается медицинского эксперта нежели юриста.

Решающим для данного процесса является вопрос признавались ли условия в которых проводились эксперименты международным образом как эксперименты, которые проводились зарубежными научно-исследовательскими работниками с одобрения всего цивилизованного человечества.

Если кто-то хочет придти к простому и удовлетворительному решению, следует опустить факт, что здесь обвиняются немецкие исследовательские работники. Напротив, следует стремиться к получению международной основы для представления нынешнего международного мнения об экспериментах на людях, который на десятилетия, если не на века, сформируют критерий допустимости экспериментов на людях. Мы, как юристы, можем лишь оказать услугу развитию медицинской науки, соответственно если мы стремимся установить неопровержимо ясный взгляд о сегодняшнем международном мнении об экспериментах на людях, том проводились ли эти эксперименты немцами или иностранцами.

в. Документы и показания

Частичный перевод документа Карл Брандт 1

Экземпляр защиты Карла Брандта 1

Фрагмент из журнала «Life» об экспериментах с малярией на осуждённых в исправительных учреждениях Соединённых Штатов

Фрагмент из «Life», том 18, Н-р 23 от 4 июня 1945

Тюремная малярия

Осуждённые подвергают себя заболеванию для того, чтобы доктора могли изучить его.

В трёх исправительных учреждениях Соединённых Штатов люди которые были заключены в качестве врагов общества, сейчас помогают бороться науке с другим врагом общества. В исправительном учреждении Соединённых Штатов в Атланте, исправительном учреждении штата Иллинойс и исправительном учреждении штата Нью-Джерси почти 800 осуждённых были инфицированы малярией для того, чтобы медики могли изучить заболевание. Экспериментаторы, под руководством управления научных исследований и разработок, обнаружили

идеал тюремной жизни в контролируемой лабораторной работе с людьми. Их подопытные, все ели одинаковую еду, спали одинаковое время, и никогда не оставляли. Заключенных не освободили досрочно и не помиловали.

Эксперименты с тюремной малярией подчёркивают тот факт, что малярия всё ещё является очень серьёзной медицинской проблемой. В Соединенных Штатах есть 1000000 случаев в год. Существующие вещества (в основном хинин и атабрин) контролирующая малярию не могут предотвратить возврат после изначального заражения. Цель исследований малярии заключается в поиске нового вещества, которое постоянно излечит заболевание.

Частичный перевод документа Бекер-Фрейзинг 60
Экземпляр защиты Бекер-Фрейзинга 58

Заявление профессора, доктора Ганса Люксенбургера и доктора Ганса Гальбаха об отчёте про эксперименты на людях в мировой литературе

Эксперименты на людях обзоревавшиеся в мировой литературе

Я, профессор, д.м.н., Ганс Люксенбургер, специалист по нервным заболеваниям, проживающий на 35, Либигштрассе, Мюнхен, и я, д.т.н. и д.м.н., Эрих Ганс Гальбах, врач, из Прин-Химзее, уведомлены заранее о том, что мы подлежим ответственности за дачу ложных показаний. Мы заявляем под присягой, что мы установили верность прилагаемых отрывков из научных работ и книг, то есть, в отношении отрывков содержащих следующие номера: 1, 5, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 44, 46, 47, 48, 54... путём сравнения с оригиналом; в отношении номеров 2, 3, 4, 6, 7, 9, 19, 41, 43, 45, 49, 50, 51, 52, 53 на заверенных фотокопиях, копиях, переводах или отрывках представленных нам адвокатом доктором Эдмундом Типпом.

Мы подготовили отчёт «Эксперименты на людях обзоревавшиеся мировой литературе» исходя из наших лучших сведений для представления в качестве доказательства американскому военному трибуналу I в Дворце правосудия, Нюрнберг, Германия.

Мюнхен, 14 апреля 1947

[Подписано] Профессор, доктор Ганс Люксенбургер
Доктор Ганс Гальбах

Частичный перевод документа Бекер-Фрейзинг 60а
Экземпляр защиты Бекер-Фрейзинга 59

**Фрагмент из отчёта об экспериментах на людях в мировой литературе;
фрагменты из различных газет и медицинских еженедельников**

Фрагмент из удостоверенного перевода

Автор: Лэдделл, ВСС (Мед. исследовательский комитет)

Название: Воздействие потребления небольших количеств морской воды. Экспериментальное исследование. (Из исследовательского штаба, Национальный госпиталь, Квин сквер)

Цитирование: «Lancet» № 6267 (октябрь 1943) страница 441

Задача: Вклад в физиологию лиц получавших пищу и питьевую воду в таком же количестве как лица потерпевшие крушение в спасательных шлюпках. Изучение воздействия потребления морской воды на водно-солевой баланс, мочевыделение, количество мочи, и потерю веса лиц потерпевших крушение.

Процедура:

1. Трое подопытных лиц, после одного дня без воды, пили по 240 мл пресной воды и 180 мл 3,5 процентного раствора хлорида натрия ежедневно 4 ½ дня.

2. Десять подопытных лиц, после одного дня без воды, пили 540 мл пресной воды и 180 мл морской воды ежедневно на протяжении 5 дней; следующие 4 дня, 5 этих подопытных лиц пили 60 мл пресной воды ежедневно, следующие 4 дня остальные 5 подопытных лиц пили 60 мл пресной воды и 180 мл морской воды ежедневно.

3. Одиннадцать подопытных лиц, после одного дня без воды, пили 540 мл пресной воды ежедневно в течение 5 дней; 6 из этих подопытных лиц получали 60 мл и 180 мл морской воды ежедневно следующие 4 дня.

4. Два подопытных лица, после дня без воды, пили 370 мл ежедневно пресной воды, каждый по 2 дня, следующие 3 дня ежедневно 240 мл пресной воды плюс 400 мл морской воды, следующие 36 часов только 600 мл морской воды.

Все подопытные лица кроме того, потребляли только аварийные пайки в ограниченном количестве, с 1 граммом хлорида натрия как наибольшее.

Подопытные лица: 17 подопытных лиц из морского госпиталя предоставленные «добровольно для жёстких экспериментальных условий», без физических увечий.

Отрывок из заверенного отчёта 19

Автор: Кэмерон и Карунартан

Цитирование: Журнал патологии и бактериологии 42, 13 (1936)

Задача: Изучение отравляющего эффекта тетрахлорметана на людях (отчёт).

Эксперимент: Тетрахлорметан вводился здоровым преступникам перед их казнью. Воздействие яда на печень устанавливалось при вскрытии. (Терапевтическая обычная доза 3.0 мл; максимальная доза 5.0 мл)

2 тестовых лица получили дважды 6 мл (Николс и Хэмптон)

3 тестовых лица получили дважды 4 мл (Доэрти и Николс)

2 тестовых лица получили дважды 5 мл (Доэрти и Бургесс)

1 тестовое лицо получило дважды 10 мл (Лич, Хоувот и Эш)

Результат: В некоторых случаях изменения в печени, в других ничего.

Подопытные лица: 11 преступников приговорённых к смерти.

Отрывок из оригинала 20

Автор: п/полковник Кендалл, п/полковник Дикинсон, п/полковник Форрестер.

Название: Лечение бактериальной дизентерии у китайских солдат сульфаниламидом и сульфадиазином.

Цитирование: Американский журнал медицинской науки 211,103 (январь, 1946)

Задача: Страница 103: «Возможность осуществлять контролируемые наблюдения эффективности сульфаниламида и сульфадиазина при лечении острой бактериальной дизентерии недавно предоставленными нам. В главном госпитале армии в северо-восточной Индии осуществляя уход за китайскими и американскими войсками, мы наблюдали много сотен случаев в прошлом году. Уже тогда стало заметно, что мы столкнулись с относительно лёгкой формой заболевания с однообразным благоприятным итогом. В таких обстоятельствах, являлось одинаково оправданным и важным воспользоваться возможностью для

установления того, в какой степени терапия сульфаниламидом сокращает течение заболевание или иным образом благоприятно влияет на его течение»

Эксперимент: «Данное сообщение описывает результаты такого исследования, проведённого в период 7-ми месяцев с июня по декабрь 1943, в котором результаты лечения сравнивались у 334 китайских пациентов с бактериальной дизентерией, одна треть получала сульфаниламид и одна треть сульфадиазин».

Результаты: 334 китайских пациентов-солдаты.

Отрывок из оригинального отчёта № 23

Автор: Смотрите выше.

Название: Отчёт комиссии медико-исследовательского комитета по окопной лихорадке, американский Красный крест, Юниверсити пресс 1918. Окопная лихорадка, Брюс, заключительный отчёт комитета по расследованию военной окопной лихорадки, журнал гигиены 1921, страница 258.

Цитирование: Ссылка в Колле-Крауса-Уленхут, руководство о патогенных микроорганизмах. VIII/1, 1302, (1930).

Задача: «Американская комиссия (председатель: Стронг, члены: Свифт, Опл Нил, Битжью. Паппенхаймер, Пикок, Раппорт) интерпретировала свою задачу как предпочтительно практический способ, пытающийся выяснить методы передачи и предохранения войск от заражения. Английская комиссия (председатель: Брюс, члены: Харви, Бэкот, Бим, Тренч, Аркрайт, Флетчер, Хирд, Плиммер) поставила своей задачей полное и подробное исследование заболевания, в частности также болезнетворного агента».

Эксперимент: «Эксперименты англо-американских комиссий, по передаче кинтаны с кровью были весьма положительными и внутривенная инфекция показала лучшие результаты чем внутримышечные и в частности подкожные.

«Эксперименты по передаче от вшей проводились английской и американской комиссиями на двух основах: укусы вши и растирание выделений заражённой вши»

Первое объявление американской комиссии об успешной передаче от вши появилось 14 февраля 1918; первый успешный эксперимент по переносу от вши английской комиссии 9 марта.

Эксперименты переноса:

с плазмой	положительно в 7 случаях
с сывороткой	отрицательно
с красными кровяными тельцами	положительно 3 раза в 4 экспериментах
с кровью с кожи, которая была содрана	отрицательно

Заражение:

с выделениями вши	положительно
с мокротой и слюной	положительно один раз в 4 экспериментах
с мочой пациентов чесавших кожу	положительно 5 раз в 8 экспериментах
через конъюнктиву	положительно
через уретру	безуспешно
через рот	безуспешно
через пищу и воду	безуспешно

Подопытные лица: Приблизительно не менее 100.

Результат: Выяснение этиологии и методов переноса.

Отрывки из оригинального отчёта № 25

Автор: Хэмди.

Название: Результаты иммунизационных тестов против тифа.

Цитирование: Журнал гигиены 1916, 82. Цитировалось в Колле-Краус-Уленхут, Руководство о патогенных микроорганизмах VIII/2, 1204 (1930).

Задача: Смотрите название.

Эксперимент: «Путём вирулентной крови пациентов, Хэмди смог проверить на большом количестве лиц, которых лечили отчасти кровью пациентов (80), отчасти кровью выздоравливающих (54), отчасти смесью крови обоих типов (19)... При инфицировании кровью пациентов, никто из трижды вакцинированных лиц не заболел, двое из семи пациентов, которых дважды вакцинировали заболели»

Подопытные лица: «В первом случае, эти эксперименты касались лиц приговорённых к смерти за преступления»,

«...большое количество...»

Результат: Подтверждена эффективность защитной вакцинации.

Отрывок из оригинала отчёта № 26

Автор: Дёрр, Р.

Название: Лихорадки папатачи и деньге.

Цитирование: Колле-Краус-Уленхут, Руководство о патогенных микроорганизмах VIII/1, 501. (1930)

Задача: Исследование этиологии и перенос лихорадки папатачи.

Эксперимент: II. Лихорадка папатачи. Страница 508: «Организм циркулирует в крови пациентов в течение первых 24 часов после начала лихорадки. Его присутствие не объясняется только патогенностью (заразностью) крови для здоровых и восприимчивых (не иммунизированных) людей. Если такому лицу ввести подкожно кровь болеющего лица, оно заболит...с приступом лихорадки типичной во всех отношениях. Этот эксперимент был первым успешным проведённым Дёрром (1908), позднее Дёрром и Руссом в Герцеговине, Биртом на Мальте, Тедеси и Наполитани в Италии, Лепином (трёх дневная лихорадка в Сирии, Булл. 20, 251, 1927) в Сирии. Эксперимент был повторён Клиглером и Ашнером в Палестине и обеспечил положительные результаты почти в 35 отдельных экспериментах. В этой связи следует учитывать то, что почти без исключения, вакцинированные лица жили в районах свободных от эпидемий и флеботомуса так как случайная естественная инфекция исключалась с самого начала».

Страница 513: «Но Виттингхэм и Рук доставили инфицированного флеботомуса с Мальты в Англию. Они добились разведения имаго из яиц комаров отложенных в Англии и инфицировали этих людей укусами этих комаров, что вызвало приступы лихорадки. Таким образом, вопрос о вирусе папатачи должен быть решён за зиму».

Подопытные лица: Около 35.

Результат: Установление и подтверждение этиологии и метода переноса.

Отчёт после оригинала № 33

Автор: Голдбергер, Джозеф (США, служба общественного здравоохранения 1914)

Цитирование: Бернхард Яффе, учёные в Америке, Оверсис эдишн инкорпорейтед, Нью-Йорк 1944, страница 401.

Задача: Доказательство того, что пеллагра является заболеванием дефицита.

Эксперимент: Односторонняя дефицитная диета (ограниченная в количестве) которая вызвала 7 тяжких случаев пеллагры.

Подопытные лица: 12 добровольцев-заключенных тюрьмы Ранклин, которым обещали свободу после выживания в эксперименте, по согласованию с губернатором штата. Все выжили и были освобождены.

Отрывок из оригинала 44

Автор: Френкель, Е.

Название: Доклад об эпидемии инфекционного кольпита наблюдаемого у детей.

Цитирование из: (Вирхоф) 99, 251 (1885).

Задача: Страница 263: «Случайно у меня получилось вакцинировать вагинальным секретом (больной женщины) конъюнктиву 3 детей, которые находились на заключительной стадии заболевания (двое страдали от детской атрофии, третий от гнойной пневмонии)...»

Страница 264: «Двое гнойных пациента страдали несколько недель от кольпитов».

Результат: 2 ребёнка умерло – 1 ½ и 2 дня после занесения, не показав никакой реакции. Третий ребёнок заболел конъюнктивитом, который был вылечен после обработки, и умер на 10-й день.

Подопытные лица: 3 умерших ребёнка.

Отрывок из оригинала 48

Автор: Комментированная сводка от эпидемиологического подразделения № 50.

Название: Изучение холеры в Калькутте.

Цитирование: Журнал американской медицинской ассоциации 130, 790 (1946).

Цель: Страница 790: «...контрольный эксперимент при лечении холеры...»

Эксперимент: Страница 790: «...в высокоэпидемичном или эпидемичном районе Индии, отбирались пациенты так как они допускались в госпитали и направлялись в следующие группы согласно лечению:

А. сульфанидин;

Б, контроль;

В, сульфадиазин;

Г, пенициллин; и

Д, сульфадиазин и пенициллин совместно.

«Все пациенты получали поддерживающее лечение в форме гипертонического или изотонического раствора хлорида натрия и оральных стимуляторов при признаках обезвоживания, истощения и нарушения кровообращения»

Результат: Страница 791:

1. Пациента лечили плазмой в дополнение к химиотерапии; смертность: ноль.

2. Пациенты получающие только химиотерапию: смертность 1.1 процент.

3. Контрольная группа включала всех пациентов, которые не получали лечения или которые имели недостаточное лечение или только поддерживающее лечение: смертность 38.3 процента.

«Драматический эффект плазмы ещё более очевиден если выделить случаи шока или удара. Всего было, 78 тяжелобольных пациентов в данной группе. Результаты в данной группе показали уровень смертности в 95.8 процентов для контрольной группы, 15.8 процентов для химиотерапии и никакой смертности в группе лечившейся плазмой плюс химиотерапией»

Подопытные лица:

Не приводится количество, предположительно несколько сотен, недобровольные при клинических серийных тестах.

Частичный перевод документа Карл Брандт 117

Экземпляр защиты Карла Брандта 103

Отрывки из диссертации «Эксперименты с заражением людей» Альфреда Хейльбрюна из института гигиены университета Вюрцбурга, 1937, об экспериментах на людях в других странах

Отрывок из «Экспериментов с заражением людей»

Диссертация на присуждение степени доктора медицины университета Фридриха-Вильгельма в Берлине;

Представлено: Альфредом Хейльбрюнном,
Хофгейсмар (Гессе Нассау) 1937

Из института гигиены университета Вюрцбурга. (Доцент: профессор М. Кнорр)
Напечатано: Ф.В. Гадов и сын, Хильдбургхаузен.
(брошюра находится в библиотеке университета Эрлангена)

.....

Малярия

Инфекционные эксперименты с малярией занимают большое место в литературе. Желание получить точные знания об этом заболевании, столь важном для различных стран, делает данный факт совершенно понятным. Поэтому, множественные эксперименты на людях проводились даже раньше открытия плазмодия малярии и в отсутствие сведений о переносе комарами. В следующем списке, эти эксперименты перечислены хронологически, таким образом предоставляя картину того как знания об этиологии, заразности и переносе малярии, были открыты инфекционными экспериментами на людях.

1. ...Сэлсбери (цитирование из Маннаберга: заболевания малярией, Вена 1899. Нотнагель, специальная патология и терапия II 2.) ...Эксперимент: ...двое...мужчин...после 12 и 14 дней, заболели типичной третичной малярией. Такой же эксперимент во втором случае снова привёл к положительному результату.

2. ...Дохманн (Дохманн: «Доктрина периодической лихорадки. Медицинский журнал Санкт-Петербурга. № 20, цитирование из Вирхов-Хирша 1880)...Его эксперименты... 1-й эксперимент: он инфицировал...здоровому 30-летнему человеку подкожно...лихорадочный озноб.

.....

2-й эксперимент:...инфицирование трёх мужчин...

1-й мужчина:...лихорадка.

2-й мужчина: Только проходящее недомогание.

3-й мужчина: Остался полностью здоровым.

3-й мужчина: Инфицирование женщины...

...дрожание, лихорадка...

3. ...Герхард (Герхард: цитируется из Ольппа: «Знаменитые тропические врачи, Тюбинген)...перенос...малярии от больного лица к здоровому путём подкожных инъекций крови.

.....

4. ...Марчиафава и Целли (Марчиафава и Целли: Новые исследования по малярийной инфекции, прогресс медицины, 1885, 787, 795)...Пять экспериментов проводились на пациентах страдающих от нервных расстройств.

1. Эксперимент: подопытный это 17-летний мужчина с переходящий миелит...

...прогресс лихорадки

...спазм...

...выделения из селезёнки...

Исследование крови даёт превосходное подтверждение характера малярии при приступах лихорадки...

2. Эксперимент: Подопытный 68-летний мужчин с хемихореей.

.....

Характерный приступ малярии,...умеренная опухлость селезёнки.

3. Эксперимент: Подопытный это 32-ий мужчина с рассеянным склерозом.

.....

...характерный приступ, припухлость селезёнки.

.....

4. Эксперимент: Подопытный это 47-ий мужчина с рассеянным склерозом.

.....

Никаких патологических проявлений в картине крови.

5. Эксперимент: Подопытный это 23-й мужчина с полимиелитом.

.....

...лихорадка...

Эти эксперименты показали, что –

(1) в крови пациентов с малярией, тельца часто находятся в окружении красных кровяных телец в с амёбообразным движением и восприимчивостью к окрашиванию анилином.

(2) заболевание является переносимым, и такие же амёбообразные формирования находятся в крови подопытных также как и в крови доноров. Учёные провели работу на основе этих результатов и пришли к выводу о том, что эти амёбообразные тельца являются умирающими агентами малярии. Для того, чтобы совершенно удостовериться в этом они провели ещё один эксперимент с инфицированием.

Подопытным был мужчина 43-х лет с дрожательным параличом.

.....

...продолжительная ненормальная температура сопровождаемая плохим состоянием...

...плазмодия перемещается в крови...

5. Эксперименты Марчиафава и Целли подтвердились целой серией экспериментов других итальянских авторов. Я обнаружил эксперименты в книге Маннаберга (страница 7) в форме таблиц и воспроизвёл их таким же образом. (смотри страницы 10-13)...

Целли (Целли: цитирование из Маннаберга (7) имел несколько лиц в римском госпитале С. Спирито употреблявших воду из понтийских болот и из болот возле Рима и обнаружил, что лица не заболели малярией.

Бранкалеоне (Бранкалеоне: цитирование из Маннаберга (7) повторил такой же эксперимент на Сицилии с таким же отрицательным результатом.

Зери (Зери: цитирование из Маннаберга (7) имел 9 лиц, за период 5-20 дней, потреблявших 1.5 – литров воды каждый (в общем 10-60 л) из малярийного округа; он позволял 16 лицам вдыхать такую же воду при распылении. Он вводил её

5 лицам ректально: никто из подопытных не заразился малярией. Также Соломон Марио (Марио цитировал из Маннаберга (7)) зарегистрировал такой же отрицательный результат.

.....

Никакие результаты не обнаружены в поддержку теории воды. Оставалось исследовать только переносят ли комары малярию через своё жало.

6. ...Бастианелли (смотри Маннаберг (7))...Для имитации жала комара он не делал ничего кроме укола шприцом Праваса, обмакнутом в малярийной крови, под кожей. Этого оказалось достаточно для возникновения тяжёлого случая малярии.

.....

7. ...1895 Росс (Росс, страница 9) позволил 4 комарам из вида малярийных насосаться крови у индийца Абдула Радира, у которого были множественные крестообразные формирования в крови, и 25 мая он позволил двадцатилетнему Лучману, который заявил о том, что никогда не болел ранее, быть укушенным ими. 5 июня последний заболел лихорадкой которая длилась 3 дня.

.....

8. В 1917 Вагнер-Яурегг (Вагнер-Яурегг: Псих. неврол. Еженедельник 1918) вводил искусственную инфекцию малярии для излечения прогрессирующего паралича. После этого, были инициированы эксперименты.

.....

9. Ф. Мюленс и В. Киршбаум (Мюленс и Киршбаум: Дальнейшие паразитологические наблюдения искусственной инфекции малярии при параличе. Архивы корабельной и тропической гигиены 1924, том 28, № 4, страница 131) в 1924 доклад об искусственной инфекции малярии при лечении паралича.

.....

Дифтерия

.....

Несмотря на терапевтическую сыворотку Беринга и защитную вакцину разработанную Берингом, сфера дифтерийной иммунизации интересовала различных исследователей. Их усилия в основном были направлены на разработку безопасного, активного иммунитета.

48. Уже в 1902 Джирговский (Джирговский, цитирование из Селигмана и Хаппе: «Положение активной защитной вакцины против дифтерии, гигиенические итоги 11, 1930) докладывал о нескольких экспериментах для защиты людей против дифтерии путём подкожных инъекций с постепенно нарастающей дозой токсина дифтерии.

.....

49. Блюменау (Блюменау, страница 137) разработал данный принцип в 1909. Он обмакивал хлопковые шарики в неразбавленный токсин и помещал их попеременно в правую, а затем левую ноздрю ребёнка 3-12 лет. Он добился роста концентрации антитоксина до 10 единиц на кубический миллилитр сыворотки.

50. Банди и Ганьони работали со смертельной бактерией (Банди и Ганьони, страница 137). Они вводили корь выздоравливающих с 4-х дневным раствором бацильных культур дифтерии с агаром которая была убита при 55° по Цельсию...

51. Бом и Рибольд (Бом и Рибольд, Единственный способ активной иммунизации против дифтерии, Мюнхенский медицинский еженедельник 1924, 232) были первыми кто использовал живые бациллы дифтерии для вакцинации людей. После обширных экспериментов на подопытных кроликах, они приступили к экспериментам на людях. Они использовали дифтерийную лимфу, которую они называли дикутан, смесь живых, высокотоксичных бацильных культур дифтерии в NaCl. Шестьдесят два лица были вакцинированы этой лимфой с 10-20 царапинами каждому на предплечье. Вакцинированными были –

- 22 ребёнка от 1 ½ -5 лет,
- 11 детей 6-11 лет,
- 17 детей 10-15 лет,
- 2 юноши 15-20 лет и
- 9 взрослых 20-50 лет.

.....

52. Эберхард (Эберхард, Содействие активной иммунизации против дифтерии. Журнал гигиены 105, страница 614) тестировались 4 различных вакцины изготовленные марбургским предприятием Беринг на их пригодность для иммунизации людей и для использования на станциях общественной вакцинации.

.....

53. Байер использовал лимфу предложенную Бёме и Рибольдом (Байер, Активная иммунизация от дифтерии. Ежегодник младенческой терапии 1925, 273) и вакцинировал ей 87 детей...

54. Мюллер и Майер (Мюллер и Майер, «Диагностика и иммунизация детей с угрозой дифтерии. Журнал младенческой терапии 39, 405, 1925). Они также проверяли эксперименты Бёме и Рибольда с такими же методами, вакцинировав 53 ребёнка, которые показали положительную реакцию на тест Шика.

.....

Тиф

55. Рейтано (Рейтано, цитирование из Ронтала, Бактериологический журнал 1933, III, страница 112) вакцинировал людей вирусом содержащимся в собачих клещах и вызвал тиф.

56. Один эксперимент датированный мировой войной стоил жизнью 50 турецких солдат. В 1915 году эксперименты иммунизации против тифа проводились в госпиталях 3-й турецкой армии с неактивной кровью заболевшего лица. Отдельный доктор брал кровь у тифозных выздоравливающих и вводил его, как Хамди (Хамди, «О результатах экспериментов иммунизации от тифа - «Журнал сравнительной гигиены», 1916, 235) как неактивную, 120 солдатам. Каждому по 5 кубических мл подкожно. Один солдат умер спустя 14 дней, остальные заразились тифом, который однако, прогрессировал удовлетворительным образом. Затем этот доктор вакцинировал ещё 310 солдат таким же образом. Из них 174 заболели и 49 умерли. В среднем инкубационным периодом были 12 дней.

.....

Чума

62. ...Булард (А.Ф. Булард, Де Мору, Восточная чума, Париж 1839)...

.....

Эксперименты продолжали проводить на осужденных лицах. 17 августа в 8 часов утра, 18-ти летний Ибрагим Хассан, который был приговорён к смерти, был одет в рубашку, нижнее бельё и пиджак лица тяжелоболевшего чумой. Непосредственно перед этим он был помещён в кровать с одним из пациентов, который ещё был тёплым от лихорадки. До 21 августа не было ни малейших признаков инфекции. Не развилось никаких симптомов заболевания. Однако, вечером того же дня, он пожаловался на небольшую головную боль, началась потеря энергии, кровообращение ускорилось...

Бубонная чума развилась на левом ребре...25 августа: дальнейшая рвота тёмно-зелёной массой. Язык сухой и имеет слабо высохший налёт. Пульс слабый и быстрый. Дыхание дрожащее, черты лица искажены. Ночью наступила смерть.

7 августа в 8 часов вечера. Мохаммед Бен Али, который был приговорён к смерти был одет в рубашку, нижнее бельё и пиджак лица серьёзно болевшего чумой. Непосредственно после он был помещён в кровать пациента. До 22-го симптомов заболевания не было. Утром 23-го сильное начало болезни. Недтвёрдая походка, затем невозможность ходить. Крайняя потеря энергии, выражение серьёзного заболевания...

.....

18 августа мы инфицировали лицо приговорённое к смерти кровью через 4 вакцинационных разреза в сгибе правой руки. Эту кровь взяли из головной вены чумного пациента, который болел 2 дня...

22 и 30 августа второе лицо, приговорённое к смерти, с полным телосложением и крепкого, инфицировали кровью. Первый раз в сгиб левой руки и в район правого ребра, второй раз наоборот. В районе вакцинации возникло только естественное покраснение и появились инфекции вызванные инструментом вакцинации, ничего больше.

.....

«Третье лицо приговорённое к смерти было инфицировано жидкостью взятой из чумного бубона на ребре и плече. Это же лицо было одето в одежду чумного пациента 20 дней и заражённого чумой со всеми её тяжёлыми симптомами. Кожа и ткань этого подопытного остались невосприимчивы к какому-либо всасыванию яда. Даже, когда инфицирование кровью повторилось 8 дней спустя, не возникло никакого заболевания».

.....

Натуральная оспа

В 1791, учитель Плетт из Гольштейна успешно вакцинировал трёх детей своего помещика в Штаркендорфе под Килем. Позднее, когда произошла эпидемия, они не заболели, при том, что их братья и сёстры, которых не вакцинировали заболели.

81. Дженнер начал с этих предпосылок. (Дженнер, цитирование из Пашена, К.Кр.У, Руководство о патологических микроорганизмах, т. VIII, 1 стр. 821). В своём первом тесте, он инфицировал оспой 16 лиц, которые ранее болели коровьей оспой. Они не заболели.

В 1796, молочник, который страдал от травмы пальца заразился инфекцией коровьей оспы, когда доил больную корову. Она развилась в заболевание коровьей оспой. Содержимым одной пистулы, Дженнер вакцинировал мальчика. У мальчика развились типичные вакцинные пистулы в районе руки. Две недели спустя, Дженнер осторожно инфицировал мальчика на обеих руках новым содержимым пистулы. Не возникло никакого заболевания, и второе инфицирование также являлось отрицательным. Таким образом, было подготовлено чёткое доказательство того, что коровья оспа переданная людям имеет такую же защитную ценность как и возникшая у животных.

Однако, потребовалась ещё одна эпидемия перед тем как успех Дженнера был признан. В этом примере он инфицировал 6 детей напрямую от коровы. У них возникла лёгкая инфекция, и последующее инфицирование не удалось.

Успех экспериментальных инфекций Дженнера на людях привёл к благу для всего человечества постольку, поскольку его фундаментальные эксперименты на людях привели к уничтожению оспы во всех странах имевших обязательную вакцинацию.

Фрагменты допроса эксперта, доктора Эндрю С. Айви защитой

.....

Заутер: Свидетель, вы являетесь экспертом в сфере авиационной медицины?

Айви: Да.

Заутер: Могу я спросить вас, в какой именно сфере авиационной медицины вы работали, потому что мои клиенты, которые являются признанными специалистами в данной сфере, придают особую важность установлению того в каких конкретно сферах вы работали?

Айви: Я работал в частности в сфере декомпрессии или болезни при падении давления и я также работал в сфере гипоксии или непрерывного воздействия высоты на уровне 18000 футов для установления того имеет ли она какой-либо эффект на утомляемость пилотов.

Заутер: Когда именно вы занимались сферами которые только, что назвали? Это было до Второй мировой войны, во время Второй мировой войны, или это было ранее?

Айви: Мои интерес к этим сферам авиационной медицины, включая свободное падение, которое я не упомянул, появился в 1939.

Заутер: По вопросу вашей особой работы в данной сфере, свидетель, вы также имеете публикации. Мне кажется, вы говорили о двух публикациях. Я правильно вас понял, или было больше?

Айви: Было две в сфере декомпрессионной болезни. Была одна публикация в сфере эффектов непрерывного воздействия умеренной нехватки кислорода. Моя ещё одна работа пока не опубликована, но представлена в виде отчёта комитету по авиационной медицине Национального исследовательского совета Соединённых Штатов.

Заутер: Когда были опубликованы эти две работы о которых вы сказали; когда и где они были напечатаны издательством? Они появились в журнале или периодическом издании?

Айви: Одна появилась в «Журнале авиационной медицины» либо в сентябре либо в октябре 1946. Другая появилась в «Журнале Американской медицинской ассоциации» либо в декабре или в январе 1946 или 1947. Публикация эффекта непрерывного воздействия умеренной нехватки кислорода появилась в квартальном бюллетене медицинской школы Северо-Западного университета и часть работы,

постольку, поскольку это влияло на устранение осадка в моче, появилась в журнале биологической химии в 1944 или 1945, я не уверен в этой дате.

Заутер: Свидетель, поэтому, вы таким образом не публиковались в сфере авиационной медицины до появления документов, о датах публикаций которых вы рассказали?

Айви: Вопрос не понятен.

Заутер: Вы только, что привели нам названия публикаций опубликованных вами и когда; теперь я спрашиваю имелись ли у вас, до приведённых дат, какие-либо иные публикации в сфере авиационной медицины?

Айви: Нет. Мои первые исследования начались в 1939.

Заутер: Вы сами, также проводили эксперименты; это не так?

Айви: Да.

Заутер: Конечно, на подопытных людях?

Айви: Да и на себе.

Заутер: И в барокамере?

Айви: Да.

Заутер: Это были частые эксперименты, или эксперименты в которых, вы сами, принимали участие нечасто?

Айви: Эксперименты в которых я принимал участие были нечастыми в сравнении с общим количеством экспериментов, которые я проводил.

Заутер: Вы принимали участие в этих экспериментах в качестве директора экспериментов, в качестве ответственного лица, или обычно вы сами были подопытным?

Айви: Я служил в обеих качествах. Например, я часто бывал на высоте 40000 футов для изучения симптомов кессонной болезни, с вспомогательным устройством давления, которое мы разработали в своей лаборатории. Я находился на высоте 47500 футов три или четыре раза, один раз на 52000 футах полчаса. Я часто находился на 18000 футах без дополнительного кислорода для того, чтобы изучить эффект степени нехватки кислорода присутствующий там на мою способность осуществлять психомоторные тесты.

Заутер: Вы можете рассказать нам, приблизительно в каком году вы начали эксперименты на самом себе?

Айви: В 1939.

Заутер: 1939; вы тогда проводили также эксперименты с взрывной декомпрессией? Свидетель, минуточку, по-английски это «взрывная декомпрессия» То есть это такой эксперимент в котором снижение происходит медленно до некой высоты, скажем 8000 метров, и затем внезапно, скажем, 15000 – вот, что я понимаю под

термином эксперимент «взрывной декомпрессии», и мой вопрос заключается в том, что вы также проводили такие эксперименты и в какой степени?

Айви: Я провёл более сотни экспериментов взрывной декомпрессии в различных лабораториях на животных, кролике, собаке, свинье и обезьяне. Я сам не служил в качестве подопытного в экспериментах взрывной декомпрессии. Но студент, который обучался вместе со мной физиологии, доктор Дж.Дж. Смит провёл первые эксперименты по взрывной декомпрессии в которых использовались люди, на базе Райт. Я знаком с работой, которую доктор Хичкок проделал по этому предмету в государственном университете Огайо, в которой он изучал на сотне студентов взрывную декомпрессию.

Заутер: Свидетель, на какой высоте; на какой максимальной высоте вы проводили эксперименты с взрывной декомпрессией на себе?

Айви: На животных она устанавливалась на 50000 футах; в случае подопытных людей, максимумом было 47500 с дыхательным оборудованием.

Заутер: Эту высоту вы достигли в своих собственных экспериментах. Итак, доктор, меня интересует знать о том, на какой максимальной высоте проводились какие-либо эксперименты с взрывной декомпрессией в Америке; что вам известно о максимальной высоте?

Айви: Мне кажется, что 47500 или немного выше являлось максимумом.

Заутер: Свидетель, вам известен немецкий физиолог, доктор Рейн; профессор Рейн, вам известно его имя; Р-е-й-н из Гёттингена?

Айви: Да.

Заутер: Сейчас он ординарий физиологии в Гёттингене, он является ректором университета и членом научно-консультативного комитета британской зоны. На основе ваших собственных сведений, вы считаете профессора Рейна авторитетным специалистом в сфере физиологии и авиационной медицины?

Айви: Я считаю его авторитетным физиологом, я не знаком с его работой в сфере авиационной медицины.

Заутер: Господин председатель, я ранее приобщал в качестве доказательства – я хочу напомнить об этом – экспертное мнение доктора Рейна о докторе Руффе. (Руфф 5, экз. Руфф 3). Это экспертные показания от профессора Рейна.

Свидетель, в своих экспериментах, вы также использовали сознательных отказников, не так ли? Вы правильно меня поняли?

Айви: Да, в некоторых экспериментах.

Заутер: Расскажите нам, почему вы использовали сознательных отказников? Они особо подходили для этих экспериментов; или какой была причина для вас, как проводящего эксперименты, использовать в особенности сознательных отказников?

Айви: Это была их обязанность, их добровольная обязанность по оказанию услуги обществу. Они не должны были ничего, кроме как оказывать услуги обществу. В экспериментах в которых мы использовали сознательных отказников, они могли посвятить всё своё внимание экспериментам. Многие подопытные, которых я использовал, являлись студентами-медиками или студентами стоматологами, которые помимо службы в качестве подопытных должны были посещать занятия в школах. В экспериментах проводимых на сознательных отказниках, они могли не посещать школу одновременно с проведением всех тестов которые предполагалось провести. Например, мы использовали группу сознательных отказников для непрерывного воздействия высоты 18000 футов без предоставления дополнительного кислорода. Эти тесты включали следование строгой диете, они включали выполнение рабочих тестов и психомоторные тесты, которые требовали несколько часов ежедневно. Другая группа сознательных отказников которую я использовал, использовалась для исследований витаминов в соотношении с утомляемостью.

Эти сознательные отказники должны были выполнять много аккуратной работы в течении дня, также как и проводить психомоторные тесты поэтому студенты-медики или студенты-стоматологи не могли использоваться. Нам требовались подопытные, которые могли проводить всё своё время на экспериментах.

.....

Заутер: Свидетель из ответов, даваемых до сих пор, мне пока не совсем ясно, почему вы особо упирали на сознательных отказников в качестве подопытных. Вы говорили о том, что были две группы людей; некоторые из них находились в тюрьме и некоторые должны были выполнять общественную службу. Из последней группы вы брали подопытных, но пожалуйста, дайте мне чёткий ответ на вопрос: почему вы особо использовали таких сознательных отказников для своих экспериментов с высотой?

Айви: Они могли посвящать полное время экспериментальным требованиям. Они не имели никакой другой работы в отличие от студентов-медиков или студентов-стоматологов, единственного другого типа подопытных доступных мне.

Заутер: Доктор, эти лица были обязаны нести общественную службу. Если бы этих сознательных отказников не было там или если бы их использовали для общественной службы, тогда бы у вас не было никаких подопытных. Должна была

быть особая причина, почему вы использовали именно сознательных отказников, и прошу, пожалуйста, расскажите мне об этой причине.

Айви: Что же, мы не смогли бы проводить эксперименты если бы не было сознательных отказников. Это ответ на ваш вопрос.

Заутер: Вы не могли использовать заключенных, даже сознательных отказников, которые отказывались выполнять нести общественную службу и поэтому находились в тюрьме не выполняя никакой работы? Вы не могли их использовать?

Айви: Что же, это бы означало, что я и мои ассистенты должны были пойти в тюрьму, которая была далеко. Сознательные отказники могли поступить к нам из университета в общежитии которого они могли жить или университетского госпиталя.

Заутер: Доктор, если бы ваши эксперименты были действительно важными – возможно, важными в виду состояния войны – тогда сложно понять почему эксперименты нельзя было проводить в тюрьме, скажем так. Остальные эксперименты проводились в тюрьмах в большой степени и по другому поводу. Доктор, вы рассказали нам о том, что просто должны были связаться с заключенными; вы просто написали им письмо или уведомили на доске объявлений и затем, в определенной степени, вы получили заключенных. Вы не можете дать мне никакой другой информации о том, почему вы использовали именно и только сознательных отказников?

Айви: Нет. Если бы мне было удобнее и необходимо использовать заключенных, мне кажется, что мы могли получить заключенных для этой работы.

Заутер: Свидетель, вы когда-нибудь были в исправительном учреждении в качестве посетителя?

Айви: Да.

Заутер: Вы видели то как размещаются преступники приговорённые к смерти?

Айви: Да.

Заутер: Они имели полную свободу или преступники приговорённые к смерти были закрыты в своих камерах?

Айви: Они были закрыты в своих камерах.

Заутер: Теперь, вы можете рассказать нам о том, как преступник приговорённый к смерти должен был увидеть объявление на доске объявлений? Вы нам рассказывали сегодня о том, что это было очень просто – разместить объявление на доске объявлений – и я несколько часов пытался представить как преступник приговорённый к смерти, который закрыт в своей камере, собирался пойти и посмотреть на доску объявлений.

Айви: Во время получения заключенными своей пищи, они могут проходить доску объявлений или листок бумаги с заявлением об этом, который можно было положить в их камеры для чтения, как и большой группе в столовой, заявление можно прочитать им.

Заутер: Преступники приговорённые к смерти получают пищу вместе со всеми в Америке? Насколько мне известно, там также преступнику приговорённому к смерти дают еду через окошко в двери камеры; он не может есть в общей столовой.

Айви: Да. Но вы должны помнить, что я не выделял, что преступники которых использовали для экспериментов с малярией являлись заключенными приговорёнными к смерти; как и не отмечал, что если бы мне пришлось пойти в исправительное учреждение, чтобы понять можно ли получить добровольцев для эксперимента с питанием, что я должен был отбирать заключенных приговорённых к смерти.

Заутер: Если вы здесь говорите о приговорённых преступниках в качестве подопытных, вы говорите о преступниках приговорённых к смерти или обычных преступниках, которые получили приговор или о других?

Айви: Я не использовал заключенных или преступников приговорённых к смерти. Вы использовали такое заявление. Я использовал заключенных.

Заутер: Тогда вы говорите только о заключенных?

Айви: Правильно.

Заутер: Эти заключенные находились в предварительном заключении, которые ещё не предстали перед судом или теми заключенными которым уже вынесли приговор?

Айви: Заключёнными которые уже получили некий приговор.

Заутер: Другими словами, заключенные которых осудили или приговорили?

Айви: Но не обязательно к смерти.

Заутер: Да, другие приговоры, помимо смертного приговора, включались. Вы как учёный, сами интересовались вопросом почему лицо приговорили, за какие преступления он был приговорён?

Айви: Нет, не интересовался.

Заутер: Вы хотя бы интересовались вопросом были ли человек осуждён обычным судом или военно-полевым, или чрезвычайным судом?

Айви: Ни одного из этих заключенных не приговорил военно-полевой суд; их приговаривал обычный гражданский суд.

Заутер: Откуда вы знаете? Вы не видели личных дел этих заключенных и не видели мнений и приговоров на основе которой заключенный был лишён свободы?

Айви: Только на основе типа заключенного, того, что он лишался свободы в некоем исправительном учреждении.

Заутер: Откуда вы, как доктор, точно знали о том какого рода заключенные содержались в этом исправительном учреждении и какого рода заключенные содержатся в другой тюрьме? Откуда вы это знали?

Айви: Это общеизвестный вопрос, для того кто читает газеты, прессу и кто в целом информирован о таких вопросах. В федеральном исправительном учреждении могут быть заключенные приговорённые военно-полевым судом.

Заутер: Заключенные федеральных учреждений использовались для экспериментов, насколько вам известно?

Айви: Да. Может быть.

Заутер: Другими словами, политические заключенные также, то есть, заключенные которых осудили военно-полевым судом или другим судом?

Айви: В Соединённых Штатах нет политических заключенных.

Заутер: Разве нет заключённых осуждённых за измену или предательство? Это политические преступления.

Айви: По моим сведениям нет.

Заутер: Заговорщики с противником во время войны; такие случаи не только возникали, но и наказывались, и вы должны знать об этом из газет, профессор; это политические заключенные. В Америке таких нет?

Айви: По моим сведениям нет.

Заутер: Доктор, если я правильно вас понял, вы заявили этим утром, что медицинский эксперимент со смертельными последствиями должен называться казнью или убийством; вы так говорили?

Айви: Я так не говорил.

Заутер: Тогда, что вы говорили?

Айви: Более менее, как я это процитировал, насколько я помню, я сказал, что при обстоятельствах, которые окружали первую смерть в экспериментах с большой высотой в Дахау, свидетелем которого предположительно стал доктор Ромберг, доктор Рашер убил подопытного; что смерть можно рассматривать только как казнь или убийство; и если подопытный являлся добровольцем, тогда на его смерть нельзя смотреть как на казнь.

Заутер: Свидетель, по вашему мнению, есть разница между экспериментом который относится к инициативе самого экспериментатора или тем, что был ли он приказан неким полномочным государственным ведомством, которые также принимает за него ответственность?

Айви: Да. Разница есть, но эта разница не относится, по моему мнению, к моральной ответственности исследователя за своего подопытного.

Заутер: Я не могу этого понять, доктор. Я могу представить, что государство отдаёт экспериментатору приказ, в частности во время военного времени, для осуществления неких экспериментов, и что в мирное время, по своей собственной инициативе, исследователь может не проводить такие эксперименты пока ему не приказывает государство. Вы должны сами осознавать разницу.

Айви: Это не снимает моральной ответственности с отдельного лица за его подопытного. Мне не кажется, что государство может принимать ответственность, приказывая учёному убить человека, для того, чтобы получить знания.

Заутер: Свидетель это не вопрос. Меня не интересует, может ли приказывать государство об убийстве кого-либо; меня интересует вопрос, по вашему мнению, может ли государство приказать, скажем об опасных экспериментах, экспериментах в которых могут случиться смертельные случаи. В Америке тоже, случались смерти несколько раз в экспериментах; каков ваш взгляд на это?

Айви: Государство, насколько мне известно, в Соединённых Штатах Америки никогда не приказывало учёным проводить какие-либо эксперименты в которых вероятно смерть.

Заутер: Доктор, я не говорю о сфере в которой возможна смерть. Я сказал о том где смерть возможна, и я прошу вас ответить на вопрос заданный вам. Если смерти вероятны, тогда вы правы, это убийство. Если смерти возможны, тогда я хочу знать, что вы об этом скажете. И позвольте мне напомнить вам доктор, что даже в американском воздушном флоте случаются смерти; другими словами смерть возможна.

Айви: Да, я согласен с тем, что возможно, что смерть случится случайно в эксперименты который является опасным. Как я говорил в своих показаниях, в таких условиях, когда это происходит, их причина подробно расследуется также как и обстоятельств смерти.

.....

Заутер: Свидетель, вчера вы говорил о ряде экспериментов проведённых в Соединённых Штатах и других странах вне Германии; Например, пеллагра, болотная лихорадка, бери-бери, чума, и т.д. Сейчас, я хочу получить от вас очень чёткий ответ на следующий вопрос. В этих экспериментах, о которых вы слышали отчасти от лиц участвовавших в них и отчасти из международной литературы, смерти случались во время экспериментов и в результате экспериментов или нет? Профессор, я задаю вам этот вопрос, потому что вы вчера сказали, что вы изучили

всю международную литературу и поэтому, имеете некие специализированные сведения по данному вопросу.

Айви: Я также сказал, что, когда кто-то обзореваает литературу, он не может быть уверен в том, что была сделана полная или совершенная работа.

Что касается отчётов прочитанных и представленных вчера, не было никаких смертей при окопной лихорадке. Не было упоминаний смертей, по моим сведениям, в статье о бери-бери, и не было смертей в статье, по моим сведениям, в статье полковника Стронга о чуме. Я не свидетельствовал о том, что я прочёл все статьи в медицинской литературе включающие использование людей в качестве подопытных в медицинских экспериментах.

Заутер: И, в литературе, которую вы прочли, свидетель, не было ни единого случая смерти? Я правильно вас понимаю?

Айви: Да. В экспериментах с жёлтой лихорадкой я отметил, что умерли доктор Кэрролл и доктор Лазэр.

Заутер: Это единственный известный случай?

Айви: Это всё о чем мне известно.

.....

Фрагмент допроса подсудимого Розе обвинением

.....

Макхэни: Итак, возникла бы крайняя необходимость для крупномасштабного производства тифозных вакцин и возникших в результате экспериментов на людях в концентрационных лагерях если бы Германия не воевала?

Розе: На этот вопрос нельзя просто ответить «да» или «нет». В целом это, не очень вероятно, что без войны, тиф возникал бы в немецких лагерях, но это не столь невозможно, потому что в мирное время, тиф также возникал время от времени. Основная опасность в лагерях заключается в опасности вшей, заражение от вшей происходит и в мирное время. Если эпидемия тифа начинается в лагере с заражения вшами, эпидемия тифа может, конечно, возникнуть и в мирное время.

Макхэни: Но Германия никогда не испытывала никаких трудностей с тифом до войны? Это правильно?

Розе: Много десятилетий, нет.

Макхэни: Вы заявили о том, что девятьсот лиц использовались для эксперимента доктора Стронга с чумой?

Розе: Да, я знаю, об этом количестве из литературы о предмете.

Макхэни: Какой является обычная смертность при чуме?

Розе: Это зависит от того бубонная чума или лёгочная чума. При первой, а именно бубонной чуме, смертность может быть такой высокой как шестьдесят или семьдесят процентов. Она также может быть ниже. При лёгочной чуме, смертность около ста.

Макхэни: Сколько человек умерло в экспериментах Стронга с чумой?

Розе: Согласно тому, что говорится в отчёте, никто из них не умер, но этот результат не мог быть неожиданным, потому что это было впервые, чтобы кто-то попытался внедрить живой вирус чумы людям, и Стронг сказал в своей первой публикации в 1905 о том, что он сам был удивлён тому, что не случилось никаких неприятных инцидентов и что была лишь сильная лихорадочная реакция. То, что несмотря на неожиданно благоприятный исход экспериментов Стронга, у специалистов были значительные сомнения об этой процедуре можно впервые увидеть из публикаций, в которых об этом прямо говорилось; например, двое англичан говорили, что вопреки ожиданиям, эти пршедшие эксперименты, несмотря на это, данный процесс нельзя было использовать для общей вакцинации, потому что всегда существовала опасность того, что из-за некоего неожиданного события, этот штамм снова станет вирулентным. Более того, из других работ, которые опубликовал Стронг позднее, видно, что подопытные кролики и обезьяны, которых вакцинировали этой вакциной умерли не от чумы, а от токсического эффекта вакцины. Все эти сложности были причиной того, почему это чрезвычайно важное открытие, сделанное Коллером и Отто в 1903 и Стронгом в 1905, применялось в целом, для практических целей, только с 1926. Это указывает на осторожность и страх с которыми впервые обращались к данному вопросу, и Стронг не мог знать заранее во время экспериментов, что они пройдут хорошо. Я описывал здесь огромное волнение Стронга в течении этих месяцев в отношении того факта, что может случиться то, чего опасается любой специалист, что вирус снова станет вирулентным. Это огромная ответственность.

Макхэни: Как бы то ни было, никто не умер. Это факт, не так ли?

Розе: Если кто-нибудь и умер, публикации ничего об этом не говорят. Были смерти только среди обезьян и морских свинок, которые упоминались в публикации. Если умирали люди, этого не упоминается в публикации. Общеизвестно, что если бы были серьезные инциденты в таких экспериментах как этот, они с неохотой предавались огласке.

Макхэни: Итак, профессор, у меня нет желания ограничивать вас, но, как я понял, вы объясняли эти вещи подробно в течение четырёх дней, на протяжении которых

вы давали показания. Если вы можете дать короткий ответ на мой вопрос, это всё чего я хочу. Если я захочу какого-либо дальнейшего пояснения я попрошу вас о нём.

Итак, какова обычная смертность при бери-бери?

Розе: Это зависит от предоставляемого медицинского ухода. Если уход хороший, смертность ноль, а если вообще не предоставлять медицинский уход, тогда умрёт большая часть.

Макхэни: Шестидесят-восемьдесят процентов вероятно умрут если их не лечить. Правильно?

Розе: Бери-бери длится много, много месяцев прежде чем лицо умирает, и обычно никто не умирает от бери-бери за шестьдесят дней – это будет тяжёлый случай.

Макхэни: Сколько людей Стронг использовал в экспериментах с бери-бери? Все, что вам известно это двадцать девять?

Розе: Насколько мне известно из литературы, количество было двадцать девять.

Макхэни: Что же, в литературе говорится, что он использовал только двадцать девять. Это правильно?

Розе: Насколько мне известно, да.

Макхэни: И один из них умер?

Розе: Согласно литературе, один из них умер.

Макхэни: Какова смертность от тифа?

Розе: Это сильно разнится. Это зависит от эпидемии. В некоторых эпидемиях смертность пять процентов. В целом, считается смертность в двадцать процентов. В сербско-албанской эпидемии в 1915, была смертность в семьдесят процентов, но эта смертность является чрезвычайно высокой, чем в целом предполагается, было больше случаев тифа чем сообщалось.

Макхэни: Что же, мы можем грубо принять от пяти до тридцати процентов смертности. Правильно?

Розе: Да. Так в целом говорят учебники.

Макхэни: Какой была смертность в экспериментах Бухенвальда, профессор?

Розе: В контролируемых случаях в эксперименте о котором я знал, смертность была тридцать процентов.

Макхэни: Среди контрольной, вы насчитали тридцать процентов?

Розе: Да. Было десять контрольных лиц в первой группе экспериментов, и из них умерло трое.

Макхэни: Трое умерло? Что же, но я полагаю, что вы вчитывались в дневник Динга и предположим сейчас, что это верно. Разве вы не скажете, что их также использовали как контрольных лиц в четвёртой или пятой серии экспериментов?

Розе: В контрольных случаях тестировалась вакцина, общая смертность была тридцать процентов. Но затем были эти терапевтические эксперименты в которых, согласно дневнику, предпринималось заражение кровью и в таком случае, дневник, упоминает необычайно высокую смертность.

Макхэни: Что же, профессор, для вашего сведения, мы насчитали пять контрольных серий в дневнике Динга, и я имею в виду контрольные как обходившиеся без какого-либо лечения. Смертность разнится между пятидесяти четырьмя и сотней процентов и в среднем восемьдесят один процент. Вы принимаете эти цифры как верные? Я имею в виду, вы думаете это правильно?

Розе: Нет. Это не соответствует впечатлению полученном мною из цифр в дневнике, но я не считал их настолько точно. Я посмотрел на отдельные эксперименты и правда, что, например, в этих терапевтических экспериментах, работа Динга упоминает смертность вроде пятидесяти, пятидесяти пяти процентов, и затем есть одна серия которая касалась заражения кровью двадцати человек. Мне кажется девятнадцать умерли.

Макхэни: Позвольте сказать вам, профессор, это не факт, что они касались не эпидемии в Бухенвальде, а супер-тифа, развивающегося при переносе от человека к человеку, который был гораздо более вирулентным и гораздо более смертельным чем какой-либо тиф который вы могли ожидать при эпидемии?

Розе: Об этом я не могу судить, потому что у меня нет никаких сведений о работе проводившейся в Бухенвальде и я могу сослаться только на дневник Динга, который я считаю ненадёжным.

Макхэни: Что же, если бы вы считали его надёжным, доктор, и если бы вы посчитали смерти среди не лечившихся контрольных лиц и нашли смертность, которая в среднем была восемьдесят один процент, вы как учёный и эксперт по тропическим заболеваниям, согласитесь с тем, что они разработали высоковирулентное, нечто, что мы можем называть супертифом в Бухенвальде? Это правильно, профессор?

Розе: Как учёный, я привык заявлять о своём мнении на основе достоверных документов, а не только на основе таких фальсификаций, которые готовятся для особой задачи.

Макхэни: Я могу заметить, что вы не относились к документу как к ненадёжному, профессор, но мы разберёмся с этим позже.

.....

IX. Решение трибунала по пункту один обвинительного заключения

Председательствующий: Генеральный секретарь отметьте для протокола присутствие всех подсудимых в суде.

Трибунал сейчас объявит о своём решении по ходатайству отдельных подсудимых против пункта I обвинительного заключения по обвинению в заговоре.

Военный трибунал I

Пункт I обвинительного заключения в настоящем деле вменяет, что подсудимые, следуя общему умыслу, незаконно, умышленно и осознано составили заговор и согласовали совместное совершение военных преступлений и преступлений против человечности определенных в статье 2 законе № 10 Контрольного совета. Предъявлено обвинение в том, что предполагаемые преступления были совершены между сентябрём 1939 и апрелем 1945.

Трибунал решил, что ни устав Международного Военного Трибунала, ни закон № 10 Контрольного совета не определяют заговор для совершения военных преступлений и преступлений против человечности в качестве отдельного самостоятельного преступления; поэтому, трибунал не имеет никакой юрисдикции для рассмотрения дела в отношении кого-либо из подсудимых по обвинению в заговоре в качестве отдельного, самостоятельного правонарушения.

Пункт I обвинительного заключения, кроме отдельного обвинения в заговоре, также предполагает незаконное участие в формулировании и осуществлении планов по совершению военных преступлений и преступлений против человечности, что в действительности включает совершение таких преступлений. Поэтому, мы, не можем надлежащим образом исключить весь пункт I из обвинительного заключения, но постольку поскольку пункт I вменяет совершение предполагаемого преступления заговора в качестве отдельного, самостоятельного правонарушения, отличного от любого военного преступления или преступления против человечности, трибунал не рассматривает данное обвинение.

Данное решение не следует рассматривать как ограничивающее действие статьи 2, параграфа 2 закона № 10 Контрольного совета, или как отрицающее право обвинения или защиты представлять доказательства о любых фактах и обстоятельствах, состоявшихся до или после сентября 1939, если такие факты и

обстоятельства направлены на подтверждение или опровержение совершения любым подсудимым военных преступлений или преступлений против человечности определённых в законе № 10 Контрольного совета.

Х. Заключительная речь в защиту подсудимого Карла Брандта доктора Серватиуса

Господин председатель, ваши чести:

Я не могу прокомментировать все вопросы, которые обвинение подняло этим утром. Я должен ограничить себя несколькими вещами и могу сослаться на свой заключительный обзор в котором я весьма подробно прошёл эти вопросы.

Этим утром я слышал подробные юридические аргументы выдвинутые обвинителем. Я особо прокомментировал эти юридические вопросы в своём заключительном обзоре, и я теперь сделаю лишь несколько коротких комментариев.

Обвинение признаёт, что закон № 10 является независимым законом. Это неверно, так как он прямо обозначает себя законом во исполнение Лондонского устава и заявляет о том, что устав должен быть неотъемлемой частью закона.

Итак, единственной задачей Лондонского устава является наказание нарушений международно правовых отношений, но не того, что случалось или случается где-то в отдельном государстве. Любая другая интерпретация приводит к концу концепции суверенитета и даёт право вмешательства в дела других государств.

На процессе трибунала III, дело № 3, против Флика и других, генерал Тейлор сослался на предполагаемое право вмешательства, процитировал значительное количество литературы в отношении данного права вмешательства во внутренние дела другого государства.

Я стремился сослаться на положение занимаемое к этому одной из четырёх держав подписавших Лондонский устав, подписавшую державу, которая сама стала жертвой вмешательства во имя цивилизации, Советскому Союзу. Я приложил указанную литературу к части I своего заключительного обзора.

Советский Союз сделал ясный вывод из интервенции которой его подвергла Антанта в конце Первой мировой войны и добился изменения текста Лондонского устава, согласно которому такое вмешательство было бы возможно, настояв на том, чтобы текст, который был двусмысленным из-за пунктуации, изменил поставленную точку с запятой. Эта точка с запятой была настолько важной, что представители четырёх подписавших держав собрались для того, чтобы обсудить данный вопрос.

Исходя из этого на внутренние дела страны нельзя повлиять Лондонским уставом и соответственно, законом № 10. Наказание трибуналом деяний совершённых немцами против немцев, следовательно, является недопустимым.

Обвинение далее продолжительно обсуждало этим утром ещё один вопрос, то есть вопрос заговора. Я также прокомментировал это в своём заключительном обзоре. Я просто коротко отвечу на это обвинению.

Точка зрения защиты, о том, что обвинение в заговоре как независимом правонарушении является недопустимым, была подтверждена сегодняшним решением трибунала. Таким образом, утечка в дамбе, так сказать, была остановлена, и нельзя позволять океану выходить на сушу с другой стороны объявляя о допустимости концепции заговора в общем праве.

Концепция заговора является технически подходящей только для юристов. Её цель влияет, кроме числа сообщников в подлинном смысле слова, на других лиц, которые как считается, заслуживают наказания, но в отношении которых нельзя подтвердить виновность в соучастии.

Это может быть сделано там где закон против заговора является общим правом. Однако, если данный закон вводится в Германии после события и применяется к фактам, которые случились в прошлом, это означает, что окольным путём процессуальный закон новой концепции был бы внедрён в материальное право. Это учитывает закон *ex post facto*³⁰² и следовательно, незаконность согласно общепризнанным юридическим принципам.

Цель расширения круга участников не может реализовываться в соответствии с законом № 10, разделяя концепцию заговора на свои составные части и вводя формы соучастия доселе неизвестные в Германии.

Теперь, я зачитаю свою речь:

В заключительной речи против подсудимого Карла Брандта, обвинение обсудило очень мало контрдоказательства предъявленных защитой в ходе слушаний. Оно полагалось на большую степень доказательств уже приведённых в обвинительном заключении.

Письменные показания самих подсудимых играют особую роль в поддержке обвинения. Для подсудимого Карла Брандта они являются важными в отношении его положения и соответствующих сведений и событий упоминаемых в обвинительном заключении.

Если эти письменные показания содержат только выдержки они могут быть использованы в соответствии с заявлением трибунала, против самих лиц

---

³⁰² «С обратной силой» (лат.)

давших показания. Постольку поскольку они включали подсудимого Карла Брандта, они были разъяснены в отношении решающих вопросов. Но несмотря на это исправление первоначальных заявлений может предрешить достоверность только при том, что хорошие причины оправдывают такую поправку.

Здесь результат допросов проведённых на предварительном следствии является противоречием доказательствам представленным трибуналу. На основе практического опыта, германское право считает верным доказательством только результат допроса проведённого судьей. Причина нехватки беспристрастности которая проявилась, совершенно естественна, в случае дознавателя, который осуществляет обвинение. Качество дознавателя для получения правды беспристрастно зависит от его характера, его подготовки и его профессионального опыта.

Квалификация дознавателей атаквалась здесь защитой, но обвинение не предприняло никаких усилий для её подтверждения.

Для того, чтобы сформировать суждение также является важным то, чтобы знать общие линии на которых обвинение осуществляет свои допросы. Согласно германскому праву обвинитель также должен предъявить исчерпывающий материал при расследовании дела лично или через помощников. Что касается американской процедуры, судья Джексон чётко отвергал данный принцип во время процесса в Международном Военном Трибунале и сказал, что он никогда не послужит двум господам.

Этот критический взгляд на письменные показания подтверждается их содержанием, которое часто показывает борьбу между дознавателем и допрашиваемым лицом. Они являются классическим свидетелем, который говорит: «Мне кажется», «Я предполагаю», «Насколько я помню», и так далее, так он соответственно показывает, что он не может дать никакой положительной информации. И такие показания становятся совершенно бесполезными если выводы делаются в форме: «Это было бы невозможно для него», «Он мог знать», «возможно он являлся высшей властью» и так далее.

Таким образом не только отдельные слова демонстрируют, что показания состоят из выводов, но целые части отчётов показывают такой же характер.

В виду всего этого, следует верить утверждениям подсудимых, о том, что они заявляли возражения, но уступали весу подготовленного материала предъявленного им и подписывали, доверяя тому, что они будут иметь возможность позднее разъяснить недостатки и заявить о своём подлинном мнении.

Эта критика из письменных показаний подсудимых также обращена на случаи письменных показаний данных свидетелями обвинения. В них

запротоколированы факты о которых свидетели сами не знали, но о которых только слышали и о которых они предполагали поверив в них после убеждения. Отдельные случаи в которых возражения должны заявляться в таких чертах, рассматриваются в заключительном обзоре.

Обвинения предъявленные против подсудимого Карла Брандта включают медицинские эксперименты на людях и эвтаназию. В обоих случаях подсудимый обвинён в совершении преступлений против человечности.

Пресса комментирует слушания, предвосхищая приговор и публикуя статьи о базовых характеристиках и порочности. Появляются брошюры с оскорбительным названиями.

С другой стороны трибунал сам ознакомился с литературой собранной защитой в качестве доказательства. Если прочесть эту литературу кое-кто утратит самоуверенность и не сможет сделать вывод, не признав, что те проблемы, которые лица не считали преступными пытались решить подсудимые. Они являются проблемами общества. Отдельное лицо может вносить предложения по их решению, но решение является задачей общества и следовательно государства. Вопрос заключается в том, насколько великую жертву может требовать государство в интересах общества? Это решение только для государства.

То как решит государство зависит от его свободного усмотрения, и находит свои границы только при восстании своих граждан. Подчиняясь приказам своего государства, подсудимый Карл Брандт не делал ничего плохого. Если ему будет вынесен приговор, это будет политический приговор против государства и идеологии представляемой им.

Можно осуждать подсудимого Карла Брандта только возложив на него обязанность восстания и обязанность иметь другую идеологию в своём окружении.

Утверждается, что государство находит свои рамки в вечных основополагающих элементах закона, который как говорится должен быть настолько понятен, чтобы любой мог распознать их нарушение как преступление, и что, следовательно верность государству за этими рамками является преступлением. Забывают, что вечный закон, закон природы, не является руководящим принципом для государста и законодателя и точкой отсчёта закона которую лицо может использовать в качестве поддержки против государства. Подчёркивалось, что никакое другое государство не принимало таких решений до сих пор. Это является правдой только в некоторой степени. Однако, это не является доказательством, того, что такие решения не являются необходимыми и допустимыми сейчас. Нет запрета стремлению к прогрессу.

Прогресс медицинской науки раскрыл проблему экспериментов на людях уже в прошлом веке, и в итоге он создал почву для её решения. Не впервые государство заняло чёткое отношение в отношении эвтаназии с изменением идеологии.

Только государственному деятелю решать, что следует делать в интересах общества и они никогда не медлили принимать те решения которые являлись необходимыми в интересах своего народа. Впоследствии их правила и приказы осуществляются от имени авторитета государства, который является основой общества.

Инквизиция, суды над ведьмами и революционные трибуналы существовали от имени государства и вечной справедливости, и ответственные лица не считали себя преступниками, а служителями своего общества. Они были бы убиты если бы выступили против того, во что верили как в открытую вечную справедливость. Что делать если приказы государства выходят за обычные рамки, которые отдельное лицо принимает как ненарушимые для традиции.

Что делал лётчик, который сбросил первую атомную бомбу на Хиросиму? Он считал себя преступником? О чём думал государственный деятель приказывая использовать атомную бомбу. Мы знаем из истории этого события, что мотив являлся патриотическим, основанным на жестокой необходимости пожертвования сотен тысяч для спасения жизней своих солдат. Этот мотив был сильнее чем запрет Гаагской конвенции, согласно которому воюющие стороны не имеют неограниченного права выбора методов причинения ущерба противнику.

«Дело его правое и притязания вполне законны» - говорит король. И солдат Шекспира³⁰³ отвечает ему: «Ну, этого нам не дано знать». Другой солдат добавляет: «Да и незачем нам в это вникать. Мы знаем только, что мы подданные короля, и этого для нас достаточно. Но если бы даже его дело было неправым, повинование королю снимает с нас всякую вину³⁰⁴»

Это тяжкая необходимость государства на которой основана защита Карла Брандта против обвинения в осуществлении преступных экспериментов на людях.

Здесь также – кроме заботы о населении – ставка это жизнь солдат, солдат которых необходимо защищать от смерти и эпидемий. В эксперименте профессора Бикенбаха, вопросом были жизни женщин и детей, которые без 45 миллионов противогазов были бы беззащитны против ожидавшейся газовой атаки также как

³⁰³ Уильям Шекспир (1564 — 1616) — английский поэт и драматург, зачастую считается величайшим англоязычным писателем и одним из лучших драматургов мира.

³⁰⁴ Цитата из книги У. Шекспира «Генрих V» приводится по изданию: Полное собрание сочинений в восьми томах. Издательство «Искусство», 1959, т. 5, перевод Е. Бируковой, <http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/henry5.txt>.

японцы против атомной бомбы. Биологическая война была неминуемой, даже восхвалялась за рубежом как самая дешёвая и более эффективная.

Действительно это противоречит закону и всей политической морали если государство в такой ситуации предусматривая ожидаемую чрезвычайность, приказывает необходимые медицинские эксперименты для проведения на своих гражданах? Что касается применения к иностранцам такой процедуры, она принципиально ограничивалась. В своём заключительном обзоре я обсуждал исключения.

То, что следует сделать решается не врачом, а политическим лидером. Даже эксперт доктор Айви вынужден предоставить ему фундаментальные полномочия.

С юридической точки зрения настолько ясен вопрос, почему, человек типа Кейтеля отказался от проведения этих экспериментов Вермахтом, и почему некоторые из подсудимых сами пытались отвергнуть всякую связь с экспериментами. Ответ заключается в том, что мера могла быть настолько неизбежной насколько война и вызывающей отвращение таким же образом.

В отличие от профессора Айви, эти люди, разумеется считали эти эксперименты злом, и если возможно, они не желали лично в них участвовать, и не позволяли войскам, которые нельзя было обременять такими вопросами и которые не имели понятия о необходимости принятия мер, участвовать в них. Несмотря на всё, Германия не была настолько «коммунизирована» чтобы все личные чувства в отдельных людях исчезли.

Обвинение возражает такой необходимости условием абсолютной добровольности.

Удивительно было услышать от эксперта, профессора Айви о том, что в исправительных учреждениях много сотен добровольцев настаивали на проведении этих экспериментов, и что было больше добровольцев чем нужно. Я не хочу обозначать данный феномен с иронией и сарказмом. Могут быть люди, которые сознают, что общество имеет право просить у них жертвы. Их чувство справедливости, может говорить им, что приверженность гуманизму имеет свои границы. Если гуманизм означает обращение к сильному не забывая о слабом при отречении от силы и благополучия, слабый должен также вносить свой вклад, когда есть нужда.

Но, что если при чрезвычайности войны, осужденные, и те кого объявили непригодными к службе в вооруженных силах, отказываются принимать такую жертву добровольно, а лишь подтверждаются как социальное бремя для государства

и общества и ведут к упадку общества? Разве принуждение государства это не допустимое искупление?

Обвинение говорит: «Нет». Согласно нему права человека требуют ниспровержения человека.

Но есть смесь добровольного и обязательного искупления, «приобретаемой добровольности». Тут подопытный не делает жертвы из убеждения в хорошем для общества, но делает хорошо для себя. Подопытный даёт своё согласие, потому что он получает деньги, сигареты, смягчение наказания и т.д. Могут быть изолированные случаи такого характера в которых лицо в действительности доброволец, но как правило это не так.

Если сравнить подлинный риск с предоставляемым преимуществом, нельзя признать согласие этих «добровольных заключенных» законным, несмотря на все охранные формы которые они должны подписать, так как они могут быть получены пользуясь преимуществом неопытности, безрассудства или беды.

Изучив медицинскую литературу, нельзя избежать нарастающего убеждения в том, что слово «доброволец», там где оно вообще появляется, используется как слово защиты и маскировки; оно вряд ли, когда-либо исчезнет, так как борьба над этой проблемой обострилась.

Я очень коротко затрону то, что я подробно объяснил в своём заключительном обзоре. Никто не утверждает, что люди действительно добровольно позволяли инфицировать себя венерическими заболеваниями; об этом нигде прямо не говорилось в литературе. Холера и чума также не являлись небольшими неудобствами похожими на пустяки проходимые добровольно в интересах науки. Прежде всего, непривычно передавать детей для экспериментальных целей, и нельзя поверить в то, что в 13 экспериментах проведённых всего на 223 детях, как заявляется в документе Карл Брандт 117, экземпляр Карл Брандт 103, матери давали своё согласие. Разве матери не заслужили похвалы от учёного за доверчивую жертву в интересах науки, похвалы, которая иначе свободно предоставляется реальным добровольцам в отчётах об экспериментах?

Это не похоже на похожие эксперименты проведённые профессором Маккэнси? (Карл Брандт 93, экз. Карл Брандт 29) Германские власти, которые осуждают подсудимых в особо жестокой форме, не имеют возражений против приказа передавать ослабевших детей в исследовательскую комиссию для экспериментальных задач. На анкеты, которые трибунал одобрил меня для того, чтобы получить дальнейшую информацию о данном вопросе нет ответа, так как высшие власти не разрешили делать такие заявления. Такого молчания довольно;

это является доказательством того, что предполагается законным сегодня в линии «добровольчества».

Непрерывно показывалось, что эксперименты на которые не давали согласия, разрешались при полной осведомлённости правительственных властей. Далее показано, что эти эксперименты публиковались в профессиональной литературе без встречи какого-либо возражения, и что они даже были приняты обществом без заботы, как обычный феномен, когда отчёты о них появлялись в популярных журналах.

Это случается во время, когда эта же пресса клеймит как преступления против человечности немецкие эксперименты, которые были необходимы в интересах государства. Добровольность это фикция; государственная чрезвычайность тяжёлая необходимость.

Во всех странах эксперименты проводились докторами, конечно не потому что они получали удовольствие от убийства или пыток, но только лишь по инициативе и при защите своего государства и в соответствии с собственным убеждением о необходимости этих экспериментов в борьбе за существование народа.

Немецкого доктора, который действовал в соответствии с немецкими правилами нельзя наказывать сильнее чем американского доктора, который выполнял просьбы своего государства, тем способом который был там привычен.

Справедливость является неразделимой.

В какой мере подсудимый Карл Брандт причастен к медицинским экспериментам?

Обвинение говорит, что он причастен почти ко всем из них и ссылается на его должность и его связи. Оно говорит о том, что он являлся высшей властью Рейха в медицинской сфере; однако, в этом оно последовало за ошибкой переводчика, так как Карл Брандт имел полномочия, регулируемые общим образом, как «Oberste Reichsbehoerde», но осуществление этой власти ограничивалось отдельными случаями.

Это видно из трёх известных распоряжений и из объяснений о них, данных свидетелями. Более того Карлу Брандту не передавали этих функций до 1944, когда эти эксперименты практически закончились, как показывает график времени представленный трибуналу для сравнения.

Нашло подтверждение то, что подсудимого Карла Брандта наоборот, публично называли его должность как рейхскомиссара «координатора». Фактически, задачей Карла Брандта было не приказывать, а координировать; данная задача определяла настрой его характера.

Мы также узнали из представленных доказательств, что подсудимый Карл Брандт не имел в своём распоряжении механизма для принятия приказов, который был необходимым для верховной власти Рейха; ему не хватало штата и средств. Никто из тех кто знаком с правительственным управлением не подумает, что в таких обстоятельствах было возможно, чтобы подсудимый Карл Брандт даже мог проводить свою точку зрения в виду сопротивления старых ведомств; никто даже не подумает, что вероятно следовало сделать, что нибудь ещё для упрощения такой попытки «нового хозяина».

Соответственно, положение Карла Брандта не являлось таким, чтобы оправдать вывод сделанный обвинением о его общей осведомлённости. Не имелось официального канала по которому всё могло доходить до его сведения, так как он не являлся вышестоящим начальником других ведомств.

Правдой является то, что подсудимого Карла Брандта предположительно должны были информировать о фундаментальных вопросах, что он имел право вмешиваться, и т. д. Но это были лишь возможности, не соответствующие условиям на практике. Мы увидели, что Конти противостоял ему и что Гиммлер запретил непосредственный контакт Карла Брандта с его сферой.

Следовательно, Карла Брандта можно связать только с событиями в которых он участвовал непосредственно.

Прежде всего поражает то, что подсудимый Карл Брандт, который предположительно должен был являться высшей властью, появляется очень редко.

Есть так называемые войсковые эксперименты: тестирование питьевой воды, концентрированной пищи и мази при ожогах.

Далее, с подсудимым Карлом Брандтом связаны три медицинских эксперимента. Эксперименты с гепатитом, которые, как говорилось он предложил, не проводились. При том, что исследования продолжались в течение последующих лет, Карл Брандт, который как говорится особо их поощрял, не упоминался никем из множества свидетелей и экспертов, и его имя не упоминалось ни в одном документе. Разве это не является, правдоподобным объяснением того, что Гравиц перепутал имена?

Второй случай это просьба о передаче 10 заключенных на два дня для неназванного эксперимента. Это не может относиться к реальному медицинскому эксперименту, так как такой эксперимент нельзя провести за такое короткое время при необходимости тестов и наблюдений. Быстрый возврат подопытных указывает на то, что эксперимент не являлся опасным.

Наконец, подсудимый Карл Брандт связан с экспериментами с фосгеном Бикенбаха, которые вызвали смерть четырёх немцев приговорённых к смерти. Но

именно письменные показания Бикенбаха показали, что подсудимый Карл Брандт находился вне проведения эксперимента в сфере Гиммлера, и что к нему обратились просто как к посреднику. Приказ пришёл от Гиммлера. Эксперименты должны были показаться подсудимому Карлу Брандту неопасными, так как Бикенбах хотел провести их на себе.

С другой стороны, существовало чрезвычайное положение и огромная важность открытия, о том, что приём нескольких таблеток уротропина может вообще дать горячо желаемую защиту от ожидаемой газовой атаки, и как показал итог эксперимента, действительно предоставлял её.

Теперь обвинение стремится установить связь Карла Брандта с остальными экспериментами, через совет исследований Рейха. Правдой является то, что можно установить такую связь теоретически на бумаге, но цепочка разрывается при ближайшем рассмотрении. Только глава специализированного отдела судил о так называемых исследовательских заданиях, и только он изучал, была ли цель необходимой для войны, а не том как проводить эксперимент. Он не мог информировать остальных по вопросам о которых сам не знал.

Подсудимый Карл Брандт далее обвинён в не заявлении протеста в одном случае, когда он слышал о подробностях смертей вызванных экспериментами на лицах приговорённых к смертной казни в хорошо известной лекции о сульфаниламиде. Я должен отметить, что даже если бы эксперимент был недопустимым, молчание не являлось бы преступлением так как согласие после деяния не имеет важности в уголовном законе и может быть связано с планами и мероприятиями до тех пор пока они были реализованы.

Теперь обвинение представило в своём заключительном обзоре новое обвинение, в котором утверждается, что подсудимый Карл Брандт является ответственным за халатность. В данном отношении я хочу отметить, что не было предъявлено никакого обвинения в халатности и что концепция преступления против человечности совершённая посредством халатности не может существовать.

Следовательно, будет достаточным подчеркнуть, что предполагаемая халатность зависит от существования обязательства по надзору и прав отдавать приказы через иные ведомства. Во всяком государстве сферы компетенции разделены и каждому невозможно вмешиваться во всё, потому что любой должен быть ответственным за всё.

Обвинение говорит о том, что подсудимый Карл Брандт должен был использовать своё влияние и воспользовавшись своими близкими отношениями с Гитлером остановить эксперименты. Даже предполагая то, что он был осведомлён о

фактах как преступных, его вина не являлась бы юридической, а только политической или моральной.

До сих пор никто не был признан виновным в уголовной ответственности за поведение вышестоящего начальника или друга; однако, трибунал должен рассматривать только вопрос уголовного закона.

Но фактически такие близкие отношения не существовали; подсудимый Карл Брандт являлся хирургом, который должен был сопровождать Гитлера; доктор Морелль, последующий личный врач, вскоре попытался подорвать доверие к Карлу Брандту для чего ему были даны поручения, которые всё дальше и дальше отстраняли его от сферы медицинской деятельности.

Предполагаемые близкие отношения окончательно увенчались вынесением смертного приговора против Карла Брандта даже без его уведомления о предъявленных обвинениях.

Если подытожить всё относящееся к медицинским экспериментам и следовать в большей степени обвинению, является установленным фактом, что не показано то, что подсудимый Карл Брандт каким-либо образом участвовал в экспериментах на военнопленных и иностранцах или был осведомлён о них. Поэтому, не могли быть совершены никакие военные преступления или преступления против человечности, и соответственно наказание согласно закону № 10 исключается. В этой связи я сошлюсь на правовые аргументы в своём заключительном обзоре.

Второй проблемой является эвтаназия.

Разрешение от 1 сентября 1939 было принято до периода медицинских экспериментов, в то время, когда подсудимый Карл Брандт ещё был тесно связан с штаб-квартирой фюрера и Гитлером в качестве сопровождающего врача.

В своём заключительном обзоре я подробно объяснил, что подсудимый Карл Брандт не участвовал в акции «14 ф 13», с «особым обращением» с заключёнными концентрационных лагерей, случаями которым дали название эвтаназии только здесь на процессе.

Подсудимый Карл Брандт не принимал никакого участия в уничтожении евреев в Аушвице, которое также не имело никакого отношения общей идеи эвтаназии.

Я далее показал, что так называемая «дикая эвтаназия», которая проводилась одновременно и непосредственно после законной эвтаназии, не инициировалась Карлом Брандтом. Остановка эвтаназии в августе 1941 была подтверждена, и поэтому это было завершением обязанностей Карла Брандта; чтобы значило это прекращение, если, после него, возросла активность? Контакты Карла

Брандта после прекращения были выяснены как и последствия его деятельности связанные с эвакуацией для воздушной защиты. Там где имя Карла Брандта упоминается иначе, это очевидно служит только в качестве средства информации для неинформированных людей, которые никогда не видели и не слышали ничего о них самих.

Я должен разобраться с эвтаназией лишь в той мере, которая официально касалась указа от 1 сентября 1939. О «комитете Рейха», я ссылаюсь на свой заключительный обзор.

Представление доказательств установило, что подсудимый Карл Брандт действительно не имел никакого «административного и медицинского ведомства» из которого можно было управлять всей организацией. Напротив, фактом является то, что Боулер объявил себя единственным ответственным за процедуру; об этом однозначно свидетельствуют документы.

Не известны никакие правила или инструкции, которые были приняты Карлом Брандтом. Ни единого документа им не подписано. Он не произносил речей и не проводил совещаний.

Но, что он делал и в чём заключалась его обязанность?

Его обязанностью не являлось осуществлять эвтаназию; он должен был информироваться только в особых случаях для того, чтобы можно было докладывать Гитлеру. Это соответствовало существовавшим условиям – его присутствию и одновременному пребыванию в штаб-квартире фюрера, у Гитлера.

Лишь однажды Карл Брандт виден действующим, и это переговоры с пастором фон Бодельшвингом, которые привели к результату, поразительному для нас, тому, что подсудимый Карл Брандт заслужил доверие Бодельшвинга, и после краха последний заявил на радио, что Брандт являлся идеалистом, но не преступником.

Но подсудимый Карл Брандт уведомлялся об опросных формах, он инспектировал регистрационное бюро и контрассигновал полномочия врачей которые должны были осуществлять эвтаназию.

Что мог узнать подсудимый Карл Брандт из этих форм?

Обвинение думает о том, что евреев и иностранцев это касалось в первую очередь. Письменные показания директора еврейской психиатрической больницы для лунатиков, в которой собирались все психически больные евреи Германии, подтверждают, что такого не было.

Обвинение говорит о том, что всех лиц непригодных для работы должны были убивать как «бесполезных едоков» Но фактом является то, что даже

мастерские запрашивали об информации только в случаях тяжёлого психического заболевания.

Что знал Карл Брандт о процедуре?

Он знал о том, что разрешение, которое было принято, не являлось приказом отданным доктором, но только предоставлявшим ему право действовать под свою ответственность после наиболее аккуратного изучения состояния пациента. Это было положение включённое в указ от 1 сентября 1939 по инициативе Карла Брандта.

Подсудимый Карл Брандт знал о том, что специалисты, которых он не знал, выбирались министерством внутренних дел и о том, что эксперты были видными людьми в своих специальных сферах.

Подсудимый Карл Брандт также знал о том, что власти не видели никакой причины возражать мерам, и что даже главные юристы Рейха заявляли о законных основаниях как безупречных, после информирования о фактах.

В рамках этой работы подсудимый Карл Брандт одобрял официальную эвтаназию и поддерживал её.

Но обвинение даже называет эвтаназию многотысячным убийством. По его мнению не существовало формального закона, и предполагается, что эксперт, доктор Ламмерс подтвердил это.

Да, но он также заявил о том, что даже неформальный указ был правильным. Даже приказ отданный фюрером имел силу закона, как можно видеть из неоспоримых эффектов таких приказов, в частности в отношении иностранцев.

Но для подсудимого Карла Брандта не было важно, действительно ли действовал указ от 1 сентября 1939 или нет; единственная важная вещь заключалась в том, что у него была причина верить в то, что он верный и он может полагаться на это мнение.

Германские суды уже рассматривали дела о практике эвтаназии; но эти случаи были после официальной остановки процедуры, как в Хадамаре или после убийства тех лиц кто никогда не подпадал под полномочия предусмотренные указом или при совершении других преступлений.

Следует заметить, что эти приговоры, всегда подтверждают базовые мотивы правонарушителей. С другой стороны, эти суды занимались вопросом публичного права только в той степени, что они подтверждают, что не было доступно никакого формального закона. В одном деле суд ограничил себя информацией предоставленной членом штаба обвинения на процессе Международного Военного Трибунала.

Реальные возражения эвтаназии не основаны на формальной точке зрения, но скорее на тех же причинах, которые выдвигались против допустимости медицинских экспериментов.

Даже психически больное лицо низшей степени, как говорилось, не может быть убито. Ни один человек предположительно не может убить другого человека.

Но право на убийство в войне принято международным правом и публичное право разрешает подавление насильственного мятежа.

Что предотвращает приказ государства убивать также и в сфере эвтаназии?

Ответ на это заключается в том, что нет мотива оправдывающего такого рода действия.

Экономический мотив устранения «беспольных едоков» разумеется не является достаточным для таких мер. Такой мотив никогда не поддерживался подсудимым Карлом Брандтом; видимо это упоминалось другими в качестве сопутствующего обстоятельства и позднее было принято в качестве контрпропаганды.

Подсудимый Карл Брандт считал мотив жалости к пациенту единственно решающим. Этот мотив молчаливо принят для эвтаназии у смертного одра и доктора во всех странах всё больше и больше признают его.

В былые времена суды постоянно занимались убийствами совершёнными из жалости, и на сенсационных судах, жюри присяжных признавали правонарушителей невиновными, которые освобождали своих ближайших родственников от пытки жизнью.

Кто не пожелает умереть в добром здравии нежели будучи принуждаем всеми ресурсами медицинской науки продолжать жить деградировав до животного существования! Только ложная цивилизация оставит таких людей в живых; в естественной борьбе за существование природа более милосердна.

Но законодатель воздерживается от передачи полномочия убивать в таких случаях. Но он может разрешить проблему если захочет. Причины для такого воздержания именно такие, которые привели в данном случае к маскировке этих мер и наблюдавшейся секретности. Существует опасность обоснованных интриг о наследстве, душевное бремя на родственниках и так далее. Отдельное лицо не хочет нести это бремя, как и не способно сделать это. Его может взять только государство, которое является независимым от желаний тех кто заинтересован.

То, что такой является воля большинства тех кто действительно столкнулся с этими проблемами, показывает результат опроса проведённого профессором Мельцером, который был приобщён в качестве доказательства. Он был проведён им много лет назад для того, чтобы получить аргумент против эвтаназии и

её принципиальных сторонников, Биндинга и Хохе. Он получил обратное тому, на что рассчитывал как эксперт.

Но я вижу третий мотив, который подсознательно играет важную роль; это идея жертвы.

Лунатик может привести к душевному и экономическому расстройству семьи и также морально её разрушить.

Если здоровые люди делают огромные жертвы для общества и кладут свои жизни по приказу государства, психически больное лицо, если оно может осознавать себя душевно и принимать решение, выберет похожую жертву для себя.

Почему государству не позволить сделать эту жертву в его случае и сделать с ним то, что он хочет сделать сам?

Государству запрещается осуществлять такую эвтаназию при том, что весь мир это госпиталь, при том, что создания природы остаются незапятнанными тем, что они считают жестокостью природы?

Решение о том, допустим ли такой приказ отданный государством или нет зависит от концепции социальной жизни человечества и следовательно является политическим решением.

Ни подсудимый Карл Брандт, ни кто-либо ещё, кто участвовал в легализованной эвтаназии никогда бы не убил человека по собственной инициативе и собственными полномочиями, и в вынесенных безупречной бывшей жизни германских приговорах всегда подчёркивалось клеймение лиц как массовых убийц.

Такое предупреждение должно быть осторожным. Разве они действительно совершали жестокости, или их приговорили только из-за того, что они не были в состоянии плыть против веления времени и противостоять ему своим собственным мнением?

Христианская вера, в догме отвергает жалость в своём мышлении. Но если приказ об использовании эвтаназии в желательной ограниченной степени действительно противоречил божественной заповеди, и каждый мог осознать это, тогда непонятно почему Гитлер, который никогда не выходил из церкви, не был отлучён от церкви.

Это должно снять бремя вины, которое теперь хотят возложить. Тогда гуманность была бы ясно осознана в то время, когда в этой дьявольской борьбе человек не может победить ради бога справедливость.

Если и есть правонарушители есть много сонарушителей и можно понять пастора Нимёллера³⁰⁵ сказавшего: «Мы все виновны».

³⁰⁵ Мартин Нимёллер (1892 — 1984) — немецкий протестантский богослов, пастор протестантской евангелической церкви.

Это моральная или политическая вина, но нельзя перекладывать её на одного лица как преступную вину.

Таким образом, я показал фундаментальные линии, вместе с действиями подсудимого Карл Брандта о которых следует судить.

Основное соображение для приговора данного трибунала заключается в том, что никакие военнопленные и иностранцы не подвергались эвтаназии при сведениях и по желанию подсудимого Карла Брандта.

Таким образом, Карл Брандт не может быть наказан в соответствии с законом № 10, также и по данному пункту. То, что происходило между немцами не подлежит рассмотрению данного трибунала.

Наконец, подсудимый Карл Брандт также обвиняется в членстве в СС, организации объявленной преступной. Доказательства показывающие, что подсудимый Карл Брандт знал о преступной цели организации и одобрял её должны быть представлены обвинением. Ссылка на общие утверждения в данных слушаниях не является достаточным доказательством, так как именно здесь обвинение не смогло достичь цели своими утверждениями в отношении Карла Брандта.

Что касается подробностей я сошлюсь на заявления в моём заключительном обзоре.

Тот факт, что подсудимый Карл Брандт являлся единственным членом СС который в то же время сохранял свою должность в качестве медицинского офицера армии показывает, что его почётное звание в СС являлось только формальностью, и что он не являлся подлинным членом этой организации.

Когда подсудимый Карл Брандт свидетельствовал здесь, что он носил форму СС с гордостью, это показывает лишь то, что он, как большинство эсэсовцев, ничего не знал о её преступных целях. В приговоре об организации СС, Международный Военный Трибунал был осведомлён только о малой доле целого, заглянув, так сказать, через замочную скважину в тёмный угол.

Как подсудимый Карл Брандт не имел никаких личных сведений о секретах Гимmlера, так и Гимmlер лично отвергал его, как показано в ряде письменных показаний. Так как подсудимый Карл Брандт не мог получать информацию даже в своей собственной сфере медицины, как он должен был получать сведения о других вопросах?

Я не хочу повторять письменные показания, которые предоставили информацию об основном отношении подсудимого Карла Брандта и показали то, что он придерживался отношения которое было несовместимым с духовностью предполагаемой для типичного эсэсовца. В данной связи я просто сошлюсь на

заявления сделанные пастором Бодельшвингом, доктором Герштенмайером, Майером-Бокхофом, принцем Филиппом Гессенским и другими.

Если, я, как защитник, рассмотрел поведение Карла Брандта в целом и увидел раны полученные в борьбе за жизнь, я должен признать, что он является человеком, а не преступником.

Однако, для решения трибунала единственный решающий факт заключается в том, что подсудимый Карл Брандт не потревожил круг международного права, так как он не совершил никаких военных преступлений и соответственно никаких преступлений против человечности. Таким образом, я прошу того, чтобы подсудимый Карл Брандт был оправдан.

ХІ. Последние слова подсудимых, 19 июля 1947

Последнее слово подсудимого Карла Брандта

Есть слово, которое кажется таким простым – приказ; и насколько колоссальны его последствия. Насколько неизмеримы конфликты, которые кроются за словом подчинение. Меня затронули оба, подчинение и приказ, и оба возлагают ответственность. Я являюсь доктором и на моей совести лежит ответственность ответственностей за людей и их жизнь. Совершенно бесстрастно обвинение предъявило обвинение в преступлении и убийстве и оно подняло вопрос моей вины. Не имело бы никакого веса если бы друзья и пациенты защищали меня и хорошо говорили обо мне, говоря о том, что я помогал и лечил. Было бы много примеров моих действий во время опасности и моей готовности помогать. Всё это сейчас бесполезно. Что касается меня я не должен избегать этих обвинений. Но попытка обозначить себя как человека, является моей обязанностью перед всеми теми кто верит в меня лично, кто доверял мне и кто полагался на меня как на человека также как доктора и начальника.

Независимо от того как я представал перед этой проблемой, я никогда не относился к экспериментам на людях как к само собой разумеющимся, даже когда не возникало опасности. Но я подтверждаю их необходимость по обоснованным причинам. Я знал, что возникнет оппозиция. Я знал о том, что вещи побеспокоят совесть медика и я знал внутреннее волнение, возникающее, когда этика любой формы разрешается приказом или подчинением.

Нематериально для эксперимента, проводится ли он согласно или вопреки воле участвующего лица. Для отдельного лица событие выглядит бессмысленным, настолько же бессмысленным как мои действия в качестве доктора выглядят изолированно. Смысл находится гораздо глубже этого. Могу я, как отдельное лицо, отвергнуть себя от общества? Могу я оставаться извне и быть без него? Мог я, как часть этого общества, избежать этого, сказав, что я хочу жить в этом обществе, но я не хочу делать для него жертв, ни телесных ни духовных? Я хочу иметь чистую совесть. Позвольте понять как они уживаются вместе. И пока мы, это общество и я, являемся чем-то единым.

Поэтому я должен вынести эти противоречия и последствия, даже если они останутся непостижимыми. Я должен нести их как моё бремя по жизни, которое

поставило мне эти задачи. Смысл мотива – преданность обществу. Если из-за этого я виновен, тогда я буду отвечать за это.

Шла война. В войне, все усилия похожи. Её жертвы касаются всех. Они легли на меня. Но разве это жертвы моего преступления? Я растоптал заветы гуманизма и презрел их? Я переступил по людям и их жизням как если бы они были ничем? Люди покажут на меня и закричат: «Эвтаназия» и ложно: «бесполезные», «непригодные», «не имеющие ценности». Но что произошло на самом деле? Пастор Бодельшвинг, в середине своей работы в Бетеле в прошлом году, сказал о том, что я был идеалистом, а не преступником? Как он мог так сказать?

Здесь я, субъект самых ужасных обвинений, как если бы я не был доктором, а бессердечным, бессовестным человеком. Вы думаете, что мне было в удовольствие получить приказ об эвтаназии? 15 лет я трудился у постели больного и каждый пациент был мне как брат. Я беспокоился о каждом больном ребёнке как если бы он был моим собственным. Моё личное бремя было тяжёлым. Вина в этом?

Разве моей первой мыслью не было ограничение эвтаназии? Разве я, в момент моего включения, не пытался найти границу и не требовал наиболее подробного отчёта о неизлечимо больных? Разве не назначались университетские профессора? Кто ещё мог быть лучше квалифицирован? Но я не хочу говорить об этих вопросах и их исполнении. Я защищаю себя от обвинения в негуманном поведении и подлых намерениях. Перед лицом этих обвинений я борюсь за своё право на гуманное лечение! Я знаю о том насколько сложной является эта проблема. С огромным пылом я мучил себя снова и снова, но философия и мудрость здесь не помогали мне. Существовало распоряжение в котором было моё имя. Нелишне сказать, что я мог симулировать болезнь. Я прожил эту жизнь не для того, чтобы избегать судьбы которая меня ждёт. И таким образом я согласился с эвтаназией. Я полностью осознаю проблему; она стара как само человечество, но это это не является преступлением ни против человека ни против человечности; Это является жалостью к неизлечимо больному, буквально. Здесь я не могу верить как священник или думать как юрист. Я доктор, я понимаю закон природы как обоснованный закон. В своём сердце у меня есть любовь к человечеству, и поэтому это есть в моей совести. Вот почему я доктор!

Когда я говорил тогда с пастором Бодельшвингом, единственным серьёзным блюстителем которого я знал лично, мне сначала показалось, что наши мысли находятся по разные стороны; но чем дольше мы говорили, тем больше мы открывались, ближе и сильнее становилось наше взаимопонимание. Тогда мы не касались слов. Это была борьба и поиск далеко за границами человеческой сферы. Когда старый пастор Бодельшвинг оставил меня после многих часов и мы пожали

руки, его последними словами были: «Это была тяжелейшая борьба в моей жизни» Для меня, также как и для него это осталось борьбой; и также осталось проблемой.

Если я скажу сегодня, что я желаю, чтобы эта проблема никогда не приходила ко мне с её конечной драмой, то не было бы ничего более поверхностного для того, чтобы заставить меня чувствовать себя более комфортно. Но я жил в эти времена и видел, что они полны противоречий. Все мы должны иметь опору в чём-то. Я с полным осознанием говорил «Да» эвтаназии, я делал так с глубочайшим убеждением, таким же как сегодня, что это было правильным. Смерть может означать избавление. Смерть это жизнь – также как рождение. Это никогда не означало быть убийцей. Я несу бремя, но это бремя не является преступлением. Я несу своё бремя, хотя и с тяжёлым сердцем, как свою ответственность. Я предстал перед ней, и перед своей совестью, как человек и как доктор.

Последнее слово подсудимого Хандлозера

Во время своего первого допроса, здесь в Нюрнберге в августе 1946 дознаватель заявил мне:

Первое, вы являлись начальником медицинской службы армии. Не имеет значения, знали вы или нет про недопустимые эксперименты. Как начальник вы были ответственным за всё.

Второе, не оправдывайтесь тем, что у других наций происходили такие вещи. Мы с этим здесь не занимаемся. Обвиняют немцев, а не других.

Третье, не ссылайтесь на своих свидетелей. Они, конечно, дадут показания в вашу пользу. У нас есть свои свидетели, и мы полагаемся на них.

Это были руководящие принципы обвинения до последнего дня этих слушаний. Они остались непостижимыми для меня, потому что я всегда верил в то, что преступником будет человек, который сделал плохое, и потому что у меня мнение о том, что даже обвинение стремится быть объективным, хотя бы после завершения представления доказательств. Однако заключительная речь обвинения, показала мне, что я совершил ошибку. Речь обвинения не приняла в расчёт материал представленный в качестве доказательств, но она была итоговым повторением односторонних заявлений обвинения не принимая в расчёт, то, что было предоставлено в качестве доказательств в моём деле.

Я совершенно убеждён в том, что высокий трибунал получил подлинное впечатление о моей деятельности и моём отношении. Также как я пытался всю свою жизнь выполнять задачи возложенные на меня судьбой согласно своим лучшим качествам и при полных сведениях о своей ответственности, таким образом, я также

пытался выдержать эту серьезнейшую задачу в этом суде с помощью сильнейшего оружия которым я владею – правды.

Если есть, что-то, что может утешить меня в моих душевных страданиях последних месяцев, это осознание того, что перед судом, перед немецким народом и перед людьми всего мира, стало ясно, что серьезные общие обвинения против медицинского корпуса германских вооруженных сил оказались не имеющими никакой основы.

Можно видеть насколько несправедливы эти обвинения из того факта, что никаких обвинений не заявлялось и никаких процессов не инициировалось против единого ведущего доктора германских вооруженных сил в бою или дома. Как последний медицинский инспектор армии, и как начальник медицинской службы вооруженных сил Германии, я думаю с гордостью обо всех медицинских офицерах чье безустанное служение бесчисленным раненым и больным пациентам этой кошмарной войны спасли их жизни и излечили их. Никогда и нигде потери в медицинском корпусе армии не были выше чем среди медицинских офицеров германских вооруженных сил при исполнении своих обязанностей.

Более чем 150 лет назад, девизом и руководящим принципом созданным для германских военных докторов и их преемников был «*Scientiae, Humanitati, Patriae*³⁰⁶». Как и медицинские офицеры в своей полноте я также оставался верным этому руководящему принципу в мыслях и делах. Осознавая итог событий недавнего времени, пусть объединённые усилия всех наций будут успешными в том, чтобы избежать в будущем неизмеримых несчастий войны, кошмарную сторону которой никто не знает лучше чем военный доктор.

Последнее слово подсудимого Ростока

Мне нечего добавить к соответствующим заявлениям моего защитника доктора Прибиллы об отдельных положениях обвинительного заключения на данном процессе; но в отношении общего положения германской медицинской науки во время этой войны, есть несколько слов, которые я хочу сказать со скамьи подсудимых.

Во время моего допроса защитой я уже заявлял почему я, как начальник так называемого управления «науки и исследований» проводил работу для медицинской науки ещё в 1943 и 1944. Тогда проблемой было избежать или хотя бы минимизировать огромную и острую опасность преподаванию и исследованиям, при

---

³⁰⁶ «Наука, гуманизм, отечество» (лат.)

том, что германские университеты, были полностью уничтожены. Когда это было в последний момент предотвращено, возникла задача и обязанность улучшения средств и возможностей основных исследований, которые всё более и более ограничивались в ходе войны, и из-за сокращения исследовательских ресурсов в Германии остановились. Из-за хаотического развития последнего года войны, успех был сравнительно небольшим. Однако, были некоторые результаты и были некоторые вещи, которые были сохранены после конца войны.

Сегодня из доказательств представленных на данном процессе, я знаю о причинах которые тогда парализовали работу. Это было стремление к власти отдельных организаций, которые использовали эффективную поддержку отдельных исполнительных ведомств Третьего Рейха, которые имели неограниченную власть. Эти организации особо следовали принципу тоталитаризма, в отношении того, что они называли «университетской наукой». Однако, она основывалась на традиции германской науки признанной миром. Вопреки этому, их целями, как показали отдельные показания на процессе и некоторые из представленных документов, было создание «политически руководимой науки» как их собственная. Это было причиной почему мои личные усилия и усилия служб здравоохранения и медицины, на которые я ссылался на данном процессе, теперь это ясно мне. Тогда, в 1944 году, мы не знали о этой мастерской маскировке и поэтому, возник самый опасный противник этой отрасли науки на которой я вырос.

Вся свою жизнь я никогда не работал для той или иной формы государства, или какой-либо политической партии в Германии, но просто и исключительно для своих пациентов и для медицинской науки.

Последнее слово подсудимого Шрёдера

Очень сложно для подсудимого найти правильные последние слова здесь. В методичной, подробной работе последних месяцев, защита пыталась опровергнуть обвинения.

Когда теперь обвинение заявляет в своей заключительной речи о том, что детали не значат многого, но, что следует рассматривать весь комплекс вопросов, что следует смотреть на вопросы как на кипу бумаг, а не как на отдельные разделы и листы. Если, далее обвинение ссылается на приговор объявленный на Дальнем Востоке американским военным судом на котором японский генерал и военный командующий был приговорён лишь за то, что он, как командующий, несёт ответственность за все действия его войск, независимо от того приказывал ли он, знали ли о них, одобрял ли их или даже не знал них – если господа трибунала, эти

принципы являются решающими для слушаний, тогда я должен спросить, зачем вообще начинать слушания такого рода, готовить их и проводить? Такие решения можно принять и быстрее.

Что могу я, как подсудимый, донести против этих аргументов? Можно сказать несколько слов: я сам, моя работа, мои действия как доктора и солдата за 35 лет службы. Не стремление к славе и чести являлось целью работы моей жизни, а твёрдое намерение предоставить все свои качества, все знания, на службу моему любимому отечеству; для помощи солдату, как врач, для лечения ран военной и мирной службы, как врач отдельного человека, также как и медицинский офицер для массы войск за которые я заботился.

Это было целью и задачей моей работы. Мне не кажется, что я отошёл от этого пути. Мои глаза всегда были устремлены к окончательной цели: помогать и лечить.

Последнее слово подсудимого Генцкена

Во время дачи своих показаний я заявил трибуналу о том, что я не принимал участия в таком типе экспериментов в которых меня обвинили. Мне нечего добавить к тому, что сказал мой защитник доктор Меркель. Я стремился к достойной жизни врача и солдата. Под моей опекой находилось 2500 докторов и здесь в зале суда упоминались 30000 человек медицинской службы Ваффен-СС, несмотря на это моим долгом здесь является говорить здесь от имени этих людей, которые в большинстве, были достойными и храбрыми докторами и медицинскими сотрудниками. Я горжусь быть их руководителем, руководителем тех кто жертвовал своими жизнями и кровью с неизбывным пылом помогая мне строить организацию медицинской службы Ваффен-СС, и преодолевая огромные потери в рядах наших товарищей на фронте.

Солдаты Ваффен-СС подтвердили для истории – в решающие моменты бесчисленных битв невиданной борьбы – что они могут стоять среди лучших войск на земле, что касалось подготовки, эффективности, готовности к жертвам, солдатской доблести и готовности умереть. Действие современной войны представляет с обеих сторон картину убийства и ужаса. Кто поднимет свою голову к богу и откажется от этого?

Люди Ваффен-СС попали как побеждённые в плен, при невообразимых физических и душевных страданиях. Этот плен не был лишён кровопролития, плохого обращения и деградации разного вида. Для людей Ваффен-СС добавлялась тяжесть такого плена ужасным осознанием того, факта, что их верховный

главнокомандующий, Гиммлер, злоупотреблял клятвой их верности и предал их, что их обманули и бросили. Эти достойные люди фронта Ваффен-СС точно не заслуживают такой судьбы, судьбы быть клеймёнными как члены преступной организации.

Моя просьба и моё пожелание заключается в том, чтобы наши бывшие противники по справедливости осознали честный идеализм этих жертв, и вернули им веру в справедливость.

Последнее слово подсудимого Гебхардта

Я желаю поблагодарить высокий трибунал за предоставление мне возможности, во время дачи показаний, столь подробно описать своё личное положение в 1942.

Историческая ситуация тогда привела меня в тоталитарное государство, которое, поставило себя между личностью и вселенной. Добродетель службы государству являлась высшей добродетелью. Кроме того мне не известно где интеллект не был бы принижен до орудия войны. Повсеместно, некоторым образом, ценности и решения ставились на службу войны. И здесь снова, в интеллектуальной сфере, первый шаг является решающим. Я позволю напомнить, что в войне нервов, существовала пропаганда за «медицинские препараты», которая вызвала первый шаг, для того, чтобы изучить вопрос сульфаниламидов.

Сегодня в своём последнем слове, я позволю описать своё отношение в целом. Сделав так, возможно я смогу воспользоваться наиболее важной из четырёх американских свобод, то есть свободой слова, до самого конца, таким образом, что я воздержусь от всякого разоблачения или от инкриминирования других.

Не преувеличивая важность своей собственной персоны, врача можно оценить только рассмотрев его концепцию в медицинской науке. В целом, я не являлся ни холодным техническим специалистом ни чистым учёным. Мне кажется, что я всегда пытался, например, проводя хирургические эксперименты, понимать любое заболевание как состояние страдания человека. Я не смотрел на свою задачу как на нечто служащее мне лично, или как на дешёвый жест теоретической жалости, а как на личную активную поддержку трепетного существования страдающего пациента. Моей целью как врача была не столько чисто техническая терапия для отдельного пациента, сколько терапевтический уход за особо непривелигерованной группой бедных, детей, инвалидов, невротиков.

Меня не беспокоит то, чтобы не поверили в то, что из-за моральной низости и личного высокомерия учёного я оказался связан с экспериментами на

людях. Напротив, во время всего спорного периода у меня были эксперименты в своей сфере исследований проводимые на животных. Это было лишь, потому, что я являлся компетентным ответственным хирургическим экспертом, что меня проинформировали о грядущих экспериментах на людях в моей сфере хирургии, которые были приказаны государственной властью. После отдачи приказа, больше не стояло вопроса остановки этих экспериментов, но проблемой был способ их проведения.

Мои проблемы как эксперта включали следующее: во-первых, эксперименты которые были приказаны должны были иметь практическую ценность, для цели тестирования иммунизации для защиты тысяч раненых и больных. С другой стороны, я считал меры безопасности для подопытных наиболее важными. Основной мыслью для меня никогда не были цель и задача экспериментов, а способ их проведения. Осознавая, что гуманным путём я не останусь в стороне и не ограничу себя теоретическим инструктированием в сфере хирургии, я сам принял участие, со своей клиникой и со всеми мерами предосторожности.

Я надеюсь, это показывает, что при проведении экспериментов из лучших намерений я пытался действовать в основном в интересах подопытных. Мы не пользовались преимуществом неограниченных возможностей предоставленным Гиммлером, то есть, хирургические эксперименты не повторялись. Мне кажется, что насколько было возможно при том хаосе, я выполнил свой долг как эксперт, потому что эти эксперименты не увеличили сферу хирургии, несмотря на бурный темп катастрофической политики. Моим желанием было помогать, а не давать плохой пример.

Глядя на ответственность таким образом, я, конечно, принял для себя решение. Я надеюсь, что за это я всегда столкнусь с критикой, даже в зарубежных странах, без какой-либо секретности, но также и без какого-либо чувства вины за свою деятельность в качестве эксперта.

Однако, посредством моей деятельности, как военного врача, не по своей инициативе, я оказался в контакте с концентрационными лагерями, я мог понять насколько тяжелая, почти смертельная тень должна лечь на любого, кто, когда-либо действовал там. В призрачном феномене этой сферы, который тогда настолько был неизвестен мне, осознаваемый нами сейчас ретроспективно, ужасе отрицательной идеологии уничтожения ставшем секретно соединённым с отрицательным отбором охранников. Только из документов международного процесса мы смогли чётко понять, что из 35000 войск охраны, только 6000 являлись эсэсовцам непригодными к войне. Остальные были сбродом, призывниками, иностранцами и т.д., которые с

величайшей несправедливостью и к нашему горькому стыду получали такую же форму, которую Ваффен-СС носили на фронте. В качестве главы известной клиники, известной своими мерами безопасности в интересах подопытных, в рамках своих обязанностей эксперта как я понимал их, я связался с докторами концентрационных лагерей. Насколько было возможно я пытался исключить такую атмосферу из своей сферы работы. То, что моё противодействие выходило за чисто клинические меры безопасности для подопытных, я думаю, видно из следующего факта: из нескольких тысяч иностранных заключенных концентрационного лагеря – среди которых, как нам здесь говорили, были по крайней мере семьсот польских женщин – только 200 были переданы Красному кресту в конце войны. Однако из этих, двух сотен, шестьдесят были моими подопытными, что подтверждается.

Пока я пытался разъяснить свои действия как доктора и объяснить свои хорошие намерения и возможности для влияния, поэтому моя заключительная мысль должна быть посвящена самокритике, прежде всего в отношении моих моральных обязательств.

Как пародию на слова Генриха Гейне³⁰⁷ мы видим сегодня, что: «СС это судьба». Хотя мне кажется и я надеюсь, что в этом ужасном сплетении между достойными Ваффен-СС и исполнительными организациями, я выполнял свой долг как специалист, офицер и человек. Я всё ещё обязан внести любую форму компенсации за эту путаницу. Мои возможности сделать это, конечно, ограничены.

Не ища сенсации, я предложил провести эксперимент на себе без каких-либо хирургических мер предосторожности в качестве подтверждения, как только возникнет первая возможность. Моя ответственность за проведение экспериментов содержала хорошие намерения, в особенности за тех, кто являлся моими подчинёнными. Я подчеркиваю. У меня есть ещё критика и ответственность, о которых я говорил не только сейчас в свете собственной защиты, но уже в мае 1945 в тот день, когда Гиммлер освободил нас от присяги и от своих приказов, и сам оставил свой пост. Моим стремлением среди прочих было предотвращение любого незаконного продолжения концепции СС, и для этой цели сбрасывания бремени с плеч нашей доверчивой молодёжи на ответственных генералов СС.

Сегодня как частное лицо я могу лишь повторить, то, что я готов сделать то, что как минимум, касается моего бывшего профессионального положения.

Там, где несмотря на мои честные стремления, упрёк и вина, кажется, сгущают краски в сфере за которую я был ответственным, могут впоследствии повлиять на меня таким образом, что я могу упростить путь для молодых людей,

---

³⁰⁷ Генрих Гейне (1797 — 1856) — немецкий поэт, публицист и критик.

которые веря в меня, также вступали в СС в качестве хирургов. Мне кажется, что эта груда камней, Германия, с её ослабленным биологическим материалом, не позволяет, чтобы эти хорошие молодые доктора исчезли в лагерях и в другом бездействии. Также я знаю о каждой мере, которая упростит работу для старых германских университетов и их уважаемых учителей.

Я подытоживаю свою точку зрения для того, чтобы помочь избежать возможных ошибок. Из вредных социальных условий это патологическое и обманчивое спасение, тогда, также как и сегодня – здесь и везде, объединение и соединение духовного с экономической и политическими концепциями. Это разрушительная ошибка, смешивать организованное единогласие голосов с гармонией. Разрушительная критика приводит лишь к нетерпимой нехватке сотрудничества, что прерывает всю сплочённость. Частная также как и общественная совесть не может подчиняться никакой официальной добродетели и никаким временным моральным принципам. Она может найти своё место в рамках божественного порядка.

В духе «почвеннического пессимистического конструктивизма», как я писал до войны, только при таком рассмотрении болезненной реальности кажется находится эта социальная катастрофа.

Моё последнее предложение выражает нашу личную благодарность доктору Зейдлю, который выступал на стороне моих коллег и меня настолько сознательно и с таким человеческим участием.

Последнее слово подсудимого Бломе

Я совершенно открыто свидетельствовал высокому трибуналу о том, что конкретно до начала войны я был убеждённым национал-социалистом и последователем. Я также объяснил почему я стал членом партии в 1931, и что из-за политических условий в Германии того времени гигантское движение привело к окончательному конфликту между коммунизмом и национал-социализмом, в результате экономического хаоса и бессилия германских правительств после 1919. Я сказал о том, что я вступил в Национал-социалистическую партию, потому что я отвергал диктаторскую форму коммунистической системы. В своей книге «Доктор в борьбе», которую предъявило мне обвинение во время перекрёстного допроса, я также объяснял, почему пошел в национал-социализм. Однако, книга, которая была опубликована в 1941, во время величайших побед Германии, ясно показывает моё отвержение Второй мировой войны, на которую я не сослался не единым словом,

даже намёком, хотя мой опыт Первой мировой войны занимает значительное место в моей книге.

После Первой мировой войны, Германия находилась в огромных трудностях. Ситуация прогрессивно ухудшалась и была невыносимой, когда на переломе тридцатых экономический кризис распространился по миру и даже охватил Соединённые Штаты. Тогда я осознал, что в такие тяжёлые времена нация дрейфующая к отчаянию ищет лидера и последует за ним в слепом доверии как только он сможет показать великие успехи.

То, что в случае Гитлера были только позорные успехи или временные успехи, немецкий народ осознавал постепенно, лишь шаг за шагом, и только во время, когда было слишком поздно снова сбросить диктатуру своей силой. Годами немецкий народ обманывался лидерами о правдивой ситуации. С осмысленной лживой пропагандой. Гитлеровская правительственная система до последнего момента объявляла об окончательной победе немецкого народа, даже зимой 1944 и даже весной 1945, когда кабинет Рейха и лидеры партии долго знали о том, что ужасный крах неминуем. Эта правительственная система таким образом безответственно обременила истощённый организм немецкой нации ещё большими утратами жизни и имущества.

Со времени краха, в особенности с процесса международных военных преступлений в Нюрнберге, мы ясно поняли, что этот фривольный метод предательства своего собственного народа был неотъемлемой частью систематического убийства миллионами зарубежных народов и рас.

Мне кажется, что в истории нет другого примера безграничного доверия народа своему лидеру с таким безграничным обманом и разочарованием.

Немецкий народ был ослеплён в своей вере в фюрера, в лидера который постоянно представлял для них и мира любовь к миру, гуманному характеру, безграничную заботу о народе. Поэтому немецкий народ стал жертвой политического шулера. Его неограниченная верховная власть видимо знала выбор только между правлением и уничтожением. Гитлеровские амбиции, как я знаю и сужу о них сегодня, имели только одну цель: любой ценой войти в историю великим человеком. Гитлер достиг этой цели на 100 процентов. Он вошёл в историю как один из величайших тиранов всех времён, ужасный в своей мании власти, ужасный в своей жестокости в достижении своих целей, не мешкающий даже в убийстве своих лучших друзей, своих старейших последователей, если они были у него на пути.

Полагаясь на слепое доверие своего обманутого народа, Гитлер создал систему в которой весь индивидуализм, все чувства свободы, все личные мнения граждан пресекались на корню и заменялись рабством.

Он добился этого с помощью очень маленького круга ближайших соратников, которые попали под его гипнотическое воздействие, отчасти возможно сами обманутые этим человеком, но ставшие добровольными орудиями в его руках по порабощению немецкого народа и истреблению целых наций.

Под фатальным влиянием, умной, умышленно лживой пропаганды, против которой даже другие страны были настолько же хороши насколько беспомощны, немецкий народ и немецкий доктор, тоже, верили в то, что они следуя за достойным лидером служат хорошей идее; они все считали высшей моральной обязанностью не дезертировать отечеству во времена чрезвычайности, в особенности во время войны, а выполнять свой долг до последнего, в особенности поскольку стоял вопрос жизни и смерти нации.

Во время тотальной войны, времени воздушных налётов, голода и опасности эпидемий, рабочие условия для немецкого доктора были ужасно тяжёлыми; настолько сложными, что сегодня вряд ли можно представить, что немецкие доктора проделывали в те дни для друзей и врагов. Справедливо или нет, мы двадцать докторов находимся на скамье подсудимых, великой несправедливостью является в любом случае унижение на публике немецких докторов в целом, что делается постоянно. В качестве бывшего заместителя рейхсгесундхайтсфюрера я знал условия в германской медицинской профессии во время периода Гитлера, и я должен сказать, даже сегодня, что в целом германская медицинская профессия была эффективной, достойной, усердной и гуманной. Их готовность к работе в наиболее сложных условиях, что можно представить и их способность помогать были образцовыми. Кроме всех похвал в частности было множество старых докторов, которые уже ушли на пенсию и которые, несмотря на их большой возраст, вернулись на службу с больными, и бесчисленных женщин докторов, которые вышедшие замуж и часто многодетные матери, уходили от своих очагов на сложную работу медицинской практики во время войны.

Весь немецкий народ знал это, в чьей среде и на чьих глазах германская медицинская профессия провела годы в бедах и кошмаре, и который, поэтому, продолжит предоставлять неограниченное доверие к немецким докторам.

О себе я могу сказать, что я всегда, в частности во время периода Гитлера, посвящал все свои усилия для сохранения медицинской профессии на высоком научном и этическом уровне и её развития. И я находил в этих усилиях полную поддержку всех немецких докторов, включая наиболее известных учёных и главных

врачей медицинских учреждений. Известные учёные во всём мире поддерживали эту работу, которая была выше партий и пользовалась международной репутацией.

Но в ходе данного процесса мне становилось яснее день за днём то насколько преступной была гитлеровская система, для которой я пожертвовал многие годы своей жизни, и я настолько глубоко потрясен внутри себя, что я должен признаться себе: годы я занимал ответственную должность в системе которую сегодня, я должен проклинать, также как я проклинаяю всех тех кто навязал немецкому народу такую тиранию преступного и низкого человека.

Моей ошибкой было то, что я оставался на этом посту, на который привела меня судьба и на котором я надеялся делать хорошее для нашего народа и моей профессии. Часто было бы проще оставить пост, когда я начал осознавать, шаг за шагом, порочность Третьего Рейха. Если я не сделал этого, а остался на посту до горького конца, я сделал это, потому что я считал это своим долгом, в особенности в трудные времена тотальной войны, и потому что я снова и снова добивался успеха как в защите медицинской профессии от вреда так и предотвращая преступления против человечности. Даже сегодня я бы считал трусостью если бы я оставил свой пост в 1941 или 1942 добившись безопасности только для себя или избежав угрожавшей ответственности.

Я чувствую себя свободным от любой вины за совершение или поощрение преступлений против человечности.

Последнее слово подсудимого Мруговски

Мой адвокат и я приложили все усилия во время моей дачи показаний и путём значительных доказательств, которые мы представили в опровержение обвинений, которые предъявлены мне, настолько же, как мы попытались содействовать установлению правды.

Итог процесса и доказательства против меня находятся в руках трибунала и заключительный обзор, и ответ на непостижимую документацию обвинения. Я твёрдо доверяю основе данного процесса тому, что этот высокий трибунал изучит все доказательства объективно и внимательно. Таким образом в своём последнем слове я просто хочу обратить ваше внимание на тот факт, что вся моя жизнь была исключительно посвящена моей профессии и моей науке. Моей целью было, не представлять какими-либо средствами некую политическую идеологию, но пойти в университет и достичь положения свободного и независимого доктора и учёного.

Обвинение вменило нам, подсудимым, разрушительные тенденции, которые предположительно являлись причинами наших действий. Я знаю, что я свободен от таких тенденций. Они никогда не случались у моих сотрудников и у меня в то время. Также и в Ваффен-СС, войска, которых находились среди храбрейших дивизий германских вооружённых сил, такие тенденции никогда не играли роли.

Что касается моих концепций этических обязанностей заинтересованных докторов, они содержатся в моей книге о медицинской этике, и я кажется всегда действовал в соответствии с принципами этой книги и жил согласно им. Моя жизнь, мои действия, и мои цели были чисты. Вот почему теперь в конце этого процесса, я могу заявить о том, что свободен от личной вины.

Последнее слово Рудольфа Брандта

Сейчас, после того как процесс дошёл до своего заключительного этапа, моя совесть стоит перед вопросом, считаю ли я себя виновным или невиновным. Моя ответственность, по моему мнению, должна быть протестирована тройственным вопросом:

Первое, я участвовал в экспериментах напрямую и активно?

Второе, имелись ли у меня как минимум какие-либо сведения о преступном характере экспериментов на людях?

Третье, каким, если бы я знал, могло быть моё отношение к Гиммлеру?

Каким является моё основное мнение о преступлениях против человечности я не только заявил давая показания, но об этом также свидетельствовал очень компетентный зарубежный свидетель, шведский медицинский консультант, Феликс Кёрстен.

До этого трибунала и при полных сведениях том, что я говорю, я признаю, что я испытываю отвращение – и испытывал отвращение – к любому преступлению против человечности в прошлые годы и во время своей деятельности в качестве так называемого личного референта Гиммлера. Но я также откровенно заявляю о том, что вероятно во время хода этих последних лет, мой способ мышления не всегда был таким сознательным как сегодня. Но я никогда не участвовал ни в каком преступлении против человечности осознанно, умышленно или преднамеренно, когда передавал бумаги, приказы и т.д., которые Гиммлер отдавал третьим лицам, и результатом которых было совершение преступлений на людях.

Я верю в то, что из доказательств и из содержания различных письменных показаний защиты трибунал убедится в том, что по правде, моя сфера власти

никоим образом не соответствовала фасаду моей официальной должности. Моя реальная сфера власти была крайне мала. Она не выходила за хорошо оплачиваемого стенографиста в офисе влиятельного человека в Германии. Если трибунал начнёт с этого факта, он обратится к реальности ближе чем обвинение в своём обвинительном заключении.

Я вступил в контакт с Гиммлером, когда был молодым, незрелым человеком, который происходил из семьи скромного достатка. Ничего кроме моей способности стенографиста, которую я приобрёл благодаря своему усердию, не было причиной для этого, и таким образом моей должностью до последних дней германского краха, несмотря на повышения в звании. Тогда я был слишком рад получить эту работу, потому что она позволяла финансово содержать моих родителей.

Когда я начал работать с Гиммлером, я попал, без промежуточных этапов, в ведомство, начальник которого должен был сочетать, короткое время спустя, среди прочего функции, высшей исполнительной власти в своих руках.

Я убеждён в том, что не сидел бы здесь под тяжким обвинением если бы у меня была возможность продолжить моё образование, если бы я начал с подчинённого ведомства, и рос бы понемногу к высшей должности. К сожалению, я всегда был одиноким волком пока жил, и никогда не был достаточно удачлив, чтобы иметь старшего друга, который бы мог поправить мою политическую неопытность и мою легковёрность.

Однако, если за все эти годы, я представлял идеологию Гиммлера, я делал так только потому, что я не знал о преступной части характера Гиммлера. Поскольку я жил, так сказать, оторванный от мира вокруг себя и был занят более чем разнообразной работой. Я узнал лишь после краха, что громандные преступления относятся на счёт Гиммлера.

Доказательства показали, что я ни знал концентрационного лагеря как и не имел никакого отношения к концентрационным лагерям в своём официальном качестве; как и не имел никакого влияния на систему концентрационных лагерей, их администрацию и управление, как и на обращение с заключёнными. По этой причине я не знал меру трагедий, которые происходили там.

Эти вопросы, в которых я имел достаточный взгляд изнутри во время своей безустанной ежедневной деятельности позволяли мне различать между добром и злом, не требуя они луча солнца пролитого на них.

Я не отрицаю, что некоторые из документов представленных здесь обвинением проходили через мои руки, но я отрицаю – и я молю трибунал поверить

мне – что я знал о содержании документов именно по отчётам и следовательно существенном ядре экспериментов на людях.

Я знал о том, что окружение было против меня. Лишь внешнее окружение привело обвинение к моему обвинению в данном процессе и комментированию меня в своей заключительной речи, не входя в суть дела. Таким путём оно пришло к совершенно ошибочной оценке, которая не соответствует фактам и преувеличивает моё положение и мою деятельность.

Это окружение, которое говорит против меня будет развеяно как только будет рассмотрено моё реальное положение в котором я находился в качестве так называемого референта Гиммлера многие годы. Давая показания я свидетельствовал правду, которая подтвердилась свидетелями которые знали реальные факты по своему опыту.

Не противоречит опыту то, что среди тысяч входящей и исходящей почты – то есть, сотен тысяч по ходу лет – должно было быть незначительно малое количество документов, которые личный референт, по приказам своего начальника, пересылает третьим лицам, не зная их содержания более подробно, более того если они касаются вопросов, которые не имеют никакого отношения к обычным обязанностям личного референта.

Мне кажется, что американский трибунал знает о том как оценивать вышеуказанное, хотя я скорее опасаясь, что ситуация которая существовала в Германии в годы до краха и преобладала в высших правительственных ведомствах никогда не возникнет дома у американских судей.

Поэтому, я отказываюсь снова обсуждать своё положение тогда и игнорирование преступных экспериментов на людях, которые являлись последствием. В этом отношении я согласен со своим защитником. Мне не требуется опасаться заявления профессора Айви, который заявил о том, что даже дилетанта должно было возмутить чтение отчётов Рашера, из-за того факта, что дилетант должен был читать отрывки из отчётов, очевидно являвшихся нарушением человеческого достоинства, это естественная предпосылка для мнения профессора Айви, и этой предпосылки не существует в моём деле.

В соответствии с правдой я повторяю, то, что я сказал давая показания, что у меня были общие сведения об экспериментах на людях. Я уже не могу сказать, когда и в связи с чем у меня появилась возможность получить эти сведения. Но только этот факт не заслуживает смерти, потому что я никогда не чувствовал, что я участвовал в таких преступлениях своей деятельностью личного референта.

Такое осознанное участие требовало, того, чтобы референт знал о содержании и сути писем Гиммлера, приказов, и т.д. и передавал их несмотря на эти

сведения о содержании и их сути. Я только, что сказал о том, что окружение против меня, но мне кажется я смог подтвердить, то, что я не имел таких сведений. Я молю трибунал следовать линии этих доказательств и я думаю, это не слишком большая просьба, так как опыт повседневной жизни говорит в мою пользу.

Различные письменные показания, которые я представил и которые были предметом волнительной аргументации, нашли своё объяснение. В некоторых пунктах я ошибся и попытался исправить свои ошибки. Я не хотел осознанно говорить неправду, которая могла быть вредной или неблагоприятной для третьего лица. Я прошу трибунал не забывать о том, что я находился в очень слабом общем состоянии, когда подписывал эти письменные показания. Лишь несколько месяцев назад я весил сорок пять килограммов; соответственно моя душевная сила была сведена к минимуму.

Во время моей деятельности, которая растянулась на много лет я действовал исключительно по прямым приказам Гиммлера не принимая никакого решения со своей стороны. Я могу считать данный факт доказанным.

На вопрос, какое отношение я должен был занимать, знай, я о подробностях бесчеловечных экспериментов, я могу ответить лишь гипотетически. Имей я приблизительные сведения, как имею сегодня, я бы боролся против передачи такого приказа в силу моего общего взгляда на вопросы гуманности. Так как, однако, я не имел таких сведений, с моей стороны не могло быть никакой оппозиции. Я прошу учесть, тот факт, что в течение всех этих лет, я относился к вопросам, которые находились в моей сфере со своей точки зрения, и пытался воплощать в жизнь свои идеалы. Я видел свой долг в верном выполнении своей задачи и вёл чистую личную жизнь. Я всегда стремился не причинять никакого вреда никакому человеку, а понимать ситуацию любого лица нуждающегося в помощи, и затем помогать ему так как хотел бы, чтобы помогали мне в такой ситуации как у него. Я напому вам заявление свидетеля Мейнера от 21 марта 1947.

Тот факт, что мои подписи стоят на документах, которые представило обвинение глубоко меня задел, потому что весь мой взгляд на гуманность и принципы гуманизма совершенно противоположны им. То, что я понимаю под гуманностью, также начинает применяться в меньших деталях жизни также для меня.

Несмотря на мои хорошие намерения и это я говорю в ответ на вопрос заданный в начале – несмотря на мои хорошие намерения я был втянут в вину, я понимаю это как вину в которую люди попадают при трагических обстоятельствах не имея никакого намерения со своей стороны. Но признание такой вины было достаточным, чтобы сильно потрясти мое душевное и моральное равновесие.

Последнее слово подсудимого Поппендика

В то время я вступил в СС не для совершения преступлений, но потому что ряд друзей, которых я знал как идеалистов, были членами СС. Их членство повлияло на моё вступление. То, что я соответственно стал членом преступной организации было тогда невообразимым для меня, как и непостижимо сегодня.

Моя деятельность в главном расово-переселенческом управлении была посвящена проблеме семьи, деятельности, которая в виду разрушительных тенденций во время периода Первой мировой войны казалась важной мне. Если мои ожидания как врача были разочаровывающими более чем в одном положении, я хотя бы считал себя вправе надеяться на то, что в конце этой деятельности были бы положительные результаты. Намерением всегда была конструктивная политика на благо семьи. Никогда я не имел никакого отношения к отрицательной политике народонаселения, такой как программа стерилизации государством. Утверждение обвинения о том, что положительная и негативные политики народонаселения вместе соотносятся как две стороны одной и той же программы, является ошибочным.

Тогда были чисто организационные причины, которые привели к моему прямому подчинению должности человека, чьё имя сегодня звучит бесчеловечно – я говорю о Гравице. Впечатление, которое обвинение вывело из моей деятельности и положения ведомства Гравица не соответствует фактам, несмотря на некоторые особенности, которые кажется поддерживают утверждения обвинения.

Что касается медицинских экспериментов на заключенных – эксперименты на людях не были удивительными для меня, и не были новинкой. Я знал о том, что эксперименты проводились в клиниках. Я знал о том, что современные достижения медицинской науки не будут достигнуты без жертв. Однако, я не помню, чтобы экспериментирование являлось абсолютным требованием, которое кажется сейчас фактом, согласно дискуссиям на процессе. Более того, я знал, что некоторые научные проблемы могут быть решены экспериментами в сериях с условиями остающимися постоянными и поэтому солдаты и в частности солдаты в лагерях использовались для экспериментов во всех странах. В таких обстоятельствах мне не показалось удивительным, что во время войны, учёные также проводили экспериментальные серии в концентрационных лагерях. Я не имел ни малейшей причины полагать, что эти учёные в лагерях выходят за рамки, того, что было привычным в мире науки. То, что я знал о медицинских экспериментах в СС, было,

по моему мнению мало связано с преступными делами поскольку об экспериментах я знал из своего клинического опыта до 1933.

В марте этого года, молодой доктор, доктор Митшерлих, очень односторонним образом, опубликовал материал для обвинения под уже предосудительным названием «Принудительный диктат для человеческой жизни». О проблематике в этой книге было мало. Основа для суждения и убеждения ясно приводилась. Однако, во время самых последних дней, начальник доктора Митшерлиха, известный профессор из Гейдельберга, Вайцеккер, опубликовал исследование о фундаментальных вопросах относящихся к предмету под названием «Эвтаназия и эксперименты на людях», которую он представил подсудимым. Но там мы к счастью нашли совершенно другой язык. Сама проблема стала очевидной. Если прочесть эту брошюру, тогда степень проблемы с её затруднениями станет ясной.

Клятва Гиппократова по Вайцеккеру, не имеет никакого отношения к проблеме. Вайцеккер применяет совершенно иные этические нормы. Правильно, сегодня изучалась медицина в целом, не только германская медицина при Гитлере. Это показывает, что эксперты, которые считают себя компетентными даже сегодня находятся только в середине своей попытки разъяснить проблемы в целом, что является первым требованием к их решению.

До этого процесса все эти вопросы не являлись для меня проблемами. Я не знаю ни о каких трансгрессиях. Более того, я всегда убеждался в том, что всё, что доходило до моего сведения об экспериментах на людях в государственных клиниках до 1933 и в рамках сферы СС в последующие годы, было сознательными усилиями серьёзных учёных на благо человечества.

Этическая основа этих вопросов также проявилась здесь на процессе. Поэтому, после искреннего изучения своей совести, я не могу найти никаких ощущений вины и ожидаю с чистой и спокойной совестью вердикта трибунала.

Последнее слово подсудимого Зиверса

Ваши чести, в своей вступительной речи мой защитник уже заявил совершенно открыто и откровенно, что должны быть представлены все события с которыми я был как-либо связан, и в этот час, который так важен для меня, я могу заявить со всей совестью, что, когда я готовил своему защитнику информацию и во время своего допроса, я всегда говорил полную правду.

Я, фактически, должен удовлетвориться услышав, что мои показания подтвердились свидетелем обвинения. Во время своего допроса в качестве

свидетеля, я сказал совершенно правдиво о подопытных с которыми я говорил в связи с последним экспериментом в Нацвейлере, подтвердив что они были добровольцами. Свидетель Нальс, свидетель обвинения, подтвердил мои показания во время своего допроса 30-го июня в этом зале суда.

В отношении обвинения в участии в экспериментах с малярией я заявил о том, что я не имел никакого отношения к экспериментам с малярией. Свидетель Вивег, вызванный обвинением, подтвердил эти мои показания, также сделал свидетель Штёр.

Я свидетельствовал о том, что двое подопытных которых я встречал в связи с высотными экспериментами в ответ на мой вопрос, особо подтвердили, что они вызвались добровольно. Свидетель Нефф от обвинения подтвердил добровольный статус свидетелей. Также доктор Ромберг во время своего допроса защитой заявил в силу своих собственных сведений о том, что мои показания являются правильными. Единственный подопытный, которого я встретил в связи с тифозными экспериментами на мой чёткий вопрос относительно добровольности его показаний, подтвердил, что это было так. Мои показания также подтвердились путём письменных показаний бывшего заключенного и свидетеля Грунцхубера, содержащиеся в моей второй документальной книге.

Обвинение поверило в то, что оно должно обвинить меня, передав в распоряжение МВТ как представителя СС. Это было весьма своеобразным заявлением учитывая мою собственную защиту на процессе. Я объяснил, когда давал показания, что не по своей инициативе, фактически вопреки своей воле, защитник СС вызвал меня для того, чтобы использовать меня в качестве свидетеля. Адвокат Пелькман, тогда защитник СС, подтвердил верность моих заявлений в письменных показаниях. Согласно этому, я немедленно проинформировал Пельмана в письменном виде о своём бывшем членстве в движении сопротивления против национал-социалистического режима и рассказал ему, что не являюсь подходящим свидетелем. В то же время я представил адвокату Пекльману копию моего письма, в котором я передавал себя в распоряжение Международного Военного Трибунала в качестве свидетеля уже 20 декабря 1945, как показывает протокол МВТ. Я выразил сожаление на этом же месте, в том, что моя готовность помочь правосудию и помогать преследовать прошлые преступления не принята и что таким образом были уничтожены значительные доказательства.

Уже в августе прошлого года, я подготовил обвинению отчёт о своей деятельности в движении сопротивления, указав снова о своей готовности. Однако, он был отобран, когда я заявлял, что я не был готов подписать письменные показания, которые не были полностью правдивыми. Я открыто и откровенно

заявил на этот счёт, что я не понял эту акцию. Я должен был сделать это, и мог сделать это, потому что я искал правду и справедливость рискуя своей жизнью, даже во время тирании. Должно ли теперь быть сотрудничество с методами, которые, как я думал ушли с национал-социалистическим режимом; и которые, как остаётся моим твёрдым убеждением, никогда не вели к подлинному примирению этого мира как мы все желаем? Я упоминаю это с сожалением и только потому, что я всегда заявлял о том, что я сам, и мои заявления, в ответственных ситуациях, должны заслуживать доверия. Обвинение не только не ощущает сомнения в моей достоверности, но оно даже согласно называть меня лжецом во время своей аргументации, вопреки своим прекрасным сведениям и своей совести. Соответственно, я должен обратить ваше внимание на показания различных свидетелей, которые полностью подтвердили мои показания в этих сложных вопросах. Я могу быть правдиво удовлетворённым тем, что это было не от меня, а от свидетелей обвинения, противореча неверным заявлениям сделанным против меня. История удостоит такую акцию, и осудит постоянные попытки приклеить согласуемые идеи. Нет благословения связанного со мной. Моё твёрдое убеждение заключается в том, что этот высокий трибунал полностью поверит в мои показания во время моей защиты основываясь на этих фактах.

В это связи, в отношении опыта, который я описал, я вынужден сказать, о том, что с другой стороны меня успокоило и усилило, и дало мне доверие понять мудрость, спокойствие и терпение этого высокого трибунала стоявшего выше вопросов и раскрыло проведение процесса в котором можно почувствовать защиту; все мои друзья, которые вместе со мной боролись в секретном движении сопротивления и непрерывно присутствовали на процессе в аудитории, разделяют со мной эти чувства.

Я объяснил вам, ваши чести, по каким причинам я находился в непосредственном, прямом контакте с НСДАП и СС. Я рассказал вам о том как я пытался предотвратить вовлечение «Аненербе» в медицинские исследования. Эта попытка не удалась, из-за амбициозного отношения Гимmlера. Только в силу моих собственных чувств я должен понять отношение к этому новому вопросу экспериментов на людях. Я не одобрял их, и пытался принять последствия, которые могли привести к моей немедленной отставки с поста управляющего делами «Аненербе». Я думаю показания свидетеля Хильшера, на этом месте и письменные показания свидетеля Дойтельмозера, свидетеля Деллмана, свидетеля Шмица и других без сомнения подтвердили, что у меня было правдивое намерение уйти из «Аненербе». И эти свидетели также ясно свидетельствовали о том, почему я так не сделал, не из-за личной амбиции, не по причинам комфорта или другим низким

причинам, которые мне приписывают. Это было из-за постоянного призыва со стороны моих политических друзей, чтобы я оставался, для того, чтобы послужить задаче, которая привела в НСДАП и СС. Изнутри, я отвергал контакт с экспериментами на людях, даже отказываясь быть последователем НСДАП и идеологии представляемой ею. Извне, я должен был жить под именем национал-социалиста если придерживался политического идеала, которому я посвятил себя с 1929 и не ставя его под угрозу. В своих письменных показаниях, свидетель Нибхаузен, который являлся наиболее важным членом в кружке тайного германского сопротивления, и который также действовал от имени доктора Кемпнера, и который очевидно является безупречной личностью, сказал о том, что его нелегальная деятельность, которая продолжалась пять лет была бы совершенно невозможной без моего содействия. Я не знаю, что обвинение готово признать сопротивлением против нацистского режима, если не такую деятельность как эту. Не требуется снова ссылаться на все подробности о которых свидетельствовали в этом зале суда.

Это правдивое признание последствий, которые можно было ежедневно ожидать для себя и моей семьи, посвятив себя сопротивлению, бесстрашно его продолжая и никогда не оставляя его, теперь это единственная причина, почему я оказался на этой скамье подсудимых. По этой причине, из-за своего убеждения в том, что я жил за хорошую идею и действовал за неё, от имени чего-то – тогда, также как и сегодня –меня наполняет подлинная вера.

Последнее слово подсудимого Розе

Господин председатель, с позволения трибунала, учёные, которые находятся среди подсудимых на данном процессе столкнулись с принципиальной трудностью, тем фактом, что чисто научные вопросы были сделаны обвинением, политическими, идеологическими вопросами. Во вступительной речи главного юриста, генерала Тейлора, политический и идеологический характер обвинительного заключения выразился настолько ясно насколько возможно.

Предмет личных обвинений против меня заключается в моём отношении к экспериментам на людях приказанным государством и проводимых немецкими учёными в сфере тифа и малярии. Работы такого характера не имели никакого отношения к политике или идеологии, а служили на благо человечества и эти же проблемы и потребности повсеместно можно понимать независимо от какой-либо политической идеологии, где следовало бороться также с опасностями эпидемий.

Также как Клаус Шиллинг, в своих исследованиях малярии, должен был проводить эксперименты на людях, до него и после него разные учёные по малярии различных наций должны проводить эксперименты на людях. Также как Хааген, по своей собственной инициативе, но с одобрения компетентной государственной власти, тестировал ценность новой, живой вакцины тифа, до него это делалось в ходе борьбы с чумой вашим великим гражданином Ричардом Б. Стронгом, когда он экспериментировал на жителях Филиппин, которые не являлись американскими гражданами, с одобрения вашего правительства.

Также как доктор Динг, по инструкции высших и решающих властей германской администрации гражданского здравоохранения, тестировал ценность тифозной вакцины на людях во время величайшей опасности тифа, остальные делали это до него в менее срочных ситуациях, иногда по соглашению, иногда согласно инструкциям своих правительств.

Давая показания, я свидетельствовал о подлинной роли, которую я играл в отношении обвинений в экспериментах на людях с малярией и тифом. И я объяснил, давая показания, юридический итог своих действий, и они были представлены вам моим защитником доктором Фрицем. Мне не требуется что-либо добавлять к ним. Но, принципиально, я заявил о своём отношении к экспериментам на людях в медицинских исследованиях, не впервые в этом зале суда, но также, когда национал-социалистическое правительство было на вершине своей безграничной власти. Тогда, меня оборвал человек, профессор Шрайбер, который около года назад в этом самом зале суда, объявил о том, что является защитником медицинской этики.

Факт несомненно заключается в том, что эксперименты на людях, которые были именно такими же как те, в участии в которых я несправедливо обвинён, проводились в других странах, прежде всего в Соединённых Штатах, которые обвиняют меня. Это привело обвинение к смещению центра тяжести своих обвинений на внешние условия лиц переданных в моё распоряжение германскими властями для экспериментов. В этой связи вопрос того были ли они добровольцами выведен на первый план. Я не обсуждаю вопрос о том, в какой степени доктор, которому поручены эксперименты является ответственным за эти внешние, формальные вопросы, по крайней мере доктор который был настолько удалён от экспериментов как был я. Но в связи с принципиальным вопросом добровольности подопытных, я должен сделать несколько заявлений. Процесс такого рода представляет вероятно наиболее неподходящую атмосферу для обсуждения вопросов медицинской этики. Но поскольку эти вопросы здесь поднялись, на них следует ответить. Любой кто, как учёный, имеет взгляд изнутри на историю опасных медицинских экспериментов, точно знает, следующий факт. Кроме

самоэкспериментов докторов, которые представляют меньшую часть из таких экспериментов, степень в которой подопытные являются добровольцами часто обманчива. В самом лучшем случае они рассчитывают на самообман со стороны врачей, которые проводят эксперименты, но очень часто умышленно запутывают публику. В большинстве таких случаев, если мы этически изучим факты, мы находим эксплуатацию невежества, фривольности, экономического бедствия или другие крайности со стороны подопытных. Я могу сослаться на пример представленный трибуналу доктором Айви, когда он представлял формы американских экспериментов с малярией.

Вы сами, господа трибунала, в состоянии изучить, могли ли отдельные заключённые со средним образованием на основе информации содержащейся в этих формах сформировать достаточно чёткое мнение о рисках эксперимента с губительной малярией. Эти факты будут подтверждены любым искренним и достойным учёным в личном разговоре, при том, что он не захочет делать такое заявление публично. То, что я сам, в принципе, являюсь оппонентом идеи опасных экспериментов на людях известно вам господа трибунала.

Однако, государство, или любое человеческое сообщество, которое, в интересах благополучия всего сообщества, не хочет отказываться от экспериментов на людях, основывая себя лишь на этических принципах до тех пор пока оно открыто признаёт полную ответственность, которая впоследствии возникает и налагает жертвы на противников общества для искупления своих преступлений и не выбирает метод видимого добровольного подчинения, которые налагают риск эксперимента на подопытных, которые не в состоянии предвидеть возможные последствия.

Обвинитель в своей речи раскритиковал преобладание письменных показаний во время представления доказательств со стороны защиты. Сложности, которые существуют для подсудимого в тюрьме в Германии сегодня в получении других документов являются почти запретом. Для того, чтобы привести несколько примеров: Когда обсуждались эксперименты с малярией Шиллинга, обвинение среди прочего материала, представило трибуналу фрагмент известного приговора Дахау касательно заявлений в нём о количестве жертв экспериментов. Я заявил, давая показания, что я бы лучше сидел здесь в качестве подсудимого чем поставил свою подпись под мнением, которое подтверждает эти заявления. Насколько я был прав сделав такое заявление можно видеть из письма профессора Алленби из университета Лондона, которое, к сожалению, получено только сейчас моим защитником, в котором он назвал заявление о том, что 300 подопытных умерли,

гротескной неправдой. Мой защитник в своей заключительной речи процитировал отрывок из этого письма.

Обвинение, когда представляло отрывок из приговора Дахау, пообещало, что все материалы процесса Дахау будут предоставлены в наше распоряжение. К сожалению, все попытки разобраться в этих материалах, пропали даром.

Когда государственный секретарь, доктор Конти во время войны носился с идеей поручения профессору Шиллингу, который тогда был в Италии, исследования малярии в Германии, мне, тогда начальнику тропического медицинского отделения института Роберта Коха, министерством внутренних дел Рейха было поручено выразить мнение. В этом мнении, по причинам, которые я объяснил давая показания, я отверг план Шиллинга. Последуй он моему совету, эксперименты Шиллинга в Дахау никогда бы не состоялись. В ходе слушаний я приложил все усилия для того, чтобы получить это мнение, но и в этом случае я не добился успеха, хотя это мнение в двух копиях находится в руках военного правительства, возможно даже в этом здании.

Также, безуспешно, я попытался получить служебную записку такую важную для моей защиты, которую я продиктовал свидетелю Блоку о моих совещаниях с государственным секретарём Конти и президентом Гильдмайстером, после получения сведений о проведении экспериментов с тифом в Бухенвальде. Та небольшая переписка которая была у меня с профессором Хаагеном видимо полностью находится в руках обвинения. Несмотря на это, она была лишь частично представлена вам. Этот факт предоставил обвинению возможность неправильно интерпретировать отрывки вырванные из контекста. К сожалению, у меня нет возможности принудить кого-либо представить пропавшие документы, которые разъясняют вопросы в мою пользу.

Для оценки работы Хаагена, и мой защитник уже отмечал это, заявление непредвзятого эксперта имело бы решающее значение. Поэтому, я могу лишь сожалеть о том, что допрос француза Жоржа Бланка о котором я ходатайствовал и у которого есть лучшие знания в данной сфере, не состоялся, хотя он добровольно готов был явиться в трибунал в качестве эксперта.

Профессор Лекру, директор института Пастера в Париже, часто был в Нюрнберге во время этого процесса. После интервью, обвинение воздержалось вызывать его в качестве эксперта для разъяснения некоторых сложных вопросов вытекающих из работы Хаагена. Я прошу высокий трибунал делать свои выводы из этих фактов и гарантировать то, что нехватка этих улик не приведёт к ущербу моей защите.

Обвинитель Макхэни объяснил в своей речи, что ещё нужно найти доктора среди подсудимых, который бы подверг себя таким экспериментам которые охвачены обвинительным заключением. Я не чувствую, что это касается меня. Не только из заявления, которое я сделал вам, но также из моей истории болезни, которая была доступна тюремным властям задолго до обвинительного заключения, можно видеть, что я не только постоянно предоставлял себя в качестве подопытного для тестирования вакцин, но и часто в своём официальном качестве и в своей исследовательской работе я вводил себе инъекции холеры, тифа, малярии и гепатита и что я всё ещё страдаю от последствий.

Наконец, обвинитель Макхэни утверждал в своей речи, что все кого обвинили являются виновными в убийстве и что это включает меня тоже. Если трибунал посмотрит на нынешнюю проблему с такой точки зрения, я с сожалением скажу одно слово в свою защиту. Однако, если вы поверите мне, в том что всеми мои действия, которые обсуждались здесь, двигал только долг, тогда я предоставляю свою судьбу в ваши руки.

Последнее слово подсудимого Руффа

С позволения трибунала: что касается письменных и устных заявлений моего защитника, которые касались положений обвинительного заключения, и что касается моей деятельности как врача и учёного, мне нечего или вряд ли есть, что добавить. Я могу лишь повторить, то, что я сказал в конце своего допроса, когда я давал показания. После подробного спроса со своей совести, я сегодня также верю в то, что я никогда не согрешил против своего долга как человека и как доктора.

Последнее слово подсудимого Брака

Ваша честь, меня нельзя описать как одного из самых ранних последователей Гитлера. В 1929, я вступил в НСДАП, когда более чем шесть миллионов избирателей уже поддерживали Гитлера. Его последующие успехи во время лет мирного восстановления усилили моё убеждение в том, что он навсегда освободил Германию от нищеты в которую как казалось она провалилась. Все эти годы я не имел никакой причины иметь какие-либо сомнения в отношении личности Гитлера. Поэтому я также верил в законность распоряжения об эвтаназии так как оно исходило напрямую от главы государства. Государственные чиновники и доктора, компетентные для меня тогда, говорили мне, что эвтаназия всегда являлась

стремлением человечества и была морально как и медицински оправдана. Поэтому, я никогда не сомневался в законном характере распоряжения об эвтаназии.

Однако, в этой связи, мне были поручены обязанности, степень и важность которых я не мог предвидеть. Ни моя подготовка, ни моя квалификация не были достаточными для этой задачи. Однако никто не может отрицать мою добрую веру в её оправданность. Я откровенно признал, то, что я делал в рамках мероприятий эвтаназии и попытался подтвердить, что моё сотрудничество имело просто подчинённый характер и исключительно руководствовалось гуманными аспектами. Меня нельзя делать ответственным за последующие действия проводимые другими ведомствами без моих сведений. Это были меры, о которых я глубоко сожалею, в которых включением иностранных граждан и евреев нарушался закон.

В своей деятельности в канцелярии фюрера, я рано познакомился с террором Гестапо. Показаниями моих свидетелей подтвердилось, то как я боролся против него и системы концентрационных лагерей. Я делал так, потому что я был обязан помогать тем, кто пострадал от произвола и подавления. Я бы не делал этого, потому что я уже тогда осознал симптомы руководства как знающие только произвол и подавление.

Но именно это является причиной почему я был настолько шокирован злоупотреблениями в некоторых учреждениях эвтаназии при акции «14 ф 13»; эта акция затрагивала именно тех лиц, чьё задержание я считал несправедливым и которому возражал. Однако, только в зале суда, я узнал об этой акции.

То, что я не ненавидел евреев подтвердилось множеством документов. Однако, без ненависти к евреям, участие в уничтожении евреев невысказано. Меры подавления которым подвергались евреи вынуждали меня оказывать им такое же содействие в рамках моей компетенции которое я предоставлял преследуемым по политическим мотивам. Таким образом в течение хода лет своей деятельностью я помог сотням тысяч лиц. Таким образом могли существовать вопросы стерилизации. Они были не чем иным как попыткой предотвратить уничтожение бесчисленных евреев.

Несмотря на все усилия моего защитника, было невозможно получить свидетелей, которые могли дать показания в этом отношении. Они предпочли избежать своей ответственности на службе правде. Я остался один. Я должен оставить высокому трибуналу установление на основе представленных экспертных научных мнений того, что все мои предложения действительно формулировались так, чтобы показать свои убеждения как безобидные, и невозможные к реализации.

Я также должен оставить трибуналу судить о том пойдёт ли в армию человек, который намерен уничтожать евреев, когда цель, которой он

предположительно должен был следовать была достигнута и начались мероприятия по уничтожению. Не, кажется ли парадоксальным предполагать, что один и тот же человек даст своё одобрение уничтожению евреев, и фактически помогать такой программе и в то же время, спасать евреев, которых никогда не знал, таких как Георги, Пассов, Майер, Варбург и других, от этих мероприятий?

Я могу лишь подчеркнуть, что в особенности предложения о стерилизации Гиммлеру показались мне последней возможностью предпринять хоть, что-нибудь для спасения еврейства. Будь я равнодушен к судьбе евреев, меня бы не обвинили сегодня. Но я также пытался в этом отношении, что было моей привычкой, предоставлять содействие и я всё ещё убеждён, в том, что это хотя бы оттянуло, если не предотвратило эффект. Точным является то, что многие евреи таким образом спаслись от уничтожения. Осознания того, что такие предложения никогда не делались мной в силу моих медицинских знаний, моих качеств или моего положения в то время, даже при моих лучших намерениях, были чем-то, чего я не смог добиться на процессе. Моё хорошее намерение, которое было основой этих предложений, и мою добрую волю для помощи им, нельзя отрицать никем и ни в коем случае как моё сознательное сотрудничество в уничтожении евреев.

Последнее слово подсудимого Ромберга

В ходе данного процесса, у меня была полная возможность высказаться в свою защиту. С особой благодарностью мы осознаём величайшую возможность предоставленную нам, которой мы воспользовались, которая особо предоставила допрос профессора Айви на данном процессе. Я вижу как сам трибунал, точными вопросами, выяснял факты и к заявлениям сделанным моим защитником мне добавить нечего, потом что они являются правдой.

Последнее слово подсудимого Бекер-Фрейзинга

Господин председатель, господа трибунала: мне также была предоставлена возможность представить все заявления и доказательства требуемые для опровержения обвинений. За это я благодарю трибунал и своего защитника доктора Типпа. Но мне нечего добавить к этому. Так как не относятся к делу, злобные разговоры с которыми внешние круги верят в то, что они должны пробиваться к объективности как к глухим дебрям вердикт этого трибунал должен быть и будет соответствующим ответом. Я гляжу на это с твёрдым убеждением в том, что я

никогда не нарушал свой долг к человечеству как врач и как учёный и как солдат своего отечества.

Последнее слово подсудимого Вельца

Мне нечего добавить к заявлению сделанному моим защитником. Я благодарю доктора Вилле за его усилия по моей защите.

Последнее слово подсудимого Шефера

С позволения трибунала, так как я считаю себя совершенно невиновным, мне нечего добавить. Я прошу оправдания, если возможно, даже до вынесения вердикта.

Последнее слово подсудимого Ховена

Мне нечего добавить к вчерашней речи доктора Гавлика. Я на этом моменте хочу поблагодарить своего защитника за значительную помощь предоставленную им мне.

Последнее слово подсудимого Бейгельбека

С позволения трибунала, эксперименты, которое я проводил, я не проводил по своей собственной инициативе, как ни в соответствии с собственными планами, как и не спонтанно. Медицинская часть исполнялась при сведениях и при одобрении моего клинического учителя и гражданского начальника на протяжении более чем десяти лет, я был учеником Эппингера. Во время этих десяти лет, я должен был узнать и уважать его способ мысли и его высшие знания. Мои отношения к нему основывались на глубокой благодарности и трепетной преданности. Если было, что-либо, что он считал правильным и важным, тогда лишь по психологическим причинам, мне было бы сложно поверить в противоположное.

Эксперименты должны были решить проблему спасения человеческой жизни и это должно было быть оправданным. Военный приказ, заставил меня проводить их в атмосфере концентрационного лагеря. Я боролся против него, и внутренне противостоял ему, и пытался избежать задачи, но я не добился успеха. Таким образом я должен был проводить его.

С позволения трибунала, в вашей оценке этого факта, пожалуйста не упустите учесть то, что это не случилось в мирное время, ни в стране, которая предоставляла своим гражданам индивидуальную свободу решения во всех вопросах, личных и профессиональных, но во время горьких дней самой ужасной войны. То, что я осуществлял, я делал в соответствии с ранее установленным и обозначенным планом. Я не переходил границ своей задачи. Я должен был просить от своих подопытных пройти трудности; они страдали от жажды со всеми её неприятными ощущениями, с её физическими и психическими характеристиками. Это было в характере эксперимента, и этого нельзя было избежать. Однако, я не делал, этого не проинформировав себя сначала об эксперименте по своей собственной системе о том, что им предстояло пройти, как и не ожидал от кого-либо ещё, при том, что я был твёрдо убеждён в том, что я могу принудить кого-либо сделать это добровольно. Неправда говорить, что я мог вынудить кого-либо сделать это, ни психологически, ни репрессалиями, ни угрозой, ни силой оружия. Многие очевидцы согласились с тем, что моё поведение не являлось ни жестоким ни бесчеловечным к каким-либо подопытным за которыми я ухаживал. Среди этих свидетелей даже есть те кого доставили свидетельствовать против меня.

Напоследок, на последней стадии данного процесса, нашёлся один подопытный, который подумал о том, что должен внести драматическую ноту в искусственно созданную атмосферу. Вам решать, насколько достоверен данный свидетель. Основываясь на ложной интерпретации дилетанта, о на самом деле безобидной медицинской процедуре, в сочетании с неточными воспоминаниями, эмоционально представляются более или менее отрывчатыми и разорванными мои мотивы, предпринимая попытку создать впечатление о моих экспериментах и моей личности.

В противоречие этому, несколько других, кто прибыл из концентрационного лагеря и которые любят правду, нарисовали другую картину, которая раскрывает моё поведение в медицинском смысле, также как с человеческой точки зрения, по крайней мере правильно. В моих экспериментах, не была принесена в жертву ни одна человеческая жизнь, как и ни в результате какого-либо длительного ущерба их здоровью. Мне также кажется, я подтвердил, что я вмешивался за заключённых, постольку поскольку это находилось в моей власти и что я не считал своих подопытных лицами враждебного типа, с которыми можно плохо обращаться, по идеологическим причинам, в чём обвиняюсь.

За более чем 15 лет в качестве врача, я всегда чувствовал сильнейшую ответственность за тех кого мне поручили. Тысячи тех кто являлся моими пациентами подтверждают это. Мои ассистенты и коллеги свидетельствовали об

этом. Никогда не было никаких чувств иных чем у человека и врача. Эксперименты, так как они действительно проводились никогда не заходили дальше того, что может оправдать врач. Я считаю себя свободным от вины как врач и как человек.

Последнее слово подсудимого Покорни

Ваши чести, во время процесса я часто спрашивал себя о том, что я должен был сделать тогда, для того, чтобы отразить свой подлинный мотив письма написанного Гиммлеру. Но мне кажется, что тогда, когда я направил это письмо, я не мог сделать чего-либо другого, кроме как поговорить с людьми которым я доверял и которые я знал, не предадут меня, и доверять им свои подлинные причины.

Если сегодня, это письмо, которое против меня, выглядит объективным, тогда это факт, который я должен нести, хотя в конце я должен сказать, в переписке, правдивые и эгоистичные причины не являлись причинами написания мной письма, но это письмо было написано, потому что тогда, я услышал факты про планы Гиммлера, поэтому, тогда в моём положении, оставшись наедине и оболганным из-за моих семейных связей в небольшом городе в Чехословакии, я чувствовал, что я смогу предпринять описанную акцию.

Мне остаётся надеяться, что вы, мои судьи, сделаете свои выводы о моём поведении и ситуации в которой я находился тогда, и придёте к убеждению в том, что правдивый мотив отличался от того, который объективно показан в письме, и что вы не приговорите меня, но поверите мне в том, что я не только говорил вам, мои судьи, но и во время моих допросов и того, что я говорил своим друзьям, в то время, когда нынешняя ситуация не возникла, для того, чтобы разъяснить мотивы как правдивые.

С этой надеждой я гляжу на ваш приговор, и в этой связи я думаю о моём ребенке, который сейчас живет под защитой союзной державы, и который не верит в то, что его отец, после всего выстраданного, мог действовать как противник человеческих прав.

Последнее слово подсудимой Оберхойзер

Мне нечего добавить к заявлениям сделанным во время дачи показаний под присягой. При оказании терапевтического ухода, следуя установленным медицинским принципам, как женщина в сложном положении, я делала лучшее.

Более того, я полностью согласна с заявлениями сделанными защитником и воздержусь на этой стадии процесса, от каких либо дальнейших заявлений.

Последнее слово подсудимого Фишера

Ваши чести, когда началась эта война я был молодым доктором, 27 лет. Моё отношение к моему народу и моему отечеству повели меня на фронт в качестве армейского доктора. Там я вступил в танковую дивизию, в которой оставался до инвалидности из-за потери руки. За очень короткий период, во время этих лет войны, вернувшись домой, я работал в качестве медицинского офицера в военном госпитале. Там также, моя концепция обязанностей направлялась желанием служить своей стране. В это время моей работы дома, я получил приказ, исполнение которого сделало меня субъектом обвинительного заключения в данном процессе.

Приказ о моём участии в экспериментах исходил от моего высшего медицинского и военного начальника и был передан мне, как ассистенту и лейтенанту, через профессора Гебхардта. Профессор Гебхардт был знаменитым хирургом и почётным создателем Хохенлихена. Он являлся научным авторитетом на которого я смотрел с почтением и доверием. В качестве генерала Ваффен-СС он являлся моим безоговорочным военным начальником. Я верил ему в том, что я был назначен его ассистентом в решении неотложной медицинской проблемы, которая должна была помочь спасению сотен тысяч раненых солдат и которая должна была лечить их; и я верил в то, что данная проблема означает вопрос жизни и смерти моего народа, который боролся за существование. Я безусловно верил в то, что этот приказ поступил ко мне от главы государства, и что его исполнение являлось необходимым для государства. Я считал себя связанным этим приказом, как и тысячи солдат, которых я видел идущими на смерть во время пребывания на фронте, исполняя приказ государства. Это волнующее впечатление из фронта связывало меня вдвойне, в особенности так как я имел привилегию в это время работать в госпитале дома. Я считал себя, в особенности дома, вдвойне связанным как любой солдат на фронте, безусловно подчиняясь приказу моего отечества.

То, что требовалось от меня было представлено как метод современной медицины во всех цивилизованных странах. Я единственно занимался её клинической частью, и это происходило также и в ходе лечения в институте Хохенлихена или любой другой клиники. То, что я делал было тем, что было приказано, и не делал ничего за рамками приказа. Я верил в то, что я, как простой гражданин, не имею права критиковать государственные меры, в особенности не во время, когда моя страна участвовала в войне не на жизнь, а на смерть.

Я надеюсь, что путём своей безупречной службы на фронте и из-за своих двух ранений, я показал, что я не только ожидал от других жертв в то время, но я был готов пожертвовать своей жизнью и здоровьем. В рамках приказа отданного мне, я делал то, что мог, в своём ограниченном положении как ассистента доктора, для жизни подопытных и для точного и соответствующего развития эксперимента. Когда случались такие смертельные случаи, вопреки всем ожиданиям, я был настолько потрясён, как если бы умер пациент нашей клиники. После этого, эксперименты были немедленно прекращены, и я вернулся на фронт.

Совместно с профессором Гебхардтом, я сообщил об этих экспериментах немецкой публике. Как и многие другие немцы, многие вещи в ретроспективе, выглядят яснее сегодня и в ином свете чем в прошлые годы. В своей молодой жизни я пытался быть верным сыном своего народа и это привело меня в это унижительное положение. Я лишь хотел, хорошего. В своей жизни, я никогда не следовал эгоистическим целям, и я никогда не мотивировался низкими инстинктами. По этой причине, я чувствую свободу от какой бы то не было вины внутри себя. Я действовал как солдат, и как солдат я готов нести последствия. Однако, то, что я рождён немцем это не то, я чём я хочу жаловаться.

ХII. Приговор

Военный трибунал I был создан 25 октября 1946 в соответствии с общим приказом № 68 принятым по команде военного правительства Соединённых Штатов для Германии. Это был первый из нескольких военных трибуналов созданных в оккупационной зоне Соединённых Штатов согласно указу военного правительства № 7 для проведения слушаний о правонарушениях признаваемых преступлениями законом № 10 Контрольного совета для Германии.

В соответствии с приказом, которым был создан трибунал и назначившим нижеподписавшихся членов, военному трибуналу I было приказано собраться в Нюрнберге, Германия, для заслушивания таких дел, которые могут быть возбуждены главным юристом по военным преступлениям или его уполномоченным представителем.

25 октября 1946 главный юрист по военным преступлениям предъявил обвинительное заключение против подсудимых находящихся в распоряжении генерального секретаря военного трибунала в дворце правосудия, Нюрнберг, Германия. Копия обвинительного заключения на немецком языке была вручена каждому подсудимому 5 ноября 1946. Военный трибунал I провёл предварительное заседание 21 ноября 1946, все подсудимые заявили «не виновен» в отношении всех обвинений предъявленных им.

Представление доказательств в подтверждение обвинений содержащихся в обвинительном заключении обвинение начало 9 декабря 1946. По завершении представления доказательств обвинения, подсудимые приступили к представлению своих доказательств. Представление всех доказательств по делу завершилось 3 июля 1947. В течение недели начиная с 14 июля 1947 трибунал заслушивал аргументацию сторон обвинения и защиты. Личные заявления подсудимых были заслушаны 19 июля 1947 и этим числом было завершено рассмотрение дела по существу.

Процесс проходил на двух языках – английском и немецком. Он занял 139 судебных дня, включая 6 дней предоставленных для заключительной аргументации и личных заявлений подсудимых. В течение 133 судебных дней представления доказательств, 32 свидетеля дали устные показания для обвинения и 53 свидетеля, включая 23 подсудимых, дали устные показания для защиты. Кроме того, обвинение приобщило в качестве доказательств всего 570 письменных показаний, отчётов и документов; защита приобщила в качестве доказательств всего 901 – из общего количества 1471 документа представленного в качестве доказательств.

Копии всех экземпляров представленных обвинением были оформлены на немецком языке для подсудимых, до того как были приобщены в качестве доказательств.

Каждый подсудимый был представлен на предварительном заседании и в судебном разбирательстве самостоятельно выбранным защитником.

При наличии возможности, все ходатайства защитников об обеспечении личного присутствия лиц давших письменные показания для обвинения одобрялись и лица доставлялись в Нюрнберг для допроса или перекрёстного допроса защитой. На протяжении судебного разбирательства защите была предоставлена большая свобода при представлении доказательств, при том, что ко времени получения доказательств определённые вопросы не имели большой доказательной ценности.

Все эти шаги были предприняты трибуналом для того, чтобы позволить каждому подсудимому обеспечить свою защиту, в соответствии с духом и буквой указа военного правительства № 7, который предусматривает, что подсудимый имеет право на представление защитником, перекрёстный допрос свидетелей и предоставление всех доказательств в деле имеющих доказательственную ценность.

Представление доказательств, заключительная аргументация сторон и личные заявления подсудимых окончены. Рассмотрение дела по существу завершено и суд переходит к вынесению приговора и назначению наказания.

Юрисдикция трибунала

Юрисдикция и полномочия трибунала установлены и определены законом № 10 Контрольного совета для Германии. Подлежащие применению положения закона, которые относятся к настоящему делу предусматривают следующее:

Статья II

«1. Следующие действия признаются преступными:

.....

b) Военные преступления. Зверства или враждебные действия против лиц или имущества, представляющие нарушение законов и обычаев войны, включая, в частности (но неограничиваясь этим), убийство, плохое обращение, увод в рабство или увод для каких-либо других целей гражданского населения с оккупированной территории, или применение рабского труда на самой оккупированной территории, а также убийство или плохое обращение с военнопленными или лицами,

находящимися в море, убийство заложников, ограбление общественной и частной собственности, умышленное разрушение городов и деревень и опустошение, не оправдываемое военной необходимостью.

с) Преступления против человечности. Зверства и враждебные действия, включая (но не ограничиваясь этим): убийства, истребление, обращение в рабство, высылка, заключение в тюрьмы, пытки, изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения, преследование на политической, расовой или религиозной почве, независимо от того, были ли эти преступления совершены в нарушение законов страны или нет.

д) Принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом.

2. Любое лицо, независимо от его национальности и должности, которую оно занимало, считается совершившим преступление, как это определено в...статье, в том случае, если оно было: а) основным участником или б) соучастником в совершении какого-либо из этих преступлений, отдавая приказ или подстрекая к преступлению; с) давало согласие на участие в нем; д) участвовало в разработке планов или мероприятий, повлекших за собой совершенные преступления; е) состояло членом группы или организации, связанной с совершением любого из таких преступлений...;

.....

4. а) Официальное положение любого лица независимо от того, было ли оно главой государства или руководящим чиновником в правительственных департаментах, не освобождает его от ответственности за преступления и не дает основания для смягчения ему наказания.

б) Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания.

Обвинительное заключение в рассматриваемом деле было предъявлено в соответствии с данными положениями.

Обвинения

Обвинительное заключение включает четыре пункта.

Пункт один – общий план или заговор. Первый пункт обвинительного заключения вменяет, что подсудимые, следуя общему умыслу, незаконно, умышленно и осознанно составили заговор и согласовали друг с другом и вовлекли иных лиц, в совершение военных преступлений и преступлений против человечности, определённых в законе № 10 контрольного совета.

Во время процесса подсудимые оспаривали первый пункт обвинительного заключения, обосновав своё ходатайство тем фактом, что руководствуясь применимым законом трибунал не имеет юрисдикции по рассмотрению преступления заговора рассматриваемого в качестве отдельного независимого правонарушения. Ходатайство было поставлено на обсуждение и соответственно было рассмотрено сторонами обвинения и защиты. Соответственно на одном из судебных заседаний трибунал удовлетворил ходатайство. Решение вынесенное в отношении данного ходатайства является неотъемлемой частью приговора. Решение по ходатайству является следующим:

Трибунал решил, что ни устав Международного Военного Трибунала, ни закон № 10 Контрольного совета не определяют заговор для совершения военных преступлений и преступлений против человечности в качестве отдельного самостоятельного преступления; поэтому, трибунал не имеет никакой юрисдикции для рассмотрения дела в отношении кого-либо из подсудимых по обвинению в заговоре в качестве отдельного, самостоятельного правонарушения.

Пункт I обвинительного заключения, кроме отдельного обвинения в заговоре, также предполагает незаконное участие в формулировании и осуществлении планов по совершению военных преступлений и преступлений против человечности, что в действительности включает совершение таких преступлений. Поэтому, мы, не можем надлежащим образом исключить весь пункт I из обвинительного заключения, но постольку поскольку пункт I вменяет совершение предполагаемого преступления заговора в качестве отдельного, самостоятельного правонарушения, отличного от любого военного преступления

или преступления против человечности, трибунал не рассматривает данное обвинение.

Данное решение не следует рассматривать как ограничивающее действие статьи 2, параграфа 2 закона № 10 Контрольного совета, или как отрицающее право обвинения или защиты представлять доказательства о любых фактах и обстоятельствах, состоявшихся до или после сентября 1939, если такие факты и обстоятельства направлены на подтверждение или опровержение совершения любым подсудимым военных преступлений или преступлений против человечности определённых в законе № 10 Контрольного совета.

Пункты два и три – военные преступления и преступления против человечности. Второй и третий пункты обвинительного заключения вменяют совершение военных преступлений и преступлений против человечности. Эти пункты имеют идентичное содержание, за исключением того факта, что в пункте два, деяния, которые являлись основой для обвинений предположительно были совершены к «гражданским лицам и военнослужащим вооружённых сил наций находящихся в состоянии войны с Германским Рейхом...при осуществлении контроля воюющей стороны», в то время как пунктом три являются преступные деяния предположительно совершённые против «немецких гражданских лиц и граждан иных стран». С учётом такого разграничения, оба пункта рассматривались как один и обсуждались совместно.

Пункты два и три, предполагают, что между сентябрём 1939 и апрелем 1945 все подсудимые «являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включающими медицинские эксперименты без согласия подопытного...в ходе которых подсудимые совершили убийства, жестокости, пытки, мучения и иные бесчеловечные деяния». Утверждалось, что «такие эксперимент включали, но не ограничивались следующим:

А) **Эксперименты с большой высотой.** С начала марта 1942 по начало августа 1942 в концентрационном лагере Дахау³⁰⁸ проводились эксперименты, в интересах германских воздушных сил, для исследования пределов человеческой выносливости и пребывания на крайне большой высоте.

---

³⁰⁸ Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.

Эксперименты проводились в барокамере в которой могли воспроизводиться атмосферные условия, существующие на большой высоте (до 20500 м). Подопытных лиц помещали в барокамеру и испытывали рост высоты. Многие жертвы умерли в результате данных экспериментов, остальные пострадали от тяжких увечий, пыток и плохого обращения. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Руфф, Ромберг, Бекер-Фрейзенг и Вельц обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Б) Эксперименты по обморожению. С начала августа 1942 до начала мая 1943 в концентрационном лагере Дахау проводились эксперименты, в основном в интересах германских воздушных сил, для исследования наиболее эффективных средств по уходу за лицами пострадавшими от переохлаждения или обморожения. В одной из серий экспериментов подопытных лиц принуждали оставаться в ёмкости с ледяной водой на периоды до 3 часов. Острое замерзание развивалось за короткое время. Множество жертв погибло в ходе данных экспериментов. После сильного переохлаждения выживших пытались разогреть различными средствами. В иной серии экспериментов, подопытных держали обнажёнными на улице многие часы при температуре ниже замёрзания. Жертвы кричали от боли, так как части их тел были отморожены. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Шрёдер, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Бекер-Фрейзинг и Вельц обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

В) Эксперименты с малярией. С начала февраля 1942 до начала апреля 1945 в концентрационном лагере Дахау проводились эксперименты по исследованию иммунизации и лечения малярии. Здоровых заключённых концентрационных лагерей заражали комарами или инъекциями из экстракта слюнных желез комаров. После заражения малярией на подопытных испытывали различные лекарства для проверки их относительной эффективности. Более 1000 принудительных подопытных были использованы в таких экспериментах. Многие из жертв погибли, а другие пострадали от болей и стойкой утраты трудоспособности. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Гебхардт, Бломе, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик и

Зиверс обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Г) Эксперименты с ипритом (горчичный газ). В разные периоды сентября 1939 и апреля 1945 в концентрационных лагерях Заксенхаузен³⁰⁹, Нацвейлер³¹⁰ и иных лагерях в интересах германских вооруженных сил изучалось наиболее эффективное лечение ранений нанесённых ипритом. Иприт это отравляющий газ, который общеизвестен как горчичный газ. Ранения умышленно причинялись подопытным путем отравления ипритом. Некоторые из подопытных погибли в результате данных экспериментов, другие пострадали от серьёзной боли и увечий. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Бломе, Росток, Гебхардт, Рудольф Брандт и Зиверс особо ответственны за участие в данных преступлениях.

Д) Эксперименты с сульфаниламидом. С начала июля 1942 по начало сентября 1943 в концентрационном лагере Равенсбрюк в интересах германских вооруженных сил проводились эксперименты по исследованию эффективности сульфаниламида. Подопытные умышленно инфицировались бактериями, такими как стрептококк, газовая гангрена и столбняк. Кровообращение нарушалось затягиванием кровеносных сосудов на обеих концах раны для создания условий похожих на рану при боевых действиях. Заражение развивалось внедрением деревянных опилок и измельчённого стекла в раны. Заражение лечилось сульфаниламидом и иными лекарствами для определения их эффективности. Некоторые подопытные умерли в результате данных экспериментов, а другие пострадали от серьёзных увечий и сильной агонии. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Шрёдер, Генцкен, Гебхардт, Бломе, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Бекер-

³⁰⁹ Заксенхаузен — нацистский концентрационный лагерь, расположенный в городе Ораниенбург в Германии. Создан в июле 1936 года. Число узников в разные годы доходило до 60000 человек. На территории Заксенхаузена погибло различным образом свыше 100000 узников.

³¹⁰ Нацвейлер-Штруггоф — нацистский концентрационный лагерь. Расположен в Вогезах поблизости от эльзасской деревни Нацвейлер (фр. Natzwiller, нем. Natzweiler), Франция, в 50 километрах к юго-востоку от Страсбурга. Представлял собой целую систему из более чем 50 лагерей, расположенных на границе между Францией и Германией (на территории Франции — Эльзас и Лотарингия, на территории Германии — Баден и Вюртемберг) и подчинённых главному лагерю. К концу 1944 года в главном лагере находилось около 7000 заключённых, в подчинённых лагерях — более 20000.

Фрейзенг, Оберхойзер и Фишер обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Е) Костная, мышечная и нервная регенерация и трансплантации костей. С начала сентября 1942 до декабря 1943 в концентрационном лагере Равенсбрюк в интересах германских вооруженных сил проводились эксперименты, по изучению костной, мышечной и нервной регенерации и трансплантации костей от одного лица другому. Фрагменты костей, мышц и нервов удалялись у подопытных. В результате данных операций, многие жертвы пострадали от агонии, увечий и стойкой нетрудоспособности. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Гебхардт, Рудольф Брандт, Оберхойзер и Фишер обвиняются в особой ответственности и участии в данных преступлениях.

Ё) Эксперименты с морской водой. С начала июля 1944 по сентябрь 1944 в концентрационном лагере Дахау в интересах германских военно-воздушных сил и флота проводились эксперименты по изучению различных способов пригодности для потребления морской воды. Подопытные лишались всякой пищи и получали только химически обработанную морскую воду. Такие эксперименты вызывали сильную боль и страдания и приводили к серьезному вреду организма. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Шрёдер, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Бекер-Фрейзинг, Шефер и Бейгельбек обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Ж) Эксперименты по вирусной желтухе. С начала июня 1943 по январь 1945 в концентрационных лагерях Заксенхаузен и Нацвейлер в интересах германских вооруженных сил, проводились эксперименты для изучения заражения и вакцинации против желтухи. Подопытных умышленно инфицировали вирусной желтухой, некоторые из них в результате погибли, а остальные испытывали сильную боль и страдания. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Шрёдер, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Розе и Бекер-Фрейзинг особо ответственны за участие в данных преступлениях.

З) Эксперименты по стерилизации. С начала марта 1941 по начало января 1945 в концентрационных лагерях

Аушвиц³¹¹ и Равенсбрюк и иных местах проводились эксперименты по стерилизации. Целью данных экспериментов была разработка метода стерилизации, который был бы подходящим для стерилизации миллионов человек при минимальном времени и затратах. Данные эксперименты проводились посредством рентгеновского излучения, хирургии и различных веществ. Тысячи жертв были стерилизованы и испытали сильное душевное и физическое потрясение. Подсудимые Карл Брандт, Гебхардт, Рудольф Бранд, Мруговски, Поппендик, Брак, Покорни и Оберхойзер обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

И) Эксперименты с тифом. С начала декабря 1941 по начало февраля 1945 в концентрационных лагерях Бухенвальд и Нацвейлер проводились эксперименты в интересах германских вооруженных сил, для установления эффективности тифозной и иных вакцин. В Бухенвальде множество здоровых заключенных были умышленно заражены вирусом тифа с целью поддержания вирус живым; в результате более 90 процентов жертв погибли. Остальные здоровые заключенные использовались для определения эффективности различных вакцин от тифа и иных химических веществ. В ходе данных экспериментов 75 процентов отобранных заключенных были вакцинированы одной из вакцин или получали одно из химических веществ и спустя промежуток от 3 до 4 недель, инфицировались бактериями тифа. Остальные 25 процентов инфицировались без предшествующей защиты с целью сравнить эффективность вакцин и химических веществ. В результате сотни подопытных умерли. Эксперименты с жёлтой лихорадкой, оспой, тифом, паратифом А и Б, холерой, с похожими результатами проводились в концентрационном лагере Нацвейлер. Подсудимые Карл Брандт, Хандлозер, Росток, Шрёдер, Генцкен, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Розе, Бекер-Фрейзинг и Ховен обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

---

³¹¹ Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Биркенау: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц-Биркенау) — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

К) Эксперименты с ядом. Приблизительно в декабре 1943 или приблизительно в октябре 1944, в концентрационном лагере Бухенвальд проводились эксперименты для установления эффекта различных ядов на людях. Яды тайно вводились подопытным в еду. Жертвы умирали в результате отравления или немедленно убивались для проведения вскрытия. Приблизительно в сентябре 1944 в подопытных стреляли отравленными пулями, подвергая пыткам и смерти. Подсудимые Генцкен, Гебхардт, Мруговски и Поппендик обвиняются в особой ответственности за участие в данных преступлениях.

Л) Эксперименты с зажигательными бомбами. С начала ноября 1943 по начало января 1944 в концентрационном лагере Бухенвальд проводились эксперименты для испытания эффекта различных фармацевтических препаратов на горение фосфора. Такое горение создавалось на подопытных фосфорным содержимым зажигательных бомб, и причиняло сильную боль, страдания и тяжкие телесные повреждения. Подсудимые Генцкен, Гебхардт, Мруговски и Поппендик особо обвиняются за участие в данных преступлениях.

Кроме медицинских экспериментов, характер и задача которых предполагались, отдельным подсудимым вменялась преступная деятельность включающая убийства, пытки и плохое обращение с не-немецкими гражданами как следующая:

7. Между июнем 1943 и сентябрём 1944 подсудимые Рудольф Брандт и Зиверс незаконно...являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включающими убийство гражданских лиц и военнослужащих наций находящихся в состоянии войны с Германским Рейхом и находящихся в заключении в Германском Рейхе. Сто двенадцать евреев были отобраны для цели составления коллекции скелетов в университете Страсбурга. Были сняты их фотографии и антропологические характеристики. Затем они были убиты. Впоследствии проводились, сравнительные тесты, анатомические исследования, расовые исследования, особенностей тел, формы и размера мозга, и иные тесты. Тела были отправлены в Страсбург и с них была снята кожа.

8. Между маем 1942 и январём 1944 подсудимые Бломе и Рудольф Брандт...являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включающими убийство и плохое обращение с десятками тысяч польских лиц, которые являлись гражданскими лицами и военнослужащими нации находящейся в состоянии войны с Германским Рейхом и находящиеся в заключении в Германском Рейхе. Данные лица предположительно были инфицированы неизлечимым туберкулёзом. Исходя из обеспечения здоровья и благополучия немцев в Польше, многие туберкулёзные поляки безжалостно уничтожались в то время как остальные изолировались в лагерях смерти с недостаточным медицинским обеспечением.

9. Между сентябрём 1939 и апрелем 1945, подсудимые Карл Брандт, Бломе, Брак и Ховен...являлись исполнителями, пособниками, приказывали, подчинялись, принимали согласованное участие и были связаны с планами и мероприятиями включавшими исполнение так называемой программы «эвтаназии» Германского Рейха в ходе которой подсудимые убили сотни тысяч человек, включая граждан оккупированных Германией стран. Данная программа включала систематические и секретные казни престарелых, психических больных, неизлечимо больных, детей с уродствами и иных лиц, газом, смертельными инъекциями, и применяя иные средства в домах престарелых, госпиталях и психиатрических больницах. Такие лица считались «бессмысленными едоками» и бременем для германской военной машины. Родственникам данных жертв сообщалось о том, что они умерли от естественных причин, таких как сердечная недостаточность. Германские доктора участвовавшие в программе «эвтаназии» также направлялись на восточные оккупированные территории для содействия в массовом уничтожении евреев.

Пункты два и три обвинительного заключения завершаются утверждением о том, что преступления и жестокости, которые очерчены «составляют нарушения международных конвенций..., законов и обычаев войны, общих принципов уголовного права предусмотренных уголовными законами всех цивилизованных наций, внутренними законами о наказаниях стран в которых такие преступления были совершены и статьи II закона № 10 Контрольного совета».

Пункт четыре – членство в преступной организации: четвёртый пункт обвинительного заключения предполагает, что подсудимые Карл Брандт, Генцкен, Гебхардт, Рудольф Брандт, Мруговски, Поппендик, Зиверс, Брак, Ховен и Фишер являются виновными в членстве в организации объявленной преступной Международным Военным Трибуналом, в том, что каждый из указанных подсудимых являлся членом Schutzstaffeln der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei (общеизвестной как СС) после 1 сентября 1939 в нарушение параграфа I (д), статьи II закона № 10 Контрольного совета.

Перед переходом нашего внимания к доказательствам по делу мы оговариваем закон, провозглашённый Международным Военным Трибуналом в отношении членства в организации объявленной преступной трибуналом:

«Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов «общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерииские соединения СС...

Трибунал объявляет преступной согласно определению Устава группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе 1, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако, тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений.

Настоящее решение основывается на участии этой организации в военных преступлениях и преступлениях против человечности, связанных с войной; эта группа, признаваемая преступной, не включает поэтому лиц, которые перестали быть членами организаций, перечисленных в предыдущем параграфе, до 1 сентября 1939 г.»³¹²

³¹² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 654.

Доказательства о военных преступлениях и преступлениях против человечности

Оценивая любые доказательные стандарты, материалы дела явно показывают совершение военных преступлений и преступлений против человечности предполагаемых в пунктах два и три обвинительного заключения. С начала Второй мировой войны преступные медицинские эксперименты на не-немецких гражданах, как военнопленных так и гражданских, включая евреев и «асоциальных» лиц, в большом масштабе проводились в Германии и оккупированных странах. Эти эксперименты не являлись изолированными и случайными действиями отдельных докторов и учёных работающих исключительно под свою собственную ответственность, но являлись продуктом скоординированной политики и планирования высших правительственных, военных и партийных уровней, проводившихся как неотъемлемая часть усилий в тотальной войне. Они были приказаны, санкционированы, разрешены или одобрены лицами на полномочных должностях, которые в соответствии со всеми принципами права, по долгу службы знали об этих вещах и должны были предпринимать шаги по их прекращению или предотвращению.

Допустимость медицинских экспериментов

Нам представлен большой объём доказательств в отношении того, что отдельные типы медицинских экспериментов на людях, проводимые в рамках разумно установленных границ, в целом соответствуют этике медицинской профессии. Выступающие за практику человеческого экспериментирования обосновывают свои взгляды исходя из того, что такие эксперименты дают результаты на благо общества, что является недостижимым иными методами или средствами исследования. Однако, все согласны, в том, что следует соблюдать определённые базовые принципы для того, чтобы удовлетворить моральные, этические и юридические концепции:

1. Добровольное согласие подопытного является абсолютно необходимым.

Это означает, что заинтересованное лицо должно отвечать правоспособности для предоставления согласия; должно быть способным осуществлять свободный выбор, без вмешательства какого-либо элемента принуждения, мошенничества, заблуждения, давления, незаконности или иной скрытой формы принуждения или насилия; должно иметь достаточные сведения и понимание об элементах предмета позволяющих принять ему осознанное и

понятное решение. Этот последний элемент требует, того чтобы перед принятием положительного решения до подопытного довели характер, длительность и задачу эксперимента; метод и средства которыми он будет проводиться; все неудобства и опасности которые можно ожидать; и воздействие на его личность или здоровье, которые возможны в результате его участия в эксперименте.

Обязанность и ответственность по установлению качества согласия остаётся на каждом лице, которое инициирует, руководит или проводит эксперимент. Это является личной обязанностью и ответственностью, которая не может быть делегирована на другого в отсутствие ответственности.

2. Эксперимент должен быть таким который даёт полезные результаты на благо общества, недостижимые другими методами или средствами исследования, но не случайным и ненужным по характеру.

3. Эксперимент должен быть разработан и основан на результатах экспериментирования на животных и сведениях естественной истории заболевания или иной проблемы находящейся на изучении, для того, чтобы ожидаемые результаты оправдывали проведение эксперимента.

4. Эксперимент должен проводиться таким образом, чтобы избежать излишнего физического и духовного страдания и травмирования.

5. Никакой эксперимент не следует проводить там где априори существует причина считать, что случится смерть или травма с утратой трудоспособности; вероятно, за исключением, тех экспериментов в которых подопытные врачи также служат в качестве субъектов.

6. Степень принимаемого риска никогда не должна превышать установленную гуманитарной важностью проблему подлежащую решению экспериментом.

7. Должны проводиться надлежащие приготовления и предоставляться адекватные условия для защиты подопытного даже от удалённых возможностей травм, нетрудоспособности или смерти.

8. Эксперимент должен проводиться только научно квалифицированными лицами. Высшая степень навыка и ухода должны требоваться на всех этапах эксперимента от тех, кто проводит или участвует в эксперименте.

9. Во время эксперимента подопытный человек должен иметь свободу закончить эксперимент если он достиг физического или психического состояния, в котором продолжение эксперимента кажется ему невозможным.

10. Во время эксперимента ответственный учёный должен быть готов к завершению эксперимента на любой стадии, если он вероятно имеет причину верить, действуя добросовестно, с высшей квалификацией и внимательным

суждением требуемыми в то, что продолжение эксперимента приведёт к травме, нетрудоспособности или смерти подопытного.

Из десяти принципов, которые были перечислены, наш судебный интерес, конечно, заключается в тех требованиях, которые имеют чисто юридический характер – или которые хотя бы настолько чётко относятся к юридическим предметам, что они помогут нам в установлении преступной виновности и наказания. Переход к данному положению приведёт нас в сферу, которая будет далека от нашей сферы компетенции. Однако, мысль не требует разработки. Мы установили из доказательств, что в медицинских экспериментах, которые подтверждены, эти десять принципов более часто удаивались нарушения нежели соблюдения. Многие заключенные концентрационных лагерей, которые являлись жертвами этих жестокостей являлись гражданами стран иных нежели Германский Рейх. Они являлись не-немецкими гражданами, включая евреев и «асоциальных лиц», как военнопленных так и гражданских, которых поместили в заключение и принудили к этим пыткам и жестокостям, без какой либо видимости суда. В каждом отдельном примере имеющемся в материалах дела, подопытные которых использовали не давали согласия на эксперименты; наоборот, что касается некоторых экспериментов, даже подсудимые не утверждали, что подопытные имели статус добровольцев. Ни в одном случае подопытный не имел свободы своего выбора для выхода из какого-либо эксперимента. Во многих случаях эксперименты проводились неквалифицированными лицами; проводились по случайной и неадекватной научной причине, и при отвратительных физических условиях. Все эксперименты проводились с излишними страданиями и травмами и самые малые, если они и были, предпринимались меры предосторожности для защиты или безопасности людей подопытных от возможностей травмирования, нетрудоспособности или смерти. В каждом из экспериментов подопытные испытывали сильнейшую боль или пытку, и большинство из них пострадали от стойкого вреда здоровью, издевательств или смерти, либо в результате экспериментов либо из-за нехватки адекватного последующего ухода.

Очевидно все эти эксперименты включающие жестокости, пытки, инвалидизирующие травмы и смерть проводились при полном отречении международных конвенций, законов и обычаев войны, общих принципов уголовного права вытекающих из уголовных законов всех цивилизованных наций и закона № 10 Контрольного совета. Вызывающие эксперименты на людях в таких условиях противоречат «принципам права наций возникших из обычаев установленных среди цивилизованных народов, из законов гуманизма и из диктата общественной совести».

Является ли кто-либо из подсудимых на скамье виновным в этих жестокостях, конечно, другой вопрос.

В англо-саксонской системе юриспруденции любой подсудимый по уголовному делу предполагается невиновным в предъявленных обвинениях до тех пор пока обвинение, компетентными, достоверными доказательствами, не покажет его вину исключаящую любые обоснованные сомнения. Данная презумпция сопровождает подсудимого на каждом этапе его судебного разбирательства пока доказательства в такой степени не будут представлены. «Обоснованное сомнение» как название подразумевает возможность согласовать причину – сомнения, которыми пользуется разумный человек. Иначе говоря, это такое положение дела, в котором, после полного и исчерпывающего сравнения и рассмотрения всех доказательств, лицо оставшееся беспристрастным, непредубеждённым, размышляющим, облеченное ответственностью за решение, находится в таком положении, что оно не может не говорить о неизменном убеждении в правдивости обвинения.

Если кто-либо из подсудимых будет признан виновным по пунктам два и три обвинительного заключения это будет, потому что такой подсудимый, в независимости от национальности или качества в котором он действовал, участвовал как исполнитель, пособник, приказывал, подчинялся, принимал согласованное участие или был связан с планами и мероприятиями включающими совершение хотя бы некоторых из медицинских экспериментов и иных жестокостей, которые являются составом данных пунктов. Ни при каких иных обстоятельствах он не может быть осуждён.

Перед исследованием доказательств, которые мы должны огласить для установления индивидуальной виновности, является желательным сделать короткое заявление о некоторых официальных ведомствах германского правительства и нацистской партии на которые будет содержаться ссылка в приговоре.

Медицинская служба в Германии

Адольф Гитлер являлся главой нацистской партии, германского правительства и германских вооруженных сил. Его титулом в качестве начальника правительства был «рейхсканцлер». В качестве верховного руководителя Немецкой национал-социалистической рабочей партии, общеизвестной как НСДАП или нацистская партия, его титулом был «фюрер». В качестве главы германских вооруженных сил он являлся «верховным главнокомандующим германских вооруженных сил или Вермахта».

Штаб через который Гитлер контролировал германские вооружённые силы известен как «верховное главнокомандование Вермахта» (ОКВ). Начальником данного штаба являлся фельдмаршал Вильгельм Кейтель.

После верховного главнокомандования Вермахта находились верховные главнокомандования армии, флота и воздушных сил. Верховное главнокомандование флота (ОКМ) возглавлялось гросс-адмиралом Карлом Дёницем, верховное главнокомандование армии (ОКХ) возглавлялось фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем до декабря 1941, и впоследствии лично Гитлером. Верховное главнокомандование воздушных сил (ОКЛ) возглавлялось рейхсмаршалом Германом Герингом.

Каждый из трёх родов войск Вермахта поддерживали свои собственные медицинские службы.

Медицинская служба армии. Подсудимый Хандлозер являлся главой медицинской службы армии с 1 января 1941 по 1 сентября 1944. При этом он служил в двух качествах, а именно; в качестве медицинского инспектора армии и в качестве главного врача армии. Эти должности требовали наличия двух управлений, существующих раздельно. В то или иное время Хандлозеру подчинялись в своём официальном качестве следующие офицеры, среди прочих: генераларцт, профессор Шрайбер и профессор Росток; оберштабсарцты доктора Шольц, Айер, Бернхард Шмидт и Кремер; оберштабсарцт, профессор Гутцейт и профессор Вирт; штабсарцт, профессор Клеве и профессор Киллиан и штабсарцт, доктор Домен. Под его надзором в обеих качествах находились военно-медицинская академия, институт тифа и вирусов ОКХ в Кракове и Лемберге и медицинская школа горных войск в Санкт-Иоганне.

Медицинская служба Люфтваффе. С начала войны до 1 января 1944 Гиппке являлся начальником медицинской службы Люфтваффе. С этой даты подсудимый Шрёдер стал преемником Гиппке и оставался на этой должности до конца войны.

Подчинёнными Шрёдера в качестве начальника медицинской службы Люфтваффе являлись следующие подсудимые: Розе, который являлся консультирующим медицинским офицером по гигиене и тропической медицине; Вельц, который являлся начальником института авиационной медицины в Мюнхене; Бекер-Фрейзинг, консультант по авиационной медицине в ведомстве Шрёдера; Руфф, начальник института авиационной медицины Германского экспериментального института авиации в Берлине; Ромберг, главный ассистент Руффа, который в конце войны занимал должность начальника отделения в институте; Шефер, который летом 1942, был придан штату исследовательского

института авиационной медицины в Берлине для проведения исследовательской работы по проблеме чрезвычайной ситуации на море; Бейгельбек, офицер Люфтваффе, который проводил медицинские эксперименты на заключенных концентрационного лагеря Дахау в июле 1944 для цели установления возможности питья обработанной морской воды.

В компетенции Шрёдера в качестве начальника медицинской службы Люфтваффе находилась медицинская академия Люфтваффе в Берлине.

Медицинская служба СС. Одним из наиболее важных подразделений нацистской партии являлись Schutzstaffel НСДАП, общеизвестные как СС. Генрих Гиммлер являлся главой СС с титулом рейхсфюрера СС, и в его личном штабе, служил на различных и разнообразных должностях подсудимый Рудольф Брандт.

СС поддерживали свою собственную медицинскую службу возглавляемую неким доктором Гравицем, который занимал должность главного врача СС и полиции.

Медицинская служба Ваффен-СС. Подразделение СС нацистской партии в свою очередь, подразделялось на несколько составных частей, из которых наиболее важными являлись Ваффен или вооружённые СС. Ваффен-СС были сформированы в военные подразделения и сражались на фронте вместе с подразделениями Вермахта. Те медицинские подразделения Ваффен-СС, которые находились на поле боя, подчинялись медицинской службе армии, за которой надзирал Хандлозер.

Начальником медицинской службы Ваффен-СС являлся подсудимый Карл Генцкен. Его непосредственным начальником был главный врач СС и полиции Гравиц.

Шесть остальных подсудимых на скамье являлись военнослужащими медицинской службы СС, подчинённой Гравицу, а именно; Гебхардт, который в 1940 стал хирургическим советником Ваффен-СС и который в августе 1943 создал и принял должность главного клинического доктора при главном враче СС и полиции; Мруговски, который стал начальником института гигиены Ваффен-СС подчинённом Генцкену в ноябре 1940, и когда институт был исключён из компетенции Генцкена 1 сентября 1943 и передан в непосредственное подчинение Гравица, оставался начальником; Поппендик, который в 1941 был назначен главным врачом главного расово-переселенческого управления в Берлине и который в 1943 также стал начальником личного штаба главного врача СС и полиции; Ховен, который с начала 1941 до июля 1942, служил в качестве ассистента, а затем по сентябрь 1943, в качестве главного врача концентрационного лагеря Бухенвальд; Фишер, ассистент врача подсудимого Гебхардта; и наконец подсудимая Оберхойзер, которая в декабре 1940 стала врачом в концентрационном лагере Равенсбрюк и впоследствии с июня

1943 до конца войны, служила в качестве ассистирующего врача при подсудимом Гебхардте в Хохенлихене.

Гражданская медицинская служба. За время войны гражданские медицинские службы Рейха возглавлялись неким доктором Леонардо Конти. Конти имел две принципиальные должности (1) он являлся государственным секретарём по медицине и здравоохранению в министерстве внутренних дел правительства; в этом качестве он являлся германским гражданским служащим подчинённым министру внутренних дел – сначала Вильгельму Фрику и позднее, Генриху Гиммлеру; (2) он являлся рейхсгесундхайтсфюрером нацистской партии; в данном качестве он был подчинённым канцелярии нацистской партии, начальником которой был Мартин Борман. В качестве рейхсгесундхайтсфюрера, Конти имел заместителем подсудимого Бломе.

Реорганизация медицинской службы Вермахта. В 1942 была проведена реорганизация различных медицинских служб Вермахта. По распоряжению фюрера от 28 июля 1942, Хандлозер стал начальником медицинских служб Вермахта, при том, что он остался в должности главного врача армии и медицинского инспектора армии. Согласно распоряжению, Хандлозеру были даны власть и полномочия по надзору и координации «всех задач общих для медицинских служб Вермахта, Ваффен-СС и организаций и подразделений подчинённых или приданных Вермахту». Ему также поручалось «представлять Вермахт перед гражданскими властями во всех общих медицинских проблемах возникающих в различных родах войск Вермахта, Ваффен-СС и организаций и подразделений подчинённых или приданных Вермахту» и «охранять интересы Вермахта во всех медицинских мероприятиях предпринимаемых гражданскими властями».

Хандлозер таким образом стал верховным медицинским руководителем в военной сфере, как Конти в гражданских службах медицины и здравоохранения.

Последующим распоряжением фюрера от 7 августа 1944 Хандлозер был освобождён от своих обязанностей в качестве главного врача армии и медицинского инспектора армии, но сохранил должность начальника медицинской службы Вермахта.

Распоряжением от 28 июля 1942 в соответствии с которым Хандлозер стал начальником медицинских служб Вермахта, подсудимый Карл Брандт был уполномочен, подчиняясь и получая инструкции только от Гитлера «осуществлять специальные задачи и переговоры для урегулирования требований для докторов, госпиталей, медицинских припасов и т.д., между военными и гражданскими секторами служб медицины и здравоохранения». Распоряжение также указывало, что Брандт «должен информироваться о фундаментальных событиях в медицинских

службах Вермахта и гражданской службе здравоохранения» и «уполномочен вмешиваться ответственным образом».

Последующее распоряжение принятое 5 сентября 1943 расширило полномочия подсудимого Карла Брандта предусмотрев: «Уполномоченному по службам медицины и здравоохранения...поручается централизованная координация и руководство проблемами и деятельностью службы медицины и здравоохранения в соответствии с инструкциями. В данном смысле этот приказ относился к сфере медицинской науки и исследований, также как к организационным учреждениям заинтересованным в производстве и распространении медицинского материала. Уполномоченный по службам медицины и здравоохранения вправе назначать и направлять особых заместителей в данной сфере».

Последним распоряжением от 25 августа 1944 Карл Брандт был назначен рейхскомиссаром по санитарии и здравоохранению на период войны; распоряжение предусматривало:

«В данной сфере он является высшим должностным лицом Рейха» и он «уполномочен принимать инструкции ведомствам и организациям государства, партии и Вермахта, которые затрагивают проблемы служб здравоохранения и медицины».

Таким образом, серией этих распоряжений, подсудимый Карл Брандт, в рамках данной сферы компетенции, стал верховым медицинским должностным лицом Рейха не подчинённым никому кроме Гитлера.

Трое подсудимых не являются врачами.

Первый это подсудимый Брак, который стал подчинённым Боулера, когда последний был назначен начальником канцелярии фюрера в 1934 и оставался с Боулером всю войну.

Второй это подсудимый Рудольф Брандт, который со времени поступления в штаб Гимmlера в 1933, служил двенадцать лет на различных должностях. Сначала Рудольф Брандт являлся просто клерком в штабе рейхсфюрера СС, но в 1936 он был повышен до начальника личного штаба Гимmlера. В 1938 или 1939 он стал связным Гимmlера с министерством внутренних дел и в частности с должностью государственного секретаря внутренних дел. Когда Гимmlер стал министром внутренних дел в 1943 Рудольф Брандт стал начальником управления делами; когда Гимmlер стал президентом общества «Аненербе», Рудольф Брандт стал связным между Гимmlером и управляющим делами общества «Аненербе», подсудимым Вольфрамом Зиверсом.

Третий это подсудимый Зиверс, который являлся сотрудником личного штаба Гиммлера и управляющим делами общества «Аненербе» с 1 июля 1935 до конца войны.

Общество «Аненербе»

Общество «Аненербе», в котором Зиверс являлся управляющий делами, существовало как независимая структура уже с 1933. 1 июля 1935 «Аненербе» было зарегистрировано как организация по проведению или поощрению «исследований местности, памяти, подвигов и наследия северной расы индо-германцев и передачи результатов исследований народу популярным образом». 1 января 1942 общество стало частью личного штаба рейхсфюрера СС и соответственно подразделением СС. Её руководство состояло из Генриха Гиммлера в качестве президента, профессора, доктора Вюста, ректора университета Мюнхена в качестве куратора и подсудимого Зиверса в качестве управляющего делами. Впоследствии, в течении того же года, был создан институт военно-научных исследований как часть «Аненербе». Его цели определялись в письме написанном Гиммлером Зиверсу, которому приказывали следующее в отношении «Аненербе»:

1. Создать институт военно-медицинских исследований
2. Поддержать всеми возможными способами исследования проводимые гаупштурмфюрером СС профессором, доктором Хиртом и поощрять все соответствующие исследования и мероприятия.
3. Предоставить необходимую аппаратуру, снаряжение, приборы и помощников, или получить их.
4. Использовать сооружения доступные в Дахау.
5. Связаться с начальником главного-административно хозяйственного управления СС в отношении затрат, которые понесёт Ваффен-СС».

В своём приговоре Международный Военный Трибунал установил следующие факты в отношении «Аненербе»:

«К главным управлениям СС были также присоединены исследовательские институты, известные под названием институтов по вопросам наследственности (аненэрбе). Утверждалось, что ученые этой организации в основном были почетными членами СС. Во время войны к институтам по вопросам наследственности был присоединен институт военных научных изысканий, который проводил опыты в широких

масштабах, используя в качестве объектов живых людей. Сотрудником этого института был некий доктор Рашер, который проводил свои эксперименты с полного ведома института по вопросам наследственности; эти опыты субсидировались и проводились под покровительством рейсхфюрера СС, который был инициатором создания этого института³¹³».

Теперь мы обсудим доказательства в отношении отдельных подсудимых.

Доказательства окончательно показали, что немецкое слово «Fleckfieber», которое переведено в обвинительном заключении как «сыпной тиф», более правильно переводить как «тиф». Это является общепризнанным, и в настоящем приговоре, в соответствии с доказательствами, мы используем слово тиф вместо «сыпной тиф».

Карл Брандт

Подсудимому Карлу Брандту вменяется особая ответственность и соучастие за эксперименты с обморожением, малярией, ипритом, сульфаниламидом, костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией, морской водой, эпидемической желтухой, стерилизацией и эксперименты с тифом, которая предполагается в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения. Он также обвиняется в пунктах два и три, в совершении преступлений в связи с планированием и осуществлением программы эвтаназии в Германском Рейхе. В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения ему вменяется членство в СС, организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала.

Карл Брандт родился 8 января 1904 в Мюльхаузене, Эльзас, тогда являвшемся частью Германии, изучал медицину и сдал медицинский экзамен в 1928. Он вступил в национал-социалистическую партию в январе 1932 и стал членом СА в 1933. Он стал членом общих СС в июле 1934 и был назначен унтерштурмфюрером в день вступления в эту организацию. В течение лета 1934 он стал «сопровождающим врачом Гитлера» - как он описал свою должность.

Он был повышен до звания оберштурмфюрера в общих СС 1 января 1935 и в 1938 его отнесли к лицам освобождённым от призыва, для того, чтобы он мог находиться в штате рейхсканцелярии в штаб-квартире Гитлера. В течение апреля месяца 1939 Карл Брандт был повышен до звания оберштурмбаннфюрера в общих СС. В 1940 он был переведён из общих СС в Ваффен-СС, в которых офицерские

³¹³ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 653.

звания были приравнены к армии. 30 января 1943 он получил звание приравнённое к генерал-майору Ваффен-СС, а 20 апреля 1944 был повышен до звания генерал-лейтенанта в этой организации. Будучи освобождённым ранее от должности сопровождающего врача Гитлера, он снова был назначен таким осенью 1944. 16 апреля 1945 он был арестован Гестапо, и на следующий день приговорён к смерти судом в Берлине. Он был освобождён из под ареста по приказу временного правительства Дёница 2 мая 1945. 23 мая 1945 он был арестован британскими властями.

По распоряжению содержащему дату 28 июля 1942, подписанному Гитлером, Кейтелем и Ламмерсом, на Карла Брандта была возложена высокая должность в медицинских службах Германии, военных и гражданских. Параграфы 3 и 4 данного распоряжения, относящиеся к Карлу Брандту, гласят следующее:

«3. Я уполномочил профессора доктора Карла Брандта, подчинятся исключительно мне лично и получать свои инструкции напрямую от меня, для осуществления особых задач и переговоров для изменения требований к докторам, госпиталям, медицинским средствам и т. д., между военным и гражданским секторами службы здравоохранения и медицины.

4. Мой уполномоченный по службам медицины и здравоохранения информируется о основополагающих событиях в медицинской службе Вермахта и гражданской службы здравоохранения. Он уполномочен принимать решения установленным образом».

Распоряжением содержащим дату 5 сентября 1943, подписанным Гитлером и Ламмерсом, полномочия Брандта были усилены. Данное распоряжение гласит следующее:

«В целях усиления моего распоряжения о службах медицины и здравоохранения от 28 июля 1942 ((RGBL, I, стр. 515). Я приказываю:

Уполномоченный по службам медицины и здравоохранения, генеральный комиссар, профессор, д.м.н. Брандт является ответственным за централизованное взаимодействие и руководство проблемами и деятельностью всех служб медицины и здравоохранения согласно своим инструкциям. В данном смысле приказ также применяется в сфере медицинской науки и исследований, также как и организационных учреждениях занятых производством и распространением медицинских материалов.

Уполномоченный по службам здравоохранения и медицины вправе назначать и направлять особых заместителей в рамках своей сферы деятельности».

Дальнейшим распоряжением содержащим дату 25 августа 1944, подписанным Гитлером, Ламмерсом, Борманом и Кейтелем, Карл Брандт получил дальнейшие полномочия. Данное распоряжение гласит:

«Настоящим, я назначаю генерального комиссара по вопросам медицины и здравоохранения, профессора доктора Брандта, рейхскомиссаром по санитарии и здравоохранению на период ведения войны. В данной сфере он является высшим должностным лицом Рейха.

Рейхскомиссар по службам медицины и здравоохранения уполномочен принимать инструкции ведомствам и организациям государства, партии и Вермахта, которые затрагивают проблемы служб здравоохранения и медицины».

Экземпляр обвинения 445, письмо содержащее дату Мюнхен, январь 1943, подписанное Конти и с грифом «строго конфиденциально» направленное руководителям отделов общественного здравоохранения гау Немецкой национал-социалистической рабочей партии ссылается на распоряжение фюрера о «приостановке обязательств секретности в отдельных случаях». Письмо продолжает:

«Для вашего строго конфиденциального сведения я направляю прилагаемое распоряжение фюрера и циркулярное письмо написанное мной в связи с ним главам медицинских палат».

Другой отрывок экземпляра включает копию письма Конти, также содержащую дату 9 января 1943, главам медицинских палат и гласящую следующее:

«Строго конфиденциально.

«Предмет: Распоряжение фюрера о приостановке обязательств по секретности в особых случаях.

«Господа:

«Я направляю вам распоряжение фюрера, которое я получил от профессора, доктора Брандта.

«Сообщения имеющие отношение к распоряжению фюрера следует направлять на следующий адрес: профессор,

доктор Карл Брандт, личное сведение, Берлин 38, рейхсканцелярия.

«На усмотрение врача который занимается вопросом, остаётся пожелает ли он сам познакомить пациента с информацией лично»

Распоряжение Гитлера, содержащее дату 23 декабря 1942, гласит следующее:

«Я не только освобождаю врачей, практикующих медиков и дантистов от их обязательств по секретности в отношении генерального комиссара, д.м.н. Карла Брандта, но также возлагаю на них обязанность уведомлять его – для моего сведения – непосредственно после постановки заключительного диагноза о серьёзном заболевании с неблагоприятным прогнозом, в отношении личности занимающей ведущее положение или ответственную должность в государстве, партии, Вермахте, промышленности и тому подобном».

Относительно данного вопроса Карл Брандт свидетельствовал о том, что распоряжение «в особых случаях» освобождало немецких врачей от одного из общепризнанных принципов медицинской практики.

С 1942 года до конца войны Карл Брандт являлся членом совета исследований Рейха, а также членом председательствующего комитета данного органа.

Карл Брандт, затем, окончательно достиг положения позволявшего ему принимать инструкции всем медицинским службам государства, партии и Вермахта по медицинским проблемам (Распоряжение Гитлера содержащее дату 25 августа 1944). Вышеуказанные распоряжения Гитлера раскрывают его огромное доверие к Карлу Брандту и высокую степень личного и профессионального доверия, которую Гитлер возлагал на него.

Можно заметить, что согласно должностному регламенту начальника медицинских служб Вермахта, принятого Кейтелем 7 августа 1944, от начальника этих медицинских служб требовалось уделять внимание общим решениям генерального комиссара фюрера по службам здравоохранения и медицины. Регламент содержит следующее:

«3. Начальник медицинских служб Вермахта информирует генерального комиссара фюрера об основных событиях в сфере медицинских служб Вермахта.

В досудебных письменных показаниях данных подсудимым Хандлозером и приобщённых обвинением в качестве доказательства содержится заявление о том,

что Карл Брандт являлся его «непосредственным начальником в медицинских вопросах».

Эксперименты с сульфаниламидом

Отдельные эксперименты с сульфаниламидом проводились в Равенсбрюке в период приблизительно за год до августа 1943. Эти эксперименты проводились подсудимыми Гебхардтом, Фишером и Оберхойзер – Гебхардт был ответственным за проект. На третьей конференции консультирующих врачей Вермахта проводимой в военно-медицинской академии в Берлине с 24 по 26 мая 1943, Гебхардт и Фишер сделали развёрнутый доклад об этих экспериментах. Карл Брандт присутствовал и слышал доклады. Гебхардт свидетельствовал о том, что он полностью рассказал о том, что было сделано, заявив о том, что эксперименты проводились на людях. Являются убедительными доказательствами того, что были сделаны заявления о том, что лица на которых экспериментировали являлись заключёнными концентрационных лагерей. Говорилось о том, что эксперименты проводились на 75 лицах, что подопытных умышленно заражали, и о том, что использовались различные вещества при лечении инфекций для установления их эффективности. Также говорилось о том, что трое подопытных умерло. Ниоткуда не следует того, что Карл Брандт заявлял какие-либо возражения таким экспериментам или того, что вообще проводил какое-либо расследование об экспериментах о которых был сделан доклад. Проведя он малейшее расследование он мог бы удостовериться в том, что такие эксперименты проводились на не-немецких гражданах, в отсутствие их согласия и при вопиющем пренебрежении их личными правами; и о том, что такие эксперименты планировались на будущее.

В медицинской сфере Карл Брандт занимал положение высшего ряда подчиняясь непосредственно Гитлеру. Он был в состоянии полномочного вмешательства во все медицинские вопросы; это являлось его позитивной обязанностью. Не выявлено того, чтобы в какое-либо время, он предпринимал какие-либо шаги для прекращения медицинских экспериментов на людях. В течение войны он посещал несколько концентрационных лагерей. При занимаемой должности и будучи способным и опытным врачом, на нём оставалась обязанность провести адекватное расследование об экспериментах о которых он знал, как проводившихся и несомненно тех которые продолжали проводиться в концентрационных лагерях.

Эксперименты с эпидемической желтухой

Карлу Брандту вменяется уголовная ответственность за эксперименты проводимые для цели открытия эффективной вакцины для выработки иммунитета от эпидемической желтухи. Гравиц, в письме датированном 1 июня 1943, писал Гиммлеру, говоря о том, что Карл Брандт попросил его содействия в вопросе исследования причин эпидемической желтухи. Гравиц заявлял о том, что Карл Брандт лично заинтересован в данном исследовании и желает, чтобы заключенных передали в его распоряжение. Письмо далее говорит о том, что до настоящего времени эксперименты проводились только на животных, но при этом стало необходимо продвинуться далее в вопросе иммунизации людей вирусными культурами. Письмо говорит о том, что следует ожидать смертей, и что восемь заключённых, которых приговорили к смерти необходимы для экспериментов в госпитале концентрационного лагеря Заксенхаузен. 16 июня 1943 Гиммлер уведомил Гравица о получении письма и распорядился о том, чтобы восемь преступников из Аушвица, евреев из польского движения сопротивления, следовало использовать для экспериментов, которые должен провести доктор Домен в Заксенхаузене. Сведения Карла Брандта об экспериментах на не-немецких гражданах явно показаны в вышеизложенном.

Эксперименты с ипритом (горчичный газ)

Из материалов дела явно следует, что эксперименты с ипритом проводились на заключенных концентрационных лагерей весь период охваченный обвинительным заключением. Доказательства заключаются в том, что более 200 заключенных концентрационных лагерей, русские, поляки, чехи и немцы, использовались в качестве подопытных. Как минимум 50 из этих подопытных, большинство из которых не являлись добровольцами, умерло в результате прямого или косвенного результата полученного лечения.

Карл Брандт знал о том факте, что проводятся эксперименты. Имеются доказательства в отношении того, что он знал об экспериментах с ипритом проводимых Бикенбахом в Страсбурге в течение осени 1943, в которых видимо использовались русские военнопленные в качестве подопытных, некоторые из которых умерли.

Письмо написанное подсудимым Зиверсом подсудимому Рудольфу Брандту датированное 11 апреля 1944, отмечает тот факт, что Карл Брандт знал и о других таких экспериментах. Письмо говорит о том, что в соответствии с инструкциями он, Зиверс, связался с Карлом Брандтом в Бельце и сообщил ему о

деятельности некоего доктора Хирта, который, как показали доказательства, экспериментировал с ипритом на заключенных концентрационного лагеря Нацвейлер. Далее в письме, Зиверс говорит о том, что Карл Брандт сказал ему о том, что он будет в Страсбурге в апреле и тогда обсудит подробности с доктором Хиртом.

Сведения о проведении по крайней мере некоторых экспериментов подтверждены Карлом Брандтом во время дачи показаний. Он заявил о том, что в соответствии с компетенцией участвовал в исследованиях касавшихся оборонительных мероприятий против отравляющего газа. Он признал получение отчёта от Хирта, и прочитав отчёт можно придти к выводу о том, что эксперименты в связи с травмами от иприта проводились на людях.

Эксперименты с обморожением, малярией, костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией, морской водой, стерилизацией и эксперименты с тифом

Доказательства не показывают, без обоснованных сомнений, что Карл Брандт является уголовно ответственным в связи с экспериментами в которых он обвиняется с учётом данной квалификации.

Подсудимый Карл Брандт явно знал о том, что медицинские эксперименты на людях проводились в концентрационных лагерях, что эксперименты приводили к страданиям, травмам и смерти. В письме содержащем дату 26 января 1943 Карл Брандт писал Вольфу в штаб-квартиру фюрера, запрашивая возможно ли проводить «эксперименты с питанием» в концентрационных лагерях. Ни характер желаемых экспериментов не был выявлен как и доказательства не показали проводились ли такие эксперименты или нет. Однако, письмо, указывает на сведения Брандта о том факте, что подопытные люди могли быть предоставлены для таких экспериментов.

Подсудимый Рудольф Брандт, в письме датированном 4 сентября 1944 писал Баумерту, очевидно сотруднику штаба Гимmlера, говоря о том, что 10 заключённых из Ораниенбурга должны быть предоставлены следующим днём на два дня для тестирования некоего вещества. Письмо заявляет о том, что заключенным не будет причинён вред данным тестом.

Из служебной записки Кливе из медицинской инспекции армии датированной 23 февраля 1944, видна ссылка на разговор с подсудимым Бломе от этого числа, о том, что проводились эксперименты по биологическому оружию связанные с разведением паразитов и т.д; что до этой даты никаких экспериментов в

сфере человеческой медицины не проводилось; но, что такие эксперименты являются необходимыми и находились на рассмотрении; Меморандум продолжает:

«Фельдмаршал Кейтель дал разрешение на строительство; рейхсфюрер СС и генераларцт, профессор Брандт гарантировали широкую поддержку. По просьбе фельдмаршала Кейтеля вооружённые силы не должны принимать ответственного участия в экспериментах, так как эксперименты также будут проводиться на людях»

Знаменательным является то, что начальник штаба Гитлера вынужден был распорядиться о том, чтобы Вермахт не имел никакого отношения к экспериментам на людях.

Эвтаназия

Подсудимому Карлу Брандту вменяются в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения преступные деяния в связи с программой эвтаназии Германского Рейха в ходе которой тысячи людей, включая граждан оккупированной Германией стран, были убиты между 1 сентября 1939 и апрелем 1945.

На своём собственном бланке, Гитлер, в Берлине, 1 сентября 1939, подписал секретный приказ о следующем:

Рейхсляйтер Боулер и доктор Брандт, д.м.н, наделяются ответственностью за расширение полномочий установленных врачей указанных поименно таким образом, чтобы лица, которые согласно гуманному суждению, являющиеся неизлечимыми, при наиболее внимательном диагнозе их состоянию здоровья, получали милосердную смерть.

Боулер занимал высокую должность в НСДАП. Он не являлся врачом.

Вышеуказанный приказ не основывался ни на каком ранее существовавшем германском законе; и единственным полномочием по проведению эвтаназии являлся секретный приказ отданный Гитлером.

Доказательства показывают, что Боулер и Карл Брандт, которые совместно являлись ответственными за проведение эвтаназии, приступили к обязанностям возложенным на них в связи с созданием процессов исполнения приказа. Был принят бюджет; был создан метод определения кандидатов на эвтаназию; была создана «Компания по перевозке пациентов» для доставки отобранных пациентов в газовые камеры. Были подготовлены анкеты, которые направлялись главам психиатрических учреждений, одна анкета должна была заполняться в отношении каждого пациента и затем возвращаться в министерство внутренних дел. В

министерстве заполненные анкеты изучались так называемыми экспертами, которые фиксировали своё профессиональное мнение о них, возвращали их в соответствующее ведомство для окончательного исследования, и отдавались приказы в отношении тех пациентов, которые таким образом отбирались для уничтожения. Впоследствии осуждённых пациентов собирали в сборных пунктах, откуда их перевозили на станции эвтаназии и убивали газом.

Наивысшая секретность требовалась от исполнителей в течение всей процедуры. От лиц участвующих в программе требовалось подписать письменное обязательство о неразглашении и в случае нарушения этого обязательства им грозили самые серьёзные личные последствия. Даже не получалось согласие родственников «неизлечимо больных»; вопрос секретности казался настолько важным.

Вскоре после начала операции по устранению «неизлечимо больных», программа распространилась на евреев и затем на заключённых концентрационных лагерей. В этой последующей стадии программы, заключённые показавшиеся докторам непригодными или бесполезными для работы безжалостно вычищались и в больших количествах направлялись на станции уничтожения.

Карл Брандт утверждает, что он не причастен к уничтожению евреев или заключённых концентрационных лагерей; то, что его официальная ответственность за эвтаназию прекратилась уже летом 1941, то время, когда процедуры эвтаназии против «неизлечимо больных» прекратились по приказу Гитлера.

Сложно поверить в данное утверждение, но даже если бы оно было правдой, мы не понимаем как данный факт поможет подсудимому. Из доказательств вытекает, что почти с начала программы не-немецкие граждане отбирались для эвтаназии и уничтожались. Излишне говорить, что эти лица не давали добровольного согласия, чтобы становиться субъектами данных процедур.

Карл Брандт признал, что после своего отстранения от медицинских решений требуемых от него в отношении изначальной программы, которая как он утверждает была правильной, он далее не следовал программе, а оставил административные подробности исполнения на Боулера. Если бы это являлось правдой, его неспособность в следовании программе за которую он был обвинён в особой ответственности составляет тяжелейшее нарушение долга. Неисполнение данного долга наиболее явно показано материалами дела; какой бы ни была изначальная цель программы, её цели деградировали из-за людей, за которых был ответственным Карл Брандт, и большое количество не-немецких граждан уничтожили в рамках его полномочий.

У нас нет сомнения в том, что Карл Брандт – как он сам свидетельствовал – являлся искренне верящим в применение эвтаназии для безнадежно больных лиц, чья жизнь являлась обременительной для них самих и убыточной для государства и их семей. Абстрактное предположение о том оправдана или нет эвтаназия в некоторых случаях не является предметом исследования трибунала. Вправе или нет государство вводить законодательство, которое вводит эвтаназию для некоторых групп граждан также не является вопросом, который подлежит исследованию. Предполагая, что так можно сделать, семейство наций не обязано признавать такое законодательство, которое прямо придает законность обыкновенному убийству и пытке беззащитных и бессильных людей иных наций.

Убедительным является доказательство того, что лица включенные в программу, являлись не-немецкими гражданами. Нарушение обязанностей подсудимым Брандтом внесло вклад в их уничтожение. Это является достаточным для того, чтобы требовать от трибунала установления того, что он является уголовно ответственным за программу.

Мы установили, что Карл Брандт являлся ответственным, помогал и подчинялся, принимал согласованное участие и был связан с планами и мероприятиями включающими медицинские эксперименты проводимые на не-немецких гражданах вопреки их воле, и иных жестокостях, в ходе которых совершались убийства, жестокости, издевательства, пытки и иные бесчеловечные акты. В той мере, в которой эти преступные деяния не составляют военных преступлений они составляют преступления против человечности.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения Карлу Брандту вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Доказательства показывают, что Карл Брандт стал членом СС в июле 1934 и оставался в данной организации по крайней мере до апреля 1945. В качестве члена СС он был уголовно причастен к совершению военных преступлений и преступлений против человечности, что вменяется пунктами два и три обвинительного заключения.

Вывод

Военный трибунал I признаёт Карла Брандта виновным по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

Хандлозер

В соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения подсудимому Хандлозеру вменяется особая ответственность и соучастие в экспериментах с большой высотой, обморожением, ипритом (горчичным газом), сульфаниламидом, костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией, морской водой, эпидемической желтухой и экспериментах с тифом.

Обвинение в участии в экспериментах с большой высотой было отозвано обвинением, и далее не рассматривается.

Хандлозер являлся профессиональным солдатом, находясь в медицинском управлении германской армии в 1910. Во время первой мировой войны он достиг положения командира медицинского подразделения дивизии и 1 сентября 1939 он был назначен главным медицинским офицером 14-й германской армии. После полевой службы, 6 ноября 1940 он был назначен заместителем медицинского инспектора армии. Он стал медицинским инспектором армии 1 января 1941, и в апреле того же года ему было предоставлено дополнительное назначение главным медицинским офицером полевых сил, занимая обе должности до 28 июля 1942, когда он стал начальником медицинской службы Вермахта. Он также остался в иной должности и осуществлял обязанности на обеих должностях. Он оставался в должности начальника медицинской службы Вермахта к 1 сентября 1944, но был освобождён от обязанностей относящихся к другой должности, которую занимал, осуществляя функции обеих должностей до последней упомянутой даты. Его профессиональная карьера отдельно описана выше.

Хандлозер заявлял, что до своего последнего назначения в 1944 он был вправе принимать «инструкции», но не приказы – свидетельствуя о том, что после его последнего назначения он имел полномочия отдавать приказы начальникам медицинских служб всех родов войск Вермахта. Он также имел компетенцию над научно-медицинскими институтами, и т.д., что устанавливал должностной регламент принятый ко времени назначения. При том, что главные медицинские офицеры армии, флота и Люфтваффе находились в подчинении своих военных начальников, Хандлозер имел полномочия координировать действия всех медицинских служб Вермахта и координировать их действия. Что касается Ваффен-СС, его полномочия распространялись на такие подразделения данной организации которые были приданы и являлись частью Вермахта.

Хандлозер свидетельствовал о том, что использование медицинского материала и личного состава, что касалось Вермахта, находилось в рамках его компетенции после введения распоряжения от 28 июля 1942 и что по случаю он созывал встречи главных медицинских офицеров Вермахта и специалистов в соответствующей сфере медицины, пытаясь избежать задвоения определённых исследовательских проблем в связи с малярией, тифом, паратифом и холерой.

В качестве медицинского инспектора армии он также по должности являлся президентом научного сената, но свидетельствовал о том, что данный орган не собирался после 1942. В качестве главного врача армии он отрицает какие-либо конкретные сведения о научных проблемах особо касавшиеся флота или Люфтваффе; но на организационной схеме подготовленной им и приобщённой в качестве доказательства как экземпляр обвинения 9 он показан как подчинённый Карла Брандта и как начальник медицинской службы Вермахта занимал должность начальника над медицинской службой армии и начальниками медицинских служб флота и Люфтваффе и некоторых иных ведомств подчинённых Вермахту. Таблица также указывает на его полномочия над начальником медицинской службы Ваффен-СС и частями Ваффен-СС приданными Вермахту.

Установлено, что Хандлозер должен был иметь отношение к созыву конференций «консультирующих врачей»; то, что он определял некоторые предметы подлежащие обсуждению на данных конференциях; и что его подчинённый Шрайбер, готовил подробности.

На второй конференции консультирующих хирургов проведённой с 30 ноября по 3 декабря 1942 в военно-медицинской академии, он обращался к присутствующим (сославшись на конференцию как: «Эта вторая рабочая конференция Востока»), отмечая, что также присутствовали представители трёх родов войск Вермахта, Ваффен-СС и полиции, Трудовой службы³¹⁴ и организации Тодта³¹⁵. Он обращал внимание на присутствие Конти, главы медицинских служб в гражданском секторе.

На четвёртой конференции консультирующих врачей проведённой в Хохенлихене, с 16 по 18 мая 1944, Карл Брандт – в обращении к конференции – сказал о том, что Хандлозер, солдат и врач, являлся «ответственным за использование и подготовку наших медицинских офицеров».

---

³¹⁴ Трудовая служба Рейха (нем. Reichsarbeitsdienst, RAD) — национал-социалистическая организация, существовавшая в Третьем рейхе в 1933—1945 годах. С июня 1935 года каждый немецкий юноша должен был проходить шестимесячную трудовую повинность, предшествовавшую военной службе.

³¹⁵ Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего рейха. Организация названа А. Гитлером по имени возглавившего её Фрица Тодта 18 июля 1938 года.

Шрайбер, до 30 мая 1943 являлся близким подчинённым Хандлозера в его качестве медицинского инспектора армии, являлся членом совета исследований Рейха, имея особое отношение к контролю эпидемий в своей особой сфере. Шрайбер часто докладывал Хандлозеру, с которым он работал несколько лет.

Эксперименты с обморожением

Профессор, доктор Хольцлохнер, который с докторами Финке и Рашером проводил эксперименты с обморожением на заключенных концентрационных лагерей в Дахау, сделал доклады по крайней мере по двум поводам, группам армейских врачей о проблемах холода и обморожения. Первый такой доклад был сделан на конференции проводившейся с 26 по 27 октября 1942, который был призван рассмотреть проблемы касавшиеся холода. Шрайбер, который занимал ответственную должность в подчинении Хандлозера с 1 апреля 1942 по 31 мая 1943, присутствовал на конференции, также как Кремер, глава медицинской школы горных войск армии в Санкт-Иоагане, которая также находилась в компетенции Хандлозера. Во время конференции и после доклада Хольцлохнера, Рашер также сделал на конференции заявления об этих экспериментах, из которых было очевидно, что заявления содержащиеся в докладах основывались на наблюдениях сделанных на людях. Из двух докладов было ясно, что эксперименты проводились на заключенных концентрационных лагерей и что в результате были смерти.

Хольцлохнер был снова приглашён прочесть лекцию о данном предмете на второй конференции консультирующих врачей Вермахта, проводившейся с 30 ноября по 3 декабря 1942, в военно-медицинской академии в Берлине. Хандлозер слышал это выступление Хольцлохнера и свидетельствовал о том, что вопрос холода и обморожений являлся одной из наиболее важных проблем для армии.

Мы думаем, что из доказательств касающихся обморожения совершенно ясно, что Хандлозер имел подлинные сведения о том, что такие эксперименты проводились на заключенных в концентрационном лагере Дахау, в результате чего были страдания и смерти подопытных.

Эксперименты с сульфаниламидом

Хандлозеру вменяется участие в экспериментах с сульфаниламидом проводимых подсудимым Гебхардтом. Эти эксперименты проводились в концентрационном лагере Равенсбрюк в течение промежутка с 20 июля 1942 по август 1943 на заключенных концентрационного лагеря без их согласия. При том,

что эти эксперименты ещё проводились, Гебхардт был приглашён представить доклад об этих исследовательских результатах на третьей конференции консультирующих врачей проводившейся 18 и 19 мая 1943 в военно-медицинской академии в Берлине. Хандлозер присутствовал на этой конференции; фактически, он обращался к конференции перед тем как Гебхардт прочёл свой доклад.

Как заявлялось ранее, Гебхардт сделал честный и откровенный доклад о том, что было им сделано в Равенсбрюке; честно рассказав о том, что группа его подопытных не являлась добровольцами, а заключёнными концентрационного лагеря приговорёнными к смерти, которым была дана надежда на снижение приговора в случае выживания в экспериментах. Посредством таблиц иллюстрирующих его лекцию, он дал понять, что случились смерти среди человеческих подопытных. Давая показания, подсудимый Гебхардт свидетельствовал о том, что до конференции консультирующих врачей обсуждал либо с Шрайбером либо с подсудимым Ростоком вопрос чтения лекции, и о том, что тогда Шрайбер заявил о том, что он получил данные об экспериментах по официальным каналам.

Тогда Шрайбер являлся непосредственным подчинённым подсудимого Хандлозера, и мы думаем, что справедливо полагать, что сведения Шрайбера являлись сведениями Хандлозера. Однако, если учитывать происходившее, явным является доказательство того, что Хандлозер слышал лекцию Гебхардта, также как и последующую лекцию о том же самом предмете подсудимого Фишера. Следовательно, не стоит иного вопроса, кроме того, что Хандлозер покидая конференцию был полностью проинформирован о том факте, что медицинские эксперименты проводились в концентрационном лагере Равенсбрюк на заключённых которые не являлись добровольцами. Более того, он знал о том, что среди подопытных случались смерти.

После завершения конференции консультирующих врачей, Гебхардт вернулся в Равенсбрюк и провёл ещё несколько серий экспериментов с сульфаниламидом. Подопытными являлись польские женщины которых направили в Равенсбрюк в отсутствие судебного разбирательства и которые не давали своего согласия действовать в качестве подопытных. Трёх из них убили в этих экспериментах.

Эксперименты с тифом

В соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения Хандлозеру вменяется особая ответственность за участие в экспериментах с тифом

проводимых в концентрационном лагере Бухенвальд, за которыми надзирал некий доктор Динг и похожих экспериментах проводимых в концентрационном лагере Нацвейлер неким доктором Хаагеном. Как следует из приговора, эти эксперименты являлись незаконными и привели к смерти не-немецких граждан.

Не имеется вопроса в том, что в 1941 тиф являлся потенциальной угрозой для германской армии и многих немецких гражданских лиц. Следовательно использование адекватной тифозной вакцины являлось вопросом первостепенной важности. Распространение вакцин в Вермахте находилось под контролем Хандлозера. При осуществлении своих функций он также был заинтересован в производстве тифозной вакцины.

Институты тифа и вирусов ОКХ в Кракове и Львове участвовали в производстве вакцины Вайгля из кишечника вшей. Данная вакцина как считалось должна была быть эффективной, но производство являлось сложным и дорогим; в связи с этим, достаточных количеств данной вакцины нельзя было подготовить. Другая вакцина – так называемая вакцина Кокса-Хаагена-Гильдмайстера, производимая из культур яичных желтков – могла быстро производиться в больших количествах, но её защитные качества не были продемонстрированы в достаточной степени.

Трибуналу представлены доказательства того, что главная проблема обсуждалась на совещании в Берлине 29 декабря 1941, в присутствии доктора Бибера из министерства внутренних дел; Гильдмайстера; доктора Шольца, подчинённого Хандлозера; двух врачей из «правительства Генерал-губернаторства»; троих представителей предприятия Беринг. В стенограмме совещания говорится о том, что –

«Вакцина в настоящее время производимая предприятием Беринг из куриных яиц должна быть протестирована на эффективность путём эксперимента».

Для вышеуказанной цели, доктор Демниц из предприятия Беринг связался с доктором Мруговски. Стенограмма совещания была подготовлена Бибером, 4 января 1942.

Копия стенограммы совещания была направлена в медицинскую инспекцию армии в Берлине. Таким образом установлено, что представитель ведомства Хандлозера, Шольц, присутствовал на совещании и что копия стенограммы была направлена в медицинскую инспекцию армии.

Также имеются доказательства того, что в тот же день прошло совещание между подсудимым Хандлозером, Конти из министерства внутренних дел, Ройтером из управления здравоохранения Рейха, Гильдмайстером из института Роберта Коха

и подсудимым Мруговски, на котором было решено создать исследовательскую станцию в концентрационном лагере Бухенвальд для тестирования эффективности куриных и других вакцин на заключенных концентрационных лагерей. В качестве результата совещания, была создана экспериментальная станция в Бухенвальде под руководством доктора Динга, с подсудимым Ховеном в качестве его заместителя.

Доктор Динг (который позднее сменил имя на Шулер) был очень амбициозным человеком, который видимо добровольно участвовал в любой профессиональной деятельности, которая как он думал помогала продвижению его медицинской карьеры. Он с радостью воспользовался возможностью проводить эксперименты на заключенных концентрационных лагерей в связи с изучением вакцины.

Любой германский офицер занимавший положение равное доктору Дингу должен был вести журнал или дневник показывающий его официальную деятельность. Установлено, что Динг вёл два дневника. Личный дневник Динга содержал официальные и личные записи и рабочих отчётов не было; его официальный журнал или дневник касавшийся его работы в Бухенвальде приобщён в качестве доказательства. Данный дневник был сохранён Евгением Когоном, заключенным Бухенвальда. Он сам вносил записи и Динг удостоверял и подписывал их.

Когон, австрийский гражданин, свидетельствовал со стороны обвинения. Мы узнали из его показаний, что он являлся бывшим газетным редактором и занимал другие высокие должности. Он был направлен германскими властями в Бухенвальд в 1939 как политический заключенный. В апреле 1943 он был придан Дингу в качестве клерка или ассистента. Однако, много месяцев до этого, он находился в крайне дружеских отношениях с Дингом и соответственно был полностью знаком с операциями Динга. Отношения были настолько близки, что в течение первой половины 1942 года Динг продиктовал первую часть своего дневника, которая приобщена в качестве доказательства, и Когон расшифровал её. После того как он официально стал ассистентом в 1943 вся переписка любого характера, которой занимался Динг проходила через руки Когона.

Дневник попал во владение Когона при расформировании лагеря, и оставался в его владении, о чём он свидетельствовал, пока он не предоставил его главному юристу по военным преступлениям в Нюрнберге.

Явным является то, что записи дневника часто не делались в день содержащий дату; но это не означает, что у него также не имеется доказательственной ценности. Почти каждая запись в дневнике лично подписана Дингом. Вновь и вновь записи дневника подтверждались иными достоверными

доказательствами. Сами подсудимые, которые были знакомы с операциями в Бухенвальде подтвердили записи в важных существенных характеристиках. Мы рассматриваем дневник составляющем доказательства значительной доказательственной ценности, и предадим записям такое внимание, которое при всех обстоятельствах они вправе получить.

Первая запись в дневнике Динга, от даты 29 декабря 1941, гласит следующее:

«Совещание между санитарной инспекцией армии, главным хирургом, профессором, доктором Хандлозером; государственным секретарём управления здравоохранения Рейха, группенфюрером СС доктором Конти; президентом, профессором Ройтером из управления здравоохранения Рейха; президентом, профессором Гильдемайстером из института Роберта Коха (институт Рейха по борьбе с заразными заболеваниями) и штандартенфюрером и доцентом доктором Мруговски из института Гигиены, Ваффен-СС, Берлин.

Было установлено, что есть необходимость тестирования эффективности и сопротивления человеческого тела к сыворотке тифа выделенной из яичного желтка. Поскольку тесты на животных не представляют достаточной ценности, необходимо провести тесты на людях.

Запись предшествует только нескольким дням до начала самих экспериментов на заключенных концентрационных лагерей для установления эффективности вакцины из куриного желтка.

Установленным является, то, что вышеуказанная запись в дневнике Динга была написана или переписана позднее чем та на которой она написана, но запись может быть принята как доказательство имеющее доказательственную ценность из-за того факта, что некоторые полномочные лица согласовали, то, чтобы эксперименты с вакциной изготовленной из яичного желтка были проведены на заключённых концентрационного лагеря Бухенвальд. Следующая запись в дневнике содержит дату 2 января 1942 и гласит следующее:

«Концентрационный лагерь Бухенвальд выбран для тестирования тифозных вакцин. Гауптштурмфюрер СС Динг является ответственным за тесты».

Хандлозер свидетельствовал о том, что проводилось много совещаний о тифозной вакцине и что он был заинтересован в тестировании вакцины из куриного яйца «на достаточном количестве лиц в определённой близости, то есть, в рамках района в котором тиф уже случался или существовала непосредственная угроза». Он

также свидетельствовал о том, что в течение лета 1941 он встречался с Мруговски, который был рекомендован ему Шрайбером, подчинённым Хандлозера. Он также свидетельствовал о том, что он обсуждал вопрос вакцин из куриного яйца с Гильдмайстером и Конти. Хандлозер свидетельствовал о том, что он присутствовал на многих совещаниях, как на фронте так и в тылу, на которых обсуждались такие вопросы. Мруговски, в письме датированном 5 мая 1942 сообщал Айеру (который являлся подчинённым Хандлозера) об институте тифа и вакцин высшего командования в Кракове, описывая результаты первой серии экспериментов проведённой в Бухенвальде. Эксперименты охватывали как вакцину Вайгля так и куриного желтка. Данный отчёт обращал внимание на тот факт, что умерли двое подопытных.

Запись в дневнике Динга датированная 8 февраля 1943 говорит о том, что доктор Айер и доктор Шмидт, гигиенист штаба медицинской инспекции, посещали институт тифа и вирусов в Бухенвальде. Шмидт, подчинённый Хандлозера с 1942 до августа 1944, заявил о том, что он и Айер посещали Бухенвальд. Он свидетельствовал о том, что этот визит касался только тестов вакцины жёлтой лихорадки, которые проводились на этой станции. Это заявление свидетеля не является убедительным. Из дневника Динга установлено, что заражённых вшей Динг получил до 30 ноября 1942. Если это правильно, эти вши могли поступить только из института находящегося под контролем армии над которым Хандлозер имел компетенцию.

Динг докладывал о своей деятельности на конференции консультирующих хирургов Вермахта проводившейся в мае 1943 в Берлине. Хандлозер присутствовал на этой конференции, но мог не слышать данного доклада, доклад был сделан в секции гигиены, на которой председательствовал Шрайбер, подчинённый Хандлозера. Подсудимый Розе, слышавший доклад, открыто возражал характеру экспериментов проводимых в Бухенвальде. Шрайбер, тогда, имел, все сведения о характере проводимых экспериментов. Решительное возражение Розе несомненно являлось предметом общего интереса.

Хандлозер свидетельствовал о том, что как минимум по двум поводам он обсуждал с Мруговски вопросы связанные с вакцинами против сыпного тифа, тифа и иных заболеваний. Он заявил о том, что он не смог установить даты этих совещаний.

Записи в дневнике Динга явно указывают на действующую связь между медицинской инспекцией армии и экспериментами которые Динг проводил в Бухенвальде. Есть также достоверное доказательство того, что инспекция была информирована о медицинских исследованиях проводимых Люфтваффе.

Эксперименты в Бухенвальде продолжались после того как Хандлозер получил действительные сведения о том факте, что заключенных концентрационных лагерей убивали в Дахау в результате обморожения; и заключенные в Равенсбрюке умерли в качестве жертв экспериментов с сульфаниламидом проводимых Гебхардтом и Фишером. Имея эти сведения Хандлозер находясь на высшей медицинской должности не приложил усилий расследовать ситуацию с человеческими подопытными и не осуществлял никакой соответствующей степени контроля над теми кто проводил эксперименты в рамках сферы его полномочий и компетенции.

При проведении элементарного расследования, раскрылись бы факты того, что в экспериментах с вакцинами уже проводимыми в Бухенвальде, происходили смерти – как в результате искусственных заражений вшами, которых доставляли из института тифа и вирусов ОКХ в Кракове или Лемберге, или от заражений вирулентным вирусом введённым подопытным после их первой вакцинации как вакцинами Вайля, Кокса-Хаагена-Гильдмайстера или другими вакцинами, чья эффективность должна была быть протестирована. Предприняв данный шаг, и осуществив свои полномочия Хандлозер, мог предотвратить последующие смерти конкретно в этих экспериментах, которые изначально были введены через ведомства медицинской инспекции и которые проводились в пользу германских вооруженных сил.

Эти смерти происходили не только с немецкими гражданами, но также среди не-немецких граждан, которые не соглашались стать подопытными.

Другие эксперименты

Подсудимому Хандлозеру также вменяется особая ответственность и соучастие в экспериментах с малярией, ипритом, костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией, морской водой и эксперименты с вирусной желтухой. На наш взгляд являются недостаточными доказательства для того, что показать какую-либо преступную связь подсудимого Хандлозера с этими экспериментами.

Право войны возлагает на военного офицера на командной должности положительную обязанность предпринимать такие шаги которые находятся в рамках его полномочий и соответствуют обстоятельствам, для контроля находящихся под его командованием для предотвращения деяний, которые являются нарушениями права войны. Причина для данного регулирования является простой и понятной. Как указано в решении вынесенном Верховным судом

Соединённых Штатов, в отношении ходатайства Ямаситы, 66 «Supreme Court Reporter³¹⁶» 340-347, 1946 –

«Очевидным является, что проведение военных операций войсками, чьи эксцессы не ограничены приказами или мерами своих командиров почти всегда приведут к нарушениям, которые должны предотвращать законы войны. Их цель, заключающаяся в защите гражданского населения и военнопленных от жестокостей будет сильно дискредитирована если командир армии вторжения сможет безнаказанно пренебрегать принятием разумных мер для их защиты. Следовательно закон войны предполагает, что его нарушения следует избегать посредством контроля за операциями командиров, которые в определенной степени являются ответственными за своих подчинённых».

То о чём было сказано в данном решении применимо к делу Хандлозера.

В связи с ответственностью Хандлозера за незаконные эксперименты на людях, являются убедительными доказательства того, что имея сведения о частом использовании не-немецких граждан в качестве человеческих подопытных, он не осуществлял никакой надлежащей степени контроля над подчинёнными ему, которые участвовали в медицинских экспериментах находясь в рамках его официальной сферы компетенции. Это являлось обязанностью, которая возлагалась на него в силу его официального положения. При исполнении своих обязанностей, большое количество не-немецких граждан были бы спасены от убийства. В той степени в которой преступления совершённые при исполнении его обязанностей не являются военными преступлениями они являются преступлениями против человечности.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Зигфрида Хандлозера виновным по пунктам два и три обвинительного заключения.

Росток

Подсудимому Ростоку вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения особая ответственность и соучастие в экспериментах с

---

³¹⁶ «Вестник Верховного суда» (англ.)

малярией, ипритом (горчичным газом), сульфаниламидом, костной мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией, морской водой, эпидемической желтухой и эксперименты с сыпным тифом.

Росток являлся врачом с признанными способностями. С 1933 по 1941 он занимал последовательно должности старшего врача хирургической клиники в Берлине, профессора хирургии университета Берлина и заместителя директора университетской клиники. В 1941 он был назначен директором хирургической клиники и в 1942 он стал доцентом медицинского факультета университета. До войны он вступил в НСДАП и в 1939 он был назначен консультирующим хирургом медицинской инспекции армии и подчинялся военно-медицинской академии в Берлине. Он имел звание генерал-майора медицинской службы (запаса). В 1943 он был назначен начальником управления медицинской науки и исследований, ведомства находившегося под надзором подсудимого Карла Брандта, в котором он оставался до конца войны. Со времени получения последней должности, Росток действовал в качестве заместителя Брандта в совете исследований Рейха.

В качестве заместителя Карла Брандта Росток являлся его агентом в сфере медицинской науки и исследований – Ростоку была поручена обязанность координации и руководства проблемами и деятельностью касавшихся службы медицины и здравоохранения, что касалось науки и исследований. Росток был информирован о медицинских исследованиях проводимых несколькими родами войск Вермахта. В качестве главы управления науки и исследований, он определял исследовательские проблемы и обозначал некоторые как «срочные». Его обязанностью являлось избегать задвоения работы в научных исследованиях и решать о том является ли проблема ценной для исследования. Ясно то, что Росток и Карл Брандт годами являлись близкими друзьями.

Обвинение не утверждало, что Росток лично участвовал в преступных экспериментах. Однако оно решительно выступало за то, что – при полных сведениях о том, что эксперименты проводились на заключенных концентрационных лагерей – он продолжал осуществлять функцию назначения исследовательских поручений касавшихся научных исследований, результатом которых могли быть дальнейшие эксперименты на людях. Обвинение также выступает за то, что его сведения касавшиеся этих вопросов, в совокупности с полномочной должностью занимаемой им в связи с научными исследованиями и тем фактом, что он не воспользовался своими полномочиями для попытки остановить или прекратить преступные эксперименты, приводит к его виновности.

В данной связи обвинение полагается на экземпляр 457, документ, который содержит дату Берлин, 14 сентября 1944. Он был озаглавлен «Комиссар по

вопросам здравоохранения и медицины», затем «делегат по науке и исследованиям». Ниже оказывается:

«Список медицинских институтов работающих по проблемам исследования, которые обозначены как срочные в дискуссии об исследованиях от 26 августа 1944 в Беелице.

«(Всего согласно 650 заказам на исследования представленным нам)»

Затем документ содержит список исследовательских поручений под номерами от «1» до «45». Номера 42 и 44 гласят следующее:

«Страсбург

«42. Институт гигиены (Хааген) вирусные исследования

.....

44. Анатомический институт (Хирт) агенты химического оружия».

Документ содержит подпись Ростока. Пять проблем касались исследования гепатита, и три вирусных исследований.

Доказательствами установлено, что обязанности Ростока включали избежание задвоения при распределении поручений для медицинских исследований. Если глава медицинского управления рода войск Вермахта поручал некому отдельному врачу или институту отдельную научную или медицинскую проблему, копия поручения должна была направляться Ростоку, который тогда координировал вопрос определения того разрабатывается ли данная проблема тем или иным ведомством и приведёт ли это к полезным результатам. Кто классифицировал в качестве «срочного» 45 из 650 заказов на исследования не установлено; но можно предполагать, что Росток одобрил такую классификацию.

Несомненно Росток знал о проведении экспериментов на заключенных концентрационных лагерей. Он председательствовал на конференции хирургов проводившейся в мае 1943 и слышал заявления о том, что подопытных искусственно инфицировали. Несомненно он знал о том, что эксперименты являлись опасными и что дальнейшие эксперименты будут проводиться. Однако, не установлено, что как Росток так и какой-либо подчинённый под его руководством выполнял работу в каком-либо поручении касавшемся преступных экспериментов. Некоторые из этих экспериментов классифицировались как «срочные» «находящиеся на обсуждении» как изложено выше. В установлении таких поручений экземпляр обвинения не содержит налицо ничего более чем вопрос надлежащего научного исследования.

Материалы дела не показывают, что положение занимаемое Ростокон возлагало на него вообще какие-либо полномочия иные чем вышеизложенные. Никакие эксперименты не проводились никакими лицами или организациями, которые каким-либо образом находились под контролем или руководством Ростокон.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Пауля Ростокон невиновным в предъявленных обвинениях, и распоряжается о том, чтобы он был освобождён из заключения после завершения заседания.

Шрёдер

Подсудимому Шрёдеру вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения особая ответственность и соучастие в экспериментах с большой высотой, обморожением, сульфаниламидом, морской водой, эпидемической желухой, тифом и другими вакцинами и экспериментах с газом. Обвинение отозвано обвинением в том, что он участвовал в экспериментах с сульфаниламидом и поэтому данный предмет далее не рассматривается.

Подсудимый служил в качестве медицинского офицера в пехоте во время Первой мировой войны. В период до 1931 он являлся медицинским офицером ряда военных подразделений. 1 января 1931 он был переведён в медицинскую инспекцию армии в качестве консультанта (референта) по госпитальным и терапевтическим вопросам в звании оберштабсарцта (майора). В 1935 Шрёдер стал начальником штаба генераларцта Гиппке во вновь созданном медицинском управлении министерства авиации Рейха. Он остался в данной должности после назначения Гиппке инспектором медицинских служб Люфтваффе в 1937. В феврале 1940 Шрёдер был назначен врачом воздушного флота в воздушном флоте II в звании генералштабсарцта (генерал-майора). 1 января 1944 он заменил Гиппке в качестве начальника медицинской службы Люфтваффе. Одновременно он был повышен до генералоберштабсарцта (генерал-лейтенанта), что являлось высшим званием возможным в медицинской службе. В качестве начальника медицинской службы Люфтваффе, все медицинские офицеры германских воздушных сил прямо или косвенно являлись подчинёнными Шрёдеру. После того как он стал начальником медицинской службы Люфтваффе его непосредственным начальником являлся Хандлозер, который являлся начальником медицинской службы Вермахта.

Эксперименты с большой высотой

Эти эксперименты проводились в концентрационном лагере Дахау в интересах Люфтваффе в течение 1942 года. Подробности экспериментов обсуждаются в иных частях данного приговора.

В течение промежутка с 1941 до конца 1943 подсудимый Шрёдер, в его положении в качестве врача воздушного флота II, находился в оперативной зоне воздушного флота II, которая включала Средиземноморье. Он не являлся начальником медицинской службы Люфтваффе до 1 января 1944. Не имеется доказательств того, что являясь врачом воздушного флота он осуществлял или мог осуществлять какой-либо контроль за экспериментами проводимыми в интересах Люфтваффе.

Эксперименты с эпидемической желтухой

Шрайбер, член штаба Хандлозера, который председательствовал на конференции проводившейся в Бреслау в июне 1944 для цели координации исследований желтухи, назначил группы врачей для совместной работы по проблемам желтухи. Домен, Гутцейт и Хааген были назначены в одну из этих групп. 27 июня 1944 Хааген, офицер Люфтваффе, писал своему сотруднику Кальку, консультанту Шрёдера, запрашивая: «Могли бы вы с учётом ваших полномочий, предпринять необходимые шаги для получения необходимых подопытных?»

Материалы дела показывают, что Хааген впоследствии проводил эксперименты с эпидемической желтухой на заключенных концентрационного лагеря Нацвейлер. Однако, не имеется доказательств того, что Шрёдер имел преступную связь с данными экспериментами. Как наибольшее, всё что говорилось об этом в доказательствах это то, что Шрёдер мог получить сведения об экспериментах от Калька, сотрудника своего штаба – но даже данный факт не является установленным.

Эксперименты с обморожением

Эксперименты с обморожением проводились в течение 1942 года в концентрационном лагере Дахау в интересах Люфтваффе. Подробности данных экспериментов также приводятся в приговоре.

Доказательства касающиеся обморожения убедительно показывают, что уже в 1943 Шрёдер имел подлинные сведения о том, что такие эксперименты в ходе

которых происходили смерти и страдания подопытных проводились на заключенных концентрационного лагеря Дахау.

Эксперименты с тифом

Эксперименты в связи с тифом проводились в концентрационных лагерях Ширмек и Нацвейлер в течение 1942, 1943 и 1944. Подробности этих экспериментов обсуждаются в данном приговоре.

Эксперименты проводились медицинским офицером Люфтваффе, профессором, доктором Хаагеном. В качестве медицинского офицера Люфтваффе он подчинялся приказам Шрёдера после того как он стал начальником медицинской службы Люфтваффе. Ведомство Шрёдера принимало и одобряло такие исследовательские поручения в соответствии с которыми проводились эти эксперименты. Оно предусматривало фонды для этих исследований. Одним из главных сотрудников данной программы являлся подсудимый Розе, консультант начальника медицинской службы Люфтваффе.

Между Хаагеном и начальником штаба подсудимого Шрёдера велась переписка в отношении того была ли как-либо связана эпидемия тифа в Нацвейлере с исследованием вакцин. Ведомство начальника медицинской службы Люфтваффе получало отчёты об экспериментах, из которых можно было ясно понять, что эксперименты с тифом проводились на заключенных концентрационных лагерей.

При том, что эксперименты всё ещё продолжались, Шрёдер признал посещение Хаагена в Страсбурге, но отрицал, что он разговаривал с Хаагеном об экспериментах. Утверждение подсудимого о том, что эксперименты не обсуждались не является убедительным.

Как отмечается в обвинительном заключении, законы войны возлагают на военного офицера на командной должности положительную обязанность предпринимать такие шаги которые находятся в его власти и соответствуют обстоятельствам, для того, чтобы контролировать находящиеся под своим командованием для предотвращения действий которые являются нарушениями законов войны.

Данное правило применимо к делу Шрёдера. В то время, когда он стал начальником медицинской службы Люфтваффе, Шрёдер знал о том, факте, что эксперименты с обморожением в интересах Люфтваффе проводились в концентрационном лагере Дахау медицинскими офицерами Люфтваффе. Он знал о том, что эти эксперименты привели к смерти и травмам подопытных. Он также знал о том, что в 1942 и 1943 году, исследования вакцины тифа проводились офицером

Люфтваффе, Хаагеном, в концентрационных лагерях Нацвейлер и Ширмек в интересах медицинской службы Люфтваффе – и мог знать о том, что в результате этих экспериментов происходили смерти.

Имея все эти сведения, или способы их получения, как командир, он слепо одобрял продолжение Хаагеном исследований тифа, поддерживал его программу и готовил отчёты о её ходе, не предпринимая никаких шагов для установления обстоятельств в которых такие исследования проводятся или проводились, для установления правил о нынешних или будущих исследованиях своих подчинённых, или для описания условий при которых заключенные концентрационного лагеря могут быть использованы в качестве подопытных.

Как и в случае с экспериментами с обморожением в Дахау, не-немецких граждан использовали в качестве подопытных без их согласия и многие пострадали от увечий и умерли в результате экспериментов.

Эксперименты с газом

Эксперименты с различными типами отравляющего газа проводились офицером Люфтваффе Хаагеном и профессором, доктором Хиртом в концентрационном лагере Нацвейлер. Они начались в ноябре 1942 и проводились до лета 1944. В течение данного периода много заключенных концентрационного лагеря русской, польской и чешской национальности использовались в экспериментах с газом, по крайней мере 50 из которых умерли. Некий оберарцт Виммер, штатный врач Люфтваффе весь период работал с Хиртом в экспериментах с газом.

Мы обсуждали обязанность которая возлагается на командира для предпринятия соответствующих мер по контролю за своими подчинёнными, при рассмотрении дела Хандлозера. Мы не повторяем то, что сказали там. При следовании Шрёдером мероприятиям, которые законы войны возлагают на лицо находящееся на командной должности для предотвращения действий своих подчинённых по нарушениям законов войны, возможно было предотвратить смерти не-немецких граждан включая также эксперименты с газом.

Эксперименты с морской водой

Эксперименты с морской водой проводились на заключенных концентрационного лагеря Дахау в течение поздней весны и лета 1944. Подсудимый Шрёдер открыто признал, что эти эксперименты проводились под его ответственность. Давая показания он сослался на обстоятельства при которых были инициированы и проводились эти эксперименты.

Согласно Шрёдеру эксперимент по пригодности морской воды для питья являлся проблемой большой важности. Два метода были доступны в Германии, каждый из которых в некоторой степени был ранее испытан, как на животных так и на людях. Они были известны как процессы Шефера и беркатита. Использование метода Шефера к морской воде предоставляло удовлетворительную жидкость по сути такую же по своим эффектам и питьевым качествам как обыкновенная чистая питьевая вода. Однако процесс Шефера, требовал количеств серебра, которые как считалось были недоступными. Однако использование процесса Берка, приводившего просто к изменению вкуса морской воды, делало её более приятной, в тоже время сохраняя опасность для жизни и здоровья, которые всегда возникают при потреблении значительных количеств необработанной морской воды. Для процесса Берка были доступны материалы, но Шрёдер не считал, что он может быть принят до того как будет известно больше о данном методе. По распоряжению Шрёдера, подсудимый Бекер-Фрейзинг организовал совещание проходившее в германском министерстве авиации в мае 1944 для обсуждения проблемы. На совещании присутствовали помимо прочих, Берка и подсудимые Бекер-Фрейзинг и Шефер.

Нет сомнения в том, что совещание было хорошо проинформировано и обсуждало все имевшиеся данные о предмете. Данный факт установлен протоколом совещания, в котором говорится:

«...капитан, доктор Бекер-Фрейзинг доложил о клинических экспериментах проведённых полковником доктором фон Сираньи и сделал вывод о том, что они не являются неоспоримыми и достаточно решающими для окончательного решения. Начальник медицинской службы убеждён в том, что если использовать метода Берка, вреда здоровью следует ожидать не позднее чем 6 днями спустя после приёма беркатита, что приведёт к постоянному вреду здоровью и – по мнению доктора Шефера – окончательно приведут к смерти не позднее чем спустя 12 дней. Следует ожидать таких внешних симптомов таких как сухость, понос, конвульсии, галлюцинации и наконец смерть».

На совещании был сделан вывод о том, что было бы необходимо провести дальнейшие эксперименты с морской водой на людях для того, чтобы определённо

установить можно ли или нет безопасно использовать метод в связи с германскими военными усилиями. Эти эксперименты планировались к проведению в групповых сериях, каждая из которых потребует шести дней, и проводилась бы на людях в следующем порядке: первая группа обеспечивалась бы только обработанной беркатитом морской водой; вторая группа получала только обычную пресную воду; третья группа не получала бы никакой воды; четвёртой группе давали бы такую воду, которая в целом предусматривалась для аварийных пайков, используемых германскими военнослужащими.

Кроме первого эксперимента было согласовано, что должен быть проведён второй эксперимент. Протокол совещания, который касается второго совещания гласит следующее:

«Лица, употребляющие морскую воду и беркатит и в качестве диеты также аварийные пайки.

Длительность экспериментов: 12 дней.

Поскольку, по мнению начальника медицинской службы, стойкий вред здоровью – то есть, смерть подопытных – ожидается, следует использовать в качестве подопытных лиц предоставленных рейхсфюрером СС».

7 июня 1944 Шрёдер написал Гиммлеру через Гравица запросив использование заключенных концентрационных лагерей в качестве подопытных в экспериментах с морской водой, письмо о чём гласит следующее:

«Глубокоуважаемый министр Рейха!

Ранее вы уже позволили Люфтваффе разрешить неотложные медицинские вопросы посредством экспериментов на людях. Сегодня вновь я стою перед вопросом, который после множественных экспериментов на животных и добровольных подопытных, требует окончательного решения. Люфтваффе одновременно развило два метода опреснения морской воды. Один метод, разработанный медицинским офицером, устраняет соль из морской воды и превращает её в настоящую питьевую воду; второй метод, предложенный инженером, оставляет содержание соли неизменным, а лишь устраняет неприятный вкус морской воды. Последний метод, в отличие от первого, не требует критического сырья. С медицинской точки зрения данный метод следует критически изучить, так как применение концентрированных солевых растворов может привести к сильным симптомам отравления.

Так как эксперименты на людях до сих пор проводились лишь в периоде 4 дней, а практические требования для лечения пострадавших в море установлены в 12 дней, требуются необходимые эксперименты.

Требуются 40 здоровых подопытных, которые должны быть доступны на 4 полных недели. Так как по предыдущим экспериментам известно, что необходимые лаборатории существуют в концентрационном лагере Дахау, данный лагерь будет крайне удобным...

Различные другие стороны принимали участие в переписке о данной просьбе, одна писала о том, чтобы евреев или лиц находившихся на карантине использовали в качестве подопытных. Ещё один корреспондент предлагал асоциальных цыган полукровок в качестве кандидатов для лечения. Господин Гиммлер решил о том, чтобы были использованы цыгане, плюс трое других для контрольных целей.

Для справедливости к подсудимому, следует сказать о том, что он оспаривает перевод второго предложения в первом абзаце письма написанного им Гиммлеру, который обвинение интерпретирует как означающий то, что эксперименты больше не могли проводиться на добровольных подопытных и что слова «требуется окончательное решение» означали то, что следует использовать недобровольных подопытных в концентрационных лагерях. Независимо от того является ли правильным перевод немецкого оригинала, доказательства показывают, что в рамках месяца после направления письма Гравицу, эксперименты с морской водой начались в Дахау подсудимым Бейгельбеком.

Метод согласно которому выбирались подопытные не известен подсудимому Шрёдеру. Как он пояснил давая показания со ссылкой на письмо и последующую процедуру: «Я направил его лишь после консультации о возможности эксперимента с Гравицем и после сообщения ему о том, что мы думали о нём, для того, чтобы он при необходимости мог передать эту информацию Гиммлеру. Затем это письмо было направлено и после четырёх недель, когда Бейгельбек прибыл в Дахау – между тем, ему была предоставлена возможность проводить работу. Что бы ни заключалось в этом, как бы ни был организован административный способ этой организации, мы никогда не узнали...это являлось межведомственным делом...Мы видели только начальную точку и конечную».

Таким образом началось проведение ещё одного эксперименты при покровительстве подсудимого Шрёдера, в котором инициатор эксперимента пренебрёг личной ответственностью за определение только согласных лиц для использования в эксперименте, а оставил ответственность на других. Вновь было

продемонстрирован случай офицера находящегося на высшей командной должности который разрешил эксперименты своих подчинённых не предприняв усилий для установления условий, которые обеспечивали проведение экспериментов в законно допустимых рамках.

Доказательства убедительно показали, что цыгане различных национальностей использовались в качестве подопытных. Бывшие заключенные концентрационного лагеря Аушвиц обманом попали в Дахау с обещанием того, что их будут использовать в трудовом батальоне. По прибытии в Дахау их назначили без их согласия на экспериментальную станцию морской воды. В ходе экспериментов многие из них страдали от сильного физического и психологического мучения.

Трибунал установил, что подсудимый Шрёдер был ответственным, помогал и подчинялся, принимал согласованное участие, в медицинских экспериментах проводимых на не-немецких гражданах без их согласия; в ходе экспериментов смерти, жестокости, мучения, пытки и иные бесчеловечные акты совершались в отношении подопытных. В той степени в которой эти эксперименты не образуют военных преступлений, они образуют преступления против человечности.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Оскара Шрёдера виновным по пунктам два и три обвинительного заключения.

Генцкен

Подсудимому Генцкену вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения особая ответственность и соучастие в экспериментах с сульфаниламидом, сыпным тифом, ядом и экспериментах с зажигательными бомбами. Обвинение отозвало два последних обвинения и поэтому они далее не рассматриваются. Подсудимому также вменяется в соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения членство после 1 сентября 1939, в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала – а именно СС.

Генцкен проходил медицинскую службу в германском флоте в 1912 и в данном качестве служил в Первой мировой войне. С 1919 по 1934 он занимался частной медицинской практикой. Он вступил в НСДАП в 1926 и в октябре 1934 он

вновь был призван в качестве офицера запаса в медицинское управление флота. 1 марта 1936 он был переведён в медицинское управление СС, в звании майора, и был направлен в медицинский отдел подразделения СС, которое в 1940 стало Ваффен-СС. Он служил в качестве главного хирурга госпиталя СС в Берлине и являлся директором отдела ответственного за обеспечение медицинскими припасами и надзором за медицинским персоналом концентрационных лагерей. Он также являлся медицинским контролёром Эйке, главы всех концентрационных лагерей, которые находились в компетенции Генцкена, что касалось медицинских вопросов. В мае 1940 Генцкен был назначен начальником медицинской службы Ваффен-СС в звании оберфюрера, Гравиц являлся его медицинским начальником. Он оставался в данной должности до завершения войны. В 1942 он был назначен начальником медицинской службы Ваффен-СС, управления D оперативной штаб-квартиры СС. 30 января 1943 он был назначен группенфюрером и генерал-лейтенантом Ваффен-СС.

Эксперименты с сульфаниламидом

Эксперименты с сульфаниламидом указанные в обвинительном заключении проводились подсудимыми Гебхардтом, Фишером и Оберхойзер в концентрационном лагере Равенсбрюк между 20 июля 1942 и августом 1943. В течение этого периода времени, четыре медицинских подразделения Ваффен-СС подчинялись Генцкену, включая отдел XVI, гигиена, начальником которого являлся подсудимый Мруговски.

Обвинением представлены доказательства того, что Мруговски получал поддержку и содействие в этих экспериментах и что соответственно, Генцкен стал уголовно ответственным из-за своего командного положения в отношении Мруговски. Также утверждалось, что Генцкен присутствовал на конференции в Берлине на которой Гебхардт и Фишер читали свою лекцию об экспериментах, что также показывает преступную связь.

То что, Мруговски оказывал содействие Гебхардту в экспериментах с сульфаниламидом в Равенсбрюке чётко доказано. Мруговски предоставил свою лабораторию и сотрудников в распоряжение Гебхардта. Он готовил бактериальные культуры для заражений. Он совещался с Гебхардтом по медицинским проблемам. Предложением ведомства Мруговски было то, чтобы опилки и стекло помещались в искусственно нанесённые раны подопытных, для того, чтобы был симитированы более точно ранения на поле боя. Также установлено, что Блюменройтер, который являлся начальником отдела XV под руководством Генцкена, мог способствовать

экспериментам обеспечивая хирургические инструменты и препараты для Гебхардта.

Трибунал установил, что Генцкен не присутствовал на конференции в Берлине.

Хотя Мруговски и Блюменройтер могли помогать Гебхардту в экспериментах, обвинение не смогло показать того, что это делалось под руководством или при сведениях Генцкена.

Следовательно, обвинение не смогло обеспечить доказательства по данному эпизоду.

Эксперименты с тифом

Серия экспериментов, которая является предметом этого эпизода проводилась в концентрационном лагере Бухенвальд и началась в 1942. Гауптштурмфюрер СС, доктор Динг, который был придан к институту гигиены Ваффен-СС, был ответственным за эти эксперименты – с подсудимым Ховеном в качестве своего заместителя.

До 1 сентября 1943 и Мруговски, начальник института гигиены и Динг, подчинялись Генцкену. До указанной даты цепочка военного командования в сфере гигиены и исследований была следующей: Гиммлер-Гравиц-Генцкен-Мруговски-Динг.

До 1939 Динг являлся лагерным врачом в Бухенвальде, и как таковой подчинялся Генцкену. В течение ранних месяцев войны Генцкен служил в качестве армейского хирурга на поле боя, Динг являлся его адъютантом. В течении осени 1941 Динг вернулся в Бухенвальд, а Генцкен в своё ведомство в Берлине. В течение своей полевой службы Генцкен и Динг стали близкими друзьями. Динг был командирован в институт гигиены Ваффен-СС и занимался исследованием тифа для института. Генцкен свидетельствовал о том, что Мруговски и институт гигиены находился в его цепочке командования до 31 августа 1943. Далее он свидетельствовал о том, что после указанной даты его ведомство не имело никакого отношения к Дингу экономя деньги на расходах Динга, не существовало никакого другого бюджета из которого были доступны деньги. Мруговски свидетельствовал о том, что Генцкен являлся его вышестоящим офицером до 1 сентября 1943, и знал о том, что институт гигиены работал над проблемой предоставления эффективной вакцины от тифа. Признавалось, что Динг проводил медицинские эксперименты на заключенных концентрационных лагерей для установления эффекта различных тифозных вакцин.

Не было утверждений того, что эти эксперименты не проводились. В ходе этих экспериментов использовались два здания или «блока». Эксперименты проводились в блоке 46 и когда решалось об удовлетворительной вакцине, блок 50 использовался для производства вакцин.

В ходе экспериментов с вакцинами в марте 1942, Динг сам заразился тифом. Генцкен свидетельствовал о том, что он был осведомлён о том факте, что заключённых концентрационных лагерей подвергали экспериментам, но заявил о том, что его не уведомляли о методе экспериментирования.

Явным является то, что эксперименты на которых решалось об удовлетворительной вакцине значительное время предшествовали производству вакцины. Генцкен свидетельствовал о том, что производство вакцин началось в декабре 1943, что производство было переведено в блок 50 в середине августа, и что когда производство действительно началось «это учреждение уже находилось в подчинении ведомства Гравица и больше никак не подчинялось» ему.

В дневнике Динга под датой 9 января 1943 содержится длинная запись говорящая о том, что по приказу Генцкена исследовательская станция тифа стала «отделением исследований тифа и вирусов», что доктор Динг будет главой этого отделения и что в его отсутствие подсудимый Ховен будет его замещать. Далее запись говорила о том, что Динг был назначен начальником отдела по специальным задачам гигиены, и т.д. Дневник Динга обсуждался ранее в данном приговоре. Учитывая демонстративное желание Динга по своему личному возвеличиванию, эта запись не заслуживает доверия в том виде как написана. Она ссылается на Генцкена как на «генерал-майора» - звание которого он не получал до 9 января 1943. Однако, запись, имеет некоторую доказательственную ценность по вопросу статуса Динга в течение 1943 года.

Генцкен свидетельствовал о том, что он «одобрил» создание отделения Динга по исследованию вакцин. Он также свидетельствовал о том, что его управление готовило необходимые фонды из своего бюджета для исследований Динга.

Доказательствами установлено, что до 1 сентября 1943, Мруговски регулярно докладывал Генцкену, в среднем раз в неделю, как устно так и письменно.

5 мая 1942 Мруговски подписал письменный отчёт по предмету «Тестирование тифозных вакцин». Данный отчёт пошёл в шесть различных ведомств: первая копия, Конти; вторая копия Гравицу; и третья копия Генцкену. Отчёт начинается словами: «Тестирование четырёх тифозных вакцин проводившееся на человеческих подопытных по инициативе

рейхсгесундхайтсфюрера, доктора Конти дало следующие результаты... Говорилось о том, что смертность жертв от тифа при эпидемии «была около 30 процентов» и что «в течении такой же эпидемии четыре группы подопытных были вакцинированы по одной каждому» из четырёх типов вакцин описанных в начале отчёта.

«Подопытные по-большой части были двадцатилетними и тридцатилетними. Внимание уделялось при их отборе тому, чтобы они не поступали из тифозных округов и также гарантировался интервал от четырёх до шести недель между защитной вакцинацией и началом клинических симптомов заболевания. Согласно опыту данный период является императивным для возникновения иммунитета».

Эффекты четырёх протестированных вакцин описывались как следующие. Отчёт о вакцине Вайгля говорит о том, что «никто не умер». Отчёт о вакцине Гильдмайстера и Хаагена также говорит о том, что не произошло смертей. Отчёт о вакцине Беринг-нормальная говорит о том, что одно лицо умерло. Эксперимент с вакциной Беринг-сильная сообщает об одной смерти.

Последний абзац отчёта говорит о том, что: «В последних двух группах симптомы были значительно сильнее чем в первых группах... Разницы в вакцинах Беринга не наблюдалось. Присутствующие врачи заявили о том, что общая картина заболевания в группе четыре была даже тяжелее чем в группе три».

В итоге, Мруговски рекомендовал использование вакцины «изготовленной процессом куриного яйца, которая, в своём иммунизационном эффекте, равна вакцине Вайгля».

«Эффективность защиты зависит от метода используемого при изготовлении вакцины».

Конечно, эксперименты с вакцинами, проводимые, из-за срочной необходимости открытия защитной вакцины, дали слабые результаты потому, что подопытные вакцинированные соответственно некоторым образом подвергались тифу, демонстрируя эффективность или неэффективность вакцинации. При том, что отчёт Мруговски, не ссылаясь на искусственное заражение, далее безо всякого дальнейшего пояснения он говорит о двух смертях, и в последнем абзаце, цитированном выше, сравнивает тяжёсть «заболевших» в группах три и четыре.

На перекрёстном допросе, Мруговски свидетельствовал о том, что доктор Динг являлся лектором на конференции консультирующих хирургов весной 1943 и что свидетели информировали Генцкена о «запланированных количествах вакцин для производства СС». Мруговски свидетельствовал о том, что он предоставил эту информацию Генцкелю по трём причинам: первое, Генцкен должен был быть уведомлён о том, факте, что Динг, как военнослужащий Ваффен-СС, должен был

прочитать лекцию хирургам; второе, чтобы Генцкен был информирован об «эффективности ряда вакцин подлежащих использованию войсками»; третье, чтобы Генцкен знал, когда ему ожидать первой партии вакцин СС и количество на которое он может рассчитывать в месяц. Далее Мруговски заявил:

«Совещание с доктором Генцкеном было чрезвычайно кратким. Насколько я помню мы стояли к его стола. Я рассказывал ему о том, что вакцины которые я упоминал имели разный эффект; я рассказал ему о том, что эффект варьировался от температуры до снижения смертельных случаев; и я рассказал ему о том, что после вакцинации всех СС мы сможем рассчитывать на некоторый защитный эффект для всех солдат. По этому поводу я показал ему несколько таблиц, которые передал мне Динг, такие же таблицы, которые Динг воспроизвёл в своём документе, и я использовали эти таблицы для того, чтобы объяснить эффективность вакцин.

Вопрос: «Цифры смертности и цифры температуры можно было получить из этих таблиц, не так ли?»

Ответ: «Да. Если я правильно помню, в названиях этих таблиц приводился день заражения. Всё совещание было очень коротким и совершенно возможно, что доктор Генцкен – который занимался только наиболее важными положениями о которых должен был знать – совершенно возможно, что упустил это. У меня не имелось причины особо отмечать это, так как я не докладывал ему о сериях экспериментов Динга, а только о защитной ценности различных вакцин, которые он, как медицинский офицер, должен был знать. Было два совершенно разных точки зрения».

Трибунал убедился в том, что до 1 сентября 1943, Генцкен знал о характере и сфере деятельности своих подчинённых Мруговски и Динга, в сфере исследований тифа; при этом он не сделал ничего для того, чтобы убедиться в том, что такие исследования проводятся в рамках допустимых правовых границ. Он знал о том, что заключённых концентрационных лагерей подвергали жестоким медицинским экспериментам в ходе которых происходили смерти; при этом он не предпринимал никаких шагов для установления статуса подопытных или обстоятельств при которых их направляли в экспериментальный блок. При проведении малейшего изучения он бы обнаружил, что многие человеческие подопытные являлись не-немецкими гражданами, которые не давали своего согласия на эксперименты.

Как уже отмечал трибунал в своём приговоре: «обязанность и ответственность по установлению качества согласия остаётся на каждом отдельном лице, которое инициирует, руководит или участвует в эксперименте. Это является личной обязанностью и ответственностью, которая не может безнаказанно делегироваться на другое лицо».

Мы установили, что Генцкен, в своём официальном качестве, был ответственным, помогал и содействовал экспериментам с тифом, проводимым на немецких гражданах без их согласия, в ходе которых происходили смерти в результате полученного лечения. В той степени в которой эти эксперименты не образуют военных преступлений они образуют преступления против человечности.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения Генцкену вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Доказательства показывают, что Генцкен стал членом СС 1 марта 1936 и добровольно оставался в данной организации до конца войны. В качестве высокопоставленного военнослужащего медицинской службы Ваффен-СС он был причастен к совершению военных преступлений и преступлений против человечности, в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Карла Генцкена виновным, по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

Гебхардт

Подсудимому Гебхардту вменяется в соответствии с пунктами два и три особая ответственность и соучастие в экспериментах с большой высотой, обморожением, малярией, ипритом, сульфаниламидом, костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией, морской водой, эпидемической желтухой, стерилизацией, тифом, ядом и экспериментах с зажигательными бомбами.

Подсудимый Гебхардт занимал должности с большой властью и ответственностью в медицинской службе СС в нацистской Германии. Он вступил в

НСДАП в 1933 и СС уже в 1935. Он принимал участие в нацистском путче 1923, целью которого было свержение так называемой Веймарской республики, демократического правительства Германии, будучи членом незаконного фрайкора³¹⁷ «Bund Oberland». Когда в 1933, был основан госпиталь Хохенлихена Гебхардт был назначен главным врачом данного учреждения. В 1938 он стал сопровождающим врачом Гимmlера. Он также являлся личным врачом Гимmlера и его семьи. В 1940 Гебхардт был назначен консультирующим хирургом Ваффен-СС и в 1943, главным клиническим офицером главного врача СС и полиции Гравица. В общих СС Гебхардт имел звание группенфюрера (генерал-лейтенанта), и в Ваффен-СС звание генерал-лейтенанта запаса.

Эксперименты с сульфаниламидом

Цель для которой предпринимались эти эксперименты определена в пунктах два и три обвинительного заключения.

В концентрационном лагере Равенсбрюк в течение периода с 20 июля 1942 по август 1943, подсудимый Гебхардт, при содействии подсудимых Фишера и Оберхойзер, проводил такие эксперименты на людях без их согласия. Гебхардт лично попросил у Генриха Гимmlера разрешения проводить эти эксперименты, и попытался принять всю ответственность за них и за последствия возникшие из них. Он лично проводил начальные операции.

При этом не является строго необходимым в настоящем приговоре описывать какие-либо подробности процедур следовавших при проведении этих экспериментов, соответственно о них будет сделано короткое заявление. Первые подопытные включали 15 мужчин – заключенных концентрационного лагеря использовавшихся в предварительных экспериментах в июле 1942, а затем 60 польских женщин, на которых экспериментировали в 5 группах по 12 лиц в каждой.

В первой серии экспериментов здоровых лиц инфицировали различными бактериями, но возникшие инфекции оказались недостаточно серьезными для предоставления ответа на проблему подлежащую решению и были предприняты дальнейшие эксперименты.

Доктор Гебхардт признал, что во второй серии экспериментов трое подопытных умерли в результате полученного лечения. Все эти подопытные являлись лицами, которых отбирали власти концентрационных лагерей и с которыми не консультировались ни об их согласии, ни о готовности участвовать.

---

³¹⁷ Фрайкор «Союз Оберланда» - военизированное формирование правого толка созданное в Мюнхене в 1922.

Однако, вместе с тем подопытные протестовали против экспериментов как устно так и письменно, заявляя о том, что предпочитают смерть продолжению экспериментов, так как они были убеждены в том, что в любом случае умрут.

Исследование доказательств предоставленных трибуналу в связи с экспериментами с сульфаниламидом проводимых на не желавших и не согласных заключенных концентрационного лагеря, убедительно указывает на то, что участвовавшие человеческие подопытные использовались под давлением и принуждением в экспериментах проводимых на их телах; то, что лица действовавшие в качестве подопытных подверглись и пострадали от физических пыток и риска смерти; то, что в экспериментах обсуждавшихся здесь произошли по крайней мере пять смертей подопытных.

Доктором Гебхардтом заявлялось о том, что все не-немецкие подопытные отобранные из заключенных концентрационных лагерей являлись бывшими членами польского движения сопротивления, которых ранее приговорили к смертной казни и они в любом случае были выбраны для законной казни. Это не признаётся в качестве верной защиты против обвинений.

Польские женщины которых использовали в этих экспериментах не давали своего согласия, на то, чтобы стать подопытными. Этот факт был известен Гебхардту. Доказательства убедительно показали, что они содержались в Равенсбрюке без какой-либо видимости судебного разбирательства. Данный факт мог быть известен Гебхардту проведи он малейшее исследование об их статусе. Более того, предположив, что они были осуждены к смерти за действия враждебные германским силам на оккупированной территории Польши, эти лица были вправе на защиту согласно законам цивилизованных наций. При этом при определённых обстоятельствах правила сухопутной войны признавая правильность казни шпионов, мятежников или иных сотрудников сопротивления, не при каких обстоятельствах не предусматривают смерть или иное наказание путём мучений или пыток.

Эксперименты по костной, мышечной и нервной регенерации и костной трансплантации

Эти эксперименты проводились в концентрационном лагере Равенсбрюк в тоже самое время, и на той же самой группе польских женщин использовавшихся в экспериментах с сульфаниламидом. На этих польских женщинах проводилось три вида костных операций – искусственные переломы, пересадка костей, сколы костей – условия операций были особыми в каждом отдельном случае. Некоторым

девушкам требовалось предоставлять себя для операций несколько раз. В одном примере изымались небольшие фрагменты малоберцовой кости; в другом примере удалялась надкостница. Происходили случаи в которых подопытным умышленно ломали конечности в нескольких местах и тестировали эффект некоторого лечения. По крайней мере в одном случае надрезы на костях проводились на подопытном шесть раз. В другом случае удалялась лопатка подопытного.

Дальнейшее перечисление этой деятельности как и самих операций не требуется. Заслушанные показания и экземпляры представленные и исследованные трибуналом убедительно подтвердили предположения обвинительного заключения в отношении указанных экспериментов.

Эксперименты с сепсисом (флегмоной)

Свидетели, чьи показания должны быть приняты как достоверные дали показания об экспериментах в которых заключенных концентрационного лагеря использовали без их согласия и впоследствии инфицировали гноем. Он свидетельствовал о по крайней мере двух сериях экспериментов, которые привели к смерти 12 подопытных.

Обвинение заявляет и вероятно, что эти биохимические эксперименты которые проводились в концентрационном лагере Дахау являлись вспомогательными и формировали части экспериментов с сульфаниламидом в Равенсбрюке. Однако, доказательства не являются достаточными для установления преступной связи Гебхардта с этими экспериментами.

Эксперименты с морской водой

Положение доктора Гебхардта, которое упоминалось в данном приговоре о том, что он являлся официальным и личным сотрудником Генриха Гимmlера – часть обязанностей которого касалась медицинских экспериментов в концентрационном лагере, отчасти устанавливалась приказом отданным Гимmlером 15 мая 1944 о том, чтобы мнение Гебхардта требовалось перед любым экспериментом на человеческих подопытных. Этот приказ заявляет о том, чтобы все медицинские эксперименты которые должны были проводиться в концентрационных лагерях должны были иметь личное одобрение Гимmlера. Однако, установлено, что при том, что применение разрешения о проведении экспериментов включающих человеческих подопытных требовалось от Гимmlера – при этом, такое применение могло исследоваться при наличии требования о критическом мнении главного

клинического офицера СС, доктора Гебхардта, об их технических аспектах. Следуя этому приказу Гебхардт в связи с экспериментами писал –

«Кажется абсолютно правильным поддержать Люфтваффе всеми способами и предоставить главного врача Ваффен-СС для надзора за экспериментами».

Подробности экспериментов со стерилизацией будут рассмотрены в ином месте данного приговора; и не требуется повторять их, за исключением степени необходимой для исследования участия, при наличии, Гебхардта в них.

7 и 8 июля 1942 прошло совещание между Гиммлером, Гебхардтом, бригадефюрером СС Глюксом и бригадефюрером СС Клаубергом по обсуждению стерилизации евреек. Доктору Клаубергу пообещали о том, что концентрационный лагерь Аушвиц будет передан в его распоряжение для проведения экспериментов на людях и животных, и его попросили установить посредством фундаментальных экспериментов метод стерилизации лиц в отсутствие их сведений. В ходе данного совещания Гиммлер обратил особое внимание присутствовавших «на тот факт, что рассматриваемый вопрос являлся наиболее секретным и его следовало обсуждать только с ответственными офицерами и что лица присутствовавшие при экспериментах или обсуждениях должны были дать подписку о неразглашении».

Из данных доказательств установлено, что Гебхардт присутствовал на начальном совещании, которое начало по крайней мере одну фазу программы стерилизации в концентрационных лагерях и таким образом имел сведения и по крайней мере пассивно одобрял данную программу.

Эксперименты с большой высотой, обморожением, малярией, ипритом, эпидемической желтухой, ядом и эксперименты с зажигательными бомбами

Подробности о возникновении и процедуре этих экспериментов обсуждаются в данном приговоре и не требуют повторения. Нашей основной заботой является установление того в какой степени, подсудимый Гебхардт принимал участие в экспериментах.

В этих мероприятиях подсудимый кажется не принимал какого-либо активного участия, так как он занимался экспериментами с сульфаниламидом и иными программами. Можно предполагать, что при своей близкой связи с Генрихом Гиммлером создана презумпция того, что эти эксперименты проводились при сведениях и одобрении Гебхардта. При этом, не представлено никаких достаточных доказательств и простого предположения недостаточно для осуждения подсудимого в данном деле.

Следует уделить внимание обзору представленному защитником подсудимого Гебхардта. По большей части не требуется обсуждать теории представленные в данном обзоре, по той причине, что основное отношение защиты относилось к его связи с подопытными. Доктор Гебхардт действовал как солдат при исполнении приказов от уполномоченного начальника. Мы не можем видеть применимости доктрины приказов вышестоящего начальника в отношении обвинений содержащихся в обвинительном заключении. Такая доктрина никогда не применялась в случае того кто при получении приказа имел свободное отношение к решению принимать приказ или отвергать его. Такой являлась ситуация в отношении к Гебхардту. Материалы дела прямо заявляют о том, что ему не приказывали проводить эти эксперименты, но что он воспользовался возможностью провести их. В частности это правда в отношении экспериментов с сульфаниламидом: Гебхардт, наоборот, забрал их у Гравица для демонстрации того, что некоторые хирургические процедуры оправдывались им и помимо смертельного ранения Гейдриха в Праге в мае 1942 являлись научно и хирургически выше методов лечения предложенных доктором Мореллем, личным врачом Гитлера. Поэтому, доктрина не применима. Но даже если бы это было так, сам факт рассмотрения таких приказов можно учитывать, в соответствии с законом № 10 Контрольного совета, как смягчающий наказание.

Ещё один аргумент представленный в обзоре защитника пытался обосновать себя как спорное предложение о том, что при широком интересе облегчения страданий человека, государство может законно предусматривать медицинские эксперименты для проведения на заключенных приговорённых к смерти без их согласия, при том, что такие эксперименты могут включать сильные страдания или смерть подопытного. Что бы ни являлось правом государства в отношении своих граждан, явно то, что такое законодательство не может распространяться как позволяющее практиковать на гражданах других стран, которые, находятся в жутком рабстве, проведение экспериментов без их согласия и в наиболее бесчувственных и жестоких условиях.

Мы установили, что Гебхардт в своём официальном качестве, являлся ответственным, помогал и содействовал и принимал согласованное участие в медицинских экспериментах на не-немецких гражданах без их согласия; в ходе которых смерти, членовредительство и иное бесчеловечное обращение возникали для подопытных. В той степени, в которой они не образуют военные преступления они образуют преступления против человечности.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения Гебхардту вменяется членство организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Доказательства показывают, что Гебхардт стал членом СС уже в 1933 и добровольно оставался в этой организации до конца войны. В качестве одного из самых влиятельных военнослужащих Ваффен-СС он являлся уголовно причастным к совершению военных преступлений и преступлений против человечности в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения.

Вывод

Военный трибунал I признает подсудимого Карла Гебхардта виновным по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

Бломе

Подсудимому Бломе вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения личная ответственность и соучастие в экспериментах с малярией, ипритом и экспериментах с сульфаниламидом, уничтожение туберкулёзных поляков и осуществление программы эвтаназии. Также были добавлены доказательства для цели того, чтобы показать, что он участвовал в экспериментах по сохранению бактериологического оружия и экспериментах со свёртываемостью крови.

Обвинение в отношении экспериментов с сульфаниламидом было отозвано обвинением и поэтому далее не рассматривается.

Подсудимый Бломе изучал медицину в Гёттингене и получил свою медицинскую степень в 1920. С 1924 по 1934 он занимался частной практикой. В последний год он был вызван в Берлин где, в 1935, он реорганизовывал германскую систему медицинского образования. Он также действовал в качестве адъютанта в центральном ведомстве германского Красного креста и в качестве управляющего делами Германской врачебной ассоциации, должности которую он занимал до конца Второй мировой войны. В 1938 он стал президентом бюро академии международного медицинского образования. С 1939 Бломе действовал в качестве заместителя доктора Леонардо Конти, который являлся руководителем Германской ассоциации врачей, главой главного управления здравоохранения партии и руководителем Национал-социалистической врачебной ассоциации. В 1941 он стал

членом совета исследований Рейха и в 1943 был назначен уполномоченным по исследованиям рака, связанным с исследовательским поручением по защите от биологического оружия.

Бломе вступил в СА в 1931 и стал главным медицинским офицером СА в провинции Мекленбург. В 1934 он был назначен руководителем провинциального отделения и в СА он получил звание равное генерал-лейтенанту. В 1943 он был награждён высшей наградой нацистской партии.

В качестве уполномоченного по исследования рака его обязанностью являлось устанавливать исследовательские проблемы которые должны были изучаться и поручать такие проблемы учёным наиболее пригодным для их исследования.

Эксперименты с обморожением

Обвинение утверждает, что Бломе является уголовно ответственным за участие в экспериментах с обморожением, что вменяется обвинительным заключением. В подпараграфе, который относится к обморожению, Бломе на назван среди подсудимых которым вменяется особая ответственность за эксперименты. Более того, материалы дела не содержат доказательств, которые показывают без обоснованных сомнений, что Бломе нёс какую-либо ответственность за проведение экспериментов с обморожением.

Эксперименты с малярией

Не являются достаточными доказательства раскрывающие какую-либо уголовную ответственность подсудимого в связи с экспериментами с малярией.

Эксперименты с ипритом

Не являются достаточными доказательства раскрывающие какую-либо уголовную ответственность подсудимого в связи с этими экспериментами.

Уничтожение туберкулёзных поляков

Основой для дела обвинения против подсудимого в данном отношении является серия писем в отношении угрозы туберкулёза в рейхсгау Вартеланд, которое было передано Германскому Рейху и заселено его гражданами.

В течение 1941 года германское правительство начало программу уничтожения еврейского населения на восточных оккупированных территориях. 1 мая 1942 Грейзер германский военный губернатор рейхсгау Вартеланд, написал Гиммлеру, уведомив его о том, «что касается 100000 евреев в округе, «особое обращение» одобренное Гиммлером почти завершено». Письмо затем продолжается:

«...Я прошу вашего разрешения на немедленное спасение округа после мер предпринятых против евреев, от угрозы, которая растёт от недели к недели, и использовать существующие и эффективные особые группы для данной задачи.

«Имеется около 230000 людей польской национальности в моём округе, которым был диагностирован туберкулёз. Число...инфицированных открытым туберкулёзом оценивается в 35000. Данный факт ведёт к ужасающей вещи – заражению немцев, прибывающих в Вартегау совершенно здоровыми... Значительное количество известных видных людей, в особенности в полиции, были недавно инфицированы и более не доступны для военных усилий...Всё возрастающие риски также признавались и учитывались заместителем рейхсгесундхайтсфюрера товарищем профессором доктором Бломе...

«Хотя в Германии возможно не является подходящим предпринимать соответствующие драконовские шаги против этой общественной напасти, я думаю, что смогу взять ответственность за своё предложение ликвидации случаев открытого туберкулёза среди польской расы в Вартегау. Конечно только поляков следует передавать для такой акции, но тех чья неизлечимость подтверждается и удостоверяется сотрудником общественного здравоохранения.

Учитывая неотложность данного проекта я прошу вашего принципиального одобрения как можно быстрее. Это позволит нам провести приготовления со всей необходимой предосторожностью, приступив к акции против поляков страдающих открытым туберкулёзом, в то время как акция против евреев находится на своей завершающей стадии.

Хайль Гитлер!

[Подписано] Грейзер

Два дня спустя Коппе, полицейский руководитель в штабе Грейзера, написал Рудольфу Брандту предваряя предложение Грейзера и призывая Брандта обратить внимание Гиммлера на вопрос. Брандт соответственно уведомил о получении письма, сообщив Коппе о том, что предложение будет направлено начальнику полиции безопасности для выражения мнения, но о том, что окончательное решение остаётся за Гиммлером.

9 июня 1942 начальник полиции безопасности выразил своё мнение Гиммлеру: «У меня не имеется никаких сомнений в отношении применения к лицам находящимся под покровительством и лицам без гражданства польской расы...которые подвержены открытому туберкулёзу, особого обращения в смысле предложения гауляйтера Грейзера.

... При этом отдельные мероприятия, сначала должны были быть обсуждены с полицией безопасности, для того, чтобы осуществить исполнение при минимальном внимании». Таким образом, выраженные мнения несомненно получили полное одобрение Гиммлера, 27 июня 1942 Рудольф Брандт передал Грейзеру письмо от Гиммлера содержащее следующее решение:

«Дорогой товарищ Грейзер!

У меня нет возражения передаче лиц находящихся под протекцией и лиц без гражданства польского происхождения, которые проживают на территории Вартегау и заражены туберкулёзом, для особого обращения, согласно вашему предложению; в случае если их заболевание является неизлечимым... Однако, я сначала прошу подробно обсудить отдельные мероприятия с полицией безопасности, для того, чтобы гарантировать незаметное выполнение данной задачи...

[Подписано] Г. Гиммлер

Письмо Гиммлера было принято Грейзером 21 ноября 1942, Грейзер уведомил Гиммлера о том, что в соответствии с разрешением предоставившим ему применение «особого обращения» к туберкулёзным полякам он провёл приготовления по рентгеновскому обследованию всех людей на территории, но теперь при одобрении «особого обращения», Бломе, заместитель начальника управления общественного здравоохранения НСДАП заявил возражения его исполнению. Копия письма Бломе Грейзеру прилагалась Гиммлеру для сведения.

Письмо Бломе Грейзеру датировано 18 ноября 1942. Оно начинается напоминанием различных разговоров между автором и Грейзером о кампании

против туберкулёза в Вартегау, и затем переходит к рассмотрению в подробностях; письмо продолжает:

«При расселении немцев во всех частях гау для них возникает огромная опасность... То, что происходит в Вартегау также... является правдой для других аннексированных территорий...

«Следовательно, требуется сделать нечто определенное. Следует решить о наиболее эффективном способе того как это сделать. Существует три способа принимаемых во внимание:

1. Особое обращение с тяжело больными лицами.
2. Наиболее строгая изоляция тяжело больных лиц.
3. Создание резервации для всех ТБ больных.

Для планирования, следует уделить внимание различным точкам зрения практического, политического и психологического характера. Учитывая их печальность, наиболее простым путём будет следующий: с помощью рентгеновского батальона мы сможем охватить всё население, немецкое и польское гау за время первой половины 1943. Что касается немцев, обращение и изоляция готовятся и проводятся согласно правилам лечения туберкулёза. Приблизительно 35 000 поляков, являющихся неизлечимыми и распространяющими инфекцию подлежат особому обращению. Все иные польские больные подлежат соответствующему лечению с целью сохранить их для работы и избежать заражения.

Затем Бломе продолжает, говоря о том, что он провёл приготовления для использования «радикальной процедуры», но предлагает, чтобы была предоставлена гарантия того, что Гитлер согласится на проект. Письмо продолжает говорить -

«Я могу представить, что фюрер некоторое время назад остановивший программу в психиатрических больницах, может сейчас посчитать «особое обращение» неизлечимо больных неподходящим и безответственным с политической точки зрения. В отношении программы эвтаназии это было вопросом лиц немецкой национальности болеющих наследственными заболеваниями. Сейчас это вопрос больных лиц покорённой нации».

Затем Бломе озвучил мнение о том, что если программа будет исполняться, её нельзя будет сохранить в секрете и она станет основой для более враждебной и вредной пропаганды как дома так и за рубежом. Он соответственно предложил,

чтобы перед проведением программы все положения были снова представлены Гитлеру.

Продолжая, Бломе писал о том, что если Гитлер откажется от радикального предложения Грейзера, остаются открытыми три возможности (1) больных туберкулёзом и неизлечимо больных можно изолировать вместе с их родственниками; (2) всех заразных больных туберкулёзом можно строго изолировать в медицинских учреждениях; (3) больных туберкулёзом можно расселить в особом районе. Если последний план будет принят, больные смогут дойти до предназначенной территории пешком, таким образом сэкономив расходы на перевозку.

Наконец письмо Бломе завершается –

«После надлежащего изучения всех этих соображений и обстоятельств, создание резервации, такой как лепрозорий, кажется мне наиболее применимым решением. Такая резервация позволит создать за кратчайшее время средства для необходимого расселения. В рамках резервации легко можно будет создать условия для строгой изоляции заразных лиц.

Даже заболевание немецких больных представляет сложную проблему для гау. Но этого нельзя преодолеть, до тех пор пока одновременно не будет решена проблема польских больных».

Доказательства показали, что письмо Грейзера Гиммлеру, с прилагаемыми предложениями Бломе, было уведомено Гиммлером 3 декабря 1942 со следующим окончательным решением:

«Дорогой партийный товарищ Грейзер:

«Я получил ваше письмо от 21 ноября 1942. Мне кажется, что было бы лучше принять во внимание сомнения высказанные членом партии, доктором Бломе. По моему мнению, невозможно обращаться с больными лицами запланированным методом, так как в особенности, как вы меня проинформировали, было бы возможно использовать практические результаты тестов только за шесть месяцев.

«Я предлагаю, чтобы вы осмотрели подходящий район в который можно направить неизлечимо больных туберкулёзом. Вместе с неизлечимыми, другие пациенты с менее тяжёлыми случаями туберкулёза могут также быть размещены на данной территории. Эта акция, конечно, должна быть использована при соответствующей пропаганде.

«Перед тем как написать вам это письмо я вновь продумал нельзя ли осуществить некоторым образом первоначальную идею. Однако, я убеждён в том, что лучше действовать иным образом».

Обвинение утверждает, что эта серия писем, устанавливает преступное участие подсудимого Бломе в уничтожении туберкулёзных поляков. Мы не можем согласиться с данной аргументацией. Вероятно, что предложение об изоляции туберкулёзных поляков, предложенное Бломе и одобренное Гиммлером, по крайней мере частично осуществлялось; хотя материалы дела содержат незначительные ссылки на то, что происходило в действительности. Могло быть, что в ходе такой программы поляки могли умирать в результате отрыва от домов и направления на станции изоляции; но материалы дела не содержат никаких прямых доказательств по данному предмету. Бломе дал пояснения своему письму Грейзеру, сказав о том, что оно было написано для того, чтобы предотвратить программу уничтожения туберкулёзных поляков. Разумеется, его письмо налицо указывает на то, что он возражал «особому обращению» предложенному Грейзером.

Следовательно, мы не можем сказать о том, что предоставленное пояснение не имеет обоснования. По крайней мере это дало нам обоснованное сомнение по данному вопросу. Бломе знал Гитлера и Гиммлера. Он хорошо знал о том, что любые возражения «особому обращению» основанные на моральных или гуманистических доводах мало повлияют на умы таких людей как нацистские лидеры. Более того, он знал о том, что перед тем как отказаться от предложения Грейзера об уничтожении, следовало предложить нечто лучшее. Рассматривая это с точки зрения фактических и психологических соображений, нельзя утверждать, что письмо не было хорошо сформулировано, учитывая попытку положить конец изначально принятому плану, и добиться замены его другим планом, не таким резким. Что бы ни являлось его целью, материалы дела показывают, именно это письмо, фактически отвлекло Гиммлера от его изначально программы и что в результате план уничтожения был отменён.

Программа эвтаназии

Бломе вменяется уголовная ответственность в связи с программой эвтаназии, но наше мнение заключается в том, что доказательства не являются достаточными для подтверждения данного обвинения.

Бактериологическая война

Обвинение утверждает, что доказательства в деле устанавливают вину Бломе в связи с исследованиями касающимися бактериологической войны. Бломе, который являлся уполномоченным по онкологическим исследованиям в совете исследований Рейха, признал, что проблема онкологических исследований была связана с исследовательским поручением по защите от биологического оружия. Он далее признал, что он был ответственным за институт рядом с Познанью в котором должны были исследоваться проблемы биологической войны, но заявил о том, что работа проводившаяся в институте Познани была прервана в марте 1945 наступлением русской армии.

Данный факт выглядит подтверждённым доказательством. В этой связи Шрайбер появлялся в качестве свидетеля в Международном Военном Трибунале. Его показания данные там представлены в качестве доказательств настоящему трибуналу. Из показаний видно, что Бломе посещал Шрайбера в военно-медицинской академии в Берлине в течение марта 1945 и заявлял о том, что он, Бломе покинул свой институт в Познани из-за наступления русских, но перед уходом попытался уничтожить сооружения так как опасался, что русские могут обнаружить, что в институте велась подготовка к экспериментам на людях.

Представитель обвинения довел до нас юридическое уведомление о выводе Международного Военного Трибунала в своём приговоре о том, что –

«В июле 1943 года началась экспериментальная работа, связанная с подготовкой к кампании бактериологической войны. Советских военнопленных использовали для этих медицинских опытов, исход которых в большинстве случаев оказывался для них смертельным»³¹⁸.

Обвинение представило данный вывод Международного Военного Трибунала, при представлении иных доказательств по делу, запросив трибунал признать подсудимого Бломе виновным в соответствии с обвинительным заключением.

Предложение не является обоснованным. Могло быть, что подсудимый Бломе готовил эксперимент на людях в связи с бактериологическим оружием, но материалы дела не смогли раскрыть данный факт, как и то, что эксперименты действительно проводились. Обвинение по данному пункту не является обоснованным.

Эксперименты с полигелем

---

³¹⁸ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 616.

Обвинение представило доказательства которые предполагают, что Бломе мог быть уголовно ответственным за эксперименты с полигелем проводившиеся Рашером в Дахау, в которых русских военнопленных использовали в качестве подопытных. На наш взгляд доказательства не вызывают ничего более, чем сильного подозрения; они не устраняют обоснованного сомнения.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Курта Бломе невиновным в предъявленных обвинениях и распоряжается о том, чтобы он был освобождён из заключения по завершении судебного заседания.

Рудольф Брандт

В соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения подсудимому Рудольфу Брандту вменяется особая ответственность и соучастие в экспериментах с большой высотой, обморожением, малярией, ипритом, сульфаниламидом, костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией, морской водой, эпидемической желтухой, стерилизацией и экспериментах с тифом. Ему также вменяются эти пункты за уголовную ответственность, за убийство 112 евреев для цели составления коллекции скелетов для университета Страсбурга, за убийство и плохое обращение с туберкулёзными поляками и за программу эвтаназии проводимую Германским Рейхом.

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения ему вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала.

Обвинение отозвало обвинение в участии в эксперименте по костной, мышечной и нервной регенерации и костной трансплантации; следовательно оно далее не рассматривается.

Подсудимый Рудольф Брандт вступил в нацистскую партию в 1932. Ему было присвоено звание лейтенанта в СС в 1935. За приблизительно десять лет он вырос до звания полковника СС. Он является одним из трёх подсудимых по делу, которые не являются врачами.

С начала своей карьеры в нацистской организации до своего пленения союзными силами в 1945 он непосредственно подчинялся и тесно сотрудничал с руководителем СС, Генрихом Гиммлером, и имел полные сведения о личных и служебных интересах своего начальника.

Для Гимmlера, Рудольф Брандт являлся прежде всего важным и доверенным делопроизводителем. Материалы дела показывают, что он являлся необычайно умелым стенографистом. По этому пути он пришёл к должности со значительной властью и полномочиями в качестве личного референта штаба Гимmlера и министра-альрата в министерстве внутренних дел и сотрудника «Аненербе». Действуя за Гимmlера в его отсутствие, Рудольф Брандт в этих должностях, имел огромную возможность и выражал личное суждение и усмотрение по многим серьёзным и важным вопросам.

Эксперименты с большой высотой

Эти эксперименты проводились с марта по август 1942. Их подробности рассматриваются в данном приговоре. Часть доказательств по этой характеристике состоит из переписки между подсудимым Рудольфом Брандтом и различными иными находящимися на германской военной службе, которые лично участвовали или были тесно связаны с физическими деталями проводимых экспериментов. Указанная переписка признана в качестве доказательства, полностью удостоверена и даже сама по себе, без каких-либо дополнительных устных показаний – которых было достаточно – раскрывает в достаточной степени без обоснованного сомнения, что исключение санкции и усердного сотрудничества подсудимого Рудольфа Брандта, или кого-либо на его должности, предотвратило бы проведение экспериментов с большой высотой указанных в обвинительном заключении.

Рассмотренные в совокупности, доказательства по данному пункту раскрыли, что в течение периода между мартом и августом 1942, определенные медицинские эксперименты проводились в концентрационном лагере Дахау в Германии в интересах германских воздушных сил, для установления границ человеческой выносливости и пребывания на крайне больших высотах. Различных людей, недобровольно и совершенно без согласия, принуждали участвовать в вышеуказанных экспериментах в качестве подопытных. Указанные несогласные подопытные являлись военнопленными, немецкими гражданскими лицами и гражданскими лицами с оккупированных Германией территорий, чьё точное гражданство, во многих случаях, нельзя установить. Среди подопытных было множество смертей, оцениваемых свидетелями как 70-80, ставших результатом принудительного участия в этих экспериментах. Точные данные по общим смертельным случаям нельзя привести, но есть убедительные доказательства того, что во время последнего дня операций по экспериментам с большой высотой, пять

участников и несогласных подопытных умерли в результате. Большое количество подопытных пострадали от сильных увечий, пыток и плохого обращения.

Эксперименты с обморожением

В данном эксперименте или серии экспериментов, установлено, что Рудольф Брандт действовал в качестве посредника и необходимого помощника между Генрихом Гиммлером, который разрешил проведение работы, и теми кто был назначен им для проведения безжалостной задачи. Убедительными являются доказательства того, что Рудольф Брандт все время точно знал о том как проводится экспериментальный процесс. Он знал о том как проводилась процедура отбора заключенных в Дахау в качестве подопытных наиболее подходящих для экспериментальных задач. Он знал о том, что никакого согласия никогда не требовалось от лиц на которых должны были проводиться эксперименты. Он знал о том, что среди подопытных были не-немецкие граждане, включая гражданских лиц и военнопленных.

Точное количество смертей невозможно точно установить из доказательств, но то, что смертельные случаи происходили среди подопытных лиц подтверждается без обоснованного сомнения.

Эксперименты с ипритом (горчичный газ)

По данному эпизоду письменные показания подсудимого Рудольфа Брандта согласующиеся с иными доказательствами гласят по сути следующее:

«В конце 1939, в концентрационном лагере Заксенхаузене проводились эксперименты на лицах, которые вообще не являлись добровольцами, для того, чтобы установить эффективность различного лечения ранений причинённых ипритом. Иприт является отравляющим газом приводящим к травмирующим эффектам на коже. Я думаю он является общеизвестным как горчичный газ... Таким образом, эксперименты проводились на заключенных концентрационных лагерей. Насколько я помню, эксперименты включали причинение ранений на различные части тел подопытных и их

заражение ипритом. Различные методы лечения применялись для установления наиболее эффективного...

«Во второй половине 1942, Хирт (доктор Август Хирт) совместно с...который служил в Люфтваффе, инициировал эксперименты на заключенных концентрационного лагеря Нацвейлер. Заключенные для этого также как и других экспериментов просто выбирались ведомством Поля, главным административно-хозяйственным управлением, ВФХА. Для использования в таких целях, эксперименты на людях с ипритом проводились в течение 1943 и 1944 лет в концентрационном лагере Заксенхаузене также как и в концентрационном лагере Нацвейлер. Результатом было то, что некоторые заключенные умерли»

В ходе экспериментов с газом, показания в материалах дела показали, что значительное количество переписки проводилось заинтересованными лицами (за исключением самих подопытных) и установлено то, что по крайней мере некоторая, из неё ссылается на Рудольфа Брандта, чем он лично достаточно связал себя с проведением работы. И таким образом он должен рассматриваться уголовно ответственным.

Эксперименты стерилизации

Рудольфу Брандту вменяется, как изложено в обвинительном заключении, особая ответственность за вышеизложенное. Средства экспериментов по стерилизации или процессы, должны были быть включать использование рентгеновского излучения, хирургии, лекарств.

Никаких конкретных примеров действительного применения каких-либо лекарств не было показано ни устными показаниями, ни экземплярами представленными в качестве доказательств. Однако в связи с рентгеновскими и хирургическими методами, доказательства показывают, что Рудольф Брандт принимал передаточное участие в подготовке планов и их исполнении, достаточное, чтобы обосновывать вывод трибунала его преступной связи с ними. Письменные показания подготовленные подсудимым Рудольфом Брандтом гласят следующее:

«Гиммлер был крайне заинтересован в разработке дешёвого и быстрого метода стерилизации, который можно было использовать против врагов Германии, таких как русские, поляки и евреи. Так можно, было не только победить врага, но и уничтожить его. Рабочую силу стерилизованных лиц можно было

эксплуатировать Германией, при отсутствии опасности размножения. Так как эта массовая стерилизация являлась частью расовой теории Гимmlера, большое время и внимание были уделены экспериментам по стерилизации.

Мы узнали из материалов дела о том, что лица подверженные лечению являлись «молодыми, хорошо сложенными заключенными концентрационных лагерей, которые были полностью здоровы, и являлись поляками, русскими, французами и военнопленными».

Само собой разумеется, что работа выполнялась в соответствии с планами Гимmlера, при существенной помощи Рудольфа Брандта, причиняя членовредительство и страдания большому количеству людей.

Эксперименты с тифом

Медицинские эксперименты якобы проводившиеся в интересах Германии по предотвращении тифозной лихорадки проводились в концентрационном лагере Нацвейлер начиная с 1942. Подробности этих экспериментов излагаются в данном приговоре.

Доказательствами подтверждается, что не менее чем 50 подопытных умерло в качестве прямого результата их участия в этих экспериментах с тифом. Лица всех национальностей использовались в качестве подопытных. Рудольф Брандт, в отношении данных мероприятий, признал в своих письменных показаниях, что подопытные не являлись добровольцами, а были призваны и принуждены без своего согласия.

Постольку поскольку готовилась информация об экспериментах с тифом, как до, так и после их проведения, разумеется, для Гимmlера через Брандта, полная осведомленность подсудимого о них, считается полностью подтвержденной.

Здесь, также, показана направляющая рука подсудимого. Бесперебойное проведение этих экспериментов демонстрирует зависимость от старательности с которой Рудольф Брандт готовил обеспечение квот на подходящий человеческий материал для врачей на месте эксперимента.

В виду этих подтверждённых фактов, подсудимый Рудольф Брандт должен был являться и рассматриваться в качестве одного из подсудимых ответственных за проведение незаконных медицинских экспериментов в которых происходили смерти несогласных человеческих подопытных.

Коллекция скелетов

В ответ на запрос Рудольфа Брандта, от 9 февраля 1942 подсудимый Зиверс, управляющий делами «Аненербе», представил ему некие данные о предполагаемой желательности обеспечения университета Страсбурга коллекцией еврейских скелетов. Отчёт подготовленный подсудимому Брандту содержал среди прочего следующее:

«Получив черепа иудо-большевистских комиссаров, которые персонифицируют отвратительную, но при этом характерную недочеловечность, у нас будет возможность получить осязаемое научное доказательство. Получение и сбор этих черепов без затруднений может быть завершён путём директивы принятой для Вермахта в будущем о немедленной передаче всех живых иудо-большевистских комиссаров полевой полиции»

27 февраля 1942, Рудольф Брандт проинформировал подсудимого Зиверса о том, что Гиммлер поддержит мероприятие и предоставит всё необходимое в его распоряжение; и то, что Зиверс должен доложить в связи с мероприятием.

Показания и экземпляры предоставленные суду бесспорно, достаточно показали, что указанный план действительно был приведён в действие; то, что не менее 86 человек были убиты с единственной целью получения их скелетов. Ещё больше можно сказать в отношении этой волнующей темы, но к приговору добавить нечего. Тот факт, что Рудольф Брандт проявил изначальный интерес и сотрудничал в мероприятии достаточен для вывода о том, что он является виновным в связи с данной программой.

Эксперименты с малярией, морской водой и эпидемической желтухой и обвинение в убийстве и плохом обращении с поляками

Хорошо установлено, что Гиммлер спонсировал, поддерживал, поощрял или инициировал эти мероприятия. Несомненно Брандт знал о том, что происходит, и вероятно он помогал этой программе. Однако, доказательства не являются достаточными для данного вывода.

Трибунал установил, что подсудимый Рудольф Брандт являлся пособником, приказывал, содействовал, принимал согласованное участие, был осознанно связан с планами и мероприятиями, и являлся членом организации или группы связанной с проведением медицинских экспериментов на не-немецких гражданах, без их согласия, в ходе которых совершались убийства, жестокости, пытки, мучения и иные бесчеловечные акты; и убийством не менее чем 86 не-немецких евреев для коллекции скелетов. В той степени в которой эти преступления

не являются военными преступлениями они являются преступлениями против человечности.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения Рудольфу Брандту вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Доказательства показали, что Рудольф Брандт стал членом СС в 1933 и оставался в данной организации до конца войны. В качестве члена СС он является уголовно причастным к совершению военных преступлений и преступлений против человечности, в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения.

Крайне убедительный и интересный обзор от имени подсудимого Рудольфа Брандта, представленный его адвокатом, получил внимательное рассмотрение трибунала. В нём утверждается, что положение Рудольфа Брандта при Генрихе Гиммлере являлось таким подчинением, его личный характер был весьма мягким, и над ним настолько доминировал его начальник, что полное осознание преступлений в которые он оказался вовлечен дошло до него только во время процесса. Данное утверждение предлагается в качестве смягчающего обстоятельства возмутительных правонарушений в которых подсудимый Брандт играл скромную роль.

Если предположить что, та часть которую играл Рудольф Брандт была относительно неважной при сравнении с чудовищностью обвинений подтверждаемых доказательствами, следует сказать о том, что у каждого Гиммлера должен быть свой Брандт, иначе планы главаря нельзя будет реализовать.

Следовательно, трибунал не принимает данный тезис.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Рудольфа Брандта виновным по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

Мруговски

Подсудимому вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения особая ответственность и соучастие в экспериментах с обморожением, малярией, сульфаниламидом, тифом, ядом, эпидемической

желтухой и эксперименты с зажигательными бомбами. Предъявленные обвинения касались отдельных медицинских экспериментов, но они были отозваны обвинением.

Мруговски вступил в НСДАП в 1930 и в СС в 1931. Он в конце концов получил звание старшего полковника Ваффен-СС.

В 1938 Мруговски стал штатным сотрудником медицинского управления СС в качестве гигиениста. В начале 1939 он основал тестовую станцию бактериологической гигиены СС в Берлине, чьей целью была борьба с эпидемиями в гарнизонных войсках СС Ваффен-СС. В 1940 станция была расширена и переименована в «институт гигиены Ваффен-СС». Мруговски стал его начальником и в то же время начальником отдела гигиены в медицинской службе Ваффен-СС при Генцкене.

В своём двойном качестве Мруговски был ответственным перед Генцкеном во всех вопросах касавшихся эпидемического контроля и гигиены в Ваффен-СС, но в качестве начальника института гигиены, являлся начальником и командиром института и его подведомственных учреждений с правом отдачи приказов.

Медицинская служба Ваффен-СС была реорганизована 1 сентября 1943. Мруговски и институт гигиены были переданы от Генцкена и стали непосредственно подчинены Гравицу как главному врачу СС и полиции. Из-за этого перевода Мруговски стал главным гигиенистом при Гравице, но оставался начальником института гигиены.

Эксперименты с тифозной и другими вакцинами

Подробности касающиеся экспериментов с вакцинами проводившимися в концентрационном лагере Бухенвальд обсуждаются в приговоре и нет необходимости их дальнейшего обсуждения.

Как отмечалось в деле против Хандлозера, в материалах дела имеются доказательства того, что 29 декабря 1941 в Берлине прошло совещание с участием Мруговски, на котором было принято решение начать исследовательские тесты в Бухенвальде для установления эффективности вакцин из яичного желтка и других

вакцин в качестве защиты от тифа. В результате данного совещания, такая экспериментальная станция была создана в Бухенвальде под руководством доктора Динга с подсудимым Ховеном действовавшим в качестве его заместителя.

За исключением нескольких тестов проводившихся уже в 1942 все эксперименты проводились в блоке 46 – так называемом клиническом блоке станции. Осенью 1943 отделение производства вакцин было создано в блоке 50 и оно также находилось под надзором доктора Динга-Шулера.

Данный приговор излишне обременит ненужное зачитывание подробностей различных тестов и экспериментов проводимых Дингом в Бухенвальде в результате решений принятых на высших уровнях. Все они следовали более или менее единой схеме, с отдельными группами вакцинированных заключенных, другими группами (известными как контрольные группы) без иммунизации, которые обе затем искусственно заражались вирулентным вирусом и результаты отмечались на подопытных.

Мы узнали из дневника Динга, аутентичность и достоверность которого длительно обсуждалась в иных частях приговора, использовавшиеся методы и результаты полученные по крайней мере в некоторых экспериментах.

Например: в «исследовательской серии I материала тифозной вакцинации», которая началась 6 января 1942, 135 заключенных были вакцинированы вакцинами Вайгля, Кокса-Хаагена-Гильдмайстера, Беринг-нормальной или Беринг-сильной; 10 лиц были использованы для контроля. 3 марта все подопытные, включая контрольных лиц, были искусственно заражены вирулентным вирусом риккетсия Провачека изготовленным в институте Роберта Коха. Произошло пять смертей; три в контрольной группе и две среди вакцинированных лиц.

В «исследовательской серии II, тифозной вакцины» с 19 августа по 4 сентября 1942, 40 лиц были вакцинированы двумя разными вакцинами; 19 лиц использовались для контроля. Впоследствии всех искусственно заразили вирулентным вирусом; произошло четыре смерти среди контрольных лиц.

Записи в дневнике об «экспериментальной серии VII тифозной вакцины» гласят следующее:

«28 мая 43:18 июн 43:Проведение тифозной вакцинации для иммунизации путём следующих вакцин: 1. 20 лиц вакциной «Асид» 2. 20 лиц вакциной «Асид адсорбат» 3. 20 лиц вакциной «Вейгель» института исследований тифа и вирусов высшего командования армии, армия (ОКХ) Краков (Айер)...Все подопытные лица заболели сильным тифом.7 сен 43: Таблица и истории болезни завершены. Экспериментальные серии

завершены – 53 смерти (18 с «Асид», 18 с «Асид адсорбат», 9 с «Вейглем», 8 контрольных). 9 сен 43: Таблицы и истории болезней направлены в Берлин. Доктор Динг Штурмбанфюрер СС»

Относительно «экспериментальной серии VIII тифозной вакцины» начавшейся 8 марта 1944 в дневнике появляется следующая запись:

«Предложенная полковником мед. службы воздушных сил, оберстарцтом, профессором Розе вакцина «Копенгаген» (вакцина Ипсен-Мурена), изготовленная из печени мыши национальным институтом сыворотки в Копенгагене, была протестирована на совместимость с людьми. 20 лиц были вакцинированы для иммунизации внутримышечной инъекцией... 10 лиц были отобраны для контроля и сравнения. 4 из 30 лиц были исключены до начала искусственного инфицирования, из-за обострения болезни... остальные подопытные были инфицированы 16 апр 44 подкожной инъекцией 1/20 мл свежей тифозной крови... Заболели следующие: 17 лиц иммунизованных; 9 средне, 8 серьёзно; 9 контрольных лиц; 2 средне, 7 серьёзно... 2 июн 44: Экспериментальная серия завершена. 13 июн 44: Таблица и истории болезней составлены и направлены в Берлин. 6 смертей (3 Копенгаген, 3 контроль). Доктор Динг».

«Экспериментальная серия тифозной вакцины XI» началась 17 июля 1944. Двадцать лиц были иммунизированы вакциной «Веймар» произведенной отделением исследованием тифа и вирусов института гигиены Ваффен-СС; и для сравнения другая группа из 20 лиц была иммунизирована вакциной «Вайгль» изготовленной из вшей высшим командованием армии (ОКХ) в Кракове. Ещё одна группа из 20 лиц использовалась для контрольной группы. 6 сентября 1944 60 подопытных были заражены свежей кровью «больных тифом», которая вводилась в верхнюю часть руки. В результате все подопытные заболели, некоторые серьёзно. Изложение этой экспериментальной серии завершается скрытым отчётом: «4 ноя 44: Таблицы и истории болезни завершены, 24 смерти (5 «Вайгль» (19 контроль). Доктор Шулер».

Эти записи несколько из многих, которые мы случайно выбрали из дневника Динга, касаются безжалостных убийств беззащитных жертв во имя нацистской медицинской науки. Можно было изложить много если бы позволяло время. Анализ дневника Динга раскрывает, что не менее чем 729 заключенных концентрационного лагеря прошли эксперименты с тифом, по крайней мере 154 из которых умерли. И этот ряд смерти не учитывает определенный счёт смертей так

называемых «передаточных» лиц, которых искусственно заражали тифом для единственной цели наличия под рукой постоянной свежей крови «больных тифом» для использования на подопытных.

Есть некоторые доказательства в отношении того, что заключенных лагеря в первых сериях использовали в качестве подопытных сказав о том, что эксперименты являются безвредными и что добровольцам будет предоставляться дополнительная пища. Но этих жертв не информировали о том, что их будут искусственно заражать тифом высоковирулентного вируса, как и о том, что может случиться в результате. Разумеется никто серьёзно не предполагает, что эти люди дали бы своё законное согласие действовать в качестве подопытных. Обычно никто не соглашается быть особым субъектом убийства и если это происходит, такое согласие не оправдывает его убийцу.

Позже, когда новости о том, что происходит в блоке 46 стали общеизвестными в лагере, больше невозможно было вводить в заблуждение заключенных, которым предлагали стать жертвами. Соответственно, от жалкой попытки поиска добровольцев отказались и подопытных выбирали произвольно из списка заключенных составленного лагерной администрацией.

Другие эксперименты также проводились в блоке 46 Бухенвальда для тестирования сыпного тифа и паратифа А и Б, и жёлтой лихорадки.

Что касается экспериментов с тифом, использовались несогласные человеческие подопытные, включая не только немецких уголовных преступников, но также поляков, русских, французов, как гражданских лиц так и военнопленных.

Во всех экспериментах, происходили смерти подопытных. Что касается этих экспериментов, преобладают доказательства того, что Динг проводил их по приказам или от имени подсудимого Мруговски.

Эксперименты с ядом

11 сентября 1944 Мруговски, Динг и некий доктор Видман провели эксперимент с боеприпасами нитрата аконитина в концентрационном лагере Заксенхаузен. Подробности эксперименты полностью объясняются «совершенно секретным» отчётом жестокого дела в письме написанном подсудимым Мруговски в институт криминологии в Берлине. Письмо следующее:

«Предмет: Эксперименты с боеприпасами аконитина нитрата

В институт криминологии

свдн:доктор Видманн

Берлин

«В присутствии штурмбанфюрера СС доктора Динга, доктора Видманна, и нижеподписавшегося, 11 сентября 1944 были проведены эксперименты с боеприпасами нитрата аконтина на 5 лицах приговоренных к смерти. Исследуемые боеприпасы имели калибр 7.65 мм, и были заполнены кристаллическим ядом. Подопытным, каждому в положении лёжа, был произведён выстрел в верхнюю часть бедра. Бёдра двух из них были прострелены насквозь. Даже потом, не наблюдалось никакого отравляющего эффекта. Соответственно эти двое подопытных были освобождены.

Входное отверстие боеприпаса не показало никаких особенностей. Очевидно у одного из подопытных была повреждена бедренная артерия. Слабый ручеек крови вытекал из раны. Но кровотечение прекратилось спустя короткое время. Потеря крови была оценена как самое наибольшее $\frac{3}{4}$ литра и не являлась смертельной.

Симптомы троих осуждённых показали удивительную схожесть. Сначала особенностей не появлялось. Спустя от 20 до 25 минут возникло двигательное оживление и слабое слюнотечение, которые прекратились. Отравленные лица непрерывно сглатывали, но позднее поток слюны стал настолько сильным, что его нельзя было прекратить проглатыванием. Пенная слюна вытекала из их рта. Затем возникли удушье и рвота.

Спустя 58 минут пульс у двоих пульс не ощущался. У третьего был пульс 76. Спустя 65 минут его давление крови было 90/60. Шумы были чрезвычайно глухими. Очевидным было падение давления крови.

В течение первого часа эксперимента зрачки не показывали никаких изменений. Спустя 78 минут зрачки у всех троих показали среднее сужение с замедленной реакцией на свет. Одновременно, возникло усиленное дыхание с тяжкими вздохами. Оно уменьшилось спустя несколько минут. Зрачки вновь расширились и их реакция улучшилась. Спустя 65 минут коленные и пяточные рефлексy отравленных были отрицательными. Брюшные рефлексy у двоих были также отрицательными. Верхние брюшные рефлексy у третьего были пока положительными, при том, что нижние были отрицательными. Спустя приблизительно 90 минут, один из

подопытных вновь начал тяжело дышать. Это сопровождалось возрастание двигательного беспокойства. Затем тяжёлое дыхание перешло в ровное, ускоренное дыхание, сопровождающееся сильным насморком. Один из отравленных попытался вызвать рвоту. Для этого он поместил четыре пальца в глотку, но не смог вырвать. Его лицо покраснело.

Двое других подопытных уже вначале продемонстрировали бледность. Другие симптомы были аналогичными. Двигательное беспокойство возросло настолько, что лица брыкались, закатывали глаза и совершали бессмысленные движения руками и ладонями. Наконец возбуждение уменьшилось, зрачки сузились до максимума и осуждённые остались лежать неподвижно. Спазмы жевательной мышцы и мочеиспускание наблюдались в одном случае. Смерть наступила на 121, 123 и 129 минутах после введения боеприпаса.

Итог: Боеприпасы заполненные приблизительно 38 мг нитрата аконтина в твёрдой форме, имели несмотря на незначительные повреждения, смертельный эффект спустя два часа. Отравление проявилось от 20 до 25 минут после травмирования. Основными реакциями были слюноотделение, изменение зрачков, отрицательные пяточные рефлекссы, двигательное беспокойство и сильный насморк.

Мруговски

Оберфюрер СС, доцент и начальник управления

Подсудимый попытался ответить на данное обвинение защитой о том, что подопытные использовавшиеся в этом эксперименте являлись лицами, которые приговорили к смерти и о том, что он, Мруговски, был назначен в качестве законного палача.

Не требуется ничего кроме прочтения письма представленного в качестве доказательства, чтобы придти к выводу о том, что такая защита не является обоснованной. Это не была законная казнь проводимая в соответствии с законами и правилами войны, а преступный медицинский эксперимент в котором ранения причинялись заключенным с единственной целью установить эффективность отравленных пуль как средства лишения жизни. Несчастные жертвы этой подлой пытки являлись русскими военнопленными, наделёнными правами предоставляемыми законами цивилизованных наций. Как по сути говорилось, в

данном приговоре: при том, что отдельные особые условия правил сухопутной войны могут признавать обоснованность казни путём расстрела, они не при каких обстоятельствах не предполагают причинение смерти путём членовредительства или пытки.

Эксперименты с сульфаниламидом

То, что Мруговски оказывал содействие Гебхардту в экспериментах с сульфаниламидом в Равенсбрюке явно установлено материалами дела. Мруговски предоставил свою лабораторию и сотрудников в распоряжение Гебхардта. Он подготовил культуры для инфекций. Предложением ведомства Мруговски было то, чтобы опилки и стекло помещались в раны подопытных для того, чтобы раны были более точно симитированы.

Эксперименты с газовым отёком

В конце 1942 в военно-медицинской академии в Берлине прошло совещание для обсуждения эффектов сыворотки газового отёка на раненых лиц. В течение совещания, докладывалось о нескольких случаях в которых раненые солдаты получавшие сыворотку газового отёка в больших количествах внезапно умирали без видимой причины. Мруговски, который участвовал на совещании, высказался о возможности того, что вероятно смерти были из-за фенольного содержимого сыворотки. В качестве шага по решению проблемы Мруговски приказал доктору Дингу-Шулеру, своему подчинённому, принять участие в убийстве эвтаназией фенолом и сообщить в подробностях о результатах.

В соответствии с отданным приказом, доктор Динг и подсудимый Ховен убили некоторых из заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд инъекциями фенола и Динг сообщил о своих результатах своему вышестоящему офицеру Мруговски, как того требовал приказ.

Эксперименты с обморожением, зажигательными бомбами и эпидемической желтухой

Что касается данных пунктов, трибунал считает, что доказательства не являются достаточными для поддержания обвинений.

Без обоснованного сомнения было подтверждено, что подсудимый Мруговски являлся исполнителем, пособником, приказывал, содействовал,

принимал согласованное участие и осознанно был связан с планами и мероприятиями включавшими медицинские эксперименты на не-немецких гражданах, без их согласия, в ходе которых совершались убийства, жестокости, мучения, истязания, пытки и иные бесчеловечные акты. В той мере в какой эти преступления не являются военными преступлениями они являются преступлениями против человечности.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения подсудимому вменяется членство в организации объявленной преступной Международным Военным Трибуналом, а именно СС.

Доказательства подтвердили, что Мруговски вступил в НСДАП в 1930 и добровольно стал членом СС в 1931. Он оставался в этих организациях на протяжении войны. В качестве военнослужащего Ваффен-СС, он был уголовно причастен к совершению военных преступлений и преступлений против человечности обсуждаемых в данном приговоре.

Вывод

Военный трибунал I признаёт виновным подсудимого Йоахима Мруговски по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

Поппендик

Подсудимому Поппендику вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения личная ответственность и участие в экспериментах с большой высотой, обморожением, малярией, сульфаниламидом, морской водой, эпидемической желтухой, стерилизацией тифом и экспериментах с ядом. Ему вменяется в соответствии с пунктом четыре членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала.

Обвинения в отношении экспериментов с большой высотой и экспериментов с ядом были отозваны обвинением и следовательно далее не рассматриваются.

Поппендик изучал медицину в нескольких германских университетах с 1921 по 1926 и сдал государственный экзамен в декабре того же года. Он вступил в НСДАП 1 марта 1932 и в СС 1 июля следующего года. Он достиг звания

подполковника в СС и звания старшего полковника в Ваффен-СС. Он также являлся членом Ассоциации нацистских врачей. В августе 1935 он был назначен врачом в главном расово-переселенческом управлении в Берлине и стал главным врачом этого управления в 1941. Он занимал данную должность до осени 1944.

С 1 сентября 1939 до некоторого времени в 1941, Поппендик находился на действительной службе в армии в качестве хирурга. В течение указанного года он возобновил службу в расово-переселенческом управлении в Берлине. Между 1939 и 1943, он осуществлял некоторые обязанности в качестве сотрудника штаба главного врача СС и полиции, доктора Гравица, выполняя особые поручения.

Осенью 1943 Поппендик стал главной личной штаба Гравица, должность на которой он оставался до конца войны.

Эксперименты с обморожением

Имеются доказательства того, что Поппендик получил сведения об экспериментах с обморожением проводившихся Рашером в Дахау, в результате совещания проведённого между Рашером, Гравицем и Поппендиком 13 января 1943 для цели обсуждения некоторых этапов исследований. Доказательства не подтверждают без обоснованного сомнения то, что Поппендик был преступно связан с этими экспериментами.

Эксперименты с малярией

Обвинение утверждает, что Поппендик является уголовно ответственным за эксперименты с малярией проводившиеся доктором Шиллингом в Дахау. Доктор Плётнер участвовал в экспериментах с малярией в качестве подчинённого Шиллинга. Дневник Зиверса, который является доказательством, содержит пометку о том, что 23 мая 1944 Гравиц, Поппендик, Плётнер и Зиверс провели совещание, которое вероятно было подготовлено Поппендиком тремя днями ранее по телефону. Предмет совещания раскрывается в дневниковой записи, но в другом месте дневника указано то, что 31 мая 1944 Гравиц санкционировал сотрудничество Плётнера с Шиллингом.

Поппендик свидетельствовал о том, что слышал о том, что Шиллинг проводил особые исследования в Дахау по иммунитету от малярии. Он далее заявил о том, что его сведения о характере исследований не заходили дальше. Материалы дела не противоречат его показаниям.

Трибунал не установил, что доказательства раскрывают без обоснованных сомнений, что Поппендик был преступно связан с экспериментами с малярией.

Эксперименты с сульфаниламидом

Поппендик присутствовал на третьей конференции консультирующих хирургов в военно-медицинской академии в Берлине и слышал лекции Гебхардта и Фишера об экспериментах с сульфаниламидом, которые обсуждались в приговоре. 7 сентября 1942 он удостоверил отчёт, об экспериментах с сульфаниламидом, которые проводились в Равенсбрюке, подготовленный Гебхардтом для Гравица. Гравиц переслал отчёт или его удостоверенную копию, Гиммлеру.

Мы разделяем мнение о том, что Поппендик имел сведения о преступном характере экспериментов проводившихся Гебхардтом и Фишером в Равенсбрюке, но преступная связь подсудимого с какими-либо такими экспериментами не подтверждается доказательствами.

Эксперименты с морской водой

Доказательства не раскрывают без обоснованного сомнения то, что Поппендик был уголовно причастен к этим экспериментам.

Эксперименты с эпидемической желтухой

Доказательства не раскрывают без обоснованного сомнения то, что Поппендик был уголовно причастен к этим экспериментам.

Стерилизация

Поппендик являлся главным врачом главного расово-переселенческого управления. Приговор Международного Военного Трибунала установил, что данное ведомство «проявляло активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий в соответствии с расистскими принципами нацистской партии и было причастно к депортации евреев и других лиц ненемецкой национальности³¹⁹».

---

³¹⁹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 652.

Давая показания трибуналу, Поппендик заявил о том, что нацистская расовая политика имела двойственный аспект; одна политика являлась положительной, другая имела негативный характер. Положительная политика включала многие вопросы, например поощрение немецких семей в большем деторождении. Отрицательная политика касалась стерилизации и уничтожения неарийцев также как и других мер по сокращению неарийского населения. Согласно показаниям Поппендика, он не занимался осуществлением негативных, но только положительных мер.

В письме датированном 29 мая 1941 Гравиц писал Гиммлеру затрагивая совещание проведённое 27 мая 1941 на котором присутствовал доктор Клауберг, и обсуждался его «новый метод стерилизации враждебных женщин без операции».

Поппендик в письме датированном 4 июня 1941, которое относилось к предыдущему телефонному разговору с Гравицем, писал Рудольфу Брандту говоря о том, что прилагает «список врачей, которых готовили проводить лечение стерильности» как запрашивалось Гиммлером. Данный список очевидно относился к тому же который содержался в письме Гравица Гиммлеру, датированном 30 мая 1941, которое говорило: «Настоящим, я представляю список специалистов ответственных за лечение стерильности у женщин согласно методу профессора Клауберга».

Доказательства показали, что Клауберг позднее проводил эксперименты стерилизации на еврейках в Аушвице. Похожие эксперименты проводились в других концентрационных лагерях докторами СС, которые подчинялись Гравицу. Очевидно, что Поппендик знал об этих экспериментах со стерилизацией, при том, что это не показывает его преступную связь с ними.

Эксперименты с тифом

Из доказательств не ясно, что Поппендик был преступно связан или имел сведения о характере экспериментов с тифом в Бухенвальде или типе подопытных на которых они проводились.

Эксперименты с зажигательными бомбами

В материалах дела имеются некоторые доказательства в отношении того, что после завершения экспериментов с зажигательными бомбами в Бухенвальде, отчёты об экспериментах были переданы Поппендику и Мруговски. Очевидным является то, что из отчётов Поппендик получил сведения о характере

экспериментов, но материалы дела не смогли показать уголовную ответственность подсудимого в связи с ними.

Эксперименты с флегмоной

Доказательства явно подтверждают, сведения Поппендика об этих экспериментах, но не могут показать преступную связь подсудимого с ними.

Эксперименты с полигелем

Материалы дела не показывают сведения или связь Поппендика в связи с этими экспериментами.

Эксперименты с гормонами

Обвинение утверждает, что доказательства показывают уголовную ответственность Поппендика в связи с серией экспериментов проводившихся в Бухенвальде доктором Варнетом, датским врачом, который заявил об открытии метода лечения гомосексуализма путём пересадки искусственных желез.

15 июля 1944 Поппедник писал доктору Дингу в концентрационный лагерь следующее:

«По просьбе рейхсфюрера СС датскому доктору, штурмбанфюреру СС, доктору Варнету предоставлена возможность продолжить его эксперименты с исследованиями гормонов вместе с СС, в частности по разработке его искусственных желез. Рейхсфюрер СС ожидает определенные результаты от лечения гомосексуалов искусственными железами Варнета. Техническая подготовка достигла такой точки, что эксперименты на людях можно начать в разумное время.

«Как проинформировал меня штандартенфюрер СС, доктор Лоллинг, концентрационному лагерю Веймар-Бухенвальд поручено предоставить 5 заключенных для экспериментов штурмбанфюрера СС Варнета. Эти заключенные будет предоставлены штурмбанфюреру СС Варнету лагерным врачом в любое время.

«Штурмбаннфюрер СС Варнет намерен вскоре поехать в Бухенвальд для того, чтобы провести необходимые предварительные тесты на этих заключенных. В случае

проведения особых лабораторных тестов, прошу вас оказывать содействие Варнету в рамках ваших возможностей.

«Подробности исследований Варнета сегодня направлены лагерному врачу Веймар-Бухенвальда для сведения».

Имеются доказательства того, что в течение лета 1944 доктор Варнет проводил эксперименты на которые ссылался в письме Поппендик. Однако, национальность заключенных использованных для экспериментов не показана, как и не подтверждается без обоснованного сомнения то, что эксперименты являлись вредными или вызвали смерть или увечья подопытных.

Мы внимательно рассмотрели доказательства по обвинениям в отношении подсудимого Поппендика. Разумеется доказательства выявили сильные подозрения в том, что он участвовал в экспериментах. По крайней мере он знал о них и их последствиях. Он также знал о том, что они проводились СС, членом которых оставался.

Однако, трибунал, не может убедить только лишь подозрение; являются необходимыми доказательства без обоснованного сомнения. Доказательства являются недостаточными для подтверждения виновности по пунктам два и три обвинительного заключения.

Членство в преступной организации

Подсудимому Поппендику вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Поппендик вступил в СС в июле 1932. Он оставался в СС добровольно на протяжении войны, имея подлинные сведения о том факте, что организация используется для совершения деяний объявленных преступными законом № 10 Контрольного совета. Следовательно, он должен быть признан виновным по пункту четыре обвинительного заключения.

В отношении характера наказания которое следует применять в таких обстоятельствах Международный Военный Трибунал рекомендовал следующее:

«1. Поскольку это возможно, классификация преступлений, санкции и мера наказания должны быть однообразными на всех четырех зонах оккупации Германии. Основной целью в той мере, в какой это практически возможно, должно быть соблюдение единообразия при рассмотрении деп. Это, конечно, не означает, что суды должны быть лишены права решать дела по своему усмотрению, однако это право

действовать по усмотрению должно быть ограничено рамками, соответствующими характеру преступления.

2. Закон № 10, оставляет решение вопроса о наказании полностью на усмотрение суда, разбирающего дело, вплоть до предоставления ему права выносить смертный приговор.

Однако закон о денацификации от 5 марта 1946 г., изданный для Баварии, Гросс-Гессена и Вюртенберг-Бадена, предусматривает определенное наказание для каждого вида преступлений. Трибунал рекомендует, чтобы ни в коем случае наказание, предусмотренное Законом № 10 в отношении любого члена группы или организации, признанной Трибуналом преступной, не превосходило по своим размерам наказания, установленного законом о денацификации. Никто не должен быть наказан по обоим законам³²⁰».

При назначении наказания, подлежащего применению к подсудимому за его вину по причине обвинения содержащегося в пункте четыре обвинительного заключения, трибунал будет учитывать такие рекомендации Международного Военного Трибунала, которые являются уместными и подходящими.

Вывод

Военный трибунал I установил, что подсудимый Гельмут Поппендик не является виновным в обвинениях предъявленных по пунктам два и три обвинительного заключения и признаёт, что подсудимый Гельмут Поппендик является виновным по пункту четвертому обвинительного заключения.

Зиверс

Подсудимому Зиверсу вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения особая ответственность и соучастие в экспериментах с большой высотой, обморожением, малярией, ипритом, морской водой, эпидемической желтухой и эксперименты с тифом, а также уничтожение евреев для составления коллекции скелетов. В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения ему вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС.

---

³²⁰ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 639.

Обвинение отозвало обвинение в участии в экспериментах с эпидемической желтухой и следовательно данное обвинение далее не рассматривается.

Зиверс является одним из подсудимых, который не был врачом. Он вступил в НСДАП в 1929 и возобновил членство в партии в 1933. Он вступил в СС в 1935, по предложению Гимmlера. В данной организации он достиг звания штандартенфюрера (полковника).

С 1 июля 1935 до конца войны, Зиверс являлся сотрудником личного штаба Гимmlера и управляющим делами общества «Аненербе». В соответствии с уставом от 1 января 1939, целью «Аненербе» была поддержка научных исследований культуры и наследия нордической расы. Совет директоров состоял из Гимmlера в качестве президента, доктора Вюста в качестве куратора и Зиверса в качестве управляющего делами. Зиверс являлся ответственным за деловую организацию управления и бюджет «Аненербе». Местом управления делами был Берлин. Зиверс поддерживал и участвовал в медицинских экспериментах, которые являются предметом настоящего обвинительного заключения, в основном посредством института военно-научных исследований, который был создан приказом Гимmlера датированным 7 июля 1942 и который административно относился к «Аненербе».

1 января 1942 Гимmlер приказал создать энтомологический институт; в марте 1942 институт доктора Рашера в Дахау; в первом месяце 1942 года, институт доктора Хирта в Страсбурге. Соответственно они являлись частью института военно-научных исследований.

Зиверс являлся, во всех практических смыслах, действующим главой «Аненербе». В этом качестве он подчинялся Гимmlеру и регулярно докладывал ему о делах общества. Совершенно секретная переписка Гимmlера об «Аненербе» направлялась Зиверсу. Устав «Аненербе» определял обязанности Зиверса как следующие:

«Управляющий делами руководит деловыми вопросами общества; он является ответственным за деловую организацию и администрацию. Он является ответственным за подготовку бюджета и за управление казной».

Зиверс являлся ответственным за все административные проблемы секретариата, бухгалтерию и казну. Кроме этого он также должен был руководить издательством «Аненербе». В июне 1943 профессор Менцель, который помимо прочего являлся начальником консультативного делового комитета совета исследований Рейха, назначил Зиверса в качестве своего заместителя. При этом

Зиверс не стал членом совета исследований Рейха, а занимал лишь почётную должность.

В письме подсудимому Рудольфу Брандту, датированном 28 января 1942, Зиверс определял своё положение управляющего делами «Аненербе» как следующее:

«Мои обязанности включают облегчение работы учёных и поиск способов осуществления задач рейхсфюрера СС наиболее быстрым способом. По поводу одной вещи я точно могу сформировать мнение; о том, кто делает работы быстрее всего».

Зиверс получал приказы напрямую от Гимmlера по вопросам исследовательских задач «Аненербе» и докладывал напрямую Гимmlеру о таких экспериментах. Зиверс посвящал свои усилия для получения фондов, материалов, и оборудования необходимого для исследователей. Материалы получаемые Зиверсом включали заключённых концентрационных лагерей для использования в качестве подопытных. Когда шли эксперименты, Зиверс проверял, что они проводятся удовлетворительным образом. В этой связи, Зиверс пользовался своим собственным суждением и должен был знакомиться с деталями таких поручений.

Эксперименты с большой высотой

Подробности этих экспериментов обсуждаются в иных частях данного приговора. Деятельность Зиверса в экспериментах с большой высотой чётко раскрыта доказательствами. Рашер, в письме Гимmlеру датированном 5 апреля 1942, заявлял следующее:

«Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс провёл весь день, наблюдая за некоторыми интересными стандартными экспериментами и сможет дать вам короткий отчёт...Я крайне обязан оберштурмбаннфюреру Зиверсу так как он проявил самый живой интерес к моей работе во всех отношениях».

Зиверс признал то, что он докладывал Гимmlеру о своём посещении Дахау. На основе отчётов Зиверса и Рашера, Гимmlер разрешил Рашеру продолжение экспериментов с большой высотой в Дахау, в которых как показали доказательства, эксперименты проводились на 180-200 заключённых и 70-80 из них умерли. Рашер стал связан с «Аненербе» в марте 1942 и в течение всего времени охватывающего период экспериментов с большой высотой, Рашер состоял в «Аненербе» и проводил эксперименты с большой высотой при его содействии. 20 июля 1942, когда заключительный отчёт об экспериментах с большой высотой

был представлен Гиммлеру, имя Рашера появилось на бланке института «Аненербе» по военно-научным исследованиям, как показано в сопроводительном письме, и в прилагаемом отчёте содержащем заявление о том, что эксперименты проводились при содействии исследовательской и научной ассоциации «Аненербе». Зиверс имел подлинные сведения о преступных аспектах экспериментов Рашера. Он был уведомлен об использовании заключенных Дахау для экспериментов. Он сам инспектировал эксперименты. Зиверс признал, что Рашер говорил ему о том, что некоторые умерли в результате экспериментов с большой высотой.

При таких фактах Зиверс особо заслуживает обвинения в преступных аспектах данных экспериментов.

Эксперименты с обморожением

До фактического завершения экспериментов с большой высотой, в Дахау было приказано провести эксперименты с обморожением. Они проводились с августа 1942 до ранней части 1943, Хольцлохнером, Финке и Рашером, все из которых являлись офицерами медицинских служб Люфтваффе. Подробности экспериментов с обморожением приводятся в настоящем приговоре.

В мае 1943 Рашер был переведён в Ваффен-СС и приступил к самостоятельному проведению экспериментов с обморожением в Дахау до мая 1945. Рашер уведомлял подсудимого Рудольфа Брандта о том, что поляки и русские использовались в качестве подопытных.

Свидетель Нефф дал показания о том, что подсудимый Зиверс посещал экспериментальную станцию во время экспериментов с обморожением довольно часто. Он дал показания о том, что в сентябре 1942 он получил приказы забрать сердца и лёгкие 5 подопытных убитых в экспериментах для профессора Хирта в Страсбурге для дальнейшего научного исследования; путевой лист на поездку был подготовлен Зиверсом; что общество «Аненербе» оплатило расходы на перевозку тел. Один из 5 убитых подопытных был голландским гражданином.

Показания Неффа подтверждаются большей частью письменных показаний подсудимых Рудольфа Брандта и Бекер-Фрейзинга, показаниями свидетелей Лютца, Михайловского и Вивега и документальными доказательствами в материалах дела. В дневнике Зиверса есть множество примеров деятельности Зиверса в помощь Рашеру. 1 февраля 1943 Зиверс записал усилия в получении аппаратуры, инвентаря и химикатов для экспериментов Рашера. 6 и 21 января 1944 Зиверс записал о проблеме места. Рашер периодически докладывал Зиверсу о статусе и подробностях экспериментов с обморожением.

Из материалов дела видно, что отношения Зиверса и Рашера при проведении экспериментов с обморожением заставляли Зиверса проводить предварительную подготовку для проведения экспериментов на людях, знакомиться с прогрессом экспериментов посредством личного инспектирования, готовить дальнейшее оборудование и материалы, включая людей использовавшихся во время экспериментов, получать и готовить доклады о прогрессе относительно Рашера, и проводить подытоживание и публикацию данных отчётов. В целом, такая деятельность составляла выполнение его обязанностей как определял Зиверс в своём письме от 28 января 1943 Рудольфу Брандту, в котором он заявлял о том, что он облегчает работу исследователей и ищет способы исполнения приказов Гиммлера.

При таких фактах Зиверс заслуживает обвинения в преступных аспектах данных экспериментов.

Эксперименты с малярией

Подробности данных экспериментов приводятся в приговоре. Эти эксперименты проводились в Дахау Шиллингом и Плётнером. Доказательства показали, что Зиверс имел сведения о характере и задаче этих преступных мероприятий и поддерживал их в своём официальном качестве.

Эксперименты с ипритом

Эти эксперименты проводились в концентрационном лагере Нацвейлер под надзором профессора Хирта из университета Страсбурга. Общество «Аненербе» и подсудимый Зиверс поддерживали эти исследования от имени СС. Подготовка перевода субсидий «Аненербе» проводилась Зиверсом. Подсудимый Зиверс участвовал в этих экспериментах активно сотрудничая с подсудимыми Карлом Брандтом и Рудольфом Брандтом и с Хиртом и его главным ассистентом доктором Виммером. Материалы дела показывают, что Зиверс находился в переписке с Хиртом по крайней мере уже с января 1942 и о том, что он создал контакт между Гиммлером и Хиртом.

В письме от 11 сентября 1942 Глюксу, Зиверс писал о том, что необходимые условия существуют в Нацвейлере «для проведения нашей военно-научной исследовательской работы». Он попросил, чтобы Глюкс дал необходимое разрешение Хирту, Виммеру и Киссельбаху на проход в Нацвейлер и, чтобы было подготовлено их проживание и питание. Письмо также говорило:

«Эксперименты, которые будут проводиться на заключенных должны проводиться в четырёх комнатах уже существующего медицинского барака. Только небольшие изменения в конструкции здания потребуются, в частности установка чехла, что можно сделать малым количеством материала. Согласно прилагаемому плану строительства в Нацвейлере, я прошу, чтобы были приняты необходимые приказы о проведении реконструкции».

В меморандуме от 3 ноября 1942 подсудимому Рудольфу Брандту, Зиверс жаловался на некоторые сложности, которые возникли в Нацвейлере из-за недостаточного содействия от сотрудников лагеря. Его особо возмущал тот факт, что сотрудники лагеря просили, чтобы за заключенных платили. Часть меморандума является следующей:

«Когда я думаю о нашей военно-исследовательской работе проводимой в концентрационном лагере Дахау, я должен похвалить и обратить особое внимание на великодушие и понимание с которыми наша работа там развивается и сотрудничество, которое предоставляется. Никогда не обсуждалась оплата заключенных. Кажется, что Нацвейлер пытается, получит с данного вопроса как можно больше денег. Мы не проводим эти эксперименты, фактически, ради некой научной идеи-фикс, а ради практической помощи вооруженным силам и немецкому народу на крайний случай».

Брандта просили оказать помощь товарищеским образом при создании необходимых условий в Нацвейлере. Подсудимый Рудольф Брандт ответил на данный меморандум 3 декабря 1942 и сказал Зиверсу о том, что он имел повод поговорить с Полем о сложностях и что они будут исправлены.

Показаниям свидетеля Голля были о том, что приблизительно 220 заключенных русской, польской, чешской и немецкой национальности использовались в экспериментах Хирта и его сотрудников, и что приблизительно 50 умерли. Никто из подопытных не вызывался добровольцем. В течение всего периода этих экспериментов Хирт сотрудничал с обществом «Аненербе».

Уже в 1944 Хирт и Виммер подытожили свои выводы из экспериментов с ипритом в отчёте под названием «Предполагаемое лечение отравлений вызванных ипритом». Отчёт описывался как исходивший из отделения X, института военно-медицинских исследований «Аненербе», находившемся в анатомическом институте Страсбурга. Лёгкие, средние и тяжёлые увечья упоминались как причинённые ипритом. Зиверс получил несколько копий данного отчёта. 31 марта 1944, после

получения Карлом Брандтом распоряжения фюрера о передаче ему широких полномочий в сфере химического оружия, Зиверс проинформировал Брандта о работе Хирта и вручил ему копию отчёта. Это подтверждается письмом Зиверса Рудольфу Брандту от 11 апреля 1944. Карл Брандт признал, что формулировка отчёта давала понять о том, что эксперименты проводились на людях.

Зиверс свидетельствовал о том, что 25 января 1943 он поехал в концентрационный лагерь Нацвейлер и проконсультировался с властями лагеря о необходимых приготовлениях для экспериментов с ипритом. Эти приготовления включали получение лабораторий и подопытных. Зиверс свидетельствовал о том, что эксперименты с ипритом были вредными. При посещении 25 января 1943, Зиверс видел десять лиц, которых подвергли экспериментам с ипритом и видел как Хирт меняет повязки на одном из лиц. Зиверс свидетельствовал о том, что в марте 1943 он спрашивал Хирта, страдают ли подопытные от экспериментов, и Хирт сказал ему о том, что двое подопытных умерли по другим причинам.

Очевидным является то, что Зиверс преступно связан с этими экспериментами.

Эксперименты с морской водой

Эти эксперименты проводились в Дахау с июля по сентябрь 1944. Подробности данных экспериментов приводятся в приговоре.

Функция «Аненербе» при проведении экспериментов с морской водой проводившихся в Дахау с июля по сентябрь 1944 в основном была связана с обеспечением места и оборудования для экспериментов. Зиверс проводил мероприятия от имени «Аненербе» В результате запроса Шрёдера Гиммлеру через Гравица о разрешении провести эксперименты с морской водой на заключенных в Дахау, Гиммлер распорядился 8 июля 1944 о том, чтобы эксперименты проводились на цыганах и трёх иных лицах с иными расовыми качествами в качестве подопытных. Зиверс был уведомлен ведомством Гиммлера о вышеуказанном разрешении на эксперименты на станции Рашера в Дахау.

27 июня 1944 Рашер был заменён Плётнером в качестве главы института военно-научных исследований «Аненербе» в Дахау. Зиверс, 20 июля поехал в Дахау и провёл совещание с Плётнером от института «Аненербе» и подсудимым Бейгельбеком, который должен был проводить эксперименты, по вопросу проведения экспериментов с морской водой и рабочих мест для них. Зиверс согласился обеспечить рабочее пространство в отделении Плётнера и энтомологическом институте «Аненербе».

26 июля 1944 Зиверс подготовил письменный отчёт Гравицу о подробностях своего совещания в Дахау. Зиверс писал о том, что 40 подопытных лиц можно разместить на «нашей» исследовательской станции, что «Аненербе» обеспечит лабораторию, и что доктор Плётнер окажет содействие, помощь и советы врачам Люфтваффе в проведении экспериментов. Зиверс также заявил о количестве задач и персонале, оценив, что работа займёт период в три недели и обозначил 23 июля 1944 датой начала, предусмотрев, что подопытные были доступны и комендант лагеря получил необходимый приказ от Гимmlера. В заключении Зиверс выразил свою надежду на то, что приготовления, которые он сделал позволят успешно провести эксперименты и попросил уведомить Гимmlера об участниках этих экспериментов.

В своих показаниях Зиверс признал, что писал вышеуказанное письмо и совещался с Бейгельбеком в Дахау. Как указывает письмо Зиверс знал о том, что должны быть использованы заключенные концентрационного лагеря.

Зиверс имел сведения и преступно участвовал в экспериментах с морской водой.

Эксперименты с тифом

Подробное описание этих экспериментов приводится в приговоре. Зиверс участвовал в преступных экспериментах с тифом проводимых Хаагеном на заключенных концентрационного лагеря Нацвейлер, проводя необходимую подготовку в связи с обеспечением подопытных, руководя административными проблемами возникавшими при экспериментах и обеспечивая станцию «Аненербе» в Нацвейлере оборудованием для их проведения.

16 августа 1943, когда Хааген готовил перевод своих экспериментов с тифом из Ширмека в Нацвейлер, он попросил Зиверса предоставить сотню заключенных концентрационного лагеря для своих исследований. Это видно из письма от 30 сентября 1943 от Зиверса Хаагену в котором он говорил о том, что он будет рад помочь, и что соответственно он связался с подходящим источником для предоставления «желаемого персонала» в распоряжение Хаагена. В результате усилий Зиверса, сотня заключенных была доставлена из Аушвица в Нацвейлер для экспериментов Хаагена. Они оказались непригодными для экспериментов из-за слабого физического состояния. Тогда была предоставлена вторая группа из сотни. Некоторые из них использовались Хаагеном в качестве подопытных.

То, что эксперименты проводились на станции «Аненербе» в Нацвейлере подтверждается отрывками из ежемесячных отчётов лагерного доктора Нацвейлера.

Ряд смертей случился среди немецких подопытных как прямой результат полученного лечения.

Эксперименты с полигелем

В ходе процесса были представлены доказательства показывающие, что эксперименты по тестированию эффективности коагулянта крови «полигель» проводились Рашером в Дахау. Дневник Зиверса показывает, что подсудимый имел сведения о деятельности по производству полигеля, и о том, что он оказывал содействие проведению экспериментов.

Коллекция еврейских скелетов

Зиверсу вменяется в соответствии с обвинительным заключением убийство 112 евреев, которых выбрали для составления коллекции скелетов для университета Страсбурга.

Отвечая на запрос подсудимого Рудольфа Брандта, Зиверс представил ему 9 февраля 1942 отчёт доктора Хирта из университета Страсбурга о желательности обеспечения коллекции еврейских скелетов. В данном отчёте, Хирт выступал за прямое убийство «еврейско-большевистских комиссаров» для создания такой коллекции. 27 февраля 1942 Рудольф Брандт проинформировал Зиверса о том, что Гиммлер поддержит работу Хирта и предоставит всё необходимое в его распоряжение. Брандт попросил Зиверса соответственно проинформировать Хирта и снова доложить о предмете. 2 ноября 1942 Зиверс запросил Брандта провести необходимую подготовку с главным управлением безопасности Рейха по получению 150 еврейских заключенных из Аушвица для осуществления данного плана. 6 ноября, Брандт проинформировал Адольфа Эйхмана начальника отдела IV В/4 (еврейские вопросы) из главного управления безопасности Рейха о предоставлении всего необходимого в распоряжение Хирта, что было необходимо для составления коллекции скелетов.

Из письма Зиверса Эйхману от 21 июня 1943, установлено, что гауптштурмфюрер СС Бегер, сотрудник общества «Аненербе», проводил предварительную работу для сбора коллекции скелетов в концентрационном лагере Аушвиц на 79 евреях, 30 еврейках, 2 поляках и 4 азиатах. Тела жертв были направлены тремя партиями в анатомический институт Хирта в университете Страсбурга.

Когда союзные армии угрожали занять Страсбург уже в сентябре 1944 Зиверс передал Рудольфу Брандту следующее сообщение по телетайпу:

«Предмет: Коллекция еврейских скелетов

«В соответствии с предложением от 9 февраля 1942 и вашим одобрением от 23 февраля 1942...штурмбаннфюрер, профессор Хирт запланировал настоящую отсутствующую коллекцию скелетов. Ввиду большой степени научных исследований в связи с ней, подготовка скелетов ещё не завершилась. Хирт попросил соответствующее время необходимое для 80 образцов и решение об обращении с коллекцией находящейся в прозекторской анатомического института, в случае угрозы Страсбургу. Он сможет провести их обезкоживание и таким образом неопознаваемость. Однако, это не означает, что вся работа была проделана впустую – даже в части – и что эта единственная коллекция будет потеряна для науки, поскольку было бы невозможно сделать гипсовые слепки впоследствии. Скелетная коллекция, как таковая неподозрительна. Участки кожи можно объявить как оставленные французами ко времени когда мы приняли анатомический морг и подлежащие кремации. Запрашивается решение о следующих предложениях:

- (1) Коллекция может быть сохранена.
- (2) Коллекция частично ликвидируется.
- (3) Коллекция полностью ликвидируется».

Фотографии тел и анатомических комнат института сделанные французскими властями после освобождения Страсбурга, указывают на страшную историю этих умышленных убийств участником которых являлся Зиверс.

Зиверс с момента получения отчёта Хирта от 9 февраля 1942 знал о том, что запланировано массовое убийство для получения еврейских скелетов. Несмотря на это он активно сотрудничал в данном проекте, направил сотрудника «Аненербе» для проведения предварительного отбора в концентрационном лагере Аушвиц и предусмотрел перевод жертв из Аушвица в Нацвейлер. Он провёл подготовку в этой связи для уничтожения коллекции.

Вина Зиверса по данному эпизоду бесспорно установлена.

Зиверс представил две защиты по предъявленным обвинениям: (1) то, что он действовал в соответствии с приказами вышестоящих начальников; (2) что он являлся членом движения сопротивления.

Первая защита полностью не заслужена. Ничего не показывает на то, что совершая эти ужасные преступления, Зиверс действовал следуя приказам. Правда, основная политика или проекты, которые проводились, были решены его начальниками, но при осуществлении подробностей Зиверс имел неограниченную свободу усмотрения. Подсудимый говорил о том, что в его положении нельзя было отказаться от поручения. Остаётся фактом, материалы дела показывают пример нескольких лиц, которые отказались, и вживую рассказали об этом.

Второй довод защиты Зиверса одинаково несостоятелен. В поддержку этой защиты Зиверс представил доказательства, которые, как он надеялся подтверждают, что уже с 1933 он стал членом тайного движения сопротивления, которое готовило свержение нацистского правительства и покушения на Гитлера и Гимmlера; то, что ведущий член данной группы Зиверс получил назначение как управляющий делами «Аненербе» для того, чтобы он мог быть ближе к Гимmlеру и наблюдать за его перемещением; что в этом положении он стал связан с возмутительными преступлениями, предметом обвинительного заключения; что он оставался управляющим делами по совету своего руководителя сопротивления для получения важной информации, что ускоряло свержение нацистского правительства и освобождение беспомощных людей находившихся под его властью.

Предположив все эти вещи как правду, мы не видим как они могут быть использованы в защиту Зиверса. Остаётся фактом то, что при содействии «Аненербе» совершались убийства, которые не имели ни малейшего средства сопротивления. Зиверс руководил программой в рамках которой совершались эти убийства.

Разумеется нет закона позволяющего сотруднику сопротивления совершать преступлений, и по крайней мере, против тех самых людей, которых он, предположительно должен защищать.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения Вольфраму Зиверсу вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Доказательства показывают, что Вольфрам Зиверс стал членом СС в 1935 и оставался членом этой организации до конца войны. В качестве члена СС он является уголовно причастным к совершению военных преступлений и преступлений против человечности, в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Вольфрама Зиверса виновным по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

Розе

Подсудимому Розе вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения особая ответственность и соучастие в экспериментах с тифом и экспериментах с эпидемической желтухой.

Последний эпизод был отозван обвинением.

Предоставлены доказательства, касающиеся преступного участия Розе в экспериментах в Дахау, при том, что он не назван в обвинительном заключении в качестве одного из подсудимых кому вменяется уголовная ответственность в связи с экспериментами с малярией. Вопросы возникшие в результате данной ситуации будут обсуждены далее.

Подсудимый Розе является врачом с большим опытом, многие годы признанным экспертом по тропическим заболеваниям. Он изучал медицину в университетах Берлина и Бреслау и был допущен к практике осенью 1921. После работы в качестве интерна в нескольких медицинских институтах, он получил назначение в штат института Роберта Коха в Берлине. Позднее он работал в штате университета Гейдельберга и три года участвовал в частной медицинской практике в Гейдльберге. В 1929 он поехал в Китай, в котором оставался до 1936, занимая важные должности в качестве медицинского советника китайского правительства. В 1936 он вернулся в Германию и стал главой отделения тропической медицины в институте Роберта Коха в Берлине. Позднее, в августе 1939 он вступил в Люфтваффе в звании лейтенанта медицинского корпуса. На этой службе он получил звание генерал-майора запаса и продолжал действительную службу до конца войны. Он являлся консультантом по гигиене и тропической медицине начальника медицинской службы Люфтваффе. С 1944 он также являлся консультантом в штате подсудимого Хандлозера и медицинским советником доктора Конти по вопросам относящимся к тропическим заболеваниям. В течение войны Розе посвящал всё своё время обязанностям консультанта начальника медицинской службы Люфтваффе Гиппке и после 1 января 1944 подсудимого Шрёдера.

Эксперименты с малярией

Медицинские эксперименты в связи с малярией проводились в концентрационном лагере Дахау с февраля 1942 до конца войны. Эти эксперименты проводились доктором Клаусом Шиллингом для цели обнаружения иммунитета от малярии. В ходе экспериментов, вероятно всего 1000 заключенных концентрационного лагеря были использованы в качестве подопытных. Очень много из этих лиц являлись гражданами стран иных чем Германия, которые не вызывались добровольцами для экспериментов. Достоверными доказательствами установлено, что приблизительно 80 подопытных умерли в качестве прямого результата экспериментов и что ещё больше стали жертвами от причин непосредственно последовавших за экспериментами, включая немцев граждан.

В отношении участия Розе в этих экспериментах, материалы дела показывают следующее: подсудимый Розе ряд лет был знаком с Шиллингом, являлся его преемником на посту занимаемом Шиллингом в институте Роберта Коха. 3 февраля 1941 Розе, писал Шиллингу, тогда находившемуся в Италии, ссылаясь на письмо полученное от Шиллинга, в котором он просил «малярийные селезёнки» (селезёнки взятые из тел лиц которые умерли от малярии). Розе в ответ попросил информации о точном характере требуемого материала. Шиллинг написал 4 апреля 1942 из Дахау, Розе в Берлин, заявив о том, что он ввёл лицу внутримышечно спороциды из слюнных желёз самок малярийный комаров, которых Розе направил ему. Письмо продолжает:

«Для второй вакцинации у меня не было материала спороцидов, потому что я ещё не располагаю штаммом Розе в малярийных комарах. Если бы вы могли направить мне немного малярийных комаров инфицированных штаммом Розе в течение нескольких дней (в последней поставке 2 из 10 комаров были инфицированы), я бы смог продолжить данный эксперимент и естественно был бы крайне благодарен вам за эту новую поддержку моей работы.

«Разведение комаров и эксперименты проходят удовлетворительно; сейчас я работаю с третичным штаммами.

Письмо содержит рукописную надпись «закончено 17 апреля 1942 L.g. PO 17/4, которое явно раскрывает, что Розе выполнил просьбу Шиллинга по предоставлении материала.

Шиллинг снова писал Розе из малярийной станции Дахау 5 июля 1943, благодаря Розе за его письмо и «доставку яиц». Письмо продолжает:

«Пять процентов из них оказались в воде и поэтому непригодны для развития; остальные вылупились почти на 100 процентов.

«Благодаря вашему беспокойству, вновь завершено моё разведение.

«Несмотря на данный факт, я принимаю с огромным удовольствием ваше предложение о направлении мне избытка яиц. Как вы перешлёте эту посылку? Результат будет ещё лучше!

«Пожалуйста передайте госпоже Ланге, которая видимо занимается своим разведением с большим умением и лучшими успехами чем заключенный Август, мою огромную благодарность за её затруднения»

«Вновь искренне благодарю вас!»

«Заключенный Август» упоминавшийся в письме несомненно являлся свидетелем Августом Вивегом, который дал показания трибуналу об экспериментах с малярией.

Розе написал Шиллингу 27 июля 1943 в ответ на его письмо от 5 июля 1943, сказав о том, что рад тому, что партия яиц прибыла в хорошем состоянии и оказалась полезной. Он также предоставил информацию о том, что последует ещё одна доставка яиц малярийных комаров.

Осенью 1942 Розе присутствовал на «конференции по холоду» проходившей в Нюрнберге и слышал лекцию Хольцлохнера об экспериментах с обморожением, которые проводились в Дахау. Розе свидетельствовал о том, что после конференции, он разговаривал с Хольцлохнером, который рассказал ему о том, что проводил физиологические эксперименты на людях которые тяжким бременем легли на него, добавив, что он надеялся больше никогда не получать другого приказа о проведении таких экспериментов.

Невозможно поверить в то, что в течение 1942 и 1943 годов Розе был не осведомлён об экспериментах с малярией на людях, которые проводились в Дахау Шиллингом, или поверить Розе о невинности сведений о том, что исследования малярии не ограничивались только вакцинациями для цели иммунизации вакцинированных лиц. Напротив, ясно, что Розе хорошо знал о том, что людей использовали в концентрационном лагере для целей медицинских экспериментов.

Однако, никакого судебного решения как по виновности или невинности не будет вынесено в отношении Розе за преступное участие в этих экспериментах, по следующей причине: при подготовке пунктов два и три обвинительного заключения обвинение избрало такую форму прошения, которая обвиняла всех подсудимых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, в целом, и в то же время именуя в каждом абзаце относящимся к медицинским экспериментам только тех подсудимых в отдельности, которым вменялась особая ответственность по конкретному эпизоду.

На наш взгляд, это образует, список эпизодов и по сути, заявление для подсудимых о том, что им следовало учитывать в своей защите, таким образом, чтобы только такие лица были вызваны для защиты самих себя по отдельным эпизодам. В списке имён тех подсудимых которым вменялась особая ответственность за эксперименты с малярией, имя Розе отсутствует. Мы думаем, что было бы совершенно несправедливо для подсудимого признавать его виновным за правонарушение по которому обвинительное заключение утвердительно указывало на его невиновность.

Это не означает, что доказательства представленные обвинением являлись недопустимыми в отношении обвинений действительно предъявленных Розе. Мы думаем, что они имеют доказательственную ценность в качестве подтверждения факта о сведениях Розе об экспериментах на людях в концентрационных лагерях.

Эксперименты с тифом

Эти эксперименты проводились в концентрационных лагерях Бухенвальд и Нацвейлер, в период охватывающий с 1942 по 1945, в попытке получить эффективную защитную вакцину от тифа.

В экспериментальном блоке Бухенвальда, ответственный доктор Динг, инфицировал заключенных лагеря тифом для цели получения свежей крови от лиц болеющих тифом. Другие заключенные, некоторые ранее иммунизированные, а некоторые нет, инфицировались тифом для демонстрации эффективности вакцин. Все подробности данных экспериментов приводятся в приговоре.

Розе посещал Бухенвальд весной 1942, в сопровождении Гильдмайстера из института Роберта Коха. Тогда доктор Динг отсутствовал, заболев тифом в результате случайного заражения при инфицировании подопытных. Розе инспектировал экспериментальный блок, в котором видел много лиц болевших тифом. Он проходил через палаты и просматривал клинические истории болезни «...лиц с тяжёлыми случаями в контрольных случаях и...лёгкие случаи среди вакцинированных».

Дневник Динга, в датах 19 августа – 4 сентября 1942, ссылается на использование вакцин для иммунизации, говоря о том, что 20 лиц были заражены вакциной из Бухареста, с пометкой «данная вакцина была предоставлена профессором Розе, который получил её от флотского доктора, профессора Руге из Бухареста. Розе отрицал, что он, когда-либо направлял вакцину Мруговски или Дингу для использования в Бухенвальде. Мруговски из Берлина, 16 мая 1942 писал Розе следующее:

«Дорогой профессор:

«Главный врач СС и полиции согласовал проведение экспериментов для тестирования тифозных вакцин. Поэтому я запрашиваю вас о возможности получения мною этих вакцин.

«Другой вопрос который вы подняли, о том может ли вошь быть заражена от тифозного пациента вакцинированного для защиты, также следует рассмотреть. В принципе, это также подтвердилось. Однако, есть некоторые трудности в настоящее время, для практического исполнения, так как у нас нет возможностей для разведения вшей».

«Ваше предложение об использовании Ольши направлено в кадровый отдел медицинского управления СС. Оно будет рассмотрено надлежащим образом».

Из пометки на письме, видно, что Розе отсутствовал в Берлине и его возвращения не ожидалось до июня. Однако письмо ссылается на предшествующий контакт с Розе и некоторые предложения сделанные им, которые очевидно касались медицинских экспериментов на людях. Розе признал, что он переслал бухарестскую вакцину для тестирования в Бухенвальде.

На конференции консультирующих врачей Вермахта проводившейся в мае 1943 Динг сделал доклад в котором он описывал эксперименты с тифом проводимые в Бухенвальде. Розе слышал доклад на конференции и затем сильно возражал методам использованным Дингом при проведении экспериментов. Как можно представить, данный протест создал значительную дискуссию среди присутствовавших.

Дневник Динга показывает, что после этой конференции, в Бухенвальде по инициативе подсудимого Розе проводились эксперименты. Запись от даты 8 марта 1944, которая относится к «тифозной экспериментальной серии VIII», гласит следующее:

«Предложенная полковником мед. службы воздушных сил, оберстарцтом, профессором Розе вакцина «Копенгаген» (вакцина Ипсен-Мурена), изготовленная из печени мыши национальным институтом сыворотки в Копенгагене, была протестирована на совместимость с людьми. 20 лиц были вакцинированы для иммунизации внутримышечной инъекцией...10 лиц были отобраны для контроля и сравнения. 4 из 30 лиц были исключены до начала искусственного инфицирования, из-за обострения болезни...остальные подопытные были инфицированы 16 апр 44 подкожной

инъекцией 1/20 мл свежей тифозной крови... Заболели следующие: 17 лиц иммунизованных; 9 средне, 8 серьезно; 9 контрольных лиц; 2 средне, 7 серьезно... 2 июня 44: Экспериментальная серия завершена. 13 июня 44: Таблица и истории болезней составлены и направлены в Берлин. 6 смертей (3 Копенгаген, 3 контроль). Доктор Динг».

Давая показания, Розе решительно оспаривал верность этой записи дневника Динга и прямо отрицал, что он направлял копенгагенскую вакцину Мруговски или Дингу для использования в Бухенвальде. Обвинение ответило на данное возражение, приобщив в качестве доказательства письмо Розе Мруговски датированное 2 декабря 1943 в котором Розе заявлял о том, что у него есть ряд образцов новой мышинной тифозной вакцины изготовленной из печени мышей, которая при экспериментах на животных показала себя более эффективной чем вакцина изготовленная из лёгких мышей. Письмо продолжалось:

«С целью установления того следует ли использовать эту первую мышинную вакцину для защитной вакцинации людей против тифозных вшей, было бы желательно понять покажет ли данная вакцина в вашем и Динга учреждении в Бухенвальде эффект похожий на классические вирусные вакцины. Вы могли бы провести такой эксперимент? К сожалению, я не смог до вас дозвониться. Учитывая медленную почтовую переписку я буду благодарен ответу по телефону...»

Письмо налицо показывает, что оно было переслано Мруговски Дингу, который уведомил о получении 21 февраля 1944.

На перекрестном допросе, когда Розе представили письмо, он признал своё авторство, и то, что он просил, чтобы эксперименты проводились Мруговски и Дингом в Бухенвальде.

Тот факт, что Розе активно и материально содействовал экспериментам Динга-Мруговски в Бухенвальде явно установлен доказательствами.

Доказательства также показывают, что Розе активно сотрудничал в экспериментах с тифом проводившихся Хаагеном в интересах Люфтваффе в концентрационном лагере Нацвейлер.

Из экземпляров в материалах дела, установлено, что Розе и Хааген вели переписку в течение июня месяца 1943 о производстве вакцины от тифа. 5 июня 1943 Хааген написал Розе письмо подтверждающее телефонный разговор между ними двумя и ссылающийся на письмо от некоего Жиро со ссылкой на вакцину, использовавшуюся на кроликах. Несколько дней спустя Розе ответил, благодаря его за его письма от 4 и 5 июня и за «любезное выполнение моей просьбы». Материалы

дела дают понять, что использование фразы «любезное выполнение моей просьбы» означало просьбу Розе начальнику медицинской службы Вермахта о приказе, о производстве тифозной вакцины для вооруженных сил в восточном районе.

4 октября 1943 Хааген снова писал Розе о своих планах по производству вакцины, ссылаясь на письмо с докладом Розе о вакцине Ипсена. Хааген заявил о том, что уже докладывал Розе о результатах экспериментов на людях и выразил своё сожаление тому, что до даты письма, он не смог «провести инфекционные эксперименты на вакцинированных лицах». Он также заявил о том, что он попросил «Аненербе» предоставить подходящих лиц для вакцинации, но не получил ответа; о том, что он затем вакцинировал других людей и результаты будут позднее. Он закончил, выразив своё пожелание и потребность в подопытных для тестовых вакцинаций, и предложил, чтобы при получении подопытных, проводились параллельные тесты с вакциной указанной в статье и тесты Ипсена.

Мы думаем, что единственный обоснованный вывод, который можно сделать из данного письма заключается в том, что Хааген предложил протестировать эффективность вакцинаций, которые завершил, которые могли быть закончены только инфицированием вакцинированных подопытных вирулентным патогенным вирусом.

В письме написанном Розе и датированным «в поле, 29 сентября 1943», направленному предприятию Беринг в Марбург/Лан, Розе заявлял о том, что он прилагает меморандум относительно отчётов доктора Ипсена о его опыте в производстве тифозной вакцины. Копия данного отчёта, приобщена в качестве доказательства, Розе соответственно заявил о том, что он предложил, и Ипсен пообещал, что ряд образцов печёночной вакцины Ипсена будут направлены Розе с целью тестирования их защитной эффективности на людях, чьи жизни находились в особой опасности. Копии этого отчёта были пересланы Розе в несколько учреждений, включая находившееся под руководством Хаагена.

В ноябре 1943, 100 заключенных были перевезены в Нацвейлер из которых 18 умерли во время перевозки. Остальные находились в настолько плохом состоянии, что Хааген посчитал их непригодными для своих экспериментов и дополнительно попросил здоровых заключенных через доктора Хирта, который являлся членом «Аненербе».

Розе писал Хаагену 13 декабря 1943 говоря среди прочих вещей: «Я прошу о том, чтобы при получении лиц для вакцинации в вашем эксперименте, ваш запрос соответствовал количеству лиц для вакцинации вакциной «Копенгаген». Это имеет преимущество, так как также видно из экспериментов Бухенвальда, что

тестирование разных вакцин одновременно, ясно показывает их ценность нежели тестирование только одной вакцины».

Есть ещё больше доказательств связывающих Розе с сериями экспериментов проводимых Хаагеном, но мы далее не обременяем ими приговор. Будет достаточным сказать, что доказательства убедительно подтверждают, что Розе прямо был связан с преступными экспериментами проводимыми Хаагеном.

Несомненно, при начале экспериментальной программы начатой в концентрационных лагерях, Розе мог озвучивать некоторые решительные возражения. Однако, в конце, он преодолел сомнения и осознанно принял в программе активное и согласованное участие. Он пытался оправдать свои действия на основе того, что государство может законно приказать эксперименты проводимые на лицах приговорённых к смерти в независимости от факта, что такие лица могут отказаться предоставлять себя в качестве подопытных. Такая защита полностью упускает положение преобладающего предмета. Как мы отмечали в деле подсудимого Гебхардта, какими бы не являлись условия закона в отношении медицинских экспериментов проводимых государством или посредством него на своих собственных гражданах такая вещь не санкционируется международным правом, при применении к гражданам или лицам на оккупированной территории.

Мы воспользовались каждой презумпцией в пользу подсудимого, но его позиция недостаточно обоснована перед лицом преобладающих доказательств против него. Его сознательная низость явно раскрыта заявлением сделанным им при завершении перекрёстного допроса следующим языком:

«Я знал о том, что такие эксперименты проводились ранее, хотя я в целом возражал таким экспериментам. Данный институт был создан в Германии и одобрялся государством и покрывался государством. В тот момент, я находился в положении, которое соответствует адвокату, который, наверно, является основным оппонентом смертной казни. По случаям, когда он работал с ведущими членами правительства или с адвокатами во время публичных конгрессов или собраний, он сделал бы всё в его власти, для того, чтобы поддерживать своё мнение о предмете и добиться его внедрения. Однако, если, он не добился успеха, несмотря на это, он оставался в профессии и своём окружении. В таких обстоятельствах, он наверно вынужден был бы объявить себе самому смертный приговор, хотя он в основном являлся принципиальным оппонентом».

Трибунал установил, что подсудимый Розе являлся исполнителем, пособником, приказывал, содействовал, принимал согласованное участие и был

связан с планами и мероприятиями включавшими медицинские эксперименты на немецких гражданах без их согласия, в ходе которых совершались убийства, жестокости, мучения, пытки, издевательства и иные бесчеловечные деяния. В той мере в которой эти преступления не являются военными преступлениями они являются преступлениями против человечности.

Вывод

Трибунал признаёт подсудимого Герхарда Розе виновным по пунктам два и три обвинительного заключения.

Руфф, Ромберг и Вельц

Подсудимым Руффу, Ромбергу и Вельцу в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения вменяется особая ответственность и соучастие в экспериментах с большой высотой.

Подсудимому Вельцу также в соответствии с пунктами два и три вменяется особая ответственность и соучастие в экспериментах с обморожением.

В той мере в которой доказательства в материалах дела относятся к экспериментам с большой высотой, дела трёх подсудимых будут рассмотрены совместно.

Подсудимый Руфф специализировался в сфере авиационной медицины с завершения своего медицинского образования в Берлине и Бонне в 1932. В январе 1934 он был направлен в Германский институт экспериментальной авиации, гражданское ведомство, для того, чтобы создать отделение авиационной медицины. Позднее он стал начальником отделения.

Подсудимый Ромберг вступил в НСДАП в мае 1933. С апреля 1936 по 1938 он проходил интернатуру в качестве ассистента врача в берлинском госпитале. 1 января 1938 он поступил в штат Германского экспериментального учреждения по авиации в качестве ассистента подсудимого Руффа. Он оставался подчинённым Руффа до конца войны.

Подсудимый Вельц многие годы являлся специалистом по работе с рентгеном. В 1935 году он получил назначение в качестве доцента в сфере авиационной медицины в университет Мюнхена. В то же время он учредил небольшое экспериментальное отделение в институте физиологии университета

Мюнхена. Вельц был доцентом в университете до 1945; в то же время он проводил исследовательскую работу в институте.

Летом 1941 экспериментальное отделение института физиологии университета Мюнхена, был принят Люфтваффе и переименовано в «институт авиационной медицины в Мюнхене». Вельц был назначен директором института, Гиппке, тогдашним начальником медицинской инспекции Люфтваффе. В качестве директора данного института, в дисциплинарных целях Вельц был подчинён воздушному округу № VII в Мюнхене. В научных вопросах он подчинялся напрямую Антони, начальнику отдела авиационной медицины в ведомстве медицинской инспекции Люфтваффе.

Эксперименты с большой высотой

Преобладают непротиворечивые доказательства того, что эксперименты включающие воздействие низкого давления на живых людей проводились в Дахау с последней части февраля по май 1942. В некоторых из этих экспериментов в наиболее жестоких и бесчувственных условиях было убито много людей. Некий доктор Зигмунд Рашер, офицер Люфтваффе, являлся зачинщиком экспериментов которые приводили к смерти подопытных. Обвинение утверждает, что Руффа, Ромберг и Вельц уголовно причастны к этим экспериментам.

Вина подсудимого Вельца, как говорится заключается в той причине, что согласно теории обвинения, Вельц, в качестве главной фигуры, предложил эксперименты, подготовил их проведение в Дахау и собрал вместе Руффа, Ромберга и Рашера. Вина Руффа и Ромберга заключается в той причине, что они, как говорится сотрудничали с Рашером в проведении экспериментов. Доказательства о подробностях вопроса являются следующими:

Поздним летом 1941 вскоре после передаче института Вельца Люфтваффе, Гиппке, начальник медицинской службы Люфтваффе, принципиально одобрил, исследовательское поручению Вельцу в связи с проблемой спасения лётчиков на больших высотах. Это требовало использования человеческих подопытных. Вельц стремился из разных источников обеспечить добровольных подопытных для исследований; однако, ему это не удалось.

Рашер, один из младших приближённых Гимmlера, тогда являлся ассистентом в институте. Он, Рашер, предложил возможность получения согласия Гимmlера на эксперименты в Дахау. Вельц ухватился за предложение, и соответственно подготовка в этом направлении была завершена, Гимmlер дал своё согласие на проведение экспериментов на заключенных концентрационного лагеря

приговорённых к смерти, но только при прямом условии, что Рашер будет включён в качестве одного из сотрудников в исследовании.

Рашер не являлся экспертом в авиационной медицине. Руфф являлся ведущим немецким учёным в данной сфере и Ромберг был его главным ассистентом. Вельц чувствовал ранее, что он сможет приступить к своим исследованиям с этими людьми убедив их участвовать в мероприятии. Он посетил Руффа в Берлине и объяснил предложение. Впоследствии Руфф и Ромберг прибыли в Мюнхен, где проводилось совещание с Вельцом и Рашером по обсуждению технического характера предполагаемых экспериментов.

Согласно показаниям Вельца, Руффа и Ромберга, основным соображением, которое руководило ими при использовании заключенных концентрационного лагеря в качестве подопытных был тот факт, что заключенные которых приговорили к смертной казни получают некую форму смягчения в случае если они выживут в экспериментах. Рашер, который был активен на совещании, заверил подсудимых в том, что это также является одним из условий на которых Гиммлер разрешил использование заключенных лагеря в качестве подопытных.

Решения, принятые на совещании были доведены до Гиппке, который дал своё одобрение провести эксперименты в Дахау и отдал приказ о том, чтобы передвижная барокамера, которая находилась в распоряжении Руффа в отделении авиационной медицины в Берлине, была перевезена в Дахау для использования в проекте.

Второе совещание прошло в Дахау, в присутствии Руффа, Ромберга, Вельца и Рашера и коменданта лагеря, для проведения необходимой подготовки к проведению экспериментов. Передвижная барокамера затем была доставлена в Дахау и 22 февраля 1942 началась первая серия экспериментов.

Вельц являлся начальником Рашера; Ромберг являлся подчинённым Руффа. Рашер и Ромберг были лично ответственными за проведение экспериментов. Не имеется доказательств показывающих, что Вельц, когда-либо присутствовал при каком-либо из этих экспериментов. Руфф посещал Дахау только один день в течение ранней части экспериментов, но впоследствии оставался в Берлине и получал информацию о прогрессе экспериментов только от своего подчинённого Ромберга.

Имеются доказательства из которых можно обоснованно сделать вывод о том, что с начала программы между Вельцем и его подчинённым Рашером возникло личное трение. Показания Вельца заключаются в том, что по нескольким поводам он запрашивал у Рашера докладов о прогрессе экспериментов и каждый раз Рашер говорил Вельцу о том, что ещё ничего не началось в плане исследований. Наконец Вельц приказал Рашеру сделать доклад; соответственно Рашер показал своему

начальнику телеграмму от Гиммлера, которая заявляла, например о том, что эксперименты проводимые Рашером являются совершенно секретным вопросом и о том, что отчёты не должны предоставляться никому кроме Гиммлера. Из-за такой ситуации Вельц перевёл Рашера в отделение ДВЛ в Дахау. Подсудимый Ромберг заявил о том, что эти эксперименты вскоре прекратились после их начала, адъютантом министерства авиации Рейха, из-за трения между Вельцем и Рашером, и о том, что эксперименты возобновились только после перевода Рашера из института Вельца.

При том, что убедительными являются доказательства того, что Вельц участвовал в начальных приготовлениях для экспериментов и собрал все стороны вместе, не является явным, что планировались или проводились незаконные эксперименты при том, что Рашер являлся подчинённым Вельца или том, что он знал о том, что эксперименты которые Рашер может проводить в будущем будут незаконными или преступными.

Установлено наличие двух разных групп заключённых использовавшихся в экспериментальных сериях. Одной являлась группа в 10-15 заключённых известных как «показательные пациенты» или «постоянные подопытные». Большинство из них, если не все, являлись немецкими гражданами, которые содержались в лагере как уголовные преступники. Этим людей разместили совместно и хорошо кормили и разумно удовлетворяли. Никто из них не умер и не получил увечий в результате экспериментов. Другая группа включала 150-200 подопытных случайно выбранных в лагере и использовавшихся в экспериментах без их разрешения. От 70 до 80 из них были убиты во время экспериментов.

Подсудимые Руфф и Ромберг утверждают, что в Дахау проводились две отдельные и разные экспериментальных серии; первая проводилась ими с использованием «показательных подопытных», в связи с проблемой спасения с больших высот, в которой не случилось никаких увечий; другая проводилась Рашером на большой группе недобровольцев случайно выбранной в лагере, для тестирования границ человеческой выносливости на крайне больших высотах, в которых подопытные в большом количестве умирали.

Обвинение выступает за то, что никакого явного разграничения нельзя провести между экспериментами которые, как говорится, проводились Руффом и Ромбергом, с одной стороны, и Рашером с другой, или к заключённым, которых использовали для экспериментов в качестве подопытных; то что Ромберг – и Руфф как его начальник – несут равную вину с Рашером за все эксперименты в которых происходили смерти подопытных.

В поддержку данного предположения представители обвинения приводят факт, что Рашер всегда присутствовал, когда Ромберг проводил работу в барокамере; о том, что по крайней мере в трёх случаях Ромберг находился у камеры, когда случались смерти так называемых подопытных Рашера, уже отобранных для экспериментов. Оно также отмечает, что, в секретном предварительном отчёте Рашера Гиммлеру, который говорит о смертях, Рашер упоминает имя Ромберга как сотрудника по исследованиям. Наконец оно отмечает тот, факт, что после завершения экспериментов Ромберг был рекомендован Рашером и Зиверсом к Кресту военных заслуг за работу проделанную с ним в Дахау.

Вопрос виновности или невиновности этих подсудимых является близким; мы были бы менее чем справедливы не соглашаясь с данным фактом. Нельзя отрицать того, что в материалах дела имеется много, что создаёт тяжкое подозрение в том, что подсудимые Руфф и Ромберг были причастны к преступным экспериментам в Дахау. Однако, по сути все доказательства, которые указывают на это являются по характеру косвенными. С другой стороны, не была опровергнута определённая чёткость, определённая логика в истории рассказанной подсудимыми. И некоторые части истории подтверждаются фактами из доказательств представленных обвинением.

Ценность косвенных доказательств зависит от убедительного характера и тенденции обстоятельств полагаться на установление какого-либо оспариваемого факта. Обстоятельства не только должны включать вину, но они должны быть несогласуемыми с невиновностью. Такие доказательства не являются достаточными, когда, предполагаются как правдивые некоторые иные обоснованные гипотезы невиновности; так, это исключает любую возможную гипотезу виновности, которая может быть обоснована только с учётом доказательств. Следовательно, перед тем как суд установит, что подсудимый виновен только на основании косвенных доказательств, доказательства должны показать настолько хорошо обоснованную и непрерывную цепочку обстоятельств, чтобы исключить все иные разумные гипотезы, кроме той, что подсудимый виновен. Какие обстоятельства могут считаться подтверждающими, никогда не является вопросом общего определения. В окончательном анализе достаточно правовая проверка о том достаточно ли доказательств, без обоснованных сомнений, для понимания и совести тех, кто следуя своей торжественной присяге офицеров, должен принимать ответственность за установление фактов.

По данному эпизоду, трибунал убеждён в том, что подсудимые Руфф, Ромберг и Вельц должны быть признаны невинными.

Эксперименты с обморожением

Кроме экспериментов с большой высотой, подсудимый Вельц обвиняется в экспериментах с обморожением, также проводившихся в Дахау в интересах германских Люфтваффе. Они начались в лагере по завершении экспериментов с большой высотой и проводились Хольцлохнером, Финке и Рашером, все из которых являлись офицерами Люфтваффе. Немецких граждан убивали в этих экспериментах.

Мы думаем, что совершенно возможно, что Вельц имел сведения об этих экспериментах, но не имеется достаточных доказательств подтверждающих его участие в них.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Зигфрида Руффа невиновным по пунктам два и три обвинительного заключения и распоряжается о том, чтобы он был освобождён из заключения по завершении судебного заседания.

Военный трибунал I признаёт подсудимого Ганса Вольфганга Ромберга невиновным по пунктам два и три обвинительного заключения и распоряжается о том, чтобы он был освобождён из заключения по завершении судебного заседания.

Военный трибунал I признаёт подсудимого Георга Августа Вельца невиновным по пунктам два и три обвинительного заключения и распоряжается о том, чтобы он был освобождён из заключения по завершении судебного заседания.

Брак

Подсудимому Браку вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения личная ответственность и соучастие в экспериментах стерилизации и программе эвтаназии Германского Рейха. В соответствии с пунктом четыре подсудимому вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС.

Подсудимый Брак поступил в артиллерийское подразделение СА в 1923 и стал членом НСДАП и СС в 1929. В течение всей своей карьеры в партии он был активен в высших официальных кругах. Он поступил на постоянную службу в Коричневом доме, нацистской штаб-квартире в Мюнхене, летом 1932. В следующем году он был назначен в штат Боулера, управляющего делами НСДАП в Мюнхене. Когда в 1934 Боулер стал начальником канцелярии фюрера НСДАП, Брак был

переведён из Коричневого дома в ведомство Боулера в Берлине. В 1936 Брак стал ответственным за отдел 2 в канцелярии фюрера в Берлине, этот отдел занимался изучением полученных для фюрера жалоб со всей Германии. Позднее он стал заместителем Боулера в отделе 2. В этом качестве он часто путешествовал по различным гау для цели получения информации из первых рук по вопросам которые интересовали Боулера.

Брак был повышен до звания штурмбаннфюрера СС в 1935 и в апреле 1936 звания оберштурмбаннфюрера. В следующем сентябре он стал штандартенфюрером СС и был переведён в штат главного управления СС в Берлине в ноябре. В ноябре 1940 он был повышен до звания оберфюрера.

В 1942 Брак вступил в Ваффен-СС и в течение позднего лета того года находился на действительной службе в дивизии Ваффен-СС. Он видимо оставался на действительной службе до конца войны.

Эксперименты стерилизации

Преследование евреев стало установленной нацистской политикой вскоре после начала Второй мировой войны. В 1941 это преследование дошло до этапа уничтожения евреев, как в Германии так и на оккупированных территориях. Данный факт подтверждён самим Браком, который свидетельствовал о том, что ему говорил Гиммлер, о том, что он Гиммлер получил личный приказ в этом отношении от Гитлера.

Материалы дела показывают о том, что ведомства организованные для так называемой эвтаназии неизлечимо больных использовались для этого кровавого погрома. Позднее, из-за срочной необходимости в рабочих для Германии, было решено не убивать евреев пригодных для работы, а в качестве альтернативы стерилизовать их.

В таком направлении Гиммлер проинструктировал Брака запросить врачей, которые участвовали в программе эвтаназии о возможности метода стерилизации лиц без сведений жертвы. Брак работал над поручением, с результатом того, что в марте он направил Гиммлеру свой подписанный отчёт о результатах экспериментов по стерилизации людей посредством рентгеновского излучения. В отчёте предлагался метод, при котором стерилизации рентгеновским излучением можно было добиться без осведомленности лиц об операции.

23 июня 1942 Брак написал следующее письмо Гиммлеру:

«Дорогой рейхсфюрер:

«...Среди 10 миллионов евреев в Европе есть, по моим подсчётам, как минимум от 2-3 миллиона мужчин и женщин пригодных для работы. Учитывая чрезвычайные трудности в рабочей проблеме в настоящее время, я разделяю взгляд на то, что эти 2-3 миллиона следует специально отобрать и сохранить. Однако, это можно сделать только если в тоже время они станут непригодными для размножения. Почти год назад я доложил вам о том, что мои сотрудники завершили эксперименты необходимые для этой цели. Я хочу напомнить эти факты ещё раз. Стерилизация, обыкновенно проводимая на лицах с наследственными заболеваниями, в данном случае не обсуждается, потому что она является слишком длительной и слишком дорогостоящей. Однако, кастрация, рентгеновским излучением является не только сравнительно дешёвой, но также может быть проведена на многих тысячах за кратчайшее время. Я думаю, что в настоящее время, уже не столь важен вопрос о том будут ли люди знать о том, что были кастрированы спустя несколько недель или месяцев, при возникновении последствий.

Рейхсфюрер, если вы выберёте данный способ сохранения рабочих, тогда рейхсляйтер Булер подготовит для вас врачей и весь иной требуемый персонал. Он также попросил меня проинформировать вас о том, что в таком случае я смогу очень быстро заказать требуемую аппаратуру.

Хайль Гитлер!

Ваш

[Подпись] Виктор Брак»

Брак свидетельствовал о том, что тогда, когда писал это письмо он был уверен в том, что Германия победит в войне.

Гиммлер ответил на письмо Брака 11 августа 1942. В ответе Гиммлер распорядился о том, чтобы стерилизация посредством рентгеновского излучения была испытана по крайней мере в одном концентрационном лагере в серии экспериментов и о том, чтобы Брак передал в его распоряжение экспертных врачей для проведения этой операции.

Бланкенбург, заместитель Брака ответил на письмо Гиммлера и заявил о том, что Брак был переведён в дивизию СС, но что он, Бланкенбург, в качестве постоянного заместителя Брака «немедленно предпримет необходимые меры и свяжется с начальниками главных управлений концентрационных лагерей».

Польский еврей свидетельствовал трибуналу о том, что при заключении в концентрационном лагере Аушвиц он маршировал к Биркенау и принудительно подвергся сильному рентгеновскому воздействию и был кастрирован позднее для того, что можно было изучить эффекты рентгеновского излучения.

Французский врач еврейского происхождения, которых находился в Аушвице с сентября 1943 по январь 1945, свидетельствовал о том, что возле Аушвица находился лагерь Биркенау в котором людей стерилизовали доктора СС. Около 100 мужчин поляков были стерилизованы в Биркенау в присутствии свидетеля операции. Позднее данная группа была кастрирована лагерными врачами.

Материалы дела содержат доказательства из которых прямо видно, что стерилизация посредством рентгеновского излучения проводилась на лицах которым соответственно причинялась боль; и о том, что после рентгеновской процедуры происходила кастрация.

Участие Брака в организации программы стерилизации с полными сведениями о том, что она исполняется, убедительно показано доказательством.

Программа эвтанази

Программа эвтанази, которая была введена в действие секретным распоряжением Гитлера в день, когда Германия вторглась в Польшу, подробно обсуждалась в приговоре по делу против Карла Брандта.

Брак утверждает, что он в целом противостоял данной программе и что по этому поводу он помогал неким еврейским друзьям избежать её последствий. Как бы то ни было, при доказательствах того, что вообще чувства Брака распространялись на отдельных представителей расы, он совершенно добровольно действовал как важный администратор в поощрении программы эвтанази. После её начала, он написал письмо различным общественным чиновникам, объясняя им о том как сохранить вопрос в тайне и избегать публичных чувств против программы.

Это хорошо показано собственными заявлениями Брака. Давая показания он свидетельствовал о том, что при том, что он не понимал полного воплощения программы, он решил после разговора с Боулером, сотрудничать в осуществлении задачи и исполнять приказы Боулера.

Он участвовал в начальных совещаниях для цели проведения проекта. Он присутствовал на совещаниях экспертов, также как и на административных

обсуждениях. Он часто действовал в качестве представителя Боулера, часто принимая решения которые требовали личного суждения и широкого усмотрения.

Брак признал, что такой была его деятельность в программе, из чего можно сделать вывод о том, что он являлся влиятельным человеком в эвтаназии.

В качестве заместителя Боулера он обратился к совещанию в Мюнхене, на котором он объяснил задачу распоряжения Гитлера и упомянул проект закона, которые готовился для завершения законного санкционирования эвтаназии – закона, который, между тем никогда не был принят. Он представлял Боулера в апреле 1941 на совещании в присутствии нацистских судей и прокуроров. Он свидетельствовал о том, что министерство юстиции значительно волновала программа эвтаназии, и что он присутствовал на совещании для цели доведения информации касавшейся полезных особенностей эвтаназии для тех кто присутствовал.

Брак довёл до трибунала значительную информацию о методе касавшемся уничтожения эвтаназией, заявив о том, что программа была настолько проработанной, обеспечивая процесс скрытно и безболезненно. В декабре 1939 или январе 1940, Брак, Боулер, Конти и некоторые другие доктора присутствовали при применении эвтаназии к четырём подопытным. Жертв заводили в газовую камеру, которую перестроили из душевой комнаты. Пациенты садились на скамьи и отравляющий газ пускали в камеру. Несколько секунд спустя пациенты становились сонными и наконец погружались в смертельный сон даже не зная того, что их казнят. На основе такой казни «Гитлер решил, что только угарный газ должен использоваться для убийства пациентов». Согласно Браку эти лица не являлись евреями, потому что Боулер объяснял ему, что «филантропическая акция эвтаназии должна распространяться только на немцев».

Явными являются доказательства того, что программа эвтаназии объяснённая подсудимым, постепенно переросла в «акцию 14 ф 13», которая, коротко говоря, опиралась на уничтожение заключённых концентрационных лагерей методами и службами использовавшимися в эвтаназии. Одним из основных мотивов программы являлось уничтожение «беспольных едоков», для того, чтобы сохранить продовольствие, госпитальные возможности, докторов и медицинских сестёр для более важного использования германскими вооружёнными силами. Многие граждане стран иных чем Германия были убиты.

Прямая связь Брака в соучастии в осуществлении эвтаназии убедительно подтверждается доказательствами из материалов дела.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения подсудимому Браку вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Доказательства показывают, что Брак стал членом СС в 1929 и добровольно оставался в данной организации до конца войны. В качестве члена СС он был уголовно причастен к совершению военных преступлений и преступлений против человечности, в соответствии с пунктами два и четыре обвинительного заключения.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Виктора Брака виновным по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

Бекер-Фрейзинг

Подсудимому Бекер-Фрейзингу вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения личная ответственность и соучастие в экспериментах с большой высотой, обморожением, сульфаниламидом, морской водой, эпидемической желтухой и эксперименты с тифом.

Обвинение отозвало все обвинения за исключением экспериментов с большой высотой, морской водой и экспериментов с тифом, следовательно они будут рассмотрены.

Подсудимый Бекер-Фрейзинг вступил в нацистскую партию в 1933. В 1940 он был призван в Люфтваффе. В 1943 он был повышен до звания штабсарцта в Люфтваффе.

С августа 1941 по май 1944 подсудимый являлся консультантом Антони, начальника отдела авиационной медицины в Берлине. Данное ведомство занималось всеми вопросами касающимися авиационной медицины и докладывало начальнику медицинской службы Люфтваффе. Когда Шрёдер стал начальником медицинской службы Люфтваффе 1 января 1944, подсудимый стал консультантом по авиационной медицине в ведомстве Шрёдера.

Эксперименты с большой высотой

Как показано в приговоре, эксперименты с большой высотой в интересах Люфтваффе проводились в концентрационном лагере Дахау на немецких гражданах, начиная с февраля или марта 1942. Эти эксперименты были одобрены,

по крайней мере принципиально, Гиппке, начальником медицинской службы Люфтваффе. Передвижная барокамера, которая находилась во владении отделения авиационной медицины в Берлине, был перевезена в Дахау для использования в экспериментах. Заключенных концентрационных лагерей убивали при проведении экспериментов в камере.

Во время проведения экспериментов, подсудимый Бекер-Фрейзинг являлся консультантом Антони, начальника отдела авиационной медицины в Берлине. Все барокамеры в распоряжении Люфтваффе находились под общим контролем данного ведомства.

Обвинение представило, что материалы дела показывают, что Бекер-Фрейзинг являлся исполнителем, пособником, помогал и содействовал, принимал согласованное участие и был связан с планами и мероприятиями включающими проведение этих экспериментов.

Доказательства по данному обвинению не выглядят достаточными для предотвращения обоснованных сомнений о виновности подсудимого в участии в экспериментах.

Эксперименты с обморожением

Заявляется, что в июне 1942 Бекер-Фрейзинг был проинформирован из неких своих официальных материалов о проведении совещания по рассмотрению экспериментов по исследованию лечения лиц, которых сильно охлаждали или обмораживали, в Нюрнберге в следующем октябре (упоминается как «Холодный конгресс»). Утверждается, что директива по началу эксперимента исходила из ведомства отделения по авиационной медицине, о том, что фонды и оборудование обеспечивались этим ведомством и что Бекер-Фрейзинг имел сведения об экспериментах и то, что он признал такие сведения.

Что касается всего этого, явными являются доказательства того, что Бекер-Фрейзинг активно участвовал в организации и присутствовал на так называемом «Холодном конгрессе». Но кроме раскрытия доказательств требуется установить, что он имел какое-либо дальнейшее участие или связь с самими экспериментами или о том, что он имел какое-либо контролируемое отношение к их началу.

Эксперименты с тифом

Не являются достаточными доказательства раскрывающие какую-либо уголовную ответственность подсудимого Бекер-Фрейзинга в связи с экспериментами с тифом.

Эксперименты с морской водой

Мы обсуждали эксперименты с морской водой в той части приговора, которая касалась дела подсудимого Шрёдера. Как отмечалось там, Лютфваффе были доступны два метода пригодности для питья морской воды. Один, так называемый метод Шефера, был химически протестирован и видимо давал питьевую морскую воду; другой, так называемый процесс Берка, который изменял вкус морской воды, но не снижал содержание соли.

Бекер-Фрейзинг в качестве главного консультанта по авиационной медицине ведомства Шрёдера, подготовил совещание проведённое в мае 1944 для обсуждения тестирования двух методов. На совещании подсудимый докладывал о различных клинических экспериментах, которые проводились неким фон Сираньи по тестированию процесса Берки. Он пришёл к выводу о том, что эксперименты не проводились в достаточно реалистичных условиях морского бедствия для того, чтобы сделать убедительные выводы.

В результате совещания было решено провести новые эксперименты.

Мы узнали из отчёта о совещании, который приобщён в качестве доказательства, что должны были пройти две серии экспериментов. Первая, в максимальный период шести дней, в течение которого одна группа подопытных получит морскую воду обработанную методом Берка; вторая группа, обычную пресную воду; третья группа вообще никакой воды; четвертая группа, такую воду которая была доступна при аварии на море. В течение длительности эксперимента все лица должны были получать только аварийную морскую диету, такую как предусмотрена для лиц при бедствии на море.

Кроме 6-ти дневного эксперимента было установлено, что следует провести 12-ти дневный эксперимент. План для этой серии гласит следующее:

«Лица, употребляющие морскую воду и беркатит и в качестве диеты также аварийные пайки.

Длительность экспериментов: 12 дней.

Поскольку, по мнению начальника медицинской службы, стойкий вред здоровью – то есть, смерть подопытных – ожидается, следует использовать в качестве подопытных лиц предоставленных рейхсфюрером СС».

В письме датированном 7 июня 1944 Шрёдер запросил рейхсфюрера СС позволить ему использовать заключенных концентрационных лагерей для экспериментов с морской водой. Письмо говорило помимо прочего следующее:

«Так как эксперименты на людях до сих пор проводились лишь в периоде 4 дней, а практические требования для лечения пострадавших в море установлены в 12 дней, требуются необходимые эксперименты.

Требуются 40 здоровых подопытных, которые должны быть доступны на 4 полных недели. Так как по предыдущим экспериментам известно, что необходимые лаборатории существуют в концентрационном лагере Дахау, данный лагерь будет крайне удобным...»

Давая показания, подсудимый Бекер-Фрейзинг признал, что он готовил суть письма для подписи Шрёдера.

Таким образом, с действительными сведениями о процессе Берка и том, факте, что если его использовать продолжительное время, он вызовет страдания и смерть, Бекер-Фрейзинг совещался и советовался со своим начальником о необходимости экспериментов в которых должен был использоваться процесс. Он дал совет о точной процедуре которую следовало использовать в 6-ти дневных и 12-ти дневных экспериментальных сериях. Он подготовил письмо Гиммлеру запрашивающее использование заключенных концентрационного лагеря Дахау в качестве подопытных. Он вызвал подсудимого Бейгельбека в Берлин для объяснения ему подробностей и цели экспериментов. Он отдал приказ согласно которому Бейгельбек поехал в Дахау для начала экспериментов. Он получил отчёт Бейгельбека после завершения экспериментальных серий.

За всё время дела, с его начала до его завершения, подсудимый знал об опасном характере экспериментов. Он знал о том, что смерти обоснованно ожидалась. Он знал о том, что заключенных концентрационных лагерей использовали в качестве подопытных. Невозможно поверить в то, что он предполагал, что заключенные лагерей, которых предоставлял Гиммлер были бы добровольцами. Весь язык письма, написанного Гиммлеру с запросом подопытных, опровергает такой смысл.

Доказательства убедительно показали, что цыгане различных национальностей использовались в качестве подопытных. Они являлись бывшими заключенными Аушвица, которых обманом доставили в Дахау с обещанием того, что их используют в специальном трудовом батальоне. Когда они прибыли в Дахау их назначили на эксперименты с морской водой без их добровольного согласия.

В ходе эксперимента с многими подопытными обращались жестоко причинив боль и страдания.

Доказательствами установлено, что Бекер-Фрейзинг являлся преступно связан с экспериментами и то, что эксперименты по сути являлись преступными по своему характеру. В той мере в которой преступления совершённые при его полномочиях не являются военными преступлениями, они являются преступлениями против человечности.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Германа Бекер-Фрейзинга виновным по пунктам два и три обвинительного заключения.

Шефер

Подсудимому Шеферу вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения личная ответственность и соучастие в экспериментах с морской водой.

Конрад Шефер являлся учёным, чьей специальной областью исследований являлась химиотерапия. В ноябре 1941 он был призван в Люфтваффе. Весной следующего года он был переведён в учебную часть запаса Люфтваффе в Залове. Летом 1942 он был переведён в Берлин и назначен в штат исследовательского института авиационной медицины. Его главным поручением в институте было проведение исследований по проблеме чрезвычайных ситуаций на море. Это включало работу над различными методами пригодности для питья морской воды. Шефер оставался на своей должности в институте даже не получив офицерское звание.

В мае 1944 подсудимому было приказано присутствовать на совещании проводившемся в германском министерстве авиации в Берлине, созванном для рассмотрения дальнейших исследований по пригодности морской воды для питья. За несколько месяцев до совещания Шефер разработал процесс который действительно удалял соли из морской воды, но начальнику медицинской службы Люфтваффе он казался слишком громоздким и дорогим для военного использования Люфтваффе.

На совещании присутствовали: Бекер-Фрейзинг, советник по исследованиям Шрёдера; Христенсен из технического бюро министерства авиации Рейха; и другие. Предметом дискуссии была применимость процесса Шефера, или

переход к другому процессу известному как метод Берка. Последний метод, при том, что был дешёвым, не удалял соли из морской воды и являлся опасным для здоровья, при использовании продолжительное время – о чём Шефер, до совещания уже докладывал Шрёдеру. Несмотря на это, руководители совещания согласились провести эксперименты на заключенных концентрационных лагерей для того, чтобы установить в какой степени можно использовать метод Берка.

Проведенные впоследствии эксперименты подробно описывались при рассмотрении дела Шрёдера. Из-за своего присутствия на данном совещании, Шефер должен нести уголовную ответственность в связи с экспериментами с морской водой.

Материалы дела были внимательно исследованы трибуналом.

Мы не смогли установить, что Шефер являлся исполнителем или пособником или иным образом уголовно причастен или связан с указанными экспериментами. Фактически, материалы дела не смогли показать того, что подсудимый имел какое-либо отношение к этим экспериментам, за исключением своего присутствия на нескольких совещаниях, сторон которые были заинтересованы в них. Нигде в показаниях как и ни в каком другом месте не раскрыто, то, что Шефер выступал за начало или проведение экспериментов или каким-либо иным образом помогал в их исполнении.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Конрада Шефера не виновным по предъявленным обвинениям и распоряжается о том, чтобы он был освобождён из заключения по завершении судебного заседания.

Ховен

Подсудимому Ховену вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения особая ответственность и соучастие в тифозных и иных экспериментах с вакцинами, экспериментах с газовым отёком и программе эвтаназии. В соответствии с пунктом четыре ему вменяется членство, после 1 сентября 1939 в организации объявленной преступной Международным Военным Трибуналом.

Ховен вступил в СС в 1934 и нацистскую партию в 1937. Вскоре после начала войны он вступил в Ваффен-СС. В октябре 1939 он стал ассистентом медицинского офицера в госпитале СС в концентрационном лагере Бухенвальд. В

1941 он был назначен медицинским офицером ответственным за войска СС расквартированные в лагере. Он стал ассистентом медицинского офицера в госпитале заключенных лагеря и в июле 1942 он стал главным врачом лагеря. Он оставался в данной должности до сентября 1943. Тогда он был арестован по приказу полицейского суда СС в Касселе за предполагаемое убийство унтер-офицера СС, который являлся опасным свидетелем против Коха, коменданта лагеря.

Тифозные и другие эксперименты с вакцинами

Эксперименты с вакцинами которые вменяются Ховену проводились в Бухенвальде под надзором штурмбаннфюрера СС доктора Динга, также Динга-Шулера. Они уже подробно были описаны в иных частях приговора.

Обвинение показало без обоснованного сомнения, что Ховен являлся преступным участником этих экспериментов. В сотрудничестве с эсэсовской администрацией лагеря он помогал отбирать заключенных концентрационных лагерей, которые становились подопытными. В ходе отбора он осуществлял право включать одних заключенных и отвергать других. При том, что вероятно он не был уполномочен инициировать новые серии экспериментов под собственную ответственность – видимо это находилось только во власти Динга – подсудимый работал с Дингом в ходе экспериментов. Он надзирал за подготовкой дневниковых записей графиков лихорадки и отчётов об экспериментах. Между тем он вводил некоторым подопытным вакцины. Он действовал в качестве заместителя Динга при проведении экспериментов. Он командовал блоком 46 в отсутствие Динга. В течение периода деятельности Ховена на экспериментальной станции не менее 100 заключенных были убиты в результате экспериментов с тифом. Многие из этих жертв были немцами гражданами, которые не давали своего согласия на использование в качестве подопытных.

Эксперименты с газовым отёком

В письменных показаниях доктора Динга-Шулера, который являлся ответственным за блоки 46 и 50 Бухенвальда, утверждалось, что в конце 1942 в военно-медицинской академии в Берлине прошло совещание, с целью обсуждения смертельных эффектов сыворотки газового отёка на раненых лиц. В ходе совещания, Киллиан из медицинской инспекции армии и подсудимый Мруговски докладывали о нескольких случаях в которых раненые солдаты которые получали сыворотку газового отёка, в больших количествах внезапно умирали из-за

содержания фенола в сыворотки. В помощь для решения проблемы, Мруговски приказал Дингу принять участие в убийстве эвтаназию фенолом и подробно доложить о результатах. Несколько дней позднее, Ховен, в присутствии Динга, ввёл инъекции фенола нескольким заключенным концентрационного лагеря, которые в результате немедленно умерли. В соответствии с инструкциями, Динг подготовил отчёт об убийствах своему вышестоящему офицеру.

Тот факт, что Ховен участвовал в убийствах фенолом подтверждается письменными показаниями добровольно подготовленными самим Ховеном до процесса, которые были приобщены в качестве доказательства обвинением. В письменных показаниях Ховен сделал следующее заявление:

«Отсюда, многие заключенные ненавидели эти должности и прилагали все усилия, чтобы дискредитировать людей занимавших ключевые должности. Таких предателей немедленно убивали, меня позднее уведомляли для такого, чтобы сделать заключение о смерти об убитых заключенных.

В некоторых случаях я надзирал за убийством таких нежелательных заключенных путём инъекций фенола по просьбе заключенных. Эти убийства проводились в лагерном госпитале и мне ассистировали несколько заключенных. По одному случаю доктор Динг пришёл в госпиталь, чтобы наблюдать такие убийства с фенолом и сказал о том, что я неправильно их делаю, поэтому он провёл некоторые инъекции сам. Тогда трое заключенные были убиты инъекциями фенола и они умерли за минуту.

Общее число предателей убитых было приблизительно 150, из которых 60 были убиты инъекциями фенола, либо мной или под моим надзором в лагерном госпитале, и остальных убивали разными средствами, такими как избиения, заключенными».

Программа эвтанази

Подробности программы эвтанази обсуждались нами при рассмотрении обвинений против нескольких подсудимых; соответственно они не повторяются здесь.

В досудебных письменных показаниях Ховена, часть которых цитировалась при рассмотрении экспериментов с сывороткой газового отёка,

подсудимый приводит частичную картину программы эвтаназии в следующем заявлении:

«В 1941 Кох, комендант лагеря, собрал вместе всех важных эсэсовских сотрудников лагеря и проинформировал их о том, что он получил секретный приказ от Гиммлера о том, чтобы все психически и физически неполноценные заключенные были убиты, включая евреев. 300-400 еврейских заключённых различных национальностей были отправлены на станцию эвтаназии в Бернбурге для уничтожения. Мне было приказано подготовить ложные свидетельства о смерти этих евреев и я выполнил приказ. Эта акция была известна как «14 ф 13».

Когда подсудимый Ховен давал показания, он попытался опровергнуть заявления содержащиеся в своих письменных показаниях сказав о том, что письменные показания оказались результатом допросов представленных ему на английском, и о том, что он был недостаточно знаком с языком, чтобы полностью удостовериться в невиновном характере заявлений, которые сделал.

Трибунал не впечатлён данными утверждениями. Доказательства показывают, что до войны подсудимый несколько лет жил в Соединённых Штатах, в которых он по крайней мере научился на среднем уровне понимать английский язык. Когда он давал показания, трибунал долго опрашивал его для того, чтобы установить степень его знания английского языка и в частности его понимание значения слов использованных им в письменных показаниях. В результате этого опроса трибунал убедился в том, что подсудимый не был лишён никакими неподходящими мерами преимущества при получении письменных показаний и о том, что во время своего допроса обвинением Ховен знал и полностью понимал характер заявлений которые сделал.

Факты содержащиеся в письменных показаниях Ховена убедительно подтверждаются иными доказательствами в материалах дела, с единственной разницей в том, что доказательства показывают вину подсудимого даже более чем в сотне убийств чем было признано им в письменных показаниях. По сути, как говорилось, одним из свидетелей обвинения в связи с предметом, Ховен лично убивал инъекцией заключенных в госпитальных бараках. Эти люди в основном страдали от недоедания и истощения. Ховен должен был убить 1000 человек каждой национальности. Этих заключенных убили по инициативе Ховена без просьб нелегальной администрации лагеря или политических заключенных.

Очевидным из доказательств является то, что за весь период службы в Бухенвальде, Ховен пытался служить трём господам: эсэсовской администрации лагеря, уголовным преступникам и политическим заключенным лагеря. В

результате он стал уголовно причастен к убийствам совершённым во всех трёх группах включая смерти немцев граждан, некоторые из которых являлись военнопленными, а другие являлись гражданскими лицами. Кроме этого, он совершал убийства под свою собственную ответственность. Обстоятельства смягчающие наказание полностью отсутствуют при таком поведении. В той мере в которой преступления совершённые Ховеном не являются военными преступлениями, они являются преступлениями против человечности.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения подсудимому вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Доказательства показали, что Ховен стал членом СС в 1934 и оставался в данной организации до конца войны. В качестве члена СС он уголовно причастен к совершению военных преступлений и преступлений против человечности, в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Вальдемара Ховена виновным по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

Бейгельбек

Подсудимому Бейгельбеку вменяется в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения личная ответственность и соучастие в экспериментах с морской водой.

Подсудимый Бейгельбек, австрийский гражданин, являлся капитаном медицинского управления германских воздушных сил с мая 1941 до конца войны. В июне 1944, находясь в воздушно-десантном госпитале в Тарвисе, Италии, он получил приказы от своего военного и медицинского начальника, подсудимого Бекер-Фрейзинга, о проведении экспериментов с морской водой в Дахау.

Эксперименты с морской водой были подробно описаны в тех фрагментах приговора которые касались подсудимых Шрёдера и Бекер-Фрейзинга.

Подсудимый Бейгельбек свидетельствовал о том, что он явился в Берлин в конце июня 1944, где Бекер-Фрейзинг рассказал ему о характере и цели

экспериментов. До данной поездки он также явился и беседовал с подсудимым Шрёдером. Из этих бесед он узнал о том, что основной целью экспериментов было протестировать процесс разработанный Беркой для пригодности морской воды для питья и также установление того будет ли лучше для потерпевшего крушение лица обходиться полностью без воды или пить её небольшими количествами.

Материалами дела установлено, что лица использовавшиеся в экспериментах являлись 40 цыганами разных национальностей, которые ранее находились в Аушвице, и которых доставили в Дахау под предлогом того, что им поручат различную работу. Эти лица находились в концентрационных лагерях в связи с тем, что являлись «асоциальными лицами». Об использовании их в медицинских экспериментах им ничего не сказали. Когда они прибыли в Дахау некоторым из них сказали о том, что им поручат пройти эксперименты с морской водой.

Бейгельбек свидетельствовал о том, что перед началом экспериментов собрал подопытных вместе и рассказал им о цели экспериментов и спросил хотят ли они участвовать. Он не рассказывал им о длительности экспериментов или о том, что они смогут выйти из них если дойдут до физического или психического состояния при котором продолжение экспериментов покажется им невозможным. Имеются доказательства того, что никто из подопытных не чувствовал, что может отказаться от того, чтобы стать подопытным из страха неприятных последствий если они озвучат какое-либо возражение.

Подсудимый свидетельствовал о том, что согласно приказу отданному ему, было необходимо, чтобы подопытные продолжительный период испытывали жажду; и что вопрос на сколько, оставался его решением.

В ходе экспериментов подопытных закрыли в комнате. Что касается этого этапа программы, подсудимый свидетельствовал: «Их следовало бы закрыть лучше чем обычно, потому что тогда бы у них вообще не было возможности получать пресную воду со стороны»

На процессе подсудимый представил клинические таблицы, которые как он говорил были подготовлены в ходе экспериментов и которые согласно подсудимому показывали, что подопытные сильно не пострадали. В перекрёстном допросе подсудимый признал, что некоторые из таблиц были изменены им, когда он попал в Нюрнберг для того, чтобы представить более благоприятную картину экспериментов.

Мы не думаем о том, что необходимо подробно обсуждать то, что было показано в таблицах как до так и после фальсификации. Мы лишь думаем о том, что необходимо сказать, что человек, который намеревался полагаться на письменные

показания на процессе, не будет мошенническим образом изменять такие доказательства ни из честного, ни полезного мотива.

Подсудимый заявлял о том, что он всё время неохотно проводил эксперименты, в которых он обвиняется и делал так только из-за своего чувства долга как солдата вышестоящей власти. В соответствии с законом № 10 Контрольного совета, такой факт не образует защиту, но будет рассмотрен, при наличии, только в качестве обстоятельства смягчающего наказание.

На наш взгляд с подопытными жестоко обращались. Многие из них перенесли боль и страдания, хотя из доказательств мы не смогли установить, того, что какие-либо смерти случились среди подопытных.

Доказательствами установлено, что эксперименты являлись преступными по своему характеру и что немечские граждане использовались без своего согласия в качестве подопытных. В той мере в которой преступления совершённые подсудимым Бейгельбеком не являются военными преступлениями, они являются преступлениями против человечности.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Вильгельма Бейгельбека виновным по пунктам два и три обвинительного заключения.

Покорни

Подсудимому Покорни вменяется особая ответственность и соучастие в преступных экспериментах стерилизации изложенных в пунктах два и три обвинительного заключения.

Обвинение согласно с тем, что в отличии от всех остальных подсудимых, подсудимый Покорни никогда не занимал никакой ответственной должности ни в партийной ни в государственной иерархии нацистской Германии. Он не являлся ни членом нацистской партии ни СС. Ранее он был чехословацким гражданином, он стал гражданином великогерманского Рейха в соответствии с Мюнхенским соглашением³²¹ в октябре 1938. В течение войны он служил в качестве медицинского офицера в германской армии и получил звание капитана.

---

³²¹ Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

Единственное прямое доказательство вины подсудимого это письмо написанное Покорни Гиммлеру в октябре 1941, предлагающее использование вещества, диффенбахии сегвина, в качестве возможного средства медицинской стерилизации людей на оккупированных территориях. Письмо гласит:

«Рейхскомиссару по консолидации немецкого фольксдома
СС, Г. Гиммлер, Глава полиции
Берлин

Я прошу вас обратить внимание на следующие доводы. Я попросил профессора Хёна передать вам данное письмо. Я выбрал такой прямой путь, для того, чтобы избежать волокиты в каналах и возможной неосмотрительности в отношении в конечном счёте огромной важности представляемых идей.

Ведомый идеей о том, что врага следует не только покорить, но и уничтожить, я чувствую обязанность представить вам, рейхскомиссар по консолидации немецкого фольксдома, следующее:

Доктор Мадаус опубликовал результаты своих исследований о медицинской стерилизации (обе статьи прилагаются). Прочитав эти статьи, замечательная важность данного вещества в нынешней борьбе понятна мне. Если, с учётом данного исследования, будет возможно производить вещество, которое за сравнительно короткое время вызовет незаметную стерилизацию у человека, тогда мы получим в своё распоряжение новое мощное оружие. Лишь одна мысль о том, что 3 миллиона большевиков, нынешних пленников Германии, можно будет стерилизовать для того, чтобы можно было использовать их в качестве рабочих, предотвратив их размножение, открывает далекоидущие перспективы.

Мадаус обнаружил, что сок диффенбахии сегвина, принимаемый орально или вводимый как инъекция самцам и самкам, спустя некоторое время, приводит к постоянной стерильности. Иллюстрации сопровождающие научную статью являются убедительными.

Если мои идеи получать вашу поддержку, следует предпринять следующее:

1. Доктор Мадаус больше не должен публиковать такие статьи. (Враг слышит!)
2. Разведение растения. (Легко выращивается в теплицах!)

[Вписана пометка] Дахау

3. Немедленные исследования на людях (преступники!) для того, чтобы установить дозу и продолжительность применения.

4. Быстрое исследование структурной формулы эффективного химического вещества для того, чтобы

5. При возможности производить синтетически.

Как немецкий врач и главный врач резерва германского Вермахта, в отставке, я сохраняю в тайне свои предложения.

Хайль Гитлер!

[Подписано] Доктор Покорни

Специалист по кожным

и венерическим заболеваниям,

Комотау, октябрь 1941».

Подсудимый попытался объяснить свои мотивы по направлению письма утверждая, что за некоторое время до его направления он узнал о планах Гимmlера стерилизовать всех евреев и жителей восточных территорий, и надеялся найти какие-нибудь средства для предотвращения исполнения этой кошмарной программы. Он знал, из-за своего особого опыта в качестве специалиста по кожным и венерическим заболеваниям, что стерилизация людей не может быть вызвана введением диффенбахии сегвина. Однако, он думал, что если статьи написанные Мадусом довести до сведения Гимmlера, тот может обратить своё внимание на слабый метод стерилизации, который был предложен статьями и таким образом уведён в сторону, по крайней мере временно от продолжения своей программы кастрации и стерилизации известными, опробованными и протестированными методами. Следовательно письмо было написано – как пояснил подсудимый – не для цели поощрения, а для саботирования программы.

На нас не произвела впечатления защита которую использовал подсудимый и весьма сложно поверить в то, что он был мотивирован высокими целями, когда писал письмо. Скорее мы склонны рассматривать данное письмо написанное Покорни как основанное на совершенно других и личных причинах.

Однако, как бы то ни было, любой подсудимый предполагается невиновным до тех пор пока его виновность не доказана. В деле Покорни обвинение не смогло обеспечить бремя доказывания. Какой бы чудовищной не являлась основа предложений сделанных в письме, не имеется ни малейшего доказательства того, что какие-либо шаги, когда-либо предпринимались по экспериментам на людях.

Следовательно, мы установили, что подсудимый должен быть признан невиновным – не из-за представленной защиты, а вопреки ей.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Адольфа Покорни невиновным в предъявленных обвинениях и распоряжается освободить его из заключения по завершении судебного заседания.

Оберхойзер

Подсудимой Оберхойзер вменяются в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения эксперименты с сульфаниламидом, костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией и эксперименты со стерилизацией.

Эпизод в участии в экспериментах со стерилизацией был отозван обвинением и далее не рассматривается.

Подсудимая Оберхойзер вступила в Союз немецких девушек в 1935 и имела звание «блокляйтера³²²». В августе 1937 она стала членом нацистской партии. Она также являлась членом Национал-социалистической ассоциации врачей. Она добровольно стала лагерным доктором в женском отделении концентрационного лагеря Равенсбрюк в 1940 и оставалась в нём до июня 1943. Затем она получила должность ассистента врача в госпитале Хохенлихена в подчинении подсудимого Гебхардта.

Относительно её связи как с экспериментами с сульфаниламидом так и с костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией, применимы такие же факты которые представлены в делах подсудимых Фишера и Гебхардта. Фишер и Оберхойзер являлись активными агентами Гебхардта при проведении экспериментов. Они проделали большую работу. Они лично совершали жестокости в экспериментах.

Несколько фактов из доказательств относительно особой работы подсудимой Оберхойзер в этих экспериментах следует прокомментировать.

Оберхойзер была полностью осведомлена о характере и цели экспериментов. Она помогала в отборе подопытных, проводила их осмотр и иным образом готовила их к операциям. Она присутствовал в операционной во время

---

³²² Блокляйтер — лидер блока НСДАП, — партийный функционер, стоявший с 1933 г. в нижней части иерархии НСДАП и действующий непосредственно в жилом массиве. Центральная фигура низовой партийной организации.

операций и ассистировала в операционных процедурах. Она активно сотрудничала с Гебхардтом и Фишером в завершении каждой операции умышленно пренебрегая пациентами, для того, чтобы ранения которые были им нанесены вызвали у подопытных максимальную степень заражения.

Показания свидетеля Софии Мачки, техника-рентгенолога в лагере Равенсбрюк, заключаются в том, что среди подопытных смерти происходили. Большинство смертей могли быть предотвращены постоперационным уходом, надлежащим лечением или ампутацией сильно инфицированных конечностей.

В одном примере – случае Кристины Дабской – небольшие фрагменты кости были вырезаны из ноги подопытной. Свидетель Мачка свидетельствовала о том, что она прочла на снимке пациента, что на одной ноге надкостница осталась, а на другой ноге надкостница была удалена вместе с костью. Из-за того, что по её мнению целью эксперимента была проверка регенерации, свидетель спросила подсудимую Оберхойзер: «С чего вы ожидаете регенерации кости если кости удалены с надкостницей?» На, что подсудимая ответила: «Это мы и проверим».

Несогласных немемецких граждан использовали по крайней мере в некоторых экспериментах. Многие из них умерли в результате экспериментов. В той мере в какой совершённые преступления не являются военными преступлениями они являются преступлениями против человечности.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимую Герту Оберхойзер виновной по пунктам два и три обвинительного заключения.

Фишер

Подсудимому Фишеру в соответствии с пунктами два и три вменяются эксперименты с сульфаниламидом и костной, мышечной и нервной регенерацией и костной трансплантацией.

Фриц Фишер вступил в общие СС в феврале 1934 и НСДАП в 1939. В том же году он вступил в Ваффен-СС и был назначен в подразделение СС в госпитале Хохенлихена в качестве врача подчинённого подсудимому Гебхардту. В июне 1940 он был переведён в полк СС лейбштандарт «Адольф Гитлер» и вернулся в том же году в Хохенлихен в качестве ассистирующего врача к Гебхардту, где оставался до мая 1943. Затем он служил в качестве хирурга как на Восточном так и Западном фронтах и после ранения в августе 1944, вернулся в Хохенлихен в качестве

пациента. В декабре 1944 он был направлен в госпиталь Шарите в Берлине, но снова вернулся в Хохенлихен в качестве ассистента Гебхардта в апреле 1945. В Ваффен-СС он получил звание штурмбаннфюрера (майора).

Эксперименты с сульфаниламидом

Гебхардт, как показано в приговоре, является лично ответственным за работу проводимую в данной сфере своим ассистентом Фрицем Фишером. То, что он проводил большинство экспериментальной работы с сульфаниламидом им не отрицается; напротив, он это признал. Защита предствленная им является двойственной; в том, что подопытным предположительно имевшим предстоящие смертные приговоры, они заменялись на нечто менее тяжкое в случае выживания в экспериментах; и то, что подсудимый Фишер действовал в соответствии с военными приказами от своего вышестоящего офицера Гебхардта. Такая защита рассматривалась и была отклонена в иных фрагментах данного приговора.

Однако, является правдой, то, что параграф 4(б) статьи II закона № 10 Контрольного совет гласит:

«Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания.

Не требуется рассматривать и отвечать на все аргументы которые могут установить имеет или нет Фишер право на смягчение приговора из-за обстоятельств названных в качестве оснований для такого смягчения. Он действовал при наиболее полных сведениях о том, что то, что он делает является фундаментально преступным, при том, что им руководил начальник. В таких обстоятельствах его защита отклоняется, и он должен нести ответственность на общих основаниях.

Костная, мышечная и нервная регенерация и костная трансплантация

Данные эксперименты обсуждались при рассмотрении дела подсудимого Гебхардта, которому ассистировал подсудимый Фишер. Показания и доказательства составляющие материалы настоящего дела раскрывают, что Фишер не представил достаточных доводов защиты по данному обвинению. Преступная связь с данными экспериментами была признана, и признание включает собственные показания свидетеля о том, что он лично провёл по крайней мере несколько операций. Трибуналу остаётся лишь признать Фишера виновным по вышеуказанному эпизоду.

В той мере в которой преступления совершённые подсудимым Фишером не являются военными преступлениями они являются преступлениями против человечности.

Членство в преступной организации

В соответствии с пунктом четыре обвинительного заключения Фрицу Фишеру вменяется членство в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, а именно СС. Доказательства показали, что Фриц Фишер стал членом СС в 1934 и оставался в данной организации до конца войны. В качестве члена СС он являлся уголовно причастным к совершению военных преступлений и преступлений против человечности в соответствии с пунктами два и три обвинительного заключения.

Вывод

Военный трибунал I признаёт подсудимого Фрица Фишера виновным по пунктам два, три и четыре обвинительного заключения.

[Подписи] Уолтер Б. Билс
Председательствующий

Гарольд Л. Себринг
Судья

Джонсон Т. Кроуфорд
Судья

Наказание

Председательствующий: Военный трибунал I собрался этим утром для цели назначения наказаний подсудимым, в отношении которых проводилось судебное разбирательство настоящим трибуналом и которые были признаны виновными.

«Карл Брандт, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Карла Брандта к смерти через повешение.

«Зигфрид Хандлозер, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Зигфрида Хандлозера к заключению на период продолжительности вашей жизни, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом.

«Оскар Шрёдер, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Оскара Шрёдера к заключению на период продолжительности вашей жизни, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом.

«Карл Генцкен, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Карла Генцкена к заключению на период продолжительности вашей жизни, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом.

«Карл Гебхардт, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Карла Гебхардта к смерти через повешение.

«Рудольф Брандт, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Рудольфа Брандта к смерти через повешение.

«Йоахим Мруговски, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Йоахима Мруговски к смерти через повешение.

«Гельмут Поппендик, военный трибунал I признал вас виновным в членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанное преступление военный трибунал I приговаривает вас, Гельмута Поппендика к тюремному заключению на срок десять лет, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом

«Вольфрам Зиверс, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Вольфрама Зиверса к смерти через повешение.

«Герхард Розе, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Герхарда Розе к заключению на период продолжительности вашей жизни, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом.

«Виктор Брак, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Виктора Брака к смерти через повешение.

«Герман Бекер-Фрейзинг военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанное преступление военный трибунал I приговаривает вас, Германа Бекер-Фрейзинга к тюремному заключению на срок двадцать лет, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом.

«Вальдемар Ховен, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Вальдемара Ховена к смерти через повешение.

«Вильгельм Бейгельбек, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанное преступление военный трибунал I приговаривает вас, Вильгельма Бейгельбека к тюремному заключению на срок пятнадцать лет, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом.

«Герта Оберхойзер, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанное преступление военный трибунал I приговаривает вас, Герту Оберхойзер к тюремному заключению на срок двадцать лет, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом.

«Фриц Фишер, военный трибунал I признал вас виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в организации объявленной преступной приговором Международного Военного Трибунала, в соответствии с обвинительным заключением предъявленным в отношении вас. За указанные преступления военный трибунал I приговаривает вас, Фрица Фишера к заключению на период продолжительности вашей жизни, в тюрьме или тюрьмах или ином соответствующем месте, установленном компетентным органом».

XIII. Обжалование

а. Введение

Статья XV указа № 7 военного правительства Германии (США) предусматривает, что приговор трибунала о виновности или невиновности любого подсудимого является окончательным и обжалованию не подлежит. Однако, статья XVII предусматривает, что военный губернатор имеет право смягчить, снизить или иным образом изменить приговор вынесённый трибуналом, но не может увеличить его тяжесть. Жалобы от имени подсудимых направленные на пересмотр приговоров названы прошениями о снисхождении.

Все 16 подсудимых признанных виновными трибуналом по делу № I обратились за снисхождением к военному губернатору оккупационной зоны Соединённых Штатов в соответствии со статьей XVII указа № 7. Каждый из осуждённых подсудимых, за исключением подсудимого Поппендика, также обратился в Верховный суд Соединённых Штатов с жалобами на избрание меры пресечения и жалобами на подведомственность дела в судебных разбирательствах или прошением о прекращении производства по делу и освобождением подсудимых. Более того, все подсудимые, за исключением подсудимого Бекер-Фрейзинга, подали некоего рода апелляционные жалобы военному секретарю.

б. Выборка из жалоб военному губернатору, Верховному суду Соединённых Штатов и главному военному прокурору.

От имени подсудимого Карла Брандта

Нюрнберг, 4 сентября 1947

Военному секретарю
Главному военному прокурору
Военный департамент
Вашингтон, О.К.
Соединённые Штаты Америки

Профессор, доктор Карл Брандт, податель жалобы
Защитник, доктор Р. Серватиус, адвокат, Кёльн.
против

Соединённых Штатов Америки

Апелляционная жалоба

№ _____

В качестве защитника подсудимого, профессора, д.м.н. Карла Брандта, настоящим я направляю апелляционную жалобу на вердикт военного трибунала № I в Нюрнберге по делу I, от 19-20 августа, которым подсудимый приговорён к смерти. В основание своей апелляционной жалобы на обвинительное заключение на котором основан вердикт, также как и сам вердикт, я ссылаюсь на следующие документы, копии которых прилагаются:

(а) Ходатайство о пересмотре, датированное 28 августа 1947, начальнику военного правительства американской оккупационной зоны Германии.

(б) Ходатайство о мере пресечения, датированное 28 августа 1947, Верховному суду Соединённых Штатов Америки.

Из прилагаемых документов следует, что подсудимый Карл Брандт был незаконно лишён возможности заявить апелляцию военному трибуналу о медицинских экспертах.

Пересмотр в вышестоящем суде необходим для исправления ошибок допущенных трибуналом при установлении фактов дела и применимого права.

Я прошу:

(а) Отменить вердикт военного трибунала, от 20 августа 1947.

(б) Рассмотреть дело в суде апелляционной инстанции по правилам первой инстанции.

[Подпись] Доктор Р. Серватиус
Адвокат

От имени подсудимого Розе

Проф. д.м.н. Герхард Розе
ВП А/938984
Дворец правосудия
Нюрнберг, Германия

Нюрнберг, 4 сентября 1947

Защитник: Доктор Ганс Фриц
Адвокат
Баварианринг 14,

Мюнхен, Германия

В Верховный суд Соединенных Штатов Америки

Вашингтон, О.К.

Проф. д.м.н. Герхард Розе, податель жалобы

против

Соединённых Штатов Америки

Жалоба на избрание меры пресечения

и

Жалоба на подведомственность

№ _____

Я, нижеподписавшийся профессор, доктор Герхард Розе, был приговорён вердиктом американского военного трибунала I в Нюрнберге, Германия, который был провозглашён 19-20 августа 1947 по делу I, Соединённые Штаты Америки против Карла Брандта и других, за военные преступления и преступления против человечности, определенные в законе № 10 Контрольного совета от 10 дек 1945 к пожизненному заключению.

Я прошу:

(1), чтобы настоящий суд принял решение для генерал-лейтенанта Люсиуса Д. Клэя³²³, командующего вооруженными силами Соединённых Штатов Америки в Германии, распорядившись доставить подателя жалобы в ваш суд или к его члену в установленное место и время и вынести решение уважаемого суда о его задержании и судебном разбирательстве в качестве обвиняемого военного преступника и чтобы ему был возвращён статус военнопленного соответствующий положениям статьи 9 Женевской конвенции от 27 июля 1929, относящейся к обращению с военнопленными и параграфом 82 правил сухопутной войны, и

(2) чтобы судом было принято решение о прекращении судебного разбирательства и податель жалобы был освобождён от вышеуказанных обвинений и задержания,

(3) чтобы расходы суда не были компенсированы, потому что я являюсь военнопленным и всё моё имущество конфисковано Контрольным советом Германии.

---

³²³ Люсиус Клей (1897 — 1978) — американский генерал, глава администрации американской зоны оккупации послевоенной Германии.

В качестве причин вышеуказанных прошений, я представляю следующие:

Приговор вынесенный в отношении меня не только нарушает действующее международное право, но также юридические принципы, соблюдение которых всеми судами Соединённых Штатов гарантировано конституцией Соединённых Штатов Америки.

Основной принцип который был нарушен заключается в том, что никто не может быть лишён суда предусмотренного законом и что каждому подсудимому гарантируется обычный суд.

Следующие нарушения выделяются особо:

Приговор был вынесен в нарушение статьи 63 Женевской конвенции 1929. Я являюсь медицинским офицером и был генераларцтом запаса, что равнозначно бригадному генералу в медицинском корпусе американской армии. В мае 1941 я находился в госпитале Люфтваффе в Кицбюэле в Австрии и после стал военнопленным. Вскоре, меня самолётом доставили в Англию и поместили в лагерь Латимер, известный как лагерь ВП 7. Там я был зарегистрирован в качестве военнопленного в середине июня 1945 и получил номер ВП А 938984. Я был проинформирован о том, что я являюсь британским военнопленным. Я всё ещё являюсь военнопленным сегодня, потому что ни освобожден де факто как и не вручены документы об освобождении и не были заполнены документы об освобождении. В качестве военнопленного я имею право на рассмотрение моего дела военно-полевым судом, что было бы верным в отношении союзного медицинского офицера равного звания обвинённого по таким же обвинениям. Данный суд должен состоять не только из профессиональных офицеров равного звания, но также являться профессиональным судом, потому что его должны составлять медицинские офицеры. Так как американский военный трибунал I не является таким судом, он например, не может правильно судить о моей деятельности как научно-консультативного офицера в соотношении с командиром.

Статья 63 Женевской конвенции 1929 специально не проводит разграничения между преступлениями совершёнными военнопленным во время его плена и теми которые он совершил до попадания в плен. В соответствии с духом и буквой Женевской конвенции 1929 военнопленные защищаются данным положением от специального суда или любого ограничения их законных прав.

(2) Нарушена статья 64 Женевской конвенции, потому что законные средства доступные союзному медицинскому офицеру в аналогичном деле не могут использоваться в деле в котором приговор вынесен в отношении меня, потому что статья 15 указа № 7 американского военного правительства Германии

предусматривает, что вердикты военных трибуналов в Германии являются окончательными и обжалованию не подлежат.

(3) Нарушена статья 60 Женевской конвенции, потому что Швейцария не была проинформирована, в качестве гарантирующей державы по военнопленным об уголовном разбирательстве возбужденном в отношении меня.

(4) Приговор вынесенный в отношении меня нарушает общепризнанные юридические принципы. Он основан на законе № 10 Контрольного совета, датированном 20 декабря 1945 и определений *ex post facto* содержащихся в нём. Приговор назначил мне наказание за преступления против человечности, то есть, на основе деяния, которое впервые было объявлено наказуемым законом № 10 Контрольного совета.

Отход от этого общепризнанного юридического принципа новым законом не может изменить само правосудие. Действие этого специального закона должно быть оценено судом.

(5) Приговор нарушает основополагающий принцип *nulla poena sine culpa*³²⁴, потому что он наказал меня в соответствии со статьей II, 2б и д закона Контрольного совета. Эти части закона Контрольного совета позволяют наказывать за простое согласие с деянием и просто за объективную «связь» с планированием и осуществлением такого деяния. Эти положения представляют новый дополнительный закон который создан *ex post facto*.

(6) В течение судебного разбирательства, я был ограничен в своей защите недопустимым образом. Мой защитник, адвокат, доктор Фриц, дважды установленным образом просил, чтобы профессор, доктор Бланк, французский гражданин и директор института Пастера в Касабланке, Марокко, был вызван в качестве эксперта для оценки исследовательской работы профессора Хаагена. Медико-исследовательская работа профессора Хаагена касалась настолько сложных медицинских проблем, что о нему не могут, по моему мнению судить судьи, у которых нет медицинской подготовки, при отсутствии экспертных показаний соответствующего специалиста. Однако, суд не одобрил такие запросы. Это по моему мнению единственная причина того, что я был признан виновным в связи с исследовательской работой Хаагена.

(7) Далее утверждается, что был нарушен принцип устного судебного разбирательства. На заключительных этапах судебного разбирательства суд распорядился о частичной письменной процедуре. Хотя основное судебное разбирательство длилось много месяцев и было крайне много материала

---

³²⁴ «Нет наказания без закона» (лат.)

требующего обсуждения, как с фактической так и юридической точки зрения, моему защитнику была разрешена заключительная речь только на один час. Что касается остальных аргументов, его уведомили о том, чтобы он представил заключительный обзор. Таким образом было отказано в защите публичности и была устранена гарантия того, что суд действительно изучил эти письменные заявления.

Мне было невозможно получить информацию об этих письменных заявлениях от моих со-подсудимых ко времени действия.

Содержание заключительного обзора который представил мой защитник и содержание его опровержения заключительному обзору представленному обвинителем против меня, очевидно не рассматривались в выводах суда, при том, что суд описал заключительный обзор, который требовался как наиболее важную часть моей защиты. Английские переводы заключительного обзора и опровержение заключительного обзора обвинения поступили настолько поздно, что кажется невозможным, чтобы суд мог отметить содержание перед написание приговора.

Несколько заключительных обзоров которые были представлены защитниками моих со-подсудимых даже не были доступны ко времени, когда оглашался вердикт.

Я полагаю, что не смог воспользоваться опровержением моего защитника на заключительный обзор обвинения до написания вердикта, потому что вердикт, постольку поскольку он относится к моему делу, содержит несколько очевидно ложных заявлений о фактах и более того даже не анализирует эти заявления.

(8) Вердикт не имеет, в соответствии с положениями указа военного правительства № 7, достаточного обоснования. Например, невозможно установить исследовал ли суд возможность давления к которому приведёт наказание.

В силу некомпетентности американского военного трибунала № 1, я отмечаю тот факт, что мне ранее было невозможно возражать из-за статьи II е указа № 7.

Я оставляю за собой право представить дальнейшие заявления и доказательства.

[Подпись] Доктор Герхард Розе

От имени подсудимого Шрёдера

В Верховный суд
Соединённых Штатов Америки
Вашингтон

через генерального секретаря
военного трибунала I США
Оскар Шрёдер, податель жалобы
против
Соединённых Штатов Америки

Оскар Шрёдер, бывший генералоберштабсарцт (генерал войск медицинской службы) Люфтваффе (германских воздушных сил) находящийся в судебной тюрьме Нюрнберга, Германия.

Защитник подсудимого: Доктор Ганс Маркс находящийся в военном трибунале I Нюрнберг, Роонштрассе 15.

Жалоба на избрание меры пресечения
Жалоба на подведомственность

.....

Здесь также, суд признал, что я виновен лишь потому, что данный факт противоречит моей обязанности по надзору за моими подчинёнными.

Наконец приговор признал меня виновным в отношении ответственности за эксперименты с газом. Здесь приговор говорит:

«Некий оберарцт Виммер, штатный врач Люфтваффе работал с Хиртом в экспериментах с газом весь период.

Мы обсуждали обязанность которая возлагается на командира для предприятия соответствующих мер по контролю за своими подчинёнными, при рассмотрении дела Хандлозера. Мы не повторяем то, что сказали там. При следовании Шрёдером мероприятиям, которые законы войны возлагают на лицо находящееся на командной должности для предотвращения действий своих подчинённых по нарушениям законов войны, возможно было предотвратить смерти ненемецких граждан включая также эксперименты с газом.

.....

Следующий довод против меры пресечения заключается в том, факте, что при том, что я признан ответственным за эксперименты с ипритом, меня никогда не обвиняли по данному пункту.

Вердикт военного трибунала I приводит на странице 11 имена подсудимых, которых обвиняли в особой ответственности за эксперименты с газом иприт (горчичным). Моего имени нет в данном списке.

На странице 187 вердикта, суд описал важность такого перечисления подсудимых в отношении к различным отдельным пунктам обвинительного заключения. Он говорит:

«При подготовке пунктов два и три обвинительного заключения обвинение избрало такую форму просьбы которая обвиняет всех подсудимых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, в целом, и в то же время именуя в каждом абзаце относящимся к медицинским экспериментам только тех подсудимых в отдельности, которых вменялась особая ответственность по конкретному пункту».

Суд продолжил:

«На наш взгляд, это образует, список эпизодов и по сути, заявление для подсудимых о том, что им следует учитывать в своей защите, таким образом, что только такие лица были вызваны для защиты самих себя по отдельным эпизодам».

Так как суду постоянно предоставляли доказательства в ходе судебного разбирательства, то я следуя такому взгляду не защищал себя, так как мне не требовалось защищать себя и не мог защитить себя от обвинения в том, что я участвовал в экспериментах с ипритом.

Хотя суд установил на странице 187 вердикта:

«Мы думаем, что было совершенно несправедливо для подсудимого признавать его виновным за правонарушение по которому обвинительное заключение утвердительно указывало его невиновность».

При этом признании меня виновным в ответственности за эксперимент с ипритом, с учётом собственных заявлений суда содержащихся в вердикте, мой приговор образует, постольку поскольку касается данного вопроса, величайшую несправедливость.

Мне кажется, что приговор военного трибунала I нарушил данный принцип постольку поскольку каждому подсудимому следует ясно говорить о том, в каком обвинении его обвиняют для того, чтобы у него была возможность защищать себя от таких обвинений.

Данный принцип был нарушен в выводах суда против меня. По моему мнению, таким образом это нарушает принцип правового руководства изложенный в выборе меры пресечения. Следовательно это является очевидно несправедливым, в соответствии с формулировкой самого вердикта.

.....

От имени подсудимого Генцкена

Доктор Р. Меркель

Защитник подсудимого доктора Карла Генцкена

Нюрнберг, 2 сентября 1947

Американскому военному губернатору Германии

генералу Люсиусу Д. Клэю

через

генерального секретаря

военного трибунала I

Нюрнберг

Тема: Утверждение приговора военного трибунала I, Нюрнберг от 19 августа 1947

Карл Генцкен, подсудимый по делу I, представляемый адвокатом, доктором Р. Меркелем, Нюрнберг, вердиктом военного трибунала I от 19 августа 1947 был признан виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и членстве в СС – пунктах два, три и четыре обвинительного заключения – и был приговорён к пожизненному заключению.

Я прошу, чтобы приговор не был утверждён, так как подсудимый, невиновен в наказуемом участии в экспериментах с тифом в Бухенвальде, в которых его обвинили.

Вердикт военного трибунала I, Нюрнберг, от 19-20 августа 1947 решил о том, что Генцкен на своей официальной должности являлся ответственным, сотрудничал и поощрял эксперименты с тифом, которые проводились на немцах, вопреки их воле и в ходе которых, и в результате которых, произошли смерти.

На основе вердикта установлено, что сам подсудимый не участвовал в экспериментах с тифом; он никогда не входил в концентрационный лагерь Бухенвальд во время войны и никогда не видел экспериментальной станции тифа в блоке 46.

Вердикт основывается на предположении –

(1) о том, что Генцкен до 1 сентября 1943 – в качестве начальника Мруговски, начальника института гигиены и Динга в качестве ассистента в данном институте – командовал и таким образом официально надзирал за экспериментами на экспериментальной станции тифа в блоке 46 концентрационного лагеря Бухенвальд.

(2) то, что Генцкен до 1 сентября 1943 был знаком с родом и сферой деятельности Мруговски и Динга, который предположительно подчинялся ему в сфере исследований тифа и

(3) в том, что несмотря на это не стал удостоверяться в том, что исследовательская работа проводилась в рамках законно допустимых границ.

Эти заявления вердикта не являются правильными, так как никоим образом они не учитывают подлинные факты, которые вытекают на основе обширных доказательств представленных обвинением и защитой.

I

Генцкен не имел командования и никакого официального надзора за экспериментами с тифом в блоке 46

Исследование новой тифозной вакцины для Ваффен-СС являлось чисто научным исследованием в медицинской сфере. В отличие от начальников медицинских служб трёх родов войск Вермахта (армии, воздушных сил, флота) научные исследования и планирование не относились к задачам начальника медицинской службы Ваффен-СС. Официальным ведомством ответственным за научные исследования и планирование для всех организаций СС и полиции был скорее главный врач СС и полиции доктор Гравиц (страницы 4-6 заключительного обзора защиты).

Экземпляр обвинения № 39 подтверждает, что Гравиц в 1942 безуспешно запрашивал фонды для запланированного создания нескольких исследовательских институтов. Однако, в виду неминуемой опасности тифа, Гравиц, по приказу Гимmlера, принял командование для создания экспериментальной станции тифа в связи с выделением фондов для блока 46 концентрационного лагеря Бухенвальд и в декабре 1941 он назначил доктора Динга из института гигиены Ваффен-СС главы блока 46. В отношении этого Мруговски заявлял: «Гимmlер не приказывал мне быть ответственным за эти эксперименты, но по предложению Гравица возложил эти обязанности на доктора Динга». В письменных показаниях С. Дюмонта, мы читаем: «Мруговски рассказывал мне, что Гравиц передаст приказ Гимmlера напрямую

Дингу. (Документ Мруговски 38, экземпляр 13, стр. 50 документальной книги Мруговски I). Наконец Блюменройтер заявил в своих письменных показаниях от 3 февраля 1947 (документ Мруговски № 26, экземпляр 6, стр. 170 документальной книги Мруговски I) следующее: «В 1942 Гравиц принёс приказ Гимmlера по созданию в концентрационном лагере Бухенвальд экспериментальной станции по исследованиям тифа и назначил доктора Динга ответственным за эту экспериментальную станцию». Таким образом Динг покинул институт гигиены, когда началась его исследовательская работа, и с этого времени он больше не подчинялся Генцкену, но в качестве начальника исследовательского отделения блок 46 был напрямую, непосредственно и исключительно подчинён Гравицу. Как старейший эксперт по гигиене, Гравиц консультировал своего гигиениста Мруговски в ходе своих исследований тифа. Последний называл себя «ведущий гигиенист главного врача СС и полиции» в своём отчёте от 5 мая 1942, который упоминался в вердикте (Мруговски, экземпляр 20, стр. 86, док. Книга Мруг. I). В результате нехватки гигиенистов, Мруговски в качестве главы единственного института гигиены дома, был доступен также главному врачу для медицинских обязанностей касавшихся всех подразделений СС и для их научно-исследовательских задач. В качестве главы института гигиены и в качестве главы отдела XVI занимавшегося вопросами группы гигиены Ваффен-СС, Мруговски подчинялся Генцкену, однако не в качестве консультанта по гигиене главного врача. В связи с этими проблемами, которые относились к исследованиям тифозной вакцины, Мруговски подчинялся только главному врачу СС Гравицу, а не Генцкену. Если, как предполагает вердикт, отношение в передаче приказов в действительности было следующим: Гимmlер-Гравиц-Генцкен-Мруговски-Динг, тогда бы Генцкен должен был получать приказы от Гравица и вызывался бы на совещания с Гравицем. Этого не установлено обвинением.

Посредством допроса свидетелей обвинением и защитой было установлено, что было два отдельных учреждения в Бухенвальде: институт исследований тифа с декабря 1941 в блоке 46 и станция производства тифозных вакцин с осени 1943 в блоке 50 (смотрите страницу 35, заключительный обзор защиты и экземпляр Генцкен № 5). Производственная станция в блоке 50 и Динг в качестве её главы, подчинялись бы Генцкену если бы такое производство вакцины началось до 1 сентября 1943. Однако, такого не было; она находилась на подготовительном этапе (смотрите страницу 46 заключительного обзора защиты). Если на странице 96 (немецкого текста) вердикта далее заявляется, что официальный канал был организован следующим образом: Гимmlер-Гравиц-

Генцкен-Мруговски-Динг, тогда данное заявление также очевидно противоречит фактам установленным в ясной и убедительной манере при допросе свидетелей.

Из-за этого, что касается командных каналов экспериментальной станции тифа, следующие положения подтверждают, что этим командным каналом являлся Гиммлер-Гравиц-Динг для блока 46:

(1) Доктор Морген заявил в своих письменных показаниях Мруговски экз. 107 (Док. Мруг. 114, док. Книга Мруг. Дополнительная II, стр. 54), о том, что Гравиц отдавал письменные и прямые приказы Дингу о проведении исследований тифа без участия Генцкена. Динг показывал Моргену письменный приказ от Гравица.

(2) Заголовок который использовал Динг до 1943, в качестве главы экспериментальной станции исследований тифа и вирусов, гласил следующее: «Рейхсфюрер СС – экспериментальная станция тифа, Бухенвальд» (смотрите док. Генцкен № 2, Генцкен экз. 8).

(3) Свидетель обвинения Когон подтвердил тот факт, что все отчёты шли через Мруговски напрямую Гравицу, а не Генцкену.

(4) И Генцкен и Мруговски свидетельствовали под присягой о том, что Гиммлер и Гравиц отдали приказ по созданию экспериментальной станции Дингу напрямую.

(5) В экземпляре 283 обвинения, Динг заявил о «том, что Гравиц, по согласованию с ведущим врачом концентрационного лагеря доктором Лоллингом назначил доктора Ховена в качестве заместителя Динга в Бухенвальде». Следовательно, назначение, не шло от Генцкена.

Канал приказов, Гиммлер-Гравиц-Генцкен-Мруговски-Динг, как заявляет приговор, основан исключительно на письменных показаниях доктора Ховена датированным 24 октября 1946, экз. обвинения № 281. Когда его допрашивали, Ховен заявил под присягой о том, что этот канал командования был верным только для станции производства в блоке 50, но не для исследовательского института в блоке 46 (смотрите стр. 9913 английского протокола). Когда допрашивали Мруговски, он также заявил под присягой о том «что это командование относилось исключительно к производству вакцин в блоке 50. Эта цепочка командования не относилась к блоку 46, и постольку поскольку её затрагивала, этот канал передачи приказов был неправильным» (смотрите стр. 46 заключительного обзора защиты).

Из всех доказательств, убедительно следует, что заявление Ховена нельзя использовать как поддерживающее доказательство для осуждения Генцкена. Таким образом, он не являлся звеном в этом канале передачи приказов и никогда не

имел никакого отношения к передаче приказов о проведении экспериментов с тифом в блоке 46 до 1 сентября 1943.

Поэтому, если, вердикт говорит о том, что Генцкен являлся ответственным за проведение экспериментов с тифом, тогда вердикт не учитывает подтверждённый факт, что не Генцкен, а Гравиц являлся тем, кто отдал приказ о проведении исследовательских экспериментов в концентрационном лагере Бухенвальд на заключенных концентрационного лагеря. Только тот кто отдал приказ о проведении акции и кто являлся их частью иным образом может быть ответственным за деяние. Ничего такого рода не подтверждается против Генцкена. Если, как установлено документом Мруг. экз. № 107, Гравиц отдал приказ о проведении экспериментов с тифом Дингу, тогда невозможно, чтобы Генцкен также мог отдать приказ, ни по какой другой причине кроме как, той, потому что он никогда не имел компетенции в научных исследованиях и проектах. Более того, на основе своих показаний, было установлено, что он никогда не получал приказ в этом отношении от Гравица и о том, что Гравиц целенаправленно исключил его из какой-либо сферы влияния на исследовательские проекты в блоке 46.

В экземпляре Генцкен № 3, Мруговски подтвердил, «что Гравиц в разговорах с ним, часто подчёркивал, что он – Гравиц – был единственным ответственным за исследования и планирование поручений в рамках СС, и о том, что Генцкен не имел к ним никакого отношения»

Следовательно неверным является предположение вердикта, о том, что Динг проводил исследования тифа «для» института гигиены (страница 97, немецкий текст вердикта). Как уже упоминалось выше и как без сомнения подтвердилось во время процесса, Динг не проводил эти эксперименты с тифом для института гигиены Ваффен-СС, а исключительно для своего начальника и командира Гравица.

Следовательно Генцкен, не являлся ответственным за проведение экспериментов с тифом, так как ни командовал ни приказывал эти эксперименты.

Если более того трибунал попытался выстроить инкриминирующие доказательства против Генцкена заявив о том, что Генцкен получал фонды для расходов Динга. (смотрите страницу 97 и 99 немецкого текста), это также является ошибкой. Генцкен прямо заявил под присягой, что он никогда не предоставлял никаких денег на эксперименты Динга, но лишь, о том, что на личные нужды Динга фонды переводились Ваффен-СС через медицинский отдел. В документе Генцкен № 17, экземпляр Генцкен № 15, Рудольф Тондорф сказал о том «что он никогда не оплачивал и не приказывал оплачивать для поддержания и не предоставлял никаких других фондов для научных экспериментов или учреждений, которые служили таким целям, потому что такая научно исследовательская работа не касалась

медицинского управления Ваффен-СС, а исключительно ведомства главного врача СС и полиции, доктор Гравица».

В экземпляре Генцкен № 8, Барневальд заявил под присягой «что вся административная работа по блоку 46 являлась заботой администрации лагеря Бухенвальд через официальные каналы в корпус пациентов концентрационного лагеря. Администрация медицинского управления Ваффен-СС официально не имела никакого отношения к вопросам касавшимся блока 46».

На странице 6 дневника Динга – экземпляр обвинения № 287 – говорится о том, что Поль, начальник главного административно-хозяйственного управления, отдал приказ по расширению каменного блока. На странице 9 этого же документа упоминается совещание между Дингом и двумя представителями главного административно-хозяйственного управления (Барневальд и Шлезингер), которые занимались разведением экспериментальных животных для экспериментального отделения.

Следовательно не Генцкен, а власти компетентные за снабжение концентрационных лагерей, а именно главное административно-хозяйственное управление осуществляли финансирование экспериментов с тифом через администрацию лагеря концентрационного лагеря Бухенвальд.

II

Генцкен не имел никаких сведений о характере и степени экспериментов проводимых в сфере исследований тифа в блоке 46

Заявление вердикта (страница 105) «о том, что Генцкен знал о том, что заключенных подвергали жестоким медицинским экспериментам, в ходе которых происходили смерти» никоим образом не подтверждается.

Сам вердикт (страница 98) говорит о том, что Генцкен говорил о том, что «он был осведомлён о том факте, что заключенных концентрационных лагерей подвергали экспериментам, и о том, как он заявил, что его не уведомляли о методах экспериментов». В перекрёстном допросе, Генцкен подчёркивал, что количество подопытных лиц из экспериментальных серий, количество смертей, культуры для инфекций, и переносы стали известны ему на процессе, и что названия «блок 46» и «блок 50» были полностью неизвестны ему до процесса. Как без сомнения подтвердили явные доказательства, Генцкен не информировался о подробностях экспериментов ни Гравицем, ни Дингом, ни Мруговски. Гравиц, который не доверял Генцкену, сознательно никогда не информировал Генцкена ни о едином случае своих секретных экспериментов на людях в которых, согласно

документальным доказательствам он участвовал. Гравиц даже заставил Мруговски не информировать Генцкена (Документ Генцкен, экземпляр № 3): «Это не дело Генцкена».

Также защитой очень явно доведено, что Динг никогда не предоставлял никакой ни устной, ни письменной информации о подробностях экспериментов. Обвинение не смогло представить никаких доказательств о такой информации.

Вердикт говорит о «тёплой личной дружбе, между Генцкеном и Дингом» (страница 97). Их отношения никогда не являлись более чем официальной перепиской. Они не использовали личное «Du³²⁵» в обращении друг к другу. Динг никогда не был гостем в доме Генцкена. Однажды Динг был представлен госпоже Генцкен. Две женщины вообще ничего не знали друг о друге.

Научные доклады Динга касавшиеся его исследований шли напрямую Гравицу через Мруговски. На вопрос в том, что разве неправдой было то, что доклады касавшиеся экспериментов с тифом в блоке 46 шли в ведомство главного врача СС и полиции Гравица, свидетель обвинения Когон ответил: «Это правильно» (смотрите стр. 1290 английской расшифровки). Мруговски сказал в этой связи:

«Отчёты никогда не представлялись Генцкену через меня в новом конверте напрямую Гравицу» (смотрите стр. 5366 английской расшифровки). Наконец свидетель Дюмонт в пункте 7 своих письменных показаний (документ Мруговски, экземпляр 13, страница 51, документальная книга Мруг. I) заявил: «Отчёты, которые Динг готовил о своих экспериментах направлялись Гравицу через институт гигиены».

Вердикт далее пытается обосновать тот факт, что Генцкен знал об экспериментах с тифом заявляя о том, что однажды отчёт Мруговски от 5 мая 1942 пришёл к нему и что помимо этого, он лично информировался обо всём Мруговски. Оба вывода также являются ошибочными и прямо противоречат доказательствам.

Единственный документ обвинения, упоминавшийся в вердикте, который согласно рассылке вообще упоминает имя Генцкена, это доклад Мруговски от 5 мая 1942, (страница 99 и следующие). Выводы которые трибунал попытался сделать из этого отчёта предубедительные против Генцкена, не применимы не только по причине того, что данный доклад никогда не готовился для доктора Генцкена. Мруговски говорил в этом отношении: «Этот отчёт не был представлен самому Генцкену, но даже позднее находился в материалах отдела XVI». (смотрите ответ защиты в заключительном обзоре обвинения, стр. 5). Генцкена нельзя делать ответственным за что-то, чего он, как подтвердилось, не знал. Если он никогда не

---

³²⁵ «Ты» (нем.)

видел этого отчёта Мруговски и если он никогда не знал о его существовании, это не может служить в качестве инкриминирующего доказательства против него.

Неверным является то, что до 1 сентября 1943 Мруговски регулярно предоставлял, в среднем раз в неделю, устные или письменные доклады об экспериментах с тифом Генцкену. Мруговски сказал лишь о том, что раз в неделю докладывал Генцкену о гигиене в войсках на совещании в отделе медицинского управления. Мруговски делал это в качестве ведущего гигиениста медицинского управления. Мруговски никогда не докладывал Генцкену об экспериментах с тифом по случаю этих еженедельных отчётов и совещаний в отделе, хотя бы только из-за того факта, что эти эксперименты не попадали в сферу медицинского управления Ваффен-СС и из-за приказа Гравица, они должны были храниться в строгой тайне. Письменные доклады вообще никогда не готовились. Установлен факт, того, что в медицинском управлении не имелось ни малейшей информации, ни каких-либо обсуждений об экспериментах с тифом или о каких-либо иных экспериментах на людях в концентрационных лагерях, как показано со стороны Мруговски, никаких ни устных, ни письменных отчётов не представлялось в медицинское управление Ваффен-СС. Четыре участника таких совещаний отделов медицинского управления подтверждают данный факт (смотрите стр. 52 заключительного обзора защиты)

Единственный отчёт весной 1943 был подробно описан Мруговски. Его пояснения были слово в слово включены в вердикт. Трибунал таким образом посчитал их правдивыми и точными. Мруговски и Генцкен, оба заявили под присягой о том, что Генцкен не видел, что даты заражений и инцидентов со смертью отмечались в таблицах, которые предоставлялись ему. Мруговски заявил буквально следующее: «У меня не было повода обращать его внимание на эти вещи прямо, потому что в действительности я не докладывал ему об экспериментальных сериях Динга, но лишь хотел представить ему фактическую информацию о защитном эффекте неких вакцин, о чём, он как глава медицинского управления должен был знать».

На страницах 25-26 вердикт говорит: «В англо-саксонском праве любой подсудимый по уголовному делу предполагается невиновным в предъявленных обвинениях до тех пор пока обвинение, компетентными, достоверными доказательствами, не покажет его вину, исключаящую любые обоснованные сомнения. Данная презумпция сопровождает подсудимого на каждом этапе его судебного разбирательства пока доказательства в такой степени не будут представлены. «Обоснованное сомнение» как название подразумевает возможность обосновать причину – сомнения, которыми пользуется разумный человек

Эти заявления должны быть полностью и совершенно согласованными. Но, при применении этого к делу подсудимого Генцкена и в особенности его предполагаемым сведениям об экспериментах, ни при каких обстоятельствах нельзя сказать о том, что доказательства представленные обвинением достаточны, чтобы предоставить судье устойчивое убеждение дающее ему моральную уверенность в правдивости обвинения. Так как Генцкен не видел отчёта Мруговски и один отчёт представленный Мруговски, согласно заявлению последнего, не озвучено ни твёрдого ни убедительного доказательства сведений Генцкена.

Вердикт признал Генцкена ответственным (стр. 103) «при этом он не сделал ничего для того, чтобы убедиться в том, что такие исследования проводятся в рамках допустимых правовых границ».

III

Генцкен не имел никаких официальных полномочий и никакого шанса вмешаться отдав приказы и также не имел причин удостоверяться

В качестве свидетеля, сам Генцкен заявил о том, что он просто знал о том, что новая тифозная вакцина должна производиться в институте Бухенвальда. Генцкен вообще не имел никаких сведений в данной специализированной сфере гигиены, также как не имел вообще никакой бактериологической подготовки, и никогда не проводил научно-исследовательскую работу. У него вообще не имелось причины предполагать, что в связи с этими исследованиями, преступным образом должны были использовать заключенных. У него просто было мнение о том, что заключенных доставляли для целей проверки эффективности вакцины, в форме экспериментальных серий, которые были общепризнанными в медицинских исследованиях. Лишь в ходе процесса, он впервые узнал об умышленных заражениях и о том, что было много смертей во время экспериментальных серий. Он не мог знать чего-либо об этих фактах, в особенности, потому что предоставление заключенных находилось, как вопрос концентрационного лагеря, полностью вне сфере его обязанностей. Когда, на странице 103 (немецкого текста) вердикт утверждает, что Генцкен не предпринял шагов по убеждению себя в состоянии подопытных или обстоятельствах при которых их забирали в экспериментальный блок, это утверждение вердикта также является неверным, потому что заключенные не предоставлялись медицинским управлением Ваффен-СС, а ведомством ответственным за администрацию концентрационного лагеря в сотрудничестве с управлением криминальной полиции Рейха. До процесса, он даже не знал о том, что немцы призывались в качестве подопытных. Этот и тот факт, что все

эксперименты держались в строгой тайне делали невозможным для Генцкена проводить расследования или предпринимать шаги для удостоверения себя в состоянии подопытных. Если, наконец, на странице 98 вердикта, была сделана ссылка на дневник Динга для того, чтобы поддержать приговор, прежде всего следует сказать о том, что есть сильные сомнения о доказательственной ценности данного документа (смотрите стр. 27 и следующие заключительного обзора защиты). Вердикт утверждает что Когон сохранил оригинал дневника. Это не согласуется с фактами; в любом случае это было бы невозможно в период с декабря 1941 по июнь 1943, потому что Когон стал секретарём Динга до последней даты (смотрите стр. 1259 английской расшифровки). На странице 99 вердикта, трибунал сам делает следующее заявление в связи с записью от 9 января 1943 ссылка на которую сделана для инкриминирования Генцкена: «Учитывая демонстративное желание Динга по своему личному возвеличиванию, эта запись не заслуживает доверия в том виде как написана». Таким образом, в данной связи заявления на странице 25 и 26 вердикта относительно убеждения трибунала применимы в особенности. Даже если трибунал, и совершенно верно, испытал значительные сомнения о верности и важности записи, то недопустимо использовать её для того, чтобы осуждать подсудимого. Кроме того, Генцкен прямо заявил о том, что также подтвердил Когон (смотрите стр. 1228 английской расш.) о том, что он никогда не выражал своего одобрения в отношении отделения исследований тифа, но о том, что вся запись должна быть интерпретирована как его согласие об изменении названия лаборатории по производству вакцины. Это запланированное изменение названия не имело места до 1 сентября 1943, таким образом во время, когда Генцкен больше не являлся ответственным. (смотрите стр. 32 и следующие заключительного обзора защиты).

Вердикт говорит в конце, в мнении о приговоре Генцкена о том, что он был ответственным за эксперименты с тифом и о том, что он содействовал им и поощрял их.

Перед лицом всего этого, результат дела можно подытожить как следующий:

Генцкен не имел ни ответственности, ни полномочий отдавать приказы и никаких официальных надзорных полномочий в отношении экспериментальной станции тифа в блоке 46 концентрационного лагеря Бухенвальд. Всё это находилось в руках Гравица. Последний отдавал прямые приказы об экспериментах которые должны были проводиться Дингом, который являлся его непосредственным подчинённым. Отчёты Динга шли напрямую через Мруговски Гравицу и никогда к Генцкену. Последний вообще не имел сведений о преступных методах

экспериментов, Генцкен не имел никакой ответственности, ни официальной надзорной власти и никакой возможности вмешиваться своим приказом; при своём неведении о фактах, у него не было повода удостоверить себя о состоянии в котором проводились эксперименты. Следовательно приговор в связи с пунктами два и три вердикта не должен быть утверждён в этих пунктах, так как Генцкен не виновен в военных преступлениях или в преступлениях против человечности как ясно подтверждается доказательствами.

В отношении членства в СС, только этот факт не является достаточным для его осуждения американским военным трибуналом. Кроме того, следует подтвердить, что его сведения о преступных экспериментах должны были быть подтверждены как в деле Поппендика. Однако, в соответствии с вышеуказанными заявлениями этого не было.

Только компетентная германская комиссия по денацификации может осудить подсудимого за его членство в СС. Следовательно я предлагаю, чтобы дело было передано в компетентную комиссию по денацификации в его родном городе Приц/Гольштейн.

[Подпись] Доктор Р. Меркель
Адвокат

От имени подсудимого Рудольфа Брандта

Доктор Курт Кауфман
Защитник подсудимого Рудольфа Брандта

Нюрнберг, 2 сентября 1947

Военному губернатору американской оккупационной зоны в Германии.
через генерального секретаря военного трибунала № I, Нюрберг

В качестве защитника Рудольфа Брандта, который приговорён к смерти, настоящим я подаю жалобу на утверждение приговора американского военного трибунала № I, от 19-20 августа 1947.

Вероятно величайшей задачей человека и защитника является ходатайство за другого лица и прошение для него снисхождения.

Снисхождение обращается к пониманию величия к человеческой слабости. Снисхождение противоположно чистой критике и злобному гневу.

По этой причине я остаюсь спокоен перед лицом провозглашённого приговора; я не заявляю никакой жалобы, потому что, в том или ином положении, решение трибунала вероятно не полностью совпадает с моим мнением о ходе событий, о положении подсудимого в то время, и его характере.

Данное прошение о снисхождении хочет ещё раз войти в глубины мысли, которые в основном уже являлись предметом моей заключительной речи.

Можно вполне поверить в то, что с начала процесса, после изучения мной дела Рудольфа Брандта, я признал, что данная задача является вряд ли вознаграждаема успехом; несмотря на это, мне показалось важным, чтобы мои усилия предпринимали защиту, так как я верил – тогда как и сейчас – о том, что Рудольф Брандт заслуживает любого наказания, кроме смертной казни.

Немало заявлений сделанных в моей заключительной речи служат этой идеи. Однако, я должен признать что даже я, защитник, пришёл к такому убеждению только в силу характеристики личности подсудимого содержащейся в моей документальной книге, также как в силу моего собственного суждения о нём, которое видит в Брандте выучное животное, которое день и ночь тащило своё бремя не осознав содержания этого бремени; так и бремя которое носилось, вместе с весом, который сделал этот трибунал ужасным, является лишь небольшим фрагментом гигантского бремени из-за которого носитель бремени более не был виден.

Это сравнение можно без затруднения сделать из доказательств представленных защитой.

Я возьму смелость – потому что это кажется характерным в этом отношении – сослаться на некоторые улики, которые уже были представлены трибуналу, а именно:

(1) письменные показания медицинского Феликса Кёрстена из Стокгольма (документальная книга Рудольфа Брандта, страница 8).

(2) два письменных показания Шелленберга и доктора Штукарта (документальная книга Рудольфа Брандта, стр. 16-17 и стр. 23-24).

(3) Я ещё раз сошлюсь на заключительную речь Рудольфа Брандта (английская расшифровка, страницы 11330-35).

(4) Я приложил два письма всемирного еврейского конгресса в Париже и Стокгольме, адресованные вышеуказанному Феликсу Керстену, которые были отклонены трибуналом как не относящиеся к делу, которые однако, проливают отчётливый свет на личность Феликса Керстена, который со своей стороны, горячо защищал Рудольфа Брандта.

Тот факт, что Рудольф Брандт не принимал собственных решений, а находился под командованием Гимmlера, можно считать смягчающим обстоятельством в соответствии со статьей II 4 б закона № 10 Контрольного совета.

Я взываю к благородству величия для применения возможности смягчения приговора.

Приговор о пожизненном заключении будет тяжким искуплением.

Защитник вновь и вновь ощущает сожаление о том, что эти процессы были слишком затянуты и из-за своей длительности имея отрицательный эффект на широкие массы немецкого народа. Если бы целью данных процессов было наказание главных военных преступников, эти процедуры были бы сокращены. Народ больше не интересуется процесс против Геринга и остальных на его начальных этапах; одна из причин это, конечно, общее положение; из-за голода в народе, высокой смертности, проблемы военнопленных, которые не вернулись к своим семьям, условиям на Востоке отодвигающим всё в сторону. Более того, длительный ход процессов, даже ослабил оживлённый интерес. Но также кажется ошибочным провозглашать смертные приговоры после такой долгой длительности судебного разбирательства. В случае процесса Международного Военного Трибунала, люди всё ещё могли связывать длительность судебных разбирательств с провозглашёнными приговорами, потому что каждое разбирательство являлось отдельным событием. Однако, последующие процессы, среди них, таким образом процесс докторов, слишком затянуты согласно германскому юридическому мнению. Если такая затянутая процедура завершается смертным приговором, вряд ли смертная казнь является оправданной. Германские судебные процедуры не знают таких затянутых судебных разбирательств, окончательным результатом которых является смертная казнь. Особые частности англо-американских судебных процедур являются причиной того, что такие процессы длятся месяцы и месяцы. Также следует помнить о том, что подсудимые в каждом таком деле находились в заключении почти или более чем два года, до того как начался процесс. Процедуры завершающиеся смертными приговорами должны идти быстрее. Это противоречит реакции на смертный приговор провозглашённый против подсудимых с которыми не только защитник работал совместно многие месяцы, но также который многие месяцы ежедневно появлялся в суде и уважался судом, так как они вправе считаться невиновными до окончательного признания своей вины.

Не следует забывать о том, что сами подсудимые, после пребывания в заключении такое долгое время и пройдя такие затянувшиеся процедуры, уже искупили больше за свои преступления чем если бы быстрая процедура началась после краха Германии.

Если я могу привести пример снисхождения я прошу прочесть некоторые части моей заключительной речи; тогда, я не здесь не повторяюсь. (Заявления на странице 14 т.1; дальнешие страницы 18-20, 27, 43 С).

[Подпись] Доктор Кауфман

От имени подсудимого Поппендика

Нюрнберг, 1 сентября 1947

Георг Бём, адвокат
Защитник
Военный трибунал I
Нюрнберг, 115 Церцабельхофштрассе

Военный командующий
окупационной зоны США
Германия

Прошение
адвоката Георга Бёма, защитника в
военном трибунале I, Нюрнберг

от имени подсудимого

Гельмута Поппендика, находящегося в судебной тюрьме в Нюрнберге, о замене приговора вынесенного военным трибуналом I, Нюрнберг

Подсудимый Гельмут Поппендик был оправдан по обвинениям в совершении военных преступлений и преступлений против человечности (пункты два и три) приговором военного трибунала I в Нюрнберге по делу I, Соединённые Штаты Америки против Карла Брандта и других, 19 августа 1947 и признан виновным только, как член СС, за членство в организации объявленной преступной Международным Военным Трибуналом (пункт четыре). 20 августа 1947, подсудимый Гельмут Поппендик был приговорён к 10 годам заключения только из-за членства в СС.

I. Приговор выходит за рамки максимального наказания

В соответствии с рекомендациями Международного Военного Трибунала, включёнными в приговор по медицинскому делу, максимальное наказание предусмотрено для наказания членов организаций объявленных преступных. Рекомендации МВТ в подробностях предусматривают, что «ни в коем случае наказание, предусмотренное Законом № 10 в отношении любого члена группы или организации, признанной Трибуналом преступной, не превосходило по своим размерам наказания, установленного законом о денацификации³²⁶». Закон о денацификации, от 5 марта 1946, применяемый для оккупационной зоны США в Германии, на который ссылаются в качестве стандарта, предусматривает максимальное наказание в 10 лет в трудовом лагере. Однако в соответствии с действующим уголовным регулированием, 10 летнее заключение является более тяжким наказанием чем направление в трудовой лагерь на тот же срок. Следовательно 10-ти летнее заключение, является наказанием превышающим рекомендацию МВТ. Приговор против Поппендика не приводит никакой особой причины для превышения максимального наказания.

II. Более мягкая оценка группы лиц в рамках СС, которые только знали о преступлениях, однако, не будучи вовлечены в них

Приговор Международного Военного Трибунала объявил наказуемым в смысле устава «группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений³²⁷», В соответствии с обоснованной интерпретацией данного положения, если бы наказывалось просто членство, следует различать между теми лицами которые участвовали в совершении таких преступлений в рядах СС. В соответствии с твёрдым духом справедливости, установление максимального наказания за членство в СС не может быть верным для обеих групп. Напротив, группа имевшая только сведения должна наказываться более мягко чем группа участвовавшая в преступлениях. Следовательно наказание выходящее за предусмотренный максимум, должно применяться к первым лицам среди членов СС призванных к ответу. Трибунал прямо заявил о том, что подсудимый Гельмут Поппендик, не участвовал в преступлениях СС и таким образом, дал понять, что даже из-за своего

³²⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 639.

³²⁷ Там же. С. 654.

звания или официального положения он мог предотвратить преступления. Трибунал лишь попытался внести осведомлённость со стороны Поппедика об определенных экспериментах приводимых в обвинительном заключении. По этой причине максимальное наказание не должно применяться в деле подсудимого Поппедика.

III. Осведомлённость подсудимого Поппедика

Трибунал вменил в вину подсудимому Поппендику, который являлся оберфюрером Ваффен-СС и оберштурмбаннфюрером в общих СС: (1) сведения об экспериментах с обморожением; (2) эксперименты с сульфаниламидом; (3) эксперименты со стерилизацией; (4) эксперименты с зажигательными бомбами; (5) эксперименты с флегмоной, однако без преступного участия в них.

(1) Сведения об экспериментах с обморожением вменяются подсудимому Поппендику из-за того, что он впоследствии был приглашён для участия в совещании между Гравицем и доктором Рашером в январе 1943. Так как Рашер тогда являлся офицером Люфтваффе и все его сотрудники не являлись членами СС, эта серия экспериментов (по крайней мере в январе 1943) не может быть интерпретирована как серия экспериментов в рамках СС и соответственно как преступления СС. Не имеется никакого подтверждения сведений о таких экспериментах после января 1943.

(2) подсудимый Поппендик хорошо знал об экспериментах с сульфаниламидом профессора Гебхардта также как профессор Росток, который был оправдан этим же самым трибуналом т.е о том, что заключенных приговорённых к смерти использовали для этих экспериментов.

(3) Сведения об экспериментах со стерилизацией вменялись подсудимому Поппендику путём простого предположения, при том, что трибунал отмечал в нескольких фрагментах приговора, что простого предположения о виновности, в наше деле об осведомлённости, недостаточно. Поппендик лишь работал в расово-переселенческом управлении в качестве доктора занимавшегося вопросами наследственности членов СС и их семей; в качестве медицинского уполномоченного он должен был следить за этой деятельностью и докторами социального обеспечения. Эти вопросы являлись чисто внутренним делом СС. Если расово-переселенческое управление между тем занималось, помимо прочих мероприятий, расовой политикой через свой полевые отделы, доктора никоим образом не вовлекались в это, и не имеется ни малейшего указания на то, что Поппендик знал или должен был знать о таких мероприятиях. Даже сам приговор раскрывает, в какой степени в тайне держались реальные эксперименты со стерилизацией.

(4) на странице 112 (немецкой), трибунал отметил, что на совещаниях об экспериментах со стерилизацией (Поппендик никогда не участвовал в таких совещаниях) каждого участника обязывали соблюдать абсолютную секретность. Ни заявления подсудимого Поппендика ни представленные доказательства не раскрыли того, что Поппендик имел какие-либо сведения об экспериментах стерилизации, не говоря о мероприятиях по уничтожению.

(5) В случае экспериментов с флегмоной не было доказано, что Поппендик имел о них сведения. Здесь, также утверждение о том, что он имел такие сведения основано на простом предположении.

Однако, нигде не подтверждается, что подсудимый Гельмут Поппендик знал об экспериментах таким образом какой был необходим, для того, чтобы он осознал, что немцев использовали для таких экспериментов. В своём вердикте трибунал полностью следовал принципу того, что следует подтвердить то, что преступления были совершены к немцам (смотрите стр. 50, 51, 70, 91, 103, 131, 160 немецкого текста). В отличие от этого трибунал оставил открытым вопросы о том насколько вправе государство проводить эксперименты на своих собственных гражданах; он заявил рассматривая вопрос вины: «...каким бы ни было право государство касающееся своих граждан» (смотрите стр. 114, 195, немецкой). Следовательно трибунал, по сути полностью ограничил себя вопросом о том в какой степени преступления были совершены на немцах. Никаких убедительных доказательств не представлено против подсудимого Гельмута Поппендика ни в одном случае для подтверждения его осведомлённости об экспериментах проводимых на немцах. В действительности, ничего более подходящего для объяснения с такой точки зрения мы не увидим о сведениях подсудимого Поппендика, чем его слова в конце процесса: «Что касается медицинских экспериментов на заключенных – эксперименты на людях не были удивительными для меня, и не были новинкой. Я знал о том, что эксперименты проводились в клиниках. Я знал о том, что современные достижения медицинской науки не будут достигнуты без жертв. Однако, я не помню, чтобы экспериментирование являлось абсолютным требованием, которое кажется сейчас фактом, согласно дискуссиям на процессе. Более того, я знал, что некоторые научные проблемы могут быть решены экспериментами в сериях с условиями остающимися постоянными и поэтому солдаты и в частности солдаты в лагерях использовались для экспериментов во всех странах. В таких обстоятельствах мне не показалось удивительным, что во время войны, учёные также проводили экспериментальные серии в концентрационных лагерях. Я не имел ни малейшей причины полагать, что эти учёные в лагерях выходят за рамки, того, что было привычным в мире науки. То, что я знал о

медицинских экспериментах в СС, было, по моему мнению мало связано с преступными делами поскольку об экспериментах я знал из своего клинического опыта до 1933».

IV. Последствия для будущей юриспруденции вытекающие из наказания предусмотренного приговором Поппендика

Приговор вынесенный Гельмуту Поппендику за его членство в СС вместе с тем является первым приговором в американской зоне против члена СС такого рода. Поэтому, его следует рассматривать как прецедент для всех военных трибуналов и возможно, позднее для германских судов, чьей задачей будет наказание членов преступных организаций. Подытоживая последствия, приговор создаёт прецедент о том, что –

1. Каждый фюрер СС в звании выше чем у Поппендика, который знал о преступлениях совершённых СС к немцам и немцам может, в принципе быть приговорён к максимальному наказанию.

2. Каждый член СС участвовавший в преступлениях СС может быть приговорён к такому максимальному наказанию снова только из-за своего членства в СС. Какое наказание может к примеру быть применено к обергруппенфюреру СС который видел газовые камеры действовавшие в Аушвице, однако, без иного участия в уничтожении евреев; таким образом человека имевшего, так сказать, высшую степень осведомлённости вытекающую из членства в СС? Очевидно, что такой приговор как тот, что вынесен Поппендику лишает будущие трибуналу всякой свободы усмотрения, трансформируя максимальное наказание в среднее наказание, и таким образом превращая рекомендации МВТ в абсурд.

V. Препятствие дальнейшим возможностям апелляции

Подсудимый Поппендик, чьё место жительства находится в британской зоне, соответственно в обычных обстоятельствах должен был быть судим трибуналом созданным в соответствии с британским приказом № 69. Потому как он был приговорён Нюрнбергским военным трибуналом как член организации объявленной преступной, он утратил два дальнейших права обжалования по указу № 69 и инструкций по его применению в британской зоне. Следовательно для него данная жалоба остаётся единственным законным способом заявить о своём деле.

VI. Личные условия

Я заявляю следующее ходатайство о снижении наказания с даже более сильным акцентом, потому что подсудимый уже был значительно наказан за своё членство в СС. Его семья лишилась всего имущества и последнего пфеннига. Его жена должна поддерживать четырёх маленьких детей в возрасте от 3 до 7 лет ручной работой в наиболее примитивных условиях, не имея шанса во время срока заключения своего мужа на получение малейшей финансовой помощи для себя и своих детей.

Подсудимый использовал свои значительные способности как врач, для помощи многим людям, как немцам так и иностранцам, в течении долгих лет своей медицинской практики, даже не упомянув это во время процесса, потому что долгом врача является помощь страждущим. Подсудимый, который не участвовал в преступлениях рассмотренных данным трибуналом, достаточно пострадал от своей дискриминации в качестве члена СС.

В виду всех обстоятельств и с просьбой внимательно изучить дело, в заключение я прошу:

Ходатайство

1. Снизить приговор о тюремном заключении на десять лет вынесенный в отношении подсудимого Гельмута Поппендика до допустимого срока заключения, вероятно заменив его коротким сроком содержания в трудовом лагере, и в то же время

2. Зачесть 2 $\frac{1}{4}$ года пребывания подсудимого под стражей в заново определённый срок заключения.

[Подпись] Г. Бём
Адвокат

XIV. Утверждение приговоров военным губернатором оккупационной зоны Соединённых Штатов

Военное правительство Германии (США)
Военный губернатор
АПО 742

Берлин, Германия
22 ноября 1947

AG 013.3 (LD)

Предмет: Прошения о пересмотре и отмене меры пресечения по делу Соединённые Штаты Америки против Карла Брандта и других, дело I, военный трибунал I, Нюрнберг, Германия (медицинское дело)

Генеральному секретарю
военных трибуналов
АПО 696-А, армия США

1. Настоящим прилагаю оригиналы приказов по отказу в прошениях о снисхождении представленных следующими лицами осуждёнными по делу номер I военным трибуналом I:

Карл Брандт	Зигфрид Хандлозер
Оскар Шрёдер	Карл Генцкен
Карл Гебхардт	Рудольф Брандт
Йоахим Мруговски	Гельмут Поппендик
Вольфрам Зиверс	Герхард Розе
Виктор Брак	Герман Бекер-Фрейзинг
Вальдемар Ховен	Вильгельм Бейгельбек
Герта Оберхойзер	Фриц Фишер

2. Пожалуйста, уведомите просителей через соответствующих адвокатов о решении принятом военным губернатором по их прошениям.

За военного губернатора:

[Подписано] Г.Х. Гарде

Г.Х.Гарде
Подполковник, ГВП
генерал-адъютант

Прил: a/s
Телефон Берлин 42361

Штаб-квартира, Европейское командование
Главного командующий
АПО 742

Берлин, Германия

По делу
Соединённые Штаты Америки
против
Карла Брандта и других

Военный трибунал I
Дело № 1

Приказ в отношении приговора Карла Брандта

По делу Соединённые Штаты Америки против Карла Брандта и других, рассмотренному военным трибуналом Соединённых Штатов I, дело № 1, Нюрнберг, Германия, подсудимый Карл Брандт, 20 августа 1947 был приговорён трибуналом к смерти через повешение. Прошение об изменении приговора, подано от имени подсудимого доктором Р. Серватиусом, защитником, со ссылкой на положение указа военного правительства № 7. Изучив прошение и материалы дела в соответствии со статьей XVII указа, настоящим приказываю:

1. Приговор военного трибунала I по Карлу Брандту, утверждается в полном объёме.
2. Учитывая прошения поданные подсудимым в органы иные чем военное правительство Германии (США), о приведении в исполнение смертного приговора мной будет приказно в дальнейшем.
3. Подсудимому, до дальнейших распоряжений надлежит пребывать под стражей в тюрьме военных преступников № 1, Ландсберг, Бавария, Германия.

[Подписано] Люсиус Д. Клэй
Люсиус Д. Клэй
Генерал, армия США
Главного командующий европейского командования

и военный губернатор

Штаб-квартира, Европейское командование
Главнокомандующий
АПО 742

По делу
Соединённые Штаты Америки
против
Карла Брандта и других

Военный трибунал I
Дело № 1

Приказ в отношении приговора Зигфриду Хандлозеру

По делу Соединённые Штаты Америки против Карла Брандта и других, рассмотренному военным трибуналом Соединённых Штатов I, дело № 1, Нюрнберг, Германия, подсудимый Зигфрид Хандлозер, 20 августа 1947 был приговорён трибуналом к пожизненному заключению. Прошение об изменении приговора, подано от имени подсудимого доктором Отто Нельте, защитником, со ссылкой на положение указа военного правительства № 7. Изучив прошение и материалы дела в соответствии со статьей XVII указа, настоящим приказываю:

1. Приговор военного трибунала I по Зигфриду Хандлозеру, утверждается в полном объёме.
2. Подсудимому, надлежит пребывать под стражей в тюрьме военных преступников № 1, Ландсберг, Бавария, Германия.

[Подписано] Люсиус Д. Клэй
Люсиус Д. Клэй
Генерал, армия США
Главнокомандующий европейского командования
и военный губернатор

XV. Определение Верховного суда Соединённых Штатов об отказе в отмене меры пресечения

Понедельник, 16 февраля 1948

№ 286, разное, Карл Брандт, податель жалобы, против Соединённых Штатов Америки;

№ 287, разное, Виктор Брак, податель жалобы, против Соединённых Штатов Америки;

№ 299, разное, Вильгельм Бейгельбек, податель жалобы, против Соединённых Штатов Америки. Отказано в ходатайствах о принятии к рассмотрению жалоб на меру пресечения и жалоб на подсудность. Господин судья Блэк, господин судья Мёрфи и господин судья Ратледж выразили мнение о том, что жалобы должны были быть заслушаны настоящим судом. Господин судья Джексон не принимал участия в рассмотрении или решении по данным ходатайствам.

Смертные приговоры вынесенные в отношении Карла Брандта, Рудольфа Брандта, Йоахима Мруговски, Виктора Брака, Вольфрама Зиверса и Вальдемара Ховена были приведены в исполнение 2 июня 1948 года.

Сравнительная таблица офицерских, военных и специальных званий Германского Рейха

Сухопутные войска	Флот	Медицинская служба	СС	СА
Лейтенант	Лейтенант цур зее	Ассистентарцт	Унтерштурмфюрер	Штурмфюрер
Оберлейтенант	Оберлейтенант цур зее	Оберарцт	Оберштурмфюрер	Оберштурмфюрер
Гауптман	Капитан-лейтенант	Штабсарцт	Гауптштурмфюрер	Гауптштурмфюрер
Майор	Корветтен-капитан	Оберштабсарцт	Штурмбаннфюрер	Штурмбаннфюрер
Оберстлейтенант	Фригаттен-капитан	Оберфельдарцт	Оберштурмбаннфюрер	Оберштурмбаннфюрер
Оберст	Капитан цур зее	Оберстарцт	Штандартенфюрер	Штандартенфюрер
			Оберфюрер	Оберфюрер
Генерал-майор	Контр-адмирал	Генераларцт	Бригадефюрер	Бригадефюрер
Генерал-лейтенант	Вице-адмирал	Генералштабсарт	Группенфюрер	Группенфюрер
Генерал рода войск	Адмирал	Генералоберштабсарцт	Обергруппенфюрер	Обергруппенфюрер
Генерал-оберст	Генерал-адмирал		Оберстгруппенфюрер	
Генерал-фельдмаршал	Гросс-адмирал		Рейхсфюрер	Глава штаба

Мирошниченко, Сергей Александрович

Юрист, переводчик и составитель полнотекстовых сборников стенограммы Нюрнбергского процесса.

Профиль автора на портале «Возмездие»:
<https://vozmezdie.su/@iss/a/860/71295/>

